

ОСНОВЫ ЭТНОЛОГИИ

Учебное пособие
для студентов университетов

Под редакцией
проф. *В.В. Пименова*

Издательство МГУ
Москва 2007

УДК 39;572.9
ББК 63.5
О73

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Рецензенты:

кафедра мировой культуры Московского государственного лингвистического
университета (зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент *О.А. Нестерова*),
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *М.Н. Губогло*,
доктор исторических наук, профессор *Ю.И. Семенов*

Авторский коллектив:

Вед. науч. сотр. *Э.Г. Александренков* — гл. 18 (разд. 1—5); акад. РАН *Т.И. Алексеева* — гл. 6; чл.-корр. РАН *С.А. Арутюнов* — гл. 16 (разд. о японцах), гл. 25 (разд. о народах Чукотки и Камчатки), гл. 26 (разд. 1—4), гл. 29 (разд. 1—4), прилож. II (совм. с *Н.Л. Мехедовым*); проф. *Р.Ш. Джарылгасинова* — гл. 16 (разд. о корейцах); проф. *Л.Б. Заседателева* — гл. 20, 21, 27 (разд. об украинцах); доц. *Ю.И. Зверева* — гл. 26 (разд. 5—7), список литературы; доц. *О.Е. Казьмина* — гл. 19, 28; проф. *В.В. Карлов* — гл. 24, 25 (разд. о народах Приамурья и Приморья); вед. науч. сотр. *П.М. Кожин* — гл. 16 (разд. о китайцах и монголах); проф. *К.И. Козлова* — гл. 23, 29 (разд. 5—7); доц. *Е.И. Ларина* — гл. 27 (разд. о крымских татарах и молдаванах); проф. *Э.С. Львова* — гл. 11, 12; проф. *Г.Е. Марков* — гл. 4 (разд. об этнологии в германоязычных государствах), гл. 7, 13, 14, 15; ст. науч. сотр. *Н.Л. Мехедов* — прилож. I, II (совм. с *С.А. Арутюновым*); проф. *А.А. Никишенков* — гл. 4 (разд. об этнологии в странах английского и французского языка), гл. 9, 10; проф. *В.В. Пименов* — предисловие, гл. 1, 2, 3, 8, 18 (разд. 6), гл. 22, заключение; проф. *С.П. Поляков* — гл. 30; доц. *Т.Д. Соловей* — гл. 5, 17; доц. *О.В. Солопова* — гл. 27 (разд. о белорусах)

Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. —
О73 М.: Изд-во МГУ, 2007. — 696 с.
ISBN 978-5-211-05321-2

В учебнике рассматриваются предметная область этнологической науки, методы соби-
рания, переработки и интерпретации этнологических данных, используемые источники ин-
формации, проблемы теории и истории этнологической науки. Большая часть глав учебника
содержит научное описание (по континентам и регионам) современной этнической картины
мира и истории ее формирования. Особое место уделено вопросам соотношения расового и
этнического состава населения планеты, а также антропо- и расогенезу. Рассмотрены раз-
нообразные классификации народов (по типам хозяйственной деятельности, характерным
чертам материальной и духовной культуры, языкам и их семьям и пр.).

Для студентов исторических и других факультетов российских университетов, русско-
язычных студентов университетов стран ближнего зарубежья, аспирантов, преподавателей
вузов и всех, кто интересуется этнологией (этнографией) народов мира.

УДК 39; 572.9
ББК 63.5

ISBN 978-5-211-05321-2

© Издательство Московского университета, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этнология — от древнегреч. *ethnos* (народ) и *logos* (учение)¹ — наименование области знания, специализирующейся на исследовании и описании *народов* (этносов), живущих на нашей планете. В англоязычных странах предпочитают термины *социальная* или *культурная антропология*² — области их интересов во многом совпадают с тем, что в нашем словоупотреблении называют этнологией. Конечно, этнология (этнография) не просто описывает народы, а имеет более сложные цели и научные претензии.

Научная дисциплина этнология вот уже около полутора столетий представляет собой также один из учебных предметов, преподаваемых в университетах Европы и Америки, а позднее — и других стран. В России этнология преподается с середины 1880-х гг. в Московском университете, с 1890-х гг. — в Петербургском. В Москве основателем соответствующей кафедры (она в ту пору называлась кафедрой географии и этнографии и относилась к естественному отделению физико-математического факультета) стал проф. Д.Н. Анучин — известный географ, этнограф, археолог и один из основоположников отечественной физической антропологии. Были и другие опыты введения этнологии (этнографии) в систему дисциплин, преподаваемых в Московском университете. В составе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова кафедра этнографии воссоздана в 1939 г. по инициативе проф. С.П. Толстова. В разных высших учебных заведениях России этнологию изучают студенты исторических, географических, социологических и других факультетов.

Настоящий учебник подготовлен в основном сотрудниками кафедры этнологии (как она называется с 1992 г.) исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; отдельные главы написаны специалистами других учреждений, в той или иной мере участвующими в работе кафедры.

Попытки создать учебное пособие для ознакомления студентов-первокурсников с *элементарными началами этнологии* делались и раньше. Еще в начале XX в. русскими этнографами, братом и сестрой Н.Н. и В.Н. Харузиными, читавшими курсы лекций по этнографии в Московском университете, на Высших женских курсах и в Московском археологическом институте, были изданы учебные пособия для студентов (*Харузин Н.Н.* Этнография. СПб., 1901—1905.

¹ В отечественной научной традиции нередко используются также термины *этнография* — от древнегреч. *ethnos* (народ) и *grapho* (пишу) и *народоведение*.

² Не смешивать с *физической антропологией* — биологической наукой, тесно связанной с этнологией при решении ряда существенных проблем (подробнее об этом см. в гл. 6).

Вып. I—IV; *Харузина В.Н.* Этнография. М., 1914. Вып. I—III). Позднее вышел еще ряд учебных изданий по этнографии (этнологии): в 1929 г. — «Курс этнологии» П.Ф. Преображенского, в 1965 г. — учебное пособие «История первобытного общества и основы этнографии» Ю.В. Кнышенко (издано в Ростове-на-Дону), в 1968 г. — учебное пособие «Основы этнографии» под редакцией проф. С.А. Токарева, а в 1982 г. — учебник «Этнография» под редакцией акад. Ю.В. Бромлея и проф. Г.Е. Маркова. В 1994 г. издан учебник «Этнология» под редакцией профессоров Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. Кроме перечисленных, опубликованы учебные издания, в которых обсуждаются частные или специальные проблемы этнологии, в том числе «Основы этнодемографии» О.Е. Казминой и П.И. Пучкова (М., 1994), «Этнология. Народы России: История и современное положение» Т.М. Мастюгиной и Л.С. Перепелкина (М., 1997), «Этнопсихология» Т.Г. Стефаненко (М., 1999), «Этнология» А.П. Садохина (М., 2000; в последней работе сделана неудачная попытка изложить лишь теоретические вопросы науки, не касаясь реального эмпирического этнического материала) и др.

Между тем за последние два десятилетия XX в. на политической и этнической картах мира, а также в развитии этнокультурных и иных процессов произошли существенные изменения. Опубликованы новые этнологические труды, значительно расширяющие и углубляющие научные представления о народах мира, в этнологии возникли новые теоретические направления. Более интенсивно проявили себя такие реалии современной жизни, как рост городов и городского населения в мире (*урбанизация*), усиление влияния этносов (народов) и национального фактора в культуре и политике, возрастание влияния отдельных личностей в качестве этнических символов и деятелей национальных движений и культур, умножение случаев межэтнической напряженности и конфликтов — как вообще на планете, так и на территории бывшего Советского Союза. Кроме того, появились публикации, содержание которых вызывает решительное возражение серьезных ученых, о чем также надо информировать студентов, начинающих свое историческое и этнологическое образование.

Все это вызвало необходимость подготовки и издания нового учебника. Его новизна обуславливается не только рассмотрением в нем названных вопросов, но также иными (по сравнению с прежней традицией) составом и композицией глав, а кроме того, заметно обновленным составом авторов (по сравнению с университетским учебником 1994 г.).

Настоящий учебник по этнологии народов мира, как и предыдущие, рассчитан главным образом на студентов младших курсов исторических факультетов. Его следует рассматривать не как полное изложение науки этнологии, ее принципов, изучаемых ею фактических данных и закономерностей, а лишь в качестве элементарного введения в науку. Более глубокие и подробные знания

по этнологии можно получить, избрав специализацию по соответствующей кафедре, а также путем чтения специальной литературы (см. список рекомендуемой литературы в конце книги).

Новый учебник включает главы, в которых излагается ряд вопросов методолого-теоретического характера. Основная же (по объему) часть его посвящена описанию народов мира, их географическому размещению, физико-антропологической (*расовой*), языковой (*лингвистической*) и хозяйственно-культурной характеристикам, отчасти проблемам *этногенеза* (происхождения и формирования народов) и их *этнической истории*, особенностям их традиционных и современных *культур*. Должное внимание уделено и современным этнокультурным, этнорелигиозным и т.п. процессам. Такого рода сведения позволяют существенно дополнить общеисторическую подготовку студентов-историков, не предполагающих специализироваться в области этнологии (этнографии), а также послужить своеобразным введением для тех, кто намерен посвятить себя более глубокому изучению именно этой науки.

Разумеется, рассказать обо всех теориях и гипотезах в одной книге нет ни возможности, ни необходимости, и квалифицированный специалист-этнолог не найдет в учебнике детальных сведений об отдельных народах или оттенках теоретической мысли в области этнологии. То же самое относится и к эмпирическому материалу. На Земле обитает множество народов, племен и иных этнических общностей (согласно подсчетам, осуществленным с применением разных методик, — приблизительно от 2,5 тыс. до 7,5 тыс.), подробные описания которых содержатся в специальных трудах. Поэтому авторы учебника ограничились здесь лишь самыми необходимыми фактами, которые, впрочем, дают достаточно полное представление о процессах этногенеза (происхождения) и об этнической истории народов мира, об их этнокультурном развитии и современном облике. Главная задача настоящей книги — показать важнейшие черты научной этнокультурной картины современного мира.

Авторы стремились расположить главы учебника, руководствуясь по преимуществу регионально-географическим принципом. Однако в ряде случаев от него пришлось отступить. При делении на главы и при их композиции авторы были вынуждены считаться с государственно-политической ситуацией на территории бывшего Советского Союза. Так, все народы Кавказа относятся, конечно, к одной общей историко-культурной области, но авторы сочли политически целесообразным описать этносы Северного Кавказа вместе с другими народами России (Российской Федерации), а народам Закавказья посвятить отдельную главу и поместить ее среди глав, описывающих государства и этносы «ближнего зарубежья». По тем же соображениям очерки о белорусах и украинцах вошли в отдельную главу (вместе с молдаванами), хотя с научной точки зрения их было бы правильнее описать в одной общей главе о восточнославянских народах (вместе с русскими).

В написании учебника приняли участие: Э.Г. Александренков, Т.И. Алексеева, С.А. Арутюнов, Р.Ш. Джарылгасинова, Л.Б. Заседателева, Ю.И. Зверева, О.Е. Казьмина, В.В. Карлов, П.М. Кожин, К.И. Козлова, Е.И. Ларина, Э.С. Львова, Г.Е. Марков, Н.Л. Мехедов, А.А. Никишенков, В.В. Пименов, С.П. Поляков, Т.Д. Соловей, О.В. Солопова.

Набор на компьютере, организационно-редакторская работа проведены Н.Л. Мехедовым. Иллюстрации подобраны Ю.И. Зверевой, Н.Л. Мехедовым и В.В. Пименовым. Составление приложений — Н.Л. Мехедов.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ

Глава 1

ПРЕДМЕТ ЭТНОЛОГИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

1. Предметная область этнологии

Современное население Земли превышает 6 млрд человек. Это огромное количество людей распределено между более чем двумястами государствами, подавляющее большинство которых состоит в Организации Объединенных Наций — самом крупном и авторитетном международном сообществе и коллективном органе на нашей планете. Среди этих государств имеются страны-гиганты, занимающие огромные территории и обладающие многомиллионным населением (Республика Индия, Китайская Народная Республика, Республика Бразилия и др.), но есть государства и очень маленькие (Джибути — в Африке, на побережье Красного моря, Андорра — на границе Испании и Франции, Тринидад и Тобаго — в Вест-Индии, близ берегов Венесуэлы). Наряду с высокоразвитыми промышленными странами (Соединенные Штаты Америки, Япония, Великобритания) есть и отсталые, такие, например, как Гватемала (в Центральной Америке), Бутан (в Восточных Гималаях) или Мьянма (прежнее название Бирма — в Индокитае).

Однако существует и другой способ группировки стран, образующих *ойкумену* (заселенное пространство Земли), а именно — по *национальному* (или *этническому*) составу их населения. Есть страны, население которых практически однонационально, то есть состоит, можно считать, из лиц одной национальности (например, в Исландии постоянные жители — исландцы, в Албании — албанцы, а в Йемене — йеменские арабы). Однако действительно однонациональных, или *моноэтнических*, стран в современную эпоху очень мало. *Этническая композиция*, или *этнический состав* населения подавляющего большинства стран более или менее сложны. Например, даже в такой, казалось бы, однонациональной стране, как Франция, кроме собственно французов, расселены бретонцы, эльзасцы, корсиканцы и иные исконно европейские народы, а также многочисленные выходцы из Алжира и других африканских стран — бывших колоний Франции. Страны, отличающиеся большой сложностью этнического состава населения, существовали во все исторические эпохи. Таковы, например, в древности — империя Александра Македонского или Римская империя

периода расцвета; в наши дни — Республика Индия, Российская Федерация, Республика Индонезия.

Из сказанного видно, что *нации*¹, *национальности*, *народности* и иные подобные формы объединения людей представляют собой одну из существенных сторон социальной жизни и уже по одному этому вызывают к себе пристальный научный интерес. В середине XIX в. этот интерес вылился в формирование специальной науки — этнологии.

Однако всему этому предшествовала длительная история.

Более 4 млн лет тому назад в биосфере планеты Земля начался качественно новый процесс, получивший по мере своего усиления и развития чрезвычайно большое и важное значение: стали формироваться самые ранние проявления социальной формы движения материи — получил первые импульсы процесс *антропогенеза* (подробнее об этом см. в главе 6). В ходе сложной и противоречивой истории происходило не только физическое и социальное совершенствование человека и человечества как вида, но также формирование измененной — очеловеченной — среды его обитания, того, что много позднее получило название *ойкумены* (заселенной земли). По мере нарастания темпов экономико-социальных и культурно-бытовых изменений, человечество заселило Старый Свет, а в позднем палеолите — около 40 тыс. лет тому назад — начало постепенное освоение и Западного полушария. Деятельность людей, их труд и разум создавали на каждом новом, последующем этапе исторического пути новые условия общественного бытия на планете.

Совершенствование техники и энерговооруженности труда (от простого использования огня до производства электроэнергии на АЭС), создание всепланетных систем коммуникаций (от проселочных дорог, волокуш и лодок-долбленок до железнодорожного, водного, авиационного и трубопроводного транспорта), формирование глобального информационного поля (от устной передачи фольклора до современной прессы, кино, телевидения и других способов и типов создания, записи, хранения и передачи информации — вплоть до системы Интернет), складывание системы объективных знаний (от самых ранних отражений природы и социальной жизни в сознании первобытных охотников и собирателей до сложнейших современных научных теорий и концепций) — все эти и другие факторы способствовали приобретению ойкумены свойств и характера нового планетарного качества — *ноосферы* (эту проблему рассматривали Эдуар Ле-Руа, Пьер Тейяр де Шарден, Владимир Иванович Вернадский). Данный термин обозначает сферу человеческого научного и технического разума, уже существенно выходящую за пределы биосферы и обладающую таким воздействием на мировые процессы, какое сопоставимо с влиянием геологических процессов.

С точки зрения социальной науки и своего главного содержания ноосферные процессы закономерно рассматривать как *социосферные*, потому что сущностный смысл происходящего в ойкумене в целом и в каждом ее регионе

¹ Слово *нация* употребляется в двух смыслах — этническом, обозначающем наиболее развитый тип *этнической общности* людей (что иногда подчеркивается употреблением этого слова в форме *этнонация*); другой смысл — государственно-политический (сообщество подданных одного государства; ср. Организация Объединенных Наций).

раскрывается как социальное развитие. Вместе с тем это развитие, будучи единым и планетарным в качестве всеобщего процесса, имеет неравномерный и, так сказать, пульсирующий характер в качестве региональных и социально-групповых проявлений. Из этого следует, что социосфера не представляет собой чего-то вроде равномерного слоя, покрывающего заселенную землю, а существует и функционирует в виде региональных и конкретно-индивидуальных форм самореализации социальной жизни. В современной науке они получили название *этносов*.

Этносы возникали вместе с развитием людей и их социальных групп, будучи одной из форм человеческой групповой интеграции. Некоторые ученые предполагают, что уже в раннем палеолите существовали групповые формы бытия формирующихся людей — питекантропов, синантропов, гейдельбержцев, неандертальцев (об этом подробнее см. в главе 6), которые гипотетически допустимо считать *предэтносоми*. Применительно же к позднему палеолиту — периоду появления человека современного вида (*Homo sapiens*) — и к позднему времени специалисты считают возможным уверенно говорить об этносах эпохи первобытно-общинного строя — *племенах* и их объединениях, которые называют также *соплеменностями*.

В каждую последующую крупную эпоху исторической жизни общества формировались соответствовавшие этим эпохам виды, типы и разновидности этносов — народности древневосточного и античного типа, средневековые народности эпохи феодализма, нации капиталистической эпохи. Есть исторические основания полагать, что этносы посткапиталистической эпохи будут иметь существенные отличительные характеристики. Понятно, что в различных исторических и региональных условиях формирование и функционирование этносов имели свои, нередко существенные, черты своеобразия. Из сказанного легко также вывести, что такая эпохально изменяющаяся регионально-индивидуальная дифференциация социосферы создает все необходимое и достаточное для ее понимания и истолкования в качестве планетарной *этносферы*.

Объектами изучения этнологии выступают, таким образом, этносы или *этнические общности* людей. Следует, однако, принять во внимание, что в отечественной и мировой науке не сложилось общепризнанного понимания природы, характера и строения этноса. В обществе издавна возникали и имели устойчивое бытование религиозно-идеалистические способы объяснения многообразия этнического состава населения Земли. Один из них — библейский рассказ о попытке возведения Вавилонской башни, завершение которой бог Яхве предотвратил, разделив строителей по языковому (и, следовательно, этническому) принципу; в результате этого разделения будто бы и возникли различные языки и народы. Похожие сюжеты зафиксированы учеными в фольклоре многих народов. Под стать древней легенде также некоторые философско-рационалистические построения. В их числе концепция «народного духа» (по-немецки *Volksggeist*), будто бы являющегося руководящим элементом в системе нации (этноса). Эта концепция, имевшая широкое хождение в социальной науке XIX в., восходит к философской системе Г.В.Ф. Гегеля, в которой «абсолютная идея» или «абсолютный дух» имеют свое «инобытие» в развитии так называемых «исторических народов».

В XX в. широко распространились различные представления о нациях (народностях, национальностях, т.е. этносах) как об общностях, в основании которых лежит «этническое самосознание». Происхождение же последнего оставалось невыясненным, что позволяет трактовать этнос в чисто психологической или даже субъективно-идеалистической манере, что вряд ли способствует его комплексному научному исследованию.

Наконец, в последние десятилетия XX в. сделаны также попытки трактовать этносы полностью в субъективистском стиле: с одной стороны, этнос представляют лишь как *мыслительный конструкт*, о котором неизвестно, имеет ли он что-либо общее с реальностью, а с другой стороны, сама этническая реальность (если все же допускается ее существование) мыслится — в условиях интенсивного воздействия средств массовой информации и иных технических способов социального управления и манипулирования общественным сознанием — столь податливой и эластичной, что будто бы допускает, по сути дела, любые или почти любые приемы и формы *конструирования* этнических общностей по произволу управляющего субъекта (государства, правительства, общества и т.п.). По существу, теоретический смысл такой концепции состоит в отрицании и ликвидации науки, а практическое ее применение оправдало бы любую волюнтаристскую акцию в национальной политике.

Хотя проблемы изучения этнических общностей подвергались и подвергаются обсуждению всей мировой этнологией (подробнее см. в главах 4 и 5), все же теория этноса в относительно большей мере привлекала к себе внимание российских ученых. В отечественной науке всегда преобладали теоретические взгляды на этносы как на реально существующие объекты, которые закономерно возникают, функционируют, эволюционируют и взаимодействуют. Это обстоятельство и теперь остается сильной стороной отечественной этнологии.

Вместе с тем в современной российской этнологии остро конкурируют радикально различающиеся теории (концепции) этноса. Одна из них — *биологизирующая* сам феномен этноса и восходящая отчасти к традициям социалдарвинизма, а отчасти — к идеям ряда русских этнологов первой четверти XX в. (Сергея Михайловича Широкогорова и др.) — в течение ряда лет выдвигалась и поддерживалась Львом Николаевичем Гумилевым, а ныне пропагандируется его последователями и сторонниками. Этнос в ней трактуется в качестве природного (географического и биологического) явления и изучается в рамках географии (этнология, или этнография, считается принципиально географической дисциплиной). Тем не менее культура, создаваемая этносами, странным образом считается социальным феноменом. История человечества — с точки зрения Л.Н. Гумилева и его последователей — представляется цепью многочисленных этногенезов (формирований все новых этносов из обломков тех, что пришли к своему упадку и концу).

Причиной возникновения и развития этноса выступает так называемый *пассионарный толчок*, энергетические истоки которого автор ищет за пределами этноса и даже за пределами Земли, а реальными организаторами этноса и этнического процесса считает особо энергичных и деятельных людей, спянных общей целью и общими интересами, — *пассионариев*. В своем бытии, каковое в каждом отдельном случае имеет будто бы одинаковую длительность — около

1500 лет — этнос проходит ряд обязательных фаз — от скрытого, или инкубационного, этапа через акматическую стадию подъема к упадку и затуханию. В процессе своего роста и усиления этнос может объединить в поликультурное образование несколько или даже много этносов, которые в таком случае образуют *суперэтнос* (арабы и завоеванные ими народы эпохи Халифата, Византия периода расцвета, Россия XIX в. и т.п.). Чрезмерное упрощение природы этноса, сведение социальных по своей природе закономерностей этнической жизни к закономерностям природных объектов (*редукционизм*), отрицание возможности социального воздействия на этнические процессы, логическая несогласованность ряда основополагающих идей теории — таков далеко не полный перечень слабостей и погрешностей этой концепции.

Нельзя не отметить, впрочем, что в сочинениях Л.Н. Гумилева присутствует ряд конструктивных и продуктивных сторон и идей. Прежде всего, автор — превосходный стилист и увлекательный рассказчик, чего, к сожалению, нельзя сказать о большинстве пишущих на этнологические темы. Кроме того, автор отчетливо ставит законный вопрос о необходимости учитывать в этническом процессе вклад отдельных личностей, ибо лишь их массовые действия в конечном счете слагаются в закономерно совершающееся событие (например, в этногенез, то есть формирование этноса) или длительное историческое действие (например, воспроизводство этноса). Отнюдь не лишен смысла и вопрос о длительности исторического бытия этносов. Важно, конечно, помнить, что в рамках этой темы требуется изучение истории многих этносов: лишь в этом случае можно вывести общие тенденции эволюции этносов, которые в интерпретации Л.Н. Гумилева выглядят чересчур формалистично и необубедительно.

Наибольшим распространением среди российских этнологов пользуются дуалистические воззрения на этнос. Их сущность полнее и яснее всего изложена в трудах Юлиана Владимировича Бромлея. Исходная мысль этого исследователя состоит в том, что в этносе по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в *этнониме* — самоназвании этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве *условий* формирования и бытия собственно этнических сторон (природно-географическо-территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). В соответствии с этим делением этнос получает якобы двойственную (дуалистическую) природу и как бы два смысла — узкий и широкий. Этнос в узком смысле получил наименование *этникос* (греческое прилагательное от «этнос») и включил в себя перечисленные «собственно этнические» характеристики, а этнос в широком смысле был назван *этносоциальным организмом* (сокращенно ЭСО) и, таким образом, выглядел как сочетание собственно этнических элементов и условий его складывания и функционирования. Наиболее часто приводимый случай приложения к реальности узкого и широкого смысла понятия «этнос» — украинцы: все проживающие в мире украинцы (в том числе и в Канаде) — это этникос, а украинцы, живущие в пределах Республики Украины, — этносоциальный организм.

Заслугой автора дуалистической концепции можно считать, во-первых, широкое распространение представления об этносе как о главнейшем объекте изучения этнологической науки, а во-вторых, то, что именно этот ученый предпринял одну из серьезных попыток теоретического решения вопроса о *воспроизводстве этноса*.

Дуалистическая концепция этноса, таким образом, обладает достоинствами, но не лишена слабостей и промахов. Чаще всего указывают на необоснованность чрезмерного противопоставления «собственно этнических» и «внеэтнических» сторон и элементов в строении этнических общностей: ведь этнические процессы могут совершаться относительно динамично, нередко образуя обширные этнические *диаспоры* (области рассеяния) и новые этнические массивы (концентрации) населения, которые на новых местах образуют новые этносы (франко-канадцы, кубинцы, англо-австралийцы и мн. др.). Таким образом, этникос есть не особое качество этноса («узкий смысл», «собственно этнос»), а лишь одно из многих состояний в этнической динамике. Что же касается этносоциального организма (ЭСО), то он также отражает не «широкий смысл» самопроявления этноса, а лишь не слишком многочисленные случаи совпадения этносов с фактами преимущественно государственной обособленности.

К числу интересных теорий следует также отнести оригинальное научное построение, выдвинутое рядом исследователей, в частности Николаем Николаевичем Чебоксаровым, которое удобно назвать информационной концепцией этноса. Оно базируется на представлении о том, что во всяком социальном образовании, как и в обществе в целом, устойчиво циркулируют потоки сообщений (информации), имеющие свои *генераторы* (источники) и своих *реципиентов* (тех, кто их воспринимает). Отсюда делается предположение, что в границах устойчивых социальных общностей (к каковым относятся и этносы) информационные потоки должны быть интенсивнее и насыщеннее, чем вне их. В этносах, принадлежащих к разным историческим типам — от племени до современной развитой этнонации, — плотность информационных потоков различна, и по мере исторического развития она возрастает. Все классические проблемы этноса предполагается рассматривать именно с этой точки зрения.

Теоретическая ясность и стройность информационного подхода к этносу несомненны. Однако его применение к изучению конкретных этносов вызывает трудности. Одна из них состоит в том, что в рамках этноса информация циркулирует не только в направленных сообщениях (в устной и письменной речи, газетах, книгах, передачах радио, телевидении, интернете и т.п.); своей информационной стороной обладает вся, так сказать, ткань этноса — от характера его расселения до психологических свойств входящих в него людей. Информационная теория в ее современном виде не дает ответа на вопросы, представляет ли интерес и ценность эта последняя информация при исследовании этноса и каким образом она может быть изучена. Другая трудность на пути практического использования информационной концепции возникает при постановке вопроса о способах содержательного анализа информации и ее количественной переработки. Проще говоря, информационная теория этноса — при всех ее привлекательных чертах — нуждается в приведении к инструментальному виду, в сопряжении с методами и техникой исследовательской работы.

Не исключено, впрочем, что информационная концепция может найти дополнение и подкрепление со стороны системно-статистической, или компонентной теории. В рамках последней теории этнос рассматривается как исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой). Структурными составляющими высшего порядка выступают *компоненты*, которые сами имеют сложное строение. Эти компоненты следующие:

- расселение этноса (*T-компонента*);
- его воспроизводство как части населения и соответствующая этому демографическая структура (*D-компонента*);
- производственно-экономическая деятельность и ее характер (*E-компонента*);
- система социальных отношений, групп и институтов (*S-компонента*);
- язык и разнообразные формы речевой деятельности (*L-компонента*);
- создание, использование и сохранение культуры (*K-компонента*);
- быт или устойчивые стереотипные способы ритмичного поведения, которые реализуются в обычаях, социальных привычках, обрядах, народном этикете и т.п. (*C-компонента*);
- существенные стороны психологического восприятия своего этноса и общей этнической картины мира (*P-компонента*);
- и, наконец, система личностного контактирования и взаимодействия (*R-компонента*).

Число компонент может изменяться исследователем в зависимости от детальности анализа. Все компоненты взаимосвязаны и взаимозависимы. Каждая компонента может быть теоретически и инструментально разложена на приемлемое количество признаков-индикаторов (показателей), с помощью которых описываются реальные стороны жизни этносов.

Компонентное описание и дальнейшее изучение каждого конкретного этноса удобны тем, что, не порывая с традициями классической этнологии (этнографии), они открывают возможность применения методов системного подхода и вариационной статистики. Создание инструментария (стандартных вопросников и т.п.), использование выборочного метода, компьютерная переработка собранных данных и их анализ на основе математической теории информации — все это открывает путь для моделирования существенных сторон структуры этноса. Исследователи ставят также вопрос о поисках приемов моделирования того, как функционирует этнос, о машинной имитации этнического процесса.

По поводу компонентной теории этноса высказывались опасения, что она представляет собой слишком «жесткую» и отвлеченную научную конструкцию, не оставляющую будто бы места для отдельной человеческой личности. Однако такого рода упреки едва ли справедливы. Определения, постулаты, модели этой теории не более отвлеченны, чем любые другие научные построения, так как ни одна наука не может обойтись без абстракций. Вместе с тем концепция предусматривает, что сбор информации осуществляется главным

образом путем опроса именно личностей — носителей этнических свойств и характеристик (о понимании личности в этнологии см. в главе 2).

Остается добавить, что как в описанных выше, так и в не упомянутых здесь теориях и концепциях содержится немало существенных идей, соображений, гипотез и догадок; их критическое освоение несомненно пойдет на пользу науке. Из всего сказанного выше также следует, что содержание этнологии (этнографии, народоведения) отнюдь не сводится к тем обыденным представлениям, которые приписывают этой науке интерес лишь к экзотическим странам и народам, к архаическим проявлениям быта и социальной реальности, а также к далеким от запросов жизни элементам народной культуры. В действительности этнология изучает:

- возникновение этносов (этногенез);
- историческую эволюцию этносов (этническую историю);
- современную жизнь этносов (их актуальное функционирование);
- и наконец, возможные пути развития этносов в обозримом будущем (проблемы этнического прогнозирования).

Современные специалисты-этнологи ведут исследования по следующим научным направлениям:

- расселение народов, их этнонимия (самоназвания — *эндоэтнонимы*; названия, данные другими народами, — *экзоэтнонимы*) и другие аспекты динамики размещения этносов, связанные с изучением *этнических территорий* и *этнических границ*;
- социальные группы (слои, сословия, классы, институты и т.п., в том числе современные и исторические) в составе этносов, а также этнические группы в составе социальных слоев, классов, институтов и т.д., что составляет предмет занятий специальной этнологической дисциплины — *этносоциологии*;
- демографические процессы, совершающиеся в этносах, или *динамика численности народов*;
- субэтнические группы и образования (например, йомуды и текинцы в составе туркмен, северные и южные великороссы и др.), среди которых выделяют собственно *этнические группы*, т.е. такие, которые обладают групповым самосознанием, и *этнографические группы* — те, что по каким-либо причинам выделяются учеными (исследователями), но особого самосознания не имеют;
- различные стороны традиционно-исторической и современной народной и профессиональной культуры народов — их поселения, жилища, орудия и утварь, системы питания, одежда и украшения, художественная культура;
- хозяйственные занятия (способы экономической деятельности) и их воздействие на этносы;
- обряды, обычаи, нравы, народный этикет и народные верования;
- языковое поведение и его влияние на этносы;
- проблемы этнического сознания и самосознания;
- политологические вопросы, связанные с «этническими интересами», межэтническими (в том числе и конфликтными) отношениями и т.п.;
- проблемы правового подкрепления тех или иных интересов, которые трактуются как этнические (направление, привлекающее интерес этнологов преимущественно в последние годы).

Говоря обобщенно, этнология как наука изучает *этнические процессы*, т.е. разнообразные стороны жизнедеятельности этносов, включая изменение людьми своего этнического самосознания и своей этнической принадлежности.

В разное время этнологию (этнографию, народоведение) рассматривали то как географическую, то как культуроведческую, то как социологическую, то как экономическую, то как историческую дисциплину. Все эти подходы основывались на отдельных сторонах такой многогранной реальности, как этнос. В самом деле, этносы обладают пространственной выраженностью, социальной и экономической структурами, культурной компонентой и историческим бытием. Отечественные этнологи считают этот последний факт решающим для причисления этнологии к комплексу исторических наук. Вместе с тем этнология, сотрудничая с историческими дисциплинами (например, с археологией), имеет многочисленные связи с обширным набором других наук и специальных отраслей знания: физической антропологией, лингвистикой, фольклористикой, литературоведением, искусствоведением и др. За последние десятилетия сложились научные связи этнологии с математическими дисциплинами — кибернетикой, вариационной статистикой, теорией систем.

2. Этнология в современном обществе

Уже само появление этнологии среди социальных наук в середине XIX в. свидетельствовало о формировании общественной потребности в осмыслении еще одной стороны социальной реальности. В наше время социальная и политическая востребованность этнологии заметно возросла. Ведь, как известно, «где отсутствует знание, там невежество именует себя наукой» (Бернард Шоу). Подменять одно другим опасно.

Подобно всякой другой науке, этнология существует и функционирует не только в виде теорий, идей, методов, фактических данных и т.п., но и в виде сообществ и организаций ученых, осуществляющих научные исследования и теми или иными способами распространяющих полученные результаты. Иначе говоря, этнологическая наука реализуется в специальных социальных институтах и, таким образом, более или менее тесно связана с обществом, в рамках которого эти институты сложились. Для проведения какого бы то ни было этнологического исследования требуются не только интеллектуальный потенциал и специальные знания, но и материальное обеспечение научной работы (финансирование, различное оборудование, средства для публикации результатов исследований и т.п.). Понятно поэтому, что этнологические исследования находятся в зависимости от тех общественных слоев, классов и групп, которые создают саму возможность этнологической работы и в существенной мере влияют на ее характер и результаты. Именно в таких условиях сообщества ученых-этнологов реализуют социальные функции этой науки.

В разных странах мира, где получила развитие этнология (социальная или культурная антропология), научные сообщества этнологов и соответствующие социальные институты складывались по-разному. В нашей стране, где издавна были сильны традиции академической науки, главные научные силы сосредоточены в системе Российской Академии наук. В ее составе имеются: Институт

этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая — в Москве, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого (являющийся также научно-исследовательским институтом РАН) — в Санкт-Петербурге; кроме того, в составе Академии наук, в ее региональных отделениях и центрах, созданы местные этнологические исследовательские коллективы.

Еще с середины XIX в. в исследовательскую этнологическую работу включилось Русское Географическое общество; отделения этого общества работают в ряде городов России и в наше время.

В университетах страны, на исторических, географических и других факультетах студентов знакомят с началами этнологических знаний — читается курс «Основ этнологии (этнографии)». В ряде университетов России имеются специализированные кафедры: этнологии (МГУ им. М.В. Ломоносова), этнографии и физической антропологии (Петербургский университет), этнографии и археологии (Казанский университет), этнографии в сочетании с другими историческими дисциплинами (Омский университет) и др. На этих кафедрах осуществляется специализация студентов по этнологической проблематике.

Наконец, важная работа — по собиранию, изучению, хранению и пропаганде этнологических (этнографических) материалов — проводится музеями: этнографическими и комплексными краеведческими, имеющими в своем составе этнографические отделы, коллекции и экспозиции. Примерами специальных этнографических музеев, кроме уже упомянутой Кунсткамеры, могут служить: Российский государственный музей этнографии (Петербург), Музей археологии и этнографии (Уфа, Башкортостан), музеи крестьянской архитектуры и быта на открытом воздухе в разных городах России и др.

Авторитетными периодическими этнологическими изданиями в пределах СНГ считаются журнал «Этнографическое обозрение» (до 1992 г. — «Советская этнография»), ежегодник «Расы и народы» (оба издания выходят в Москве) и «Народное творчество и этнография» (издается в Киеве на украинском языке). Кроме них этнологические материалы публикуются в различных малотиражных непериодических серийных изданиях, а также на страницах научных и научно-популярных журналов.

Финансирование этнологических исследований в России в конце XX в. резко сократилось. Всю возможную помощь этнологам оказывает Российский гуманитарный научный фонд.

В странах Восточной Европы в 1950—1970-е гг. сложилась система научных сообществ этнологов и соответствующих социальных институтов, в целом напоминающая российскую; впрочем, в этих странах более значительную роль играют кафедры этнологии (этнографии) в университетах и научные этнографические общества, а также музеи (например, музеи этнографии в Болгарии, Польше или Чехии). Во всех восточноевропейских странах выходят периодические этнологические издания.

В государствах Западной Европы, в США, Канаде, Японии, Индии, Австралии и ряде других стран этнологическая наука (социальная или культурная антропология) развивалась по преимуществу в университетах и музеях. Во многих университетах имеются соответствующие колледжи и департаменты. Нередко этнологические (социально-антропологические) исследования субсидируются разного рода фондами, а кроме того, правительственными органами. В числе

наиболее влиятельных и популярных этнологических журналов — «American anthropologist» («Американский антрополог»), издаваемый Ассоциацией американских антропологов в Вашингтоне, журнал «L'Homme» («Человек»), выпускаемый Высшей практической школой (Париж). Во многих странах также издаются специализированные этнологические журналы.

Этнологи выступают в специальной и популярной печати, участвуют в телепередачах, снимают кино- и видеофильмы, читают лекции школьникам и студентам, выступают в различных аудиториях. Действительно, этнологические сведения отвечают потребностям и интересам самых разных социальных слоев и институтов. Помимо обычной и естественной научной любознательности, это и интерес к культуре своего народа или других народов мира, практические потребности, связанные с развитием международной торговли, культурного обмена, туризма. Но вместе с тем тенденциозно препарированные этнологические данные могут быть использованы в целях пропаганды *шовинизма, национализма* (в негативном смысле последнего слова) и других реакционных идей. Поэтому, говоря о социальных функциях этнологии, следует учитывать социальную направленность и идеологические цели, которые свойственны научным сообществам и отдельным ученым.

У современной мировой прогрессивной этнологии есть несколько основных функций.

Первая — и главная — из них, представляющая собой основу для выполнения всех других функций, — научно-познавательная. Этнологическая наука осуществляет познание этнических реальностей, формирует знание этнической картины мира в различные исторические эпохи и в наше время, исследует характер и особенности этнических процессов во всех регионах нашей планеты. Этнологи стремятся выяснить закономерности происхождения, развития, строения и функционирования этносов, а также определить тенденции их существования в будущем. На основе этих знаний этнология совершенствует свои теоретические представления и использует их для объяснения природы и характера этнических процессов, происходивших в истории и совершающихся теперь. Без знания этнологических данных едва ли, например, удалось бы удовлетворительно объяснить процессы формирования иммигрантских наций в Новом Свете или же понять природу трудностей становления государственности в целом ряде стран, относительно недавно освободившихся от колониальной зависимости. Наконец, опираясь на свою научно-познавательную функцию, наша наука стремится преодолеть этнические предрассудки, нередко свойственные обыденному сознанию людей, и тем самым способствовать взаимопониманию и конструктивному сотрудничеству между народами.

Другая важная функция этнологии отвечает потребности самопознания каждого отдельного народа-этноса. Научные знания об этносах нередко противостоят бытовательским представлениям и национальным предрассудкам. Функция подлинно научного самопознания выполняется этнологами путем собирания, накапливания и анализа исторического опыта жизни народов. Этот опыт имеет значение как обобщение и сохранение традиций материальной и духовной культуры, но нередко бывает полезен при складывании современных форм культуры, а также при решении экономических и технических

задач. Так, при конструировании одежды, пригодной для использования в полярных условиях, наилучшей оказалась та, в какой за основу была взята одежда северных приполярных народов (саамов, ненцев, эскимосов). Культурные традиции народного домостроительства, питания, земледелия (например, горного террасного и ирригационного) могут быть с пользой применены и в наше время.

Самосознание этноса составляет существенный аспект в историческом и современном сознании общества. Особенно большой интерес к этим темам обычно проявляет национальная гуманитарная интеллигенция. Народы и их представители в лице этого слоя интеллигенции хотят яснее себе представить не только историю своего происхождения, но также характер и меру самобытности своих культур, соотношение в них традиционных и новых компонентов. Этнология стремится ответить на эти вопросы и вместе с тем подчеркивает тот факт, что на нашей планете нет «чистых» народов и «чистых» культур, что все народы формировались путем межрасового, межэтнического и межкультурного смешения.

Современные этносы — это живая социальная реальность, особого рода самовоспроизводящиеся и саморегулирующиеся социальные системы. В числе механизмов их самовоспроизводства существенное значение имеет сознание членами этноса своего единства, опирающегося на историческую традицию. В этой связи этнологию интересует научная разработка этнического аспекта социальной памяти, исторической связи поколений, передачи (*трансмиссии*) культурного наследия.

Глава 2

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ЭТНОЛОГИИ. ЯЗЫК НАУКИ

1. Теоретические проблемы этнологии

Главная задача этнологических теорий — обобщение знаний об этносах и объяснение этнических явлений, процессов и фактов с точки зрения установленных закономерностей.

Поэтому одна из важнейших функций этнологии — поиск, выявление и исследование устойчивых тенденций (закономерностей) всех проявлений бытия этносов: эволюционных (закономерности этногенеза и этнической истории); относящихся к строению (структуре) этносов, а также к их современной жизни (функционированию). Отчасти вопросы теории уже рассмотрены в главе первой (предметная область науки является составной частью ее теории). Ниже коротко излагаются лишь те теоретические концепции этнологической науки, без которых едва ли возможно понять сущностный смысл исторических и современных этнических реальностей в нашем мире.

Этнический процесс. Это понятие (именуемое также *этническими процессами*) исследователи трактуют по-разному. Особенно широко распространено представление, будто этнический процесс состоит в том, что часть членов одного этноса (или весь этнос) при взаимодействии с другим меняет представление о своей этнической принадлежности (например: часть мордвы-эрзи стала называть себя русскими или ряд берберских племен Северной Африки вошел в состав местных арабских наций). Сама идея рассматривать в качестве этнического процесса этническую (национальную) *ассимиляцию* («растворение» одного этноса в другом) возникла при этнодемографическом изучении закономерностей динамики численности народов. Действительно, изменения численности всякого этноса зависят, с одной стороны, от соотношения рождаемости и смертности (они, в свою очередь, определяются воздействием экономических, культурных и иных причин), а с другой стороны, — от этнической ассимиляции этого этноса соседями (или этим этносом соседей).

При такой постановке вопроса понимание этнического процесса как ассимиляции законно и корректно. Однако в целом — и как явление, и как понятие — этнический процесс не следует рассматривать столь узко. Например, в ходе межэтнических отношений дело не всегда доходит до ассимиляции: этнос, испытывающий воздействие, может стать двуязычным (заговорить не только на своем *этническом языке*, но и на языке этноса-соседа), воспринять существенные черты другой культуры, но не утратить и своей и т.п. В таких случаях речь идет не об ассимиляции, а об *аккультурации*, которая тоже выступает как одна из форм этнического процесса.

Суть дела, однако, не только в этом. Всякое проявление жизни этноса — от этногенеза до современного функционирования — это в не меньшей мере этнический процесс. Складывание литературной формы этнического языка, эволюция свадебных или погребальных обрядов, объединение ряда отдельных племен в более крупную этническую общность и т.п. — все это разные аспекты

этнического процесса. Словом, этнический процесс проявляется в разнообразных формах — то как *этнотрансформационный* (изменение личностями и группами своего этнического самосознания и этнической принадлежности), то как *этноэволюционный* (изменение облика этноса в ходе исторического развития). Нет сомнения, что этнический процесс имеет и другие формы проявления: изменение типа и характера расселения этноса, его общей структуры и социальной стратификации (расслоение на сословия, касты, классы, общины) и т.п.

Установив двойственный характер этнического процесса (как межэтнического взаимодействия, так и внутриэтнического развития), следует поставить вопрос об источниках и причинах развития этносов. Существенно знать, в силу каких причин этносы меняются, функционируют и эволюционируют; откуда исходят необходимые для этого импульсы. Общий ответ на этот вопрос не составляет особой трудности. Если этносы суть одна из форм (один из способов) самоорганизации социальной реальности, то есть один из видов общественной жизни и, следовательно, частичное общество, то ему присущи все существенные черты и характеристики, которые свойственны обществу. (При этом следует помнить, что общество вообще есть абстракция — очень нужная и полезная для исследования, но все же абстракция. *Общество вообще* не существует, существуют лишь *конкретные, данные* общества, которые можно тем или иным способом наблюдать и изучать.) А если это так, то и связанные с обществами своей природой, сущностью, историей и реальной жизнью этносы подчиняются тем же законам движения и развития, что и сами общества. И импульсы развития по своему существу для первых и вторых одни и те же: причины движения, изменения и развития этносов находятся по преимуществу внутри них самих. Этносы пребывают в состоянии *самодвижения*, что, конечно, не исключает различных случаев межэтнических взаимодействий и влияния этносов друг на друга.

Субъекты этнического процесса. Нередко говорят, что этносы состоят из людей. Это утверждение, конечно, верно, но малосодержательно. Оно наполняется содержанием только если иметь в виду, что составляющие этнос люди обладают существенными свойствами — языком, трудовыми и культурными навыками, стремлением соблюдать обычаи и обряды и многими другими. Следовательно, люди — *члены этноса тесно связаны между собой многочисленными и разнообразными отношениями, и именно они (эти отношения и связи), их характер, свойства, сила и направленность определяют структуру и особенности всякого этноса*. Отсюда видно, что от рождения до кончины каждый человек включается и пребывает в системе общественных связей, которые в этносе выступают как этнические. Включение в систему связей называется *социализацией*, а так как каждый человек обычно проходит социализацию в этносе, то она одновременно является *этнизацией*. Если в системе социальных связей человек становится *социальной личностью*, то в этническом аспекте он выступает в качестве *этнофора* (от греч. *ethnos* — народ, *phoros* — несущий) — носителя свойств и характеристик этноса.

Представление об этнофоре — это этнологический аспект учения о личности. Принадлежность к этносу в той или иной мере осознается каждой личностью, а полнота и отчетливость этого осознания, или *идентификации*, служат мерой *этнического самосознания*.

Эмпирические исследования показывают, что этническое самосознание — подвижная характеристика: среди этнофоров встречаются индивиды, более или менее солидарные со всеми свойствами и проявлениями этнической жизни, но есть и такие, что не дорожат *этническими ценностями* и даже были бы не прочь от них избавиться, усвоив языковые, культурные и иные качества другого этноса. В действительной жизни большинство этнофоров занимает средние позиции, отдавая должное своим этническим ценностям, но не отказываясь полностью и от восприятия тех или иных черт других народов и культур. Лишь в социально экстремальных условиях могут совершаться резкие сдвиги в ту или другую сторону.

Каждой личности (и, разумеется, каждому этнофору) в различных социальных условиях приходится исполнять многочисленные *социальные роли*: семейные (отца, матери, сына, дочери и т.п.), производственные (рабочего, инженера и пр.), служебные (солдата, офицера, начальника, подчиненного и т.д.). В вагоне поезда человек — пассажир, в парикмахерской — клиент, на приеме у врача — пациент. В соответствующем случае личность обычно ведет себя так, как того от нее ожидают. Вместе с тем существуют социальные роли, имеющие известный этнический колорит. Роль обычного школьного учителя, как правило, ничего своеобразно этнического в себе не содержит. Но если педагог осознает свою учительскую работу как миссию просвещения нации (скажем, И.Я. Яковлев — просветитель чувашского народа), то деятельность учителя приобретает характер борьбы за будущее этноса, за развитие его культуры и науки. Роли писателя, драматурга или поэта больше связаны с профессиональной национальной культурой. Роль создателя и пропагандиста этой культуры вполне может восприниматься как форма развития национального самосознания (например, венгерский поэт Шандор Петефи в 40-е гг. XIX в.). Деятельность политического или административного руководителя в обстановке кризиса и социальной нестабильности способна трансформироваться в национальное (Мустафа Кемаль Ататюрк в конце 10-х — 30-е гг. XX в. в Турции) или национально-освободительное движение (президента Сукарно в Индонезии в 40—60-е гг. XX в. считали вождем нации и национальным героем).

Другой разновидностью социальных субъектов выступают разнообразные социальные группы — семья, сельская община, трудовой коллектив (артель, бригада рабочих), группы соседей в кишлаке (*махалля*), дружеская компания и т.п. Установлено, что коллективные реакции разнообразных групп оказывают воздействие как на общества, в которые они интегрированы, так и на личностей, входящих в эти группы. Всякая социальная (человеческая) группа служит *средой*, или *полем* этнического процесса, направление и характер которого зависят, в числе прочего, от этнического состава этой группы: моноэтнический (однонациональный) состав способствует беспрепятственному воспроизводству данного этноса, при биэтническом или полиэтническом составе создаются условия для усложнения этнического процесса. В этом случае он может принять направление в сторону аккультурации или ассимиляции.

Одним из «механизмов» воспроизводства этноса исследователи считают *этническую эндогамию*. Изначально термин *эндогамия* применялся учеными к классическим племенам социально отсталых обществ. Характерным свойством племени считались поиск брачных партнеров и заключение браков внутри

племени (*племенная эндогамия*). В отличие от этого каждый *род* или *фратрия*, входившие в племя, придерживались *экзогамии*, то есть соблюдали запрет брачных отношений внутри рода и осуществляли поиск брачных партнеров в других родах того же племени. Однако в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. в отечественной этнологии термин *эндогамия* довольно удачно был употреблен в более расширительном смысле. Исследователи обратили внимание на то, что у многих народов уровень межэтнической брачности (доля национально-смешанных браков и семей) может существенно меняться. Вот в этом случае и пригодился термин *этническая эндогамия* (формирование семей преимущественно на моноэтнической основе, обеспечивающей воспроизводство этноса). Нарушение этнической эндогамии может привести к ее *прорыву*, вследствие чего этнос может подвергнуться аккультурации, а затем ассимиляции.

Субъекты этнического процесса не ограничиваются личностями-этнофорами и малыми группами. В этническом процессе (в рамках этноса или в межэтническом взаимодействии) участвуют, по сути дела, все социальные образования, *социальные институты* (организации) и социальные *страты* (слои) — такие, как рабы и рабовладельцы, феодальные сословия, классы буржуазного общества. Именно они в ходе своей деятельности — трудовой, эстетической, политической и всякой иной — как обновляют все формы и проявления социального (в том числе этнического) бытия, так и способствуют сохранению многообразных традиций, обуславливают историческую трансформацию этносов и межэтнические контакты, совершают многолюдные миграции и формируются в новые этносы (например, в Новом Свете). На современном этапе научно-технической и информационной революции, нового усиления влияния прессы, радио, телевидения и пр. массовая активность субъектов этнического процесса может внести новые — и конструктивные, и деструктивные — черты в планетарные процессы трансформации современной *этнической картины мира*.

В исторических и современных этнических процессах не следует, таким образом, недооценивать ни их объективной, ни субъективной стороны: субъекты этнических процессов активны, они обладают сознанием и волей, но их действия ограничены объективными условиями жизни. Отвлеченно рассуждая, можно считать возможным брак аборигена с островов Фиджи с чувашкой из Среднего Поволжья или оказание восточносибирским эвенком помощи эфиопу в разведении ездовых оленей; можно вообразить, будто молдаване в массовом порядке захотят превратиться во французов и даже выучат французский язык, — однако все эти *интенции* (попытки), скорее всего, не получат желаемого завершения, потому что этнический процесс реализуется в рамках *объективных возможностей и закономерностей*.

Общее, особенное и этническое. В обыденном сознании многих людей содержится представление о том, будто каждый этнос (этническая общность, нация) очень существенно, даже полностью, абсолютно отличается от других таких же социальных образований. Мысль о неповторимости, *уникальности* (единственности) всякого этноса или, по крайней мере, его культуры в немалой степени повлияла на формирование понятия *этнической специфики*, которым нередко пользуются и этнологи. Больше того, даже стараясь определить область исследований этнологической науки, зачастую утверждают, будто этнология (этнография) изучает «своеобразные черты этносов или этнических культур».

Между тем представление об этнической специфике и абсолютной специфичности этнической (национальной) культуры вызывает очень большие сомнения. Начать с того, что философы уже давно сформулировали мысль о том, что во всяком явлении может быть выделено нечто общее с другими явлениями, а не только особенное и единичное, то есть специфическое. Уже поэтому думать об этносах как о таких явлениях, которые содержат в себе только нечто особенное или даже единичное (то есть нигде не повторяемое), едва ли верно. Кроме того, для того чтобы отделить особенное (специфическое) от общего, нужно путем сравнения исследовать как то, так и другое. Предметом науки никогда не становится исключительно нечто специфическое; наука интересуется и специфическими явлениями, и общими тенденциями. Наконец, эмпирические материалы этнологических наблюдений не подтверждают гипотезы о специфичности всех проявлений этносов. Какой бы народ ни исследовать, внимательный наблюдатель всегда обнаружит черты, которые можно отыскать у соседних, а подчас и отдаленных народов. Недаром никому из ученых-этнологов (да и других специалистов) не удалось выделить этническую специфику в ее, так сказать, «химически чистом виде».

Тем не менее этническая специфика — не иллюзия. Опыт многочисленных поколений содержит в себе не только ошибку, в нем есть подтверждение массовой интуиции.

Этническая специфика имеет два аспекта — *мысленный* и *действительный* (реальный). Обыденное сознание, обладая лишь ограниченным материалом для сравнения, небольшое и локальное отличие легко переносит на весь этнос и усиливает его до общеэтнических размеров. Что же касается этнической специфики в целом, то, по всей видимости, следует принять продуктивную идею об эффективности — в научном смысле — замены поисков абсолютного своеобразия этноса или его культуры представлением об относительности этого своеобразия. Будучи вполне реальным, оно проявляется *в частичном различии, в уровне развития, в той или иной степени совпадения и несовпадения культурных и др. элементов сравниваемых этносов*. С этой точки зрения этническая специфика достаточно отчетливо проявляется при сопоставлении даже неспецифических или лишь отчасти специфических элементов.

Этноцентризм и национализм. Каждый этнос — это, в сущности, большая (величина ее может сильно варьировать) социальная группа. В истории этноса накапливаются культурные достижения, разнообразные традиции, исторические и политические представления, культурная и этническая картина мира и многое другое. Члены этноса (этнофоры) усваивают все это в процессе социализации — этнизации. Вследствие этого взгляды, оценки и представления этнофора обычно в существенной мере зависят — хочет он того или нет — от характера усвоенной им этнической культуры. Французский исследователь Марк Ферро установил, что даже изложение истории в школьных учебниках разных стран осуществляется с этнической точки зрения.

Такая точка зрения, понимание и трактовка всего социального мира и его явлений с позиций культуры своего этноса называется *этноцентризмом*. Несколько упрощая вопрос, этноцентризм можно назвать групповой точкой зрения. Она неизбежна и сама по себе не хороша и не плоха. Но этноцентризм может, как и любая групповая точка зрения, послужить питательной средой,

условием для *социальной мобилизации* под националистическими лозунгами. Один из механизмов такой мобилизации состоит в обвинении этнических контрагентов (совместно или рядом проживающих) в том, что они являются причиной социальных бедствий данного этноса. Может возникнуть конфликт, остановить и преодолеть который бывает очень трудно.

2. Методы этнологических исследований

Разнообразные сведения о жизни народов, яркие факты, интересные данные и материалы полевых наблюдений еще не составляют собственно этнологической науки. Наука начинается там и тогда, где и когда имеются ясно сформулированные и ответственно применяемые методы изучения источников (об этнологических источниках см. в главе 3) и на их основе делаются теоретические заключения, служащие для объяснения исторической и современной жизни этносов. Главная функция методов науки — получение нового достоверного знания.

Методы, применяемые в этнологии (как и в других науках), многочисленны и разноплановы. Они, в частности, различаются по уровню и характеру постановки вопросов, направленных на получение нового знания. В ряде случаев эти вопросы целесообразно поставить в обобщенно-философской форме. (Сравнительный метод, методы логики и т.п. здесь не рассматриваются, так как без них невозможно никакое познание.) Объективные и субъективные стороны этноса; внутренние и внешние источники движения и изменения в этносах; форма и содержание в этносах; качественные характеристики и количественные параметры в этносах и их компонентах — рассмотрение этих и подобных вопросов общего (философского) уровня делает изучение этносов более глубоким, более содержательным, ведущим к познанию их не только как *явлений* действительности, но и как *сущностных* отношений внутри них и между ними.

Методы этнологии менее высокого ранга относятся к категории общенаучных. Особенно широкое распространение в этой науке получили *исторический* и *структурно-функциональный* методы. Требование исторического метода состоит в том, чтобы рассматривать изучаемые объекты в процессе их зарождения, становления, развития и перспектив будущего изменения или исчезновения. Следует, правда, принять во внимание, что в XIX и XX вв. исторический подход в этнологии во многих случаях принимал вид плоского эволюционизма с его рассмотрением развития как преимущественно количественного роста, стремлением расположить элементы культуры в виде упрощенных *эволюционных рядов* (например, жилище — от пещеры и ветрового заслона до современного крестьянского дома европейских народов). Понимание цели всякого этнологического исследования состояло лишь в выяснении происхождения (генезиса) чего бы то ни было — этноса, элемента культуры или социального института.

Современная научная практика исторического подхода к этносам и их отдельным сторонам, признавая полезность изучения генезиса отдельных этнологических явлений, трактует историзм значительно шире и более многосторонне. Использование исторического метода предполагает внимание ко всем формам

развития всех компонент этноса и всех этносов на любом этапе их бытия, установление исторических типов этносов (от племен до современных развитых *этнонаций*), наконец, историко-сравнительный анализ этносов и этнических явлений как в *синхронном* (одновременном), так и в *диахронном* (историко-эпохальном) аспекте.

В этнологических исследованиях XX в. влиятельное положение приобрел *функциональный*, или *структурно-функциональный*, метод. Его сущность состоит в требовании выявить значение (роль, влияние, иначе говоря — *функцию*) того или иного культурного элемента или социального института в жизни народа (племени или другой общности). Структурный подход добавил к этому необходимость выявить строение изучаемого объекта, а позднее — системы (сети) социальных отношений в нем и с ним. Сторонники структурно-функционального метода поначалу отрицали исторический аспект изучения объектов, сосредоточивая внимание только на вопросах современности и выдвигая на первый план также прикладные, практические темы и исследовательские результаты. Однако позднее исторические штудии стали включаться в структурно-функциональный анализ на правах органического составного элемента.

К числу общенаучных относят также *системный метод* (иногда предпочитают говорить о системном подходе или системном анализе). Наука, в том числе и этнологическая, долгими и трудными путями вырабатывала идеи и принципы системного метода, оперируя, в частности, понятиями *комплексности*, сложности внутреннего строения явлений, *системы*, *структуры* и ряда других. Современный системный анализ предполагает изучение достаточно крупных объектов — этноса, региона с его населением и культурой и т.п., вычленение их *компонент*, *составляющих* и *элементов*, поиск гипотетических и действительных связей между ними, их историческое и функциональное исследование, поиск *детерминант* (существенных факторов воздействия), определяющих движение объекта, и т.п. Системный метод органично аккумулирует в себе многие методологические и теоретические принципы и идеи философского и общенаучного уровня.

Применение общенаучных методов в этнологии обнаруживает ряд трудностей общего характера, на которые стремятся обратить внимание исследователей те ученые, которые в своей познавательной деятельности руководствуются принципом *релятивизма* (относительности знания). Они указывают на трудности взаимопонимания между представителями разных культур, проистекающие как из этноцентристских установок познающих субъектов, так и, согласно мнению тех, кто занимает крайние позиции, из якобы принципиальной несравнимости культур. Кроме того, иные теоретики этнологии полагают, что для более или менее адекватного постижения других культур пригодны не рациональные методы их изучения, а скорее *интуитивное понимание*, *вживание*, *врастание* в другую культуру, но даже и в этом случае обычно будто бы не удастся достаточно точно описать постигаемую культуру на языке постигающего субъекта. Помимо этого, в процессе познания (например, экспедиционного) исследователь не прямо изучает избранный для обследования этнос, а образует с ним особую систему, состоящую из трех элементов: а) изучаемого объекта, б) исследователя-наблюдателя и в) средств (инструментов) наблюдения — программы исследования, инструментария и избранной методики, а также технических

устройств, включенных в осуществление познавательных актов. Таким образом, познание другой культуры (другого этноса) из одностороннего и однонаправленного действия познающего субъекта превращается в сложный *диалог культур*, а объектом познания становится, стало быть, не изучаемый этнос (культура и т.п.), а отношение между ним и познающим субъектом.

Всеми этими трудностями, разумеется, не следует пренебрегать. Серьезные исследователи, конечно, признают значение не только интуиции (которая действует тем эффективнее, чем больше творческого труда вложено в познавательную деятельность), но и вживания в другую культуру, не только трудностей постижения сильно отличающихся культур, но и диалогового характера познавательного процесса. Тем не менее практика исследовательской работы показывает, что все эти факторы не воздействуют «катастрофически» на ход познания, что их помехообразующее влияние может быть учтено в ходе исследовательской работы и в решающей мере нейтрализовано.

К третьему — нижнему — уровню используемых в этнологии методов относятся приемы, способы, исследовательские средства, которые обеспечивают собственно этнологическую эмпирическую работу, познавательное функционирование именно этой науки. Методы данного уровня многообразны; с известной долей условности они могут быть сгруппированы в три класса в зависимости от того, к какому этапу исследовательской работы они относятся.

Кстати, заметим, что эффективному осуществлению научной работы (особенно если она выполняется коллективом сотрудников) способствует предварительное составление *программы исследования*, в которой желательно предусмотреть не только определение темы, объекта и задач исследования, но и порядок (последовательность) исполнения работы по этапам и частям. Таким образом, *во-первых*, речь должна идти о методах *поиска* и *сбора* информации. О поисках и использовании письменных, музейных, археологических, языковедческих и иных сведений отчасти будет рассказано ниже (в главе 3). Значение этих и многих других материалов неоспоримо, и способ их поиска в разнообразных хранилищах общеизвестен. Вместе с тем *метод экспедиционного поиска и сбора* новых сведений в этом отношении нередко бывает наиболее надежным и эффективным, особенно при изучении современных явлений и процессов.

Экспедиции бывают двух видов — *маршрутные* и *стационарные*. Каждый имеет свои преимущества и недостатки: маршрутный способ дает возможность охватить обследованием более широкие регионы, зато стационарный дает выигрыш в глубине и длительности изучения относительно небольшого объекта. Беседы с информаторами обычно протоколируют в рабочих тетрадях или записывают на магнитную пленку. Кроме того, опытные экспедиционные работники ведут еще и дневники наблюдений. Именно в ходе экспедиционных обследований чаще всего осуществляется сбор этнографических коллекций вещевых памятников, предметов быта и культуры.

Конечно, сбор новой информации можно проводить не только путем организации экспедиций. В ряде случаев приемлемым методом может быть рассылка стандартных анкет по разным вопросам, интересующим исследователей. Так, с помощью заполненных корреспондентами анкет некоторые этнографические учреждения собрали обширный и разнообразный материал, хранящийся теперь в их архивах. В случае, когда требуется собрать оперативную

информацию по двум-трем вопросам у городского населения, можно воспользоваться также опросом информаторов по телефону.

Во-вторых, следует выделить этап исследовательской работы, связанный с *обработкой* собранных фактических данных (некоторые ученые предпочитают называть этот процесс *переработкой* информации). Ее смысл заключается в получении нового упорядоченного, в той или иной мере обобщенного знания. В своих первичных формах переработка сопутствует собиранию информации, так как оба этих этапа достаточно тесно взаимосвязаны. Действительно, уже при сборе информации (сведений, данных) исследователю необходимо тщательно обдумать способы, какие он намерен применить на этапе ее переработки. В противном случае собранная информация может оказаться непригодной для переработки.

В полевых условиях (равно как и при работе в хранилищах или с разнообразными источниками) начинается первичная обработка собранных сведений. Она может состоять в перенесении данных, записанных в полевых тетрадях и дневниках, на тематические классификационные карточки, в составлении тематических досье и т.п.

Один из важнейших приемов переработки сведений — их группировка (классификация) по тем или иным признакам (желательно, конечно, чтобы эти признаки были существенными). Так, среди сельских поселений в изучаемом ареале могут быть выделены точечные (или однодворные), малодворные (с числом заселенных дворов не более 20) деревни, поселения средней величины (до 200 дворов), крупные поселения (до 500 дворов) и крупнейшие (свыше 500 дворов). Основанием для группировки могут, конечно, быть не только число домов, но и другие признаки, например форма планировки поселений. В этом случае возможно, что будут выделены группы поселений с беспорядочной застройкой, с линейным рядовым планом, со звездообразной, круговой или квартально-уличной планировкой. Признаком (основанием), по которому осуществляется группировка, могут служить временные интервалы (месяцы года, годы, пятилетия и т.п.).

Следующим за группировкой этапом переработки информации считают выделение типов или комплексов явлений культуры, быта, социального поведения и т.п. (например, региональные типы народного жилища, этнорегиональные комплексы женской традиционной одежды и пр.). Этот прием — *типологизация* — применяется при исследованиях историко-этнологического характера, при описаниях современных процессов и прогнозировании будущих тенденций. Существенный и эффективный прием — составление типологических таблиц, а также нанесение выявленных типов на карту с помощью условных знаков.

В-третьих, в качестве заключительного этапа исследовательской работы выделяют *интерпретацию* полученных результатов. Ей отчасти предшествует, а отчасти сопутствует использование приемов *генерализации* (обобщения) тех итогов, что были получены в результате переработки эмпирических данных. Обобщенные данные сопоставляются с предшествующими сведениями и выводами науки (как по критерию соответствия их друг другу, так и по критерию различия). В задачу интерпретации входит также оценка полученных выводов с точки зрения точности и строгости методов и техники исследования. Новые

данные интерпретируются (истолковываются) в плане выявления исторических, функциональных и, главным образом, причинных связей и отношений, а также уже известных закономерностей. В случае невозможности (полной или чаще частичной) это сделать ставится вопрос либо о дополнительной проверке полученных новых выводов, либо о корректировке прежде установленных закономерностей.

Наука, в том числе и этнология, постоянно претерпевает изменения, обновляет набор своих исследовательских средств. Ее методы обогащаются, расширяются, становятся более тонкими, рассчитанными на применение в данных, типичных условиях. Постепенно складывается ситуация, когда на методы (или способы их применения), использовавшиеся на более ранних ступенях развития науки, исследователи начинают смотреть как на традиционные (иногда их даже трактуют как архаические, устаревшие), а на методы, пришедшие в науку позднее (в том числе из других наук), — как на новые, современные и, во всяком случае, нетрадиционные. Иногда эти группы методов называют *классическими* и *неклассическими*. Легко понять, что соотношение между ними изменчиво: новые методы мало-помалу становятся традиционными. Вследствие этого чрезмерное противопоставление друг другу традиционных (классических) методов новым (неклассическим) едва ли оправданно. Все дело в том, что и те и другие методы имеют неодинаковые познавательные возможности и их рациональное использование сопряжено с корректной постановкой исследовательских задач.

Классические методы исследовательской работы отличаются относительно большей свободой выбора аспектов изучения, средств исследовательской работы, меньшей программированностью и кажущимся отсутствием формализации данных: формализация имеет здесь (например, при картографировании явлений этнической культуры) не слишком жесткий характер. К числу традиционных приемов сбора информации относятся различные формы *прямого наблюдения, интервью* (беседы) с информаторами, собирание *музейных коллекций* и их описание, извлечение данных из материалов прессы, других *нарративных* (повествовательных) источников и т.п. Среди классических методов переработки информации — составление картотек и досье, типологизация, картографирование и другие.

Современные (неклассические) методы характеризуются относительно большей строгостью, формализованностью, что вызвано широким использованием средств и исследовательских приемов статистики, привлечением электронно-вычислительной (компьютерной) техники для переработки и анализа данных. Среди неклассических методов в первую очередь следует упомянуть массовые этнологические обследования, основанные на расчете представительности (репрезентативности) *выборки* из той или иной *генеральной совокупности* изучаемых объектов. Введение в этнологию *числа* (в виде статистических таблиц и т.п.) позволило также применить в ней метод структурного моделирования этносов. К неклассическим методам относят также *метод статистического анализа периодической печати* (так называемый контент-анализ), *метод экспертных оценок* и ряд других.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что наибольший научный эффект дает комплексное использование широких наборов методов, корректирующих исследовательские результаты и выводы.

3. Язык науки

Обсуждая предметную область, социальные функции, теории и методы этнологии, уже понадобилось воспользоваться большим набором специальных слов — *понятий, терминов*, составляющих язык этой науки, ее *понятийный аппарат*, с помощью которого она описывает, анализирует и объясняет изучаемую ею сторону социальной реальности. Иногда говорят, что «споры о словах», то есть о понятиях и терминах, едва ли нужны, так как «дело не в названии». На самом деле это не так. Точность и необходимая строгость понятий обязательны. Без них наука не может описать изучаемые объекты.

В последующих главах также встретится немалое число понятий и терминов, в которых этнологическая наука нуждается, чтобы с необходимой мерой ясности и точности излагать материал, формулировать выводы и закономерности, намечать возможные в будущем изменения. Заранее назвать, объяснить и истолковать все понятия и термины, которые встретятся на страницах этого учебника, не представляется возможным: краткий перечень или словарь не заменили бы собой существующих специальных справочников и словарей. Однако обратить внимание на проблему понятийного (терминологического) аппарата и на отдельные наиболее важные понятия (помимо уже названных и объясненных выше) — не только полезно, но и необходимо.

Об этнологии (этнографии) можно услышать мнение, будто это чисто *дескриптивная* (описательная), эмпирическая дисциплина, которой чужды обобщения и теории и которая, следовательно, нуждается якобы только в бытовой лексике для фиксации и первичного описания собранных сведений. Это, разумеется, либо заблуждение, либо недобросовестное преувеличение лишь одной из сторон этнологической работы. В действительности в каждом этнологическом исследовании в отдельности и в этнологической науке в целом непременно выражены обе стороны — эмпирическая и теоретико-методологическая, а за время своего развития эта наука отчасти создала, отчасти заимствовала богатый понятийно-терминологический арсенал. Согласно подсчетам, современная этнология использует (без учета *этнической номенклатуры* — названий народов) от 3 до 4 тыс. понятий и терминов.

Этнос — чрезвычайно сложная социальная система. Поэтому и описывающий ее понятийно-терминологический аппарат отличается теми же чертами: сложностью, системностью, соподчиненностью. Пространственно-расселенческую сторону этноса характеризуют, в частности, *этническая территория* и *этнические границы*, *компактность* или *дисперсность* (рассеянность) расселения, культурная *адаптация* к местным экологическим условиям и т.п. Некоторые хозяйственно-экономические стороны жизни этноса отражает *этническая композиция* (состав) экономически активного населения, трудовых ресурсов, потенциальных покупателей, работников различных отраслей народного хозяйства и мн. др. Социальные аспекты описываются как социальные *страты* (слои), сословия, классы, касты и институты в этносах и *этнические группы* в этих социальных образованиях. При этом этническими группами обычно называют такие территориальные части этноса, которые осознаются этнофорами; выделяемые же исследователями культурно-территориальные части чаще

именуют *этнографическими группами*. И те и другие наряду с этим называют также *субэтносами*.

Для отображения языковых явлений также служат соответствующие понятия — *диалект, жаргон, литературный язык, билингвизм и полилингвизм* (двуязычие и многоязычие) и др. Расчленение культуры этноса на *материальную* и *духовную, народно-фольклорную* и *профессиональную* служит терминологическим оформлением всякого целостного анализа изучаемого этнологами объекта. Понимание *быта* того или иного народа как повторяющегося, устойчивого, ритмичного поведения побуждает говорить о его наиболее стереотипизированных формах, таких, как *обычай, обряд, ритуал, этикет* и им подобные. Отражение сознанием своей принадлежности к этносу складывается в коллективное и индивидуальное *этническое самосознание*, формируя в нем *этнические картины мира*. Сравнение, сопоставление этносов и их характеристик между собой позволяет выяснять *этническую специфику* (при тех оговорках, что были сделаны выше). Взаимодействия этносов могут принимать сильно различающиеся формы — от неглубоких межэтнических контактов до *аккультурации* (частичного усвоения одним этносом культуры другого) и *ассимиляции* (растворения одного этноса в другом). Этнические и межэтнические процессы проявляются как *объединительные* (этноинтегративные) и *разделительные* (этническая дифференциация и *парциация*). При этом возможны *межэтнические напряженности* (в том числе *латентные*, т.е. скрытые) и *конфликты*.

Овладение началами этнологической науки предполагает достаточное внимание к ее понятийно-терминологическому оснащению.

ИСТОЧНИКИ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

В свете проблем, которые рассматриваются в настоящей главе, особенно уместно еще раз напомнить, что важнейшей целью науки всегда является и остается получение нового знания. В этнологии это знание о строении, исторической эволюции, современном и будущем движении этносов. И если это так, то для осуществления этнологического исследования нужно прежде всего располагать необходимыми сведениями об объекте, который предстоит изучить. Такого рода сведения (материалы, данные, информация) содержатся в разнообразных *источниках*, откуда их нужно всякий раз извлекать для анализа и дальнейшего научного использования. Эти источники очень разнообразны, они могут иметь различное происхождение, форму и, разумеется, неодинаковую научную ценность.

В самом общем смысле этнологическим (этнографическим) источником называют *всякое явление, которое может быть использовано для извлечения сведений об этнических объектах* (этносах или этнических общностях, субэтносах и этнических группах, об их сторонах, свойствах или характеристиках). Для практической исследовательской работы в области этнологии нужно обладать определенными и детальными знаниями об этнологических источниках.

Этнологические источники могут представлять собою материальные (вещественные) предметы культуры изучаемого народа — *артефакты* (от лат. *arte* — искусственно и *factus* — сделанный); они описываются и исследуются в качестве произведений, воплощающих свойства этого народа. Если же речь идет об изучении этнокультурной истории, то такие источники удобно трактовать как *остатки* прошлой этноисторической реальности. Следовательно, сам источник выступает как остаток, фрагмент изучаемого факта или объекта. К числу таких остатков-артефактов относятся, например, коллекции этнографических музеев, сохраняемые обществом памятники истории культуры, а также функционирующие в реальном бытовании традиционные предметы материально-вещной среды (традиционная народная одежда, характерные национальные кушанья, предметы обихода и т.п.).

Наряду с артефактами различают такие источники, которые содержат в себе *отражения* тех или иных сторон этнического объекта, интересующего исследователя. Их иногда называют преданиями, или *меморатами* (от лат. *memoria* — память). К этой обширной категории этнологических источников относят многие виды письменных свидетельств, разнообразные записи и иные фиксации данных (звукозапись, кино- и видеосъемки), рисунки, устные рассказы и прочие документальные и псевдодокументальные материалы. Сказания полинезийцев об их расселении по островам Тихого океана, «История» Геродота, содержащая обильные историко-этнологические материалы о многих древнеевропейских, азиатских и африканских народах, сведения из комплекта газеты о межэтнических взаимоотношениях — вот типичные примеры этого класса источников.

Разделение источников на артефакты-остатки и мемораты-предания является относительным и далеко не единственно возможным. Анализируя источник,

полезно, кроме того, установить характер его отношения к описываемой им этнической реальности: представляет ли он собою прямое свидетельство об изучаемом явлении (например, результат специального прямого наблюдения) или же сведения об исследуемом объекте отразились в источнике лишь попутно и имеют к объекту более или менее косвенное отношение. Так, описание папуасских обрядов, которые наблюдал Н.Н. Миклухо-Маклай на Новой Гвинее, прямо характеризует быт местных племен, в то время как упоминания о русских, французах и немцах в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» содержат лишь косвенные их характеристики, которые приходится специально извлекать из этого произведения, подвергая тщательной *источниковедческой обработке*.

Характер и свойства источников сильно различаются. Обширный класс среди них составляют *письменные* памятники. Их особая ценность состоит в том, что они содержательны и наполнены смыслом. Правда, их не всегда легко прочитать (например, памятники письменности индейцев майя и др.). Письменные источники могут быть зафиксированы на разных носителях — на глиняных табличках (письменные документы шумеров, хеттов и иных древних народов), на папирусе (у древних египтян), на каменных стелах — монументах той или иной формы (например, трехязычная Бехистунская надпись VI в. до н.э. в Иране), на пергаменте (особым способом выделанной коже), на бересте (в средневековом Новгороде) и, наконец, на бумаге. В конце XX в. широко распространились носители, используемые с применением компьютерной техники.

Кроме письменных другим важнейшим видом источников являются *устные* (фольклорные и иные), а также *вещественные*. Многие письменные источники хранятся в *архивах*, но немало их уже опубликовано. Отношение исследователей к источникам существенно зависит от того, содержат ли они нечто новое, еще неизвестное. Поэтому источники, заново обнаруженные в архиве или собранные в экспедиции («в поле»), обычно ценятся выше, чем уже опубликованные и неоднократно проанализированные. Но бывает и наоборот: в новом теоретическом и методологическом освещении, в сопоставлении с другими источниками уже известные памятники «раскрываются» с прежде неизвестной стороны и их повторное изучение ведет к новому открытию.

Работа с этнологическим (этнографическим) источником начинается с его критического рассмотрения (так называемой *критики источника*). Научность всякого исследования в первую очередь определяется строгостью и тщательностью источниковедческого анализа. Главная задача критики источника состоит в том, чтобы установить, содержит ли он этнологическую информацию, и если да, то в какой мере ее можно использовать в научном исследовании. Необходимо выяснить происхождение источника, его автора (если он есть), каким образом источник возник или был создан, в какой степени он заслуживает доверия. Легко, например, убедиться в том, что материалы о поселениях, жилых постройках, хозяйстве, верованиях и фольклоре лопарей (саами) Кольского полуострова, содержащиеся в книге известного русского этнолога Николая Николаевича Харузина «Русские лопари» (1890), представляет собой источник, вызывающий к себе полное доверие исследователей. В противоположность этому многие дилетантские сочинения путешественников, купцов и других наблюдателей быта и нравов народов (хотя там подчас и содержатся ценные факты) требуют к себе настороженно-критического отношения, тщательного отделения достоверных сведений от выдумок и домыслов.

Понятно, что привлечение к анализу тех или иных источников в решающей мере диктуется целью, темой и задачей исследования. Изучение *этногенеза* (происхождения) татар и чувашей требует, в частности, обращения к источникам, содержащим сведения о древних тюрках, о выделении из их среды булгарских племен, о переселении в последней четверти I тыс. н.э. болгар на Среднюю Волгу, подчинении ими местных финских этносов, о воздействии на них кыпчакских (куманских, половецких) племен в XII—XIV вв. А вот исследовательская задача, связанная с изучением современных карнавалльных празднеств у народов Латинской Америки, поставит вопрос о привлечении существенно иных источников информации. При этом следует принять во внимание, что сведения, содержащиеся в источнике, могут так или иначе, тем или иным способом соответствовать действительности даже в тех случаях, когда они относятся к воображаемым объектам. Так, Ксенофан Колофонский, древнегреческий поэт и мыслитель начала V в. до н.э., отмечал: «Эфиопы говорят, что [их] боги курносы и черны, фракияне же [представляют себе] своих богов голубоглазыми и рыжеватыми».

Исследование историко-этнологических проблем побуждает ученых обращаться к классическим письменным *нарративным* (повествовательным) источникам. Примеры в этом случае многочисленны и разнообразны. Сколько-нибудь полное их перечисление невозможно. Ниже названы лишь некоторые, которые при желании могут быть заменены другими, несколько не уступающими приводимым ни с точки зрения их научной ценности, ни в смысле яркости и занимательности.

Писатель и историк последней четверти I и начала II в. н.э. Корнелий Тацит известен как автор серьезных капитальных трудов («Анналы», «История»), так и создатель менее крупных, но тем не менее содержательных произведений («Жизнеописание Юлия Агриколы», «О происхождении германцев и местоположении Германии»). Во всех сочинениях Тацита имеются ценные сведения палеоэтнографического характера. Насколько его труды насыщены этнической информацией, можно судить по тому факту, что в них упомянуты более 150 этнических наименований (этнонимов) народов, расселенных в большей части известной в ту пору ойкумены. Наиболее «этнологичным» считают трактат Тацита «Германия». Сам автор в Германии не был и быть германцев лично не наблюдал, но он создал в целом правдивый (хотя и не во всем безошибочный) этнический «портрет» населения Центральной и отчасти Южной и Восточной Европы конца I в. н.э. Автор описывает расселение германских и других племен, их хозяйственные занятия, так сказать, военный потенциал, а также нравственный облик. «Браки у них (германцев) соблюдаются строго, — пишет Тацит, — и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой...» Тацит также повествует об обычае гостеприимства у германцев: «Не существует другого народа, который... был бы столь же гостеприимен. Отказать кому-нибудь в крове, на их взгляд, — нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка».

Эпоха феодализма породила немало разнообразных источников, содержащих информацию о различных сторонах жизни тогдашних этносов: хроники (летописи), произведения художественной литературы, правовые документы

и другие памятники. В числе средневековых источников, полезных для изучения исторической этнографии, следует указать на сочинения, возникшие в результате далеких и трудных путешествий, многолетних наблюдений разных стран и народов. Среди них «Книга» Марко Поло (XIII в.) о путешествии в Китай, «История монгалов» Плано Карпини и «Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука (XIII в.) об их миссиях в Монголию, «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (XV в.) о его пребывании в Персии и Индии. Сходная традиция сложилась и в арабско-мусульманском средневековом мире, где также появились выдающиеся путешественники, создавшие крупные труды. Заслуживает, например, упоминания «Книга» Ахмада Ибн Фадлана о его наблюдениях в ходе поездки в составе посольства из Багдада через Среднюю Азию на Волгу в Булгар Великий (X в.). Все же наибольший интерес привлекает к себе «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» — труд, созданный шейхом Абу Абдаллахом Ибн Баттутой (XIV в.). Автор проехал по суше и морю около 120 тыс. км, побывал в Южной и Восточной Европе, Северной, Западной и Восточной Африке, в Южной и Восточной Азии. Правда, в сочинении Ибн Баттуты преобладают прагматические сведения, как теперь говорят, экономико-политического характера, но нередко сообщаются известия о народах и их языках, о городах и их населении. Так, рассказывая о г. Басре, Ибн Баттута отмечает факт межэтнического общения здесь арабов, армян, персов, выходцев из Индии и других. Он описывает орошаемое земледелие в Китае, использование на островах Индонезии раковинкаури в качестве денег, рисует серию портретов женщин разных национальностей, повествует о ловле жемчуга в Южной Аравии и о многом другом.

Интересные и во многом достоверные сведения об индейском населении Центральной и Южной Америки содержатся в сочинениях Христофора Колумба, Бартоломе де Лас Касаса, Диего де Ланды (XVI в.).

Полезно обратить внимание еще на одну разновидность позднесредневековых источников, а именно на так называемые «домовники», или «домострои», — религиозно-бытовые инструкции-наставления касательно всего порядка и стиля семейной жизни в соответствии с христианско-патриархальным идеалом. Среди этого рода произведений выделяется русский «Домострой», отредактированный протоиереем Сильвестром — советником Ивана Грозного (XVI в.). «Домострой» представляет собою педантичное назидание почти на все случаи домашней жизни в боярский, дворянской или купеческой семье. Можно думать, что его требования оказали некоторое влияние также на характер семейно-бытового поведения и других сословий и классов русского феодального общества допетровского времени, а отчасти сохраняли это влияние и позднее в купеческой и мещанской среде московского Замоскворечья, в приволжских и южнорусских городах. В качестве этнологического источника «Домострой» интересен не только описанием нормативно-бытовых правил и требований (в том числе, например, «свадебного чина»), но и упоминанием большого числа терминов и понятий, относящихся к материальной и духовной бытовой культуре русских XVI в.

В последующие периоды Нового времени (XVIII и XIX вв.) появились содержательные источники, связанные с интенсивными географо-экономическими обследованиями нашей планеты. Исследования Джеймса Кука, Жана Лаперуза и Луи Бугенвиля, академические экспедиции по России (XVIII в.),

научные путешествия Александра Гумбольдта, кругосветные плавания российских моряков в первой половине XIX в. и многие другие — все это были не только шаги в географическом постижении Земли, но также важные штрихи и элементы познания этнического состава ее населения. В этой связи нельзя не вспомнить также о произведениях Никиты Яковлевича Бичурина (в монашестве Иакинфа). В 1808—1821 гг. он возглавлял русскую православную миссию в Пекине, где посвятил почти все свое время изучению языка, истории, этнографии как собственно китайцев, так и монгольских и тюркских народов по китайским источникам. В частности, его «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» содержит чрезвычайно богатые фактические данные о палеоэтнографии названного региона.

Особо важную роль среди источников, используемых в этнологических исследованиях, играют материалы и сведения, собираемые в этнологических (этнографических) экспедициях путем как прямого, так и инструментального наблюдения избранного для изучения фрагмента действительности. Сведения, собранные в экспедициях, обычно называют *полевым материалом*. Присутствие в том или ином научном труде полевого материала (в особенности собранного лично его автором) повышает, согласно существующим канонам, ценность такого труда.

Об этнологических экспедициях обычно говорят как о чем-то таком, что связано с романтическими переживаниями далеких поездок, встреч с людьми, принадлежащими к иным культурам, и другими привлекательными сторонами пребывания в путешествии. Кое-что из этого вполне справедливо, но все же следует иметь в виду, что этнологическая экспедиция — это прежде всего сложный и часто утомительный труд по собиранию разнообразных сведений о населении региона, который обследует экспедиция. Работа в экспедиции включает в себя беседы с *информаторами (респондентами)*, фиксацию данных о предметах *материальной культуры (поселениях, жилищах и других постройках, одежде и украшениях, утвари и пище и т.п.)*, описание *поведенческих элементов* жизни местных жителей (*обычаев, обрядов, ритуалов и т.д.*), семьи и семейной жизни, записи (текстовые, звуковые и пр.) фольклора, выявление и регистрацию данных о языках, психологических свойствах населения и многое другое, что необходимо тем или иным способом закрепить, превращая увиденное и услышанное (т.е. наблюденное) в собственно *полевой источник* этнологических сведений.

Отсюда следует, что источники, полученные путем экспедиционного наблюдения, имеют важное и специфическое свойство: они создаются исследователями (и их помощниками) в ходе экспедиционной работы. И чем тщательнее этнологи трудятся, чем внимательнее наблюдают и чем точнее фиксируют наблюдаемые в экспедиции объекты, тем более содержательные и ценные источники они создают. Конечно, все этнологические (этнографические) источники так или иначе созданы или собраны людьми — письменные документы, археологические и этнографические коллекции в музеях, фольклорные произведения или заполненные опросные листы для записи сведений при проведении переписи населения. Современный исследователь уже не имеет возможности изменить созданные в прошлом источники — расширить их содержание, повысить достоверность их сообщений, добавить или сократить их информационную

наполненность. Другое дело — тот экспедиционный (полевой) источник, который создает (формирует, организует, собирает и закрепляет с помощью тех или иных способов запоминания) ученый, сам подготавливающий и проводящий экспедицию. В этом случае исследователь (конечно, в пределах реальных условий) имеет возможность так повлиять на процесс создания полевого источника, чтобы он в наибольшей мере соответствовал научной цели, отвечал на те вопросы, которые исследователь намерен выяснить. Понятно поэтому, сколь велика ответственность за высокое качество источника, лежащая на организаторе и руководителе экспедиции.

В этнологических исследованиях, как показывает опыт и как об этом сказано выше, находят себе применение разнообразные виды источников: а) вещественные памятники и предметы, б) письменные тексты и в) данные устной традиции (которые, понятно, приходится также превращать в тем или иным способом фиксированные тексты). Разнообразие источников обусловливается еще и множественностью технических способов отображения этнической действительности. Всякого рода рисунки — от реальных изобразительных элементов на произведениях иконописи до современных рисунков характерных национальных типов (среди которых известны, например, акварели Б.М. Кустодиева «Русские типы»), фотографии, кинорепортажи, звукозаписи, наконец, съемка видеофильмов и т.п. — все эти материалы нередко используются в качестве этнологических источников, а в обозримом будущем их значение, несомненно, возрастет.

Этнологическое исследование редко основывается на одном каком-нибудь источнике или даже группе источников одного класса. Обычно этнологи, исследуя ту или иную проблему, в ходе работы объединяют (*комплексируют*) разные источники, что дает возможность получить разностороннюю характеристику изучаемого объекта. По этой причине этнологи часто привлекают к анализу материалы и выводы многих наук и дисциплин — физической антропологии (расоведения), географии (почти всех ее разделов), археологии, истории, лингвистики (исторической и социальной, топонимики и вообще ономастики), а также фольклористики. Материалы этих и других отраслей знания часто служат ценными источниками данных при осуществлении этнологических исследований.

Отдельного упоминания заслуживает еще один класс источников: это памятники и результаты деятельности по «производству» профессиональной духовной культуры, созданием которой занят особый слой общества — национальная художественная (творческая) интеллигенция. Этническая информация обильно представлена в художественной литературе (вспомним для примера испанские и другие повести и очерки Проспера Мериме), в журналах и газетах, кино- и видеофильмах, передачах радио и телевидения, произведениях живописи и скульптуры. Все они могут быть изучены с этнологической точки зрения и в современной науке нередко служат источниками интересных и важных сведений. В этом смысле интересны произведения Н.С. Лескова. В 27 его повестях и рассказах (исключая романы) — около 1 тыс. персонажей, из которых 87% — русские и 13% — других национальностей; среди последних представлены почти 20 этносов России и зарубежной Европы.

Еще один способ непрямого (инструментального) наблюдения — массовое этнологическое обследование, с помощью которого создается массовый, статистически значимый источник. Строго говоря, этнолог (этнограф), как правило, имеет дело именно с массовыми, а не с единичными источниками и фактами; единичное описание народного жилища или костюма не имеет убедительной и доказательной силы. Нужны более или менее значительные серии сведений (описаний) для того, чтобы получить основание сказать: в данном случае наблюдается не частное и случайное явление, а некоторый тип, некоторая устойчивая тенденция. Этнологи, в сущности, всегда интуитивно исходили из допущения, что наблюденное множество однородных фактов выражает закономерную эмпирическую тенденцию. Именно поэтому в этнологии и этносоциологии при сборе и анализе массовой этнологической (этнографической) информации успешно используются идеи и методы математической и социальной статистики. При этом источниками становятся такие исследовательские инструменты, как анкеты, опросные листы, вопросники, заполняемые в ходе проведения массовых обследований. Работа по изучению и созданию этих источников — конструирование стандартных вопросников, организация их заполнения в экспедиции (или иным способом), анализ с помощью статистической переработки на компьютере — составляют предмет специальных научных и учебных этнологических дисциплин.

Этнологическое источниковедение — существенный раздел науки об этносах.

Глава 4

ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

1. Предыстория зарубежной этнологии

Накопление фактического материала об этнокультурном многообразии человечества. Этнология возникла как самостоятельная научная дисциплина в середине XIX в., но интерес к культурным, социальным и физическим свойствам, языкам окружающих народов был всегда присущ человеческим сообществам. Этот интерес приводил к возникновению в общественном сознании каждого народа определенных представлений, которые можно назвать *этнической картиной мира*. Об этнологических представлениях прошлого можно узнать, в частности, по письменным источникам, которые впервые появились в древнейших государствах — Древнем Египте, государствах Месопотамии, древнем Иране, античных Греции, Риме и др.

В древнейших памятниках письменности Древнего Востока, таких, как древнеегипетские тексты «Палермского камня» (летописи эпохи Древнего Царства), «Приключения Синухета» (XX в. до н.э.), архив документов, найденный в Телль-эль-Амарне (XIV в. до н.э.) и др., отражены знания древних египтян о народах, населявших страны Куш, Пунт, Ливию, Сирию, Палестину, Аравию, Вавилон. В военной хронике ассирийского царя Синаххериба (начало VII в. до н.э.) упоминаются десятки побежденных народов, среди которых есть как известные науке (*арабы, арамеи, халдеи, набатеи*), так и представляющие собой до сих пор загадку для историков. В победной надписи персидского царя Дария I (V в. до н.э.) также приводится перечень завоеванных народов (*мидийцы, парфяне, согдийцы, бактрийцы* и др.), а кроме того, названы субэтнические подразделения некоторых народов, в частности *скифы* подразделяются на «*скифов Хаумаварга*», «*скифов с островерхими шапками*», «*скифов по ту сторону моря*».

Подробная этническая картина Древнего мира отражена в Библии (XIII—V вв. до н.э.), в особенности в книгах Царств и Бытия, где упоминаются многие народы — *хананеи, филистимляне, иевусеи, идумеи, амаликитяне, мадианитяне, моавитяне, аммонитяне, аморреи, вавилоняне, эламиты, аравитяне, савеяне, египтяне, эфиопляне, сирияне, хеттеи, ассирияне* и др. Библия — один из первых памятников, в котором, помимо наименования народов и их характеристик, содержится и «теория», объясняющая их происхождение и исторические взаимосвязи: все известные древним евреям народы возводятся к какому-либо из патриархов — потомков Ноя, что подчас выступает как «объяснение» их культурных особенностей и образа жизни.

Древнегреческая письменная традиция содержит богатый материал о народах тогдашней ойкумены и даже немало попыток его обобщения, которые могут считаться ранними теоретическими истоками этнологической науки. Уже в древнейших литературных памятниках — поэмах «Илиада» и «Одиссея» (IX—VIII вв.

до н.э.), приписываемых Гомеру, есть упоминания многих народов. В перечислении кораблей в «Илиаде» названы «народы» (субэтносы), чьи дружины собрались на Троянскую войну, — *абанты, беотийцы, фокейцы, локрийцы, афиняне, саламинцы, аргосцы, аркадцы, этолийцы, критяне, родосцы* и др. Примечательно, что еще не употреблялось общее для всех греков название *эллины*. Этим словом называлась лишь община из пеласгического Аргоса.

В знаменитой «Истории» (в девяти книгах) Геродота из Галикарнаса (V в. до н.э.) этническая картина античного мира значительно расширяется, так как к этому времени греческие колонии распространились по побережьям и островам Средиземного и Черного морей, от Испании и Италии до Тавриды и Кавказа. Греки вступили в соприкосновение с множеством народов, которые у Геродота не просто упоминаются, но и получают порой довольно детальную характеристику. В особенности это касается народов тех стран, где он сам побывал, — Египта, Аравии, Финикии, Сирии, Малой Азии, Вавилонии, Ассирии, Италии, Македонии, Фракии. Богат этнографическими материалами труд афинянина Ксенофонта «Анабасис» (IV в. до н.э.), повествующий о походе греческого войска по междуречью Тигра и Евфрата, Восточному и Южному Причерноморью, малоазийской Фракии. Интерес для современной исторической этнологии представляют суждения Ксенофонта о народах, которые он лично наблюдал, будучи участником похода: о *кардухах (курдах?)*, *арменах (армянах?)*, *скифинах (скифах?)*, *колхах (грузинах?)*, *фракийцах, мардах, халдеях, таохах, халибах* и др. Из более поздних греческих сочинений достойны упоминания «Всеобщая история» (в 40 книгах) Полибия (II в. до н.э.) и «География» Страбона (I в. н.э.). Труд Полибия содержит одну из первых попыток представить судьбы известных в его время народов (преимущественно *эллинов, римлян, этрусков, кельтов, венедов*) в едином контексте всемирной истории, венцом и логическим завершением которой он считал Римскую империю. Сочинение Страбона — это своеобразная этнологическая энциклопедия. В ней упоминается более 820 народов и племен и многие из них описываются по плану, включающему следующие пункты: расселение, хозяйственный уклад, общественное устройство, правосудие, военное дело, семейные и брачные обычаи и пр.

Письменная традиция Древнего Рима накопила немало сочинений, содержащих ценный этнографический материал. Среди них выделяются «Записки о галльской войне» Гая Юлия Цезаря (I в. до н.э.), «Естественная история» Плиния Старшего (I в. н.э.), «О происхождении германцев и местоположении Германии» Корнелия Тацита (I—II вв. н.э.), поэма «О природе вещей» Тита Лукреция Кара (I в. н.э.). «Записки» Цезаря содержат весьма точную этнографическую информацию о племенах завоеванной им Галлии (*аквитаны, галлы, белги, гельветы, эдуи, секвены* и др.), а также о граничащих с *кельтами* германских племенах (*узипеты, тенктеры* и др.) и племенах только что завоеванной римлянами Британии. Труд Плиния Старшего охватывает страны и народы огромной территории — от Испании до Индии и от Балтики до Африки. Сочинение Тацита о германцах можно назвать прообразом научной этнологической монографии, в которой помимо подробного описания многих германских племен (*треверы, нервии, батавы, хатты, узипеты, тенктеры, брукеры* и др.) содержится интересная попытка их классификации по принципу общности

происхождения: он выделил три группы племен (*ингевоны*, *гермионы* и *истевоны*), каждая из которых отличается набором общих черт в языке, культуре и самосознании. Поэма Лукреция Кара не богата конкретным этнографическим материалом, но ее значение состоит в том, что в ней впервые в античной литературе построена стадияльная типология известных в то время народов. Лукреций Кар выделил универсальные стадии исторического развития, связав их с появлением каменных, медных, а затем и железных орудий труда, с приручением животных, возникновением земледелия и письменности.

Эпоха Средневековья, особенно на раннем этапе, была отмечена все отчетливее выраженной замкнутостью новых варварских государств, сужением географического кругозора, утратой многих знаний об окружающем мире, накопленных античной письменной традицией. Пожалуй, лишь в восточной части Римской империи (Византия) эта традиция получила дальнейшее развитие. Одним из наиболее интересных для исторической этнологии византийских литературных памятников является «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» Прокопия Кесарийского (543—554). Наиболее полные и точные этнографические сведения этого труда относятся к народам, с которыми Византия вела постоянные войны: к германским племенам *готов*, *вандалов*, *франков*, *герулов*, а также к славянским племенам, разделенным автором на две группы — *собственно славян* и *антов*, в которых современные исследователи видят предков соответственно западнославянских и восточнославянских народов. Современник Прокопия готский историк Иордан создал яркий труд «О происхождении и деяниях гетов» (ок. 550), в котором он, опираясь, очевидно, на более ранние источники, представляет расселение народов на огромной территории от Британии до Китая. Правда, подобно большинству авторов древности и Средневековья, Иордан об отдаленных народах часто сообщает фантастические сведения, но о более близких и знакомых ему лично дает в целом точную информацию. В особенности это относится к готам, *ромеям* (т.е. грекам, основному населению Византии), славянам, *гуннам*.

Возникновение *монгольской* империи Чингисхана и продвижение ее завоеваний до Центральной Европы в XIII в. вызвали острый и тревожный интерес европейцев к народам Азии, ранее практически им неизвестным. На восток в это время стали отправляться многочисленные посольства. Наиболее интересную информацию об азиатских народах принесли путешествия венгерского монаха-доминиканца Юлиана (1235 и 1238) в «Великую Венгрию» (Южное Приуралье) и «Великую Булгарию» (Среднее Поволжье); итальянца Плано Карпини, посланного папой Иннокентием IV в ставку великого монгольского хана Гуйюка (1245—1247); фламандца Виллема Рубрука, отправленного французским королем Людовиком IX к великому хану Мунхэ (1253—1255). К этому ряду научно эффективных путешествий можно отнести и странствия венецианца Марко Поло по многим странам Азии (1271—1295), в частности ко двору монгольского хана Хубилая, ставшего китайским императором. Сочинения этих путешественников открыли для части образованных европейцев этническую картину Центральной Азии и сопредельных территорий.

Великие путешествия и колониальные захваты европейских государств XV — начала XIX в. включили в этническую картину мира европейцев народы всех

обитаемых континентов Земли. Вначале лидерами в открытии новых земель и населяющих их народов были португальские мореплаватели. В 30—80-х гг. XV в. они дошли до южной оконечности Африки, а в 1497—1498 гг. Васко да Гама обогнул ее и открыл морской путь в Индию. В 1492 г. испанские корабли Христофора Колумба достигли берегов Америки. В XVII в. лидерство в географических открытиях перешло к голландским морякам. А XVIII в. стал эпохой открытия новых земель и населяющих их народов в Тихом океане, которые совершали преимущественно французские и британские мореплаватели. Наиболее значительные из этих открытий совершены экспедициями Луи-Антуана Бугенвиля (1766—1769), Жана Франсуа Лаперуза (1786—1788) и Джеймса Кука (1769—1779). Этнологическое значение морских путешествий XV—XVIII вв. существенно потому, что сами мореплаватели либо их спутники, а также двигавшиеся вслед за ними ученые составляли подробные описания вновь открытых народов. Первые описания появлялись в виде отчетов руководителей экспедиций, а более детальные сводки этнографических материалов подготавливались позднее. В XVI в. были созданы: монументальный труд Пьера Мартира «О Новом Свете», сочинение Бартоломе де Лас Касаса «История Индии», книга Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» и др., в которых достаточно объективно, а порой и с гуманистических позиций описывались быт и нравы американских индейцев. Появлялись, правда, и такие описания, в которых, как дань средневековой традиции, встречались фантастические рассказы об одноглазых людях с собачьими мордами, о безголовых людях с глазами и ртами на груди и пр. Однако к началу XVIII в., века Просвещения, описания приобрели более научный облик. Это вполне характерно для сочинений Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света», Л.-А. Бугенвиля «Кругосветное путешествие на фрегате “Будёз”», ученого спутника Кука — Георга Форстера «Путешествие вокруг света». Сочинения подобного рода в XVIII в. стали очень популярны среди широкой общественности, что создало одну из предпосылок возникновения этнологии как особой науки.

Первые попытки обобщения и философского осмысления этнографического материала в XVI—XVIII вв. Описания народов Земли, созданные в течение веков, всегда содержали элементы обобщения и осмысления фактов, но на определенном этапе (XVI—XVIII вв.) стали появляться сочинения, в которых это стало главной задачей их авторов. Теоретическим основанием таких сочинений стало сравнение обычаев «экзотических» народов с обычаями европейцев. Одним из первых метод сравнительного анализа последовательно применил французский миссионер иезуит Жозеф Франсуа Лафито в своем труде «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен» (1724). Подмеченные им общие черты в обычаях индейцев ирокезов и некоторых античных народов он объяснял предположениями об их генетическом родстве (это, конечно, неверно). Сравнительно-этнографический анализ вначале нередко служил не столько научным целям, сколько целям идеологической, морально-нравственной критики европейскими мыслителями порядков в современной им Европе, что привело к появлению так называемой концепции «добраго дикаря», или «золотого века». Раньше других интерпретировал этнографический материал в этом смысле Мишель Монтень. В его сочинении «Опыты» (1580—1588)

первобытные народы заокеанских стран предстают гораздо более добрыми и нравственными, чем современные ему европейцы, одержимые алчностью, жестокостью и лицемерием. Эта же точка зрения, но в более последовательном виде, характерна для французских просветителей. Жан-Жак Руссо в трактате «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754) и Дени Дидро в памфлете «Добавление к путешествию Бугенвиля» (1772) на основе предвзято истолкованных этнографических фактов представили идеализированную картину жизни первобытных народов, находившихся в «естественном состоянии», а нравы европейцев обрисовали как результат разрушения этого состояния цивилизацией. В этнологической науке такую тенденцию именуют «руссоеизмом». Она не раз подвергалась научной критике, но, тем не менее, ее пережитки существуют до сих пор.

В эпоху Просвещения были сформулированы и утвердились в науке идеи *единства человеческого рода* и *прогрессивного развития человечества*. Этнографический материал об образе жизни «экзотических» народов использовался для обоснования типичных черт начальных стадий всемирно-исторического процесса в трудах французских мыслителей Шарля Луи Монтескье «О духе законов» (1748), Франсуа Мари Аруэ (Вольтера) «Опыт о нравах и духе наций» (1747—1778), Жана Антуана Кондорсе «Очерк исторической картины прогресса человеческого духа» (1794); английского мыслителя Адама Фергюссона «Опыт истории гражданского общества» (1768); немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791). Существенные идеи этих трудов и употребляемые в них понятия (в частности, категории «дикость», «варварство», «цивилизация» в периодизации А. Фергюссона) вошли в число мировоззренческих оснований этнологической науки и долго определяли многие из ее исследовательских построений.

2. Начальный этап истории зарубежной этнологии (середина XIX — начало XX века)

Становление организационных структур этнологической науки.

Промышленный переворот в XIX в. в странах Европы и Северной Америки придал новое содержание колониальному вопросу. Колонии европейских держав (а число таких колоний с этого времени стало стремительно увеличиваться) превращались из источников сырья, объединений торговых факторий и военных баз в рынки дешевой рабочей силы и сбыта товаров европейских фабрик. Это обострило потребность в точной, оперативной и системно организованной информации о народах колоний. Коммерческие, промышленные и связанные с ними политические круги европейских стран к середине XIX в. все чаще приходили к осознанию того, что для понимания положения дел в колониях необходимы специальные знания и учреждения. Во многих странах почти одновременно стали возникать научные этнологические общества. В 1839 г. образовалось «Парижское общество этнологии» во Франции; в 1842 г. — «Американское этнологическое общество» в Нью-Йорке; в 1843 г. — «Этнологическое общество Лондона», а в 1863 г. — «Антропологическое общество Лондона» в Великобритании, позже (1871) объединившиеся в «Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии»; в 1869 г. — «Об-

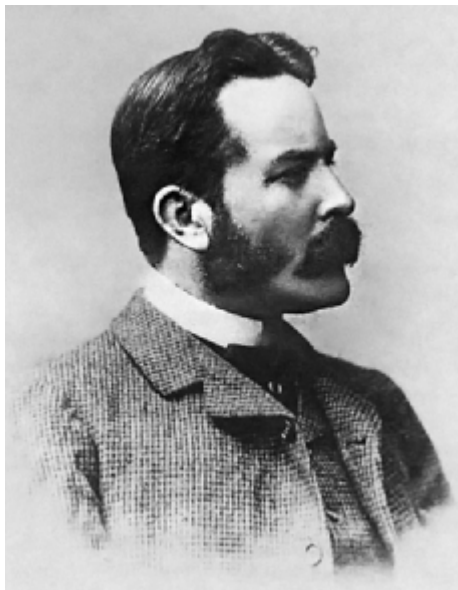
щество антропологии, этнологии и доистории» в Германии; в 1871 г. — «Итальянское общество антропологии и этнологии».

Такого рода научные объединения закладывали организационные основания новой науки, отчасти определяли ее место в академической среде и в обществе. Они стали издавать научные журналы, такие, как «Журнал Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии» (Journal of Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland), «Человек» (Man), «Сообщения и вопросы антропологии» (Notes and queries on anthropology) в Великобритании, «Этнологический журнал» (Zeitschrift für Ethnologie) в Германии, «Антропос» (Anthropos) в Австрии, «Американский антрополог» (American anthropologist) в США и др. Позже, в начале XX в., этнология вошла в систему университетского образования в виде особых кафедр и факультетов.

Название новой науки отличалось в разных странах. На ранних этапах становления науки о народах в Германии, Англии, США, Франции, Италии сравнительное, теоретическое исследование заморских народов рассматривалось по большей части как предмет *этнологии*. Собираание эмпирического материала, его публикация относились к сфере *этнографии* (как вспомогательного научного направления). Кроме того, в Германии как самостоятельная ветвь науки о народах выступало *народоведение* (Volkskunde), объектом исследования которого был собственный — немецкий — народ. Изучение народов мира в немецкой науке называли тем же термином, но во множественном числе — Völkerkunde. В дальнейшем, по мере развития, наука о народах получила в Англии наименование *социальной антропологии*, в США — *культурной антропологии*.

Научные истоки эволюционной теории в этнологии. Этнология почти во всех странах формировалась под влиянием мировоззренческого направления, получившего общее название «эволюционизм». Главной задачей научного познания, унаследованной основоположниками этнологии еще от мыслителей эпохи Просвещения, стало выявление объективных законов эволюционного развития изучаемой реальности. Идея эволюции вообще лежит в основании тогдашней новой науки — новой астрономии с ее теорией развития вселенной из первоначальных туманностей (сформулированной еще в конце XVIII в. Иммануилом Кантом и Пьером Симоном Лапласом); геологических и географических теорий английского ученого Чарльза Лайелля и немецкого ученого Александра Гумбольдта (доказавших, что поверхность Земли формировалась в результате постепенных изменений, образовавших наслаивающиеся пласты); лингвистики, открывшей процесс эволюции современных европейских языков из древней протоиндоевропейской основы. В биологии идея эволюции привела в 50-х гг. XIX в. к фундаментальным открытиям Чарльза Дарвина, который в труде «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) эмпирически обосновал эволюционную изменчивость всего живого. Таким образом, естественно-научный эволюционизм оказал сильное влияние на формирующуюся этнологию.

Эволюционизм. В британской социальной антропологии установки эволюционизма побудили ученых рассматривать культурные явления в качестве аналогов биологических видов, а постижение их сущности трактовать преимущественно как изучение их происхождения и эволюционного развития.

Дж. Фрэзер

Эти методологические установки наиболее ярко проявились в творчестве Эдварда Бернетта Тайлора (1832—1917). В своих трудах «Первобытная культура»¹ (1871) и «Антропология»² (1881) он представил происхождение и развитие основных институтов культуры человечества в виде «эволюционных рядов», проходящих через «дикость и варварство к цивилизации». Особое внимание он уделил происхождению религии, сформулировав теорию *анимизма* (от лат. *animus*, *anima* — дух, душа), согласно которой религия возникает из веры в духов и душу. Тайлор стал одним из первых, кто разработал ряд методов этнологического анализа: *сравнительно-эволюционный метод*, который, по его мнению, позволяет группировать явления культуры по стадиям эволюционного развития; *метод пережитков*, даю-

щий возможность обнаружить в современных явлениях следы прошлого. На позднем этапе творчества Тайлор пытался применять также *методы статистического анализа* при изучении систем родства.

Методология эволюционизма стала основой научной деятельности целого ряда английских социальных антропологов, среди них — Джон Лёббок, автор книги «Доисторические времена»³ (1865); Джон Мак-Леннан («Первобытный брак»⁴, 1865), Генри Мейн («Первобытное право»⁵, 1861). Наибольшей популярностью пользовались труды Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь»⁶ (1890) и «Фольклор в Ветхом завете»⁷ (1923).

Эволюционизм в этнологии США связан главным образом с деятельностью Льюиса Генри Моргана (1818—1881), который, однако, занимает особое место среди представителей этого направления. Он стал первым среди основоположников этнологии, кто не ограничивался кабинетным анализом фактов, а про-

¹ Tylor E.B. Primitive culture. V. 1—2. L., 1871. Рус. пер.: Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

² Tylor E.B. Anthropology. L., 1881. Рус. пер.: Тэйлор Э.Б. Антропология. СПб., 1909.

³ Lubbock J. Prehistoric times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages. L., 1865.

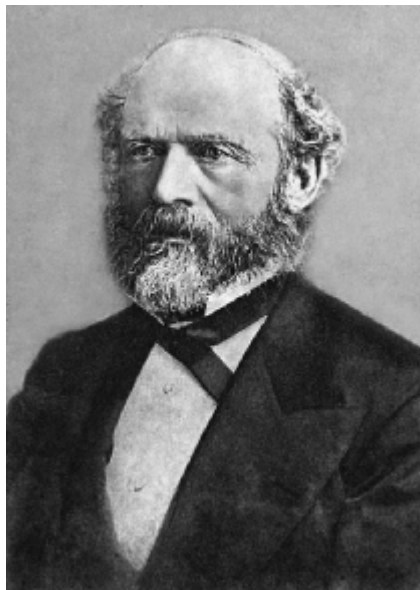
⁴ McLennan J.F. Primitive marriage: An inquiry into the origin of the forms of capture in marriage ceremonies. Edinburgh, 1865.

⁵ Maine H.S. Ancient law: Its connections with the early history of society and its relation to modern ideas. L., 1861. Рус. пер.: Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к древнейшим (ошибочный перевод; правильно — «современным». — Ред.) идеям. СПб., 1873.

⁶ Frazer G.G. The golden bough. V. 1—2. L., 1890; Рус. пер.: Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

⁷ Frazer G.G. Folklore in the Old Testament. L., 1923. Рус. пер.: Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.

водил специальные научные полевые исследования, так как с детства был близко знаком с жизнью индейцев ирокезов и был даже усыновлен одним из их племен (сенека), а впоследствии совершил немало поездок с научными целями к разным племенам. Первым в этнологии он применил метод анкетирования, рассылая американским миссионерам, торговцам и дипломатам во многие страны опросные листы для того, чтобы собрать информацию о семейной и *родовой организации* первобытных народов. Благодаря эффективной методике Морган добился значительных результатов, изложенных в главном его труде «Древнее общество»¹ (1877). Он предложил наиболее совершенную для своего времени теорию первобытной общественной организации, в основе которой лежало его *учение о роде*. Значение научного вклада Л.Г. Моргана выходит далеко за пределы его страны и его времени. Его идеи получили широкое признание среди этнологов Западной Европы и России. К настоящему времени многие положения трудов Моргана уже устарели (абсолютизация значения рода, неверное отражение взаимосвязи систем родства и брака, ошибочность исторической реконструкции некоторых форм семьи и т.п.), но это не умаляет его заслуг как создателя научных оснований изучения первобытного общества и этнографии ряда народов.

Л.Г. Морган

В Австралии этнологические исследования начались в конце XIX в. под непосредственным влиянием эволюционной теории Л.Г. Моргана. Самыми известными австралийскими этнологами этой поры были Лоример Файсон и Альфред Хауитт, друзья и корреспонденты Моргана, написавшие книгу «Камиларои и курнаи»² (1880), Болдуин Спенсер и Франк Гиллен, авторы монографии «Туземные племена Центральной Австралии»³ (1899), заложившие основы этнологического австраловедения.

Во Франции идеи эволюционизма послужили основой многочисленных трудов Шарля Летурно, написанных просто и увлекательно, хотя и без попыток углубленного теоретического анализа — «Эволюция морали»⁴ (1884), «Социология по данным этнографии»⁵ (1880) и др. Французский этнолог Арнольд ван

¹ *Morgan L.H. Ancient society, or researches in the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization.* Chicago, 1877. Рус. пер.: *Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации.* Л., 1934.

² *Fison L., Howitt A. Kamilaroi and Kurnai.* Melbourne, 1880.

³ *Spencer B., Gillen F. The native tribes of Central Australia.* L., 1899.

⁴ *Letourneau Ch. L'évolution de la morale.* P., 1884.

⁵ *Letourneau Ch. La sociologie.* Paris, 1880. Русский перевод: *Социология по данным этнографии.* СПб., 1896.

Геннеп разделял идеи эволюционизма, но широкую известность в научных кругах получил после публикации труда «Обряды перехода»¹ (1909), в котором он предложил универсальную модель ритуальных процессов, связанных с изменением статуса людей (инициация, переход в очередную возрастную группу, коронация и т.п.).

В Германии еще в первой половине XIX в. учеными Диттмаром Енише, Карлом Фольграфом и некоторыми другими были высказаны идеи об эволюции культуры и предприняты попытки ее исследования в сравнительном плане. Большая заслуга в разработке эволюционных взглядов в этнологии и создании *теории развития* принадлежит Теодору Вайцу, но истинным «отцом немецкой этнологии» по праву считается Адольф Бастиан (1826—1905), крупный теоретик и организатор науки, путешественник, собравший обширный этнографический материал. Он был одним из инициаторов создания в 1876 г. Берлинского общества антропологии, этнологии и предыстории и основателем первого в странах немецкого языка «Этнологического журнала». При его деятельном участии возник Берлинский этнологический музей.

В области теории Бастиан ставил перед собой грандиозную задачу создания общей методологии и конкретных методов этнологических исследований, основанных на индуктивном восприятии психологии и философии всего человечества. Все ответы на проблемы истории культуры он искал в умственной предрасположенности человека и взаимодействии с окружающей средой. Мыслительную способность человека он рассматривал как часть его биологической сущности и считал, что «духовно-душевная жизнь» подчинена биологическим законам. Согласно учению Бастиана, у каждого народа изначально существовала определенная сумма *элементарных идей* (Elementargedanken), составляющих в совокупности и на более высоком уровне *народные идеи* (Völkergedanken). Эти идеи развивались вследствие контактов между народами при постоянном взаимодействии внешних влияний и внутренней реакции на них человека, что вело к обогащению (*эволюции*) культуры. Им же разработана концепция о *географических провинциях* и предложен метод этнографического картографирования. Бастиан стал основоположником ряда направлений в этнологии: он указал на значение исследования этнических факторов в истории, о чем он писал, в частности, в труде «Человек в истории»² (1860).

Известность как теоретик получил швейцарский ученый Иоганн Якоб Бахофен (1815—1887), создатель фундаментального труда «Материнское право»³ (1861). В нем он изложил учение о якобы универсальных закономерностях в развитии семейно-брачных отношений и существовании некогда эпохи «гинекократии», или «матриархата» («власти женщин»), впоследствии ошибочно интерпретированных некоторыми авторами как особый этап первобытной истории. Взгляды Бахофена получили в свое время довольно широкое распространение и оказали влияние, в частности, на американского этнолога Л.Г. Моргана.

¹ *Genneп A. van. Les rites de passage. Etude systématique des rites. Paris, 1909. Рус. пер.: Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.*

² *Bastian A. Der Mensch in der Geschichte. Berlin, 1860.*

³ *Bachofen J. Das Mutterrecht: Eine Untersuchung über die Gynäiokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlicher Natur. Stuttgart, 1861.*

Однако позднее многие теоретические положения Бахофена были подвергнуты серьезной критике и отвергнуты.

Значительный вклад в развитие немецкой этнологии и «теории эволюции» принадлежит известному ученому Генриху Шурцу (1863—1903). В своих трудах он исследовал существенные аспекты культуры и ее эволюцию, начиная от первобытной эпохи и до времени возникновения государств. При этом в книге «Возрастные классы и мужские союзы»¹ (1902) он первым установил значение возрастной системы в общественной организации, роль тайных мужских союзов у первобытных народов, а также высказал мысль, что *доместикация* (*одомашнивание*) животных произошла как результат «забавы», «игры».

В Австрии заметное место среди этнологов-эволюционистов занимал Юлиус Липперт (1839—1909), уделявший, в отличие от большинства других сторонников «теории развития», значительное внимание эволюции материальных условий жизни людей. Липперт — автор многочисленных статей и монографий, посвященных различным аспектам этнологии народов мира. На многие языки, в том числе на русский, переведена его книга «История культуры»² (1894).

Трудами сторонников «теории развития» в странах немецкого языка был заложен прочный фактологический, а в известной мере и теоретический фундамент науки; этнология стала в Германии, Австрии и Швейцарии одной из общепризнанных и популярных наук.

Эволюционисты разделяли в основном позиции историзма, однако наряду с положительными установками в «теории развития» содержались и ошибочные положения в области методологии и методики науки. Несостоятельными оказались попытки сравнения социальных институтов без учета различий в *хозяйственно-культурных типах* (подробнее о них см. в главе 7) и многое другое. В результате со временем развернулась широкая критика эволюционистских построений, и начались поиски иных причин и факторов изменения культурных явлений.

Марксизм и зарубежная этнология на стадии становления. Проблемы культурно-исторического развития человечества с древнейших времен до современности, ставшие исследовательскими задачами молодой этнологической науки, оказались в поле зрения и основоположников марксизма. Об этом свидетельствуют уже ранние работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса — «Немецкая идеология»³ (1842—1846), «Экономические рукописи 1857—1859 годов»⁴. Однако главным сочинением классического марксизма, в котором затрагиваются вопросы этнологии, следует считать труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁵ (1884). Это сочинение написано на основе этнографического материала и выводов, содержащихся в книге Л.Г. Моргана «Древнее общество». Вместе с тем оно включает в себя много собственно марксистских положений, особенно отчетливо изложенных в главе «Варварство

¹ Schurtz H. Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902.

² Липперт Ю. История культуры. СПб., 1894.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

и цивилизация». Эти положения суть основные постулаты исторического материализма — о первичности материального производства; о детерминированности общественного сознания общественным бытием; о первобытной общественно-экономической формации, базирующейся на общественной собственности на основные средства производства; о закономерном характере исторического развития, идущего от первобытно-коммунистических социальных форм к государственно-антагонистическим и т.п.

Труд Энгельса на рубеже XIX—XX вв. стал важным стимулирующим фактором в развитии этнологической теории, в особенности среди исследователей социалистической ориентации. Многие авторы этого направления преследовали преимущественно научно-идеологические цели развития и уточнения на базе этнографического материала категорий исторического материализма и научного социализма. К трудам этого типа относятся: «Женщина и социализм»¹ (1879) немецкого социалиста Августа Бебеля, «Происхождение и развитие собственности»² (1895) французского социалиста Поля Лафарга, «Размножение и развитие в природе и обществе»³ (1910) немецкого марксиста Карла Каутского. В русле марксистской концепции развивались и более конкретные исследования, в частности, проблемы истории семьи, брака и систем родства разрабатывал в полемике с Энгельсом немецкий ученый Генрих Кунов в работе «Организация родства у австралийских негров»⁴ (1894). Материалистический подход в изучении истории семьи использовал и немецкий этнолог Эрнст Гроссе, который в книге «Формы семьи и формы хозяйства»⁵ (1896) выдвинул и обосновал положение о том, что исторические формы семьи определяются соответствующими формами хозяйственной деятельности.

Диффузионизм. На рубеже XIX—XX вв. на смену эволюционизму в этнологии ряда стран Европы пришли концепции, получившие собирательное название *диффузионизм*, так как причины изменения культуры представители этих учений зачастую пытались искать в процессах *диффузии* — взаимопроникновения культур. Однако большинство исследователей, называемых «диффузионистами», ставило проблему значительно шире; существо их теоретических взглядов состояло главным образом в *механистическом*, неисторическом подходе к объяснению причин изменения культурных явлений. Что же касается значения собственно *культурной диффузии*, то она ни в коей мере не отрицается и в современных этнологических и культурологических теоретических построениях.

Предшественником диффузионизма часто называют немецкого географа Фридриха Ратцеля (1844—1904), основавшего культурно-географическое направление и создавшего учение об *антропогеографии*, чему был посвящен его труд «Антропогеография»⁶ (1882—1891). Идеи Ратцеля оказали значительное воздействие не только на немецкую науку о народах, но и на этнологию ряда европейских стран. Ратцель собрал и систематизировал обширный фактический

¹ Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.

² Лафарг П. Происхождение и развитие собственности. М., 1925.

³ Каутский К. Размножение и развитие в природе и в обществе. 2-е изд. М., 1923.

⁴ Cunow H. Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart, 1894.

⁵ Гроссе Э. Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898.

⁶ Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart, 1882—1891.

материал, обобщенный в книге «Народоведение»¹ (1885—1888), в которой поставил цель показать связь человеческой культуры с природной средой. При этом он не абсолютизировал географический фактор в развитии культуры и не выступал сторонником географического детерминизма, в чем его несправедливо упрекали, и признавал важное значение фактора исторического развития. Учение Ратцеля о *культурных зонах* оказало значительное воздействие на последующие этнологические учения и стало в известной мере предтечей теории *хозяйственно-культурных типов* и *историко-этнографических областей*.

Л. Фробениус

Одной из наиболее ярких фигур немецкоязычной этнологии конца XIX в. считается этнолог, археолог и фольклорист Лео Фробениус (1873—1938), сформулировавший *культурно-морфологическое учение*. Фробениус стал крупнейшим специалистом в области этнологии Африки, а также других областей мира, организатором науки. Он основал Институт культурной морфологии во Франкфурте-на-Майне, который носит сегодня его имя, и международный журнал «Пайдеума», издающийся и в настоящее время. Наиболее известны его исследования в области «морфологии», «анатомии» и «физиологии» культуры, имевшие во многом мистическую окраску. Особенно это проявилось в его учении о «душе культуры» (пайдеума), о «мужских» и «женских» культурах. Вместе с тем Фробениус создал этнографические карты Африки, которые не утратили своего значения до наших дней. Он впервые выдвинул учение о *культурных кругах*, изложенное им в труде «Происхождение африканских культур»² (1898). Многочисленные ученики и сотрудники его института принимали участие в возглавлявшихся им экспедициях в Африке и странах Южных морей (при этом они не разделяли его теоретических построений и занимались главным образом эмпирическими исследованиями).

Позднее, чем Л. Фробениус, и в несколько ином виде учение о *культурных кругах* разработал немецкий историк и этнолог Фритц Гребнер (1877—1934). Вследствие ряда обстоятельств оно получило, в отличие от концепции Фробениуса, большую известность не только в странах немецкого языка, но и за их пределами, в том числе и в России. Гребнер был чисто кабинетным, музейным исследователем, не знакомым с этнографической действительностью, и исходил в своих теоретических построениях из предположения, что история не знает никаких общих закономерностей и имеет дело только с индивидуальными неповторяющимися фактами. Это, как он полагал, позволяет строить на основе уникальных признаков «культурные круги», изменения которых во времени и пространстве происходили вследствие культурной диффузии —

¹ Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1885—1888.

² Frobenius L. Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin, 1898.

пространственного перемещения и заимствования элементов культуры. При этом признаки — культурные элементы — привлекались им совершенно произвольные, что противоречило обязательным принципам любой систематики. В результате схема культурных кругов была далека от действительности, а предлагаемые объяснения изменения культур оказывались чисто механистическими. Поэтому, если первоначально гипотеза Гребнера была встречена многими учеными с большим одобрением, то уже вскоре, по мере сопоставления схемы культурных кругов с фактическим материалом, выяснилась ее принципиальная ошибочность. Интересные мысли были высказаны Гребнером в связи с методикой изучения музейного материала. Для характеристики культурных элементов, составляющих культурный круг, им были разработаны два критерия: критерий «формы» и критерий «количества», предложенные им в книге «Метод этнологии»¹ (1909).

В конце XIX — начале XX в. широкое распространение получила деятельность различных миссионерских организаций, занимавшихся наряду с пропагандой христианства также этнологическими исследованиями. Особенно известна в этом отношении католическая миссионерская община Сан-Габриэль, возникшая в конце XIX в. в Австрии. В начале XX в. она стала крупным исследовательским этнологическим центром, что связано с деятельностью патера Вильгельма Шмидта (1868—1954), создателя *культурно-исторического* учения и основателя *клерикальной культурно-исторической школы*. Совместно со своими учениками и многочисленными последователями он пытался найти в этнологических данных подтверждение положениям Библии о первичности монотеизма, моногамной семьи, изначальности частной собственности и т.п., чему он посвятил двенадцатитомный труд «Происхождение идеи бога»², который начал публиковаться с 1908 г. в основанном Шмидтом журнале «Антропос», а позже вышел отдельным изданием. Вслед за Гребнером В. Шмидт разрабатывал теорию культурных кругов, поставив задачу выяснить их «историческую последовательность». При этом, как и Гребнер, он конструировал культурные круги на основе произвольно избранных формальных признаков, а «историческую последовательность» культурных кругов усматривал в механистическом изменении комплексов элементов культуры под воздействием культурной диффузии. Многочисленные исследования были опубликованы также сторонниками воззрений Шмидта — В. Копперсом, М. Гузинде, П. Шебестой и другими. Формально центр культурно-исторической школы существует и в наши дни, однако учение Шмидта практически уже утратило всякое значение.

В Великобритании *диффузионистское* направление сложилось относительно независимо от немецкоязычной традиции. Наиболее известным его представителем был Уильям Риверс (1864—1922), который в своей двухтомной «Истории меланезийского общества»³ (1914) выявил хронологическую последовательность формирования различных пластов культуры островитян, стремясь совместить в исследовании принципы эволюционизма и диффузионизма.

¹ Gräbner Fr. Die Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1909.

² Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee. Bd. I—XII. St. Augustin bei Bonn, 1926—1955.

³ Rivers W.H.R. The history of Melanesian society. Vol. 1—2. Cambridge, 1914.

Сторонниками диффузионистского направления в Великобритании были Графтон Эллиот-Смит и Уильям Джеймс Перри, которые известны абсолютизацией принципа диффузии культуры, получившего в науке название «гипердиффузионизм». В своих трудах Эллиот-Смит («Миграции ранней культуры»¹, 1915) и Перри («Дети солнца»², 1923) пытались доказать, что в мире изначально существовал только один центр цивилизации в Древнем Египте, из которого элементы культуры распространялись по земному шару, давая начало всем известным культурам. Их концепция получила название «панъегиптизм», положения которого мало кто в науке разделяет.

Оригинальная школа диффузионизма сложилась в Дании. Самые известные ее представители — Кай Биркет-Смит и Кнут Расмуссен, изучавшие эскимосов в ходе регулярных этнографических экспедиций в Гренландию, Аляску и другие приполярные территории в 10—20-х гг. XX в. Используя методы и идеи Л. Фробениуса и Ф. Ратцеля, они группировали собранный ими богатый материал по так называемым «слоям», свидетельствующим будто бы об исторических этапах формирования эскимосских культур. Надо отметить, что диффузионистские исследовательские процедуры датских этнологов отнюдь не были самоцелью (как это было, в частности, у Ф. Гребнера), их можно назвать лишь одним из приемов организации фактического материала, совсем не мешающим восприятию последнего.

В Новой Зеландии этнологические исследования были посвящены преимущественно коренному населению Океании. Наиболее известным этнологическим исследованием в этой стране стала книга «Викинги солнечного восхода»³ (1908) маорийского (*маори* — один из полинезийских народов) ученого Те Ранги Хироа (Питера Бака), написанная в духе одной из версий диффузионизма, получившей название «миграционизм», так как основная ее цель — реконструкция путей миграции предков полинезийцев из их гипотетической прародины в Азии.

Идеи антропогеографии и диффузионизма получили довольно широкое распространение в науке славянских стран. В частности, сербский этнолог Йован Цвиич создал свою оригинальную версию антропогеографии. В фундаментальном труде «Балканский полуостров»⁴ (1918) он показал важную роль географических ландшафтов в историческом процессе складывания этнических культур балканских народов и предложил убедительную культурно-географическую классификацию этнотерриториальных зон полуострова. Влияние идей антропогеографии чувствуется в трудах болгарских этнологов Ивана Шишманова «Значение и задачи нашей этнографии»⁵ (1889) и Димитра Маринова «Живая старина»⁶ (1891—1907).

¹ Smith G. E. The migrations of early center. 2d ed. Manchester, 1929.

² Perry W. Children of the sun. L., 1923.

³ Te Rangi Hiroa (Buck P.). Vikings of the sunrise. Auckland, 1908. Рус. пер.: Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.

⁴ Cvijic Y. Péninsule Balkanique. P., 1918.

⁵ Шишманов И. Значение и задачи на нашата етнография // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Т. 1. София, 1889.

⁶ Маринов Д. Жива старина. Кн. I—VI. София, 1891—1907.

3. Развитие зарубежной этнологии в первой половине XX века

Социологическое направление во французской этнологии. Научно-теоретическое обоснование французская этнология получила в трудах Эмиля Дюркгейма (1858—1917) «О разделении общественного труда»¹ (1893), «Правила социологического метода»² (1895). Эти труды содержат оригинальные идеи, воплощенные в категориях *социальный факт*, *коллективные представления* и др., которые в своей совокупности представляют общество как *реальность особого рода*, не сводимую ни к психологии отдельного человека, ни к простой сумме индивидов. «Социальные факты» — это мысли, поступки и чувства, которые общество навязывает всем отдельным людям, а «коллективные представления» — это (в противоположность индивидуальным представлениям) особый пласт сознания, имеющий собственно социальное происхождение. Социологические идеи Дюркгейма нашли свое применение в его этнологическом труде «Элементарные формы религиозной жизни»³ (1912), в котором исследуется феномен *тотемизма* (подробнее о тотемизме см. в главе 9) аборигенов Австралии. В этой книге общие понятия концепции Дюркгейма насыщаются этнографическим содержанием. Так, применительно к объекту исследования «коллективные представления» — это вся совокупность тотемистических верований аборигенов, воплощенных в мифах, которые аборигенами не выдумываются (у них нет авторов) и рационально не анализируются. Они порождаются обществом и навязываются им своим членам. *Тотем* в виде животного или растения — это некий символ единства группы или клана, а тотемистические религиозные обряды призваны укреплять в сознании членов группы чувство солидарности, что повышает сплоченность и, соответственно, жизнеспособность общества.

Концепция Дюркгейма, иногда называемая *социологизмом*, обладала рядом положительных черт. В частности, она внесла некоторые элементы системности в этнологические исследования, так как каждое социальное явление, согласно этой концепции, рассматривалось в контексте общественных связей, как вызванное к жизни общественными потребностями и выполняющее в обществе полезную для него функцию. Такой подход выгодно отличался от господствовавших в тогдашней этнологии (в частности, у Э.Б. Тайлора и ученых, примыкавших к его течению) принципов элементаризма и рационализма, согласно которым явления культуры зачастую трактовались как изолированные ее элементы, порожденные индивидуальной мыслительной деятельностью «дикаря-философа». Социологизм Дюркгейма оказал значительное влияние на формирование ряда теоретических направлений в мировой этнологии, в частности на британский *функционализм* (см. ниже). Вместе с тем надо признать и ограниченность концепции Дюркгейма, в особенности то, что общество в его трактовке выступает как некая мистическая сущность со свойствами, напоминающими

¹ Durkheim E. De la division du travail social. P., 1893. Рус. пер.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.

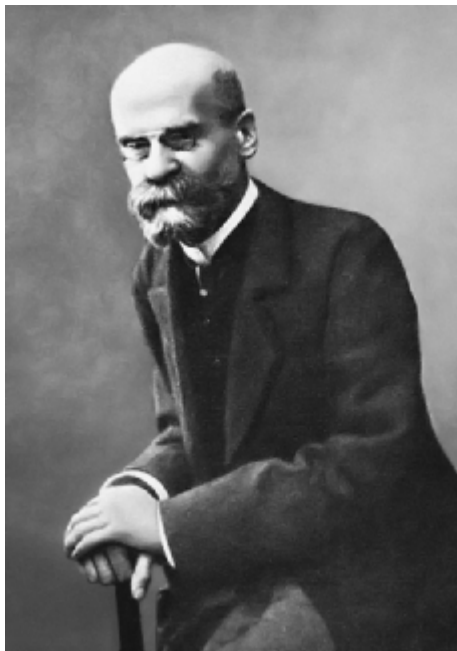
² Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. P., 1895. Рус. пер.: Дюркгейм Э. Метод социологии. М., 1991.

³ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse, le système totémique en Australie. P., 1912.

божество, полностью господствующая над людьми, а люди выступают подобиями роботов, запрограммированных «коллективными представлениями» и лишенных воли и творческих способностей.

Вокруг Дюркгейма в начале XX в. сложилась сплоченная группа его учеников, образовавшая так называемую «социологическую школу» в этнологии, а также ученых, разделявших лишь некоторые научные построения мыслителя. Одним из тех, кто испытал влияние идей Дюркгейма, был Люсьен Леви-Брюль (1857—1939). Им разрабатывались проблемы первобытного сознания, которым посвящены его труды «Первобытное мышление»¹ (1922), «Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении»² (1931), «Первобытная мифология»³ (1935). В этих трудах развернута концепция «*пралогического (дологического) мышления дикарей*», по которой первобытное мышление трактуется как сфера полного господства коллективных представлений, воплощенных в мифах, что резко отличает его от современного, основанного на современной логике и рациональном понимании действительности. Здесь видна некоторая абсолютизация элементов иррационализма первобытных обществ, к которой Леви-Брюль был склонен в своих ранних работах. Она не раз подвергалась критике в этнологии, в особенности британской и российской. Как показали этнографические материалы, собранные в ходе длительного наблюдения колониальных народов в 20—30-х гг. XX в. (сам Леви-Брюль был профессором логики Сорбонны и никогда в «этнографическом поле» не работал), первобытные люди демонстрируют «пралогическое мышление» преимущественно в религиозной сфере, а в практической жизни рационализм их восприятия действительности не уступает мышлению европейцев. Последние же в своей религиозной, идеологической или иной духовной деятельности бывают не меньшими иррационалистами, чем колдуны и шаманы, о которых писал Леви-Брюль.

После смерти Дюркгейма наиболее авторитетным деятелем социологической школы стал Марсель Мосс (1872—1950). Именно он придал этнологии во Франции статус отдельной научной дисциплины, содействуя организации в 1925 г. Института этнологии при Парижском университете. Он много сделал для углубления и развития идей своего учителя, в частности разработал концепцию «*целостного социального факта*», которая позволяет вычленять системные связи

Э. Дюркгейм

¹ Lévy-Bruhl L. La mentalité primitive. P., 1922. Рус. пер.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

² Lévy-Bruhl L. Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive. P., 1931. Рус. пер.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

³ Lévy-Bruhl L. La mythologie primitive. P., 1935.

в изучаемых культурах. Один из примеров применения этой концепции в конкретном исследовании — работа «Очерк о даре»¹ (1925), в которой феномен дара в архаических обществах трактуется как сложное явление, выражаемое формулой «давать — брать — возвращать». Каждый из актов обязателен, и в них, как в фокусе, сходятся все основные институты общества: система общественных рангов, религиозные представления, экономические связи. М. Мосс не создал крупных монографий, но написал большое количество статей, и почти каждая из них сейчас может рассматриваться как начало целого научного направления. Его «Очерк о даре» — одно из теоретических начал современной «экономической антропологии»; статья «О некоторых примитивных формах классификации»² (1903) — предвосхищение так называемой *когнитивной антропологии*; «Опыт о сезонных вариациях эскимосских обществ»³ (1906) — основание *экологической антропологии*.

Особое место во французской этнологии этого периода занимал Марсель Гриоль. Военный летчик по профессии, он в 20-х гг. XX в. прошел подготовку в Этнологическом институте у М. Мосса и много сделал для развития полевых этнографических исследований. В 1929—1931 гг. он провел широкомасштабную этнографическую экспедицию («миссия Дакар — Джибути»), которая пересекла Африканский континент от Атлантики до Индийского океана. В 1931—1950 гг. он же провел серию этнографических экспедиций во многие страны Африки. Характер полевой работы М. Гриоля и его школы за это время претерпел серьезные изменения. Начавшись как простой экстенсивный сбор экспонатов для музея Трокадеро, выезды в поле постепенно превратились в глубокое погружение в африканские культуры. Сам М. Гриоль в этом смысле проделал эволюцию от довольно поверхностного наблюдения до глубокого изучения африканских традиционных верований с помощью одного из жрецов народа *догон* (обитает в Мали и Буркина-Фасо), который приобщил его к тайнам мифологии и культа. Труды школы Гриоля выдвинули французскую африканскую этнологию на одно из первых мест в мире, а некоторые из них, в частности книга М. Лейриса «Призрачная Африка»⁴ (1951), стали существенным вкладом в этнографическое понимание неевропейских культур.

Структурно-функциональное направление в британской социальной антропологии. В первой четверти XX в. с критикой эволюционизма выступили Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун (1881—1955) и Бронислав Каспер Малиновский (1884—1942). С именами этих ученых связано становление очень влиятельного методологического направления, получившего название *функционализм*, или *структурно-функциональный подход*. Основные положения этого направления сложились в ходе длительных полевых исследований, проведенных А.Р. Рэдклифф-Брауном среди жителей Андаманских о-вов (1906—1908) и Б. Малиновским на Тробрианских о-вах (1915—1918). По итогам этих исследований они написали

¹ Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // L'Année sociologique. Seconde série. Vol. I. P., 1925. Рус. пер. см. в сборнике: Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

² Mauss M., Durkheim E. De quelques formes primitives de classification. (Contribution à l'étude des représentations collectives) // L'Année sociologique. Vol. 6. P., 1903.

³ Mauss M. Essai sur les variations saisonnières des sociétés eskimos // L'Année sociologique. Vol. 9. P., 1906.

⁴ Leiris M. L'Afrique fantôme. P., 1951.

книги «Островитяне Андаман»¹ и «Аргонавты западной части Тихого океана»², вышедшие в свет в 1922 г. В этих книгах, наряду с описанием культур островитян, содержатся и методологические разделы, в которых оба ученых излагают во многом сходные принципы этнологического познания.

В общем виде принципы эти сводятся к следующим положениям: 1) изучение культуры народов должно базироваться не на умозрительном кабинетном анализе фактов, полученных из вторых рук, а на основе длительного прямого наблюдения жизни этих народов, на понимании смыслов их культур изнутри, для чего обязательно знание местных языков; 2) в качестве предмета изучения необходимо рассматривать не отдельные явления культуры, а всю данную культуру как структурно-функциональную целостность (принцип *холизма* — *целостности*); 3) научное объяснение сущности социальных явлений не может сводиться к предположениям об их происхождении, оно состоит в указании той *функции* (роли, значения), которую эти явления выполняют в системе отношений данного общества; 4) цель этнологического исследования — открытие общих закономерностей в функционировании и строении общества и культуры. Отмеченные принципы структурно-функционального подхода были развиты его основоположниками в ряде теоретических работ, из которых наиболее известны «Научная теория культуры»³ Б. Малиновского (1944) и «Естественная наука об обществе»⁴ А.Р. Рэдклифф-Брауна (1948).

Одной из характерных черт функционализма стала установка на прикладные исследования, которые проводились по заказу британских колониальных властей. Многие из учеников Малиновского принимали участие в подобных исследованиях, направленных по преимуществу на научное обеспечение политики *косвенного управления* (*indirect rule*) колониальными народами. Сущность этой политики, официально введенной британским правительством во многих колониях в 1931 г. и официально отмененной в 1947 г., заключалась в следующем: 1) сохранение, а в некоторых случаях и искусственная реставрация традиционных институтов власти (местные короли, вожди и старейшины), налогообложения и судопроизводства подконтрольных народов и 2) проведение

А.Р. Рэдклифф-Браун

¹ Brown (Radcliffe-Brown) A.R. Andaman islanders. Cambridge, 1922.

² Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. An account of native enterprise and adventure in the archipelagoes of Melanesian New Guinea. L., 1922. Рус. пер.: Малиновский Б. Избранное: Аргонавты Западной части Тихого океана. М., 2004.

³ Malinowski B. A scientific theory of the culture and other essays. N.Y., 1944. Рус. пер.: Малиновский Б. Научная теория культуры // Вопросы философии. 1983. № 2.

⁴ Radcliffe-Brown A.R. A natural science of society. Glencoe, 1948.

Б. Малиновский

колониальных мероприятий с использованием этих институтов. Роль социальных антропологов (этнологов) в становлении системы «*косвенного управления*» представляется весьма значительной, ибо они, помимо предоставления информации, собранной в длительных экспедициях, проводимых за счет правительства, нередко сами входили в состав колониальной администрации, для чего во многих колониях создавалась специальная должность *правительственного антрополога* (government anthropologist). Прикладная деятельность стала причиной значительных денежных поступлений в научные фонды, которые использовались для финансирования новых научных центров, проведения этнографических экспедиций, обработки и публикации полученного материала.

Все это стимулировало небывалый расцвет британской социальной антропологии, но вместе с тем ее тесная связь с колониальной политикой со временем привела к серьезным морально-этическим проблемам во взаимоотношениях с политиками и населением бывших колоний.

Ф. Боас и «историческое направление» в американской культурной антропологии. На рубеже XIX и XX вв. в этнологии США наметилось критическое отношение к эволюционистским методам, и группа ученых во главе с Францем Боасом (1858—1942) размежевалась со сторонниками учения Л.Г. Моргана. Ф. Боас, выходец из Германии, привнес в американскую антропологию некоторые традиции немецкой социальной мысли. Созданное им научное направление, получившее название *исторической школы*, строилось на основе обязательного многолетнего изучения первобытных обществ (главным образом индейцев), итогом которого должны были быть тщательные описания культур во всех аспектах (язык, материальные предметы, общественная организации, верования и пр.), физического облика людей, а также их психологической характеристики. Все это предписывалось рассматривать во взаимосвязи с географическим окружением и скрупулезно картографировать. За свою долгую жизнь в науке Боас осуществил обширную научную программу изучения многочисленных индейских племен, в частности изучил и научно описал 17 индейских языков, написал труды по физической антропологии («Антропология и современная жизнь»¹ 1928), о психологических особенностях представителей разных культур («Ум первобытного человека»², 1911), проводил археологические раскопки в Мексике и Пуэрто-Рико.

¹ Boas F. Anthropology and modern life. N.Y., 1928.

² Boas F. The mind of primitive man. N.Y., 1965. Рус. пер.: Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л., 1926.

Каждый из пунктов исследовательской программы Боаса со временем получил углубленное развитие в трудах его многочисленных учеников и превратился в особое направление культурной антропологии. Критическое отношение Боаса к положениям господствовавшего в XIX — начале XX в. эволюционизма разделяли Роберт Лоуи («Первобытное общество»¹, 1921), Александр Гольденвайзер («Ранняя цивилизация»², 1921), Пол Радин («Метод и теория этнологии. Очерк критицизма»³, 1933). Смысл этих трудов состоит в отрицании родовой теории Моргана, концепции тотемизма и магии Дж. Фрэзера, а в целом — претензий классиков эволюционистской этнологии на естественнонаучный и универсальный характер выводов этой науки.

Установка на интенсивный сбор и публикацию эмпирической информации о локальных культурах воплотилась в особое научное направление *ареальных исследований* в трудах старших учеников Боаса — Кларка Уисслера («Американский индеец»⁴, 1917), Альфреда Крёбера («Справочник по индейцам Калифорнии»⁵, 1925) и др.

Изучение экзотических языков (преимущественно индейских) в тесной связи с исследованием культур традиционных обществ вылилось в направление *лингвистической антропологии*, у истоков которой стоял вместе с Боасом его ученик Эдвард Сепир («Язык. Введение в изучение речи»⁶, 1921). К Боасу восходит и принцип относительности при рассмотрении ценностей разных культур, который получил развитие в творчестве многих американских антропологов, считающих, что смысл и оценка явлений любой культуры будто бы не могут определяться с позиций носителя установок иных культур. Мелвилл Херсковитц в своих трудах придал этим воззрениям характер особого учения — *культурного релятивизма* («Человек и его дела»⁷, 1948).

Фрейдизм в этнологии. Психоанализ Зигмунда Фрейда (1856—1939) был разработан как средство диагностики и лечения неврозов и психозов, но довольно рано его принципы стали применяться им при изучении феномена культуры, что соответствовало задачам этнологии того времени. Основные положения психоанализа — учение о психической структуре человеческой личности («оно — я — сверх-я»), о вытеснении психотравмирующего опыта раннего детства из области сознания («я») в область подсознания («оно»), об особой роли сексуальности («либидо») и о методах изучения подсознания при помощи толкования сновидений — были использованы Фрейдом при разработке его концепции первобытной истории в книге «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии»⁸. В этом труде он, опираясь на этнографический материал из сочинений Дж. Фрэзера, У. Робертсона Смита и др., представил свою версию происхождения таких институтов первобытного общества, как табу, тотемизм

¹ Lowie R. Primitive society. N.Y., 1921.

² Goldenweiser A. Early civilization. L., 1921.

³ Radin P. The method and theory of ethnology, an essay in criticism. N.Y.; L., 1933.

⁴ Wissler C. The American indian. N.Y., 1917.

⁵ Kroeber A.L. Handbook of the indians of California. Washington, 1925.

⁶ Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality. Berkley, 1942. Рус. пер.: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

⁷ Herskovitz M.J. The man and his works. N.Y., 1948.

⁸ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. Тбилиси, 1991.

и культура в целом. Стержнем этой концепции стал так называемый эдипов комплекс — особым образом препарированный сюжет древнегреческой мифологии о царе Эдипе, который убил своего отца и женился на собственной матери. Этот комплекс, по Фрейду, имеет универсальную природу отчасти потому, что возник в самом начале человеческой истории, отчасти потому, что его психологический механизм соответствует глубинным основаниям человеческой природы. Этот механизм включает в себя подсознательное сексуальное влечение мальчиков к матери и такую же подсознательную ревность по отношению к отцу. Из этого положения вытекает трактовка Фрейдом обычая табу — это «вытеснение постыдных импульсов». Тотемизм — это подсознательная постановка тотема-животного на место мужчины-отца. Примерно таким же образом он трактует генезис культуры в целом. Это явление — следствие древнего акта убийства и съедения отца группой братьев, что породило подсознательное чувство вины и стыда, на которых основаны, по словам Фрейда, «социальная организация, нравственные ограничения и религия».

Идеи Фрейда получили широкое распространение в первой половине XX в. во всех гуманитарных науках, в том числе и в этнологии. Наиболее последовательным их сторонником в этой сфере был венгерский врач-психиатр Геза Рохейм (1891—1953), который сменил профессию и стал этнологом, сочетающим полевые этнографические исследования (он работал среди аборигенов Австралии, индейцев Северной Америки, в Океании и Африке) и теоретические обобщения в духе психоанализа. Наиболее известные его этнологические труды: «Австралийский тотемизм», «Анимизм, магия и священный царь», «Происхождение и функция культуры», «Психоанализ и культура»¹.

Интерес к психологическим аспектам культурных явлений, присущий Боасу, в конце 1920-х гг. в деятельности ряда его учеников стал главной исследовательской установкой направления, в котором доминировали идеи Фрейда. В русле этого направления — *исследования культуры и личности* — были созданы труды Маргарет Мид («Взросление на Самоа»², 1928), Рут Бенедикт («Модели культуры»³, 1934; «Хризантема и меч»⁴, 1946), Абрахама Кардинера («Психологические границы общества»⁵, 1945), Ральфа Линтона («Культурные основы личности»⁶, 1945) и др.

Ведущим теоретиком данного направления был А. Кардинер, ученик Фрейда, который в 30-х гг. XX в. в нью-йоркском Институте психоанализа организовал семинар для антропологов. Его теория «основной личности» (basic personality) послужила методологической основой для изучения ряда народов: Р. Линтон изучал индейцев команчей, Дюбуа — население о-ва Алор (Индонезия), М. Мид — полинезийцев о-ва Самоа и меланезийцев. Итогом стали

¹ Róheim G. Australian totemism. L., 1925; Animism, magic and the divine king. L., 1930; The origin and function of culture. N.Y., 1943; Psychoanalysis and anthropology. N.Y., 1950.

² Mead M. Coming of age in Samoa. A psychological study of primitive youth for western civilization. N.Y., 1928. Рус. пер.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

³ Benedict R. Patterns of culture. Boston, 1934. Рус. пер.: Бенедикт Р. Модели культуры // Антология культурной антропологии. М., 1998.

⁴ Benedict R. The chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture. Boston, 1946. Рус. пер.: Бенедикт Р. Хризантема и меч // Антология культурной антропологии. М., 1998.

⁵ Kardiner A. The psychological frontiers of society. N.Y., 1945.

⁶ Linton R. The cultural background of personality. N.Y.; L., 1945.

коллективные монографии «Индивид и его общество» и «Психологические границы общества». Концепция «основной личности» строилась на фрейдистских априорных установках: «бессознательные констелляции» (безотчетные устремления и мотивы людей, формирующиеся в раннем детстве) образуют ядро среднестатистической личности, они неосознанно вытекают из так называемых «первичных институтов» (семья, обычаи воспитания детей, хозяйственная деятельность и т.п.) и проявляются во «вторичных институтах» (мифология, фольклор, религия, искусство и т.п.). На этих теоретических основаниях в рамках направления «культура и личность» сложились концепции «конфигурационной личности», «модальной личности», «культурного характера», «национального характера» и др. К середине 1950-х гг. большинство американских культурных антропологов осознало познавательную ограниченность психоаналитического подхода, который зачастую выступал не более чем переводом полевого этнографического опыта на язык психиатрии и мало что давал для осознания подлинной природы соотношения культуры и личности. В частности, он так и не смог ответить на вопрос о том, почему в рамках одной культуры существуют разные типы личности, а один какой-либо тип встречается в разных культурах. Популярность фрейдизма в антропологии упала, этому способствовало и то, что представители этого направления в годы Второй мировой войны и последовавшей за ней «холодной войны» сотрудничали с Пентагоном, создавая в пропагандистских целях отталкивающие образы «народов-врагов». Американская научная общественность сочла такие «научные» обобщения неуместными.

Тем не менее период увлечения фрейдизмом в американской культурной антропологии имел и позитивные итоги. К ним относится: снятие табу с научного изучения сексуальности; наработанный опыт применения психологических методик, который привел впоследствии к созданию более совершенных средств анализа в направлении «психологической антропологии» второй половины XX в.; формирование направления «этнография детства», благодаря которому был открыт целый пласт народной культуры — «мир детства», на который прежде исследователи почти не обращали внимания. Особую роль в этом деле сыграли работы М. Мид «Взросление на Самоа», «Взросление на Новой Гвинее»¹ и др.

Основные направления в немецкой этнологии и народоведении. С 20-х гг. XX в. в Германии и других немецкоязычных странах получили развитие *социологическое, психологическое и функциональное* направления. Несмотря на различия в существе этих направлений, они имели между собой то общее, что были выдвинуты и разрабатывались примерно одним кругом ученых, и их популяризация в этнологии связана с именем известного этнолога и социолога Рихарда Турнвальда (1869—1954). Влияние многих его идей прослеживается в немецкоязычной и англоязычной науке о народах вплоть до нашего времени. Им сформулированы основы теории *функциональной социологии*, а также предложено новое научное направление — *этносоциология*. Р. Турнвальдом создано учение об *аккультурации* (культурном воздействии одного народа на другой), разрабатывались проблемы *народной и социальной* психологии. Всему этому посвящен его труд «Человеческое общество в его этносоциологических основа-

¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

ниях»¹ (1931—1935) и многие другие исследования. Р. Турнвальд длительное время работал в Америке по приглашению университетов. Он относился резко отрицательно к эволюционному и культурно-историческому направлениям и пропагандировал идеи американской культурной антропологии, что особенно сильно проявилось после окончания Второй мировой войны и привело к резкой «социологизации» и «психологизации» немецкой этнологии.

Примерно в одно время с этнологией в странах немецкого языка на основе романтической германистики и так называемой «государственной науки» (статистика, сведения о населении своей страны) сложилось *народоведение* (как особая, независимая от этнологии наука). Ее содержание было националистическим и шовинистическим и связывалось с антинаучным представлением о превосходстве «германской расы», противостоящей «неполноценным народам». Многие положения народоведения органически вошли в состав идеологических и геополитических установок нацизма и после 1933 г. пользовались поддержкой его главарей. Крупными авторитетами этой науки были Г. Науман, В. Шпамер, В. Бах и некоторые другие. После окончания Второй мировой войны встал вопрос о связях народоведения с нацизмом и о его запрете. Однако вскоре оно было отчасти реабилитировано, так как не все его представители исповедовали национализм, а ряд из них осуществил полезные эмпирические исследования. В настоящее время одновременно с народоведением получила развитие *европейская этнология*, изучающая те же проблемы, что и народоведение, но применительно не только к немецкоязычному, а в целом европейскому населению.

Народоведение в некоторых странах зарубежной Европы. Этнология в скандинавских странах сформировалась как преимущественно народоведение с преобладанием музейного дела и собирания фольклора. В 1872 г. в Стокгольме был создан «Северный музей», а в 1891 г. — знаменитый Скансен, ставший образцом для многих этнографических музеев под открытым небом. Наиболее известным этнологом в Скандинавии в первой половине XX в. стал шведский ученый Сигурд Эриксон, основавший в 1937 г. этнографический журнал «Народная жизнь» («Folk-liv») и написавший большое количество трудов в русле направления, названного им «региональной этнологией», о народных постройках, домашнем быте и верованиях скандинавского крестьянства. Наиболее известным среди них является «Техника и общественное строительство в традиционной шведской среде»² (1957). Последователи С. Эриксона работали в Швеции, Норвегии, Дании. Во многом сходные со скандинавскими исследовательские установки сложились в финской этнологии.

В славянских странах (Польше, Болгарии, Сербии и др.) этнология возникла в виде науки, основным объектом изучения которой становился, как правило, собственный народ. Появлялись, конечно, исследования и более широкого характера, к которым можно отнести знаменитый труд чешского ученого Любора Нидерле «Славянские древности»³, который до сих пор является

¹ Turnwald R. Die Menschliche Gesellschaft in ihren ethnosozologischen Grundlagen. Bd. 1—5. Berlin, 1931—1935.

² Erixon S. Teknik und Gemeinschaftsbildung in schwedischen Traditionsmlieu. Stockholm, 1957.

³ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

очень полезным собранием материала по этногенезу и истории культуры славянских народов.

Народоведение в Польше имеет давние традиции, восходящие к деятельности Оскара Кольберга в XIX в., который всю жизнь собирал фольклорно-этнографический материал о народной культуре всех районов Польши и опубликовал в общей сложности более 30 томов своих трудов. В 1920—1930-х гг. народоведение в Польше стало авторитетной научной дисциплиной, представленной кафедрами в нескольких университетах. Из этнологов, работавших в межвоенный период, выделяется фундаментальностью исследований и широтой научных взглядов Казимир Мошиньский, который один из немногих перешагнул рамки полонистики и поставил в своем труде «Народная культура славян»¹ (1929—1939) проблемы изучения всех славянских народов.

4. Развитие зарубежной этнологии во второй половине XX века

Развитие идей структурно-функционального анализа. В послевоенной Великобритании группа ученых, связанных с кафедрой социальной антропологии Манчестерского университета, возглавляемая Максом Глакменом, — Дж. Барнес, К. Митчелл, Ф. Мейер и др. — в 50—60-х гг. XX в. отказались от характерного для Малиновского узкого понимания культуры как самодостаточной, функционально изолированной сущности. Они разработали концепции *социального поля* и *социальной сети*, которые были направлены на изучение не только племенных и общинных коллективов «третьего мира», но всех основных общественных структур современности, включая города. Результаты их деятельности отражены в трудах Ф. Мейера «Люди города и племени»² (1962), М. Шриниваса и А. Бетей «Сети в социальной структуре Индии»³ (1964), К. Митчелла «Социальные сети в урбанистической ситуации. Анализ межличностных отношений в центральноафриканском городе»⁴ (1969). Понятие «социальное поле» ориентировало исследователей не только на местные традиционные социальные образования — семью, род, племя, *вождество* (предгосударственное руководство вождей), системы родства, магическую практику и т.п., но на всю совокупность общественных отношений колониального общества, включая колониальных чиновников, европейских и местных промышленников, торговцев, священнослужителей, врачей, учителей и т.д. Представители манчестерской школы выделяли как минимум три типа социальных полей: 1) обширные социальные пространства с большим количеством иерархически соподчиненных административных единиц (к примеру, колония, государство и т.п.); 2) производственные корпорации или определенные сферы жизни (медицина, образование, судебная система и т.п.); 3) совокупность межличностных отношений, складывающихся неформально, — знакомые, друзья, соседи. Последний

¹ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 1—2. Kraków, 1929—1939.

² Mayer Ph. Townsman or tribesmen. Cape Town, 1962.

³ Srinivas M.N., Beteille A. Networks in Indian social structures // Man. 1964. V. LXIV.

⁴ Mitchell J.C. (ed.). Social networks in urban situation. Analysis of personal relationships in Central African towns. Manchester, 1969.

Э. Эванс-Причард с группой юношей-азанде

тип — это и есть социальная сеть. Как познавательное средство это понятие позволило социальным антропологам изучать любые из реально существующих сфер повседневного общения, что расширило возможности научного отражения традиционного объекта британской социальной антропологии — народов колоний и независимых государств, возникших на их основе.

В эпоху деколонизации традиционные объекты социальной антропологии — первобытные, раннеклассовые и восточные народы — стали явно проявлять себя как исторические субъекты. Если целью классического функционализма было объективно их познать и на этой основе эффективно ими управлять, то для новых поколений ученых встала иная задача — нужно было субъективно понять эти народы для того, чтобы вести с ними равноправный диалог. Одним из первых совершил подобную познавательную переориентацию Э. Эванс-Причард (1902—1973). Если в своей книге «Нуэры. Описание образа жизни и политических институтов нилотского народа»¹ (1940) он во главу угла положил принцип определения функций основных институтов африканского народа,

¹ *Evans-Pritchard E.E. The nuer. A description of the modes of the livelihood and political institutions of a Nilotic people. Oxford, 1940. Рус. пер.: Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.*

обеспечивающих его системную целостность, то в другой книге, посвященной этому же народу, «Религия нуэров»¹ (1956), ученый сделал своей целью понимание *значений*, которые имеют явления культуры для самих нуэров.

Особый интерес к изучению структуры сознания и бессознательных *установок психики* (направленности личности) проявил Эдмунд Лич. Свой *метод структурного анализа* он построил на синтезе идей Малиновского и французского структуралиста Клода Леви-Строса и применил при изучении культуры народов Юго-Восточной и Южной Азии, курдов, а также текстов Библии. Основные труды Лича — «Политические системы горной Бирмы: Исследование социальной структуры народа качин»² (1954), «Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов»³ (1976).

Исследовательский подход, делающий акцент на понимании смыслов изучаемых культур, с 60-х гг. XX в. становился все более популярным в британской социальной антропологии. Один из наиболее известных его представителей — Виктор Тернер. С его именем связано формирование так называемой *символической антропологии* — направления, в котором принято рассматривать культуру общества как динамическую систему символов, каждый из которых имеет многоуровневое значение для людей изучаемого общества. В. Тернер начинал свою научную работу как этнограф-африканист, изучая в поле народ ндембу, но с течением времени стал применять свой подход в исследованиях карнавала в Бразилии, средневековых религиозных движений, традиционного японского театра, идеологии движения хиппи и даже творчества Достоевского и Чехова. Основные труды Тернера — «Раскол и преемственность в африканском обществе»⁴ (1957), «Ритуальный процесс»⁵ (1969).

Мэри Дуглас, антрополог-африканист и ученица Э. Эванса-Причарда, считается одним из основоположников направления, называемого *когнитивная антропология*, в русле которого изучается процесс познания в бесписьменных обществах. М. Дуглас в своих публикациях показала, что восприятие и познание окружающего мира осуществляется не непосредственно, а через призму категорий социальной организации, мифологии и обычного права. Иными словами, мыслительная деятельность человека детерминирована общественными институтами. Эта идея, в общем виде представленная еще в трудах Э. Дюркгейма и М. Мосса, нашла свое отражение в названии одной из книг М. Дуглас — «Как думают институты»⁶ (1986) (имеются в виду социальные институты).

¹ Evans-Pritchard E.E. Nuer religion. Oxford, 1956.

² Leach E.R. Political systems of highland Burma. L., 1954.

³ Leach E.R. Culture and communication: The logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology. Cambridge, 1976. Рус. пер.: Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.

⁴ Turner V.W. Schism and continuity in African society: A study of Ndembu village life. Manchester, 1957.

⁵ Turner V.W. The ritual process: structure and anti-structure. Harmondsworth, 1974. Рус. пер.: Тернер В. Структура и антиструктура // Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

⁶ Douglas M. How institutions think. N.Y., 1986.

Методы структурно-функционального анализа получили распространение и за пределами Великобритании. В Австралии этот исследовательский подход при изучении аборигенов успешно применял Адольфус Элькин, автор широко известного труда «Австралийские аборигены. Как их понимать»¹ (1948), а также Урсула Макконнел, опубликовавшая богатый полевой материал о духовной культуре аборигенов («Мифы мункан»², 1957), супруги Рональд и Катарина Берндты, создавшие одну из наиболее полных сводок материала о традиционной культуре аборигенов в книге «Мир первых австралийцев»³ (1964). В Китае в русле структурно-функционального подхода работал ученик А.Р. Рэдклифф-Брауна и С.М. Широкогорова Фэй Сяотун, автор исследования, написанного еще до Второй мировой войны, «Китайская деревня глазами этнографа»⁴ (1938). В Индии послевоенного времени наиболее продуктивным и известным этнологом структурно-функциональной ориентации стал Майсур Нарасинхачар Шринивас, автор книги «Запомнившаяся деревня»⁵ (1979).

Л.А. Уайт и направление неозолюционизма в американской культурной антропологии. В американской культурной антропологии сохранялась и традиция эволюционизма, который с 30-х гг. XX в. развивал в своих трудах Лесли Агнью Уайт (1900—1975). Теоретическая мысль ученого развивалась как бы в двух плоскостях — это учение о культуре и концепция эволюционного развития человечества. Учение о культуре Уайта («Наука о культуре»⁶, 1949) представляет этот феномен в виде особой реальности, имеющей характер системы, состоящей из четырех уровней: 1) технологического, 2) социального, 3) психологического и 4) идеологического. Некоторые специалисты полагают, что теория культуры Уайта положила начало особой науке *культурологии*. Теория эволюции, наиболее полно представленная Уайтом в книге «Эволюция культуры»⁷ (1959), строилась на основе идей классического эволюционизма Л.Г. Моргана, но включала много оригинальных положений. Стержнем этой теории стал принцип технологического детерминизма, исходя из которого эволюционное развитие мировой культуры определяется освоением новых видов энергии и использованием их в хозяйственной деятельности. Весь ход этого процесса, по Уайту, отмечен последовательностью следующих «энергетических революций»: 1) «аграрной», или «неолитической революцией», которая заключалась в «обуздании» солнечной энергии, накопленной в растениях и животных, посредством их одомашнивания; 2) освоением солнечной энергии, преобразованной в энергию водных и воздушных потоков, посредством изобретения и исполь-

¹ Elkin A.P. The Australian aborigines. How to understand them. Sydney; L., 1948. Рус. пер.: Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952.

² McConnell U. Myths of the munkan. Melbourne, 1957. Рус. пер.: Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981.

³ Berndt R.M., Berndt C.H. The world of the first Australians. Sydney, 1964. Рус. пер.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.

⁴ Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М., 1989.

⁵ Srinivas M.N. The remembered village. Delhi, 1979. Рус. пер.: Шринивас М.Н. Запомнившаяся деревня. М., 1988.

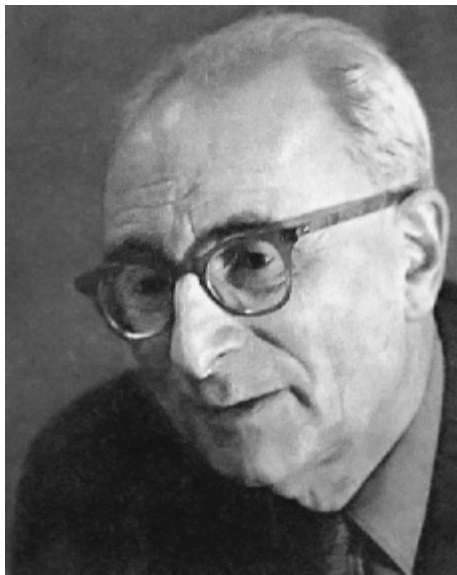
⁶ White L.A. The science of culture: A study of man and civilization. N.Y., 1949. Рус. пер.: Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М., 2004.

⁷ White L.A. The evolution of culture: The development of civilization to the fall of Rome. N.Y., 1959. Рус. пер.: Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004.

зования паруса, водяных и воздушных мельниц; 3) «топливной революцией» — освоением все той же солнечной энергии, сконцентрированной в ископаемом углеродном топливе (уголь, нефть, газ, торф, горючие сланцы) и 4) освоением энергии атомного ядра, которое, по Уайту, знаменует собой наступление заключительного этапа в эволюции культуры.

Идеи Уайта нашли свое развитие в научном направлении *неоэволюционизма*, ставшего ведущим в американской антропологии в 50—70-х гг. XX в. В трудах наиболее видных его представителей — Джулиана Стюарта («Теория культурного изменения. Методология многолинейной эволюции»¹, 1955), Маршалла Салинза («Эволюция: специфическая и общая»², 1960), Элмана Сэрвиса («Первобытная социальная организация. Эволюционная перспектива»³, 1962) разрабатывались важные проблемы соотношения общечеловеческого и локально-специфического в эволюции культуры, взаимосвязи природной среды и культуры, а также эффективные методы эмпирического анализа экономики традиционных обществ.

Структурализм К. Леви-Строса. Самым известным французским этнологом XX в. остается Клод Леви-Строс (р. 1908). Он стал продолжателем научной традиции, восходящей к Э. Дюркгейму и М. Моссу, но значительно обогатил ее идеями структурной лингвистики Ф. де Соссюра, фонологии Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, а также методами современной британской и американской социальной (культурной) антропологии. Наибольшую известность получили труды Леви-Строса, посвященные общим принципам *структурного анализа* культуры и общества («Структурная антропология»⁴, 1958), изучению мифа («Мифологии»⁵, 1964—1971), а также публицистические работы, содержащие декларации направления, названного им самим «новым гуманизмом», которым он считал науку этнологию: «Три вида гуманизма»⁶ (1956), «Руссо — отец этнологии»⁷ (1963). Структурализм Леви-Строса, впрочем, принимаемый далеко не всеми этнологами, основан на аналогиях между

К. Леви-Строс

¹ Steward J.H. Theory of culture change. The methodology of multilinear evolution. Urbana, 1955.

² Sahllins M.D. Evolution: specific and general // Evolution and culture. Ann Arbor, 1960.

³ Service E. Primitive social organisation. An evolutionary perspective. N.Y., 1964.

⁴ Lévy-Strauss C. Anthropologie structurale. P., 1958. Рус. пер.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

⁵ Lévy-Strauss C. Mythologiques. Vol. I—IV. P., 1964—1971.

⁶ Lévy-Strauss C. Les trois humanismes // Demain. 1956. N 35. Рус. пер.: Леви-Строс К. Три вида гуманизма // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁷ Lévy-Strauss C. Rousseau, père de l'éthnologie // Le Courrier. 1963. N 3. Рус. пер.: Леви-Строс К. Руссо — отец антропологии // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

бессознательной природой языка и культурой. Его метод направлен на выявление скрытых от сознания отношений между различными элементами культуры, идет ли речь об изобразительном искусстве, общественной организации или мифах. Впервые свой структурный метод Леви-Строс применил при изучении систем родства аборигенов Австралии. Результаты этого исследования он представил в книге «Элементарные структуры родства» (1949). В этом труде он одним из первых среди этнологов при помощи математика А. Вейля построил математические модели обычаев бракосочетания, распространенных у австралийских племен. В дальнейшем он много сделал для разработки приемов использования математической статистики и кибернетики в этнологических исследованиях.

Особенно широкую известность Леви-Стросу принесли его исследования мифов. Мифологическое мышление в его теории этого явления — это первооснова человеческой цивилизации, бытующая в сфере коллективного бессознательного (*ментальность*) и обладающая определенной логикой, оперирующей так называемыми «бинарными оппозициями» (природа/культура, день/ночь, правое/левое, мужское/женское и т.п.). Глубинные структуры логики бессознательного, по Леви-Стросу, наиболее адекватно передаются в музыке, которую он считал одним из проявлений мифа. Основной функцией мифа французский этнолог считал примирение фундаментального противоречия между культурой и природой, причем в первобытных («холодных», «мифологичных») обществах разрешение этого противоречия, по его мнению, проходит легко и приводит к максимально возможной гармонии, в отличие от обществ цивилизованных («горячих»), которые в своем стремлении к техническому прогрессу подвергают природу насилию, еще более усугубляя трагическое противостояние природы и культуры в бытии и мышлении человека. Эта позиция Леви-Строса вызывает сочувствие у некоторых представителей экологических и антиглобалистских движений. Другие же усматривают в ней утопизм, свойственный установке на идеализацию первобытности, идущей от Ж.Ж. Руссо.

Этнология в послевоенной Германии. Большую известность получили труды ученика Р. Турнвальда, Вильгельма Мюльманна (1904—1988), разрабатывавшего, вслед за своим учителем, проблемы функциональной этнологии, что получило наиболее полное отражение в его книге «Методика этнологии»¹ (1938). Этими проблемами занимался также его ученик Вольфганг Рудольф, относившийся ко многим научным позициям своего учителя довольно критически. В наиболее полном виде он изложил свои идеи в обобщающем труде «Систематическая антропология»² (1977). В настоящее время в немецкоязычной этнологии преобладают эмпирические исследования, которые ведутся частью ученых с позиций «исторической этнологии», а другой частью — в духе американской культурной антропологии.

В Германской Демократической Республике наука о народах уже в первые послевоенные годы сложилась в виде двух направлений: *этнографии* и *народоведения*. В ГДР проводились эффективные этнологические исследования, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. В теоретическом плане разра-

¹ Mühlmann W. Methodik der Ethnologie. Stuttgart, 1938.

² Rudolph W. Systematische Anthropologie. München, 1977.

батывались главным образом проблемы кочевничества (В. Кениг, Л. Штейн и др.), а также истории первобытного общества (И. Зеллнов, Г. Гур и др.). Проводились полевые исследования в Средней и Южной Азии, арабских и других зарубежных странах (В. Кениг, Л. Штейн, В. Гартвиг, В. Руш и др.). Фундаментальные исследования публиковались на основе этнологических исследований и музейных материалов (Б. Трейде, К.П. Кестнер, Л. Ике-Швальбе, Р. Круше, П. Гёбель, Э. Гермер и многие другие).

Марксизм и зарубежная этнология второй половины XX в. Традиция марксистской социальной мысли в зарубежной этнологии практически никогда полностью не прерывалась. Существенное возрастание интереса исследователей к наследию К. Маркса и Ф. Энгельса произошло после Второй мировой войны. В странах социалистической ориентации в это время марксизм стал официальной государственной идеологией и рекомендуемым сверху мировоззренческим основанием научного познания. По этой причине марксистов в этнологических дисциплинах в Германской Демократической Республике, Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Албании, Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Монголии, на Кубе, в некоторых африканских странах сразу стало много, хотя часто это вовсе не означало, что все они в полном объеме усвоили и реализовали в конкретных этнологических исследованиях принципы марксистского подхода. Нередко марксистский подход просто декларировался, а исследования шли в русле издавна сложившихся традиций, хотя, без сомнения, в этих странах были этнологи, искренне и не безуспешно использовавшие категории марксизма в интерпретации эмпирического материала и в теоретических обобщениях.

В частности, интенсивные изыскания на марксистских теоретических основаниях велись в ГДР по народоведению (изучению немецкой народной культуры) В. Штейнитцем, В. Якобайт, П. Новотны, Г. Штробахом, У. Морманом и др. Ими исследовалась народная материальная и духовная культура, значительное внимание уделялось народному изобразительному и музыкальному творчеству. Ярким примером эффективного применения марксистской методологии при изучении социально-экономических отношений аборигенов Австралии явилась книга Фредерика Роуза «Аборигены Австралии. Традиционное общество»¹ (1989). Ф. Роуз, много лет возглавлявший отделение этнологии Берлинского университета им. В. Гумбольдта, внес существенный вклад в австраловедение именно благодаря материалистическому подходу, что было высоко оценено мировой этнологией, так как ранее должного внимания сфере материального производства не уделялось.

Период 60–70-х гг. XX в. иногда называют «марксистским ренессансом» в социальных и гуманитарных науках Запада. В это время в этнологических отделениях университетов Франции, Великобритании, ФРГ, США и других стран появились видные ученые, использовавшие марксистские категории и разрабатывавшие классические научные проблемы, поставленные еще Ф. Энгельсом; учебные программы рекомендовали изучение трудов К. Маркса. При этом надо отметить, что какого-либо единого марксистского направления на Западе не сложилось. Те или иные ученые, воспитанные в традициях разных

¹ Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.

теоретических направлений (неозволюционизм, функционализм, структурализм и др.), сочли возможным и полезным использовать в своих исследованиях отдельные положения марксизма. При этом многие из них марксистами себя не считали.

В американской культурной антропологии одним из немногих теоретиков, воспринявших отдельные положения марксизма, был Л.А. Уайт. Центральное понятие его концепции культуры — «социокультурная система» — несет отпечаток учения Маркса об общественно-экономических формациях, а его технологический детерминизм в трактовке эволюции культуры современниками воспринимался как аналог исторического материализма. Все это, вместе с почтительным отношением Уайта к наследию Л.Г. Моргана и симпатией к Советскому Союзу, привело к его длительной изоляции в американском академическом сообществе и закрепило за ним прозвище «красный Уайт» и «большевик», хотя сам американский ученый никогда не считал себя марксистом, да и не был им по существу.

Во Франции еще в 30-х гг. XX в. молодой К. Леви-Строс испытал сильное влияние марксистской мысли при изучении «Капитала» К. Маркса и потом не раз утверждал, что этот труд явился одним из источников его учения о структуре.

В 50—60-х гг. XX в. довольно громко заявили о себе некоторые этнологи марксистской ориентации. Немецкий ученый Карл Август Витфогель, эмигрировавший в 1934 г. из нацистской Германии в США, выступил с книгой «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тоталитарной власти»¹ (1957), в которой он с позиций «подлинного, творческого, неортодоксального» (как он полагал) марксизма, используя марксову концепцию «азиатского способа производства», дал свою интерпретацию «восточно-деспотических режимов», основанных на государственно-бюрократическом принуждении. К таким режимам, помимо древних государств Египта, Месопотамии, Китая, Индии, Мексики, Перу, он отнес и Советский Союз. Такой подход вызвал резкую критику со стороны не только советских марксистов, но и авторитетных западных ученых.

Во Франции довольно большую известность в 60—70-х гг. XX в. получили этнологи марксистской ориентации, составившие небольшую группу во главе с Морисом Годелье, учеником К. Леви-Строса. В эту группу вошли Клод Мейласо, Эммануэль Террей и др. Научной основой их деятельности стал синтез идей структурализма Леви-Строса и некоторых положений марксизма, поэтому их иногда именуют структурными марксистами. Для этой группы характерен интерес к вопросам соотношения изучаемой этнологами реальности с классическими категориями марксизма (базис, надстройка, способ производства, собственность и т.д.). В частности, имело место немало дискуссий о том, к чему отнести первобытные системы родства — к базису (материальное производство) или к надстройке (идеология). Порой подобные дискуссии напоминали средневековую схоластику, хотя в конкретных исследованиях познавательные возможности марксистского подхода приносили положительный результат. К таким исследованиям можно отнести работы К. Мейласо «Экономическая

¹ Wittfogel K. Oriental despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957.

антропология гуро Берега Слоновой Кости»¹ (1964), Э. Террея «Марксизм перед лицом примитивных обществ»² (1969).

В Великобритании в это же время возникла группа антропологов-марксистов с центром в Лондонском университетском колледже, лидером которой стал Морис Блох, основатель и редактор журнала «Критика антропологии» («Critique of anthropology»). Основные теоретические положения этой группы наиболее полно представлены в монографии М. Блоха «Марксизм и антропология»³ (1983). Помимо общих методологических проблем увязки марксистских категорий с концептуальным аппаратом британского структурно-функционального подхода и реалиями изучаемых первобытных обществ, членами этой группы особое внимание уделялось проблемам антиколониальной борьбы и положения рабочего класса в развитых странах. Марксистский подход использовал в своей работе и известный британский исследователь Питер Уорсли. Он стал одним из пионеров научного направления, которое получило название *изучение аккультурации* — процесса трансформации культуры неевропейских обществ, которую вызывает колониализм и контакты с индустриальной цивилизацией. В своей книге «Когда вострубит труба. Исследование карго-культов в Меланезии»⁴ (1957) он дал материалистическое объяснение (возрастание колониальной эксплуатации, разрушение привычных форм хозяйствования и общественных связей) процессам возникновения мистических движений, сопровождаемых массовыми психозами и антиевропейскими выступлениями коренных жителей Меланезии.

В культурной антропологии США сколько-нибудь влиятельные марксистские группировки не сложились, но марксистские идеи материалистического изучения культуры и общества и здесь привлекали внимание некоторых теоретиков и получили довольно широкое распространение. Это отчасти объясняется тем, что в 60-х гг. XX в. в этой дисциплине произошел своеобразный «переворот» — научная традиция Ф. Боаса переживала кризис и на первый план выступила теоретическая позиция, отстаиваемая Л.А. Уайтом, который из академического аутсайдера превратился в весьма влиятельную фигуру и даже был избран в 1964 г. президентом Американской антропологической ассоциации (American Anthropological Association — AAA). Его сторонники и ученики постепенно заняли ключевые посты в департаментах антропологии ведущих университетов страны. Эту группу представителей неозволюционистского направления нередко во внутридисциплинарной полемике именуют «материалистами». Из них широкую известность получил Марвин Харрис, создавший даже особое учение — *культурный материализм*. В своем труде «Культурный материализм: Борьба за науку о культуре»⁵ (1980) он обосновал исследовательский подход, исходящий из идеи о том, что человеческое общество — это иерархически соподчиненная система, состоящая из четырех уровней: 1) инфраструктура производства и воспроизводства; 2) структура бытовой и политической

¹ Meillassaux C. L'anthropologie économique des gouro de Côte d'Ivoire. P., 1964.

² Terrey E. Le Marxisme devant les sociétés «primitives». P., 1969.

³ Bloch M. Marxism and anthropology. Oxford, 1983.

⁴ Worsley P. The trumpet shall sound: A study of «cargo» cults in Melanesia. L., 1957. Рус. пер.: Уорсли П. Когда вострубит труба: Исследование карго-культов в Меланезии. М., 1964.

⁵ Harris M. Cultural materialism: The struggle for a science of culture. N.Y., 1980.

экономии; 3) суперструктура социальных отношений и 4) ментальная (интеллектуальная) суперструктура. По Харрису, каждый из последующих уровней детерминируется предыдущим, а в основании общества лежит процесс материального производства и воспроизводства.

Увлечение марксистскими категориями в западной этнологии не было длительным, к концу 80-х гг. XX в. оно повсеместно пошло на спад, уступив место научным направлениям, так или иначе связанным с мировоззренческим течением, условно называемым *постмодернизмом*.

5. Современные тенденции развития зарубежной этнологии

Влияние постмодернистского мировоззрения на деятельность этнологов. В последние 20—25 лет значительно усилились интеллектуальные, организационные и информационные связи между этнологами разных стран. Складываются научные направления, которые развиваются как бы не замечая национальных границ и национальных научных традиций. Одним из наиболее влиятельных направлений подобного рода стал так называемый *постмодернизм*. Само это понятие возникло в архитектуре в 60-х гг. XX в. и со временем получило широкое распространение для обозначения интеллектуального движения, направленного на осмысление кризиса современного мира (модерна) и поиск путей преодоления этого кризиса. В науке постмодернизм выражается прежде всего в критике господствовавших до недавнего времени мировоззренческих и теоретико-методологических направлений. В этой связи можно говорить о *постпозитивизме*, *постмарксизме*, *постструктурализме*, *деконструктивизме* и т.п.

Особенно популярными идеи постмодернизма стали в американской культурной антропологии, при этом сами исследователи предпочитают называть это течение *критической антропологией*. Суть его вкратце можно выразить с помощью следующих тезисов:

1) Культурная (социальная) антропология не является наукой в строгом смысле этого слова; это определенный вид литературного творчества; антропологи-авторы не столько научно доказывают положения своих исследований, сколько стараются убедить читателя, используя специфические литературные приемы. Одним из наиболее популярных трудов, посвященных этой теме, является книга Клиффорда Гирца «Труды и жизни: Антрополог как автор»¹ (1988), в которой он анализирует авторские приемы классиков своей науки Б. Малиновского, Р. Бенедикт, К. Леви-Строса и приходит к выводу, что многие их «научные» открытия — не более чем литературные конструкции. В этом же духе интерпретируют этнографическую деятельность авторы сборника «Описывая культуру. Поэтика и политика этнографии»² (1986), инициаторами издания и редакторами которого стали известные американские культурные антропологи Джордж Маркус и Стивен Тайлер.

2) Антрополог в условиях полевой работы — это не научный «прибор», объективно отражающий реальность, а человек, субъективно воспринимающий

¹ Geertz C. Works and lives. The anthropologist as author. Cambridge (Calif.), 1988.

² Clifford J., Marcus G.E. (eds.). Writing culture. The poetics and politics of ethnography. Berkley, 1986.

смыслы чужой культуры и пытающийся перевести их на язык смыслов собственной культуры. По этой проблеме в современной зарубежной этнологии существует обширная литература, в которой можно выделить работы Джона Ван Маанена «Рассказы поля. О написании этнографии»¹ (1988), Пола Рабинова «Размышления о полевой работе в Марокко»² (1977) и др.

3) Общественное значение этнологии заключается не столько в предоставлении объективной информации о культурах народов Земли, сколько в своеобразной *культурной критике*, под которой понимается критическое осмысление культуры, к которой принадлежит автор; экзотические культуры так или иначе выступают в качестве контраста, позволяющего взглянуть свежим глазом на привычные и оттого кажущиеся нормальными негативные явления своего окружения. Наиболее последовательно этот взгляд представлен в книге Джорджа Маркуса и Майкла Фишера «Культурная антропология как культурная критика. Экспериментальный момент в гуманитарных науках»³ (1986).

В 90-х гг. XX в. многие этнологи на Западе справедливо пришли к выводу, что постмодернизм с его критическим пафосом угрожает самому существованию науки, разрушая ее вековые устои. Накал критицизма постепенно спадает, реабилитируются некоторые подходы объективного научного анализа и сама идея объективности. Некоторые исследователи говорят о начале «эры постпостмодернизма». В настоящее время можно уже оценить итоги постмодернистского периода в истории зарубежной этнологии. К отрицательным итогам следует отнести сложившуюся моду на тотальное отрицание, неоправданные иронию и скепсис по отношению к прошлому науки. Но сам по себе критический пересмотр принципов деятельности этнологов в ряде случаев был полезен. Кроме того, в рамках постмодернистской этнологии были созданы оригинальные труды, в которых авторы не столько критиковали авторитеты прошлого, сколько предлагали новые эффективные приемы изучения культур народов Земли.

К такого рода трудам можно отнести работы одного из наиболее авторитетных культурных антропологов современности Клиффорда Гирца (1926—2006), иногда именуемого основоположником научного направления, называемого *интерпретативной антропологией*. Среди его исследований — «Интерпретация культур»⁴ (1973), «Негара. Театральное государство на острове Бали в XIX веке»⁵ (1980), «Локальное знание»⁶ (1983) и др. В этих трудах отражен богатый опыт многолетней полевой работы в Индонезии и Марокко, эффективное сочетание классических методов научного анализа, в том числе и статистического, с приемами точного описания и понимания смыслов изучаемых культур, метафорически трактуемых в качестве особого типа «текстов».

Изучение этничности и национализма. Проблемы изучения этничности, нации и национализма до определенного времени не входили в число популярных

¹ Van Maanen J. Tales of the field. On writing ethnography. Chicago, 1988.

² Rabinow P. Reflections on fieldwork in Morocco. Berkley, 1977.

³ Marcus G.E., Fischer M.M.J. Anthropology as cultural critique. An experimental moment in the human sciences. Chicago, 1986.

⁴ Geertz C. The interpretation of cultures. N.Y., 1973. Рус. пер.: Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

⁵ Geertz C. Negara. The theatre state in nineteenth-century Bali. Oxford (New Jersey), 1980.

⁶ Geertz C. Local knowledge. N.Y., 1983.

тем в зарубежных научных дисциплинах этнологического профиля. Однако после Второй мировой войны и особенно с 1960-х гг. в результате активизации этнических движений, *этнического возрождения* в общественном сознании многих стран (следует помнить, что это была эпоха антиколониальных движений и начала ликвидации колониализма) этими проблемами стали заниматься и этнологи. В данном вопросе этнологов опережали социологи, политологи, историки и философы. Поэтому концептуальный аппарат данной темы, методы анализа и обобщения, содержащиеся в трудах последних, стали отправной точкой исследований этнологов. Можно сказать, что в массиве литературы, написанной на эти темы, дисциплинарных границ провести порой невозможно.

Всю совокупность теоретических позиций в трактовке природы этничности и национализма можно с некоторой долей условности разделить на две группы, которые именуют в западной науке *примордиализмом* (от лат. *primordium* — первоначальность, первичность, исконность, первобытность) и *конструктивизмом* (от лат. *constructio* — строение, устройство, нечто созданное сознательно и по определенному плану).

Понятие *примордиализм* одним из первых применительно к данной проблематике использовал К. Гирц в работе «Интегративная революция: Примордиальные чувства и гражданская политика в новых государствах»¹ (1963). Эта концепция отстаивает изначальность и извечность этнических общностей и этнических чувств. В той или иной степени она нашла свое отражение в работах английского антрополога Энтони Смита «Этническое происхождение наций»² (1986), английского социолога Уокера Коннора «Этнонационализм. Проблема, в которой нужно разобраться»³ (1994) и др.

Гораздо более многочисленны в зарубежной науке представители *конструктивистского направления*, которое исходит из постулата о том, что этнические общности, этническое сознание, этнические и националистические чувства — это реальности, намеренно создаваемые для того, чтобы мобилизовать и сплотить массы для определенных политических, экономических и иных целей. Здесь явно присутствует влияние постмодернизма. Одним из первых проанализировал подобную точку зрения в коллективном труде «Этнические группы и границы»⁴ (1969) норвежский антрополог Фредерик Барт (р. 1928). Такая же позиция нашла свое выражение в трудах английского антрополога Эрнста Геллнера «Нации и национализм»⁵ (1988), английского историка Эрика Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года: Программа, миф, реальность»⁶ (1990) и других ученых.

¹ Geertz C. The integrative revolution: Primordial sentiments and civil politics in the new states // Geertz C. (ed.) Old societies and new states. N.Y., 1963.

² Smith A. The ethnic origin of nations. Oxford, 1986. Краткое изложение концепции Э. Смита см. в статье, переведенной на русский язык: Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002.

³ Connor W. Ethnonationalism: the quest for understanding. Princeton, 1994.

⁴ Barth F. (ed.). Ethnic groups and boundaries. Bergen, 1969.

⁵ Gellner E. Nations and nationalism. Oxford, 1988. Рус. пер.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

⁶ Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality. Cambridge, 1990. Рус. пер.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

* * *

Долгий путь становления и развития зарубежной этнологии имел своим результатом накопление большого количества информации о народах мира, а также формирование значительного числа теоретико-методологических концепций, содержащих как познавательный инструментарий для поиска и получения фактических данных, так и средства для их интерпретации и объяснения. В своей совокупности это и есть существенная часть содержания ныне существующей этнологической науки. Из этого вытекает, что накопленные за века этнографические факты существуют не обособленно, они несут на себе отпечаток сознания, воли и жизненного опыта людей, их добывших. Поэтому восприятие материала по любому разделу этнологии должно включать в себя и элементы его историографической критики.

Теоретические направления и научные школы, возникавшие в зарубежной этнологии в течение полутора веков ее дисциплинарной истории, имели разную судьбу — некоторые из них более или менее стабильно и долго сохраняли свои позиции, другие, получив в свое время широкое признание научного сообщества, со временем теряли свою популярность. Есть также немало примеров, когда, казалось бы, полностью отжившие концепции в новых условиях обретали новую жизнь. Тем не менее каждое направление, оставившее свой след в истории науки, важно для ее сегодняшнего состояния, ибо все они так или иначе участвовали в развитии научного познания, в котором бывают существенны даже ошибочные результаты. Теоретическое отношение к сегодняшним исследовательским проблемам этнологии предполагает учет всего исторического пути их постановки, осмысления и решения. Нынешнее поколение этнологов-теоретиков потому порой видит дальше и отчетливее своих предшественников, что может использовать их опыт и достижения.

Глава 5

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ В XIX — НАЧАЛЕ XXI века

1. Предыстория: XVIII — начало XIX века

История российской этнологии — это, несомненно, органическая часть истории развития мировой науки. Вместе с тем она содержит много интересного и оригинального — как в связи с характером и объемом фактических сведений, собранных российскими учеными, так и вследствие того, что ими были внесены в общий фонд науки значительные теоретические идеи.

Историю научного собирания этнологических (этнографических) сведений в России традиционно начинают с первых десятилетий XVIII в. — с эпохи петровских реформ, положивших начало систематическому изучению территории и населения России. В самостоятельную научную дисциплину этнография тогда еще не выделилась; деятельность исследователей той поры нельзя считать в строгом смысле профессиональной (этнографической), хотя они и проявляли устойчивый интерес к изучению культурных и бытовых черт различных народов, памятников старины и народной поэзии. Накопление материала о «нравах» — «племенных» (этнокультурных) свойствах народов — происходило в рамках географического и естественно-исторического изучения России. Типичен пример выдающегося географа и естествоиспытателя Степана Петровича Крашенинникова (1712—1755), труд которого «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755) получил мировую известность и был переведен на многие иностранные языки еще в XVIII в. Книга — итог личных наблюдений автора — содержит (помимо географической характеристики края) этнографическое описание *камчадалов (ительменов)*, *коряков* и *айнов*. обстоятельно описаны их социальный строй, празднества, религиозные верования, свадебные и погребальные обряды.

В 1768 г. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук начала систематическую посылку экспедиций для географического, геологического, археологического и этнографического изучения России. Результатом этого стало появление многочисленных обширных трудов, составивших в том числе основательную эмпирическую базу отечественной этнографии. Западноевропейская наука XVIII в. едва ли могла похвастаться чем-нибудь подобным сочинению акад. Иоганна-Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (СПб., 1776—1777), а ведь были еще «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768—1771» И.И. Лепехина, «Путешествия по озерам Ладожскому и Онежскому» Н.Я. Озерцовского, «Записки путешествия по западным провинциям Российского государства» В.М. Севергина и другие. Будучи специалистами в области естественных наук (медицине, геологии, зоологии), эти ученые дополняли описания геологических пород рассказами о народном быте, а сведения о растениях и животных — записями исторических преданий и народных поверий. Со временем этот отчасти любительский интерес к этнографическим темам выкристаллизовался в устойчивую тенденцию.

С начала XIX в. формирующаяся российская эмпирическая этнография наряду с познанием России начинает изучать страны и народы Европы и Азии, многие из которых оставались мало известны российским образованным слоям. Большие кругосветные экспедиции (1803—1849), охватившие разные части света, принесли значительные научные результаты. Так, первое кругосветное плавание кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского имело непосредственной целью установление прямой связи с недавно приобретенными Россией Аляской и Алеутскими островами. Попутно были проведены значительные наблюдения быта народов посещенных стран. Сделанные Лисянским описания социального строя и быта гавайцев, а также их верований, системы *табу* и религиозных обрядов сохраняют свою ценность и в наши дни.

Таким образом, к началу XIX в. уже был накоплен значительный эмпирический материал в области изучения культуры и быта народов России и зарубежных стран. Но выделение этнологии в самостоятельную науку относится уже ко второй четверти — середине XIX в.

2. Формирование и развитие отечественной этнологии в середине XIX — начале XX века

Формированию научной этнографии способствовал идейно-политический и общественный климат, сложившийся в России в первой половине XIX в. Важнейшим условием этого процесса стали национальный подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., и дальнейший рост русского национального самосознания. Проблемы нации, в том числе тема «народности» (русской в первую очередь), стали центральными в общественной и научной полемике тех лет. К теме «народности» обращался П.Я. Чаадаев; она оказалась в центре дискуссии «славянофилов» и «западников»; ее обсуждали в литературной критике как проблему «народности» искусства. Эмпирический материал в трудах этнографов-собираателей той поры (И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, А.Н. Афанасьева, В.И. Даля) также интерпретировался в духе «народности».

В 40-е гг. XIX в. начался процесс организационного оформления этнологии: возникали научные общества и научная периодика. Императорское Русское Географическое общество (ИРГО) в Петербурге (в 1845 г. в его составе было организовано Отделение этнографии) стало первым звеном в формирующейся организационной структуре российской этнографии. В периодических и неперiodических изданиях ИРГО («Записках», «Известиях», «Этнографических сборниках») впервые стали систематически публиковаться материалы этнографического характера.

Особую страницу в истории Общества составил период 1848—1851 гг., когда председателем Отделения этнографии стал Николай Иванович Надеждин (1804—1856). Филолог и литературный критик, в прошлом редактор журнала «Телескоп», он подвергся ссылке в Пермскую губернию за публикацию в 1836 г. одного из «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Надеждин ориентировал отечественную науку на исследование «русской народности». По инициативе и при активном участии Надеждина осуществилась самая значительная этнографическая акция середины XIX столетия. Ученый составил первую программу

Н.И. Надеждин

(вопросник) для сбора этнографических сведений о народах Российской империи, которая была разослана в 7 тыс. экземпляров во все губернии. Вскоре скопился обширный эмпирический материал, и решено было приступить к его обнародованию. Под редакцией Н.И. Надеждина и его единомышленника историка К.Д. Кавелина в 1851 г. вышел 1-й том «Этнографического сборника», содержащий самые полные на тот момент этнографические описания, полученные в результате анализа ответов на вопросы программы; издание собранного материала имело продолжение.

В середине XIX в. деятельность ИРГО в области этнографии была дополнена работой московских ученых. При Московском университете появилось Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Его создание

стало возможным благодаря принятию либерального университетского устава 1863 г. Инициаторами создания общества выступили последовательные дарвинисты — зоолог и антрополог А.П. Богданов и геолог Г.Е. Шуровский. От других научных обществ ОЛЕАЭ отличалось тем, что считало своей основной задачей не только проведение фундаментальных научных исследований, но и распространение и популяризацию знаний. В 1867 г. силами ОЛЕАЭ в Москве была организована этнографическая выставка, привлекавшая широкое внимание общественности.

Выставка дала толчок созданию в структуре ОЛЕАЭ этнографического отдела во главе с профессором-славистом Н.А. Поповым. Значение этого научного центра выходило далеко за рамки Москвы: в его работе принимали участие корреспонденты из различных областей государства (Сибири, Поволжья, Украины, Приуралья). Отдел собирал сведения о материальной культуре, языках, обычаях, поверьях, фольклоре народов России. Заседания посещали не только этнографы, но и представители других специальностей (впрочем, применительно к той эпохе трудно говорить о «чистых» этнографах). Позднее с сообщениями в отделе выступали знаменитые русские путешественники — Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.М. Пржевальский и др. Научные доклады публиковались в «Трудах» отдела, а также в «Известиях ОЛЕАЭ».

Ко второй четверти — середине XIX в. относятся первые попытки теоретического обоснования этнографии как особой науки: формулирование ее предмета, определение места в системе наук, разработка основных приемов исследования. Один из ранних опытов определения предмета и задач этнографии принадлежит Н.И. Надеждину. Он призывал к исследованию как многочисленных народов окраин России, так и государствообразующей «народности русской». Кроме того, в докладе «Об этнографическом изучении народности

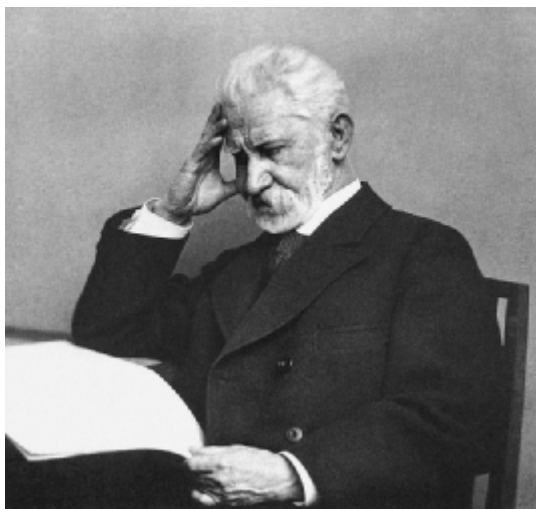
русской» на первом годовом собрании ИРГО (ноябрь 1846 г.) он утверждал, что в состав этнографии входят: изучение «народного», «живого» языка («лингвистическая этнография»), изучение «телесной» стороны человеческой природы («физическая этнография»), изучение народного быта («психическая этнография»). Он попытался определить и задачи этнографической критики, которые усматривал в выделении в культуре и быте народа, с одной стороны, черт самобытных, а с другой — «наносных», заимствованных. Эта формулировка содержала зародыш сравнительно-исторического подхода к изучению народов.

Интересны теоретические воззрения и другого видного деятеля ИРГО — историка К.Д. Кавелина. Его взгляды по вопросу о так называемых *пережитках* представляют интерес до сегодняшнего дня. Обычно «теорию пережитков» связывают с именем английского ученого Э. Тайлора, но еще за 20 лет до Тайлора очень похожие идеи развивал Кавелин. Не употребляя слова «пережитки», он говорил об обычаях, сохранившихся в народе и представляющих собой остатки каких-то важных исторических явлений, утративших позже свой смысл; для понимания этих обычаев, полагал Кавелин, необходимо научно восстановить их первоначальный вид и смысл.

Взгляды Надеждина и Кавелина в области этнографии оказались новаторскими, в теоретическом отношении они опережали свою эпоху. Они содействовали становлению постепенно формировавшегося научного течения, получившего название *эволюционизма*. Предложенная этими учеными формулировка предмета этнографии, предполагавшая разностороннее этнографическое изучение народов, выходила за рамки тогдашних представлений о задачах этнографии: их русские современники обычно ограничивались собиранием народного поэтического творчества.

Тем не менее неопределенность предметного поля этнографии сохранялась до 60—70-х гг. XIX в., когда были более отчетливо сформулированы мировоззренческие основания последней — теория эволюции. Бурные успехи естествознания, появление работы Ч. Дарвина «Происхождение видов» и т.п. вызвали заметный интеллектуальный подъем и способствовали обогащению теоретического арсенала этнологии. Прочно утвердившийся в естествознании эволюционизм ученые стремились применить к человеческой истории, пытаясь найти закономерности, сходные с теми, что обнаруживались естественными науками. Идеи объективного познания действительности и прогресса составили характерные черты эволюционизма в этнографии.

Становление эволюционизма в России происходило одновременно с распространением марксизма. Некоторые этнографы, например Н.И. Зибер и М.М. Ковалевский,

Д.Н. Анучин

испытали на себе его влияние. Первые представители эволюционистского направления в российской этнографии, как правило, выступали в роли популяризаторов и переводчиков классических иностранных работ. Таковы М.И. Кулишер, находившийся под сильным влиянием Д. Леббока, С.С. Шашков, популяризировавший классика английской этнологии Э. Тайлора, Д.А. Коропчевский, неутомимый переводчик и крупный знаток западной науки, Э.Ю. Петри — автор двухтомной «Антропологии» (СПб., 1890—1897).

Эволюционистская этнография способствовала формированию нового типа ученого — последовательного дарвиниста, подвижника, рассматривавшего науку как высшую форму служения обществу. Отчетливо оформились два типа научных стратегий, примером которых могут служить биографии крупных этнологов — Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846—1888) и Дмитрия Николаевича Анучина (1843—1923). Представители одного поколения, они получили естественнонаучное образование, придерживались эволюционистских взглядов, но при этом первый воплотил в себе классический образец полевого исследователя (он посвятил себя изучению папуасов Новой Гвинеи и других народов Океании), а второй олицетворял собою тип «кабинетного» ученого, целиком отдавшись созданию организационных форм этнографии, физической антропологии, а также преподавательской деятельности.

В последней четверти XIX в. крупные российские ученые стали ставить вопрос об этнографическом образовании. Формирование университетской этнографии неразрывно связано с деятельностью Д.Н. Анучина. По его инициативе в Московском университете в 1884 г. была создана кафедра географии и этнографии в составе историко-филологического факультета (в 1889 г. кафедру перевели на физико-математический факультет). Соединение двух дисциплин при очевидном главенстве географии означало, во-первых, что процесс дифференциации наук еще не завершился, а во-вторых, что место этнографии в системе естественнонаучного или гуманитарного знания не определилось.

Н.Н. Миклухо-Маклай

Сам Анучин склонен был сближать этнографию скорее с антропологией, которую трактовал весьма широко — как «естественную историю человека», рассматривая ее в виде союза трех равноправных (а не соподчиненных) дисциплин: физической антропологии, доисторической археологии и этнографии. В любом случае сам факт выделения этнографии как самостоятельной учебной дисциплины был важным шагом на пути ее организационного становления.

Между тем в университете существовал и альтернативный взгляд на место этнографии в системе наук, опиравшийся на многолетнюю успешную практику включения этнографических знаний в гуманитарные курсы (К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, Н.В. Калачов, М.М. Ковалевский и др.). Его общим методологическим основанием послужило

принципиальное разграничение предметов физической антропологии и этнографии: первая характеризовалась как наука «преимущественно естественноисторическая», вторая — как дисциплина «преимущественно общественная». Несмотря на перенос кафедры географии и этнографии на физико-математический факультет, на историко-филологическом факультете сохранялось преподавание этнографии, хотя оно не носило систематического характера, а лекционные курсы были факультативными. В разное время их читали Р.Ю. Виппер, В.М. Михайловский и Николай Николаевич Харузин (1865—1900). Изданные посмертно лекции последнего использовались в качестве учебника этнографии (*Харузин Н.Н.* Этнография. Вып. 1—4. СПб., 1901—1905).

Н.Н. Харузин

К началу XX в. этнографические исследования сосредоточивались в научных обществах и музеях. Главными центрами этнографической науки считались Отделение этнографии ИРГО в Петербурге и Этнографический отдел ОЛЕАЭ в Москве. Этнографическими исследованиями, хотя и в очень скромном объеме, занимался также учрежденный в 1902 г. Этнографический отдел Русского музея.

С 1889 г. Этнографический отдел ОЛЕАЭ приступил к изданию первого в России специального журнала «Этнографическое обозрение» (редактор акад. Н.А. Янчук). Еще один орган русской фольклористической и этнографической мысли — журнал «Живая старина» — издавался с 1890 г. в Петербурге Отделением этнографии ИРГО (редактор В.И. Ламанский). Материалы по этнографии публиковались также в журналах «Землеведение» и «Русский антропологический журнал» (оба под редакцией Д.Н. Анучина).

Вопрос об этнографическом университетском образовании обсуждался на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей (Москва, декабрь 1909 — январь 1910 г.). Участники съезда разработали план реорганизации этнографического образования: они предлагали создать в составе университетов кафедры этнографии, учредить в университетских городах музеи общей этнографии и фонд для обработки этнографических материалов, усилить внимание к языковой подготовке студентов. Некоторые из этих рекомендаций были осуществлены уже после 1917 г.

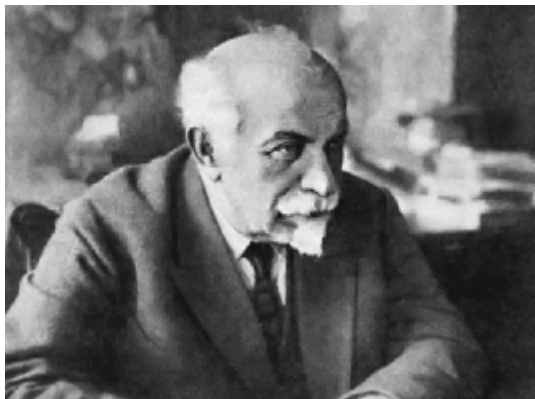
Этнографические исследования в России к началу XX в. носили преимущественно эмпирический характер. Вместе с тем отечественные этнологи создавали труды, в теоретико-методологическом отношении отвечавшие европейскому уровню и внесшие существенный вклад в развитие мировой этнологической науки. К числу таких произведений относятся работы Максима Максимовича

Ковалевского (например, «Закон и обычай на Кавказе». М., 1890), Всеволода Федоровича Миллера («Осетинские этюды». М., 1881—1887), Александра Николаевича Пыпина («История русской этнографии». СПб., 1890—1892) и ряд других. Такие исследования расширяли теоретико-методологические возможности европейской этнологии, хотя базировались преимущественно на общих принципах эволюционизма. В России он продолжал оставаться преобладающим направлением, хотя ряд этнологов работал в духе историзма.

В глазах ученых и образованной части российского общества эволюционизм ассоциировался с передовыми взглядами, однако к началу XX в. часть российских этнологов все явственнее осознавала его ограниченность. Последовательным критиком этой концепции в первое двадцатилетие XX в. стал А.Н. Максимов — ученый, сочетавший качества полевого исследователя и тонкого знатока новейших теоретических достижений мировой этнологии.

Но ни критика А.Н. Максимова, ни деятельность «Этнографического бюро» Вячеслава Николаевича Тенишева (1844—1903), развивавшего подход, позже получивший название *функционального*, не смогли поколебать преобладавшего положения эволюционизма в России. Созданное в Петербурге частное «Этнографическое бюро» при участии его основателя и группы высококвалифицированных этнографов разработало и распространило в конце XIX в. два варианта программы-вопросника для сбора сведений о крестьянах Центральной России. Работа корреспондентов оплачивалась. В короткое время удалось собрать несколько тысяч ответов с мест. Архив бюро В.Н. Тенишева хранится в Петербургском «Музее этнографии народов России». Первая попытка сформулировать существенные идеи функционалистского стиля мышления изложена В.Н. Тенишевым в книге «Деятельность человека» (СПб., 1897). Эти факты свидетельствуют о том, что в конце XIX и первые десятилетия XX в. в Восточной и Западной Европе в области этнологии проявлялись общие научно-теоретические тенденции.

Едва ли можно обойти молчанием участие в этнографическом изучении России политических ссыльных. Среди них особенно яркими исследователями-

В.Г. Богораз

этнологами стали В.Л. Серошевский («Якуты. Опыт этнографического исследования». СПб., 1896), Владимир Германович Богораз-Тан (1865—1936), написавший ряд трудов о чукчах, коряках и других народах Северо-Востока России, С.И. Мицкевич, автор работы «Мэнэрик и эмиряченье» (Л., 1929). Труды этих и других ученых (Л.Я. Штернберга, В.И. Иохельсона и др.) также испытывали воздействие эволюционистских идей.

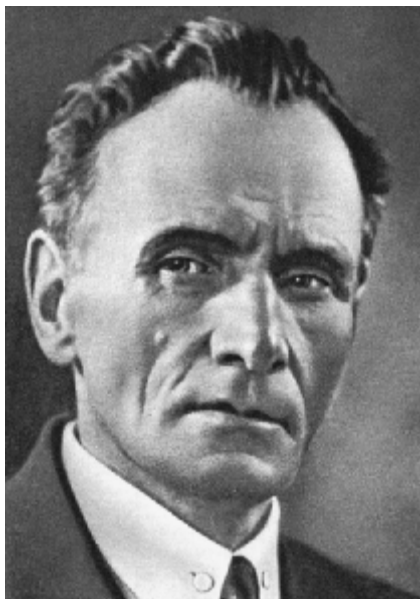
Специального упоминания заслуживает опубликование в начале XX в. идей одного из интересных российских этнологов, действительного члена ИРГО Н.М. Могилянского. Он настаивал на необходимости сделать центром внимания этнографии не вопросы культуры, как это было во всех господствовавших в то время концепциях и теориях (и в России, и на Западе), а проблему установления «этнических групп, рас, народов как этнических индивидуумов». Именно этнос, полагал Могилянский, составляет подлинную базу научной этнографии и позволит сохранить ее в качестве науки в будущем. Для того времени это был подлинно новаторский подход, опередивший свою эпоху.

Предмет этнографии, ее задачи и место в системе наук оказались в центре теоретической дискуссии, которая состоялась в 1916 г. в Отделении этнографии ИРГО. Результаты обсуждения оказались ниже ожидания. Однако сам факт ее проведения свидетельствовал о том, что научное сообщество всерьез задумывалось об обновлении методологического и теоретического основания этнологии.

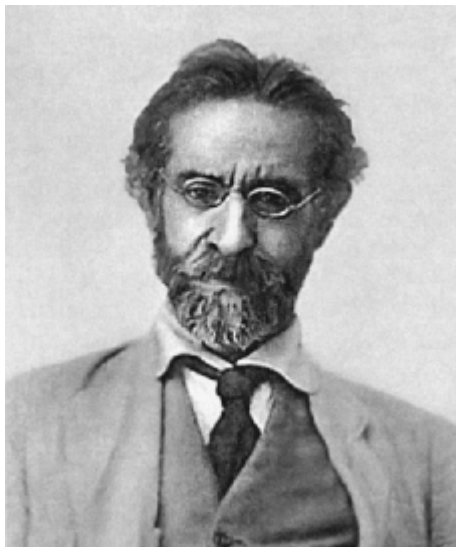
3. Развитие этнологии в 20—40-е годы XX века

Октябрьская революция 1917 г. существенно повысила общественный статус этнологии и открыла перед ней новые перспективы. Сформировался новый тип отношений между наукой и государством, характеризовавшийся взаимным сотрудничеством. Модернизация страны, в том числе ранее «отсталых народов», требовала активного участия и использования науки. Специалистам-этнографам предстояло изучить и описать этнический состав населения бывшей Российской империи, создать этнические карты, заняться этнической статистикой, принять активное участие в организации просветительских и культурных учреждений на окраинах страны, способствовать формированию и развитию национальных письменных литератур и т.д.

1920-е годы стали временем бурного развития этнологической науки во всех ее аспектах — теоретико-методологическом, институционально-структурном и кадровом, в развитии учебной подготовки будущих специалистов. Символом эпохи был плюрализм, преобладавший во всех сферах бытования этнографии, в первую очередь в области теории и методологии. Наряду с доминировавшим эволюционизмом получили распространение некоторые положения диффузионизма, антропогеографии Ф. Ратцеля, психологического направления немецкого народоведения.

В.К. Арсеньев (1872—1939)

Л.Я. Штернберг (1861—1927)

Интерес к этносу, этнической группе как объекту этнологического изучения несколько ослаб. Отчасти потому, что пределы России покинули ученые, в трудах которых теоретически разрабатывалась проблема «этнoса», — Н.М. Мoгилянскiй и Сергей Михайлович Широкогoров (1887—1939).

В.К. Арсеньев посвятил свои исследования Дальнему Востоку. Он собрал интересный материал о населявших его народах, описал образ жизни и типичные черты таежного охотника — Дерсу Узала, гольда (нивха) по национальности.

В первое послереволюционное десятилетие новые политические и социальные условия в стране побуждали ученых старой школы предпринимать попытки освоения марксистской методологии, правда, пре-

имущественно в форме синтеза с другими теоретическими подходами: антропогеографией Ф. Ратцеля — в книге В.Г. Богораза «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (Л., 1928), или с идеями культурно-исторической школы — в книге П.Ф. Преображенского «Курс этнологии» (М.; Л., 1929). Марксистское влияние чаще всего проявлялось в терминологии и использовании механистически понятой материалистической диалектики.

Свободное распространение в российской науке 1920-х гг. течений зарубежной этнологии свидетельствовало о сохранении международных связей, о вписанности отечественной науки в мировое интеллектуальное сообщество.

В 1920-е гг. сформировалась организационная структура отечественной этнологии. Она включала правительственные организации, нацеленные на решение практических задач национальной политики и культурного строительства: Центральное Этнографическое бюро при Народном комиссариате по делам национальностей, Комитет Севера при ЦИК СССР. Однако среди научных организаций (и их сотрудников, численность которых продолжала оставаться очень небольшой) преобладали объединения ученых старой школы, еще дореволюционной формации: учреждения системы Академии наук, Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК), музеи, учебные кафедры в Московском и Ленинградском университетах, некоторые научные общества. Ученые старой школы были автономны в выборе исследовательской тематики. Именно они (В.Г. Богораз, Е.Г. Кагаров, Б.А. Куфтин, П.Ф. Преображенский, С.И. Руденко, В.Н. Харузина, Л.Я. Штернберг и другие) оказывали решающее воздействие на формирование научных программ, а также стояли у истоков профессиональной подготовки этнологов.

В эти же годы была налажена система этнологического и этнографического образования. Плодотворно работало этнографическое отделение в составе

П.Ф. Преображенский (1894—1967)

С.П. Толстов

географического факультета ЛГУ («школа Л.Я. Штернберга»). В Московском университете сложились две «линии» этнографического образования, наметившиеся еще в XIX в., — естественнонаучная и гуманитарная. В 1919 г. выделилась самостоятельная кафедра физической антропологии с этнографическим циклом в составе физико-математического факультета. После смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. кафедру занял его ученик, видный антрополог проф. В.В. Бунак. Главенствующая роль в чтении этнографических курсов принадлежала проф. Б.А. Куфтину. Именно ему обязан своей этнографической подготовкой ряд ученых, определявших лицо советской этнографии в 50—60-е гг.: М.Г. Левин, Сергей Павлович Толстов (1907—1976), Николай Николаевич Чебоксаров (1907—1980). Для их научного творчества было характерно внимание к проблеме этногенеза и этнической истории, а также стремление сочетать в своих исследованиях этнографические, археологические, антропологические и иные сведения. Этнографическая специализация на кафедре антропологии продолжалась до 1929 г., а затем прекратилась; кафедра стала выпускать только специалистов в области физической антропологии.

Подготовка этнографов в Московском университете переместилась на факультет общественных наук (ФОН); в его составе было учреждено (1922) этнолого-лингвистическое отделение; в 1925 г. его преобразовали в этнологический факультет в составе четырех отделений: этнографического, истории материальной культуры (историко-археологического), литературного, изобразительных искусств, а также этнографо-археологического музея и историко-этнологического кабинета (заведующим кабинетом был проф. П.Ф. Преображенский). Факультет просуществовал до 1930 г.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. в развитии отечественной этнографии (этнологии) произошли существенные изменения. Выдвинулось младшее поколение

М.О. Косвен (1885—1967)

этнографов-марксистов, воспитанное на принципе классового подхода к истории и ставшее носителем духа борьбы за «единственно верный метод» в науке. Теоретические дискуссии 1929—1932 гг. определялись внутренней логикой самой этнологической науки: требовалось обновить ее теоретико-методологический арсенал, усовершенствовать категориальный аппарат, сформулировать новую научную проблематику. Однако логика науки пришла в противоречие с относительно низким профессиональным уровнем большинства этнографов-марксистов. Дебаты приняли схоластический характер, а их участники из числа «этнографов-марксистов» активно использовали аргументы политического характера.

Главным результатом дискуссий стало крайнее сужение предмета этнологии: ее задача была сведена к изучению докапиталистических общественно-экономических формаций и

их пережитков у народов СССР, то есть этнография фактически отождествлялась с историей первобытного общества. В решениях Всероссийского археолого-этнографического совещания (1932) «построение этнографии как самостоятельной науки с особым предметом и методом изучения» признавалось противоречащим методологии марксизма; этнография сохраняла значение вспомогательной научной дисциплины, «находящейся на службе исторического исследования и имеющей своей задачей полевое собирание и первичную обработку непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов».

В 1930-е гг. заметно сократилось число научных учреждений этнологического профиля, радикально сузился круг подлежавших изучению научных проблем, закрылись учебные центры подготовки профессиональных этнологов, некоторые видные ученые подверглись репрессиям.

Процесс восстановления науки начался еще в предвоенные годы. Организационную основу этнологии составил учрежденный в 1933 г. Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) АН СССР (который, однако, почти не функционировал), а также созданная в 1939 г. по инициативе известного этнографа, археолога и историка С.П. Толстова кафедра этнографии в составе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В исследовательской деятельности этих учреждений акцент некоторое время был смещен в сторону традиционной этнографии, изучения прошлого народов мира.

Принципы периодизации истории первобытного общества, этнография и археология Средней Азии составляли в ту пору круг научных интересов директора (с 1943 г.) Института этнографии АН СССР и заведующего кафедрой этнографии С.П. Толстова. С его именем было связано открытие высокой цивилизации древнего Хорезма и культуры степных полукочевых племен Приаралья.

Сергей Александрович Токарев (1899—1985), принадлежавший к тому же поколению и той же научной традиции, что и Толстов, свои публикации предвоенного и военного периода посвятил хозяйству и общественному строю народов Сибири (якутов, горных алтайцев). Профессор А.М. Золотарев осуществил фундаментальное исследование дуально-экзогамной организации в ранней истории человечества. Профессор М.О. Косвен популяризовал работы Ф. Энгельса по истории первобытного общества и труды Л.Г. Моргана, а также исследовал этнографию народов Кавказа.

Процесс возобновления этнографических исследований затянулся, а в годы Великой Отечественной войны деятельность отечественных этнографов претерпела неизбежное сокращение, хотя и не была свернута, продолжившись в эвакуации — в Ашхабаде и других восточных регионах страны.

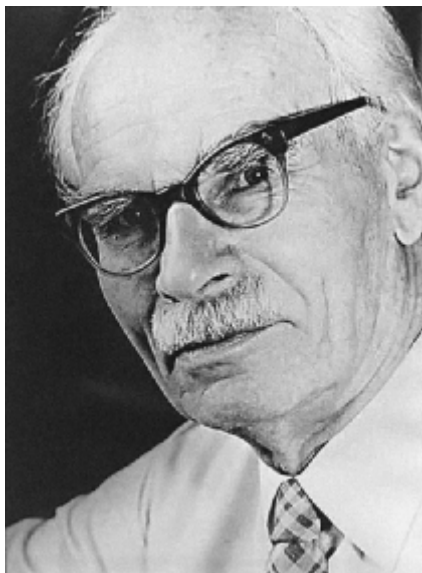

Н.Н. Чебоксаров

4. Отечественная этнология в 50—80-е годы XX века

По окончании Великой Отечественной войны практическая и теоретическая работа в этнографии (этнологии) существенно активизировалась, а ее масштабы расширились. Организационную основу фундаментальных исследований составляли АН СССР и ее филиалы (позднее — Академии наук союзных республик), а также университеты и музеи (в особенности в Ленинграде). Уже на рубеже 1940—1950-х гг. появились капитальные труды, среди которых «Нганасаны» А.А. Попова (М., 1947), «Кубачинцы и их культура» Е.М. Шиллинга (М., 1949), «Очерки исторической этнографии каракалпаков» Т.А. Жданко (М., 1950), «Этнические территории и этнические границы» П.И. Кушнера (М., 1951) и др.

В 1960-е гг. этнологи интенсивно вели работу, связанную с формулированием предмета и задач советской этнографии, тематические границы которой при этом существенно расширились по сравнению с 1930-ми гг. С конца 1940-х гг. стали активно исследоваться этногенез народов мира, история первобытного общества, хозяйственно-культурные типы и формы, семейно-брачные отношения и ряд других тем. Реанимировано было изучение современности: начались исследования культуры и быта сельского и городского населения СССР. Велись разносторонние исследования по региональной этнографии: народов Азии (Н.Н. Чебоксаров и др.), Африки (Д.А. Ольдерогге и др.), Америки (Ю.П. Аверкиев и др.), народов СССР (Б.О. Долгих, Б.А. Куфтин, С.А. Токарев, С.П. Толстов, В.Н. Чернецов и др.). Начиная с 1960-х гг. продолжилось интенсивное изучение истории этнологии (Ю.П. Аверкиев, С.А. Токарев и др.).

С.А. Токарев

Одно из свидетельств развития отечественной этнологии в послевоенную эпоху — подготовка и выпуск в свет (к 1964 г.) 18-томной серии трудов, объединенных общим названием «Народы мира. Этнографические очерки» (под общей редакцией С.П. Толстова). Это издание, представившее «портретную галерею человечества», создавалось большим коллективом столичных и местных специалистов-этнографов. Работа над ним не только подтвердила высокий уровень фактических знаний отечественных ученых, но и стимулировала теоретические обобщения в области этнологии.

В 1950—1960-е гг. в отечественной этнологии появились крупные деятели, внесшие существенный вклад в мировую науку. Среди них профессор С.А. Токарев, который возглавлял кафедру этнографии истфака МГУ в 1956—1973 гг. Он ориентировал этногра-

фов на изучение основных историко-культурных явлений, а не на описание «экзотических» сторон быта. Не признавая разделения этнографии на описательную и теоретическую, Токарев в каждой работе, вне зависимости от объема конкретного материала, создавал основание для теоретических выводов. Начав с этнографической тюркологии, Токарев впоследствии заинтересовался социальной организацией и культурной историей австралийских аборигенов, затем — разнообразными группировками американских индейцев, славяноведением, этнографией народов зарубежной Европы, этнографией народов СССР, теорией этногенеза, материальной культурой народов, религиоведением. Еще одной сферой научных интересов Токарева была история русской и зарубежной этнологии. Всего им было опубликовано свыше 200 исследовательских трудов.

Под непосредственным руководством Токарева осуществлялась работа по подготовке учебной литературы и в сфере научно-издательской деятельности. Первым учебным пособием в послевоенные годы стал основополагающий труд Токарева «Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры» (М., 1958), до сегодняшнего дня непревзойденный с точки зрения количества собранного, обобщенного и проанализированного эмпирического материала. В 1968 г. под редакцией Токарева вышел в свет первый учебник по общей этнографии — «Основы этнографии (учебное пособие)».

В послевоенные десятилетия крупные результаты были достигнуты в области теории и методологии науки. М.Г. Левин, С.П. Толстов и Н.Н. Чебоксаров разработали концепцию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которая обладала значительным эвристическим потенциалом.

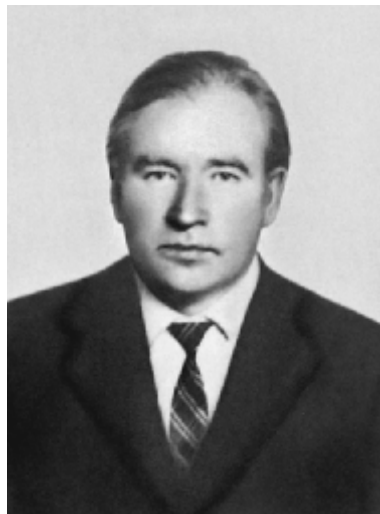
При содействии центральных этнологических учреждений во всех столицах союзных республик и в автономных республиках возникли специальные центры этнологических исследований.

На новый уровень была поднята подготовка специалистов-этнографов, в первую очередь в Московском университете. Учебная деятельность кафедры этнографии в 1950—1970-е гг. значительно интенсифицировалась: возросло число обучавшихся на ней студентов и аспирантов; расширилась подготовка кадров для республик, краев и областей СССР через аспирантуру; на кафедре прошли специализацию студенты из многих государств мира (Албании, Болгарии, Восточной Германии, Вьетнама, Испании, Китая, Монголии, Перу, Румынии, Чехословакии, Эквадора, Югославии и других стран).

В 1960-е гг. тематика этнологических исследований в Советском Союзе стала весьма обширной и разнообразной. Заметное место в ней продолжали занимать социальные стороны жизни у различных народов (род, племя, община, семья, положение женщины). Очень много исследований трактовали вопросы историко-культурного свойства (хозяйство и хозяйственно-культурные стороны бытия, поселения и жилища, одежда и утварь и пр.). Большое внимание уделялось изучению разнообразных обрядов, в частности семейных (как то: свадьба, погребальные обычаи и т.п.). Значительно меньше было работ, посвященных этногенезу и этнической истории, а также межэтническим взаимодействиям (смешанным бракам и т.п.).

Вместе с тем с конца 1960-х гг. в отечественной науке постепенно складывалось направление, изучавшее проблемы этноса, общие этнические (национальные) процессы. Заявившее о себе еще в начале XX в., оно позднее стало своеобразным «символом» советской этнографии, составив одну из самых сильных — и по сей день — сторон отечественной науки. Российская этнология всегда исходила из представления об этносе как о реально существующем объекте и активно разрабатывала теорию этноса. Авторитетом пользовалась дуалистическая теория этноса, изложенная в трудах директора (1966—1989) Института этнографии АН СССР, академика Юлиана Владимировича Бромлей (1921—1990). Развивались и альтернативные подходы: биологизировавшая феномен этноса концепция Л.Н. Гумилева, содержательная информационная концепция Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова, компонентная теория В.В. Пименова.

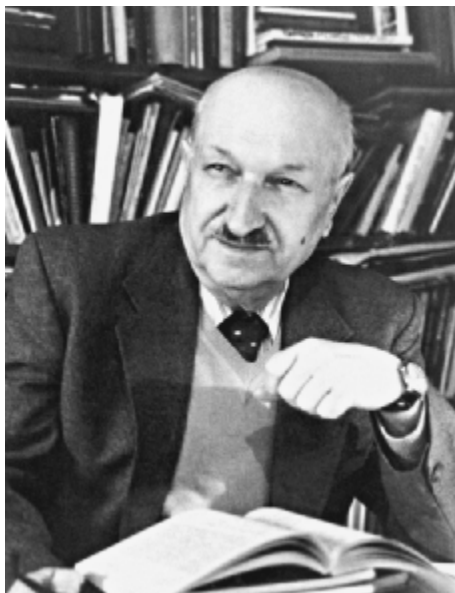
Авторитетное влияние трудов и личности Ю.В. Бромлей способствовало разворачиванию новых актуальных направлений этнологических исследований — этносоциологии (под руководством Ю.В. Арутюняна и О.И. Шкаратана), этнодемографии (глубокие труды в этой области создал В.И. Козлов), этнопсихологии (руководитель Л.М. Дробижева). Все эти направления использовали методики и технику массовых обследований представительных выборок респондентов (информаторов), принадлежащих к тем или иным народам (татарам, молдаванам, удмуртам и др.). Указанные направления исследований усилили прикладные стороны этнологических разработок.

Ю.В. Бромлей

Е.П. Бусыгин

А.И. Робакидзе

Значительные исследования были проведены в области истории хозяйства и социальных отношений у оседлых и кочевых народов. Так, известный археолог и этнолог профессор Г.Е. Марков стал одним из основоположников нового научного направления в этнологии — *номадологии* (изучения кочевников), выступил автором оригинальной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах.

Р.Г. Кузеев

На страницах журнала «Советская этнография» (с 1991 г. — «Этнографическое обозрение») активно обсуждались актуальные и дискуссионные вопросы: предмет этнологии и ее соотношение с историей, этнологическая терминология, история первобытного общества, религия, *номадизм*, межнациональные отношения и конфликты, совершенствование преподавания этнологии в высших учебных заведениях и многое другое.

В 70—80-е гг. продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию подготовки специалистов-этнографов. Увеличилось число научных направлений, составлявших содержание учебного процесса: в их число были включены теория этноса и теоретико-методологические аспекты этнографии, *историография*, история первобытного

общества, история религии, проблемы этнографии народов СССР и зарубежных стран, музееведение. Продолжалась работа над учебно-методической литературой. В 1982 г. вышел учебник «Этнография» под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова.

В союзных и автономных республиках СССР в 1950—1980-е гг. сложились влиятельные коллективы этнографов (этнологов). Среди крупных исследователей и организаторов науки могут быть названы А.И. Робакидзе в Тбилиси, Е.П. Бусыгин в Казани, Р.Г. Кузеев в Уфе.

5. Основные тенденции в развитии современной отечественной этнологии

Изменение общественно-политического контекста во второй половине 80-х гг. открыло возможность для критики советского «тоталитарного наследия» в этнографии, причем в своих радикальных проявлениях эта критика отчасти перерастала в отрицание конструктивных традиций науки. Произошел не только отход от марксистского монизма, но и (в трудах отдельных авторов) разрыв с позитивной наукой как таковой, фактический отказ от концепта научной истины.

Некоторые российские этнологи испытали влияние постмодернизма с его неумеренным критическим пафосом и безудержным *релятивизмом* (*относительностью*). Результаты этого влияния неоднозначны. С одной стороны, произошло избавление от методологического диктата «единственно верного метода». Но, с другой стороны, отказавшись от теоретико-методологического аппарата советской науки, постсоветская этнология, по сути дела, ничего не предложила взамен, кроме трактовки этнических общностей лишь как интеллектуального конструкта, что обесмысливает этнологическое знание как науку.

Радикальной ревизии подверглись социальные функции науки. Советская этнография хотя бы номинально основывалась на идеях служения прогрессу общества, освобождения человечества и укрепления «первого в мире государства рабочих и крестьян». Эти ценности подверглись уничтожающей критике, что со всей остротой и определенностью поставило вопрос о новом «оправдании» научного знания. В новую эпоху получение знания — как и поиск объективной научной истины — перестало быть самоцелью, существование научного знания стало обуславливаться возможностью его продажи.

Подвергся разрушению характерный для советской эпохи тип связи между наукой и государством. При всех издержках советский патернализм обеспечивал науке устойчивый социальный заказ, стабильное финансирование и поддерживал относительно высокий статус ученого в обществе. Уже достаточно длительный опыт постсоветской России наталкивает на предположение о принципиальной ненужности для государства института науки как такового. Этнологию перестали использовать даже в тех ограниченных пределах, в каких она использовалась в СССР. Потребность в экспертном знании носит часто декларативный характер: крайне редко государственным решениям в этнополитической области предшествует доброкачественная научная экспертиза.

Основным научным центром этнологии в наше время остается Институт этнологии и антропологии РАН. Размывание предметно-тематического поля этнологии привело к некоторому сужению научной проблематики: значительно уменьшились масштабы экспедиционных исследований по традиционной этнографии и этнологии народов мира. Существенно сократился численный состав сотрудников. Не проводятся массовые этнологические и этносоциологические обследования.

Тем не менее традиции научной (классической) этнологии живут и в современную эпоху. Общеисторические труды С.А. Арутюнова и Ю.И. Семенова, этнополитологические исследования В.А. Тишкова и С.В. Чешко, этнолингвистические работы М.Н. Губогло, этнологические ретроспекции Б.А. Калоева и немало других научных произведений рубежа XX—XXI вв. Новейшего времени говорят о существенном потенциале отечественной этнологии.

В силу традиционного консерватизма университетского образования новейшие тенденции в меньшей степени затронули систему подготовки кадров. Некоторая автономность кафедры этнологии исторического факультета МГУ обеспечила относительную бескризисность развития университетской науки (с 1986 по 2006 г. кафедрой руководил проф. В.В. Пименов).

Рост межэтнической напряженности, вылившийся в череду конфликтов и войн на территории бывшего СССР, обусловил возрастание преподавания специальных дисциплин (этносоциологии, этнического конфликтоведения и др.). Разнообразие спецкурсов, семинаров и других форм обучения способствует росту интереса студентов к этнологической и этнополитической проблематике.

Актуализация этнологического образования привела к созданию в рамках кафедры Центра прикладной этнологии, открывшего для студентов возможность специализации по прикладным проблемам науки и этнополитологии (с момента его учреждения в 1990 г. центр возглавила профессор Л.Б. Заседателева). Одним из результатов этого стало издание в 2002 г. экспериментального учебного пособия «Народоведение» (в 2 кн.) для учащихся 9—11-х классов средней школы, написанного сотрудниками кафедры и центра.

Подготовка этнологов в России осуществляется также на кафедрах С.-Петербургского, Казанского, Омского, Томского, Новосибирского и других университетов; в странах ближнего зарубежья — в Ашхабадском, Белорусском, Киевском, Кишиневском, Латвийском, Литовском, Тартуском и Ташкентском университетах.

Этнологи продолжают работать над сохранением и усилением научной направленности своей деятельности, над тем, чтобы этнология служила фундаментальным интересам общества, прежде всего — конструктивному сотрудничеству между народами.

1. Проблема прародинны человечества

Время появления человека современного вида (*Homo sapiens*, буквально — человека разумного) приходится на вторую половину позднего плейстоцена¹ и совпадает с началом позднего палеолита (40—10 тыс. лет тому назад)².

Однозначного ответа на вопрос о месте формирования человека современного вида до сих пор нет. Некоторые авторы полагают, что различные расы современного человека произошли от разных рас неандертальцев (*Homo neanderthalensis*) — древних людей, предшественников современного человека, живших 200—40 тыс. лет тому назад, и следовательно, прародиной человечества является весь Старый Свет. Эта мысль, получившая в литературе название *гипотезы полицентризма*, была сформулирована в 1939 г. немецким антропологом Францем Вейденрейхом (эмигрировавшим в 30-е гг. XX в. в США и многие годы работавшим в области палеоантропологии Китая). Согласно этой гипотезе, *европеоидная раса* сформировалась на основе европейских неандертальцев, негроидная — на основе африканских, а монголоидная происходит от потомков *синантропа*, костные остатки которого были найдены Ф. Вейденрейхом в пещере Чжоукоудянь под Пекином. (Синантропы жили раньше неандертальцев — 1,2—0,4 млн лет тому назад. В классификациях предков человека все эти формы получили название *Homo erectus*, человек прямоходящий.) В пользу гипотезы полицентризма приводятся также археологические данные о непрерывном перерастании нижнепалеолитических культур в верхнепалеолитические во всех областях Старого Света.

Современный вариант полицентризма — *мультирегиональная гипотеза*, согласно которой на стадии *Homo erectus* произошло расселение древнейших людей из Африки, а последующее возникновение человека современного вида совершалось в нескольких центрах, территориально соответствующих размещению современных рас.

Другая гипотеза, получившая название *моноцентризма*, была сформулирована российским ученым Я.Я. Рогинским в 1947 г. Она исходит из отсутствия прямого морфологического сходства между расами современного человека и расами неандертальцев. Согласно этой гипотезе, тип современного человека сложился в Передней Азии и Средиземноморье, где были найдены костные остатки так называемых *прогрессивных* (то есть наиболее высокоразвитых) *неандертальцев*, в физическом облике которых уже проявлялись черты, присущие человеку современного вида, — такие, как наличие подбородочного выступа

¹ Плейстоцен — геологическая эпоха, предшествующая современной (голоценовой) эпохе. В новейших геохронологических классификациях временные рамки плейстоцена ограничивают средней частью четвертичного периода, то есть приблизительно 0,39—0,01 млн лет от наших дней.

² Проблемы происхождения человека (антропогенез) и человеческих рас (расогенез) изучает особая наука — физическая антропология. В настоящей главе рассмотрены главным образом вопросы расогенеза и распространения на Земле расовых типов.

(анатомически связанного с возможностью произносить членораздельные звуки), уменьшение надбровных дуг и увеличение объема мозговой коробки. В пользу моноцентрической гипотезы можно привести такой аргумент, как сходство морфологических черт всех верхнепалеолитических черепов, найденных в различных частях Старого Света.

В настоящее время наиболее распространенный вариант моноцентризма — это гипотеза афро-европейской прародины человека. Происхождение человека современного вида связывается с Африкой, откуда периодически распространялись миграционные волны в Европу через Переднюю Азию и далее на Восток. Эту гипотезу выдвинули в 80-х гг. XX в. американские ученые во главе с А. Уилсоном. Она основывается на результатах анализа распределения генов так называемой митохондриальной ДНК (мт ДНК), передающейся только по женской линии. Высказано предположение о происхождении современного человечества от одной прародительской популяции, возможно даже от одной женщины, жившей в Восточной Африке (гипотеза «африканской Евы»). Это событие могло произойти около 200 тыс. лет тому назад. Правда, более новые данные, полученные при анализе мт ДНК, дают очень широкий диапазон датировок, из которых явствует, что «митохондриальная Ева» может относиться не к *Homo sapiens*, а к *Homo erectus*, и тогда это предположение может быть использовано в подтверждение теории полицентризма.

Решение вопроса о месте и датировках возникновения рас существенно зависит от взгляда на проблему непосредственных предков человека современного вида. Так, многие антропологи высказывают сомнение в том, были ли неандертальцы непосредственными предками *Homo sapiens*. Ряд исследователей развивает гипотезу, основанную на анализе новых находок костных остатков так называемого Гейдельбергского человека (*Homo heidelbergensis*)¹, об особой роли этого вида гоминид в происхождении современного человека. К настоящему времени находки Гейдельбергского человека сделаны во многих районах Старого Света (Европа, Азия, Африка). Они свидетельствуют о том, что этот вид, обладая высоким уровнем искусства охоты, употребляя не только каменные, но и костяные и деревянные орудия, в период от 800 тыс. до 200 тыс. лет назад широко освоил территории Старого Света, в том числе области с умеренным климатом. Гейдельбергский человек стал предковой формой для более поздних видов — неандертальца и *Homo sapiens*. При этом, полагают многие приверженцы данной гипотезы, европейская ветвь Гейдельбергского человека стала предком европейских неандертальцев, а африканская около 140 тыс. лет назад дала начало виду *Homo sapiens*. Последний 115—100 тыс. лет назад мигрировал в Переднюю Азию, а оттуда уже последовали миграции на Восток и в Европу (40—35 тыс. лет назад) через Босфор и Дарданеллы. Неандертальцы же какое-то время сосуществовали с новым видом, а затем были истреблены или вымерли.

Если эта гипотеза верна, расообразование произошло, видимо, уже в ходе освоения человеком новых территорий и приспособления к их экоусловиям. В пользу такой концепции говорит и привлечение материалов генетики группой европейских ученых (М. Крингс, А. Стоун и др., 1996). Их анализ ДНК

¹ По первой находке, сделанной в 1907 г. близ Гейдельберга (Германия).

костей неандертальца показал, что *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* довольно далеки друг от друга, а их расхождение началось сотни тысяч лет назад. Несмотря на привлечение новых данных и методик, полной ясности и тем более единства взглядов на ход антропогенеза у антропологов до сих пор нет.

Каждая из гипотез происхождения человека современного вида имеет свои системы аргументов и своих приверженцев. При этом нельзя забывать, что через длинную цепь предков — древних и древнейших людей — человечество восходит к *австралопитекам*, ископаемым формам, являющимся промежуточным звеном между современными людьми и общим предком человекообразных обезьян (шимпанзе, орангутанга, гориллы) и человека. От человекообразных обезьян (*антропоидов*) австралопитеков отличало прежде всего хождение на двух ногах. Вместе с костями некоторых форм австралопитеков найдены грубо обработанные орудия, что также служит одним из критериев очеловечения. Находки австралопитеков имеют возраст 1,5—4 млн лет (находки, сделанные в последние годы, по-видимому, позволяют удревить датировки до 6,5 млн лет). Областью их обитания была Южная Африка, чем и объясняется их название (в антропологической систематике первая находка австралопитека получила наименование *Australopithecus*¹ *africanus*).

Полицентрическая и моноцентрическая гипотезы касаются происхождения только современного человека — *Homo sapiens*.

2. Раса: понятие и явление

В биологических науках под расой понимается общность *популяций*. Популяция — это группа особей, характеризующихся определенным устойчивым набором признаков; ее особи скрещиваются между собой, дают продуктивное потомство и обитают на общей территории.

По отношению к человеку существует несколько определений расы и популяции, хотя смысл их весьма близок. Наиболее распространенным в отечественной науке является следующее: *раса* — это совокупность людей, обладающих общностью физического типа, происхождение которого связано с определенной территорией. Под *популяцией* понимается совокупность особей, принадлежащих к одному виду, могущих неограниченно смешиваться друг с другом и имеющих одну территорию.

Различие между расой и популяцией, имеющих, по сути дела, очень близкие определения, заключается в том, что размеры популяции значительно меньше, она занимает меньшее пространство; раса же состоит из многих популяций, имеющих возможность неограниченно смешиваться между собой. Ограничение смешения связано лишь с наличием изоляционных барьеров (в том числе с большими расстояниями).

Этнос (народ, народность) относится к *социальным* подразделениям человечества. Этнос есть исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, характеризующаяся общностью культуры, языка, психики и самосознания, отраженных в самоназвании (этнониме).

¹ От *australis* — южный, *pithecus* — обезьяна.

Все три явления — популяция, раса и этнос — обладают очень важной общей чертой: каждое из них имеет определенный ареал обитания. Эта общность способствует единству генофонда¹, культуры и языка. Поэтому иногда возможны совпадения физического типа с теми или иными характеристиками этноса. Наблюдается определенное соответствие между большими расами и крупными лингвистическими подразделениями. Например, большинство представителей *европеоидной расы* говорит на языках *индоевропейской* и *семито-хамитской семей*, а большинство *монголоидов* — на языках *китайско-тибетской семьи*. Однако причинной, закономерной связи между физическими чертами населения, с одной стороны, и языком и культурой — с другой, нет. Большинство этносов имеет сложный антропологический (расовый) состав, многие этносы антропологически полиморфны, и наряду с этим различные народы могут относиться к одному и тому же антропологическому типу.

Как показывает междисциплинарное изучение многих народов мира, совпадение культурных, лингвистических и физических черт — явление весьма редкое. Оно может возникнуть в результате каких-то исторических или естественных причин, в первую очередь социальной или географической изоляции. Формирование, развитие и функционирование рас и этносов подчиняются разным законам: расы — естественным (биологическим), а этносы — социальным (историческим и др.).

3. Происхождение человеческих рас (расогенез)

Расселение древних людей из первоначального местообитания привело к их расовой дифференциации. Основные морфологические особенности современных рас более или менее точно совпадают с границами материков. Европейская (европеоидная) раса сформировалась в Европе, монголоидная — в Азии, негроидная — Африке. В образовании расовых различий основную роль играли факторы приспособления к среде обитания и изоляция, обусловленная наличием естественных рубежей между материками. Можно привести несколько примеров приспособительной изменчивости у человека. Представители негроидной расы имеют темную кожу, курчавые волосы, широкий нос и толстые губы с сильно развитой слизистой оболочкой. Этот комплекс признаков представляет собой приспособление к очень жаркому и влажному климату. Темный цвет кожи образуется благодаря наличию в покровных слоях кожи *меланина* — пигмента, предохраняющего кожу от ожогов. Курчавые волосы создают вокруг головы воздухоносную прослойку, также предохраняющую мозг и кровеносную систему от перегрева. Эту же функцию выполняет, как показали специальные опыты, удлинённая и высокая голова, типичная для представителей негроидной расы. Широкий нос с крупными ноздрями и толстые, как бы слегка вывернутые губы усиливают теплоотдачу. Этому же способствуют большее количество потовых желез на единицу поверхности тела, увеличение относительной поверхности тела за счет удлинения его пропорций, малый вес и некоторые другие характеристики.

¹ Совокупность генов, характерных для особей, входящих в популяции, образующие расовую группу.

Монголоидная раса сложилась в областях с сухим холодным континентальным климатом, в условиях полупустынь и степей. В физическом облике монголоидов могут быть отмечены черты приспособления к низким температурам окружающей среды, холодным ветрам и песчаным бурям. К этим чертам относятся: уплощенное лицо с большим подкожным жировым слоем; узкий разрез глаз с набухшим верхним веком и складкой во внутреннем углу глаза — так называемым *эпикантусом*; *брахиморфный* (укороченный и широко-сложенный) тип пропорций головы и лица; повышенное развитие подкожного жирового слоя на теле; относительно малая площадь теплоотдачи. Весьма близкий комплекс физических признаков *конвергентно*¹ возник у живущих на Африканском континенте бушменов и готтентотов, которые формировались в климатических условиях, сходных с центральноазиатскими.

Некоторые морфологические особенности представителей европеоидной расы также свидетельствуют о приспособлении к среде обитания с довольно низкими среднегодовыми температурами и пониженной инсоляцией. Так, у европеоидов сильно выступающий нос с развитыми носовыми пазухами, способствующими обогреву воздуха, прежде чем он достигнет легких, и предохраняющими их от переохлаждения.

Все эти черты сложились под действием естественного отбора на ранних стадиях становления человечества и имели приспособительное значение для их обладателей, делая их организм наиболее адекватным среде обитания.

Помимо приспособительных, к числу расово-диагностических² признаков относятся и признаки более или менее нейтральные, не приносящие какой-либо пользы их обладателям. Таковы, например, детали строения носа, ушей, рта. Это говорит о том, что в формировании расовых признаков, кроме естественного отбора, известную роль играли случайная изменчивость и изоляция. Изоляция концентрировала (накапливала) случайные изменения наряду с признаками приспособительного значения в ареалах первоначального распространения расовых комплексов.

По мере расселения человечества по ойкумене, появился еще один существенный расообразовательный фактор — *метисация* (смешение). Так в зонах контактов представителей разных рас складывались расовые комплексы смешанного типа.

Расовые черты, сложившиеся под влиянием естественного отбора, чрезвычайно консервативны. Их возникновение связано с той отдаленной эпохой истории, когда природные факторы преобладали над социальными в воздействии на человека. Тем не менее некоторые расовые признаки людей исторически не оставались совершенно неизменными. Отдельные расовые черты подвержены эпохальной изменчивости. К их числу относится, например, форма черепной коробки. Ее длина исторически уменьшается, а ширина увеличивается, становится менее выраженным рельеф черепа, а также признаки его массивности, типичные для древнейшей стадии становления человечества. Эти изменения, по-видимому, являются следствием многих причин, в частности удлинения

¹ Параллельно, но независимо, под действием сходных природных условий.

² То есть позволяющих определить принадлежность к той или иной расе.

периода роста под влиянием изменения социальной среды и расширения круга брачных связей под влиянием смешения. Последний фактор играет важнейшую роль в истории человечества.

Эпоха формирования *больших рас*, таких, как негроидная, европеоидная и монголоидная, охватывает период от среднего палеолита до постпалеолитического времени. Например, установлено, что черты негроидной расы начали оформляться в среднем палеолите, а расовый комплекс, присущий европеоидам, окончательно сложился лишь в мезолите. С мезолитической эпохой связывается выделение внутри больших рас менее крупных антропологических комплексов (иначе говоря, групп меньшего таксономического ранга). Так, внутри европеоидной большой расы выделяются северная и южная ветви, внутри монголоидной — азиатская и американская, внутри негроидной — африканская и австралийская.

На разных территориях действовали разные расообразовательные факторы. Австралийская и американская ветви формировались под влиянием изоляции. Различия между северными и южными европеоидами определялись воздействием климатических факторов. В контактных зонах, как уже отмечалось, большая роль в процессе расообразования принадлежала метисации.

4. Морфологические характеристики основных рас и их географическая локализация

Разделение больших рас на локальные варианты неодинаково в разных классификациях, которые отличаются друг от друга количеством выделяемых региональных антропологических типов, признаками, положенными в основу их выделения, а также представлениями о происхождении этих типов. Обычно основой классификационных схем является географический ареал и концентрация в его пределах специфических морфологических черт, свидетельствующих о родственных связях населения этого ареала.

Большинство исследователей склоняется к трехчленному расовому делению человечества, согласно которому выделяются европеоиды, негроиды и монголоиды. Американская и австралийская расы считаются, как уже говорилось, производными — первая от монголоидной, вторая — от негроидной. Впрочем, некоторые ученые выделяют американоидов и австралоидов в качестве самостоятельных рас.

Ниже приводится одна из наиболее распространенных расовых классификаций.

Европеоидная раса. Цвет кожи варьирует от очень светлого до смугловатого. Цвет глаз (радужины глаз) и волос также включает в себя все оттенки, с явным преобладанием темных. Волосы мягкие, прямые и волнистые. Нос со средним или высоким переносьем, с вогнутой, прямой или выпуклой спинкой. Складка верхнего века развита слабо или средне. Горизонтальная профилировка лица (выступление вперед элементов его скелета и мягких частей) сильная или умеренная, то есть лицо в горизонтальной плоскости напоминает форму клина. Разрез глаз горизонтальный. Рост бороды и волос на теле, т.е. третичный волосяной покров, варьирует от умеренного до сильного.

В настоящее время европеоиды обитают во всей ойкумене, хотя еще сравнительно недавно, до эпохи Великих географических открытий, они занимали территорию Европы, Северной Африки, Передней и Средней Азии, Среднего Востока и Индии.

Внутри европеоидной расы различаются северные и южные европеоиды, которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие систематические категории, так называемые *малые расы*.

Атлантико-балтийская малая раса. Основной ареал обитания — Скандинавия, Британские острова, северные районы Западной и Восточной Европы. Основная черта, отличающая их от южных европеоидов, — посветление глаз и волос. Голова удлинённая, лицо относительно узкое, нос узкий, прямой, с высоким переносьем.

Европеоид (русская девушка)

Черты атлантико-балтийской расы распространены среди норвежцев, шведов, шотландцев, исландцев, датчан, русских северо-западных областей, белорусов, народов юго-восточной Прибалтики. В несколько меньшей степени они выражены у населения Финляндии, Северной Франции и Германии.

Беломоро-балтийская малая раса. Географическая локализация этой расы совпадает с распространением предыдущей расы, но чаще всего она характеризует население, живущее на побережье Балтийского и Белого морей. Ее отличие от атлантико-балтийской расы — еще более светлая пигментация волос и глаз, более широкая голова и лицо, более короткий нос со значительным процентом вогнутых профилей (спинок), несколько ослабленный рост бороды и волос на груди. Этот расовый комплекс встречается среди норвежцев, финнов, карел, русских северных областей.

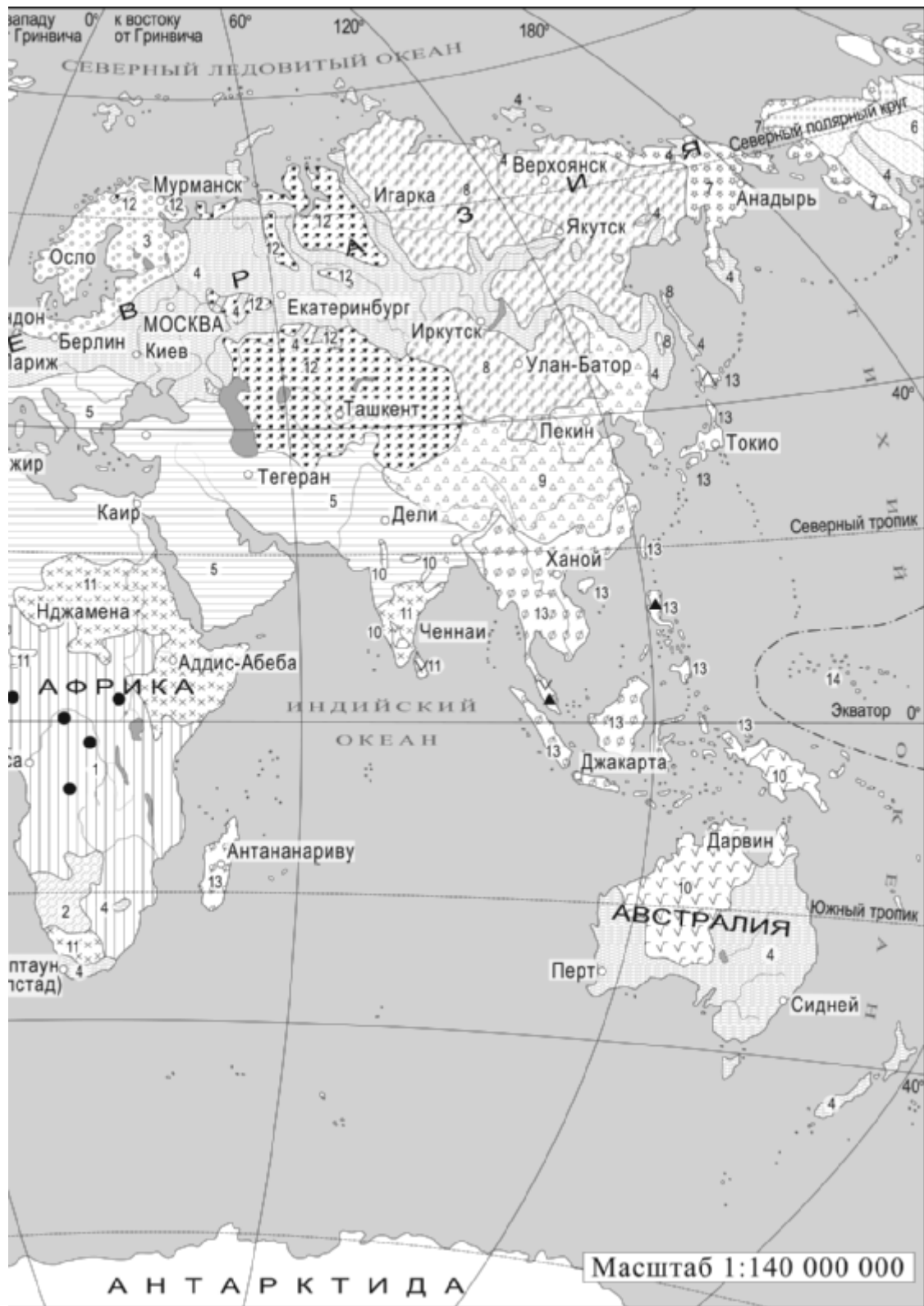
Среднеевропейская малая раса. Основной ареал — Североевропейская равнина от Атлантики до Волги. От беломоро-балтийской расы отличается более темной пигментацией. Головной указатель¹ умеренный, длина и ширина черепа средние. Размеры лица также средние, рост бороды средний и выше среднего, волосистой покров на теле умеренный, нос с прямой спинкой и высоким переносьем. Признаки этой расы наиболее распространены среди немцев, чехов, поляков, словаков, австрийцев, северных итальянцев, украинцев, русских.

Балкано-кавказская малая раса. Наиболее типичные признаки — высокий рост, часто массивное телосложение, темная пигментация волос, темные и смешанные оттенки глаз, рост бороды и волосистого покрова на теле

¹ Отношение ширины головы (поперечного диаметра) к ее длине (продольному диаметру), выраженное в процентах. Выделяются длинноголовые формы (*долichoкефалы*), среднеголовые (*мезокефалы*) и круглоголовые (*брахиокефалы*).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАСЫ

сильный, широкая голова, головной указатель брахикефальный, лицо широкое, нос крупный с выпуклой спинкой. Народы, характеризующиеся чертами этой расы, расселены в основном в районах евразийского горного пояса. Наиболее типичные представители — народы Балканского полуострова: сербы, черногорцы, а также многие народы Кавказа. Сходные черты встречаются среди горцев Памира и Гиндукуша.

Индо-средиземноморская малая раса. Средний и ниже среднего рост, смуглый цвет кожи, волосы темные и волнистые, глаза преимущественно темные, рост бороды и волос на теле средний, нос узкий, прямой, с высоким переносьем, иногда выпуклый. Распространена у народов Южной Европы, Северной Африки, Малой и Передней Азии, Средиземноморья, Закавказья, Средней Азии и Индии.

Лапоноидная малая раса. Характерные черты распространены на севере Фенноскандии. Наиболее типичные представители — саамы (лопари). Это светлокжее население, с прямыми или волнистыми волосами, чаще темными. Глаза преимущественно темные, но нередки и смешанные оттенки. Рост волос на лице и теле ослаблен, голова широкая (указатель брахикефальный), лицо широкое и низкое, нос короткий, часто со спинкой вогнутой формы. Длина тела небольшая, пропорции брахиморфные (укороченные). Происхождение этой расы недостаточно ясно. Некоторые исследователи склонны считать ее результатом древнейшего смешения представителей европеоидной и монголоидной рас.

Монголоидная большая раса. Представители этой расы в настоящее время обитают во всех климато-географических зонах Земли. Для них в целом характерны широкоголовость, чаще крупные размеры уплощенного лица, слабо выступающий нос, темная пигментация волос и глаз, слабый рост волос на лице и теле. Монголоидная раса подразделяется на тихоокеанских и северных монголоидов, которые, в свою очередь, состоят из нескольких малых рас. Ряд специалистов причисляет к монголоидам и американоидную расу.

Тихоокеанские монголоиды представлены двумя малыми расами.

Дальневосточная малая раса. Длина тела средняя. Голова брахикефальная, несильно развитая в длину и ширину. Цвет кожи смуглый, волосы и глаза темные, волосы жесткие и прямые. Лицо узкое, плоское, нос прямой, слабо или средне выступающий. Складка верхнего века (*эпикантус*) развита очень сильно, встречается в 70—95% случаев. Черты дальневосточной расы наиболее типичны для населения Китая, Кореи и Японии.

Южноазиатская малая раса. Цвет кожи более темный, чем у представителей дальневосточной малой расы. Волосы и глаза темные, встречаются волнистые волосы. Лицо менее плоское, нос более широкий, губы утолщенные. Складка века развита меньше, эпикантус встречается в 20—50% случаев. Длина тела небольшая. Эта раса широко распространена среди населения Южной и Юго-Восточной Азии.

Северные монголоиды также подразделяются на две малых расы.

Североазиатская малая раса. Цвет кожи более светлый, чем у тихоокеанских монголоидов, встречаются и светлокжее группы. Волосы темные и темно-русые, обычно прямые и жесткие, но иногда и мягкие. Глаза преиму-

шественно темные, но нередко и светло-карие оттенки радужины глаз. Голова крупная, но череп невысокий. Лицо широкое, уплощенное. Нос крупный, слабо и средневыступающий. Разрез глаз узкий, эпикантус встречается почти всегда. Рост средний и ниже среднего. Черты североазиатской расы характерны для многих народов Сибири, но более всего — эвенков, якутов и бурят.

Арктическая малая раса. Пигментация более темная, чем у североазиатской расы. Эпикантус встречается в 30—50% случаев. Волосы темные, прямые и жесткие, очень редко волнистые, глаза темные. Лицо менее уплощено, чем у северных монголоидов, но более *прогнатно* (верхняя и нижняя челюсти несколько выступают вперед). Нос умеренно выступающий, иногда с выпуклой спинкой. Наиболее типичные представители — эскимосы, чукчи, коряки и алеуты. Черты арктической расы встречаются и среди индейцев Северной Аляски.

Американская раса. Распространена на различных территориях Американского континента. Для большинства популяций характерен крупный нос, нередко с выпуклой спинкой. Уплощенность лица умеренная, эпикантус относительно редок. Размеры головы и лица крупные. Волосы прямые и жесткие, темные, глаза также темные, кожа смугловатая. Рост средний и выше среднего, телосложение массивное.

Умеренная уплощенность лица, редкая встречаемость эпикантуса, выпуклый нос — нехарактерные для типичных монголоидов — дают основание некоторым исследователям выделять комплекс признаков американских индейцев в отдельную большую расу, тем не менее генетическая близость американских индейцев и некоторых коренных народов Сибири достаточно

Северный монголоид (эскимос с Аляски). Фото начала XX в.

Американоид (североамериканский индеец катамба, группа сиу)

Негроиды (жители Нигерии)

Представительница бушменской малой расы — пожилая бушменка (саан)

велика, что свидетельствует о генетическом родстве тех и других. Судя по данным археологии и антропологии, заселение Америки происходило из Северной Азии около 30—40 тыс. лет тому назад через Берингию.

Негро-австралоидная (или экваториальная) большая раса. В экваториальную расу включаются все народы, живущие к югу от тропика Рака в Африке, некоторые народы Индонезии, Новой Гвинеи, Меланезии и все коренное население Австралии. Главные отличительные признаки — очень темный цвет кожи, темная пигментация глаз и волос, курчавые и узковолнистые волосы, сильное развитие слизистой оболочки носа и губ. Пропорции тела удлинённые. Длина тела чрезвычайно разнообразна.

Африканских негроидов можно разделить на три малых расы: негрскую, бушменскую и негрильскую.

Негрская малая раса. Очень широко распространена на территории Африки (в зонах саванн и прилегающих к лесной). Представители этой расы характеризуются очень темными волосами, глазами и кожей. Волосы курчавые или спирально завитые. Нос широкий, с низким и плоским переносьем. Толстые губы с сильно развитой слизистой частью. Характерно выступание челюстей (альвеолярный прогнатизм). Длина тела средняя и выше средней. Пропорции тела удлинённые, с относительно коротким туловищем и длинными конечностями.

Бушменская малая раса. Представители ее обитают в пустынях и полупустынях Южной Африки. Цвет кожи желтовато-бурый, волосы и глаза темного цвета. Волосы спирально завитые. Рост бороды и волос на теле выражен слабо. Нос широкий и плоский, глаза узковатые, иногда встречается эпи-

кантус. Длина тела ниже средней. Имеется *стеатопигия* (жироотложение в ягодицах). Некоторые исследователи выделяют бушменскую расу под названием «капоидная» в самостоятельную большую расу. Это одна из древнейших рас Африки. Ее типичные представители — бушмены (*сáан*).

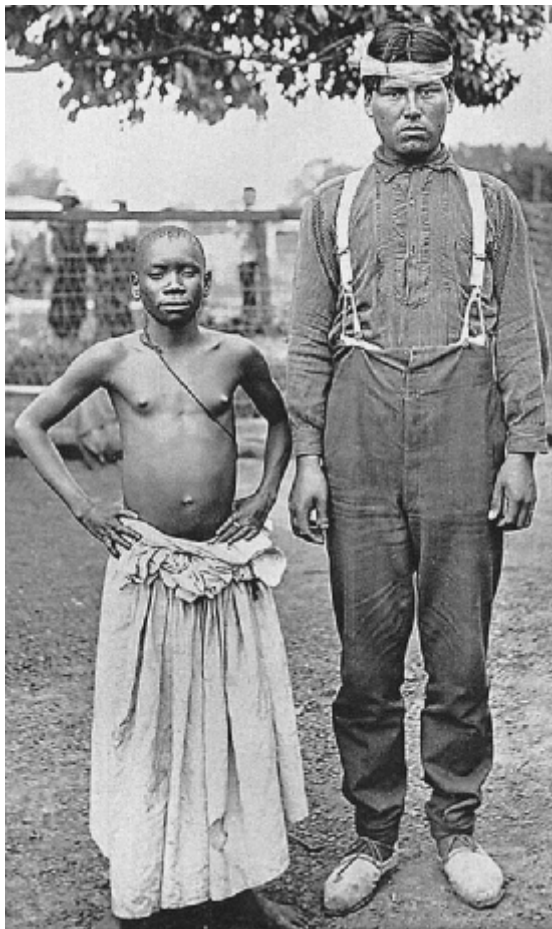
Негрилльская малая раса. Представлена коренным населением тропических лесов Африки. Пигментация кожи, глаз и волос темная, хотя кожа более светлая, чем у негрской малой расы. Нос более широкий, чем у негроидов, и более выступающий. Волосы на теле и борода растут довольно сильно. Длина тела очень малая, ноги относительно короткие, руки длинные.

Помимо собственно негроидов, в негро-австралоидную большую расу включаются *океанийские австралоиды*. Некоторые антропологи склонны выделять их в самостоятельную большую расу. Океанийские австралоиды подразделяются на три малые расы — австралийскую, меланезийскую и веддоидную.

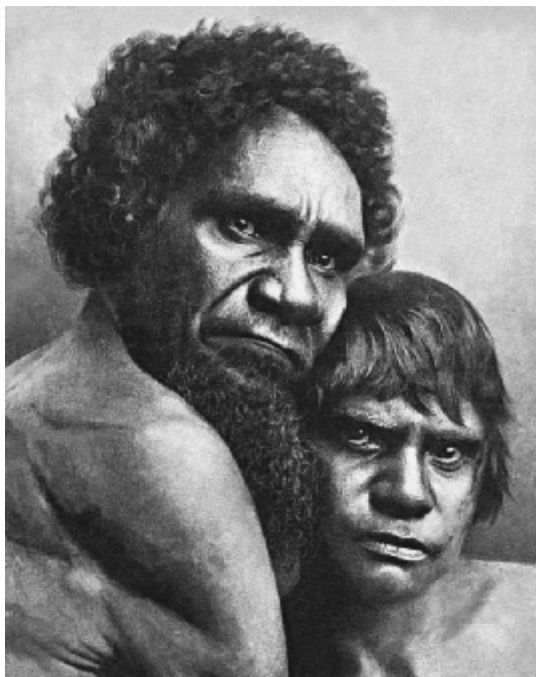
Австралийская малая раса. Представлена в основном коренным населением Австралии. Цвет кожи темный, но светлее, чем у негроидов. Волосы темные и коричневатые, широковолнистые и узковолнистые. У женщин встречаются и сравнительно светлые волосы. Глаза очень темные. Борода растет сильно, волосы на теле — умеренно. Нос широкий, с низким переносьем. Губы средней толщины. Как и у негроидов, имеется альвеолярный прогнатизм. Длина тела средняя и больше средней, пропорции тела удлинённые.

Меланезийская малая раса. Распространена на островах Меланезии, отдельными группами — в Индонезии, Шри-Ланке и Южной Индии. По своим морфологическим характеристикам сходна с австралийской.

Веддоидная малая раса. Распространена на юге Индостана. Это низкорослое, темнопигментированное население; широкий нос, толстые губы и волнистые волосы.

Представитель негрилльской малой расы — мужчина-пигмей — рядом с человеком обычного роста

Австралоиды (австралийские аборигены).
Фото конца XIX в.

Помимо перечисленных следует назвать несколько рас, возникших в зонах длительных контактов между большими расами; их происхождение связано преимущественно со смешением представителей больших рас.

В зоне контактов европеоидов и монголоидов выделяют две малые расы — уральскую и южносибирскую. Первая географически связана с Приуральем, Зауральем и отчасти с Западной Сибирью. У ее представителей цвет кожи преимущественно светлый, волосы темные и темно-русые, прямые, но мягкие. Глаза преимущественно темные и смешанных оттенков. Лицо небольшое, относительно широкое, умеренно уплощенное, нос прямой или с вогнутой спинкой. Интенсивность роста бороды и волос на теле пониженная. Эпикантус встречается в 10—20% случаев. Рост средний

или ниже среднего. Черты уральской расы типичны для хантов, манси, селькупов, некоторых народов Поволжья и Алтае-Саянского нагорья. Некоторые исследователи полагают, что уральская раса возникла в результате древнейшего смешения европеоидов и монголоидов, другие считают ее реликтом древнего самостоятельного антропологического типа.

Южносибирская малая раса. Локализуется в степных районах Казахстана, горных районах Тянь-Шаня и Алтае-Саянского нагорья. Наиболее характерна для казахов, киргизов и алтайских народов. Это отчетливо выраженное брахицефальное население. Цвет кожи светлый и смугловатый, волосы и глаза преимущественно темные. Волосы прямые и жесткие. Нос с прямой или выпуклой спинкой, крупных размеров и со среднеразвитым переносьем. Длина тела средняя, телосложение массивное, пропорции тела с относительно удлиненным туловищем и укороченными ногами. Южносибирская раса возникла в результате древнего смешения европеоидов и монголоидов. Последующее ее развитие происходило в монголоидной среде, поэтому в ее антропологической характеристике монголоидный морфологический комплекс преобладает.

Смешанные расы существуют и в других областях мира. Среди них:

Эфиопская малая раса. Локализуется на Африканском Роге (Восточная Африка), преимущественно на Эфиопском нагорье. Распространена среди народов Эфиопии, Сомали, Кении, Судана, Эритреи и Джибути. Цвет кожи смуглый, цвет волос и глаз темный. Волосы курчавые или узоволнистые. Рост бороды и волос на теле выражен слабо. Голова удлиненной формы. Лицо узкое, нос прямой, узкий, с высоким переносьем, губы средней толщи-

ны. Судя по палеоантропологическим (из археологических раскопок) данным, черты эфиопской расы были выражены у населения Восточной Африки уже в эпоху мезолита, но возможно и относительно позднее воздействие представителей европеоидного расового типа на африканское негроидное население.

Дравидийская малая раса. Локализуется в Южной Индии в зоне контакта южных европеоидов и веддоидов. Кожа коричневатых оттенков, волосы и глаза темные, волосы прямые и волнистые. Размеры лица средние. Черты дравидийской расы распространены среди различных этнических групп Южной Индии.

Айнская (курильская) малая раса. В настоящее время локализуется на острове Хоккайдо, хотя в древности была распространена широко — на островах Японии и Курильской гряды. Цвет кожи смугловатый, волосы темные, жесткие и волнистые, глаза светло-карие. Иногда встречается эпикантус. Рост бороды и волос на груди очень сильный. Лицо низкое и широкое, несколько уплощенное. Нос крупный, губы довольно толстые. Рост невысокий, но телосложение массивное. По поводу происхождения айнской расы мнения ученых расходятся. Разные авторы считают айнов то представителями особой расы, то древними европеоидами, то австралоидами. Некоторые даже склонны считать их антропологический тип исходной формой европеоидно-монголоидной ветви.

Полинезийская малая раса. Распространена на островах Тихого океана (включая Новую Зеландию). У представителей этой расы смуглая кожа, темные глаза и волосы. Волосы прямые или волнистые. Рост бороды средний, рост волос на груди слабый. Эпикантус встречается очень редко. Нос относительно широкий, губы полноватые. Размеры тела крупные, телосложение массивное. Некоторые исследователи считают полинезийскую расу промежуточной между монголоидами и европеоидами, другие — между европеоидами и австралоидами, а кое-кто относит ее то к европеоидам, то к монголоидам.

Каждая из малых рас подразделяется на более мелкие систематические категории — группы антропологических типов и антропологические типы. Этими категориями пользуются в специальных антропологических исследованиях.

5. Использование антропологического материала в качестве исторического источника

Антропологические данные, благодаря их относительной консервативности, давно и успешно используют для решения вопросов о происхождении различных народов и их этнической истории на разных этапах формирования. Область исследований, которая занимается проблемами этногенеза, называется этнической антропологией.

Несмотря на то что в этой области знания антропологи выступают совместно с археологами, историками, лингвистами и этнологами, антропологические данные играют роль существенного самостоятельного исторического источника. Особенно это касается бесписьменных народов, но даже тогда, когда о том или ином народе имеются письменные источники информации, антропологические данные могут внести весьма важный вклад в исследование его этнической истории.

Разнообразные научные исследования (биолого-антропологические, исторические, культуроведческие, психологические и др.) с полной убедительностью показали, что принадлежность к любой расе сама по себе никак не влияет на интеллектуальное, психическое и культурное развитие как отдельных людей, так и человеческих групп. Неравномерность или отставание в развитии народов, принадлежащих к «цветным» расам, объясняется историческими и социальными причинами (исторической изоляцией, колониальной эксплуатацией и пр.).

В наше время в развитых демократических обществах расистские теории не находят поддержки среди масс. Тем не менее следует помнить, что расизм не исчез и может иметь почву для возрождения. В ряде случаев еще возможны призывы к «раздельному существованию» расовых групп, пропаганда «неполноценности рас» и тому подобные антинаучные измышления.

Вместе с тем изучение физической антропологии населения в разных районах ойкумены приносит науке существенную пользу. Исследование физического типа населения, его стабильности или изменений во времени и пространстве позволяет анализировать различные этапы сложения этносов, проследивать миграционные потоки, оценивать роль пришлых и местных компонентов в формировании антропологического облика тех или иных народов и тем самым вносить определенные коррективы в результаты исследований историков, археологов, этнологов и лингвистов.

КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ МИРА

Как и всякая другая наука, этнология нуждается в классификации изучаемых объектов, в данном случае народов мира. Для создания потребных группировок используются как собственно этнологические сведения и методы, так и приемы некоторых смежных наук, что позволяет классифицировать народы мира и отдельные внутриэтнические группы. Приемы классификации различны и осуществляются как по фундаментальным, так и по частным (специальным) основаниям (признакам): географическим (по континентам, ландшафтам, климатам и т.п.), антропологическим (расовым), лингвистическим (по семьям языков), хозяйственно-культурным, конфессиональным (религиозной принадлежности) и другим.

Как бы ни был существен тот или иной вид классификации, группировка по отдельному признаку может дать лишь фрагментарные, а не исчерпывающие характеристики народа. Только изучение совокупности этнических и иных свойств и характеристик дает возможность установить происхождение народа, его культурные особенности и связи с другими этносами.

Проблемы классификации народов мира разрабатываются этнологами разных стран мира уже более столетия. Однако вследствие недостатка в отдельных случаях фактических данных или их неоднозначности, нерешенности многих вопросов в смежных науках ряд выводов относительно классификации народов мира имеет еще гипотетический характер и нуждается в дальнейшей разработке.

Ниже рассмотрены основные используемые в этнологии виды классификации, как то: *географическая, антропологическая* (см. подробнее в главе «Расы и этносы»), *лингвистическая, классификация по хозяйственно-культурным признакам и историко-этнографическим областям*, а также *по религиозной принадлежности (конфессии)*. Что до прочих сторон классификации (например, *по историко-социальным* и некоторым другим признакам), то об этом речь пойдет в соответствующих главах. При этом не следует забывать, что любые подобные классификации (тем более столь масштабные, как в настоящем случае) неизбежно относительноны и условны.

1. Географическая (региональная) классификация

Географический принцип классификации народов весьма существен для этнологии. Посредством географической классификации выделяются региональные области. Хотя по большей части в ту или иную такую область включаются различные по этническому и культурному признаку, происхождению и иным показателем народы, это не умаляет значение данной классификации, ибо она не сводится к учету лишь размещения этносов; такая группировка не только описывает «адрес» народа (народов) на географической карте, но также содержит в себе сведения о ландшафте, климате и других характеристиках конкретных зон.

Географическая классификация не отвечает на вопросы о языке или этногенезе народов, но отчасти дает основания для представления об их хозяйственном и культурном облике. Так, горный ландшафт может говорить о возможности развития скотоводства, а северный таежный климат — о занятии охотой. Кроме того, региональная группировка позволяет пространственно упорядочить и распределить народы по зонам. Этот вид классификации используется главным образом при общем описании этносов и может свидетельствовать о пространственной близости или отдаленности тех или иных народов друг от друга. В отдельных случаях это указывает на вероятность исторических связей между этносами.

Единой, принятой во всех странах и всеми учеными географической классификации этносов не создано, и в отдельных деталях ее варианты более или менее значительно различаются. Так, существуют разные классификации народов Азии. Еще более это справедливо в отношении Африки. Границы крупных регионов этого континента — Восточной, Южной и Западной Африки (не говоря уж о регионах более низкого ранга) — отечественные и зарубежные исследователи очерчивают не совсем одинаково и относят к ним разные группы государств. Что касается Азии, то в русской дореволюционной и советской литературе было принято выделять в качестве отдельных географических регионов Среднюю Азию и Казахстан. В зарубежной литературе (а в последние годы по большей части и в отечественной) их относят к Центральной Азии. В советской этнографии выделялись как самостоятельные регионы зарубежная Азия и зарубежная Европа. В настоящее время содержание этих категорий изменилось: некоторые входившие в СССР республики Азии и Восточной Европы стали по отношению к России иностранными государствами. В отношении географической принадлежности ряда регионов бывшего Советского Союза среди специалистов пока нет полного согласия.

Ниже приведена относительно простая географическая классификация, в соответствии с которой в основном строятся страноведческие разделы настоящего учебника.

Австралия и Океания. В области выделяются подобласти: 1) Австралия и Тасмания, 2) Меланезия, 3) Полинезия и 4) Микронезия.

Азия. В зарубежной Азии выделяются подобласти: 1) Западная (или Передняя) Азия, 2) Южная Азия, 3) Юго-Восточная Азия, 4) Восточная Азия, 5) Центральная Азия.

К Азии относятся также бывшие советские республики Средней Азии: Киргизия (Кыргызстан), Таджикистан, Туркмения (Туркменистан), Узбекистан, а также Казахстан. К ней же обычно причисляют государства Закавказья: Азербайджан, Армению, Грузию.

Америка составляют подобласти: 1) Северная Америка, 2) Центральная Америка (подразделяющаяся на более низком уровне на материковую собственно Центральную Америку и островную Вест-Индию) и 3) Южная Америка.

Африка рассматривается в составе следующих регионов (подобластей) высшего ранга: 1) Северная Африка, 2) Африка южнее Сахары.

Европа подразделяется на подобласти: 1) Восточная Европа, 2) Южная Европа, 3) Западная и Центральная Европа, 4) Северная Европа.

Россия рассматривается как самостоятельный политико-географический регион в составе ряда подобластей европейской части страны, а также Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, географически относящихся (целиком или по преимуществу) к Азии.

2. Основные принципы классификации языков

Язык как важнейший способ передачи информации является главным средством человеческого общения. Он неразрывно связан с мышлением и представляет социальное средство хранения, накопления и передачи информации, всего комплекса накопленных знаний о трудовой деятельности и культуре. Язык реализуется и существует в *речи*, являющейся одним из видов коммуникативной деятельности и используется людьми для общения с другими членами своего этноса.

Язык — это социальное явление и социальный фактор. Он образует сложную систему средств выражения, где всякое индивидуальное новшество обычно может иметь место, только когда оно находится в согласии с общими нормами; и в то же время язык есть средство общения для членов одной и той же группы и его изменения независимы от отдельных индивидов.

Языки мира различаются строением, словарным составом и рядом других свойств. При этом всему языковому многообразию присущи некоторые общие закономерности и системная организация его единиц. Язык изменяется во времени, он может весьма долго существовать в измененном виде, но может перестать использоваться в сфере общения и стать *мертвым*.

Как и когда появился человеческий язык, до настоящего времени остается невыясненным. По этому поводу выдвинуто множество гипотез, но ни одна из них не может считаться доказанной. Некоторые исследователи считают, что зачатки языка возникли на самых ранних стадиях выделения человека из остального животного мира, т. е. относят это событие ко времени, отстоящему от наших дней на миллионы лет. Это предположение основывается на наблюдениях за поведением животных. Однако общение у животных ограничено, а издаваемые ими звуки не составляют связной речи, основанной на социальном опыте, которого у животных нет.

Даже самая примитивная человеческая речь содержит большой объем информации, которая составляет социальное достояние коллектива (или коллективов), к которому люди приобщаются с детства. Речь и язык должны, следовательно, рассматриваться как социальное явление. Со временем они усложняются и совершенствуются, что невозможно для животных.

Другие исследователи полагают, что способность к речи, а соответственно и языки возникли в эпоху палеоантропов — неандертальцев. Эту гипотезу поддерживает ряд серьезных специалистов. Однако, как и первая гипотеза, она также нуждается в более строгих и аргументированных подтверждениях.

Считается бесспорным, что речью уже обладал человек современного вида — *Homo sapiens*, проникший, как полагают некоторые антропологи, в Европу примерно 40 тыс. лет тому назад из Западной Азии. Скорее всего, какими-то начатками речи люди обладали уже на своей прародине, в Африке.

Столь же далека от разрешения проблема возникновения современного многообразия языковых групп и отдельных языков. В XIX в. были высказаны предположения о существовавшем некогда «праязыке», который со временем разделился на многие позднейшие языки. Однако эта гипотеза маловероятна. В действительности история языка — очень сложный процесс, тесно сопряженный с эволюцией языков и жизнью общества. Кроме того, тенденции к изменению языка и совершенствованию его системы обычно противодействует тенденция к сохранению языка *в постоянной коммуникативной пригодности*, которая сказывается в устойчивом противодействии языковым преобразованиям.

В современной науке преобладают взгляды, согласно которым язык рассматривается как живое, исторически развивающееся явление. Язык не бывает и не может быть абсолютно устойчивым; он есть динамическая система, находящаяся в каждый момент своего существования в состоянии лишь относительного равновесия.

Эволюция языков (и их территориальных вариантов — *диалектов*) зависит от двух происходящих одновременно параллельных процессов — *дифференциации* и *интеграции* языков.

Сущность дифференциации состоит в том, что в результате распада некоторой — первоначально более или менее однородной — языковой общности образуются новые языковые коллективы. Такой процесс может происходить вследствие миграций населения, изоляции отдельных его групп, усвоения нового языка иноязычным населением и по другим причинам. В результате речь (язык) со временем претерпевает изменения, возникают региональные диалекты прежнего языка, а в последующем развитии диалекты превращаются в самостоятельные языки.

Новые языковые единства могут складываться также путем интеграции. Это очень сложный процесс. В качестве примера можно привести историю возникновения английского языка. Он сформировался путем взаимодействия племенных германских языков англосаксов, саксов и ютов, образовавших англосаксонский язык, который после завоевания Англии норманнами (говорившими по-французски) в 1066 г. подвергся интенсивному воздействию французского языка. В результате сложился позднейший английский язык, вобравший в себя разнообразные языковые элементы.

Языки определенным образом изменяются под влиянием других языков, но мало смешиваются. При этом различные уровни языка реагируют на взаимодействие по-разному. О смешении в подлинном смысле слова можно говорить только в отношении лексики — словарного состава языка. В области звуковой (фонетической) системы смешения за редкими исключениями не наблюдаются. Некоторые изменения вследствие контактов языков могут происходить в грамматической системе, не изменяя, однако, ее основы.

Отказываясь от гипотезы существования первоначального «праязыка», современное языкознание полагает, что в далеком прошлом у отдельных групп древних людей, состоявших из расселенных на некотором расстоянии друг от друга первобытных общин, существовал так называемый *язык-основа*, включавший несколько родственных диалектов. Со временем, по мере роста численности населения, а также по иным причинам общины и группы все более сегментировались, территориально и культурно отдалялись друг от друга.

Складывались новые этнические общности, диалекты становились самостоятельными языками, но бывшее родство не исчезало, что вело к сложению *языковых семей*.

В историческом развитии принадлежность к языковым семьям и принадлежность к группам родственных (по происхождению) этносов нередко совпадают, что делает языковую классификацию существенным способом выделения (определения) этносов (этнических общностей), изучения формирования (этногенеза) народов.

Языки классифицируются по *языковым семьям* и их *ветвям* (группам) на основе данных сравнительно-исторического языкознания и установления генетической близости (родства) между языками. При этом родство (близость) языков может означать и родство (историческую связь) по происхождению.

Однако известно немало случаев, когда население за время своего существования неоднократно меняло свой язык, и это, несомненно, усложняет использование лингвистических данных при решении этногенетических проблем. Так, на территорию современной Франции галльский язык распространился лишь в первой половине I тыс. до н.э. Затем его сменила вульгарная (народная) латынь. И наконец, в эпоху Средневековья сложился французский язык. Конечно, в новый язык входят элементы прежнего, что называется действием *субстрата*. Взаимодействие с соседними народами и их языками оставляет в языке следы, образующие *адстрат*; языковое воздействие пришлых этнических групп и их языков нередко рассматривается как *суперстрат*, то есть результат языкового и культурного влияния, происходившего в относительно более позднее время.

Языковая семья — понятие историческое. Входящие в нее родственные языки сходны, однако в силу исторического развития они могут сильно отличаться друг от друга. Так, родственные по происхождению французский, литовский, русский, персидский и другие языки относятся к индоевропейской языковой семье и восходят к общему языку-основе. Но их развитие шло разными путями, и сегодня взаимопонимание между людьми, говорящими на этих языках, невозможно. Во многих языках исторически выделились диалекты, между которыми сложились большие или меньшие различия. Так, к примеру, обстоит дело в немецком языке: нижненемецкий диалект не всегда понятен баварцу, а швейцарские или австрийские диалекты — саксонцу. Диалекты (говоры, наречия), в отличие от языка, служащего средством общения для целой этнической общности, употребляются более узкой группой людей в виде регионального языкового варианта, связанного с территориальной, социальной или иной общностью.

Лингвисты пытаются обнаруживать отношения между современными языковыми семьями, предполагая существование в древнейшие времена связи между праязыками (*макросемьи*, или *филии*). Так, выдвинуто предположение, что в глубокой древности некоторые из современных языковых семей и языков Евразии и Африки (индоевропейские, картвельские, семито-хамитские, уральские, тюрко-монгольские, тунгусо-маньчжурские, дравидийские и другие) входили в гипотетическую макрообщность *ностратических* языков.

Число языковых семей, а тем более их групп (языковых ветвей), отдельных языков и говорящих на них народов весьма значительно (см. Приложение).

Количество говорящих на некоторых языках — прежде всего, на языках малочисленных народов — за последние столетия существенно сократилось. Напротив, численность говорящих на наиболее распространенных языках (английском, испанском, китайском, хинди и урду, арабском и других) неуклонно возрастает. Существуют распространенные механизмы языковой динамики, например *билингвизм* и *полилингвизм* (двуязычие и многоязычие). Во многих случаях билингвизм выступает как форма языкового и иного взаимодействия между языками и народами и не приводит к ассимиляции одного языка другим; однако в ряде случаев языковая ассимиляция имеет место и даже поддерживается принудительными действиями государственных органов (например, в Латвии и Эстонии по отношению к русскоязычному населению).

3. Хозяйственно-культурная классификация

Хозяйственно-культурные типы. Одна из первых попыток создать хозяйственную и культурную классификацию принадлежит немецкому экономисту Ф. Листу, который в середине XIX в. выделил пять ступеней хозяйственного и культурного развития: дикость; пастушество; земледелие; земледелие в сочетании с ремеслом; земледелие, ремесло и торговля. Попытка периодизации культурного развития человечества на основе факторов производства и материальной и духовной культуры была предпринята Л.Г. Морганом. Значительный вклад в разработку проблемы хозяйственной и культурной систематики внес известный географ и этнолог Ф. Ратцель, предложивший классифицировать культурные явления в их географическом многообразии по *культурным областям*, или *провинциям*. Большое внимание рассматриваемой проблеме уделили исследователи, разрабатывавшие концепцию культурных кругов, — Л. Фробениус и Ф. Гребнер, а также основатель «культурно-исторической школы» В. Шмидт и некоторые его сторонники. Проблемы классификации культурных и хозяйственных явлений нашли отражение в трудах основателя американского «исторического метода» Ф. Боаса. О. Мэсон, К. Уисслер, В.Х. Холме, Э. Сепир разработали систему культурных ареалов Северной Америки накануне европейской колонизации.

Значительный шаг вперед в разработке проблемы классификации и периодизации этапов развития хозяйства и культуры сделал известный русский этнограф В.Г. Богораз-Тан.

В 50-х гг. XX в. отечественные ученые, основываясь на идее о сопряженности исторического процесса и развития человечества по ступеням эволюции экономики и культуры, разработали принципы концепции о культурных общностях в тесной связи с природно-географическими зонами в виде *хозяйственно-культурных типов* (ХКТ). Среди первых высказали идеи о ХКТ С.П. Толстов и М.Г. Левин. Несколько позднее проблемы ХКТ исследовались М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым, а после них — в работах Б.В. Андрианова и Г.Е. Маркова.

Хозяйственно-культурная классификация основывается на этнографических (этнологических) фактах и методах исследования хозяйства и культуры и используется при изучении этнической истории народов, их материальной и духовной культуры, сторон, связанных с современными этническими процессами, отношениями между этносами. Исследования хозяйственно-культурных

явлений, с одной стороны, выявляют индивидуальные особенности каждой культуры в конкретных природно-географических условиях, а с другой — свидетельствуют о связях между человеческими культурами, что позволяет обнаружить закономерности в их развитии.

В современном понимании *хозяйственно-культурные типы* — это комплексы хозяйства и культуры, сложившиеся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях природной среды.

ХКТ начали складываться еще в эпоху первобытно-общинного строя. Они возникали, частично исчезали в ходе адаптации людей к окружающей среде и социально-экономическим условиям хозяйственного использования природных ресурсов. При этом одни ХКТ сложились еще в глубокой древности, в эпоху присваивающего хозяйства, другие возникли на разных континентах позднее, в процессе распространения навыков земледелия, скотоводства и различных отраслей ремесла. Существующие в настоящее время научные хозяйственно-культурные типологии охватывают последовательные этапы развития общества — от позднего каменного века и до начала индустриальной эпохи и механизированного сельского хозяйства.

Определяющие типологические признаки ХКТ — характер, облик и уровень развития хозяйства и трудовой деятельности людей. Характеристика культуры имеет при этом существенное, но не решающее значение, так как культуры народов мира и их отдельных групп крайне разнообразны и не всегда поддаются строгой классификации. В отличие от них типы хозяйства, даже с учетом их подтипов, а тем самым и число ХКТ в целом ограничены и вполне могут быть уложены в рамки пригодной для научных целей типологии. Они тесно увязываются с этапами социально-экономического развития и способами производства, так как включены в экономику самим процессом хозяйственной деятельности.

Хозяйственно-культурный тип — органическая составная часть каждого исторического способа производства: он наполняет эту систему живым содержанием. Таким образом, ХКТ, с одной стороны, характеризует хозяйственно-производственную, технологическую сторону способа добыwania жизненных благ, а с другой — это его конкретное этнокультурное выражение, этнологический облик общественной системы и ее укладов в целом. Хозяйственно-культурный тип — историческая категория. Его изменения, а не только эволюции отдельных элементов культуры ведут к трансформации способа жизнедеятельности. Вследствие этого существует возможность увязать хозяйственно-культурную типологию с эпохами социального развития человечества — первичной, догосударственной, то есть до сложения цивилизаций, а также вторичной, начавшейся со времени сложения цивилизации и первых государств.

В научной литературе можно встретить различные разновидности хозяйственно-культурных классификаций — от относительно простых, включающих наиболее яркие и выразительные типы, до очень сложных, в которых наряду с основными типами перечисляется множество подтипов, переходных форм и т.п., имеющих не универсальное, а лишь узко локальное распространение. Расширительное толкование ХКТ ведет к произвольному обращению с классификациями, неопределенности выделения переходных форм и самих типов, делает систематику недостаточно последовательной и аргументированной.

Вследствие этого в хозяйственно-культурную классификацию целесообразно включать только основные, наиболее характерные и бесспорные типы, тесно увязывая их с динамикой социальных отношений, что позволяет четко разграничить ХКТ на разных этапах развития общества.

Первобытно-общинная («первичная») эпоха включает два этапа: присваивающего и примитивно-производящего хозяйства.

Присваивающий этап хозяйственной деятельности. Его составляют общества, относящиеся к наиболее архаической группе ХКТ, обычно не знакомые с выплавкой и горячей обработкой металлов. Орудия изготовляются из кости, рога, дерева, камня, раковин, а также из заготовок металла, которые обрабатываются холодным, «неолитическим» способом. Хронологически ХКТ этой группы относятся к эпохе камня, но на периферии развитых обществ и государств существуют вплоть до Новейшего времени, постепенно переходя к более интенсивным, производящим видам деятельности.

Наиболее примитивным в рассматриваемой группе является *ХКТ бродячих охотников и собирателей* — тип, некогда широко распространенный в экваториальной зоне и сохраняющийся в современную эпоху только в немногих географически изолированных и неблагоприятных для жизнедеятельности областях тропических лесов Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Австралии. При ограниченных пищевых ресурсах и слабой технической вооруженности охотники и собиратели почти ежедневно, с короткими дневками и ночлегами, передвигаются, собирая по пути все съестное. Их хозяйственные навыки, материальная и духовная культура находятся на самом низком из известных науке уровней развития.

Немногим выше уровень хозяйственного, социального и культурного развития этнических групп и народов, занимавшихся на побережьях рек, озер и морей главным образом собирательством даров моря и растительных продуктов, а также прибрежным рыболовством.

Значительно более высокую ступень занимают племена и народы, чей ХКТ связан с относительно оседлой жизнью, специализированной охотой и собирательством, у некоторых групп населения с подсобным примитивным земледелием, требующими более высокого уровня развития производительных сил. К их числу относятся (размещенные в очень разных природных зонах) хозяйственно-культурные типы:

- *специализированных охотников и собирателей в тропиках,*
- *охотников, рыболовов и собирателей зоны умеренного климата,*
- *пеших таежных охотников,*
- *арктических охотников на морского зверя,*
- *таежных охотников (с использованием домашнего оленя).*

К примитивно-производящей стадии — можно сказать, к переходной ступени от присваивающего хозяйства к производящему — допустимо отнести комплексный *ХКТ охотников, рыболовов и собирателей с зачатками земледелия и разведения животных.*

Производящий этап (ранний). Около 10 тыс. лет тому назад, а может быть и несколько раньше, в так называемых «первичных» (по Н.И. Вавилову) центрах зарождения земледелия, в условиях влажных и сухих субтро-

пиков предгорной полосы Восточного Средиземноморья, Средней Азии, а позднее — в Северной Африке, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также в субтропиках Нового Света стало складываться комплексное присваивающе-производящее хозяйство, в котором земледелие и животноводство стали постепенно занимать ведущие места. На естественно или искусственно орошенных, обработанных ручным способом (палками или мотыгами) землях выращивались первоначально зерновые, а затем и иные культуры. Наряду с собакой были одомашнены (доместичированы) сначала мелкий, а затем крупный рогатый скот, свиньи, транспортные животные, птица. В результате сложились следующие хозяйственно-культурные типы:

- *ХКТ с комплексным хозяйством ранних земледельцев субтропиков,*
- *древний ХКТ земледельцев и животноводов умеренного пояса,*
- *ХКТ ручного земледелия в тропиках.*

Производящий этап (развитый). По мере совершенствования производительных сил и роста численности населения происходило освоение «вторичных» центров земледелия и возникновение производящего хозяйства, главным образом на аллювиальных (сложенных речными отложениями) территориях, где сформировался *ХКТ плужных и ручных земледельцев древних цивилизаций в субтропиках Западной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Африки, Центральной и Южной Америки*. На рубеже IV и III тыс. до н.э. образуются древнейшие в мире государства в Месопотамии и Египте, возникает цивилизация (стратифицированное общество, государство, ремесло, письменность и пр.). Соответствующий этому ХКТ способ производства иногда называют «азиатским», а форму социальной организации — общинно-государственной деспотической.

Под влиянием древних цивилизаций активизировался процесс распространения производящего хозяйства; сложился *ХКТ традиционного земледелия и животноводства в предгосударственных и раннегосударственных образованиях Тропической Африки*, рассматриваемый некоторыми исследователями как «африканский» способ производства. В V—IV тыс. до н.э. под влиянием «первичных» и «вторичных» центров производящее хозяйство — сначала в виде ручного, а позднее и плужного земледелия — получает распространение в полосе умеренного климата. Постепенно сложился *ХКТ земледельцев и животноводов лесной и лесостепной зоны Европы* (иногда называемый варварским — дорабовладельческим и дофеодальным — способом производства). Общества, находившиеся на этой стадии развития, еще не достигали уровня цивилизации.

К той же эпохе относится также *ХКТ пастушеского скотоводства*, возникший (примерно одновременно с *ХКТ древнего ирригационного земледелия*) в предгорных местностях, бывших некогда «первичными» центрами возникновения производящего хозяйства. Позднее пастушество распространилось в степных и пустынных зонах (где сложился патриархально-пастушеский способ производства).

По мере распространения пастушества на степные и пустынные просторы в начале I тыс. до н.э. сформировался *ХКТ кочевых и полукочевых скотоводов* (номадный способ производства). Наибольшее развитие кочевничество получило в Центральной (в том числе Средней) и Западной Азии, Северной и Восточной

Африке. На протяжении всей истории кочевников отдельные их группы переходили к оседлости. В наше время номадизм сохраняется только в некоторых пустынных и горных местностях Азии и Африки.

В античное время в Южной Европе сложился *ХКТ плужного земледелия Древней Греции, Древнего Рима* и ряда соседних стран (на основе рабовладельческого способа производства).

К Средним векам относится возникновение *ХКТ плужного земледелия средней полосы, ручного и плужного земледелия в государствах Азии и Африки, ХКТ средневекового торгово-ремесленного городского хозяйства и быта* (на основе этого ХКТ сформировался феодальный способ производства).

Легко заметить, что вышеназванные хозяйственно-культурные типы относятся либо к прежним историческим эпохам, либо к пережиточным явлениям, относительно редко встречающимся в современной жизни. Для группировки (классификации) современных хозяйственных и других свойств народов, живущих в развитых индустриальных и других странах, приходится по мере необходимости использовать приемы, также применяемые в географии, социологии, демографии и других дисциплинах.

Прежде всего, страны и народы группируются по численности и плотности населения. Далее, существенно выделить группы экономически развитых индустриальных стран (где интенсивнее складываются крупные нации) и группы экономически отстающих стран, в которых и этнические процессы проявляются с отставанием. В странах, где преобладает городское население, обычно интенсивнее развита профессиональная духовная культура, сложнее композиция этнического состава населения.

4. Классификация народов мира по историко-этнографическим (историко-культурным) областям

Историко-этнографические области. Под *историко-этнографическими областями* (ИЭО) отечественные исследователи понимают регионы, в которых из-за длительного обитания на одной и той же территории, вследствие взаимных влияний, схожести исторических судеб возникла определенная культурная общность между населяющими их различными народами. Примерами могут служить группы народов Урало-Поволжья или Северной Африки. Такого рода общность — понятие историческое и территориальное. Ни характерные черты, ни границы этих областей не остаются неизменными, но в каждый исторический период они составляют некую этнографическую реальность. Признаки, позволяющие выделить историко-этнографические области, разнообразны и зависят от конкретных местных условий. Это, главным образом, некоторые общие хозяйственные и культурно-бытовые черты, которые не слагаются, однако, в общий хозяйственно-культурный тип или в этническое единство, а являются следствием длительных и тесных исторических (экономических, культурных, языковых и др.) связей между народами одной историко-этнографической области.

Примерами ИЭО могут служить государства юго-восточной Прибалтики, где у этнически разнородного населения имеются сходные культурно-бытовые черты; север Азии, где было распространено упряжное оленеводство с пасту-

шеской собакой и определенные виды материальной культуры; Средняя Азия с ее древним комплексом ирригационного земледелия и кочевого скотоводства.

Внутри крупных ИЭО могут быть выделены более дробные подобласти, отличающиеся более тесной культурной общностью.

Однако не во всех случаях существует возможность достаточно определенно выделить ту или иную историко-этнографическую общность и точно очертить ее границы. Не исключено, что по одним культурно-бытовым признакам народ может быть отнесен к одной области, а по другим — к иной. Отсутствие четких критериев при выделении историко-этнографических областей ограничивает возможности использования этого вида классификации народов. Вместе с тем ИЭО могут объединять такие группы этносов, которые сближаются не по происхождению, а по принципу исторического взаимодействия.

Можно назвать и ряд других классификационных приемов, используемых в этнологии и этнографии: по конфессиональному (религиозному) признаку — как в стадильном отношении (первобытные религии, религии региональных цивилизаций и т.д.), так и по философско-догматическому содержанию (христианство, буддизм, ислам, иудаизм и пр.). Обострение в наши дни межрелигиозных отношений делает сегодня особенно актуальными для этнологии проблемы изучения и классификации религий (подробнее см. в главах, описывающих историко-этнографические регионы). Классификационные приемы могут быть использованы и по отношению к другим сторонам культуры: отдельным видам и сторонам материальной и духовной культуры, уровню разделения труда, формам семьи и семейных отношений.

1. Этнический фактор в мировой истории

Человечество живет на нашей планете в условиях географического разнообразия. Разумеется, эти условия имеют влияние на жизнь человеческих коллективов. Это влияние существовало в далеком прошлом, сохраняется оно и теперь. Разница только в том, что теперь очень большое значение имеет обратное — техногенное — воздействие людей на природную среду.

Человеческая история многогранна и многолика. Это история не только государств, выдающихся личностей или идей, но также история народов-этносов, которые участвуют в формировании государств, выдвигают из своей среды выдающихся деятелей, создают культуры и языки, трудятся и воюют, делают великие и малые изобретения, совершают героические подвиги и трагические ошибки. Эта сторона истории — этническая история (от этногенеза до современных этнических процессов) — недостаточно изучена и еще менее — описана (даже в специальной литературе). Ее исследование во многом еще впереди.

При всей фрагментарности и мозаичности имеющихся научных данных можно, впрочем, достаточно уверенно утверждать, что ход и результаты этноисторического развития на земле с древнейших времен и до XXI столетия оказались для разных этносов весьма неодинаковыми. Некоторые этносы в процессе своего расселения и расширения ойкумены попали в относительно благоприятные (климатические, ландшафтные и иные) условия и вследствие этого, а также в силу действия других (экономических, политических, отдельных ситуационных и прочих) факторов получили возможность интенсивно развиваться. Внешним показателем этого можно отчасти считать рост численности того или иного народа. Легко заметить, что, скажем, крайне малочисленные кеты, немногочисленные вепсы или гагаузы имели меньше возможностей и условий для своего количественного роста, чем, например, бенгальцы, японцы или русские. Кроме того, природные и главным образом социально-исторические обстоятельства способствовали тому, что отдельные из ныне существующих этносов имеют возраст, измеряемый тысячелетиями (армяне, греки-эллины, китайцы), а другие прошли стадию консолидации сравнительно недавно (кубинцы, долганы, туркмены и др.).

Этническая история как один из существенных аспектов всемирного исторического процесса включает в себя: процессы этногенеза; ближние и дальние миграции народов; смешение этносов посредством чересполосного расселения и массового заключения межэтнических браков; интеграцию нескольких этносов в один общий и дифференциацию одного этноса на два и более; численный рост и сокращение этносов; аккультурацию (массовое заимствование и усвоение одним этносом культуры другого) и ассимиляцию (полную утрату прежних и усвоение новых этнических характеристик); другие (культурные, языковые, экономические и прочие) межэтнические контакты и взаимодействия. Но это еще не все и, быть может, даже не самое главное в ходе и развитии этноисторических процессов. Существеннее то, что *этническая история*

как история функционирования и эволюции этносов включает в себя процессы внутреннего движения, совершенствования и усложнения строения этих феноменов, структурные сдвиги, которые по мере накопления создают предпосылки для перехода этносов в новое качественное состояние.

Так, *L-компонента* (языковая) в развитых этносах усложняется за счет появления литературного языка и увеличения значимости его новых функций (в народном образовании, литературе, прессе, делопроизводстве, театре и т.п.); *K-компонента* (культурная) приобретает полифункциональную структуру за счет возникновения индустриального слоя материальной культуры и профессионального слоя духовной культуры; *S-компонента* (социальная) в ходе истории становится все более многообразной и иерархичной в связи с формированием новых социальных слоев, классов, социальных институтов и групп; напротив, *C-компонента* (стереотипное поведение, обряды) сокращает сферу своего функционирования, сильно модифицируется, равно как и бытование традиционного фольклора (*F-компонента*); вместе с тем в Новое и Новейшее время почти повсеместно наблюдается существенное усиление значения этнопсихологических характеристик этносов, их этнического сознания и самосознания (т.е. *P-компоненты*) и т.п.

Этнический фактор в событиях и процессах регионального и всемирно-исторического значения не всегда ясно виден, и его роль не всегда должным образом учитывается и оценивается даже специалистами. Конечно, все понимают, что завоевание Цезарем Галлии состоялось не только потому, что он был выдающимся полководцем и командовал большим войском. Дело в том, что галлы не были едины, они делились на племена и союзы племен, враждебные друг другу. Их межэтнической враждебностью и несогласованностью и воспользовался Цезарь. Но есть примеры и посложнее. Так, в истории Древней Руси историки не раз анализировали известное Белозерское восстание социальных низов, смердов в 1078 г., жестоко подавленное Янем Вышатичем, данщиком киевского князя Святослава. Однако мало кто принял во внимание, что восстание началось в Ростовской земле — области расселения народности *мери*, а затем перекинулось в Белозерские края, где издавна обитала древняя *весь*. Иными словами, социальная напряженность находила себе выход в периферийных зонах древнерусского государства, заселенных иноэтническими группами.

Другой пример можно позаимствовать из истории Нидерландской революции XVI — начала XVII в. События и разнообразные аспекты этого процесса в исторической науке исследованы детально и многосторонне. Однако проблема мобилизующей роли этнического фактора в ходе борьбы с испанским господством, создания в этой борьбе социально-этнической идеологии формировавшейся нидерландской нации, в сущности, почти не привлекла к себе внимания ученых. Стоит лишь поставить вопрос, можно ли достаточно полно охарактеризовать историю Европы XVIII—XIX вв., отвлекаясь от тогдашней этнополитической проблематики, чтобы осознать тщетность таких усилий. Ирландский вопрос в Великобритании, славянские национально-освободительные движения на Балканах, чешское и венгерское национальное пробуждение в Австрии, задачи национального объединения Италии и Германии, патриотический подъем в России в 1812 г. и т.п. — вот далеко не полный перечень социально-политико-культурно-этнических процессов, вокруг которых скрещивали идеологическое,

политическое и реальное оружие государства, партии и выдающиеся умы эпохи. Распад могущественной империи Наполеона I был вызван, в частности, тем, что ею насильственно объединялись жизнеспособные этнонации, стремившиеся к самостоятельной и обособленной жизни.

Понятно, что приведенные данные — это не более чем примеры, но любой специалист по этноистории Азии, Африки, Северной и Южной Америки, а также Австралии и Океании назовет множество типологически сходных фактов, так что все они в конечном счете выстраиваются в сложную систему закономерностей этнической эволюции на нашей планете.

В глобальном этноисторическом движении проявляются общие и своеобразные черты развития народов-этносов, в том числе определяется направленность этнических процессов, ведущая либо к сближению, интеграции и слиянию этносов, либо к разделению, дезинтеграции, отдалению их друг от друга. И хотя, как уже говорилось, этническая история народов мира изучена недостаточно, допустимо утверждать, что как этнообъединительные, так и этноразделительные процессы имели место на протяжении всей истории человечества. Другое дело, что на разных ее этапах, по всей вероятности, преобладали то те, то другие — *конвергентные* (объединительные) или *дивергентные* (разъединительные) тенденции. Так, в течение самой длительной эпохи — эпохи первобытно-общинных отношений — преобладали этноразделительные тенденции, что обуславливалось расселением племен по территории планеты, освоением все новых пространств, скудостью ресурсов и неразвитостью производительных сил. Впрочем, на исходе этой огромной эпохи тенденции, возможно, уравнились, так как именно тогда формировались праэтноты и праязыки, из которых путем разделения позднее разрослись современные крупнейшие языковые семьи (индоевропейская, алтайская и др.) и соответствующие группы народов.

В последующие крупные хронологические периоды — в древнеантичных обществах, в Средневековье и Новое время — при сохранении обеих (этнообъединительной и этноразделительной) тенденций проявлялись своеобразные формы их регионального и эпохального бытия. Конечно, каждый из этих крупных периодов отличался собственными формами протекания этнических процессов. Так, в эпоху Древнего мира впервые появились крупные этносы (древние египтяне, древние китайцы-хань, древние греки-эллыны и др.) и впервые возникло взаимодействие этих крупных этносов и созданных ими государств с первобытно-общинной периферией. Позднее, уже во времена феодального Средневековья, этнические процессы имели менее выраженный характер, будучи в значительной мере подменены или отчасти перекрыты религиозно-конфессиональными и регионально-областными связями и отношениями. Этноконсолидационные тенденции усилились в капиталистическую эпоху, когда происходило складывание крупных этнонациональных общностей; вместе с тем потребности развития мирового капиталистического хозяйства интенсивно сближают этносы, хотя это сближение часто носит грубый, насильственный характер колониального захвата, военного подавления и экономической эксплуатации.

Факты, свидетельствующие о проявлении названных генеральных тенденций, легко обнаруживаются в этнической истории любого крупного региона

ойкумены. Так, этнообъединительные процессы хорошо прослеживаются при изучении формирования чехов, французов, болгар, туркмен и т.д. В сущности, все народы в ходе своего этногенеза и дальнейшего этнического бытия в той или иной мере включали в свой состав разноэтнические группы, усваивая и перерабатывая разнообразие языковые, культурные, а также физико-антропологические (расовые) компоненты.

Этноразделительные процессы также прослеживаются повсюду: древнерусская народность в ходе своей эволюции дала начало трем восточнославянским народам (белорусам, русским и украинцам); древние булгары, расселившись в Среднем Поволжье, стали исходной формой развития татар, чувашей, а отчасти и башкир; этническая история древних арабов привела к формированию целого ряда этносов (современных египтян, алжирцев, ливийцев, сирийцев и др.); позднее, в конце эпохи феодализма и в Новое время, совершилось формирование испаноязычных этносов Латинской Америки и ряда англоязычных народов (североамериканской, англоканадской, англоавстралийской, новозеландской и других наций). Нет необходимости добавлять, что число подобного рода фактов легко может быть увеличено.

Этносы в своем историческом развитии постоянно контактировали, взаимодействовали друг с другом. Конечно, характер этих взаимодействий различен — как по частоте и интенсивности, так и по силе симпатии или вражды. Разнообразные добрососедские хозяйственные связи, торговля, языковые обмены, заимствования культурных достижений и изобретений, межэтнические браки, союзнические отношения могли сменяться (по разным причинам) страхом, враждебностью, столкновением интересов, которые вели к вооруженным конфликтам. Вместе с тем не следует забывать, что и *ксенофобия* (боязнь, ненависть к иноэтничным чужакам, иностранцам), и война — это, по сути дела, тоже формы межэтнических взаимодействий — бесчеловечные, антигуманные, но тем не менее способы межэтнических взаимоотношений. Культурные заимствования не исключаются и в таких условиях, но при этом считаются «завоеванными» или «насилено навязанными».

Таким образом, *межэтнические, а также межрасовые контакты и взаимодействия* в их многообразных и разноплановых проявлениях — это исторически устойчивый, массовый, постоянный и закономерный процесс; напротив, длительная и непроницаемая этническая обособленность представляет собою скорее исключение, аномальные случаи и, как правило, не бывает особенно долгой. Поэтому *этнические изоляты* — это *раритеты*, исключительные явления среди этносов нашей планеты. Интенсивнее, быстрее и успешнее развиваются, как правило, народы, не чуждающиеся межэтнических контактов и связей; наоборот, этнической изоляции или самоизоляции чаще всего сопутствует экономическая, культурная и техническая отсталость.

Межэтнические контакты и взаимодействия, далекие и близкие миграции, культурные и языковые влияния и заимствования, межрасовые смешения на разных этапах исторического развития в разных регионах планеты приводили к неодинаковым результатам. В одних случаях контакты имели своим итогом расовое смешение, в результате чего возникли промежуточные, или контактные, малые расы (например, эфиопская). В других условиях смешение разноэтнических элементов вело к образованию новых этносов, большое число которых

можно наблюдать в Северной и Южной Америке, а также в других регионах мира, куда направлялись потоки миграций. При иных обстоятельствах (например, в связи с массовыми перемещениями разноэтничных групп негритянского населения в Америку в ходе торговли «живым товаром» в XVII—XIX вв.) возникли своеобразные этнорасовые общности, наиболее яркими представителями которых, по-видимому, следует считать негров США, а также гаитян и ямайцев. Наконец, одним из существенных результатов названных этноисторических процессов является образование и исчезновение культурных провинций, в том числе крупных историко-культурных (историко-этнографических) областей. С этнологической точки зрения представляется вполне вероятным, что формирование *региональных цивилизаций* (например, древнекитайской, латино-средиземноморской, европейской и т.п.) не обошлось без воздействия этнических, в том числе этнокультурных, факторов.

Этническая история разветвляется сложными и противоречивыми путями, и в ней имеют место не только прогрессивные сдвиги и перемены, но и существенные потери и утраты. Сам по себе прогрессивный процесс значительного роста, концентрации (консолидации) и структурно-функционального усложнения относительно немногих этносов имеет в качестве своей обратной стороны растворение (ассимиляцию) в них другой, и весьма значительной, части этносов. Факты этнической истории свидетельствуют о том, что эта тенденция есть проявление или следствие общемирового закона *неравномерности этнического развития*.

Этот закон выражает в этнической сфере всемирную тенденцию, которая проявлялась в регионально концентрированной интенсивности исторического движения. Относительная ускоренность и как бы даже внезапность знаменуют появление Древнего Египта и сложившейся там народности при сохранении прежних темпов развития у соседей. Подобные факты известны как в древности, так и в Новое время.

Так, консолидация древнеэллинской (древнегреческой) народности рабовладельческой эпохи произошла в итоге ассимиляции племен ионийцев, дорийцев, ахейцев, эолийцев; древнеримская (латинская) народность сформировалась в ходе завоевания и ассимиляции этрусков, лигуров и других этносов, а также родственных латинам племен италиков. Это одна сторона дела. Но, с другой стороны, в процессе древневосточной и античной истории исчезли шумеры, хетты, вавилоняне, парфяне, арамеи и многие другие этнические образования. На современной этнической карте едва ли удастся отыскать те этносы, которые во множестве названы и описаны в трудах Геродота, Страбона, Цезаря или Тацита. Исчезли многие этнические общности, имена которых были широко известны в эпоху Средневековья: готы, кимвры, тевтоны, лангобарды, гунны, бритты, хазары, меря, печенеги, половцы, византийские ромеи и прочие. В Новое и Новейшее время колониальные захваты европейскими государствами, массовые миграции и другие факторы привели к исчезновению многих этносов в Америке, большей части аборигенов Австралии, коренного населения Тасмании.

В мировой истории имели место факты намеренного истребления аборигенных народов (например, ряд индейских племен в США, часть аборигенного населения Тасмании и Австралии). Но причины исчезновения этносов не только

в этом. Нередко туземное население погибало от болезней, завезенных европейцами, от которых местные жители не имели природного иммунитета (такова, по всей видимости, была судьба индейского населения на о-ве Куба), а также в результате создания колонизаторами крайне неблагоприятных для аборигенов социальных условий (подневольный труд, разнообразные формы дискриминации и т.п.). Вместе с тем исчезновение этносов далеко не всегда было сопряжено с физической гибелью собственно этнофоров. Вполне типичен случай перемены этнонима: так, часть южных славян после завоевания их тюрками-българами стали называться болгарами, древняя народность *весь* в конце Средневековья именовалась соседями этническим именем *чудь*, а в первой четверти XIX в. вновь стала известна под именем вепсы. Тем не менее этническая ассимиляция в ее, так сказать, чистом виде встречается в мировой истории постоянно и в разнообразных проявлениях.

Чаще всего понятие ассимиляции ассоциируют с ее принудительным, насильственным осуществлением путем проведения целенаправленной консервативной или даже реакционной государственной национальной политики. Это верно. В царской России, Австрийской империи, султанской Турции, колониальной Индии и в других странах политика ассимиляции проводилась, по сути дела, официально (государственный язык, государственная религия, служебные и иные преимущества для правящих классов доминирующих национальностей и т.п.). Арабская ассимиляция египетского населения (своеобразным реликтом которого остается религиозная община коптов), а также берберов в странах Магриба служит, в частности, примером того, что политика ассимиляции, нередко даже осуществляемая спонтанно, без заранее разработанных планов и обдуманных мероприятий, может приводить к изменению этнической принадлежности (в том числе смене этнического самосознания значительных масс людей).

И все же, признавая полную справедливость сказанного выше, следует помнить, что ассимилятивные процессы могут принимать характер отчасти и даже вполне добровольных действий, приобретать сознательную направленность и соответствовать желаниям как определенных групп, так и целых этносов. Так, начиная примерно с XV в. и позднее, по мере того как Русское государство становилось многонациональным (полиэтническим), господствующие слои присоединяемых народов — коми-зырян и коми-пермяков, мордвы, марийцев, чувашей, отчасти татар и в меньшей степени башкир — вливались в состав русских доминирующих слоев и классов (сначала феодалов, а позднее — буржуазии). Довольно типичными были случаи частичной или даже полной этнической ассимиляции завоевателей, включавшихся в состав господствующих (доминирующих) элит в завоеванных странах: завоевавшие на Балканах часть славянского населения в VIII в. болгары-тюрки быстро ославянились; «призванные» на Русь в IX в. варяги (норманны) уже к концу X в. растворились в составе древнерусской феодальной знати; та часть монголов, завоевавших Китай в XIII в., и маньчжуров, захвативших его в XVII в., которая образовала государственно-управленческий чиновничий аппарат и оторвалась от своих этнических территорий, расселившись по всему Китаю, довольно быстро китаизировалась; нормандско-французское рыцарство, овладевшее Англией в XI в., постепенно утратило исходные этнические черты и ассимилировалось в составе английского этноса.

Впрочем, интенсивность и условия межэтнических взаимодействий не всегда ведут к полной этнической ассимиляции; нередко процесс не получает такого завершения, а ограничивается меньшей мерой влияния — массовым заимствованием культуры, усвоением значительной частью этноса другого языка (двуязычие) и т.п. Во многих случаях возникали и возникают в наше время явления *билингвизма*, *бикультурализма*, которые принято называть также термином *аккультурация*. Примеры такого рода межэтнических взаимоотношений легко обнаружить всюду, где имеются контакты между крупным высоко развитым народом и относительно малочисленными этносами, которые иногда называют ассоциированными с этой крупной нацией. Одно из проявлений аккультурации обычно видят в широко распространенном в мире процессе *вестернизации* — усвоении (нередко внешнем, односторонним) многими народами разнообразных и многочисленных черт европейско-американской («западной») культуры.

Среди важнейших аспектов этноистории на нашей планете справедливо указывают на возникновение государств и их институтов и их взаимодействие с этносами. Исторический опыт говорит о том, что государство как аппарат управления нигде и никогда не оставалось безразличным и безучастным к этническим процессам: оно обычно способствовало оформлению (усилению, консолидации и т.п.) того этноса, доминирующие элитные группы которого обладали властью, но часто действовало и в обратном направлении — задержки развития других этносов или даже их деструкции (аккультурации, ассимиляции). В новое и новейшее время в Западной Европе и на других континентах сложилась тенденция формирования национальных и многонациональных государств, в связи с чем возник новый феномен — *национальная политика*.

Проведение национальной политики (первоначально чисто эмпирически, а позднее — с привлечением сил науки, в том числе и этнологии) стало важным элементом жизни не только многонациональных стран и колониальных империй, но и национальных государств, так как и в этих последних, как правило, есть иноэтнические народы или группы, имеющие свои интересы и устремления (например, в Англии — шотландцы, уэльсцы и другие, во Франции — бретонцы, эльзасцы и др.). Одним из следствий вторжения государства в этническую сферу социальной жизни, изменения границ, регулирования миграционных процессов стало возникновение и широкое распространение феномена, получившего наименование *этнических меньшинств*.

Резюмируя сказанное, полезно обратить внимание на то, что этносы, этнические группы разнообразно проявили себя в историческом процессе, в том числе и в форме национально-освободительных движений.

2. Современные тенденции этносоциального развития в мире. Межэтнические конфликты

В зарубежных и отечественных публикациях в периодической печати и научных изданиях нередко встречается утверждение, что XX в. следует характеризовать как век национальных идеологий, национальных движений — *век национализма*. Едва ли это утверждение можно принять безоговорочно.

Прежде всего, как показано в предшествующих и последующих главах, этнические процессы, и в том числе разнообразные межэтнические взаимодействия, составляют один из существенных аспектов *всей истории* человечества. Кроме того, взаимодействия между этносами, в особенности позитивные связи в форме сотрудничества и обмена, суть условия и факторы прогресса культуры, техники и социальной жизни вообще.

Тем не менее именование XX столетия веком национальных движений отчасти имеет свое историческое оправдание в том, что более высокий темп и более интенсивный тип социального развития в целом сказался и на усилении межэтнических взаимодействий и национально-освободительных движений. Обретение самостоятельности Норвегией (1905) и Ирландией (1916—1921), а после Октябрьской революции 1917 г. — Польшей, Финляндией, Литвой, Латвией и Эстонией, возникновение в результате развала Австро-Венгерской империи и султанской Турции национальных государств в Центральной Европе и на Балканах, распад мировой колониальной системы в 50—60-е гг. в итоге разносторонних антиколониальных усилий (Китайской народной революции, освободительных войн в Индонезии, Индокитае, Бирме и Алжире, образования независимых государств в Индии — Индии и Пакистана, а позднее в Черной Африке, общественных движений, деятельности ООН и др.) — все это свидетельства, указывающие на интенсификацию действия этнических факторов в истории, которая творится, как говорят, почти на глазах ныне живущего поколения.

Наконец, центробежные тенденции, получившие преобладающее значение в 90-е гг. и приведшие к образованию группы национальных государств на месте бывшего СССР, а также трения и конфликты на этнической почве и с этническим оттенком, которые в настоящее время то и дело возникают даже в самых, казалось бы, благополучных регионах мира (например, противоречия между фламандцами и валлонами в Бельгии или же между франкоканадцами и англоканадцами в Канаде), убедительно показали, что этнический фактор продолжает быть существенным и актуальным. Нельзя забывать также о том, что этнонациональные лозунги служат нередко лишь способом социальной мобилизации в интересах боевиков-экстремистов и нелегального бизнеса.

Изучение сложившейся к нашему времени, т.е. к началу XXI в., и реально отражаемой этнологией этнической картины мира позволяет констатировать не только тот бесспорный факт, что современные этносы сильно дифференцированы по типам преобладающих экономико-социальных отношений, по религиозно-конфессиональной принадлежности, языковым группам и просто по величине, т.е. численности, но и то несомненное обстоятельство, что общее число этносов и этнических языков постоянно сокращается. Всего 18 наиболее крупных народов составляют более половины человечества; около 4/5 населения Земли составляют народы, численность каждого из которых превышает 10 млн человек. Среди крупнейших этносов планеты — семь супергигантов, превышающих по численности 100 млн человек, — это китайцы (более 1 млрд человек), хиндустанцы (более 400 млн человек), североамериканцы США (около 200 млн человек, без афроамериканцев — около 170 млн), бенгальцы (более 200 млн человек), русские (около 140 млн человек), японцы (более 120 млн человек).

Таким образом, если принять в расчет, что доля народов, насчитывающих менее 1 млн человек, не превышает 3,2% от общей численности человечества, то станет более понятно, почему современные межэтнические процессы столь часто приобретают этноинтегративную направленность.

Выше уже говорилось о том, что подавляющему большинству стран, даже так называемых однопациональных, свойственна та или иная мера полиэтничности. При этом государство, как правило, стремится к тому, чтобы в его границах господствовал один язык (по крайней мере единственный язык стараются сделать *государственным*, или *официальным*, либо уж, по меньшей мере, *языком межнационального общения*). Государство, вводящее обычно административную и всякую иную унификацию, чаще всего поддерживает какое-нибудь одно вероисповедание (церковное объединение) и какую-нибудь одну национальную профессиональную культуру.

Более того, некоторые молодые государства, лишь недавно освободившиеся от колониальной зависимости и, как почти все бывшие колонии, полиэтничные по своему составу, в ряде случаев брали на себя непосильную задачу *формирования* (создания, «строительства») новых этнонаций (индонезийской, нигерийской и многих других). Этнонации, однако, не возникли, но усилия, направленные на межэтническую интеграцию, отчасти не пропали даром. Они способствовали складыванию хозяйственно-культурных объединений иного порядка — *этнополитических государственных общностей*. Примеры ныне существующих общностей такого рода: Индия, Индонезия, Мексика, Перу, Китай и др., а ушедших в историю в недавнем прошлом — СССР, СФРЮ. Перекос в сторону унитаризма вызывает борьбу подавляемых этносов за равноправие их языков, культур, вероисповеданий, борьбу против чрезмерной централизации и культурно-языкового притеснения, а также в поддержку административной автономии или национально-государственного суверенитета.

Общественное разделение труда, сопряженное с неравномерным распределением природных и трудовых ресурсов, в XX в. вызвало к жизни крупные миграционные перемещения населения. Интенсивное развитие трудоемких (т.е. требующих больших объемов трудовых ресурсов) отраслей промышленности стало одной из решающих причин роста городов (*урбанизации* в узком смысле слова) и распространения городских стандартов жизни на аграрные (сельскохозяйственные) районы и сельское население. Численность городского населения в мире, сильно варьирующая по странам и континентам, в целом на планете составляет уже более половины всех жителей Земли. Потребность в многочисленных малоквалифицированных и дешевых рабочих кадрах провоцировала движение их в города и существенно изменила во многих регионах мира этнический состав городских поселений. Именно в связи с этими процессами возникли большие группы иноэтничного населения в крупных и крупнейших городах Европы и Америки (негритянское население в Лондоне, алжирцы в Париже, выходцы из Индии в городах Южной Африки, турки в городах Германии, представители индейских народностей в Мехико и т.п.).

В нашей стране процесс урбанизации, не менее интенсивный, чем в других регионах мира, подчас приобретал существенное местное своеобразие. Так, в крупных городах — столицах национальных республик Урало-Поволжья (которые до Октябрьской революции 1917 г. были русскими городами) сфор-

мировались значительные по численности группы из представителей местных этносов и население стало этнически сложным.

В течение последнего столетия интенсивность и частота межэтнических взаимодействий проявилась в весьма широком распространении национально-смешанных браков и семей. Не следует, конечно, думать, будто межэтническая брачность и смешанные по этнической композиции семьи — есть нечто совершенно новое в эволюции этнической ситуации в мире. Это не так: межэтнические браки, добровольные или принудительные межэтнические связи имели место на протяжении всей человеческой истории (в особенности при массовых миграциях, в которых участвовали преимущественно мужчины, при длительных контактах в межэтнических порубежьях, при осуществлении крупных строительных работ, а также в условиях городского расселения). Тем не менее массовое формирование смешанных семей в XX в. — это примечательная и типичная черта эпохи, вызвавшая к жизни даже специальную теорию — теорию этнической эндогамии (подробнее см. в главе 2).

Здесь лишь следует напомнить, что «механизм» воспроизводства этноса с этой точки зрения обусловлен тем, что подавляющее большинство лиц, принадлежащих к каждому этносу, вступает в браки и образует семьи с партнерами той же этнической принадлежности, т.е. налицо *этническая эндогамия*; *этно-экзогамные* (смешанные) браки и семьи практически всегда имеют место, но если их число превышает 20—25%, может произойти «прорыв эндогамии» и этнос постепенно подвергнется ассимиляции. Описанная концепция основана на значительном числе наблюдений: действительно, уровень межэтнической брачности у народов, имеющих более или менее устойчивое воспроизводство, обычно не превышает 12—15%.

Следует, кстати, заметить, что попытки воспрепятствовать усилению распространения межэтнических браков (это типично для откровенно националистических режимов и политических партий) обычно не имеют успеха: объективный процесс межэтнического взаимодействия в сфере семьи едва ли может быть остановлен. Вопрос об этнической принадлежности детей от смешанных браков чаще всего разрешается в пользу той этнической среды, в какой эти дети проходят социализацию — материнской, отцовской, а нередко — и какой-нибудь третьей.

В числе наиболее важных, хотя внешне и неярких, изменений современных этносов нужно указать на быстрые сдвиги в их социальном составе. Интенсивная, почти взрывная индустриализация, а также аграрные кризисы, совершающиеся во многих регионах и странах, превратили массы крестьян-общинников в рабочих, мелких торговцев, безработных, заставив большинство их переселиться в города. Адаптация к городским условиям, трудная сама по себе, для них часто сопряжена с желательностью, а порой с необходимостью усвоения другого языка, других культурных навыков. Например, в ряде городов Индии это отчасти связано с включением в местную англоязычную культуру, в Алжире — во франкоязычную, в бывшем Советском Союзе, а теперь в России и странах СНГ это сопряжено с включением (хотя бы частичным) в русскоязычную культуру и т.п.

Подобная интеграция в сложные, нередко *маргинальные* (крайние, промежуточные) условия особенно часто требуется от национальной *интеллигенции*

(работников, занятых умственным трудом). Чиновники-управленцы и офицеры вооруженных сил, врачи и учителя, адвокаты и инженеры нередко вступают в *конкурентные отношения*, в которых этническая принадлежность играет определенную роль. Обладая более развитым (сравнительно с другими социальными слоями) сознанием и самосознанием, именно эти люди чаще других ставят и формулируют проблемы, имеющие этническую окраску. Именно среди них обычно появляются личности, принимающие на себя роль *представителя нации* (в науке, политике, общественной жизни), роль *национального лидера* или *героя* и т.п.

Претензии на выполнение этих последних функций особенно часто предъявляют члены небольшой в каждом этносе, но влиятельной социальной группы — *художественно-гуманитарной творческой интеллигенции* (писатели, журналисты, художники, научные работники гуманитарного профиля и др.). Положение и функции этой группы сложны, так как сущность ее деятельности состоит в противоречивом сочетании национальных (этнических) и интернациональных (региональных или общечеловеческих) начал. Создать *динамическое равновесие* обоих начал психологически трудно, в силу чего представители национальной художественной интеллигенции самым своим положением побуждаются к импульсивным, эмоциональным реакциям, в особенности в случаях, когда их профессиональные интересы, отождествляемые ими с интересами своего этноса (нации), подвергаются ущемлению или кажутся им ущемленными.

Рассматривая каждую из компонент этноса, как они функционируют в конце XX — начале XXI в., приходится сделать заключение, что все компоненты переживают существенную перестройку — каждая в отдельности и все вместе как целостность. Современное общество находится в преддверии качественных сдвигов, которые должны произойти с этносами в предстоящие десятилетия. Не исключено, что ведущим генератором ожидаемых сдвигов глобального характера станут радикальные изменения в тех секторах производительных сил, что наиболее тесно сопряжены с процессами, выражающими совершающуюся научно-техническую революцию (НТР), автоматизацию производства, уплотнение информационных полей в связи с компьютеризацией, ростом объемов информационных потоков, проходящих через средства массовой информации (СМИ), и т.п.

Естественно предположить, что обсуждаемые процессы также будут подчинены *закону неравномерности*, как и глобальные этнические процессы. В контексте этого становится понятнее значение переходных, маргинальных, контактных групп и слоев, которые образуются как внутри этносов (группы с *элитной культурой*, группы с *массовой культурой*, группы с *субкультурой бедности и нищеты* и многие другие), так и в зонах и сферах межэтнических взаимодействий (этноконтактные, смешанные, этнодисперсные и т.п.). Каждая со своими интересами и ориентациями, со специфическими социальными запросами, они склонны к сильным эмоциональным реакциям и бывают способны к быстрой социальной мобилизации. Если к сказанному добавить, что все большая подвижность и контактность крупных масс разноэтнического, разноязычного, разнорасового и разноконфессионального населения планеты имеют тенденцию усиливаться и становиться повсеместным явлением, то тем самым будут подчеркнуты сложность и противоречивость, внутренняя накаленность и напряженность современной ситуации в социоэтносфере Земли.

В мире в целом и в отдельных его регионах всегда есть значительные контингенты людей, не только объединенных этнической принадлежностью, но и готовых к восприятию весьма радикальных и даже экстремистских призывов, а также к разнообразным, в том числе массовым и даже вооруженным действиям. Такого рода действия как в публицистике, так и в научной литературе принято называть *межэтническими конфликтами*. Следует, впрочем, отметить, что строгое и общепринятое определение межэтнического конфликта в научной литературе не сложилось. Одни авторы считают, что любое противоречие между этносами следует считать конфликтом, полагая, что такие конфликты — от скрытых (*латентных*) до кровавых, вооруженных столкновений — представляют собою спонтанно возникающие и проявляющиеся формы восстановления динамического равновесия в обществе. Этот абстрактно-метафизический взгляд, отличающийся сухим академизмом, хотя и отражающий некую долю реальности, избавляет как от необходимости деятельно вмешиваться в конфликтные ситуации, так и от ответственности за их исход.

Другие специалисты полагают, что межэтнические конфликты — это лишь внешнее прикрытие, или амальгама, под тонким слоем которой скрыты обычные социальные интересы и притязания: интересы экономических групп, политических сил и криминальных объединений. Межэтнические конфликты, согласно этим взглядам, провоцируются указанными силами, можно сказать, по произволу — в любое время, в любом объеме и в любом месте.

Оба суждения, как крайности, едва ли вполне верны. Тем не менее, по всей видимости, в каждом из них содержится доля истины. Действительно, существуют не зависящие от желаний и воли людей условия и факторы, без которых никаких межэтнических конфликтов не могло бы быть: само наличие этносов с их сложным строением, неравномерность их исторического развития и распределения ресурсов, различие их социальных позиций в государстве и его институтах, наконец, этноцентристские установки и т.п. Однако наряду с этим факты свидетельствуют, что достаточно детальные и беспристрастные расследования межэтнических конфликтов позволяют, как правило, обнаружить присутствие провоцирующих и направляющих события, однако скрытых от наблюдения, социальных сил, организаций и лиц. Этническая принадлежность и солидарность, объединение вокруг этнокультурных ценностей, этноцентристские установки служат формой (способом, методом, поводом и т.п.) социальной мобилизации масс народа для достижения целей, которые ставят перед собой социальные группы, *занимающие в этносе лидирующее положение*. Более того, сами эти лидирующие социальные группы (или их руководство) в свою очередь нередко пребывают в зависимости от могущественных экономических корпораций, разведывательных служб крупнейших государств, а нередко и преступных объединений.

Анализ разнообразного эмпирического материала показывает, что необходимо различать: 1) объективные и субъективные условия, в каких может возникнуть межэтнический конфликт, 2) предконфликтную социально-этническую ситуацию, в составе которой могут быть выделены факторы, способные послужить причинами или лишь поводами для возникновения конфликта, наконец, 3) собственно конфликты, достаточно разнообразные по форме и степени выраженности.

Изучение межэтнических конфликтов, необходимое для уяснения их природы, характера и причин, а также возможностей их ослабления и прекращения, начинается с отнесения каждого случая к тому или иному типу или виду, т.е. с его классификации. Способов классификации к настоящему времени предложено немало. Один из них делит конфликты на три типа. Первый (или низший) называют *конфликтом психологических стереотипов*. Этого рода конфликты характеризуются значительным элементом стихийности и неуправляемости движения. Его «уличные лидеры» выдвигаются на бессистемной основе. Поводом для возникновения каждого очередного конфликта обычно служат слухи или неблагоприятно перетолкованные реальные события (например, будто бы имевшие место убийства детей, насилия над женщинами и другими, национальность которых особо подчеркивается).

Стереотипы подозрительности, враждебности, коллективной мании преследования вырабатываются исподволь и обычно в течение длительного времени. Что же касается скрытых провокаторов конфликтов (организованных групп, о которых массы участников обычно не знают, но присутствие которых чаще всего выявляется следствием), то их действия остаются в тени и редко становятся известны полностью. Действия этих групп главным образом сводятся к роли «искры», «детонатора» или «спускового крючка», когда психологическая *унификация индивидуальных позиций* («наших быт!») достигла высокого уровня, а на инакомыслящих оказывается сильное психологическое давление («долгой изменников!»). Полагают, что типичными случаями этой разновидности конфликтов можно считать «события» в Сумгаите (1988), Фергане (1989), Новом Узене (1989) и др.

Второй тип — более сложные и вместе с тем обладающие большей определенностью межэтнические *конфликты идеологических концепций* (или доктрин). В отличие от охарактеризованного выше варианта, этот тип межэтнического конфликта содержит в себе некоторую идеологическую (теоретическую, концептуальную) конструкцию, которая может включать в себя различного рода претензии и их оправдания, высказываемые от имени «народа», «нации». Мобилизация масс, относящихся к конфликтующим этносам, происходит вокруг некой суммы «теоретических истин», к каковым чаще всего относятся следующие:

- идея исторического приоритета («наш» этнос более древний, чем «их»; «наши» предки жили на этой земле раньше других; следовательно, мы имеем больше прав на нее, чем кто бы то ни было);
- обоснование ценности нации (этноса вообще, национального языка, национальной культуры и т.п.) как «абсолютной ценности», «святыни», не подлежащей критике;
- оправдательная доктрина относительно «своей нации» и преимущественно осуждающая относительно другой: «наша демократия», «наша культура», «наша этика» лучше любой другой именно потому, что она «наша»;
- «наша нация» нуждается в защите от наплыва иноэтнических мигрантов (отсюда националистические лозунги типа: «Германия — для немцев!»); нужно защитить «чистоту национального генофонда» («долгой межнациональные браки!»); радикальная поддержка национального языка доходит до научных фальсификаций («двуязычие вредно отражается на здоровье наших детей») и т.п.;

— наша нация, наш народ нуждаются в законодательном, юридическом обеспечении своих прав на территорию, ресурсы, на такое, а не иное языковое поведение и т.п., в первую очередь, лишь в силу этнической принадлежности, несмотря на то что подобное правотворчество может ущемлять интересы других этносов и этнофоров.

Эти и подобные построения, разумеется, имеют характер *конфликтогенных доктрин*, а не научных теорий; тем не менее их рационалистические тон и способ высказывания оставляют — пусть небольшое — место для дискуссии, которая при наличии доброй воли или при отсутствии сил продолжать межэтнический конфликт может открыть путь для компромисса и прекращения прямой конфронтации. Существенные черты такого рода конфликтов видны во многих фактах, связанных с распадом СССР и СФРЮ, а также в событиях в других регионах мира.

Третью разновидность межэтнических конфликтов обычно связывают со *столкновениями политических институтов* (организаций). Политические институты (партии, политические движения, органы государственной власти, вооруженные формирования и т.п.), национальные по составу своих участников и членов, а также по принятой фактически или даже официально идеологии, выступают в межэтнических конфликтах в качестве социальных структур, обладающих властью, влиянием и силой. Они в той или иной степени имеют реальную возможность приказывать, направлять, создавать организованные группы, подчиненные некоторой дисциплине и способные выполнять поставленные задачи. Полагают, что вступление в межэтнический конфликт политических институтов (так называемая *институционализация конфликта*) знаменует собою внешнюю стадию его развития, а кроме того, создает предпосылки для начала его ослабления и прекращения путем выработки компромисса с помощью переговоров. Проще говоря, возникают стороны (субъекты), которые могут вступить в переговоры.

Впрочем, наличие сторон еще не обеспечивает не только успеха переговоров, но даже их начала, а также сколько-нибудь длительного их продолжения. История дает много примеров, что переговорный процесс — существенное, но не единственное и не универсальное средство для прекращения межэтнических конфликтов на институциональном уровне. Примеры такого рода конфликтов обильны в Индии, в районе Африканского Рога, в бывшем СССР и других регионах планеты.

Другой способ классификации межэтнических конфликтов имеет в качестве основания направленность, стратегическую цель этносоциального (национального) движения. При рассмотрении под этим углом зрения среди конфликтогенных движений различают:

автономистские, ставящие целью защиту интересов этнических общностей (примером чего служат разнообразные этнонациональные движения в Индии, приведшие к формированию штатов по этноязыковому принципу, требование автономии гагаузами в Молдавии);

сепаратистские движения, стремящиеся к отделению от полинационального государства;

ирредентизм, т.е. сепаратистские движения, выступающие за отделение некой территории, населенной частью этноса, с целью последующего присоединения к соседнему национальному государству: например, движение части греков-киприотов за *энозис* (воссоединение) с Грецией, части молдаван — за присоединение к Румынии и др.;

этноэгалитаристские движения, выдвигающие задачу уравнивания представителей этноса (или этносов) в правах, в занятии руководящих должностей в государственных органах и других руководящих и престижных сферах жизни и т.п. (подобные случаи нередки, среди них достаточно типичны борьба за равные права и возможности берберов в Северной Африке, евреев — во многих странах Европы и Америки, негритянских этнорасовых общностей — в США и Южной Африке и др.);

антииммигрантские (почвеннические) *движения* — весьма типичные для развитых стран Западной Европы (антиалжирские во Франции, антитурецкие — в Германии и т.п.);

наконец, *движения по поводу* определенных сторон *культуры, религии, языка* и др.

Разумеется, возможны и научно продуктивны и иные способы группировки случаев межэтнических конфликтов и столкновений, способствующие пониманию их сущности, особенностей и типичных свойств. При этом на первый план неизбежно выдвигается вопрос о возможностях и способах выхода из межэтнических конфликтов, их ослабления и прекращения. В решении части этих задач принимает участие прикладная этнология.

3. Проблемы прикладной этнологии

Сведения о соседних племенах и народах с древнейших времен, несомненно, практически использовались в межэтнических общениях. Известно также, что с возникновением в середине XIX в. этнологической науки материалы этой дисциплины время от времени фигурировали при обсуждении и решении политических и иных практических вопросов.

Вместе с тем, как уже указывалось, постановка прикладных целей и задач *в рамках самой этнологической науки*, включение практических выводов и рекомендаций в состав планируемых исследовательских результатов — такая проблематика была впервые выдвинута сторонниками функционалистского направления в первой четверти XX в. Несколько позднее, а отчасти синхронно с функционалистами (в то же время резко критикуя их теоретические и методологические принципы) практические задачи ставили и решали советские этнографы 20—30-х гг. XX в. Позднее прикладные этнологические исследования становятся обыденным явлением в мировой науке.

И хотя практика (известно, что теория ищет, но лишь практика находит подтверждение истины) будто бы говорит о существенной роли прикладных этнологических разработок, нельзя оставить без ответа вопрос: а может ли общество сколько-нибудь существенно воздействовать на этнические (или межэтнические) процессы, в состоянии ли оно и, если да, то в какой мере, влиять на них? Не иллюзия ли это (особенно в свете наблюдаемых жесточайших и кажущихся нескончаемыми межэтнических конфликтов в разных регионах

планеты) — надеяться на возможность, благотворность управленческих решений и действий в сфере этнических процессов и межэтнических взаимоотношений?

На эти вопросы нет простого ответа. Управленческие воздействия в этнической сфере по сложности несколько не уступают подобного рода акциям в любой другой области социальной жизни (экономике, администрации, культуре и т.п.), превосходя их по трудности исполнения, в частности, по причине отсутствия специального аппарата управления. Сложность усугубляется особой трудностью получения достоверной информации. Нет сомнения также, что при обсуждении данной темы следует с особой тщательностью отделять достаточно точные и правдивые данные, собранные и зафиксированные с соблюдением требований научной достоверности, от чрезмерно эмоционально окрашенных сообщений, основанных на «здравом смысле», обыденном сознании, включающем в свой состав негативные стереотипы по отношению к «этническому врагу».

Имеются и другие трудности, в том числе научного характера. Известно, что чем более развита наука, чем полнее разработана ее теория, методология, методика и исследовательская техника, тем шире ее прикладные возможности, тем более она готова и способна выдвигать конструктивные практические идеи. Чем лучше изучены законы строения этноса в целом и его отдельных компонент, тем содержательнее могут стать прикладные исследования и разработки этнологов, эффективнее — их советы и рекомендации. И хотя в современную эпоху достигнутый этнологией уровень развития далек от желаемого, мобилизация и использование (по сей день явно недостаточные) ее теоретико-методологических возможностей для решения практических задач могли бы во многих случаях оказать значительную помощь и уж по крайней мере уберечь от существенных ошибок.

Ответ на поставленные выше вопросы в общей форме, каковы бы ни были трудности, возникающие на пути практического использования этнологических знаний, следует дать положительный. Да, этнические явления и процессы поддаются управленческим воздействиям и существуют социальные силы, средства и инструментарий, с помощью которых можно влиять в желаемом направлении на функционирование и развитие этих объектов.

Такие управленческие акции, однако, следует решительно отличать от произвольного и нередко злостного манипулирования социально-этническим сознанием отдельных этнических общностей (ведущего к кровавым вспышкам, националистическим погромам и т.п.). Когда речь идет о серьезных попытках управления этническими явлениями и процессами, под этим подразумевается прежде всего научное знание реальных глубинных тенденций функционирования и развития этносов и создание на этой основе оптимальных условий для их развертывания и протекания. *Оптимизация в рамках закономерности — вот принцип научного управления*, не имеющий ничего общего с волюнтаристским произволом.

Одним из приемов прикладной этнологии, ранее других нашедших применение в практической жизни, является метод *профессиональной экспертизы*. Впрочем, добросовестность такой экспертизы может в значительной степени зависеть от социально-политической ориентации экспертов. Ярким примером тому служит Мултанское дело (1892—1896) по обвинению группы крестьян-

удмуртов в якобы совершении ими человеческого жертвоприношения. Приглашенный первоначально в качестве эксперта этнограф, отличавшийся консервативными взглядами казанский профессор И.Н. Смирнов, исходя из наличия, как он полагал, в фольклоре удмуртов следов (пережитков) человеческих жертвоприношений, пришел к выводу, что и в современную судебную процессу эпоху нельзя исключить возможности оживления этого пережитка.

Вывод, что и говорить, был предвзятым, содержал в себе не только историко-этнологическую и логическую ошибки, но и выглядел как прямое прислужничество перед государственным обвинением. И лишь при пересмотре дела, которое состоялось благодаря вмешательству российской демократической общественности (В.Г. Короленко, А.Ф. Кони и др.), и привлечении объективных и демократически настроенных экспертов-этнологов (С.К. Кузнецова и Г.Е. Верещагина) защите удалось добиться оправдания ни в чем не повинных людей.

Как уже говорилось, в 20—30-е гг. XX в. использование этнологических (социально-культурно-антропологических) знаний получило заметное развитие. Известный ученый, один из основоположников функционалистского течения в этой науке, Б.К. Малиновский выступал с лекциями перед чиновниками-администраторами британских колоний; некоторые из последователей Б.К. Малиновского и А.Р. Рэдклиффа-Брауна сотрудничали с колониальной администрацией, иные из них вносили предложения, направленные на улучшение положения колониальных народов. Российские этнологи немало сделали для приобщения народов Севера и Сибири к современным формам культуры (создание письменности и учебников на местных языках, внедрение гигиенических навыков и мн. др.); принимали деятельное участие в сложной и длительной кампании по преодолению обычая кровной мести у народов Северного Кавказа; участвовали в работах по составлению карт расселения народов страны и т.п.

Нужно, правда, с большим сожалением отметить, что уже в 30-е гг. и позднее (в период сталинского автократизма и террора) не только прикладные исследования и разработки в области этнологии (этнографии) были прекращены, но и сама наука оказалась сведенной до уровня *вспомогательной исторической дисциплины*. И лишь в наше время — очень медленно и постепенно — прикладной этнологии удастся заявлять о своих практических возможностях и служить делу взаимопонимания и сближения народов.

Задачи и возможности прикладной этнологии следует понимать широко и разносторонне. Этнос — многокомпонентное социальное образование, и данные прикладной этнологии могут быть полезны в разных случаях и по разным поводам. Вот некоторые из них:

- деятельность (теоретическая и практическая) по преодолению межэтнических конфликтов и противоречий;
- обнаружение (прогнозирование) потенциальных межэтнических конфронтаций и их предупреждение;
- содействие государственной и (или) общественной этнологической службе в стране, способной взять на себя заботу по многостороннему изучению народов России и сопредельных стран и по разработке программ их сотрудничества и сближения;

- участие в экспертизе различных хозяйственных проектов, законопроектов и т.п.;
- проектирование культурных программ кросс-культурного обмена и взаимодействия;
- исследование возможных последствий крупных технико-экономических проектов и, в случае необходимости, создание программ этнозащитных мероприятий;
- изучение этнических аспектов экономических программ (например, изучение этнического своеобразия покупательского спроса на те или иные изделия промышленности);
- распространение этнологических знаний в самых широких кругах народов путем преподавания основ этой науки в школах (в том числе написание учебных программ, учебников и иных пособий) и т.п.

Любой этнический процесс осуществляется через деятельность и общение людей по поводу производства, социальной жизни, культурной активности и многих других форм и проявлений социального и индивидуального бытия. Поэтому для прикладной этнологии существенны не только выражения этнического сознания и самосознания (значение которых, впрочем, никто не отрицает), но также внутренняя организация этноса, его субэтническая стратификация на разнообразные слои, круги, группы, общины и институты, сложные взаимодействия которых обуславливают психологические установки, воздействуют на формирование ценностных (среди них этнических) ориентаций, влияют на формирование потребностей и интересов, в том числе имеющих этнический оттенок.

Полезно также принять во внимание, что среди разнообразных страт, кругов, сословий и иных крупных социальных структур обычно удается различить такие, что занимают в данном обществе доминирующее положение и чьи интересы могут быть более или менее определенно установлены.

Из сказанного видно, что в определении этнических интересов, тенденций, противоречий и т.п. необходимо исходить из позиций, занимаемых этими влиятельными, нередко доминирующими слоями, а уже после этого учитывать программы, лозунги и призывы политических организаций, движений, партий и союзов. Сделать это отнюдь не просто, но эффективность прикладных разработок и рекомендаций зависит от того, насколько удастся преодолеть такого рода трудности. Ибо разные слои, фракции и сегменты этносов по одному и тому же «этнически окрашенному» вопросу чаще всего занимают различные позиции и придерживаются неодинаковых взглядов. Полное этническое единство постоянно декларируется, но очень редко отвечает реальному состоянию сознания и положения социальной мобилизации масс.

Таков один из важнейших методологических принципов, необходимый в качестве отправной точки для начала серьезного прикладного этнологического исследования. В современной науке разработан обширный набор конкретных методов и приемов, с помощью которых осуществляются такого рода исследования и разработки. Разумеется, что в них используются все методы, которыми пользуется этнологическая наука.

Вместе с тем реализация прикладных этнологических исследований требует и специальных методов. Выше уже упоминалось о методе профессиональной экспертизы, о прогнозировании межэтнических напряженностей и конфликтов. При улаживании такого рода конфликтов может оказаться полезным метод переговоров между противоборствующими сторонами. В ряде случаев бывают эффективными использование пропагандистских приемов, включение в процесс взаимодействия аппарата государственного управления, общественных и религиозных организаций и проч. Однако, как бы то ни было, каждый этнолог, работая в области прикладной этнологии, не может не руководствоваться мыслью, высказанной великим французским ученым Луи Пастером: «Я непоколебимо верю, что наука и мир восторжествуют над невежеством и войною, что народы придут к соглашению не в целях истребления, а созидания и что будущее принадлежит тем, кто более сделает для страждущего человечества».

НАРОДЫ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Глава 9

АВСТРАЛИЙСКИЕ АБОРИГЕНЫ И АНГЛОАВСТРАЛИЙЦЫ

Австралия — это континент и государство. Географическая среда этого самого маленького континента — площадь его около 7,7 млн км² — обладает многими уникальными особенностями, существенными для исторического развития общества и жизни людей. Австралия — самый низко расположенный из континентов: средняя высота суши составляет всего 210 м, причем в центре она опущена до 11 м ниже уровня моря. Гор в Австралии мало и они невысоки. Средняя высота самой большой горной системы — Большого Водораздельного хребта — около 600 м, а самая высокая гора Костюшко имеет всего 2240 м.

Север и северо-восток Австралии — это зона влажных тропических лесов. На востоке, между Большим Водораздельным хребтом и Тихим океаном, простираются уникальные светлые австралийские леса субтропического и теплого умеренного климатических поясов. Большую часть территории Австралии в этих же климатических поясах занимают сухие саванны, области колючего кустарника («скрэб») и пустыни. Речная сеть развита весьма слабо. Относительно хорошо обводнены север, восток и юго-восток континента, поэтому в прошлом и сейчас на востоке сконцентрировано абсолютное большинство населения. «Пустынное сердце Австралии» — это центр континента, куда текут некоторые реки, но они теряются в песках, образуя соляные озера, в которых в сухие сезоны нет воды. Как бы компенсируя недостаток влаги на поверхности, Австралия богата подпочвенными запасами воды. Аборигены знают способы извлечения ее, и поэтому могут жить в условиях, казалось бы, полного безводья.

Растительный и животный мир Австралии большей частью эндемичен, т.е. представлен видами, которые не встречаются на других континентах. Высших (плацентарных) млекопитающих, если не считать полудикой собаки динго и крыс (появление которых, скорее всего, связано с расселением человека), здесь никогда не было. Это обстоятельство полностью исключает Австралию из зоны антропогенеза. Оно же сыграло не последнюю роль в том, что аборигены никогда не делали попыток одомашнивания (одомашнивания) животных. Впрочем, обитающие в Австралии многочисленные сумчатые (до 100 видов) — от гигантских рыжих до карликовых кенгуру и пр. — прекрасные объекты охоты.

В любой из природных зон, включая полупустыни и пустыни, аборигены могли в разные времена года собирать достаточное количество дикорастущих корней, клубней, плодов и семян. Пригодных же для земледельческой культивации растений в Австралии почти нет, если не считать некоторых видов дикого ямса. Это обстоятельство нужно учитывать, рассматривая вопрос об отсутствии у аборигенов земледелия.

Население Австралии (более 18 млн человек) в настоящее время на 97% состоит из выходцев из европейских стран и их потомков (англоавстралийцев) и лишь примерно на 2% — из коренных обитателей континента — аборигенов. Эти две группы населения уже более 200 лет живут бок о бок, но их культуры до сих пор резко отличаются друг от друга. Если культура «белой Австралии» представляет собой один из вариантов западноевропейской цивилизации, то культура темнокожего аборигенного населения отличается своеобразными чертами, выработанными за более чем 30 тыс. лет самостоятельного существования на изолированном от остального человечества континенте.

1. Австралийские аборигены: традиционная культура и общественная организация

Австралийские аборигены относятся к особой расе (или, по другой классификации, субрасе), именуемой веддо-австралоидной, характерные черты которой — темно-коричневая кожа, черные волнистые волосы, густые бороды у мужчин, крупные черты лица (широкий нос, толстые губы, выступающие надбровные дуги), вытянутая к темени голова, средний или высокий рост.

До прихода европейцев в конце XVIII в. на территории Австралии проживало предположительно не более 300 тыс. аборигенов. Австралийские языки (их около 500) образуют особую лингвистическую филию (группу языковых семей). Всего лингвисты насчитывают в этой филии до 26 языковых семей. Самая крупная из них — *пама-нюнга*. Языки этой семьи раньше были распространены на большей части континента. До 2/3 всех аборигенов, сохранивших в настоящее время знание родного языка, говорят на языках этой семьи. Наиболее крупные этносы этой лингвистической группы — *мабуиаг* (самая крупная этническая общность, насчитывающая свыше 14 тыс. человек), *варлтири*, *валмаджари*, *аранда*, *питджанджара*.

Остальные языковые семьи австралийской филии (*нюлньюл*, *бунаба*, *ворора*, *джеррага*, *джаминджуг* и др.) сосредоточены на крайнем севере континента, каждая из них насчитывает в настоящее время от нескольких десятков до нескольких сотен говорящих. На протяжении многих тысячелетий Австралийский континент был заселен очень неравномерно, что определялось природными условиями. Большая часть племен обитала в ограниченной по площади благодатной зоне на юго-востоке Австралии, где достаточное количество осадков, съедобных растений и животных обеспечивало существование большого количества людей.

Происхождение аборигенов Австралии долгое время оставалось загадкой. Их внешний облик не позволял безоговорочно связать их прошлое ни с одним народом из числа принадлежащих к одной из трех больших рас человечества. Отсутствие у аборигенов морских судов делало непонятным их проникновение на континент, изолированный от остальной обитаемой суши океанскими про-

сторами. Лишь к середине XX в. наука накопила достаточно фактов для решения вопроса о происхождении аборигенов. Обнаружены окаменевшие костные останки древних людей, орудия труда из камня, возраст которых, по данным современных точных методов датировки, достигает 30—40 тыс. лет. Наиболее древние костные останки человека найдены у озера Манго к западу от Сиднея. Их возраст (по радиоуглеродному методу) равен 26 тыс. лет. В этой же местности в слоях, отстоящих от нашего времени на 32 тыс. лет, были найдены следы древнего кострища и орудия из камня. Аналогичные находки примерно такого же возраста сделаны и в других районах Австралии. В 1978 г. в долине реки Мерчисон (штат Западная Австралия) археологи обнаружили несколько десятков каменных орудий в слоях, имеющих возраст около 100 тыс. лет. Сообщения о подобных и даже более древних находках появлялись и позднее.

Многие специалисты, правда, сомневаются в надежности методов датировки этих находок. Если же их точность будет подтверждена, то проблема происхождения аборигенов приобретет совершенно новый вид, так как это будет означать, что первыми людьми, пришедшими в Австралию, были существа, похожие на неандертальцев, и процесс формирования биологического вида *Homo sapiens* протекал и на территории этого континента в условиях изоляции. Останки древних людей аналогичного типа были найдены в Юго-Восточной Азии и на островах Малайского архипелага. Именно отсюда в весьма отдаленные эпохи предки аборигенов переселились на территорию Австралии. Они смогли это сделать, так как морские пространства между Азией и Австралией были тогда гораздо уже: то было время широкого развития материкового оледенения на Земле («ледниковый период»), когда полярные шапки забрали из мирового океана массу воды, понизив его уровень на десятки метров.

На новых землях пришельцы обнаружили множество сумчатых животных. Некоторые из них достигали более 3 м высоты и становились легкой добычей первобытных охотников. К тому же в древней Австралии отсутствовали опасные хищники.

Основой жизни всех без исключения племен служили охота и собирательство. Нигде в Австралии не обнаружены даже примитивные формы земледелия и животноводства. Орудия труда очень просты и их набор ограничен. У мужчин это несколько деревянных копий с каменными наконечниками, каменный нож, каменный топор, деревянная дубинка или бумеранг (чаще всего не возвращающийся; возвращающиеся бумеранги известны не всем племенам и там, где они есть, обычно служат не оружием, а скорее для развлечения). «Снаряжение»

Девушка одного из племен, проживающих в австралийском штате Квинсленд.
Фото конца XIX в.

женщин еще проще — корытца из коры и сплетенные из травы сетки для собирания семян и плодов, а также заостренные палки для выкапывания кореньев и разрывания нор мелких животных.

У большинства племен жилище как таковое отсутствовало, лишь у некоторых племен принято было сооружать временные хижины из веток и коры, но чаще всего обходились примитивными ветровыми заслонами. Обычно же аборигены располагались на стоянках прямо под открытым небом.

Одежды в нашем понимании аборигены не знали, а ходили круглый год обнаженными, но у ряда племен известен обычай ношения набедренных повязок из травы. На юге континента и на острове Тасмания, где климат прохладнее, были известны накидки из шкур кенгуру.

Обычный образ жизни аборигенов — это постоянные переходы с места на место. Пребывание на одной стоянке редко продолжалось больше одной-двух недель. Такая жизнь обуславливалась охотничьим и собирательским хозяйством, однако не следует думать, что это было беспорядочным бродяжничеством. Каждая группа аборигенов, будь то племя или *локальная группа* (см. ниже), обладала земельным пространством, которое считала своим, и передвигалась по нему по существовавшим на протяжении столетий маршрутам, которые соответствовали временам года и природным циклам.

Тысячелетия приспособления аборигенов к неласковой, порой жестокой, но, тем не менее, родной для них природе привели к тому, что их общество и культура образовали с ней неразрывное единство. Аборигены до тонкостей знали флору и фауну своей земли, повадки, жизненный цикл и сезонные миграции животных. Каждый абориген-мужчина в любое время мог точно сказать, где на землях его племени находится дичь и куда она может направиться в ближайшем и более отдаленном будущем. Женщина так же хорошо знала, где и на какой стадии созревания можно найти съедобные растения. Такого рода знания и определяли направления передвижений аборигенов.

В пищу у аборигенов могло идти многое такое, что европейцу и в голову не придет считать съедобным: змеи, ящерицы, личинки насекомых, не говоря уже о крупных сумчатых (кенгуру, опоссумах и др.); используются и растительные ресурсы — дикорастущие злаки, корнеплоды и др.

Сравнительно недавно, путем тщательных наблюдений удалось установить, что эффективность традиционной охотничьей и собирательской деятельности аборигенов настолько высока, что на добывание пищи у них уходит в среднем не более двух-трех часов в день.

Основными формами общественных объединений аборигенов служили *племя*, *локальная группа* (община) и *семья*. Племя в Австралии — это группа, насчитывающая в среднем около 500 человек. Оно обладает определенной *территорией*, *самоназванием*, его представители говорят на одном *языке* и осознают себя особой *культурной общностью*, отличной от других таких же общностей. Племя, однако, не имеет общего вождя и других органов власти, оно редко собирается в полном составе и его члены почти никогда не участвуют сообща в военных или охотничьих действиях. Последнее обстоятельство дает основание утверждать, что австралийское племя — это общность не социально-политическая, а прежде всего этнокультурная и языковая. Однако и в этом качестве ее границы очень часто весьма неопределенны. Для аборигенной Австралии в высшей степени свойственна ситуация *первобытной языковой непрерывности*,

которую условно можно изобразить в виде схемы: А — Б — В — Г, где каждая из букв обозначает языковую группу. Язык группы А понятен членам группы Б и наоборот. Язык группы Б понятен членам группы В и наоборот, но языки группы А и В уже с трудом взаимопонимаемы, а язык группы Г члены группы А вообще не понимают.

Этнологии известны и такие племена, члены которых обладают сознанием племенной общности, но говорят на весьма отличающихся друг от друга диалектах. Это типично, в частности, для такого племени, как *аранда*, члены которого говорят, как минимум, на четырех диалектах, называемых некоторыми исследователями отдельными языками.

Для большинства аборигенов языковой барьер не становится главным, так как знание ими двух-трех и даже четырех языков ближайших племен является нормой, кроме того, во многих местностях Австралии издавна существуют межплеменные языки. Таким вариантом *lingua franca* для значительной территории штатов Западная и Южная Австралия служит язык племени *питджанджара*. Существуют и особые языки жестов, понятные представителям многих племен.

Существенным элементом племени как этнической общности выступает его название (этноним). Часто название племени переводится словом «люди» (*нарриньери*, *нунга* и др.), «друзья» (*ямады*), «речь», т.е. понятная речь (*вонггаи*). В таких самоназваниях отражена характерная для первобытности установка считать людьми только представителей своих групп.

Нередко самоназвания племен вообще отсутствуют, но существуют названия, данные им соседями. В таких этнонимах (экзоэтнонимах) зачастую отражается либо характер местоположения группы — *ялиндьяра* (север), *гагарара* (восток), *ябура* (юго-запад) и т.п., либо особенности ее языка — *бидьяндьяра* (люди, на языке которых слово «идти» звучит «бида») и т.п. Такие названия порой становятся и самоназванием членов племени.

Наиболее существенными признаками племени, с точки зрения аборигенов, выступают общность обычаев, религиозно-магического культа и сознание родства всех его членов.

Гораздо более тесная связь между людьми существует в локальной группе — коллективе, редко превышающем по численности 50 человек. Эта группа потому и называется в науке локальной, что общность ее членов определяется тем, что входящие в нее люди живут на общей территории. Костяк такой группы составляют взрослые мужчины; они считаются «наследниками» этой территории и хранителями священных мест, в то время как их жены обычно происходят из других групп и к религиозным обрядам чаще всего не допускаются.

Семья аборигенов Австралии в реальной жизни имеет различные формы — от супружеской пары с детьми до *полигамных* коллективов, когда у мужчин может быть несколько жен. Браки заключаются по предварительному сговору — мужчина может отдать в жены другому мужчине свою дочь или сестру. Нередко обещают отдать маленькую или даже еще не родившуюся девочку. В ожидании, пока она родится или достигнет брачного возраста (12—15 лет), будущий жених охотится и вообще кочует со своим будущим тестем, оказывая ему особые знаки внимания и уважения. Заключение браков в Австралии регулируется множеством обычаев, среди которых наиболее важными являются обычай экзогамии и обычай, связанные с наличием у многих племен брачных секций. Экзогамия — это обычай, запрещающий вступать в брак с человеком своего *рода*

или локальной группы. Аборигены, как правило, ищут себе супруга (супругу) за пределами этих коллективов. Сущность брачных секций можно продемонстрировать на примере обычая племен *караждери* и *нюль-нюль* изображенного на схеме:

$$\begin{array}{ccc}
 \text{Панака} & = & \text{Буронг} \\
 \updownarrow & & \updownarrow \\
 \text{Каримба} & = & \text{Палджерри}
 \end{array}$$

Знак в виде двух черточек обозначает брачную связь, а стрелки соединяют секции матери и ребенка. Брачные секции действуют следующим образом: мужчина, если он принадлежит к секции *Панака*, может жениться только на женщине, принадлежащей к секции *Буронг*, а дети этой супружеской четы будут принадлежать к секции *Палджерри*. Мужчина *Палджерри* может жениться только на женщине секции *Каримба*, и их дети будут принадлежать к секции *Панака* и т.д.

Не менее важны для аборигенов и отношения родства, которые не похожи на это явление у европейцев. Если у европейцев родственники и свойственники определяются и описываются *по кровным отношениям*, например «брат отца», «сестра матери», «муж двоюродной сестры» и т.п., то абориген с рождения оказывается в системе *родственных групп (классов)*, каждая из которых имеет для него определенное название, означающее набор его прав и обязанностей по отношению к ее членам. Так, словом «мать» абориген называет не только женщину, что его родила, а целую — порой большую — группу женщин. То же самое характерно и для понятия «отец», «брат», «сестра» и т.п. Проявлять уважение, делиться своей добычей, например, юноша должен не только в отношениях со своим родным отцом, но и всеми мужчинами, которые входят в группу «отцов».

Все названные обычаи и ряд других обеспечивают общественный порядок, регулируют отношения между людьми. Важны они и в отношениях людей с природой. При всем совершенстве охотничьих и собирательских приемов суровая природа Австралии может поставить — например, из-за засухи, наводнения или непредвиденных миграций животных — целые племена под угрозу вымирания. В случае такой катастрофы австралийское племя рассыпается на мелкие группы или семьи и уходит в более благоприятные для жизни места — порой за многие сотни километров, причем не куда глаза глядят, а к своим родственникам, побратимам (родственникам по договору) или свойственникам (родственникам по браку) в другие племена.

Духовная жизнь аборигенов чрезвычайно сложна. Одним из наиболее важных ее аспектов следует считать *тотемизм*. Тотемизм — это вера в особые священные узы родства между группой людей и каким-либо объектом окружающей природы — чаще всего видом животных или растений. У каждой группы аборигенов — будь то локальная группа, брачная секция или род — есть свой тотем, которого члены этой группы считают своим братом, священным символом их единства. В особых местах — *тотемических центрах* — члены тотемной группы периодически совершают магические обряды, цель которых — обеспечить благополучие, плодovitость вида животных или растений, считающегося тотемом, и, тем самым, свое собственное благополучие.

В одном из наиболее известных и хорошо изученных племен Австралии — аранда — такие обряды называются *интичума*. По описанию этнографов XIX в. Б. Спенсера и Ф. Гиллена, он проводился следующим образом: «расчищается небольшая площадка, которую участники окропляют кровью из своих вен. После того, как кровь засохнет, на ней белой глиной, красной и желтой охрой, а также древесным углем, перемешанным с жиром, вычерчивают тотемический символ эму. Мужчины надевают на голову красочный головной убор *тыюринга* и изображают *инниаква* — предков-эму. По окончании обряда рисунок, сделанный на земле, уничтожается». Этот обряд «обеспечивает» размножение страусов эму, но в то же время — и людей, считающих себя одного духа, плоти и крови с эму.

Понятие *тыюринга* (*чуринга*), ставшее общим научным термином в австраловедении, на языке *аранда* обозначает целый класс священных предметов, а также церемоний, мифов, песен и т.п. «Каждый человек у аранда, — пишут известные современные этнологи Рональд и Катарина Берндты, — имеет свою *чурингу*, каменную или деревянную, в которой заключается, по их представлениям, его жизнь. Эти предметы хранят в священных пещерах. Для молодых людей проводят специальный обряд, во время которого они впервые видят принадлежащие им *чуринги*. Старшие говорят молодому человеку, показывая ему его *чуринги*: «Это твой предок, то, чем ты был, когда странствовал по этой земле во время своего предыдущего существования».

С понятием *тыюринга* у аранда связано понятие *альдьеринга*, обозначающее все священное и, в особенности, мифическое пространство-время, которое воспринимается и как давно прошедшее время первотворения всего сущего, и как особое священное измерение современных процессов и явлений (по К. Юнгу и М. Элиаде — «архетипы»), и то, что пребывает вечно. У разных племен эта категория мировоззрения называется по-разному: у унгариньин — *унгуд*, у диери — *мура*, у вурадьери — *марадал*, у яралди — *гулал* и т.д. На европейские языки эти слова переводятся как «период созидания», «время предков», «сновидения», «времена сновидений», «вечный период сновидений».

Отношение к своему тотему отличается особой уважительностью: охота на него и поедание его нередко ограничиваются запретами (*табу*). Тотемы бывают связаны с отдельными людьми (личные тотемы) и даже с полом: у мужчин бывают свои тотемы, а у женщин — свои. Каждому тотему отведено определенное место, где регулярно совершаются посвященные ему обряды.

С этими местами связаны многие важные для аборигенов представления. Так, аборигены убеждены: дети рождаются потому, что мужчины совершают особые магические обряды, побуждающие детские души, обитающие в тотемических центрах, вселяться в тела их жен, отчего те становятся беременными. Впрочем, рождение младенца, по мнению аборигенов, еще не означает появления человека. Полностью стать человеком можно лишь после *обрядов инициации* (посвящения), совершаемых взрослыми мужчинами над 12—15-летними мальчиками. В ходе этих обрядов мальчики подвергаются испытаниям на физическую выносливость. Их знакомят также со священными мифами (сказаниями, преданиями о мире, его происхождении и его героях). Мальчикам дают настоящие мужские имена и делают на их теле специальные знаки посвящения в виде рубцов на коже, подпиленных передних зубов и т.п.

Аборигены не признают неизбежности смерти человека, полагая, что люди умирают только из-за зловредной магии иноплеменных колдунов. Во всяком случае, души умерших, по их мнению, возвращаются туда, откуда пришли — в тотемические центры и могут со временем снова воплотиться в людей. Подобного рода представления, содержащиеся в религиозном сознании, именуются в науке *реинкарнацией*.

Тотемы — основные персонажи австралийских мифов, в которых повествуется о священных временах первотворения всего существующего — окружающей природы, людей, общественных обычаев. Сюжет мифов — это чаще всего странствия тотемических предков, во время которых они волшебным образом создают горы, леса, животных и людей. Маршруты этих странствий хорошо известны каждому аборигену, так как мифологические тропы — это не только воспоминание о давно прошедших временах и событиях, но и современная реальность. Для людей эти тропы важны не только по религиозным соображениям, но также и потому, что в знаниях об этом люди концентрируют многовековой опыт жизни в своей стране. Ученые-этнологи не раз убеждались, что и сами аборигены перемещаются по территории племени, придерживаясь священных маршрутов: именно там они, например, безошибочно находят воду в пустыне. Надо отметить, что аборигены рационально потребляют дары природы, никогда не убивают животных и не собирают диких злаков и плодов больше, чем могут съесть.

2. Аборигены в современном австралийском обществе

Первые полтора века контактов аборигенов с англичанами стали трагической эпохой для многих племен. После 1788 г. — года основания первого в Австралии британского каторжного поселения (в районе нынешнего

Столкновение английских поселенцев в Австралии с аборигенами
в период колонизации континента. Рисунок 1853 г.

г. Сиднея) — аборигены и их культура постоянно испытывали мощное разрушительное воздействие пришельцев. Печально закончилось для тысяч аборигенов стремительное развитие овцеводства с захватом огромных пространств их страны под пастбища (скваттерство), которое началось в 20-х гг. XIX в. Овцы вытесняли австралийских животных с племенных территорий, а попытки аборигенов охотиться на «пушистых кенгуру» (так они называли овец) приводили к жестоким расправам с ними белых поселенцев. Скваттеры устраивали на аборигенов облавы, как на диких зверей, подсыпали яд в источники воды, подбрасывали отравленную пищу.

В итоге численность аборигенов за полтора века сократилась в пять раз (с 300 тыс. до 60 тыс. человек). К середине XX в. они уцелели лишь в пустынных местностях в центре и на западе Австралии, а также на севере, в зоне влажных тропических лесов, где из-за тяжелого климата европейцы жить не могут. В благодатных местах на востоке и юге Австралии (современные штаты Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия, часть Квинсленда) уцелело очень мало аборигенов — в резервациях и в трущобах на окраинах больших городов. На острове Тасмания коренные жители полностью исчезли еще в 70-х гг. XIX в.

Как и во многих колониальных странах, протест аборигенов против физического насилия и разрушения их традиционной культуры первоначально принял мистический характер. В различных районах Австралии возникали *милленаристские культы*, в которых христианские элементы (учение о Страшном суде, о втором пришествии Мессии, тысячелетнем царстве божьей справедливости на Земле и др.) накладывались на традиционные мифологические представления. Таким движением стал *культ курангара*, распространившийся в конце XIX в. среди аборигенов, населяющих пустыню центральной Австралии. В начале XX в. в Квинсленде и на сопредельных территориях возник *культ молонга*, имевший наряду с вышеназванными чертами и ярковыраженную антиевропейскую направленность — в проповедях его пророков присутствует предсказание неизбежного возмездия белым со стороны духа мифологического персонажа по имени Канини. Знаменитыми пророками в 50—60-х гг. XX в. в Западной Австралии были аборигены Томми Дыламанга, Джинимини (т.е. Иисус). Милленаристские движения объединяли аборигенов разных племен, создавали почву для более осмысленной и организованной борьбы аборигенов за свои права и человеческое достоинство.

Положение аборигенов начало улучшаться лишь после Второй мировой войны. Из их числа в 50—60-е гг. XX в. стали выдвигаться общественные деятели — правозащитники, такие, как Дж. Мак-Гинесс, ставший президентом основанного в 1964 г. Федерального Совета прогресса аборигенов и населения островов Торресова пролива, Кэптен Мэджор — руководитель движения за права аборигенов племени *гулинджи*, Декстер Дэниелс — организатор профсоюза аборигенов.

Первым организованным массовым движением протеста представителей разных племен стала многодневная забастовка аборигенов, работавших на овцеводческих станциях, в местности Пилбара (штат Западная Австралия) в 1945 г. В последующие периоды подобных акций протеста состоялось немало. Среди них особенно заметным стало движение *гулинджи* (Северная Территория), которые организовано провели забастовку с требованиями равной с белыми

Современные австралийские аборигены —
учитель и ученица

зарплаты, возврата своей племенной территории. Это событие получило широкую огласку по всей Австралии и поддержку многих общественных организаций. Требования аборигенов были частично удовлетворены.

Движение протеста аборигенов пробудило также долго дремавшую совесть «белой Австралии»: в 1967 г. в результате общенационального референдума аборигены были официально признаны гражданами страны. Это стало первым шагом на пути их наделения гражданскими правами. С тех пор многое изменилось к лучшему: численность аборигенов, благодаря улучшению их материального положения и медицинской помощи, восстановлена, они получили все основные гражданские права, в том числе избирательное право и право собственности на земли, ко-

торые сохранились у них к 70—80-м гг. XX в. В отдельных штатах и на федеральном уровне действуют многочисленные общественные и государственные учреждения, ведающие жилищным обеспечением, трудоустройством, медицинским обслуживанием, образованием и развитием культуры аборигенов.

Правительство Австралийского Союза учло опыт Канады в решении проблемы коренных жителей. В частности, в местности Йиркала (Северная Территория), где транснациональные корпорации ведут разработку бокситовых руд, в 1971 г. была специально создана «Земельная компания аборигенов», в которую вошли представители местного племени. Члены компании получили официальные документы на владение 4 тыс. акров земли и по тысяче акций каждому взрослому мужчине племени. Это мероприятие, правда, не повлекло за собой существенного улучшения положения аборигенов, так как они не обладали необходимыми навыками обращения с ценными бумагами, но сам по себе подобный факт положил начало одному из направлений интеграции аборигенов в господствующую в стране систему отношений.

Постепенно совершенствуется законодательство в отношении аборигенов. Так, в 1977 г. федеральный парламент принял закон, который признал за племенными сообществами право вето и окончательного голоса при решении вопроса о разработке полезных ископаемых на их собственной земле. Некоторые штаты пошли еще дальше. Правительство штата Южная Австралия заключило в 1981 г. первое в истории страны соглашение с аборигенами племени *питджанджара*, по которому за этим племенем признано «право неотчуждаемой собственности» на 1/10 часть территории штата.

В настоящее время у аборигенов появилась, хотя и немногочисленная, но своя интеллигенция, среди которой выделяются люди творческих профессий — художники, поэты, писатели. Мировую известность еще в 30-е гг. XX в. получил

Современная графика австралийских аборигенов
(К. Джилберт. Линогравюра. 1967)

художник из племени аранда Альберт Наматжира, создавший целую школу живописи с центром в городе Германсбург. В 60—70-е гг. XX в. в австралийской литературе появились поэты и писатели из числа аборигенов, первой из которых была Кэт Уокер, выпустившая в 1964 г. сборник стихов «Мы уходим». За ней последовала автобиографическая книга художника Дика Рафси «Луна и радуга»; первый роман аборигенной литературы «Падение дикого кота» был написан Колином Джонсоном в 1965 г.

Аборигенная интеллигенция впервые широко обнародовала точку зрения чернокожего австралийца на свои собственные проблемы и предложила пути их решения. Для этого появились и некоторые возможности — газеты и журналы, издаваемые аборигенами, и возглавляемые ими теле- и радиостанции. Проблем, однако, немало и теперь. Большинство аборигенов уже не знает своих племенных языков и обычаев, а культура, обычаи и нравы белого большинства остались для них чужими. Интеллигенция организовала движение за возрождение древних культурных традиций, базой которых стали так называемые «внешние поселения» и реорганизованные племена, получившие права коллективной собственности на свои земли.

3. Англоавстралийцы

Истоки современной *англоавстралийской нации* принято относить к определенной дате, ежегодно отмечаемой как национальный праздник: 26 января 1788 г. В этот день Первый британский флот в составе 11 кораблей под командованием капитана Артура Филлипа высадил на берег бухты Ботани-Бей первую партию из 736 каторжан, а также 294 человек охраны. Таким образом, первыми белыми австралийцами стали осужденные преступники. Среди предков современных австралийцев обитатели каторги составляли не самую большую долю. Значительно больше первопоселенцев были свободными людьми. Особенно много их прибыло в период «золотой лихорадки», когда за 10 лет (с 1851 по 1861 г.) население английских колоний в Австралии увеличилось с 438 тыс. до 1 млн 168 тыс. человек. Начиная с этого времени естественный прирост (за счет рождения детей в самой Австралии) стал намного превышать долю иммигрантов (прибывших переселенцев) в увеличении численности населения. В составе современного белого населения Австралии абсолютное большинство составляют потомки выходцев с Британских островов. Из них самой крупной группой являются потомки англичан (3/5 всего населения). Вторая по численности группа — потомки ирландцев, составляющие 1/4 всего населения. Потомков шотландцев в Австралии 1/8 всего населения, потомков уэльсцев 1,5%, австралийцев итальянского происхождения — 2%, немецкого — 1%, голландского — чуть менее 1%, греческого — 1,5%. Потомки других народов мира в Австралии представлены совсем небольшими группами.

Наиболее явственно этническое происхождение проявляется в религиозной сфере. Почти все англоавстралийцы принадлежат к различным направлениям христианства. Так, большинство австралийцев английского происхождения числится в приходах англиканской церкви, лица ирландского происхождения — в приходах католической церкви, граждане шотландского происхождения — в приходах пресвитерианской церкви. К этим же приходам часто примыкают представители других народов, чья религия с ними совпадает или имеет общие черты.

На протяжении всего колониального периода (вплоть до начала XX в.) самосознание англоязычных жителей страны определялось двумя обстоятельствами — «британским подданством» и «принадлежностью к одной из австралийских колоний», причем британское подданство обычно во всем преобладало. Общеавстралийское сознание практически еще отсутствовало, так как связи между колониями (Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Южная Австралия, Западная Австралия, Тасмания) оставались слабыми и отягчались противоречиями, доходившими порой до конфликтов — особенно между Новым Южным Уэльсом и Викторией. Однако к концу XIX в. наметилось движение за объединение колоний в единую федерацию, которое и привело к образованию в 1901 г. Австралийского Союза со статусом доминиона (государства в составе Британской империи). С этого времени в австралийском обществе все громче стали раздаваться голоса против господства всего британского и за утверждение самобытных ценностей австралийской культуры.

Стрижка овец. Фото 1915 г.

В среде творческой интеллигенции и общественных деятелей стали по-новому осмысливаться австралийские особенности жизни, которые прежде, с позиций британской элиты, третировались как признаки провинциальности или дурного тона. Теперь же новая австралийская культурная элита в таких типично австралийских фигурах, как овцевод, гуртовщик скота, старатель, лесоруб, стригаль, усматривала особые достоинства — выносливость, дух равноправия, товарищества — и противопоставляла их чванству и снобизму аристократии и чиновничества, британскому духу чинопочитания, угодливости и т.п.

Австралийский буш — заросли, покрывавшие необозримые просторы континента, где протекала деятельность «настоящих австралийцев», — стал восприниматься как символ Австралии. Фольклор «бушменов» стали собирать и публиковать в патриотических изданиях, таких, например, как еженедельник «Буллетин». Герои баллад — гуртовщики, отважно пересекающие со скотом сотни миль безводных пустынь, старатели, в погоне за золотом открывающие неведомые уголки континента, и даже разбойники-«бушрейнджеры», подобные легендарному Неду Келли, представляли выразителями подлинно австралийского характера.

Становление австралийского национального самосознания прошло ряд этапов, каждый из которых так или иначе связан с кризисом во взаимоотношениях между Австралией и Великобританией. Первый серьезный кризис пришелся на «бурные 90-е годы» XIX в. — время, когда массы бедных иммигрантов, прибывших в Австралию с надеждой быстро обустроиться и даже разбогатеть,

Переселенцы в Южной Австралии. Фото начала XX в.

оказались в еще более тяжелом положении, чем в Англии. Британские законы, действовавшие в колониях, не давали им никаких прав, и это породило мощное рабочее движение, среди лозунгов которого видное место занимали требования создания своих австралийских законов. Во многом следствием этого движения стало образование в 1901 г. Австралийского Союза, избрание в 1904 г. первого в мире социал-демократического (лейбористского) правительства и широкое движение, направленное на поиск путей создания «Счастливой Австралии» — страны всеобщего благоденствия, избавленной от пороков «Старой Британии». Эти идеалы нашли наиболее яркое воплощение в молодой австралийской литературе, в творчестве писателей, вышедших из народа: Дж. Ферфи (Т. Коллинза), В. Палмера, К.С. Причард и др.

Следующим кризисом, обострившим проблему австралийской национальной самобытности, стала Первая мировая война, в которой участвовали и австралийские подразделения, потерявшие в ней убитыми 59,3 тыс. и ранеными 152,2 тыс. человек. Эти потери составили 65% к общему числу войск, участвовавших в боях, что даже больше, чем у иных армий стран, находившихся на театре военных действий в Старом Свете. Особое место в австралийской национальной истории занимает трагическая высадка австралийских войск, брошенных британским командованием под пулеметный огонь турок, на побережье Галлиполийского полуострова. Этот день, 25 апреля 1915 г., унесший жизни тысячи австралийских солдат, до сих пор отмечается как день национальной скорби.

Не меньший импульс австралийское национальное сознание получило в годы экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х гг., когда толпы голодающих безработных бродили по стране в поисках случайного заработка. В Австралии

многие полагали, что особенно тяжелые последствия этот кризис имел из-за слишком тесной связи австралийской экономики с британским финансовым и промышленным руководством.

В годы Второй мировой войны австралийцы убедились, что Великобритания, взяв на себя обязательство обеспечить международную политику и военную безопасность Австралии, не в состоянии выполнить эти обязательства: австралийские города подвергались японским бомбардировкам, в Сиднейскую бухту проникали подводные лодки неприятеля, а австралийские солдаты тысячами томились в японском плену.

Унижением австралийского национального сознания стал правительственный кризис 1975 г., когда законно избранное лейбористское правительство Г. Уитлема было отправлено в отставку британским генерал-губернатором.

Такого рода события напоминали австралийцам об их бесправии в составе империи, и всякий раз это возбуждало антибританские настроения, стремление утвердить свое национальное достоинство. Эти настроения нашли свое отражение и в литературе. Исследователь австралийской литературы Ч.М. Кларк отмечает, что в конце XIX — начале XX в. в Австралии сформировалась читающая публика, заинтересованная в «литературе, которая стремилась пролить свет на опыт австралийца и придать смелость, остроту ума и уверенность в себе людям, чьи таланты, образ жизни и достижения принижались как “колониальные”. Ибо национализм, утешая угнетенных, осаживал тех, кто пресмыкался перед всем, исходившим из Англии».

Дж. Ферфи выступил против псевдоевропеизма и «культурного раболепия» некоторых представителей австралийской интеллигенции, стесняющихся своего австралийского происхождения: «Вне сомнения, легче приобрести осанку джентльмена, чем мускулы дровосека; легче слегка поkritиковать оперу, чем распознать животное, случайно увиденное год назад; легче одеться к лицу, чем без теодолита найти кратчайший путь через незнакомую местность, да еще в тумане».

Молодая нация крепла, постепенно приобретая новые права и политические возможности: в 1949 г. стало официально использоваться понятие «австралиец» вместо «британский подданный»; с 1959 г. в официальных переписях появилось определение «австралиец» вместо прежнего «британца»; в 1972 г. введен особый австралийский паспорт; в конце 1970-х гг., несмотря на значительные затраты, в пик своей «матери-Британии» Австралия перешла на метрическую систему, поменяв мили на километры, футы на метры, фунты на килограммы; с 1984 г. в торжественных случаях вместо британского гимна «Боже, храни королеву» исполняется собственный австралийский гимн «Вперед, прекрасная Австралия!» — и, наконец, в 1986 г. королева Елизавета II подписала так называемый «Австралийский акт», предоставляющий Австралии самостоятельность в области законодательной, исполнительной и судебной власти. Впрочем, Австралия остается членом Британского содружества наций и британская королева по-прежнему считается главой австралийского государства. Но это обстоятельство сейчас воспринимается австралийцами спокойно и даже не без

гордости: многолетнее противостояние не вытравило из них сознания принадлежности к британской культуре. За это время австралийцы создали высоко-развитую экономику, достигли одного из самых высоких в мире уровней жизни, их национальная культура обрела собственные традиции, свои достижения, признанные всем миром. Уже нет нужды доказывать, что на пятом континенте живут не англичане второго сорта, а австралийцы.

Это отразилось в творчестве ведущих мастеров искусства, таких, как писатель, лауреат Нобелевской премии Патрик Уайт, который в своих произведениях не без иронии относится к романтически приукрашенным героям австралийской литературы эпохи поисков национальной самобытности. Его романы посвящены общечеловеческим проблемам, их действие разворачивается не только в Австралии, но и в Европе, Америке, их герои — люди разных национальностей.

Радикальный национализм и антибританские настроения в деятельности творцов австралийской национальной культуры ушли на второй план, что является показателем ее зрелости. Но в последние десятилетия в среде австралийской интеллигенции все чаще стали говорить об угрозе ценностям австралийской культуры со стороны американской массовой культуры, мощным потоком идущей из-за океана. Американские фильмы и телепрограммы, журналы массового спроса, пьесы, новинки попмузыки, дизайна, архитектуры заполняют австралийские информационные каналы. Борьбa с этим потоком рыночными средствами австралийские институты духовного производства не имеют никаких шансов, и поэтому правительства штатов и федерации постоянно увеличивают квоты австралийского материала на радио и телевидении, а также дотации национальным студиям. Но процесс американизации австралийской культуры, тем не менее, не ослабевает. Австралийский архитектор Робин Бойд назвал это явление «Австерикой» («Австралия + Америка»), имея в виду слепое копирование американской моды в искусстве, архитектуре, образе жизни.

Начиная с 70-х гг. XX в. в Австралии довольно решительно пересматриваются старые принципы отношения к национальному вопросу. Так, общественное мнение и правящие круги штатов и федерации в целом все больше отходят от курса на планомерную ассимиляцию иммигрантов, который до начала 1960-х гг. был чуть ли не официальной политикой. Современное отношение общественности и властей к этой проблеме определяется понятием «мультикультурализм», суть которого не сводится к признанию права вновь прибывших в Австралию переселенцев на использование своих национальных языков и развитие своих этнических культур, а включает в себя и утверждение этнического многообразия, рассматриваемого как ценный вклад в австралийскую национальную культуру.

Премьер-министр лейбористского правительства Г. Уитлем по этому поводу в официальной речи сказал: «Мы не хотим, чтобы иммигранты чувствовали, что они должны отказаться от своих обычаев и полностью принять порядок, существующий в австралийском обществе. Общество обогащается в результате привнесения в него духовных ценностей иммигрантов».

Некоторым этническим группам, иммигрировавшим в страну в разное время, австралийцы должны быть благодарны за ценные нововведения. Так, немцы еще в XIX в. стали пионерами виноградарства и виноделия, особенно

на территории современного штата Южная Австралия. Здесь по сей день выращиваются лучшие сорта винограда и производятся лучшие из австралийских вин. Именно немцы впервые создали сеть аптек и кондитерских в молодых городах континента, первыми наладили производство сложных музыкальных инструментов (роялей и пианино), а также организовали постоянные музыкальные ансамбли, приобщая австралийцев к классической музыке. Греки во многом способствовали развитию плантаций сахарного тростника в штате Квинсленд и заложили основу массового производства апельсинов на востоке континента.

Теперь каждая сколько-нибудь крупная этническая группа имеет свои культурные центры в крупных городах, издает газеты и журналы, создает учебные заведения, телевизионные и радиопрограммы. Федеральное правительство и правительства штатов нередко поддерживают эту деятельность. Таким образом дело обстоит, конечно же, прежде всего в больших городах, где оседает большинство иммигрантов. И это не удивительно, так как в послевоенный период этническая картина австралийских городов разительно изменилась. Если раньше иммигранты в подавляющем большинстве были англоговорящими, то теперь в Австралии проживают представители 140 различных этнических групп, говорящих на 90 языках (не считая языков аборигенов) и исповедующих 80 религий.

Этнокультурный облик городов Австралии с каждым годом делается все более пестрым. Иммигрантские группы расселяются по ним более или менее равномерно, но можно выявить и некоторые предпочтения. Так, голландцы, греки, итальянцы предпочитают оседать в Мельбурне. По численности греческого населения этот город стоит на третьем месте в мире после Афин и Салоник. Французы, китайцы, ливанцы, филиппинцы селятся преимущественно в Сиднее, а югославы и итальянцы — в Аделаиде.

Хотя и медленно, изменяется отношение общественности к расовому вопросу. Политика «белой Австралии», законодательно принятая еще в 80—90-х гг. XIX в. и направленная на полный запрет въезда в страну представителей «желтой» расы, особенно китайцев, была официально отменена в 70-е гг. XX в. И хотя преимущества при получении разрешений на въезд по-прежнему имеют британцы и выходцы из западноевропейских стран, пятно «расистской страны» Австралия с себя смывает.

За 200 с лишним лет австралийской истории в повседневной, бытовой культуре сложилось немало особенных австралийских черт. Сельское жилище австралийцев, как особый тип, имеет в своей основе традиционное английское. Отличает же его то, что оно сооружается не из кирпича, а из дерева, имеет обширную веранду, отдельно — на некотором расстоянии от дома — расположенную кухню, и наконец, такой неизменный атрибут, как цистерна с водой (а теперь зачастую и бассейн). Все эти особенности определяются природными условиями. Австралийской чертой можно считать и то, что в жилых постройках людей разного имущественного состояния нет столь разительных отличий, какие бывают в Европе. Дух равенства и демократизма, присущий австралийскому характеру, не позволяет богачам демонстрировать свое превосходство излишней пышностью домов: это всеми воспринимается как дурной тон.

Есть в Австралии и свой национальный вид спорта — австралийский футбол, который сложился еще в середине XIX в. на основе древней ирландской

игры в мяч. В нем много отличий от международного футбола, который, как известно, зародился в Англии. Форма игрового поля не прямоугольная, а овальная, мяч напоминает мяч для игры в регби, время игры — 1 час 40 минут — делится не на два тайма, а на четыре, в каждой команде 18 игроков, разрешены силовые приемы.

Есть ярко выраженные австралийские особенности в английском языке, бытующем на пятом континенте. Ученые насчитывают в нем более 5 тыс. слов австралийского происхождения (многие из них происходят из языков аборигенов) или получивших особый австралийский смысл. Англичане порой бывают шокированы, когда австралийцы к ним обращаются, называя словом «мэйт» (англ. *mate* — товарищ, приятель, закадычный друг). В этом понятии заключена очень важная черта национальной психологии — дух товарищества, простота в общении, идея равенства всех людей. Австралийцы не принимают даже слабых интонаций превосходства при общении, иронично относятся даже к невинным проявлениям снобизма и аристократизма. Показательно, что один из известных государственных деятелей, Р. Мэнзис, бывший премьер-министром Австралии в середине XX в., отказывался принять от королевы титул лорда вплоть до ухода на пенсию, так как знал, что это не украсит его в глазах избирателей.

Австралийский вариант английского языка одинаков на всей территории страны, что говорит об интенсивных процессах национальной интеграции, стирающих культурные различия между штатами. Это происходит в основном благодаря динамично развивающейся экономике, заставляющей людей часто менять место жительства, вступать в деловые контакты с представителями других штатов и других этнических групп.

Национальная интеграция не в последнюю очередь есть следствие процессов урбанизации, так как городской образ жизни способствует культурному сближению и укреплению связей между людьми разного этнического происхождения и социального статуса. Австралийцы же сейчас — преимущественно городские жители. Темпы урбанизации Австралии в XX в. были одними из самых высоких в мире. Если в начале этого столетия в городах жило 50% населения страны, то к концу Второй мировой войны — 70%, в начале 1980-х гг. — 86%, а к концу века — более 90%.

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ОКЕАНИИ

Океания — это островной мир, расположенный на обширных просторах Тихого океана в его центральной и юго-западной частях. В ее состав входит до 10 тыс. островов, в основном мелких. Общая площадь суши в Океании — 1266 тыс. км², большую часть которой составляют о-в Новая Гвинея (829 тыс. км²) и о-ва Новая Зеландия (269 тыс. км²). Острова Океании относятся к трем основным типам: 1) отколовшиеся части древних материковых плит (Новая Гвинея, Марианские и часть Каролинских о-вов, о-ва Фиджи, Новые Гебриды, Новая Каледония, Новая Зеландия и др.); 2) вулканические, представляющие собой возвышающиеся над поверхностью океана вершины потухших или действующих вулканов (некоторые крупные острова из групп Уоллис, Хорн, Самоа, Таити, Гавайи, Маркизские и др.); 3) атоллы, образованные коралловыми полипами, поднимающиеся порой лишь на несколько метров над уровнем моря (о-ва Токелау, Маршалловы, Гильберта, Тувалу, Туамоту, большая часть о-вов Кука и др.).

Почти все острова Океании расположены в экваториальной, субэкваториальной и тропической климатических зонах и лишь Новая Зеландия частично в субтропической (Северный о-в) и частично — в умеренной (Южный о-в) зонах.

Историко-культурное районирование Океании в целом совпадает с географическим и представляет собой членение на три области: Меланезию (Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка, о-ва Соломоновы, Санта-Крус, Новые Гебриды, Новая Каледония, Луайоте, Фиджи и другие более мелкие), Микронезию (о-ва Марианские, Каролинские, Маршалловы, Гилберта и два обособленных острова — Ошен и Науру) и Полинезию (о-ва Тонга, Самоа, Таити, Маркизские, Гавайские, Туамоту, Тубуаи, Гамбье, Хорн, Уоллис, Тувалу, Токелау, Феникс, Лайн, Кука, отдельные острова: Питкерн, Пасхи и др.).

1. Антропологические типы, языки и общие черты традиционной культуры Океании

По своему **физическому облику** все коренное население Океании можно разделить на две группы: 1) представителей океанической ветви веддо-австралоидной (иначе — негро-австралоидной) расы, разделяющейся на множество локальных антропологических типов; для этой группы характерны темный цвет кожи, курчавые волосы, относительно широкий нос, альвеолярный прогнатизм; 2) антропологические типы, образовавшиеся в результате смешения в далеком прошлом миграционных потоков, принадлежавших к разным большим расам, главным образом, монголоидной и веддо-австралоидной.

К первой группе относится население Меланезии, в котором специалисты выделяют папуасский, собственно меланезийский, пигмейский, новокаледонский и ряд других антропологических типов. Граница между папуасским и собственно меланезийским антропологическими типами весьма условна. У «типичных» папуасов голова более вытянута к теменной части, нос — более

выдающийся, надбровные дуги — более массивные, чем у других жителей Меланезии.

Пигмейский антропологический тип, для которого характерны малый рост, «детские» особенности строения черепа и др., изредка встречается в Меланезии. Его представители — *тапиро*, *песехем*, *голиаф* и др. — как правило, примитивные охотники и собиратели, обитающие небольшими группами в глухих заболоченных местностях.

Новокаледонский антропологический тип отличается такими признаками, как широковолнистые (а не курчавые) волосы, чрезвычайно развитый третичный волосяной покров у мужчин (борода и усы), что по внешнему облику сближает жителей Новой Каледонии с аборигенами Австралии.

Смешанные антропологические типы с преобладанием монголоидных признаков распространены в Микронезии и Полинезии. Полинезийцы в большинстве своем имеют высокий рост, смуглую кожу, широковолнистые волосы, слабый третичный волосяной покров у мужчин. Микронезийцы по физическому облику неоднородны: на юге, на некоторых из Каролинских о-вов, у них преобладают меланезийские черты, а на востоке (Маршалловы о-ва) — полинезийские.

Языки Океании подразделяются на две основные группы: 1) языки, относящиеся к океанийской ветви аустронезийской лингвистической семьи, — на них говорят собственно меланезийцы, полинезийцы и микронезийцы и 2) папуасские языки, к которым относят языки, не входящие ни в одну из известных языковых семей; на них говорят папуасы Новой Гвинеи и некоторых прилегающих к ней островов.

Папуасские языки (их по одним классификациям около 700, а по другим — более 1000, что составляет 20% всех языков мира), представляют собой уникальный объект изучения для лингвистов. Некоторые из них по своему грамматическому строю и словарному составу могут быть объединены в языковые группы по общности происхождения, но немало и таких, которые либо вообще не позволяют этого сделать, либо могут быть связаны между собой по очень условным признакам. Для классификации папуасских языков ученым пришлось разрабатывать особую систему лингвистических понятий. Так, в систематике австралийского лингвиста С. Вурма введены такие лингвистические понятия, как *фила*, или *филия* (отдаленно родственные языки, имеющие 5—12% совпадений основного словарного фонда), *ствол* (12—28% совпадений), *семья* (более 28% совпадений), *субфила*, *суперствол*, *семья-ствол*, *семья-фила*, *суперствол-субфила* и др., обозначающие различные оттенки близости языков. Самой многочисленной является трансновогвинейская фила, на языках которой говорят 85% всех папуасов. На языках филы сепик-раму говорят 8,5% всех папуасов, а остальные 6,5% — на языках, входящих в 8 фил, а также на других — изолированных — языках. Количество говорящих на одном из папуасских языков, как правило, невелико — оно измеряется несколькими сотнями человек, но есть и языки, являющиеся родными для сотен тысяч человек. К последним относятся языки *энга* и *чимбу* (более 300 тыс. говорящих), *камано* и *дани* (свыше 200 тыс.).

Аустронезийские языки Океании подразделяются некоторыми специалистами на западно- и восточноокеанийскую группы, языки которых обладают признаками генетического родства. Наибольшее количество аустронезийских

языков зафиксировано в Меланезии (более 200). Они принадлежат к обеим группам океанийской ветви. В Микронезии языковая ситуация отражает ее промежуточное положение: на западе региона (о-ва Гуам, Яп) языки местного населения близки филиппинским, а на востоке — полинезийским. Всего в этом регионе не более 15—20 языков. Языки Полинезии (их не более 30) относятся к восточноокеанийской группе и отличаются высоким уровнем близости. Они взаимопонимаемы на всем огромном пространстве Полинезии, в то время как в Микронезии и особенно в Меланезии нередки случаи, когда жители одного и того же острова не понимают языков соседей.

Общие для народов всей Океании черты культуры сложились в результате схождения географической среды и климата (а в ряде случаев — и в результате общего происхождения).

Повсюду в Океании до прихода европейцев господствовал хозяйственно-культурный тип тропического *мотыжного (палочного) земледелия* примерно с одним и тем же по всему региону набором возделываемых сельскохозяйственных культур: тропические клубнеплоды (батат, таро, ямс), кокосовая и саговая пальмы, хлебное дерево и бананы. Обработка земли повсюду осуществлялась типологически одинаковыми орудиями — так называемым *сажальным колом* длиной от 2 до 3 м, которым действовали как заступом при первичном взрыхлении почвы, и лопаткообразными палками поменьше — для ее размельчения, устройства грядок и посадки растений.

Животноводство по всей Океании не получило значительного развития, так как было ограничено очень малым набором одомашненных животных. Это были: свинья (мелкая и малопродуктивная), особый вид нелающей собаки (используемой в пищу) и курица. Роль животноводства в пищевом балансе была невелика вследствие недостатка кормов.

Охота и собирательство нигде в Океании, за исключением некоторых районов Новой Гвинеи и Новой Зеландии, не играли сколько-нибудь существенной роли по вполне понятным причинам — островной мир вообще отличается бедностью фауны, а на большинстве островов из-за высокой плотности населения места для «дикой» природы оставалось очень мало.

Повсеместно остро ощущавшийся недостаток в животных белках восполнялся ловлей морской рыбы, охотой на морских животных (мелких китов, дюгоней, дельфинов, черепах), сбором моллюсков. Приемы рыбной ловли и рыболовные снасти по всей Океании имели много общего — сети, верши и удочки для прибрежного лова, гарпуны, массивные крючки для ловли крупной рыбы в открытом море.

Материальная культура океанийских народов в доколониальный период также имела много общих черт — ни один народ в регионе не знал металла, все орудия труда изготавливались из камня (кремня, обсидиана, песчаника), морских раковин, дерева, костей и зубов животных, черепаховых панцирей и растительных волокон. Гончарство было известно лишь на некоторых островах Меланезии (на Новой Гвинее, Фиджи) и на западе Микронезии (о-в Палау), наиболее распространенными материалами для изготовления посуды служили дерево, скорлупа кокосового ореха, бамбук и морские раковины. Впрочем, как свидетельствуют данные археологии, в далеком прошлом (на рубеже новой эры) гончарство все-таки было распространено гораздо шире и остатки гончарной

посуды встречаются при раскопках даже там, где местные жители в более поздние эпохи не были знакомы с этим явлением (вся Полинезия, большая часть Микронезии и Меланезии). Утрата гончарного искусства на большинстве архипелагов Океании, возможно, объясняется тем, что необходимая для него глина есть далеко не на всех островах.

Ткачество в Океании известно только на островах крайнего запада Микронезии, испытавших индонезийское влияние, и в Новой Зеландии. И это не удивительно — на островах тропической зоны нет особой нужды в одежде для защиты от холода, а кое-где ее вообще не носят. Тем не менее для ритуальных целей и для обозначения высокого социального ранга повсюду в Океании изготавливают те или иные виды одеяния — *набедренные повязки* и *передники*, плетеные из растительных волокон; для этого используют перья и даже целые шкурки птиц, раковины и циновки. Наиболее примечательным элементом океанийской культуры является *тапа* — нетканый материал, изготавливаемый из тщательно расплющенного («отбитого») луба некоторых видов деревьев. Полоски этого материала склеивают либо сшивают, покрывают орнаментом и используют чаще всего как накидки для торжественных случаев. Недостаток тапы в том, что ее нельзя стирать.

Жилище народов Океании хотя и имеет множество локальных вариантов, обладает рядом общих черт. Они определяются в целом одинаковыми для всех трех субрегионов климатическими условиями, примерно одним и тем же набором строительных материалов и сходным образом жизни оседлых земледельцев. В подавляющем большинстве океанийские постройки — это легкие наземные сооружения на столбах с высокой двускатной («седлообразной») крышей.

Кратко описанный выше общеокеанийский комплекс элементов хозяйства и материальной культуры так или иначе присутствует в традиционном образе жизни народов Меланезии, Микронезии и Полинезии, но на отдельных островах существуют его локальные особенности, обусловленные природной средой. Так, единый для всей Океании хозяйственно-культурный тип на больших и малозаселенных островах (Новая Гвинея, Новая Зеландия и др.) основывается на подсечной системе земледелия, при которой периодически вырубается и выжигается лес, что обеспечивает значительное повышение плодородия почвы. А на малых островах с высокой плотностью населения необходимых для этого массивов леса нет и плодородие почвы поддерживается искусственным орошением и применением удобрений. На коралловых атоллах почву вообще порой приходится создавать искусственно, устраивая компостные «ванны», заполняемые отбросами или водорослями и т.п.

Природные условия островов разного типа диктуют и соотношение разных отраслей хозяйства: на коралловых атоллах преобладает рыболовство, а земледелие по необходимости выступает лишь в качестве подсобной деятельности. Недостающие продукты земледелия жители некоторых островов получают в обмен на рыбу. Состав сельскохозяйственных культур также варьирует в зависимости от природных условий. Там где почвы болотисты, преобладает влаголюбивое таро, а на сухих почвах — ямс. На возвышенных местах (нагорье Новой Гвинеи) и в зонах с субтропическим и умеренным климатом (Новая

Зеландия) ямс и таро, как и другие тропические культуры, практически отсутствуют, и в качестве основного «хлебного» растения выступает батат.

Так же обстоит дело и с жилищем — дома общеокеанийского типа в ряде мест имеют принципиальные особенности. У *манус* о-вов Адмиралтейства из-за нехватки земли постройки возводят на сваях, вбитых в морское дно у побережья, а у *маори* Новой Зеландии дома строят из массивных бревен, так как зимы здесь прохладные. По этой же причине одежда у маори играет гораздо большую роль, чем у прочих океанийцев — они владеют приемами примитивного ткачества и изготавливают плащи из волокон растения, образно именуемого европейцами «новозеландским льном».

2. Происхождение коренного населения Океании

Проблема происхождения коренного населения Океании лишь во второй половине XX в. перешла из сферы умозрительных предположений в область комплексной научной разработки, основанной на сборе и системной обработке эмпирических данных этнологами, лингвистами, археологами и палеоантропологами. Современный уровень научного анализа этой проблемы позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что наиболее древним населением региона явились предки народов, говорящих на папуасских языках. Палеопапуасы не менее 30 тыс. (а по некоторым данным даже 40—50 тыс.) лет назад переселились с территории Юго-Восточной Азии. В тот период Новая Гвинея и прилегающие острова составляли единое целое с Австралией (древний материк Сахул) и отделялись от Азии гораздо более узкими проливами.

Протопапуасских миграционных волн было несколько. Одна из последних и, очевидно, наиболее массовая, имела место около 10 тыс. лет тому назад. Протопапуасы постепенно заселили почти все острова Меланезии, о чем говорит наличие небольших папуасоязычных групп, живущих по сей день во внутренних районах архипелага Бисмарка, Соломоновых о-вов, о-вов Санта-Крус.

Гораздо позже появились в Меланезии первые носители аустронезийских языков. Судя по данным археологии и *глоттохронологии* (статистического изучения архаических слоев лексики), они пришли из Юго-Восточной Азии на Новую Гвинею около 5 тыс. лет тому назад, и на северо-востоке этого острова, а также на северных островах архипелага Бисмарка сложилась *протоокеанийская языковая общность*. По антропологическому облику пришельцы принадлежали к южным монголоидам, а по уровню социально-экономического развития они, скорее всего, превосходили папуасов. После распада протоокеанийской общности носители аустронезийских языков широко расселились по островам Меланезии. В большинстве своем они смешались с темнокожими группами более ранних пришельцев, передав им свой язык. Так сформировались многие меланезийские народы.

Какая-то часть этого миграционного потока избежала значительного физического смешения с папуасами и обосновалась в центральной части Новых Гебрид, положив начало так называемой «восточноокеанийской» языковой общности. Примерно 3—4 тыс. лет назад и эта общность распалась, расселившись по островам Меланезии. Некоторые группы «восточноокеанийцев» проникли на восток Микронезии, положив начало формированию этнических

общностей Маршалловых и восточной части Каролинских о-вов. Население Марианских и западной части Каролинских о-вов, скорее всего, ведет свое происхождение от переселенцев II тыс. до н.э. из района нынешних Индонезии и Филиппин.

В современной науке происхождение полинезийцев трактуется следующим образом. Какая-то — вероятно, небольшая — группа пришельцев из Азии не смешалась с местным населением и обосновалась в середине II тыс. до н.э. на о-вах Тонга и Самоа, где и формировались в течение длительного времени (не менее I тыс. лет) основные черты полинезийской культуры. С рубежа новой эры с тонганско-самоанского плацдарма полинезийцы начали стремительное освоение гигантских пространств «полинезийского треугольника» (Гавайские о-ва, о-в Пасхи и Новая Зеландия).

3. Народы Меланезии

Меланезию в этнологической науке издавна принято выделять в особый субрегион Океании — на основании главным образом расового критерия: ее название — по-древнегречески «черные острова» — указывает на темный цвет кожи обитателей. Но необходимо отметить, что эта обширная страна весьма неоднородна в этнокультурном и лингвистическом плане. В ней выделяют Папуасию — регионы, населенные группами, говорящими на папуасских языках (большая часть Новой Гвинеи, внутренние области некоторых островов архипелага Бисмарка, Соломоновых о-вов и отдельные о-ва Санта-Крус); собственно Меланезию — зоны расселения народов, говорящих на аустронезийских языках (почти все острова субрегиона), и Мелано-Полинезию — главным образом архипелаг Фиджи, языки и культура населения которого близки полинезийским.

Этнографический материал, собранный в Меланезии за два века, имеет особое значение для исторической науки, так как в сферу влияния классовых обществ эта страна попала одной из последних (в конце XIX в.) и в ней до сих пор сохранились районы, почти не затронутые этим влиянием. Многие народы были «открыты» именно профессиональными этнологами (один из самых ярких примеров — русский ученый Н.Н. Миклухо-Маклай). Все это позволяет рассматривать черты общественной организации и духовной культуры народов Меланезии как «экспериментально чистые» свидетельства о доклассовом состоянии общества.

Одним из наиболее важных разделов этнологии Меланезии является типология общинно-родовых структур. Везде в Меланезии преобладает отцовский род; род с материнским счетом родства и происхождения встречается нечасто и, как правило, в более развитых в социально-экономическом отношении обществах. Родственно-генеалогический и общинно-территориальный принципы в общественной организации папуасов и меланезийцев прослеживаются в нескольких типологических вариантах, которые, по мнению ряда ученых, могут дать представление о логике эволюционного (исторического) развития этого института.

К наиболее раннему, *дородовому типу* можно отнести пигмейские группы собирателей дикого саго, обитающие в некоторых местностях Новой Гвинеи. Их общественная организация представлена так называемой кровнородственной общиной — небольшой (около 15—20 человек) группой, ведущей подвижную жизнь во влажном тропическом лесу, внутренние связи которой определяются простым родством (родители, дети) и супружескими отношениями.

Более сложной структурой обладает *родовая община*, зафиксированная этнографами у большинства папуасов и у части северных меланезийцев. Ядром такой общины выступает группа мужчин, принадлежащих к одному роду. Как правило, эта группа живет в особом «мужском» доме, она выступает носителем власти и социального контроля, а также выполняет все общественно значимые религиозно-магические обряды. Женщинам доступ в это сообщество категорически закрыт. Особую группу родовой общины составляют сестры и дочери мужчин: они принадлежат к одному с ними роду, но, согласно закону экзогамии, должны рано или поздно — по выходе замуж — покинуть свою общину и поселиться в селении своих мужей. Третью категорию населения родовой общины составляют жены ее мужчин, пришедшие из других родов и живущие со своими детьми в семейных хижинах.

Для общин этого типа характерны: 1) немногочисленность — их численность не превышает 300 человек; 2) очень сильная изоляция от внешнего мира, проявляющаяся в том, что родовая община часто выступает и этнической общностью, обладающей своим языком, особыми чертами культуры и сознанием своей исключительности («мы — люди, остальные — не вполне люди или вообще не люди»), а также в редкости контактов и сложности ее отношений с другими общинами (эти отношения окрашены недоверием, а то и враждебностью и нередко напоминают состояние перманентной войны); 3) коллективный труд мужчин всей общины по вырубке и выжиганию участков леса — в качестве основы хозяйственной деятельности; 4) резкое обособление мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни — вплоть до бытования в ряде мест отдельных «мужских» и «женских» языков.

Тип общины, распространенный преимущественно у народов Меланезии, говорящих на аустронезийских языках, получил в этнологии название «*гетерогенной*» (неоднородной по составу, многородовой) или *соседско-большой*

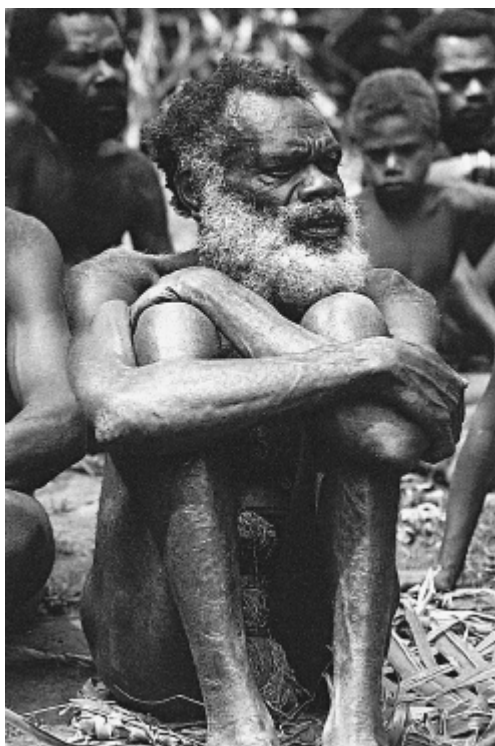

Папуас-птицелов. Новая Гвинея

шесемейной. Этот тип характерен для обществ с гораздо более высоким уровнем социальной интеграции, чем у папуасов. Общество состоит из нескольких дислокальных (размещенных в нескольких селениях) родов, подразделения (субкланы) которых представлены почти во всех селениях народа. Таким образом, относительно большое количество людей, населяющих значительные территории, оказывается связанным родовыми узами. Для обществ с многородовой общиной характерен институт наследственных вождей, совмещающих функции жрецов и правителей, а в некоторых местностях выступающих и объектами религиозного почитания.

В типологии **традиционных институтов власти** в Меланезии, выражающей в какой-то степени логику их эволюционного развития, можно выделить два крайних варианта: 1) коллективную власть мужчин, объединенных в мужских домах папуасов, дополняемую влиянием некоторых авторитетных людей — «бигменов»; и 2) власть наследственных вождей, которая на юго-востоке региона имеет характер ранней государственности. На о-вах Фиджи под влиянием соседних полинезийских обществ к началу XIX в. сложилось *королевство Мбау*, обладавшее сословно-кастовой структурой и централизованным управлением с «королем» во главе.

Наряду с этими вариантами этнологам известны многочисленные переходные формы, среди которых существовали так называемые *тайные мужские союзы*: *Дук-дук* и *Ингиет* — на островах архипелага Бисмарка, *Сукве* и *Тамате* — на о-вах Банкс, *Маки* и *Сукве* — на Новых Гебридах. Тайные мужские союзы зафиксированы в таких обществах, где институт вождей еще не оформился и не играл решающей роли в общественном управлении. Появление тайных мужских корпораций означало первый шаг на пути отделения власти от народа, ибо лидеры тайных союзов обладали возможностью принимать и проводить в жизнь решения, не согласованные с общественным мнением и нормами обычая.

Старик с южных островов группы Вануату.
Меланезия

Характерной чертой традиционной культуры Меланезии является значительное развитие обмена и наличие так называемых примитивных денег во многих ее районах. Обмен в большинстве случаев был вызван жизненной необходимостью, так как группы, живущие во внутренней части больших островов, остро нуждались в морских продуктах (соли, раковинах, рыбе

и т.п.), а жители побережья и особенно небольших островов — в материале для изготовления каменных орудий, древесине и гончарных изделиях.

Существовали и специальные торговые системы, подобные той, какую создали меланезийцы *моту*, живущие на побережье залива Папуа в Новой Гвинее. Их регулярные торговые экспедиции (*хири моту*) на больших парусных судах обслуживали население значительной территории побережья Новой Гвинеи и близлежащих островов, обеспечивая его необходимыми товарами.

Известны в Меланезии и такие виды обмена, которые не имеют видимых признаков экономических отношений. Широко известен, благодаря исследованиям Б. Малиновского, ритуальный обмен *кула*, который заключался в том, что по значительной территории островной области Массим к юго-востоку от Новой Гвинеи циркулировали два вида раковинных изделий: по часовой стрелке — ожерелья (*соулава*), а против часовой стрелки — браслеты (*мвали*). Смысл такого обмена заключается, прежде всего, в исполнении ритуала, участие в котором считалось престижным.

Вообще обмен в Меланезии часто имел (и имеет) характер так называемой «престижной экономики» с ее законом, выраженным формулой: «давать — брать — возвращать». Каждый из элементов этой формулы был обязателен для участников, а выигрывал в таком обмене тот, кто давал больше: в результате обмена он получал особый сакральный престиж. Престиж, ассоциируемый у островитян со сверхъестественной безличной силой *мана*, играл очень важную роль в функционировании власти и социальном регулировании, с ним, в частности, было связано положение «бигменов» и вождей.

В контексте отношений престижной экономики и властных структур можно понять смысл «примитивных денег». На разных архипелагах ими служили: раковинные ожерелья, браслеты, кабаньи клыки, собачьи зубы, особые разновидности циновок, перья некоторых видов птиц и т.п. Деньгами в строгом смысле слова в доколониальный период эти предметы нигде не являлись, ибо не были всеобщим эквивалентом — обычных вещей на них купить было нельзя. Они имели целевое назначение — плата за невесту, выплата дани, но чаще всего предназначались для ритуального раздаривания.

Лодка, предназначенная для ритуального обмена кула. Тробрианские о-ва, Меланезия.
Фото начала XX в. По Б. Малиновскому

4. Меланезийцы в условиях контакта с европейской цивилизацией. Этнокультурные процессы Новейшего времени

Острова Меланезии, хотя и были первыми в Океании, ставшими известными европейцам (в 1511 г. португальцы натолкнулись на ряд ее северных островов), в большинстве своем попали в колониальную зависимость последними. Лишь в конце XIX — начале XX в. Меланезия была поделена между ведущими колониальными державами — Голландией, Англией и Францией (присутствие в регионе Германии было кратковременным).

Европейцы нигде в Меланезии в большом количестве не селились (из-за неблагоприятных климатических условий), а экономическим освоением была затронута лишь незначительная часть ее территории. Многие группы меланезийцев и папуасов в колониальный период вообще оказались за пределами прямых контактов с пришельцами. Тем не менее присутствие европейцев в регионе оказало сильное влияние на культуру и общественную жизнь большинства островитян. Это влияние и реакция на него наиболее ярко проявилось в многочисленных религиозно-мистических движениях, получивших в науке название *милленаристских*, *нэитивистских*, *аккультурационных* и т.п. Милленаристских движений в Меланезии с конца XIX в. по настоящее время зарегистрировано несколько сот. Из них наиболее известны движения *Тука* на о-вах Фиджи, *Таро* и *Безумие Ваилалы* — на Новой Гвинее, *Мансрен* — на Новых Гебридах, *Марчингерул* и *Малнетко* — на Соломоновых о-вах.

Общим для этих движений было: 1) появление пророков, которые проповедуют идеи *эсхатологии* (о близком конце света) и о наступлении тысячелетнего царства Божьего на земле (*милленаризм*), в котором окажутся только праведники, соблюдающие предписания пророков; 2) демонстративный отказ от всех европейских вещей и от контактов с европейцами (*нэитивизм*); 3) такой же отказ от традиционных обычаев; 4) массовые психозы, заканчивавшиеся порой коллективными самоубийствами или уничтожением всех запасов продовольствия; 5) религиозный синкретизм — смешение традиционных верований с отдельными положениями христианства.

Все эти движения в Меланезии обладали общей специфической чертой, из-за которой их собирательно именуют *карго-культами*. «Карго» (англ. *cargo* — груз морского судна) — это понятие, которое встречается в идеологии большинства движений, означает материальные блага, якобы посланные туземцам Богом, но незаконно присвоенные белыми. В час Страшного суда Всевышний их передаст черным праведникам.

Исследования карго-культа, проведенные за последние сто лет, позволяют выявить историческую динамику их развития. Они всегда начинаются внезапно, а после репрессий колониальной администрации быстро утихают, с тем чтобы через какое-то время вспыхнуть снова, но уже в несколько измененном виде. Со временем карго-культы от чисто мистических и иррациональных форм протеста (в конце XIX — 30-х гг. XX в.) переходят к более организованным и осмысленным формам — в виде кооперативных движений (1940—1960-е гг.) и от последних — к политическим формам борьбы (1960—1980-е гг.). Многие ныне действующие в регионе политические партии, включая самую влиятельную

в Папуа — Новой Гвинеее партию Пангу-пати, берут свое начало в карго-культурах и до сих пор сохраняют на низовом уровне ритуальные элементы.

В этнокультурном плане карго-культы, наряду с деструктивными элементами и свойствами, имеют и позитивные. Их социальной базой с самого начала были представители не одной, а многих этноязыковых общностей. В итоге в рамках этих движений происходил процесс этнокультурной интеграции, ломались этнические границы и закладывались основы качественно и количественно новых этнических общностей. Идеология карго-культизма, постепенно трансформируясь, дала начало различным туземным христианским церковным организациям, которые существенно влияли на преодоление общинных и племенных рамок этнического сознания.

В настоящее время большая часть островов Меланезии входит в состав новых государств, получивших независимость в 60—80-е гг. XX в. (Фиджи в 1970 г., Папуа — Новая Гвинея в 1975 г., Соломоновы о-ва в 1978 г., Вануату в 1980 г.). Западная часть о-ва Новая Гвинея (Ириан-Джайя, в прошлом Западный Ириан) входит в состав Индонезии, а о-в Новая Каледония с прилегающими островами является «заморской территорией» Франции.

Относительно высокий уровень этнической интеграции характерен, пожалуй, лишь для *фиджийцев* и *канака* Новой Каледонии. Население же прочих государств до сих пор остается чрезвычайно пестрым в этнокультурном и языковом отношении, что составляет большую проблему для их правительств.

Особенно остро эта проблема стоит в Папуа — Новой Гвинеее, населенной сотнями народов. Современная языковая политика в этом государстве по необходимости строится с учетом следующих языковых явлений (помимо языков в узком значении этого слова): 1) *ближайших языков* — языков межплеменного общения, возникших на основе генетического родства и длительного общения (пример — папуасский язык *камано*); 2) *зональных языков* — языков-посредников (*lingua franca*), возникших в прошлом в связи с потребностями общения в торговых операциях; ими чаще всего выступают аустронезийские языки, такие, как так называемый *островной киваи*, *добе* и др.; 3) *общих языков*, получивших развитие еще в колониальный период в целях административного управления (так называемый *полицейский моту* и меланезийский *пиджин*, именуемый сейчас *неомеланезийским*, или *ток-писин*; последний стихийно возник на основе синтеза английских слов — от 75 до 80% словарного состава — и меланезийской грамматики); 4) английского языка, имеющего узкую сферу распространения в области среднего профессионального и высшего образования, в среде политической элиты, а также в некоторых периодических изданиях правительства и в художественной литературе.

Еще относительно недавно пиджин третировался лингвистами и официальными властями как жаргон, с распространением которого надо было бороться, но со временем он доказал способность к развитию и обогащению. В настоящее время неомеланезийский язык стал официальным языком парламента Папуа — Новой Гвинеее, на нем издается разнообразная литература, а правящая партия Пангу-пати взяла курс на создание на его основе национального новогвинейского языка.

Сходным образом решаются этноязыковые проблемы в других странах Меланезии, где так называемые *креольские языки*, сложившиеся на базе английского

и французского, имеют тенденцию к развитию и распространению, что не противоречит все более широкому использованию языков бывших метрополий расширяющимся кругом местных образованных людей.

Формирование национального самосознания в молодых независимых государствах Меланезии напрямую связано со становлением национальных литератур, первые произведения которых стали появляться с конца 1960-х гг. Центрами литературной жизни Меланезии стали университет Папуа — Новой Гвинеи в Порт-Морсби и Южнотихоокеанский университет в Суве (Фиджи). Преподаватели, выпускники и студенты этих университетов стали авторами произведений, в которых ставятся наиболее острые проблемы молодых наций: деколонизация, формирование национальных языков, поиск оптимальной модели соотношения *племенных, общинных и национальных культур*. Наиболее известны произведения папуасского писателя Винсента Эри «Крокодил» (1970), поэта и политического деятеля с Тробрианских о-вов Джона Касаипваловы «Медлящее пламя» (1971), поэта фиджийца Сатендры Нандана «Деревенские лица» (1975) и др.

Крупные иммигрантские группы для Меланезии в целом не типичны, но и здесь еще в колониальный период на некоторых архипелагах сложилась ситуация этнического сосуществования и взаимодействия аборигенных народов с пришлыми группами. Это касается главным образом о-вов Фиджи и Новой Каледонии. На Фиджи после британской аннексии было организовано плантационное выращивание сахарного тростника и, так как меланезийцы упорно отказывались от роли батраков, с 70-х гг. XIX в. сюда стали доставляться контрактные рабочие из Индии. Благодаря более высокому естественному приросту индийцы к 1970-м гг. стали численно преобладать над местным меланезийским населением, их доля продолжает расти и по сей день.

Новая Каледония после захвата Францией довольно быстро превратилась в место каторги и ссылки, в результате чего здесь сформировалась особая группа франконовокаледонцев, которые вместе с французами, временно живущими на архипелаге, составляет около 1/3 населения.

5. Народы Микронезии

В состав Микронезии входит более полутора тысяч островов, из которых обитаемы около 80. Численность населения — около 200 тыс. человек, принадлежащих к полутора десяткам народов. В этнокультурном плане страна неоднородна — этнологи выделяют в ней две области: Западную Микронезию (о-ва Марианские, Яп, Палау) и Восточную Микронезию (о-ва Маршалловы и Гильберта), а культура Каролинских о-вов представляет собой промежуточный вариант.

Принадлежность большинства языков населения Западной Микронезии к западноаустронезийской ветви сближает ее с народами Юго-Восточной Азии. В культуре этой области есть уникальные для Океании элементы, так или иначе связанные с народами Индонезии и Филиппин (культура риса на Марианских о-вах, гончарство, ткачество и стрелометательная трубка на о-вах Яп и Палау и др.). Восточная Микронезия по языку и культуре близка к Полинезии.

Общественная организация народов Микронезии имеет ряд типичных черт. К ним относится наличие рода, в котором в большинстве случаев используется материнский счет родства (происхождения). На о-вах Палау основой общественной жизни был матрилинейный род *бла́й*, во главе которого стоял старейшина — *обокуль* или *рупак*. Им чаще всего был мужчина, но известны случаи, когда род возглавляли женщины. Особое место в блае занимала старейшая из женщин — *большая женщина*, игравшая ведущую роль во многих обрядах культа женщин-предков, в регулировании поземельных отношений. Как правило, несколько блаев объединялись в территориальную общину *пелу*, причем роды были неравноправны, некоторые из них считались привилегированными, «благородными».

В Восточной Микронезии значение рода в общественной жизни было не столь существенно, как в Западной. Так, на о-вах Гильберта насчитывается 27 родов, представители каждого из которых рассеяны по всему архипелагу. Родовые связи здесь очень сильны. Исследователи зафиксировали на о-ве Трук 40 материнских родов *ейнанг*, представленных своими локальными подразделениями (субкланами) в селениях острова. Матрилинейные роды известны и на Маршалловых о-вах. Почти везде в Микронезии женщины и мужчины занимают равноправное положение.

Особенность традиционной социальной структуры народов Микронезии состоит в сочетании архаичных родовых элементов с *сословно-кастовыми образованиями* и развитым институтом вождей. По историческим источникам, на Марианских о-вах коренное население *чаморро* издавна разделено на три сословия: *матуа* — высший слой; *ачаот* — средний и *мангатчанг* — низший. Вожди выдвигались только из двух высших сословий, а низшее занималось (занимается) наименее престижными видами деятельности. Брачные связи между сословиями запрещены.

Подобная картина существовала и на о-ве Яп, где вожди-*пилуны* до сих пор сохраняют свой традиционный авторитет. На Маршалловых о-вах элиту общества составляют представители двух матрилинейных родов: *Идьирик* и *Еродья*. Здесь «королевский» ранг наследуется детьми сестер правящего вождя. Верхушка общества разделена на три касты: 1) *ирои* — «король» и другие члены рода Идьирик; 2) *бвирак* — потомки мужчин Идьирик и женщин Еродья, младшие вожди; 3) *леатокток* — богатые и влиятельные люди, не принадлежащие ни к одному из благородных родов. Простолюдины составляли подчиненное, бесправное сословие *кайур*.

Характерной чертой общественной жизни многих народов Микронезии являются мужские союзы. На Марианских о-вах такие союзы — *ултао* — состояли из неженатой молодежи, которая жила в особых *мужских домах*. Хорошо изучены мужские союзы на о-вах Палау и Яп. На Палау они назывались *кальдебекель* и играли очень важную роль. В общине существовало несколько кальдебекелей, каждый из которых объединял мужчин определенной возрастной категории. Вступление в союз было сопряжено с обрядами инициации и крупным денежным взносом. Младшие союзы занимались общественными работами, составляли основу ополчения воинов, а старшие обладали значительными властными полномочиями: без их санкции вожди не могли принимать важных решений. Мужчины обычно жили в мужских домах, редко посещая жилища своих семей.

На Маршалловых о-вах мужские сообщества концентрировались вокруг домов общинных собраний, но их роль была менее значительной, чем на западе, так как власть здесь прочно соединялась с определенными сословиями — кастами.

В Микронезии, особенно на ее западе, известны и женские союзы, которые в большинстве своем не обладали особыми помещениями. Их роль сводилась главным образом к совершению специальных женских обрядов.

Примечательной особенностью традиционной культуры народов Микронезии является значительное развитие *дарообменных отношений*, средством которых были «примитивные деньги» в виде раковин, кружков из черепахового панциря, циновок. Поражают воображение «каменные деньги» о-ва Яп, представляющие собой диски разного диаметра с отверстием в центре. До сих пор во многих селениях острова можно увидеть гигантские (до 3 м и более в диаметре) каменные диски. Более всего ценились «деньги», изготовленные на о-ве Гуам и привезенные оттуда за 700 км. В прошлом такими деньгами обладали не частные лица, а большие родственные группы, мужские союзы и общины. Обладание ими повышало престиж этих коллективов. В колониальный период подобные «деньги» стали «конвертироваться» в иностранную валюту и служить универсальным платежным средством. Так, диск диаметром в 1 фут в середине XX в. приравнивался к 75 дол. США, а диск до 2 м стоил несколько тысяч дол.

6. Народы Микронезии в условиях экспансии колониальных держав

Марианские о-ва открыты еще Ф. Магелланом в начале XVI в. Коренное население этих островов — *чаморро*, насчитывавшее в то время около 100 тыс. человек, оказало яростное сопротивление испанцам и к концу XVIII в. подверглось почти полному уничтожению. Современные чаморро — это результат многовековой метисации и аккультурации древних жителей архипелага с испанцами, филиппинцами, японцами и даже индейцами из испанских владений в Америке.

Остальные острова Микронезии вплоть до конца XIX в. избежали сколько-нибудь значительного этнокультурного воздействия извне. Каролинские и Маршалловы о-ва номинально находились под юрисдикцией Испании. В 1885 г. Маршалловы острова были аннексированы Германией, в 1886 г. острова Гильберта попали под власть Англии. После испано-американской войны 1898 г. США захватили самый крупный из Марианских о-вов — Гуам, превратив его в военно-морскую базу, а остальные острова Марианского архипелага, а также Палау и Каролинские о-ва Испания продала Германии.

После Первой мировой войны по условиям Версальского мирного договора германское владычество в Микронезии сменилось японским, оформленным в виде опеки по мандату Лиги наций. Очередной этап сложной колониальной истории Микронезии наступил после Второй мировой войны: США получили права опеки населения региона от имени ООН. Этот этап фактически продолжается по сей день, хотя ряд архипелагов юридически получили статус суверенных государств — в 1968 г. независимость обрел о-в Науру, в 1980 г. возникло государство Вануату (Новые Гебриды с рядом соседних архипелагов),

в 1987 г. образованы государства Федеративные штаты Микронезии (часть Каролинских о-вов) и Маршалловы острова. Северные Марианы остаются территорией с ограниченным суверенитетом, находящейся в особых отношениях с США.

В колониальный период традиционная культура народов Микронезии подверглась значительной трансформации. Немецкие колониальные власти запретили на ряде архипелагов мужские и женские союзы; общинное владение землей и система взаимопомощи были ликвидированы, что подорвало положение вождей и старейшин. Последние превратились в малооплачиваемых представителей низового звена колониальной администрации. Принудительно вводились коммерческие плантационные культуры, осуществлялась также принудительная вербовка рабочей силы для добычи фосфатов на о-ве Ангаур (Палау).

Японцы осуществляли экономическое освоение Микронезии еще более жесткими мерами. Они организовали массовое переселение законтрактованных островитян с одних островов на другие, туда, где устраивались очень крупные плантации сахарного тростника и других культур. В Микронезию переселилось значительное число японцев: ко времени Второй мировой войны их стало вдвое больше, чем аборигенов (100 тыс. против 40 тыс. человек).

Вторая мировая война, в ходе которой Микронезия превратилась в место ожесточенных боев, принесла ее народам новые испытания — принудительный труд на строительстве военных объектов, массовые переселения, голод и гибель большого числа людей. С началом американского управления добавились новые напасти: Микронезия стала зоной ядерных испытаний, ряд островов (Бикини, Эниветок и др.) был отчужден для устройства военных баз и полигонов.

Последствия колониальной истории были неутешительными для микронезийцев. Разрушилась традиционная социальная структура. Существовавшие в доколониальный период этнические общности многократно перемешивались, что подвергало эрозии этническое сознание. Становлению национального сознания препятствовало и то, что на протяжении жизни одного-двух поколений языками образования выступали поочередно то испанский, то немецкий, то японский, то английский языки. Вследствие этого формирование национальной интеллигенции в Микронезии значительно отставало от других стран Океании.

Традиционная культура микронезийцев, тем не менее, не исчезла. На отдельных архипелагах периодически возникали движения протеста, носившие первоначально религиозно-мистический характер. Так, на о-вах Палау в период господства японцев вожди возглавили движение *модекнгей* («объединение») за возрождение традиционной культуры, к которому присоединилось большинство островитян. Это движение со временем приобрело характер политической организации, ставящей своей целью борьбу за национальные интересы жителей архипелага.

Подобные организации возникали на многих архипелагах Микронезии. Они заставили считаться с собой американскую администрацию, результатом чего стало хотя и медленное, но необратимое движение в сторону обретения национальной идентичности и государственной независимости.

7. Народы Полинезии

Полинезия (от древнегреческого «много островов») — это тысячи островов, расположенных в пределах так называемого «полинезийского треугольника», вершинами которого являются Гавайские острова на севере, большой двойной остров Новая Зеландия — на юго-западе и о-в Пасхи — на юго-востоке.

Кроме упомянутых островов в состав Полинезии входят: архипелаги Тонга, Самоа, Таити, Маркизские, Кука, Туамоту, Тубуаи, Лайн, Гамбье и др. Расстояния между архипелагами измеряются сотнями и тысячами километров: от Гавайев до Новой Зеландии — 7,5 тыс. км, от о-вов Тонга до о-ва Пасхи — 5,8 тыс.

Науке хорошо известен необычайно высокий уровень мореходного искусства полинезийцев. Помимо малых судов для прибрежного плавания (лодки с балансиром и плоты), в Полинезии повсюду сооружались большие суда с двумя корпусами, несущими платформу и до трех мачт с прямыми и косыми парусами (*паху*). Такие суда достигали 40 м в длину и до 10 м в ширину. Самые крупные из них могли вместить до 300 человек.

Скорость таких судов достигала 10 узлов (около 20 км/час) — очень хороший показатель для парусников.

Судно с экипажем в 50—60 человек могло взять на борт достаточное количество провизии и пресной воды для далекого путешествия. По свидетельствам очевидцев, среди которых был и такой авторитетный специалист, как Джеймс Кук, в XVIII—XIX вв. полинезийцы регулярно совершали далекие морские походы с разными целями — для поиска и заселения новых островов, для нанесения визитов одними правителями другим, для участия в ритуалах в каком-либо из особо почитаемых храмовых центров и т.п. К примеру, переход в 4 тыс. км от Таити до Гавайев полинезийская флотилия могла совершить за 21 день.

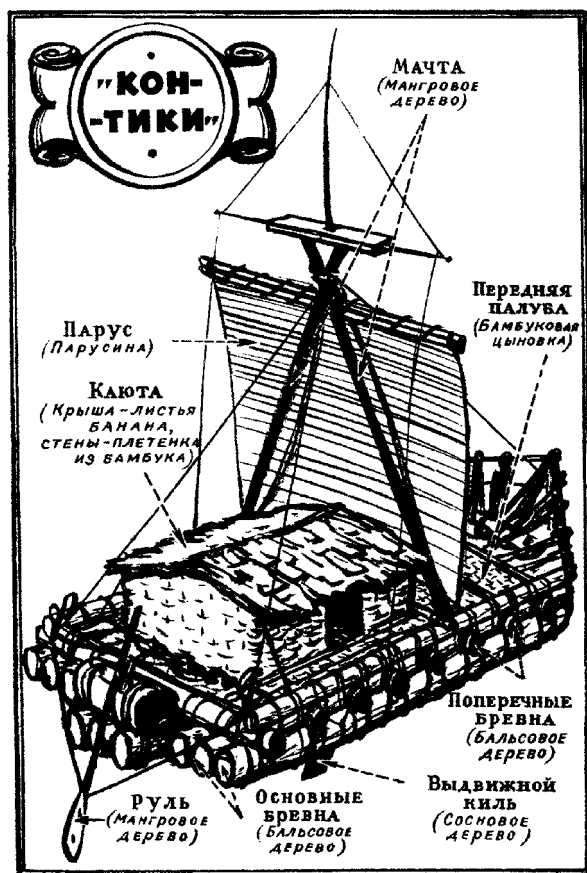

Схема плота «Кон-Тики», на котором в 1947 г. была совершена экспедиция норвежского исследователя Тура Хейердала через Тихий океан от перуанского побережья до о-вов Туамоту. Экспедиция была призвана доказать гипотезу об американском происхождении полинезийцев

Успешным плаваниям полинезийцев способствовало не только высокое качество их кораблей, изготавливаемых, кстати, без единого кусочка металла и исключительно каменными орудиями, но и навигационное искусство, получившее здесь очень высокое развитие. Профессия мореходов принадлежала в Полинезии к числу самых почетных и переходила по наследству в семьях высокого кастового ранга, в которых устная традиция сохраняла богатые знания в области метеорологии, климатологии, астрономии.

8. Общество полинезийцев

Первые европейцы, попавшие в Полинезию, были поражены сложностью организации государств на о-вах Тонга, Таити, Гавайи. Полинезийское общество в прошлом было разделено на сословия-касты. На Таити высшей кастой были *арики*, из числа которых выдвигались вожди, составлявшие сложную иерархию от вождя поселения и воина-дружинника до верховного вождя, или «короля» архипелага. Ниже ариков находились землевладельцы — *раатира*, еще ниже простой народ — *манахуне*. В самом низу общественной лестницы находились рабы и зависимые слуги *тити*.

Вождей высших рангов обожествляли. Их власть была безусловной, неподчинение простолюдина вождю нередко каралось смертной казнью, немедленно приводившейся в исполнение телохранителями. При появлении вождя простой народ должен был в знак почтения обнажить тело и опуститься на землю. Обращаться к верховному вождю можно было, только используя специальные выражения. Так, королевский дом надо было называть «небесным облаком», его лодку — «радугой» и т.д.

Священная фигура короля была окружена множеством запретов, тягостных не только для окружающих, но и для него самого. Король почти никогда не обращался к народу сам, для этого существовали специальные вожди-ораторы. Вождь не мог сам брать пищу — для этого существовала почетная должность вождя-кравчего, который кормил «живого бога». Короля, когда он покидал свою резиденцию, носили на руках специальные носильщики, ибо он не мог притронуться к земле без того, чтобы она не стала запретной для всех прочих.

Вождь полинезийской деревни.
Западное Самоа

Эти предписания связаны с двумя очень важными для полинезийцев понятиями — *табу* и *мана*. Мана — это некая священная безличная сила, которая в различной степени концентрируется в объектах и людях. Чем больше мана, тем более священным считается объект или человек. Король — средоточие максимального количества мана, раб — человек полностью лишенный ее. С мана связано также понятие табу, которое означает не просто запрет, а целую серию предписаний правильного поведения. Неправильный поступок человека (преступление, поражение в поединке, даже нечаянное нарушение этикета) снижает количество мана либо полностью уничтожает ее.

Полинезийские сословия-касты в большинстве случаев замкнуты: принадлежность к той или иной касте передается человеку от родителей; переход из одной касты в другую невозможен. Все виды деятельности распределены между кастами. Есть «благородные» виды деятельности, которыми занимаются представители высших каст, — к ним относятся, помимо обязанностей управления народом вождями, кораблестроение, мореходное дело, строительство домов, нанесение татуировки, жреческое служение в храмах и др. Есть «низкие» виды деятельности, которыми занимаются низшие касты, — уход за свиньями, уборка помещений и территории поселений, изготовление кухонной утвари и т.п.

Религия полинезийцев определяется понятием *политеизм*. Они поклоняются большому количеству (несколько сот) богов, но главными богами почти на всех островах Полинезии считаются четыре: 1) *Тане* — солнечное божество, олицетворение мужского начала, бог-творец; 2) *Ту* — бог войны; 3) *Ронго* — бог-покровитель земледелия, олицетворение плодородия и 4) *Тангароа* — бог — создатель Земли и людей.

Главным богам посвящались отдельные храмы, в которых служили специальные жрецы, составляющие особую касту. На некоторых островах при храмах возникали организации, напоминающие католические ордена. Так, на Таити и некоторых других архипелагах существовали общества *ареоев*, куда могли вступать представители нежреческого сословия, посвящавшие себя служению воинственному сыну бога Тангароа — Оро. Члены этого общества давали обет бездетности и большую часть времени проводили в путешествиях от острова к острову, где устраивали религиозные представления с пением гимнов в честь бога Оро и танцами, передававшими мифологические сюжеты о его жизни и деяниях.

Человеческая фигурка
из дерева. Начало XIX в.
Остров Пасхи

В Полинезии существовали храмовые центры, почитаемые на всех островах. Одним из наиболее известных был храм в местности Опоа на острове Раиатеа в архипелаге Таити. Здесь существовала жреческая школа, куда даже из далеких мест знать привозила для обучения своих сыновей. В Опоа регулярно собирались жрецы и вожди со всех концов Полинезии для проведения торжественных ритуалов.

Письменности как таковой в Полинезии не было, если не считать загадочных *кохау ронго-ронго* — деревянных пластин, покрытых *пиктографией* (рисунчатым письмом), найденных на о-ве Пасхи. Установлено сходство некоторых знаков кохау ронго-ронго с иероглифами, найденными при раскопках древнеиндийской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы. Многолетние попытки расшифровать эти надписи успехом не увенчались. Некоторые ученые полагают, что рисунки с о-ва Пасхи — не письменность, а знаки, служащие для запоминания длинных молитв, которые читались жрецами во время храмовых обрядов.

9. Полинезийцы в условиях контакта с европейцами

Первый серьезный удар по полинезийской цивилизации нанесли протестантские миссионеры, прибывшие в 1797 г. из Англии на корабле «Дафф». Об итогах их деятельности на Таити русский капитан О.Е. Коцебу, посетивший эти острова тридцать лет спустя, писал: «Новая религия была введена силой... Все, что могло напоминать о дотоле почитавшихся божествах, было внезапно разрушено по приказу короля (Тайо, которого миссионеры спили ромом и крестили). Были убиты все те, кто не хотел сразу переходить в новую веру... Пролились потоки крови, целые племена были истреблены».

В XIX в. почти все острова Полинезии захватили европейские державы. Франция, начиная с 40-х гг. XIX в., объявила своими колониями Таити, о-ва Маркизские, Туамоту, Тубуаи, Гамбье, которые в 1903 г. были объединены в одну колонию, ныне носящую название Французская Полинезия. Англия провозгласила свой суверенитет над большинством других островов — кроме Самоа, поделенного между Германией и США, и Гавайев, захваченных США. Западное Самоа после поражения Германии в Первой мировой войне перешло в качестве подмандатной территории под управление Новой Зеландии.

Насильственная христианизация повсюду уничтожила среди полинезийцев старую религию и связанные с ней аспекты духовной культуры (мифологию, обрядовые танцы, брачные обычаи). С приходом европейцев на островах появились спиртные напитки и неизвестные ранее инфекционные заболевания, что привело к повышению смертности. В результате одни острова почти полностью обезлюдели, а на других численность *канака* (собирательное самоназвание полинезийцев) сократилась в несколько раз. В Срединной Полинезии эти негативные процессы к началу XX в. были в какой-то степени приостановлены, и традиционная культура, хоть и в видоизмененной форме, сохранилась. Это произошло благодаря тому, что за исключением Гавайев и Новой Зеландии европейцев в Полинезии никогда не было много, а селились здесь

лишь представители колониальной администрации, миссионеры и немногочисленные торговцы жемчугом, кокосами и другими экзотическими товарами.

Судьба Гавайских островов и Новой Зеландии сложилась по-иному. Гавайские острова на рубеже XVIII—XIX вв. были объединены королем Камеамеа I и некоторое время довольно успешно противостояли европейской экспансии, но в конце XIX в. были фактически аннексированы США. Североамериканские предприниматели решили использовать их благодатные климатические условия для плантационного выращивания сахарного тростника, ананасов и других тропических культур. Так как гордые, свободолюбивые и воинственные полинезийцы предпочитали смерть положению плантационных батраков, то американские плантаторы стали ввозить на Гавайи китайских и японских кули (бесправных рабочих, положение которых мало отличалось от положения рабов), а также португальских, филиппинских и других батраков. В итоге Гавайи

Молодая жительница острова Таити

превратились в один из штатов США (1959), население которого представляет собой пеструю смесь из самых разных народов, среди которых чистокровные коренные гавайцы составляют ничтожное меньшинство (их сейчас осталось менее 1 тыс. человек, к моменту же прихода европейцев их насчитывалось около 300 тыс.). Те, кто сейчас называет себя «гавайцами» (примерно 160 тыс. человек), в действительности являются потомками смешанных браков гавайцев с американцами, европейцами, китайцами, японцами и филиппинцами. Традиционная гавайская культура частично сохранилась, но в условиях чрезвычайно развитой индустрии туризма превратилась в специфическую сферу обслуживания туристов, охотно покупающих безделушки, сделанные «под старину», слушающих в ресторанах под открытым небом гавайские песни, исполняемые профессиональными певцами.

Совершенно по-особому сложилась судьба *маори* — коренных жителей Новой Зеландии. Их родина расположена в зоне субтропического и умеренного климата и располагает значительными пространствами

земли. Все это, в отличие от прочих островов Полинезии, сделало ее привлекательной для переселенческой колонизации англичанами, развернувшейся с 40-х гг. XIX в. Десятки тысяч английских фермеров, поддерживаемых правительственными войсками, захватывали плодородные земли, вытесняя маори в малопригодные для жизни горные районы. Полинезийцы, организованные в племенные сообщества (*иви*), встали на защиту своей земли, своей культуры, да и самой жизни, поставленной под реальную угрозу. Начались так называемые Маорийские войны, продолжавшиеся с перерывами с 1843 по 1872 г. Итоги этих кровопролитных войн были для маори, казалось, катастрофическими: их численность к концу XIX в. сократилась с 200 тыс. до 40 тыс. человек; территория их обитания уменьшилась во много раз — на Северном о-ве до двух пятых, а на Южном — до одной десятой прежних владений; традиционная культура под натиском европейских обычаев сильно изменилась — ушли в небытие древние полинезийские боги, вытесненные христианским учением, привезенные англичанами новые сельскохозяйственные культуры (пшеница, кукуруза, картофель) и животные (корова, овца, свиньи) изменили облик хозяйства маори.

На рубеже XIX—XX вв. мало кто сомневался в том, что дни маори сочтены. Но у маорийских войн были и иные итоги. Десятилетия военных действий против общего врага перемешали и сплотили десятки ранее враждовавших между собой маорийских племен, что положило начало маорийской национальной общности, символом которой стала «*Страна короля*» («*Нуи тирени*») — автономная территория, образованная в 1857 г. и признанная англичанами. Маори творчески восприняли многие элементы из культуры пришельцев, и это сделало их сильнее; даже христианское учение они приспособили к древним традициям своей духовной культуры, создав несколько вариантов маорийских церковных организаций (*ратана*, *рингату* и др.). Маорийские вожди в 1872 г. вынудили белых выделить для представителей маори два фиксированных места в верхней палате новозеландского парламента, они же еще в середине XIX в. создали несколько колледжей с преподаванием на маорийском языке. Один из них — Те Ауте — стал со временем настоящим университетом, в котором получили высшее образование первые представители маорийской интеллигенции, такие, как знаменитый этнограф Те Ранги Хироа, министр Апирана Нгата и др., ставшие основоположниками общенародного движения за возрождение маорийской культуры, которое получило название «*Маоританга*» («Путь маори»).

Начиная с рубежа XIX—XX вв. численность маори постоянно возрастает; к настоящему времени она превысила 300 тыс. человек, что даже больше, чем накануне маорийских войн. Маори стали самым крупным и развитым из полинезийских народов, оказывающим поддержку другим полинезийским национальным движениям.

Новый этап в развитии национальных культур полинезийцев начался в послевоенное время — в эпоху получения статуса независимых государств одними архипелагами или более высокого уровня самостоятельности — другими. Независимость получили: Западное Самоа (1962), Тонга (1970), Тувалу

(бывшие о-ва Эллиса, 1978). На Тонга сохранилась древняя королевская династия, правящая и по сей день. Статус самоуправляемой территории получили о-ва Кука. Архипелаги Французской Полинезии, имеющие сейчас статус «заморской территории Франции», значительно повысили уровень самостоятельности в своих внутренних делах, включая и культуру.

Новые условия стимулировали стремление к возрождению традиционной культуры и созданию новых национальных духовных ценностей. Существенную роль в этом процессе играют молодые полинезийские литературы, которые создаются, как правило, на двух языках: на одном из полинезийских и на одном из европейских (английском или французском). Широкую известность в тихоокеанском регионе получили произведения маорийских писателей Вити Ихимаэры, Хоне Туваре, Патриции Грейс, самоанца Альберта Вендта, тонганки Конаи Хелу Таман и др. В этих произведениях авторы извлекают из глубин забвения древние полинезийские обычаи, делая их достоянием своих современников. Но основной упор делается на осмыслении современного состояния полинезийских культур и их будущего.

НАРОДЫ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

1. Общие сведения о населении

В Африке южнее Сахары (ее именуют также Тропической, или Черной, Африкой) живут около 480 млн человек, и это число быстро увеличивается. Средняя продолжительность жизни на континенте очень низкая (немногим более 40 лет), но рождаемость очень высока: 8—10 детей в семье — обычное дело. Поэтому во многих странах Африки молодые люди составляют значительную часть населения: в Ботсване, например, свыше половины. Население распределяется по территории очень неравномерно. В пустынных областях на юге континента плотность населения менее 1 человека на 1 км², а в отдельных районах побережья Гвинейского залива и области Великих африканских озер — более чем в сто раз больше. Большинство африканцев живет в сельской местности, но год от года увеличивается число городских жителей.

Рассматриваемую территорию подразделяют на ряд регионов: Западную Африку, Центральную (Экваториальную), Восточную и Южную. Отдельные страны в разных системах классификации включаются в разные регионы. Так, Мавританию помещают то в Северную, то в Западную Африку, Мозамбик — в Восточную или Южную, Бурунди и Руанду — в Центральную или Восточную.

Африка южнее Сахары отличается большим многообразием населяющих ее народов, языковых семей, антропологических групп, форм хозяйственной деятельности, религиозных представлений. По территории региона проходит граница расселения представителей двух больших рас — европеоидной и негро-австралоидной (экваториальной). Так, в северных областях Мали и Нигера живут *туареги*, принадлежащие к индо-средиземноморской малой расе южной ветви европеоидов. Однако большинство народов Африки южнее Сахары относится к негрской малой расе (в составе негро-австралоидной большой расы). В лесах Центральной Африки живут *пигмеи* (негрильская малая раса), в пустынях Южной Африки — *саан*, или *бушмены* (бушменская малая раса). Население Мадагаскара характеризуется смешанными чертами негроидов и монголоидов.

Этнолингвистическая карта Черной Африки очень пестра. Народы региона говорят на языках нескольких семей: афразийской (берберская группа — *туареги* и чадская группа — *хауса* и их соседи), нило-сахарской (*луо*, *масаи* и ряд других), койсанской (*кой-коин* и *саан*, *хадзани*). Население Мадагаскара говорит на языках австронезийской семьи, а *африканеры*, некоторые группы индийцев, «белое» население и потомки смешанных семей — на языках индоевропейской семьи. Однако самая обширная семья, на которой говорят многие народы в Западной (*серер* в Сенегале, *моси* — в Буркина-Фасо, *бамум* — в Кот-д'Ивуаре, *йоруба* — в Нигерии, *ашанти* — в Гане и т.д.), в Центральной (*бамилеке* в Камеруне, *фанг* — в Габоне, *конго* — в Республике Конго [РК] и Демократической Республике Конго [ДРК]), в Восточной (*ганда* — в Уганде, *суахили* — в Танзании и Кении) и Южной Африке (*тсвана* — в Ботсване, *гереро* — в Намибии, *зулу* и *коса* — в ЮАР и многие др.), — это нигеро-кордофанская

семья. Языки многих народов Центральной, Восточной и Южной Африки часто называют «языками банту».

Границы современных государств были созданы в колониальную эпоху, при этом многие народы оказались в разных государствах. *Эве* живут в Того и Гане; *хауса* — в Нигерии, Нигере и других странах; *туареги* — в Мали, Мавритании, Алжире; *сенуфо* — в Мали и Кот-д'Ивуаре; *конго* — в РК, ДРК и Анголе и т.д. А *фульбе* расселились практически по всем западноафриканским странам саванного пояса. Некоторые языки распространены далеко за пределами расселения народа — их основного носителя и стали языками межэтнического общения. Это *хауса* в Западной Африке, *лингала* — в Центральной, *суахили* — в Восточной.

Многие народы до последнего времени были бесписьменными. Но некоторые (хауса, фульбе, канури, суахили) использовали созданный на основе арабского алфавита «аджами». Были интересные системы передачи информации — рисунки и барельефы (пиктограммы), символические послания из набора предметов, условное письмо «нсибиди». У народов Либерии и Сьерра-Леоне было собственное слоговое письмо, такого же типа письменность создал народ бамум в Камеруне. В областях, прилегающих к Гвинейскому заливу, и в Центральной Африке существовал «язык барабанов». После колонизации Западной Африки местные знаковые системы были вытеснены латиницей. Письмо на основе арабской графики сохранилось только в коранических школах, однако в некоторых мусульманских районах (например, у хауса в Северной Нигерии) оно в настоящее время возрождается.

2. Основные этапы этнической истории

Этническая история в древности. Детальная реконструкция древней истории этнического развития и миграций в Африке — пока еще дело будущего. Сравнительно подробно обследованы те области, где были открыты месторождения алмазов, золота, руд цветных металлов: отдельные районы ЮАР, Замбии, Зимбабве, Танзании, Кении.

В древности население в Африке расселялось иначе, чем теперь. Пустыни юга (например, Калахари), как и Сахара, малонаселенные области Восточной Африки были когда-то обитаемы. Их земли были заняты травянистыми саваннами, прорезаны мощными реками.

Значительные миграции народов Африки относятся к эпохе неолита. Неолитическая революция, появление скотоводства и земледелия привели к резкому увеличению численности населения. К тому же, примерно с IV—III тыс. до н.э. начинается постепенное высыхание Сахары, что привело к подвижкам местных племен и их соседей.

Расселение древних жителей Сахары проходило разными путями. Часть их, несомненно, двигалась к востоку, в долину Нила, значительно пополнив население Египта и Нубии. Другие волны миграций происходили в южном и юго-западном направлении.

Ко времени железного века обычно относят миграции народов, говорящих на языках банту. С V—VI вв. н.э. началось их движение из районов современного Камеруна и Нигерии на юг, а затем на восток. Постепенно почти вся Тропическая Африка была заселена банту. В ходе переселений банту были вы-

теснены со своих мест проживания самые древние обитатели континента — пигмеи и саан. Пигмеи отошли в экваториальные леса, а саан — в пустынные области юга. В Восточной Африке сохранились лишь мелкие островки прежнего населения — хадзапи, или сандаве (койсанская группа языков) на территории Танзании.

Значительную роль в этнической истории эпохи Средневековья сыграло распространение ислама. В большинство стран Западной Африки арабы прибывали как купцы или *факихи* (мусульманские ученые и проповедники). Верхушка средневековых государств Западного Судана приняла ислам в качестве государственной религии. Широкое и бесспорное распространение «арабского» элемента дало некоторым исследователям повод утверждать, что вообще вся культура средневекового Западного Судана оказалась заимствованной. Однако арабский язык здесь стал языком «элитарной» культуры, науки и образования. Он играл примерно ту же роль, что латынь в средневековой Европе или китайский язык в государствах Дальнего Востока.

За пределами образованной прослойки западноафриканского общества ни ислам, ни арабский язык и культура в то время не получили распространения. Арабы мало смешивались с местным населением. Арабское влияние практически не изменило этнического состава Западной Африки.

Вторая зона значительного арабского влияния (с VII в. н.э.) — Восточная Африка. Арабы-переселенцы здесь — это также купцы и проповедники, как правило, без семей и родни. Они брали жен из местного населения, нередко воспринимали местные обычаи. Так, система наследования власти имела именно африканский, а не арабский характер. За долгие годы политического подчинения этих областей арабским правителям Омана выработалось представление об особой престижности принадлежать к арабам, и нередко даже мусульмане-африканцы предпочитали называть себя арабами (на Занзибаре это обыкновение просуществовало вплоть до включения острова в состав Танзании в 1964 г.).

В Средние века в Восточной Африке началось продвижение к югу нилотских народов. Далеко на юг продвинулись вышедшие с верховьев Нила скотоводческие народы, говорившие на языках нило-сахарской семьи. Они расселились по долинам Кении, Уганды, Северной Танзании. Большинство их (*масаи, нанди, кипсигис, луо* и другие) по сей день продолжают заниматься скотоводством, сохраняют свои языки, самосознание, обособленность от банту-земледельцев. Другие, сохранив прежнее занятие — скотоводство (а иногда — просто владение скотом, который отдавали на выпас банту), утратили свой язык и говорят на языках банту.

На основе изучения истории Восточной Африки, и особенно Межозерья, в свое время возникла теория генезиса государственности с помощью завоевания — так называемая хамитская теория. Ее последователи считали, что скотоводы-пришельцы принесли отсталым банту Восточной Африки высокую культуру и идею государственности. На самом же деле скотоводческие племена, появившиеся здесь не ранее середины XVI в., влились в уже существовавшие государства, создав кое-где новые правящие династии. Здесь сложилась очень своеобразная этнокастовая система, в которой скотоводы — *тутси* (в Руанде) и *иру* (в государствах на территории современной Уганды) — составили правящую верхушку и подчинили себе земледельцев *хуту*. Ныне эти

группы иногда воспринимаются как самостоятельные этнические группы; они борются за преобладание в стране, что привело к кровопролитным событиям последних лет.

На формирование этнической карты Африки в это время влияли не только миграции, вызванные экологическими причинами — поисками новых пастбищ, плодородных земель или расселением народов, значительно выросших численно. Факторы политического характера — появление большого числа так называемых традиционных государств, вовлечение континента в европейскую работоторговлю — также в значительной мере перекроили этническую карту. В этих государствах происходили интенсивные процессы сближения разных народов, формировались языки межэтнического общения. Пленников в них нередко селили в районах, далеко отстоявших от их родных мест, игнорируя их родственные связи и происхождение. Так иногда формировались совершенно новые этнические группы смешанного происхождения (например, харатины у туарегов). Очагами наиболее частых и интенсивных этнических контактов становились города Западного Судана с их чрезвычайно пестрым населением.

В обширных государствах с очень сложным этническим составом населения редко формировались крупные этносы. (Так, *сонгаи* были и остались сравнительно небольшим народом.) Но политическое развитие в более компактных областях способствовало складыванию из близкородственных групп единого этнического целого. Такие процессы происходили в конфедерации *ашанти* (Гана), в государстве *йоруба* (Нигерия), вокруг народа *канембу* (Канем-Борну — в пограничных областях Нигерии, Камеруна и Чада), вокруг *санхаджа* — в Государстве Альморавидов (Мали, Мавритания), в племенном союзе зулу (ЮАР).

К эпохе Средневековья относится и расселение народа *фульбе* на просторах саванн Западной Африки. Скотоводы-кочевники прафульбе пришли в Западный Судан, по-видимому, через Сахару с северо-востока. В VIII в. они жили на крайнем западе региона, в верховьях Сенегала и Нигера. С XVI в. происходит неуклонное расселение фульбе все дальше к востоку, вплоть до земель нынешнего северного Камеруна. В контактах с населением завоеванных областей сложились современные типы фульбе, значительно отличающиеся от прафульбе как занятиями, так и физическим типом.

В Центральной и Восточной Африке в рамках государств происходило формирование единых этносов, например *конго* и *куба* (Конго), *шона* (Зимбабве), *мальгашей* (Малагасийская Республика).

Народы восточноафриканского побережья ни в Средневековье, ни в новое время не имели крупных единых государственных объединений. Тесные торговые связи местных городов-государств с арабами привели к образованию на обширном протяжении восточноафриканского побережья — от Момбасы на севере до Килвы на юге — населения, смешанного по происхождению, но единого по языку, культуре и самосознанию, получившего название *суахили* (от араб. *сахель* — берег).

Особую роль сыграла европейская и арабская работоторговля. Ее трагические последствия неисчислимы: потеря человеческих жизней, рабочих рук, распад прежних государственных объединений, разрушение хозяйства, рост алчности купцов и правящей верхушки, моральная деградация и т.д. Обычно редко

вспоминают такое ее последствие, как изменение этнической карты Африки. Спасаясь от ужасов заокеанской неволи, многие племена и народы покидали родные места. Другие исчезли вовсе: они были либо уничтожены физически, либо влились в другие этносы. Некоторые области совершенно обезлюдели.

Начало европейской колонизации привело к переселениям многих африканских народов, особенно на юге. К концу XIX в. Африка оказалась поделенной на владения нескольких европейских держав. Налоговый гнет, захват земель, жестокая эксплуатация порой делали жизнь местного населения невыносимой. И, полагая, что за пределами данной колонии жизнь будет легче, целые деревни, а то и племена уходили на новые места. Такие переселения имели место, например, в 20-е гг. XX в. из Анголы на территорию современной Замбии.

Интенсивная эксплуатация природных ресурсов африканских стран, создание центров горнодобывающей промышленности и первичной обработки сырья, плантационного хозяйства — масличной пальмы, кофе, какао, лекарственных растений — делали их центрами притяжения рабочей силы. Эти новые миграционные потоки отличались от миграций народов. То были сезонные или контрактные (на несколько лет) переселения, вовлекавшие, как правило, лишь молодых мужчин, а не все племя или народ; женщины, старики и дети оставались на старых землях. Но именно вокруг таких центров создавались ядра новых, формирующихся народностей, притягивающих и поглощающих соседние мелкие этносы.

Наконец, в ряде районов Африки создавались зоны, где европейцы захватывали земли местного населения и вытесняли прежних обитателей. Такая ситуация сложилась, например, в Кении, где создание ферм европейцев на «Белом нагорье» привело к перемещению *масаев* и *кикуйю*. На юге континента большое влияние на расселение африканских народов оказал так называемый бурский трек — происходившее с 1836 г. переселение *буров*¹ из Капской колонии на север, за реку Оранжевую. Он привел к оттеснению на север *зулусов*, *бечуанов*, *басуто*; к изгнанию *ндебеле* на земли современного Зимбабве. *Бушмены* (*саан*), в связи с многочисленными переселениями банту, были оттеснены еще дальше в глубь южноафриканских пустынь.

Ко второй половине XIX в. относится появление на юге континента значительных групп китайцев и индийцев. Уже с 1860 г. начался ввоз законтрактованных рабочих в Южную Африку, и к 1911 г. в этой стране сформировалась небольшая индийская община. Позднее здесь появились индийские торговцы и предприниматели. Индийское население нынешней ЮАР сосредоточено в провинции Наталь.

В Восточной Африке и на Мадагаскаре такие группы населения появились несколько столетий назад, но в массовом порядке в XIX в., с середины которого Занзибар становится центром индийской и арабской торговли. В 80-е гг. происходила вербовка индийцев в качестве рабочих на строительство железных дорог в Уганде. По его окончании часть из них осталась в стране. С 1913 г. индийцы стали селиться и на территории Танганьики. С местным населением

¹ *Бур* (или *африканер*) — потомки нидерландских, французских и др. переселенцев, составившие основную часть белого населения Южной Африки.

они не смешивались, а сохраняли этническую и религиозную изолированность, женились только на индианках, иногда специально выезжая на родину за невестами. Они, как правило, не воспринимали местную культуру, сохраняли собственные духовные ценности и особенности быта. Политические организации индийцев, возникшие в конце XIX — начале XX в., были чисто национальными и долго сохраняли свою обособленность.

3. Быт и культура народов Африки южнее Сахары

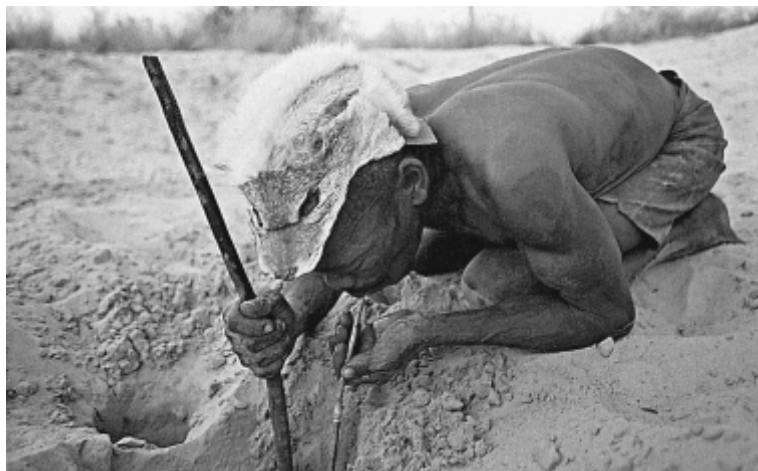
Несмотря на большое разнообразие, народы Африки южнее Сахары имеют общие региональные («цивилизационные») черты. Они проявляются в традиционной хозяйственной деятельности, политической культуре, общей схеме обрядов жизненного цикла, в традиционной системе миропонимания и культовой практике. На примере некоторых народов можно выделить общие для всех типичные черты культуры.

В Африке южнее Сахары черты традиционной культуры издавна определялись природными условиями среды. Экваториальные леса и пустыни юга (Калахари и Намиб) населяют охотники и собиратели. Этот тип хозяйства требует бродячего образа жизни. Небольшие группы (по несколько семей) во главе со старшим искусным охотником передвигаются по охотничьей территории, основывая временные стоянки с легкими хижинами. *Саан* Южной Африки всего 100—150 лет тому назад не знали и таких жилищ, сооружая лишь ветровые заслоны. Поэтому их и называли *бушменами* — «кустарниковыми людьми».

Саан, некогда основное население Восточной и Южной Африки, ныне живут в Намибии, Ботсване, ЮАР, Анголе. У них сохраняется разделение труда по полу. Охота — мужское дело. Женщины не только никак не участвуют в ней, но даже не имеют права дотрагиваться до охотничьего оружия. Практически единственный вид охоты — вдогон. Основной объект охоты — различные виды антилоп. Когда-то саан охотились на страусов. Сейчас охота на них во всех странах Африки запрещена. Единственное охотничье оружие — простой лук (с тетивой из сухожилий) со стрелами. Наконечник (когда-то костяной, а теперь металлический, из расплюсченной проволоки, вымениваемой у соседей-банту) привязывается к короткой палочке-основе. Его смазывают ядами животного происхождения. Часть стрелы с наконечником может легко отделяться от основы стрелы, и даже если раненое животное потеряет стрелу, часть с наконечником останется в ране. Охотничья добыча принадлежит всей группе.

Женщины обрабатывают шкуры. Но основная их деятельность — собирательство, которое обеспечивает до 80% пищевого рациона саан. Как мужчины знают повадки животного, умеют отыскивать следы на сухой почве, не сохранившей, казалось бы, следов зверя, так женщины в совершенстве знают, где в полупустыне и пустыне находятся редкие участки произрастания диких растений. Им хорошо известны сроки их созревания, время сбора корней, ягод, плодов. Они собирают также дикий мед, мелких насекомых и личинок, дающих белковую пищу.

В условиях крайне засушливого климата громадная проблема — вода. Саан используют всевозможные виды жидкости. Водянистые растения, кровь, смешанная с жидкостью из желудка антилопы или с ее молоком, вода, собранная

Бушмен (саан) добывает воду при помощи тростниковой трубки

в ямках и дуплах немногочисленных толстых стволов кустарников или выкопанная из почвы (иногда с глубины до 3 м), — все идет в дело. Редкие водные источники тщательно охраняются, делаются и запасы воды — в емкостях из скорлупы страусиных яиц.

Саан не знали частной собственности. Когда в Южной Африке появились фермерские хозяйства, женщины стали заниматься привычным собирательством на огородах, а мужчины охотиться на домашних животных. В ответ фермеры жестоко истребляли саан.

Охотничье-собирательское хозяйство, тем не менее, позволило саан выжить и сохранить свое своеобразие в крайне тяжелых условиях. Традиционного образа жизни в настоящее время придерживается приблизительно половина саан. Там, где места их обитания оказались в пределах национальных парков и где запрещена охота, саан получают паек (пенсия правительства): кукурузную муку, табак, сахар. В некоторых странах (Намибия, Ангола) саан работают на золотых и алмазных рудниках. Часть саан, особенно в Танзании и Ботсване, под влиянием соседей переходит к земледелию или скотоводству. В Намибии места поселения саан включают в туристские маршруты, и они получают часть прибыли от туризма.

Охотничье-собирательское хозяйство сходного типа ведут *пигмеи* экваториального леса, расселенные в обеих республиках Конго, Камеруне, Габоне, Уганде, Руанде и говорящие на языках соседей-банту. В отличие от саан, они широко практикуют охоту с использованием сетей и разнообразных ловушек. Передвижения небольших групп, ведущих бродячую жизнь, строго согласуются с временем созревания плодов, заполнения дупел медом, поведением диких животных и т.д. Пигмеи тщательно следят за соблюдением правил природопользования: тех, кто загрязняет проточные воды, рубит большие деревья, убивает самок или просто больше животных, чем это необходимо для пропитания, — ждет наказание.

Охота бушменов (саан) на страусов. Наскальное изображение.
Область Хершел (в верховьях р. Оранжевой), ЮАР

Затерянные в глубине леса, пигмеи тем не менее живут далеко не изолированно. Во всех странах обитания они обмениваются с высокорослыми соседями-земледельцами продуктами леса — мясом, медом, лекарственными травами и т.п., получая взамен посуду, ткани, металлические предметы, табак. В политических объединениях доколониального времени (Конго, Руанде и др.) правители использовали великолепное знание пигмеями природы и их военное искусство. Позднее администрации некоторых европейских колоний пытались наделить пигмеев землей, вовлечь их в работу по найму и т.д. Эти попытки, как правило, успеха не имели. В современных условиях пигмеи формально обладают теми же гражданскими правами и обязанностями (правами налогоплательщиков, избирательным правом и т.п.), что и остальное население. На деле же либо за них платят налоги и голосуют на выборах их соседи — земледельцы-банту, либо власти проявляют полное безразличие к их судьбам. Лишь в Республике Конго была провозглашена (но не осуществлена) программа «альфабетизации» пигмеев, призванная способствовать их переходу к оседлости, приобщению к земледелию, к школьному образованию и т.д.

Традиционное африканское земледелие состоит в производстве продовольственных культур в размерах, необходимых лишь для пропитания. По набору сельскохозяйственных культур и технологии выделяются: а) зона сухих саванн с производством зерновых и б) зона влажных районов экваториального пояса, где главное место занимают корнеплоды. Типичные представители земледельцев сухих саванн — *хауса*. Это многочисленный (более 20 млн человек) народ, живущий на севере Нигерии, в Нигере, Камеруне, ЦАР, Чаде. За пределами своей основной территории расселения — это купечество (коммерсанты), офицеры, лица свободных профессий, правительственные чиновники. Хауса — язык межнационального общения, которым пользуются свыше 50 млн человек. Сухие саванны между южной границей Сахары и влажными экваториальными лесами характеризуются достаточной, но не чрезмерной влажностью.

На приусадебных участках хауса выращивают лук, томаты, тыквы, бобовые и т.д. Как и живущие среди них оседлые фульбе, хауса возделывают различные виды сорго и проса, реже — пшеницу, а их западные соседи, в средней

Пигмеи бака перед жилищем традиционного типа (населяют область на стыке территорий Камеруна, Республики Конго и Габона)

дельте Нигера — суходольный рис. Особое значение имеет арахис. Его едят и вареным, и жареным, но главное назначение — приготовление масла. Давно возделываются и технические культуры — хлопчатник и индиго, из которого добывали синюю краску. Древние чаны для крашения ткани до сих пор можно видеть в кварталах города Кано (Нигерия). Если индиго, как краситель, сейчас потерял свое значение, уступив место краскам промышленного производства, то плантации риса, хлопчатника, арахиса сохраняются (арахис — важная статья экспорта). Животноводство мало развито и лишь несколько дополняет земледелие. Крупный рогатый скот держат в основном фульбе, а хауса разводят преимущественно овец, коз и ослов. Рыболовство и охота (на антилоп, газелей, буйволов) — подсобные занятия. У *бамбара* в Мали еще сохраняются традиционные охотничьи союзы, сочетающие профессиональные и ритуальные функции.

Почвы здешних мест — это красноземы с тонким гумусным слоем, что не позволяет пользоваться плугом. Поэтому у хауса (как и у других земледельцев рассматриваемого пояса — бамбара, сонгаи и др.) главное орудие — мотыги. Они бывают разной формы и величины. Чем тверже почва, тем прочнее и тяжелее рабочая часть мотыг. Мотыга *габдеши* используется для обработки нови. Для рыхления почвы или уничтожения сорняков применяют мотыгу *кваса дуке*, или *магирби*. Женщины и дети пользуются легкими мотыгами *дунга*. Особой формы мотыга *сунгулин* служит для выкапывания ямок при посеве. На рисовых плантациях применяют мотыгу *кваса цайе*, или *кумба*. Хауса используют почти не встречающуюся у других народов большую тяжелую мотыгу с прорезями в рабочей части, через которые можно просеивать землю.

После сбора урожая земли на несколько лет оставляли (и оставляют) под залежь. Для удобрения используют золу, оставшуюся после расчистки целины огнем. Земледельческие народы, имеющие соседей-скотоводов, договариваются с последними (например, с фульбе) о выпасе на будущих полях скота, получая, таким образом, органическое удобрение. Еще одно средство сохранения плодородия почвы — одновременное высаживание на одном поле нескольких культур: кукурузы — с бобовыми, сорго — с камышевидным просом. В наши дни, когда нет возможности осуществлять перелог (оставление земли на время без обработки), плодородие почвы, не успевая восстановиться, падает, а значит снижается и урожайность. В колониальный период много земель было отчуждено под экспортные культуры. Привязанность к мировому рынку вынуждает современные страны Западной Африки продолжать занимать сельскохозяйственные угодья под эти культуры, иногда даже в ущерб продовольственным.

Трудоемкие работы по подготовке поля выполняют мужчины, все остальное — дело женщин. Они же занимаются сбором плодов и листьев дикорастущих деревьев. Плоды одного из местных растений (басия) используют для изготовления масла, мазей, свечей; стручки рожкового дерева (белой акации) употребляют как приправу в пищу; из них же варят густой сок для обмазки стен; сок тамариндового дерева дает прохладительный напиток и является средством против лихорадки; из плодов баобаба делают муку, его семена используют для приготовления соусов, а листья — для приправ. Почки пальмы делеб употребляют в пищу, а также для приготовления желтой краски и т.д. Такой же тип хозяйства характерен и для многих народов Восточной и Южной Африки.

Типичным примером пищевого обеспечения земледельческих народов сухих саванн может служить кухня хауса. Ее основой являются зерновые. Главное блюдо — жидкая просяная каша *фура*, которую едят с молоком, и *туво* — каша из сорго. На северо-западе Нигерии каши варят из риса, а в южных областях — из ямса. Эти каши дополняются острыми приправами и подливами с солью, чесноком, помидорами, пряностями, перцем. У йоруба популярен луковый суп с перцем, рыбой или курицей. Из пшеничной, просяной и кукурузной муки пекут хлеб и лепешки. У народов региона широко распространены *фуфу* — шарики из вареного риса, которые также едят с острыми соусами и подливами.

Районы с влажным климатом вдоль побережья Гвинейского залива и в бассейне реки Конго занимают народы, у которых основными сельскохозяйственными культурами служат клубневые и корнеплоды, масличные пальмы и др. Народы западной части побережья Гвинейского залива еще в Средневековье торговали гвинейским перцем (на европейских картах эти районы именовались Перечным берегом). А *ибибо*, *калабари* и другие народы юга Нигерии издавна возделывали масличную пальму. Лесные области Кот-д'Ивуара, современных Ганы и Бенина поставляли на рынки всей Западной Африки орехи кола, содержащие тонизирующие вещества.

Главное орудие для обработки земли и ухода за посевами — мотыга, вид и размеры которой у разных народов различны. Традиционное земледелие (переложное, подсечно-огневого типа) требует больших усилий и затрат энергии: рубка леса, корчевка пней, расчистка будущего поля являлись делом мужчин. Остальные виды работ в земледелии лежат на плечах женщин.

Как правило, в экваториальной зоне можно получать по два урожая в год.

Типичное для влажных зон сельскохозяйственное хозяйство ведут также *ашанти* (Гана). До недавнего времени сохранялось традиционное залежное подсечно-огневое земледелие. Но, кроме того, в течение XX в. многие ашанти стали работать на плантациях какао, лесоразработках, рудниках, на предприятиях в городах. Они издавна занимались также добычей золота. Недаром населенную ими страну англичане называли Золотым Берегом. Местные кузнецы и ювелиры прославили ашанти далеко за пределами их родины; особенно знамениты гирьки для взвешивания золотого песка, представляющие собой скульптурные группы — иллюстрации поговорок и сказок. Столь же искусны ткачи и резчики по дереву.

Дома ашанти, как и у многих народов Гвинейского побережья, — четырехугольные, с двускатной крышей из травы и пальмовых листьев (теперь все чаще — из железа и шифера), формируют усадьбу большой семьи с замкнутым двором. У ашанти сохраняются такие обычаи, как левират и сорорат¹, полигамия. Это народ со счетом родства по материнской линии, однако материнское право вытесняется отцовским.

Здесь, в экваториальной зоне, в системе питания место зерновых занимают клубневые: ямс, маниока, кассава. Некоторые из этих растений содержат ядовитые вещества, поэтому их долго вымачивают, разминают до тестообразного состояния и только потом варят. Из маниоки готовят муку *тапиока*, а потом пекут хлеб или (чаще) готовят густую кашу, которую едят с соусами, курицей, рыбой, дичью. При недостатке животной пищи охотно едят сушеных кузнечиков, саранчу, муравьиные яйца.

По побережью Индийского океана, на территории Кении, Танзании, на севере Мозамбика живут *суахили*. В этногенезе этого народа принимали участие местные этносы, пришлые арабы и индийцы, издавна торговавшие с Африкой, представители глубинных племен, попавшие на побережье в результате работорговли. Языком суахили — как языком межэтнического общения — пользуются до 90 млн человек. Суахили — один из официальных языков ООН. Народ суахили издавна занимался рыболовством, мореходством, судостроением, торговлей; суахили создали целый ряд прибрежных городов. Ведущая роль суахили в торговле на восточном побережье Африки отразилась в поговорке: «Когда на Занзибаре играют, вся Африка пляшет» (Занзибар — один из важнейших экономических, в том числе торговых, центров суахили). В сельской местности суахили возделывают кукурузу, просо, кокосовую пальму, корнеплоды, на островах — гвоздику и другие пряности. Суахили занимаются резьбой по дереву и камню, гончарством, ткачеством. Живут в четырехугольных деревянных хижинах с двускатной крышей, а в городах — в каменных домах в несколько этажей, с внутренним или задним двором. В культуре — материальной и духовной — и языке суахили заметно арабское влияние.

Значительную часть населения ЮАР составляют африканеры (буры). Некоторое их количество расселено в соседних с ЮАР странах, а также в Анг-

¹ *Левират* — предпочтительная женитьба на вдове брата; *сорорат* — предпочтительная женитьба вдовца на сестре покойной жены. Оба обычая препятствуют раздроблению семейного имущества.

лии, Германии, США. Буры — потомки осевших в Южной Африке переселенцев из разных стран Западной Европы. Первыми были голландцы (с 1652 г.), затем — французы-гугеноты. Вслед за служащими Голландской Ост-Индской компании, основавшими г. Капштадт (ныне — Кейптаун), здесь появились колонисты, занявшиеся сельским хозяйством (отсюда и название этноса: от голл. *боер* — крестьянин). Как особый этнос (с собственным этническим самосознанием и отличающий себя от голландцев) буры консолидировались к XIX — началу XX в. «Мы — тоже африканцы», — заявляют африканеры.

Основная часть буров живет на фермах, далеко отстоящих друг от друга, и занимается пашенным земледелием и скотоводством. Фермеры долгое время вели полунатуральное хозяйство, занимались также кузнечным ремеслом, ткачеством, обработкой кож, изготовлением фургонов, выработкой сахарного сиропа из корней баобаба и т.п. После поражения в англо-бурской войне (1899—1902)

многие буры, потеряв землю, переселились в города. Долгие годы они занимали доминирующее положение во внутренней политике Южной Африки, формируя до половины госслужащих и более 80% состава армии и полиции. С 1948 г., когда к власти в стране пришла бурская Националистическая партия, они проводили политику *апартхеида*, поставившую африканское население в положение полного бесправия. После падения этого режима в 90-х гг. XX в. африканеры считают себя национальным меньшинством. Значительная часть их готова к сотрудничеству с негритянским населением, но некоторые бурские общественные организации вынашивают планы создания отдельного африканерского государства.

Многие африканские народы занимаются преимущественно скотоводством. Это *фульбе*, *туареги*, *масаи*, зулу и др. Большинство из них разводит крупный рогатый скот, коз и нередко овец. Здесь есть как почти исключительно скотоводческие, кочевые народы, так и народы, в равной степени сочетающие земледелие и скотоводство, и наконец, народы, занимающиеся скотоводством лишь в качестве подсобного

Зулуска за изготовлением керамической посуды. ЮАР

(по отношению к земледелию) занятия. Но все виды скотоводческого хозяйства сближают общие черты. Для африканцев главное не продуктивность, а величина стада — она имеет престижное значение. Скот для скотовода — главное достояние и основа существования. Скот это также и одежда, обувь, утварь из кожи и шерсти, пища — молоко и реже мясо.

Перекочевки скота — сезонные. Они зависят от обеспеченности пастбищами и водой, а также от колебаний популяции мухи цеце, опасной для крупного рогатого скота. Традиционные пути перекочевок, сложившиеся в течение веков, используются и теперь, несмотря на появление государственных границ. Сейчас практикуется наем пастухов. За годичную работу пастуху полагается обеспечение пищей и одеждой, а в конце срока — годовалый бычок или бычок-трехлетка.

В своем большинстве *фульбе* (в Гвинее, Сенегале, Камеруне) ведут отгонное скотоводство. По окончании сезона дождей и уборки урожая кукурузы и проса они уводят свои стада к югу и проводят там сухое время года. На этот период строятся легкие временные жилища, а в основных поселениях остаются старики и дети. С началом дождей скотоводы возвращаются на север, с тем чтобы к началу полевых работ быть на месте.

В Восточной Африке самый известный скотоводческий народ — *масаи*, наиболее типичные кочевые скотоводы. Им близки *туркана*, *кипсигис*, *нанди* и др. Пастбой скота (зебувидный крупный рогатый скот) у масаев занимаются мужчины, его доением — женщины. Имеется ремесло — обработка кож и кости, выделка одежды и щитов.

У масаев в наибольшей, по сравнению с другими этносами, степени сохраняется система возрастных классов. Возрастной класс (или возрастная группа) формируется из сверстников, одновременно проходивших инициации. Такие обряды проводились (и отчасти проводятся теперь) у одних народов — раз в два-три года, у других — даже раз в семь лет. Поэтому в одну возрастную группу попадали молодые люди разного биологического возраста, но воспринимавшиеся как ровесники (люди одного социального возраста). Впоследствии они проходили многие ступени социализации, каждая из которых сопровождалась строгой обрядностью.

В зависимости от прохождения таких ступеней они получали разные права и обязанности. Маленькие мальчики пасли мелкий рогатый скот. Мужчины от 15 до 40 лет становились воинами, пасли крупный рогатый скот, жили отдельными поселениями и имели право присутствовать на народных собраниях. Внутри этой группы часто существовало деление на младших и старших воинов, из которых только вторые имели право жениться. Следующая ступень мужчин имела право руководить политическими и военными делами, а еще более старшие — выполнять жреческие функции. Нередко возрастные группы носили особые названия: «газель», «лев» и даже «аэроплан», «шиллинг». Во многих бесписьменных африканских обществах по таким возрастным классам велось летосчисление. Эта система имела два цикла — активный и пассивный. Пройдя все ступени активной жизни, человек вступал в пассивный цикл и начинал терять полученные ранее права (например, вместо решающего голоса получал совещательный и т.д.). В доколониальных государствах такие группы

Зулусская деревня

служили основой для формирования военных отрядов, а в колониальное время — для использования на принудительных работах. В современной Африке группы молодежи одного возраста используются для проведения различных общественных работ.

Зулусы — крупный этнос Южной Африки. В XIX в. они создали на основе системы возрастных классов развитую военную организацию. Традиционное скотоводство оставалось сферой деятельности мужчин. Женщины занимались мотыжным земледелием, возделывая сорго, просо, кукурузу, бобовые, изготавливали глиняную посуду, украшения из бисера, плетеные предметы. Мужчины также выделывали кожи, занимались кузнечным делом, резьбой по дереву и кости. За неимением лошадей, зулусы, как и их соседи, в качестве верховых и вьючных животных нередко использовали быков. Основным типом поселения у зулусов был *крааль*, состоявший из расставленных по окружности крытых циновками или шкурами полусферических хижин и загона для скота в центре. Перейдя к оседлости, зулусы стали возводить четырехугольные саманные (из необожженных кирпичей) дома с плоской крышей. Со второй половины XIX в. вместе с *коса* (второй крупный местный этнос страны) зулусы составляют основу городского населения, работников по найму и активистов политических организаций Южной Африки.

4. Ремесла народов Африки южнее Сахары

Фульбе, туареги, хауса — искусные кожевники. Они изготавливали, да и теперь изготавливают большие кожаные сумки, пояса, седла, сандалии, высокие сапоги для верховой езды, мешки для перевозки тяжестей, изящные переплеты для текстов Корана и т.п. Окрашенный в красные, зеленые, желтые

цвета, тонко выделанный сафьян издавна был и остается одним из важных товаров. Из бычьей кожи изготавливают плотные, но очень тонкие, почти прозрачные сосуды «таиду» для меда и масла, коробочки, футляры.

Наиболее искусные ткачи Западной Африки — *хауса*. Они не только снабжали своими яркими хлопчатобумажными тканями другие народы региона, но и продавали свои изделия в Северную Африку. Особенно ценилась хлопчатобумажная ткань с вплетенной в нее шелковой нитью. Самые популярные цвета — от бледно-голубого до густо-синего, интенсивность которого зависела от продолжительности окрашивания; краску добывали из индиго. Для получения красного, зеленого и желтого цветов использовали растительные красители. Ткани окрашивали в земляных ямах, где их выдерживали иногда до 10 дней. Ткали мужчины. Хауса пользовались довольно широким горизонтальным ткацким станком. У народов побережья Гвинейского залива (*йоруба*, *акан*) мужчины-ткачи используют узкие горизонтальные станки.

Изготовленные ткани — основной материал для шитья одежды. Традиционная одежда всегда выполняла не только утилитарные функции, но и служила этническим и социальным символом. Существовали разные типы одежды, ношение которой было четко регламентировано. В зависимости от места на социальной лестнице носили одежду разной длины, разного цвета, с разными рисунками и т.д. Сандалии, браслеты, шейные украшения (особенно красные бусы), накидки из шкуры леопарда — обязательные элементы одежды традиционной знати. Не случайно многие политические деятели африканских стран и теперь носят шапочки из шкуры леопарда или из ткани, имитирующей ее. Распространены были как несшитые, так и сшитые формы одежды. Минимумом одежды — передничками из кожи, украшенными бисером, — обходятся пигмеи и саан. *Ашанти* носят *кенте* — яркое полотнище, которым мужчины обвертывают тело, оставляя открытым правое плечо. На Мадагаскаре распространена *ламба* — накидка, носимая то как плащ, то как набедренная повязка. В Центральной Африке мужская одежда представляет собой несшитую «юбку» ниже колен; женская — кусок ткани, обернутый вокруг груди (другой кусок обвертывают вокруг талии). «Юбки» носят и мусульмане-мужчины Восточной Африки. Сшитая одежда (и поясная, и плечевая) также популярна. Так, традиционная верхняя мужская одежда хауса — широкая и длинная рубаха *тобе* и *шаровары*. Нагрудные карманы, ворот, узкие «манжеты» очень широких шаровар расширялись узорами. С эпохи Средних веков, с появлением на континенте арабов, а затем европейцев, дополнением африканского костюма стали сапоги, фески, чалмы, нагрудные цепи. А у женщин *гереро* (Намибия) народной одеждой стал голландский женский костюм XVII в.

К настоящему времени многие африканские народы утратили традиционную одежду и перешли к ношению одежды европейского (интернационального) образца. Наряду с этим распространяется тенденция возврата к традиционному костюму. Его прежняя смысловая нагрузка утрачена, однако одежда, напоминающая традиционную, отчасти символизирует приверженность к местной культуре.

Современные африканцы любят цвета одежды, неожиданные для европейского глаза, которые, однако, хорошо гармонируют с черной кожей. Сельские

жители, сменив традиционные материалы на ткани промышленного производства, как правило, сохраняют традиционные цветовые пристрастия. Например, молодые люди масаи, носившие накидки из кожи, делают ныне накидки из ситца в красно-коричневой гамме и сохраняют привычный способ ношения, перекидывая их через одно плечо.

Одно из самых развитых и древних ремесел — металлургия и обработка металлов. Вначале медь, железо и сплавы использовались главным образом для изготовления культовых предметов. Наибольшей древностью отличается обработка металлов в Нигерии (у народов *бини* и *йоруба*). Это ритуальные колокольцы, топоры, скульптурные изображения людей и животных. Главные центры этого искусства — древние города Бенин и Ифе. По всему побережью Гвинейского залива распространено искусство мелкой металлической пластики. Как и крупные изделия Бенина и Ифе («бронзовые» головы, фигуры, панно дворца правителя Бенина), она изготавливается методом литья. Орудия труда (рабочие части мотыг, ножи, наконечники стрел и копий, лезвия топоров) — выковывались. Ювелиры делали из меди, железа, бронзы, золота, серебра украшения: браслеты, кольца, шпильки для волос и пр. Ныне искусство металлургии утрачено, кузнецы, еще сохранившиеся в глубинке, работают, используя металлический лом.

У народов лесной зоны кузнечное ремесло считалось почетным занятием. Жены кузнецов традиционно занимались выделкой глиняной посуды. Гончарного круга здесь не знали, а использовали технику изготовления керамики на лепом.

Резьба по дереву — столь же древнее искусство. Из дерева делали табуреты, скамеечки-подголовники, чаши, барабаны и пр. Они украшались зоо- или антропоморфной резьбой, а в зонах преобладания ислама — геометрическим или растительным орнаментом. Наиболее искусные резчики по дереву в Западной Африке — *сенуфо*, *дого*, *бамбара*, *ашанти*, в Центральной Африке — *куба* и *луба*, в Восточной Африке — *маконде*, прославившиеся прорезной деревянной скульптурой. У бамбара и сенуфо распространены были прорезные маски-наголовники. Народы лесной зоны изготавливали маски-личины, деревянные основы которых декорировались раскраской, кожей, металлом, растительными волокнами, раковинами каури. Маски использовались в ритуалах традиционных культов — духов плодородия, природы, предков. Ныне часть подобных ритуалов десакрализована, становится частью маскарадов, празднеств, представлений национальных балетов и т.д.

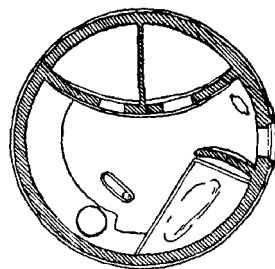
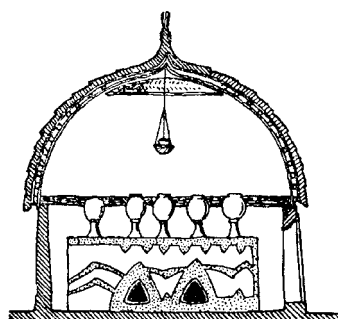
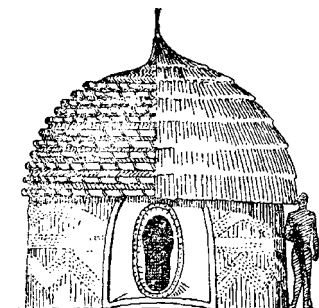
Для большинства народов Африки к югу от Сахары типично натуральное хозяйство. Но у некоторых этносов Западной Африки (фульбе, хауса, сонгаи и других) сложились своеобразные замкнутые эндогамные «касты» ремесленников. В наши дни судьбы разных ремесел сложились по-разному. Народная металлургия и кузнечное ремесло почти полностью исчезли. Своеобразный бум (правда, с потерей качества) переживает резьба по дереву. Сохраняется ткачество. Появились профессиональные ювелиры, скульпторы. Сохранение отдельных видов ремесла объясняется недостаточным снабжением населения современными промышленными изделиями. Правительства многих стран, понимая, что традиционные ремесла имеют не только утилитарное, но и худо-

жественное значение, поощряют их развитие, создают специальные школы и ремесленные училища.

Типы жилища у народов, живущих к югу от Сахары, зависят от их хозяйственной деятельности, строительного материала и этнических предпочтений. Самые примитивные формы — у саан Южной Африки. Ранее они делали только ветровые заслоны, позднее — временные легкие хижины. Пигмеи экваториальных лесов строят легкие маленькие круглые хижины, покрывая их плотными листьями фикуса. Кочевники пустыни и полупустыни сооружают легкие переносные жилища, крытые шкурами, циновками или ковровыми тканями. В районах полупустынь как земледельцы, так и оседлые и полuosедлые скотоводы для строительства жилищ используют глину, камень, траву; в саваннах — дерево, а для покрытия крыш — стебли проса, хлопчатника и других растений. В лесных районах основными материалами служат пальма, бамбук, листья банана и пр. У многих народов Камеруна, центральных областей Нигера и др. распространены круглые в плане хижины. У хауса, акан, йоруба отдельные помещения прилепляются друг к другу, с выходами во внутренний двор, и вся усадьба представляет собой замкнутый многоугольник. Частью такого жилища является «проходная» хижина. В ней принимают гостей, не всегда приглашая их во внутренние помещения. Глинобитные жилища часто украшают барельефами — в виде геометрических или растительных орнаментов. *Бамилеке* Камеруна украшают деревянные притолоки домов искусной резьбой. Народы бассейна Конго (*куба* и др.) возводят стены жилищ методом плетения, украшая их цветными узорами; у ндебеле и их соседей (на юге Зимбабве, в Ботсване, на севере ЮАР) — дома глинобитные, со стенами, расписанными яркими цветными узорами. В сахельской зоне Западной Африки сложился особый «суданский» стиль жилища, для которого, в частности, характерно наличие зубцов по краям крыши.

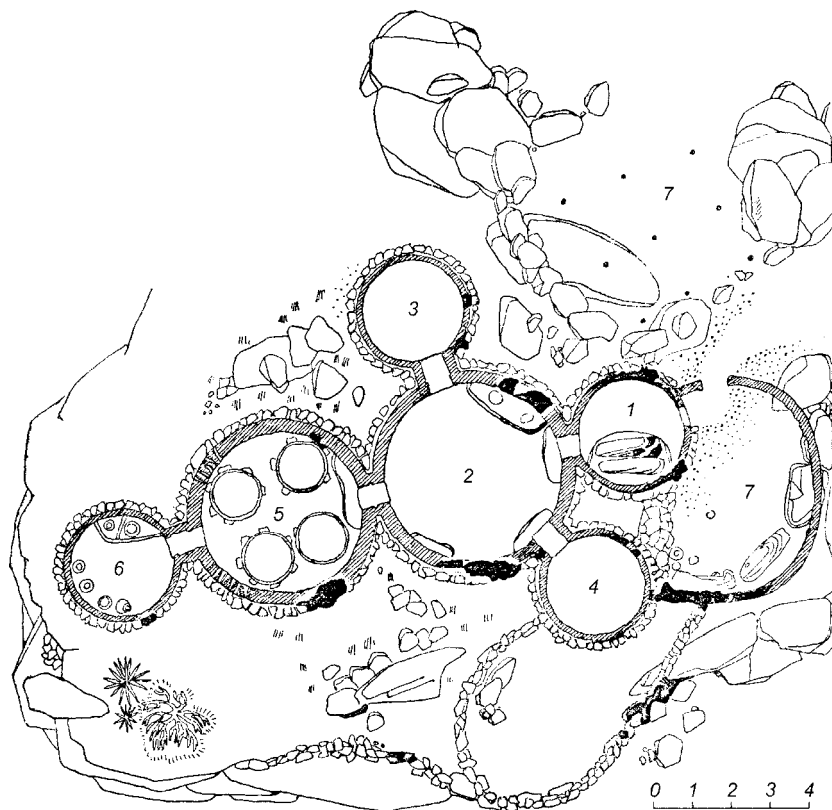
Группу хижин, обнесенных изгородью, занимает одна семья. Полигамные семьи имели отдельные хижины для каждой жены с маленькими детьми, для более взрослых детей, для хранения зерна и пр. Встречаются деревни как кругового, так и уличного плана.

Ныне «большесемейные» связи сохраняются лишь как межличностные связи: есть чувство родства, близости и, как следствие, право и обязанность взаимопомощи. На смену полигамным приходят моногамные семьи. У многих народов побережья Гвинейского залива и Центральной Африки сохраняется

0 1 2 м

Фасад, разрез и план
хижины масса. Камерун

План усадьбы мофу. Камерун.

- 1 — помещение главы семьи; 2, 3 — помещения женщин и детей;
4 — телятник; 5 — зернохранилище; 6 — кухня; 7 — навес

материнский счет родства. Дети после 10 лет уходят жить к братьям матери, а их место занимают племянники — дети сестры отца. Главой семьи в таких обществах является дядя — брат матери. Женщина в браке сохраняет известную самостоятельность, она имеет в собственности орудия и продукты труда, возможен и развод по инициативе женщины.

5. Конфессиональная ситуация и духовная культура

Верования народов, населяющих Африку к югу от Сахары, очень разнообразны. Здесь распространены и родо-племенные культы, и смешанные формы (афро-христианские церкви), и ислам, и разные толки христианства.

Многие этносы сохраняют традиционные религиозные верования (в Буркина-Фасо, например, таких от 60 до 70% населения) — анимизм, фетишизм, родо-племенные культы, веру в духов природы, культ плодородия, культ предков. Чаще всего элементы всех этих верований синкретически связаны. Очень живучи черты тотемизма. У скотоводческих народов новорожденному дарят бычка, которого считают имеющим единую душу с мальчиком. Земледельцы

посвящают новорожденному банан или дерево. Многие народы считали своим предком какое-нибудь животное — слона, льва, питона, газель. Некоторые животные (лев, орел, леопард) считались тесно связанными с предками вождей или верховных правителей.

До сих пор важную роль сохраняют тайные общества (наибольший ареал их распространения — побережье Гвинейского залива). Членство в них было вершиной социализации членов племени. Выступая как бы от имени духов (и в их облике — маске), члены тайных обществ решали вопросы войны и мира, выполняли функции судебных органов, наказывали «нарушителей порядка». В раннегосударственных союзах такие общества («Огбони» у йоруба в Нигерии) служили опорой власти. Ныне наиболее распространен союз «Поро». Он имеет надэтнический характер и существует у многих народов Гвинейского побережья. Это мужской союз, но есть и женские: «Санде» и «Бунди» (в Сьерра-Леоне, Либерии, Гамбии и др.). Членами таких союзов нередко бывают как христиане, так и мусульмане, а также представители новой элиты. Так, в конце XX в. высокопоставленный чиновник одного из министерств в Сьерра-Леоне заявил: «Я сам являюсь посвященным членом тайного общества Поро и одновременно исповедую христианскую религию. Одно другому не мешает...»

Африканцы сохраняют веру в колдовство, амулеты, а также разные формы магии. Нередко сохраняется вера в круговорот жизни, когда умершие якобы становятся духами, а затем — через новорожденных — вновь возвращаются в мир людей. Именно предки являются настоящими хозяевами всего, что имеет община. Посвященные им обряды совершаются перед началом хозяйственных сезонов. Они проводятся либо на поле, либо перед могилами предков. Некоторые народы делали изображения предков — деревянные фигурки с отверстиями в животе, чтобы можно было «кормить» духа. Другие для духов выливали на землю первую каплю молока или пива. Отношение к духам было противоречивым — их и боялись, и почитали, и призывали на помощь. Культ предков часто сливался с культами природных стихий. Главное место занимали духи, связанные с водой, а среди жрецов — вызыватели дождя.

В доколониальных государствах культ предков верховного правителя становился общегосударственным. Да и сам верховный правитель рассматривался как «священный царь-жрец». Полагали, что он осуществляет связь между миром живых и миром мертвых, является символом здоровья, богатства, благополучия всего народа. По бытовавшим представлениям, его дух после смерти оставался жить в особых предметах — подголовных скамеечках (у ашанти), скульптурных портретах (у куба), барабанах (в Руанде) и т.д.

У ряда народов сложились системы политеизма. Среди богов фигурировали предки основателей государства. Пантеон бывает очень велик, у йоруба, например, он насчитывает более 200 божеств. Среди них главнейшие: Огун — бог войны и железа, Олорун — владыка неба, Олороза — покровительница домашнего очага, Олокун — бог воды и другие. В наши дни они не только не исчезли, но и сменили функции. Так, Огун стал рассматриваться как покровитель механиков и водителей.

Все ритуалы (при отсутствии храмов) проводятся под открытым небом, на полях или в священных рощах. Ритуалы, связанные с верой в духов, обращением к ним в трудных ситуациях, как и ритуальное очищение, встречаются во многих

районах Африки к югу от Сахары. Такие ритуалы совершали участники восстаний в Юго-Западной Африке (совр. Намибия) на рубеже XIX—XX вв., в Танганьике в 20-е гг. XX в., в Кении в 50-е гг., в Нигерии во время гражданской войны (2-я половина 60-х гг.).

Около трети населения Черной Африки исповедует различные толки христианства. В бывших колониях Франции, Португалии, Бельгии — больше католиков, в прежних владениях Германии и Англии — протестантов. Почти половина всех протестантов живет в ЮАР. В это число входят и африканеры. Первые христиане (португалыцы) появились в Африке к югу от Сахары еще в середине XV в. В конце этого столетия подверглись крещению правители Бенина (Нигерия), Конго, Мономотапы (на территории Зимбабве). Но широкое распространение христианства началось лишь в XIX в.

Христианство долго воспринималось африканцами как религия, связанная с колонизаторами. Поэтому на основе христианских учений возникали особые системы верований — афрохристианские церкви или секты (на побережье Гвинейского залива, в бассейне Конго, в Южной Африке). Основатели их объявляли себя пророками, использовали в богослужении местные ритуалы и элементы традиционных верований. При отсутствии политических партий афро-христианские общины долгие годы служили выразителями идей национально-освободительной борьбы. В Южной Африке эти церкви много сделали для борьбы против политики «апартхеида». Сейчас большинство из них отошло от политической деятельности.

Христианские миссионеры, с одной стороны, проводят большую социальную работу (создают школы, больницы, занимаются благотворительностью), а с другой — проводят политику «африканизации» христианства, ставшую официальной политикой Папства в Африке. Белые священники заменяются местными уроженцами, есть уже чернокожие епископы и кардиналы. В богослужении разрешается использовать местные языки, проводить мессы под открытым небом, употреблять традиционные музыкальные инструменты, допускается пение и танцы во время службы. Среди африканцев все более распространяется убеждение, что Христос, Дева Мария и апостолы были чернокожими.

Мусульмане есть почти во всех странах Черной Африки, но основная масса их живет в Восточном (суахили и другие) и Западном (хауса, фульбе, многие народы Гвинеи, Сенегала и других стран) регионах. Здесь ислам появился раньше христианства и давно стал «своей» религией. Нередко (как, например, в Сенегале и Мали) сопротивление европейским колонизаторам проходило под знаменем ислама. Первыми распространителями ислама были средневековые купцы. Они основывали мечети, становившиеся опорными пунктами новой религии, создавали коранические школы, а в Томбукту и Дженне (современное Мали) — и высшие учебные заведения. В XIII—XVI вв. правители Западной Африки совершали хаджи в Мекку, собирали библиотеки, поощряли собственных правоведов, богословов, ученых. На основе арабского алфавита, приспособленного к местным языкам, составлялись хроники. Ислам не вытеснил полностью домусульманские верования, а включил в себя многие из них. Гвинейский ученый Ампате Ба говорил об исламе в Африке: «Ислам — что вода. Ведь она принимает форму того сосуда, куда ее нальют, и цвет той почвы, где

она пролита». Среди мусульман Африки есть и представители инациональных общин — арабы, выходцы из Пакистана и Индии. Сейчас ислам в Черной Африке активизировался, число мусульман растет.

Около 70% потомков выходцев из стран Индостана — индуисты, буддисты, джайны. В некоторых городах Восточной и Южной Африки (в Момбасе в Кении, в Дурбане в ЮАР) воздвигнуты индуистские храмы. Сохраняются обрядовые праздники, очистительные ритуалы, пищевые запреты. Ослаблена, но не исчезла полностью кастовая замкнутость.

Как и другие народы мира, африканцы немало внесли в сокровищницу мировой культуры. Это, например, опыт хозяйственного освоения и жизни в таких экстремальных природных условиях, как иссушающий зной пустынь и вечный душный сумрак экваториального леса. Народы, живущие в этих условиях (например, саан), разработали технику выживания, использования для еды весьма скудных пищевых ресурсов. Африканцы разработали ряд приемов традиционной медицины, лекарства против тропических болезней, дающие порой хороший результат. В Африке domesticiрованы многие растения (пшеница, кофе и другие). Важен и экологический опыт традиционного хозяйствования охотников-собирателей, земледельцев, скотоводов. Отход от традиционных технологий во многих случаях привел к эрозии почв, вырубке лесов, опустыниванию и т.п. А это наносит урон не только Африке, но и всей Земле. Трудовые навыки и умение африканских рудознатцев, земледельцев, хлопкоробов, вывезенных как рабы в Новый Свет, помогли освоению Северной и Южной Америки.

У некоторых африканских народов (например, у хауса и суахили) письменная литература имеет долгую историю. Это религиозная литература, гимны, стихи и поэмы, исторические хроники. У других, ранее бесписьменных народов, литераторы-профессионалы появились сравнительно недавно. Однако устные жанры литературы (сказки, эпос, устная традиция и т.д.) многообразны. Фольклор питает и творчество современных писателей. Далеко за пределами африканского континента известны имена Чинуа Ачебе и Киприана Эквенси из Нигерии, Сембена Усмана и Леопольда Седара Сенгора из Сенегала, Нгуи ва Тхионго из Кении, бурской писательницы О. Шнейдер из ЮАР. Чаще всего писатели пользуются французским, английским, португальским языками. Однако появляются произведения и на местных языках, более всего на суахили и хауса.

На базе устного и письменного творчества, а также ритуализированных красочных обрядов, утративших сакральный смысл, возникли местные драматургия и театр, а затем и киноискусство. Традиции и сюжеты фольклора стали основой репертуара разнообразных национальных балетов, возникших почти во всех странах континента.

Современные архитекторы заинтересовались строительными традициями африканцев. На почве африканской музыки выросли джаз, спиричуэлс, самба. Музыка «рэгги» также имеет африканскую основу. В Латинской Америке — на островах Карибского моря и в Бразилии — сложились религиозные направления (вудуизм, культ Шанго и другие), корни которых — у народов йоруба и фон, проживающих на гвинейском побережье.

Деревня догонов. Мали. На переднем плане, под тростниковыми съёмными кровлями, — зернохранилища

6. Население островов Индийского океана

Мадагаскар и другие острова Индийского океана относятся к Африке. Здесь еще в древности (с X в. до н.э. до середины I тыс. н.э.) возник ряд поселений выходцев из северо-восточных областей Индийского океана (хотя до сих пор идут споры о конкретной прародине переселенцев — Индонезии, Полинезии или Микронезии). Мальгашский язык принадлежит к австронезийской семье и близок языкам Малайи и Индонезии. Многие элементы культуры также связаны с культурой народов Юго-Восточной Азии и не имеют аналогов в Африке. Это — лодки с балансиrom, устройство и внутренняя планировка жилища, погребальный культ с надгробными столбами (*сампи*), технология возделывания риса и т.д. Позднее на острове появились пришельцы с африканского материка. Таким образом, современное население Мадагаскара представляет собой результат длительного культурного взаимодействия.

Главные местные культуры — рис и кукуруза — как основа питания, кофе и ваниль — как экспортные. Рисоводство связано с ирригацией и террасированием. До недавнего времени господствовала подсеčno-огневая система с использованием мотыги. Уборка риса производилась вручную, обмолот осуществлялся палками или прогоном скота по расстеленным на земле стеблям. Рис варят на медленном огне и едят с острыми приправами из овощей, рыбы или мяса с перцем, шафраном и другими пряностями. В более сухих районах место риса

занимает кукуруза; также выращивают картофель, фасоль, сахарный тростник, разводят фруктовые сады, держат пчел и шелковичных червей. На западе и в гористом центре острова земледелие дополняется скотоводством — разведением крупного рогатого скота (зебу), коз, овец, свиней.

Природные условия Мадагаскара способствовали формированию трех отличающихся по особенностям быта и культуры районов. *Бецимисарака* и другие этносы, живущие на востоке, строят дома на сваях. Обитатели запада (*сакалава*) и юга (*антадруи*) строят поставленные прямо на землю жилища с тростниковыми стенами. У них встречаются как круглые, так и квадратные в плане дома. *Мерина* и *бетилеу*, проживающие в горах в центре острова, для возведения домов используют камни и глину. Их жилища однокамерные, прямоугольные в плане, с высокой островерхой крышей.

Дверь в жилищах находится в западной стене, очаг располагается внутри помещения. «Почетная» половина — северная; здесь находятся предметы культа и постель хозяина. Она представляет собой высокое сооружение на своеобразном ларе, где хранят припасы. Южная часть жилища — хозяйственная, в ней хранят утварь и сельскохозяйственные орудия, иногда выгораживают место для коз и овец.

Из домашних ремесел сохраняются плетение и ткачество. Из тростника и соломы плетут корзины, циновки для пола и стен, а также женские сумочки, кошельки, занавеси.

Одеждой мадагаскарцев давно уже стала одежда общеевропейского типа, но сохраняется традиционная широкая накидка — *ламба*, как правило, белого цвета. Ее носят и как плащ, и как покрывало, и обворачивают поверх повседневного костюма.

На Мадагаскаре есть и христиане (католики и протестанты), и мусульмане, но значительная часть населения придерживается традиционных культов, среди которых ведущее место занимает культ духов природы и культ предков.

Население других африканских островных государств бассейна Индийского океана — Маврикия, Сейшел, Комор — имеет сложное происхождение (как правило, не связанное с Африкой).

Малагасийка по дороге на рынок. Мадагаскар

7. Городское население Африки южнее Сахары

Тропическую Африку часто рассматривают как сугубо деревенский регион. Между тем здесь есть крупные, многомиллионные города. Среди них: Лагос (Нигерия) — около 10 млн жителей; Киншаса (Демократическая Республика Конго) — более 8 млн; Дакар (Сенегал), Найроби (Кения) и Йоханнесбург (ЮАР) — свыше 2 млн в каждом; Аккра (Гана), Аддис-Абеба (Эфиопия) и Дар-эс-Салам (Танзания) — примерно по 2 млн в каждом; Хараре (Зимбабве) — более 1,5 млн; Конакри (Гвинея) и Бамако (Мали) — по 1 млн жителей. Доля горожан в разных странах континента различна; нередко (как в Бурунди, Чаде, ЦАР) большая их часть сосредоточена в столице. В ЮАР в городах проживает около 60% всего населения, в Западной Африке — свыше 25%, в Восточной Африке — около 20%. Темпы урбанизации очень высоки и быстро растут за счет притока в города беженцев, спасающихся от засухи, военных невзгод, деревенской нищеты.

Городская цивилизация Африки южнее Сахары имеет долгую историю. Арабские путешественники средневековья упоминают свыше 90 городов. Значительная часть африканистов долгое время рассматривала их как порождение арабской деятельности и культуры и отрицала их собственно африканские корни. На деле же здесь проявился своеобразный сплав африканской и арабской (точнее, мусульманской) культур. Все эти города играли большую роль в истории Африки как пункты наиболее ярко выраженной имущественной и социальной дифференциации, как центры ремесла и торговли, как места столкновения и взаимовлияния кочевнической и земледельческой культуры, как очаги этнического смешения, как проводники иноземных влияний и т.д.

Планировка городов была связана не только с особенностями географического положения, но и с господствующим мировоззрением. Города йоруба (Нигерия) и шона (Зимбабве) имели круговую, концентрическую планировку, в соответствии с мифами о происхождении мира и данного народа в центре мироздания. Акцентирующими центрами были святилища и дворцы правителей (которые из-за сакрального характера власти их хозяев также рассматривались как святыни) со священными рощами. С усилением христианизации и исламизации такими центрами стали церкви и мечети, которые нередко строились рядом с традиционными «святыми» местами, а во дворах церквей и мечетей еще и теперь можно увидеть традиционные священные деревья. Большая площадь перед дворцом, церковью или мечетью служила рынком, центром общественной жизни. Расселение жителей соответствовало их занятиям, часто совпадающим с этнической принадлежностью. В некоторых городах существовало довольно много ремесленных корпораций, образывавших свои кварталы. Так, в средневековом Бенине (Нигерия) было более 40 таких кварталов.

На протяжении своей истории африканские города были центрами взаимодействия разных культур. Здесь происходило этническое смешение, они служили основными каналами распространения чужой культурной традиции. Изначально в городах появлялись не только торговцы, но и проводники новой идеологии, бытовой культуры, архитектурных стилей и т.д. Все это не просто переносилось на новую почву, но перерабатывалось, в результате создавались неизвестные ранее формы. Именно в городах возникало сознание принадлеж-

ности к единому целому и формировалось общезнаменное и общегосударственное самосознание. Через города распространялось египетское и ближневосточное влияние в древности и Средневековье, греческое, индийское, армянское, а затем и воздействие общемусульманской и, конечно, европейской культуры.

Влияние иноземцев было заметно и внешне. Горожане начинали носить мусульманские и европейские одежды, что было особым знаком престижа (появились сапоги, головные уборы, плащи и т.п.). Образцы их можно видеть на средневековых европейских гравюрах. Путешественники-арабы описывали индийскую и иную восточную мебель, ковры, светильники, китайский фарфор в домах правителей Сеннара, Эфиопии, восточноафриканских городов.

Немалые изменения под влиянием иноземных культур происходили в городской архитектуре. Специалисты считают, что из арабской архитектуры пришли стрельчатые арки, из индийской — луковичные купола, аркады галерей с килевидными очертаниями и т.п. Еще заметнее эта пестрота стала в колониальный период.

В эпоху колониального раздела Африки большинство ее древних городов либо исчезло с карты континента (Аудагост, Ниани и др.), либо потеряло прежнее значение. Лишь немногие (Момбаса, Малинди) развились в крупные современные центры или стали столицами современных государств (Уагадугу, Могадишо).

Наряду с этим появились новые центры. Уже в XVII—XVIII вв. торговля с европейцами — сначала слоновой костью, пальмовым маслом, специями, а затем рабами — стимулировала развитие таких городов в землях народов, живущих на побережьях. Позднее города нового типа стали вырастать из европейских фортов, миссий, торговых факторий, центров горнодобывающей промышленности, плантационного хозяйства или железнодорожного строительства. Среди новых горожан были, естественно, представители разных народов той или иной колонии и соседних земель (вследствие несовпадения границ колоний и этнических территорий). Создавались зоны притяжения и миграций, сначала — временных, а затем — и постоянных (на юг Ганы и Кот-д’Ивуара — народов из лежащей севернее полосы саванн; в ЮАР — из Мозамбика и Ботсваны; на юго-восток Демократической Республики Конго, Замбии и Зимбабве — из Анголы и сопредельных стран и т.п.). Чаще это происходило стихийно. Однако велась и целенаправленная политика. Крупное железнодорожное строительство и создание плантационного хозяйства в Уганде и на Юге Африки потребовало ввоза туда больших партий так называемых законтрактованных рабочих из Британской Индии. Эти переселенцы стали постоянным элементом городского населения Восточной и Южной Африки, пополнив старые торговые общины. К ним добавились индийцы из числа служивших в колониальных частях британской армии, составлявших большинство в ее гарнизонах в Восточной Африке — от Сомали до Занзибара.

Европейцы вели строительство в городах своих африканских владений. Во многих из них и теперь можно увидеть «голландские», «немецкие» и иные здания и храмы. Европейские черты стали появляться и в старых, исконно африканских городах, меняя их облик. Прежняя застройка становилась «старым» городом в рамках нового, европеизированного. Менялась и функциональная направленность городов: они все больше превращались в административные

центры новой власти, где появлялись чиновники, священнослужители, работники сферы обслуживания, мелкие служащие, рабочие (вначале только европейцы, а затем и африканцы). До ликвидации расистского правительства белого меньшинства в Южной Африке африканцам — жителям этой страны — жить в городах не разрешалось. Так вокруг южноафриканских городов возникли особые поселки — «тауншипы». Для «тауншипов» типичны стандартные одноэтажные дома под железной крышей, «бидонвили» и бараки.

Города стали ядрами формирования нового колониального общества. В колониях, заселенных разными народами, находившимися на неодинаковых ступенях социально-экономического развития, существовала единая система управления, для них устанавливали общий язык, открывали школы с единой программой, вводили общие правовые нормы, правила поведения в быту и т.д. Принятие этих норм считалось образцом. Постепенно складывался и единый, независимо от этнической принадлежности, тип поведения. Первые попытки осмысления традиционной культуры, создание кружков интеллигентов с целью возрождения ее — все это явления городской культуры.

Теперешние города Африки стали еще пестрее, чем ранее. Они все больше притягивают мигрантов из сельской местности. Засуха, имевшая место в Западной Африке, привела к бегству в города даже кочевых народов — в городах Гвинейского побережья оказались туареги.

Недавние мигранты стараются селиться в городах рядом со своими соплеменниками. Так, в Дуале (Камерун) до сих пор существует квартал «Конго».

В современной Африке именно города формируют и аккумулируют общегосударственное сознание и общегосударственную идеологию. Города издавна служили «котлами» этнического смешения. Однако сегодня явственно выступает двойственная роль города в этом процессе. С одной стороны, рабочий-отходник — вчерашний деревенский общинник — чувствует здесь себя одиноким, затерянным, инстинктивно тянется к соплеменникам. Создавались разнообразные культурные ассоциации, сплавлявшие единоплеменников в чуждом окружении, из которых со временем нередко вырастали политические партии («Союз детей Одудува» в Нигерии, АБАКО — «Ассоциация народа баконго» — в Демократической Республике Конго и Анголе и т.п.). С другой стороны, совместная жизнь, работа на современных заводах, борьба за свои права — все это размывало изолированность, создавало новый тип горожанина. Сама жизнь в городе, постоянное столкновение с представителями различных народов приводили и приводят к постепенному преодолению чувства этнической обособленности, нарушению изолированности отдельных земляческих союзов, к культурному сближению.

Еще нет ни одной страны Африки, где можно было бы говорить об общей, единой этнокультурной среде. Однако происходит процесс взаимовлияния разных этнических культур.

Выработка общих стереотипов быстрее и заметнее происходит в материальной культуре. Наблюдается быстрая стандартизация жилища, одежды, орудий труда, пищи. Именно в этой сфере бытовой культуры сохраняется все меньше не только этнических особенностей, но и вообще африканского элемента. Стремление современных архитекторов возродить и закрепить в городе традиционные черты народной архитектуры касается в основном лишь общественных

зданий — банков, дворцов, офисов, туристских комплексов и т.п. Проекты строительства целых городских кварталов в духе традиционной застройки хотя и отмечаются премиями на международных конкурсах, обычно остаются лишь проектами. Орудия труда, утварь и проч. используются только фабричного (нередко европейского) производства.

Несколько иначе обстоит дело с одеждой. Интернациональная одежда европейского образца, конечно, вытесняет национальную. В Африке есть страны (например, Мозамбик), где народная одежда уже утрачена. Но имеет место — особенно с последних десятилетий XX в. — и другой процесс: широкое распространение некоторых типов традиционной одежды (или модернизированной на основе традиционной). Так, *кенте* в Гане носят не только ашанти; шамму — рубаху или платье с характерной вышивкой — в Эфиопии — не только амхара. В Демократической Республике Конго элементами церковного облачения католических священников — независимо от этнической принадлежности — стали парадные шапочки куба.

Во всей Западной Африке широко распространены свободные одеяния типа «бубу» (по происхождению — одежда фульбе и хауса) или типа «агдади» (по происхождению — йоруба). В Центральной Африке длинные платья или юбки с блузами воспринимаются как традиционный костюм, хотя на деле для народов этого региона была характерна поясная, а не плечевая одежда.

Некоторые виды народной одежды особенно популярны в Западной Африке. Складывается новый «африканский» тип. Основу мужской одежды нового типа составляют два варианта просторной рубахи хауса. Первый из них — это длинная, по шиколотку, свободная одежда, поверх которой носят либо традиционные накидки, либо европейские пиджаки. Другой — рубаха с короткими или длинными рукавами и свободные брюки из той же ткани. Женская одежда («гвинейский костюм») состоит из узкой длинной юбки — сшитой или несшитой, — кофточка и полотнища, обвертываемого вокруг талии, которым также привязывают за спиной ребенка. Последний элемент этого кос-

Современная одежда женщин йоруба. Нигерия

тюма — причудливо повязанный головной платок, часто из той же ткани. В некоторых странах традиционным мужским костюмом объявлен легкий костюм с курткой типа китайского кителя. В обыденной жизни часты сочетания элементов традиционной и европейской одежды: мужская юбка и пиджак, брюки и свободная рубаша «бубу» и т.д. Все чаще традиционная одежда (не обязательно своего этноса) становится торжественной или престижной и принимает над-этнический вид «африканского» костюма.

Значительные изменения претерпевает в городах бытовая обрядность. Основные обряды жизненного цикла (рождение, наречение имени, инициация, свадьба, похороны) постепенно утрачивают былое значение либо видоизменяются. Современная *антропонимия* (система личных имен) десакрализована (утеряла свое ритуальное значение). В ней видно влияние и европейских, и арабских систем именословия. Под явным влиянием европейской традиции протекает процесс образования фамилий.

Под воздействием социально-экономических изменений ряд народов Африки утратил в городах и обряды инициации. Там же, где они сохранились, они существенно изменились. В городах со смешанным населением они уже не имеют замкнутого, узкоэтнического характера. Так, наблюдения в Замбии показали, что обряды инициации у девушек-горожанок в Лусаке проводятся по единому ритуалу (народа *бабемба*), хотя участницами их являются все девушки квартала, независимо от этнической принадлежности. Для обрядов обрезания, долее других элементов инициации сохранившихся у народов континента, приглашаются знаменитые целители из других этносов; зачастую они проводятся хирургами в больницах без соблюдения какой-либо обрядности. Еще соблюдается (хотя уже реже) традиция отправлять детей на лето к деревенским родственникам, где обрядность соблюдается более строго.

Свадебные и похоронные обряды, даже при принятии христианства или ислама, сохраняют свою традиционную специфику. Так, для признания брака законным в глазах общества помимо его регистрации или венчания необходима уплата выкупа общине и устройство пира, перед захоронением — поиски колдуна, наславшего смерть. Местные ученые полагают, что многолюдные и сложные церемонии свадеб и похорон, несмотря на «непроизводительные» траты, являются почти единственным этносохраняющим элементом в условиях городской жизни.

Нарушается локальный, узкоэтнический принцип традиционных верований, что особенно часто заметно в экстремальных ситуациях.

Городская жизнь с ее этнической и конфессиональной пестротой породила и веротерпимость. Нередки случаи сосуществования мусульман, христиан и приверженцев местных культов в рамках даже одной семьи.

Значительные изменения происходят и в сфере обычного права. Нормы, регулирующие жизнь определенного этноса, расширяют сферу своего действия или, напротив, сужают ее, теснимые нормами других, соседних народов. Особенно четко это проявляется у народов, еще сохраняющих материнский счет родства и связанные с ним нормы. Под влиянием расселения (зачастую — территориальной удаленности малой семьи от семей родственников матери), миграций, соседних патрилинейных народов и т.п. у них возрастает фактическая роль отца — в ущерб роли дяди — брата матери.

За рамки отдельных этносов выходит и потерявшее в значительной мере ритуальную окраску музыкально-танцевальное искусство. Оно утратило замкнутый сакральный характер. Музыкальная культура современной Африки использует не только разные инструменты и стили народов континента (в частности, и ныне повсеместно распространены барабаны), но и инструменты, пришедшие с других материков — гитару, саксофон, а также американские (особенно кубинские и бразильские) ритмы.

В современных африканских городах существуют и инациональные общины — индийцев, армян, выходцев из разных стран Европы (например, немцев в Намибии, португальцев — в Анголе и Мозамбике, англичан — в Кении и т.д.). Они нередко считают себя гражданами тех стран, где они живут и где составляют существенную часть городского населения. После обретения независимости во многих странах континента стала проводиться активная политика африканизации, вытеснения европейцев и других чужаков. В результате последние были вынуждены либо добровольно покинуть эти страны (как французы в Алжире), либо их подвергали насильственному выселению (как индийцев в Кении и Уганде в 70-е гг. XX в.). В Зимбабве с начала XXI в. осуществляется насильственная национализация земель белых фермеров и «выдавливание» европейцев из страны. Сейчас такая жесткая политика проводится в ЮАР, порождая даже проявления «черного расизма» (его проводником стала, в частности, зулусская «Партия свободы — Инката»). Пока еще трудно сказать, удастся ли общинам чернокожих африканцев и африканеров сохранить приемлемую модель сосуществования, созданную под руководством Н. Манделы и Ф. де Клерка в конце XX в.

8. Особенности этнического развития в странах Африки южнее Сахары в Новейшее время

Процессы складывания народностей и наций в Африке протекали медленно. К началу колониального раздела континента и вовлечения его в орбиту мирового хозяйства они еще не завершились. Естественное течение этнического развития было прервано империалистическим разделом континента и созданием колоний.

Уже в ходе колонизации в Африке «классические» племена стали редкостью. Это чаще всего была лишь форма, прикрывавшая новые социальные отношения, формирование классового общества. С установлением колониального господства администрацией ряда колоний была сделана ставка на искусственное сохранение, консервацию или даже восстановление племенной организации.

Колониальный раздел континента привел к расчленению многих этносов. Большинство африканских народов оказалось разорвано политическими границами: *эве* оказались в Того и Дагомее (современный Бенин), *баконго* — во Французском Конго, Анголе и Бельгийском Конго, *сомали* — в пределах Британского, Итальянского и Французского Сомали, Эфиопии и Кении, территория *хауса* тоже была разбита между Нигерией и соседними странами. Экономические, культурные и иные связи стали развиваться не на традиционной этнической территории, а вне ее, тяготеть к центру колонии. Естественный процесс укрупнения этносов за счет включения ассимилированных племен также был задержан.

Замедлился и естественный процесс складывания языковых общностей больших этнических массивов во многих регионах. Введение для письменных языков латиницы вместо *аджамии* (арабской графики с добавлением знаков для звуков, не имеющих аналогий в арабских языках) привело к снижению культуры письменной речи, резко сократило число грамотных и препятствовало развитию языков, имевших письменность. Языками управления, прессы, школы, а позднее радио и телевидения стали языки метрополий. Человек, покинувший племя, должен был знать именно этот престижный язык. Отпала, таким образом, объективная необходимость в развитии языков межплеменного общения — их функции перешли к европейским языкам. Это препятствовало превращению какого-либо языка в язык всей колонии, а затем в литературный. Нередко оказывалось, что представители одного этноса, попавшие во владения разных европейских держав, были вынуждены пользоваться разными языками. Так, баконго стали говорить по-французски (Конго) и по-португальски (Ангола), а хауса — по-английски (Нигерия) и по-французски (Нигер).

Затруднялись и процессы складывания региональных культур. В течение многих столетий народы Африки создавали свои самобытные культуры. Это культурное наследие могло стать основой формирования национальных культур, но его нормальное развитие было прервано колонизацией.

Оказалось невозможным и создание общей экономики внутри отдельных этносов, так как старые рынки пришли в упадок, а направление движения товаров и рабочей силы было переориентировано к вновь созданным столицам и портам. В соответствии с потребностями европейского сектора экономики складывалась и инфраструктура колоний.

Тем не менее процессы национального развития продолжались во всех африканских колониях. Но в условиях колониальной зависимости они приняли деформированную форму. Экономика, а отчасти и культура стали развиваться не в этнических, а в политических, колониальных границах. Для администрации колоний все африканцы, без различия их этнической принадлежности, культуры, религии, представлялись безликим «туземным населением». Различия определялись только языковой принадлежностью: и многомиллионный народ хауса, и какое-нибудь племя из нескольких сот членов для английской администрации были одинаково «племенами». Создавались даже новые, «административные племена». Многие этносы не были вовсе вовлечены в процесс развития общегосударственных экономик, и здесь в основном консервировались прежние традиционные отношения и организации: сохранялась власть вождей, советов старейшин, продолжали жить и функционировать тайные союзы и возрастные классы. На землях, лежавших в стороне от новых экономических центров и дорог, долгое время существовали и общественные слои докапиталистических обществ: рабы, рабовладельцы, полуфеодалная знать.

В экономически развивающихся районах, напротив, неизбежно возникали местная буржуазия и рабочий класс. Колониальным властям пришлось заняться подготовкой квалифицированных кадров на месте. В школы, где африканцы проходили обучение, набирали людей из разных племен и народов. Впоследствии они и работать тоже стали вместе. Так формировались новые — трансэтнические — общности.

Возникали общие юридические нормы, правила поведения в быту и т.п. Они распространялись прежде всего в городах. Постепенно складывался сте-

реотип поведения, не зависевший от принадлежности к определенному этносу. Образцом для буржуа *бауле* (Кот-д'Ивуар) или *сусу* (Гвинея) стал стиль жизни французского буржуа, а интеллигенция Нигерии, по мнению некоторых исследователей, стала даже более «викторианской», чем английская.

Нарождающаяся интеллигенция колоний оказывалась больше связанной с интеллигенцией разных этносов каждой данной колонии, чем с массами своего собственного этноса. В Париже, Лондоне, Брюсселе и других городах Европы создавались общества «африканских» студентов, объединявшие людей не только разной этнической принадлежности, но даже из разных колоний. Можно назвать народы, из среды которых вышла большая часть интеллигенции той или иной колонии: например, в колонии Золотой Берег (ныне Гана) — *акан*; в Нигерии — *йоруба* и *ибо*; в Сенегале — *серер* и т.д. Обучение в Европе, связи с европейцами — университетскими товарищами (многие из которых в будущем заняли крупные политические посты в государствах Западной Европы) также способствовали преодолению племенной ограниченности. Эти люди нередко осознавали себя уже представителями не одной этнической общности, а всего населения своей страны. Именно в этой среде возникли философские теории, которые стали рассматривать африканскую культуру как единую систему и надолго определили пути развития самосознания образованных африканцев. В Париже в 30-е гг. XX в. была создана надэтническая доктрина «негритюда». Она утверждала особую значимость и своеобразие «африканской души», которая будто бы характеризуется особой чувственностью, гармоничностью, возвышенным восприятием мира, слитностью с природой и пронизанностью космическими ритмами мироздания. Эта доктрина была воспринята частью африканских историков, заявивших о первичности африканской цивилизации, из которой выросли и египетская, и все последующие цивилизации.

В политической сфере широко распространились идеи panaфриканизма. Последователи этой доктрины провозглашали единство культуры всех африканских народов и полагали, что различия между ними порождены и искусственно культивируются империалистами. После достижения странами Африки независимости и образования ОАЕ — Организации Африканского Единства (1963) снова высказывалось предположение, что произойдет государственное объединение стран континента в форме Пан-Африки. На деле эта теория оказалась нежизнеспособной: после развала колониальной системы на континенте возникли 53 государства. В 2002 г. ОАЕ прекратила существование. Возник Африканский Союз, созданный по образцу Европейского Союза.

Существенным стимулом национального развития стали национально-освободительные движения на континенте. Они подтолкнули процессы этнического развития. Из культурно-просветительских и других союзов выросли первые политические партии, еще долго сохранявшие этническую основу. В политической борьбе они возглавлялись традиционными лидерами, ставили перед собой не только цели освобождения от колониальной зависимости, но и политического объединения народов. Прогрессивные на первых порах, эти движения со временем перешли на позиции сепаратизма и превратились в тормоз национально-освободительного движения. В ряде случаев сепаратистская политика приводила к серьезным политическим осложнениям, вырождалась в *трибализм*, результатом которого стали межплеменная вражда, предоставление

привилегий той или иной этнической группе. После достижения независимости такие сложности не только не исчезли, но в некоторых случаях даже обострились. Преобладание на государственных постах представителей какого-нибудь одного народа (*конго* в Конго, *бауле* — в Кот-д'Ивуаре, *темне* — в Сьерра-Леоне, *хауса* и *йоруба* — в Нигерии, *фульбе* — в ряде стран бывшей французской Западной Африки, *бабемба* — в Замбии, *тутси* — в Руанде и Бурунди и т.д.) вызывало оппозицию других этносов. Положение осложняло формирование армий по племенному признаку и принятие в них одного языка в ущерб другим, существование союзов и партий на узкоплеменной основе, создание административного деления без учета расселения отдельных этносов и т.д. В каждой отдельно взятой стране продолжали существовать разногласия, а нередко и прямые столкновения между населяющими ее народами.

Жизнь показала, что современное этническое и этнокультурное развитие в Африке не проходит ни в узких рамках этнических территорий народов, как предполагали руководители этнопартий, ни в широких масштабах всего континента, как рассчитывали идеологи панафриканизма. Оно идет в политических границах современных государств, которые еще в рамках ОАЕ приняли решение воздерживаться от пересмотра сложившихся государственных границ.

Создание в этих границах единых общностей часто провозглашается как цель национальной политики правительств стран Африки. В разных государствах эта политика принимает разные формы. Большинство руководителей африканских государств провозглашает лозунг: «Одна страна — одна нация». Политические деятели сегодняшней Африки чаще всего считают, что для утверждения этого положения достаточно провозгласить все население страны единой нацией (как это было сделано в ДРК).

В действительности этническое развитие протекает значительно сложнее и противоречивее. В современной Африке можно видеть разные процессы этнического развития: и размежевания (самостоятельное развитие отдельных частей одного народа в границах разных государств), и сближения (ассимиляцию, консолидацию, интеграцию). Так, национальное развитие *эве* идет в разных государствах. Во многих странах происходит, с одной стороны, консолидация мелких народов вокруг одного или нескольких крупных народов (как *лухья* в Кении), а с другой — рост самосознания отдельных народов средней численности, ранее подавленных крупными.

Процессы этнического сближения развиваются вокруг определенных «узлов» (центров) этнической консолидации — обычно вокруг народов, имевших в прошлом влиятельные политические объединения. Это могут быть также народы, активно вовлеченные в современное производство, составляющие большинство горного или сельскохозяйственного пролетариата в зонах притяжения населения; либо народы, участвующие в управлении государством, имеющие собственную интеллигенцию и буржуазию. Этноконсолидирующую роль играют: в Кот-д'Ивуаре — *бауле*, в Мали — *фульбе* и *бамбара*, в Нигерии — *хауса*, *ибо* и *йоруба*, в ДРК — *конго* и *луба*, на Мадагаскаре — *имерна* и т.д.

Термин «племя», часто употребляемый в литературе и статистике, в действительности неверен и неприменим в сложных условиях этнического развития современной Африки. Это лишь условное обозначение, под которым скрывается либо сложное сообщество, состоящее из разнородных по происхождению групп (таковы в большинстве своем «административные племена»); либо это

уже консолидировавшаяся народность, самосознание членов которой отстает от реального положения вещей. Однако нет оснований всегда говорить о сложившихся нациях. Этноты Африки в настоящее время находятся на различных стадиях складывания народностей и наций. Характерная черта современной Африки — отставание этнического самосознания от уровня национального развития, с одной стороны, и его многоступенчатость — с другой.

Протекание этих процессов, их темп и тенденции развертывания различны в отдельных государствах Африки. В странах, где большинство населения говорит на близких языках (в Сомали или на Мадагаскаре, отчасти в Конго и др.), оно совершается спокойнее, чем в пестрых в этноязыковом отношении странах Западной Африки.

Ускорению интеграционных процессов способствует поддержка местного государственного языка. В некоторых случаях в этой роли утверждается язык, уже ставший языком внутригосударственного общения, понятный всему населению страны или его большинству. Таковы малагасийский язык на Мадагаскаре, *сесото* — в Лесото, *сечвана* — в Ботсване и т.д. В других случаях в качестве государственного принимается наиболее социолексически развитый язык, как *суахили* в Танзании и Кении. Однако в обоих случаях еще сохраняют и, видимо, еще не скоро сдадут свои позиции языки бывших метрополий. Окончательный переход на местные языки осложняется отсутствием в них современной политической и технической лексики, недостаточной разработкой письменности, отсутствием учебников и нехваткой учителей. В тех странах, где в качестве государственных уже приняты местные языки (особенно в Танзании и на Мадагаскаре), этим проблемам уделяется большое внимание. Так, в Танзании действует Институт суахили, занимающийся научным формированием новой лексики и обеспечением обучения на этом языке. В большинстве же африканских стран выбрать общегосударственный язык из числа местных сложно. Так, в ЮАР ныне принято 11 государственных языков.

Национальный вопрос ни в одной стране не может быть решен простым декретированием. Для его подлинного разрешения необходимо создать приемлемые социальные и политические условия для развития всех народов страны. Сложные процессы консолидации, ассимиляции и интеграции в странах Африки принимают направление создания «национально-политических», или, по другой терминологии, «этносоциальных» общностей.

9. Выдающиеся деятели Черной Африки

Народы, населяющие Африку к югу от Сахары, выдвинули из своей среды многих деятелей культуры, политиков и мыслителей. Здесь приводятся социально-политические портреты трех выдающихся деятелей, оказавших существенное воздействие на идейную ориентацию африканской интеллигенции.

Нельсон Ролыхлахла Мандела (р. 1918) — первый чернокожий президент Южно-Африканской Республики, победивший на демократических выборах в 1994 г. после падения режима апарtheidа. Сын вождя племени *тембу*, он получил высшее образование в университетах Витватерсранда (г. Йоханнесбург) и Форт-Харе. По роду деятельности — юрист и политик. Один из организаторов Африканского Национального Конгресса (АНК), был его бессменным руководителем. Вдохновитель и организатор борьбы коренного населения Южной

Африки против апартхеида, Н. Мандела подвергался преследованиям расистскими властями ЮАР, свыше 25 лет провел в тюрьме. Почетный доктор многих университетов Великобритании, Индии, Лесото, США. Лауреат премии ЮНЕСКО (1983), Нобелевской премии мира (1993). Н. Мандела является автором пяти книг, самая значимая из которых — «Трудный путь к свободе». Приложил много усилий для достижения мирного сосуществования «черной» и «белой» общин Южной Африки в рамках общего государства.

Джулиус Камбараре Ньерере (1922—1999) — выдающийся политический деятель Танзании, мыслитель-гуманист. Сын вождя небольшого племени *занаки* с северо-запада страны, он после окончания школы поступил в университетский колледж Макерере в Уганде, готовивший «новую элиту». По получении диплома изучал историю и социологию в Эдинбурге. Вернувшись на родину, работал учителем. Вскоре он занялся политической деятельностью и стал лидером общенационального масштаба. Уважительное обращение «Мвалиму» (Учитель) стало его именем на долгие годы. В 1954 г. он возглавил партию Африканский союз Танганьики (ТАНУ), ставшую ведущей силой в борьбе за освобождение от колониального гнета. С этого времени и до добровольного ухода с политической арены (1985) Ньерере боролся за создание процветающей страны. Его личность сплотила разные народы Танганьики, давшие ему еще два почетных титула — «Баба ва Таифу» (Отец нации) и «Мзее» («Старейший»). В 1960 г. он стал главным министром местного кабинета британской подопечной территории Танганьика, в 1961 г. — премьер-министром независимой страны, а через год — президентом. На континенте, раздираемом этническими конфликтами, его взвешенная политика позволила осуществить мирное объединение Танганьики и Занзибара, образовавших в 1964 г. Объединенную Республику Танзанию. Он стал ее президентом и лидером общегосударственной Революционной партии (Чама ча Мапундузи).

Целью развития Ньерере провозглашал личность отдельного человека. Он полагал, что построить лучшую жизнь, избавиться от нищеты и отсталости можно, основываясь на традициях, особенно на общинной практике. Познакомившись с идеями социализма, он считал, что идеалом и прообразом его является обновленная община. Свои взгляды он изложил в нескольких работах. Они легли в основу политики «уджамаа» — «африканского социализма». С 1967 г., после принятия Арушской декларации (по названию одноименного города в Танганьике), она стала государственной программой. Ньерере, как немногие политики, умел признавать и свои ошибки, и неудачи своей программы, считая, что главной причиной их было забвение человека как личности, восприятие его лишь как единицы экономического развития. «Есть время посева и время урожая, — говорил он, — боюсь, что для нас еще не кончилось время сева».

Ньерере пользовался заслуженным уважением и за пределами страны. Он был почетным доктором ряда университетов, лауреатом международной премии мира. Ньерере стремился к объединению усилий всех стран Африки для достижения экономической независимости. Он был одним из создателей ОАЕ, оказывал действенную поддержку патриотическим силам ЮАР (изгнанные из родной страны, многие деятели АНК на долгие годы нашли приют именно в Танзании). «Мы нуждаемся друг в друге, мы можем оказывать друг другу помощь и мы должны это делать», — говорил он. Всю жизнь он осуществлял

посредническую миссию в региональных конфликтах. Даже уйдя с официального поста, живя в родной деревне и работая на ферме, он использовал свой авторитет для прекращения этнического конфликта в Бурунди.

Одновременно с участием в политике Ньерере занимался и просветительской, а также литературной деятельностью. В 1963—1970 гг. он был первым канцлером Университета Восточной Африки, в 1970—1985 гг. — канцлером университета в Дар-эс-Саламе. Ньерере перевел на суахили Евангелия, а в 1963 г. — «Юлия Цезаря» У. Шекспира.

Леопольд Седар Сенгор — выдающийся сенегальский поэт, мыслитель и политический деятель (1909—2001). Окончив лицей в Дакаре, отправился продолжать образование во Францию. В 30-е гг. XX в. вместе с Эме Сезером, чернокожим поэтом с Мартиники (Вест-Индия) он разработал философскую доктрину, получившую название «негритюд». На страницах созданного ими журнала «Черный Орфей» они проповедовали идеи несовместимости европейской и африканской культур. Первую они считали жесткой, рациональной, «мужской», ориентированной только на потребление, лишь на плотские, земные, материальные желания. Вторая — рассматривалась ими как эмоциональная, мягкая, чувственная, ориентированная на сопереживание, руководствующаяся возвышенными, духовными желаниями. Идея личности и свободы западной ментальности противопоставлялась идее судьбы в африканской. Эти идеи оказали значительное влияние на умы новых политических деятелей и ученых-историков в странах Африки. Именно они породили концепцию сенегальца Шейха Анта Диопа о будто бы первичности африканской цивилизации, из которой выросли все остальные цивилизации, в том числе и европейская.

Практическую деятельность Сенгор начал учителем лицея в Дакаре. Вскоре он полностью отдался литературной и политической деятельности, которую не оставлял даже в годы работы профессором Французской школы заморских территорий (1948—1958). В 1945 г. Сенгор становится членом конституционной ассамблеи Сенегала, с 1946 по 1958 г. он — депутат Национальной Ассамблеи Франции, в 1959—1960 гг. — президент Федерации Мали (объединявшей в период ее существования Сенегал и Западный Судан). С 1960 по 1981 г. Сенгор занимал пост президента Сенегала. Он был генеральным секретарем партии Прогрессивный союз Сенегала (с 1977 г. — Социалистическая партия Сенегала), вице-президентом Социалистического Интернационала.

Сенгор не оставлял литературной деятельности, опубликовав более десятка поэтических сборников, исследований в области политики, литературы и поэзии. В их числе: «Негро-африканская эстетика» (1956) и «Социализм и планирование» (1983). Поэзия Сенгора насыщена африканскими ритмами и нередко рассчитана на исполнение в сопровождении оркестров традиционных инструментов. Великолепный стилист и знаток французского языка, он был в 1971 г. удостоен почетной степени премии Г. Аполлинера для поэтов, пишущих на французском языке как в самой Франции, так и за ее пределами. С 1985 г. Сенгор — вице-президент Высшего совета франкофонии. Среди его многочисленных наград — орден Почетного легиона. Он являлся членом Французской Академии, Американской Академии писателей и художников. Его заслуги на поприще международной деятельности отмечены рядом премий и почетных дипломов, в том числе Международной премией Мира (1973).

Глава 12

НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И АФРИКАНСКОГО РОГА

1. Общая характеристика региона

Северная и Северо-Восточная Африка (иначе страны Африканского Рога) составляют особую культурную область, тяготеющую к культуре Средиземноморья, а с VII в. н.э. — и к мусульманскому миру Ближнего Востока (Передней Азии). Здесь проживают более 200 млн человек. Многие народы Северной Африки объединяет общая религия, а жизнь в одинаковых природных условиях привела к образованию сходных черт хозяйства, образа жизни, культуры.

Этот регион — обширная равнина с несколькими грядами гор: Атласскими — на северо-западе, нагорьем Ахаггар — на юге Алжира, Абиссинским (с отдельными вершинами более 3 тыс. м) — на юго-востоке. Побережье Средиземного моря — это субтропики с мягким климатом и плодородными землями. Южнее тянутся пустыни — Сахара, Ливийская и Данакиль.

Регион беден водными ресурсами. Лишь Нил, пересекающий его восточную часть с юга на север, несет свои воды в течение круглого года. Остальные немногочисленные водные потоки пересыхают, оставляя сухие русла (*вади*). Подземные воды находят выход в редких оазисах.

Находки останков древних гоминид (австралопитеков и древних людей) в 70-е гг. XX в. на юге Эфиопии показали, что эти области входили в зону *антропогенеза*. Возраст стоянки Хадар археологи и антропологи определяют в 2,5—3 млн лет, хотя эта датировка не является общепризнанной. Сахара некогда имела мягкий и влажный климат и была обитаема. Горные леса, кустарниковые заросли и травянистые саванны покрывали всю территорию Северной Африки.

О плотной заселенности просторов Сахары свидетельствуют яркие памятники наскальной живописи. Ранние изображения относятся к началу VIII—VI тыс. до н.э., а поздние, по-видимому, к началу II в. н.э. Постепенное высыхание Сахары (как полагают, с V—IV тыс. до н.э.) привело к переселению ее жителей в более южные и восточные районы континента.

Сейчас Сахара представляет собой песчаные (*эрг*) или щебнистые (*хамада*) пустынные пространства. Средняя температура — около 35°C в тени. Пустыня медленно наступает на юг. Северная Африка заселена неравномерно. На значительных территориях Сахары плотность населения составляет менее 1 человека на 1 км², а в египетской части долины Нила — до 1000 человек на 1 км².

Государственные границы в Северной Африке, как и границы регионов, не совпадают с этническими. Например, *туареги* живут не только в Алжире и Мавритании, но и в Мали и Нигере, *сомали* — в Сомали, Эфиопии, Джибути и Кении и т.д.

2. Расы, языки, конфессии

Население Северной Африки принадлежит к индо-средиземноморской малой расе южной ветви европеоидов. Это высокие, светлокочие люди, с удлинённым лицом и высоким носом, кареглазые, с темными прямыми волосами. В некоторых глубинных районах сохранились светловолосые и голубоглазые группы. На самом юге региона, в оазисах Сахары, на юге Судана и Эфиопии живут негроидные народы — *шилук*, *нуэры*, *амер* и др. У них почти чёрный или темно-коричневый цвет кожи, широкие нос и губы, курчавые волосы и другие негроидные черты. Основное население Африканского Рога — представители так называемой эфиопской малой расы. Темный цвет кожи, курчавые волосы и небольшой прогнатизм сочетаются у них с узким лицом и высоким носом.

Народы этого региона говорят на языках, принадлежащих к нескольким языковым семьям. Афразийская семья объединяет *семитскую*, *кушитскую* и *берберскую* ветви. На *семитских* языках говорят *арабы* всех стран региона, *копты* (в Египте), *мавры* (в Мавритании), *амхара*, *гураге* и другие (в Эфиопии). К *кушитским* относятся языки народов *беджа* и *афар* в Джибути, *сомали* — в Сомали и соседних странах, *оромо*, *каффа* и другие — в Эфиопии. *Берберская* ветвь объединяет языки многих этнических групп на западе региона; самые значительные из них — *кабилы* на севере и *туареги* на юге. В южной части региона представлена нигеро-кордофанская семья языков: *азанде* на юге Судана (группа *нигер-конго*) и языки небольших народов горных районов этой страны. *Динка*, *нуэры*, *шилук* в южных районах Судана говорят на языках *нило-сахарской* семьи.

Свои языки сохранили сельские жители, особенно на юге региона, — берберы, туареги, обитатели юга Судана. Долго сохраняли свой язык копты — потомки древних христиан Египта.

Усвоение арабского языка населением стран Северной Африки после включения их в Арабский халифат в VII в. н.э. было столь глубоким, что ни османское владычество, ни колониальный раздел этой части континента в XIX — начале XX в. не изменили положения, хотя широкое распространение здесь получили европейские языки стран-метрополий. Литературный араб-

Ливийские арабы — жители оазиса Сива

ский (коранический) язык един, но в каждой стране есть местные разговорные языки или диалекты.

В колониальный период языками администрации и культуры стали европейские языки: французский — в Марокко, Тунисе, Мавритании, северо-западном, французском, Сомали и Алжире (здесь положение усугублялось тем, что в страну приехали многочисленные переселенцы-французы); английский — в Египте, Судане и северном, британском, Сомали; итальянский — в Ливии, Эритрее и южном, итальянском, Сомали; испанский — в Западной Сахаре и в испанских владениях в Марокко.

После ликвидации колониализма, и особенно в последние годы, в большинстве стран государственным объявлен арабский язык, бытование европейских языков сокращается, осуществляется активная арабизация в языковой сфере на основе распространения арабского литературного языка. Идет также борьба за признание официальными некоторых берберских языков. Особенно успешно в области языковой политики действуют кабилы, уже создавшие литературу на своем языке. В Эфиопии государственный язык — амхарский, что вызывает недовольство других народов страны, особенно оромо. В Сомали государственным языком стал сомалийский.

В регионе функционируют четыре системы письменности: арабский алфавит, эфиопское слоговое письмо, латиница (для сомали, оромо и др.) и древнее письмо тифинаг, сохранившееся у женщин-туарегов.

В религиозном отношении население Северной Африки довольно однородно. Мусульмане составляют здесь подавляющее большинство (например, в Алжире — 90%, в Тунисе и Мавритании — почти все население). Все они приверженцы суннитского толка в исламе¹. Распространено дервишество и суфийские ордена. Первые мусульмане появились в Египте в VII в. как воины Арабского халифата; к XI в. почти все население прибрежных районов Северной Африки было исламизировано. Проникновение ислама в более южные, глубинные районы растянулось вплоть до XIV—XV вв. В исламе Магриба и Эфиопии много «народных» черт, в частности ношение амулетов, поклонение могилам святых и т.п. В Египте ислам воспринял также веру в магические свойства пирамид и вод Нила. Местами молений служат величественные мечети — в городах и площадки, огражденные камнями, — у туарегов. Последние сохраняют веру в духов, привидения, гадание, колдовство, магию.

В наши дни ислам расширяет свое влияние. Особенно активно набирает силу и нередко становится серьезной политической силой фундаменталистский, ортодоксальный ислам. Еще в 1928 г. в Египте возникла религиозно-политическая Ассоциация братьев-мусульман, которая проповедовала идеи панисламизма, священной войны против всех неверных. Ее сменило Движение братьев-мусульман, филиалы которых появились во многих странах, вплоть до США. В Алжире его члены активно выступают против светского государства, применяя в качестве метода борьбы открытый террор. В быту фундаменталисты требуют от своих приверженцев ношения традиционной одежды, затворничества женщин, введения норм *шариата* (мусульманского права) в качестве основного закона.

¹ Суннизм — наиболее массовое (свыше 80% всех верующих) направление в исламе. Сунниты признают основой вероучения не только Коран, но и сунну, т.е. записанные предания о Мухаммеде и его сподвижниках. (См. также гл. 13).

Христиане в настоящее время составляют сравнительно небольшую часть населения Северной Африки. В древности в Северной Африке было много христианских общин (самая значительная — в Александрии). В Египте еще и сейчас живут копты — потомки ранних христиан. Копты — *монофиситы* (сторонники направления, признающего лишь Божественную природу Христа). В обрядности они сохраняют древние правила (обрезание, обычай снимать обувь при входе в храм и т.п.). У них распространен культ святых, почитание мощей, монашество. Свои храмы копты украшают коврами, ажурными перегородками.

Очень близко коптскому христианству эфиопское монофиситство. В христианстве Эфиопии немало древних черт — в церковной обрядности, например, использование местных традиционных музыкальных инструментов, пение и пританцовывание во время церковной службы и т.д. Самый популярный праздник у эфиопов — Крестовоздвижение (*Мэскаль*) — носит явные черты праздника плодородия. Он отмечается по окончании периода больших дождей и с началом оживления природы. В этот день из стволов и ветвей деревьев в столице на главной площади сооружают большую конусообразную пирамиду-костер. Раньше в празднике принимали участие *абуна* — глава церкви — и император. Христианство в Эфиопии и теперь сохраняет свои позиции и воспринимается как религия единения.

С европейцами — колониальными чиновниками, военными, а затем и поселенцами — в Северную Африку пришли и другие формы христианства. Имело место распространение католичества (прежде всего во французских и итальянских владениях — Алжире, Ливии и Итальянском Сомали) и других направлений христианства (например, англиканства в Египте) в эпоху колониального раздела Африки. После Второй мировой войны, и особенно после провозглашения независимости число христиан в Северной Африке резко сократилось. Многие европейские поселенцы покинули Африку. Так, в Тунисе к 80-м гг. XX в. осталось лишь семь католических храмов из 90. Однако активизировались различные протестантские миссии и началась христианизация небольших народов юга Судана и юго-запада Эфиопии.

Со времен Римской империи в странах Северной Африки появились иудаисты. В основном они составляли городские общины — ремесленников, торговцев, финансистов и т.д. В Средние века к ним присоединились евреи, изгнанные из Испании. Но отдельные сельскохозяйственные и торговые общества, в которые входили в основном иудаисты, сложились также и в оазисах Марокко, Алжира, Ливии. В Средние века к ним присоединились евреи, изгнанные из Испании. В Эфиопии жил целый народ — *фалаша*, исповедовавший иудаизм своеобразного (доталмудического) толка, с которым сочетались отдельные черты древних народных верований и эфиопского монофиситства. В настоящее время большинство евреев Северной Африки (в том числе фалаша — практически полностью) переселились в Израиль.

Кроме того, у народов Северной Африки сохраняются и народные верования, имеющие очень глубокие древние корни. До настоящего времени всеми египтянами отмечается праздник подъема Нила — *Ночь слез* — в память плача Изиды по Озирису и праздник урожая *Халиг* — выбор невесты Нила — во время самой высокой воды.

У всех североафриканских народов бытуют представления о духах стихий, деревьев, гор, вера в магию и колдовство. Жители сахарского региона, например, особой магической силой наделяют финиковую пальму. А во время жатвы магическую силу приобретает ритуальная фигурка, которую делают из лучших колосьев. Она хранится до будущего урожая. У одних народов эти представления сосуществуют с исламом и христианством, у других (на юге Алжира, Мавритании, Судана, на юго-западе Эфиопии) — они имеют значение основных верований.

Каждая из конфессий ведет счет времени по своему календарю (наряду с официально употребляемым григорианским). Христиане и светские люди пользуются общеевропейским календарем (начинающим счет времени от Рождества Христова), мусульмане — исламским (от хиджры), копты и эфиопские монофиситы — древним 13-месячным календарем (12 месяцев по 30 дней и дополнительный 13-й месяц, состоящий из 5 или 6 дней).

3. Народы Магриба

Магриб (араб. — «запад») объединяет страны Северной и Северо-Западной Африки к западу от Египта. Основное население региона — арабы, потомки как переселившихся в Средние века с Аравийского полуострова племен, так и местного арабизированного населения. В горах Атласа и на юге живут многочисленные бербероязычные этносы (*шилх*, *кабилы*, *риф*, *туареги* и др.), на крайнем юге и юго-западе — небольшие негроидные народы.

На севере и западе региона прибрежные жители занимаются рыбной ловлей. Земледельцы здесь сеют зерновые (ячмень, твердые сорта пшеницы, кукурузу), возделывают виноград, ранние овощи, фрукты; выращивают табак и цитрусовые. Разводят крупный рогатый скот.

Жители гор — оседлые землепашцы или отгонно-пастбищные скотоводы. Их небольшие искусственно орошаемые поля размещаются на террасах, расположенных ярусами по склонам гор. Они выращивают зерновые культуры, овощи и фрукты. Животноводство (овцеводство) — отгонное.

В предгорьях и на равнинах население занимается *орошаемым земледелием*. На реках строятся водоотводные или водосливные плотины, от которых отходят ирригационные каналы. Близ выхода горных потоков из ущелий или вокруг источников расположены оливковые рощи и сады. Земледелие — пашенное. Основные орудия — соха, серп, деревянные вилы. Почвенный слой здесь неглубок, почвы каменисты, и необходимо оставлять земли под паром на следующий после посева год с выпасом скота на незасеянных полях.

Дальше к югу, в полупустынях, земледельческое население сосредоточено лишь в оазисах, вдоль *вади* или вокруг колодцев. Жители выращивают поливные культуры. Главная из них — финиковая пальма, плоды которой служат основой питания жителей пустыни, а древесина и листья используются для построек.

У сельских ремесленников развиты ткачество, гончарство, обработка кожи и металла. Ткачи изготавливают шерстяные ткани, ковры, выделывают переметные сумы, покрытия для шатров. Широко известны ножи и мечи туарегов, а также удивительной красоты деревянные седла для верблюдов. В городах

и поселках развито столярное мастерство с резьбой и инкрустацией изделий, чеканка, гравировка по меди, ювелирное мастерство. Кожевники изготавливают тонкий цветной сафьян.

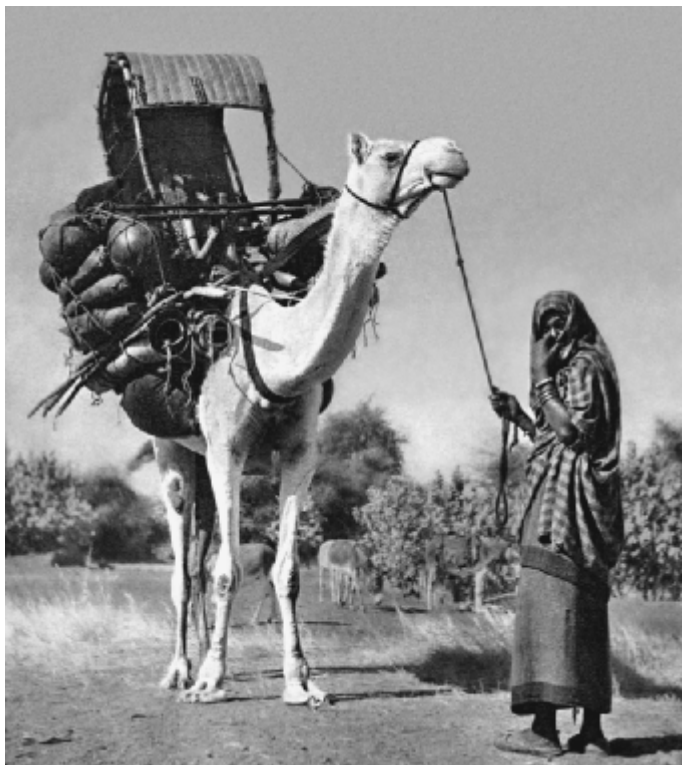
Основа питания — каши и лепешки (просяные, пшеничные, кукурузные); растительный белок дают бобы, горох, арахис, животный белок — рыба (особенно вяленая), мясо дичи и домашних птиц и животных (козлятина, баранина, значительно реже — говядина или верблюжати́на). В качестве жиров используются растительные — пальмовое, арахисовое и оливковое — масла, у скотоводов-кочевников — бараний жир. Широко употребляются в пищу овощи и фрукты. Приготавливают творог и разные виды кислого молока. Самое распространенное блюдо — *кускус* — шарики из рисовой или пшеничной каши, которые едят с острыми соусами и приправами. Из некрутого теста варят клецки, делают жидкую кашу. Основной напиток — вода, а из алкогольных — просяное или ячменное пиво и пальмовое вино. Лишь на самом севере (в частности, в Алжире) выращивают виноград и делают вина.

Горцы, занимающиеся отгонным скотоводством, обычно имеют два вида поселений: постоянные — укрепленные деревни с четырьмя башнями по углам (*агадир*, или *тигремат*) и временные — группа палаток или легкое жилище на горных пастбищах. На юге Марокко распространены саманные, глинобитные или сложенные из нецементированного камня жилища.

Оседлое население равнин живет в деревнях, вытянутых вдоль дорог. Местами сохраняется старинное жилище *гурби* — хижина, крытая тростником или соломой, со стенами из дерева, камня или глины, смешанной с соломой. Более распространены дома так называемого арабского типа — глинобитные четырехугольные, чаще всего одноэтажные, с плоскими кровлями. Они образуют *ксур* — укрепленную деревню.

У большинства жителей Северной Африки одежда общеарабского типа. У мужчин это длинная белая рубаша с широкими рукавами и без воротника (*джеллаба*), теплый, чаще темный *бурнус* поверх нее, тюрбан. Торговцы в городах носят *фески*. Обувь — туфли без задников (*бабуши*). Непременная принадлежность мужского костюма — *шукара* (сумка на красных плетеных шнурах) и *кумия* (обоюдоострый кривой кинжал). Мужчины носят также легкие шапочки *шеишиа*, плотно облегающие голову, изготовленные из тонкого шелка, а то и гипюра. Женщины носят легкие шаровары, длинные платья белого, розового, бледно-зеленого цвета. Горожанки закрывают лицо особым легким покрывалом (*чаршаф*, или *леуж*), иногда из цветной прозрачной ткани. Сельские жительницы ходят с открытыми лицами. Все чаще жители данного региона начинают носить одежду европейского типа.

Среди этносов, говорящих на берберских языках, наиболее многочисленный — *кабилы* (ок. 4,5 млн человек), живущие в горах Алжира. Они занимаются земледелием, выращивают оливки, фиги, пшеницу, ячмень. Распространено также животноводство. Деревни с узкими извилистыми улицами, с домами за высокими заборами, располагаются по склонам гор. Традиционный дом — глинобитная однокамерная постройка без окон; сейчас все чаще строятся двух-, трехэтажные дома с окнами и черепичной крышей. У входа в деревню находится ток, амбары, прессы для изготовления оливкового масла. В отдельном доме живет большая семья — родители с семьями женатых сыновей. Раньше

Представительница одного из кочевых народов Северного Судана

делалось и укрепленное зернохранилище — *агадир* — на несколько семей. Каждая семья имела в нем отдельные секции, где хранила свои запасы и в случае необходимости могла укрыться от врагов. Постройки дополняют башни, где в былые времена скрывалось от набегов все население деревни. В центре поселения — мечеть, базар, кофейня. Мужчины проводят здесь все свободное время, попивая кофе и покуривая *кальян* (*наргиле*). Женщины сюда не допускаются, место их общения — у источников воды. Жители нескольких деревень объединяются для проведения работ, требующих особых трудовых затрат: прокладки дорог, террасирования полей и т.д., а также для самозащиты. Глава такого объединения — *муккадам*. Он руководит и работами во время выполнения *тивиза* (обычай взаимопомощи). Муккадамы постепенно превращались в местную полуфеодалную знать, строили многоэтажные замки с башнями, украшенные росписью и лепниной.

Сохраняются большие семьи и более широкие родственные объединения, помнящие происхождение от единого предка. Деревни, возглавляемые старостой, образуют племя, носящее имя общего мифического предка.

При заключении брака, подготовляемого родителями и всей большой семьей, сторона жениха платит семье невесты *шарут* (букв. «условие») и обеспечивает продуктами свадебный пир. Отец же невесты обязан подарить дочери одежду и ювелирные украшения — *садак* (от араб. *садака* — дар). Развод

возможен только по инициативе мужа. Большую власть в семье имеет мать мужа. Положение невестки в доме становится несколько лучше с рождением сыновей. Появление на свет мальчика — большой праздник, сопровождаемый салютом из ружей, подарками, обильным пиром. Когда мальчик четырежды проведет *саум* (мусульманский пост в месяц рамадан), наступает время его совершеннолетия. Для девушек никаких обрядов не предусмотрено, считается, что они находятся под покровительством и в подчинении мужчин: сначала отца, потом — мужа, а в случае их отсутствия — брата.

Очень строго соблюдаются правила общественной морали, в том числе гостеприимство, их нарушение навлекает позор на всех родственников нарушителя. Сохраняется обычай кровной мести.

Кабилы — мусульмане-сунниты, они отмечают общемусульманские праздники, исполняют все установления ислама. Хадж в Мекку, однако, слишком дорог для большинства из них. Он заменяется паломничеством к могилам святых или к местным святым местам — природным объектам. Похоронные обряды также общемусульманские.

Сегодня значительная часть населения Северной Африки (от примерно 30% в Судане до более чем 60% в Тунисе) живет в городах. Современные города Северной Африки — центры промышленности, торговли, науки, управления. Благоприятный климат, относительно дешевая жизнь привлекали сюда переселенцев из Европы. С первых десятилетий XX в. в североафриканских городах стали строить новые районы — поблизости от мусульманских поселений, но за их пределами. Однако почти в каждом современном городе сохранилась и старая его часть с мусульманским населением — *медина*. Быт горожан внутри этих кварталов имеет свои особенности: здесь дольше сохраняются архаические обычаи, традиции, бытовая культура.

Образ жизни большинства этносов в южных районах Магриба (туарегов, берберских и арабских племен) — *номадизм* (кочевничество). Они занимаются верблюдоводством, разведением овец и коз.

Туареги кочуют небольшими группами по пять-шесть семей, и только стоянка главы племени (*аменокала*) велика и многочисленна. Она располагается там, где достаточно корма для скота и недалеко колодец, и остается на месте, пока есть трава на пастбище, — от 10 до 30 дней. Палатка (*эхан*) высотой в 1,5—1,8 м делается из хорошо обработанной кожи, натянутой на каркас. Вместо двери используют циновки или кошмы. В каждой палатке живет одна семья. В мужской (восточной) половине хранятся седла, оружие; в женской (западной) — кухонная утварь, запасы продовольствия, одежда. Однако жизнь проходит не в палатках, а перед ними — около очага из трех камней.

Один из главных продуктов питания — молоко. Его добавляют в блюда из зерновых и фиников, делают молочную сыворотку, масло, а также сыр. Не менее важны в питании зерновые культуры (просо, пшеница), которые выменивают у земледельцев на кожу, мясо, ремесленные изделия. Из зерна пекут на углях лепешки или делают кускус. Другой очень важный пищевой продукт — финики. Их едят сырыми или сушеными. Сушеные финики берут в дальние походы пастухи, воины и караванщики. Мясо же едят нечасто (это охотничья добыча либо мясо баранов, которых режут по праздникам).

Вечерами перед очагом собирается все население стоянки — рассказывают истории, поют песни в сопровождении *амзада* (смычковый инструмент), на котором играют женщины. Молодежь с 16-летнего возраста собирается отдельно, устраивая посиделки (*ахаль*). Там обычно знакомятся с будущими супругами. На такие встречи надевают свои лучшие наряды и украшения. Мужчины-туареги носят просторные шаровары, *гандуру* — длинную свободную рубаху с вышивкой, *тагельмуст* — покрывало, закрывающее лицо. Это единственный народ, где именно мужчины закрывают лицо и никогда не снимают покрывала. Излюбленные цвета — синий и белый. Праздничный наряд включает несколько гандур. В прохладное время богатые люди носят бурнус, а остальные — шерстяные покрывала и тюрбаны. На ногах — кожаные узорчатые сандалии. Сейчас многие перешли на рубахи европейского типа.

Женщины обвертывают вокруг бедер кусок белой ткани, надевают гандуру и прямоугольное белое покрывало, иногда — туники из кожи. Туареги очень любят украшения — перстни из серебра, браслеты из змеевика, сланца, а также ожерелья и серебряные кулоны.

Туареги до сих пор сохраняют своеобразие социальной организации. В их обществе женщины пользуются большим уважением, обладают самостоятельностью. У них есть право собственности и наследования, право выбора мужа. Они же — хранительницы морали и традиций, старой письменности тифинаг, музыкального наследия и исторического эпоса, певицы и поэтессы. Туареги Алжира имели свою племенную конфедерацию во главе с аменокалом. Выделялись благородные воины *имхар*; зависимые от них *имрад*, которым за половину приплода отдавали стада на выпас. Ремесленники *инад*, посаженные на землю *харатины* и домашние рабы *инклан* не имели никаких социальных прав. С отменой рабства именно эти слои населения поставляли рабочих на нефтепромыслы на юге Алжира.

Во многих странах Северной Африки издавна живут евреи, которые стали расселяться здесь начиная с I в. н.э. (после завоевания римлянами Палестины). Они обосновались в прибрежной полосе — от Египта до Марокко. Потомки их носят название *плиштим* (искаженное «палестинцы»). Вторая многочисленная волна переселенцев — это многие тысячи изгнанников XIV—XVI вв. из Испании. Их потомки известны как *форамтерос*, или *сефарды*. Они долго сохраняли некоторые ритуальные отличия от других иудеев. Так, им разрешалось есть пищу, приготовленную из зерновых (риса, кукурузы) на праздник Пасхи (Пейсах), разводиться против воли жены, иметь несколько жен; эти люди, живя в сложных условиях средневековой Испании, часто были вынуждены принимать христианство, а затем возвращаться к вере отцов — такое поведение, совершенно недопустимое в иудаизме, не порицалось у сефардов.

Первое время вновь прибывшие не входили в местные еврейские общины, имели свои синагоги (молитвенные дома), учебные и благотворительные учреждения. Со временем различия сглаживались. Большинство из них обосновывалось в городах, главным образом портовых. Они занимались ремеслами, торговлей и ростовщичеством. Еврейские торговые общины существовали и в оазисах на караванных путях, пересекавших Сахару; в южных районах Марокко и других стран Магриба встречались также евреи-земледельцы.

В XIX в. развернулась борьба евреев Северной Африки за равноправие, поддержанная европейскими державами, в результате которой они добились равных прав с мусульманами и отмены дискриминационных ограничений. Евреи-горожане стали получать европейское образование, среди них распространились новые профессии и виды деятельности — появились еврей-бизнесмены, финансисты, юристы, журналисты, врачи. В быту евреи стали переходить на европейские языки — французский (в Марокко, Алжире), английский (в Египте), воспринимать европейскую бытовую культуру. С образованием Израиля значительная часть евреев Магриба выехала в это новое государство. В южных, сельских районах Туниса, Алжира, Марокко в еврейских поселениях еще бытуют старые обычаи, велика власть раввината, присутствует общинная замкнутость. Долго сохранялись также отношения своеобразного «покровительства» над еврейскими общинами со стороны арабских племен или вождей. В отдельных районах Марокко следы этого сохранялись до середины XX в. Так, во время арабо-израильской войны 1967 г. такие «покровители» не допускали погромов «своих» евреев.

4. Народы Египта и Судана

Население Египта сравнительно однородно. Египетские арабы говорят на едином языке, являются наследниками общих культурных традиций. Горожане в большой степени приняли сейчас интернациональные нормы индустриального общества, но сельское население сохраняет многие обычаи и традиции предков. Среди сельских жителей различаются земледельцы — *феллахи* и кочевники — *бедуины*. Несколько особняком стоят копты-христиане.

Лицо Египта — крестьяне-феллахи (от араб. *фалыха* — «пахать, трудиться на земле»). Много времени и усилий требует орошение полей. Его обеспечивает целая сеть отходящих от Нила каналов. На более высокие поля воду поднимают с помощью специальных приспособлений, изобретенных еще в древности: на высоту до 1 м — *архимедовым винтом (тамбуром)*; выше 1 м — *шадуфом*, напоминающим колодезный журавль; на большую высоту — *сакией*, состоящей из вертикального и горизонтального колес: на вертикальном укреплены кувшины, а горизонтальное, приводимое в движение водой, является ведущим.

Возделывают зерновые — кукурузу, пшеницу, чечевицу, — разнообразные овощи и пряные травы, сахарный тростник, оливы, цитрусовые. Особое значение имеет финиковая пальма, древесина и листья которой используются для построек, а плоды служат основой питания жителей пустыни. Со времен британского протектората главной товарной культурой стал и остается до сих пор хлопчатник.

Работа в поле — занятие мужчин. Используются как плуг, так и архаическая соха без отвала, мотыги, борона (доска с врезанными в нее вертикально металлическими дисками или каменными зубьями), серпы, вилы для провеивания, цепи; иногда колосья обмолачивают, прогоняя по ним быков.

Деревни в Египте большие, порой до 10—20 тыс. человек. В центре располагается мечеть, часто — гробница святого. Рядом — базар и кофейни. Деревни нередко строят на *теллях* — развалинах древних селений. Часто в селении можно видеть особую коническую башню-голубятню. Голубей употребляют

в пищу, а помет используют как удобрение. Жилища феллахов — саманные домики. На плоских крышах держат топливо, домашнюю утварь, прохладными вечерами здесь отдыхает семья. У бедняков жилище состоит из одного помещения, где держат также мелкий скот и птицу. У людей побогаче — две-три комнаты, отдельный хлев, иногда — внутренний дворик. Пол в комнатах покрывают циновками, в зажиточных семьях — коврами. В небогатом, а то и убогом крестьянском доме нередко можно видеть радиоприемник, и даже телевизор. В домах состоятельных людей встречается современная мебель. Пищу готовят на очаге во дворе, едят — за низкими (до 40 см в высоту) столиками. Основная пища — овощи, каши, финики, лепешки из муки домашнего помола, рыба.

Традиционная одежда мужчины-египтянина — *галабия (джеллабия)* — длинная, до пят, рубаха с широкими рукавами, без воротника, чаще белого, реже — синего или коричневого цвета. Голову покрывают фетровой тубетейкой, в праздники поверх нее повязывают тюрбан. Женское платье — длинное, суженное под грудью, коричневого или черного цвета.

Сохранилась сельская община; прочны родственные и общинные связи. Большое значение имеет *асабия* — кодекс чести, предписывающий *кровную месть*, подчинение старшим мужчинам, взаимопомощь братьев, тесные связи и ответственность перед большой семьей-общиной. Безбрачие считается безнравственным и даже преступным перед религией и обществом. Заключение брака — по-прежнему дело родителей и даже еще более широкого круга родственников. Предпочтителен *кросс-кузенный брак* (между двоюродными братьями и сестрами). Встречаются и случаи левирата (обязательной женитьбы на вдове брата) и сорората (женитьбы на сестре умершей жены). Господствует моногамия, лишь изредка мужчины имеют по две жены. Допускается женитьба на немусульманке, дети в этом случае воспитываются как мусульмане. Сохраняются традиции многодетности и предпочтения сыновей перед дочерьми. В 5–6-летнем возрасте мальчиков подвергают обрезанию.

Похоронные обряды египтян — общемусульманского типа. Тело умершего после обмывания заворачивают в два покрывала (сначала в белое, затем — в зеленое) и укладывают на носилки. Ложе кропят кровью жертвенного животного, чаще всего барана. В действиях, осуществляемых непосредственно на кладбище, иногда участвуют и женщины-плакальщицы. В мусульманском обряде просматриваются и доисламские элементы. Могилу отрывают с ориентацией на Мекку, в южном конце ее делают нишу, куда помещают усопшего в сидячем положении, после чего нишу замуровывают, а могилу покрывают пальмовыми листьями. В течение трех-, семидневного траура на могиле читают Коран.

Деревни феллахов сосредоточены в долине Нила. В пустынях живут бедуины, занимающиеся кочевым скотоводством. Они разводят верблюдов. Во время сезонных перекочевки бедуины разбивают палаточные лагеря, имеют при себе минимум имущества и утвари. В прошлом они были грозой земледельческого населения, совершая частые набеги на городки и деревни.

В Египте около 5 млн коптов-христиан — около 6% населения страны. Во времена османского господства осуществлялось насильственное обращение

коптов в ислам и перестройка церквей в мечети. Коптам запрещалось занимать какие-либо административные должности, даже место старосты в собственной деревне. Но с конца XIX в. под влиянием англичан, поощрявших христианство, появились копты-торговцы, финансисты, промышленники. К началу XX в. уже 45% египетских чиновников были копты. Копт Бутрос Гали был дипломатом и Генеральным секретарем ООН. Бытовая культура коптов мало отличается от культуры окружающего населения. В сельской местности они ведут ту же жизнь, что и соседи-мусульмане. Копты быстрее, чем мусульмане, переходят на общеевропейские типы одежды, нормы поведения, морали. Однако при общей веротерпимости временами ощущается напряженность между представителями двух конфессий. В частности, копты считают себя ущемленными в предоставлении им времени на радио и телевидении. Коптский язык сохраняется лишь при богослужении.

Египетский христианин-копт.
Гравюра конца XIX в.

Наряду с общегосударственными в Египте широко отмечают и религиозные праздники: христианские (Рождество, Крещение, Пасху и др.) и мусульманские (*Мавлюд* — день рождения пророка Мухаммеда; *Ид-аль-Фитр* — разговение после поста в месяц рамадан; *Аль-ид аль-Кабир* — праздник жертвоприношения после завершения хаджа). Совершаются паломничества не только в Мекку, но и к могилам святых в день их рождения. Копты и мусульмане нередко вместе посещают места упокоения местных как христианских проповедников, так и мусульманских святых.

Все египтяне — и горожане, и сельские жители, как мусульмане, так и христиане — сохраняют память о древней культуре. Многие древности (античные и древнеегипетские статуи, камни, рукописи) считаются наделенными особой мистической силой. Бездетные пары семикратно обходят пирамиды. В период наибольшего подъема Нила совершается торжественный обряд (*Халиг*), при котором в воды реки бросают куклу — «невесту Нила» (когда-то — красивую девушку). А весной в Файюме широко отмечается *Шимм-ан-Насим* (Дуновение ветерка). В этот день режут пополам луковицу и, понюхав, бросают ее за спину. Над дверями домов развешивают плети лука. Их бьют палками, чтобы из луковиц капал на землю сок (на счастье). В этот день устраивают пикники, ярмарки, гулянья с музыкой и пением. Обязательный ритуал этого праздника — купание в канале Юсефа, прорытом, по преданию, за 70 дней библейским Иосифом во время его службы египетским фараонам (существуют и другие варианты предания о канале).

Народы севера Судана. Большинство населения севера Судана считает себя арабами. Среди них как потомки переселившихся еще в Средние века аравийских племен, так и принявшие арабский язык и мусульманскую культуру местные народы (*фор, фунг* и др.). Все они — сунниты.

В долине Нила жители занимаются земледелием. Подсечно-огневое земледелие сочетается с широко развитым ирригационным; на склонах холмов устраивают поля-террасы. В качестве удобрения используется зола от сжигаемых кустарников и навоз. В хозяйствах имеются легкие плуги, но основным рабочим инструментом остаются мотыги, ножи, серпы. Молотьба производится палками. Возделываются зерновые — дурра, просовидный дохн, кукуруза, пшеница, ячмень; из технических культур — хлопчатник.

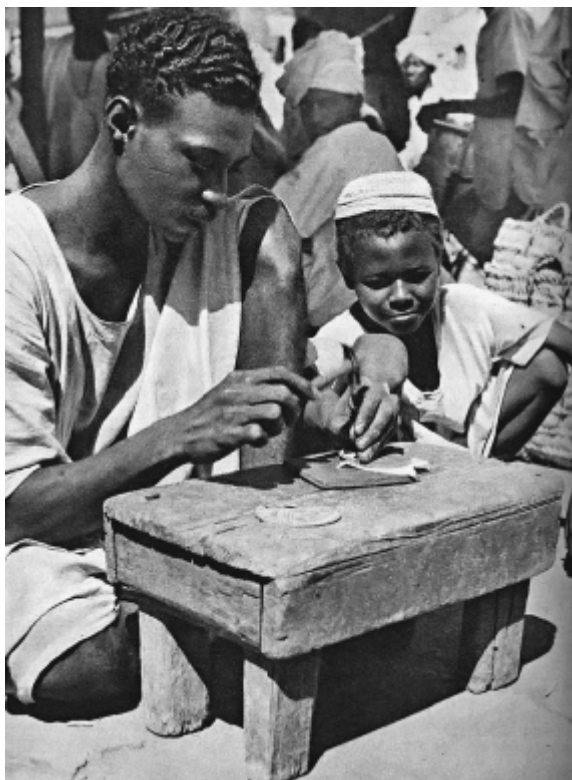
В сухих степях и полупустынях преобладает отгонное скотоводство, а земледелие служит подсобным занятием. Разводят верблюдов, коз, овец, крупный рогатый скот, в отдельных районах — лошадей. В дождливый летний сезон жители уходят на вершины холмов, в сухой — спускаются на равнины, где разбивают временные лагеря из легких палаток, рядом строят *зарибы* — окруженные колючими изгородями загоны для скота. Развито ремесло. Особенно славятся кузнецы, ювелиры, кожевники.

В семейной практике многоженство практикуется редко. Предпочтительные

браки — *кузенные*: женитьба на дочери брата отца. Договоры о браке иногда заключаются родителями, когда будущие жених и невеста еще являются детьми. Родители жениха выплачивают брачный выкуп — *махр* (10—20 голов скота). При разводе этот выкуп возвращается.

Жилища сельского населения — круглые в плане. Возводится куполообразный каркас; внутри его выкладывают искусно орнаментированными циновками. Циновками же или бычьими шкурами устилается земляной пол. Все имущество семьи хранится в сундуках, корзинах, кожаных мешках. Наряду с керамической посудой широко используются *калебасы* — миски или бутылки из выдолбленной высушенной тыквы.

Основу пищи составляют каши, лепешки, молоко, ячменное пиво. Излюбленный напиток

Чеканщик по серебру. Судан

ток — чай, обязательное угощение для гостя. Мясо (поджаренное на костре) едят не часто. Обычную еду дополняют продуктами охоты.

Мужская одежда состоит из белых штанов, доходящих до икр, длинной рубахи, темной шерстяной верхней одежды типа халата (*джубба*); поверх маленькой шапочки часто накручивают легкую ткань в виде тюрбана. Женщины носят штаны, рубаху, верхнее цветное (чаще — синее или черное) платье. Голову и плечи покрывают шалью. Мужчины и особенно женщины любят украшения: браслеты, кольца в ушах и в носу, бусы, ожерелья. Изготовленные из серебра, меди, железа, стекла с янтарем и сердоликом, они играют также роль *оберегов*.

Народы юга Судана. *Нуэры, шиллук, динка* и другие негроидные этносы на юге Судана ведут полукочевую жизнь. Молодые мужчины проводят сезонные перекочевки, а старики, женщины и дети живут в постоянных селениях. Деревни нуэров в верховьях Нила располагаются на вершинах холмов, а на затопляемых склонах и равнинах размещаются поля и пастбища. С июня по декабрь (дождливый сезон) все население живет в деревнях, а с декабря по июнь (сухой сезон) молодые мужчины со стадами отправляются в летние лагеря, ближе к непересыхающим источникам воды.

На летних стоянках строят легкие хижины, которые для защиты от диких зверей окапываются и дополнительно огораживаются по периметру колючими ветками. Внутрь такой ограды на ночь загоняют скот.

У нуэров, как и у многих скотоводов Африки, существует представление об особо духовной, интимной близости скота и хозяина, иногда даже об идентификации мальчика и бычка, подаренного ему при рождении, как единого существа. Скотоводы любят и ценят скот, гордятся им, складывают в честь быков и верблюдов песни, сравнивают с ними героев и красавиц.

Основа пищи жителей Южного Судана — кушанья из зерновых и молока. Из проса и кукурузы варят каши и пекут лепешки, размалывая зерна на ручных зернотерках. Рацион дополняют продукты охоты. В начале дождливого сезона (в конце мая — начале июня) большая часть взрослых возвращается со скотом в постоянные деревни. В этот период скот содержится ночью в селении, днем — на ближних выгонах. В это же время начинается сев проса, кукурузы, тыквы, бобов, арбузов, арахиса. В августе — сентябре убирают кукурузу и просо, готовят землю под второй посев, урожай которого созревает к декабрю. В эти месяцы играют свадьбы, строят новые жилища — из глины, смешанной с соломой, навозом и золой. Ремесленники используют в качестве сырья глину, продукты земледелия (выдолбленные тыквы, солому, пальмовые стволы) и животноводства (кожи, рог, кость). Крестьяне обычно сами изготавливают все необходимое, но есть и особо искусные мастера. Одежда скотоводов мужчин — это набедренные повязки, куски завязанной на левом плече ткани; одежда женщин — длинные свободные рубахи-туники (у шиллук) или короткие кожаные переднички спереди и сзади (у нуэров и динка). Украшения — ожерелья и браслеты из раковин, слоновой кости, меди, дерева.

Многие скотоводческие народы этого региона сохраняют родовые отношения, особую близость кровнородственных связей. Велика роль полусакральной *главы племени* — «владыки земли», «владыки скота», часто являющегося одновременно и военным предводителем. Имеют место периодические набеги мужской молодежи на соседей с целью угона скота и женщин. Лишь после

успешного набега молодые люди получали право жениться. (В настоящее время этот обычай соблюдается не всегда.)

Социальную жизнь нуэров и других скотоводческих народов юга Судана и юго-запада Эфиопии определяет система *возрастных классов (групп)*. Они объединяют мужчин, в юности одновременно проходивших обряд инициации. У нуэров его проводят в годы, когда достаточно молока и сорго, так как обряд сопровождается празднествами и пирами. Обряд инициации проводится по достижении половой зрелости, но в одной группе могут оказаться мальчики разного фактического возраста (от 13 до 16 лет). Комплекс включает физические испытания — обрезание, нанесение надрезов на теле и т.п., а также словесно-воспитательную часть: обучение хозяйственным и военным навыкам, правилам общественной и семейной жизни, этике и морали, истории племени и рода.

К началу и концу обрядового комплекса приурочены торжественные праздники, жертвоприношения духам; мальчику дарят бычка, и он получает новое («бычьё») имя. Все прошедшие вместе испытания считаются принадлежащими к одной возрастной группе, которой дается особое название. Отец или дядя вручает им копья, и они становятся воинами. Эти молодые люди приобретают право голоса на народных собраниях, могут быть выбраны на племенные должности и т.п. Они ощущают себя братьями даже в большей степени, чем кровные родственники. Члены отцовской возрастной группы считаются «отцами», их жены — «матерями», дети членов своей группы — «сыновьями», а их жены — «дочерьми».

5. Этносy стран Африканского Рога

Эфиопия, Эритрея, Джибути и Сомали составляют особый субрегион — Северо-Восточную Африку. Их нередко называют странами Африканского Рога.

Эфиопия — страна полиэтничная. Жизнь в сходных природных условиях в течение длительного периода в составе общего государства привела к складыванию единого культурного комплекса. Этот процесс усугублялся государственной политикой *амхаризации*, господствовавшей до антифеодальной революции 1974 г. *Амхара* — крупнейший народ многонациональной Эфиопии (около 20 млн человек). Они, как и другие народы страны, занимаются земледелием. Наряду с зерновыми большое значение для жизнеобеспечения имеют технические культуры, прежде всего хлопчатник. Амхара используют своеобразное деревянное легкое пахотное орудие — *марешу* — переходного (от сохи к плугу) типа. Сеют обычно в период больших дождей (в июне — сентябре). Эфиопия — один из немногих мировых очагов domestikации пшеницы. Помимо нее здесь есть ряд других эндемичных зерновых культур — тэфф, дурра, дагусса. Возделывают также бобовые, чечевицу, ячмень. Область Каффа (на юго-западе страны) считается родиной кофе. В последние годы появилась новая перспективная культура — чай. В культуру вошел эндемик¹ этих мест ложный банан (*Musa ensete*). Из высушенных и измельченных корней или стеблей этого неприхотливого травянистого растения (с листьями банана, но не дающе-

¹ Вид растения или животного, имеющий узколокальное распространение.

го плодов) делают муку и крупу, пекут ноздреватый пресный хлеб, варят каши и супы. Благодаря ложному банану жители области его произрастания даже в самые страшные засухи не знали голода. Его листьями покрывают крышу, из волокон плетут циновки, веревки, корзины и т.п.

Крайняя бедность (деревня в 20—25 семей нередко располагает лишь одной-двумя запряжками волов) заставляет крестьян пользоваться традиционными сельскохозяйственными орудиями: при вспашке — марешей (а на юге — даже только мотыгами и кольями), при жатве — серпами, при обломоте и веянии — лопатами, корзинами, цепями или прогонять по колосьям мулов или быков.

Земледельцы Эфиопии занимаются также выращиванием овощей и фруктов. С конца XIX в. получили развитие виноградарство и виноделие. Главная техническая культура — хлопчатник. Почти все земледельцы страны сочетают основное занятие с отгонным скотоводством.

Чересполосно с амхара живут *оромо*, второй по значимости этнос Эфиопии (свыше 19 млн человек). Их преобладающее занятие — разведение крупного рогатого скота. Крупный рогатый скот, ослы, выючные лошади и мулы пасутся вместе, а козы и овцы — отдельно. Запасов кормов обычно не делают, но тщательно следят за продуктивностью пастбищ, в межсезонье коров подкармливают небольшим количеством зерна. Благодаря длительному соседству с амхара оромо освоили и земледелие. Как тягловых животных используют быков и волов. У оромо сохранилось племенное деление. Их материальная и духовная культура зависит от хозяйственных занятий. Оседлые оромо — христиане или мусульмане; для кочевников характерны традиционные верования, вера в бога-создателя Вако, разработан собственный природный календарь.

У *борана* и некоторых других групп оромо южной Эфиопии и северной Кении еще не изжита система возрастных классов, делящая все взрослое мужское население на ряд *луба* — возрастных ступеней по восемь лет в каждой.

Особняком стоит небольшой народ *фалаша*, населяющий горный массив к северу от оз. Тана. Со времени завоевания центральными правителями страны (XVI—XVII вв.) он был лишен права владеть землей и арендовал ее у соседей-амхара. Фалаша — иудаисты доталмудического толка.

Женщины амхара. Эфиопия

Мужской народный костюм оромо состоит из двух кусков ткани: один оборачивают вокруг тела наподобие юбки, другим — живописно драпируют плечи и грудь. Женская одежда — несколько раз обернутая вокруг тела яркая полосатая ткань. И мужчины, и женщины носят накидки из выделанной овечьей кожи, украшенные раковинами-каури. У этносов Эфиопии, исповедующих ислам (харари, сомалийцев, части оромо), распространены мужские клетчатые юбки (*шырт*) и головные платки или шапочки, у женщин — пестрые красочные накидки и длинные яркие платья. Амхара предпочитают одежду белого цвета. У мужчин это брюки типа галифе (*сури*), длинные рубахи, у женщин — просторные платья из тонкой, почти прозрачной ткани, украшенной вышивкой, в которой часто повторяется мотив креста. Прежде женская одежда дополнялась длинными шароварами, суженными к щиколотке и украшенными широкой полосой тонкой вышивки. Обязательный элемент женского комплекса одежды — длинный (до 6—10 м) пояс (*маканат*) с вышивкой по краям, который оборачивается несколько раз вокруг талии. Существенная деталь комплекса — легкая широкая белая накидка (*шамма*, или *натела*). Способы ношения ее разнообразны — поверх головы, вокруг талии, в виде наплечной накидки. В холодную погоду поверх надевался бурнус без рукавов (с капюшоном). Сейчас эта одежда становится общеэфиопской и праздничной. Женщины любят украшения — серьги, браслеты, кольца, головные шпильки из золота, серебра, слоновой кости. В феодальной Эфиопии (до 1974 г.) для разных социальных слоев (воинов, придворных и т.д.) были обязательны разные типы одежды. К настоящему времени придворная одежда исчезла полностью, а *лемд* (накидка, повторяющая по форме шкуру льва и служившая прежде элементом офицерской формы) стала деталью костюма священников.

Среди всех народов Эфиопии широко распространены прядение, ткачество, вышивка, гончарство (налепом и на гончарном круге), плетение, кузнечное дело, ювелирное искусство. Некоторые женские занятия (например, прядение) считались почетными и владением ими гордились даже императрицы. Ремесленники образовывали замкнутые эндогамные группы (некоторые исследователи называют их «кастами»). Так, каменщиками, гончарами, ювелирами были фалаша, которых — подобно многим группам населения, имеющим дело с огнем и металлом, — считали колдунами и оборотнями. Такую же замкнутую группу составляли *азмари* — бродячие певцы и музыканты (их еще и сегодня можно встретить в глубинных районах страны). Ткачество, шитье, вышивка — мужские ремесла.

У народов севера и горных районов Эфиопии основной тип жилища — однокамерный прямоугольный *хыдмо*, а в центре и на юге — цилиндро-конический легкий *тукуль*. Стены хыдмо возводят из мелкого камня и щебня. Они обычно не доходят до крыши — чтобы через зазор между стенами и крышей могли проходить воздух и свет. Внутреннее помещение делится перегородкой на две части: одна служит для жилья и приема гостей, другая используется как кладовая, склад и хлев.

Тукуль — круглое в плане однокамерное жилище с очагом внутри. Он либо не имеет перегородок, либо разделен низкими, не достигающими до потолка перегородками на несколько частей — жилье, кладовые, кухню с каменной зернотеркой, помещение для мелкого скота и птицы. Рядом с домом делается загон для крупного рогатого скота и зернохранилища. На юге и западе страны

распространены ульеобразные жилища (иногда до 5—7 м высотой). Их плетеная из бамбука оболочка опирается на деревянный каркас и является единой для стен и крыши. Внутри такие жилища делятся на два отделения — для людей и скота. Группы оромо, сохранившие кочевое хозяйство, строят легкие переносные жилища, состоящие из овального разборного каркаса, покрытого циновками или выделанными шкурами животных. Другие кочевники северо-востока Эфиопии используют палатки.

В каждой округе из нескольких деревень имеется церковь или мечеть, чаще всего это небольшая круглая в плане постройка.

Пища в основном растительно-молочная. Пекут хлеб (*дабо*) и круглые (диаметром до 60—70 см) пресные блины-лепешки (*ынджера*). Из мяса и яиц делают густые подливы с добавлением разнообразных овощей и большого количества пряностей. Праздничная еда — *брындо*. Ее готовят следующим образом. Свежеванную тушу барана подвешивают на дереве; затем от нее отрезают полоски сырого мяса, которые окунают в крепко наперченную подливу и в таком виде едят. Самый популярный и любимый напиток — кофе.

У народов Эфиопии преобладает малая семья, состоящая из мужа, жены и детей. Полигамия редка даже у мусульман. Однако сосуществуют разные формы брака: церковный или мусульманский, гражданский, зарегистрированный в муниципалитете. Наряду с ними гражданским кодексом страны признаны и браки-договоры (в том числе временные).

У некоторых народов (например, у консо) сохраняется ритуальная и политико-социальная роль традиционных лидеров. *Поккала* у консо не только отправляют местные культы, но как и столетия назад, управляют деревнями, контролируя использование земли. Через контроль над землями ими осуществляется организация всего сельскохозяйственного производства. Именно они по традиции раздают во время голода и неурожая зерно для питания и для сева, именно через них проходит и распределение гуманитарной помощи. Несмотря на проведение в 70—90-е гг. XX в. «виллиджизации»¹ и создание крестьянских ассоциаций с назначением (иногда из центра) их глав, традиционные лидеры у *консо*, *каффичо*, *уолайта* и других народов сохраняли, хотя и негласно, старые функции сакральных гарантов плодородия и благополучия общества.

Сомали и населяющие Джибути *афары* близки по языку и культуре. На юге, в долинах немногочисленных рек и по побережью океана они занимаются подсечно-огневым земледелием. Лишь недавно начали использовать плуги; мотыга и теперь нередко остается их основным орудием производства. Возделываются кукуруза, просо, сладкий картофель, маниок, бобовые, папайя, бананы, сезам, хлопчатник. Обычно собирают два урожая в год (в августе и январе). Основная пища у оседлых земледельцев — лепешки и каши с овощами, из напитков — кофе. Прибрежные воды богаты рыбой, которую солят и высушивают, закапывая в горячий песок. В саваннах занимаются охотой с помощью лука и стрел, копий, ловушек и капканов. С февраля по сентябрь в редких лесах собирают благовонные смолы. Ремесленники обрабатывают кожи, занимаются резьбой по дереву и кости, ткачеством и плетением (столь плотным, что изделия не пропускают воду), гончары используют ножной круг. Ремесленные изделия, как и продукты земледелия, обменивают на мясо, кожи, шкуры, кожаные изделия у скотоводов.

¹ Создание укрупненных поселений из жителей нескольких деревень и хуторов.

Представители интеллигенции государства Джибути

выпаса и перекочевков, что позволяет сохранить экологическое равновесие в суровых природных условиях. Пути перекочевков сложились столетия тому назад, ими пользуются и теперь, несмотря на то что многие из них оказались перерезанными государственными границами. Дети пасут мелкий рогатый скот, мужчины — верблюдов и коров. Верблюдиц доят мужчины, коров — юноши, овец и коз — женщины. Скот дает кочевникам и жилище, и обувь, и пищу. Главное блюдо — молоко, изредка для еды режут мелкий рогатый скот, крупный — только по большим праздникам. Зерновые и овощи выменивают у земледельцев. Попытки приучить кочевых скотоводов к оседлой жизни успеха не имели.

В сельской местности, а также у значительной части городского населения сохраняется традиционная одежда. Женщины носят длинные широкие юбки, красиво драпированные кусками ткани, обернутыми вокруг верхней части тела, которые закрепляются на правом плече. Мужская одежда — несшитая, состоит из двух широких кусков ткани, чаще всего клетчатой: один обвертывается вокруг бедер, другой — накидывается на плечи. Мужчины иногда носят юбку в сочетании с рубашой и пиджаком; на ногах — кожаные сандалии, на голове — плотную шапочку, которая иногда дополняется тюрбаном.

Для оседлых земледельцев характерны круглые в плане жилища без окон, с конической соломенной крышей. Их стены представляют собой сплетенный из ветвей каркас, обмазанный глиной. Перегородка делит такое жилище на мужскую и женскую половины. На морском побережье, особенно в городах, распространен *ариш* — четырехугольный дом с плоской или двускатной крышей, с несколькими помещениями (для сна, для гостей, для приготовления пищи и т.д.).

Сомали считают себя правоверными мусульманами, но исповедание норм ислама сочетается у них с традиционными доисламскими верованиями. Так, из общемусульманских праздников ими соблюдаются лишь те, которые совпадают с древними скотоводческими праздниками. Сохраняется культ явлений природы, культ предков. Ежегодно 1 августа отмечается традиционный празд-

Большинство сомали и афаров занимаются кочевым скотоводством. Для африканского скотовода самым важным представляется не продуктивность, а величина стада: чем оно больше, тем больший социальный вес приобретает его владелец. На севере и в пустынных областях юга расселения сомали и афаров разводят верблюдов, коз и овец и лишь изредка — крупный рогатый скот. Перекочевки ориентированы из глубины страны в сторону побережья. Соблюдается очень строгий порядок

ник зажигания огня (*дабшидка*). Накануне разжигают костры, вокруг них собирается нарядная толпа, дети (до 15 лет) прыгают через огонь столько раз, сколько им исполнилось лет. После обильного вечернего пира утром, еще до восхода солнца, все отправляются к водоемам: рекам, морскому побережью, где купаются, ибо считается, что вода уносит все беды прошедшего года.

6. Народное и профессиональное искусство

На территории Северной Африки обнаружены памятники древнего искусства, в том числе наскальная живопись Сахары (больше всего в Тассили-н-Аджере — юг Алжира). На рисунках изображены бытовые и охотничьи сцены, животные — крокодилы, жирафы, бегемоты и др.

В Северной Африке сложилась одна из древнейших мировых цивилизаций — в Древнем Египте. Об этой стране говорят: «Египет — это пергамент. Коран написан на нем поверх Библии, Библия — поверх Геродота, а сквозь все слои просвечивают древнеегипетские иероглифы». Западнее располагалась финикийская колония Карфаген. Эти области издавна связаны с историей Средиземноморья. Народы региона испытали влияние многих культур: Древней Греции и Древнего Рима, Византии, Арабского халифата и Османской империи. Об этих временах напоминают памятники древнеегипетской, финикийской, римской и более поздних эпох.

Ислам, как известно, не поощряет изображения живых существ, поэтому со времени его утверждения творческий дар североафриканских народов находил выход в создании ярких ковров, чеканных узорчатых медных кувшинов, блюд, светильников и т.д. В архитектуре использовались растительные и геометрические орнаменты и исполненные изящным арабским шрифтом изречения из Корана. В странах Магриба слияние местных и арабских традиций породило местный («мавританский») архитектурный стиль, отличающийся пышным орнаментальным убранством, резьбой по дереву, мозаикой из керамической плитки, узорной кладкой из цветного камня, арабесками. До сих пор вызывают восхищение памятники арабо-мусульманской средневековой культуры: мечеть в Кайруане (Тунис), дворец-цитадель около Тлемсена (Алжир), цитадель в Каире, «розовая» мечеть Кутубия в Марракеше и др.

Живопись и скульптура вновь начали развиваться в Северной Африке уже в XX в., когда в разных странах региона появилось множество подготовленных специалистов. Наиболее знаменит египтянин Махмуд Мухтар, широко известна его скульптурная группа в Каире «Возрождение Египта», изображающая сфинкса и стоящую рядом девушку с открытым лицом.

Длительную историю имеет местная музыкальная и песенная культура. В народных оркестрах есть и ударные (барабаны, систры), и духовые (*зуммара* — кларнет и *мизмар* — дудка), и струнные (*ребаб*, *ургуль*) инструменты. Музыкальные стили используют арабские, турецкие, персидские, испано-андалузские мелодии. В XIX—XX вв. усилилось влияние на местную музыкальную и песенную культуру европейской музыки. Эфиопы гордятся своим первым певцом Яредом (его имя носит Академия музыки в Аддис-Абебе).

Богатая культура народов Северной Африки продолжает старые традиции. Арабская литература дополняется новой литературой на кабилском языке.

Народное художественное наследие творчески развивают современные художники. Продолжает жить традиционное народное прикладное искусство: чеканка и резьба по металлу, тиснение по коже, керамическое и ювелирное производство, ковроделие. Всюду существуют фольклорные ансамбли.

В Эфиопии расцвело искусство церковных фресок и книжной миниатюры. Эти памятники живописи хранились в монументальных христианских храмах и монастырях. Церкви, вырубленные в горных склонах (Лалибэла) и монументальный дворцовый комплекс в Гондэре составляют славу средневековой Эфиопии. Современные художники и скульпторы этой страны в своем творчестве используют как творческое наследие, так и достижения современной художественной культуры. Наиболее известен эфиопский художник Афэуорк Тэкле, чьи работы стали символом Эфиопии. Он работает в разных жанрах: расписывает фрески в соборе Святого Георгия в Аддис-Абебе, создает рисунки, акварели, графические работы, мозаики, скульптуру, рисунки для почтовых марок, открыток и т.п. Громадный (150 м²) витраж работы художника украшает бывшую штаб-квартиру Организации Африканского Единства в Аддис-Абебе. Дважды (в 1964 и 1979 гг.) проходили выставки его работ в Москве.

7. Этнические процессы: история и современность

С VII в. в Египте и странах Магриба начались исламизация и арабизация местного населения. Складывалась общая духовная и бытовая культура, основанная на мусульманских ценностях. Многие местные берберские племена утратили свои языки и перешли на арабский. Однако старые традиции не исчезли, а продолжали сосуществовать с новыми нормами. И теперь, в наше время, отмечаются многие доисламские праздники, сохраняется вера в духов, магию и колдовство, поклонение не только Аллаху и почитание не только Мухаммеда, но и многих святых. *Хадж* (паломничество) в Мекку нередко заменялся паломничеством к могилам святых или священным местам. В свою очередь и пришлые арабы многое заимствовали из культуры местного населения.

В Африке сложилось несколько центров древней и средневековой *городской цивилизации*. В Северной Африке хорошо помнят древние города Карфаген, Мемфис, Александрию; на территории современного Судана — Мероэ и Напату; в Эфиопии — Адулис и Аксум. В Средние века возникли Фес, Марракеш, Каир, Кайруан; в Северо-Восточной Африке — Сеннар, Шенди (Судан), Марис, Фарас; в Эфиопии — Гондэр и Анкобер; в Сомали — Могадишо и Брава. Города издавна становились центрами и очагами этнического смешения. Здесь встречались арабы, берберы, представители других местных народов, а также евреи, турки, армяне. Если евреи на протяжении многих веков жили замкнуто, то представители других этносов смешивались, вступали в браки, сливались в городские общины. Имели место ассимиляционные процессы; конечно, в этих процессах преобладали арабы, чьи язык и вероисповедание превалировали, поддерживаемые государственными институтами. Однако в сельской местности такие тенденции были замедлены, а на юге региона древняя культура долго сохранялась почти в неприкосновенности. Во многих районах, особенно среди кочевого населения (туарегов, мавров, бедуинов, сомали и др.), до сего времени сохраняется племенное деление, господствуют старые нормы

Дворец XVII в. в древнем центре Эфиопии Гондэре

социальных отношений, жива память о рабском состоянии предков или их благородном происхождении. Тем не менее и здесь бывшая обособленность нарушается. Происходит переход кочевников к оседлости, изживаются локальные особенности.

Наибольшая культурная однородность наблюдается в Египте, Ливии и Тунисе, где почти все население говорит по-арабски. В Алжире и Марокко большинство жителей арабизировано, но немалая часть — двуязычна, использует и арабский, и различные берберские языки.

С XIX в. Северная Африка испытала значительное влияние европейцев. Алжир, Тунис и Мавритания стали колониями Франции; Марокко было поделено между Францией и Испанией; Ливия стала итальянской колонией; Египет вошел в сферу влияния Англии и совместно с ней управлял Суданом. Сомали и Джибути составляли Британское, Итальянское и Французское Сомали; Эритрея стала итальянским владением. В регионе, особенно в городах, появилось много европейцев. В местных обществах начались процессы модернизации. В Алжире, кроме того, поселилось более 1 млн французов-колонистов, занявшихся плантационным хозяйством. Европейские языки стали языками межэтнического общения, широкое распространение получили европейские культура, система образования, увеличилось число христиан. Обрели популярность европейская архитектура, одежда, нормы поведения. Появились и смешанные формы одежды (например, европейский мужской костюм с сохранением традиционного головного убора или ношение галабии с пиджаком и т.п.). В мусульманских высших учебных заведениях были введены программы обучения светским наукам — медицине, инженерскому делу, агрономии. Такие факультеты возникли в мусульманском университете Аль-Азхаре в Каире, как

и первый в мусульманском мире женский факультет. Сегодня в регионе много крупных вполне современных городов. Самый большой из них — Каир (с населением около 18 млн человек). О нем говорят, что это главный котел смешения рас, религий, обычаев и языков, место встречи людей Востока и Запада. Их повседневное общение создавало и создает совершенно особую атмосферу средиземноморского Востока. Сейчас урбанизация происходит все более быстрыми темпами; Египет постепенно превращается из страны феллахов в страну горожан.

После достижения политической независимости интенсивное развитие получил процесс арабизации, закрытия церквей, отказа от использования языков бывших метрополий, изгнания европейских колонистов (прежде всего из Алжира). Активизировались политические движения за возврат к «истинным ценностям ислама».

В современных этнических процессах наблюдаются две тенденции: складывание общей наднациональной североафриканской арабской культурной общности и формирование отдельных наций в каждой стране. Арабский язык в Северной Африке имеет две формы: общеарабскую литературную и местную разговорную, отличающуюся своими существенными особенностями в каждом из государств региона. Дискуссии о преобладании той или иной тенденции идут постоянно во всех странах Северной Африки. Однако более распространено мнение о наличии не одной арабской нации, а нескольких — алжирской, ливийской, тунисской и т.д. Так, писатель Льюис Авад заметил: «Я — египтянин... Копты и мусульмане в Египте — один народ. У них общий язык, общая история, общий этнический тип. Есть египетская нация, отличающаяся от других арабских наций».

Тем не менее одновременно с арабизацией оживилось также стремление развивать неарабские языки и культуры, сохранять доисламские традиции. Наиболее интенсивно этот процесс протекает среди кабилы.

Еще сложнее ситуация в Мавритании и Судане. В этих странах государственным является арабский язык, однако наряду с ним сохраняют свое положение и местные языки. Эти страны образуют переходную зону от арабского средиземноморского мира с городской и земледельческой культурой к кочевой скотоводческой. Здесь сильны племенные традиции и архаические формы социальной структуры. Особенно сложна ситуация в Судане. Он резко делится на две зоны: северную с арабоязычным населением, мусульманами, формирующими верхушку государства, и южную, где живут негроидные народы, говорящие на языках нигеро-кордофанской и нило-сахарской языковых семей и исповедующие либо локальные традиционные верования, либо христианство. Процессы этнического сближения происходят в этих регионах по-разному. На севере складывается арабская северо-суданская нация, на юге идет медленная консолидация таких народов, как шиллук, нуэры, динка. Такое различие создает условия для постоянной нестабильности, конфликтов между населением севера и юга страны, временами выливающихся в вооруженные столкновения.

Иначе протекают этнические процессы в Северо-Восточной Африке. В границах Эфиопии оказались объединенными разные народы. Их отличали и языковая принадлежность, и культурные традиции, и хозяйственные занятия, и уровень социально-экономического и политического развития, и веро-

исповедание. На севере и северо-востоке еще со Средневековья распространился ислам, в центре страны — христианство. Окраины Эфиопии (особенно юго-запад) заселены народами, долго сохранявшими родо-племенную структуру и традиционные верования (тотемизм, культ природы и священных правителей). Только в конце XIX в. они были подчинены центральному правительству Эфиопии. В политическом устройстве страны главную роль играли амхара, а христианство еще с IV в. н.э. стало государственной религией. Вновь завоеванные народы подверглись крещению. Получили развитие ассимиляционные процессы, вокруг амхара объединялись крупные и мелкие народы, воспринимая их язык и культуру. Принадлежность к амхара считалась престижной. Эти естественные процессы усугублялись правительственной политикой принудительной христианизации.

После антифеодальной революции 1974 г. была провозглашена свобода вероисповедания и среди многих народов страны получили новый стимул рост самосознания и протест против амхаризации. Он особенно усилился после падения авторитарного режима в 1991 г. Наряду с амхара вторым ядром ассимиляции стали оромо, стремящиеся выйти на первое место в государстве. Такие же процессы идут вокруг *тигре* на севере, *гураге* — в центре Эфиопии. Некоторые народы отказываются от христианства и возрождают традиционные религии. Все население страны знает амхарский язык, который является государственным, но отчетливо проявляется тенденция повышения роли других языков, в частности введения образования на языках ряда народов (сейчас — на 19). В ряде районов возникают региональные центры, политические и общественные организации сепаратистского толка. На северо-востоке страны такие движения после длительного вооруженного противостояния с центральным правительством завершились выделением Эритреи из состава Эфиопии в качестве самостоятельного государства (1993). Этническое развитие народов Эритреи идет в рамках этого нового государства, хотя части некоторых из них оказались по разные стороны границы. Складывание эритрейской нации — дело будущего.

Самое благополучное положение — в Джибути. Это небольшое государство практически моноэтнично и ныне преодолевается племенное сознание, идет осмысление государственного и этнического единства.

Этническая ситуация в Сомали выглядит сложнее. В стране очень живо племенное деление, сильны патриархально-феодальные и родо-племенные структуры. Это затрудняет складывание единой нации. В 70-е гг. XX в. правительство страны полагало, что можно создать ее, запретив упоминание о племенах и родах и использование карт расселения этнических групп. Эти расчеты не оправдались: единая сомалийская нация до сих пор так и не сложилась. Ее формированию мешают слабое развитие внутриэкономических связей, общая культурная отсталость страны, где большинство населения составляют кочевые скотоводы. Положение осложняется соперничеством племен и кланов, зависимостью сомалийской экономики от зарубежных монополий. В стране много лет продолжается гражданская война.

ЭТНОСЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

1. Территория. Природные условия. Исторические сведения

Западная (Передняя) Азия расположена на Евразийском континенте и включает Аравийский полуостров, Месопотамию, Палестину, некоторые районы Восточного Средиземноморья, Малую Азию, Армянское и Иранское нагорья; на востоке она простирается вплоть до хребтов Гиндукуша. Ее площадь около 7,5 млн км².

Рельеф и климат Западной Азии существенно меняются от региона к региону. На значительной части ее пространства преобладают горные, пустынные и засушливые степные ландшафты, сменяющиеся на побережьях Средиземного, Красного, Черного и Каспийского морей субтропиками. В долинах, где протекают реки, климат по большей части сухой, субтропический. Многочисленные горные реки, похожие, скорее, на ручьи, имеют очень быстрое течение и несут много воды, особенно в сезоны таяния снегов в горах. Зато в жаркие летние месяцы они часто пересыхают. Крупных рек в Западной Азии немного. Это прежде всего Тигр и Евфрат в Месопотамии. Такие реки, как Герируд, верховья Амударьи и другие, относительно многоводны в течение только части года. Обширные в древности лесные массивы к настоящему времени в значительной мере сведены, что привело к уменьшению числа водных источников и запасов воды в них, обеднению флоры и фауны. Население распределено по территории Западной Азии крайне неравномерно: оазисы густо заселены, горы и пустыни практически безлюдны.

На территории Западной Азии расположены Афганистан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция.

Этногенез и этническая история. Западная Азия относится к регионам мира, где обнаружены свидетельства относительно ранних этапов антропогенеза. Существует предположение, что в глубочайшей древности, за сотню тысяч лет до наших дней, туда переселились из Африки предки человека современного вида — *Homo sapiens*, заселившие примерно 40 тыс. лет до н.э. Европу и прочие области Азии. (Есть и другие концепции по этому вопросу; см. гл. 6.) Уже в каменном веке в ряде мест Западной Азии сложились весьма развитые для своего времени региональные культуры, а на исходе мезолитической эпохи здесь возникли первичные центры *доместикации* (одомашнивания) животных и культивации растений. Производящее хозяйство, по мере утверждения и развития *ирригационного* (орошаемого) земледелия, послужило основой, на которой сложилась одна из древнейших на земле цивилизация *шумеров*.

Древнейший этнический состав и протекавшие тогда этнические процессы еще во многом не ясны. Установлено лишь, что начиная с каменного века население Западной Азии по антропологическому признаку принадлежало к большой европеоидной расе. Только начиная с рубежа IV и III тыс. до н.э. в памятниках письменности шумеров, а позднее и других древних народов появились отрывочные сообщения об этническом составе Южной Месопотамии

и некоторых других местностей. Язык шумеров изучен, однако откуда они пришли, точно не известно. Не установлено и место шумерского языка в лингвистической классификации, и вместе с рядом других мертвых языков Передней Азии его условно включают в «каспийскую группу». Однако шумеры занимали только небольшую часть рассматриваемого региона, где обитали разнообразные по этнической принадлежности народы, науке пока еще мало известные. Судя по данным письменных памятников и археологических исследований, в III тыс. до н.э. в западной части Передней Азии широко расселились народы, чьи языки принадлежали к семитской группе. Преемниками шумеров стали *аккадцы* и другие этнические группы, создавшие позднее великое Вавилонское царство.

В III—II тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье существовали несколько государств, созданных семитоязычными народами, творцами величайших культурных ценностей, ставших со временем основой европейской цивилизации. Так, древнейшее алфавитное письмо, явившееся основой древних и современных алфавитов, возникло у *финикийцев*, отважных путешественников и торговцев, обитавших в Восточном Средиземноморье. На языке древних *евреев* первоначально была создана Библия. Во II тыс. до н.э. происходило расселение семитоязычных народов: *хананеи* и *арамеи* заселили области к юго-западу от Месопотамии. Шло заселение Аравийского полуострова *арабами*. Большое культурное значение в конце I тыс. до н.э. получил семитский *арамейский язык*, вытеснивший из разговорной речи многие другие восточносредиземноморские языки, в частности древнееврейский. Благодаря памятникам клинописной и иероглифической письменности, обнаруженным в Малой Азии, удалось установить, что к середине II тыс. до н.э. там среди прочих расселились *неситы*, *ликийцы* и другие народы, говорившие на языках индоевропейской семьи.

В IX в. до н.э. на севере Передней Азии и в Южном Закавказье — в области Армянского нагорья — возникло сильное государство Урарту. В середине I тыс. до н.э. там началось формирование армянского народа, создавшего свою государственность, просуществовавшую почти тысячу лет.

В том же тысячелетии в Западной Азии развернулись крупные этнические и политические процессы, связанные с миграциями индоевропейских народов. Сложились крупные деспотические государства: Парфия, Мидия, Персия, Бактрия. С севера происходило проникновение на территорию Западной Азии скифских народов. В результате сложных и многообразных этнических процессов складывались и распадались различные этносоциальные общности, часть которых стала в Средние века основой для формирования современных народов. На обширной территории, от Иракского и Турецкого Курдистана до северо-запада Южной Азии, постепенно сформировался ряд этносов, говоривших на языках западноиранской ветви индоевропейской семьи: *персы*, *таджики*, *пуштуны*, *курды*, *белуджи*, *луры*, *бахтиары* и многие другие.

Очень большие политические, культурные и этнические последствия имели арабские завоевания VII—VIII вв. Арабы захватили обширные пространства Передней Азии. При этом с арабами смешивалось покоренное население Восточного Средиземноморья, и происходило формирование современных арабских народов. В ходе завоеваний арабы распространяли ислам, что привело к радикальным культурным изменениям и вытеснению ряда прежних религиозных

и культурных традиций. Вместе с тем совершался широкий экономический и культурный обмен, способствовавший распространению науки, медицины, технических знаний. Арабский язык стал универсальным языком науки и литературы. На нем писали крупнейшие ученые Передней и Средней Азии — как арабы, так и представители других народов: Ибн Фадлан, Гардизи, Масуди Ал-Макдиси, Ал-Истахри, Абу Муслим ибн Сина (Авиценна) и многие другие, создавшие уникальные описания стран и обитавших в них народов, а также капитальные труды по географии, математике, медицине.

Следующее крупнейшее событие в этнической истории Передней Азии относится к X и последующим векам, когда ее северо-западные области были покорены несколькими волнами завоевателей — *тюрок*, пришедших из Центральной Азии. В XI в. *тюрки-сельджуки* подчинили себе Малую Азию и часть Закавказья, что положило начало формирования *турок*, *азербайджанцев* и некоторых меньших по численности народов — *юрюков*, *кашкайцев* и др. Этот процесс продолжался и в годы монгольского нашествия (XIII в.). При этом сами *монголы* не оказали существенного влияния на антропологический состав, язык и культуру завоеванного населения. В составе их войск находились группы самых различных тюркоязычных народов, смешивавшихся с местными тюрками; в конечном счете это привело к сложению ряда новых этнических общностей.

Бурные этнические процессы продолжались и позднее. В XVII в. в Иран были насильственно переселены некоторые группы *грузин* и *армян*. На протяжении XVII—XVIII вв. иранские и турецкие власти неоднократно переселяли (по политическим и военным соображениям) группы курдов на юг Турции, в Центральную Анатолию, в Хорасан. Примерно с того же времени происходило перемещение *пуштунских племен* с юга на север территории нынешнего Афганистана — на плодородные земли в горных долинах и на равнинах. Там кочевники-пуштуны переходили к оседлости, оттесняя к северу местное население. В XVIII—XIX вв. в Анатолию из России переселилась часть русских старообрядцев, бежавших от религиозных преследований со стороны церковных и светских властей. В ходе Кавказской войны в Турцию переселилось некоторое число выходцев с Северного Кавказа — *чеченцев*, *абазин* и др. В 1915 г. турецкие власти осуществили геноцид по отношению к армянам и грекам. Вследствие резни сотни тысяч армян были убиты, 1,5 млн были вынуждены бежать из страны и искать новую родину.

Значительные этнополитические процессы развернулись в Восточном Средиземноморье после окончания Второй мировой войны. Возникло государство Израиль (1947), куда переселилось значительное число евреев из Северной Африки, других регионов Западной Азии, Восточной Европы и многих других стран.

За многотысячелетнюю историю народы Западной Азии создали множество фундаментальных культурных ценностей, вошедших в основу достижений мировой цивилизации. Однако периоды культурного расцвета сменялись временами упадка в годы многочисленных войн.

Современный этнический состав населения. По расовому признаку подавляющее большинство жителей Западной Азии относится к разным типам южной ветви европеоидной расы (индо-средиземноморскому, балкано-кавказскому и др.). Хазарейцы Афганистана монголоидны, а на юге Аравийского п-ова у некоторых

групп арабов заметна довольно значительная примесь негроидности. Кроме того, в регионе проживает некоторое число негроидов — выходцев из Африки.

Народы Западной Азии говорят главным образом на языках индоевропейской, семитской и тюркской семей.

Индоевропейская семья представлена в основном языками западноиранской ветви иранской группы: *фарси* (персидским), *таджикским*, *курдским*, *пушту*, *белуджским*, *лурским*, *бахтиарским* и др. В высокогорных районах на северо-востоке Афганистана обитают «горные таджики», которые говорят на диалектах восточноиранской ветви: *ягнобском*, *язгулемском*, *рушанском* и др. На языках индоевропейской семьи говорят армяне, греки, русские в Турции, выходцы из стран Центральной и Западной Европы.

На Аравийском п-ове, в Сирии и Ираке, в Восточном Средиземноморье преобладают семитские языки: литературный *арабский* и его диалекты, *иврит* в Израиле — и некоторые языки малочисленных народов: *ассирийский*, *семитические* диалекты Ливана, Сирии и других стран.

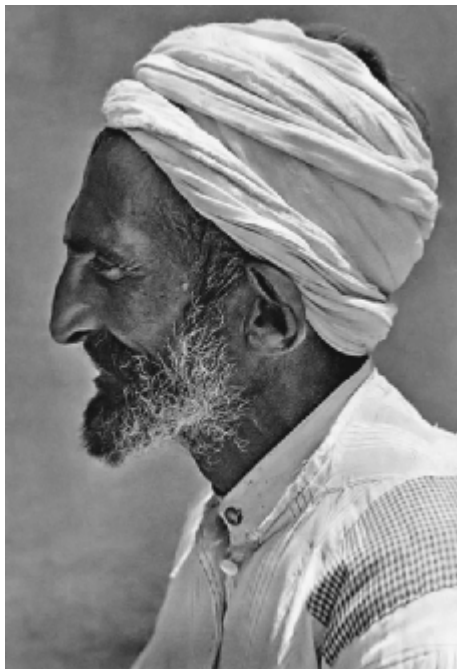
Небольшие этноконфессиональные группы говорят на *новоарамейских* диалектах.

На языках тюркской ветви алтайской языковой семьи говорят *турки*, *азербайджанцы*, *туркмены*, *юрюки*, *афшары*, *шахсевены*, *кашкайцы*. Кроме того, главным образом в Афганистане, обитают переселившиеся из СССР в 30-е гг. XX в. и говорящие на тюркских языках *узбеки*, *казахи*, *каракалпаки*.

В Передней Азии проживает немало выходцев с Кавказа и из Южной Азии.

Страны Передней Азии различны по национальному составу. Наиболее однородны в этом отношении арабские страны, Израиль и отчасти Турция. В Сирии, Ливане, Иордании, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне арабы образуют абсолютное большинство (до 85—90% населения). И только в Ираке до 1/3 жителей составляют курды. Впрочем, значительное число курдов обитает в Сирии, Турции и Иране. Сложен национальный состав Ирана и Афганистана, где живут десятки различных народов, при этом господствующими в Иране являются персы, а в Афганистане пуштуны не составляют большинства населения. В Турции, Иране, Сирии и Ливане довольно многочисленны армянские общины.

Смешанность национального состава многих стран Западной Азии имеет следствием многочисленные межэтнические конфликты, порой перерастающие в войны. Это столкновения евреев и палестинцев, курдская проблема в Ираке и Турции, а отчасти и в Иране, многолетняя война в Афганистане между талибами — главным образом пуштунами — и узбеками, таджиками и другими

Пожилой турок. Фото 1930-х годов

этническими группами севера страны. Сложности существуют в межнациональных отношениях в Иране: между персами, с одной стороны, азербайджанцами и туркменами — с другой.

В основе межэтнических конфликтов лежат разные причины, главные из которых коренятся в сфере разрешения территориально-политических, экономических и отчасти религиозных проблем. Это стремление курдов к созданию собственного национального государства, межэтническая война за господство в Афганистане, противоречия между представителями разных конфессий. Значительно усложнилась ситуация в последние десятилетия (по мере распространения агрессивного мусульманского фундаментализма).

Замедленно протекает национальная консолидация в ряде арабских стран, затрудняемая внутренними религиозными противоречиями и сложностью интеграции оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого населения.

Уже много десятилетий разворачиваются крупные этнокультурные процессы в Иране, в ходе которых происходит сплочение отдельных народов — *гилянцев, мазендеранцев*, а также объединение некоторых кочевых племенных групп в более крупные общности.

Города, промышленность и народный быт. Появление городов и городского быта в Передней Азии относится к очень далекому прошлому, ко времени древнейших государственных образований. Ныне в регионе существует большое число крупных городов, в том числе с населением (нередко разнациональным), превышающим 1 млн жителей. К числу таких городов принадлежат Амман (Иордания), Багдад (Ирак), Стамбул (Турция), Дамаск (Сирия), Тель-Авив (Израиль), Сана (Йемен), Тегеран (Иран) и др. Города выполняют административные, промышленные, культурные и иные функции. В Израиле находится один из самых древних городов мира — Иерусалим, где располагаются святыни трех крупных религий: иудаизма, христианства и ислама.

Наряду с огромными городами в Западной Азии имеется большое число небольших городов, часто сохраняющих средневековый облик. В их центре, вокруг центральной площади, обычно находятся мечеть, административные здания, дома богатых людей. Далее размещаются ремесленно-торговые кварталы и бедные окраины. Да и в крупнейших городах по соседству с дворцами богачей, банками и универсальными магазинами располагаются традиционные «восточные» кварталы с узкими кривыми улицами и многочисленными небольшими домами, лавками купцов и мастерскими ремесленников. Типичное явление не только городской, но и сельской жизни — шумные базары, где продается и покупается все на свете.

Мировое значение имеет религиозная и светская архитектура Стамбула, Дамаска, Багдада, Мекки и других крупных центров стран Передней Азии.

Складывание современной промышленности в странах Передней Азии почти полностью совершилось в XX в. Открытие и разработка богатейших месторождений нефти и газа привели к интенсивному вложению в эти отрасли местного и иностранного капитала, способствовали росту связанных с ними отраслей промышленности в большинстве арабских государств, а также в Иране. Развиваются легкая промышленность (в том числе текстильная, кожевенная), строительная индустрия и производство строительных материалов. Концентра-

Стамбул. Галатский мост через залив Золотой Рог.
Вид с минарета Новой мечети (Ени Ками)

ция рабочих, инженеров, другого производственного персонала меняет производственный и социальный быт значительных слоев населения. Перемены затронули типы жилищ, одежды, ритм жизни. Ослабевают архаические традиции (например, в Турции).

Если сравнить экономики двух стран из числа развитых в Передней Азии — Саудовской Аравии и Израиля, — то нетрудно заметить, насколько они отличаются друг от друга. Так, расцвет промышленности в Саудовской Аравии сопряжен прежде всего с добычей и переработкой полезных ископаемых — нефти и газа. Из отраслей производства здесь кроме добывающих развиты нефтехимия, легкая и пищевая промышленность, а также кустарные промыслы. В индустрии широко используется иностранная рабочая сила (из других арабских стран; эти работники не получают саудовского гражданства). Эффективно также сельское хозяйство — кочевое и полукочевое животноводство, оазисное земледелие.

В Израиле, который беден полезными ископаемыми, развитие получили наукоемкие отрасли индустрии (электроника, машиностроение, фармацевтическая промышленность, производство вооружения — стрелкового оружия, военных самолетов). Сельское хозяйство специализируется на выращивании цитрусовых и оливок (и производстве оливкового масла), возделывании зерновых и овощных культур. Страна обеспечивается рабочей силой почти целиком

за счет приезжих — из многих стран разных регионов мира (Европы, Америки, Северной Африки), включая Россию. Это создает известные языковые и культурные трудности. В большинстве приехавшие становятся гражданами страны.

2. Страны и этносы

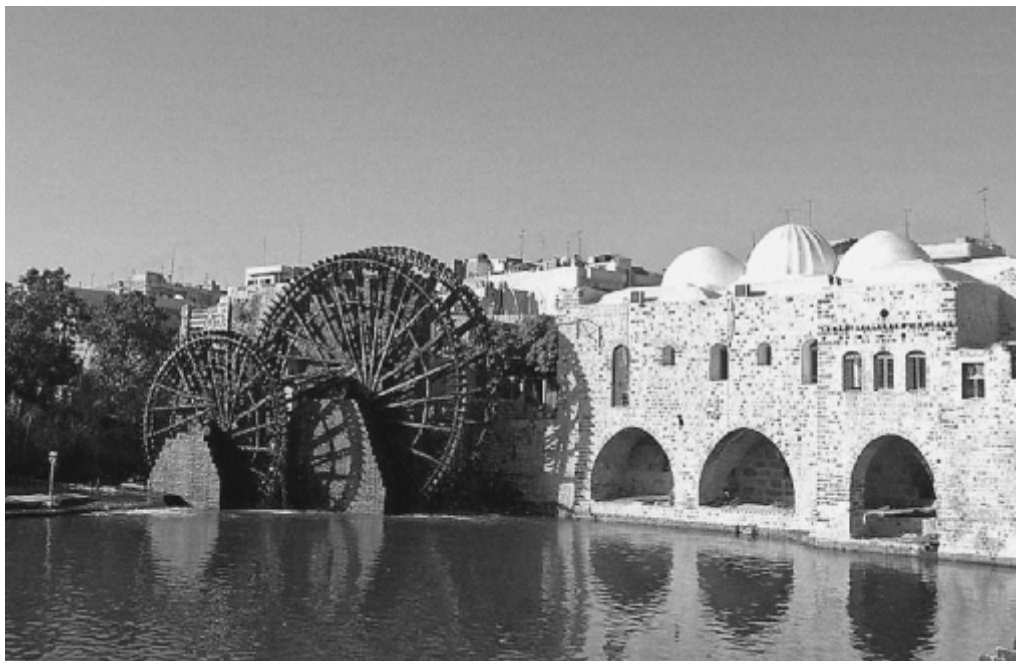
Арабские страны и народы. Арабы (самоназвание *аль-араб*) — это метаэтническая общность, в состав которой входят местные арабские народы — саудовцы, йеменцы, иракцы и др. Общая численность арабов в Азии — более 70 млн человек. Во всех арабских странах официальным языком является арабский. В разных арабских странах распространены местные диалекты, как то: сирийский арабский, иракский арабский, йеменский арабский и т.п., которые иногда существенно отличаются друг от друга. Письменность — на основе арабского алфавита.

Разнообразие природных условий, особенности исторического развития привели к сложению в арабских странах разнообразных хозяйственно-культурных типов. С глубочайшей древности в междуречье Тигра и Евфрата и других регионах возникло интенсивное ирригационное земледелие, весьма типичное в условиях жаркого засушливого климата. Для орошения полей сооружаются ирригационные системы в виде плотин, дамб, оросительных каналов. Последние образуют сложную систему из магистральных каналов и отходящих от них каналов второго, третьего и т.д. порядка, которые в конечном счете выводят воду на крестьянские поля. Когда уровень воды ниже возделываемых полей, применяется принудительное орошение, осуществляемое с помощью водоподъемных колес, которые в древности приводились, а иногда и теперь приводятся в действие при помощи домашних животных. В крупных помещичьих и зажиточных хозяйствах для подъема воды используются насосы. Весьма сложен и трудоемок уход за ирригационными системами. Поддержание таких систем в рабочем состоянии требует постоянной их чистки от минеральных и растительных осадков, причем по большей части ил удаляется вручную. Эти осадки используют в качестве удобрения. Принудительное орошение требует значительных затрат труда и средств, что существенно удорожает сельскохозяйственное производство.

Для более рационального водопользования хозяйства обычно объединяются в группы, каждая из которых по очереди получает всю воду из канала. Ее распределением ведают специальные люди, пользующиеся в общинах значительным авторитетом. Каждое поле обносится невысоким земляным валом, чтобы вода задерживалась и пропитывала почву.

Основу земледелия составляют зерновое хозяйство (рис, пшеница, ячмень и другие злаки), возделывание кофе, огородничество и садоводство. Из технических культур разводят масличные (кунжут и др.) и табак.

Несколько иначе выглядит земледелие в пустынных областях Аравии, а также в горных местностях. В пустыне земледелие возможно только около источников воды, в оазисах, где основной культурой служит финиковая пальма. При наличии воды возделываются также в небольших количествах зерновые и огородные культуры.

Старинное водозаборное сооружение близ г. Хама. Сирия

Горное земледелие основывается на орошении полей из небольших источников или «под дождь» и ведется в небольших размерах. Сеют преимущественно зерновые культуры.

До настоящего времени беднейшая часть населения Передней Азии использует самые примитивные сельскохозяйственные орудия труда, иные из которых, в частности соха, были известны еще на заре цивилизации.

Многие отрасли сельского хозяйства арабских стран имеют большое экспортное значение. В страны Европы, Америки и Азии вывозятся кофе, сушеные финики, знаменитые сорта яблок, винограда и многое другое.

Еще столетие тому назад немалую часть населения Центральной Аравии составляли кочевники-скотоводы (бедуины), заселявшие обширные области Аравийской пустыни. *Бедуины* разводили главным образом одnogорбых верблюдов — дромедаров и в небольшом количестве лошадей. Номады Аравии вели так называемое меридиональное кочевание, проходя со своим скотом в течение года по пустыне большие расстояния. При этом летом они перегоняли животных от одного колодца к другому, а зимой углублялись в пустыню, где иногда выпадали дожди, и можно было найти воду для поения скота и росла сочная трава. Скотоводы *шавия* помимо верблюдов разводили овец, с которыми тоже кочевали, но не удаляясь на большое расстояние от оазисов, где осенью и зимой после уборки урожая земледельцами овцы паслись на стерне.

Начиная с 30-х гг. XX в. кочевое скотоводство арабов начало испытывать все более сильные кризисные явления. Развитие автомобильного и воздушного сообщения сняло проблему охраны караванов, с развитием товарно-денежных

Йеменский араб в традиционной одежде
и с кинжалом — джамбией

отношений стало интенсивно происходить разорение скотоводов, переход их к оседлости. Кроме того, в ряде государств Аравии огромные доходы от добычи нефти распределяются отчасти среди населения, что уменьшает их заинтересованность в ведении скотоводческого хозяйства.

Социальные отношения бедуинов и шавия на протяжении почти трех тысячелетий характеризовались общинно-кочевым, номадным способом производства. Его основными признаками были частносемейная собственность на скот, общинное пользование водными источниками и пастбищами, племенная общественная организация, основанная на легендарном «родстве» и происхождении от одного предка. Самой мелкой общественной ячейкой этой общественной структуры является семья. Семья и семейные отношения у арабов основываются на нормах религии (*шариат*) и обычного права. В семье непререкаема власть старшего мужчины. Женщины, особенно молодые, ни в семье, ни в

обществе не имеют права голоса. В прошлом семьи обычно были большими и включали помимо неженатой молодежи семьи женатых сыновей и других родственников по мужской линии. В Новейшее время большие семьи все чаще стали распадаться на малые, состоящие из лиц одного-двух поколений (родители с детьми). Шариат допускает многоженство и содержание наложниц, однако полигамия бытует главным образом только в семьях шейхов, наиболее богатых скотоводов и у обеспеченных групп городского населения.

Семьи объединялись в общины (*тайфе*), небольшие племенные подразделения или племена (*кабиле*) и собственно племена (*бени*).

Во время частых в прошлом войн нередко возникали крупные союзы племен, которые с наступлением относительно мирного времени, как правило, распадались. Во главе племен и племенных союзов стояли предводители-*шейхи*, руководившие кочеванием и некоторыми другими сторонами хозяйственной и общественной жизни, а также возглавлявшие военные набеги. Однако власть шейхов была относительной и могла основываться только на обычном праве и поддержке родственников. В случае несогласия общинников с действиями предводителя они могли перейти от него к другому шейху. В настоящее время шейхи — это обычно богатые землевладельцы или собственники

Жительницы г. Сана — йеменские арабки

нефтяных скважин, и бывшая общинно-кочевая демократия сохраняется лишь у отдельных групп кочевников, кочующих в отдаленных местностях Центральной Аравии.

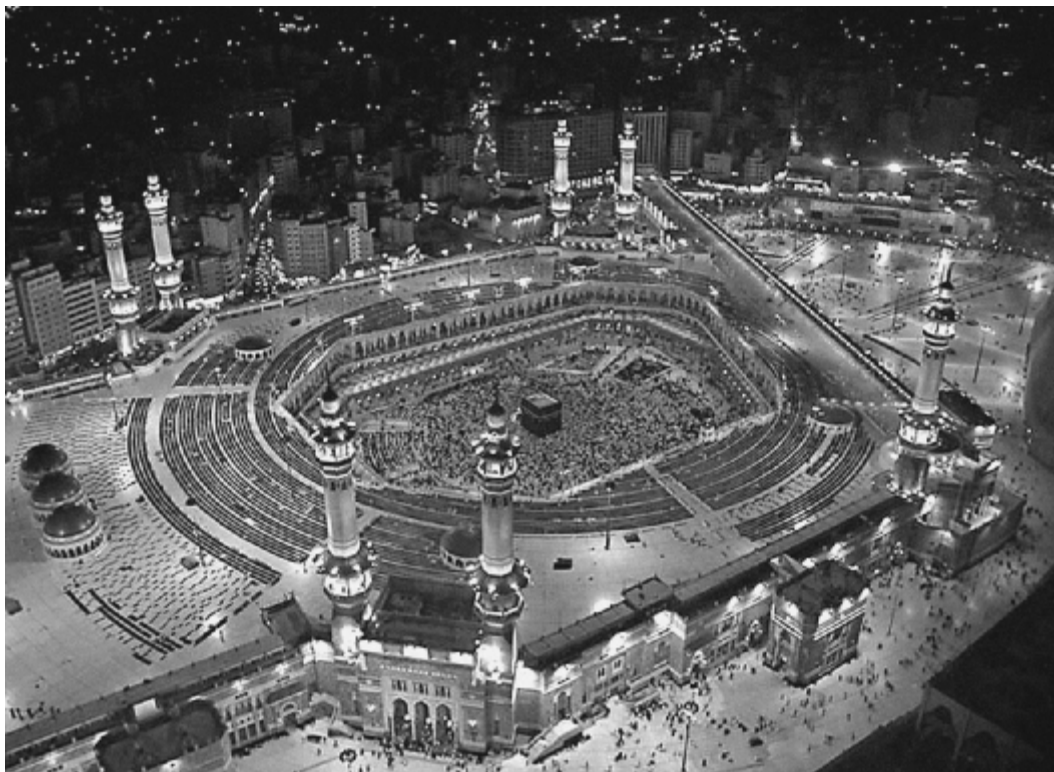
За исключением крупных городов и промышленных центров традиционная материальная культура еще сохраняется, особенно у кочевников, а также у части крестьян-земледельцев. Покрывало традиционного жилища кочевников и полукочевников изготавливается из черной, чаще козьей шерсти, а у беднейшего населения — из брезента. Количество шестов, поддерживающих палатку и определяющих размер жилища, свидетельствует о степени зажиточности скотовода. Племенные группы создают в основном крупные временные поселения из нескольких сотен шатров. При въезде в поселение, как правило, стоит палатка шейха, чтобы любой приезжий становился прежде всего его гостем. В угощении прибывших, как правило, принимают участие все общинники. Дома крестьян-земледельцев чаще всего представляют собой каркасно-столбовое жилище разных вариантов средиземноморского типа. Сооружаются они из сырцовых кирпичей, а в горных областях — из камня. Сельские постройки в большинстве своем одноэтажные, прямоугольные в плане, с внутренним двором.

Одежда переднеазиатских арабов состоит из запашных юбок (*фута*), длинных белых рубах с рукавами (*галабия*) и головных повязок (*куфия*). Жители внутренних областей Аравии носят также распашные плащи без рукавов (*аба*). Мужская и женская одежда очень схожи и несколько отличаются лишь способом ношения и отделкой. Женщины любят разнообразные украшения: ожерелья, серьги, кольца, ручные и ножные браслеты, носовые вставки. Украшения, в зависимости от состоятельности семьи, изготавливаются из серебра

или золота, что довольно недорогого для ряда стран Западной Азии. У бедуинок бытует татуировка и раскрашивание лица, ладоней, тела, ступней. На севере, в Сирии и Ираке, традиционная одежда также сохраняется, но в больших городах нередко можно встретить местных жителей, особенно мужчин, в европейском костюме.

Пища у скотоводов и оседлых земледельцев несколько различна. У последних это каши из различных злаков, козье молоко, овечий сыр, зелень, фрукты, сушеные финики. Для большинства крестьян, за исключением богатых хозяев, мясо — редкая праздничная еда. Повседневную пищу скотоводов составляют пресные пшеничные или ячменные, реже кукурузные лепешки и продукты из сквашенного верблюжьего молока. Обязательная часть трапезы — финики, а также чай или кофе. Чай пьют как черный, так и зеленый. Часто в чайную чашку кладут листья мяты. Как и у сельского населения, у большей части кочевников мясо — это праздничное блюдо. В связи с религиозными табу категорически запрещен алкоголь в любом виде. В ряде стран не только его употребление, но и хранение карается тюремным заключением. Зато широко распространено курение; в частности курят кальян (сосуд, в котором табачный дым проходит через воду, нередко ароматизированную розовым маслом, и поступает к курильщику через гибкий шланг и мундштук).

Исключительно богата духовная культура арабов. В начале VII в. н.э. на Аравийском п-ве возник *ислам* (букв. — *покорность*), или *мусульманство*,

Мекка. Главная мечеть мусульманского мира с храмом Кааба во время хаджа

основателем которого был житель г. Мекки Мухаммед (570—632 гг.), объявивший себя посланником единого Бога — Аллаха. В ту же эпоху была составлена священная книга мусульман — Коран. Ислам многое заимствовал из иудаизма и христианства. Основной догмат ислама — идея единого Аллаха и почитание его пророка Мухаммеда. С возникновением Арабского халифата (с VII в н.э.) и позднее монарх выполнял функции религиозного главы мусульман. Правовверные мусульмане должны уплачивать религиозный налог — *закят*, хотя бы раз совершить *хадж* — паломничество в священный город Мекку. Обязательна ежедневная пятикратная молитва, пост в месяц рамадан. По религиозной принадлежности арабы являются главным образом мусульманами суннитского толка, но встречаются и группы шиитов, хариджитов-ибадитов; в Ливане наряду с исламом распространено христианство разных толков.

Чрезвычайно богат арабский фольклор, ставший источником классической поэзии, сказочное творчество, музыка. В арабской и персидской среде созданы многочисленные фольклорные произведения, в том числе на тему верной и пламенной любви юноши-поэта Маджун к красавице Лейле, сказки «Тысячи и одной ночи» и др. Основные музыкальные инструменты — однострунный или двухструнный смычковый инструмент *ребаб*, барабаны, дудки и др. Развито сольное и хоровое пение, танцы. Традиционная культура, особенно в городах, испытывает сегодня губительное влияние западной поп-культуры. Интервенция в Ирак в 2003 г. войск группы развитых стран во главе с США оказала катастрофическое воздействие на культурно-этнические отношения в этой арабской стране.

Народы Израйля. Основу современного населения Израйля составляют евреи (самоназвание *йегудим*, *йид* или *айид*; греч. экзоэтноним — *эбрайос*). Всего в мире около 14 млн евреев, в Израйле их численность достигает 5 млн. По антропологическому типу они европеоиды, говорят на семитском языке *иврит*. Иврит — официальный язык государства Израиль, современная модификация древнееврейского языка, внедряемая в массы с помощью системы образования. Часть населения страны составляют *сефарды*, являющиеся отчасти потомками местных, переднеазиатских евреев, но в значительной степени обязанных своим происхождением крупным группам еврейской диаспоры стран Пиренейского п-ва. Остальные, ныне составляющие большинство населения, — *ашкенази*, иммигранты из различных регионов мира (Америки, Европы, Северной Африки, России и др.). Их язык — *идиш* — сложился преимущественно на территориях расселения немцев на основе одного из диалектов немецкого языка. Многие говорят по-русски.

Сельские поселения в Израйле часто имеют кольцевую планировку, в них распространены дома современной евро-американской конструкции.

Костюм преимущественно европейского типа. Правовверные евреи носят длиннополые сюртуки, своеобразные шляпы и отращивают *нейсы*.

Во многих сферах социальной жизни проявляются местные традиции. Так, многие сельские поселения организованы в виде общин (*киббуцев*), в которых существуют коллективное производство и обобществление имущества.

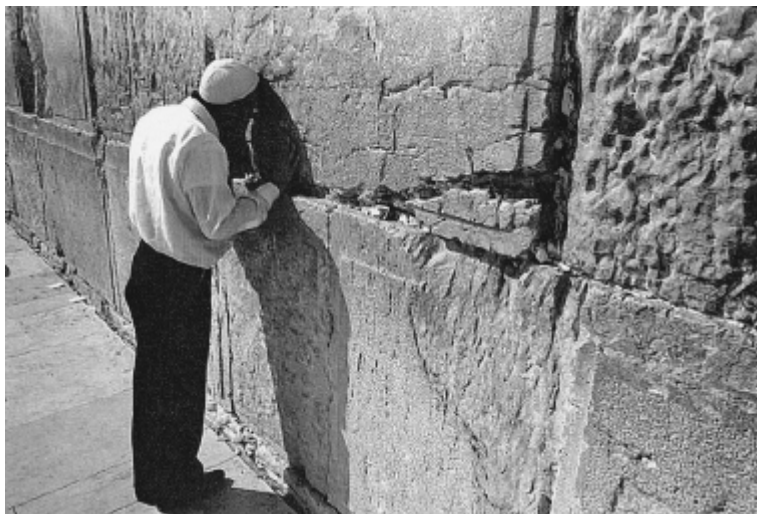
Семейная жизнь верующих основывается на иудаистском праве, которое проявляется во многих сферах жизни. Верующие евреи согласно традиции должны соблюдать свыше 600 заповедей (правил поведения).

Религиозные евреи возле одной из синагог в Иерусалиме

Древние традиции сохраняет иудейская религия — *иудаизм*, играющая немалую роль в общественной и частной жизни населения Израиля. Наряду с ортодоксальным иудаизмом существуют секты, например караиты (караимы), самаритяне и др.

Израиль был образован на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (1947) из части бывшей британской подмандатной территории Палестины, которую населяли как евреи, так и арабы. С того времени и по сей день не удается урегулировать арабо-израильские отношения. Конфликт между Израилем и арабами (прежде всего, палестинцами) унес с обеих сторон множество человеческих жизней.

Молитва у Стены плача в Иерусалиме.

Стеной плача называют часть западной стены древнего Иерусалимского храма — все, что от него осталось после разрушения римлянами в 70 г. н.э.

Народы Турции. Основное население Турции составляют *турки*, остальные этнические группы (за исключением *курдов*) немногочисленны. В горных местностях на юге страны еще недавно кочевали *юрюки*, в последние десятилетия частично перешедшие к оседлости и земледелию, а также небольшие полукочевые тюркские племена: *туркмены*, *тахтаджи*, *абдалы* и др. Имеются сравнительно небольшие общины выходцев с Северного Кавказа — *черкесов*, *абазин*, *чеченцев*, а также проживающих в Центральной Анатолии *русских старообрядцев*.

Численность турок (самоназвание *тюрк*) достигает 50 млн человек; их группы разной численности теперь проживают и в ряде стран Западной Европы (например, в Германии), а также в других регионах мира.

Турки — европеоиды; представители некоторых малых тюркских этносов обладают монголоидной примесью.

Турки говорят на турецком языке, принадлежащем к тюркской ветви алтайской семьи. В прошлом они пользовались арабским алфавитом, но с 1928 г. перешли на письменность на основе латинской графики.

Значительная часть населения страны занята в сельском хозяйстве; имеется и довольно развитая промышленность. В субтропических районах турки культивируют ячмень, пшеницу, бобовые, цитрусовые и масличные культуры. Разводят виноград, табак, кукурузу. Большую роль, особенно в Центральной Анатолии, играет искусственное орошение.

И сегодня сохраняются различные традиционные народные промыслы, особенно ковроткачество, имеющее экспортное значение.

В материальной культуре сосуществуют традиционные и современные черты. Последнее характерно главным образом для крупных городов.

Турецкие села, как правило, невелики. В их центре обычно расположены мечеть, водоем, кофейня, постоялый двор, а вокруг тянутся жилые и хозяйственные постройки за высокими дувалами. Равнинные поселения в основном скученные, в горах — разбросанные.

На равнине жилища глинобитные, из сырцового кирпича, и только у зажиточного населения — из обожженного кирпича. Крыши плоские, окна обращены во внутренний дворик. На западе Турции встречаются двухэтажные дома на фундаменте. В горах жилища сооружают из грубо обработанного камня. Кочевое жилище юрюков и некоторых других скотоводческих групп — шатер-палатка из козьей шерсти на шестах (*карачадыр*). На кратковременных кочевьях устраивают временные жилища из войлока. Кочевые и полукочевые местные туркмены живут в решетчатых юртах, покрытых войлоком.

В домах оседлого населения передние помещения считаются мужской частью дома (*селямлык*), задние — женской (*харем*). Условное разделение на мужскую и женскую половины существует и в кочевых жилищах. В городах у зажиточного и интеллигентного населения интерьер дома имеет более или менее европейский вид. Но столики и мебель, как правило, низкие, в комнатах много ковров. В жилищах сельских жителей и скотоводов обычно сидят на полу — на коврах, войлоках, циновках (в зависимости от состоятельности хозяев дома). Домашнее имущество хранится в сундуках. За исключением жилищ богатых горожан, для отопления и приготовления пищи используют очаги.

Подавляющая часть городского населения уже давно отказалась от традиционной одежды и перешла на европейский костюм. В прошлом обязательной

Учитель с учениками. Турция

принадлежностью одежды турка была красная, в виде усеченного конуса, *феска* с кисточкой. Однако в 1925 г. в ходе кемалистской революции ее ношение, не соответствовавшее, как считалось, демократическим светским преобразованиям, было запрещено. После этого многие стали носить кепки с козырьком, повернутым назад.

В большей мере сохраняется традиционный женский костюм (в сельских местностях), состоящий из шаровар, широкой рубахи и платья. Голову покрывают платком. Изредка встречается ношение чадры, что, однако, не поощряется властями. Еще большее распространение традиционная одежда женщин (а отчасти и мужчин) имеет среди скотоводческого населения.

В сельских местностях преобладает растительная пища — лепешки, каши, у зажиточных людей — плов. Мясо едят редко. Такие блюда, как шашлык, кебаб и другие мясные кушанья, обычно служат празд-

ничной едой. У скотоводов рацион питания включает лепешки и кисломолочные продукты. Многие варят похлебки. Повсюду, в городах и селах, обязательным напитком является крепкий кофе. Алкогольные напитки, в связи с религиозными запретами, употребляют чаще в больших городах. Впрочем, пиво имеет довольно-таки широкое распространение.

В семейном быте горожан, особенно принадлежащих к интеллигентным слоям, сегодня преобладают европейские порядки, тем более что в ходе десятилетий демократических преобразований женщины, по крайней мере юридически, получили равные права с мужчинами. Однако в сельской местности еще соблюдают правила шариата, велика власть отца семейства. Вступление в брак сопровождается выплатой довольно ощутимого выкупа за невесту. Вследствие этого для юноши из бедняцкой семьи женитьба порой оказывается трудным делом.

Хотя в Турции в целом господствуют капиталистические отношения, в дальних селениях сохраняются пережитки феодальной эпохи. У кочевников-

скотоводов (при относительно развитых товарно-денежных отношениях) общественная организация еще строится на общинно-племенных началах.

Абсолютное большинство населения Турции принадлежит к суннитскому толку ислама. В ходе революции, возглавленной Мустафой Кемалем Ататюрком в 1920-х гг., Турция была объявлена светским государством, однако борьба за влияние в стране между силами исламского фундаментализма и светской властью никогда не прекращалась. В конце XX в. только благодаря поддержке армии удалось предотвратить победу фундаменталистов.

Народы Ирана. Иран (общее число жителей около 65 млн человек) — чрезвычайно многонациональное государство, и на долю господствующей нации, *персов* (иранцев), приходится менее половины населения страны. Наиболее значительными национальными меньшинствами являются *азербайджанцы*, *курды* и ряд других этносов. Свыше 58% жителей Ирана — горожане.

В 1979 г. Иран провозглашен Исламской Республикой, в которой (при наличии президента, парламента и правительства) преобладающая духовная власть принадлежит духовным лицам — *аятоллам*.

Народы Ирана относятся к разным подтипам большой европеоидной расы и говорят на иранских (индоевропейских) и тюркских языках.

Персы (более 25 млн человек, самоназвание — *фарсы*, *ирани*) — это основное население центральных и восточных областей Ирана. Они говорят на языке *фарси*, включающем несколько диалектов. Письменность основана на арабском алфавите, несколько видоизмененном применительно к нормам индоевропейского языка.

Среди традиционных занятий персов важную роль играет сельское хозяйство — пашенное земледелие с использованием орошения. В некоторых горных местностях практикуется *богарное* земледелие («под дождь»). Иригационные системы состоят из развитой сети оросительных каналов, а в предгорьях используются *кяризы* — подземные водосборные галереи, по которым вода выводится на равнину. Культивируют пшеницу, ячмень, рис, другие продовольственные, а также технические культуры (хлопчатник, масличные, тутовник для разведения шелкопряда и т.п.). Широко распространено садоводство и возделывание лучших сортов винограда. Немалое значение в крестьянском хозяйстве имеет разведение мелкого рогатого скота. В деревнях, как, впрочем, и в городах, много ремесленников, изготавливающих продукцию для местного потребления и на экспорт. Особенно славятся персидские (кошанские, тавризские и др.) ковры. В отличие от других центров ковроделия, где все работы по изготовлению ковров выполняют женщины, у персов это делают мужчины. Производятся шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Славится персидская чеканка по металлу, изготовление инкрустированных предметов. В ряде местностей распространено гончарство. Широко известны персидские поливные сосуды из Кашана и других городов.

В течение XX в. в Иране, в основном в крупных городах, возникла текстильная, металлообрабатывающая, пищевая, военная и другие виды промышленности, в которой занято по большей части персидское население.

Жилища и поселения персов и другого земледельческого населения (гилянцев, мазандеранцев и др.) сохраняют, исключая центральные части круп-

ных городов, традиционный облик. Довольно большие кучевые поселения персов, гилянцев и мазандеранцев утопают в зелени и имеют классическую планировку. В их центре — мечеть, чайхана, официальные учреждения, водоем, окруженный высокими развесистыми деревьями, где по вечерам собираются пожилые мужчины. В некоторых местностях, особенно по соседству с районами расселения курдов, поселения имеют вид крепостей (*кале*), с мощными глинобитными стенами и деревянными воротами.

В разных регионах страны распространены различные типы сельских жилищ. Это и дома с куполообразной крышей, и прямоугольные в плане глинобитные или сырцовые постройки с плоской кровлей. В Южном Прикаспии нередко можно встретить поселения, в которых дома построены из бревен; они имеют двускатную или коническую крышу. В толстых глинобитных стенах жилищ принято устраивать ниши, где хранится домашнее имущество, посуда. Дома обогреваются каминами, печами. В холодное время под широким столом ставится *жаровня* с тлеющими углями. Пол в зависимости от состоятельности хозяйства застилается коврами или циновками. Немногочисленная мебель в комнатах низкая. Спят на матрасах. Дом обязательно разделяется на две части: переднюю, мужскую (*бирун*), и женскую (*эндерун*), куда доступ посторонним мужчинам категорически запрещен. Усадьбы огораживаются высоким глинобитным дувалом. Во дворе устраивается бассейн, вокруг которого растут пышные хорасанские ивы, карагачи и другие деревья. В небольших городах жилища, кроме современных по конструкции и интерьеру домов богатых людей, имеют в целом тот же облик.

Среди сельского населения Ирана, особенно у женщин, во многом сохраняется традиционный костюм. В городах до Исламской революции (1979) в одежде высших слоев населения — чиновников, представителей интеллигенции и ряда других — проявлялось европейское влияние. Однако сегодня и эти, и прочие слои населения одеваются, руководствуясь строгими предписаниями духовных лидеров ислама.

В городах мужчины обычно носят белые рубахи со стоячим воротником без галстука, черные штаны, сверху пиджак или жилет, туфли из кожи или ткани. В сельской местности мужской костюм состоит из белой рубахи, синих штанов и короткого кафтана. Распространенный головной убор — войлочная шапка или чалма, под которой надета тюбетейка. Домашняя женская одежда включает рубаху, кофточку и юбку. Выходя на улицу, женщина надевает дополнительно широкие длинные черные шаровары с пришитыми чулками и закутывается в широкую паранджу, закрывая лицо белым покрывалом. Женская обувь — туфли без задников.

В качестве традиционных транспортных средств используются повозки и арбы на высоких колесах, в которые запрягают лошадей, волов или ослов. В городах и междугородном сообщении широко распространен автомобильный (автобусный) транспорт.

Повседневная пища — главным образом растительная, включает пресные лепешки, рис, свежие и маринованные овощи, кисломолочные продукты. В праздничные дни на стол подают жареную на углях баранину, мясной суп.

Из напитков наиболее распространен чай, который обычно пьют до еды вместе с изюмом и различными сладостями. Десертом служат дыни и арбузы.

По религии персы, так же как и курды, азербайджанцы и некоторые другие народы Ирана, — мусульмане-*шииты*. Особенно торжественно отмечается день памяти имама Хусейна¹, во время которого толпы с криками «шах Хусейн — вах Хусейн!» выходят на улицы, при этом наиболее фанатичные верующие избивают себя до крови ремнями, цепями и т.п. Весной в течение двух недель торжественно отмечается Новый год — Ноуруз. У сельского населения по большей части сохраняются пережитки домусульманских верований.

Персы обладают богатейшими традициями и в других областях духовной культуры, как профессиональной, так и народной. Знаменита средневековая персидская поэзия (Омар Хайям, Фирдоуси, Рудаки и др.). Богат фольклор о богатыре Рустаме и других легендарных персонажах. Прекрасна персидская инструментальная музыка, часто сопровождающаяся пением.

Обитающие на севере Ирана, в провинции Хорасан, *туркмены*, на юге Мекрана — *белуджи*, на западе страны — *курды*, племена Центрального Ирана — *луры*, *бахтиары*, *кухгилуйе*, *мамасени* и др. — в прошлом занимались главным образом кочевым и полукочевым скотоводством, дополнявшимся подсобным земледелием, ремесленным производством и др. Однако в XX в. номадизм сохранился только у отдельных небольших племенных групп, — остальные перешли к интенсивному пашенному земледелию. Изменились и их социальные отношения и общественная структура, хотя память о племенной организации сохраняется.

С некоторыми из этих народов, прежде всего с курдами, у правительства Ирана сложились непростые отношения, временами переходящие в прямые столкновения. Курды, как и их соплеменники в других странах, стремятся к образованию самостоятельного Курдского государства. Сложности, связанные с национальными движениями, существуют также в туркменских, азербайджанских, белуджских и некоторых других областях Ирана.

Народы Афганистана. Национальный состав Афганистана также очень сложен. Численность его населения из-за длительных войн установить сегодня трудно (ориентировочно — около 26 млн человек). Афганистан — горная страна. Многие южные области пустынные. Многочисленные в центре и на севере страны реки — Амударья, Мургаб, Герируд, Гильменд, Кабул и др. — орошают плодородные долины, создавая хорошие условия для орошаемого земледелия. Пустынные области заселяют кочевые и полукочевые группы жителей.

Основное население Афганистана — *пуштуны*, которых называют также *афганцами*, что не совсем верно, ибо в Афганистане живут несколько народов: *равнинные* и *горные таджики*, *узбеки*, *туркмены* и некоторые другие. Государственные языки Афганистана — *пушту* и *дари* (вариант персидско-таджикского языка). До XVI—XVII вв. пуштуны обитали на юге страны, в области Сулеймановых гор, где занимались кочевым и полукочевым скотоводством. Затем большая их часть начала мигрировать на север, в результате чего в XVIII в.

¹ Хусейн (626—680), младший сын халифа Али, признан шиитами великомученником; дата его смерти считается днем траура.

сложилось Афганское государство, в котором пуштуны политически главенствовали. В культурном отношении север страны и до нашего времени остается более развитым. Дари считается языком образованности и культуры, тогда как пушту подчас трактуют — даже пуштуны (из числа горожан) — как язык «деревенский». Все языки Афганистана используют приспособленный к местным языкам арабский алфавит.

Основа экономической жизни Афганистана — сельское хозяйство в виде пашенного орошаемого земледелия и скотоводства. Существовавшие в стране небольшие промышленные предприятия (главным образом по переработке сельскохозяйственной продукции) в ходе войн разрушены. Сейчас их пытаются восстановить.

Хозяйство у всех земледельческих народов Афганистана примерно одинаково. Оно основано на использовании ирригации. Вода на поля поступает либо по каналам, либо по водосборным галереям — кяризам. В горных местностях практикуется богарное земледелие. Обработка полей ведется при помощи самых примитивных орудий — сохи, мотыги и т.п. Крестьяне выращивают зерновые культуры (пшеницу, ячмень, рис, кукурузу и др.), бобовые, различные огородные и бахчевые растения. Значительные земельные площади отведены под посевы конопли и опийного мака, который в виде сырья или в переработанном виде контрабандно переправляется в Таджикистан и далее в Россию и Европу. Во многих местностях распространено отгонное скотоводство.

На юге, в пустынных и горных областях, у пуштунов сохраняется кочевое и полукочевое скотоводство. Разводят в основном мелкий рогатый скот, в относительно небольших количествах — лошадей и верблюдов. Кочевание осуществляется в меридиональном направлении: весной — на север, осенью — на юг. Скотоводство поставляет важные для экономики продукты, и прежде всего кожи, идущие на изготовление кожаных и дубленых предметов верхней одежды.

С давних пор народы Афганистана славились как искусные ремесленники, ювелиры, кузнецы, ткачи — выделялись шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, меха и кожи. Важное экспортное значение еще недавно имело ковроткачество.

Поселения у разных народов Афганистана и в разных условиях среды заметно различаются по планировке и размерам. Преобладают кучевые поселения обычного центральноазиатского облика.

Оседлые земледельцы возводят глинобитные или сырцовые дома, а также постройки из обожженного кирпича. В плане они обычно прямоугольные, с плоской крышей. Усадьба с жилыми и хозяйственными постройками окружается высокой глинобитной, а в горах — сложенной из камней оградой (дувалом). Дом, как и в других мусульманских странах, разделяется на мужскую и женскую половины. Внутреннее убранство дома в зависимости от состоятельности хозяев состоит из войлоков, ковров, на которых сидят и спят, подложив тонкие матрасы. В обиходе имеются многочисленные подушки и одеяла, предназначенные для хозяев и гостей.

Кочевые разборные жилища различаются у разных этнических групп. Пуштуны используют шатры на шестах из шерстяной ткани, тогда как туркмены-скотоводы живут в юртах, крытых войлочными кошами.

Города Афганистана сильно пострадали от войн, не прекращавшихся на протяжении конца XX — начала XXI в. Тем не менее такие крупные из них, как Кабул, Герат, Кандагар и другие, остаются центрами кипучей городской жизни. Их планировка типично восточная. В центре города — многолюдный базар, где продается и покупается почти все, включая оружие, одежду, продовольствие, утварь и т.п. Каждый город теперь — это военный штаб и крепость, готовые к отражению вражеского нападения.

Традиционная одежда населения Афганистана отличается в зависимости от его этнической принадлежности, а также у городских и сельских жителей, богатых и бедных. Мужчины — пуштуны и представители некоторых других этнических групп — носят длинные, до колен, рубахи, широкие штаны (у белуджей они достигают очень больших размеров), безрукавки и обязательно — халаты. В качестве головных уборов используют тюрбеты, особым образом свернутые шапки из ткани; духовные лица носят чалму. У туркмен обязательно меховая шапка из каракуля, под которую надевают тюрбетку.

Женская одежда состоит из доходящих до щиколоток штанов, широкой рубашки-платья, поверх которых пуштунки и белуджки часто надевают по несколько юбок. Зимнюю одежду имеют обычно только женщины из состоятельных семей. Горожанки, особенно в районах, контролируемых исламскими фундаменталистами, выходя на улицу, накидывают на голову темную чадру. В зависимости от обеспеченности женщины не только по праздникам, но и в обычные дни носят большое количество тяжелых серебряных украшений со вставками из полудрагоценных камней (сердолика, лазурита, бирюзы и др.): ожерелья, серьги, кольца (в том числе в носу), перстни и т.п.

В качестве традиционных средств передвижения служат верховые лошади, ослы, которых запрягают в повозки или используют под выюк.

Пища большинства сельского населения состоит из пресных лепешек, кисломолочных продуктов, чая; вечером, после работы, готовится похлебка. Пища зажиточного сельского и городского населения значительно разнообразнее. Излюбленная праздничная, а у богатых и повседневная еда — плов, который готовится по разным рецептам не только различными этническими группами, но и в различных местностях. Так, например, сильно отличается плов, приготовляемый пуштунами, узбеками, туркменами и белуджами. Разнообразна также другая мясная пища — супы, жареная баранина-кебаб и др. И сельское и городское население в большом количестве потребляет овощи, фрукты, виноград.

Очень богата духовная культура населения Афганистана, имеющая значительные отличия у тех или иных населяющих его народов. Это героические сказания, исполняемые под музыкальный аккомпанемент, любовные песни и др.

Особое значение в последние десятилетия в Афганистане приобрели проблемы религии. Большинство населения исповедует ислам суннитского толка. Только таджики и некоторые небольшие народности относятся к шиизму.

* * *

Народы Передней Азии внесли существенный вклад в мировую культуру, освоение и развитие земледелия и скотоводства, металлообработку; они раньше других стали использовать колесо, создали металлические монеты, научились писать (клинописью и с помощью алфавита) и т.п. Здесь сложились древнейшие религиозные системы (зороастризм — в Иране, иудаизм и христианство — в Палестине, ислам — в Аравии). Здесь же были созданы такие мировые памятники культуры, как Библия, Авеста и Коран.

К сожалению, с этим регионом сопряжены опасные конфликты (арабо-израильский и другие), нерешенность национальных чаяний курдов, ассирийцев (айсоров), оккупация Ирака и др.

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

1. Страны и их природа. О происхождении народов

Обширный регион Южной Азии включает п-ов Индостан с прилегающими на севере Гималаями, о-в Шри-Ланка, Мальдивские, Лаккадивские, Андаманские и Никобарские о-ва (общая площадь около 4,5 млн км²).

В Южной Азии обитает более 1 млрд человек, населяющих Республику Индию, Исламскую Республику Пакистан, Народную Республику Бангладеш, Королевство Непал, Республику Шри-Ланка, Королевство Бутан и Мальдивскую Республику.

Значительная часть региона занята Деканским плоскогорьем, на севере расположена плодородная Индо-Гангская равнина и высочайшие в мире горы Гималаи и Каракорум. На западе и юго-западе тянутся Сулеймановы горы и нагорье Белуджистан. Многие области пустынные и мало заселены. На северо-востоке находятся Ассамская равнина и Ассамские горы.

Многие равнины Южной Азии расположены во влажной тропической зоне, и только на севере, в предгорьях, климат субтропический. Жарко и сухо в пустынях северо-запада — в Синде, Раджастхане, Белуджистане и на границах с Афганистаном.

По долинам Южной Азии протекают великие реки: Ганг, Инд, Брахмапутра, Джамна и др.

В прошлом большая часть Индостана была покрыта густыми лесами-джунглями. В наше время джунгли выглядят как островки среди бескрайних возделанных полей. Уничтожение лесов привело к обеднению растительного и животного мира. И только в наиболее отдаленных и труднодоступных местностях еще встречаются ценные и редкие породы деревьев: сандал, махагони (красное дерево), черное дерево и др. Оскудел и животный мир, но еще водится множество обезьян, пресмыкающихся, птиц и насекомых, встречаются крупные животные: тигры, леопарды и даже дикие слоны.

Южную Азию некоторые специалисты относят к числу гипотетических прародин человечества. Во многих областях этого региона существовали развитые культуры каменного века. Судя по антропологическим находкам, в неолитическое время континентальная часть Южной Азии и о-в Шри-Ланка были населены людьми *веддоидного* антропологического облика. В наше время веддоидный тип сохранился только у отдельных малочисленных групп. Веддоидность наложила определенный отпечаток на позднейших переселенцев в Южную Азию. Что касается языков, то существуют гипотезы о том, что в древности в рассматриваемом регионе были широко распространены языки *протодравидов* и *протомунда*. Согласно одной из гипотез, древнее дравидоязычное население создало древнейшую в Южной Азии цивилизацию, известную по археологическим культурам Хараппа и Мохенджо-Даро в долине Инда (III—II тыс. до н.э.). Во II тыс. до н.э. начались миграции с северо-запада (прежде всего в северные области субконтинента) индоевропейских по языку племен *ариев*, известных

по санскритским и ведическим памятникам письменности. По мере продвижения этих племен также на юг они смешивались с местным дравидским населением, что отразилось на современном антропологическом облике народов Южной Азии. Арии основали несколько ранних государств. Их древнейшая история отчасти известна по священным книгам — *Ведам* (их древнейшая часть — *Ригведа* — Веда гимнов). Позднее, в скифскую эпоху, на север и северо-запад субконтинента стали проникать ираноязычные племена, потомками которых стали современные *пуштуны*, *белуджи* и другие группы населения. На северо-востоке Индостана сформировались антропологически монголоидные (и *тибето-бирманские* по языку) этнические образования.

К середине I тыс. до н.э. на о-в Шри-Ланка, где ранее обитали главным образом малочисленные группы *веддов*, стали переселяться с континента предки *сингалов*, говорившие на языке индоевропейской семьи, и дравидоязычных *тамилов*. Постепенно большая часть веддов была ассимилирована пришельцами, и только в труднодоступных горных местностях сохранились небольшие веддоидные группы.

На протяжении I тыс. до н.э. север Индостана испытал несколько волн вторжений завоевателей: войск Александра Македонского, племен варваров-скифов, что наложило отпечаток на этнический состав и культуру местного населения. Позднее на политическую и культурную историю Северной Индии немалое воздействие оказало монгольское завоевание.

В I тыс. до н.э. возникали и функционировали крупные полиэтнические государства — Магадха (достигло высокого развития при династии Маурья, уже в IV—VI вв. н.э.), империя Гупта (IV—VI вв.); получили интенсивное развитие индуистские вероучения.

С X в. н.э. начались захватнические вторжения арабов, персов и тюрок, вместе с которыми появляются ислам и его культурные традиции. На основе языка хинди (которым пользовались широкие массы индуистов в Центральной и Северо-Западной Индии), а также арабо-иранских и вообще исламских включений постепенно сложился язык урду; на нем говорило мусульманское население Индии.

К XV—XVI вв. относятся первые проникновения в Южную Азию европейцев — сначала португальцев, а вслед за ними голландцев, французов и англичан. В XVII—XVIII вв. начинается колониальный захват Индии, вследствие которого почти вся Южная Азия стала британским владением. Лишь в 1947 г. после длительной национально-освободительной борьбы Индия и Пакистан обрели государственную и национальную независимость. При этом проведенная английскими властями граница между Индией и Пакистаном не учитывала сложившихся экономических, этнических и культурных традиций, а исходила главным образом из конфессионального деления населения на мусульман и индуистов. Это привело к продолжающимся до настоящего времени острым межгосударственным трениям, в частности в области Кашмира. Неоправданным оказалось и создание Пакистана из двух частей: Западной и Восточной, разделенных расстоянием в тысячи километров. В результате длительной борьбы Восточный Пакистан стал самостоятельным государством Бангладеш (1971). В 1948 г. независимым стал Цейлон (с 1972 г. — Республика Шри-Ланка). Самостоятельность получили также королевства Непал и Бутан в Восточных Гималаях, Мальдивские о-ва (республика с 1968 г.).

Сложные историко-культурные и иные процессы способствовали превращению Южной Азии — уже в древние времена — в устойчивый этнокультурный регион со своеобразными чертами во многих областях социальной жизни.

2. Историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы

Южную Азию населяет множество больших и малых народов, общее число которых превышает 1 млрд человек. Эти народы говорят почти на 200 языках и диалектах, но при этом 97% населения пользуется лишь 23 языками. Многие малые народы относятся к так называемому «племенному населению» (*адиваси*) и в той или иной мере сохраняют пережитки первобытных отношений.

Две самые большие историко-этнографические области (ИЭО) находятся одна на севере, а другая на юге Южной Азии. В северную ИЭО плужного земледелия входят большие народы севера Индии, Пакистана и Бангладеш, а также народы равнинных местностей Непала. В своем абсолютном большинстве они говорят на индоевропейских языках и имеют существенное сходство в историко-культурных традициях. Это крупные консолидированные в нации народы Индо-Гангского междуречья: *хиндустанцы*, *кашмирцы*, *панджабы*, *бенгальцы*, *гуджераты*, *маратхи*, *ория*, *бихарцы*, *ассамцы* и ряд других. Государственные языки в странах их обитания таковы: в Пакистане — *урду*, в Республике Индии — *хинди*, в Бангладеш — *бенгали*, в Непале — *непали*; повсюду распространен английский язык.

Южная — тропическая — ИЭО плужного земледелия в сочетании с развитой промышленностью расположена на юге Индостана. Там обитают народы, говорящие в основном на дравидских языках: *тамилы*, *телугу* (*андхра*), *каннара*, *малайяли* и некоторые другие. К этой же тропической области могут быть отнесены основные народы Шри-Ланки, хотя одни из них говорят на индоевропейском (сингалы), а другие на дравидском (тамильском) языках.

В качестве самостоятельной ИЭО могут быть выделены пустынные и горные регионы запада и юго-запада Пакистана, где преобладает хозяйственно-культурный тип (ХКТ) кочевого и полукочевого скотоводства (белуджи, пуштуны и др.).

Не составляют единой ИЭО самые разнообразные по местам расселения, происхождению, антропологическому типу, языку и культуре народы и племена, относящиеся к ХКТ ручного земледелия (*нага*, *кхаси*, *гаро* Ассамы, ряд племен Южной Индии). К совершенно самостоятельному и во многом уникальному скотоводческому ХКТ относится этническая группа *тода* (около 1 тыс. человек) в Южной Индии.

И лишь в отдельных наиболее географически изолированных регионах Южной Азии сохраняется наиболее примитивный ХКТ бродячего присваивающего хозяйства (*ведды* Шри-Ланки, *андаманцы*).

Хозяйственная жизнь народов Южной Азии складывалась исторически. Еще на рубеже IV и III тыс. до н.э. в плодородных речных долинах севера субконтинента (территория нынешних Северной Индии, Пакистана и части Бангладеш) сформировалась цивилизация, возникло орошаемое плужное земледелие в разных формах и подтипах, дополнявшееся ремеслом и другими домашними производствами.

На большей части Индостана существует только два сезона: а) сухой и жаркий и б) дождливый. Такие климатические условия еще в древности заставили жителей региона создать разветвленную и постоянно поддерживаемую сеть ирригационных каналов, позволявшую вести устойчивое земледельческое хозяйство. Однако в колониальную эпоху власти не уделяли должного внимания оросительным системам, что привело к тяжелым последствиям для земледелия. Почти ежегодно значительный ущерб сельскому хозяйству наносят либо засухи, либо катастрофические разливы рек. Теперь работа по совершенствованию ирригации ведется постоянно, но недостаток финансовых средств не позволяет окончательно решить данную проблему.

Основной продовольственной культурой на севере служит пшеница, сменяющаяся — по мере продвижения на юг — рисом. Разводятся и многие другие культуры: просо, бобовые, субтропические и тропические овощи и фрукты. Значительные площади заняты под технические культуры: плантации кокосовых пальм, каучуконосов, масличные, хлопчатник, посадки для разведения шелковичных червей (тутового шелкопряда). Выращиваются кофе, табак, а также знаменитый индийский чай.

К примеру, *хиндустанцы*, заселяющие местности по верхнему и среднему течению Ганга и насчитывающие более 240 млн человек, возделывают пшеницу, просяные культуры, ячмень, бобовые, рис, масличные, сахарный тростник, хлопчатник. Распространено ручное ткачество; изготавливаются хлопчатобумажные, художественные шелковые ткани, ковры; развиты гончарное производство, изготовление металлической чеканной посуды. Часть населения занята в промышленности.

Кашмирцы, обитающие в штатах Джамму и Кашмир, разводят рис, кукурузу, пшеницу, ячмень, хлопок, шафран, масличные, огородные и садовые культуры. Большое распространение имеет овцеводство, поставляющее знаменитую кашмирскую шерсть. Из нее делают шали, ковры, войлоки. Известны народные промыслы по изготовлению глиняной и гончарной посуды.

Бенгальцы, основное население Бангладеш и штата Западная Бенгалия в Индии, культивируют главным образом рис, бобовые, масличные, джут, сахарный тростник, чай. Издавна славятся изделия бенгальских ремесленников из металла, дерева, кожи, слоновой кости. Часть населения Западной Бенгалии занята в текстильной промышленности и в производстве изделий из джута. Хозяйство народа *ория* — обитателей штата Орисса — и *бихарцев*, населяющих штат Бихар, сходно с описанным.

Важную отрасль хозяйства земледельцев составляет животноводство. В Индии самое большое в мире поголовье крупного рогатого скота, но оно очень малопродуктивно. Согласно религиозной традиции, домашний скот здесь считается священным и употребление его мяса в пищу запрещено индуистам, сикхам и представителям ряда других религиозных течений. Этот скот дает мало молока. Волы и быки (зебу) служат тягловой силой при обработке почвы и в качестве упряжных животных при перевозке тяжестей на телегах. Огромное поголовье крупного рогатого скота создает много трудностей. Впустую используются пастбища, скот мешает движению транспорта на автодорогах и в городах. Впрочем, в предгорьях Гималаев и в других местностях, где имеются пастбища, разводят коз и овец.

На улице Мадраса. Индия

На севере Индостана, в предгорьях Гималаев, в Непале и Бутане преобладает горное земледелие, причем в зависимости от высоты над уровнем моря разводятся субтропические культуры или культуры умеренного климата.

Значительная часть сельскохозяйственных культур выращивается в Южной Азии на экспорт.

Сельскохозяйственные орудия разнообразны. С древнейших времен, а нередко и в наши дни используется деревянный плуг с железным ральником. В местностях с каменистой почвой он массивный и тяжелый, на рыхлых землях применяется легкий деревянный плуг. После вспашки землю обрабатывают бороной. Пшеницу, ячмень, просо часто сеют вручную, разравнивая землю после посева бревном-волокушей, которое тянут животные. Снопы либо молотят цепями, либо прогоняют по ним животных, после чего зерно провеивают. Часто в сельских местностях зерно еще и теперь размалывают на ручных мельницах или толкут в каменных ступах.

В последние десятилетия правительства стран данного региона ведут большую работу по оказанию помощи крестьянам и совершенствованию сельского хозяйства. Начиная с 1960-х гг. в Южной Азии, в частности в Индии, проводились мероприятия по международному проекту «Зеленая революция», целью которого было внедрение в хозяйство высокоурожайных культур. В ряде стран удалось получить положительные результаты. Но современные технические нововведения доступны главным образом зажиточному населению, а все остальные крестьяне ведут хозяйство традиционным способом.

Во многих регионах Южноазиатского субконтинента существует развитая современная промышленность, основу которой заложили здесь еще англичане. Преобладает легкая промышленность, хотя за годы независимого развития

построено, в том числе при помощи СССР и других стран, много предприятий тяжелой индустрии (например, металлургический комбинат Бхилаи, машиностроительные заводы). Из энергоресурсов север богат углем, залежами железных руд и других полезных ископаемых.

Наиболее развиты в промышленном отношении штаты Индии Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия, Бихар, ряд районов Бангладеш. Развивается промышленность Пакистана.

Хозяйство крупных народов южной ИЭО имеет выраженный «тропический» облик. Основное занятие дравидских народов — *тамилов, телугу (андхра), малаяли* и ряда других — пашенное земледелие, в большинстве случаев с применением искусственного орошения. Хозяйство каждого из народов имеет некоторые различия, однако основу земледелия у всех этих народов составляет культура риса. Тамилы выращивают также просо, масличные, чай и хлопчатник.

Высоко развиты ремесла: изготовление дорогих видов тканей (знаменитых расписных *каламкари*, парчи, тончайших видов материи), производство металлических изделий, резных поделок из камня (за несколько минут в присутствии покупателя мастера могут изготовить из мягкого камня фигурку бога Шивы или другого персонажа). В населенном тамилами штате Тамилнад (бывший Мадрас) сложилась тяжелая промышленность (машиностроение и др.). Любители индийского кино смотрят фильмы, созданные в Мадрасе и иных городах.

Народ *андхра* наряду с рисом культивирует бобовые, красный перец, хлопчатник, джут, табак. Некоторые группы андхра занимаются также разведением овец. Очень богато их ремесленное производство — ткачество, а также изготовление гончарных и ювелирных изделий. Значительная промышленность существует в штате Андхра-Прадеш, где живет большинство телугу. У малаяли (штат Керала) земледелие на равнине ведется с помощью ирригации, а в горах — «под дождь». Помимо основной культуры — риса — они разводят клубневые растения (маниок), бобовые, чай, масличные, огородные и садовые культуры. На плантациях выращиваются кокосовые пальмы, гевея (каучуконос). Заметное место в хозяйственной деятельности занимает разведение крупного и мелкого рогатого скота. У прибрежных жителей важная отрасль хозяйства — рыболовство. Ремесленники малаяли занимаются выделкой красивой металлической посуды, различных изделий, плетеных из кокосового волокна, предметов из дерева. Славятся их резчики по кости и серебряных дел мастера, изготавливающие ювелирные украшения.

Народы пустынных и горных областей (белуджи, афганцы, раджастханцы и др.) занимаются экстенсивным пастбищным скотоводством. На протяжении года они перегоняют по равнине стада на значительные расстояния в меридиональном направлении. Летом они двигаются на север, зимой — на юг. В горных местностях кочевание имеет «вертикальную» направленность: летом скот пасут на альпийских лугах высоко в горах, зимой — в горных долинах. В жаркое время года стада переводят от колодца к колодцу. Около колодцев же сооружают зимние, более постоянные стойбища.

Кочевые белуджи, пуштуны и другие номады разводят главным образом мелкий рогатый скот — овец и коз («овец бедняков»), а также верблюдов и лошадей. Часть скотоводческой продукции используется в собственном хозяйстве, но немалая его доля идет на продажу или на обмен с целью получения у земледельцев зерна, промышленных изделий, оружия. Скотоводы и сами занимаются вспомогательным земледелием, но оно ограничивается небольшими посевами зерновых, огородных и бахчевых культур. Для собственных нужд и на продажу номады изготавливают войлоки, ковры, вязаные вещи, модельные ткани, обувь. Распространено кузнечное и ювелирное дело.

Часть номадов перешла к оседлому образу жизни и занятию земледелием. Особенно интенсивно эти процессы происходят среди белуджей. Многие из них стали городскими жителями, среди которых сложилась прослойка национальной интеллигенции и промышленных рабочих.

В качестве примера народов, относящихся к ХКТ ручного земледелия и сохраняющих в хозяйстве и общественной жизни некоторые традиции архаических эпох, можно назвать обитателей крайнего северо-востока Индии и соседних местностей Бангладеш — *кхаси* (более 1 млн 200 тыс. человек; язык кхаси относится к австроазиатской языковой семье) и группу народностей *нага* (более 1 млн человек; языки нага входят в сино-тибетскую семью).

Кроме собственного административно-территориального образования (штат Нагаленд в Индии) нага населяют горные местности штатов Манипур и Ассам, а также приграничные земли Мьянмы. На предгорной равнине, по соседству с индийским населением Ассама, живут «мирные нага». У них уже более столетия тому назад сложились прочные хозяйственные связи с ассамцами и распространилось пашенное орошаемое земледелие. Далее, в глубь страны нага, на склонах гор, значительное распространение имеет террасное земледелие, причем искусственное орошение традиционно осуществляется по бамбуковым «трубам», которые проведены иногда за многие километры от верховьев рек.

У кхаси и нага довольно развито придомное животноводство: разведение свиней, буйволов, домашней птицы. Нага хорошие охотники. Некоторое распространение у них имеют рыболовство и собирательство. В последние десятилетия сложилась отрасль по добыче ценных пород древесины на продажу. Из этой же древесины местные мастера изготавливают резные изделия. Издавна нага слыли хорошими металлургами и кузнецами, выплавлявшими железо и выделывавшими холодное оружие, а также орудия труда.

К этому же (хотя и несколько менее развитому) ХКТ принадлежат дравидоязычные этносы: *гонды*, *бхилы*, *курумба*, *мерварвы*, а также расселенные в центральных областях Индии *мунда*, *санталы*, *корку* и другие народы, говорящие на языках *австроазиатской* семьи. Эти народы также причисляются к «племенному населению».

Весьма специфический ХКТ скотоводческого хозяйства существует у народа *тода* на юге Индии. Особенность состоит в том, что основа их хозяйства — крупный рогатый скот — является не частносемейной собственностью, как у остальных скотоводов, а общинной. Тода живут в оседлых поселениях, а скот пастухи отгоняют на альпийские луга. Всё, что связано со скотом и продуктами

скотоводческого хозяйства, является исключительно мужским делом и строжайше запрещено для женщин. Например, им не разрешается переступать тропу, по которой гоняют скот (женщину через тропу должен перенести на руках мужчина). Тогда не занимались земледелием и выменивали растительные продукты на масло, молоко, скот. Они умеют изготавливать ткани, практикуют плетение и вышивание. В XX в. многие традиционные черты стали у тогда исчезать. Постепенно начало распространяться земледелие.

Самый примитивный ХКТ — бродячих охотников и собирателей — до нашего времени сохраняется в Южной Азии у *андаманцев* Индии и у *веддов* Шри-Ланки. Андаманцы проживают на одноименных островах, составляющих вместе с Никобарскими островами отдельный штат Республики Индии. Местный климат и вообще природные условия весьма неблагоприятны для жизни людей (часты сильные тайфуны). Еще полтора века тому назад общее число андаманцев достигало несколько десятков тысяч человек, однако вследствие колонизации островов (устройства там в XIX в. каторжной тюрьмы и т.п.) население катастрофически сократилось и сегодня численность аборигенов не превышает нескольких сот человек.

У андаманцев существовали два хозяйственных подтипа. Одни их группы жили во внутренних частях островов, занимаясь охотой на грызунов, змей и других мелких животных, а также на одичавших свиней, завезенных в свое время на острова европейцами. Кроме того, они собирали различные съедобные растения, корни, мед диких пчел. Андаманцы используют на охоте традиционное оружие — уникальные, нигде более не встречающиеся S-образные луки (размером больше роста низкорослых островитян и весьма эффективные при стрельбе). Для охоты служат также копья. При наземной охоте оригинальным образом используется также гарпун, который у других народов мира применяется лишь как орудие для охоты на морского зверя.

Другая часть андаманцев населяла побережья островов и вела подвижную жизнь, нередко перемещаясь с места на место. Основным их занятием стала ловля рыбы, охота на морских черепахах, а также сухопутная охота и собирательство. Распространена ночная рыбная ловля с лодок или небольших плотов с помощью гарпунов при свете факелов.

С конца XX в. в жизни части андаманских аборигенов, особенно из числа прибрежных жителей, обитающих близ немногочисленных европейских поселений, происходят частичные перемены. Некоторые из них перешли в христианство и восприняли отдельные черты европейской культуры.

Еще один народ, в прошлом веке державшийся той же хозяйственной деятельности, — ведды Шри-Ланки — обитают в труднодоступных горных местностях. В наше время часть их перешла к ручному подсечно-огневому земледелию.

Мальчик-ведда. Шри-Ланка

3. Черты материальной культуры

Жилища и поселения. В сельскохозяйственной полосе Непала преобладают крупные кучевые поселения. Дома довольно высокие, часто двух- и трехэтажные. Они сооружаются из сырцового или обожженного кирпича. Вокруг домов устроены галереи. Нижний этаж дома часто хозяйственный, там же находится кухня; верхний — жилой. В кухне готовят на очаге. В нижнем этаже находятся также кладовые, а иногда и хлев. В жилых помещениях расставлены низкая мебель, сундуки для хранения имущества. На полу — ковры или войлоки. Украшением помещений служат красивые металлические сосуды, изображения Будды или индуистских божеств.

Столица Непала — Катманду — весьма значительный экономический и промышленный центр, а также центр ремесленного производства. Непальские ремесленники — умелые литейщики, изготавливают из бронзы культовые и бытовые предметы. Известны непальские ювелиры, кожевники, кузнецы, резчики по дереву и т.п. В городе много предприятий легкой и пищевой промышленности. Центральные районы застроены частично виллами богатых людей, частично многоэтажными домами. Квартиры богатей и интеллигенции сочетают общеиндийские и отдельные европейские черты. Окраины, где живут ремесленники и остальное небогатое население, застроены в основном домами сельского типа.

В Хиндустане, обширной области, отличающейся жарким климатом, в сельских местностях при наличии отдельных каменных построек (жилища зажиточных людей, магазины, административные здания) преобладают глинобитные хижины из одной-двух жилых комнат. Плоскую, иногда двухскатную крышу кроют соломой или пальмовыми листьями. Глинобитный пол застилают войлоками или циновками. В богатых домах устраивают каменный пол.

У *кашмирцев* распространены жилища из камня, обожженного или сырцового кирпича, с высокой двухскатной крышей, покрытой — в зависимости от состоятельности семьи — черепицей или соломой. В нижнем этаже дома обычно устраивают хозяйственные помещения, кухню, там же располагаются стойла для скота. Верхний этаж жилой.

У *синдхов* и некоторых других народов Пакистана в сельских местностях преобладают глинобитные постройки, но встречаются также жилища со стенами из плетня, обмазанного глиной. Усадьба окружается высокой глинобитной оградой. Во дворе находится кухня, стоят хозяйственные постройки, помещения для скота.

В Бангладеш сельские поселения как кучевые, так и уличные. Жилища чаще всего каркасно-столбовые, но нередки и глинобитные либо со стенами из плетня, обмазанного глиной. Все хозяйственные помещения, в том числе и кухня, размещаются во дворе. Довольно часто встречаются усадьбы, в пределах которых располагаются несколько жилых домов.

Своеобразны поселения и жилища малых лесных народов Южной Азии, особенно в центральных горных, южных и островных регионах Индии, а также Шри-Ланки. Так, у веддов в горных районах Шри-Ланки традиционным жилищем служит шалаш из ветвей с крышей из пальмовых листьев. *Курумба* Южной Индии живут в полукруглых в плане поселках, в хижинах из бамбука, с крышей, покрытой травой.

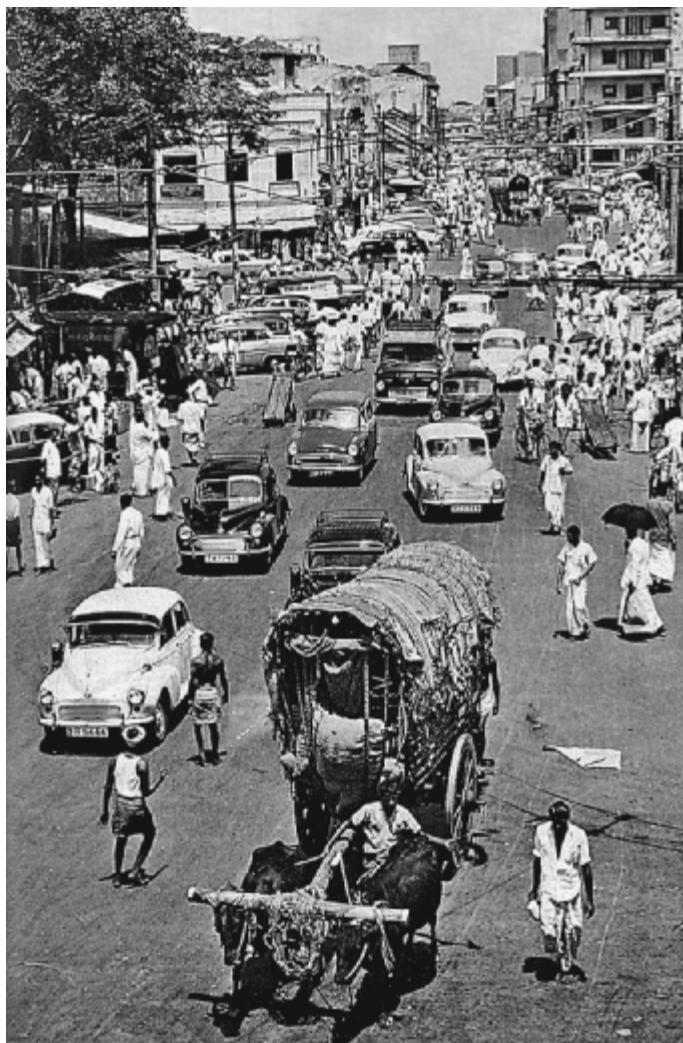
Специфичны островные типы поселений и жилищ у никобарцев — жителей нескольких Никобарских островов (штат Андаманские и Никобарские о-ва Республики Индии). Их деревни располагаются в полосе прибоя и состоят из значительных по размерам свайных построек. На сваях, на платформе, сооружается каркасное жилище с конической крышей, покрытой тростником и пальмовыми листьями. Чтобы попасть в дом, надо подняться по узкому бревну с выемками-ступенями.

Особенно интересно старинное традиционное жилище андаманцев. В прошлом все поселение локальной группы (рода) обычно состояло из одного весьма значительного по размерам овального дома, в котором размещалось несколько десятков жителей. Невысокие стены дома сооружались из переплетенных ветвей и свободно расставленных столбов около 2 м высотой. Примерно в 2 м от них ставился второй ряд столбов — более высоких (до 5—6 м), которые служили опорой для мощной двухскатной крыши из жердей, покрытых слоями пальмовых листьев. Между рядами столбов устраивалось возвышение — место для сна. Каждая малая семья имела свой небольшой участок, не отгороженный от соседей, где располагалась родительская пара с маленькими детьми. В середине или в задней части земляного пола устраивался общий очаг, тут готовилась пища для всей общины. Рядом нередко располагалось место «школы», где жили и учились подростки перед инициацией. У выхода из хижины находилась площадка для танцев, на площадке лежала *музыкальная доска* — выдолбленный ствол дерева с отверстиями, по которому отбивали палкой танцевальный ритм. В колониальное время эти большие дома-общины стали исчезать и вместо них появились небольшие поселения из *ветровых заслонов*. При этом поселение сохраняло овальную планировку и — там же, где и в прежнем доме — общинный костер и площадку для танцев. Но теперь около каждого ветрового заслона уже имелся отдельный очаг, что свидетельствовало об обособлении парных семей.

Города и их население. Страны Южноазитского субконтинента не обошел стороной процесс урбанизации. Горожане составляют уже более 1/4 их совокупного населения (в Пакистане — около 32%, в Индии — более 27, в Шри-Ланке — 23, в Бангладеш — 20, в Непале — 15%). В странах региона выросли несколько мегаполисов с многомиллионным населением — Дели (около 10 млн жителей), Бомбей (свыше 15 млн), Калькутта (более 9 млн), Карачи (свыше 5 млн), — а также большое число крупных, средних и малых городов. На севере Индии сельские поселения нередко тянутся почти непрерывной полосой вдоль магистральных шоссе и дорог, переходя в городки и вновь сменяясь деревнями. Для всех крупнейших городов характерно разделение на две части: старую и новую (например, Дели и Нью-Дели). Нью-Дели (построен в 1911 г.) — крупнейший транспортный узел Индии. В нем расположены международный аэропорт, предприятия разнообразной промышленности — легкой, пищевой, строительной, полиграфической, металлообрабатывающей, машиностроительной, а также множество предприятий художественного ремесла. В городе два университета, специальные и средние учебные заведения. В его новой части находятся правительственные учреждения, банки, большое число отелей и бесчисленные магазины и лавки, торгующие «национальными товарами» — тканями, ювелирными изделиями и т.п. От рассвета до темноты кипит уличная торговля. Улицы заполнены туристами и праздношатающимися, среди кото-

рых много безработных. Вопиющая бедность соседствует с виллами богатых горожан. Старый Дели состоит из скопления небольших домов, лачуг, мелких и мельчайших магазинчиков. Кривые улицы заполнены толпами людей и коровами, препятствующими движению.

Своеобразен город Калькутта, некогда административный центр Британской Индии. Теперь это центр штата Западная Бенгалия, важнейший порт и промышленный центр Индии. Здесь производятся изделия из джута, хлопка, располагаются машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия.

Улица в Коломбо, Шри-Ланка. Так выглядело большинство крупных городов Южной Азии к моменту освобождения стран региона от колониальной зависимости.

Фото начала 1960-х годов

Калькутта — важный культурный центр. В нем два университета, многие специальные и средние учебные заведения. Наиболее значителен Калькуттский университет (с ассоциированными колледжами и школами), основанный в середине XIX в. Город очень живописен, особенно районы вдоль протоков Ганга. Центральная его часть, построенная англичанами, имеет правильную планировку, широкие улицы. К окраинам, где располагаются фабрично-заводские районы, улицы становятся уже, переходя в кривые переулки. Предместья застроены примитивными хижинами, в которых живут выходцы из «племен» (*адиваси*). Достопримечательность города — форт Уильям, возведенный в XVIII в. В Калькутте еще сильнее, чем в Дели, заметна пропасть между богатством и нищетой. Колоритен вид огромной «прачечной» на берегу Ганга на окраине города, где сотни людей из касты прачек (о кастах см. ниже) колотят белье горожан деревянными вальками (традиционный способ стирки в Индии).

Небольшие города Индии, Бангладеш и Шри-Ланки довольно схожи по планировке и облику. Застроенные одно- и двухэтажными домами, они обычно тянутся по обеим сторонам шоссе. В их центре — административные здания, ряды лавок, индуистский храм или мечеть, а нередко то и другое рядом.

В Пакистане, особенно по мере удаления от границ с Индией, города и поселения приобретают облик, все более сходный с соседним Афганистаном и среднеазиатскими государствами.

В Непале больших городов нет. Самый крупный из них — столица королевства Катманду (более 0,5 млн жителей) — застроен небольшими домами и вилами. В городе много достопримечательностей — королевский дворец, храмы — и в связи с развитием туризма — большое число отелей для иностранцев. Особенно колоритны небольшие, сохранившие старинные черты города Непала — Патан, Бхактапур и др. В них множество индуистских и буддистских храмов, королевские дворцы, на улицах можно встретить буддийских монахов, заклинателей кобр, предсказателей судьбы. Непал славится национальными парками, из которых особенно известен Читван, расположенный в джунглях на юге страны, где в естественных условиях живут слоны, носороги, обезьяны, антилопы, тигры и другие животные.

Обязательной принадлежностью городской и сельской жизни являются огромные шумные восточные базары.

Одежда. На Севере Южноазиатского субконтинента традиционная основа мужского костюма — своеобразные белые штаны (*дхоти*). Еще в XIX и XX вв. (а кое-где и теперь в сельских местностях) дхоти представляли собой полотнище ткани (2—5 м в длину), обернутое вокруг бедер и ног. В наше время дхоти чаще бывают сшивными. Вместе с ними надевают белую хлопчатобумажную рубашу навыпуск, а также жилет или пиджак. Обувью индуистам служат туфли из ткани с тканевой же подошвой, так как использование кожи животных запрещено правилами религии. На голове — в зависимости от местности, кастовой или этнической принадлежности — носят тюрбан, шапочку или платок. И хотя в больших городах можно встретить мужчин в европейской одежде, большинство все же в той или иной мере придерживается традиций. Даже у человека, облаченного в европейский костюм, в одежде всегда присутствует какой-нибудь традиционный элемент. Специальную зимнюю одежду (пальто) носят немногие.

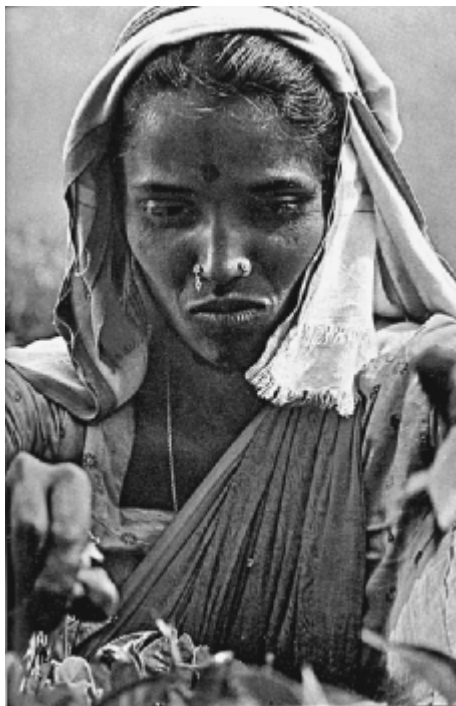
Священнослужители-брахманы согласно религиозной традиции бреют голову, не носят головного убора (кроме, в некоторых случаях, чалмы) и ходят без обуви. Простые члены касты брахманов, не исполняющие обязанностей священнослужителей, зачастую одеваются как обыкновенные люди. Своеобразно выглядят мужчины этноконфессиональной группы сикхов. Они носят тюрбаны, не бреют бороду, заплетая ее особым образом. Обязательная принадлежность праздничного костюма сикха — холодное оружие (кинжал).

У большей части мусульманского населения Пакистана (а также Бангладеш) одежда состоит из штанов, рубахи и халата. Белуджи носят широкие штаны, сшитые из белой ткани; поверх рубахи надевают безрукавку или кафтан. Жители Пакистана носят шапку из меха или темной ткани, а духовные лица — тюрбан. Обувь — кожаная.

Женская одежда значительно красочней. У многих народов Южной Азии женская одежда — это *сари*. Традиционное сари представляет собой полотнище ткани (до 9 м длиной), обертываемое вокруг ног и туловища, причем один его конец перебрасывается через плечо. Под сари надевается легкая кофточка. Теперь сари бывают и сшивные. В разных регионах ношение сари отличается некоторыми особенностями, однако их фасон довольно единообразен. На голову накидывается платок.

Иначе выглядит женский костюм у раджастанских женщин. Сельские жительницы носят широкие юбки в сборку и короткие кофты с рукавами. В городах распространены сари. На голову и спину накидываются большие шали. Сходна одежда женщин в Гуджарате, Бихаре и Непале. Одежду женщин, особенно в праздничные дни, дополняют многочисленные серебряные украшения: ручные и ножные браслеты, кольца на пальцах рук и ног со вставками из подделочных или драгоценных камней, ожерелья-гривны, сережки в носу.

Традиционный женский костюм мусульманских народов Пакистана имеет некоторые переднеазиатские черты. Его составляют длинная широкая юбка, длинная кофта и шаровары. На голову набрасывается шаль. В городах нередки европейский костюмный комплекс и сари. Своеобразен женский костюм белуджей, состоящий из широких шальвар и длинной рубахи. При этом у молодых женщин шальвары красного цвета, а у пожилых — черные. На голове носят тибетейку, поверх нее набрасывают шаль, краем которой прикрывают лицо при посторонних мужчинах.

Тамильская женщина. Шри-Ланка

Значительно проще женская одежда у лесных народов Центральной и Южной Индии. Это род сари, иногда оставляющий частично или целиком обнаженной верхнюю половину тела. У тогдашней женской и мужской одежды почти не отличаются. Представители обоих полов носят набедренные повязки и род тоги с красной полосой. И только у немногих народов, как то у веддов, сохраняющих традиционный ХКТ бродячих охотников, и у части андаманцев, женская одежда состоит из травяной юбочки или набедренной повязки.

Транспортные средства. Для перевозки грузов повсеместно используются большие телеги, запряженные парой быков. В пустынных областях важное транспортное средство — верблюды. Лошади используются исключительно для верховой езды. Уже в колониальное время в Южной Азии началось дорожное строительство, и сегодня многие ее регионы, сельские местности и города соединены асфальтированными шоссе. Существуют развитая железнодорожная сеть и междугородное автобусное сообщение. В крупных городах функционирует автобусный и трамвайный транспорт (весьма перегруженный). Много мото- и велорикш. Страны Южной Азии связаны между собой и с другими регионами мира развитой сетью авиалиний. В горных и лесных местностях для переноски грузов используются носильщики. В Гималаях славятся проводники и носильщики *шерпы*, сопровождающие альпинистов в их восхождениях. Шерпы живут на высотах, где другие люди не могут долго находиться из-за нехватки кислорода.

4. Социальные отношения

Народы, создавшие высокие культуры Мохенджо-Даро и Хараппы, уже находились на уровне цивилизации и государственности. Глубоко стратифицированное общество разделялось на знатных, рядовых и зависимых (в частности, существовало рабство). Переселявшиеся в Северную Индию *арии* (скорее всего, под влиянием этих древних народов) также создали свою цивилизацию. Общественный строй пришельцев обладал своеобразной социальной стратификацией. Страты (слои) назывались *варнами*, восходившими, по-видимому, к древним формам разделения труда. В священных книгах индустов, *Ведах*, называются четыре варны, различавшиеся по социальному статусу и характеру общественных обязанностей. К высшей, наиболее почитаемой и привилегированной варне относились *брахманы*, призванные изучать и толковать Веда и осуществлять жреческие функции. Другой, также привилегированной варной были *кшатрии* (воины), призванные защищать все прочие варны. Большую часть общества составляли свободные общинники-земледельцы, относящиеся к варне *вайшьев*. Их задача состояла в обеспечении продовольствием и обслуживании двух первых варн. Наконец, четвертой, самой низкой по статусу варной были *шудры*. Происхождение этой варны не вполне ясно. Некоторые ученые полагают, что в число шудр входили покоренные арии и зависимые от них местные жители.

Система варн (именуемых также португальским термином *касты*; в Индии пользуются санскритским словом *джати*) не только оказала существенное воздействие на сложение позднейшего кастового строя, но и теперь сохраняет влияние на многие стороны жизни индийского общества.

Кастовая система в наше время значительно ослаблена конституцией Индии. Однако в стране продолжают существовать до 3,5 тыс. джати и их подразделений. Джати — это замкнутые *эндогамные* группы людей, обособившиеся под влиянием выполнения определенных социальных функций, этнической принадлежности, наследственных занятий и профессий. Принадлежность к джати связана с очень строгими правилами и ограничениями, проявляющимися при заключении браков, в пищевых запретах и других сторонах жизни.

Членов высших каст называют «дважды рожденными». В кастовую систему вошли в виде ее высших ступеней древние варны. Внешним показателем принадлежности к «благородной» касте у женщин служит особое пятнышко на лбу (*тика*), нанесенное специальной краской. Однако часть населения Индии, главным образом «племенное население», исповедующее свои первобытные религии, традиционно относилась к числу «неприкасаемых», внекастовых. Им было запрещено прикасаться к членам каст и ко всему, что им принадлежало. Адиваси, переселявшиеся из своих лесов на равнину и жившие по соседству с кастовым населением, не имели права брать воду из общественных колодцев или источников, чтобы их не осквернить. Они не обладали и многими другими элементарными человеческими правами. Долгое время существовали большие сложности при попытках организовать совместное обучение в школах детей, принадлежащих к кастам «неприкасаемых». Правительство Индии уже ряд десятилетий прилагает большие усилия, направленные на осуществление провозглашенного конституцией страны равноправия всех жителей государства, отмены каст и дискриминации «неприкасаемых», однако полностью эта цель еще не достигнута.

У номадов Пакистана социальные отношения основываются на общинно-кочевом способе производства, хотя и подвергаются сильнейшему воздействию капиталистического уклада. У племенного населения в той или иной степени сохраняются первобытно-общинные общественные отношения, быстро разлагающиеся по мере переселения адиваси в сельскохозяйственные районы и на окраины городов.

Социальные отношения народов, занятых в земледелии и индустрии, еще в колониальную эпоху стали развиваться по рыночному капиталистическому пути, который сегодня господствует повсеместно.

Многонациональный состав населения поставил страны Южноазиатского субконтинента перед необходимостью проведения внутренней национальной политики. Так, правительство независимой Индии заменило (с 1956 г.) унаследованное от феодальной и колониальной эпохи территориальное деление страны на княжества и эмираты системой «лингвистических» (т.е. построенных по национально-языковому принципу) штатов, что позволяет полнее согласовывать общегосударственные и региональные интересы. Впрочем, полностью избежать межэтнических столкновений не удалось: имеют место конфликты в Индии (в Пенджабе и Кашмире) и в Шри-Ланке.

Семейно-брачные отношения народов Южной Азии определяются уровнем общественного развития стран данного региона и религиозными традициями. Высококультурные народы, исповедующие индуизм, сохраняют некоторые даже запрещенные законом обычаи, согласно которым, например, родители сватают детей еще в младенческом возрасте. Но самые жестокие обычаи были в прошлом связаны с вдовством. Согласно классическим традициям и обычаям

вторичное замужество исключалось, вдова оставалась жить в семье покойного мужа, где ее всячески третировали. Поэтому, хотя уже в XIX в. вдовы не бросались, как в древности, в погребальные костры мужей (обычай самосожжения *сати*), зачастую, не выдержав тяжести жизни, они кончали жизнь самоубийством. Сегодня по закону женщины имеют равные права с мужчинами, хотя в некоторых, наиболее традиционных социальных слоях закон может и нарушаться.

Семья у индуистов и буддистов моногамная. В больших городах молодые люди имеют больше возможностей сделать самостоятельный выбор брачного партнера. В сельской же местности еще сильны старые традиции, поддерживаемые религиозным фанатизмом.

Брачная церемония бывает весьма пышной и завершается тем, что приглашенный брахман надевает молодым на шею *тали* — особые пластинки на шнурах — и читает священные тексты. В отдаленных районах и в сельской местности женщины, как и в старые времена, и теперь занимают в семье и обществе подчиненное положение, обязаны полностью выполнять волю мужей и вообще старших. Однако события последнего полувека свидетельствуют о том, что постепенно женщины начинают отстаивать свои права и даже принимать активное участие в политической жизни. Так, Индира Ганди и Сиримаво Бандаранайке стали премьер-министрами Индии и Шри-Ланки.

В мусульманских странах и областях Южной Азии семейно-брачные отношения регулируются *шариатом*, который полностью подчиняет женщину мужчине и допускает многоженство. Впрочем, оно распространено далеко не во всех социальных слоях, а лишь среди наиболее богатого или фанатичного населения: духовенства, купечества, предводителей у кочевников и др. Брак осуществляется путем уплаты семьей жениха выкупа за невесту. После брачной церемонии, заключающейся в чтении муллой нескольких стихов (*сур*) Корана, молодая женщина фактически становится собственностью мужа и его семьи: она должна безропотно выполнять все семейные установления. В городах Пакистана и Бангладеш молодежь уже десятилетия ведет трудную борьбу за право свободного выбора брачного партнера и создания современной равноправной семьи. Отчасти эта борьба достигает успеха. В отдельных случаях имеет место участие женщин в политической жизни и управлении страной, пример чему подала бывшая премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто.

Совершенно особый вид семейно-брачных отношений — *полиандрия* (многомужество) — сложился у народа *тода*. Можно предположить, что он явился следствием специфических условий приспособления этого народа к окружающей среде и характера разделения труда. В относительно далеком прошлом тода переселились в Южную Индию, где оказались в совершенно непривычных условиях, что создало угрозу вымирания племени. Отгонное скотоводческое хозяйство, которым занимались тода, требовало главным образом мужского труда. Женщинам запрещалось прикасаться ко всему, что имело отношение к скоту или молочному хозяйству. Таким образом, они оказались наименее производительной частью общества, а недостаток пищи требовал сокращения численности населения. В результате возник обычай убивать часть новорожденных девочек, что в свою очередь привело к нехватке женщин и к вынужденной полиандрии. Согласно традиции братья имели одну жену, причем отцом детей считался старший брат. Наследование патрилинейное. *Братская семья* бытует

до нашего времени. В колониальную эпоху английские власти запретили убийство девочек, что не привело, однако, к исчезновению полиандрии.

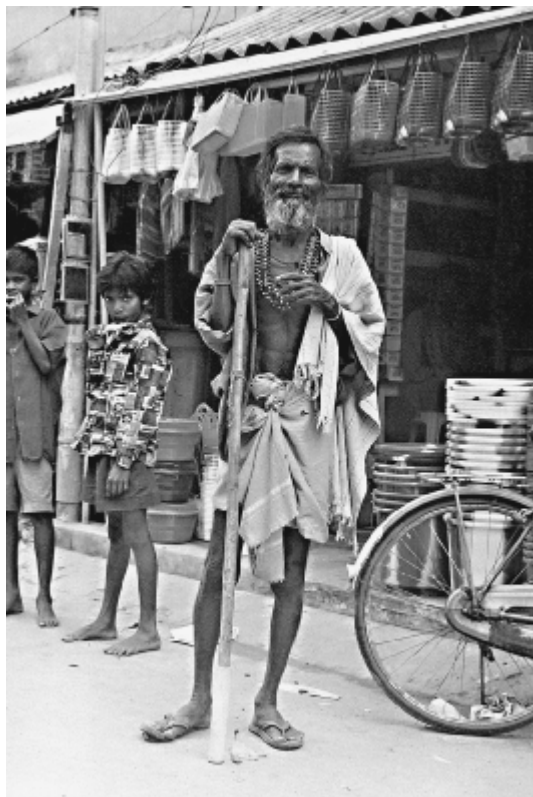
У «племенного населения» Индии бытует, как правило, *парная семья*, не имеющая, казалось бы, прочной основы из-за отсутствия частной собственности. Меж тем, такая семья часто отличается прочностью, так как бывает трудно найти брачного партнера. Выбор молодых обычно не регламентируется ни родителями, ни социальной группой; он должен лишь соответствовать правилам *экзогамии*, запрещающей даже самое отдаленное кровное родство. Браки ранние. После прохождения инициаций вступление в брак означает у этих народов достижение новой, важной ступени в возрастной социализации человека, т.е. вступление его в общество в качестве полноправного члена. Брачная церемония обычно не сложна. Она может сопровождаться праздничным угощением, хотя, например, у андаманцев всё ограничивается тем, что молодая пара приходит к старейшине общины и сообщает о своем намерении вступить в брак. Жених должен при этом подарить невесте бетель (листья перчаточного растения, смешанные с золой и известью и используемые для жевания как легкий наркотик). Столь же просты и правила развода.

5. Религии, художественная культура, образование

У всех народов Южной Азии существует яркая и многообразная духовная культура. У земледельческих народов она уходит своими корнями в древние цивилизации и феодальную эпоху, у кочевых и лесных народов — основывается на тысячелетних традициях племенного быта.

Наиболее распространенная в Южной Азии религия, имеющая весьма древние корни, — *индуизм*. К нему восходит ряд родственных религиозных течений, возникших в более позднее время. Индуизм — сложное религиозное, философское, этическое и правовое учение, в истоках которого скрыты архаические верования ариев и покоренного ими местного, доарийского населения. Наиболее почитаемы культы *Вишну* и *Шивы*.

Многочисленны поклонники *кришнаизма* — одной из ветвей вишнуизма. Кришну почитают как героя и одно из воплощений (*аватар*) бога Вишну. Кришне посвящено

Представитель одного из индуистских братств, соблюдающих аскетический образ жизни

большое число храмов. В виде секты кришнаизм (в весьма деформированном виде) в последнее время получил распространение в Европе и Америке как «Международное общество сознания Кришны».

Большое распространение имеет и *шиваизм* — культ Шивы, имеющий множество локальных вариантов. Одновременно с Шивой почитают и его жену Парвати, известную также и под другими именами. Шиваитское богослужение сопровождается ритуальными танцами и храмовыми обрядами.

Распространено верование в высшую силу — богиню-мать Шакти. Индуистский пантеон включает более тысячи божеств и других персонажей, почитаемых во всей Индии.

Религиозный памятник ариев *Веды* — одно из существенных оснований индуизма — состоит из разновременных текстов и условно подразделяется на две части: *шрути* (услышанное) и *смрити* (запомненное). Таким образом, индуизм прошел длительный, сложный путь развития, начиная от *ведической эпохи* (с III—II тыс. до VIII—VI вв. до н.э.). Как полагают, следующий этап продолжался примерно до IV в. до н.э. и был связан с созданием *Упанишад*, заключительной части Вед, именуемой *Ведантой*. Новый период эволюции индуизма, который называют *брахманизмом*, длился примерно до VI в. н.э. Он считается классическим этапом в истории индуизма. Среди текстов этого периода времени очень известны эпические произведения *Рамаяна* и *Махабхарата*. К началу раннего Средневековья индуизм уже почти сложился, испытав при этом некоторое влияние буддизма, местных культов, а также отчасти христианства и ислама.

Полагают, что современный период развития индуизма относится к XVIII—XIX вв. и связан с европейским влиянием. Некоторые видные деятели-просветители этой эпохи — Рамакришна (настоящее имя Гадатхар Чаттерджи, 1836—1886, проповедник, общественный деятель), Даянанда Сарасвати (1824—1883, религиозный реформатор, просветитель) и другие — несколько модернизировали индуизм исходя из «национальной идеи».

Основа индуизма — учение о перевоплощении душ (*сансара*), происходящем в соответствии с законом воздаяния (*карма*) за добродетель или грех и соблюдение кастовых правил. Индуистский ритуал заключается в почитании Бога в виде его изображений или символов (*пуджа*). Религиозные обряды совершаются в храмах, у сельских и домашних алтарей. В качестве священных почитаются крупный рогатый скот, змеи, река Ганг, цветок лотоса и др. В индуизме множество праздников, различающихся у разных народов, каст, территориальных групп. В наши дни в индуизме вновь существует реформаторское движение, связанное с его приспособлением к современным условиям.

Как особое течение в XIX — первой половине XX в. возник так называемый *реформированный индуизм*, получивший распространение среди индийской интеллигенции. Первоначально он имел главным образом просветительский характер. Но начиная с 1920-х гг. в результате деятельности Свами Вивекананды (1863—1902, гуманист, религиозный реформатор) и ряда других религиозных реформаторов движение поставило перед собой задачу реформирования индуизма и решения национально-политических проблем. Большое внимание было уделено разработке «национальной идеи». Понятие нации получило религиозное толкование «как одно из воплощений Божественного начала». Сама же религия понималась как связующая основа национального единства.

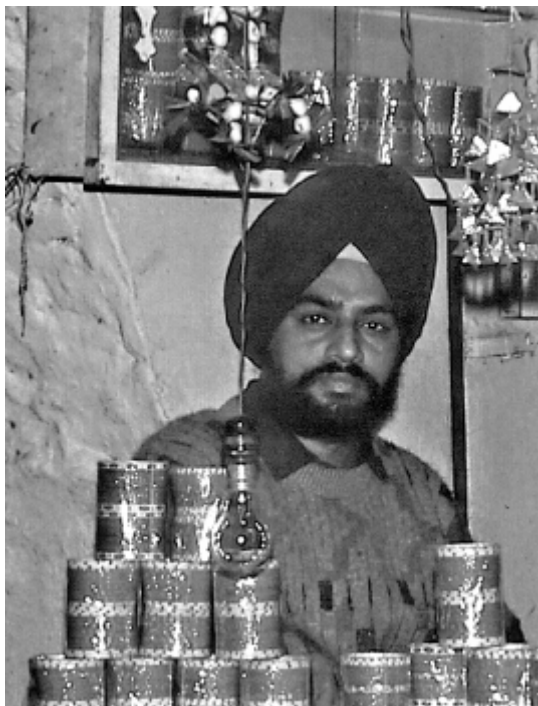
Среди древнейших религий Индии следует назвать *джайнизм* (возник в VI в. до н.э.), основанный, как считают его последователи (*джайны*), пророком Вардхаману (иначе Джинкой или Махавирой). Для джайнистов священной книгой являются не Веды, а *Джайнский канон*. Не признается также вера в Бога-творца, жертвоприношения, кастовая система, святость брахманов и ряд других положений индуизма. Джайнизм сохранил учение о перерождении душ и о воздаянии за поступки в течение жизни. Цель джайнов — достижение *нирваны*, т.е. освобождение от перерождений. Первостепенное значение придается ненасилию и нанесению вреда. В некоторых отношениях джайнизм сходен с буддизмом.

Буддизм, ставший впоследствии одной из мировых религий, возник в Непале и Индии в VI—V вв. до н.э. Его основателем, по преданию, был Сиддхартха Гаутама — юноша из царского рода племени Шакья. Его другое имя — Шакья-Муни. Предание гласит, что после лет, проведенных в роскоши и праздности, он удалился от мира и в течение долгого времени предавался раздумьям, пока в конце концов не достиг нирваны (по-санскритски «угасание»), что согласно буддийской традиции означает «окончательное освобождение от дальнейших перерождений», высшее состояние, цель человеческих стремлений, абсолют бытия, и получил имя Будды («просветленного»). Буддизм получил поддержку индийского царя Ашоки (III в. до н.э.) и стал государственной религией. Буддийское учение требует воздержания и умеренности в праведной земной жизни, запрещает причинять вред любому живому существу и содержит идею реинкарнации (перерождения) в будущей жизни (соответственно поведению в прошлой, земной). Конечной целью перерождения праведника является *нирвана*.

Возникнув в Южной Азии, буддизм завоевал там в древности значительное число сторонников. Однако к началу Средних веков число буддистов в Индии сократилось, и дальнейшее распространение буддизма происходило уже на севере Юго-Восточной, в Восточной и Центральной Азии. В настоящее время число буддистов в Индии достигает примерно 6 млн человек, в Шри-Ланке — около 12 млн, в Непале — около 1,3 млн, в Бангладеш их насчитывается до 0,7 млн человек. Всего же в мире буддистского учения придерживаются свыше 350 млн человек. В разных странах распространены различные направления в буддизме: махаяна, хинаяна и др.

Сикхизм — специфическая религия этноконфессиональной общности *сикхов* — возник в XV в. как отрицание и попытка преодоления индуизма под влиянием ислама. Первоначально он сложился как секта, но постепенно стал обособленной религией. Основателем сикхизма был *гуру* («учитель», «наставник») Нанак, проповедовавший идею дружбы между людьми, отрицание кастовой системы и равенство людей перед Богом. Практиковались, не взирая на различие каст, совместные трапезы последователей Нанака.

Поначалу сикхизм был близок к индуистскому религиозному течению *бхакти*, отрицавшему роль брахманов в сакральных обрядах, а также к исламскому *суфизму*, адепты которого полагали, что, впадая в экстаз, они достигают слияния с Богом. Последователи сикхской религии верят в единого Бога как в вечную сущность, не имеющего вещественного воплощения и имени. Главное в обращении к Богу — внутреннее созерцание как мистический процесс.

Сикх из г. Амритсар. Индия

Сикхи считают, что служение Богу выражается в служении людям и необходимости усердно трудиться.

Священные книги сикхов — Ади Грантх — хранят в *гурдварах* — домах, посвященных Богу и молитве. Сакральный характер у сикхов имеет возрастной цикл — от наречения (присвоения имени), посвящения и принятия в общину сикхов, вступления в брак и так далее вплоть до похорон. Особо почитаются у сикхов наставники-гуру.

Значительные изменения в религиозную доктрину сикхов ввел последний гуру Говинд Сингх. Он отменил институт гуру, вместо которого ввел *хальсу* (общину) и военные отряды сикхов, предписал сикхам не стричь волосы и особым образом их заплетать, иметь с собой гребень, носить особое нижнее белье и стальной браслет на руке, иметь при себе кинжал. Сикх должен был

быть мужественным воином и не бояться смерти. Эти реформы были неодинаково восприняты в разных общинах, в результате чего возникло несколько сект. Считается, что в возникновении сектантского движения среди сикхов определенную роль сыграло европейское влияние.

В начале XX в. в сикхизме усилилось реформаторское движение, что привело к укреплению идеи хальсы. Среди сикхов возникло сильное сепаратистское движение с требованием создания отдельного сикхского государства Халистан. Однако когда решался вопрос о национально-государственном самоопределении сикхов, многие из них выступили за вхождение сикхов в штат Пенджаб Республики Индии. Но десятилетия спустя, к 80-м гг. XX в., сложилось резкое противостояние между сикхами и индуистами, апогей которого пришелся на штурм индийскими войсками сикхской святыни — «Золотого храма» (в г. Амритсаре), в котором обосновались сикхи-террористы. Сражение в храме привело к человеческим жертвам и усилению религиозного фанатизма с обеих сторон (сикхов и индуистов). Трагическими последствиями стало убийство сикхскими боевиками главы правительства Индии Индиры Ганди и как ответное действие — погромы сикхов по всей Индии. Сегодня в Индии сикхская проблема весьма актуальна и еще далека от разрешения.

Общая численность сикхской этноконфессиональной общности составляет приблизительно 17 млн человек; язык — панджаби.

В относительно небольшом числе в Индии сохраняются последователи древнейшей религии *зороастризма*: это *парсы-зороастрийцы*. Основателем зороастризма, согласно религиозной традиции, считают Заратуштру. Священный

канон зороастрийцев — Авеста (1-я половина I тыс. до н.э.). Учение зороастризма все явления в мире видит резко полярными и дуалистичными: свет — мрак, добро — зло и т.д. Добро олицетворяет собой светлый, добрый бог Ахурамазда (Ормузд) — покровитель земледелия и домашних животных. Зло есть свойство и принадлежность Ангро-Манью (Аримана) — покровителя кочевников и хищных животных. Между добром и злом, по верованиям зороастрийцев, происходит постоянная борьба, в которой Ахурамазде и Ариману помогает множество добрых и злых духов. Особое значение в зороастрийском культе имеет огонь — ему приписывается очищающая сила. Зороастрийцы переселились в Индию в VII—X вв. из Ирана, где их преследовали завоеватели-арабы. Они расселены главным образом в западной части страны — Гуджарате. Их численность — не более 190 тыс. человек.

Еще одна мировая религия — *ислам* — стала проникать в Южную Азию лишь начиная с VIII в. н.э. В настоящее время ислам исповедует большинство населения Пакистана: пенджабцы, синдхи, пуштуны (это мусульмане суннитского толка), белуджи (принадлежат к шиитскому толку). Мусульмане преобладают также в Бангладеш, немало их и в Индии и Шри-Ланке. При этом существует тенденция роста числа мусульман, особенно в Индии, что связано со стремлением избавиться от кастового гнета.

Некогда у большинства лесных народов Индии и Шри-Ланки господствовали первобытные религиозные верования в виде тотемизма, магии, анимизма, культа мертвых. У некоторых племен наблюдались отдельные элементы шаманизма. Однако в древние верования вторгались правила, обряды и персонажи соседних мировых религий. В наши дни лишь небольшая часть лесных обитателей придерживается прежних верований.

Уже древнейшая индийская цивилизация (Мохенджо-Даро, Хараппа) имела письменность (до сих пор не расшифрованную). С приходом в Северную Индию ариев и распространением индоевропейских языков сложилась письменность на основе санскритского языка и слоговой системы письма *деванагари*, восходящей к еще более древнему индийскому письму *брахми*. Письмом деванагари пользуются многие современные народы: хиндустанцы, маратхи, непальцы и др.

В Средние века на севере Индостана сложилась обширная религиозная литература. Возникла письменность у ряда южных дравидских народов: тамилы, андра и др. У мусульманских народов Южной Азии письменность возникла на основе арабского алфавита.

В XIX в. в Индии и на территории современных Пакистана и Бангладеш получила распространение и светская литература. Не только в Индии, но и далеко за ее пределами известны произведения крупнейшего писателя, лауреата Нобелевской премии Рабиндраната Тагора (1861—1941). Писатель-гуманист и общественный деятель, Тагор писал на бенгальском и английском языках. На многие языки мира, в том числе и на русский, переведены его лирические стихи и романы («Гора» и др.), повести и рассказы, публицистические произведения, направленные против феодальных и религиозных пережитков, бесправия женщины, расовой и кастовой дискриминации (например, «Кризис цивилизации» и мн. др.). Песня Тагора «Моя золотая Бенгалия» стала национальным гимном Республики Бангладеш.

Во всех странах субконтинента существует значительная современная литература на национальных и английском языках. Развита полиграфическая промышленность, издающая прозаические и стихотворные произведения, книги по искусству.

В литературе и идеологии Индостана большую роль сыграли печатные и устные выступления лидеров национально-освободительного движения — Махандаса Карамчанды Ганди (1869—1948; прозван Махатмой — «Великой душой») и Джавахарлала Неру (1889—1964). С творчеством и деятельностью обоих связаны принципы ненасильственной борьбы за национальное освобождение колониальных народов.

На относительно высоком уровне находится в странах Южной Азии школьное, среднее специальное и высшее образование. Впрочем, молодые люди из состоятельных семей нередко отправляются получать образование в зарубежные страны, прежде всего в Англию. Многие студенты из Индии, Непала и Шри-Ланки закончили высшие учебные заведения в СССР. Вместе с тем еще миллионы адиваси и малых племен юга Индии, а также значительная часть «неприкасаемых» остаются неграмотными.

Многоязычие в странах Южной Азии заставляет использовать в качестве средства межнационального общения английский язык (в Индии его применяют наряду с хиндустани). Английский в какой-то мере знает почти каждый житель региона.

Изобразительное искусство распространено главным образом в странах, где население исповедует индуизм. В мусульманских странах ислам запрещает изображение живых существ. Впрочем, в Бангладеш этот запрет строго не соблюдается. Индийская традиция изобразительного искусства восходит к древнейшим временам. Сильное влияние индийское искусство оказало на творчество знаменитых русских художников Николая и Святослава Рерихов.

Занятия в духовном исламском колледже. Пакистан

Высочайшего развития достигла в Южной Азии архитектура. Архитектурный комплекс г. Агры, включающий бессмертные творения средневековых зодчих — мавзолеев Тадж-Махал, форт Агра и другие памятники, — поражает красотой. Великолепны украшенные скульптурами из камня храмы Варанаси (Бенареса), Южной Индии и Шри-Ланки.

Народы Южной Азии очень музыкальны, причем и в мусульманских странах во многом сохраняются старинные индийские традиции. Особенно славится пение, сопровождаемое игрой на ударных и щипковых инструментах, как то на *вине*, барабанах и др. Знамениты индийская певица Наргис, шриланкийка Руна Лейла, Лата Мангешкар и многие другие. В Индии, Пакистане, в меньшей мере в остальных странах Южной Азии существует очень развитая кинопромышленность, фильмы которой весьма популярны в большинстве стран Востока.

Всемирную известность получили индийские национальные танцы. В частности, большой популярностью пользуются танцы разных школ, древние *тантрические* (ритуально-религиозные) танцы. Имеется кукольный театр. Во всех крупных городах действуют драматические и музыкальные театры, в которых ставят произведения местных и европейских драматургов и композиторов. Повсеместно на улицах устраивают представления, сопровождаемые игрой на дудочках и барабанах, заклинатели змей, факиры, фокусники, устраиваются бои кобр и мангустов.

Славится народная медицина Южной Азии (как, впрочем, и современная фармацевтическая промышленность), перекликающаяся с тибетскими традициями врачевания, основанная на использовании природных лекарственных средств и воздействии на психику человека. Широко известна гимнастика йоги.

И в настоящее время значение традиционной народной культуры в Южной Азии еще очень велико. На ее основе, с учетом достижений мировой культуры, развиваются современные формы литературы и искусства.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

1. Общая характеристика региона

Юго-Восточная Азия — обширная область на юго-востоке Евразии, включающая п-ова Индокитай и Малакку, Малайский и Филиппинский архипелаги. К ней относятся Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма (Бирма), Сингапур, Таиланд, Филиппины и ряд менее крупных территорий. По признаку географического расположения в Юго-Восточной Азии можно выделить три региона: а) континентальную часть, б) Малайский архипелаг и в) Филиппинские о-ва.

Рельеф сильно пересечен. Высокие горы чередуются с низменностями и плодородными аллювиальными долинами, по которым текут полноводные реки — Менам, Меконг, Иравади и др. Климат по большей части тропический, исключительно влажный; в горных же областях — часто умеренный и даже засушливый.

Недра Юго-Восточной Азии содержат запасы нефти, каменного угля, руд различных металлов, урана, драгоценные камни. На обширных пространствах сохраняются первобытные леса с ценными породами деревьев. В них водятся тигры, леопарды, разнообразные копытные, обезьяны. Обширные площади земли расчищены от лесов и используются под пашню. Прибрежные воды изобилуют рыбой, морскими черепахами, жемчугом и прочими дарами моря.

Юго-Восточная Азия не составляет целостной культурной, языковой, антропологической, политической или иной общности и населена народами, имеющими разное историческое прошлое и неодинаковый этнографический облик. С глубокой древности в этом регионе мира совершались постоянные миграции населения, смешивались и разделялись этнические группы, возникали крупные народы, исчезали небольшие. И в наше время здесь развиваются этнические процессы, происходят межэтнические и межрелигиозные конфликты. В соответствии с хозяйственно-культурным многообразием у разных народов и племенных групп Юго-Восточной Азии чрезвычайно различны уровни социального развития. Здесь сосуществуют общества, у которых государство и цивилизация сложились еще на рубеже нашей эры, общества, у которых еще сильны архаические (например, феодальный) уклады, и племена, все еще стоящие на первобытно-общинном уровне развития. Все это делает Юго-Восточную Азию чрезвычайно привлекательным объектом для исторических, этнологических и социологических исследований.

2. Из этнической и политической истории

Юго-Восточная Азия принадлежит к числу областей мира, где происходили ранние этапы антропогенеза. На о-ве Ява (в Индонезии) обнаружены останки *человека прямоходящего*, или *питекантропа*. Во многих местах конти-

нентальной и островной частей региона найдены стоянки разных эпох каменного века (от палеолита и до неолита).

О древнейшей этнической истории Юго-Восточной Азии имеются лишь отрывочные свидетельства. Можно полагать, что на самых ранних этапах этнической истории состав населения региона был иным, чем в последующие эпохи, и лишь постепенно формировался в ходе миграций и сложных межэтнических взаимодействий. В III тыс. до н.э. население п-ова Малакка, Малайского и Филиппинского архипелагов и Индокитайского п-ова по антропологическим признакам относилось к различным типам австралоидной (или веддо-австралоидной) расы, малорослых групп негриллей и папуасов. Их остаточные черты (в смешении с более поздними антропологическими «напластованиями») и теперь прослеживаются у ряда малорослых лесных народов: *кубу*, *лубу*, *акит*, *саккаев* Суматры, *пунанов* и *букитов* Калимантана, *сеноев* и *семангов* Малакки, *ифугао* Филиппин, ряда народов Индокитая.

Сложные этнические процессы происходили в течение многих тысячелетий в странах Индокитайского п-ова. Древнейшее население Мьянмы (до 1989 г. Бирма) принадлежало к веддо-австралоидному антропологическому типу. Примерно за 3 тыс. лет до н.э. на территорию современной Мьянмы стали переселяться монголоиды, причем эти длительные миграции совершались в виде ряда последовательных волн.

В середине XIX в. значительная часть Мьянмы была превращена в английскую колонию, и только в 1948 г. страна стала независимой Республикой Бирманский Союз. Официальный язык — *бирманский*.

Древнейшее население Таиланда (до 1939 г. и в 1945—1948 гг. Сиам) составляли народы, говорившие на *кхмерских языках*. В последние века до нашей эры на территорию современного Таиланда устремились потоки мигрантов — монголоидного населения, говорившего на языках тайской (*таи*, *лао*) и других групп, постепенно ассимилировавших местных жителей. В начале нашей эры в Таиланде стали возникать первые государственные образования. В XIX в. Таиланд оказался между сферами колониальных интересов Англии и Франции, которые не сумели его поделить, благодаря чему он сохранил политическую независимость. Государственный язык Таиланда — *тайский (сиамский)*.

Предки населяющих современный Лаос лаотийских и горных тайских народов, как полагают, стали продвигаться на эту территорию во второй половине I тыс. до н.э. В XII в. н.э. в Лаосе сложилось первое государство. В конце XIX в. страна оказалась в колониальной зависимости от Франции, и только в 1945 г. (фактически в 1954 г.) Лаос стал политически самостоятельным. Общепринятый язык — *лаосский*.

Север Вьетнама, судя по антропологическим данным, в позднем палеолите был населен людьми южно-монголоидного облика. Большая же часть территории страны в древности имела веддо-австралоидное население, постепенно вытеснявшееся и ассимилировавшееся наступавшими с севера монголоидами. Предки *вьетов* (современных вьетнамцев, *кинъ*) пришли в места современного расселения в I тыс. до н.э. В X в. н.э. у вьетов сложилось централизованное государство. Во второй половине XIX в., несмотря на упорное сопротивление, Вьетнам стал колонией Франции. В 1945 г. на севере страны была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. После длительной антиколониальной

войны — сначала с французами, а затем с американцами — произошло объединение севера и юга страны в единое государство (1975). Государственный язык Вьетнама — *вьетнамский*.

В первой половине III тыс. до н.э. началось переселение южных монголоидов с материка на о-ва Малайского и Филиппинского архипелагов, где местное население относилось к веддо-австралоидному и папуасскому антропологическим типам. Переселенцы говорили на языках австронезийской (или малайско-полинезийской) семьи. Эти процессы завершились лишь на рубеже нашей эры сложением разнообразных этнических групп и народов, говоривших на малайских языках. Первые монголоиды-переселенцы интенсивно смешивались с местным населением. Потомками этой «протоиндонезийской» волны переселенцев стали *батаки* Суматры, жители о-вов Нياس и Ментавей, некоторые группы *даяков* Калимантана и обитателей Филиппин. Более поздние волны переселенцев-монголоидов образовали другие этнические группы: *яванцев*, *минангкабау*, *малайцев* — жителей прибрежных областей Малайского архипелага, *тагалов* и ряд других народов Филиппин. И только в глухих географически изолированных местностях в тропических лесах сохранились потомки древнего малорослого населения (*кубу*, *азта* и др.).

Немногочисленные этнические группы из Южной Азии в первых веках нашей эры мигрировали на Яву и Западную Суматру. Они не изменили антропологический состав местного населения, но оказали очень существенное влияние на его культуру и хозяйство. Пришельцы принесли с собой многие культурные навыки, индийскую образованность, религии индуизм и буддизм. В VII—VIII вв. на Яве и Суматре возникли крупные централизованные государства. В XI—XII вв. сначала на Яву, а потом и в другие области Индонезии стал проникать ислам; к XV в. прежние религии у большинства крупных народов (за исключением обитателей о-ва Бали) уступили ему место.

В конце XVI—XVII в. на большей части Индонезии установилось владычество Нидерландов, вытеснивших проникших туда ранее португальцев. Главная роль в колонизации принадлежала созданной в 1602 г. Ост-Индской компании. В португальском владении остался о. Тимор, а в XIX в. Англия подчинила себе северную часть Калимантана. В годы Второй мировой войны Индонезию оккупировала Япония. После окончания войны и изгнания японских оккупантов в 1945 г. было провозглашено создание Республики Индонезия, но лишь в 1949 г. возникло независимое государство Соединенные Штаты Индонезии (с 1950 г. — Республика Индонезия). Официальный язык — *бахаса индонесиа* (индонезийский язык — местное развитие малайского).

На более чем 7 тыс. островов Филиппинского архипелага обитают народы, говорящие главным образом на австроазиатских языках. По этническим и антропологическим признакам древнейшие жители архипелага были, возможно, веддо-австралоидами. Задолго до нашей эры на Филиппины прибыли первые волны миграций протомалайцев-австронезийцев. Предполагают, что они дали начало предкам филиппинских горных народов, которых в начале I тыс. н.э. оттеснили в глубь островов новые волны мигрантов с материка, заселившие равнинные области. К XIV—XV вв. на о-вах Лусон, Себу и архипелаге Сулу начали складываться раннегосударственные образования («княжества»).

Во второй половине XVI в. основная часть Филиппин была захвачена и колонизована испанцами. Непокоренными остались лишь исламизированные народы *моро* и султанаты на юге островов. В 1899—1901 гг. Филиппины были захвачены США и превращены в американскую колонию. В 1946 г. США признали суверенитет Филиппинской Республики. Официальные языки — тагальский (пилипино) и английский.

3. Современный этнический состав населения

Этнический состав населения стран Юго-Восточной Азии очень разнообразен. Здесь перечислены лишь самые крупные из народов, а также те небольшие народности и племенные группы, которые получили особую известность в этнологической литературе.

В Республике Мьянма обитают несколько десятков больших и малых народов, число которых составляет по разным источникам от 25 до 40. 3/4 населения составляют собственно *мьянма* (*бирманцы*), язык которых относится к тибето-бирманской семье. На языках этой же семьи говорят значительные по численности народы *карены*, *кая*. На языке тайской ветви семьи *кадаи* говорят *шаны*. На северо-западе страны, вдоль границ с Индией, живут многочисленные племена *нага*. К народам мон-кхмерской группы относятся небольшие народности *моны*, *паланг*, *ва* и ряд других.

Наиболее многочисленный народ королевства Таиланд — *сиамцы* (*кхон-тай*), а также народности *лао*, *лы*, *фуан* и другие, говорящие на языках тайской семьи, группы кадаи. На языках мон-кхмерской группы говорят *моны*, *кхмеры* и др.; на языках тибето-бирманской группы — *карены*, *лису* и др. Кроме того, в Таиланде живут группы народов *мяо-яо*, а также значительное число китайцев (*хань*).

В соседнем Лаосе большинство населения пользуется языками тайской группы: *лао*, *горные таи* (*тхай*, *лы* и др.). Кроме того, в стране живут меньшие по численности этнические группы *кхму*, *цутенг*, *горные кхмеры* и др.

Наиболее однородна в этническом отношении Камбоджа, большинство населения которой составляют *кхмеры*, представители австроазиатской языковой семьи, и их этническое подразделение — *горные кхмеры*.

Этнический состав населения Вьетнама довольно сложен. Преобладают *вьетнамцы* (самоназвания *кинь*, *вьет*), язык которых принадлежит к мон-кхмерской языковой группе (около 90% всего населения). Они расселены главным образом на равнинах и морском побережье, а также составляют основное население городов. Во Вьетнаме обитают еще 60 народностей и этнических групп. Это близкие к вьетнамцам довольно малочисленные *мыонг* и *тхо* (на севере страны), а также *кхмеры*, *горные кхмеры* (*бахнар*, *седанг*, *кохо*, *хре* и др.). Некоторые народы, живущие в предгорных областях Северного Вьетнама (*тай*, *нунг*, *тхай* и др.), говорят на языках тайской группы. Есть и другие народы.

Основное население Малакки — малайцы. В лесах еще живет некоторое число коренных обитателей полуострова — *сеноев*, *семангов* и др.

К континентальной части Юго-Восточной Азии принадлежит также Сингапур, абсолютное большинство населения которого составляют китайцы.

Сложно по этническому составу население Индонезии. Оно состоит из ряда крупных и меньших по численности народов, а также этнических и племенных групп. Большая его часть говорит на малайских языках. Самый большой народ Индонезии — *яванцы*, обитатели Явы (впрочем, их можно встретить и на большинстве других островов). К яванцам близки проживающие на Западной Яве *сунда*, а также жители полуострова Мадуро *мадурцы*. На Яве обитают также небольшие горные племена *тенггеров* и *бадуи*.

Суматру населяют высокоразвитые народы *минангкабау*, *батаки*, *сунда*, *абунги* (*лампонгцы*), а также ряд этнических групп, в том числе племена *кубу*, часть которых еще сохраняют первобытно-общинные отношения, *акит*, *сакаи* и др.

Сложен этнический состав Калимантана. В его внутренних областях расселены (главным образом по берегам рек) многочисленные различные по происхождению племена, называемые собирательным именем *даяки*. К числу наиболее крупных даякских племен относятся *мааньяны*, *клемантаны*, *каян*, *кеньях*, *ибаны* и др. Даяками именуют также небольшие племена *пунанов* и *буки-тов* — потомков древних, домалайских жителей Калимантана, — сохраняющих первобытно-общинные отношения.

Даякские дети в праздничной одежде

Также очень сложна этническая структура населения острова Сулавеси. Наиболее многочисленны, культурно и экономически развиты жители прибрежных областей острова — *буги*, *макассары*, *минахасы* и др. Во внутренних частях Сулавеси обитают племена *тораджей*, частично ассимилируемые более развитыми жителями побережий. В горах на юге острова сохраняются остатки небольшой этнографической группы *тоала*, продолжающие жить в условиях первобытно-общинных отношений.

Малые Зондские острова населены *балийцами*, *сасаками*, *бима*, *сумбанцами* и др.

Внутренние области, а частично и побережья Ириан-Джай (Западного Ириана) были в прошлом почти целиком населены папуасскими племенами. Однако в связи с промышленным развитием на побережье острова переселилось значительное число выходцев из разных районов Индонезии и других стран.

Представители этнической общности азта, принадлежащие к негритосскому населению Восточного Лусона. Филиппины

Преобладающие на Восточном Тиморе *тетум*, *токоде*, *мамбаи* и др. говорят на языках австронезийской семьи. Часть населения на востоке этого острова пользуется папуасскими языками (*бунак* и др.).

На всех больших и на некоторых малых островах Индонезии проживает значительное число китайцев (*хуацяо*), что является источником частых межэтнических трений.

Население Филиппин разнообразно по этническому и конфессиональному составу. Около половины жителей архипелага образуют народ *бисайя* (*висайя*), населяющий Лусон, Минданао, Самар, Лейте и ряд меньших по площади островов. Примерно четверть населения — *тагалы*, проживающие в центральных областях Лусона и на о-вах Мариндук и Полильо. Им значительно уступают по численности *илоки*, *биколы*, *капампанганы*, *пангасианы*, *ибанги*, *самбалы*. Все названные народы принадлежат по языку к западноавстронезийской группе, а по религии — к христианам.

К той же языковой группе относятся небольшие народы, исповедующие ислам и именуемые собирательным названием *моро*. Это *маранао*, *таусог*, *самаль*,

якан и др., а также так называемые горные народы, численность которых не превышает нескольких десятков: *канканаи*, *субаноны*, *манобо* и ряд других.

Отдельную группу составляют негритосы *азта*, состоящие из нескольких племен: *ата*, *батак*, *думагат* и др.

Кроме того, на Филиппинах, главным образом в городах, проживают китайцы, а также некоторое число испанцев и североамериканцев.

4. Современные этнические процессы

В Юго-Восточной Азии еще в раннем Средневековье сформировался ряд крупных этнических общностей. К их числу относятся сиамцы, вьетнамцы, яванцы, минангкабау, тагалы и др. Протекавшие в районах их расселения национальные процессы отмечались определенным своеобразием.

В развитии этнических процессов уже долгое время, но особенно в XIX—XX вв. прослеживаются две тенденции. С одной стороны, имеет место национальная консолидация многих народностей, а с другой — происходит интеграция небольших народностей и этнографических групп с уже сложившимися нациями. Так, в Мьянме формирование бирманской нации сопровождается ассимиляцией групп моноов, горных племен чин. В крупные самостоятельные народы консолидируются карены и шаны. Однако многие этнические группы (как то: нага, чины, качины) пока еще не вовлечены в этнообъединительные процессы.

В Таиланде в ходе дальнейшего развития сиамской (кхонтай) нации идет поглощение ряда мелких этнических групп (таи и лао).

Во Вьетнаме, особенно в его северных лесных районах, происходит, хотя и довольно медленно, ассимиляция невьетнамских народностей и этнографических групп.

В Малайзии основные этнические процессы связаны с дальнейшим укреплением позиции малайской нации. Медленно, но все же развивается ассимиляция малайцами малых лесных народов — сеноев, семангов и некоторых других.

Очень сложные этнические процессы разворачиваются в последние десятилетия в Индонезии. После окончания Второй мировой войны вследствие недостатка земли на Яве правительство пыталось организовать переселение на другие острова, в частности на Суматру. Однако мероприятие оказалось неподготовленным, что привело к разорению и бедствиям десятков тысяч человек. Постоянно происходят стихийные миграции из Западной Индонезии в восточные районы, в частности на Ириан-Джайя, где интенсивно развивается горнодобывающая промышленность.

Практически во всех регионах Юго-Восточной Азии сохраняется напряженность в межнациональных отношениях, нередко перерастающая в открытые конфликты. Таковы очень сильные сепаратистские движения шанов и каренов Мьянмы, не утихающие в течение десятилетий. В Таиланде существуют немалые проблемы в отношениях с племенами севера страны, которые то и дело выступают против правительства.

Ареной постоянных межэтнических противоречий и конфликтов остается Индонезия. То в одном, то в другом районе страны возникают столкновения местных жителей с эксплуатирующими их китайцами. Они нередко перерастают в кровавые погромы, которые приходится умирять войскам и полиции.

Не утихают сепаратистские настроения среди минангкабау, соперничающими с яванцами. Уже не первый год происходит борьба за национальную независимость на Тиморе. Далёк от межнационального мира и Сулавеси, где буги и макасары ассимилируют и подчиняют себе ряд небольших народов.

Наконец, многолетняя борьба мусульман-моро Филиппин против правительства за создание собственного государства то и дело выливается в крупные вооруженные столкновения.

5. Хозяйственно-культурные типы

Очень разнообразны хозяйственно-культурные типы (ХКТ) Юго-Восточной Азии. Помимо отчетливо сложившихся типов в каждой местности можно встретить различные их переходные подтипы и разновидности.

Плужное земледелие. История плужного земледелия в Юго-Восточной Азии насчитывает уже не одно тысячелетие. Оно ведется в ирригационной, поливной или заливной форме, однако разными способами на равнинах и в горных местностях. Поля располагаются в долинах или на террасах, расположенных на склонах холмов, куда из рек и источников проводятся оросительные каналы. По тем же каналам в период дождей отводится избыток воды. В некоторых горных местностях практикуется плужное земледелие «под дождь». Там сеют засухоустойчивые культуры — суходольный рис и кукурузу.

В Мьянме самые большие земельные площади обрабатываются в долине р. Иравади. В жаркие дождливые месяцы лета на заливных полях сеют главным образом рис, а также выращивают различные овощи, масличные, табак. Зимой, в сухое время года, выращивают бобовые культуры и кукурузу. В горных местностях значительные площади отведены под плантации опийного мака, особенно в районах, занятых повстанцами. Опиум вывозится контрабандой в Америку и Европу. В некоторых местностях Мьянмы культивируется кофейное дерево и чайный куст, а также бананы и кокосовые пальмы. Но наибольшее хозяйственное значение имеет товарное рисосеяние на юге страны. Известное распространение у земледельцев получило скотоводство. На реках и морском побережье занимаются рыбной ловлей. Издавна в Мьянме существовало ремесленное производство (гончарство, ткачество, ювелирное дело и др.). На реках ведется полупромышленная добыча драгоценных камней, в том числе знаменитых бирманских рубинов. Из промышленности наиболее значительна нефтедобывающая и пищевкусовая.

Поливное земледелие составляет основное занятие большей части сиамцев Таиланда. Главная культура — рис. Разводят также каучуконосы, табак и другие технические растения. Распространена культура шелковичного червя. Большое значение имеет рыболовство, а также разведение рыбы на заливных рисовых полях. Из животных в земледельческих районах разводят тягловый скот — буйволов. Содержат свиней и домашнюю птицу. Как и во всех странах региона, широко распространено ремесленное производство. Довольно развита промышленность.

У лао Лаоса традиционные занятия — пашенное заливное рисосеяние, разведение тяглого скота, свиней, домашней птицы. Существенно значение рыболовства, а также охотничьего промысла.

Подготовка рассады для посадки риса. Камбоджа

Камбоджа — преимущественно сельскохозяйственная страна, производившая до революций и междоусобных войн середины XX в. большое количество товарного риса. Однако после захвата власти в стране правительством «красных кхмеров» не только была уничтожена почти половина населения страны, но и были разрушены производительные силы, что привело к голоду и массовой нищете. В последние годы положение в стране начинает постепенно улучшаться.

Вьетнам — один из древнейших в мире регионов культивирования риса. Выращивается также кукуруза, масличные, самые разнообразные овощи, клубневые растения, бананы и др. Распространение имеют плантационные культуры: чай, хлопчатник, каучуконосы. Развито рыболовство.

Весьма широк ассортимент из-

делий вьетнамских ремесленников. Это повседневная и художественная керамика, серебряные ювелирные изделия, плетение из бамбука и др. Много населения занято в промышленности.

В Индонезии, на Яве и в некоторых местностях Суматры обрабатываемые поля располагаются как на равнине, так и на террасах по склонам гор. Орудия труда и приемы сельского хозяйства сохраняют давние традиции. Обычно собирают по два-три урожая риса и других культур в год. На Яве почва исключительно плодородная, но большинство крестьян здесь страдает от недостатка земли. Большая семья вынуждена довольствоваться ничтожным по размеру участком. В колониальное время власти вынуждали крестьян сеять не рис, а плантационные культуры. Ситуация несколько улучшилась после 1949 г., когда Индонезия стала независимой. Основная культура яванского земледелия — рис. Сеют и многие другие сельскохозяйственные культуры: корнеплоды, сою, бобовые. На приусадебных участках сажают кокосовые пальмы, бананы, а в Новейшее время — также пряности, завезенные из Восточной Индонезии. В горах основная культура — кукуруза. Своеобразна, особенно на террасных полях, система орошения. Рисовые поля разбиваются на многочисленные делянки, которые террасами спускаются с гор. Каждый участок огораживается со всех сторон земляными валиками с отверстиями для впуска и для слива воды. Вода подается из источника на верху горы по бамбуковым трубам, соединяющим отверстия в плотинах. Урожай срезают серпами.

Все крупные народы Индонезии еще в старину были знакомы с металлургией. Из железа и бронзы делались самые разнообразные орудия труда, оружие, украшения. Особенно знамениты яванские кинжалы — *крисы* из высококачественной стали, с резными рукоятками из кости или твердого дерева. Ремесленники изготавливают гончарную и металлическую посуду, обрабатывают кожу и другие материалы. Начиная с середины XX в. в Индонезии и Малайзии интенсивно развивается промышленность: добыча нефти и других полезных ископаемых, химическая и легкая отрасли, машиностроение.

С яванским сходно филиппинское равнинное поливное земледелие. На Филиппинах возделывают рис, клубневые растения (таро, ямс, бататы). Разводят буйволов, свиней, домашнюю птицу. Из ремесел и домашних производств распространены прядение, ткачество, обработка металлов, выделка кож. Прибрежные жители занимаются рыболовством.

Ручное земледелие. Следует помнить, что ручная обработка почвы всегда была распространена и в областях плужного земледелия, где, не составляя отдельного ХКТ, применялась в целях повышения интенсивности земледелия и на мелких крестьянских участках.

Как самостоятельный хозяйственно-культурный тип ручное земледелие еще столетие назад имело широкое распространение в Юго-Восточной Азии. Во многих областях ее материковой части, особенно у небольших народностей и племен, оно остается преобладающим. Широкое распространение этот ХКТ имеет также в центральных районах Калимантана, у части *тораджей* Сулавеси, на ряде небольших островов Индонезии и в некоторых горных местностях Филиппин. Так как все разновидности этого вида хозяйства довольно схожи, ниже в качестве примера описано хорошо изученное ручное земледелие *даяков* Калимантана.

Области расселения даяков в центральных районах острова еще недавно были целиком покрыты густым, труднопроходимым и местами заболоченным тропическим лесом (*римбу, утан*). Римбу и теперь занимает обширные пространства острова. Поселения даяков располагаются по берегам многочисленных рек, где земли суше и можно пользоваться водным транспортом. Своеобразие природных условий привело к возникновению местного ХКТ ручного — «подсечно-огневого» — земледелия и «подвижных» поселений. Участки для полей расчищались от леса рубкой и выжиганием. Эта работа тяжела и опасна, так как в зарослях в изобилии водятся ядовитые змеи, пауки и другие опасные животные. Расчистка леса была исключительно мужским делом, как и последующее выжигание срубленных деревьев и кустарников. Все эти работы производились в самом конце дождливого сезона, с тем чтобы за сухой сезон древесина высохла и могла хорошо гореть. Дальнейшие работы по посеву, уходу за ним и сбору урожая выполнялись уже женщинами. Распространено утверждение, что наряду с расчисткой участка земли выжигание леса имело целью удобрить почву золой. Это не совсем верно. Важнейшей целью выжигания было не столько получение зольного удобрения, сколько уничтожение исключительно вредных сорняков. Когда сорняки вновь вырастали (через два-три года после расчистки участка), старое поле забрасывалось и расчищалось новое. В результате поля все более и более удалялись от поселения. В конце концов деревню приходилось оставлять и искать новые удобные места для полей и поселения.

В отличие от интенсивного заливного рисосеяния (когда высаживается рассада), даяки сажают зерна риса непосредственно в землю. Для этого сажальным колом (палкой-копалкой) делается ямка, куда и бросается семя. Ямка заравнивается, чем у многих племен практически и завершается уход за посевом. Прополкой поля занимаются не все даякские группы. Все это имеет следствием низкую урожайность. Немалая часть урожая риса используется не в качестве продовольствия, а для изготовления рисового пива.

В результате многие группы даяков не могут прокормиться только посредством земледелия и вынуждены уделять много времени охоте и собирательству. Даяки вооружены духовыми ружьями-сумпитанами, из которых можно поразить отравленными стрелками (изготовленными из сердцевины пальмового листа) на значительном расстоянии даже крупное животное, а также копьями, ножами и мечами. Пищевые запасы пополняет также рыбная ловля. Но особенно большое значение имеет собирательство даров леса: смол тропических деревьев, камфары, ласточкиных гнезд и многого другого, что охотно скупают или выменивают специальные скупщики. Большой доход приносит добыча змеиных шкур, однако это имеет для даяков отрицательные последствия. Массовое истребление змей ведет к размножению грызунов, наносящих большой ущерб посевам риса. Начиная с 1950-х гг. даяки, живущие в низовьях рек, по соседству с цивилизованным населением побережий, хотя и медленно, но стали воспринимать более высокую культуру. Этому отчасти способствовало возникшее в то время отходничество (даяки, в частности, нанимались на строительство дорог). Постепенное проникновение к даякам ислама также вело к частичным изменениям в образе жизни у ряда племен.

ХКТ бродячих охотников и собирателей. В Юго-Восточной Азии еще сохраняются, хотя и малочисленные, этнические группы и племена, продолжающие добывать средства существования бродячей охотой и собирательством. В качестве характерного примера можно привести *кубу*, обитающих на северо-востоке Суматры и отделенных от остального мира широким поясом болот. Лишь недавно некоторые их группы постепенно стали переходить к оседлой жизни и примитивному земледелию.

Леса северо-восточной части Суматры не богаты живностью и съедобными растениями. Найти себе пропитание в них могут лишь малочисленные группы, вынужденные передвигаться с места на место, совершая концентрические маршруты в течение года (время, необходимое, чтобы на покинутых участках леса вновь успело появиться достаточно пригодного в пищу).

Каждая небольшая племенная группа *кубу* имеет свою традиционную территорию охоты и собирательства, однако в неблагоприятные годы, когда в каких-то местах недостаточно животной и растительной пищи, они могут по договоренности с соседями временно перейти на их территорию и тем самым спастись от голодной смерти.

Сходную жизнь ведут и многие другие небольшие этнические группы: *акит*, *сакая* и *лубу* п-ова Малакка, тоала о-ва Сулавеси, *азта* и *балуга*, обитающие на Лусоне и некоторых других о-вах Филиппинского архипелага, и др. Но в отличие от *кубу* условия среды их обитания более благоприятны для жизни.

6. Черты материальной культуры

Несмотря на немалые изменения, происшедшие в материальной культуре народов Юго-Восточной Азии, она во многом осталась традиционной, особенно у сельских жителей.

Поселения и жилища. У бирманцев Мьянмы традиционное поселение включает несколько групп жилищ и хозяйственных построек. Дом с верандой сооружается на сваях. Основной строительный материал — бамбук. Кухня с очагом устраивается на веранде или рядом с домом. Сходны жилища и поселения и у ряда других народов Мьянмы — *чинов* и др. От них отличаются поселения *нага*, окруженные мощной оградой. Их традиционные дома сооружаются из стволов деревьев и, как и все поселение, напоминают крепость. Иначе выглядят поселения и дома *шанов* Мьянмы. Поселения большие, нередко из сотни и более домов. Жилища возводят на сваях, под платформой дома располагаются огражденные плетеными стенами хозяйственные помещения: хлев, чулан и т.п. Дома часто состоят из двух этажей, с крышей из соломы или пальмовых листьев.

Лаосцы живут в небольших деревнях в свайных каркасных постройках, сооружаемых из дерева.

Большие кучевые поселения у сиамцев Таиланда состоят из свайных домов и хозяйственных построек. Строительным материалом служат бамбук и стволы деревьев. Наряду с прямыми крышами строятся седловидные. На юге страны из-за дороговизны земли часто встречаются «поселения» на реках из лодок.

У кхмеров Камбоджи поселения и жилища различны на открытых равнинах и в лесах. Поселения по долинам рек линейные в плане, традиционные свайные жилища. Под полом дома устраиваются хлев, чулан, помещение для ткацкого станка, иногда там ставят повозки. В лесах, особенно во время гражданской войны, небольшие кучевые поселения состояли из примитивных домов в виде небольших наземных построек или шалашей. По соседству находилась кухня с очагом и ограда, в которой содержали скот.

Вьетнамские деревни большие, имеют обычно уличную планировку и располагаются вдоль рек и дорог. Поселения ограждаются бамбуковой изгородью. В середине деревни располагается общинный дом — место собрания общины. Дома и хозяйственные постройки наземные. Стены саманные, глинобитные либо плетеные, обмазанные глиной. Крыши двускатные, из соломы или пальмовых листьев.

Сельские поселения малайцев Малайзии имеют кучевую, а чаще — линейную планировку. Дома каркасно-столбовой конструкции, сооружаются из бамбука и стволов деревьев на сваях. У бедного и среднего по зажиточности населения они обычно состоят из одной комнаты. Вокруг дома возводится открытая веранда, где готовят пищу, едят, занимаются хозяйственными делами, отдыхают.

Судя по барельефам средневекового храма Боробудур, яванцы, самый многочисленный народ Индонезии, в древности жили в свайных жилищах. Однако со временем традиция свайных построек исчезла, уступив место наземным жилищам. На Яве очень велика плотность населения, земли мало, поэтому

десы (общинные поселения яванцев) обычно расположены на небольших расстояниях друг от друга. Планировка поселений линейная, что связано с их расположением вдоль оросительных каналов или дорог. В центре десы — площадь и общинный дом, иногда — мечеть. Усадьбы в поселении огораживаются бамбуковым забором и состоят из каркасно-столбовых домов на невысоком фундаменте из столбиков. У небогатого населения стены домов чаще всего возводятся из бамбукового плетня, а у зажиточных хозяев — из тесаных древесных стволов. Крыши — четырех- или двускатные. В небогатых домах крыша покрывается пальмовыми листьями, соломой, в зажиточных — черепицей.

Своеобразны традиционные поселения и жилища другого крупнейшего народа Индонезии — минангкабау (теперь уже во многом изменившие свой облик). Значительные по размеру селения минангкабау (*кото*) образуют вместе с прилегающими пашнями сельскую общину (*нагари*). Они нередко огораживались мощной оградой из бамбука, перевитого колючими растениями. В центре располагался общинный дом (*бале*) и «барабанный дом», в котором находился сигнальный барабан общины. В бале проводили свободное время и спали неженатые юноши начиная с 14 лет; там же проводили собрания, принимали гостей из других поселений. Традиция, по которой для юношей считается неприличным жить в родительском доме, сохраняется и теперь, но вместо исчезнувших бале спальней для молодых людей служит комната при мечети.

Очень своеобразны большесемейные дома (*румех*) у минангкабау. Сегодня в них не живут, но во многих общинах такой дом сохраняют в качестве этнографического музея старого быта, охотно посещаемого туристами. Такие дома сооружались на высоких сваях, были узкими (в ширину одной комнаты) и длинными, так как с появлением в доме новой женатой пары с торца пристраивалась комната для молодых. Таким образом, дома росли в длину. Каждая новая пристройка снабжалась собственной изогнутой седлообразной крышей. Кровельным материалом служили пальмовые листья. Пространство между сваями огораживалось, и там держали скот. Схожими по конструкции были расположенные неподалеку от жилого дома квадратные или прямоугольные в плане хранилища риса. Балки, составляющие стены дома и хранилищ риса, как и другие деревянные конструкции, щедро покрывались резьбой. В дом можно было попасть по приставной лестнице, убиравшейся на ночь. Современные жилища чаще всего представляют собой легкую постройку из бамбука, обмазанного глиной плетня или тонких древесных стволов. Дома зажиточного населения сохраняют лишь отдельные элементы традиционного жилища.

Не менее колоритны традиционные поселения и жилища *батаков*. В прошлом в планировке деревень и архитектуре домов у них существовали значительные племенные различия. Отличительной особенностью многолюдных батакских поселений (*кута*, *хута*) была высокая ограда с элементами фортификации в виде предвратных сооружений. Еще столетие назад такая защита была совершенно необходима из-за частых вооруженных столкновений. Планировка поселений двух основных батакских племен различна: у *тоба*, населяющих берега одноименного озера, поселения уличные, а у *каро*, живущих в северных областях страны батаков, — кучевые.

Традиционные жилые дома и хозяйственные постройки батаков выглядят как настоящие произведения искусства. Дома у разных племен сильно различаются по плану и внешнему облику. Относительно небольшие по размеру, вытянутые боковой стороной вдоль улицы дома каро сооружаются из бревен и стоят на столбах. Дом разделяется в длину коридором, оканчивающимся дверями. Перед дверями устроены помосты, на которых женщины занимаются домашними работами. Члены семьи живут в каждой из половин дома. В дом можно попасть по небольшой приставной лестнице, которую убирают на ночь. Особенно характерны и красивы мощные двускатные седлообразные крыши, покрытые рисовой соломой с фронтоном из узорно набранных досок, покрытых резным орнаментом. Над крышей, на шесте, возвышается сложный по конструкции седловидный *оберег*, напоминающий по форме и крышу дома, и рога крупного животного. Боковые стены дома в старину покрывались сложным магическим узором. В некоторых поселениях имеются общинные дома. Еще более вычурны по конструкции хранилища риса со сложной двух- и трех-«этажной» седловидной крышей и многоуровневым навершием-оберегом.

Дома *тоба* стоят на невысоких сваях и значительны по размеру. В плане они прямоугольны и ставятся фасадом к улице. При этом седлообразные крыши противостоящих домов почти смыкаются. Традиционный дом тоба состоял из одного помещения, по углам которого располагались очаги семейных пар большой семьи. Боковые стены дома покрывались сложной резьбой — изображениями тотемных животных (ящериц и др.), магическим орнаментом, разноцветной росписью. В наши дни поселения тоба выглядят иначе. Вдоль хороших асфальтированных дорог тянутся многочисленные поселения из небольших домиков-коттеджей, рассчитанных на одну семью. Каждый дом очень ярко, но с большим вкусом раскрашен.

Поселения и дома плужных земледельцев Филиппин, как правило, сходны с общемалайскими. Жилища и хозяйственные постройки сооружаются на сваях и имеют седловидную крышу.

В качестве примера поселений и жилищ охотников и собирателей можно привести подробно описанные в этнографической литературе поселения и жилища обитателей внутренних областей Калимантана — даяков. У большинства даякских племен поселения располагаются по берегам рек и состоят из одного или двух-трех длинных общинных домов, стоящих на высоких сваях. С численным ростом общины дом достраивается в длину. Иногда община разделяется, и отделившиеся семьи сооружают новый длинный дом. Когда в окрестностях остаются лишь заросшие сорняками заброшенные поля, жители оставляют селение и община переселяется на новое место, выше или ниже по течению реки. В деревне может быть также общинный дом; иногда это дом вождя, где проводятся собрания и ритуалы. Этот «мужской дом» служит также местом, где живут неженатые юноши, проходящие «племенное» обучение перед инициацией. Поселение окружается мощной колючей оградой. Дома соединяются между собой переходными мостиками, которые во время опасности убираются, после чего каждый дом превращается в крепость. Такого рода защитные меры в прошлом были необходимы из-за постоянных межплеменных столкновений и соблюдения обычая охоты за головами.

Длинный дом разделялся продольной перегородкой. По одну сторону располагались небольшие темные каморки — помещения малых семей. Другая сторона образовывала открытую веранду, где обитатели дома занимались домашними делами и проводили свободное время, там же хранилось имущество, висели высушенные головы врагов. Если в поселении не было отдельного «мужского дома», то в конце галереи находилось место для неженатой и не прошедшей инициации молодежи.

Очень простыми были поселения и жилища у небольших лесных племен, занимавшихся бродячей охотой и собирательством. Так, кубу Суматры или аэта Филиппин на каждой временной стоянке устраивали на деревьях платформы, на которых укреплялся простейший ветровой заслон.

Хотя большинство населения Юго-Восточной Азии все еще составляют сельские жители, в регионе много городов, в том числе с населением более 1 млн человек. Это прежде всего столицы государств: Бангкок, Ханой, Куала-Лумпур,

На улице г. Хошимин. Вьетнам

Сингапур, Джакарта, Манила. Несколько уступают им по размерам и числу жителей Рангун, Пномпень, Вьентьян. Из прочих больших городов можно назвать Хошимин, Дананг, Бандунг, Сурабаю и др.

Многонациональна столица Таиланда Бангкок. Его постоянное население составляет около 5 млн жителей. Наряду с сиамцами в городе проживают китайцы, выходцы из Индии, которыми заселены целые кварталы. Много японцев, европейцев, американцев. Бангкок — крупный морской порт. В нем сосредоточена значительная промышленность, в том числе металлообрабатывающая, легкая, пищевкусовая, нефтеперерабатывающая, химическая. Бангкок славится своими ремесленными кварталами и базарами; обработкой различных драгоценных камней, добываемых в тайландских реках, среди которых особой известностью пользуются сапфиры и рубины. Достопримечательности города — комплекс королевского дворца Чакри, буддийские храмы По (Четупон), Раджабопит, Бенчамабопит и мн. др. — привлекают в столицу Таиланда тысячи иностранных туристов. В окрестностях много природных заповедников, где сохраняются редкие животные и экзотические растения. В Бангкоке четыре университета, большое число колледжей и общеобразовательных школ.

Крупный город — столица Вьетнама Ханой, основанный, по разным данным, в V или VIII в. (с XI в. — столица Вьетнамского государства). В нем насчитывается около 3 млн жителей; Ханой — важный порт на р. Хонгха, главный экономический и культурный центр страны. Здесь сосредоточены предприятия машиностроительной, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, пищевкусовой, кожевенной и химической промышленности. Существует значительное ремесленное производство. Ханойские мастера изготавливают украшения, главным образом из серебра, предметы из лака и плетеного бамбука, инкрустированные изделия. В 1918 г. основан Ханойский университет. В городе много школ и специальных учебных заведений. Из достопримечательностей особенной известностью пользуются буддийский храм Дьен-Бо и «Храм литературы», основанные в XI в.

Своеобразна столица Индонезии Джакарта. В течение 350 лет она служила столицей Нидерландской Ост-Индии и называлась Батавией. Ее центр застроен красивыми домами, в которых размещаются правительственные учреждения, иностранные представительства, банки, отели, богатые магазины, музей, школы. Кварталы современных высотных зданий чередуются с районами, застроенными голландскими домами XVII—XVIII вв. В городе много мечетей в «малайском» стиле. На окраинах разбросаны утопающие в зелени бесчисленные домики и хижины. Предмestia постепенно переходят в *кампонги* — деревни, где в тени пальм, мимоз и других деревьев расположены поля риса, кукурузы, сахарного тростника и табака.

Джакарта — крупный речной порт, соединенный водным путем с морским портом, сухопутный и воздушный транспортный узел. В городе довольно развита промышленность: по обработке каучука, пищевкусовая, текстильная, металлообрабатывающая, машиностроительная.

Джакарта — крупнейший культурный центр Индонезии. В нем действуют университет, институты, колледжи.

Столица и крупнейший город Филиппин Манила расположена на о-ве Лусон. Из небольшого поселения (накануне колониальной эпохи) город превратился в крупнейший экономический, культурный, промышленный и военно-стратегический центр. Вместе с пригородами его населяют около 2 млн жителей, а Большую Манилу — около 6 млн. В городе несколько университетов и других высших школ, средних и начальных учебных заведений, исследовательских институтов, много разнообразных промышленных и ремесленных предприятий. Важнейшее экономическое значение для страны и соседних регионов имеет манильский порт. Достопримечательностью является исторический центр Манилы — Интрамурос, со средневековыми укреплениями, церквями и домами XVI—XVIII вв.

Одежда и украшения. Одежда народов Юго-Восточной Азии очень разнообразна. Кроме того, необходимо отметить значительную традиционность местного костюма, хотя и испытавшего некоторое европейское влияние.

Мужчины бирманцы в сельских местностях (в значительной мере и в городах) носят куртки и юбки, завязываемые спереди узлом. На голове — повязка с узлом на боку. Типологически сходна и женская одежда: куртка и юбка.

У сиамцев, как мужчин, так и женщин, одежду составляют большие несшитые куски ткани, обвертываемые вокруг тела в виде штанов и юбки.

Традиционная (но бытующая и в наши дни) мужская и женская одежда у кхмеров Камбоджи также несшивная: она состоит из полотнища ткани, напоминающего куртку и штаны (*саронг*). У женщин саронг обвертывается вокруг пояса или груди и доходит до щиколоток. На праздники надевают шелковые халаты. В городах получил распространение европейский костюм.

Саронг составляет основу костюма и у всех малайских народов Малайзии и Индонезии. Мужчины-горожане, особенно чиновники, бизнесмены, под саронгом носят рубашку с галстуком, а сверху — пиджак. Сельские жители поверх саронга обычно надевают безрукавку. Традиционный женский саронг состоит из куска материи, которым обвертывали все тело — от плеч до щиколоток. В наши дни женщины надевают под саронг кофточку и шейный платок. В качестве ткани для саронга используется *батик* — многократно окрашенная особым ручным способом (позволяющим получить чрезвычайно гармоничное сочетание цветов) хлопчатобумажная ткань. Настоящий батик очень дорог, и теперь вместо него нередко используют дешевый фабричный заменитель. Обязательная принадлежность традиционного праздничного мужского костюма — холодное оружие (у яванцев — кинжал-крис с волнообразным лезвием).

Мужчины-тагалы на Филиппинах носят штаны, длинные рубашки с вышитым воротником-стойкой. Костюм дополняет конусообразная или плоская шляпа. Женская одежда состоит из юбки с блузкой и жакетом или платья. Значительное распространение на Филиппинах получила европейская одежда с некоторыми традиционными национальными элементами.

У лесных народов — «ручных земледельцев» — мужчины и сегодня часто ограничиваются набедренными повязками, а женщины — юбочками из луба (особым образом — в виде замши — обработанной древесной коры) или растительных волокон. Однако по мере распространения ислама в качестве одежды начинают также использовать саронг или, как у даяков, полувоенный тропический костюм. Одежда дополняется многочисленными украшениями в виде

серег, браслетов и ожерелий. У мужчин распространено подпиливание и чернение зубов, в которые вставляются металлические штифты с головками в виде шариков или звездочек. Особенно колоритен праздничный костюм даякских женщин и девушек. Это так называемый «даякский корсет», который изготавливают из побегов ротана, покрытых металлической медной, серебряной или золотой проволокой (см. илл. на с. 284).

7. Общество и социальные отношения. Семья

Население Юго-Восточной Азии уже тысячелетия живет в условиях цивилизации. Повсеместно господствуют достаточно развитые рыночные (капиталистические) отношения. Однако у некоторой части населения, сохраняющего экстенсивные формы хозяйственной деятельности в виде ручного земледелия, охоты, рыболовства и собирательства, не изжиты полупервобытные или даже первобытные черты быта. У «ручных земледельцев» нередко бытуют пережитки племенной организации и соседской (иногда родовой) общины. Правда, последняя не имела большого распространения и существовала — в матрилинейной и матриликальной форме — до начала XX в. только у минангкабау. С этого времени родовая община уступила место административно-территориальной структуре, и матрилинейные и матриликальные традиции сегодня отчасти сохраняются лишь в обрядово-ритуальной сфере.

У небольших групп бродячего населения, обитающих в отдаленных изолированных горных местностях и в глухих заболоченных лесах некоторых островов, первобытно-общинные отношения и общинно-племенная организация сохраняются в большей мере. Эти народы нередко называют племенами, хотя четкая племенная организация у них отсутствует.

После переселения лесных охотников-собирателей на открытые пространства и перехода их к ручному или плужному земледелию первобытные отношения у них быстро разлагаются. В наши дни при довольно значительной помощи государств создаются условия для более интенсивной хозяйственной деятельности и культурного развития этих народов.

Семья и семейные отношения. В соответствии с большим разнообразием социальных отношений в Юго-Восточной Азии у некоторых малых лесных и горных народов еще встречаются самые примитивные виды парной семьи. Парная семья у представителей ХКТ ручного земледелия сохраняет архаический облик и состоит из родительской пары и детей. Но есть и большие неразделенные семьи. При этом мальчики-подростки уже в 10—12 лет покидают родителей и переходят жить в «мужской дом», где они подготавливаются к инициации. У бродячих охотников и собирателей дети ведут бродячую жизнь вместе с родителями до времени вступления в брак.

Парные семьи у представителей рассматриваемого ХКТ не являются экономическими ячейками общества и поэтому бывают неустойчивы. Брачные обычаи у них просты, и пары возникают чаще всего по обоюдному желанию молодых людей. Строжайшим образом соблюдаются правила родовой экзогамии и племенной эндогамии.

У христиан и буддистов Юго-Восточной Азии существует моногамный брак. Городские и многие сельские семьи по составу малые, но у некоторых народов

(к примеру, у минангкабау) еще существуют большие неразделенные семьи, однако и у них они постепенно сегментируются и превращаются в малые.

У мусульман религиозное право *шариат* допускает многоженство. Повсеместного распространения оно не имеет и встречается главным образом у определенных (наиболее традиционалистских) слоев общества: среднего и мелкого купечества, ростовщиков, зажиточных крестьян. Среди наиболее образованных слоев общества — интеллигенции, квалифицированных рабочих и т.п. — многоженство отвергается по этическим соображениям.

8. Духовная культура и народное творчество

Духовная культура, фольклорное и профессиональное художественное творчество народов Юго-Восточной Азии очень богаты и имеют давние традиции. При этом между духовной культурой разных народов существуют также давние связи, что является следствием тысячелетних взаимовлияний. В Новое и Новейшее время происходит сложение современных национальных культур, впитавших в себя древние традиции и развивающихся сегодня в русле общечеловеческой цивилизации.

Во многих странах региона уже в раннем Средневековье возникли письменность, культурные и научные центры, сложилось профессиональное искусство, была создана обширная духовная и светская литература. Тяжелые последствия для культуры народов Юго-Восточной Азии имела колониальная эпоха. Оказались разрушенными многие традиционные культурные ценности, поэтому возрождение национальной культуры было одним из главных лозунгов в ходе длительной национально-освободительной борьбы, а после достижения национальной независимости стали приниматься энергичные меры по развитию культуры. Большие усилия приходилось прилагать для ликвидации почти сплошной неграмотности.

С древнейших времен, а во многом и до настоящего времени духовная культура народов Юго-Восточной Азии тесно связана с религиозными представлениями и верованиями.

Большинство народов Индокитая, за исключением Малакки, — мьянма, шаны и карены, сиамцы, лао, кхмеры, вьеты — исповедуют разные толки *буддизма*. Так, в Таиланде наиболее распространено одно из буддистских направлений, которое возглавляет король. Он считается также главой кхмерской буддийской церкви. Во всех странах Индокитая существуют группы населения, исповедующие *христианство*. Например, во Вьетнаме католицизм начал распространяться еще в XVII в., позднее возникли и некоторые другие ветви христианства. При этом как буддизм, так и другие религии в немалой мере сочетаются с традиционными народными верованиями — культом предков, аграрными культами, магическими и анимистическими представлениями.

Большая часть обитателей Малайзии и Индонезии — *мусульмане-сунниты*. Но здесь есть и христиане, которые преобладают, например, среди минахасов о-ва Сулавеси. Немало христиан и среди яванцев, батаков Суматры, других народов.

Своеобразна древняя религия жителей о-ва Бали, сохранивших некогда принесенные переселенцами из Южной Азии буддийские и индуистские верования, сложившиеся вместе с древними первобытными верованиями в единую синкретическую религию. На Бали существуют тысячи храмов. Ежегодно балийцы отмечают многочисленные праздники. Особенно пышны праздники жертвоприношений, во время которых под аккомпанемент оркестра-*гамелана* (народный оркестр, в основном из ударных инструментов) исполняется жертвенный танец «пендет». В танцах балийцы достигли большого искусства, и уже много лет труппы балийских артистов гастролируют за рубежом.

На Бали сохранились старинные книги (именуемые «лонтар» — по названию пальмы, из листьев которых они изготовлены), свидетельствующие о высокой древней культуре островитян. В этих книгах, написанных на старинном языке *кави*, рассказывается об истории Явы и Бали.

Наиболее крупные и цивилизованные народы Филиппин исповедуют разные толки христианства, принесенного в колониальную эпоху испанцами, а позднее выходцами из США. Ислам на Филиппинах исповедуют жители Минданао и более мелких островов — народы *моро* (*маранао*, *магинданао* и др.).

Лесные народы, племена охотников и собирателей, часть «ручных земледельцев» Индокитая, Малакки, Индонезии и Филиппин до настоящего времени сохраняют древние первобытные религиозные верования: магические, тотемистические, культ предков и культ мертвых, веру в духов.

Во всех странах Юго-Восточной Азии издавна существовало яркое и совершенное народное искусство. За последнее столетие высокого уровня достигло и профессиональное искусство. Прилагаются усилия для возрождения многих видов народной культуры, народных промыслов, часть из которых почти исчезла в колониальную эпоху.

Весьма разнообразно народное творчество в Мьянме. Очень популярны здесь кукольный театр, театр марионеток и теневой театр, а также театр живых актеров. Исполняемые во время представления танцы основаны на давних традициях, передаваемых из поколения в поколение. Во время новогодних карнавалов устраиваются живые картины из жизни Будды, а также по мотивам Рамаяны и Махабхараты. Богат бирманский фольклор. В 1959 г. этнографом У Тхин Ауну опубликован сборник «Бирманские сказки». Основоположителем современной бирманской литературы считается Такин Кодо Хмаинг (1876—1964) — поэт и прозаик. Его современные последователи продолжают сложившиеся традиции. Еще в 1942 г. в Мьянме была создана ассоциация писателей. В Рангуне и Мандалае действует ряд факультетов университета, а также Школа изящных искусств, где обучают национальной живописи, музыке и танцам.

Длительные традиции имеет народное и профессиональное творчество во Вьетнаме. Еще в XIII в. был создан сборник народных легенд и сказаний. В том же веке появился труд Ли Те Сюена «Собрание таинств земли Вьет». В XVIII в. написан роман в стихах «Кьеу» поэта Нгуен Зу, ставший шедевром вьетнамской литературы. В 20-х гг. XX в. во Вьетнаме возникла национальная проза в духе критического реализма. В 1957 г. был образован Союз писателей Вьетнама. После освобождения Вьетнама от колониальной зависимости в стране осуществлен переход от иероглифического письма к фонетическому письму «куокнгю».

Популярен народный театр «Тео», возникший в Средние века. После завоевания Вьетнамом независимости появилась национальная опера, возродились кукольные театры. Начиная с 1959 г. существует национальная кинематография.

До нашего времени сохранился ряд выдающихся средневековых памятников архитектуры: замки, усыпальницы королей, королевская резиденция в г. Хьюэ.

Традиционно и разнообразно народное и профессиональное искусство Таиланда. Популярностью пользуются богатейший фольклор (частично опубликованный), театр маскированного актера, театр теней. Всемирную известность имеет королевский балет жестов. В стране множество известных архитектурных памятников, в том числе 20 тыс. храмов.

В Индонезии еще в древности сложилась (под влиянием индийского эпоса Рамаяна и Махабхарата) классическая яванская литература. Много литературных произведений было создано в Средние века. Но особенно большого расцвета национальная литература достигла в XVII—XVIII вв., используя многие сюжеты из народных сказаний и сказок. Начиная с 1920-х гг., и особенно после завоевания Индонезией независимости, сложилась профессиональная поэзия и литература. Несмотря на запреты ислама, успешно развивалось профессиональное изобразительное искусство.

Индонезийцы очень музыкальны и любят свою национальную музыку. Особенно распространено исполнение музыкальных произведений оркестром «гамелан». В колониальное время сельское и большая часть городского населения были поголовно неграмотными. В связи с этим особенно большое распространение получил народный театр «ваянг», не утративший популярности и в наши дни. Существуют многие виды «ваянга». Это — кукольный театр, театр марионеток, театр актера. Особенно знаменит театр теней «ваянг-пурво», который издавна пользовался у народа большой любовью. Странствующие актеры устраивали в праздничные дни в селах и на базарных площадях в городах представления «ваянг-пурво». Между двумя деревьями натягивалось полотно, сзади него помещалась масляная (теперь электрическая) лампочка. Актер имел целый набор персонажей пьесы, вырезанных из кожи и раскрашенных. По ходу действия «героев» передвигали между лампой и полотном, на котором отражались их тени. Одновременно актеры комментировали происходящее на экране, играла музыка. Исполнялись пьесы героического содержания, созданные на основе местного и индийского фольклора и мифологии. Представления одной пьесы длились иногда несколько дней, прерываясь каждый раз в самом захватывающем месте, после чего для продолжения представления собирали деньги со зрителей. Очень популярен был театр марионеток, в котором разыгрывались различные актуальные сцены — высмеивались несправедливые действия властей, взяточничество и т.п.

В Индонезии повсеместно большим успехом пользуются любительские и профессиональные песенные и танцевальные коллективы. К сожалению, в последние десятилетия на народное искусство все больше «наступает» американизированная поп-культура, пропагандируемая кино и телевидением.

Особым великолепием отличается индонезийское зодчество. Всемирно известен храм Боробудур на Яве (VI—XV вв.). Это грандиозное сооружение («ступа») из пяти террас. Стены храма покрыты бесчисленными статуями

и барельефами, изображающими сцены из жизни Будды и древней истории Яванского государства.

В сокровищницу мировой архитектуры входят и памятники кхмерского средневекового зодчества, самый известный из которых, храмовый комплекс Ангкор-Ват (XII в.), изображен на государственном флаге Камбоджи.

Много веков насчитывает культурное наследие Филиппин. Еще в XIII в. было создано известное произведение «Марагтас». Развитие литературы характерно и для последующих веков. В конце 1940-х гг. получила развитие литература на тагальском языке (Э. Ховельяно, А. Ройс и др.). В стране работают много талантливых художников (Ф. Рохас, Т. Антильона и др.). Международную известность получили работы скульпторов.

Красивая и мелодичная музыка тагалов и других народов Филиппин весьма популярна в Европе и Америке.

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Народы Восточной Азии развивались под сильным воздействием китайской цивилизации. Поэтому, хотя в этом регионе планеты проживают многочисленные и существенно отличающиеся друг от друга народы, в настоящей главе основное внимание уделено крупнейшим этносам, сложившимся под влиянием китайской цивилизации и постоянно взаимодействующим с ней, а именно китайцам, монголам, японцам и корейцам. Этнография других народов затрагивается лишь в той мере, в какой это необходимо для полноты описания.

1. Китай: страна и народы

Китай — одна из крупнейших стран Азии, население которой приближается к 1,3 млрд человек, в то время как площадь страны составляет 9,6 млн км². Эта территория заселена далеко не равномерно. Она расположена в нескольких природных зонах: в относящихся к умеренному континентальному климатическому поясу областях восточно-азиатского лесного приморья (на северо-востоке) и засушливых степей, полупустынь и пустынь (на севере и северо-западе), во влажных субтропиках (восток центральной части страны) и влажных тропиках (на юге).

Рельеф страны имеет тенденцию к понижению с запада на восток. Лёссовые¹ отложения, распространенные от северных до центральных провинций страны, обеспечивают очень высокий уровень плодородия сельскохозяйственных угодий в этих районах. На юге значительную территорию занимают отроги горных систем Центральной Азии, с многочисленными котловинами и понижениями и красноземными почвами. Речная сеть большей части Китая относится к бассейнам крупных рек — Хуанхэ, Янцзы, Сицзяна, Хуайхэ.

В средней части долины Хуанхэ около 6 тыс. лет тому назад начали формироваться основы китайского этноса и региональной — восточноазиатской — цивилизации. Именно отсюда ведет свое начало первоначальная этническая общность китайцев (*хань*), формируются основы ее земледельческой культуры, создание которой способствовало выработке и развитию традиционных форм культуры местного земледельческого населения.

Север и северо-запад Китая, районы засушливого континентального климата, образуют особый субрегион, где развивалась культура скотоводческого (кочевого) типа.

Антропологически все население Китая принадлежит к тихоокеанской ветви большой монголоидной расы. Однако если южная часть населения относится к южноазиатской малой расе, то северные массивы — преимущественно к дальневосточной. Между этими двумя основными антропологическими зонами расположены области значительной метисации, приходящиеся на центральные

¹ Лёсс — рыхлая мелкоструктурная неслоистая водопроницаемая порода светлой окраски, состоящая в основном из мелких зерен кварца и полевого шпата. По-видимому, имеет ледниково-эоловое происхождение.

и часть северных провинций КНР. В этой зоне распространен характерный тип китайских узколицых монголоидов с выступающими носами, сравнительно слабым альвеолярным прогнатизмом и относительно высоким ростом.

Наибольшая плотность населения — на востоке и юге Китая, где в некоторых районах она превышает 1 тыс. человек на км².

С середины XX в. в Китае началась активная индустриализация. Тем не менее преобладание в стране сельского населения, компактность и высокая плотность этого населения создают условия для устойчивости непрерывно существующих в течение тысячелетий этнических традиций, или, как говорят некоторые специалисты, культуры китайского *суперэтноса*.

На протяжении более 2,5 тыс. лет в Китае функционировала развивавшаяся и совершенствовавшаяся политико-административная система. Ее сердцевину составлял централизованный государственный административно-чиновничий аппарат, освященный традицией и закрепленный строгим распорядком общепринятых представлений. В их фундаменте — мысль о неразрывном гармоническом единстве природы (космоса) и общества, которое представлялось как целостная большая семья, функционирующая по определенным, раз и навсегда установленным правилам. В этой семье забота о предках являлась также проявлением заботы о потомках. Все это связывалось с системой иерархического устройства общества, начинавшегося от императора (сына Неба), переходившего в среду многочисленных иерархически организованных чиновников-управителей и кончавшегося массой «черноголового» народа — так называются китайцы в одном из их древнейших исторических сочинений — «Книге истории» (Шуцзин).

Консолидации китайского этноса способствовали межэтнические взаимодействия ханьцев с различными неханьскими образованиями. Не следует забывать, что Китай был дважды завоеван (в XIII в. монголами, а в XVII в. — маньчжурами), а в первой половине XX в. китайцы отражали японскую интервенцию.

Концепция единства китайского народа могла сложиться лишь в устойчивой этноязыковой и территориальной среде. Однако в живой разговорной китайской речи и теперь сохраняется большое количество локальных диалектов, настолько различающихся и фонетически, и по составу лексики, что китайцы из южных провинций зачастую очень плохо понимают, а то и вовсе не понимают язык северян. А вот письменный язык с его стойкой однозначной иероглификой и единообразным синтаксисом был и остается понятным для сколько-нибудь образованного китайца из любой области страны.

Традиционно китайское население подразделялось на **четыре основные социальные группировки**. Это было *чиновничество* (правители, знать), которое определяло правила внутреннего политического распорядка и администрирование в стране и на местах. Чиновник в течение своей служебной деятельности мог перемещаться из одной провинции в другую.

Наибольшим по численности (до 90% всего населения) социальным слоем было *крестьянство*, которое всем классическим письменным наследием китайской культуры признавалось основой нации, определяющей ее жизненный уклад и благосостояние.

Далее следовали *ремесленники*, обеспечивавшие достаточно высокий потенциал традиционной техники. Ремесленная культура Китая — это очень сложный и высокоорганизованный комплекс. Производство осуществлялось часто небольшими коллективами мастеров или мастерами-одиночками, объединявшимися в профессиональные цеховые организации в городских центрах.

Наименее уважаемым в китайском традиционном обществе слоем считались *торговцы*. Впрочем, реформы последних десятилетий, повлиявшие на характер социальных связей в стране (благодаря провозглашению рыночных форм отношений), сильно воздействовали на оценки деятельности торговцев, их социальный престиж повышается.

Социальные характеристики населения Китая в существенной мере определяются семейно-родственной структурой человеческих групп, восходящей к древним *большим патриархальным* и *патрилинейным семьям* (семейным общинам, кланам).

Китайский клан, т.е. по происхождению кровнородственная группа, ведет счет родства по отцовской линии, обычно имеет свой локальный культовый центр, определенный круг предков-покровителей и даже божеств, является одной из важных структурных основ. Клановые объединения образовывали устойчивые брачные деми, заселяли целиком или по преимуществу целые деревни. Иногда название китайской деревни включало в себя фамилию доминирующего в ней клана. В эпоху современных реформ значение локальных клановых сельских организаций, правовая роль большесемейных коллективов в сельских местностях значительно возрастает.

Китайская традиционная администрация (уездная, областная) непосредственно не вмешивалась в сельский быт и внутренние социальные отношения сельских коллективов. Мелкие противоречия в самих деревнях разрешались клановыми старейшинами, советами кланов или организациями сельской общины, которые в соответствии с общегосударственными установлениями делились на группы из 5—10—100 дворов. Такие же группы коллективной ответственности охватывали и население городов.

Традиционный китайский город представлял собой прямоугольную или квадратную крепость, окруженную валами и стенами, часто ориентированными по странам света. В каждой из стен устраивались въездные ворота, на которые выходили прямолинейные, пересекающиеся под прямыми углами улицы. Часть городского пространства выделялась под государственные учреждения — управы (*ямьни*), под культовые сооружения, храмы. Монастыри различных конфессий чаще располагались в пригородах, предместьях, вне городских стен. Вокруг городов сосредоточивалось сельское население, снабжавшее город сельскохозяйственными продуктами.

Традиционные китайские бытовые постройки возводились преимущественно с использованием каркасно-столбовой техники. Основу любого сооружения (дома или хозяйственной постройки) составляла система столбов, установленных на искусственном глинобитном основании или непосредственно на земле. Столбы соединялись горизонтальными связями, образуя нечто вроде крупной решетки, ячеей которой заполнялись различными стенообразующими материалами. Сами стены не являлись несущими конструкциями и потому могли быть относительно легкими (глинобитными, плетеными, дощатыми и т.п.).

Обычный сельский дом (*фанза*) состоял из двух помещений. На севере Китая в нем обязательно имелся очаг, от которого отходили лежанки (*каны*), снабженные специальными внутренними дымоходами, проводящими горячий воздух от очага. На канах проходила практически вся внутренняя жизнь семьи. На юге страны очаги выносились наружу, а обогрев в холодную погоду осуществлялся с помощью переносных очагов-жаровен. В южных домах каны заменяла довольно простая мебель — кровати, столики и др. Решетчатые окна оклеивались тонкой рисовой бумагой. Потолка не было. Крышу, чаще всего двускатную, поверх решетки крыли соломой, тростником, реже — черепицей.

Городские дома мало отличались от сельских, но иногда в них (у ремесленников и торговцев) мог появляться второй этаж. Возводились помещения для работы и хранения товаров. Наличие и размеры двора зависели от того, каким престижем пользовалась семья. Столь же престижное значение имело устройство ворот; причем существовала традиция позади ворот устраивать — для предохранения усадьбы от злых духов — глухой экран из легких материалов.

Прямоугольный план дома, города, культового сооружения имел глубинную связь с духовными представлениями китайцев, где прямоугольник символизировал Землю, мир человека, тогда как круг являлся выражением космического пространства. Такое соотношение прямоугольника, вписанного в круг, очень широко распространено в символике духовной жизни населения. Оно нашло отражение даже в оформлении традиционной, возникшей более 2 тыс. лет тому назад китайской медной монеты: круглая монетка, с написанными девизами императорского правления на одной ее стороне, имела посередине прямоугольное отверстие. Такие монеты нанизывались в связки по 1 тыс. шт.

В Китае очень рано стали создаваться и непрерывно развивались несколько историко-культурных областей. Однако фактором, объединяющим разные историко-культурные области в единый государственно-хозяйственный организм, оказалась специфическая организация власти, выработанная в пределах сельскохозяйственных равнин бассейна Хуанхэ. Благодаря специальным правилам воспитания чиновников и местных правителей вся культурная жизнь страны была строго регламентирована. Кроме того, действовала устойчивая система мелкотоварного сельскохозяйственного производства, связанная с равномерным распределением по стране мелких ярмарочных центров, обеспечивавших в пределах каждой местности основные потребности населения в ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Наличие постоянно действующих связей между центром и периферией облегчало борьбу с периодически случавшимися стихийными бедствиями — наводнениями, землетрясениями, засухами и т.д.

Дорожная сеть, сложно переплетающаяся и очень густая в провинциях собственно Китая, редееет к окраинам, образуя несколько сухопутных выездов из страны, таких как Великий шелковый путь на северо-западе, дороги в Индокитай на юге. Дороги предназначались для тяжелых, преимущественно двухколесных высоких повозок. В запряжке шли лошади, ослы, быки. В повозки впрягались и люди, особенно в городах, где возникла профессия рикш. Широко использовались пешие носильщики, носившие груз на коромыслах. Их разновидностью были городские водоносы, различные торговцы и т.п. В наши дни основным средством индивидуального транспорта стал велосипед, хотя очень быстро растет и автомобильный парк. Функционируют и другие современные виды транспорта — железнодорожный, водный, воздушный.

В 1671 г. второй маньчжурский император Цинской династии Китая Канси (1667—1721) распространил среди своих подданных так называемый Великий эдикт. Это был краткий свод жизненных правил, состоявший из 16 основных пунктов. Четвертым из этих пунктов, следующим сразу за установлениями, касающимися организации, укрепления и улучшения социальных и семейных отношений, была такая заповедь: «Укрепляйте земледелие и разведение шелковицы, чтобы у вас было что есть и во что одеться».

С точки зрения классификации культурно-хозяйственных типов вся основная территория расселения ханьского этноса принадлежала к типу пашенных земледельцев, однако изначально, исторически, на этой территории существовали две крупные историко-культурные области: северная и южная.

Северная область была связана с бассейном р. Хуанхэ, и преобладающими видами зерновых культур здесь издавна были пшеница, просо, чумиза. С XVI в. сюда проникает (как полагают, с Филиппин) и кукуруза, ставшая одним из важных зерновых растений региона. Из овощных культур особенно характерна была китайская капуста, редька, трубчатый лук, огурцы; из клубневых — батат, свекла и другие. Все эти культуры занимали большую часть посевных площадей. На технические же культуры, лубяно-волоконистые, эфирно-масличные, приходится немногим более 10% общих посевных площадей. Многие культуры дают по два урожая в год.

Основа аграрной техники — вспашка земли с помощью простого плуга. Имеет место большая чересполосица в расположении полей и разнообразие в их конфигурации и размерах. Кроме вспашки, осуществлявшейся с помощью быков, все работы выполнялись вручную. Это было возможно и даже неизбежно при постоянном избытке рабочих рук. Механизация — достаточно примитивная — была связана с обрушиванием риса и оросительными работами (в частности, применение водоподъемных колес).

Южный регион отличает, прежде всего, полностью доминирующая культура заливного рисоводства. Рисовые поля — ячейки (*чеки*) прямоугольной формы — требовали тщательной подготовки посевов, включая пахоту (с использованием в качестве тягловой силы буйволов), четкую планировку и аккуратное выполнение ирригационных сооружений, подготовку рассады и ее посадку, которая осуществлялась вручную на полях, уже залитых водой слоем в шесть-семь сантиметров.

Вегетационный период разных сортов риса составляет от 100 до 180 дней, что создает возможность для сбора двух, а порой и трех урожаев. Даже на севере путем тщательной обработки каждого растения удается зачастую получать два урожая риса в год. На юге значительную роль играют также рыболовство и различные промыслы, развившиеся при использовании продуктов моря и рек. При этом широко использующиеся лодки и другие мелкие суда становятся не только транспортным средством, но и жилищем речных и озерных жителей.

Южные и юго-западные районы Китая дают много разнообразных технических культур, используемых для различных ремесленных целей, в частности это лаковые деревья, сок которых применяется при выделке разнообразных китайских традиционных лаковых изделий. Опытные ремесленники лаковую поверхность украшают сложной художественной резьбой и различной инкрустацией, выполненной преимущественно перламутром. Здесь же распространены

породы деревьев, нагар от древесины которых использовался для производства всемирно известной китайской туши — одной из важных составляющих многообразной китайской письменной и художественной духовной культуры.

Китай не знал масляной живописи, и все живописные полотна китайских художников вплоть до Нового времени выполнялись с помощью туши и красок, наносившихся специальными кисточками, изготовлявшимися из бамбука.

Для еды китайцы используют палочки, а в качестве посуды пользуются пиалами.

Состав еды определяется прежде всего местными сельскохозяйственными ресурсами и продуктами. Одной из самых важных составляющих китайской пищи является рис, из него готовят и алкогольные напитки. Обязательными компонентами любой китайской трапезы являются овощи, острые приправы, в том числе различные перцы и соевый соус. Учитывая оседлый характер китайских поселений и большое число неизбежных пищевых отходов в любом китайском хозяйстве, обязательным было разведение свиней. Хозяйственное значение свиньи отразилось даже в иероглифическом знаке, символизирующем китайскую семью (этот знак состоял из двух компонентов: нижний обозначал свинью, а верхний — крышу над ней). Свинина — один из важных элементов национальной трапезы.

Традиционная одежда китайцев — длинный халат с правым запяхом — теперь становится редкостью. После долгого господства полувоенной одежды синего цвета сейчас широко распространилась партикулярная «европейская» одежда фабричного производства. Сложные китайские прически сохранили значение лишь для свадебных ритуалов.

Китайское традиционное ремесло включает в себя очень обширный круг поделок и изделий, необходимых в быту, хозяйстве, а также значительное число украшений и предметов роскоши. Некоторые области страны, такие, например, как Цзянси, славились изготовлением фарфора, другие, как Сычуань, — изготовлением узорчатых парчовых тканей, вышивок и т.д. Наиболее прибыльными и даже имеющими международное значение областями китайской земледельческой культуры являются шелководство, а также разведение чая. Характерно, что дешевые ткани, холсты, изготовлялись из лубяных растений, а не из хлопка.

Ремесленные изделия производились из бамбука, камня, обожженной глины, медных сплавов, серебра. Сырьевую базу для ремесла создавало также шелководство, которое, как уже указывалось, было одной из основ благосостояния китайцев. В некоторые сложные периоды истории, когда кочевые «варварские» орды на границах Китая обретали особую активность и временами одерживали верх над китайскими военными силами, шелк, шелковые материи и изделия из них становились важными видами дани китайских императоров кочевым завоевателям. Шелк часто использовался в обменных операциях, которые велись между Китайской империей и ее соседями. Шелк, чай и соль издавна служили предметами регулярного китайского экспорта. К этому списку следует добавить китайские металлические зеркала и украшения.

Подразделение основной территории ханьского расселения на две культурно-исторические области все-таки имеет преимущественно исторический,

Уличный каллиграф. Пекин

а не относящийся к современности социально-политический характер. В целом в Китае преобладает единый историко-культурный и этнический массив. Помимо языка, общности этнических представлений, навыков хозяйствования, религиозно-традиционной культуры его объединяет общность социальных, политических, мифологических, литературных и художественных знаний и чувств.

Важным объединяющим элементом в китайской духовной культуре, а через нее в культуре политической, общественной, бытовой являлось мировоззрение, получившее в Европе в XVII в. наименование *конфуцианство* — по имени крупнейшего философа китайской древности Конфуция (Кун-цзы, 551—479 гг. до н.э.).

Под конфуцианством понимается огромный слой общественных, религиозных, духовных взглядов, представлений и обычаев, в котором объединены традиции древнекитай-

ских религиозных воззрений, восходящие к периоду общинно-кланового устройства (культ предков, сакральная роль семьи, вера в покровительство и враждебность многочисленных духов, населяющих китайскую землю и оказывающих постоянное воздействие на жизнь живущих поколений). Эти представления, переработанные, «утвержденные» жизнью многих генераций, превратившиеся в богатую традицию запретов и предписаний, сплелись с концепциями древних философов. Они определяли место человека в системе мироздания, указывали на его положительную духовную сущность. Следует, кроме того, отметить, что некоторые философы придерживались своеобразных (противоречивых) взглядов, считая, что в человеке преобладают злые начала; в противоборствах школ, подчеркивавших преобладание то добра, то зла в человеческой природе, складывалась вся каноническая китайская философская культура и ранние научные представления. Эти традиции направляли творческую активность человека, ориентировали его на богатую героическими примерами древ-

Учение Конфуция зафиксировано в книге «Луньюй» («Обсуждение учения»). В дальнейшем оно стало обрастать комментариями, которые постепенно превращались в незыблемые формулы китайской духовной культуры, такие как отношения между людьми, связь государства и подданного, взаимодействие политической и обыденной жизни, человечность в поведении, строгое соблюдение этикета и ритуалов и т.д.

Главный город о-ва Тайвань — Тайбэй

Столь же велико было влияние письменной культуры, систематизирующей и направляющей морально-этические этнические принципы, отношение к добру и злу, характер верований и их устойчивость, на широчайшие народные слои города и деревни. Народный пантеон насчитывает массу божеств и святых с очень разнообразным набором чисто «практических» функций (бог литературы, бог домашнего очага, боги погоды, природных сил и т.д.). Однако все эти явления непосредственно сочетаются не с самой письменной культурой, а с ее преломлением в народном сознании. Конечно, в современном быту и духовной жизни большая часть доисторических и раннеисторических религиозных идей уже не имеет непосредственного отражения. Частично они остаются в подсознании как способы оценки человеком людских взаимоотношений, представлений о жизни и смерти, месте личности в обществе, роли человека в природе.

Описание духовных народных представлений было бы не полным без упоминания о другом направлении религиозной мысли китайцев — *даосизме*. Это учение, восходящее к трактату «Даодэцзин» («Учение о пути и добродетели») древнего китайского философа, полумифического старшего современника Конфуция Лао-цзы (VI в. до н.э.). В нем речь идет о каждом человеке, который интуитивно избирает определенные формы поведения и жизнедеятельности. Оказавшись в гармонии с окружающей средой, эти формы ведут к жизненному успеху, счастью, добродетели; в случае же неправильного выбора пути (*дао*) человек ввергается в бездну неудач.

Логика и образность даосизма в некотором роде оказались созвучными с распространившимся в течение двух тысячелетий в стране *буддизмом*. Это индийское религиозно-философское учение приобрело в Китае весьма своеобразные формы. Основными его разновидностями стали учение *махаяны* («большой колесницы») и *чань-буддизм*.

Дунгане. Традиционное приветствие. Китай

В настоящее время большая часть китайских верований, сохранившихся в народной среде, обрела крайне *синкретический* вид и образует своего рода идейный фон в китайской духовной культуре, которая в течение нескольких десятилетий признавалась руководством страны в принципе атеистической. В последние годы на фоне экономических и политических реформ многие проявления религии, в том числе и монастырская жизнь буддийских монахов и даосов, вновь оживились. Широкий размах приобрело паломничество к религиозным китайским святыням, крупным храмам и храмовым комплексам, связанным со священными горными вершинами, такими как Тайшань, Утайшань и др.

Неханьские группы населения расселены вокруг устойчивой земледельческой области обитания ханьцев. Это области горных отрогов и засушливых степей. Последние особенно пригодны для ведения определенных видов скотоводческого хозяйства. К скотоводческим народам Китая относятся представители таких этносов, как *монголы, маньчжуры, казахи, уйгуры* и др.

В КНР насчитывается 55 относительно крупных неханьских этнических образований и множество мелких, населяющих преимущественно южные и горные области страны.

Большинство народностей обладают собственными языками и занимают преобладающее положение в определенных местностях. Наибольшим национально-этническим разнообразием отличается Синьцзян-Уйгурский автономный район. Здесь представлены около 50 национальностей, из которых одни принадлежат к культурно-хозяйственному типу скотоводов, другие — типу оазисных земледельцев.

Большой и самобытный по своему историко-культурному облику район составляет *Тибет* с населением, сочетающим горное земледелие, базирующееся на ручной обработке полей и посевах зерновых — ячменя, гречихи и других, сравнительно холодостойких культур, с отгонным скотоводством. Наряду с широким распространением овец (в частности, их карликовых видов) большое

значение имеет здесь разведение яков — горной разновидности крупного рогатого скота с длинной шерстью.

Население Тибета исповедует буддизм нескольких ортодоксальных направлений, в которых преобладают формы, связанные с перерождением высших духовных наставников (далай-ламы, панчен-ламы и др.).

Тибет всегда был известен обилием крупных монастырей, служивших центрами хозяйственной и культурной жизни населения. Некоторые монастыри превращались в городские центры, как это, в частности, произошло с долго остававшейся недоступной и загадочной для европейцев религиозной и политической столицей Тибета Лхасой. Благодаря созданной за время существования КНР системе шоссейных дорог Тибет становится одним из регионов познавательного туризма.

Тибетские селения обычно располагаются на горных склонах и благодаря разным уровням застройки приобретают вид многоэтажных строений, у которых крыши домов нижнего уровня служат как бы балконами или двориками для семей, проживающих выше. В монастырях многоэтажные постройки становятся архитектурными доминантами, яркий пример чего — дворцовый комплекс далай-лам Потала в Лхасе.

Самобытный характер имеют группы пахотных и мотыжных земледельцев, обитающих на южных и юго-западных окраинах КНР. Здесь в условиях большой этнической чересполосицы (народы *чжуан*, *мяо*, *яо* и др.) охарактеризованные выше преобладающие культурно-хозяйственные типы в силу местных этнокультурных особенностей отличаются еще большим разнообразием.

Крупнейший город Китая — Шанхай

2. Монголия и монголы

Территория Монголии — это засушливое плато, пересеченное на юго-западе хребтами Монгольского Алтая и повышающееся в виде крупных гор в других районах. На севере в ее пределы заходит южная периферия таежных лесов. Большую же часть страны занимают засушливые степи, полупустыни и пустыня Гоби.

Скотоводческое население степного пояса отличается относительной разреженностью в силу того, что для выпаса значительных масс скота — овец, коз и лошадей — требуются большие пастбищные угодья. Для прокорма семьи необходимо, чтобы местный житель, занятый кочевым (подвижным) скотоводством, в течение всего сезонного цикла обладал совокупным стадом, насчитывающим не менее 200 животных.

Подвижное скотоводство организуется в отгонных формах. При наличии стабильных поселений пастухи-скотоводы на целые сезоны покидают их, с тем чтобы либо пасти скот на более тучных, строго определенных пастбищах, либо осуществлять постоянные перекочевки в пределах больших, но ограниченных (рельефом или договорами с соседями) территориях.

Наличие коня в хозяйстве скотовода во многом определяет характер быта, формы и скорость передвижения по занимаемой территории. Впрочем, это касается передвижений, не связанных с монотонным ходом крупных овечьих отар. Пути этих отар планируются скотоводами так, чтобы они проходили по местности, где сравнительно равномерно размещены естественные или искусственные источники пресной воды. В Монгольской Республике (как и во входящей в состав Китая Внутренней Монголии) среди топонимов особенно характерны названия, оканчивающиеся термином *худух* («колодез»). Конечно, индустриальная эпоха внесла большие перемены в традиционный ландшафт степи, так же как и в социальную структуру и организацию быта монголов, маньчжуров и других скотоводческих народностей. В горных массивах, к подножию которых подходят покрытые засушливыми степями и полупустынями мелкосопочники, обнаружены большие запасы полезных ископаемых, что способствует росту поселков и городов.

Архитектурный облик современных степных городов по преимуществу формируют многоэтажные здания индустриальной постройки второй половины XX в., по сути дела лишенные этнического своеобразия. Но не они определяют культурную среду такого огромного степного и полупустынного края, как Монголия и прилегающие к ней территории в пределах КНР вплоть до Великой Китайской стены.

Основная особенность монгольской степи — это небольшие поселения скотоводов с характерными купольными переносными жилищами — *юртами*. Основу юрты составляет круглый в плане купольный каркас, сооружаемый из выгнутых решетчатых панелей, поставленных вертикально и опирающихся на расставленные по кругу опорные «ребра жесткости». «Замковым камнем» каркаса является колесовидная конструкция, поддерживаемая в центре специальным шестом-опорой; этот каркас легко собирается и разбирается, связи его частей просты и надежны. Он покрывается кусками войлока (реже кож) опре-

Молодые супруги монголы в своем жилище

деленной формы. С одной стороны круговой обрешетки делается проход с навесной дверью. Свет в юрту проникает через верхнее колесовидное отверстие, служащее также выходом для дыма от внутреннего очага.

Юрта стала характерной деталью кочевого быта и специфической чертой заселенного пространства в степном ландшафте. В ней все четко определено: у каждого члена семьи, у мужчин и женщин есть свои участки площади. Юрта — очень жесткая традиционная модель, символизирующая внутренние социальные связи и семейные отношения, характерные для всего монгольского общества.

Традиционные занятия монголов-скотоводов самым непосредственным образом связаны с жизнью их стад. В домашнем ремесле монголов обработка кож, изготовление войлока, костерезные и деревообрабатывающие работы образуют устойчивый комплекс жизнеобеспечения. Весь скарб кочевника — это итог векового положительного хозяйственного опыта. Так, в кожевенном производстве особое место заняло изготовление сбруй и седел для лошадей и верблюдов, различного рода выючных приспособлений, кожаных фляг, бурдюков, ведер.

Монгольская культура — одно из наиболее стойких проявлений местных культур центрально-азиатских предгорий. Монгольский кочевой мир сформировался к концу I тыс. н.э. Население данного региона, достаточно разнообразное по этнической композиции (*халха-монголы*, *дюрбэты*, *буряты*, *казахи* и др.) и хозяйственным занятиям (рыболовы, охотники, кочевые скотоводы), выработало свои этноязыковые традиции и многообразную материальную и духовную культуру. Появление монголов на арене мировой истории состоялось во времена правления Чингисхана (ок. 1155—1227 гг.) и его потомков, которые установили и в течение века удерживали власть на огромном пространстве материка Евразии. Позднее монгольская кочевая империя распалась на несколько крупных и мелких государственных образований в Азии и Восточной Европе.

Монгольское кочевое население организовано по двум принципам: государственному и этноплеменному. В течение всего Средневековья значительные его группы перемещались по азиатским миграционным путям, оседая на экологически удобных для ведения кочевого хозяйства территориях. Однако центром расселения и источником его устойчивого этнокультурного быта, хозяйства, этнополитического устройства оставались степи Забайкалья и районы современной Монгольской республики.

В XIII в. возникла монгольская письменность (на основе уйгурского алфавита)¹, на которой была создана обширная религиозная и светская литература. Ею до сих пор пользуются во Внутренней Монголии, тогда как в Монгольской Республике она была заменена (1945) письменностью на основе кириллицы. Монгольская религия проявлялась в двух основных формах: племенного *шаманизма* и *буддизма ламаистского толка*, близкого своими корнями и ритуальными формами к тибетскому. У монголов существует значительная устная эпическая традиция. Наиболее крупный ее образец — «Повесть о Гэсэр-хане», где исторический опыт монгольского народа переплетается с тем кругом духовных представлений о жизни и смерти, добре, зле и проч., который отразился в подробно разработанных к XVII в. монгольских законах, восходящих к так называемой «Ясе» Чингисхана, т.е. краткому «уложению» правовых и нравственных норм, определившему важнейшие стороны общественно-политической жизни населения. У монголов, как и у многих кочевых народов, спецификой историко-культурной памяти является то, что устная традиция очень стойко сохраняет разнообразные исторические сведения. Сюда относятся и генеалогии, насчитывающие десятки поколений, и воспоминания о крупных, значительных для народа исторических событиях, и большое число ритуально-религиозных установлений, регламентирующих кочевой быт. Монголы не только прекрасно ориентируются на местности, но и имеют обширную систему ориентационных представлений (значение стран света и их символики в отношении к духовной и религиозной культуре). Очень своеобразно характерное горловое пение монголов.

3. Япония и японцы

Происхождение японцев. Географически Япония является частью Восточной Азии, но островное положение государства предопределило некоторую его специфику в рамках этого региона. Возраст древнейших памятников японского палеолита исчисляется сотнями тысяч лет; Это позволяет считать, что появление самых ранних людей на ее территории произошло лишь ненамного позже, чем в соседних частях материковой Азии. Древние неолитические культуры Японии имеют возраст от 3 до 10 тыс. лет (VIII—I тыс. до н.э.). Их объединяют под именем «дзёмон» («веревочный узор») — по обычному присутствию на поверхности керамики оттисков веревочного штампа. Более или менее прямыми потомками людей эпохи дзёмон можно считать современных *айнов*, небольшую (около 16 тыс. человек) народность, ныне живущую лишь

¹ В монгольской письменности строки вертикальные, но идут слева направо, а не справа налево, как принято у китайцев.

в нескольких округах о-ва Хоккайдо. Сильный рост волос на лице и на теле у айнов, меньшая выраженность у них монголоидных черт по сравнению со всеми их соседями (японцами, нивхами Сахалина, корейцами) в прошлом давали повод некоторым европейским антропологам говорить о генетической связи айнов с европеоидными типами. Однако ныне установлено, что айны имеют общее происхождение с прочими монголоидами Восточной Азии, но обособились от них очень рано, еще до окончательного оформления типичных черт монголоидного облика. Предки айнов и родственные им племена, носители культуры дзёмон, видимо, некогда занимали всю Японию, включая о-ва Рюкю. До середины XIX в. айны Хоккайдо были преимущественно охотниками и рыболовами. В наши дни они почти полностью ассимилированы японцами.

Айн. Рис. конца XIX в. По Л. Шренку

Уже во II тыс. до н.э. в прибрежных частях юго-западной Японии появились австронезийские племена, вероятно, родственные населению Тайваня и Филиппин. Археологические сведения показывают, что у них был свайный тип жилища, отличный от айнских тростниковых наземных хижин и полуземлянок. В это время в Японии начало распространяться примитивное земледелие, в основном корнеплодное (ямс, таро). Неассимилированные остатки этого населения сохранялись на юге о-ва Кюсю под именами племен *кумасо* и *хято* еще до конца VIII в. н.э.

В VI—V вв. до н.э. этнический и культурный облик Японии подвергся существенному изменению. Из Южной Кореи сюда по морю переселились родственные древним корейцам племена *ва* (в другом чтении *ямато*), которые привнесли много новых культурных достижений — гладкостенную керамику, изготовлявшуюся на гончарном круге, металлургию бронзы и железа, навыки разведения крупного рогатого скота и лошадей, а главное — технику поливного рисосеяния. Они интенсивно ассимилировали местное австронезийское и айнское население, передали ему свой *протояпонский язык*, отдаленно родственный древнему корейскому, и создали в юго-западной Японии несколько десятков небольших княжеств, или вожеств, о которых содержатся довольно подробные сведения в китайских источниках начала новой эры, где они именуются «царствами». Археологические материалы подтверждают эти сведения. В конце III — начале IV в. н.э. произошло объединение этих «царств» в единое древнеяпонское государство, постепенно расширившееся на север за счет покорения и вытеснения айнских племен (*эбису*, *эмиси*, или *эдзо* древнеяпон-

ских летописей). Начиная с V—VI вв. н.э. сведения древнекитайских, а затем и собственно японских хроник об исторических событиях приобретают вполне достоверный характер.

В конце VI в. в Японии началось распространение заимствованного из Китая буддизма, а также письменности на китайском языке (вскоре приспособленной и для записи собственно японских текстов) и других элементов китайской и корейской культуры. Страна начала именоваться Ниппон, или Нихон (японское произношение китайского названия *жи бэнь*, т.е. «исток солнца»), а верховный правитель принимает сохраняемый и поныне титул «небесного государя» — *тэнно* (кит. Тянь хуан).

К концу VIII в. н.э. потомки племен ва-ямато, покоренных айнов Центрального Хонсю (*эмиси*), разрозненных групп переселенцев из Китая и Кореи (буддийских монахов, торговцев, ремесленников) окончательно слились в раннесредневековую японскую народность. С этого времени и вплоть до XIX в. Япония практически не испытывала ни крупных внешних войн и завоеваний, ни новых существенных переселений.

В то же время приток культурных влияний извне, в основном из Китая и через Китай из более отдаленных стран, в частности из Индии и Центральной Азии, в той или иной мере продолжался; это были как достижения в материальной сфере, новые технологии и сельскохозяйственные культуры, так и новые компоненты духовной культуры, в частности различные направления буддийской и конфуцианской мысли.

Период с конца XII в. и до *буржуазной революции Мэйдзи* 1868 г. можно назвать эпохой классического феодализма в Японии. В это время власть императора стала чисто номинальной, реально же от его имени правили военные правители — *сёгуны*, представители соперничавших между собой за власть влиятельных княжеских династий. В эпоху правления сёгунов из династии Токугава (1603—1867) был положен конец междоусобным войнам. Это был период не только наиболее спокойного развития японской экономики и культуры, но и наибольшей международной изоляции Японии, когда в страну ежегодно разрешалось прибывать только одному торговому кораблю из Голландии и строго ограниченному числу кораблей из Китая, плавания же японцев за пределы архипелага были вообще запрещены. Именно в это время, в XVII—XVIII вв., окончательно сложились те черты японской традиционной культуры, которые зафиксировали европейские наблюдатели XIX в. и которые в той или иной мере продолжают сохраняться в повседневном быту японцев по сей день.

Япония — гористая и лесистая страна. Почти 130 млн ее жителей сосредоточены всего лишь на 20% территории, на узких приморских равнинах и в предгорьях, а 80% (372 тыс. км²) земель имеют очень редкое население. До начала индустриализации (конец XIX в.) Япония была на 90% крестьянской страной. Сегодня в сельском хозяйстве занято всего лишь 7% населения, но основные направления сельского хозяйства остались те же. Это в первую очередь пашенное земледелие — рисоводство, отчасти разведение других зерновых культур, садоводство и огородничество. Практически ушло в прошлое очень важное еще полвека тому назад шелководство, зато появились современные фермы, специализирующиеся на птицеводстве, мясном и молочном животноводстве,

Феодальный замок XVII в. в г. Мацуэ. Япония

которого раньше в Японии не было вовсе. Если в середине XX в. японские крестьяне пахали на коровах и лошадях и все работы производились ручными орудиями старинного типа, то сейчас для всех работ, включая посадку рисовой рассады, существуют специальные механизмы, довольно миниатюрные, поскольку размеры крестьянских наделов очень малы, обычно не более 1 га на семью.

Более 80% современного населения Японии проживают в городах, причем половина из них — в гигантском мегаполисе, протянувшемся полосой сплошной городской застройки вдоль южного побережья Центральной Японии более чем на 500 км и включающем такие города, как Токио, Иокогама, Нагоя, Осака, Кобе и десятки городов поменьше. Впрочем, большинство жителей деревни не участвует в сельском хозяйстве, а предпочитает ездить на работу в ближайшие города. Полтора-два часа езды от дома до работы в один конец — довольно обычное явление в Японии. Хотя личных автомашин в Японии очень много, часто бывает гораздо экономнее и быстрее добраться до места работы общественным транспортом, более всего пригородными электричками, сеть которых очень густа, а движение организовано исключительно четко.

До 30% населения заняты в сфере обслуживания, 25 — в торговле, 25 — в промышленности, около 10% — в строительстве. Японцы много работают и мало отдыхают. Рабочая неделя в большинстве случаев шестидневная, продолжительность ежегодного отпуска — всего от 7 до 15 дней. Но и этот отпуск обычно берут «кусочками», присоединяя их к праздничным дням.

Социальный состав японцев в целом типичен для наций капиталистической эпохи. Вместе с тем здесь сохраняется пережиток архаической кастовой системы. Униженное, неполноправное положение в японском обществе занимают касты *буракумин*, или *эта* (около 3 млн человек). Они проживают в особых поселках и выполняют непрестижную работу (мусорщики, кожевники и др.).

Японские дети

В старину в деревне можно было видеть крестьянские дома весьма солидных размеров, ибо семьи были большие, да и много трудовых процессов производилось в пределах дома или в подсобных помещениях усадьбы. Под одной крышей часто совмещались жилой дом, кухня, хлев и конюшня. Но в наше время японцы живут очень тесно. Невелики по размерам и городские квартиры в многоэтажных домах, и частные домики в пригородах, да и современные крестьянские жилища тоже довольно миниатюрны.

Традиционное японское жилище это дом на невысоких (до 1 м) сваях, снаружи закрытых стеной, так что внешне он не кажется свайным; ряд столбов поддерживает тяжелую крышу, обычно соломенную или черепичную; стены лишены несущих функций, они сделаны из легкого материала — досок, фанеры, обмазанной глиной и оштукатуренной дранковой решетки и т.д., охватывают лишь часть периметра здания и очень малую часть внутренних перегородок. Остальные проемы перекрываются скользящими в пазах пола и потолка ширмами — снаружи дощатыми ставнями (*амадо*), за ними — легкими решетчатыми ширмами (*сёдзи*), оклеенными прозрачной промасленной бумагой, а внутри дома — рамовыми ширмами (*фусума*), обтянутыми белым картоном. Это позволяет превратить дом в полуоткрытую, насквозь продуваемую беседку в жаркие дни, или же, перегородив его на несколько изолированных «закутков» и полностью закрыв снаружи, утеплить таким образом на ночь или в ненастную погоду.

Войти в дом можно как прямо со двора через открытую на юг веранду (*энгава*), так и через кухню (*дайдокоро*), имеющую земляной пол на уровне двора. Пол веранды — дощатый, а в жилом помещении покрыт обшитыми плотной циновкой соломенными матами (*татами*). Все ширмы и маты стандартных размеров, поэтому легко заменяются и служат модулем и единицей измерения жилища. Маты-татами имеют размер примерно 1×2 м. Маленькое помещение может быть площадью всего в 2—3 татами, большое — в 15—20. Эти же структурные элементы присутствуют и в квартирах городского типа, где они сочетаются с постоянными (несъемными) междуконтактными перегородками и дверьми европейского типа. При входе в японский дом обувь обязательно снимают и по татами ходят в одних носках, а по дощатому полу — в тапочках.

В индивидуальных домах новейшей постройки промасленная бумага заменяется стеклом, картон — пластиком, деревянные рамы — рамами из уголко-

го алюминия. Это ведет не только к лучшей звуковой и визуальной изоляции соседей друг от друга, но и к их большей социальной разобщенности. В деревянно-картонную раму можно без особых церемоний постучаться, слегка отодвинуть ее и окликнуть хозяев; постучаться в глухую дверь с европейской ручкой — как психологически, так и реально — сложнее. В новых домах традиционные дерево, штукковая обмазка, черепица заменяются древесно-стружечными щитами, имитирующими бетон, пластиком, гофрированным шифером или металлом; часть пола застилается не татами, а ковровым покрытием. Современный жилой интерьер во многом еще сохраняет традиционные черты, но доля европейских компонентов в нем постепенно становится все значительнее.

Мебели в традиционном японском доме мало, люди сидят и спят прямо на циновочном полу, подстилая под себя плоские подушки и матрасы, которые — при отсутствии в них надобности — могут быть убраны в стенные шкафы. Низенький обеденный столик (*цукэ*) тоже по использованию может быть убран в кладовку или просто прислонен к стене (обычно для экономии места). В современном интерьере, однако, стали обычны европейские столы, стулья, кресла, а в последние годы XX в. некоторые семьи начали обзаводиться даже кроватями, ранее в японских домах полностью отсутствовавшими.

Японский дом рассчитан прежде всего на обеспечение тени, прохлады и вентиляции в жарком и влажном климате, а не на обогрев в течение короткой и довольно мягкой зимы. Поэтому зимой в нем используются переносные жаровни (*хибати*) или очаг (*ирори*), отапливаемые древесным углем. В наше время их заменяют электрические и газовые обогреватели, которые тоже в основном эффективны, только если находиться непосредственно рядом с ними, помещение в целом они согревают плохо. В заводских цехах, офисных помещениях, больших отелях действует либо центральное отопление, либо — чаще — используется кондиционер.

В основе японской **традиционной одежды** — прямокройный, запахивающийся на правую сторону халат (*кимоно*). Он не имеет застежек и удерживается широким поясом (*оби*), который у женщин охватывает грудь значительно выше талии, а у мужчин, напротив, лежит на бедрах. Кимоно бывают легкие летние; пляжно-банные (*юката*); для сна — легкие, но с марлевой подкладкой (*нэмаки*); обыденные (*косодэ*), с недлинными рукавами; женские парадные, с рукавами, мешкообразно ниспадающими до пола (*фурикодэ*). Для особо торжественных случаев надевают кимоно *мон-цуки* из ткани черного цвета, с белыми фамильными гербами на груди, спине и рукавах. В холодную погоду можно надеть стеганые кимоно на вате (*вата-ирэ*). Под обычным кимоно носят нижнее кимоно светлого цвета, покороче. Часто надевают несколько кимоно, одно на другое. Кимоно может дополняться курткой (*ханпи*), жакетом (*хаори*), сходного покроя, но короче. Низ кимоно может оставаться свободным, ни во что не заправленным, а может — во время работы — заправляться в узкие штаны-ногавицы (*момпэ*, или *момохики*), а в торжественных случаях — в плиссированную длинную юбку-штаны (*хакама*). Все эти виды одежды существуют в мужском и женском вариантах, но различия в покрое между ними невелики, они больше проявляются в цвете и рисунке: ярком и крупном — у женщин, темном и мелком — у мужчин.

В наши дни людей в кимоно на улице можно увидеть очень редко, на работе — еще реже (кроме продавщиц и прислуги в магазинах, отелях и ресторанах японского типа, где женский персонал обязательно одет в кимоно). Обычно кимоно носят или в сугубо неформальной обстановке — дома, на отдыхе, на курорте, — или, напротив, надевают по самым торжественным случаям (например, на свадьбах, выпускном вечере). В повседневной жизни японцы одеваются по-европейски, но в целом более строго, подтянуто и неярко, чем европейцы и американцы.

Японский климат чаще всего делает излишним головной убор — разве что иногда может понадобиться панамка от жгучего солнца. Зато дождевые зонты — насущная необходимость, как и веер, и их в Японии множество разных видов, как традиционных, из бамбуковых лучин и бумаги, так и современных европейских форм. Еще недавно были в ходу широкие традиционные соломенные и бамбуковые шляпы и дождевые накидки, но в наши дни их чаще увидишь в музее, нежели в поле, как и соломенные лапти и сандалии. Деревянные туфли-скамеечки (*гэта*) носят и сегодня, а в комплексе с кимоно обязательны гэта или сандалии (*дзори*), ныне изготавливаемые из пластика и ткани. Эта японская традиционная обувь не имеет верха, кроме пары ремешков, которые пропускаются с внутренней стороны большого пальца ноги, как у пляжных сандалий. Соответственно носки, носимые с такой обувью (*таби*), шьются с отдельным пальчиком для большого пальца, как варежки.

Пища — тот компонент материальной культуры, в котором традиционные этнические предпочтения сохраняются обычно очень прочно, и это правило в полной мере относится и к Японии. В японских городах, конечно, можно на каждом шагу найти кафе и рестораны с французской, итальянской, китайской и индонезийской кухней, но тем не менее японские традиционные формы питания решительно преобладают в общепите, не говоря уже о домашнем быте, где их доля еще больше. Для японской кухни, как и для китайской, характерно сочетание основной и дополнительной пищи — по-японски *сюсёку* и *фукусёку* (кит. *чжюши* и *фуши*). Сюсёку — крахмалистый компонент, являющийся основным источником калорий. Это прежде всего *гохан* — круто сваренный, комковатый, слабо рассыпчатый рис, который удобно есть палочками. Завтрак, обед и ужин включают в себя примерно равные (3 пиалы) количества гохана. На завтрак гохан может заменяться жидковатой кашей (*каю*, или *асагаю* — «утренняя каша»), в обед — разными видами лапши (рисовой, пшеничной, гречишной). В особых случаях, в частности в дороге, могут встретиться и другие формы сюсёку — сваренные на пару или слепленные колобки. Сюсёку всегда готовится без добавления жира и соли и почти всегда без каких-либо специй и пряностей (иногда к колобкам добавляется кунжутное семя, к рисовой каше — красные бобы, придающие ей розовую окраску, но это бывает относительно редко).

Фукусёку, т.е. «дополнительная еда», содержит сравнительно мало калорий, но является главным источником белков, витаминов и придает вкус пресной основной еде. В основном это овощи и рыба, а также другие морепродукты в самых разных видах — просто сырые, но достаточно мелко нарезанные, смоченные уксусом и неизменным остро-соленым соевым соусом, маринованные, квашеные, соленые, засахаренные (рыба тоже), тушеные, жареные на сковороде и на гриле, вареные в воде и на пару и т.д.

Большое место в пище занимают продукты из соевых бобов — соусы, ферментированные пасты, служащие как для добавления в разные блюда, так и основой для супов, соевый творог разной консистенции и другие продукты. Мяса японцы едят немного, оно остается довольно дорогим, а в ряде случаев и очень дорогим деликатесом и чаще всего подается на пирушках как сопровождение к выпивке.

Основные алкогольные напитки делаются из риса: это *сакэ* крепостью до 16—17°, получаемое без перегонки, брожением и фильтрованием, и водка *сёто* крепостью 50—60° (сёто чаще пьют, разбавляя горячей водой, а сакэ — подогретым). В XX в. самым популярным напитком стало пиво. Из безалкогольных напитков важнейший — чай, как зеленый, так и красный, а также особый зеленый порошковый чай (*маття*), предназначенный для специальных торжественных чаепитий, так называемых чайных церемоний (*тя-но-ю*). Этот чай, очень горький и насыщенный, в виде взбитой (кисточкой) пены, пьют небольшими, на два-три глотка, порциями.

Как в жилище, так и в образе питания японцев можно видеть синтез традиций, восходящих к австронезийско-тихоокеанской, приморско-субтропической модели жизни, с континентальными, прежде всего китайско-корейскими, влияниями.

Религиозная ситуация в Японии уникальна. Лишь 30% населения связывают себя с какой-либо религией, а 70% являются в сущности стихийными атеистами. Тем не менее большинство населения страны в определенных случаях отправляет обряды параллельно двух, а иногда и трех религий, потому что неисполнение обрядов расценивается обществом как неуважение к памяти предков и историческим традициям нации. *Синто* («путь богов») является национальной религией, и ее культ отправляется почти в 80 тыс. храмов, у многих из которых есть свои собственные божества, объекты культа, свои праздники, обрядность, мифология. Эти храмы довольно условно объединены в Общепонскую храмовую ассоциацию. Их прихожане одновременно являются прихожанами буддийских храмов, каждый из которых принадлежит к одной из многих десятков очень различающихся, но в основном взаимно лояльных школ буддизма. Около 1% японцев являются христианами разных деноминаций и до 10% — адептами так называемых новых религий, возникших в XIX—XX вв. чаще всего на синкретической синто-буддийской основе.

Современные японцы проводят обряд родинного посвящения (на 30-й или 31-й день после рождения) и конфирмации (15 ноября — для детей, достигших в данном году 3, 5 или 7-летнего возраста) в синтоистских храмах. Браки также традиционно освящались в этих храмах, но в последнее время более модно стало венчаться у протестантского священника (не столько в церкви, сколько в ритуальном зале при гостинице). Наконец, почти для всех японцев (кроме христиан) практически единственная возможность провести похороны — кремацию, захоронение урны, отслужить панихиду и поминальные службы — совершить все это через буддийский храм.

Японская семья внешне строится на безоговорочном культе мужчины — мужа и главы семьи, в действительности же часто мужа прочно находятся под каблуком у своих жен. Нечто вроде религиозного обожания окружает нередко и старшего сына. Обратной стороной этого культа являются частые случаи

Процессия монахов в ходе службы в синтоистском храме в г. Мацуэ. Япония

самоубийств пожилых мужей или молодых людей, когда они «не оправдывают надежд» своей семьи, потеряв престижную работу или провалившись на вступительных экзаменах в престижный вуз. По сей день во многих семьях очень велика роль семейных традиций. Существуют не только «династии» потомственных военных, моряков, священников, художников, артистов, но и «династии» рестораторов, поваров, фабрикантов сакэ или соевого соуса, садовников, коневодов и т.п., насчитывающие порой значительный ряд поколений.

Раньше, особенно на селе, велика была роль *додзоку* — патронимических или клановых организаций, объединявших группы семей, восходящие к единому предку. Малая механизация сельского хозяйства сделала ненужными обычаи родственной взаимопомощи, и клановые связи потеряли прежнее значение. Однако их аналоги, базирующиеся не столько на реальном, сколько на условном, «искусственном», родстве, до сих пор определяют организационную структуру и систему взаимных обязательств в так называемых *якудза* — мафиозных группировках, контролирующих проституцию, наркоторговлю, игорный бизнес и т.д.

Основным праздником в Японии считается Новый год, который — с учетом предновогодней подготовки, устройства временных алтарей, изготовления украшений, проведения посленовогодней обрядности и завершающего ее «тондоэки» — сожжения использованных украшений в огромном костре при храме — растягивается на добрых три недели. Ранее Новый год приходился на первый день первого лунного месяца, обычно в середине февраля. Сейчас он,

как и прочие праздники, перенесен на новую дату — 1 января, что приводит к сезонным несоответствиям: одним из символов Нового года являются цветы японской сливы, но в январе она еще не цветет, и приходится в украшениях использовать искусственные цветы; обряд «первой борозды» японцы вынуждены проводить по полю, покрытому снегом, и т.д. Наступление Нового года знаменуется специальной домашней трапезой, массовым посещением синтоистских храмов и многими другими обрядами и обычаями. Из многочисленных прочих календарных праздников отметим День поминовения *о-хиган* — в дни весеннего и осеннего равноденствия; День снисхождения душ предков *о-бон* — в середине июля (кое-где — в середине августа); День девочек — 3 марта; День мальчиков — 5 мая; День рождения императора (нынешнего — 13 декабря).

Как высокоразвитой индустриальной стране Японии свойственны в целом те же достоинства и недостатки «общества благополучия» и «общества массового потребления», что и странам Европы и Америки, стоящим на сходном уровне экономического развития. В то же время от западных стран Японию отличают гораздо более прочно сохраняющийся дух патерналистских (если даже не патриархальных) отношений старших и младших, большее осознание коллективной ответственности и корпоративных интересов, преобладание группового над личным, особое внимание к внешнему соблюдению приличий и традиций и другие черты, в общем сводимые к глубоко укоренившемуся наследию конфуцианской этики. Однако общественный климат Японии подвержен довольно интенсивным изменениям, и коллективистские конфуцианские ценности подвергаются все более глубокой эрозии и замене ценностями современного западного индивидуализма.

4. Корея и корейцы

Корея — страна на Корейском п-ове в Восточной Азии. Со времени окончания Второй мировой войны, когда страна была разделена по 38-й параллели, существуют два корейских государства: 15 августа 1948 г. на территории Южной Кореи была провозглашена Республика Корея (РК), а 9 сентября 1948 г. в северной части Кореи создана Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Сложные отношения, возникшие между двумя государствами, усугублялись борьбой стоявших за ними великих держав — США и СССР, а также Корейской войной 1950—1953 гг., которая принесла корейскому народу неисчислимые жертвы и огромный экономический урон. Война закончилась перемирием в 1953 г.

Общая численность населения Кореи — 67,2 млн человек (1992); из них в Республике Корея проживают 43,6 млн человек, а в КНДР — 22,6 млн. Корея (и КНДР и РК) — мононациональная страна, корейцы составляют абсолютное большинство населения. За пределами Кореи живут 5 млн корейцев (в России, Узбекистане, Казахстане, а также в Китае, Японии, США и других странах).

По антропологическому типу корейцы принадлежат к тихоокеанской ветви большой монголоидной расы. В лингвистической классификации народов мира корейский язык занимает относительно изолированное положение (впрочем, ряд ученых связывает его с языками алтайской семьи).

На протяжении истории самоназвания корейцев менялись. Одно из ранних самоназваний — *корё сарам* («люди страны Корё») — восходит к наименованию государства Корё (918—1392). В наши дни этот этноним характерен для российских корейцев и корейцев, проживающих в странах СНГ. Со времени Средневековья вплоть до середины XX в. самым распространенным было самоназвание *чосон сарам* («люди страны Чосон»), восходившее к наименованию государства Чосон, когда правила династия Ли (1392—1910), которое в свою очередь повторило название одного из древнейших корейских государств (древний Чосон существовал в VII—II вв. до н.э.). После раздела Кореи в 1945 г. — и особенно после создания КНДР и Республики Корея — для корейцев КНДР стал более употребительным этноним (связанный с политонимом) *чосон сарам*, а для корейцев Республики Кореи — этноним (также связанный с политонимом) — *хангук сарам* («люди страны Хан»), который восходит к наименованию древнейших народов, проживавших на Корейском п-ове в первых веках нашей эры.

Материалы археологии с несомненностью свидетельствуют, что Корейский п-ов был заселен человеком уже в палеолите, а в период неолита и бронзы насельники Кореи уже имели богатую и разнообразную культуру. Возможно, в этногенезе корейцев приняли участие палеоазиатские, австронезийские (малайско-полинезийские) и протоалтайские племена. Протоалтайский компонент, по-видимому, оказался в этногенезе корейцев решающим.

Занятия. Традиционное занятие корейцев — пашенное земледелие с преобладанием поливного рисосеяния. В горных районах сеют также кукурузу; повсеместно выращивают просяные (чумизу, сорго) и бобовые культуры. Среди технических культур — хлопчатник, табак, кунжут. Особое значение имеет культивирование женьшеня. Широко распространено огородничество (преобладает грядковая система); корейцы выращивают овощи (лук, чеснок, тыкву, баклажаны, картофель, батат, огурцы, помидоры), дыни, арбузы. Из фруктовых культур распространены яблони, груши, цитрусовые. Животноводы разводят тягловый скот, свиней, в меньшей степени — овец и домашнюю птицу. Одна из древнейших отраслей сельского хозяйства — шелководство. Традиционное рыболовство сосредоточено вдоль побережья; кроме рыбы добывают каракатиц, крабов, креветок, трепангов, моллюсков. До сих пор сохраняется подводный промысел (добыча водорослей, жемчуга и других продуктов моря), которым занимаются *чамнё* — «ныряющие женщины». Оснащение рыболовного флота современными судами позволяет корейским рыбакам вести лов вдали от берегов Кореи.

К числу традиционных ремесел относятся производство керамики, фарфора, лаковых изделий с инкрустацией перламутром, плетение из соломки, вышивка. Издавна Корея славилась изготовлением разнообразных сортов бумаги. Эти виды ремесла и декоративно-прикладного искусства сохраняются и поныне.

К концу XX в. КНДР и РК стали индустриально-аграрными странами, в производстве которых применяются самые высокоразвитые технологии. Не случайно Республику Корею в мире образно называют одним из «молодых драконов» или «молодых тигров» Азии.

Материальная культура. Для современной Кореи характерно сочетание национальных традиций, складывавшихся в течение многих столетий, с элементами мировой культуры; причем в КНДР восприятие мировых образцов шло через русскую, советскую культуру, а в Республике Корея — через американскую. На развитие материальной культуры корейцев во второй половине XX в. огромное влияние оказал быстрый процесс урбанизации.

В области жилища последние десятилетия отмечены переходом от одноэтажных построек, которые в первой половине XX в. были характерны не только для сельских районов, но и для городов Кореи, к многоэтажным и даже высотным зданиям.

Яркими примерами новой застройки в КНДР являются отстроенные после войны 1950—1953 гг. Пхеньян, Вонсан, Хамхын и другие города с их проспектами, зелеными парками, площадями, нарядными набережными. В Республике Корея современная архитектура определяет облик таких городов-мегаполисов, как Сеул, Инчхон, Тэджон, Тэгу, Кванджу, Пусан.

В создании нового облика Сеула большой вклад внесли выдающиеся архитекторы Ким Джуноп (получил образование во Франции) и Ким Сугын (получил образование в Японии). Своеобразие Сеула заключается в том, что город представляет собой калейдоскоп как древних, так и современных построек. Высотные здания соседствуют с королевскими дворцами, частными домами, монастырями, храмами и воротами.

Традиционное корейское сельское **жилище** имеет каркасно-столбовую конструкцию. Преобладают наземные жилища. Свайные сооружения более характерны для построек хозяйственного, а в прошлом — ритуально-церемониального назначения (храмы, дворцы). Корейский сельский дом одноэтажный, прямоугольный в плане, с особой системой отопления *ондоль* («теплый пол»), проложенной под полом жилых комнат.

Этнологи выделяют три основных типа жилых построек: однорядный дом (*ветхонджип*), все помещения которого расположены по одной линии под основной балкой крыши; двухрядный дом (*янтхонджип*) — жилые и подсобные помещения размещены в два параллельных ряда под одной крышей; и наконец, трехрядный дом (*сагёнджип*), в котором под одной крышей комнаты расположены в три параллельных ряда. Однорядные дома распространены в северо-западных, центральных и южных районах Корейского п-ова. Двухрядные — в северо-восточных районах, в провинциях Канвон, Северная и Южная Хванхэ, а также на побережье Желтого моря. Трехрядные дома — в центральных и южных провинциях Кореи. В провинциях Северная и Южная Хванхэ и в провинции Канвон присутствуют все три варианта.

Большим разнообразием отличаются кровли сельских домов, сделанные из черепицы или соломы.

Особенности традиционного корейского жилища отчетливо выражены в однорядном доме (*чип*), который состоит из кухни (*пук*), двух жилых комнат — нижней (*арыппань*) и верхней (*уппань*), а также веранды (*нокто*), идущей по всей длине фасада жилых комнат. В кухне расположен очаг, в который вмазаны один большой и два-три маленьких котла для приготовления пищи и подогрева воды. Топка обычно делается ниже уровня пола кухни. Под домом от топки печи прокладываются несколько рядов дымоходов, по которым растекается теплый воздух от очага.

Корейский дом фасадом обращен во внутренний дворик. Усадьба обносится оградой, крытой черепицей. Внутри даже самого маленького двора есть место для садика-цветника. Особая площадь выделяется для хозяйственных построек.

Интерьер традиционного корейского дома определен системой отопления — наличием «теплого пола» в жилых комнатах. «Теплый пол» обычно покрывают плотной промасленной бумагой и застилают циновками. Традиция ондоля настолько сильна, что этот принцип отопления сохраняется во многих многоэтажных современных домах — как в КНДР, так и в РК, — только вместо дыма по трубам пропускается горячая вода. Пол содержится в большой чистоте, при входе в помещение обувь снимают. На «теплом полу» корейцы сидят, принимают пищу, занимаются домашней работой, спят. На день спальные принадлежности — тонкие ватные одеяла (*ыбуль*) и продолговатые, украшенные вышивкой подушки (*негэ*) — складывают на сундуки, стоящие вдоль стен.

К традиционным предметам интерьера корейского дома относятся шкафы для посуды и утвари, низкие этажерки для книг и письменных принадлежностей, сундуки для платья (*хам*). Особую роль в жизни и быту каждой корейской семьи играют низкие (высотой 30—35 см) обеденные столики (*собан*, *папсан*). Они не находятся постоянно в жилом помещении, как это имеет место в интерьере европейского жилища. Обычно их приносят к началу трапезы уже сервированными и по окончании еды уносят. Нередко вокруг одного столика садится вся семья; старшим членам семьи (особенно деду, отцу, мужу, старшему брату, старшему сыну) или уважаемым гостям иногда подают отдельные столики.

В настоящее время наблюдается широкое проникновение мебели европейского типа в быт горожан и жителей сельских районов. Европейская мебель характерна для интерьера официальных помещений, учреждений, отелей, гостиниц. В городских квартирах европейской мебелью обставляют комнаты, не имеющие ондоля.

Корейская традиционная одежда делилась по своему назначению на повседневную, праздничную, обрядовую и т.п. Социальные различия проявлялись в качестве материалов.

Народная мужская одежда состояла из куртки (*чогори*), которая запахивалась на правую сторону и держалась на завязках, и широких штанов (*пади*). Костюм обычно делался из белой ткани (для зимы — на вате). Штаны закреплялись у талии широким и длинным поясом, а у щиколотки штанины завязывались тесемками и заправлялись в белые матерчатые носки (*посон*). Непременной деталью традиционного мужского костюма были шляпы (*кам*), сплетенные из конского волоса или из тончайших пластин бамбука, окрашенных в черный цвет. Такая шляпа имела небольшие поля и высокую тулью; она держалась на голове с помощью тесемок. Одним из ее главных назначений было прикрывать традиционную мужскую прическу (собранные в пучок длинные волосы, пучок крепился на макушке). Под шляпу (на лоб) надевалась специальная повязка (*мангон*).

Женская одежда состояла из короткой кофты (*чогори*) с узкими или широкими длинными рукавами, широких штанов и широкой запашной, сшитой в сборку юбки (*чхима*), подвязываемой выше талии также широким длинным поясом.

Детская одежда по своему покрою почти не отличалась от одежды взрослых.

На протяжении многих веков излюбленным цветом одежды корейцев был белый. Не случайно в литературе Корею поэтично называли «страною белых аистов». Белый цвет и сегодня остается любимым цветом корейцев. Однако национальная одежда, как в КНДР, так и в РК, практически ушла из повсеместного повседневного обихода. Подавляющее большинство населения носит европейскую одежду современных фасонов. В наши дни более стойко сохраняется женская национальная одежда. Происшедшая в ней модернизация способствовала сохранению костюма в целом. Более того, престижная роль женского национального костюма в КНДР и Республике Корея сегодня особенно высока. Праздничная одежда корейцев отличается богатым сочетанием красок. В качестве праздничного широко распространен несколько видоизмененный национальный костюм девочек: короткие ярко-красные юбки и ярко-розовые кофты. Рукава кофт иногда целиком шьются из чередующихся узких разноцветных полосок: красной, желтой, голубой, белой, зеленой, розовой, синей.

Традиционные черты стойко сохраняются в **пище**. Хотя в меню столовых, кафе и ресторанов можно встретить блюда европейской и американской кухни, корейцы дома и на работе предпочитают изделия национальной кухни. В их рационе значительное место занимают кушанья растительного происхождения. В пищу корейцы употребляют также рыбу, птицу, мясо (главным образом свинину). Основным блюдом корейской трапезы является сваренный на пару без соли рис (*нан*), основной приправой к которому служат пастообразная соя (*твенджан*) и жидкий соевый соус (*канджан*). Из соевых бобов готовят соевый пресный творог тубу (*тыби*), которым заправляют супы. Иногда тубу едят в жареном виде; его добавляют также в разные блюда. В пище корейцев широко используются черный и красный перец, чеснок, укроп; особенно много перца употребляют жители южных провинций. Повседневным кушаньем являются маринованные овощи *кимчи* (обычно из солено-квашеной салатной капусты, но иногда и из других овощей — редьки, моркови, огурцов, лука, помидор, дыни, репы). Из овощей готовят различные салаты и горячие блюда (*чхэ*). Постоянно употребляют фрукты. Своеобразными национальными блюдами являются: *хве*, приготовляемое из сырой рыбы (иногда мяса), *кэджан* — бульон из собачьего мяса. Разнообразен ассортимент блюд из курятины. Традиционная пища делится на повседневную и праздничную (или обрядовую). Непременным компонентом праздничной еды считается *чхальтток* («отбитый рис»). К праздникам готовят паровые рисовые хлебцы (*чинпхён*) и кондитерские изделия (*кваджуль*). Рис и приправы подаются в отдельных пиалах. Как и другие народы Восточной Азии, корейцы для еды используют палочки и плоские ложки (для жидкой пищи). Из спиртных напитков наиболее известна рисовая водка (*суль*, *сури*), которую пьют подогретой; популярна также водка, настоянная на корне женьшеня. Лишь со второй половины XX в. определенную роль в пище корейцев стали играть молоко и молочные продукты, ранее почти не употреблявшиеся.

Семья. Семейная обрядность. У корейцев до сих пор сохраняется своеобразная отцовская экзогамная система отношений между родственниками, называемая по-корейски *пон* («корень», «основа»). Члены такой группы считаются близкими родственниками, браки между которыми запрещены. В каждой семье сохраняется родословная книга (*чокпо*).

В условиях урбанизации все более сильные позиции занимает малая семья, состоящая из родителей и детей, а также одного или двух родителей мужа. В прошлом родители обычно оставались жить в семье старшего сына, сейчас это правило часто нарушается. Отличительная черта корейской семьи — уважительное отношение к старшим (освященное конфуцианской этикой), особенно к отцу, а после его смерти — к старшему брату. Одна из главных забот родителей — дать детям, особенно сыновьям, хорошее воспитание и образование.

Важнейшей добродетелью молодой жены — невестки в доме супруга — народная традиция считает ее умение ладить с родителями мужа, уважать их и заботиться о них. Корейские семьи еще недавно были многодетными. В последние годы повсюду типична малодетность.

Укреплению родственных связей и контактов способствуют семейные праздники, среди которых особое место занимают следующие: день, когда ребенку исполняется один год, свадьба и 60- (*хванган*) и 70-летние (*кохи*) юбилеи. В проведение этих традиционных семейных торжеств современность вносит много нового. Так, свадьбу в городах все чаще проводят в государственных дворцах бракосочетаний; в таких случаях жених одет в европейский костюм, а невеста — в белое свадебное платье европейского фасона. Свадебное пиршество обычно устраивают в ресторанах. В обеспеченных семьях молодые сразу после торжества отправляются в свадебное путешествие.

Традиционные народные праздники восходят к лунно-солнечному календарю. Сохраняется празднование Нового года по лунному календарю, весеннего праздника (*Хансик*), летнего (*Тано*), осеннего (*Чусок*). Во всех календарных праздниках наиболее выразительно звучат два мотива: аграрные культы, а также обычаи и обряды, связанные с культом предков. Так, и в наши дни во время осеннего праздника Чусок, связанного с завершением сельскохозяйственных работ, в Республике Корея многие горожане устремляются в сельские районы для того, чтобы посетить могилы предков и провести праздник в кругу родственников.

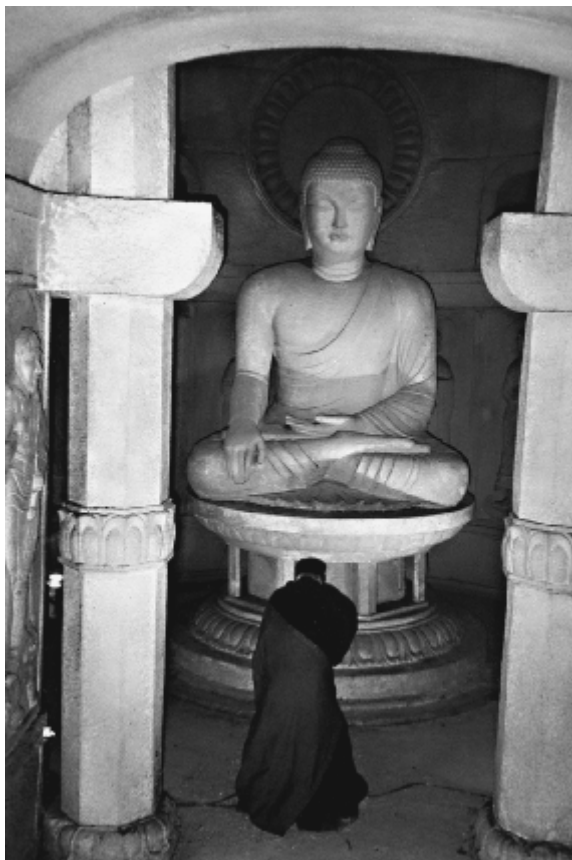
Религии. В системе традиционных религиозных представлений — анимизм, шаманизм, культ мифологических первопредков, «основателей» государств. Особо почитается *Тангун*, который, согласно традиционной хронологии, в 2333 г. до н.э. «основал» государство Древний Чосон. В Республике Корея — День рождения Тангуна (по григорианскому календарю 3 октября) — государственный праздник, именуемый Кэчхонджоль («Праздник Открытого Неба»). В IV—VI вв. в Корею проник *буддизм* (направления *махаяна*). В период Трех государств — Когурё, Пэкче и Силла (I в. до н.э. — VII в. н.э.) — корейцы познакомились с конфуцианством и даосизмом. Буддизм оказал значительное влияние на развитие многих сторон корейской культуры; в эпоху династии Корё (919—1392) он был государственной религией. С конца XVIII в. в Корею проникло христианство (католичество). В середине XIX в. в условиях социально-экономического и идеологического кризиса возникла религия Тонхак («Восточное учение»), созданная религиозным реформатором и философом Чхве Джеу (1824—1864) в противовес христианству (*сохак* — «Западное учение»); в 1904 г. религия Тонхак была переименована в Чхондогё («Религия Небесного пути»). Последователей Чхондогё и в наши дни немало как в КНДР, так и в Республике Корея. В 90-х гг. XIX в. в Корею стал проникать протестантизм. В последние десятилетия роль протестантской церкви особенно усилилась.

Из верующего населения Республики Кореи (54% всех жителей страны) 51,2% причисляют себя к буддистам, 34,4 — к протестантам, 10,6 — к католикам, 1,8% — к конфуцианцам. В РК насчитывается более 240 «новых религий». Кроме того, в стране проживают около 20 тыс. мусульман.

Культура. Корейцы — народ с богатейшей культурой. КНДР и РК — страны сплошной грамотности, в которых образование, расходы на образование и науку составляют одну из самых значительных статей бюджета. Образованность всегда очень почиталась в Корее, за последние десятилетия центральное место отводится подготовке научно-исследовательских кадров.

В основе национального корейского языка лежит сеульский говор центрального диалекта. В современном корейском языке различаются шесть диалектов. Носители каждого из них вполне могут объясняться друг с другом. До первой половины XV в. корейцы не имели своей письменности и использовали иероглифическое письмо, заимствованное в начале нашей эры из Китая. Однако уже в раннем Средневековье (IV—VII вв.) были предприняты попытки использовать китайские иероглифы для фонетической записи корейской лексики, названий, а также грамматических форм; была создана система *иду*. Корейский алфавит *хангыль* создан группой ученых в 1443 г. Тем не менее иероглифика еще многие столетия занимала главенствующее место в официальном делопроизводстве и литературе. В наши дни в КНДР национальный алфавит является основным, а в Республике Корея — используется система смешанного иероглифическо-буквенного письма.

Основой корейского музыкального строя является пентатонная (пятизвучная) гамма. Среди струнных инструментов особой популярностью пользуются *комунго* и *каегым* (струны комунго делаются из скрученных шелковых нитей). В состав корейского национального оркестра наряду со струнными инструментами входят духовые — свирели, флейты, трубы из металла и бамбука. Многочисленны ударные инструменты, в особенности барабаны.

Статуя Будды в пещерном храме Соккурам VI в., г. Кёнжу. Корейская Республика

В КНДР и РК широко распространена европейская музыка, имеются государственные симфонические оркестры.

Одним из жанров корейского народного искусства являются танцы в масках (*тхальчхум*). Актеры в масках и ярких костюмах, как правило, разыгрывают целые представления, включающие сольные и групповые народные танцы, музыку и песни, прибаутки и диалоги. Письменные источники свидетельствуют, что уже в период Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла) и в эпоху Объединенного Силла (VII в. — начало X в.) корейцам были известны танцы в масках. Еще в середине XX в. они сохранялись в крестьянском быту. Несомненно, что в прошлом танцы в масках имели ритуальное, сакральное значение, большая их часть исполнялась во время новогоднего праздника или в восьмом лунном месяце — в период начала сбора урожая. Большую историко-культурную ценность имеют и сами маски.

Из искусства песенного сказа *пхансори* сформировалась корейская национальная опера *чангык*. Ее реформатором считается Син Джахё (1812—1884). В постановке Син Джахё участвовало несколько исполнителей, в том числе и женщины. Первой актрисой на корейской сцене стала его ученица Чхэ Сон. Современная опера чангык, получившая особое развитие в КНДР, исполняется в сопровождении оркестра народных инструментов. В нее введены хоры, массовые танцы, представление украшают живописные декорации, тщательно продуманный и подобранный реквизит, костюмы, световые и шумовые эффекты.

Богат мир корейской сказки. В ней звучит любовь к родной земле, восхищение красотой «Страны утренней свежести»; воспеваются прекрасные человеческие качества — благородство, преданность родителям, находчивость и оптимизм. В волшебных сказках чудесный олень помогает бедному юноше жениться на прекрасной небожительнице; тигр (он же Горный дух или слуга Горного духа) помогает добрым людям бороться со злом. В бытовых сказках часто воспеваются добрые и находчивые герои, преданные жены (красавица Чхунхян) и дочери. Такова девушка Симчхон, пожертвовавшая жизнью ради прозрения ее слепого отца.

В корейском фольклоре много красочных легенд о природных достопримечательностях страны. Согласно одной из них, вода в реке Тэдонган изумрудного цвета, оттого что в ней растворились драгоценные камни, добытые юношей для своей возлюбленной; это чудо свершилось в знак подтверждения слов девушки о ее любви и преданности молодому человеку, в знак залога их будущей счастливой жизни. В XVIII—XIX вв. многие наиболее популярные сказки, легенды и предания были обработаны и записаны авторами, оставшимися неизвестными, в «Книгу рассказов» («*Ияги чхэк*»).

Корейская литература развивалась в тесной связи с устным народным творчеством. Первоначально языком корейской литературы была китайская иероглифическая письменность. Огромное влияние на развитие корейской литературы оказало изобретение в XV в. корейского национального алфавита *хангыль*. Один из выдающихся поэтов древности — Чхве Чхивон (IX в. н.э.), многие из произведений которого дошли до наших дней. Важный вклад в развитие корейской литературы внес талантливый поэт и прозаик Ким Сисып (1435—1493).

Имджинская война — освободительная борьба против японских захватчиков (1592—1598) — пробудила патриотизм и национальное самосознание корейцев. Создается много патриотических произведений, отражающих героизм народа, вставшего на защиту родины. Такова повесть «Имджиннок» («Летопись Имджинской войны»). Ее автор неизвестен, но герои — исторические личности. Для развития литературы на родном языке много сделали писатель и ученый Ким Манджун (1637—1692), писатель Пак Чивон (1737—1805) и др. В корейской литературе XX в. сильны мотивы национально-освободительной борьбы.

В развитии национальной живописи большое место принадлежит художнику-пейзажисту Чон Сону (1676—1759). Реалистические традиции характерны для творчества выдающегося художника Ким Хондо (1760—?). Наряду с классическими жанрами в Корее развивались народные виды живописи, прежде всего *сэхва* («Новогодние картины») с благожелательной символикой.

Этническое самосознание. Одна из трагических страниц современного этнического развития корейцев связана с разделом страны, с разделением единого народа. Объединение страны, воссоединение народа — актуальная проблема, стоящая перед корейцами.

На протяжении своей истории Корея неоднократно подвергалась нашествиям извне, однако корейский народ отстоял свою независимость. С 1910 по 1945 г. Корея была колонией Японии. Память об этом трагическом периоде истории жива среди корейцев даже теперь, на рубеже XX—XXI вв., она порой осложняет отношения между двумя странами и народами.

Народная память хранит имена многих выдающихся деятелей корейской истории и культуры. Среди них государственный деятель, военачальник и историкограф Ким Бусик; великий полководец, адмирал Ли Сунсин (1545—1598) — изобретатель первого в мире бронированного корабля кобуксон («корабль-черепаха»), применение которого в боевых действиях способствовало победе корейцев над японцами в Имджинской войне; герои национально-освободительной борьбы корейского народа против японских оккупантов.

Значителен вклад корейцев в мировую культуру. Так, еще в XII—XIII вв. — на 200 лет раньше Гутенберга в Германии — они изобрели подвижный металлический шрифт для печатанья.

Одними из первых, в X—XIV вв., корейцы стали культивировать женшень. Повсеместно известен один из видов корейского боевого искусства *тхэквондо*.

Велик вклад корейских художников, архитекторов, философов, книгопечатников в мировую буддийскую культуру. Решением ЮНЕСКО пещерный буддийский храм Соккурам и Трипитака Кореана (*Тэджангён* — свод буддийских текстов) объявлены культурным достоянием человечества.

АБОРИГЕННЫЕ И НОВЫЕ ЭТНОСЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Америка в этническом и историко-культурном отношении отчетливо делится на две большие части: Северную Америку — в узком значении этого термина (т.е. к северу от границы с Мексикой, по р. Рио-Гранде, а не Панамскому перешейку) и Латинскую Америку с ее подрайонами. В Северной Америке до середины XIX в. преобладали выходцы из стран Северо-Западной Европы, в первую очередь с Британских островов. Преобладающий язык в США и Канаде — английский. Экономический и социальный уклады отличаются существенным своеобразием.

В Северной Америке не имело места массовое межрасовое смешение. Таким образом, в этом регионе сформировался особый этнокультурный регион Нового Света, характеризующийся своеобразием этнического состава населения и этнической истории.

1. Эскимосы США и Канады

Различные теории генезиса *эскимосов* могут быть объединены в две группы — в зависимости от их американского или азиатского происхождения. Теория американского формирования нашла своих защитников среди американских и датских исследователей. Так, Ф. Боас считал областью формирования эскимосов территорию к западу от Гудзонова залива, а аляскинских эскимосов рассматривал как сравнительно недавних переселенцев с востока. Мысль об азиатском (точнее, берингоморском) происхождении эскимосов была высказана еще в 1741 г. Г. Стеллером — участником Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции В. Беринга и А.И. Чирикова. В наши дни большинство этнологов и антропологов придерживается последней версии.

Эскимосы живут в американской Арктике и отчасти Субарктике, населяя обширную территорию от Берингова пролива до Гренландии. Выделяют четыре группы эскимосов Аляски: тихоокеанские, материковые (юго-запада Аляски), нунивакские (острова Нунивак) и североальяскинские. Эскимосов Канады делят на восемь территориальных групп: макензи, коппер, нетсилик, иглулик, карибу, эскимосов Баффиновой Земли, эскимосов Квебека, лабрадорских эскимосов.

По данным на середину 1980-х гг., численность эскимосов Аляски составляла 34 тыс., Канады — 33,5 тыс. человек.

На Аляске распространены два эскимосских языка: *юпик* (преобладает на юге и юго-западе полуострова) и *инупиак* (на западе, северо-западе и севере Аляски). Эскимосы Канады используют *инупиак* (*инуктитут*). Самая высокая доля говорящих на родном языке — среди эскимосов Канады. Сохранению родного языка способствуют отдаленность и сравнительно слабая освоенность эскимосских районов, а также высокая концентрация эскимосского населения. Широко распространено двуязычие.

Даже в наши дни эскимосы США и Канады вынуждены сочетать традиционные промысловые занятия с работой по найму. С одной стороны, эскимосы не могут составить серьезной конкуренции белым при получении работы, т.е. их работа чаще всего имеет сезонный характер, с другой — неустойчивость спроса, колебания цен, меняющаяся рыночная конъюнктура делают промысловые занятия эскимосов уязвимыми, вследствие чего ни одна из отраслей традиционного хозяйства — оленеводство, пушной промысел, рыболовство — не стала основой жизнеспособной экономики. Фактически без поддержки правительства самостоятельное экономическое развитие эскимосских общин едва ли возможно.

В начале XX в. основной социальной единицей эскимосского общества являлась *локальная группа — стойбище*.

Эскимоска. Аляска.
Фото начала XX в.

Эскимосы за разделкой добычи моржового промысла. Аляска.
Фото начала XX в.

Почти все ее члены были связаны родством или свойством. Родственная группа одновременно служила производственной ячейкой. Наследственных вождей эскимосы не знали, однако институт лидерства существовал. Значительного развития достигла система взаимных обязательств и взаимопомощи.

В середине XX в. началось «размывание» прежних отношений. Исчез институт взаимопомощи, произошло сокращение числа форм партнерства, изменились критерии лидерства (оно трансформировалось в политическое лидерство). Появились новые элементы (например, выборные советы как органы самоуправления). Существенная черта социального бытия эскимосов в наши дни — социальная отчужденность, вызванная изоляцией и дискриминацией, — особенно отчетливо проявляется в городах.

В начале XX в. эскимосская *семья* функционировала в двух основных разновидностях: парная (нуклеарная) и расширенная. Основная функция большой (расширенной) семьи — обеспечение пищей своих членов — была подорвана снабжением через магазины. Уже в 1950—1960-х гг. расширенные семьи стали редкостью. Парная семья устояла, но институт брака серьезно трансформировался. Сильно изменились традиционные социальные роли мужчины и женщины. Сократилось количество браков. Увеличился средний возраст молодых людей, вступающих в брак (не моложе 21 года).

Взаимодействия между эскимосами и индейцами. Характер отношений между индейцами и эскимосами существенно различался на Аляске и на северо-западе Канады. Эскимосы и индейцы-атапаски на Аляске занимали соприкасающиеся территории. Культура атапасков интенсивно воспринимала отдельные элементы эскимосской культуры. Передачи культурных элементов в обратном направлении по существу не происходило. Исторически эскимосы и индейцы выработали качественно различные механизмы адаптации к окружающей среде: индейцы-атапаски приспосабливались, активно привлекая в свою культуру достижения других народов, а эскимосы — путем переработки собственной традиционной техники и культуры. Эскимосско-индейские контакты на Аляске были преимущественно мирными. Причинами столкновений могли становиться нарушения охотничьих угодий или похищение женщин.

С середины XX в. противопоставление индейцев — эскимос на Аляске стало изживаться. В новых условиях хозяйственные и другие практические соображения стали преобладать над этническими. Объединяющим началом служили совместная жизнь детей в школах-интернатах, работа на одних и тех же предприятиях, а также общая борьба за политические и экономические права аборигенного населения.

На территории Канады отношения между эскимосами и индейцами исторически складывались иначе. Так, к западу от Гудзонова залива они издавна являлись враждебными. Враждебность провоцировалась белыми колонизаторами. С их появлением началась конкуренция из-за территории, связанная с резким сокращением стад оленей-карибу — важнейшего объекта охоты индейцев. Неприязненные отношения имели корни и в некоторых традиционных верованиях *инуитов* (эскимосов) и индейцев.

В середине — во второй половине XX в. центрами межэтнических контактов в Канаде становятся небольшие северные города и поселки, возникшие возле военных баз, горнопромышленных предприятий и т.п. объектов. Совместное проживание различных групп аборигенного населения привело к усилению межэтнических противоречий.

Еще со времен интенсивной меховой торговли (XVIII—XIX вв.) эскимосы приобрели более высокий по сравнению с индейцами социально-экономический статус в глазах белых переселенцев. Они легче вступали в контакты с пришлым населением и пользовались репутацией «простодушных, неагрессивных и исполнительных» людей, которых охотно принимали на работу по найму. Иным было стереотипизированное восприятие индейцев евроканадцами. Их нередко считали «гордыми, надменными и коварными».

Индейцы Канады имеют юридическое признание и пользуются рядом социальных льгот. В то же самое время эскимосов относят к группе так называемых *нестатусных индейцев*, не имеющих юридического признания. Конституция Канады 1982 г. ничего не изменила в положении групп аборигенного населения.

Таким образом, если на Аляске в 1970—1980-е гг. произошло юридическое и общественное признание «туземцев» как единой группы, то в Канаде правовые условия препятствуют сотрудничеству в общих организациях эскимосов, индейцев и метисов.

Еще в XIX в. как результат противопоставления *белых* и *небелых* сложилась общая идентификация коренного населения Аляски, которая косвенно поддерживалась и законодательством США. Во второй половине XX в. определение *нейтивс* («местный житель») стало термином, который предпочитают все группы аборигенов (при подаче их земельных исков, в ходе политического и культурного движения). Возможно, это следует расценивать как проявление общего местного самосознания коренного населения — *аборигенности* (*nativeness*). Когда эскимосы и индейцы Аляски попадают в окружение неаляскинцев, они называют себя не *нейтивс*, а *альяскинцы*.

В Канаде в отличие от Аляски индейско-эскимосские связи были очень ограниченны, говорить об аборигенах Канады как о «нейтивс» до сих пор не представляется возможным. Однако появился новый тип идентификации эскимосского населения Канады — *северяне*. Он используется в полиэтнических городах Северной Канады.

2. Индейцы США и Канады

Общепринятые представления о происхождении коренного населения Америки, в целом подтверждаемые объективными данными науки, могут быть сведены к нескольким основным тезисам: 1) Америка не входила в область антропогенеза; 2) переселение человека в Новый Свет произошло не менее 30 тыс. лет назад из Северо-Восточной Азии; 3) путем, которым предки индейцев проникли в Америку, была область Берингова моря.

Применительно к доколониальному этапу истории индейского населения Северной Америки археологи установили существование здесь двух ранних культурных традиций. Одна сложилась на юго-востоке материка (между р. Миссисипи и Атлантическим побережьем). В VII—XV вв. н.э. здесь господствовала

«культура Миссисипи», для которой характерно сочетание мотыжного земледелия с охотой и собирательством. Другой центр высокоразвитой палеоиндейской цивилизации располагался на юго-западе материка (территория современных сопредельных североамериканских штатов Аризона, Нью-Мексико, Юта, Колорадо). Здесь в III в. н.э. сформировался самый развитый земледельческий регион Северной Америки — «культура Анасази». Ее создатели основали наиболее совершенную для этой части Нового Света ирригационную систему земледелия. Из глины и камня индейцы возводили наземные многокомнатные и многоэтажные дома-селения. Один такой дом вмещал жителей всей общины. Именно дома-селения были названы испанскими конкистадорами *пуэбло*; это название закрепилось и за жителями подобных селений. В XIV в. культурная традиция «Анасази» исчезла, оставив лишь дома-пуэбло и сеть ирригационных каналов. Возможно, это было связано с появлением на данной территории объединений воинственных атапасских племен — *апачей* и *навахов*.

Типи (часто ошибочно именуемое «вигвам») — жилище североамериканских индейцев сиу

К началу европейской колонизации в Северной Америке (в пределах территории США) выделялось несколько регионов индейских культур с наиболее высоким уровнем развития, а именно:

1. Юго-Запад (территория современных штатов Аризона и Нью-Мексико). Основу хозяйства племен пуэбло составляло поливное земледелие;

2. Юго-Восток (от Миссисипи до Атлантического океана), где индейские племена *криков* и *чириков* вели комплексное хозяйство, основным элементом которого было мотыжное земледелие;

3. Район Великих озер (штат Нью-Йорк) с высокой плотностью индейского населения (племена *ирокезов*) и распространением подсечно-огневого земледелия;

4. Культурный комплекс североамериканских прерий и плато, где абсолютно преобладали племена, принадлежавшие к языковой семье *сиу* (*айова*, *дакота*, *омаха* и др.). Хозяйство сиу отличалось большим своеобразием. В древности они скорее всего были знакомы с земледелием,

но в начале колониальной эпохи, позаимствовав у европейцев огнестрельное оружие и лошадей, почти полностью перешли к жизнеобеспечению охотой на бизона. Хозяйственно-культурный тип конных охотников сформировался к началу XVIII в.;

5. Калифорния. Население этого региона не знало земледелия и скотоводства; их образ жизни напоминал кочевой. Основу существования местных жителей составляли собирательство, рыболовство, охота на морского зверя и добыча моллюсков. Особенности хозяйства повлекли за собой чрезвычайную этническую и языковую пестроту региона. *Атапаски*, *алгонкины*, *шока*, *пенути*, *шошоны* — вот неполный перечень групп индейских племен Калифорнии.

Индейцы северной части Тихоокеанского побережья США, плывущие на пироге с установленным на носу тотемным знаком. Фото конца XIX в.

В ту же эпоху в пределах территории Канады выделялись шесть основных культурно-исторических областей:

1. Зона Арктики (от Аляски до Лабрадора), где имели место в основном два хозяйственно-культурных типа — арктических морских охотников (прибрежные районы) и охотников на оленя карибу (к западу от Гудзонова залива). Численно здесь преобладало эскимосское население;

2. Область Субарктики (вдоль южных берегов Гудзонова залива и в долине р. Маккензи). Здесь жили *атапаски* и *алгонкины* — лесные охотники и рыболовы;

3. Юго-восток Канады (область Великих озер) характеризовался преобладанием земледельческой культуры *ирокезов*;

4. В пределах канадской части Великих равнин обитали *атапаски*, *алгонкины* и *сиуязычные племена*, занимавшиеся конной охотой на бизонов;

5. Народы северо-западного побережья Канады принадлежали к пяти языковым группам: *тлинкиты*, *цимшиан*, *хайда*, *вакаши*, *сэлиши*. Здесь устойчиво бытовали рыболовно-охотничьи хозяйственно-культурные типы;

6. Район Плато (нагорье к западу от Великих равнин) — это район проживания племен *атапасков* и *сэлишей*, где распространился переходный тип культуры, сложившийся под влиянием рыболовно-охотничьих культур соседних народов.

В этнолингвистическом отношении коренное индейское население Северной Америки характеризуется прежде всего очень большой дробностью. Лингвисты выявили в Новом Свете свыше 2 тыс. языков. Наличие сходных черт позволяет объединить их в группы-семьи, число которых превышает 100; группы-семьи в свою очередь образуют надсемейные общности (филы): *макрокарибскую*,

макроаравакскую, макрокечуа, макромая и баск-дене. Изучение и классификация языков коренного населения Америки полностью не завершены. Приводимое ниже перечисление языковых семей Северной Америки включает лишь наиболее известные и значительные для этнологии языковые общности индейцев.

1. Атапасская семья, или *на-дене*. Племена, говорящие на языках на-дене (*кучины, навахи, апачи, тлинкиты, хайда*), расселены очень широко, от Аляски до Калифорнии и Мексики. Первоначально их расселение ограничивалось таежной зоной Северо-Запада. На юг их представители — навахи и апачи — продвинулись позже.

2. Алгонкино-вакашская (алгонкино-мосанская) семья. Племена алгонкинов (*оджибве, кри*) и вакашей (*нутка, куакиутль*) были расселены на северо-востоке, в районе Великих озер и по р. Св. Лаврентия.

3. Семья хока-сиу. На языках этой семьи говорили многочисленные племена в центральных и восточных районах Северной Америки (*дакота, ирокезы*).

4. Семья пенути. Народы, представляющие эту семью — *цимшианы, сахаптины* и др., — занимают северо-западное (тихоокеанское) побережье Североамериканского континента.

5. Юто-ацтекская (ацтеко-таноянская) семья. Одна из самых крупных языковых семей в прошлом. На ее языках говорят многие племена юго-запада Северной Америки (*пима, шошоны*).

По данным на середину 1980-х гг., численность индейцев США составляла 1 млн 420 тыс. человек (0,6% населения страны). С 1924 г. индейцы считаются полноправными американскими гражданами. Индейцы США имеют особый, легально зафиксированный статус, дающий им ряд льгот:

- право на общинную организацию и общинное самоуправление (выборный совет общины);
- право на отправление местного правосудия в пределах территории соответствующей общины;
- налоговые льготы и возможность получения правительственных субсидий.

С точки зрения статуса среди индейцев США выделяются несколько неодинаковых групп: статусные резервационные (750 тыс.); статусные нерезервационные (150 тыс. индейцев Оклахомы); нестатусные (100 тыс. индейцев из 46 общин атлантического побережья США); лица и их потомки, которые официально ликвидировали свой статус и вышли из общины (все остальные).

Коренное население Канады, по данным на 1986 г., составило 712 тыс. человек. Из них статусных индейцев — 263 тыс., нестатусных индейцев и метисов — 415 тыс.

«Индийская» политика США отличается от «индейской» политики Канады. В Канаде индейцы были поставщиками меха. В английских колониях, позднее ставших Соединенными Штатами Америки, экономические отношения с аборигенами большого значения не имели, зато особую ценность представляли земли индейцев. Поэтому с ростом белого населения колоний началось систематическое вытеснение индейцев. Юридической базой такой политики служила концепция феодального суверенитета, в соответствии с которой индейцы автоматически считались подданными британской короны, а их земли подпадали под определение «вакуум доминиум» — доктрины «ничейного владения».

Индеец пауни в боевом облачении. Гравюра конца XIX в.

В конце XVIII в., в связи с образованием США и упорным организованным сопротивлением коренных жителей, доктрина взаимоотношений с индейцами была пересмотрена. Правительство декларировало независимый статус индейских народов. Прямой захват индейских земель к западу от Миссисипи стал затруднен. Начался «договорный» период в истории взаимоотношений индейцев с белыми американцами: экспроприация земель теперь сопровождалась подписанием более или менее грабительских договоров.

За 100 лет с момента провозглашения США (1783) индейцы лишились всех своих земель (к 1890 г. *индейская граница* была официально ликвидирована и индейцы были помещены в резервации) и приобрели статус «подопечных» Конгресса США. Последнее обстоятельство развязало правительству руки для проведения в отношении индейцев жесткого курса — *политики патернализма*. По сути дела, речь шла о насильственном интегрировании индейцев в социально-экономическую структуру США и «подгонке» их традиционной культуры и образа жизни под доминирующий евроамериканский стандарт, что обрекало индейцев на социальную деградацию.

Закон 1924 г. провозгласил индейцев полноправными гражданами США. Основным направлением «индейской» политики США в середине XX в. стала *терминация*, т.е. попытка ликвидировать особый статус коренного населения США и отказаться от обязательств федерального правительства по отношению к индейцам. Опыт и последствия «терминации» оказались в высшей степени негативными. Поэтому в начале 1970-х гг. были сформулированы принципы «новой политики», суть которой состояла в укреплении автономии индейских общин без разрушения основ их общинной жизни.

Основным достижением политики самоопределения стало официальное подтверждение особого характера отношений индейских общин и федерального правительства. Вместе с тем «индейская» политика осознается большинством этнологов как один из показателей недостаточности современного опыта США в области национальных отношений.

«Индейская» политика Канады не привела к массовой гибели аборигенов и полному исчезновению целых племен. Территория проживания индейцев, разумеется, сократилась, но в отличие от США, в Канаде, особенно в северных и западных ее районах, индейцы сохраняют области расселения в пределах их исконных территорий.

В основе отношений с индейцами здесь лежали экономические и военные факторы. Индейцы выступали поставщиками пушнины и потребителями европейских товаров. Одновременно они могли стать потенциальными союзниками или врагами европейских переселенцев в колониальных междоусобицах. Таким образом, в XVII—XVIII вв. «индейская» политика сводилась к регулированию торговли с индейцами и обеспечению дружественных отношений с ними.

После перехода Канады во владение Англии (1763) на первый план выступили военные аспекты взаимоотношений с аборигенами. Британский колониальный режим строился на признании за Британией исключительного права на приобретение индейских земель. Особенность политики заключалась в частичном признании прав индейцев. Отчуждение земли у индейцев фиксировалось договорами.

С момента образования доминиона Канада (1867) политика властей сводилась к «выкупу» исконных прав индейцев на занимаемые ими земли. Считалось, что коренное население «уступало» свои земли. Одновременно правительство выделяло территории под резервации для проживания индейцев, обязываясь предоставить им преимущества в охоте, денежную и иную помощь.

Индейские группы, населяющие восток и юг страны, смешивались друг с другом в резервациях, теряли племенную организацию, все более переходили на английский (а кое-где — на французский) язык и, таким образом, приобретали черты индейцев вообще, а не ирокезов, кри и т.д. Появились некоторые элементы общеиндейского самосознания.

Современное этническое самосознание североамериканских индейцев ученые рассматривают по-разному. Даже в отношении количества индейских народов мнения существенно расходятся. Полагают, что их от 150 до 300.

В соответствии с научной традицией этнос обладает комплексом этнических свойств и характеристик. Однако растет число народов, у которых набор этнокультурных признаков неполон (например, не сохранился язык этноса, в той или иной мере подверглась размыванию традиционная культура и т.п.). Но индейские этносы не исчезают, а вступают в новую фазу этнического развития и бытия.

В научной литературе много лет обсуждается проблема формирования *паниндейской этнической общности*. У индейского населения Северной Америки, как известно, отсутствуют культурное и языковое единство. Не существует и единого общеиндейского самосознания. Многие авторитетные исследователи полагают, что нет оснований ожидать формирования «паниндейского этноса» и в будущем, ибо для этого отсутствуют объективные базисные условия — общая территория, единая экономическая система, единое политическое самосознание.

Современное самосознание североамериканских индейцев отличают многозначность и иерархичность. Один и тот же народ обладает общинным, племенным (этническим) и общеамериканским самосознанием. Впрочем, этнический (племенной) пласт самосознания является доминирующим и у большинства индейцев выступает вполне отчетливо. Этническое (племенное) самосознание не вытеснено общенациональным американским. Конечно, индейцы США признают американское законодательство, американскую национальную символику; они принимали участие в войнах США. Одновременно *коренные американцы* (индейцы) резко противопоставляют себя американскому правительству и американскому государству. Это противопоставление вызвано не социальными причинами, а историческими традициями. Полагают, что признание индейцами революционного правительства Кубы, их многочисленные отказы от участия во Второй мировой войне следует считать выражением не пацифистских, а именно антиправительственных настроений.

Особый аспект современного самосознания индейцев — их представление о своем месте в этнической структуре общества США. Индейцы резко противопоставляют себя белым не столько из-за расовых различий, сколько потому, что белое население выступает носителем того образа жизни, который чужд индейской традиции. Этноцентризм индейцев особенно заметен в отношении афроамериканцев. «У чернокожих нет здесь ни земли, ни языка; нет культуры,

поэтому они борются за гражданские права», — утверждают некоторые индейские радикалы. Иные отношения существуют между индейцами и испаноамериканцами (*чиканос*). Обе группы считают себя потомками древнего населения Америки и охотно поддерживают интенсивные культурные и брачные связи.

Современная индейская община в США — это специфическая черта современного положения индейцев. Право индейцев на такую организацию определено законом 1934 г. об индейском самоуправлении. Совет общины — основной орган власти — избирается из числа совершеннолетних ее членов (старше 21 года) на «всеобщих» выборах, которые проходят раз в два года. Совет — коллективный представитель своего населения, и все официальные контакты с федеральными властями и властями штата осуществляются через него. Совет распоряжается основными видами общинной собственности: недвижимой (землей, лесами и т.п.) и движимой (общими денежными фондами); он же регулирует землепользование на аллодах (индивидуальных земельных наделах).

Индейцы пользуются правом на отправление правосудия на территории своих общин. К юрисдикции общинного суда относятся все гражданские дела и большинство уголовных дел по преступлениям, совершенным на территории резервации, если как истец, так и ответчик — индейцы.

Наконец, община самостоятельно регулирует вопрос о членстве (для того чтобы быть членом общины, доля индейской крови у человека должна быть не меньше 25%).

Институт общины — это следует подчеркнуть! — позволяет поддерживать социо-культурную самобытность современных индейцев.

Современное тяжелое положение американских индейцев, как полагают специалисты, является следствием этнической политики США и Канады. На протяжении вот уже почти 150 лет уверенно предсказывается неизбежное исчезновение индейцев. Центральный вопрос всех дискуссий, посвященных американским индейцам, — вопрос о том, почему индейцы продолжают существовать в виде небольших общин и неассимилированного меньшинства.

Положение современных индейцев можно охарактеризовать как историческую дилемму, которую поставило перед ними общество: выбор между экономической отсталостью индейской общины или возможностью обеспеченной жизни ценой индивидуальной ассимиляции. Индейские общины оказывают сопротивление попыткам поглотить и ассимилировать их в окружающую культуру и общество. Хотя господствующая система признается неизбежной и даже необходимой, все-таки взаимодействовать с ней, считают общины, следует на договорной основе.

Существует несколько причин того, почему индейское меньшинство не ассимилировано. Во-первых, это наличие особого законодательства: система резерваций способствовала изоляции индейцев и препятствовала возможности выбора в пользу ассимиляции. Во-вторых, ассимиляция затрудняется наличием расовых барьеров (хотя такое утверждение чаще применимо к афроамериканцам).

Резервации, расизм, материальные лишения и невозможность получить образование, конечно, сказываются, но главные причины замедления ассимиляции кроются в резко различающихся традициях белых и индейцев, а также в тех исторических условиях, в которых происходили контакты между ними.

3. Этническое разнообразие и проблема сложения американской этнонации

Этногенез американского народа в XVII—XVIII вв. совершался на более широкой этнической основе, чем это обычно мы себе представляем. Подразумевая этническое разнообразие жителей Северной Америки, первопроходец, мыслитель и демократ Томас Пейн заявил в XVIII в.: «Отечество Америки — это Европа, а не Англия». Среди групп, селившихся в Северной Америке с начала XVII в., поначалу преобладали англичане. С XVI в. происходило формирование английского национального языка, основу которого составил лондонский диалект. Многие черты этой речи, утраченные в Англии, закрепились в Америке.

То обстоятельство, что жители английского происхождения составляли большинство населения английских колоний (около 60% по переписи 1790 г.), обусловило доминирование в новой стране английского языка и культуры, которые составили основу развивавшейся уже американской культуры. Однако к концу XVIII в. около 40% белых жителей колоний составляли лица неанглийского корня. В Америку переселялись шотландцы, ирландцы, голландцы, шведы, немцы (крупнейшая неанглогоязычная группа белого населения составляла в 1790 г. 8,6%).

Особое значение для этнической жизни Америки и складывания североамериканской нации имел французский компонент. История французской иммиграции в Америку началась с гугенотов, которые стали прибывать сюда с конца XVII в. Однако событием гораздо более важным, нежели французская иммиграция колониального периода, стало приобретение Соединенными Штатами Луизианы (1803), где французский язык, соответствующий характер быта и культуры долгое время оставались самыми распространенными.

Таким образом, одной из главных черт американского населения изначально стало этническое разнообразие. Выходцы из разных европейских стран приобретали общий с английскими колонистами исторический опыт Нового Света, а также обогатили этот опыт специфическими неанглийскими чертами. Наибольшее разнообразие этнических групп наблюдалось в северной части Соединенных Штатов. Здесь совершались этнические процессы, различные по характеру и интенсивности. Отчетливо прослежены два основных типа этнического развития. В одном случае этническое меньшинство (например, немцы Пенсильвании) расселено большим массивом, компактно, что позволяет долго сохранять немецкий язык и культуру. Соответственно этническое развитие здесь происходило и происходит замедленно. В другом случае несколько этнических групп (например, в штате Нью-Джерси) живут бок о бок, часто чересполосно; межэтнические связи развиваются гораздо интенсивнее, ассимилятивные сдвиги идут быстрее. Оба типа этнического развития получили заметное ускорение в годы Войны за независимость (1775—1783), которая втягивала в свою орбиту все население и формировала новое национальное самосознание у людей разного этнического происхождения. Позднее подобные ситуации неоднократно имели повторения в разных регионах и в разное время.

К концу XVIII в. обозначилось социально-экономическое и культурное сходство колоний и реальное их единство. Противостояние колоний метрополии

помогло осознать, что американцы, в том числе и английского происхождения, — *особый народ*, а не просто англичане, живущие по другую сторону Атлантического океана.

Американская революция сформировала в общих чертах североамериканскую нацию, завершив этногенетический процесс. В пользу последнего обстоятельства свидетельствовали следующие факты.

С середины XVIII в. термин «Америка» стал употребляться по отношению к совокупности колоний. «Американцами» теперь стали называть колонистов, тогда как прежде так называли коренных обитателей материка. Постепенно началось складывание «американского мифа». Одним из базовых элементов его формирования явилось представление об Америке как об убежище для всех угнетенных. Оформилась национально-патриотическая символика, возник культ главного героя — Дж. Вашингтона. Утвердился в народных представлениях образ типичного американца, которым стал «янки» — житель Новой Англии. Постепенно складывались и другие элементы американского этнического самосознания.

Решающим компонентом в ходе формирования нового этноса стало иммигрантское население. Максимальное число переселенцев в США пришлось на середину XIX в. Основные черты этнической композиции населения страны были заложены именно в ту пору.

В исследованиях об иммиграции в США утвердилось деление на *старую* и *новую* иммиграцию. В старую включались иммигранты, прибывшие на континент до 60—80-х гг. XIX в., — выходцы из Северной и Западной Европы. К новой иммиграции причисляли переселенцев из Южной и Восточной Европы. Если в 1860-х гг. среди стран, посылавших в США эмигрантов, первые три места занимали Германия, Ирландия и Англия, то к началу нового столетия их сменили Италия, Австро-Венгрия и Россия.

Три иммигрантских группы можно считать особенно характерными для США: немецкая (крупнейшая как в старой, так и в новой волнах иммиграции), итальянская (особенно типична для новой иммиграции), скандинавская (выходцы из Норвегии, Швеции и Дании были немногочисленны относительно общего числа иммигрантов, зато для стран выхода эта иммиграция имела очень существенное значение).

Рубеж XIX и XX вв. был периодом господства расистских теорий. Широкое распространение в это время получила «англосаксонская» теория, в соответствии с которой истинными американцами считались *WASP* (*белые, англосаксы, протестанты*). *Англосаксонскому элементу* (к нему причислялись англичане, немцы, скандинавы) приписывались все достижения США, а в *чужаках* видели виновников всех недостатков. В годы Первой мировой войны иммигранты оказались под подозрением относительно политической благонадежности. Развернулась кампания насильственной *американизации*, во время которой иммигрантов пытались подогнать под господствующий английский образец.

Иммиграционные законы, принятые в США в 1920-х гг., резко сократили заокеанскую иммиграцию. Одновременно они вызвали усиление притока людей из стран Америки, откуда въезд не ограничивался, — из Канады, Мексики, позже — из Пуэрто-Рико. Однако в количественном отношении приток был несоизмерим с прежним масштабом иммиграции. Этнический состав американского населения надолго стабилизировался.

Ковбои у входа в салун. Фото 1905 г.

В 1965 г. конгресс США принял новый иммиграционный закон. Расистские положения прежнего законодательства отменялись; была введена регламентация иммиграции из других стран Америки, которая прежде не ограничивалась. В этническом составе иммигрантов произошло существенное изменение. Число переселенцев из Северной и Западной Европы, а также из Канады, считавшихся прежде привилегированными, сильно уменьшилось; из стран Южной Европы — Италии, а особенно Греции и Португалии — значительно возросло. Во много раз увеличилась иммиграция из стран Азии, в частности из Индии.

Белые иммигрантские группы в этнокультурном отношении имели очень похожие судьбы. Переселенцы старались сберечь привезенную с собой европейскую культуру и вначале даже преуспели в этом. Но развивать свою культуру они могли только на американский лад. Крупные национальные группы, подобные немецкой или итальянской, не могли вдруг раствориться в новой среде. Даже культивируя свою особость, они постоянно и на всех уровнях приобретали новые — американские — черты.

В конечном итоге иммигрантские группы нередко консолидировались в качестве этнически переходных общностей, а их члены приобретали самосознание «дефисных» американцев (например, итало-американцы). Несмотря на всю притягательность прежних этнических привязанностей, эти общности были преходящим явлением. Может быть, американский «плавильный котел» и не стирал групповые различия так быстро, как того хотелось бы некоторым рьяным сторонникам стопроцентной американизации, все же в большинстве своем этнические группы ассимилировались обычно уже в третьем поколении.

Наглядным показателем неизбежно происходившей ассимиляции можно считать этноязыковые процессы. Дети иммигрантов в Америке быстро становились двуязычными. Ни одной национальной группе не удалось передать следующему поколению свой этнический — не английский — язык (не говоря уже о третьем иммигрантском поколении).

Пароход образца середины XIX в. (новодел) в Новом Орлеане.
Это транспортное средство символизирует целую эпоху
в хозяйственном освоении бассейна р. Миссисипи

Еще один важный показатель ассимиляции — доля этнически экзогамных браков, потому что семья — ключевой институт передачи чувства этнической принадлежности и культуры. Обычно в группах первого иммигрантского поколения от 80 до 90% вступало в брак со своими соотечественниками, в то время как в поколениях их детей и внуков обнаруживается существенное уменьшение таких показателей (в процентном отношении).

Ассимиляция представляет собой двусторонний процесс. Иммигрантские этнические группы, заимствуя культуру окружающего населения, в свою очередь обогащали ее многими своими культурными чертами. Тем не менее в условиях Америки равновесие в культурном общении не сложилось — доминировала культура, уже сформировавшаяся в стране. Это в значительной мере была культура группы WASP, воплощавшей нормы и ценности американского общества.

Однако сделанные выше заключения не вполне приложимы ко многим представителям этнорасовых меньшинств США, а именно к афроамериканцам, мексиканцам, пуэрториканцам, китайцам, японцам, проживающим в этой стране. Этим группам пришлось испытать, хотя и в разной мере, реальный плюрализм американского общества, — плюрализм, содержащий в себе неравенство, угнетение и постоянное унижение. При этом принадлежность к расовой группе играла, а в некоторых случаях и продолжает играть провоцирующую роль, хотя значимость этой роли и ее интенсивность, конечно, не остаются неизменными.

Некоторые исследователи североамериканских этнических проблем склонны отграничивать расовые группы от этнических — на том основании, что внешние расовые признаки неустранимы и их проявление неизбежно. Белые

иммигранты могли изменить свою одежду, овладеть тем или иным языком, принять другую манеру держаться в обществе и т.п., что позволяло им приобрести имидж, скажем, «простых американцев». Темнокожие этого сделать не могут: лицо — это судьба. И все же подобный взгляд представляется излишне упрощенным: отличительные физические черты расовой группы не могут сильно изменяться во времени, но их социальная значимость, несомненно, способна трансформироваться.

Типичным примером этого может считаться отношение американцев к японцам и китайцам. Их появление и расселение на Тихоокеанском побережье США во второй половине XIX в. вызвало волну истерического страха перед «желтой угрозой», что привело к полному запрещению иммиграции из «азиатской зоны». Выходцам из Азии было отказано в праве становиться натурализованными гражданами, владеть землей и заниматься многими профессиями; им запрещалось вступать в браки с белыми; на них нападали толпы линчевателей; с ними обращались почти так же плохо, как с черными жителями Юга. Однако в наше время японская и китайская группы по многим показателям социально-экономического статуса опережают американских белых. Теперь это быстро ассимилирующиеся этнические группы. Их ассимиляция путем браков с белыми ныне идет уже настолько быстро, что возникает вопрос, как долго они смогут просуществовать как отдельные группы.

Ни одна из других основных небелых групп США в последнее время не достигла такого же прогресса, как японцы или китайцы, и не добилась такого же общего социального признания со стороны белых. Однако довольно внушительных успехов в области образования и экономики достигли, например, мексиканцы и пуэрториканцы. Растворение этих групп, скорее всего, будет совершаться так же, как это происходило с их предшественниками — европейскими иммигрантскими группами.

Положение афроамериканцев США определить труднее. Сегодня сегрегация (разделение) официально устранена. Чернокожие обрели равенство с белыми перед законом. По уровню образования, профессиональному росту и росту доходов они значительно приблизились к белым. Однако число браков между ними и представителями других рас хотя и увеличивается, но очень медленно (за десятилетие с начала 80-х до начала 90-х гг. XX в. — с 1,2 до 2,5%).

Рабство негров как устойчивый институт в североамериканских колониях Англии, как известно, сложилось постепенно и юридически оформилось в последней трети XVII — начале XVIII в. Черные рабы происходили из разных районов Африки, принадлежали к разным племенам, этническим и языковым группам, отличались друг от друга своими обычаями, культурой и физическим обликом. Процесс *детрайбализации*, т.е. утраты племенных культурных и этнических связей, начался еще в трюмах кораблей, на которых везли черных невольников в Америку. Он продолжался в самой Северной Америке в условиях рабского труда и быта на плантациях. Выживанию африканских религий и культур препятствовали неизбежные процессы ассимиляции, особенно там, где рабы были тесно связаны с бытом и укладом белых. После запрета работорговли (1808) приток африканцев сократился, а позднее и вовсе прекратился, и африканская культурная поддержка исчезла.

И все же пережиточные элементы африканской культуры сохранились, особенно в религиозной жизни и устном народном творчестве черных рабов. В период рабства на плантациях существовало два вида церквей: институциональная, официальная, «видимая», с регулярными воскресными службами, и неинституциональная («невидимый институт») с неформальными вечерними молитвенными собраниями в поселках рабов. Стихийные проповеди сопровождалась ритмичными притопываниями и прихлопываниями, что напоминало ритмы африканских барабанов. Здесь звучали духовные песнопения — «спиричуэлс»; стиль пения был определенно африканский, а прославляли в нем христианского африканизированного бога. Таким образом, этническая идентификация черных американцев в период рабства в существенной мере обреталась в церковной общине.

Общность судьбы, освоение английского языка, осмысление своих интересов, сложившиеся у рабов в процессе приобретенного на американской почве опыта, создавали объективную основу для сплочения негров и появления у них зачатков общего расово-этнического самосознания, складывания расово-этнической общности. Вместе с тем непрерывно происходил начавшийся еще в колониальный период процесс физической (вопреки запретам происходило физическое смешение «черных» и «белых»), культурной и социальной ассимиляции негров. Он вел к превращению африканцев в афроамериканцев.

После отмены рабства в результате Гражданской войны (1861—1865) на короткий момент возникла надежда, что обе расы смогут жить бок о бок без сегрегации. Однако она не оправдалась.

В период с 1890 по 1910 г. в южных штатах были приняты новые конституции и законы, лишившие негритянское население избирательных и других гражданских прав, узаконившие разделение в расселении и образовании, на транспорте и в местах общественного пользования. В американских городах сформировались негритянские гетто. Почти две трети штатов запретили межрасовые браки. Действовал тщательно разработанный и поддерживавшийся при помощи террора «расовый этикет» («система Джим Кроу»).

За последние полвека негритянское население США более чем удвоилось и по переписи 1980 г. составило 26 млн человек (почти 12% всех американцев). Афроамериканцы — крупнейшая этнорасовая группа в составе американской нации. Негров не только не удалось изолировать от основного потока американской культуры, но они явились и остаются одним из главных составляющих этот поток течений. Их присутствие наложило неизгладимый отпечаток на всю культуру США, начиная с английского языка американцев и кончая литературой, музыкой и другими видами искусства.

Этнорасовое самосознание американских негров с момента становления отличалось постоянной и ярко выраженной двойственностью: стремлением, с одной стороны, к полной ассимиляции и интеграции в американское общество, а с другой — к выделению в особую этническую общность. И в наши дни развитие самосознания афроамериканцев характеризуется своего рода колебаниями между двумя тенденциями: интеграционистской и сепаратистской. Ярким выразителем стремления к интеграции и вдохновителем борьбы за равные гражданские права являлся баптистский пастор, лауреат Нобелевской премии

мира Мартин Лютер Кинг (1929—1968). Сепаратизм подкреплялся и поддерживается различными проявлениями *черного национализма*.

Секты *черных евреев* и *черных мусульман* возникли как попытка «найти себя как народ», преодолеть комплекс «национальной неполноценности» путем отождествления с другими, нехристианскими народами, доказать, что черные — избранный народ.

Современные исследователи проблем афроамериканцев США отмечают, что сегодня главная стоящая перед «черной» Америкой проблема не расовая как таковая, а клановая (кланами называют группы в составе среднего класса населения). Черный средний класс вырос очень быстро, и его члены достигли значительных успехов.

Современные американцы — это результат смешения и даже слияния различных этнических (и расовых) элементов, происходившего в течение нескольких столетий. Поэтому американская нация не представляла и не представляет собой однородной в этническом отношении массы. Она содержит самобытные компоненты, восходящие к тем этническим совокупностям, которые в разное время включались в ее состав. Но и сами эти компоненты изменились в процессе развития американской нации, и теперь их следует считать не обломками заокеанских народов, а составными частями американской нации.

Основным источником разнообразия современной американской нации послужила добровольная иммиграция. США занимают первое место во всемирных миграциях населения и являются самой большой иммиграционной страной. После первой переписи 1790 г. в Соединенные Штаты въехали десятки миллионов людей.

Массовая иммиграция — основной, но не единственный источник этнокультурной пестроты Америки. Не менее 0,5 млн африканских негров были ввезены в Северную Америку в качестве рабов до того, как их ввоз в США был запрещен (в начале XIX в.). Сейчас численность афроамериканцев в этом государстве превышает 30 млн человек.

В составе современных американцев можно различить: представителей аборигенных народов; французских *акадов*, насильственно согнанных с их

На рыбном рынке на окраине Вашингтона

Нью-Йорк, вид с небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг
на средний и нижний Манхэттен

мест проживания еще британцами, до Американской революции, и расселившихся главным образом в Луизиане; испаноязычных мексиканцев юго-запада США, которые были присоединены после Мексиканской войны 1846—1848 гг.; пуэрториканцев, гавайцев и других тихоокеанских островитян, чьи земли были поглощены в ходе участия США в колониальном разделе мира в конце XIX в.

Не вполне решенным остается вопрос об итогах взаимодействия этнических групп Америки. Насколько глубоко в действительности то смешение и соединение различных народов в единую этническую общность, которое давно предсказывалось сторонниками концепции этнической интеграции? Что существеннее: мощь ассимиляционных сил или упорство, с которым множество групп оказывает сопротивление интеграционному давлению и сохраняет свои характерные черты на протяжении жизни всех поколений? Именно стремление осмыслить характер американской нации в связи с иммиграцией и привело к формулированию в начале XX в. концепции «melting pot» («плавильного котла»).

Суть ее заключалась в представлении, будто в Америке разнородные национальные элементы *сплавляются в новую нацию* более высокого типа, чем исходные ее части.

Параллельно происходило формирование другого взгляда на ту же проблему, противоположного по смыслу, — концепции «культурного плюрализма», подчеркивавшего устойчивость культурного и этнического своеобразия каждой иммигрантской национальности.

Эти точки зрения сосуществуют и соревнуются до настоящего времени. В последние десятилетия рубежа XX и XXI вв. большинство ученых было склонно, скорее, подчеркивать устойчивость плюралистических тенденций в американском обществе. Идея «плавильного котла» определенно вышла из моды. Преобладание идеи «культурного плюрализма» естественно вытекало из начавшегося в 1960-х гг. «этнического возрождения» (роста националистических настроений и усиления этноцентризма в США). Но последнее обстоятельство лишь подтверждает тот факт, что для всех этнических (и этнорасовых) групп Америки характерна двойственность развития этнических связей: борьба тенденций, с одной стороны, к интеграции, с другой — к обособлению. Соотношение и сила этих направлений исторического развития зависят от конкретной исторической ситуации. Не следует забывать и о том, что «культурный плюрализм» особенно заметен лишь на фоне общенациональной интеграции.

4. Этническая история Канады и формирование двунационального государства

Этнические проблемы Канады во многих отношениях сходны с проблемами ее соседа — Соединенных Штатов Америки. Имеются, однако, и существенные различия. Наиболее явные из них: двунациональный характер канадского государства (между тем как в США сложилась одна преобладающая нация), отсутствие в нем «негритянской проблемы», несколько более частые случаи (особенно на начальных стадиях колонизации) смешения европейского населения с индейским. В целом этнический состав Канады оказался более изменчивым, чем этнический состав США, что было связано с меньшей численностью канадского европейского населения, которое в силу этого не в состоянии быстро ассимилировать массу иммигрантов.

Особенности этнического развития отчасти обуславливались также более северным географическим положением Канады.

Французское заселение территории Канады состоялось в XVII—XVIII вв. В то время наиболее значимым центром французского заселения Канады был город Квебек (основан в 1608 г.) в долине р. Св. Лаврентия, где выросла колония Новая Франция. Французские поселения возникали и в Акадии (Новая Шотландия).

Колониальная политика Франции носила двойственный характер. С одной стороны, присутствовало стремление заселить захваченные колонии и закрепить в них свое политическое господство; с другой — Франция не решалась на организацию массовой колонизации, так как не имела значительного избыточного населения. В Новой Франции селили отставных солдат, бродяг, девушек-сирот из приютов и т.п. контингент. Вплоть до середины XVII в.

сюда приезжало менее 50 человек в год. Зато рождаемость приближалась к физиологическому максимуму.

К 60-м гг. XVIII в., когда эта область была захвачена Англией, здесь жило компактное франкоязычное католическое население (70—80 тыс. человек), преимущественно крестьянское. Это были люди, почти исключительно родившиеся в самой Канаде и не сохранившие никаких связей с метрополией. Не случайно в момент передачи политической власти Великобритании (1763) только горстка богатых землевладельцев и правительственные чиновники воспользовались правом вернуться во Францию. Можно говорить о том, что уже в ту пору здесь сформировалась новая этническая общность, отчетливо сознававшая свое единство и имевшая самоназвание — *канадцы*.

Компактное население Новой Франции включало также несколько специфических этнографических групп. Во-первых, это метисы — потомки белых охотников (трапперов) и индейцев. Во-вторых, некоторое количество индейцев-христиан (главным образом ирокезов), которые обособились от своих соплеменников, перешли на французский язык, но сохранили особенности культуры, быта, расового типа, а также особое групповое самосознание.

Британская колонизация Канады в XVII—XVIII вв. во многих отношениях отличалась от французской. Состав выходцев из Великобритании характеризовался значительной этнической разнородностью компонентов (*англичане, шотландцы, ирландцы, ольстерцы*). В тот же поток попали немцы и немногочисленные голландцы. Кроме того, британские поселения в Канаде в значительно большей степени, нежели французские, продолжали расти за счет дальнейшей иммиграции, т.е. сохранялись постоянные связи британцев с метрополией. Эти обстоятельства препятствовали консолидации британских иммигрантов в единую народность.

Первые поселения британцев на территории современной Канады возникли в начале XVII в. (о-в Ньюфаундленд). В 1713 г. Великобритания захватила Акадию — здесь сложилась английская колония Новая Шотландия. В 1763 г. под власть Великобритании перешла долина р. Св. Лаврентия. В 70-х гг. XVIII в. на территорию Канады произошло единовременное массовое переселение из США 35—40 тыс. «лоялистов» (сторонников британской метрополии), бежавших от Американской революции.

В заселенных британцами областях Канады происходило широкое территориальное смешение этнических групп. Но сплаву этих групп в единую новую этническую общность препятствовали языковое и культурное многообразие, постоянное обновление населения за счет новой иммиграции, тесные экономические и культурные связи колонии с метрополией, английский патриотизм (особенно «лоялистов»), неограниченные возможности расселения.

С начала XIX в. отчетливо обозначилось относительное хозяйственное отставание Канады от США. Более суровые климатические условия Канады ограничивали возможность ее заселения и хозяйственного освоения. Кроме того, Канада гораздо дольше (до 1867 г.) оставалась колонией.

Массовый въезд ирландцев, англичан и шотландцев (всего с Британских островов за первую половину XIX в. эмигрировало в Канаду около 1 млн человек) изменил этнический состав населения Канады; доля франкоканадцев в стране уменьшилась до одной трети (по данным переписи 1871 г.). Вместе

с тем очень высокая рождаемость, характерная для франкоканадцев, обеспечивала этому народу высокие темпы роста без пополнения за счет иммиграции; они устойчиво сохраняли численное преобладание в провинции Квебек (бывшая Новая Франция). Вместе с тем англоязычное население также начало постепенно сплачиваться в единую народность. Политически консолидация англоканадцев оформилась объединением в 1867 г. группы североамериканских колоний Великобритании (Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Онтарио, или Верхняя Канада) в Канадскую конфедерацию. В нее в качестве провинции была включена и Нижняя Канада (бывшая Новая Франция, ныне провинция Квебек). Таким образом, возникший в 1867 г. доминион включал около 5% территории современной Канады.

Территории к западу и северу от Канадской конфедерации по-прежнему служили областью расселения индейских племен охотников и рыболовов. Их контакты с белыми сводились к обмену пушнины на разные товары. На индейские территории просачивалось небольшое количество белых франкоканадцев — охотников и торговцев. Увеличивалась группа франкоязычных метисов. Британские поселения западного побережья объединились в колонию Британская Колумбия и вошли в состав Канадской конфедерации.

На протяжении последней трети XIX в. степная полоса страны была «освобождена» от своего исконного населения — алгонкинских и сиу-хоканских индейских племен. Часть индейцев разместили в резервациях, часть смешалась с метисным населением, часть была оттеснена к северу.

Почти два с половиной столетия — с конца XVII до конца XIX в. — переселение в Канаду шло почти исключительно с Британских островов. Англоканадская народность сформировалась на базе трех крупных англоязычных компонентов — ирландцев, шотландцев и англичан, а также небольшого числа немцев, голландцев и уэльсцев. Но уже в последние десятилетия XIX в. в поток англоязычных иммигрантов влилась новая струя — переселенцы разной этнической принадлежности. «Новая» иммиграция включала выходцев из Северной, Центральной, Южной и Восточной Европы, а также из Азии. В возрастающем количестве въезжали шведы, норвежцы, итальянцы, евреи, поляки. Позднее к ним прибавились исландцы, датчане, бельгийцы, финны, венгры, а затем украинцы, греки, румыны, русские и литовцы. Сильно вырос и поток немецкой иммиграции. Возобновилась иммиграция французов — по большей части не из Франции, а из США.

Послевоенная (во второй половине XX в.) волна иммигрантов в Канаду качественно отличалась по составу и особенно по характеру расселения. Она направлялась главным образом в города и усиливала процесс урбанизации страны.

Наиболее своеобразной чертой Канады считается двунациональный характер государства. Этнический плюрализм, свойственный всем странам Нового Света, в Канаде достиг очень сильного развития: по численности и разнообразию иммигрантских групп она превосходит все остальные страны Америки, кроме США.

Самая яркая черта этнической жизни Канады — преобладание двух основных наций: франкоканадцев и англоканадцев. С момента превращения Новой Франции в британскую колонию возникла проблема национальных

взаимоотношений между победителями-англичанами и побежденными франкоканадцами. Противоречия между ними обострились с укреплением британского господства и увеличением численности британского элемента в населении страны.

В середине XIX в. со стороны британской администрации была предпринята попытка решить национальный вопрос в Канаде путем «затопления» франкоканадцев лавиной британских переселенцев. Франкоканадцы оказывали деятельное сопротивление политике «англизации». Сопротивление ассимиляции усиливал высокий естественный прирост франкоязычного населения. Некоторые авторы полагают, будто высокая рождаемость у франкоканадцев служила для них сознательно применяемым способом борьбы против ассимиляции («реванш люлек»). Однако едва ли это так; скорее всего здесь имела место традиционная картина рождаемости. Так или иначе, но «затопление» не состоялось. В борьбе за национальное равноправие франкоканадцы сплотились в единую компактную нацию с устойчивым национальным самосознанием.

Традиционно франкоканадцы не одобряли массовой иммиграции, которая усиливала англоканадское большинство в стране. Теперь Квебек оказывает давление на федеральное правительство в направлении поощрения франкоязычной иммиграции из Франции, Бельгии, Швейцарии. С 1948 г. французы включены в категорию наиболее благоприятствуемых иммигрантов. Кроме того, официальным языком в Квебеке объявлен французский (с 1974 г.).

Общество Канады многообразно по своему этническому составу. Основными его группами ныне выступают: аборигенные народы — индейцы и эскимосы (4%), англоканадцы (40%), франкоканадцы (27%), переходные этнические группы (19%). Общая численность населения к рубежу XX и XXI вв. составила свыше 30 млн человек.

Индейцы и эскимосы. Основные черты географического их размещения сохранились с доколониальных времен. Большинство индейцев живет в резервациях южной части страны, часть осваивает таежные пространства Крайнего Севера. Эскимосы заселяют северную кромку материка. Обе группы аборигенного населения подвергаются аккультурации и ассимиляции, главным образом под воздействием англоканадского большинства.

Англоканадцы — крупнейший народ страны. Подобно американской нации США, англоканадская нация не обладает той однородностью, которая свойственна франкоканадцам и многим другим европейским и азиатским народам. В ее состав входит большинство канадцев британского происхождения, а также потомки иммигрантов (обычно третьего поколения) небританского происхождения — они не только говорят на английском языке как родном, но уже не помнят языка своих неанглийских предков.

Англоканадцы составляют большинство населения во всех провинциях, кроме Квебека, в том числе даже в Юконе и на Северо-Западных территориях.

Франкоканадцы. Франкоканадская нация включает основной массив франкоязычного населения Квебека, а также франкоканадцев Нью-Брансуика (потомки акадийцев с отчетливым групповым самосознанием и рядом диалектных особенностей французского языка). Крупной группой канадцев французского происхождения являются также метисы юга провинции Манитоба. Французские выходцы в западных провинциях Канады остаются этнографической группой франкоканадского народа.

Сохраняется высокая степень внутренней сплоченности, которая обуславливается компактностью расселения, преобладанием браков внутри своей нации, общностью религии (96% канадцев французского происхождения исповедуют католицизм), языковым единством (для 90% французских выходцев в Канаде родным языком является французский).

Переходные этнические группы — одна из характерных черт этнической реальности в Канаде. Существование таких групп обеспечивается притоком переселенцев из соответствующих стран. Если он иссякает, они неизбежно начинают поглощаться англоканадской нацией. Из переходных этнических групп Канады наибольшую историческую давность имеет *немецкая*; она же наиболее многочисленная (1,3 млн на 1971 г.). Вторая по численности — *итальянская* группа (731 тыс. на 1971 г.). Далее следуют *украинцы, голландцы, поляки, русские* и др. Из лиц неевропейского происхождения в Канаде проживают *китайцы, японцы, индийцы и арабы*.

Преобладающее направление этнических процессов — аккультурация и последующая ассимиляция части национальных меньшинств англоканадцами.

5. Особенности этнической истории Северной Америки

Процессы этнообразования, в результате которых сформировался современный этнический состав населения Нового Света, протекали в иных исторических условиях, чем аналогичные процессы в Европе и Азии. В Америке, где этническое развитие происходило ускоренными темпами и параллельно с развитием капитализма, современные народы сформировались в весьма короткие сроки — на протяжении двух—четырех последних столетий. Вот почему расовая и этнокультурная пестрота большинства американских стран должна быть объяснена скорее молодостью этих народов и быстротой их формирования, нежели особой разнородностью компонентов, из которых они произошли.

Известное своеобразие Северной Америки заключается также в том, что большинство современных наций образовалось не в результате этнической консолидации племен и племенных союзов, заселявших территорию континента, а в результате слияния воедино, с одной стороны, фрагментов зрелых этносов Европы и элементов племен Африки, а с другой — остатков местных индейских племен, распавшихся под ударами колонизации.

* * *

Процессы формирования наций и этнического самосознания в Северной Америке были исторически спрессованы во времени, что обусловило их высокую интенсивность. Этническая история этого региона, равно как и этническая история Латинской Америки, отмечена межрасовым и межэтническим смешением больших масс людей и сложением новых этнорасовых групп. Северная Америка дает поучительный опыт национальной консолидации и интеграции населения в новые общности. Этнические процессы в регионе носят открытый, динамичный и в существенной мере незавершенный характер.

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ВЕСТ-ИНДИИ

1. Аборигены до европейского завоевания (конкисты)

До появления европейских завоевателей и захвата ими территории нынешней Латинской Америки и Антильских о-вов эти земли были заселены многими народами, жившими в различных экологических условиях и находившимися на разных ступенях эволюции хозяйственной технологии и социальных отношений.

Крайний юг Америки, а также некоторые прибрежные и внутренние районы материка и западную часть Кубы занимали группы, еще не знавшие земледелия, ведущие бродячую жизнь и занимавшиеся собирательством, охотой и рыболовством.

На обширных пространствах тропических лесов бассейнов рек Ориноко, Амазонки и частично Параны, а также на Антильских о-вах обитали земледельцы, основой существования которых уже стало подсечно-огневое земледелие в сочетании с рыболовством, охотой и собирательством. К возделывавшимся растениям принадлежали маниок (кассава), маис (кукуруза), арахис, фасоль, батат и некоторые другие культуры; был известен также хлопчатник, а в некоторых районах — табак.

Орудия труда изготовлялись из камня, раковин и дерева. Главными земледельческими орудиями служили каменный топор и заостренная палка. Обработка камня в некоторых местах достигла большого совершенства. Кое-где практиковалось ткачество и изготовление лепных глиняных сосудов. В некоторых районах этого обширного ареала выделялись украшения из самородного золота с помощью холодной обработки.

Приготовление пищи включало в себя такие сложные процессы, как удаление синильной кислоты из маниока (промывание корнеплодов, очистка, растирание, отжим и прокаливание растертой массы на глиняной сковороде). Лепешки, изготовленные из маниока, могли долго сохраняться в сухом виде и служить пищей в длительных переходах. Дикие растения употреблялись в случае голода, а некоторые из них использовались как лекарства.

В качестве транспортных средств применялись долбленные весельные лодки — от совсем небольших до вмещавших несколько десятков человек.

Земледельцы тропиков возводили жилища *столбовой конструкции*, некоторые из этих жилищ отличались большими размерами. Их стены и кровля изготовлялись из растительных материалов.

В качестве оружия использовались дротики (в некоторых местах с копье-металками), а также лук со стрелами и боевые дубины из твердых пород деревьев. На охоте применялись *духовые ружья* — трубки, из которых охотники выдували маленькие отравленные стрелы.

Высшей ступенью социальной организации в этих регионах были, видимо, вождества, включавшие в себя несколько поселений. Отдельные поселения достигали крупных размеров — до нескольких тысяч человек.

Обширную область Нового Света — от нынешней Мексики до севера Чили и северо-запада Аргентины — населяли народы, основу производительной деятельности которых составляли различные формы поливного земледелия, а главную роль в земледельческой культуре играла кукуруза (маис). Народы *майя* по преимуществу практиковали подсечно-огневое земледелие, а в центральных Андах возделывали киноа (высокогорную местную хлебную культуру) и картофель, а также разводили лам.

Наивысшего развития культура аборигенов достигла в областях нынешней Мексики и части Центральной Америки (так называемой Мезоамерике), а также в Центральных Андах Южной Америки (включая прилегающее побережье). Их обитатели искусно обрабатывали камень, дерево и другие природные материалы, изготавливали разнообразную лепную керамику, выделяли разноцветные ткани и склеивали накладки из птичьих перьев. В некоторых районах выплавляли и обрабатывали металлы — медь, томпак (сплав золота, серебра и меди), бронзу. Здесь возводились грандиозные каменные сооружения и постройки в несколько этажей. Строители майя умели возводить ступенчатые своды.

Крупные города стали центрами ремесла и торговли. Как пример успешного градостроительства можно назвать столицу *ацтеков* Теночтитлан (город основан в начале XIV в. на оз. Тескоко в западной части долины Мехико). В правление Моктесумы I (1440—1469) жители города насыпали плотину для защиты от наводнений, возвели каменные пирамиды, храмы и дворцы, проложили улицы. В начале XVI в. площадь города достигала 12 км². С суши Теночтитлан соединяли длинные насыпные дороги с подъемными мостами через каналы. По одной из насыпей шел каменный водопровод, поставлявший в город пресную воду.

Обитатели древней Америки еще не знали принципа действия колеса для транспорта и для изготовления керамической посуды. У них не было тягловых животных и соответственно пахотных упряжных орудий. Лишь в Перу для переноски вьюков использовались ламы.

Накопление и передача информации осуществлялась с помощью идеографической (у ацтеков и некоторых других народов Мезоамерики) и иероглифической (у майя) письменности. В Перу для этих целей использовалось так называемое *узелковое письмо* (кипу) — связки шнурков, с помощью которых (посредством цвета, положения и формы шнуров и узелков) можно было выразить вид и количество полученной подати, а также обозначать календарные даты и т.п.

Верования доевропейских обитателей Латинской Америки и Антильских о-вов содержали в себе одухотворение природных явлений; представление о том, что у каждого человека, семьи, общины, города или даже народа есть особые священные покровители; культ предков; веру в возможность влиять на боже-ства посредством разного рода обрядов, в том числе с помощью игры в мяч и принесения жертв, включая человеческие. В возникавших государствах боги правителей становились богами подданных. Культы некоторых богов (например, Пернатого Змея в Мезоамерике) распространились очень широко.

Это мировоззрение нашло отражение в разных областях местного искусства: в архитектуре (многочисленные пирамиды и храмы в Мезоамерике и Перу), скульптуре (каменные головы древних *ольмеков*, колонны-воины *тольтеков* и др.), на тканых изделиях (на перуанском побережье), керамике и др.

Некоторые народы Мезоамерики и Центральных Анд создали свою государственность. В государство *ацтеков* в результате войн и договоров были включены народы, населявшие территории нынешней Мексики от Тихоокеанского побережья до берегов Мексиканского залива. Еще более обширным являлось государство *инков*, простиравшееся от г. Кито на севере до Чили на юге, т.е. на 4 тыс. км. Там проживало до 10 млн человек разной языковой и этнической принадлежности. Управление этим государством было в такой степени централизовано, что его нередко сравнивают с империями Старого Света. Элементами этой централизации служили обожествленный верховный правитель, разветвленный управленческий аппарат, профессиональная армия, единый государственный язык (*кечуа*), насильственные переселения больших масс населения, хорошо поставленная система связи, включавшая охраняемые дороги со станциями и курьерами-бегунами. Торговля была развита слабо, ее заменяло административное распределение различных продуктов. Поразительно, что управление огромным государством обходилось без письменности (полагают, что она могла существовать в прошлом), которую заменяло узелковое письмо кипу.

2. Конкиста, колонизация, этнокультурные изменения

В 1492 г. три испанских корабля, ведомых Христофором Колумбом (1451—1506), достигли нынешних Багамских о-вов, Кубы и Гаити. Затем последовали новые плавания. Испанцы незамедлительно приступили к завоеванию открытых земель. Через несколько десятков лет после первого плавания Колумба захвату подверглись столицы двух самых больших государств Америки — ацтекский Теночтитлан (1521) и инкский Куско (1533).

Испанцы овладели западной частью Америки от Калифорнии до центральных районов Чили, материковыми землями, прилежащими к Мексиканскому заливу с севера и Карибскому морю с юга, и Большими Антильскими о-вами. Восток Южной Америки по Тордесильясскому договору 1494 г. между Испанией и Португалией отходил к Португалии. Линия раздела была намечена приблизительно по меридиану дельты Амазонки. Со временем португальцы продвинулись много глубже на запад и заняли почти всю Амазонию.

С конца XVI в. в пределы испанских и португальских владений стали вторгаться другие европейские державы. Англичане в XVII в. уже имели колонии на некоторых Малых Антильских о-вах. Кроме того, они отобрали у испанцев Ямайку (1655) и Тринидад (1797). Французы завладели некоторыми небольшими островами, а в 1697 г. к ним перешла западная часть о-ва Гаити, получившая название Сан-Доминго. На некоторых островах в Карибском море (Аруба, Кюрасао и др.) закрепились голландцы. В Южной Америке после ряда переделов — начиная с 80-х гг. XVII в. и вплоть до XIX в. — оформились колонии Британская, Нидерландская и Французская Гвиана.

В ходе колонизации Америки выявилось несоответствие интересов метрополии и самих конкистадоров. Отношения между конкистадорами и местными жителями регулировались не столько правительственными распоряжениями и законами, составлявшими в метрополии, сколько стремлением европейцев, попавших в Америку, как можно быстрее обогатиться. О защите аборигенов

мало кто помышлял, хотя подобные факты имели место: среди них следует особо отметить деятельность доминиканского монаха Бартоломе де Лас Касаса.

При завоевании многие центры древних американских цивилизаций (как Теночтитлан, на руинах которого был возведен г. Мехико) подверглись разрушению. Для аборигенов Америки первым итогом конкисты стал демографический шок. По некоторым данным (правда, не общепризнанным), за первые столетия с начала завоевания в районах Нового Света, где появились европейцы, погибло до 95% коренных жителей. Но даже если приведенная цифра завышена, убыль индейского населения вследствие конкисты была очень значительна. Полностью исчезли целые этносы. В первую очередь пострадали обитатели Больших Антильских и Багамских о-вов, прибрежных районов Венесуэлы и Бразилии, а также прилегающей к океану области Центральных Анд. Обезлюдели некоторые районы Амазонии. Сократилась численность населения других земель, в том числе некогда подвластных ацтекам и инкам.

Главной причиной массового сокращения индейского населения стали завезенные европейцами болезни, против которых у обитателей Америки не было иммунитета. Не менее существенную роль в этом процессе сыграло и разрушение прежнего образа жизни (включая деградацию социальной структуры, брачных связей, дефицит пищевых ресурсов и т.п.) и, конечно, непривычный для большинства аборигенов изнурительный труд на рудниках, жемчужных промыслах и других тяжелых работах. Самые физически крепкие, трудоспособные члены общин на длительное время, а часто и навсегда отрывались от обеспечения пищей своих семей.

Во многих районах индейцы оказывали в разной степени успешное вооруженное сопротивление завоевателям. Так, испанцам не удалось покорить *арауканов* Чили. Во многих местах удаленные миссии подвергались неоднократным набегам индейцев. В завоеванных областях индейцы поднимали восстания. С начала XVIII в. в ряде областей Латинской Америки имели место индейские восстания: в Чьяпасе (1712), на Юкатане (1761). В Андской области в XVIII в. произошло несколько крупных индейских восстаний, целью которых было изгнание всех неиндейцев и восстановление инкской империи. В 1742 г. индейцы *кампа* подняли восстание во главе с Хуаном Сантосом, который провозгласил себя потомком Атауальпы (верховного инки) и сыном Бога. Еще бóльший размер приняло восстание 1780 г. в Перу под руководством Хосе Габриеля Кондорканки (около 1740—1781), принявшего имя своего предка Тупака Амару. Индейцы потерпели поражение, Кондорканки был казнен вместе с женой и сыном. В то же время вспыхнуло восстание на территории нынешней Боливии; индейцы *аймара* в 1781 г. даже осаждали г. Ла-Пас.

Завоевание Америки европейцами значительно повлияло на культуру аборигенов. В разных ее областях изменения имели свои особенности. В материальной сфере наиболее быстрое и сильное воздействие культуры пришельцев сказалось на тех аборигенных обществах, которые попали под прямое господство завоевателей — там, где европейцы поселились в индейских областях ирригационного земледелия. Уже в XVI в. большинство индейцев овладело кастильскими ремеслами. Они разводили скот, пахали землю и сеяли пшеницу, выращивали апельсины, лимоны, дыни, бананы. У всех вождей были лошади, а в горных

местностях они водили караваны мулов. В некоторых местах индейцы даже устраивали турниры и *корриды* (бои быков), восприняли и другие обычаи испанского происхождения (в частности, церковные, например обычай отмечать престольные праздники).

Факторами аккультурации для индейцев во многих регионах служили миссии — институты, созданные церковными орденами, где аборигены разного этнического происхождения, иногда говорившие на разных языках, были вынуждены совместно жить по общим правилам, строить одинаковые жилища, носить одинаковую одежду, общаться на каком-то одном языке (это не всегда был язык миссионеров), приобщаться к занятиям и формам труда, неизвестным прежде (чаще всего охотники и рыболовы превращались в земледельцев). Часть миссий — за счет эксплуатации труда аборигенов — достигла заметного хозяйственного и культурного развития. Так, на территории восточной части нынешнего Парагвая, западных районов бразильских штатов Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул, а также аргентинских провинций Мисьонес и Коррьентес, где обитали преимущественно индейцы-*гуарани*, располагались миссии иезуитов (условно их называют «государством иезуитов»). Там в течение столетия с начала XVII в. было создано 30 редукций (административно-хозяйственных образований), в которых к 30-м гг. XVIII в. проживало до 150 тыс. индейцев. С формальной точки зрения миссии (и редукции) подчинялись светским колониальным властям. В действительности же в качестве администраторов и судей в них выступали монахи; миссии имели свои вооруженные отряды из индейцев. Основу существования миссий составляло земледелие. В них были устроены также разнообразные мастерские, как обеспечивавшие всем необходимым население миссий, так и изготавливавшие продукцию для продажи. В типографии помимо книг на испанском языке печатали школьные буквари и словари на *гуарани* — разговорном языке миссий. Влияние этого языка оказалось настолько сильным, что после упразднения миссий в связи с изгнанием иезуитов из Испании и испанских владений в 1767 г. он остался разговорным языком сельского населения Парагвая.

Игра в воинов. Индейцы яномамо. Венесуэльская Амазония

Значительные перемены произошли в экономике и культуре тех групп коренных обитателей Южной Америки, которые, будучи прежде по преимуществу охотниками и собирателями, в новых условиях стали скотоводами. *Арауканы* юга Чили уже к середине XVI в. восприняли те элементы культуры своих противников, что были связаны с войной (оружие, в том числе и огнестрельное, защитное снаряжение). Хорошими наездниками стали народы Восточного Чако — *абиноны*, *мокови*, *тоба*. В середине XVII в. отряды конных *мбайя* пересекали Парагвай и опустошали хозяйства испанцев на восточном побережье. Как конники славились индейцы *чарруа* в Уругвае.

Земледельцы тропических лесов оказались менее подвержены влиянию пришедшей культуры, чем жители высокогорий Мезоамерики, Анд и степных равнин. Но все же и там широко распространились привезенные из Старого Света бананы и сахарный тростник.

В социальной сфере процессы аккультурации также совершались по-разному. В областях, где аборигены попали в прямую зависимость от колонистов — прежде всего в испанских колониях, — их традиционные социальные структуры претерпели значительные сдвиги. На высшем уровне прежняя система социальных отношений была во многих случаях разрушена — верховных вождей, как правило, уничтожали (примерами может служить судьба ацтекского верховного правителя Моктесумы II и инкского Атауальпы) или превращали в вассалов, полностью зависевших от победителей. Иногда индейские вожди сохраняли свое положение в течение нескольких десятилетий в качестве местных правителей, а затем они были вытеснены различными муниципальными формами управления.

В других районах изменения в социальной структуре аборигенов обуславливались не столько прямым воздействием пришельцев, сколько сдвигами в экономике. Так, среди скотоводов появились признаки заметной социальной дифференциации. Представители выделившейся знати имели больше металлических орудий, огнестрельного оружия, одежды и т.д. Богаче выглядела сбруя их лошадей, а себя они обильно украшали серебряными изделиями.

В зонах своего прямого господства испанцы искореняли местные религии и силой навязывали христианство. Подверглись уничтоже-

Город Таксо, Мексика. Церковь Санта-Приска и-Сан-Себастьян (1751—1758) — яркий памятник, в декоре которого сочетаются художественные традиции испанской и местных индейских культур

нию тысячи изображений божеств и сотни храмов, а также мумии предков (в Перу) и памятники письменности (в Мексике). Борьба с местными верованиями сопровождалась усиленной деятельностью миссионеров. В Центральной Мексике монахи (францисканцы, доминиканцы и августинцы) за четверть века с начала завоевания обратили многих индейцев в христианство, обучая молодежь. В результате воздействия христианской религии на идеологию аборигенов в их среде возникали *синкретические* («смешанные») *верования*, в которых слились элементы католицизма и местных религий.

Техническое превосходство европейцев над аборигенами не всегда оказывалось достаточным для успешного приспособления их к местным условиям. Так, отсутствие в большинстве областей Америки дорог заставляло пришельцев пользоваться водными путями и лодками, сделанными аборигенами. Завоеватели на первых порах вынуждены были жить в индейских жилищах или в жилищах, построенных для них по местной технологии. Но, пожалуй, более всего приспособление колонизаторов к местному образу жизни проявилось в необходимости потреблять местные пищевые продукты и есть пищу, приготовленную аборигенами или по их рецептам.

Некоторые из съестных продуктов были сразу высоко оценены европейцами, в частности маниоковая лепешка (*касабе*), ставшая неотъемлемым элементом питания всех моряков и пассажиров судов, совершавших плавания между Антилами и материковыми землями Америки, а также Испанией. В ряде районов важными источниками питания для пришельцев и их потомков стали такие местные культуры, как маис, картофель, батат, ямс, фасоль, земляной орех, перец и т.п., кроме того, разнообразные плоды и фрукты. Испанцам стали известны свойства многих местных дикорастущих растений. К европейцам от индейцев перешло знание о том, как возделывать и употреблять табак.

В духовной сфере в отличие от материальной европейцы не нашли для себя в Новом Свете ничего такого, без чего они не могли бы обойтись. Более того, как говорилось выше, пришельцы целенаправленно разрушали местные верования. Со временем, скорее всего через смешанные браки, некоторые элементы верований аборигенов попадали в культуру потомков пришельцев из Старого Света — чаще в виде фольклора: местные предания, поверья, приметы и т.д.

3. Формирование новых этносов (XVIII — первая половина XIX в.)

Состав населения колоний, ставших в первой половине XIX в. независимыми странами, был почти везде этнически дробным и неоднородным в расовом отношении. Неоднородности в большой мере способствовал начавшийся уже в XVI в. массовый ввоз рабов из Африки. Таким образом, в каждом из регионов эту дробность определяло соотношение индейских, африканских и европейских по происхождению групп.

В такой мозаичной среде, разделенной к тому же в социальном отношении, появились люди с новыми самоидентификациями (самосознанием), отличавшие себя как от аборигенов, так и от населения тех европейских стран, откуда пришли их предки. Эти новые самоидентификации были присущи потомкам иммигрантов из Европы и Африки, как «чистым», так и в разной мере

смешанным, а также многим потомкам индейцев. Из этих составных элементов стали складываться новые народы в Америке.

Совершилось обособление интересов местных уроженцев (разного происхождения) от интересов метрополий. Территории, заселенные европейцами, являли собой небольшие анклавов среди бескрайних просторов Америки. Изолированность колоний друг от друга, их удаленность от метрополий, необходимость постоянно полагаться на свои силы в борьбе с местными индейцами, а затем и войсками враждующих держав были реалиями местной жизни. Наличие у каждой из колоний (или у их отдельных частей) собственных интересов и противоречия между этими интересами и интересами метрополии способствовали осознанию себя их населением самостоятельными политическими и иными образованиями.

В отдельных районах Латинской Америки и Антиль соотношение тенденций общего противостояния между колониями и метрополиями, с одной стороны, и противоречиями между отдельными колониями — с другой, сложилось по-разному. Бразилия осталась единой страной, несмотря на раннее формирование на ее территории нескольких самостоятельных центров колонизации и особенности развития этнических процессов в каждом из них. Испанская Америка в процессе обретения независимости раздробилась на большое количество независимых государств. После ряда войн в первой четверти XIX в. образовались Мексиканские Соединенные Штаты, Объединенные провинции Центральной Америки, Великая Колумбия, Перу, Боливия, Парагвай, Аргентина, Уругвай и Чили. Затем в Центральной Америке обособились в качестве самостоятельных государств Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика. Великая Колумбия в 1830 г. разделилась на собственно Колумбию, Эквадор и Венесуэлу.

Важными факторами этнического и демографического развития в этот период стали ввоз африканских рабов и иммиграция из стран Европы. Поначалу потребность в рабочей силе в европейских колониях удовлетворялась преимущественно за счет местных жителей — индейцев. Однако коренное население быстро исчезло или сильно сократилось, и в Америку стали ввозить рабов из Африки. С середины XVI в. возникли крупные земледельческие хозяйства по разведению культур, которые были востребованы в Европе: табака, индиго, хлопчатника, риса и в особенности сахарного тростника. В Америке расширилось производство этих культур благодаря освоению новых земель и применению труда все большего числа рабов.

В основном рабов ввозили в Бразилию и на Антильские о-ва. По подсчетам некоторых исследователей, в Бразилию до 1870 г. было ввезено примерно 3,5 млн африканцев, во французские колонии (Антильские о-ва, Луизиану и Гвиану) — около 1,6 млн, в английские колонии на Антильских о-вах и в Гвиану — столько же; в испанскую Америку (главным образом на Кубу) — до 1,5 млн. Рабов вывозили преимущественно с западного побережья Африки. Установлены десятки и даже сотни этнических и региональных образований, послуживших источниками невольников для Нового Света.

Постоянное напряжение в обществе создавала борьба рабов против угнетения. Она принимала разные формы — от одиночного бегства до создания лагерей беглых рабов в малодоступных районах той или иной страны. В испанских колониях такие лагеря (поселения) назывались *паленке*, в Бразилии —

киломбо. В глубинных районах Гвианы возникли целые области, заселенные беглыми рабами и их потомками. Нередко борьба рабов принимала форму восстаний. Самый яркий пример, конечно, — победа рабов на Гаити на рубеже XVIII и XIX вв. (независимость страны провозглашена в 1804 г.). Крупные восстания рабов неоднократно происходили в Бразилии. Вооруженные восстания и бунты имели место на Ямайке (1831) и на Кубе (первая половина 40-х гг. XIX в.).

Африканские рабы в Америке имели мало возможностей (хотя в разное время и в разных странах по-разному) для воспроизводства не только своих культурных традиций, но и этнического (или регионального) самосознания. Среди рабов преобладали мужчины, брачные связи почти неизбежно были непрочными, воспитание детей нередко осуществлялось вне семьи (из негритянских детей, воспитанных отдельно от семей, получались более послушные и усердные рабы). Африканские языки, заметно трансформированные, сохранялись иногда в сфере синкретических культов, возникавших на основе слияния христианства и африканских верований (в песнопениях, сопровождавших обряды). Это было характерно для испанских колоний, где существовал такой институт, как *кабильдо де насьон* (объединения рабов по этническому или региональному принципу).

К середине XIX в. произошла отмена рабовладения в колониях Великобритании (1838), Франции (1848) и Голландии (1853). Однако там, где рабский труд все еще оставался эффективным — на Кубе и в Бразилии, — рабовладение сохранялось почти до конца XIX в.

В XIX в. значительно возросла иммиграция в Латинскую Америку из Старого Света. Правда, Испания и Португалия ограничивали или вовсе запрещали въезд иностранцам в свои колонии. Лишь с обретением независимости разные страны Америки — особенно Бразилия (юг страны) и Аргентина — стали привлекать большое число переселенцев из Германии, Италии, Польши и других стран. Эта иммиграция направлялась по преимуществу в сельские районы. Иммигранты селились общинами, в которых достаточно долго воспроизводились многие элементы прежней культуры. В этих общинах имелись свои школы, богослужение велось на родных (европейских) языках.

Важным фактором, сказавшимся на формировании нового самосознания обитателей Америки в ряде регионов, стало появление смешанных групп населения различного расового происхождения. При расовом смешении появляются слои населения, представители которых не могут быть отнесены ни к одной из сторон родителей. Они признаны другими и признают себя «новым явлением» по сравнению с родителями.

Население смешанного европейско-индейского происхождения получило название *метисов*. Особенно интенсивной *метисация* была в некоторых областях Америки, подвластных Испании и Португалии. Метисы поначалу составляли особую категорию населения, которая в правовом плане занимала промежуточное положение между индейцами и европейцами. По своим правам метисы в некоторых отношениях (возможность заниматься ремеслами и т.п.) приравнялись к европейцам, а в других (например, запрет носить оружие, вступать в монашеские ордена) — к индейцам. Со временем во многих странах обособленность метисов исчезла; люди смешанного индейско-европейского

происхождения считались (в зависимости от обстоятельств) либо европейцами, либо индейцами.

Формирование *мулатского* населения (потомков белых и афроамериканцев) имело свои особенности в британских колониях, с одной стороны, и в испанских, португальских и французских владениях — с другой. В британской Америке браки и внебрачные связи между белыми и неграми запрещались законами и традициями, но все же они имели место. Дети от этих связей порой получали более высокий социальный статус, чем черные рабы. Так, на Ямайке в середине XVIII в. мулаты составляли более 2/3 свободного населения. Но их число было незначительно в сравнении с числом рабов.

В католических колониях европейские отцы в межрасовых семьях не только признавали мулатов своими детьми, но и нередко отпускали их на волю, а также завещали им имущество (в том числе недвижимость). Таким образом, «быть мулатом» там означало иметь определенное преимущество по сравнению с неграми, что было закреплено законодательными актами, распоряжениями и обыденной практикой. Мулаты составляли большинство свободного темнокожего населения. Их число увеличивалось за счет освобождения и выкупа рабов, а также за счет естественного прироста. Мулатское население, как правило, концентрировалось в городах, где занималось ремеслами.

Во французской колонии Сан-Доминго рано образовался слой свободных богатых мулатов. Именно они в конце XVIII в. возглавили борьбу против господства Франции. В Бразилии к концу XVII в. мулатов стали принимать в монашеские ордена; с начала XIX в. свободные мулаты допускались к службе в армии и администрации. Все это улучшило условия их социальной мобильности.

4. Региональные культуры и этническая идентификация

В начальный период европейской колонизации «индейское» и «испанское» («португальское» и др.) население резко отличались друг от друга во всех сферах культуры — материальной, социальной и духовной. Эти различия стали сглаживаться лишь тогда, когда стороны начали заимствовать друг у друга разнообразные культурные элементы.

Культура африканских рабов, в значительной мере усеченная в сравнении с культурой их земляков в Африке, сначала представляла собой лишь сегмент, в большой мере (хотя и не полностью) изолированный от культуры остального населения. Свободное «цветное» население по мере своего формирования не только осваивало ту или иную европейскую колониальную культуру, но и оказывало на нее свое влияние; в особенности это влияние заметно в музыкальном, танцевальном и устном народном творчестве. Отношение к элементам культуры африканского происхождения складывалось неодинаково в разных странах и в разных слоях общества одной и той же страны. На Кубе в нижних слоях общества элементы музыки и танца и даже некоторые специфические формы социальной организации (тайные религиозные общества *абакуá*) стали рано проникать в креольскую среду — в 30-е гг. XIX в. они прослеживаются уже вполне явно. Верхними слоями общества такого рода заимствования на словах порицались и осуждались, но, например, в 1856 г. на балу в г. Сантьяго-де-Куба избранная публика отплясывала танец под названием «Моя мать — конга».

Женщины кечуа. Перу

Новое этническое самосознание формировалось в условиях смешения культуры разнородного этнического происхождения и в обществе, разделенном на социальные слои и сегменты. Однако элементы культуры не только «спускались» сверху и расходились в низах общества, но и «поднимались» снизу, распространяясь в его верхних слоях. Это должно было способствовать признанию их общими со стороны разных слоев населения. В то же время вождями войн за независимость стран Америки стали люди, по культуре более других близкие к уроженцам метрополий и наиболее удаленные от культурных черт и свойств большинства населения колоний. Ими руководила не борьба за местную культуру, а намерение самим распоряжаться судьбами своих стран.

Формирование новых этнических идентификаций и самосознаний проходило в регионе в рамках прежних, принесенных из Европы языков. Наряду с этим в колониальный период образовалось несколько новых языков. «Лингва жерал» («общий язык») сложился на основе языков индейцев *тупи* (*гуарани*) с включением лексики из европейских языков. В колониальный период на нем говорила значительная часть населения Бразилии. Ряд исследователей полагает, что он сыграл существенную роль в формировании бразильского этноса.

В среде африканских рабов и их потомков возникли языки, получившие название *креолей* (*криолей*) и имеющие в некоторых случаях собственные наименования. Они родились среди рабов, происходивших из разных этносов и вынужденных общаться между собой и с хозяевами на каком-то общем языке.

Надо сказать, что прямого соответствия между смешанным населением и «смешанным» языком нет. Многие группы, состоявшие из смешанного населения, говорили на каком-то одном из европейских или индейских языков. Типичный случай последнего — население Парагвая, которое стало говорить на местном индейском языке — гуарани. В то же время относительно расово однородные группы использовали «смешанные» языки (например, негры Гаити стали обучаться на криоле — на основе французского языка).

Сложный путь развития прошли этнические названия и самоназвания Нового Света; они подвергались трансформациям с самого начала колониального

периода. Этот процесс протекал в среде как местных аборигенов, так и привезенных из Африки рабов и их потомков, а также среди потомков колонизаторов из разных стран. Прежде всего, появилось новое название для обозначения коренных жителей Америки. Все они стали для европейцев «индейцами» (*indios*, *indians* и т.п.). Конкистадоры и колонизаторы очень быстро убедились в разнообразии языков и культур местных жителей, но первое общее название сохранилось и распространилось на всех аборигенов Америки.

Нередко колонисты и завоеватели использовали для обозначения тех или иных местных народов не их самоназвания, а прозвища, данные им их соседями или самими колонистами: *длинноухие*, *карибы*, *уайка* и т.д. Иногда особые названия получали группы смешанного населения. Такова общность индейцев *мискито* в Никарагуа, сложившаяся со второй половины XVIII в. в результате смешения местных аборигенов с неграми. Некоторые из этих групп уже во второй половине XIX в. получили новое название — *сумо*.

Обобщающим названием стало слово *негры*, которым обозначали всех выходцев из Африки и их потомков. Существовало несколько терминов для отличия негров, родившихся в Африке, от тех, которые родились в Америке. В испанских колониях первых обычно называли *босаль* или указывали на «его нацию» — скажем, *негро-карабали*, или *принадлежащий к насьон карабали* (или, более точно, *принадлежащий к насьон карабали исуама*). Негр, родившийся в Америке, мог называться *креолом*, или указывалось его точное место рождения: уроженец (*криольо*, или *натураль*) Гаваны, Картахены и т.д.

Европейские иммигранты называли себя в Америке по той стране или ее части, откуда они прибыли: *испанцы* (реже *баски* или *каталонцы*), *португальцы*, *французы* и т.д. Для обозначения их потомков уже со второй половины XVI в. стало применяться слово *креол* (которое сперва служило только для обозначения негров — уроженцев колоний).

Довольно рано начали использовать такие выражения, как *дети этой земли*, в чем проявляется осознание себя *местными*. Затем потомки европейцев в колониях стали употреблять самоназвания с указанием места рождения. К концу XVII в. появились названия и самоназвания, образованные от названия колонии или ее части: *абанеро* (уроженец Гаваны), *паулиста* (из Сан-Паулу) и т.п.

Во второй половине XVIII в. для названия и самоназвания уроженцев Нового Света используется слово *американцы* (на разных языках в соответствующей форме).

В конце концов население той или иной страны обычно называлось по ее официальному наименованию. Завершающей стадией процесса формирования новых этнических идентификаций и новых этносов можно, очевидно, считать появление выражений типа *аргентинский народ*, *кубинский народ* и т.п.

Процесс складывания новых этнических идентификаций как следствие появления новых этнических общностей был относительно медленным и неодновременным в разных странах. Новые самоидентификации охватывали далеко не все слои той или иной территории или страны.

5. Этническая эволюция во второй половине XIX — первой половине XX в.

С середины XIX в. на этническую историю Латинской Америки оказывало влияние продолжавшееся формирование национальных государственных границ. Мексика после войны 1846—1848 гг. была вынуждена уступить США значительные территории (Верхнюю Калифорнию, Техас, Новую Мексику и др.). В конце XIX в. США захватили Пуэрто-Рико и (временно) Кубу. В 1903 г. Панама выделилась в самостоятельное государство. В Южной Америке во второй половине XIX и в первой половине XX в. имело место несколько войн, приведших к изменению границ. В Чили, наконец, усмирили *арауканов*.

После отмены рабовладения на Кубе (1886) и в Бразилии (1888) значительная часть бывших рабов в этих странах переселилась в города. Кризис работорговли и отмена рабовладения привели к поискам других источников дешевой рабочей силы для плантационного земледелия. В Латинскую Америку стали ввозить батраков из Китая, Индии и Индонезии; их доставляли главным образом на Британские Антилы, в Гвиану и на Кубу.

Лишь в немногих странах (на Антилах) бывшие рабы получили землю в собственность и превратились в крестьян. В большинстве же случаев они остались без земли и стали наемными сельскохозяйственными рабочими или перебрались в города, заселив кварталы нищеты. Эта масса населения отличалась подвижностью и «перетекала» в те места, где появлялась работа. Восток Кубы в начале XX в. привлек десятки тысяч сельскохозяйственных рабочих с Гаити и из британских островных колоний. Из тех же британских колоний массы чернокожих рабочих устремились на строительство Панамского канала (1904—1920).

В 80—90-е гг. XIX в. ряд стран Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Уругвай, Чили, Мексика, Куба) вступили на путь промышленного развития. Существенно возросла миграция населения. Расширилась иммиграция из Европы. Так, в Аргентину с 1857 по 1915 г. въехало более 2 млн итальянцев, почти 1,5 млн испанцев, сотни тысяч выходцев из других стран. Ко времени начала Первой мировой войны там уже проживало до 70 тыс. поляков и 15 тыс. украинцев. Между двумя мировыми войнами в Аргентину, Бразилию, Уругвай (и в меньшей степени в Парагвай) переселились сотни тысяч славян. В Бразилию въехали 180 тыс. поляков и 47 тыс. украинцев-католиков. В некоторых районах переселенцы образовали компактные массивы. В то же время иммиграция в Мексику была незначительной.

Начиная с рубежа XIX—XX вв. стала (впервые с начала конкисты) постепенно увеличиваться численность аборигенного населения Америки — индейцев. Важную роль в судьбе этого населения сыграла буржуазно-демократическая революция в Мексике (1910—1917) и последовавшие за ней гражданские войны, в которых индейцы приняли активное участие. Благодаря этому *индейский вопрос* в Мексике на долгие годы стал одной из важнейших национальных проблем. Не без влияния указанных событий в Мексике с начала XX в. во многих странах произошло серьезное переосмысление статуса аборигенов, они стали объектом специальной политики латиноамериканских государств.

С началом промышленного развития в ряде стран происходило изъятие у аборигенов обширных территорий. Во многих случаях сгон индейцев с земли сопровождался их физическим уничтожением. Многие индейцы оказались в городских кварталах бедноты.

Урбанизация повлекла за собой стандартизацию материальной культуры городских масс населения. В некоторых латиноамериканских странах этот процесс получил название *американизации*, так как проникновение общемировых (или ставших таковыми впоследствии) стандартов культуры и в самом деле происходило из США, сопровождалось распространением англоязычной терминологии, что вызывало тревогу у местной интеллигенции.

В духовной сфере одним из наиболее значительных явлений стало широкое распространение протестантизма в традиционно католических странах, в том числе и среди аборигенов Латинской Америки. Другое континентальное явление — распространение синкретических верований на основе как африканских, так и индейских культов (*вудуизм* — среди гаитийцев, *абаква* — на Кубе и др.).

Существенным явлением духовной жизни следует считать отражение этнической истории народов Америки в идеологии. Одной из форм этого стали случаи проявления в некоторых слоях населения ряда стран Латинской Америки националистических идей во второй половине XIX — начале XX в. Временами обострялись расовые отношения.

К середине XX в. в Латинской Америке сложилось несколько больших областей с точки зрения преобладания в них того или иного типа населения. В большей части Аргентины и на всей территории Уругвая индейское население исчезло, уступив место европейским колонистам. Такая же ситуация сложилась в Коста-Рике, Восточной Бразилии и на части Больших Антиль (Куба, Пуэрто-Рико). Образовалась, так сказать, *Евроамерика*. В других частях Латинской Америки преобладающим типом стало смешанное индейско-европейское население. К ним относят Парагвай, большую часть внутренней сельской Бразилии, некоторые районы Западной Аргентины, Среднее Чили, прибрежные области Перу, внутренние районы Центральной Америки, часть территории Венесуэлы и Колумбии. Эти области

Танцоры танго. Буэнос-Айрес

иногда именуют *Метисоамерикой*. На высокогорьях Мексики, Гватемалы, Боливии, Перу и Эквадора сохранились значительные массивы коренных обитателей Нового Света — индейцев. Здесь сформировалась так называемая *Индо-*

Скотоводы-гаучо за работой. Парагвай

америка. В качестве своеобразных областей выделяют и те, где исчезнувшие индейцы были замещены рабами из Африки — территории от юга США до Бразилии, включая часть Антиль (Гаити, Ямайку, Наветренные и Подветренные о-ва и др.) и прибрежные тропические области; их подчас называют *Афроамерикой*.

Этнодемографическая и языковая ситуация в Латинской Америке и Вест-Индии к концу XX — началу XXI в. приобрела относительно устойчивый вид. Во второй половине XX в. в основном завершился процесс становления независимых государств в Америке после окончательного распада мировой колониальной системы. Начиная с 1960-х гг. независимыми стали Ямайка, Гайана, Белиз, почти все британские владения на Малых Антильских о-вах (Тринидад и Тобаго, Барбадос и др.), Суринам. Захваченный в конце XIX в. США о. Пуэрто-Рико в 1952 г. был провозглашен «свободно присоединившимся государством». Недавний референдум подтвердил этот статус. В политической зависимости все еще находятся бывшие колонии¹ Франции в Гвиане и на Малых Антильских о-вах. Некоторые небольшие острова остаются под властью США, Англии и Голландии.

¹ Со времени окончания Второй мировой войны они имеют статус «заморских департаментов» Франции.

Рассматриваемый период отмечен значительным ускорением процессов урбанизации в ряде стран Центральной и Южной Америки.

Коренное население (индейцы) в разных странах, а иногда и в пределах одной страны находится далеко не в одинаковом социальном и экономическом положении. Однако обычно это положение значительно хуже, чем у других этнических групп. Нередко под лозунгами развития той или иной страны происходит целенаправленное вытеснение аборигенов из традиционных мест их обитания. А те земли индейцев, где обнаруживаются месторождения полезных ископаемых (в особенности золота или алмазов), нередко подвергаются вторжению не контролируемых властями старателей. В этих случаях, как и в начале конкисты, над так называемыми *лесными индейцами*, то есть группами, до недавнего времени бывшими вне тесного контакта с внешним миром, висит угроза прежде всего массовых заболеваний от неизвестных им прежде болезней.

К нестабильности индейских общин в некоторых случаях приводила деятельность протестантских миссионеров в католических странах, — а именно тогда, когда протестанты навязывали индейцам английский язык и боролись с традиционными обычаями (в частности, с многоженством). Иногда это вызвало раскол общин.

До недавнего времени индейские общины считались фактором устойчивости и хранителями традиционной культуры. Аборигены, порывавшие со своей общиной, уходившие в город или нанимавшиеся в работники далеко от общины, становились более подверженными воздействиям внешней среды. Однако при определенных условиях — а именно при поддержании устойчивых связей с родственниками, проживающими в общинах исхода, — мигрантам удавалось дольше сохранить многие элементы традиционной культуры, и прежде всего в духовной сфере. Такого рода факты наиболее известны о *гуахирах*, проживающих на границе между Колумбией и Венесуэлой, о *гуахибо* и *каринья* (и те и другие — в Венесуэле). В Мексике не утратили своего этнического самосознания переселившиеся в города *сапотеки*.

В последние десятилетия заметным явлением в политической жизни многих стран стали *индейские движения*, направленность, сила и степень организованности которых весьма различны. Среди главных их требований — возврат индейцам отчужденных у них в прошлом земель, признание за ними равных с другими этническими группами прав, возрождение традиционной культуры. Существуют организации аборигенов национального и даже континентального уровней. Нередко эти движения пользуются поддержкой других общественных организаций. Начиная с 70-х гг. XX в. за права аборигенов стали более активно бороться этнологи.

* * *

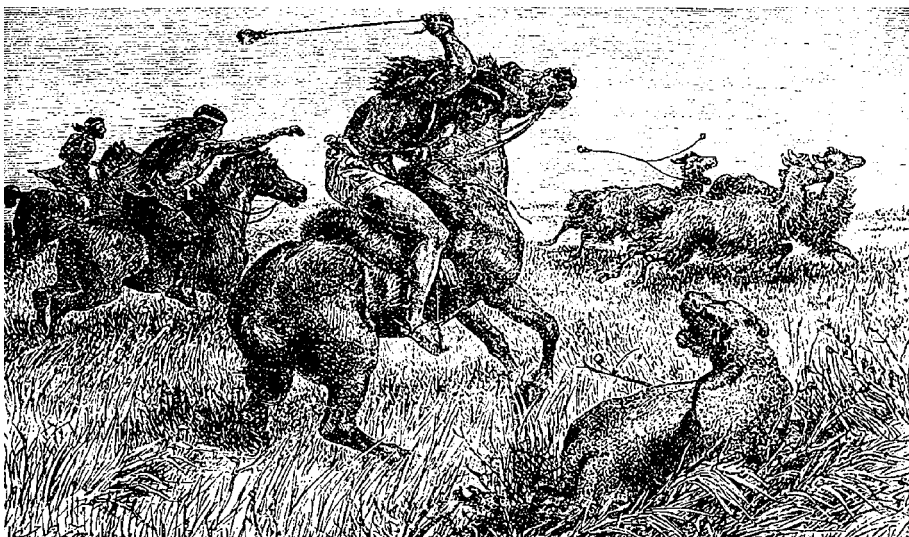
В некоторых районах Латинской Америки и Антильских о-вов распространено *двуязычие*. Языком общения между разноязыким населением той или иной страны служит, как правило, государственный язык. Есть страны с двумя официальными языками (испанский и кечуа — в Перу) и даже с тремя (испанский, аймара и кечуа — в Боливии). Двуязычие, например, сохраняется в Парагвае, где в бытовой сфере все еще употребителен гуарани, а в официальной — испанский. Есть места, где говорят на нескольких индейских языках. Наиболее

известен в этом отношении бассейн р. Ваупес (на стыке территорий Колумбии, Бразилии и Венесуэлы). Многие из проживающих там индейцев помимо туканских языков пользуются испанским, португальским, а в некоторых местах — тупи-гуарани. В ряде районов Бразилии языком межэтнического общения является лингва жерал.

6. Регионы. Народы. Культурная специфика

Для Латинской Америки и Вест-Индии типично многообразие хозяйственных занятий. В некоторых областях сохраняются пережитки архаических форм экономики — охота, собирательство, примитивное земледелие, разведение местных видов животных (лам и альпак). Некоторые индейские племена сохранили умение добывать огонь трением двух сухих кусков дерева. Лесные индейцы Бразилии и Венесуэлы продолжают пользоваться во время охоты духовой трубкой *сарбаканом*. В бассейне Амазонки практикуется заимствованная от индейцев *охота на крокодилов с гарпуном*. Жители Пампы — конные охотники используют *болу* (от исп. *бола* — «шар») — охотничье метательное оружие-ремень с двумя или тремя концами, к которым прикреплены каменные шары.

Современные крестьяне (индейцы, метисы, а нередко и креолы) по сей день часто применяют те же орудия труда, что и в древности. Так, крестьяне-кечуа в Перу для вскапывания почвы до сих пор используют узкую лопату с поперечным выступом (*чакиталья*), мотыгу (*такля*), дубину для разбивания комьев земли (*макана*), палку для молотбы, серп и другие архаические орудия труда. Среди типичных крестьянских орудий труда следует упомянуть длинный саблевидный нож *мачете*, распространенный в Мексике, на Кубе и в других странах и чаще всего используемый при уборке сахарного тростника. Для измельчения зерен кукурузы, кофе и т.п. применяют ступы (*пилон*) из твердых пород дерева.

Индейцы теуэльче: охота с болой. Рис. XIX в.

Для некоторых областей Латинской Америки характерна монокультурность сельского хозяйства (преобладание какого-нибудь одного вида растений или деятельности): выращивание бананов, табака, кофе, какао, сахарного тростника и т.п. Понятно, что односторонняя ориентация хозяйства накладывает свой отпечаток на повседневный быт, поведение и образ жизни людей. Рост промышленности — в первую очередь в Мексике, Бразилии, Аргентине и некоторых других странах — способствовал формированию городского населения с присущими ему особенностями быта, расселения и культуры. Но в большинстве стран долгое время развивались по преимуществу добывающие отрасли (например, нефтедобыча в Мексике, Венесуэле, Боливии, Перу; лесная промышленность — в странах, богатых тропическими лесами).

Традиционные формы народной культуры сохраняются больше не в городах, а в сельской местности. В сельве и пампе, в горах и на морских побережьях можно встретить хижины на деревьях, крытые пальмовыми листьями шалаши, дощатые хижины, однокомнатные избушки из сырца (необожженного кирпича) и небольшие дома из настоящего (обожженного) кирпича. Кроватей в латиноамериканском крестьянском жилище до начала XX в. не было, а обитатели таких домов нередко и теперь продолжают пользоваться *гамаками*.

В наше время латиноамериканцы обычно носят одежду европейско-американского типа, чаще всего — фабричного изготовления, более или менее отвечающую стандартам современной моды. Но во время праздников и совершения различных обрядов жители региона надевают одежду, по покрою, отделке и расцветке сходную с костюмами, которые носили их индейские, негритянские или креольские предки. Так, одежда сельских жительниц Гватемалы состоит из длинной юбки, сшитой из пестрой узорчатой ткани, и свободной, покрытой яркой вышивкой кофты. Мужская одежда — это куртка и штаны до колен, сшитые из однотонной ткани, без орнамента. Типичным элементом национального костюма многих народов Латинской Америки считается *sarape*, или *пончо* — теплая накидка квадратной формы (без рукавов) с отверстием для головы в центре. Костюм дополняет широкополая шляпа (*самбреро*), сплетенная из пальмового листа. Обувь — кожаная, но встречается и плетеная, веревочная, похожая на лапти.

Основу питания широких масс составляют продукты растительного происхождения. Так, в рационе ямайцев преобладают корнеплоды — батат, маниок, ямс, а также рис,

Молодые индейцы майя. Гватемала

бобы и бананы. Почти повсеместно распространены блюда из кукурузы (маиса), например лепешки (*тортилья*), или просто слегка поджаренная кукурузная мука. Широко известны кушанья из картофеля, имеющего в Латинской Америке много сортов и разновидностей. Так, индейцы аймара в Боливии выращивают картофель не только белого, но и желтого, красного, фиолетового и даже черного цветов. Очень типичный пищевой продукт в некоторых областях — лепешки из тертого маниока (*касабе*). Из напитков характерны кофе и сок сахарного тростника (*гуарано*). В Парагвае, Аргентине и отдельных районах других стран пользуется популярностью так называемый индейский (парагвайский) чай, или *мате*. Его готовят из растения *йерба-мате* — вечнозеленого низкорослого кустарника, листья которого содержат кофеин, танин, лимонную кислоту и другие вещества. Приготовление мате — целый ритуал. Порошок из листьев мате заваривают крутым кипятком. Отвар пьют с помощью специальных трубочек, предпочтительно серебряных.

Религия. Подавляющая часть населения Латинской Америки официально принадлежит к католической форме христианства. В действительности же история и современное состояние религиозных верований у народов региона куда сложнее и многообразнее. Для верований древних цивилизованных народов Америки был характерен политеизм (многобожие). У ацтеков одним из главных богов стал бог войны, важную роль играли боги правосудия и судьбы, бог дождя, воды и грома и, наконец, «Пернатый змей» — бог ветра и воздуха, покровитель жрецов. Верховными божествами инков считались солнце (Инти), гром (Ильярпа), луна (Килья). С культом солнца связано обожествление верховных правителей, которых почитали как «детей солнца». Обряды древних культов включали жертвоприношения, в том числе и человеческие.

Распространение христианства отнюдь не вытеснило полностью дохристианские верования и обряды, что, в частности, сказалось в почитании Мадонны (Божьей Матери) и многочисленных святых, заменивших собой прежних языческих богов. Так, в Мексике в качестве национальной святой почитается Божья Матерь Гуадалупская; 12 декабря в ее храм в пригороде Мехико стекаются десятки тысяч паломников. Интересно, однако, что истоки почитания Мадонны Гуадалупской не только христианские: ее образ заменил образ древней ацтекской богини земли Тонацин. Иные христианские храмовые церемонии вобрали в себя древние ацтекские обряды — ритуальные танцы в масках. Индейские и христианские ритуалы часто дополняют друг друга. Так, в Бразилии брак нередко освящается в церкви, но на свадебный праздник и пир приглашают и колдуна, который «охраняет» молодых от сглаза, отгоняет злых духов и т.п.

В ряде стран Латинской Америки сложились верования, возникшие в результате смешения различных африканских религий, испытавших на себе также воздействие христианства. Наиболее полное развитие такие культы получили в Гаити, Бразилии и на Кубе. Религия гаитийских негров — *вудуизм* (от дагомейского *воду* — «дух», «божество») — представляет собой своеобразный вариант политеизма и веры в духов. Водуистский пантеон многочислен. Интересно, что в сознании верующих божества сохраняют следы своего африканского — регионального или этнического — происхождения: дагомейские божества, конголезские, связанные с народом йоруба, мандинга и др. Одна группа божеств — *петро* — местного гаитийского происхождения. У каждого божества обычно имеется свой двойник в лице христианского святого.

Лесные индейцы отчасти сохраняют свои религии, шаманизм и т.п.

Культура. Интересны развлечения, обычаи народов латиноамериканских стран. Эти народы очень музыкальны. Пение, танцы — постоянные явления их жизни. Среди используемых музыкальных инструментов есть ударные (различные виды барабанов, *маримба* — разновидность ксилофона), духовые (флейты разного вида) и струнные — многочисленные формы гитары: кубинская — с тремя двойными струнами, венесуэльская — с четырьмя такими же струнами, боливийская — с пятью двойными струнами и др. В Мексике распространены полубродячие народные оркестры (*марьячи*), за небольшую плату играющие на семейных торжествах, народных праздниках и увеселениях. На Кубе и в некоторых других странах Латинской Америки очень популярны состязания певцов, которые сами сочиняют десятистишия (*дэсимы*) или четверостишия (*квартеты*) и сами аккомпанируют себе на гитаре.

Своих привычных, этнически своеобразных, иногда архаических форм культуры чаще всего придерживаются сельские жители, будь то индейцы, афроамериканцы или креолы. Но существуют и такие формы массовой народной культуры, которые больше связаны с городским бытом. Это прежде всего латиноамериканский *карнавал*, наиболее ярко празднуемый в Бразилии и на Кубе. Карнавал восходит к древним земледельческим обычаям европейских народов. Это костюмированный массовый праздник. В составе карнавальных шествий — пение, пляски, состязания театрализованных представлений, избрание королевы карнавала и др.

В некоторых латиноамериканских странах — Венесуэле, Мексике, Колумбии, Перу — еще живет зрелище, некогда завезенное сюда из Испании, — бой быков (*коррида де торос*). В Панаме бытует своеобразная бескровная коррида, где для достижения победы достаточно лишь дотронуться до разъяренного быка. Во многих странах устраивают *родео*, во время которого пастухи демонстрируют свое умение управляться со скотом.

Во всех странах и у всех народов Латинской Америки языки, культура, форма повседневного быта несут в себе черты многих влияний, смешений и взаимодействий. Это относится и к той части культуры, которая, вырастая на почве народного творчества (фольклора), создается профессионалами — писателями, композиторами, артистами и иными представителями национальной художественной творческой интеллигенции. Важное условие развития национальной профессиональной культуры — подъем народного образования, уровень которого в разных странах весьма неодинаков. Неграмотность почти полностью ликвидирована только на Кубе; ее уровень очень высок в Гаити, Венесуэле, Эквадоре; даже в таких развитых странах, как Мексика, Аргентина и Бразилия, уровень народного образования ниже, чем в странах Европы.

Развитие образования в странах латиноамериканского региона осложняется этнической неоднородностью их населения. В колониальную эпоху мало кто помышлял об обучении грамоте индейцев и негров; позднее потребность в более квалифицированной рабочей силе сделала народное образование, просвещение всего населения объективной необходимостью. Этому способствовали и сторонники *индеанистского* движения, ставившего своей целью улучшение положения индейцев, в том числе их школьного и профессионального образования. В наши дни в начальной школе детей индейцев (например, в Мексике) стараются обучать на местных индейских языках: науатль, отоми, майя, тараска

и др. Параллельно постепенно вводится преподавание испанского языка. Такая система не всегда оправдывает себя: нередко учащиеся остаются малограмотными и на том, и на другом языке обучения.

Интеллигенция, сложившаяся у многих народов и в разных странах региона, создала национальные литературы, свое национальное театральное искусство и иные формы духовной культуры. Процесс этот начался давно. Уже в XVI в. на языке кечуа была записана драма «Апу-Ольянтай» (ее ранние варианты, вероятно, сохранялись в устной передаче). В ней говорится о любви полководца Ольянта к красавице Коси Койлюр, дочери Верховного инки. Инки, считавшие себя детьми бога Солнца, не допускали мысли о браке с обычным человеком: попытка заключения такого брака каралась смертью. Но Коси Койлюр, тронутая горячим чувством Ольянта, отвечает ему взаимностью. Ольянта просит ее руки у Верховного инки. Ольянтаю грозит смерть, но он бежит в горы, где начинает борьбу за свое счастье. Эта драма была и остается популярной, ее исполняют при организации индейских праздников.

Среди языков, ставших литературными, может быть упомянут *гуарани*. На этом языке в 1930-е гг. создавал свои стихотворения Ортис Герреро. Хулио Каррера (1908—1954) стал основателем театра гуарани; его перу принадлежит, в частности, драма «Голод несчастных».

Одним из влиятельных и распространенных направлений национальных литератур в Латинской Америке в XIX в. стал *костумбризм* (от исп. *костумбре* — «обычай»). В своих произведениях представители костумбризма описывали обыденную жизнь людей в своих странах, способствуя тем самым осознанию национальных проблем, формированию национального самосознания. В XX в. всему миру стали известны яркие романы бразильца Жоржи Амаду, детские книги его соотечественника Жозе Монтейру Лобату, поэмы чилийца Пабло Неруды, произведения кубинцев Алехо Карпентьера и Николаса Гильена, романы колумбийца Габриеля Гарсии Маркеса. Крупный вклад в мировую музыкальную культуру внес признанный знаток фольклорной музыки и композитор бразилец Эйтор Вила Лобос. Мировую известность получила аргентинка Лолита Торрес — талантливая киноактриса и исполнительница национальных эстрадных и народных песен. Бразильский спортсмен Пеле (настоящее имя — Эдсон Арантис ду Насименту) достиг выдающихся результатов в очень популярной в Латинской Америке игре в футбол.

Следует также отметить, что именно в Латинской Америке были выведены культурные формы картофеля, томатов, кукурузы, хлопчатника, какао, гевеи (дерево, главный источник натурального каучука). Такие популярные танцы, как *танго* и *румба*, были созданы латиноамериканцами. Из всего сказанного видно, насколько велик вклад латиноамериканских народов в мировую историю и культуру.

Многообразие демографических, этнических и культурных трансформаций в Латинской Америке и Карибском регионе в прошлом и настоящем определялось и определяется интенсивным участием в этих процессах населения различного расового, этнического, языкового и социального происхождения.

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В данной главе¹ речь идет о населении (народах) Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, Великобритании, Ирландии, Нидерландов, Бельгии, Франции, Испании, Португалии, Италии, Мальты, Греции, Швейцарии, Лихтенштейна, Австрии, Германии, Венгрии, Румынии, Албании и карликовых государств Европы — Андорры, Люксембурга, Сан-Марино и др.

В силу ряда исторических причин крупнейшие народы и государства Западной Европы на протяжении длительных периодов — в античную эпоху (Древняя Греция, Древний Рим) и во II тыс. н.э. (Великобритания, Франция, Голландия, Испания, Португалия, Германия, Австрия и др.) — занимали ведущее положение в мире. Их достижения в экономике и культуре, влияние на мировую политику способствовали формированию *европейской региональной цивилизации*.

1. Заселение Европы человеком. Основные этапы этнической истории

Европа не принадлежит к регионам, на территории которых происходило становление человечества. Однако люди появились здесь очень давно. Судя по археологическим данным, они стали жить в этой части света в раннем палеолите — не позже 1 млн лет тому назад. Древнейшая палеоантропологическая находка на территории Европы относится ко времени, отстоящему на 400—450 тыс. лет от наших дней. Это челюсть гейдельбергского человека, найденная в 1907 г. в Германии (недалеко от г. Гейдельберга). Позже в Европе были обнаружены другие фрагменты костей, возраст которых составляет 300—400 тыс. лет. Длительное время (200—250 тыс. — 40 тыс. лет назад) в Европе обитали неандертальцы — другая из известных форм древних людей. К моменту их исчезновения (начало позднего палеолита) в Европе уже появились и люди современного вида.

В позднем палеолите (40—13 тыс. лет назад) люди заселили почти всю Европу, кроме ее самой северной части. Их главным занятием служила охота на крупных животных. Языковую принадлежность жителей Европы того времени сейчас установить невозможно. В расовом же отношении население было, как и теперь, по преимуществу европеоидным.

В течение мезолита (13 тыс. — 5 тыс. лет до н.э.) люди заселили и Северную Европу. Тогда же возникли различия в хозяйственных занятиях населения разных районов Европы: племена, жившие на побережье Средиземного и Балтийского морей, занимались рыболовством, по берегам Северного моря — морским собирательством, во внутренних районах — охотой и собирательством.

¹ Название главы условно, так как в ней речь идет о части зарубежной Европы; странам ближнего зарубежья — Украине, Молдавии и др. — и славянским государствам Центральной Европы и Балканского п-ова посвящены отдельные главы.

Очень рано — еще в мезолитическое время — в отдельных областях Европы начался постепенный переход к производящему хозяйству и некоторые группы рыболовов одомашнили собак и свиней. О языках мезолитического населения Европы можно только строить более или менее обоснованные догадки.

На большей части территории Европы переход к неолиту произошел в V тыс. до н.э. (в Северной Греции — к VII тыс. до н.э.). Уже тогда здесь появились первые земледельческо-скотоводческие поселения. Металлургия (использование бронзы) возникла в Европе в VI или V тыс. до н.э., железный век начался в I тыс. до н.э.

До III тыс. до н.э. население этой части света говорило на почти неизвестных доиндоевропейских языках. Позднее племена, пользовавшиеся этими языками, были ассимилированы пришедшими в Европу в III—II тыс. до н.э. народами, говорившими на *индоевропейских* языках. От древних неиндоевропейских языков в Западной Европе до нашего времени сохранился язык *басков*; его связывают с языком древних *васконов*, обитавших в Пиренеях и упоминаемых в античных источниках. Из индоевропейских племен в Европу раньше всего проникли *пеласги*, *греки* (*эллыны*), а затем *италийские* и *кельтские племена*. В III—II тыс. до н.э. под влиянием древневосточных культурных центров на юге Европы сложилась выдающаяся крито-микенская цивилизация. Наследницей ее стала возникшая в I тыс. до н.э. эллинская (древнегреческая) цивилизация, а преемницей последней — римская.

В период существования Римской империи (27 г. до н.э. — 476 г. н.э.) в ее западной части происходила массовая *романизация* населения: завоеванные римлянами народы постепенно усваивали латинский язык. Однако латынь смешивалась у них с местными (родными) языками — *иберийскими*, *германскими*, *кельтскими* и др. — и существенно менялась. Так возникла *вульгарная* (*народная*) *латынь*, которая дала начало современным *романским языкам*.

В III—VII вв. н.э. в Европе происходили массовые миграции германских, славянских, тюркских, иранских и других племен, получившие позже название Великого переселения народов. Мощный импульс этим миграциям дали, в частности, тюркоязычные *гунны*. Они пришли в Европу в IV в. из далеких азиатских степей. То была первая встреча жителей Европы с монголоидами, поэтому гунны пугали жителей Европы не только опустошительными набегами, но и самой своей внешностью, необычной для европейцев. Гунны разгромили германоязычные племена *остготов* и стали теснить родственных им *вестготов*, живших к северу от нижнего течения Дуная. Вестготы вынуждены были с согласия римского императора переселиться на Балканский п-ов, входивший тогда в состав Римской империи. В 378 г. они восстали и в союзе с гуннами, а также пришедшими с востока ираноязычными *аланами* разгромили римские войска. В 410 г. вестготы захватили Рим. После этого поражения император Западной Римской империи уступил вестготам Аквитанию (юго-западная часть современной территории Франции), где в 419 г. сложилось первое германское государство на территории Западной Римской империи — Тулузское королевство. Позже к вестготам отошел и северо-восток Пиренейского п-ова. В северо-западной его части закрепилось германское племя *свевов*. Два других германских племени — *бургунды* и *франки* — в середине V в. создали свои королевства (Бургундское и Франкское) на территории Галлии. Примерно в это

же время германские племена *англов*, *саксов* и *ютов* приступили к завоеванию покинутых римлянами еще в начале V в. Британских о-вов, которые были издавна заселены различными кельтскими племенами.

В середине V в. гунны вместе с остготами вторглись в Галлию, но были разбиты объединенными силами римлян и обосновавшихся там германцев и ушли на Дунайскую равнину. С VI по VIII в. на этой равнине господствующие позиции заняли *авары*. Впоследствии гунны и авары полностью растворились в местном населении.

В 476 г. под ударами германцев пала Западная Римская империя, а в 493 г. принявшие участие в ее разгроме *остготы* создали свое государство, охватившее обширную территорию от Центральной Италии до Дуная. На севере же Италии в VI в. обосновалось германоязычное племя *лангобардов*.

Таким образом, основным компонентом Великого переселения народов в Западной Европе были германские племена (*готов*, *вандалов*, *свевов*, *бургундов*, *лангобардов*, *англов*, *саксов*, *франков*), широко расселившиеся по этому региону и создавшие свои государства. На территории Испании обосновались вестготы и свевы, на территории Франции — вестготы и бургунды, а позднее — франки, на территории Италии — остготы, а затем лангобарды и франки, на территории Англии — англ, саксы и юты. Часть живших на Британских о-вах кельтоязычных *бриттов* вынуждена была мигрировать на материк, на северо-запад нынешней Франции. От них ведут свое происхождение *бретонцы*. Судьба германцев в разных частях Европы складывалась по-разному. В сильно романизованных областях (на территории Галлии, Иберии, Италии) сохранились различающиеся диалекты вульгарной латыни, а германцы со временем были ассимилированы местным населением. В тех же районах, где романизация оказалась слабой (например, в Британии), возобладали германские языки.

На территории Восточной Римской империи (Византии) основной движущей силой миграций стали *славяне*. В результате перемещений на протяжении V—VII вв. многочисленные группы славян расселились на территории от Черного и Эгейского морей до Адриатики (подробнее см. в главе 20).

В VIII в. в Европу вторглись *арабы*. Они завоевали почти весь Пиренейский п-ов, а также некоторые о-ва в Средиземном море и оказали определенное культурное влияние на жившие там народы. В IX в. в Центральную Европу, в бассейн Дуная, проникли *мадьяры* (другое название — *венгры*). Хотя в антропологическом и культурном отношении мадьяры подверглись сильному воздействию со стороны расселенных там этнических групп, им удалось сохранить и передать местному населению свой угорский язык, на котором и сейчас говорят венгры.

IX и X вв. отмечены перемещением с севера на юг *норманнов*. Они покорили одну из северных областей Франции (позже получившую название Нормандии), но постепенно там романизовались, т.е. перешли на французский язык (возникший ранее на основе местного варианта народной латыни), а также испытали культурное воздействие со стороны французов. В XI в. уже романизованные норманны завоевали Англию. Через норманнов Англия подвергалась сильному французскому влиянию, именно норманнское завоевание привело к тому, что в английском языке появился большой пласт романской лексики. Норманнам на некоторое время удалось, кроме того, закрепиться на юге

Апеннинского п-ова и на о-ве Сицилия. Они освоили также Исландию. На всех завоеванных ими территориях (кроме Исландии) норманны переняли языки и культуру местного населения.

В XIV—XV вв. в Европу проникали *турки-османы*. Им удалось в 1453 г. захватить Константинополь, разгромить Византию и на несколько веков подчинить себе Балканы.

В течение эпохи феодализма (VIII—XVI вв.) в разных городах Европы сложились небольшие общины *евреев*. В XV—XVI вв. в Европе появились *цыгане*, которые постепенно небольшими общинами расселились во многих странах.

Великое переселение народов, миграции и завоевания последующих веков сыграли существенную роль в формировании современного этнического состава населения Европы.

2. Современный этнический и языковой состав населения Западной Европы

Языки подавляющего большинства народов Европы относятся к индоевропейской языковой семье. Две самые крупные группы этой семьи в рассматриваемом регионе — романская и германская. Этноты романской группы живут в основном на юго-западе Европы и в бассейне Нижнего Дуная. Это такие многочисленные народы, как *итальянцы* (57 млн), *французы* (47 млн), *испанцы* (29 млн), *румыны* (21 млн), *португальцы* (12 млн). Каждый из них имеет свое национальное государство. К романской группе относятся и живущие главным образом на северо-востоке Испании *каталонцы* (8 млн), один из двух основных народов Бельгии — *валлоны* (4 млн), расселенные на северо-западе

Румынка из Онешти. Южная Буковина

Испании *галисийцы* (3 млн), обитающие на Сардинии *сардинцы* (1,5 млн), населяющие соответственно западную, южную и восточную окраины Швейцарии *франкошвейцарцы*, *италошвейцарцы* и *романши*. К романской группе принадлежат также *фриулы* и *ладины*, проживающие на северо-востоке Италии; *корсиканцы*, населяющие о-в Корсику, *аромуны* и *каракачаны* — в Югославии, Греции и других странах; *меглениты*, расселенные на севере Греции; *истрорумыны*, обитающие на западе Хорватии; *саммаринеси*, коренное население Сан-Марино; *андоррцы*, коренные жители Андорры; *монегаски*, обитатели Монако; *льяниты*, или *гибралтарцы*, живущие в Гибралтаре.

Не все эти народы говорят на особых собственных языках. Валлоны и франкошвейцарцы говорят на французском языке, корсиканцы, италошвейцарцы и саммаринеси — на итальянском, андоррцы — на каталонском, гибралтарцы — на испанском (наряду с английским), монегаски — на смеси итальянского и французского языков. Многие южные французы в быту общаются на окситанском (провансальском) языке.

Народы германской группы живут в основном на севере, северо-западе и в центре Европы. К этой группе принадлежат: *немцы* (75 млн), *англичане* (45 млн), *голландцы* (12 млн), *шведы* (8 млн), *австрийцы* (7 млн), *фламандцы* (7 млн), *датчане* (5 млн), *шотландцы* (5 млн), *норвежцы* (4 млн), *германошвейцарцы* (4 млн), *люксембуржцы* (0,3 млн), *исландцы* (около 0,3 млн), *лихтенштейнцы* (20 тыс.). Почти все эти народы имеют свои государства (англичане — совместно с шотландцами, фламандцы — с валлонами, германошвейцарцы — с франкошвейцарцами, италошвейцарцами и ретороманцами). Шведы помимо Швеции издавна живут и в Финляндии. К германской группе относятся также *эльзасцы* (1,4 млн) и *лотарингцы* (около 1 млн), расселенные на востоке Франции; *фризы*, живущие на севере Нидерландов и в очень небольшом числе — в Германии; *фарерцы*, обитающие на Фарерских о-вах (считающихся автономной частью Дании); *мэнцы*, населяющие принадлежащий Великобритании о-в Мэн.

Своеобразен этнический статус *шотландо-* и *англоирландцев*, которые являются потомками шотландских и английских переселенцев в Ирландию, где они существенно обособились от исходных этносов.

В состав германской группы условно включают живущих во Франции, Англии и в других странах евреев (1,4 млн) — на том основании, что в прошлом на протяжении веков бытовым языком большинства европейских евреев служил *идиш*, близкий к средневековому верхненемецкому языку (небольшая часть европейских евреев пользовалась родственным испанскому языком *ладино*). Однако в настоящее время большинство европейских евреев общается на языках стран проживания — французском, английском и др.

Среди народов германской группы многие говорят на немецком или английском языке. Немецким языком, кроме немцев, пользуются австрийцы, германошвейцарцы, лихтенштейнцы, люксембуржцы, эльзасцы. Впрочем, эльзасцы двуязычны и хорошо владеют французским языком; люксембуржцы трехязычны: они говорят на немецком, французском и своем лётцебургском (люксембургском) диалекте, имеющем свою письменность. Делаются попытки

Аромунская женщина.
Северная Добруджа, Румыния

Шотландец, играющий на волынке. Эдинбург

развивать письменность на распространенном в Швейцарии *алеманском диалекте* немецкого языка (*свицердюдце*). Своеобразна языковая ситуация и в самой Германии. Хотя литературный язык у немцев один, разговорных языков в стране два. Они родственны, но взаимонепонимаемы. Это *верхненемецкий*, или *хохдойч* (на основе которого был создан немецкий литературный язык), и *нижненемецкий*, или *платтдойч*. Платтдойч распространен на севере Германии; он близок к голландскому языку. На английском кроме англичан в настоящее время говорят шотландцы, шотландо- и англоирландцы, а также мэнцы. В прошлом у мэнцев был свой кельтский язык, который полностью исчез.

Языковая ситуация в Норвегии в определенном смысле прямо противоположна германской. При одном разговорном языке здесь сложились два литературных: *букмол* — очень близкий к датскому (раньше его называли *риксмол*) и *нюношк* (прежнее название — *лансмол*), который сформировался на основе западнонорвежских говоров. Попытки «объединить» их не увенчались успехом, а привели к созданию третьего литературного языка — *самношк*. Он, правда, не получил сколько-нибудь широкого распространения.

Кроме народов романской и германской групп (а также этносов славянской группы, которым посвящены специальные главы) в Европе живут и другие народы индоевропейской семьи. *Греки* (10 млн) образуют греческую группу. К кельтской группе относятся *ирландцы* (6 млн), *уэльсцы* (*валлийцы*), *гэлы*, живущие на Британских о-вах и *бретонцы*, обитающие на северо-западе Франции. Следует отметить, что в настоящее время ирландцев можно отнести к кельтской группе в какой-то степени условно. На ирском, или ирландском, языке говорят только на крайнем западе Ирландии — в районе Гаэлтахт. Остальные

ирландцы хотя и знают ирландский язык (его преподают в школе), в основном пользуются английским. Есть среди ирландцев и двуязычные. Двуязычны и бретонцы: они используют французский и бретонский языки. Кельтами по происхождению являются и *корнийцы*, обитающие в Корнуолле, на юго-западе Англии. Корнийский язык был практически мертвым, но сейчас его восстанавливают и на нем говорят уже сотни людей, а еще несколько тысяч человек — изучают. *Албанцы* (5 млн) образуют отдельную албанскую группу. Живут в Европе и представители индоарийской группы — *цыгане*, а также выходцы из Индии и Пакистана и их потомки. В Европе, кроме того, имеются сравнительно небольшие группы *курдов* (иранская группа) и *армян* (армянская группа).

В Европе расселены и народы уральской языковой семьи — ее финно-угорской группы. К угорской подгруппе этой группы относятся *венгры* (13 млн), к финской — *финны* (5 млн) и небольшой народ *саамы* (иначе — *лопари*), обитающие на крайнем севере Европы, в арктических районах Норвегии, Швеции и Финляндии.

К афразийской (семито-хамитской) языковой семье относится язык *мальтийцев*. Он фактически является диалектом арабского, хотя в нем принята латинская письменность. Правда, в настоящее время большинство мальтийцев наряду с мальтийским знают английский и итальянский языки. К этой же семье принадлежит язык переселившихся в Европу, прежде всего во Францию, *арабов* (2 млн человек) из Алжира, Марокко, Туниса и других стран.

К тюркской группе алтайской семьи относится язык *турок*, живущих кроме европейской части Турции в основном в Германии (в качестве рабочих-мигрантов).

Один коренной народ Европы — *баски* — в языковом отношении занимает изолированное положение; баскский язык не удалось отнести ни к одной языковой семье. Баски живут в западных Пиренеях, по обе стороны испано-французской границы.

За счет мигрантов из других регионов (арабов, турок, курдов и др.) этнический состав населения Европы в последние десятилетия стал более пестрым.

Кроме переселений из других частей света для Европы очень характерны и внутрирегиональные межгосударственные миграции, что также делает этни-

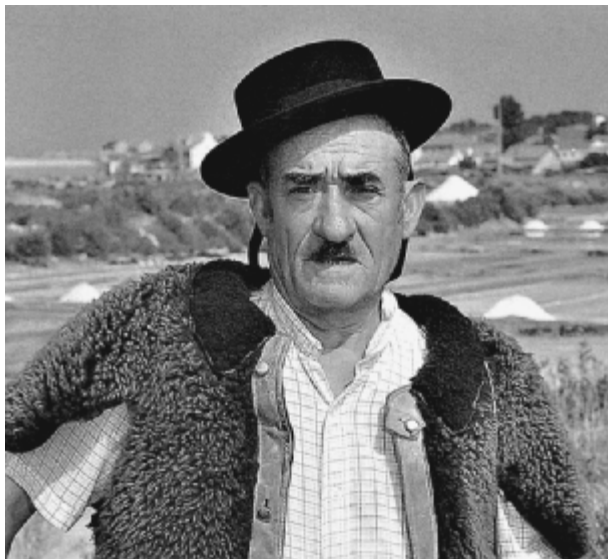
Молодая венгерка

ческий состав населения некоторых стран более разнообразным. Мигрантов, естественно, притягивают самые богатые и развитые страны. Основные их потоки идут во Францию, Великобританию, Германию, Швейцарию, Бельгию, Швецию. Во Францию едут итальянцы, португальцы, выходцы из Испании, поляки, в Великобританию — прежде всего жители соседней Ирландии, в Германию — итальянцы, греки, португальцы, сербы, хорваты и др.

3. Антропологический состав населения Западной Европы

В расовом отношении современное население Европы, не считая значительной сейчас группы иммигрантов из неевропейских стран, относительно однородно. За исключением саамов, которые относятся к малой лапоноидной расе, занимая по своему физическому облику промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, основное население Европы принадлежит к большой европеоидной расе, представленной здесь всеми тремя своими ветвями: *северной*, *южной* и *переходной*. Каждая из этих ветвей в свою очередь включает в себя разные группы. Население большей части Северной Европы относится к атлантико-балтийской малой расе северной ветви европеоидов. Для нее характерны очень светлая кожа, светлые волосы, голубые или серые глаза, большая длина носа, сильное развитие бороды у мужчин, высокий рост. В эту группу входят шведы, норвежцы, датчане, исландцы, финны, часть англичан (преимущественно в восточных районах Англии), голландцы, северные немцы и некоторые другие народы, живущие на севере Европы.

Для народов Южной и Юго-Западной Европы характерны разные варианты индо-средиземноморской и балкано-кавказской малых рас, относящихся к южной ветви европеоидов. Представители индо-средиземноморской расы

Пастух из Алентежу. Португалия

имеют смуглую кожу, темные волосы, карие глаза, удлиненный нос с несколько выпуклой спинкой, узкое лицо. К разным вариантам этой малой расы принадлежат подавляющее большинство испанцев и каталонцев, галисийцы, португальцы, итальянцы (кроме северных), южные греки и румыны. Для балкано-кавказской расы характерны смуглая кожа, темные волосы, темные глаза, выпуклый нос, очень сильное развитие третичного волосяного покрова, высокий рост. К этому типу относятся, например, албанцы и северные греки.

Народы, населяющие центральную часть Европы, образуют разные варианты средневропейской расы. Она представляет собой переходную группу, занимающую по своим антропологическим признакам промежуточное положение между северной и южной ветвями. Для средневропейской расы характерна более интенсивная по сравнению с северной ветвью пигментация волос и глаз и несколько меньший рост. К различным вариантам средневропейской расы относятся основная часть французов и немцев, северные итальянцы, валлоны, фламандцы, население Швейцарии, австрийцы, венгры.

4. Конфессиональный состав населения Западной Европы

Наиболее распространенной религией народов Европы является христианство, представленное здесь тремя главными направлениями: *католицизмом*, *протестантизмом* разных течений и *православием*. Католицизм распространен прежде всего в Юго-Западной и Центральной Европе. Его исповедует подавляющее большинство верующих Ирландии, Бельгии, Люксембурга, Франции, Испании, Португалии, Италии, Мальты, Австрии, а также всех государств-карликов — Андорры, Монако, Сан-Марино, Ватикана и Лихтенштейна. Католики составляют две трети обитателей Венгрии (при значительной доле протестантов-реформатов), образуют самые многочисленные группы (хотя и не абсолютное большинство) в Швейцарии и Нидерландах. Много католиков и в Германии, но несколько меньше, чем лютеран. Значительные группы их расселены также в Великобритании и Северной Ирландии. Немало последователей Римско-католической церкви живет и в Албании.

Тремя основными течениями протестантизма в Европе являются *лютеранство*, *англиканство* и *кальвинизм*. Лютеранство исповедует подавляющее большинство населения Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и Исландии, а также более трети жителей Германии, где это самая крупная конфессия. Англиканы составляют свыше половины верующих Великобритании (там также распространены как католицизм, так и другие формы протестантизма). В Англии англиканство — государственная религия. Кальвинисты в Европе живут прежде всего в Швейцарии, Нидерландах и Шотландии. В Швейцарии и Нидерландах кальвинизм представлен реформатством; в обеих этих странах много и католиков. В Шотландии распространен кальвинизм в форме пресвитерианства, имеющего здесь статус государственной религии.

Православия в Европе придерживаются (из народов, рассматриваемых в данной главе) греки, румыны и часть албанцев.

Есть в Европе и небольшие мусульманские анклавы. В неславянской части Европы мусульмане являются самой крупной религиозной группой в Албании, ислам преобладает и в европейской части Турции. В последние десятилетия мусульманская община населения Европы сильно увеличилась за счет мусульман-иммигрантов.

5. Традиционные формы хозяйства народов Западной Европы

В XVII—XX вв. народы европейских стран (каждый в разное время и в неодинаковой мере) пережили периоды промышленных революций и постиндустриального развития. Следствием этого стали массовые процессы *урбанизации*, формирование социальных слоев и институтов капиталистического общества. Образовались индустриальные районы (например, Рурский — в Германии, Манчестерский — в Англии и мн. др.), этнически более пестрым стал состав населения в городах. Во многих странах городской быт и стиль жизни стали оказывать решающее воздействие на бытовое поведение и культуру сельского населения.

Зарубежная Европа, таким образом, — высокоразвитый регион, поэтому традиционное (доиндустриальное) хозяйство здесь сильно модифицировалось. В прошлом основными занятиями европейцев служили земледелие и животноводство. Последнее, впрочем, везде, кроме немногих районов (Исландия, область Альп, Фарерские о-ва), уступало земледелию.

Пастухи-румыны. Восточный Банат, Румыния

В Европе очень рано — еще во II—I тыс. до н.э. — распространилось плужное земледелие. Земледельцы применяли пахотные орудия двух типов: *рало*, не имевшее отвала и колесного передка, и *плуг*, снабженный тем и другим. Рало получило распространение в южных и северных районах, плуг — в Средней Европе. Пахотные орудия изготавливали с «подошвой» и одним лемехом. В качестве рабочего (тяглового) скота на юге Европы использовали волов, на севере — лошадей. Зерновые культуры убирали с помощью гладких или зазубренных серпов и кос с граблями. Хлеб молотили цепями, а на юге иногда прогоняли по сжатым колосьям волов. Зерно мололи на водяных и ветряных мельницах. Сейчас эти старые земледельческие орудия и методы обработки сельскохозяйственных культур в основном ушли в прошлое.

Важнейшими культурами в северных районах Европы являются ячмень, рожь, овес, в центральных районах — пшеница, рожь, сахарная свекла. На юге Европы помимо пшеницы и ржи культивируется завезенная из Америки кукуруза, в некоторых районах — рис. Широко распространилась в Европе и такая культура американского происхождения, как картофель. В Европе издавна очень развиты садоводство и огородничество, а в Средиземноморье и виноградарство. Из технических культур на севере Европы выращивают лен и коноплю, в южных — хлопчатник и табак. Во многих европейских странах, особенно в Голландии, Дании, Германии и Англии, развито цветоводство.

Животноводство у большинства народов Европы имеет как подсобный, так и коммерческий характер. Разводят крупный рогатый скот. Содержание скота стойловое. Животноводство ориентировано на молочное и мясное производство. Во многих районах Европы разводят также овец (для получения шерсти и производства сыра) и свиней. В некоторых горных районах Италии и Греции, в Альпах, в Исландии и на Фарерских о-вах животноводство является основным видом хозяйства. В приморских районах очень распространено рыболовство. Особенно большое значение оно имеет у норвежцев, исландцев, фарерцев, португальцев.

У европейских народов со времени Средневековья было очень развито ремесленное производство, на базе которого затем сформировалась мощная промышленность, сильно потеснившая ремесло. Тем не менее некоторые виды ремесленного производства, прежде всего имеющие художественное значение, сохранились. Это кружевоплетение, вышивка, ювелирное дело, изготовление керамических и стеклянных изделий, некоторых видов музыкальных инструментов.

Хозяйство живущих в арктических районах саамов существенно отличается от занятий других народов Европы. У саамов наиболее развиты тундровое оленеводство и рыболовство.

По мере развития урбанистических видов хозяйственной деятельности народы Западной Европы все больше втягивались в современные индустриальные нормированные формы труда, осваивали массовый инженерный и организационный (управленческий) труд и работу по обеспечению отдыха и развлечений. Развитие среднего и высшего образования отвечало росту спроса на профессии учителей и преподавателей высших учебных заведений.

6. Поселения и жилища

В настоящее время в большинстве стран Европы резко преобладает городское население (во многих странах городские жители составляют более 3/4 всего населения, а в Великобритании и Северной Ирландии — даже свыше 90%).

Несмотря на раннее развитие городской жизни в Европе, до начала интенсивной индустриализации здесь все же преобладало сельское население. В некоторых странах, например в Португалии, Албании, оно многочисленно и сейчас. Среди сельских поселений имеются как многодворные, так и одно-

Город Питит-Андели на р. Сене, на границе Нормандии и Иль-де-Франса. Франция

дворные (*хутора*). Многодворные сельские населенные пункты существенно различаются по своей застройке. В Центральной и Южной Европе преобладали деревни *кучевого плана*, в которых дома и прилегающие к ним усадьбы располагались в беспорядке, улицы не были сформированы или оставались очень кривыми. По свидетельству Тацита, такие поселения являлись характерными для древних германцев. На востоке Германии сохранялись и круговые деревни (существует предположение, что такой тип поселений имеет славянское происхождение). Дома в таких деревнях строились вокруг площади и были обращены к ней своими фасадами. Кое-где на западе Европы встречаются уличные деревни, хотя этот вид поселений больше типичен для восточноевропейских народов. Уличные деревни обычно строились вдоль проезжих дорог. В Европе можно встретить и рассеянные, или разбросанные, деревни.

Распространенные в Европе сельские жилища также подразделяются на несколько типов. Так, для юга Европы (большая часть Италии, Испания, юг Франции) особенно характерен *средиземноморский дом*. Это каменное двух-, реже трехэтажное строение. Внизу в нем размещаются хозяйственные помещения, наверху — жилые. Наверх ведет наружная лестница. Дом часто располагается на склоне горы, и число этажей в передней и задней его частях неодинаково. Крыша у средиземноморского дома двускатная, крытая черепицей, на стропилах.

На севере Италии, в горных районах Швейцарии и Австрии, на юге Германии наиболее распространен так называемый *альпийский дом*. Он двухэтажный, нижняя часть его каменная, верхняя — деревянная, срубная. На втором этаже имеется галерея. Крыша у такого дома — массивная двускатная. Жилые

помещения располагаются на обоих этажах, хозяйственные — только на первом. На альпийский дом похожи *баскский* (в области расселения басков во Франции и Испании) и *юрский* (от топонима Юра — на западе Швейцарии), но в отличие от альпийского дома у этих построек верхняя часть не срубная, а каркасная.

Для некоторых романских народов (испанцев, итальянцев) характерно такое расположение жилых и хозяйственных построек, когда внутри их образуется дворик (*патио*), где жители часто работают и проводят время. Патио устраивают и в городах.

Для Южной и Центральной Германии, а также Австрии характерен *верхненемецкий (франконский) дом*: двух-, реже одноэтажный, обычно каркасный, но иногда — кирпичный, крыша — на стропилах. Жилые и хозяйственные помещения с трех или четырех сторон охватывают открытый двор.

В северных и северо-западных районах Германии, на юге Дании и в Восточной Голландии распространен *нижненемецкий, или саксонский, дом*. Это обширная одноэтажная каркасная или кирпичная постройка. В средней ее части располагается гумно или крытый двор, по обе стороны которого размещаются жилые помещения, конюшни, хлев. Огромная крыша в таком доме опирается не на стены, а на толстые столбы, стоящие внутри дома вдоль стен.

Для Северной Голландии типичен *фризский дом*. В целом он похож на нижненемецкий дом, но вместо крытого двора при нем сооружается сарай для сена.

Северофранцузский дом представляет собой одноэтажную вытянутую вдоль улицы постройку, каменную или глинобитную, на деревянном каркасе. Как внутренние, так и наружные стены оштукатурены; к жилой части примыкают хозяйственные постройки. Дом обычно не огорожен, позади него располагается сад.

Традиционное жилище на юге Бельгии — *южнолимбургская ферма, или валлонский дом*. Это — одноэтажное каменное или каркасное сооружение, огороженное высокой стеной. Хозяйственные постройки размещаются либо свободно по двору, либо по периметру владения. Въезд во двор — через арку.

Для Венгрии характерен *паннонский дом* — одноэтажная глинобитная постройка обычно с соломенной или тростниковой крышей. Вдоль одной из продольных стен дома идет длинная терраса. Ее крыша опирается на каменные или деревянные столбы, которые часто украшены резьбой или росписью.

В Скандинавии и Финляндии распространены *североскандинавский и южноскандинавский дома*, представляющие собой срубные одноэтажные постройки. Североскандинавский дом состоит из отапливаемого жилого помещения, холодных сеней и коморы. В южноскандинавском доме к отапливаемому жилому помещению с двух сторон примыкают холодные сени.

Привычные формы строительства сельских домов в прошлом оказывали заметное влияние и на городскую архитектуру. В настоящее время для городской архитектуры характерна все большая унификация и сглаживание традиционной специфики. Но в интерьере городских квартир их жители иногда сохраняют некоторые черты традиционного убранства.

7. Характерные формы питания и пищи народов Западной Европы

Привычные типы пищи в разных частях Европы заметно различаются. Так, на юге Европы едят пшеничный хлеб, на севере наряду с пшеничным широко распространен ржаной. На севере используют в основном животное масло, на юге — растительное. Из напитков в Великобритании, Ирландии, а также в Нидерландах предпочитают чай, в других странах — кофе, причем в Центральной Европе его пьют обычно с молоком или со сливками, а в Южной — черный. Впервые кофе появился в Италии в XVI или XVII в. Затем он распространился в других европейских странах, а в середине XVII в. в Европе разразился настоящий кофейный бум. Из алкогольных напитков в Южной и Юго-Западной Европе пьют в основном сухое виноградное вино, в Центральной и Северной Европе — пиво. В южных странах утром обычно едят мало, в северных завтрак более плотный. На юге, естественно, употребляют больше фруктов. В приморских районах значительное место в рационе, по понятным причинам, занимают рыба и другие морепродукты.

У каждого народа традиционная пища имеет черты своеобразия. Так, излюбленное кушанье итальянцев — макаронные изделия, все блюда из которых называют *пастой*. Пасту готовят с томатным соусом, маслом и сыром или мясом. К ней часто подают фасоль, горох, цветную капусту. Значительное место в рационе итальянцев занимает сыр. Традиционными его сортами являются пармезан (твердый сухой сыр), моцарелла (сыр из молока буйволиц), пекорино (соленый сухой сыр из овечьего молока). Итальянцы едят также *ризотто* — плов с ветчиной, тертым сыром, луком, креветками и грибами, *поленту* — густую кукурузную кашу, которую, перед тем как подавать на стол, режут на куски. Из специй и приправ итальянцы предпочитают маслины, каперсы, цикорий и мускатный орех. Завтрак у итальянцев обычно легкий — кофе с хлебом и сыром. Обед — обильный: закуска, первое блюдо (минестра), второе и десерт. За обедом принято пить сухое вино. На ужин часто едят лишь что-то холодное: салат, винегрет, сыр.

Французы употребляют в пищу большое количество хлебобулочных изделий, а также картофеля, разных сортов лука и капусты, стручковой фасоли, шпината, баклажанов и прочих овощей. По сравнению с другими народами Западной Европы они употребляют меньше молока и молочных продуктов, если не считать сыра. Сегодня существует не одна сотня сортов французского сыра, среди которых весьма популярны мягкий сыр с внутренней зеленой плесенью — *рокфор* и мягкий сыр с внешней белой плесенью — *камамбер*. Излюбленными традиционными блюдами французов являются жареное куском мясо с жареным картофелем, а также рагу под белым соусом. Разнообразные соусы (их насчитывается более 300) вообще очень широко используются французами при приготовлении мясных вторых блюд и салатов. Очень популярны различные омлеты: с ветчиной, сыром, грибами, зеленью и т.д. Из первых французских блюд особенно распространен луковый суп с сыром. Деликатесами французской кухни считаются устрицы и поджаренные задние лапки больших лягушек. Франция занимает первое место в мире по потреблению на душу населения виноградного вина. Его подают к столу два раза в день — к обеду

и ужину. Для французской кухни характерно использование вина, коньяка и ликера при приготовлении различных блюд.

Англичане едят довольно много мяса — говядину, телятину, баранину, нежирную свинину. Самыми популярными блюдами из мяса считаются *ростбиф* и *бифштекс*. К мясу обычно подают томатный соус, пикули (мелкие маринованные овощи), картофель и другие овощи. Традиционным кушаньем англичан являются также разнообразные пудинги: мясные, крупяные, овощные, фруктовые. Утром англичане любят есть жидкую овсяную кашу — *порридж* либо пшеничные или кукурузные хлопья с молоком. Из первых блюд предпочитают бульоны и супы-пюре. В дни праздников в Англии готовят традиционные блюда. Излюбленным среди них является рождественский плампудинг из сала, хлебных крошек, муки, изюма, сахара, яиц и различных пряностей. Его обливают ромом, поджигают и пылающим подают на стол. Из напитков у англичан особенно популярен чай, который пьют несколько раз в день, обычно с молоком.

Традиционная пища шотландцев во многом сходна с английской, но имеет и свою специфику. Так, шотландцы употребляют больше круп; из них готовят в основном каши. Чаше, чем англичане, они едят различные супы: крупяные, мясные с картофелем, рыбные. Если англичане любят недожаренные бифштексы и ростбифы с кровью, то шотландцы мясо (в основном баранину) запекают, тщательно прожаривают или отваривают. Самые распространенные пудинги у шотландцев — черный (кровяной) и белый (из смеси овсяной муки, сала и лука); традиционное праздничное блюдо — курица или гусь, фаршированные рубленными потрохами и кашей из овсяной крупы. Из напитков шотландцы, как и англичане, предпочитают чай, а из алкогольных напитков — виски.

Для немцев характерно широкое употребление в пищу всевозможных колбас, сосисок и сарделек. Их подают в качестве закуски, используют для приготовления первых и вторых блюд. Немцы готовят также разнообразные блюда из свинины и птицы. Овощи часто едят в отварном виде. Популярны вареные горох, бобы и картофель. Немцы любят и различные бутерброды: с маслом, сыром, колбасой, рыбой, творожной массой. Как первое блюдо они часто едят различные бульоны: с клецками, рисом и помидорами, яйцом. Яйца вообще широко употребляются в пищу. Готовят фаршированные и запеченные яйца, яйца с молочным соусом и сыром, с помидорами и жареным картофелем и т.д. Традиционный немецкий напиток — пиво — было известно еще древним германцам. Из безалкогольных напитков немцы предпочитают кофе; чая они пьют гораздо меньше, чем другие европейцы.

Для традиционной кухни скандинавских народов и финнов характерно обилие блюд из рыбы и других морепродуктов. Рыбу едят почти каждый день. Широкое распространение у этих народов получили также различные бутерброды. Датчане называют бутерброд королем кухни. У них насчитывается до 700 разновидностей бутербродов — от ломтика хлеба с маслом до так называемого многоэтажного бутерброда, который именуют «любимым бутербродом Ханса Кристиана Андерсена». Такой бутерброд состоит из нескольких слоев бекона, помидоров, печеночного паштета, студня и белого редиса, разделенных ломтиками хлеба. Едят такой бутерброд, снимая слой за слоем. Еще одна особенность традиций питания скандинавских народов — обильное употребление молока и молочных продуктов. Часто пьют и кофе.

Типичная черта западноевропейского быта — широкое и повсеместное пользование учреждениями общественного питания: кафе, бистро́, пабами, ресторанами, куда часто ходят пообедать или поужинать, провести семейный праздник со своими гостями, пообщаться с друзьями.

8. Одежда народов Западной Европы

Национальных особенностей в современной одежде европейских народов сохранилось довольно мало. В странах Западной Европы повсеместно распространен так называемый *европейский городской костюм*, родина которого — Великобритания. У мужчин этот костюм составляют брюки, рубашка с длинными рукавами и пиджак, у женщин — юбка, блузка с рукавами и жакет. Такой костюм к концу XIX в. распространился среди горожан, а позже и среди сельских жителей, почти полностью вытеснив традиционные комплексы одежды. Национальные костюмы сейчас надевают обычно только во время фольклорных праздников, концертов народных художественных коллективов и т.п.

Тем не менее отдельные элементы традиционной одежды продолжают бытовать, причем не только у жителей сельской местности, но и городов. Так, в Эдинбурге и других городах Шотландии нередко можно встретить мужчин в национальных клетчатых юбках — килтах (кстати, юбка как традиционный наряд мужчин имела место также у ирландцев, греков и албанцев). Бретонки по-прежнему любят кружевные воротники.

В прошлом наиболее распространенным элементом европейской мужской одежды были штаны длиной чуть ниже колен. Их носили с короткими чулками или гетрами. Мужчины также надевали рубаху с длинными рукавами, а поверх нее — жилетку или куртку. Французы, испанцы и другие романские народы повязывали на шею цветной платок. Типичным головным убором была фетровая или войлочная шляпа. Традиционный головной убор басков — суконный *берет* — заимствовали и другие народы Европы. В частности, он стал популярным головным убором французов.

Женская традиционная одежда отличалась большим разнообразием. У многих романских народов женщины носили длинные широкие юбки с оборкой или каймой, летом — хлопчатобумажные, зимой — шерстяные. Немки часто ходили в коротких широких юбках. В ряде районов — например, в Голландии, во Фландрии (северная часть современной Бельгии), некоторых частях Германии — нередко носили сразу по несколько юбок, отделанных кружевами, причем верхняя юбка имела более темный цвет. Так, в Швальме (Гессен) число одновременно надеваемых юбок иногда доходило до двадцати. Гречанки надевали *сарафан* с поясом. Кое-где, особенно в горах, женщины ходили в длинных штанах. Повсеместно в Европе имели обыкновение носить яркий передник. Характерны были также белые кофты с длинными рукавами, поверх которых надевали облегающий лиф со шнуровкой или на пуговицах. Немки носили льняные рубахи на лямках, а в некоторых районах — рубахи *туникообразного покроя*. На голову надевали платки, чепцы и шляпки. В Германии в головных уборах отчетливо прослеживались региональные различия: крестьянки Фирланда предпочитали круглые соломенные шляпки с вогнутой тульей, в Баварии

Карнавал в честь Жанны д'Арк, традиционно проводимый в конце весны в г. Руане. Франция

носили остроконечные шляпы, украшенные лентами и золотыми шнурами, в Шварцвальде — соломенные цилиндры и чепцы с огромными бантами, в районе Нижнего Рейна — кружевные чепцы. Особенную популярность приобрели кружевные чепцы среди жительниц Бельгии. Кружевные головные уборы (из белого и черного кружева в виде двух больших крыльев) были характерны и для швейцарского кантона Аппенцель. В Швейцарии вообще по головным уборам можно было определить принадлежность к определенному кантону. А жительниц Фрибура отличали и прически: они носили тяжелые косы, толщина которых искусственно увеличивалась вплетенными в них жгутами, обшитыми зеленой лентой.

От костюмов всех других европейских народов сильно отличается традиционная одежда саамов. У мужчин она состояла из рубахи до колен и узких суконных штанов, у женщин — из длинной белой рубахи и надеваемого поверх нее платья (в теплую погоду — ситцевого, в холодную — суконного). Зимой и мужчины и женщины носили одежду и обувь из оленьих шкур.

В наше время мода в одежде разрабатывается крупными фирмами, специализирующимися на проектировании и промышленном изготовлении одежды.

9. Общественный и семейный быт у народов Западной Европы

Региональные и национальные общности, расселенные в Западной Европе, характеризуются отчетливой социальной стратификацией, основанной прежде всего на экономическом неравенстве, а также неодинаковом отношении к управленческим институтам и властвующим элитам. Наиболее влиятельные слои населения не только определяют политические решения, но и воздействуют на межэтнические отношения в странах региона. Монархические (в Великобритании, Бельгии, Нидерландах, Испании и др. странах) и республиканские традиции уходят корнями в историю европейских стран и этносов. Элементами демократической культуры, выработанными на протяжении ряда столетий, выступают политические партии, профессиональные союзы и другие массовые организации.

Именно в Европе сложились первые в мире современные этнонации — нидерландская (XVI в.), английская (XVII в.) и французская (XVIII в.).

Вместе с тем в Европе формировались также консервативные и реакционные социальные силы и тенденции: идеология и политика национализма, расизма. Здесь начались две мировые войны — Первая (1914—1918) и Вторая (1939—1945). Именно в Европе вырос и пришел к власти фашизм и гитлеровский нацизм, уничтоживший миллионы людей разных национальностей — евреев, славянских народов, цыган и др.

Обращаясь к микросоциальным условиям жизни западноевропейских этносов, следует указать, что в настоящее время у всех народов региона преобладает так называемая *малая семья*, состоящая из супружеской пары с детьми.

Венеция. Прогулка новобрачных в гондоле

В прошлом же довольно широко была распространена *большая*, или *многопоколенная, семья*, которая совместно вела хозяйство и возглавлялась старшим членом семьи. Остатки большой патриархальной семьи у многих народов сохранялись еще в XIX в., а кое-где (например, в Албании) не исчезли и сегодня. Для европейских народов в настоящее время характерны относительно поздние браки и низкая рождаемость, что в определенной степени связано с преобладанием малой семьи, установкой на малодетность, откладыванием браков до получения образования и продвижения по работе. Наиболее высокая рождаемость в Европе наблюдается сейчас у албанцев. Значительно выше, чем у других европейских народов, она и у ирландцев, несмотря на то что в брак они вступают довольно поздно.

Заключение брака у всех европейских народов обычно сопровождается праздничной церемонией. В свадебной обрядности, хотя и в измененном виде, сохраняется немало традиционных черт. Эта обрядность у ряда европейских народов имеет сходные черты. Так, у многих народов сохранилась имитация похищения и подмены невесты, обрядовый выкуп. В прошлом целый ряд ритуалов (смена головного убора и др.) символизировал переход невесты в разряд замужних женщин. Накануне свадьбы жених обычно устраивает прощальный вечер для своих друзей, а невеста — вечеринку для подруг. В деревнях в свадебных торжествах раньше принимали участие все жители. В одних странах Европы (в Испании, Португалии, Греции) действительным считается только церковный брак, в других (например, в Великобритании и Швеции) — признается как церковный, так и гражданский брак; есть также страны (Италия, Франция, Германия), где регистрация брака должна непременно совершаться в гражданских органах (правда, и там гражданская церемония часто дополняется венчанием в церкви).

Так как в наше время рождение ребенка в подавляющем большинстве случаев происходит в больнице, родильные обряды народов Европы практически сошли на нет. У христианских народов Европы младенца вскоре после рождения принято крестить в церкви.

Самыми отмечаемыми праздниками у жителей Европы являются Рождество Христово и Пасха, причем у католиков и протестантов главным считается Рождество, а у православных — Пасха. У православных народов рассматриваемого региона (греков, румын и части албанцев) в церкви принят григорианский календарь (а не юлианский, как в Русской православной церкви), и они отмечают эти праздники одновременно с католиками и протестантами. Кстати, Рождество и Пасху по традиции часто празднуют даже люди, далекие от религии или отошедшие от нее. На Рождество у многих народов Европы принято наряжать елку. Этот обычай появился во второй половине XVIII в. в Эльзасе, а затем распространился и в других регионах. У народов Великобритании традиционным рождественским украшением являются также ветки плюща, падуба или омелы. На Рождество принято делать друг другу подарки. Детям их кладут либо в обувь под кровати, либо в специальный чулок, и считается, что их принес Рождественский Дед (англичане и немцы называют его Санта-Клаусом, французы — Пер-Ноэлем, итальянцы — Баббо Натале). Рождество обычно празднуется в кругу семьи. В отличие от него Новый год часто отмечают с друзьями в кафе, в эти дни устраиваются уличные гулянья.

Весенним праздником, сопровождающимся массовыми гуляньями, во многих странах является Масленица. У англичан на Масленицу принято проводить различные состязания, особенно популярен бег женщин с горячими блинами на сковородах. Итальянцы, французы и другие романские народы устраивают на Масленицу *карнавалы*, которые в прошлом иногда длились по несколько недель. В карнавалах всегда принимает участие много народа: проводятся веселые шествия людей в специальных костюмах, ставятся театрализованные представления на исторические темы. В Испании карнавалы включают корриду (*corrida de toros* — бой быков).

На Пасху в католических странах организуют церковные шествия и ставят театрализованные сцены распятия и воскресения Иисуса Христа. У многих народов Европы принято на Пасху прятать в саду крашеные куриные и шоколадные яйца, которые отыскивают и собирают дети, соревнуясь, кто найдет больше.

Повсеместный летний праздник — День святого Иоанна (аналогичен славянскому дню Ивана Купалы). Он особенно популярен в Финляндии, Швеции и других северных странах. В этот праздник в домах ставят срубленные березки, пол посыпают душистой травой и листвой, на берегах водоемов разводят костры, через которые прыгают юноши и девушки, они поют песни, водят хороводы, купаются в реках и озерах, гадают. День святого Иоанна — пример наложения христианского праздника на более древний, связанный с хозяйственно-земледельческим календарем. Элементы древней календарной обрядности видны и в праздновании дней некоторых других христианских святых.

Здание парламента в Лондоне

Традиционные ритуалы и обряды в ряде стран сопровождают работу государственных органов. Так, в Англии каждый год в день открытия парламента специальная процессия в средневековых костюмах обходит все подвалы здания, а потом докладывает спикеру, что заговорщиков в здании нет. Такой своеобразный обычай сложился после того, как в 1605 г. был раскрыт заговор Гая Фокса, намеревавшегося взорвать парламент во время его заседания.

Некоторые из ныне существующих форм общественных организаций (профсоюзы, клубы, различные общества и кружки, студенческие, спортивные, охотничьи, певческие и другие объединения) возникли на основе сложившихся в Средневековье в Европе ремесленных цеховых союзов.

У европейских народов сформировались многие виды спорта, в настоящее время получившие широкое распространение во всем мире. Значительное число видов спорта зародилось в Англии: футбол, хоккей с мячом, хоккей на траве, бокс и др. Ряд спортивных игр, возникших за океаном, например баскетбол и хоккей с шайбой, стали настолько популярными в Европе, что воспринимаются в некоторых странах как национальные. Зимние виды спорта особенно любимы в Скандинавских странах. Родина коньков и лыж, прижившихся сейчас во многих странах, — Норвегия. Другие же национальные виды спорта не вышли широко за пределы отдельных этносов. К их числу можно отнести, в частности, популярный у англичан керлинг — метание в цель по гладкому льду тяжелых полированных камней.

10. Духовная культура народов Западной Европы

У народов Европы довольно сложно отделить собственно традиционную культуру от культуры профессиональной, так как профессиональное творчество появилось здесь в глубокой древности. Например, зачатки профессионального театра возникли в Греции еще в античное время. Греческий театр восходит к *дионисиям* — массовым красочным обрядам в честь бога виноделия Диониса. Уже в VI—V вв. до н.э. в Древней Греции стали строить специальные сооружения, где ставились трагедии и комедии. В Средние века во многих европейских городах были популярны бродячие театры.

В прошлом у многих народов Европы возник *героический эпос*. Позже у одних народов он исчез, у других сохранился в позднейших записях. Из французских эпических произведений до нас, в частности, дошла «Песнь о Роланде». В ней повествуется о сражении отряда Роланда с маврами-мусульманами (на самом деле с басками) и о гибели французского рыцаря Роланда. Национальный героический эпос англичан — поэма о Беовульфе. Она появилась еще в англосаксонский период. В первой части поэмы рассказывается о сражении Беовульфа с двумя чудовищами, во второй описывается, как Беовульф побеждает огнедышащего дракона и погибает от нанесенных ему ран. Известный памятник немецкого устного творчества — «Песнь о Нибелунгах». В этом эпическом произведении, как полагают, отражены исторические события, относящиеся к периоду Великого переселения народов.

В Средневековье повсеместно в Европе бытовали сказки. Обычно их не записывали, а передавали в устной форме. В них помимо людей в качестве

персонажей действовали карлики, гномы, различные духи и животные. В конце XVII в. во Франции стали впервые записывать сказки (это были знаменитые сказки Ш. Перро). В 1812—1815 гг. появились сборники немецких сказок «Детские и домашние сказки», записанные братьями Я. и В. Гримм. Для устного народного творчества немцев характерны также *шванки* — короткие комические рассказы, иногда в стихотворной форме. В Средневековье возникла известная немецкая легенда о докторе Фаусте, продавшем душу дьяволу. Постепенно у народов Европы сложились богатые национальные литературы, в том числе на базе устного народного творчества.

У всех народов Европы издавна существовали и сохранились до наших дней народные песни: обрядовые и лирические — семейные, любовные. В средневековой Франции героические песни сочинялись и исполнялись бродячими певцами — трубадурами. Позже народные песни в литературной обработке стали исполняться песенниками-профессионалами (*шансонье*). В Германии особенно было распространено хоровое пение.

Во время фольклорных праздников в Европе по-прежнему исполняются традиционные танцы. У французов это *фарандола*, *гольярда*, *сарабанда*, *менуэт*, *бурре*, *гавот* и др.; у итальянцев — *тарантелла*, *сальтарелло*, *ломбарда*, *берга-маска* и др., у испанцев — андалусийское *фламенко* и др.

Высокого развития в Европе достигло народное прикладное искусство: плетение кружев, вышивка, изготовление гобеленов, художественная резьба по дереву и т.д.

Велика роль профессиональной культуры европейских народов, фундамент развития которой в Новое время был заложен достижениями эпохи Возрождения: в области литературы, изобразительного искусства, архитектуры, науки и т.п. Профессиональная культура европейцев формировалась преимущественно в городах. Именно это способствовало тому, что она, с одной стороны, у каждого народа формировалась как национальная, а с другой — имела много общеевропейского. Универсальным языком науки, развившейся в университетах (появились в XI—XIII вв.), стала латынь. Однако национальные государственные институты нередко обслуживали местные интересы. Утверждению роли национальных языков способствовала Реформация. Формировавшиеся системы начального и среднего образования также требовали преподавания на местных национальных языках. Межнациональное общение европейских этносов (торговля, миграция рабочей силы в XX в., воздействие средств массовой информации, изучение иностранных языков и др.) сближает их между собой; развитие разнообразных региональных интересов поддерживает национальные формы культуры. Со времени Средневековья сложились традиции проведения карнавалов (например, в Риме); с рубежа XVIII—XIX вв. возникли романтические идеи, выражающие интерес к национальным чертам в культурах; в XX в. в городских культурах получило распространение увлечение национальным фольклором. Не исключено, что все это — реакция народов на однообразие массовой культуры. Однако в этнокультурном аспекте эти черты способствуют устойчивости национальных форм жизни.

11. Черты городской жизни европейцев

В настоящее время в большинстве стран Европы резко преобладает городское население. Крупнейшие города региона — Лондон (приблизительно 7 млн жителей), Берлин (3,5 млн), Мадрид (около 3 млн), Париж (более 2 млн), Будапешт (около 2 млн)¹. Среди европейских городов есть очень старые, имеющие более чем тысячелетнюю историю (Рим, например, возник в VII в. до н.э., Афины — еще раньше, в XVI в. до н.э.). От эпохи Римской империи ведут свою историю такие европейские города, как Париж, Лондон, Кёльн. Много в Европе и городов, выросших в Средневековье (например, Бристоль, Стокгольм, Берлин, Мадрид) и в период бурного промышленного развития (Бирмингем и Манчестер — в Англии, города Рурского бассейна — в Германии и многие другие). Этнографическая специфика современных европейских городов складывается из разных составляющих. Это и время возникновения того или иного города, и особенности его истории, и памятники культуры, с которыми жители города связывают свою идентичность, и колорит иммигрантских кварталов. Неповторимый облик Афин связан с Парфеноном, Рима — с Коллизеумом, Парижа — с Собором Парижской Богоматери и Лувром, Лондона — с Тауэром, Кёльна — со знаменитым собором.

Особенно быстрый рост городского населения в странах Европы начался в конце XIX в. Лидирующие позиции по темпам урбанизации в то время занимала Великобритания: ее население стало «самым городским» в мире. В конце

Небольшой испанский город Чинчон (провинция Мадрид), сохранивший традиционную историческую застройку. На переднем плане — главная городская площадь в процессе подготовки к корриде

¹ Данные о населении перечисленных городов — в пределах официальной городской черты (не агломерация).

Историческая часть г. Регенсбурга. Германия

XIX в. доля горожан в населении этой страны достигла 90%, в то время как в других европейских странах, например во Франции и Испании, все еще преобладало сельское население, хотя повсюду городское население росло очень быстрыми темпами. К 1900 г. тремя крупнейшими городами Европы становятся Лондон, Париж и Берлин.

Крупные города Европы с давних пор не были однородными по этническому составу. Мигранты часто селились компактными группами, и постепенно во многих городах возникли места скопления переселенцев. В Лондоне, например, таким пристанищем для чужеземцев стал район Ист-Энда. Пришельцы приносили с собой новые ремесла, создавая специфический облик своих кварталов. Так, спасшиеся из Франции гугеноты, обосновавшись в лондонском районе Спитсальфилд, начали там ткать шелк. В другом районе Лондона — к востоку от Олдгейта — евреи из Польши основали сапожные, швейные и мебельные мастерские. И все же вплоть до XX в. рост населения европейских городов происходил преимущественно за счет переселения из прилегающих сельских местностей. Однако постепенно интенсифицировались внутриевропейские межрегиональные и межгосударственные миграции. Многие шотландцы и ирландцы уезжали в Англию и устраивались на работу на промышленных предприятиях. Многие поляки находили применение своему труду на шахтах Северной Франции и Рурской области Германии. С середины XX в. резко усилилась иммиграция в Европу из других регионов мира. Выходцы из неевропейских стран сосредоточивались прежде всего в крупнейших городах. Для Европы вообще очень характерна большая концентрация населения в самых крупных городах, точнее в *агломерациях* (города с их спутниками или скопления

близко расположенных городов, объединенных друг с другом экономическими и иными связями). Население таких городов наиболее пестрое.

В больших городах особенно интенсивно общение и взаимное влияние представителей разных национальностей, что наряду с другими факторами приводит к появлению городской субкультуры. Развитие этой субкультуры, формирование особого жизненного уклада в больших городах, усиление их этнической неоднородности — все это привело к бурному развитию городской антропологии в Европе во второй половине XX в. Первоначально приоритетными направлениями этой дисциплины было изучение иммигрантских сообществ, уклада этнических кварталов, особенностей досуга горожан. Однако постепенно область исследовательских интересов этой дисциплины расширялась и сейчас охватывает практически все сферы жизни городского населения.

Изучаются города и с точки зрения их комфортности. По оценкам международных организаций, самыми удобными для жизни людей считаются именно европейские города, а из них наиболее комфортабельными признаны Женева (173 тыс. жителей), Цюрих (343 тыс.) и Вена (более 1,5 млн жителей). Таким образом, «титул» двух самых удобных для жизни получили швейцарские города, оба — небольшие по численности населения. Кстати, скромные по размерам города с неспешным, устоявшимся ритмом жизни — характерная особенность этой страны. К чертам, присущим европейским городам, можно отнести их преимущественный рост вширь, а не ввысь. Хотя с середины 1970-х гг. деловые районы многих европейских городов стали застраиваться современными высотными зданиями, по сравнению с Америкой и Азией здесь меньше небоскребов. В составленный в 2002 г. список 50 самых высоких зданий мира (телебашни в него включены не были) попало только одно сооружение, находящееся в Европе: это здание Коммерцбанка во Франкфурте-на-Майне.

Каждый европейский город, конечно, по-своему самобытен и уникален, но есть в городах Европы и нечто общее, позволяющее использовать такие понятия, как «европейский город» или «европейская часть города» применительно к городам других частей света.

Жительница Марселя
североафриканского происхождения

12. Национальные проблемы и межэтнические отношения в странах Западной Европы

В большинстве европейских стран есть национальные меньшинства, а также более или менее значительные иммигрантские группы. Во многих странах имеются свои национальные проблемы, однако степень их остроты в разных странах неодинакова. Особенно острые межэтнические и религиозные разногласия существуют в Северной Ирландии. Несмотря на наличие англо-ирландского соглашения о правах ирландского католического меньшинства в Северной Ирландии, конфликт между ирландцами-католиками и англичанами-протестантами полностью погасить не удастся. Другой давний очаг межэтнического противостояния в Европе — район расселения басков в Пиренеях на границе Испании и Франции. Там действует сепаратистское движение басков, добивающееся создания отдельного государства. В большинстве же европейских стран межэтнические отношения более спокойны и эффективно регулируются специальными законами. Некоторые страны для защиты этнических меньшинств заключили двусторонние или многосторонние соглашения. Так, подписаны специальные договоры, гарантировавшие права датчан в Германии и немцев в Дании, немецкоязычного населения Южного Тироля, шведов, живущих на принадлежащих Финляндии Аландских о-вах.

Во многих странах этническим меньшинствам предоставлена автономия. В Испании образованы семнадцать автономных областей, четыре из которых — Каталония, Страна Басков, Галисия и Андалусия — получили особенно широкую автономию (три первые из этих областей населены в основном соответствующими национальными меньшинствами, андалусцы же представляют собой обособленную субэтническую группу испанцев). В Великобритании автономию имеют Северная Ирландия и Шотландия. В Финляндии автономны населенные шведами Аландские о-ва. Особую проблему в межэтнических отношениях представляет наличие крупных иммигрантских групп — прежде всего неевропейского происхождения — во многих странах Европы.

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

1. Общие сведения о западных и южных славянах

Славянские языки (относящиеся к индоевропейской семье) по числу говорящих на них занимают третье место в зарубежной Европе. Они представлены здесь двумя подгруппами: западной — в Центральной Европе и южной — на Балканах.

К западным славянам относятся *поляки, чехи, словаки* и *лужицкие сербы* (они же *лужичане* (или *сорбы*) — проживают на территории Восточной Германии). К южным славянам причисляют *болгар, сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, боснийцев (мусульман)*. Большая часть западно- и южнославянского населения сложилась в нации, однако еще в начале XIX в. в его составе можно было выделить отдельные местные группы, различавшиеся диалектами и некоторыми особенностями культуры и быта. Так, в западных районах Польши жили *великополяне, ленчицане* и *серадзяне*, в южной ее части — *малопольшане*, в Силезии — *силезцы* и *лензане*, в северо-восточных районах — *мазуры* и *вармяки*, на побережье Балтийского моря — *поморяне*; в Поморье обитали и *кашубы*.

В составе чешского народа своеобразную группу составляли *ходы* — жители ряда сельских поселений на юго-западной окраине Чехии. Значительной пестротой отличался этнический состав населения Моравии. Здесь сохранилось несколько этнографических групп: *гораки* (в горном районе на западе этой исторической области), *ляхи* (на северо-востоке), *ганаки* (по р. Гане, притоку р. Моравы) и др. Среди словаков выделяется группа, говорящая на восточнословацком диалекте.

Этнографическое деление болгарского народа отличает нечеткость в ряде случаев культурно-бытовых границ и их несовпадение с границами диалектов. На западе Болгарии живут *шопы*; старожильческое население Дунайской равнины в восточной Болгарии — *полянцы*, в их культуре много черт, сближающих их с восточными славянами. В районе Западных Родоп обитают *помаки* — группа болгар, принявшая в XVI—XVII вв. ислам. Несмотря на переход в мусульманство, помаки сохранили в качестве родного болгарский язык, национальную одежду и многие старые обычаи.

В составе этносов бывшей Югославии также существовали областные группы, отличавшиеся говорами, и другие субэтноты. Так, в Словении и на территории п-ова Истрия обитали *шаврины* и *баркины*, в окрестностях г. Любляны — *доленцы*, к северу от р. Муры — *прекмурицы*. Группа словенцев, проживающая между Хочеваем и р. Купою, именовалась *белокрайнцами*. Особняком стояли *резьяне* — жители Резьи и Видемской Фурлании.

Хорваты, как и словенцы, имели местные названия и диалекты. Среди них могут быть выделены такие субэтноты, как *безьяки, бодулы, фучки, буньевцы, влахи* и др.

Среди сербского населения было также много локальных групп: *шумадийцы, ужичане, шапчане* и др. Несколько обособленная в этническом отношении группа жила в Пиротском округе (Сербия). Это так называемые *торлаки*, в формировании которых принимали участие как сербы, так и болгары.

Следы названных субэтнических общностей кое-где прослеживаются и в настоящее время. Отдельные группы западно- и южнославянского населения проживают в России, на Украине, в Белоруссии, Венгрии, США, Канаде и других странах.

По антропологическому признаку западные и южные славяне принадлежат к переходной и южной ветвям большой европеоидной расы. Поляки, чехи, словаки, лужицкие сербы, словенцы относятся к средневропейской малой расе. Сербы и хорваты, а также черногорцы, самый рослый из славянских народов, являются представителями балкано-кавказской малой расы. Население центральных и южных районов Болгарии относится к одному из вариантов индосредиземноморской малой расы. Болгары-мусульмане по физическим данным не отличаются от болгар-христиан, что говорит о малом влиянии турецкого завоевания на антропологический облик современного населения страны.

В конфессиональном отношении большинство западных и южных славян принадлежит к различным направлениям христианства. Верующие поляки, хорваты, словенцы, большинство чехов и словаков — католики; некоторая часть чехов и словаков, лужичан (другую их часть составляют католики), словенцев и хорватов — протестанты. Среди отдельных групп населения Польши и Словакии распространено униатство (греко-католическая церковь, подчиненная римскому папе, но сохраняющая православную обрядность). Сербы, большинство болгар, черногорцев и македонцев — православные.

Христианство разных направлений уживалось у западных и южных славян с комплексом древних языческих верований — как славянского происхождения, так и народов, вошедших в их состав. Например, у болгар старые дубы почитались священными деревьями, кизилу приписывалось свойство давать здоровье и долголетие, что нашло отражение в новогодних обычаях. Суеверный страх перед волком выразился в особых «волчьих праздниках», отмечаемых в первые две-три недели ноября, когда соблюдались некоторые запреты, — «чтобы не рассердить волка». Особенно сильна была у славян вера в вампиров, леших, водяных и других духов природы, а также в очистительную силу домашнего очага.

Турецкие завоеватели, покорившие в XV—XVI вв. часть Юго-Восточной и Центральной Европы, навязали отдельным группам южнославянского населения Балканского п-ова ислам. К этим группам относятся уже упомянутые *помаки* — в Болгарии, часть *македонцев-торбашей*, часть *черногорцев-потуреченцев* и часть населения Боснии и Герцеговины (*боснийцы*, или *мусульмане*¹).

2. Из этнической истории

Первые письменные свидетельства о славянах относятся к началу I тыс. н.э. Античные авторы упоминают славян под именем *венедов*. Славяне именуются также *склавинами* или *антами*, что говорит о выделении из общего праславянского мира отдельных ветвей славянства — впоследствии западных, восточных и южных славян. К середине I тыс. н.э. в основном завершился

¹ В данном случае слово «мусульмане» является этнонимом, точнее эндоэтнонимом (само-названием).

процесс расселения славян по территории Европы. В эпоху Великого переселения народов (V в. и позднее) славяне освоили часть территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. К V—VI вв. относится передвижение части славянских племен на Балканский п-ов, на земли, входившие тогда в состав Византийской империи. Ассимилировав местное иллирийское и фракийское население, эти племена стали предками южных славян. В дальнейшем культура одних из них (в частности, *сербов*) складывалась под влиянием Византии и Византийской православной церкви. На других (в их числе *хорваты* и *словенцы*) — значительное влияние оказала итальянская и франко-германская культура. Христианство — в форме католичества — они приняли из Рима.

На северо-западе Европы, в бассейнах Лабы (Эльбы) и Одры (Одера), а также по побережью Балтийского моря жили племена западных славян: *бодричи* (*ободриты*), *сербы-лужичане*, *лютичи*, *поморяне*. Эти племена не создали своего государства и впоследствии были завоеваны немцами и в большинстве своем ассимилированы ими.

Земли в бассейнах Вислы и Варты — до Одера и Западной Нейссе на западе — населяли западнославянские племена: *поляне*, *мазовшане*, *висляне* и др. Их потомками являются *поляки*.

На землях современных Чехии и Словакии жили *чехи*, *зличане*, *хорваты*, *мораване* и др.

На рубеже VI и VII вв. у западных и южных славян началось становление государственных образований и феодальных социальных отношений. Наиболее ранним государственным образованием у славян Центральной и Юго-Восточной Европы было государство Само (623 г.), в котором временно объединились предки чехов, словаков, лужицких сербов, части хорватов и словенцев.

В конце VII в. славянские племена северной части Балканского п-ова подверглись завоеванию тюркоязычными племенами *болгар*, пришедшими на Дунай из Приазовья и образовавшими в 681 г. Первое Болгарское царство. Однако вскоре болгары были ассимилированы славянами и оставили лишь свое племенное имя, сохранившееся в названиях страны и народа.

В IX в. образовалось государство Великая Моравия, в X в. — Чешское государство Пржемысловичей, в 1168 г. — Сербское государство Неманичей. В этих государствах возникли города, зародилась славянская письменность, сложились средневековые народности западных и южных славян. Однако позднее западно- и южнославянские народы оказались в составе различных государств, что наложило глубокий отпечаток на их дальнейшее этническое развитие.

Крупнейший западнославянский народ — *поляки* — еще в X в. создал собственное феодальное государство. Первоначально оно охватывало территорию бассейнов рек Вислы и Варты и просуществовало до конца XVIII в. На западе Польша испытывала сильную экспансию со стороны немецких феодалов, которые постепенно завладели такими исконно славянскими землями, как Силезия, Поморье и др. На востоке польские магнаты сами вели захватническую политику против соседей и распространили свое господство на территории с литовским, белорусским и украинским населением. После трех разделов Польши (в конце XVIII в.) и наполеоновских войн польские земли оказались поделенными между Пруссией, Австрией и Россией.

Вид исторической части Гданьска с кафедральным костелом Девы Марии (1343—1502) и главной ратушей (конец XIV — середина XVI в.)

На землях юго-западнее Польши формировались чешская народность и феодальное государство чехов. Помимо славянских племен (чехов, моравов и др.) в чешскую народность, как полагают, влились ассимилированные потомки кельтского племени *бойев* и отчасти *германские племена*.

К середине XVI в. чешские, словацкие, словенские земли и значительная часть хорватских земель попали под власть немцев — австрийских Габсбургов, что положило начало онемечиванию этих славянских областей. Немецкие феодалы сгоняли славян с их земель, стремились уничтожить этнические особенности покоренных ими народов, но ассимилировать славянское население им не удалось. Более того, славянское влияние сказалось в топонимике и в культуре самих немцев. Обособленные славянские группы в течение столетий сохраняли свой язык (например, *сербы-лужичане*, существующие и в наши дни).

Сложна этническая история *словаков*. Включенное в состав Венгерского государства (XI—XIX вв.), славянское население восточных областей прежней Великой Моравии (т.е. будущей Словакии) оказалось надолго обособленным от близкородственных ему западнославянских этносов — чехов и мораван — и подверглось мадьяризации. Сказалось и влияние колонизации в XIV—XVI вв. горных районов Словакии пестрыми в этническом отношении *влахами*.

На Балканском п-ове славянские народы в XV—XVII вв. попали в зависимость от турок-османов, захвативших все европейские владения Византии. Завоевание сопровождалось разрушением городов, истреблением и изгнанием местного населения. В Родопях и ряде других районов в XVI—XVIII вв. турки

осуществили насильственную исламизацию части населения. Пребывание в составе Османской империи, национальная и религиозная дискриминация — все это тормозило развитие производительных сил и культуры болгар, сербов, черногорцев и других этносов. Кроме того, турецкое завоевание привело к значительным этническим перемещениям на южной границе Словакии.

Тем не менее в этих тяжелых условиях иноземного господства западные и южные славяне сохранили свои национальные языки и культуры. Конец XVIII и начало XIX в. стали временем национального возрождения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Развернулась борьба за национальные языки и культуры, которая связывалась с борьбой за права всех славян. Сложились условия для формирования славянских наций. Этому способствовало развитие литературных национальных языков, массовая национально-освободительная борьба.

В 70-е гг. XIX в. при поддержке русского народа государственную независимость обрели сербы, болгары и черногорцы. Балканские войны (1912—1913) положили конец господству Турции над всеми подвластными ей славянскими областями. В 1918 г. — после распада Австро-Венгрии — в одно государство объединились Сербия, Черногория, Хорватия, большая часть Словении и некоторые другие югославянские земли (с 1929 г. — Королевство Югославия). На землях чехов и словаков была образована самостоятельная Чехословацкая Республика.

Воссозданная после Первой мировой войны Польша сохраняла основные черты Речи Посполитой конца XVIII в.: она не включала всех этнически польских земель на западе, но далеко выходила за их пределы на востоке; поляки составляли лишь часть ее населения. После Второй мировой войны (нанесшей Польше огромные материальные и людские потери) по Потсдамскому соглашению ей были возвращены исконно польские земли на севере и на западе: Силезия, Поморье и другие, в свое время захваченные немецкими феодалами. Военные потери (в разной степени затронувшие отдельные этнические общины страны), послевоенные перемещения населения (как то переселение в Германию немцев с возвращенных Польше территорий и др.), а также изменение границ¹ сделали Польшу практически однонациональным государством.

Югославия получила часть словенских и хорватских земель, аннексированных после Первой мировой войны Италией. Рядом законов (созданием национально-культурной автономии *Домовина*) были обеспечены права лужицкого населения Германии на этническое и культурное развитие.

В 1990-е гг. в многонациональных славянских государствах — Чехословакии и Югославии — в силу ряда причин (просчеты в национальной политике, межрегиональные противоречия, переход к рыночной экономике и др.) получили развитие центробежные тенденции, и они распались: на месте Чехословацкой федерации образовались независимые Чехия и Словакия, а из прежней Югославии выделились Хорватия, Словения, Македония, Сербия, Черногория, а также Босния и Герцеговина. В бывшей Югославии разделительные процессы протекали чрезвычайно болезненно, в форме военных конфликтов.

¹ Восточная граница послевоенной Польши в основном прошла по так называемой линии Керзона — рубежу, приближающемуся к восточной границе расселения поляков.

Силовое вмешательство НАТО во внутренние дела Югославии в 1999 г. завершило слом союзного славянского государства.

В настоящее время мировое сообщество прилагает усилия для разрешения местных конфликтов путем политического диалога вовлеченных в него сторон.

3. Черты хозяйственной жизни западных и южных славян

Традиционным занятием славян издревле было оседлое полевое земледелие и животноводство, а также садоводство, огородничество, охота, рыболовство, пчеловодство, различные виды ремесла и др.

В славянских землях долго бытовала переложная система землепользования. Выделенное под обработку поле засевалось несколько лет подряд. По истощении его забрасывали, и крестьяне переходили к обработке другого поля. Позднее сложилась более совершенная двупольная система, при которой одна половина земли распахивалась, а другая — находилась «под паром» и использовалась в качестве пастбища. При более сложной трехпольной системе существовал трехлетний севооборот. После озимых сеяли яровые, далее поля оставались «под паром» и использовались как пастбище. Пахота осуществлялась на волах (особенно в Балканских странах), иногда — на коровах, изредка — на лошадях. Сейчас полевые работы полностью механизированы, лишь в горных районах иногда используются лошади.

Славяне возделывали просо (известное еще фракийцам), пшеницу, рожь, овес, ячмень и другие культуры. Из бобовых западные и южные славяне выращивали горох, бобы и чечевицу. Рис завезен в Болгарию с Ближнего Востока в XIV в. Его разводили преимущественно около Пловдива и в Пазарджикском районе. Широкое распространение (у южных славян с XVII, а у западных — с XIX в.) получила кукуруза. Из технических культур возделывали лен, коноплю и хлопчатник. Последний известен с XV в. Из них выделяли домотканые виды текстиля. Местная текстильная промышленность зародилась в XVII в. В то же время из Турции в южнославянские земли был завезен табак.

С XVI—XVII вв. в межгорных котловинах Болгарии (казанлыкской «Долине роз» и других местностях) возникло разведение роз особого сорта (завезенного из Малой Азии) с целью получения ценного парфюмерного сырья — розового масла. По его производству Болгария занимает первое место в мире.

На Балканах еще с византийских времен развито шелководство. Массовое насаждение тутовых деревьев началось в XVII—XVIII вв.

В Чехии с XIII в. разводят хмель, широко применяемый в пивоварении.

Культивирование сахарной свеклы получило распространение в начале XIX в. В настоящее время сахароварение — одна из важнейших отраслей промышленности в Чехии.

Важную роль в сельском хозяйстве славянских стран играло выращивание овощей: капусты, свеклы, чеснока и др. В конце XIX в. в Чехии и Польше появились овощи южного происхождения (томаты, перец, баклажаны), значение важнейшей продовольственной культуры приобрел картофель. С XVIII в. у западных и южных славян получило развитие товарное и специализированное огородничество. Переработка овощей и изготовление овощных и фруктовых консервов стало и теперь остается важной статьей экспорта.

Большие успехи были достигнуты южными и западными славянами в садоводстве.

Основным земледельческим орудием у этих народов служило *рало*, имевшее много разновидностей. *Плуги* были деревянными, преимущественно колесными. Со второй половины XIX в. появились усовершенствованные плуги с железным изогнутым отвалом. В Польше получила распространение *соха* с двумя *полицами* (перекладными отвалами). Сеяли долгое время вручную. К концу XIX в. в крестьянских хозяйствах появились сеялки. Бороновали землю примитивной деревянной бороной, а со второй половины XIX в. — боронами с деревянными или железными зубьями. Для уборки хлеба в эпоху феодализма применялись *серпы*. Позднее в крестьянских хозяйствах стали использовать пароконные жнейки. Обмолот зерна у западных славян до середины XIX в. в основном производился цепами. На Балканах были известны и иные способы обмолота. Так, в Сербии и Македонии для этого использовали скот, который прогоняли по разбросанным снопам и колосьям. В Восточной Болгарии молотили так называемой *диканей* — приспособлением, состоящим из нескольких сбитых вместе досок с загнутыми краями, в нижнюю сторону которых были вставлены острые камни. *Диканю* волокли по току при помощи лошадей или волов. В некоторых районах Словакии и Польши для молотбы использовали каменный или деревянный *валик*.

Вымолоченный хлеб в старину веяли вручную, подбрасывая зерно вверх с помощью «лопаты-веялки». С развитием капитализма в сельском хозяйстве для этих целей стали применяться специальные веялки фабричного производства. Помол зерна с XX в. полностью механизирован.

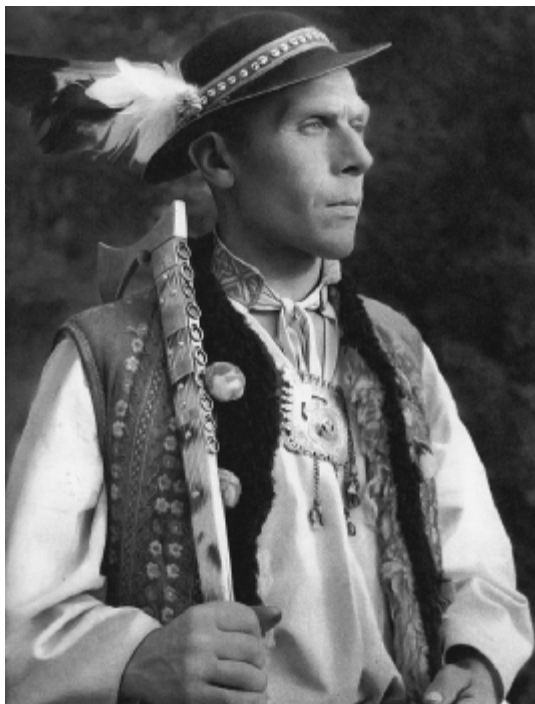
У западных славян, особенно в Чехии, земледельческая культура к XIX в. достигла более высокого уровня развития, чем у народов Балканских стран.

В хозяйстве западных и южных славян значительна роль животноводства — разведение крупного рогатого скота, овец, свиней и других видов скота, дающих мясо, молоко, шерсть, кожи. В качестве тягловой рабочей силы повсеместно использовались и используются лошади (у южных славян эту функцию в прошлом чаще выполняли волы и буйволы). В наше время преобладает механическая тяга.

Для Чехии, Словакии, Польши характерно стойловое содержание скота. В Черногории, Моравии, горной Болгарии преобладало и теперь практикуется отгонное скотоводство. Овец выгоняли (чаще всего почти на весь год) на горные пастбища, где их содержали в открытых загонах — *кошарах*. При кошарах строили шалаши — для старшего пастуха, его помощника и погоняльщика. В Чехии существовал обычай нанимать пастухов для всей деревни. В наши дни в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы поголовье скота значительно выросло.

Важную роль у славян с древности играло пчеловодство — особенно в лесных районах Польши, в Карпатах и на Балканах. Имеет значение охота (в прошлом как промысел, теперь — как спорт и развлечение).

Традиционным занятием западных и южных славян было рыболовство. Рыболовецкий инвентарь у всех народов Дунайского бассейна в прошлом был сходен: сети, неводы, вентери, удилища и т.п. У славян издавна существовали рыболовецкие артели, которые арендовали у феодалов право на рыбную ловлю

Пастух из словацких Карпат
в праздничной одежде

женским занятием. Каждому славянскому народу были свойственны свой колорит и орнаментация изделий. Традиционным видом ремесла, процветающим и в наши дни, является ковроткачество. В Польше, Лужице, Сербии славилась

Молодая лужичанка в праздничном костюме

за часть улова. В настоящее время на Дунае, на Черном море и в других речных и озерных районах славянских стран широко распространены рыболовецкие артели, кооперативы, государственные предприятия, в которых применяется современная техника ловли рыбы.

Традиционными промыслами зарубежных славян были ткачество, гончарное производство, художественная обработка металла, смолокурение, обработка дерева и др. В прошлом ремесленники объединялись в цехи, каждый из которых действовал на определенной территории. Деятельность ремесленников регламентировалась специальными правилами, ставшими нормами обычного права.

Ткачество — один из наиболее распространенных видов хозяйственной деятельности славян. Главным сырьем для него служили конопля и шерсть. Оно было в основном женским занятием. Каждому славянскому народу были свойственны свой колорит и орнаментация изделий. Традиционным видом ремесла, процветающим и в наши дни, является ковроткачество. В Польше, Лужице, Сербии славилась мастера, занимавшиеся вязанием и плетением кружев.

На основе античных и славянских традиций развивалось гончарство с красочным оформлением изделий. Сегодня оно превратилось в особую отрасль художественной промышленности.

Славянские народы Центральной и Южной Европы дали миру много искусных мастеров по обработке дерева и камня. Большим спросом пользуются изделия из луба, предметы, сплетенные из корней и ветвей деревьев.

Ювелирное ремесло трудно отделить от ювелирного искусства. Прочные традиции имеет изготовление филигранных изделий. Старые мас-

тера хорошо владеют эмалевой техникой. Распространена и техникаковки серебра. В настоящее время сохранение старинных традиций сочетается с развитием современных художественных форм. Ювелиры работают в государственных мастерских.

С ростом городов и ремесленных центров многие старые промыслы перестали существовать или заметно сократились. Начала формироваться мелкая кустарная промышленность, ставшая основой крупного фабрично-заводского производства капиталистической эпохи.

Быстрое промышленное развитие славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы привело к стиранию граней между старыми хозяйственно-культурными областями. Стали расширяться экономические и культурные взаимосвязи. Легко усваивались инновации в традиционном быту сельского населения. Усилились процессы урбанизации села. Повсеместно распространилась механизация труда. Произошли существенные изменения в общественной структуре населения. Имел место перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Ныне большая часть населения славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы живет в городах (крупнейшие — Варшава, Прага, Лодзь, Белград, Загреб, София и др.) и занята в многоотраслевой промышленности и в сфере обслуживания.

Новый культурно-хозяйственный тип, связанный с промышленными урбанизированными (городскими) районами, сложился прежде всего в Чехии и Словакии. Довольно рано промышленные районы выделились в Польше (Варшава, Лодзь, Краков). В славянских странах Балканского п-ова, за исключением отдельных районов Хорватии и Сербии, развитие — в силу исторических условий (в частности, из-за длительного османского ига) — шло медленнее.

4. Материальная культура

Поселения. Древние славяне селились, как правило, по берегам рек и других водоемов. Позже на этих местах нередко возникали города. В Средневековье для славянских городов была характерна планировка с прямоугольной (позднее квадратной) площадью в центре и нередко прямоугольными кварталами (примеры — Краков, Варшава). Со временем вокруг всех больших городов были возведены каменные крепостные стены. Для Болгарии, Черногории, Хорватии характерны города средиземноморского типа (София, Пловдив, Котор, Будва), основание которых относится к античным временам или Средневековью. Их, в частности, немало на побережье Адриатики (Дубровник, Сплит, Риека).

В эпоху Возрождения небольшие города выросли из сел с развитым ремеслом (Габрово).

Архитектурные ансамбли старинных городов (Праги, Кракова и др.) свидетельствуют о большом художественном мастерстве возводивших их зодчих.

С первой половины XIX в. большой размах приобрело переселение крестьян в города. Этот процесс усиливался по мере развития промышленности. Возникали новые большие города, реконструировались старые. В старинных городах появлялись новые жилые кварталы; они вырастали из пригородных деревень,

Город Ровинь на Адриатическом побережье Хорватии

входивших в городскую черту. Немалое число людей сосредоточивалось в более мелких поселениях, среди которых различались небольшие городки, рабочие поселки и местечки — в прошлом ремесленные и торговые центры. Города Боснии, Герцеговины и в меньшей степени Болгарии частично сохранили восточный облик: большие базары, узкие кривые улочки с глухими оградами вокруг дворовых участков, выдвинутые в сторону улицы вторые этажи домов, крытые галереи и т.п. В настоящее время горожане составляют большую часть населения славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

По данным археологии, древнейшие поселения западных и южных славян располагались «гнездами» и «кучами», на некотором расстоянии друг от друга. Со временем они укреплялись, сливались с близлежащими селениями и превращались в многодворные поселения *соседских общин*. Происходило укрупнение

поселений и повышение их компактности, вызванное естественным приростом населения, ограниченностью (из-за природных или социальных причин) свободных площадей для строительства, государственным регулированием. С развитием капитализма начался процесс дробления крестьянских хозяйств, что привело к усложнению планировки старых поселений.

В большинстве славянских стран среди многодворных поселений можно выделить несколько основных типов:

— *кучевые* (Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Сербия, Хорватия) — имеют неправильную — круглую или овальную — форму, с кривыми, беспорядочно застроенными улицами и иногда с центральной площадью. Наиболее характерны для районов со сложным рельефом (предгорий, речных долин, побережий);

— *разбросанные* (Болгария, альпийская Словения, Македония, Черногория) — состоят из отдельных, расположенных без определенной системы крестьянских усадеб или их групп; в пределах таких поселений различались кварталы (*махала, племя*), в прошлом заселенные группами родственников;

— *рядовые* (Польша, Словения, Чехия, Сербия и др.) — вытянуты (порой на несколько километров) вдоль дорог или рек, имеют широкую улицу с двумя проезжими дорогами по ее сторонам; они растут в длину или за счет застройки промежутков отдельными усадьбами. К этому типу относят и *цепеобразные поселения* предгорий и горных долин (в Словакии); их осью обычно является дорога, идущая вдоль долины. Дома располагаются в два ряда и объединяются в небольшие группы, образующие как бы звенья цепи. В Польше рядовые поселения представлены такими разновидностями, как *околицы* и *овальницы*. Первые представляют собой небольшие деревни с домами, группирующимися вокруг незастроенной площади или пруда; их планировка напоминает подкову. Такой вид застройки сейчас встречается редко, главным образом в Поморье. «Овальницы» близки по форме «околицам»; дома в них располагаются по овалу, в два тесно застроенных ряда;

— *веретенообразные* (Западная Польша, Лужица и др.) — состоят из улицы, расширяющейся в центре поселения, из-за чего их планировка приобретает линзовидную или треугольную форму;

— *круговые* (Польша, Чехия, Словакия, Лужица, Болгария) — имеют центральную площадь, вокруг которой располагаются дома.

На Балканах у групп населения, исповедующих ислам, встречаются возникшие еще во времена турецкого господства своеобразные села-крепости — *чифлики*. Их отличают узкие улицы, высокие глухие ограды, которыми обнесены все дома (или группы домов), мечети на центральных площадях (вблизи них обычно располагаются мусульманские кладбища).

В Чехии и Словакии получила распространение хуторская (одnodворная) форма поселений.

В настоящее время чаще всего встречается квартальная планировка деревень.

Жилища. Из археологических и этнографических источников известно, что наиболее ранние жилища западных и южных славян представляли собой небольшие однокамерные землянки и полуземлянки. В Северной Болгарии

Деревянная колокольня XVII—XVIII вв. в с. Кочи, Восточная Чехия.

Слева — крытый мост через ручей

еще в XIX в. сохранялись полуземлянки — *бурдеи*. Они состояли из одной-двух комнат, к которым вплотную примыкало стойло для скота. Наземную часть стен бурдеев возводили из плетня, изнутри и снаружи стены обмазывали глиной. Такого рода жилища имелись и у древних фракийцев, а сербское население области Косово до освобождения от турецкого господства жило в *кошарах* — постройках, по виду и способу сооружения аналогичных бурдеям (а также сербским *бусарам*).

В конце XIX — начале XX в. традиционные жилища в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы отличались уже большим разнообразием типов и разновидностей. Восточный средневропейский тип, распространенный у поляков, чехов, словаков, лужичан, как правило, представляет собой срубную или каркасную («подсеновую») постройку. Термин «подсеновый» происходит от навеса — *подсений*, — обыкновенно пристроенного к торцовой стене дома и опирающегося на несущие столбы. Очищенные весной от коры бревна просушивали в течение целого года. При укладке первого венца нового дома под передний угол строения клали монеты, ладанки «на счастье», кусок

хлеба и горсть пшеницы («чтобы у жильцов водилось много денег и урожай был хороший»). Бревна сруба скреплялись различными способами: «в остаток», «в замок», «гладким углом», «на шип». Конструкция крыши была чаще стропильной — двускатной или четырехскатной. Кровельным материалом служили дрань (узкие дощечки), щепы или солома. Крыша часто имела треугольный срез в верхней части фронтона.

Срубной технике возведения домов предшествовала *столбовая*. Основу столбовой конструкции составляли вертикальные столбы с выдолбленными пазами (для крепления коротких горизонтальных стеновых бревен). Встречались и легкие дома с плетеными обмазанными глиной стенами.

Южнославянский тип, имеющий много разновидностей («паннонскую», «моравскую» и т.п.), обладает рядом планировочных и функциональных особенностей. Его неперемнная черта — наличие *кышты* — комнаты с открытым (типа камина) очагом. Кроме нее в доме имелось одно, чаще — два жилых помещения (*соба*, *стая*). Для этого типа дома характерна галерея (род террасы), покрытая свесом крыши, опирающимся на столбы. В комнате с очагом обязательно имелся *водник* — место у стены, где вешали ведра, держали посуду, ложки. Рядом стоял ларь с мукой и другими припасами. Ели за низким круглым столиком, сидя на маленьких трехногих табуретках. Спали на пристенных скамьях или на полу.

В равнинных районах Балканского п-ова строительным материалом в XIX в. служили глина и камень. Глинобитные постройки сооружали двумя способами. Стены либо наращивали слоями из массы, состоящей из глины с мякиной (или соломой), либо возводили, набивая стеновую смесь в дощатый каркас, который после высыхания стен удаляли. Дома строили — и теперь возводят — также из самана и обожженного кирпича. Такие постройки известны и у западных славян.

Западный *среднеевропейский тип* дома во многом близок к южноевропейскому и встречается в Лужице, на западе Польши и в Чехии. В древности он был распространен и у кельтского населения Центральной Европы.

В горных районах Словении встречается *альпийский тип* жилища. Это огромная двух-, трехэтажная каменная постройка с жилыми и хозяйственными помещениями под общей крышей.

Жилища мусульман Болгарии, Боснии и Герцеговины и других районов Балканского п-ова отличаются от домов христианского населения главным образом планировкой, внутренним убранством и функциональным назначением отдельных жилых помещений. Нередко в них ставили жаровни (*мангалы*) турецкого типа. Дома зажиточных мусульман разделены на две половины — мужскую и женскую.

Современное сельское жилище сохраняет связь с историческими традициями. Некоторые его типы оказались очень устойчивыми и, несмотря на нововведения, донесли до наших дней опыт прошлых поколений.

В настоящее время в сельском строительстве получили распространение новые материалы. Планировка жилищ повсеместно унифицируется, функции помещений становятся все более разнообразными, дома обставляются городской мебелью промышленного производства.

Одежда. В XVII—XIX вв. у сельского южно- и западнославянского населения преобладало домашнее производство одежды, но часть ее изготавливалась в ремесленных мастерских. С конца XIX — начала XX в. производство одежды становится отраслью промышленности. Этноологи выявили большое разнообразие традиционной одежды славянских народов. Выделялись ритуальные костюмы. К одной из групп принадлежит широко распространенный польский костюм, испытавший значительное городское влияние. Наряду с индивидуальными, только ей присущими чертами традиционная одежда обладает общностью, роднящей между собой костюмы разных славянских народов.

Основу женского костюма у западных и южных славян в прошлом составляла рубаха из дмотканого льняного или конопляного полотна. Наиболее архаичной была рубаха туникообразного покроя с *поликами* (*прирамками*, т.е. надплечными вставками). Встречались и другие варианты покроя: из двух полотнищ со сборками у ворота и треугольными вставками на плечах. В Словакии и Моравии женские рубахи шили без рукавов, на одной или двух лямках. В Черногории и Болгарии рубаха имела вырез на груди и вышивку по вороту

и рукавам. В Далмации женщины носили белые, украшенные кружевами рубахи, аналогичные туникам раннего Средневековья. Рубахи шили длинными и короткими. В последнем случае у них обычно были широкие рукава. В Болгарии поверх рубахи надевали глухой сарафан (*сукман*), чаще всего туникообразного покроя, из синей или черной шерстяной ткани. Полы сарафана нередко украшали вышивкой или шнуром. Его носили с шерстяным узорчатым поясом. В Хорватии поверх рубахи надевали хлопчатобумажные, шерстяные или кожаные безрукавки с широким вырезом на груди, украшенные аппликацией. Наиболее архаичной частью женской поясной одежды был передник — фартук, распространенный в прошлом у западных и южных славян повсеместно; иногда вместо одного надевали два фартука — спереди и сзади. Задний фартук (*пристилка*) был короче, шире и нередко гофрированным, передний — узким, гладким и ярким по расцветке. Со второй половины XIX в. широкое распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе получила

Серб в национальной праздничной одежде.

Рис. середины XIX в.

юбка европейского городского покроя, присобранная по талии. Например, один из вариантов одежды молодой лужичанки состоял из рубахи и юбки, закрытой спереди широким передником, а также вышитой косынки, покрывающей плечи.

Мужскую одежду составляли различавшиеся длиной и покроем штаны, рубахи, безрукавки, куртки и сукман.

Разнообразной по форме и фасону была верхняя одежда южных и западных славян (полушубки, кафтаны, накидки). Древнейшей ее разновидностью можно считать несшитую, плащевидную одежду, сохранившуюся до наших дней в национальном костюме болгарских и черногорских горцев, хорватов, поляков и лужичан (в частности, среди пастухов).

Многообразием локальных форм характеризовались головные уборы мужчин и женщин. Мужчины носили меховые шапки разных фасонов, соломенные и фетровые шляпы, *рогатывки* (шапки с квадратным верхом из сукна и меховым околышем). Старинные женские головные уборы отличались сложностью и даже причудливостью: двурогие, однорогие, в виде цилиндра, усеченного конуса. Повсеместно носили так называемые *славянские шапки*, отороченные мехом, платки, косынки, чепцы, наколки и др.

Разнообразны были и типы традиционной обуви: бродни, кожаные башмаки, мягкие туфли, шерстяные ноговицы, обувь на деревянной подошве, постолы из сыромятной кожи, которые надевали на яркие шерстяные чулки.

Классический народный костюм дополнялся вышивкой и украшениями. Славянская вышивка одежды очень разнообразна по орнаменту и технике исполнения. На болгарский сукман надевали пояс, скрепленный тяжелой серебряной пряжкой. Женщины носили ожерелья из серебряных монет и бисера, коралловые бусы. Вышитые рубахи, подол платья в некоторых областях Болгарии украшали блестками. На севере Далмации женщины носили пояса в виде литых металлических цепочек.

В некоторых районах Сербии, Боснии и Герцеговины покроем одежды испытал заметное турецкое влияние. Жители этих территорий переняли у турок женские шаровары, мужские красные фески, головные полотенца, суконные шапочки, повязываемые сверху платком (наподобие тюрбана). В прошлом женщины закрывали лицо, оставляя только щель для глаз.

В настоящее время большая часть населения славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как городского, так и сельского, носит костюмы современного покроя из фабричных тканей. В женской одежде нередко используются народные мотивы — в виде вышивок, аппликаций и других декоративных элементов. Одежда по старинным образцам изготавливается для коллективов художественной самодеятельности. Ее надевают также во время праздничных процессий и фольклорных выступлений. За одеждой закрепляется и функция (знак) принадлежности к определенной региональной или локальной общности. Отдельные, творчески переработанные ее элементы внедряются в продукцию швейной и текстильной промышленности. Большой популярностью у жителей крупных городов Центральной и Юго-Восточной Европы пользуются изделия местных деревенских рукодельниц, особенно украшенные ажурной вышивкой светлых тонов сорочки, платки, косынки.

Пища. В пище трудового населения городов мало отличий от крестьянского. В нем преобладали мучные похлебки, овощные блюда, молоко; позднее к этому добавился картофель, который нередко заменял хлеб. Для крестьянских семей большим подспорьем служили грибы, ягоды, щавель, лебеда, орехи. Зажиточные горожане многие блюда заимствовали из французской, немецкой и итальянской кухни.

Пища различалась и по областям. Большое место в ежедневном рационе южных и западных славян занимали хлебные изделия. Хлеб пекли кислый и пресный. В Сербии и Черногории выпекали так называемый *погач* — тяжелый и твердый пресный хлеб из кукурузной муки, в Польше — пресные лепешки разных сортов. Ни один праздник не обходился без специальной выпечки. На севере Польши — это калачи, в южных районах Польши — булочки и мелкое печенье (типичное и для стола соседних чехов).

В Словакии, Польше и Чехии готовили различные супы-похлебки из ржаной и кукурузной муки или пшена (например, *жур* или *брыня* в Польше). Овощные супы входили в ежедневный рацион сербов, хорватов, болгар. Популярны различные каши: гречневая, пшенная и кукурузная (*качамак*). У южных славян по преимуществу готовили овощные блюда — из гороха, бобов, фасоли, перца, капусты и т.п.

Повсеместно в пищу употребляли свежее и кислое молоко, а также молочные продукты. В Болгарии, в частности, наиболее ценилось овечье молоко, из которого приготавливали разные сорта брынзы и сыра. В дни праздников и во время семейных торжеств на стол непременно подавались мясные блюда. Из разновидностей мяса более других получила распространение свинина, а в горных овцеводческих местностях — баранина. В Польше излюбленным мясным блюдом был *бигос*, который готовили из свинины, квашеной капусты и лука. Животные жиры употребляли редко, вместо них чаще пользовались льняным, конопляным или (со второй половины XIX в.) подсолнечным маслом.

В селениях, расположенных по морскому побережью, по берегам рек и озер — т.е. там, где было развито рыболовство, — существенную роль в составе пищи играла рыба.

Традиционными напитками издавна считались пиво, виноградная и сливовая водка (*ракия*), виноградное вино и *боза* — напиток, приготавливаемый из просяной муки с добавлением хмеля.

В кухне мусульманского (особенно городского) населения Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины прочно утвердились восточные блюда. Особенно любимы здесь баранина, поджаренная на железной решетке над горячими углями, пловы, сладкие каши с ягодным или фруктовым сиропом, а из напитков — кофе и *боза*.

Обильные угощения у южных и западных славян было принято подавать на стол в дни семейных и календарных торжеств. Разнообразие блюд, приготовленных в рождественский сочельник, по народным поверьям, обеспечивало семье благополучие на весь год. В эти дни повсеместно пекли сдобные разукрашенные хлебные караваи, жарили гусей и кур. К Пасхе в Польше готовили

писанки — расписные яйца, имевшие в прошлом обрядовое значение. В Болгарии в день Св. Георгия (покровителя скотоводов) излюбленным ритуальным блюдом считался запеченный в тесте ягненок. В состав обрядовой пищи часто входил мед.

Многие блюда национальной кухни остаются популярны и теперь — как в деревне, так и в городе.

5. Общественный и семейный быт

Община. К середине XIX — началу XX в. у славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы сохранялись пережитки крестьянской сельской общины. В Польше она именовалась *ополе*, *навьс*, *навься*, в Чехии и Словакии — *опце*, *община*, в Болгарии — *околина*, в Сербии и Черногории — *општина* и т.д. Материальную основу общины составляли находившиеся в совместном владении земельные угодья (пастбища, луга, леса, пустоши), водные источники. В Польше к навьсе относили и ту часть деревни, в которой располагались костел, кладбище, корчма и ремесленные мастерские, а также угодья, где сушили лен и коноплю. Пашенные же и приусадебные участки составляли собственность отдельных семей — больших и малых.

Согласно *обычному праву* (неписаным законам) крестьяне при продаже земель обязаны были отдавать предпочтение односельчанам, соблюдать принудительный севооборот, по истечении традиционных сроков окончания жатвы пускать деревенский скот на поля и пары, подчиняться решениям общинного суда и многое другое. Так, у западных и южных славян издавна были известны формы коллективной организации труда (*толока*, *спрягачество*)¹. Общественный характер часто носили некоторые домашние работы, например во время осенних или зимних *попрядух* (женских посиделок). В них принимали участие преимущественно девушки; собравшись в одном из домов со своими прялками, веретенами, куделями, они занимались совместной работой; по окончании таких посиделок к девушкам присоединялись парни и начиналось гулянье с песнями и танцами.

Широко практиковался общественный выпас скота. Пастухи выделялись поочередно от каждого хозяйства. Иногда на общественные средства содержались мельница, лесопилка или пивоварня. Члены общины совместно участвовали в проведении сельских праздников и семейных обрядов (свадеб, похорон и др.). Несмотря на заложенные в общине коллективные начала, руководство ею всегда контролировалось местной зажиточной верхушкой.

У западных и южных славян были известны формы организации неженатой (незамужней) молодежи. Для славян Центральной и Юго-Восточной Европы был характерен институт соседства. Нормы обычного права отражали общие интересы жителей, замкнутость локальной общности, коллективную заботу о ее благополучии.

¹ У мусульман Боснии и Герцеговины в мероприятиях коллективной взаимопомощи (*мобе*) могли принимать участие только мужчины и девушки: замужним женщинам ходить на мобу не разрешалось.

В настоящее время из прежних обычаев наиболее устойчивой оказалась взаимопомощь, но круг ее участников заметно сузился: в большинстве случаев это родственники и друзья. В жизнь крестьян все больше проникают черты городского быта.

Семья. Семья — это социальный институт, которому принадлежит важнейшая роль в воспроизводстве этноса и межпоколенной передаче его главных черт. В конце XIX — начале XX в. у западных и южных славян существовали два типа семьи: *простая (малая)*, состоявшая из супружеской пары и неженатых (незамужних) детей, и *сложная (расширенная, большая)*, в которую входили несколько супружеских пар и их потомство. Длительное сохранение больших семей — одна из особенностей патриархального быта. *Задруга* у южных славян Балканского п-ова (как и соответствовавшие ей *недельна родина*, *недельни братья* или *велке газдовство* у славян западных) представляла собой большой — до 30 и более человек — коллектив родственников. Семейная община жила под одной крышей или в разных домах, расположенных на одном участке; нередко несколько таких разросшихся семей занимали целый деревенский квартал. В организации производства, домашнем быту, обрядовом поведении соблюдалась строгая иерархия. Она проявлялась в главенстве мужа над женой и другими членами семьи, в подчинении младших братьев старшим. Старший мужчина, владелец имущества, был хозяином в доме. Он представлял семейные интересы на общественных сходах и перед властями; мог лишить наследственной доли (или приданого) любого из своих детей, нарушившего нормы внутрисемейной жизни. Хозяин занимал почетное место за столом. Члены семьи вставали, когда он входил в дом. Почетное место принадлежало в семье и хозяйке. Она распоряжалась всеми домашними работами и распределяла их между женщинами семьи. Самое тяжелое положение было у младшей невестки (жены младшего сына). Она выполняла наиболее тяжелую работу.

Дети с раннего возраста приучались к труду. Они воспитывались в беспрекословном послушании старшим и уважении к ним. В Словакии, например, сидеть за столом могли только взрослые: дети, получив свою порцию, должны были есть где-то в другом месте — на лавке, в углу, у печи.

Правила наследования в больших семьях у южных и западных славян различались. Так, на севере и западе Польши сохранилось право наследования всего хозяйства старшим сыном, в остальных славянских странах землю делили между всеми детьми. Родители оставались жить с младшими сыновьями.

В капиталистическую эпоху происходило постепенное выделение малых семей из состава больших. Это был длительный и сложный процесс, конкретные формы которого имели много локальных вариантов. Многие черты внутреннего строя *задруги* были унаследованы малыми семьями, хотя в целом между их членами сложились более свободные отношения.

Значительные различия существовали между городской и сельской семьями. Заметное влияние на семейно-брачные отношения оказывал конфессиональный фактор, особенно принадлежность к исламу или католицизму. Предписания ислама сильнее всего повлияли на положение в семье и в обществе женщины. Она занималась только домашними делами и нередко вела жизнь затворницы.

Для южных и западных славян характерны многообразные родственные, территориальные и соседские отношения. Так, видную роль в системе родственных отношений у них играло *кумовство*. Такое искусственное (духовное) родство, имевшее место и в деревне и в городе, приравнивалось к родству по крови и даже могло служить препятствием к браку. Оно возникало при крещении новорожденных. К духовному родству относится обычай *храненчества*, имеющий общие черты с кавказским *аталычеством* и особенно характерный для Сербии, Черногории и Македонии. Бездетные супруги нередко усыновляли маленького ребенка своих родственников. Усыновление сопровождалось ритуалом, устанавливающим символическую связь между усыновленным и приемными родителями. Среди южных славян широко распространился обычай заключать союзы *побратимства* и *посестримства*. Заключавшие такой союз становились как бы родственниками и оказывали друг другу всевозможную помощь. Особенно много таких союзов заключалось в период турецкого господства, когда люди остро нуждались во взаимной поддержке.

В настоящее время для славянских стран характерно преобладание малой семьи. Распространены и неполные семьи: в их составе — один из родителей и его (ее) дети (следствие рождения их вне брака, развода, смерти одного из супругов). В современном обществе довольно много семей, где супруги не имеют зарегистрированного брака. По сравнению с прошлым современная семья строится на иной экономической, юридической и моральной основе. Существенные изменения произошли во внутрисемейных отношениях. Равноправие мужчины и женщины осуществляется и на производстве, и в быту. До сих пор семья обладает некоторым этнокультурным своеобразием в сфере обычаев, обрядов, этикета, взаимосвязей с родственниками, соседями, друзьями. Имеет место тенденция падения рождаемости и изменения возрастной структуры в семье, умножение этнически смешанных семей.

Свадебные обычаи, свадьба. С жизнью семьи связаны разнообразные формы обрядности. В XIX — начале XX в. у западных и южных славян в подборе будущих супругов участвовали как семья, так и община. При выборе невесты принимали во внимание размер приданого и хозяйственные способности девушки. Свадьбы чаще всего играли осенью, по окончании уборочных работ, и весной, во время Масленицы. Серьезным препятствием к браку служили конфессиональные различия. Свадьбе предшествовали несколько фаз предсвадебного цикла: сватовство и помолвка.

Во время предварительных переговоров жених вместе с посредниками, своими близкими родственниками, выяснял свои шансы на возможный брак и достаток семьи невесты. Через несколько дней устраивались *смотрины* (сватовство) девушки. В случае успеха переговоров сватов за одну-две недели до свадьбы проводился *сговор* (помолвка), во время которого решались все вопросы, связанные с браком и приданым молодых. В Болгарии жених и невеста обменивались букетиками цветов, украшенными монетами и красными шерстяными нитками, имеющими магическое (предохранительное) значение. В Словакии жених получал букетик, который прикалывал к шляпе. Во время сговора невеста дарила близким жениха рубахи и полотенца. В Польше во время сговора руки молодых клали на хлеб и торжественно соединяли.

Невеста. Южная Польша

Самая свадьба у славян Центральной и Юго-Восточной Европы включала следующие моменты: 1) подготовку свадьбы в доме жениха и невесты, 2) выезд невесты из родного дома и венчание, 3) введение невесты в дом жениха и свадебное веселье, 4) временное возвращение невесты в дом родителей.

Перед свадебным пиром участники свадьбы собирались отдельно в домах молодых. В доме жениха производилось обрядовое замешивание свадебных хлебов и приготовление «свадебного знамени». В доме невесты устраивался девичник: собирались девушки, расплетали невесте косу — в знак перехода ее в новое положение, — готовили головной убор для жениха. Все эти действия сопровождались обрядовыми песнями. Содержанием этого обычая было прощание жениха и невесты с вольной жизнью.

На свадебный пир приглашали всех жителей деревни. Сваты «силой» проникали во двор невесты и платили за нее

выкуп. Участниками *свадебного поезда* были: у жениха — неженатые мужчины, у невесты — девушки. Большая роль на свадьбе принадлежала старшей свахе (обычно крестной матери невесты). Свадебной церемонией руководил *староста* — всеми уважаемый женатый человек. По прибытии молодых после венчания в дом жениха свекровь осыпала их зерном, хмелем, цветами, что должно было способствовать богатой и красивой жизни. В дом новобрачная входила по белому полотенцу и подходила к очагу, прикосновение к которому означало ее приобщение к новому дому, новой семье.

Неотъемлемую часть свадебного обряда составляли магические действия, призванные обеспечить здоровье и благополучие новобрачных и их потомства. В Польше на следующий день после свадьбы устраивался обряд перехода молодой в общество замужних женщин. Ее сажали на табуретку или лавку, подрезали ей волосы и надевали чепец. В Болгарии на следующее утро после свадьбы деверь и жены братьев мужа вели молодуху к источнику, где после взаимного омовения рук молодая жена набирала первую воду для нового дома.

Последним действием свадебной обрядности было осуществляемое через одну-две недели после свадьбы в присутствии близких родственников прощание невесты с родительским домом и окончательный переезд ее в дом мужа.

Встречались (но значительно реже) и другие формы брака, например соединение молодых в семью без согласия родителей невесты. В этом случае девушка, предварительно сговорившись с парнем, уходила к нему. В доме жениха устраивалась скромная свадьба, на которой родственники невесты не присутствовали. Невеста приданого не получала. По прошествии времени молодая

жена испрашивала прощения у своих родителей. Бедняки, не имея средств для устройства свадьбы по установленному обычаю, нередко инсценировали подобный брак.

Известны и факты умыкания невесты. Если девушка не отвечала парню взаимностью, он вместе с товарищами мог ее похитить (нередко похищение имитировалось).

Свадебные обряды мусульманского населения Балканского п-ова представляли собой сложное смешение языческих, христианских и мусульманских элементов. В этих обрядах сохранялась славянская терминология, но содержание их существенно изменилось. Так, церемония заключения брака, которую исполнял судья (*кадия*), именовалась венчанием, хотя венчания как такового не было. Оформление брака у кадии дополнялось свадьбой, которую праздновали в соответствии с югославянским народным обычаем с некоторыми изменениями, привнесенными исламом.

Некоторые черты традиционной обрядности (хлебный каравай, «свадебное знамя») местами сохранились в деревенской свадьбе до настоящего времени. Усилилась игровая и театрализованная сторона отдельных ритуалов (выкуп невесты, приобщение ее к дому жениха). Кум и кума теперь — это свидетели при заключении гражданского брака. Большое влияние на сельскую свадьбу оказали новые — городские — элементы свадебного ритуала.

6. Календарная обрядность западных и южных славян

Календарная обрядность славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы — сложное переплетение древних, языческих основ с более поздними народными традициями и элементами христианской обрядности, в которой в свою очередь порой можно разглядеть пережитки античных традиций. В основе народных календарных обрядов и поверий лежала трудовая жизнь земледельцев. Годовой круг сельскохозяйственных работ определялся сменой сезонов (весенняя вспашка и посев, летний уход за растениями, летне-осенняя уборка урожая), а также работ, касавшихся ухода за скотом.

У большинства западных славян зимний цикл календарной обрядности начинался со дня Св. Андрея (30 ноября). В отдельных районах Польши ходили ряженые, водили козу (одна из масок ряженных) и пели колядки, как в рождественские дни. У чехов и словаков, лужицких сербов много обрядов приурочивалось ко дню Св. Николая (6 декабря) и Св. Луции (13 декабря). В эти дни в саду срезали ветви яблонь и ставили их в воду. Если они расцветали до Рождества, это считалось предвестником хорошего урожая. Девушки срезали ветки вишни. Распустившаяся к Рождеству ветка предвещала скорое замужество. В Чешской Силезии каждый день начиная от дня Св. Луции откладывали по полену и накопившиеся таким образом поленья сжигали в сочельник, открывающий рождественские праздники.

В Рождественский сочельник у всех западных и южных славян было принято вносить в дом снопы разных злаков и ставить их по углам, где они и оставались до праздника Шести королей (в начале января). В Лунице под столом расстилали солому, которую потом раскладывали — чтобы обеспечить богатый

урожай — вокруг плодовых деревьев. В отдельных районах Польши девушки ставили на стол «венец», сплетенный из всех видов выращиваемых злаков. Праздничный стол опоясывали цепью — чтобы в доме «держался» хлеб; садясь за стол, на эту цепь ставили ноги — считалось, что это обеспечит здоровье. Существенный компонент новогодней обрядности составляла праздничная трапеза. Непременными требованиями к ней было изобилие и особый подбор блюд. В Моравии готовили особое блюдо из всего, что крестьянин вырастил за год. Оно называлось *щедрачка*. Его наличие на столе считалось предвестником хорошего урожая в будущем году. Вообще же обязательными блюдами у славян были свинина (в разных видах), каша (*коливо*), кушанья из бобовых, орехов и каштанов (последние считались символами изобилия).

Магическое значение приписывали огню, который играл роль оберега от всякого зла. Так, в Польше пепел из очага, оставшийся от приготовления рождественского ужина, смешивали с остатками рождественской еды и разбрасывали в огороде и в саду для обеспечения хорошего урожая.

В ритуале празднования Рождества было много общего с сочельником. Западные и южные славяне проводили его в кругу семьи. Одним из основных моментов рождественской трапезы был обряд *преломления калача*, украшенного фигурками и узорами из теста и веток. Ему приписывалась чудодейственная сила, он считался символом плодородия.

Очистительную роль в славянских странах играли обряды, связанные с водой. Так, южные славяне воду для замешивания теста для рождественского калача брали из источников накануне Рождества, до захода солнца, так как считалось, что в этом случае она будет обладать особой силой плодородия. С источником здоровались и бросали в него мелкие монеты. Оставшейся после приготовления теста водой женщины умывались и выливали ее под плодовые деревья, чтобы те лучше плодоносили. Весной в Черногории было принято умываться росой, а в Болгарии — валяться на росе.

Существовал обычай на второй день Рождества украшать дома и хозяйственные постройки ветками вечнозеленых растений, например кизила (на Балканах). Зелени придавали магическое значение как символу бессмертия природы, источнику жизни. Обязательным святочно-рождественским ритуалом на Балканах был обход домов группой людей с пожеланиями добра и благополучия их обитателям. Исполнители обряда, певшие *колядки*, получали от хозяев вознаграждение.

Обычай сочельника и Рождества связаны с аграрным и защитно-магическим культом.

Весенний цикл праздников не менее богат обычаями, чем зимний.

У южных славян был широко известен восходящий к античным временам весенний праздник — день Трифона Зарезана, отмечавшийся 14 февраля. В некоторых местностях Болгарии он праздновался как день садоводов и корчмарей. После подрезания корень винограда поливали вином и посыпали золой. Второй важный момент праздника состоял в избрании «виноградного царя», которому надевали на голову корону из виноградных лоз. В настоящее время этот праздник приобрел национальное значение и называется Днем виноградадаря.

Предохранительно-магические функции имели *волчы и власы дни*, посвященные волкам и волам. В эти праздники женщины пекли калачи, одну часть которых разносили соседям, а другую крошили в корм домашним животным, чтобы те были здоровы.

Самое красочное явление во всей весенней обрядовой традиции — знакомый многим народам Европы праздник проводов зимы и встречи весны. У западных славян он именуется *масопуст, фашинг, запусты*, у южных — *бела сирна неделя*, у восточных — *Масленица*. Его содержание не связано с христианской религией. Проводимые во время него действия — это магические обряды для обеспечения урожая и общего жизненного и хозяйственного благополучия. К числу существенных элементов праздника относятся огни, зажигаемые в различной форме; метание огненных стрел; обрядовая трапеза при свечах и т.д. Одними из наиболее ярких моментов праздника — особенно на Балканах — были «действия» *кукеров*, или *сурвакаров* — ряженных в масках козы, барана или другого животного, а важнейшей принадлежностью костюма *кукеров* считались разной величины медные бубенцы, привязанные вокруг талии. *Кукерский* праздник включал два основных момента: ритуальный обход села и ритуальную пахоту и посев на сельской площади. В наши дни *кукерские игры* приобретают характер народного театра.

У западных славян повсеместно распространен молодежный праздник *майского дерева*, во время которого парни сажают у домов своих избранниц очищенный от веток высокий ствол березы, украшенный яркими лентами.

Большим весенним праздником была Пасха — *великден* (Болгария), *вельканец* (Польша), *васкресенье, великдан* (Сербия). К этому празднику в церкви святили крашеные яйца, хлеб, различные виды злаков. Освященные злаки добавляли к посевному зерну. К Пасхе выпекали обрядовый калач, печенье в форме птиц и зверей. Дети и молодежь устраивали различные игры с яйцами: их катали по земле, с горки, ударяли ими друг о друга и т.д. В пасхальные дни умывались свежей водой, в которую было положено красное яйцо, василек и герань (у сербов, черногорцев) или яйцо и лист (в Воеводине). Считалось, что это приносит здоровье и придает красоту.

Содержанием летних праздников (например, Иванова дня — 24 июня) служила защита урожая от стихийных бедствий и скота от болезней.

Летом совершали обряды вызывания дождя. Так, в Болгарии в засуху в деревне выбирали самую красивую девушку или самого красивого парня, надевали ей (ему) на голову венок из цветов и поливали водой.

Осенью у западных и южных славян одним из самых больших считался праздник урожая. У разных народов он назывался по-своему: у южных славян — *дожинки*, или *обжинки*, у лужицких сербов — *день убиения петуха* и т.д. Этот архаический земледельческий праздник сопровождался магическими действиями и обрядами, целью которых было сохранить и обеспечить будущий урожай. Большое значение в европейских славянских странах придавалось последнему снопу убранного поля, символизирующему дух этого поля, божество урожая. Сноп изготавливали очень красивым, украшали лентами и цветами и обычно хранили до весны в *красном углу* или прикрепляли к *матице* (потолочной балке) дома. Этот праздник проводится и в наше время, только по сравнению с прошлым в нем значительно усилена развлекательно-игровая часть.

По сей день у сербов, в меньшей степени у болгар сохраняется семейный праздник *славы*, или *красно имя*, — день семейного святого, патрона-покровителя. Этот праздник — пережиток древнего семейно-родового культа. Его атрибуты — свеча, калач и коливо — пшеничная каша. В Болгарии отмечался *святец* (аналогичный сербской *славе*).

Содержание многих обрядов, сохраняемых в наши дни, изменилось: теряя свой первоначальный религиозный и магический смысл, они становятся семейными и общественными праздниками, красочной игрой, народным развлечением. И по сей день сохраняются такие свойственные традиционным торжествам атрибуты, как народные гулянья и народные забавы, ярмарки, состязания, качанье на качелях или катание на каруселях.

7. Духовная культура

Среди прозаических народных произведений западных и южных славян различаются сказки, басни, легенды, предания и др. В легендах и преданиях воспевается героическое прошлое, подвергаются критике пороки и слабости людей. Большой известностью пользовались словенские и польские патриотические баллады. Вера в домовых, вампиров, русалок отразилась в легендах и сказках. В ряде из них отчетливо проступали мотивы и сюжеты, заимствованные из мифологии. Среди бытовых сказок выделялись исторические анекдоты о габровцах, в которых жители болгарского села Габрово наделялись всевозможными смешными качествами и особенно скупостью. Положительными персонажами сказок часто выступали крестьяне-бедняки и солдаты.

В число наиболее богатых жанров устного поэтического творчества южных и западных славян входят песни самого разного содержания: лирические, обрядовые, трудовые, солдатские и др. У всех славянских народов очень богат цикл протяжных и мелодичных свадебных песен. Не менее популярны и лиричны обрядовые песни-колядки, веснянки и др.

Заслуженной славой пользовался героический и исторический эпос южных славян, воспеваящий подвиги *юнаков* — борцов за свободу и независимость Сербии, Македонии, Черногории, Болгарии. Часть юнацких песен группировалась в циклы о битве на Косовом поле, о древнем сербском герое Марко Кралевиче, о борьбе храбрых гайдуков против турок. Эти песни иногда были построены в виде вопросов и ответов, их исполняли речитативом.

Мелодии славянских песен весьма разнообразны и им свойственны сложные музыкальные размеры. Так, польскую народную песню отличает одногласность, в Словении, в альпийских и приморских районах — многоголосье. В Болгарии в некоторых песнях прослеживаются следы восточного влияния.

Своеобразны и живописны хороводные танцевальные песни славян Центральной и Юго-Восточной Европы — так называемые *кало* («круг»), распространенные как на селе, так и в городе. Музыкальное и ритмическое многообразие народных танцев проявляется в их региональных особенностях. Большая часть этих танцев связана с семейными (свадьба, рождение ребенка) или земледельческими и скотоводческими обрядами.

Особую группу составляли танцы-игры, иммитирующие труд людей и сопровождаемые пением. Так, в Болгарии самым распространенным сольным и парным танцем была *рученица*, с бесконечным разнообразием па и свободным движением рук. Часто рученица превращалась в массовый танец-игру. Польские танцы — *мазурка*, *краковяк*, *полонез* — развивались и совершенствовались на основе подлинно народных музыкальных мотивов. В XVIII в. полонез распространился по всей Европе.

Песни и танцы западных и южных славян нередко исполняли в сопровождении народных инструментов. Так, в Лужице это были большие гусли, волынки и др. В Сербии юнацкие песни пели под аккомпанемент гуслей, но там же были повсеместно распространены духовые инструменты: труба, свирель и ударные — бубны, барабаны. В Хорватии играли на свирели, жалейке и других инструментах.

В Боснии и Герцеговине под влиянием турок в обиход вошли *тамбура* и *зурна*.

Старинным музыкальным инструментом у словацких пастухов была *фузра* — красиво и ярко раскрашенный рожок, напоминающий по форме фагот. В Польше играли на пастушеских трубах различной формы и длины.

Существенна роль фольклора в развитии профессионального искусства славян.

Из народной музыки черпали материалы для своего творчества выдающиеся чешские композиторы Б. Сметана и А. Дворжак. Польскую народную музыку часто использовали в своих произведениях польские композиторы Ф. Шопен, С. Монюшко, К. Шимановский. Изучение сербской народной музыки связано с именами композиторов К. Станоевича, С. Мокраньца. Болгарские композиторы П. Владигеров, С. Добри Христов собирали и обрабатывали народные песни, стремились создать национальный стиль в музыке.

У славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы пользовалось популярностью народное театральное искусство. Происхождение народного театра связано с религиозными мистериями Средневековья, с обрядовыми, кукольными представлениями XVIII в. и городской культурой. Отдельные сцены религиозных спектаклей переплетались с веселыми интермедиями, взятыми из городской литературы и заимствованными у странствующих актеров XVI—XVII вв. Большой любовью у населения пользовался кукольный театр.

Хорват, играющий на михе — инструменте, родственном волынке

Словенские писатели XIX—XX вв. (Ф. Бевк, И. Грудек), изображая жизнь крестьян, обращались к устному народному творчеству. Для изучения словенского фольклора много сделали поэты В. Водник и С. Враз. Начало изучения сербского фольклора связано с деятельностью просветителя, этнографа и фольклориста Вука Караджича. Фольклорные мотивы часты в произведениях сербских поэтов, драматургов и писателей XIX—XX вв. — Б. Нушича, Й. Змай Йовановича, Л. Костица и др.

Народная поэзия оказала влияние на стиль произведений многих болгарских поэтов — Петко Славейкова и др. Трудно себе представить европейскую литературу XIX в. без поэзии поляка А. Мицкевича.

Всестороннее развитие у южных и западных славян получили — особенно в XX в. — национальная профессиональная культура, наука, высшее образование (Карлов университет в Праге возник еще в 1348 г.), театральное искусство, живопись.

Успешно развивается художественная литература. В ней используются лучшие традиции творческого наследия народной поэзии и прозы.

Важным элементом славянского взаимодействия остается *День славянской письменности и культуры*, отмечаемый ежегодно 24 мая.

НАРОДЫ РОССИИ

Глава 21

РУССКИЙ НАРОД

1. Общие сведения о русских

Русские (русский народ, великороссы) вместе с белорусами и украинцами относятся к восточнославянским народам, в антропологическом типе, происхождении, языке, культуре и иных характеристиках которых прослеживается значительное сходство. Они сыграли большую роль в формировании цивилизации в нашем регионе ойкумены и оказали существенное воздействие на культуру многих народов мира.

Общая численность русских в мире приближается к 145 млн человек; в Российской Федерации — около 120 млн человек. Они составляют более 80% населения России. Большая часть русского народа компактно проживает в пределах его исторической этнической территории в Восточной Европе. За пределами ее русские широко расселены в других областях России. Немало их и за рубежом — в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Русские говорят на языке восточнославянской подгруппы славянской ветви индоевропейской семьи, пользуются русским алфавитом (вариантом кириллицы, восходящей к азбуке IX в.). Русский язык делится на два наречия: *северно-великорусское* и *южновеликорусское*. Различия между ними преимущественно фонетические. Так, в литературном русском языке и севернорусских говорах (Архангельская, Пермская, Ярославская и другие области) *г* произносится твердо, в южнорусских (Воронежская, Белгородская, Орловская и т.п. области) — мягко, с придыханием. Для севернорусского наречия характерно «*о́канье*», а для южнорусского — «*а́канье*». Еще одно различие состоит в форме произношения окончания третьего лица глагола: твердое *т* в севернорусских говорах (*идёт, идут*) и мягкое — в южнорусских (*идётъ, идутъ*).

Между этими основными наречиями проходит полоса переходных говоров, которую выделяют в среднерусский, или московский, говор. Переходные говоры сочетают в себе черты южного и северного диалектов. На основе среднерусского говора сформировался русский литературный язык.

Письменные памятники на древнерусском языке восходят, по-видимому, к IX в. н.э. В XI—XIII вв. этот язык функционировал в качестве наддиалектной литературной и разговорной формы в пределах Киевской Руси. Письменность и литература на русском языке развивались по мере становления русского этноса. Современный литературный русский язык сложился в XIX—XX вв.

Для большинства народов России и ближнего зарубежья русский язык служит языком межнационального общения.

С конца X в. в качестве государственной религии у русских принято христианство православного толка. В сознании разных слоев русского населения христианство уживалось с разнообразными поверьями, уходящими корнями в языческие религиозные представления: верой в колдовство, в сглаз и т.п. В быту русских сохранились следы почитания языческих божеств низшего ранга: *домовых, русалок, леших* и пр. Христианские святые наделялись чертами прежних языческих богов: Илья Пророк был «распорядителем» грома и молний (напоминая этим Перуна-громовержца), Параскева Пятница — покровительницей женщин и т.д. Широкое распространение имел культ св. Власия (древнего Велеса — бога скота и пастухов).

Во второй половине XVII в. в результате церковной реформы патриарха Никона в России возникло религиозное *старообрядчество (раскол)*. Оно стало одной из форм социального протеста народных масс, связывавших ухудшение своего положения с реформой церкви. Тысячи крестьян и посадских людей бежали на Поморский Север, в Заволжье, на Урал, в Сибирь, где основывали старообрядческие поселения. Старообрядцы отличались особым консерватизмом в отпавлении религиозных обрядов и в быту. Так, они строго исполняли запреты на бритье бороды и курение табака, общение с православными, признавшими церковную реформу Никона. Оппозиционные настроения по отношению к официальной церкви проявляли и сектанты (духоборы, молокане, хлысты и др.).

Специфической чертой русского быта было почитание лиц с нарушениями психики (*юродивых, кликуш, калик перехожих*), живших подаянием. Их считали ясновидцами, прорицателями, святыми.

Русские относятся к *большой европеоидной расе*. По многим антропологическим признакам они занимают центральное положение среди народов Европы, отличаясь от большинства из них более светлой пигментацией глаз и волос, менее интенсивным ростом бороды и более крупным размером носа. В антропологической характеристике русских ученые выделяют несколько локальных вариантов. Так, в северных областях преобладает атлантико-балтийская малая раса. Здесь же, на Севере, у части населения заметна примесь лапоноидных (слабых монголоидных) черт. В центральных областях распространен восточноевропейский тип средневропейской малой расы, отличающийся более интенсивной степенью пигментации, чем северная группа. Население северо-восточной зоны относится к восточно-балтийскому типу беломоро-балтийской малой расы. У южных русских в антропологическом типе просматривается примесь средиземноморских и порой — в степной полосе — монголоидных элементов, что, по-видимому, связано с проникновением кочевников в южно-русские степи. Для расового облика русского населения Сибири, Средней Азии и Северного Кавказа характерно присутствие антропологических черт, свойственных неславянскому населению этих регионов.

Немало русских проживают за рубежом. Подсчитано, что с начала XIX до начала XX в. из России выехали почти 3,5 млн человек, а после революции 1917 г. — от 1,5 до 2 млн человек. Теперешние группы русского населения в зарубежных государствах — это в большинстве своем эмигранты, переселившиеся в страны современного проживания после 1917 г., и их потомки.

За пределами России (в дальнем зарубежье) русские живут главным образом в Центральной и Западной Европе (150 тыс. человек) и на американском континенте (более 1 млн). Наиболее значительные их группы сосредоточены в США (около 800 тыс.), в Канаде (70—80 тыс.) и во Франции (40—50 тыс.).

Полагают, что русская диаспора за рубежом существует давно — с эпохи Средних веков. Мотивы выезда чаще всего были связаны с событиями в жизни России — политическими, экономическими, религиозными. В эмиграции принимали участие представители разных социальных и сословных групп: сначала это были дворяне, часть духовенства. К 60—80-м гг. XIX в. социальный состав эмиграции расширился за счет мещан, разночинцев, интеллигенции. Сильно изменился он в начале XX в.: после революции 1905 г. среди эмигрантов появились рабочие, крестьяне, солдаты, служащие. Неодинаков был и возраст отъезжающих. Эмиграционные тенденции сохраняются и теперь.

Трудовая (экономическая) эмиграция в отличие от политической в национальном отношении всегда была более пестрой.

2. Происхождение и этническая история

К середине I тыс. н.э. в основном завершился процесс расселения славян по территории Европы. В III—IV вв. н.э. они освоили земли Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

В древних исторических источниках славяне называются *венетами*, *склави-нами* или *антами*, что свидетельствует о выделении из общего праславянского мира отдельных ветвей славянства, позднее получивших наименования западных, южных и восточных славян. Восточнославянская ветвь, на основе которой впоследствии сложились *русский*, *украинский* и *белорусский народы*, обособилась от единой славянской общности, вероятно, к VI в.

Восточные славяне в разное время занимали территорию от Карпатских гор на западе до Средней Оки и верховьев Дона на востоке, от Невы и Ладожского озера на севере до Среднего Поднепровья на юге. Среди упомянутых в Начальной летописи «племен» (по всей вероятности, уже союзов племен, достигших той ступени развития, когда следующим шагом должно было стать формирование государственной власти) крупнейшими были *поляне*, *древляне*, *северяне*, *радимичи*, *дреговичи*, *вятичи*, *кривичи*, *ильменские словене*.

В VI—IX вв. славяне жили общностями, носившими как родоплеменной, так и территориально-политический характер. Они вели оседлое, земледельческое хозяйство. Племенные союзы славян возникали путем объединения нескольких племен вокруг наиболее сильного, по имени которого получал название весь союз. Наименования таких общностей происходили либо от названий местностей (*поляне*, *бужане*), либо от имен легендарных прародителей (*радимичи*, *вятичи* и др.).

Наиболее раннее описание картины расселения восточных славян составил монах Киево-Печерского монастыря Нестор в «Повести временных лет». Этот документ свидетельствует о том, что в рассматриваемый период в Восточной Европе протекали сложные этнические и политические процессы. Летопись зафиксировала неравномерность развития отдельных племенных объединений восточного славянства и наличие среди них неславянских объединений, таких как *мера*, *мурома*, *мещёра* и др.

По прошествии веков данные «Повести временных лет» о расселении восточных славян получили археологические подтверждения, к числу которых принадлежат, например, находки височных колец (женских украшений), имевших у каждой группы племен свою форму.

К IX в. уровень социально-экономического развития, достигнутый восточнославянскими племенами, сделал для них необходимым образование государства. Важным фактором его создания и укрепления стала и внешняя опасность: защита от азиатских кочевых народов (печенегов, позднее половцев), борьба против экспансии Византии, Хазарского каганата, Волжской Булгарии и др. Новое государство возникло путем объединения восточнославянских племен и известно в истории как Древнерусское, иначе Киевская Русь.

В рамках Киевской Руси восточные славяне консолидировались в древнерусскую народность, которая складывалась во взаимодействии с другими этническими образованиями, целый ряд которых (*меря, мурома, мещера, чудь, весь, водь, корела, ижора*) оказались в составе Древнерусского государства. Активизации объединительных тенденций в рамках Киевской Руси во многом способствовали города, число которых быстро увеличивалось.

Высокого уровня в Киевской Руси X—XII вв. достигло развитие культуры; существенное значение имело появление письменности, распространение древнерусского языка, унификация судебно-правовых норм (Русская Правда). Значительное развитие получило ремесло — в городах работали ремесленники свыше 60 специальностей. От этого времени до наших дней сохранилось несколько десятков памятников архитектуры (Софийские соборы в Киеве и Новгороде, Золотые ворота в Киеве и Владимире и др.).

Не вполне ясно происхождение этнонима *Русь*. Некоторые историки полагают, что так именовали одно из племен, жившее по реке Рось и давшее название племенному союзу, другим названием которого был этноним *поляне*. Во время расцвета Киева понятия *Русь*, *Русская земля* распространялись прежде всего на Киевскую и Черниговскую земли. С XIII—XIV вв. они ассоциировались и с северо-восточным регионом расселения восточных славян (Владимиرو-Суздальской и прилегающими землями).

В XII—XIII вв. Киевское государство распалось. Новой формой организации русской государственной и политической жизни стала феодальная раздробленность, часто называемая удельным периодом. Он продолжался до XV в.

В XIII в. и позднее русские земли пережили очень тяжелое по своим последствиям монголо-татарское нашествие. Невосполнимый ущерб был нанесен экономическому, политическому и культурному развитию страны. Однако героическая борьба восточных славян против монголо-татарских сил сыграла решающую роль в защите европейской цивилизации.

Уже в недрах феодальной раздробленности начинали созреть предпосылки для объединения страны. Этот процесс был ускорен наличием внешней опасности и необходимостью борьбы за освобождение от золотоордынского ига. «Собирание русских земель» возглавило Московское княжество, ставшее возвышаться с конца XIII — начала XIV в. Объединение привело к образованию Российского централизованного полиэтничного государства, включившего северо-восточные и северо-западные земли Киевской Руси. На это ушло примерно два с половиной столетия (XIV — первая половина XVI в.). Объединительный

процесс сопровождался формированием *собственно русской (великорусской)* народности, ее единого устойчивого самосознания, отражающего представление об этнической, территориальной, хозяйственной и государственной общности.

Значительную роль в объединительном процессе играли города. Они являлись теми экономическими центрами, что поддерживали многообразные контакты между отдельными частями русских земель. Заинтересованность горожан в объединении страны подкреплялась потребностями ремесленного производства и торговли. Особенно это справедливо в отношении городов, довольно быстро развивавшихся вокруг Москвы.

Московское государство постепенно становилось крупной политической силой; с XV в. оно стало называться Россией. XVI век в политической сфере был временем укрепления и дальнейшей централизации государственной власти. В XVI в. исчезли явление и понятие «удельное княжество». Упразднялись внутренние таможенные границы и пошлины (*мыт* и др.). К концу XVI в. территория страны существенно увеличилась. В нее вошли земли Поволжья, Приуралья, Западной Сибири, осваивалась южная окраина страны — Дикое поле, что усиливало полиэтничность государства.

Стихийные миграции русского населения на Европейский Север, в Приуралье, Вятскую землю и другие регионы множили случаи смешанного расселения русских с другими этническими общностями. Контакты русских поселенцев с новыми соседями чаще всего ограничивались хозяйственными связями, но в ряде случаев переселения приводили и к складыванию довольно сложной этнической обстановки.

В начале XVI в. в России насчитывалось 96 городов, а к концу столетия их число уже превысило 200. Наиболее крупными были Москва (около 100 тыс. жителей), Новгород, Псков, Тверь, Тула и др. Состав горожан в рассматриваемый период был весьма разнородным: посадские (ремесленники, купцы) и служилые люди (стрельцы, пушкарки и др.), феодалы, ямщики и т.п.

В XVI в. завершилось формирование великорусской (русской) народности. Язык, быт, нравы и иные характеристики людей, которые населяли земли, вошедшие в состав единой державы, приобретали все больше общих черт.

XVII в. открыл в русской истории новую эпоху — слияния отдельных земель в единую политико-экономическую систему. Социальная структура российского общества в XVII в. отвечала феодально-крепостнической экономике.

Еще более расширилась этническая территория русского народа. В XVII—XVIII вв. русские освоили черноземную лесостепную полосу к югу от р. Оки. К концу XVII в. они составляли уже заметную часть населения Новороссии и Северного Кавказа. Тогда же появились ареалы русского оседлого земледельческого населения за пределами Европы (в Западной Сибири): по Тоболу, Верхней Туре, Таре и другим рекам.

Как и другие народы России, русские селились на осваиваемых территориях смешанно, чересполосно. Правительство — отчасти сознательно, отчасти основываясь на интуиции и опыте — избегало использования национального принципа при решении вопросов административно-территориального деления страны. И петровские провинции, и екатерининские губернии «нарезались» исходя из численности населения и наличия городов, но без учета этнических границ.

В России издавна существовала практика *включения в состав русского правящего класса социальной верхушки национальных меньшинств*. Так повелось еще со времен Киевской Руси, где в княжеских дружинах *варяги* мирно уживались со славянами и крещеными степняками. Такое положение сохранилось и в новое время, когда в состав русского дворянства нередко включались лица неславянского происхождения (татары, башкиры, выходцы с Кавказа и др.).

В XVII—XIX вв. совершилось постепенное превращение русской народности в современную нацию. Этот процесс был сопряжен с эволюцией социальных отношений и складыванием капиталистического хозяйства и быта. В сельском хозяйстве происходило освоение новых земель, делались попытки повышения продуктивности земледелия и скотоводства. Перенаселенность центральных районов страны побуждала крестьян переселяться в Поволжье, на Урал, в Сибирь, питая колонизационное освоение русскими новых территорий. Все же в центральных русских районах в XIX в. основным фактором увеличения численности русского населения был его естественный прирост.

Отражением социальных сдвигов в России в XIX в. был рост городов. По официальным данным, их число к 1897 г. превысило 900. Пореформенный (после реформы 1861 г.) город рос за счет развития промышленности, транспорта и торговли. Доля горожан за 1860—1890 гг. выросла с 8 до 13%. Численность городского населения увеличивалась не столько за счет естественного прироста, сколько за счет притока «пришлого люда», в основном из деревень. Но город, городская культура, городские формы быта оказывали очень существенное обратное влияние на деревню и ее население. Именно в городах возникли и функционировали те культурные институты, что способствовали становлению национальных литератур, литературных языков и профессиональных компонентов культуры.

Социально-политическую ситуацию рубежа XX—XXI вв. отличает высокая подвижность населения, отток русских из прежних «национальных окраин». Неуправляемость усиливающихся миграций из бывших союзных и автономных республик СССР в центральные районы Российской Федерации увеличила полиэтнизацию населения на территориях вселения, усложняя местную этнокультурную среду и межнациональные отношения.

3. Локальные и субэтнические группы русских

Для этнической истории русского народа характерно образование историко-культурных зон и формирование своеобразных и отчасти обособленных локальных групп. Последние складывались главным образом на окраинах территории расселения русских и в местах позднейшей колонизации. Такие группы приобретали свои сословные и конфессиональные особенности, некоторую специфику хозяйства, культуры и быта. Значительное влияние на их формирование и последующее бытие оказывали природно-географический, исторический и социально-политический факторы, культурные контакты с соседями — неславянскими народами.

На европейской территории расселения русских различаются два крупнейших исторически сложившихся этнографических массива: *северные* и *южные великороссы*. Широкая полоса между ними, главным образом в междуречье

Оки и Волги, рассматривается как переходная, *среднерусская*, зона. Именно здесь в XIV в. начала складываться *русская* (великорусская) *государственность*, а в дальнейшем происходило формирование русской народности. В XX в. различия между северными и южными русскими несколько сгладились, но полностью не исчезли.

Другие группы русского населения отличаются значительной спецификой. В этнографии они нередко именуются *субэтническими группами*. Этим термином обозначают относительно компактные территориальные общности того или иного народа, занимающие более или менее отчетливо очерченные территории и обладающие в силу этого известными хозяйственными, культурными и языковыми особенностями, элементами регионального самосознания, самоназваниями, а иногда и особым социальным положением.

Возникновению субэтнических групп в составе русского народа способствовали прежде всего исторические условия — например, бегство (миграции) зависимых крестьян и других групп населения от феодального гнета на окраины Русского государства. Позднее (во второй половине XVII в. и позднее) к этому добавились раскол православной церкви и преследование государственной администрацией старообрядцев-раскольников. Кроме того, государство переселяло на окраины «служилых людей» для охраны границ.

Субэтнических групп больше в историко-культурной зоне расселения южных великороссов (что связано с историей заселения лесостепной и степной полос юга России), но они встречаются даже в пределах исторической территории формирования русского народа, некогда входившей в состав Киевской Руси. Таковы, например, своеобразные по культуре массивы русских — в основном в Смоленской, Псковской и в части Тверской и Калужской областей, — имеющие определенное сходство (в форме и расцветке традиционной одежды, внутренней планировке жилищ, народной кулинарии) с белорусами.

В Среднем Поволжье в XVI—XVII вв. из выходцев из разных областей России сформировалась местная группа русских, приобретшая под влиянием тесных контактов с финно-угорскими и тюркскими народами Поволжья особые черты культуры (некоторые виды орнамента, внутреннее устройство жилища, применение особого плуга — «сабана»).

История колонизации Северного и Восточного Приуралья (Вятской, Пермской, Свердловской, Челябинской и др. областей), — заселявшегося русскими с севера, из центральных областей и из Поволжья, — оказала влияние на вариативность культуры населения этих мест. По оканью, некоторым особенностям системы питания, элементам свадебного обряда его можно отнести к севернорусскому. Но ряд черт (в жилище, орнаменте, одежде) сближает его с жителями среднерусской зоны.

Сочетание русских и украинских элементов в языке и культуре прослеживается у юго-восточной группы русских, сложившейся в области Войска Донского и на востоке Новороссии, в Кубанской и Терской областях.

Относительным однообразием отличается севернорусская этнографическая зона. Здесь меньше обособленных культурных групп и названий, что, вероятно, является следствием интенсивности стихийной, крестьянской колонизации. В самоназваниях территориальных групп в пределах этой зоны (образовавшихся в XIV—XVI вв.) доминируют географические, происходящие от мест поселения,

термины: *поозёры*, т.е. обитатели берегов оз. Ильмень (Поозерья), *пошехонцы* — жители земель по р. Шексне, *каргополы* — население округи г. Каргополя и берегов оз. Лача, *белозёры* — обитатели побережья оз. Белого, и т.п.

Свое название сохранила самая крупная территориальная группа севернорусского населения, расселенная по берегам Баренцева и Белого морей, — *поморы*. Они освоили морское рыболовство и промысел морского зверя, создав хозяйственно-культурный тип, не характерный для восточных славян, но свойственный с глубокой древности коренному населению Севера. Среди поморов различались более мелкие группы: *усть-цильмы* (от Усть-Цильмы — селения в устье р. Цильмы), *пустозёры* (от Пустозерска — ныне несуществующего поселения на р. Печоре). Среди последних, вероятно, немало потомков новгородцев с небольшой долей местного финно-угорского населения.

К XIV—XVI вв., по всей видимости, относится возникновение *ростовичины* и других очень небольших групп — части жителей земель по Северной Двине, чье происхождение связывают с «низовской» (ростово-суздальской) колонизацией Севера.

С середины XVII в., после церковной реформы патриарха Никона, спасаясь от преследований со стороны государства, в отдаленные, глухие места России переселялись раскольники. Группы староверов-беспоповцев (старообрядцев, отвергавших церковную иерархию) жили в Заонежье, Ярославской, Вологодской, Олонецкой и др. губерниях. Поселения старообрядцев поповского толка существовали на Севере, на Верхней Волге, в Пермской губернии и др. местах. Быт раскольников отличала приверженность к старине (особенно в духовной культуре, церковных и иных обрядах, одежде и т.п.). Этому способствовала их изоляция от инаковерующего населения и редкие контакты с ним.

Мало изучена локальная группа *тудовлян*, живших по р. Туд в Тверской области. Формирование таких групп русского населения, как *ягуны* (в Новгородчине) или *гагары* (в Вятском крае) имело связь с профессиональными (бурлацкими) занятиями.

Сложна этническая история некоторых областных групп южнорусского населения.

По мере расширения Русского государства на юг его рубежи заселяли выходцы из различных мест. Таково происхождение так называемых *полехов* (*полешиан*) в Калужско-Орловско-Брянском Полесье. Часть из них, возможно, — потомки древних обитателей этих мест. В культуре полехов прослеживается связь с культурой белорусов и литовцев. Среди них распространилось старообрядчество.

К полехам близки *горюны* Путивльского уезда Курской губернии. Их культура содержит отдельные украинско-белорусские черты. В районе Курска проживали монастырские крестьяне *саяны*. Не исключено, что среди них были выходцы из Литвы и Белоруссии. Происхождение курских *севрюков* связывают с военным служилым сословием, несшим охранную службу на южной границе России.

Среди южных великороссов выделяются группы так называемых *однодворцев*. Это в большинстве своем потомки служилого населения (стрельцов, пушкарей и др.), выходцев из северных и среднерусских областей государства, переселенных в XVI—XVII вв. правительством на степную окраину страны для защиты

границ от набегов кочевников. Позднее в их состав влились другие переселенцы — представители различных слоев крестьянства. Однودворцы занимали как бы промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками. Их особое сословное положение в прошлом (позднее их причислили к государственным крестьянам), бытовая обособленность от окружающего южнорусского населения способствовали сохранению у них своеобразных черт в культуре и поведении. Значительные отличия наблюдались в их материальной культуре. Так, неотъемлемыми элементами костюма у представительниц этой общности были полосатая юбка (наряду с сарафаном) и сложные головные уборы разных видов. Поселения однودворцев отчасти напоминали крепости.

В лесной (северной) части Рязанской и Тамбовской областей расселена так называемая *мещёра* — сельское население Мещерской стороны, происхождение которого связывают со слиянием славян с автохтонным финским населением края. В XVI—XVII вв. часть мещеры мигрировала на юго-восток, на территорию современных Пензенской и Саратовской областей. В культуре мещеры (особенно в орнаменте, расцветке костюмов, убранстве жилищ) есть элементы культуры поволжских народов.

Как и на Севере, в южных губерниях Европейской России наряду с сословными и этнотерриториальными группами сложились и конфессиональные. Так, в романах П.И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и «На горах» правдиво описана жизнь «заволжских старообрядцев», обосновавшихся в XVII—XVIII вв. на землях по рекам Ветлуге и Керженцу (левым притокам Волги в Нижегородской губернии) и сохранявших многие патриархальные черты в своей культуре. Подобные группы существовали и среди русского населения ряда центральных и южнорусских губерний (Тамбовской, Орловской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской и т.д.).

В XVII—XIX вв. среди южнорусского населения появились поселения сектантов: *хлыстов* (в Костромской, Владимирской, Нижегородской губерниях), *субботников* (в центральных губерниях), *духоборов* (в Воронежской губернии), *молокан* (в Тамбовской губернии, на Ставрополье и др.).

Не менее активно протекали этнические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке. Потомков ранних переселенцев (XVI—XVIII вв.) в Западную Сибирь принято называть *старожильческим населением*, а переселенцев XIX в. — *новоселами*, или *российскими* (по терминологии коренных сибиряков). Ранние переселения совершались главным образом с русского Севера и из Северного Приуралья, поздние (XIX в.) — из южнорусских губерний. В Западной Сибири преобладает «окающий» диалект и севернорусские черты культуры, а в Восточной Сибири — «акающие» наречия и южнорусский хозяйственный и бытовой уклад. Похожее положение и на Дальнем Востоке, где в населении преобладают русские переселенцы с Юга России, а также украинцы и белорусы.

Своеобразны такие группы русского населения Сибири, как *каменичники* Бухтармы и *поляки* Колывани. Первые — это потомки *кержаков* (старообрядцев), переселившихся, спасаясь от религиозных гонений, из Нижегородской губернии «в камень» (т.е. в горы — отсюда и название). На их культуру оказали влияние их соседи-казахи. «Поляки» происходят от выходцев XVIII в. из упраздненных старообрядческих скитов в одном из районов на востоке тогдашней Речи Посполитой.

В Восточной Сибири большую замкнутую группу составляли забайкальские старообрядцы — *семейские* (занимавшие земли по рекам Селенге и Чикойю). Потомки семей старообрядцев, высланных в XVIII в. из южнорусских и западных губерний России в Сибирь, они имели много общего с алтайскими «поляками».

Своеобразный культурно-бытовой уклад характерен для русских, поселившихся на севере и северо-востоке Сибири.

Русские национальные черты хорошо сохранили жители с. Русское Устье на р. Индигирке — потомки переселенцев с Европейского Севера, из Сибирской Мангазеи и других мест. Они вели охотничье-промысловое хозяйство, заимствовали у местного населения (якутов) собаководство и оленеводство, некоторые формы одежды. Установлено, что они изредка вступали в браки с якутами. Документы XIX в. зафиксировали существование и других групп русских в Якутии: *усть-оленьских, усть-янских, верхоянских, усть-елонских* и т.п. К настоящему времени часть из них ассимилирована якутами и эвенками. Свое этническое самосознание, язык и фольклор сохраняют *марковцы* — жители с. Марково (в устье р. Анадырь), а также русские, населяющие приколымские земли. Русское население Камчатки и Чукотки вследствие ассимиляционных контактов с соседними этносами — ительменами, юкагирами, чукчами и коряками — приобрело метисный антропологический тип и своеобразный говор и обычаи. Особый культурно-бытовой уклад сложился у так называемых *затундренных крестьян*, живущих на севере Красноярского края по рекам Дудинке и Хатанге. По быту и языку они мало отличаются от местных жителей — якутов. От смешения русских крестьян с автохтонным населением (эвенками и якутами) происходят жители «ямщицких поселений» по рекам Лене и Амге. Их жизнь подробно описана в рассказах В.Г. Короленко.

Но, пожалуй, самым значительным культурно-бытовым своеобразием обладает восточнославянское (русское и украинское) *казачество*. Всего к началу XX в. в России сложилось более 10 казачьих войск, каждое из которых имело свои культурно-бытовые отличия. Своеобразие их этнокультурного облика определялось участием в их формировании тех или иных нерусских народов.

Самым многочисленным стало *Донское казачество*, сформировавшееся в XVI—XVII вв. главным образом из крестьян, бежавших от крепостной неволи, а также из числа разорившихся помещиков, вольных *гулящих людей* и других групп населения. Среди донских казаков различались два историко-культурных типа: *верховые* и *низовые казаки* (обитавшие соответственно в верховьях и по нижнему течению Дона). Каждому из них был присущ свой физический тип, хозяйственно-бытовой уклад, особенности жилища, костюма, фольклора. В их формировании принимали участие разные этнические элементы: в формировании верховых казаков большее участие приняли русские, в формировании низовых казаков — украинцы. Значительную часть донских казаков составили выходцы из тюркских, монгольских, северокавказских и других восточных народов, с которыми они соприкасались на протяжении истории. Основная часть донских казаков говорила на южнорусском наречии. Большинство из них принадлежало к православию, меньшая часть долго оставалась старообрядцами. Характерный образ жизни донских казаков ярко изображен в произведениях М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

С XVI в. начало складываться *Уральское казачество* (до 1775 г. Яицкое, по старому названию р. Урал — Яик). В его формировании на ранних этапах участвовали выходцы с Дона (русские), позднее — ногайцы, татары, башкиры, калмыки, каракалпаки, казахи и представители других народов. В занятиях уральских казаков важное место занимал рыбный промысел — на р. Урал и на Каспии. Их быт отличался большим консерватизмом. Пестрый этнический состав войска оказал заметное влияние на многие стороны культуры и жизненного уклада казаков, которые подробно описываются И. Железновым в романе «Уральцы».

К XVI в. относится также возникновение *Северокавказского — Гребенского — казачества*. В него влились, помимо донских казаков, беглые русские крестьяне, участники народных восстаний и другие группы восточнославянских переселенцев. К XVII в. в состав войска входили кабардинцы, чеченцы-аккинцы, кумыки, ногайцы, грузины, черкесы. Живя по соседству с горскими народами, казаки восприняли отдельные элементы их одежды, украшений, жилища, пищи, утвари, некоторые институты общественной жизни, например куначество и аталычество. Довольно широкое распространение имели браки казаков с горскими женщинами. Быт гребенских казаков художественно изображен Л.Н. Толстым в повести «Казаки».

С 1792 г., после переселения на Северо-Западный Кавказ основной массы запорожцев (в связи с упразднением правительством Запорожской Сечи), началось формирование *Черноморского казачества*, переименованного в 1860 г. в *Кубанское*. Кубань стала контактной зоной между русскими и украинцами. На западе края преобладающим стал украинский этнический компонент, на востоке — русский. Помимо них в местное казачество влились: на западе — молдавские, албанские, сербские переселенцы, на востоке — представители кабардинцев, черкесов, грузин. Сложной была и его социальная структура, включавшая (наряду с поверстанными «по жребию» на новую пограничную линию донскими казаками и бывшими солдатами регулярной армии — военнопоселенцами) также крестьян, ремесленников и др.

Формирование *Сибирского казачества* происходило несколько иначе. Его основу составило служилое казачество. В 1808 г. указом правительства было создано Сибирское казачье войско. Оно было пестрым в этническом отношении. В него вошли представители русских, мордвы, татар-мишарей, башкир и других народов. Предки большинства сибирских казаков были крестьянами в разных губерниях России. Среди сибирского казачества утвердилось севернорусское наречие. По религии Сибирское казачество было неоднородным: казаки русского и мордовского происхождения в основном исповедовали православие, казаки из татар и башкир — ислам. С 1867 г. сибирские казаки составили костяк еще одного казачьего войска — Семиреченского (в бассейне р. Или).

Очень своеобразным бытом отличались *забайкальские казаки*, расселившиеся со второй половины XVIII в. в Забайкалье вдоль русско-китайской границы. Официально это войско было утверждено в середине XIX в. Оно сложилось в основном из русского старожильского населения, несшего службу на Забайкальской укрепленной линии. В состав войска вошли также представители местных этносов (*бурят, эвенков* и др.), что отразилось не только

на культуре и бытовом укладе забайкальских казаков, но и на их физическом типе.

Амурское и Уссурийское казачьи войска официально образованы в середине XIX в. Формирование их происходило в основном в конце XIX в. по большей части из забайкальских казаков (с участием донского, терского и оренбургского казачества), переселенных на новые территории по набору и «по жребию».

К концу XIX в. русское казачество получило статус особого воинского (служилого) сословия. Оно было освобождено от уплаты денежных или натуральных налогов, но платило «налог кровью» — обязательной службой молодых людей в частях легкой кавалерии. Казачьи войска имели свои области расселения (входившие в систему административно-территориального деления Российской империи). У казаков формировались региональные особенности быта. Казаки могут быть охарактеризованы как субэтнические группы русского народа.

Таким образом, как и другие крупные этносы, русские *не гомогенны* (не однородны) в своих региональных и социальных проявлениях; они различны в отдаленных друг от друга областях расселения и социальных слоях, что не исключает общего социально-культурного (этнического) единства.

4. Хозяйственные занятия

Русские — народ многовековой земледельческой культуры. Земледельческие навыки унаследованы ими еще от праславянских предков. Месяцы в календаре славян обозначались по циклам земледельческих работ: так, *сечень* — время, когда вырубали деревья для подсечного земледелия, *сухой* был временем их высыхания, а *серпень* — временем уборки урожая. Земледелие и злаковые культуры символизировали жизнь, поэтому название *жито*, сохранившееся до наших дней (так в разных регионах называют ячмень, рожь и пшеницу), означает жизнь, благополучие, зажиточность, имеет отношение к свадебному обряду.

Основные системы земледелия у восточных славян тесно связаны с природно-климатическими условиями. На Севере, в условиях лесной полосы, еще в XIX в. частично сохранялась *подсечно-огневая система*. Главным орудием труда в этом случае служил топор, с помощью которого на месте будущего поля срубали деревья. На второй год подсохшие деревья выжигали (огонь уничтожал сорняки, зола служила удобрением). Участок вспахивали сохой и засевали. Когда через два-три года земля истощалась, переходили на новое место. В южных районах, где плодородных земель было много, основной системой земледелия был *перелог*. Здесь отдельные участки засевали в течение двух-трех и более лет, после чего переходили на новые.

С начала XVI в. получило распространение *тредполье*, ставшее к рубежу XVIII—XIX вв. господствующей системой почти на всей русской территории. В этом случае вся пашня делилась на три примерно равновеликие части; одна из них засевалась озимым хлебом: рожью, пшеницей, другая — яровым (овсом, пшеницей) и, наконец, третья оставлялась под паром, т.е. «отдыхала» и получала навозные удобрения. На следующий год «озимый клин» превращался в яровой, яровой — в пар, а пар распахивался под озимь.

Переход к производству товарной продукции послужил толчком к поиску новых приемов хозяйствования. Так, трехпольная система кое-где была дополнена четвертым полем — *новинной*.

Русские крестьяне использовали примитивный сельскохозяйственный инвентарь: на Севере это *топор*, двузубая (изредка многозубная) *соха*, *борона-суковатка* (часто изготовленная из еловых сучьев). Урожай убирали *серпами* или косами, а обмолачивали — *цепами*. Для размалывания зерна использовались каменные зернотерки (ручные жернова). На Северо-Западе бытовало *рало* (пахотное орудие типа плуга). В южных районах арсенал сельскохозяйственных орудий включал: *соху*, *рало*, *деревянный плуг с железным лемехом* — т.е. орудия, приспособленные для более глубокой вспашки. Собранный хлеб повсеместно вязали в снопы и сушили в *овинах* (специальных сооружениях, приспособленных для сушки снопов).

В XIX в. в земледелии получили распространение усовершенствованные сохи, облегченные плуги, бороны, имевшие много местных вариантов. Сельскохозяйственные орудия заводского изготовления стали вытеснять самодельные. В хозяйствах крупных землевладельцев и зажиточных крестьян внедрялись новые сеялки, жнейки, веялки и другие машины.

Главным направлением земледелия было возделывание зерновых культур, прежде всего ржи (на Севере) и пшеницы (на Юге), а также гречихи, ячменя и др. Одним из древнейших видов хлебных растений было просо. Основной фуражной культурой служил овес. С глубокой древности русские земледельцы сеяли лен и коноплю, дающие волокно и масло. К концу XIX в. по производству льна Россия занимала ведущее место в мире (более половины производства), а по возделыванию конопли — первое место в Европе. Начиная с середины XIX в. основной масличной культурой в России стал подсолнечник (введен в культуру в 1829 г.).

В XVIII в. администрация России стала принуждать крестьян возделывать новую культуру — картофель. Народ принимал ее весьма неохотно. Имели место картофельные бунты (1830 и 1840 гг.), направленные против насильственных мер внедрения в практику выращивания. Лишь со второй половины XIX в. картофель прочно утвердился в крестьянских хозяйствах. Он выращивается как продовольственная культура, а также как сырье для выработки крахмала и спирта. Русское население Северного Кавказа издавна выращивало кукурузу, которая с конца XIX в. получила известность и в среднерусских губерниях.

Техническими культурами служили также сахарная свекла, табак, марена (краситель).

Наряду с полеводством русские издавна занимались (в том числе в городах) огородничеством и садоводством, имевшими подсобное значение. Выращивали репу, лук, морковь, капусту и другие овощи.

С XVIII в. стали выделяться отдельные районы, села и города, специализировавшиеся на производстве тех или иных огородных культур для рынка. Этот процесс активизировался с ростом городов и городского населения. Товарное направление в огородничестве очень интенсивно эволюционировало в XIX — начале XX в. В городах и пригородных зонах оно приобрело характер промысла с применением наемного труда.

Ветряная мельница столбового типа. Начало XX в.
Музей Малые Карелы близ Архангельска

В южных районах в XIX в. получило развитие торговое бахчеводство (выращивание арбузов и дынь).

Характерной принадлежностью русских сел и многих городов в XVIII—XIX вв. стали фруктовые сады — яблоневые, вишневые, смешанные и др. Население выращивало и ягодные кусты: малину, смородину, крыжовник. Гребенские и кубанские казаки занимались виноградарством и табаководством.

Немалое значение в жизни русских имело животноводство, тесно связанное с земледелием. Скот использовался как тягловая сила, источник мясной и молочной пищи. Обязательной принадлежностью крестьянского хозяйства был крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, домашняя птица. В деревнях существовал обычай (сохранившийся с некоторыми изменениями до нашего времени) совместного найма пастухов на сезон для пастьбы скота. Пастуха поочередно кормили в каждом доме, давали ему ночлег. В зимнее время крупный рогатый скот держали в хлевах. Развитие капиталистических отношений

Крестьяне Орловской губ. с конской упряжью. Фото конца XIX в.

привело к складыванию специализированных районов товарного молочно-мясного животноводства.

Большое значение имело коневодство. Наличие в крестьянском хозяйстве одной или нескольких лошадей определяло его жизнеспособность и экономическую устойчивость.

Одно из древнейших занятий русских крестьян — пчеловодство. Получаемые от пчел мед и воск имели и имеют большое значение в жизни народа.

Важными хозяйственными занятиями русских были рыболовство и охота.

Рыболовство было развито повсюду, где имелись водоемы. Рыбными угодьями крестьяне владели и пользовались всем обществом. Рыбачили с помощью традиционных снастей: неводов, сетей, бредней, венерей, багров, разнообразных ловушек. Рыболовством занимались главным образом мужчины. Последние помогали старшим плести сети, ставить неводы, обрабатывать пойманную рыбу. Обработка улова составляла одну из важнейших частей промысла. На севере рыбу коптили, сушили в специальных печах, замораживали. На юге — вялили, сушили на солнце. Лов рыбы часто вели артелями, которые формировались из родственников, соседей, земляков; добыча артели делилась на «пай» в соответствии с вкладом каждого участника.

Для занятия охотой наилучшие условия имелись в северных районах России. Охотились в основном осенью и зимой, так как летом значительная часть охотников была занята на сельскохозяйственных работах. У русских преобладало товарно-пушнинное направление охоты (на соболя, белку, лисицу, горностая и т.п.). Арсенал охотничьих снастей включал старинные ловушки, западни, завалы и пр., но часто охотились с ружьем и собакой.

В XIX—XX вв. в ряде мест России охота и рыболовство превратились в подсобные занятия или спорт. На Севере и в Сибири промысловая охота и рыболовство продолжают сохранять хозяйственное значение. Значительно повысилось техническое оснащение охотника и рыболова.

Существенной стороной хозяйственной деятельности русских — еще со времени Киевской Руси — было *ремесло*. Со временем число разнообразных ремесел расширилось. В русских деревнях работали кузнецы, каменотесы, гончары и многие другие.

Социально-экономические перемены в стране подрывали натуральность сельского хозяйства (т.е. самодостаточность каждого крестьянского двора). Крестьянское хозяйство становилось на путь мелкого товарного производства. Повсеместно вырастали ремесленные поселения и города, возникали торги и ярмарки. Росло число ремесленников и купцов.

В России сложилась региональная специализация мелкотоварного ремесленного производства. Так, Тульско-Серпуховский район специализировался на выплавке металла, Новгородско-Псковская земля была крупнейшим центром выделки полотна и холста, кожевенное производство получило развитие в Ярославле и Казани. Широкое развитие ремесло получило и в промысловых селах. Павлово-на-Оке приобрело известность своими металлическими изделиями, район Хохломы (ныне Нижегородская область) — деревообработкой.

Среди русских крестьян получили распространение разнообразные *отхожие промыслы* (работа крестьян по найму вдали от своих хозяйств и мест проживания), в которых ежегодно участвовали миллионы людей, особенно в нечерноземной (северной) полосе. Многие отхожие промыслы были связаны с ремесленными занятиями: плотничеством, печным, кровельным, столярным делом. Работники уходили на один или несколько сезонов. Большая часть отходников были мужчины. Состав отходников был весьма неоднородным. Некоторые из них (например, пыльщики, кровельщики) работали небольшими артелями, другие — портные, пимокаты (изготавливавшие валенки) — в одиночку. Отходник-ремесленник представлял собой один из характерных образов дореволюционной русской этнической среды.

Отходники занимались и мелкой торговлей. Таковы были *офени* (коробейники), *калачники* и другие продавцы разнообразных товаров, разносившие и развивавшие их по деревням и селам.

С развитием промышленности во второй половине XIX в. увеличился зимний отход сельского населения на лесоразработки, шахты, рудники. Так складывались уже капиталистические производственные отношения.

После реформы 1861 г. в России сложились крупные индустриальные центры и районы (Московский, Петербургский, Уральский и др.), развернулось обширное железнодорожное строительство. Развитие металлургической, текстильной, других отраслей промышленности обусловило появление город-

Русские рабочие. Фото начала XX в.

ских и поселковых субкультур (в том числе субкультуры рабочих окраин), имевших существенные отличия от культурных традиций крестьян. Численно росли рабочий класс и буржуазия. Из приписных горнозаводских крестьян (в районе Тулы, на Урале, в Олонецком крае, в Петербурге) стал складываться пролетариат. В этот период продолжались миграции в разные районы России промышленников и ремесленников, что оказывало заметное влияние на и без того сложный национальный состав работавших на заводах и фабриках.

Наряду с крупной промышленностью получило дальнейшее развитие мелкое производство (кожевенное, керамическое, кузнечное и др.). В нем было занято свыше 600 тыс. мелких кустарей. Кроме того, до 4 млн человек соединяли ремесло с земледельческими занятиями. Мелкие крестьянские производства получили развитие в северной, нечерноземной полосе, где сельское хозяйство не могло прокормить население.

В XIX в. в экономике России господствующее положение занимал аграрный сектор. Несмотря на рост городов, население которых выросло на 70%, на рубеже XIX—XX вв. Россия оставалась сельской, крестьянской страной. Сельское хозяйство продолжало развиваться по экстенсивному пути. В неурожайные годы русскую деревню охватывал *массовый голод*. В оказании помощи голодающим принимали участие Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и другие русские деятели культуры.

В послеоктябрьский период характер хозяйственных занятий русских значительно изменился. Появились новые города и целые районы промышленного освоения. Так, возникли индустриальные районы Кузбасса, Челябинска, Комсомольска-на-Амуре, крупных строек конца 1940-х — начала 1950-х гг., новые сельскохозяйственно-индустриальные районы в местах осваивавшихся с 1950-х гг. целинных и залежных земель. Быстро повышался квалификационный и общеобразовательный уровень работников и всего населения. Появление новых производств способствовало развитию новых специальностей: индустриальных, управленческих, сельскохозяйственных и т.п.

В 20—30-е гг. XX в. на селе созданы крупные коллективные хозяйства (колхозы), значительная часть работ в которых выполнялась с помощью механизмов. Производственные процессы старались основывать на достижениях современной агротехнической науки. Была сделана попытка ликвидировать культурную отсталость русской деревни. Полагают, что создание колхозов, в сущности, использовало традицию крестьянского коллективизма прежней сельской общины. В рассматриваемый период коренным образом изменилось соотношение городского и сельского населения. По численности городское население среди русских в конце 1950-х гг. превысило сельское.

5. Общественный быт: социальные слои, группы, институты

Характерные черты общественной жизни населения России в XIX — начале XX в. во многом определяло сохранение феодальной структуры общества, в основе которой лежало его сословное деление. С конца XVIII в. российское общество законодательно делилось на пять основных сословий. Два из них — *дворянство* и *духовенство* — были освобождены от уплаты налогов, а остальные — *купечество*, *мещанство* и *крестьянство*, — платя все налоги и подати, содержали привилегированные сословия и весь государственный аппарат монархии. Тем не менее в XVIII—XIX вв. имела место межсословная социальная мобильность (межсословные браки, предоставление «вольных грамот» крестьянам и т.п.).

В России XVIII — первой половины XIX в. дворянство составляло привилегированную прослойку населения со своим стилем жизни, усваиваемым путем воспитания и образования (в частности, в закрытых учебных заведениях). Сословное самоуправление дворянства осуществлялось по уездам и губерниям. На *дворянских собраниях* избирали предводителя дворянства и других официальных лиц. Общественная и светская жизнь дворянства протекала как в имениях, так и в городах.

Другое сословие, купечество, с одной стороны, деятельно участвовало в развитии экономики, но с другой — оставалось патриархальным в своих убеждениях и привычках, что нашло отражение во всех сторонах его быта. Социальная дифференциация купечества создала разнообразные социальные типы — сельского кулака, классическое патриархальное купечество (описанное в пьесах А.Н. Островского), промышленную буржуазию и т.п., но помимо них еще и ту интеллигентную часть русской буржуазии, из которой вышли создатель знаменитой картинной галереи П.М. Третьяков, основатель Художественного театра К.С. Станиславский, писатель И.А. Гончаров, издатель-просветитель И.Ф. Ситин и др.

К податным сословиям относилось и мещанство. К мещанам «приписывались» ремесленники, мелкие торговцы или же домовладельцы — вчерашние крестьяне-вольноотпущенники, или же выкупившиеся из крепостной зависимости. В городах жили также чиновники и рабочие (мастеровые), разночинная интеллигенция и другие группы населения, численность которых постоянно возрастала.

На протяжении второй половины XIX в. и начала XX в. сословные и не-сословные общественные организации (в частности, территориальное *земство*, ведавшее вопросами образования и здравоохранения, научные и культурные общества и организации — юридические, театральные, исторические) стали заметными явлениями русской жизни.

Сословия и классы русского общества были дифференцированы. Так, еще в первой половине XIX в. крестьяне подразделялись на помещичьих, удельных, государственных. Особое место в социальной структуре российского общества принадлежало многочисленному чиновничеству. Оно было неоднородным по имущественному положению и роли в жизни государства. Из разных социальных слоев рекрутировалась интеллигенция (ученые, писатели, врачи, художники, артисты и др.). Своими культурно-бытовыми особенностями отличались рабочие разных регионов России.

В формировании социальных классов, сословий и иных слоев русского общества принимали участие (в одних случаях большее, в других — меньшее) и иноэтнические элементы. Так, ряд дворянских фамилий — Карамзины, Тенишевы, Тургеневы, Шереметевы, Юсуповы и мн. др. — происходит от ассимилированных тюрко-татарских групп Поволжья. Ассимиляционные процессы интенсивнее протекали в крупных промышленных центрах.

Экономические преобразования после 1917 г. радикально изменили структуру населения. Интенсивное промышленное строительство привело к возникновению новых городов. В 1939 г. в городах уже проживало 56,1 млн жителей (32,9% населения страны). Заметно выросла численность рабочего класса. В своей социальной психологии новые рабочие отчасти сохраняли черты крестьянского менталитета и традиций. Изменения в структуре сельского населения привели к исчезновению таких социальных групп, как кулаки и батраки.

В дореволюционном общественном укладе русского народа большую роль играла соседская *крестьянская община (мир, общество)*. Она была сословным институтом в системе государства, регламентировавшим все нормы хозяйственной, общественной и семейно-бытовой жизни деревни.

К ведению общины относились вопросы землевладения и землепользования. В ее собственности находились лесные и луговые угодья, пастбища, водоемы. Пашня делилась на наделы, которые каждая отдельная семья обрабатывала своими орудиями труда. Собранный урожай становился собственностью семьи. Община имела стройную систему управления (сельский сход, староста, десятские) и выполняла ряд фискальных и полицейских функций: исполнение государственных повинностей, прием новых переселенцев, надзор за состоянием земельных угодий и др. Она регламентировала общественный быт, следила за нравственностью своих членов, контролировала семейные разделы, решала вопросы наследства и опекунов. Формы коллективной взаимопомощи, проведения досуга, развлечения тоже определялись общинными традициями.

Русская сельская община как социально-экономический организм была неоднородной по имущественному, а подчас и этническому составу своих членов. В XVIII—XIX вв. она в сущности превратилась в низшее звено административно-фискального аппарата.

В средней полосе России преимущественное распространение получил так называемый *передельный* тип земельной общины (ему был присущ традиционный тип периодического поземельного регулирования путем передела земли в связи с изменением мужского состава в семьях крестьян, так как земельный надел полагался на «мужскую душу»).

На Севере сохранялись крупные общины — *волости* — со складническо-долевой формой землепользования. Здесь крестьяне свободно распоряжались своими долями в каждой категории угодий. Эта форма общины существовала благодаря наличию свободных земель и возможности их *вольного захвата*. С начала XVIII в. под воздействием ряда экономических и социальных факторов на Севере также стало внедряться общинно-передельное землепользование.

В Сибири «вольный захват» земель сохранялся еще и в XIX в.

В южнорусских областях у государственных крестьян-однодворцев после распада так называемой *сябренной* (от *сябры* — соседи) общины бытовало индивидуальное пользование пахотной землей при коллективном владении прочими угодьями.

В казачьих областях с середины XVI до начала XX в. земельные отношения претерпели значительную эволюцию — от «вольной заимки» до формирования частной собственности, через дележ земельных участков между казаками «на пай».

Община поддерживала представления крестьян о нормах общественного и соседского поведения. У русских различалось несколько форм проявления общинных традиций, главными из которых были *помочи*, *складничество* и *спрягачество*. Помочи — добровольные коллективные работы, выполнявшиеся главным образом во время пахоты, уборки урожая, сенокоса. Широко практиковались они и при постройке дома. Особенно часто этот обычай применялся по отношению к сиротам, погорельцам и т.п. По окончании строительства хозяин угощал помогавших ему односельчан.

В осеннее и зимнее время собирались женские помочи, имевшие форму *посиделок*, *супрядок*: женщины и девушки собирались вечерами в каком-нибудь доме для совместного шитья, прядения, вышивания, рубки капусты. Работа сопровождалась песнями, играми; иногда на такие посиделки приглашали парней.

Видом взаимопомощи, существовавшей среди русского населения, было *складничество*, в котором принимало участие определенное количество людей, выполнявших ту или иную работу для кого-то из членов группы. Труд каждого участника такого объединения возмещался аналогичным или эквивалентным трудом.

Распространенным пережитком сельской общины была *супряга* — соединение рабочего скота и инвентаря несколькими хозяевами для поочередной обработки земли. Крестьяне также часто сообща пользовались ригой или овином (для сушки и молотбы ржи, пшеницы и другого хлеба). Существовали формы взаимопомощи, связанные с выпасом скота.

Исследователи русской общины отмечали особую «склонность» русских к объединению в *артели* для выполнения всевозможных сельскохозяйственных работ или занятия различными промыслами.

Важный элемент общественного быта составляло добрачное общение молодежи. В деревнях и городах устраивались *вечёрки, беседы, посиделки*. В летнее время распространенным местом встреч юношей и девушек служили *хороводы*. В городах и на селе особое место занимали соревнования молодежи: кулачные бои, взятие снежных городков (эту старинную русскую игру запечатлел В.И. Суриков на картине «Взятие снежного городка»). В некоторых селах и городах устраивались смотрины невест.

Русская община сохраняла устойчивость в XIX — начале XX в. Она продолжала оставаться сословной крестьянской организацией, хотя неделимая общинная собственность на землю вступала в противоречие с развивавшимися капиталистическими аграрными отношениями. Не смогла разрушить общину и столыпинская реформа, призванная способствовать превращению крестьян из общинников в единоличных производителей с правами частных собственников на наделы. Большинство крестьян видело в общине социальную защиту и противилось ее разрушению.

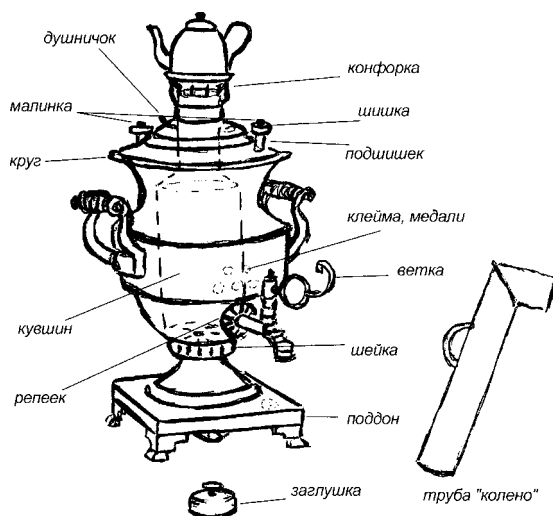
Социальный строй русской деревни значительно изменился только в конце 20-х—30-е гг. XX в. Основной общественной единицей стал колхоз (сельскохозяйственная артель). Традиционный общинный коллективизм уступил место групповой общественной собственности. В ходе коллективизации и ликвидации сельской общины некоторые принципы общественной жизни деревни изменили способы своего проявления. С ростом культуры возникли новые формы развлечений и проведения досуга. Повсеместно открывались новые школы, избы-читальни (позднее сельские клубы, дома культуры).

В жизни горожан большую роль играли профессиональные и офицерские клубы, в которых широкие слои горожан проводили свободные вечера и развлекались. Позднее были организованы народные дома и воскресные школы. Другим видом объединений в городах стали различные общества, объединявшие своих участников по интересам (краеведческие, спортивные, театральные и т.п.).

В XX в. в городах стали функционировать новые формы социальных институтов — объединения работников различных предприятий, фабрик, заводов и т.п. Для занятых на них людей производственный коллектив (в селах это были колхозы) приобрел значение существенной жизненной среды, формирующей важные элементы социального бытия. Рост социальной мобильности населения способствовал переходу в рабочий класс значительной части крестьян. Образование трудовых коллективов и появление других новых сфер общения (в том числе и межэтнического) способствовали усилению межэтнических контактов.

6. Семья

В XVIII—XIX вв. типичная русская семья имела одну из двух форм: *малая семья* или *большая (неразделенная) семья*. Среди малых семей различались *однопоколенные семьи* (супруги без детей) и *двухпоколенные* (супруги с неженатыми или незамужними детьми). Неразделенные семьи отличались большим разнообразием подтипов: отцовская, братская и др. Численность неразделенных семей могла достигать до 30 и более человек.

Элементы конструкции самовара

К середине XIX в. у разных категорий крестьян (частновладельческих и государственных) в развитии семейного строя наблюдалась общая тенденция — к увеличению численности семьи и усложнению ее строения. Семьи государственных крестьян отличались многолюдством.

Существование неразделенных семей поддерживал ряд факторов: *семейным разделам* противодействовали — ради повышения доходности и в фискальных интересах — как владельцы имений, так и органы государства; сказывались также преимущества «семейной коопе-

рации», осознававшиеся самими крестьянами и закреплённые традициями.

В организации хозяйства, в домашнем быту семьи соблюдалась строгая иерархия, беспрекословное подчинение младших старшим, главенство мужа над женой. Олицетворением высшей власти как в неразделенной, так и в малой семье был ее глава — старший по возрасту мужчина. Хозяин (*большак, старшой*) осуществлял руководство всеми видами хозяйственной деятельности членов семьи, распоряжался общесемейным имуществом; он же обладал правом суда и наказания за проступки, нес ответственность перед общиной за благосостояние семьи и ее платежеспособность. Функции главы семьи отчасти разделяла его жена или мать (*хозяйка, бабушка*). В качестве ограничителей власти хозяина иногда выступали семейный совет и сельская община. Существование «общесемейного добра» не исключало наличия у отдельных членов семьи личной собственности: приданого, части доходов от личного труда, собственности, полученной в дар, в наследство.

Развитие капиталистических отношений в России отразилось на многих сторонах жизни семьи (разрыв внутрисемейных связей вследствие ухода некоторых членов семьи в город на заработки, нарушение беспрекословного подчинения младших старшим, появление «своеволия» сыновей, выражавшегося в отстаивании своих прав и требовании выделения им доли имущества, и др.).

Массовый распад больших семей у русских начался в конце XIX в. Это был длительный процесс, конкретные формы которого зависели от местных условий.

Традиционно более тесная связь крестьян с земледелием в южнорусских губерниях сыграла роль своеобразного тормоза в разрушении неразделенной семьи. Но и в некоторых районах европейского Севера, где сохранялось экстенсивное земледельческое хозяйство, требовавшее много рабочих рук, распад больших семей растянулся на длительное время.

Долго сохранялась большая семья в Сибири, а также в казачьих районах (на Дону, Кубани, Тереке и т.п.). В XIX в. там имел место своеобразный процесс вторичного формирования сложных большесемейных коллективов. В Средней России, прежде всего в ее центральных, наиболее промышленно развитых губерниях, распад больших семей протекал быстрее. Здесь раньше, чем где-либо, малая семья стала господствующей формой семьи. Схожее положение сложилось в Среднем Поволжье и в Приуралье. В городах в конце XIX — начале XX в. неразделенные семьи сохранялись у отдельных групп населения — в силу специфики их быта, связанной с родом занятий или мировоззрением (у купцов и ремесленников, имевших свое «дело», старообрядцев и т.п.).

В рассматриваемый период повсеместно встречались семьи переходного типа, в которых личная собственность сочеталась с общественной. Разделение больших семей не всегда сопровождалось разрывом тесных семейных связей. И в деревне, и в городе выделившиеся дети по возможности селились неподалеку от родителей.

У русских родственные отношения теснейшим образом переплетены с территориальными, *соседскими связями*.

После революции, когда в СССР было принято прогрессивное законодательство по вопросам семьи и брака, у русских стали складываться новые семейно-бытовые традиции. Старые традиции претерпевают отбор, те из них, что выдержали испытание временем, продолжают существовать в видоизменной жизнью форме.

Ныне значительную часть среды общения русской городской семьи составляют производственные связи, проявляющиеся как в материально-хозяйственной, так и в эмоционально-нравственной сфере. В повседневном и в праздничном быту сослуживцы часто разделяют досуг семьи наравне с родными. В современных семьях, особенно в городах, имеет место рост национально-смешанных браков. Увеличилось число семей социально-гетерогенного состава (например, муж — рабочий, жена — врач).

7. Обрядность

Семейная обрядность. Брачно-семейные традиции крестьян формировались в процессе длительного исторического взаимодействия обычнo-правовых норм и церковно-государственного права. При вступлении в брак заметную роль играли мотивы экономического и нравственного характера, предбрачные установки (представления о красоте, репутации жениха и невесты и их семей, сословные ограничения, имущественное положение). Свадебные ритуалы впитали в себя элементы древней магии, разнообразных обрядовых традиций, культуры соседних народов. Полагают, что у ранних славян свадебный ритуал был относительно простым (в частности, в летописи упоминается похищение девиц у воды). Постепенно обряд бракосочетания у русских усложнился. Выделяются пять этапов свадебного ритуала: сватовство, рукобитие, подсвадебье (девишник), свадьба и послесвадебные обряды.

По сравнению с прочими восточнославянскими народами русские придают важное значение предсвадебным обрядам: *девичнику*, *мальчишнику*. Собираясь с подругами, невеста вместе с ними пела грустные песни, при этом девушки

расплетали ей косу, надевали кичку и панёву. Для русской свадьбы были типичны такие действия, как *обрядовое мытье невесты в бане* и *обрядовые причитания невесты*. Свадебному обряду у русских был особенно присущ театрально-драматический характер, а также участие в нем широкого круга родственников и соседей. Венчание в церкви народная традиция не рассматривала как обязательный элемент свадьбы; считалось, что для начала совместной супружеской жизни достаточно свадебного ритуала со сватовством и пиром.

Русская свадьба отличалась множеством локальных вариантов. Так, на юге для нее было характерно употребление обрядовых блюд, приготовленных из кур, ряжение, обычай поочередно «гулять» (пировать) у всех главных участников пира, важная роль отводилась *свадебному каравая* (этим она походила на свадебный обряд украинцев и белорусов). В западнорусских губерниях был широко известен распространенный и у белорусов *столбовой вариант* свадебного обряда, важную роль в котором играл печной столб. Южнорусская и севернорусская свадьбы различались и структурой обряда.

Свадьба в дворянской, а также в городской среде в XVIII в. и позднее сохраняла мало связей с крестьянской традицией. В этой свадьбе были другие персонажи (например, шафер вместо дружки), иные танцы, другие песни. Эта свадьба отличалась пышностью, богатством и заметной «европеизацией».

Значительное влияние на свадебный обряд оказали развитие капиталистических отношений и урбанизация. К XX в. в русской свадьбе проявились тенденции к сокращению обряда, к ограничению круга участников, к опусканию некоторых ритуальных моментов. Эти явления были особенно свойственны городской свадьбе.

Несмотря на изменения, русская свадьба и в городе и на селе продолжает сохранять многие традиционные черты, однако важным стал обряд торжественной регистрации брака в загсах и дворцах бракосочетания.

Кроме свадебных, обряды жизненного цикла у русских включают родильные и похоронные обряды. Большую роль играли представления и запреты (например, пищевые), связанные с беременностью, обряды, выполнявшиеся непосредственно во время родов (зажигание венчальных свечей, развязывание узлов в доме, магические заговоры и т.п.).

Похоронные обряды и в городе и в деревне отличает стойкое сохранение некоторых черт архаической традиции. Этнографы выделяют несколько категорий действий, связанных с похоронами: действия, связанные с боязнью мертвеца; обеспечение покойника всем необходимым для «жизни» на «том свете»; испрашивание покровительства у умершего, похоронные причитания и т.п.

Важным ритуальным моментом остаются поминки: в день похорон, на девятый и сороковой день и в годовщину смерти.

Календарная обрядность. Годовую череду календарных обрядов у русских открывали праздники *рождественско-крещенского комплекса*, связанные с зимним солнцеворотом и направленные на обеспечение плодородия и благополучия в новом году. Широкое распространение в это время имело рождественское *колядование*. Утром на Новый год дети ходили по домам, «засевали» их (посыпали семенами), поздравляли хозяев.

Далее следовали праздники весеннего цикла: *Масленица, вербная неделя, Пасха, Семик-Троица* и др. Особенно широкое распространение в русском народе —

как в городе, так и в деревне — получила Масленица. В эту пору года в городах сооружали специальные горы, рядом с которыми устраивались праздничные базары. На Масленицу были приняты катания на разукрашенных лошадях с бубенчиками под дугой.

К осенней календарной обрядности относятся жатвенные обряды: обряды первого и последнего снопа, плетения *дожинковых венков* (при окончании жатвы), завязывание *бороды* (намеренно оставленных на поле стеблей ржи или пшеницы).

Урбанизация, новые информационные связи, миграции и иные процессы, связанные с научно-технической революцией, способствовали освобождению основных календарных праздников от религиозных элементов. Старые праздники наполнились новыми идеями, отражающими современный образ жизни. Так, праздник *проводов русской зимы* в ряде районов стал проводиться как смотр готовности к весенним полевым работам. Весенне-летний праздник *русской березки* общественность связала с охраной природных богатств страны. Подобные праздники, по-видимому, принадлежат к так называемым вторичным формам народной культуры, и возрастание их роли было следствием распространения урбанизированной культуры. Сейчас многие традиционные формы календарных торжеств восстанавливаются с усилением роли игровых и театрализованных элементов.

После Октября у русских сложилась система праздников и обрядов, получившая одобрение и поддержку трудящихся масс народа: День международной солидарности трудящихся (1 мая), День Победы 9 мая, Международный женский день 8 марта и др. Широко отмечаются трудовые праздники: день строителя, день учителя и т.п.

Новые гражданские обряды и праздники стали частью социального опыта, своего рода «звеном» в межличностных контактах людей разных национальностей. Вместе с тем в последние годы наблюдается оживление обрядовой деятельности Русской православной церкви.

8. Материальная культура

Поселения. Наиболее распространенными поселениями русских крестьян в XIII—XVII вв. были *села, погосты, деревни, починки, выселки, заимки, слободы*. Одним из самых древних типов поселений было село. По мнению историков, этим термином обозначались и господские (боярские, княжеские), и крестьянские поселения.

На севере и северо-востоке России еще в XVIII в. бытовало старинное название *погост*, употреблявшееся по отношению к административно-культурным центрам сельских общин. Со временем его здесь вытеснило наименование *село*, погостами же стали называть церковные усадьбы с кладбищами.

В центральных, северных и северо-западных районах, а затем и в Сибири основным типом поселения русских крестьян была деревня. Возможно, что первоначальной формой ее была заимка или займище. Позднее по праву заимки землевладение складывалось также в местах вольной крестьянской колонизации — на Дону, Тереке, в Сибири, Степи (район так называемого Дикого поля) и пр. — там, где существовала возможность захвата свободной земли.

В северных и среднерусских областях встречалась разновидность деревни — починок — поселение, основанное либо на вновь освоенных землях, либо путем высылки из деревни. В районах расселения русского казачества возникали *станицы*, становившиеся административными, хозяйственными и торговыми центрами казачьих общин. Развитие капиталистических отношений и столыпинская реформа (начало XX в.) привели к появлению таких видов сельских поселений, как *выселки* и *хутора*; первые располагались на землях какого-либо селения, вторые — на обособленных земельных наделах.

Сельские поселения также различались не только по типам, но и по форме и размерам. В северных лесных районах селения долго оставались преимущественно малодворными, со свободной или уличной планировкой, ориентировались на реку или озеро (ибо водоемы там имели важное хозяйственное значение для занятия рыбным промыслом или как пути сообщения).

В центральных областях селения были крупнее и располагались на водоразделах (или просто на возвышенных местах), а также в долинах рек. Планировка этих населенных пунктов была многообразна: уличная, улично-радиальная, улично-квартальная. В этих районах к концу XIX в. сложилось много крупных фабричных и торгово-промышленных сел, рабочее население которых сохраняло связь с сельским хозяйством.

В лесостепных и степных черноземных губерниях сельские населенные пункты зачастую насчитывали по несколько сотен дворов. Господствующим типом здесь стало село. Но наибольшими по площади и числу жителей являлись казачьи станицы.

При заселении русскими окраин России их поселения нередко располагались чересполосно с поселениями нерусских народов. Это приводило к значительным взаимным влияниям во всех сферах хозяйственной и культурной жизни. В южных поселениях социальная и этническая топография выражена сильнее, чем в северных. Так, при образовании населенных пунктов переселенцы из одних регионов селились вместе, как «земляки», образуя *сотни*, *концы*, *улицы*. В их названиях нашла отражение этническая, социальная и религиозная принадлежность переселенцев. Отношения между жителями разных «концов» селений зачастую бывали напряженными.

С развитием капитализма в Центральной и Южной России немало сел превращалось в фабричные или заводские поселки. Впрочем, в Приуралье, на Урале и в Сибири такие поселки с конца XVIII и в XIX в. возникали и самостоятельно, при фабриках, заводах, рудниках.

С установлением советской власти в характере сельского расселения, социально-экономических функциях и размерах поселений произошли заметные изменения. В 1920—1930-х гг. при организации колхозов и совхозов возникали новые поселки. Объединение в колхозы и совхозы создавало новые производственные связи между населенными пунктами. Мелкие населенные пункты сливались с крупными. В деревнях появлялось все больше примет городского быта: газеты и граммофон, швейная машинка и городской костюм. Развернулась деревенская кооперация, предъявлявшая спрос на грамотных людей. Для повышения удобства жизни населения стало проводиться функциональное упорядочение территории поселений (отделение производственных зон от селитебных территорий, создание культурно-административных центров, мест отдыха).

Городские поселения в России очень разнообразны по времени возникновения, числу жителей, планировке и архитектурному облику.

Уже во время ранних контактов с восточными славянами скандинавы (варяги) называли Русь «страной городов». Однако «городами» часто называли все укрепленные (стенами, рвом, валом) поселения, в том числе и просто усадьбы и замки феодалов. Города возникали на местах ремесленных поселений.

Социальная топография в русских городах в конце XIX — начале XX в. была ярче выражена, чем в селах. Города имели сложную социальную структуру. При заселении частей города близкие в социальном (мещане, дворяне, ремесленники), этническом (русские, татары, украинцы) или профессиональном отношении группы старались селиться вместе.

В городских поселениях преобладала радиально-концентрическая планировка. Ряд старых русских городов из числа древнейших (Новгород, Псков, Владимир, Суздаль, Смоленск и др.) сохранил памятники архитектуры XI—XIII вв. Большой интерес представляет архитектурный ансамбль Московского Кремля, включающий памятники зодчества начиная с конца XIV в.

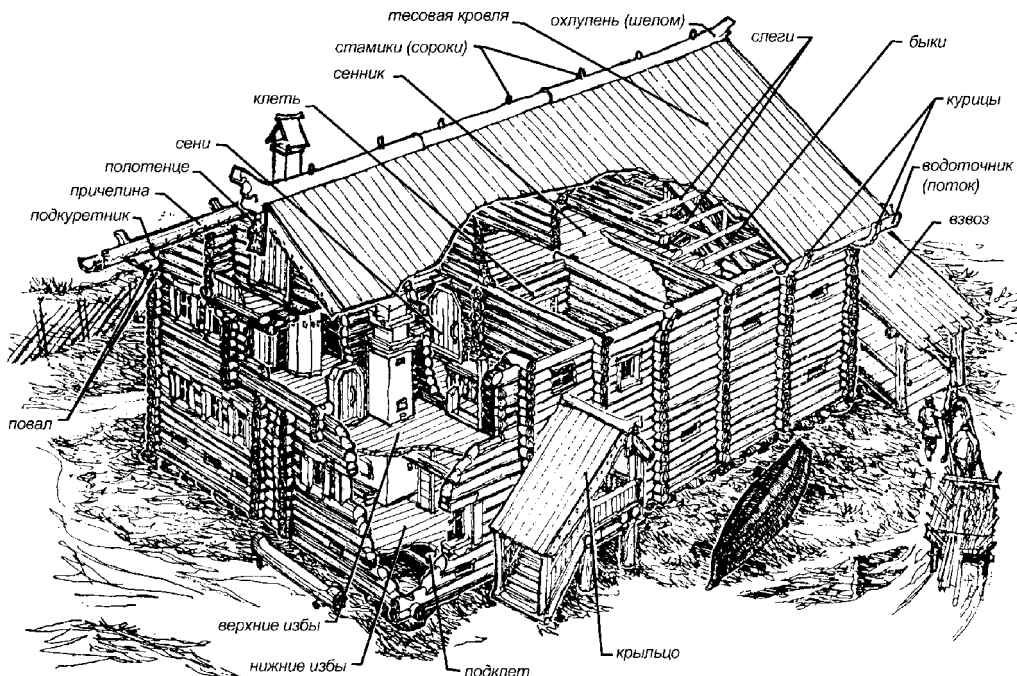
В конце XVII—XVIII в. в планировочной структуре и архитектурном облике русских городов произошли изменения. Они прежде всего коснулись столицы государства. В XVIII—XIX вв. крупнейшим центром архитектуры и градостроительства национального значения стал Санкт-Петербург.

В конце XIX и в XX в. на территории расселения русских возникло много новых городов. Город выступал фактором изменения быта населения, источником и распространителем технических новшеств (телефон, электрическое освещение, трамвай, автомобили, радиосвязь), играл важную роль в этнокультурной интеграции, усилении внутренних и межэтнических связей.

Жилище. Древнейшими типами жилища у русских считаются землянки и полуземлянки (постройки, в той или иной мере заглубленные в землю). Об их широком распространении — как в лесной, так и в степной полосе — свидетельствуют раскопки поселений IX—XIV вв. в Новгороде, Твери, Суздале, Киеве и других восточнославянских центрах.

Традиционное жилище Русского Севера сложилось в суровых природных условиях. В северных областях благодаря обилию леса преобладающим стало *срубное жилище*. Его основу составляет клеть — четырехугольное в плане помещение из бревен, связанных в горизонтальные *венцы*. Существуют различные способы «вязки» бревен: *в чашку*, или *в угол*; *в обло*, или *с остатком* — т.е. с выступающими концами: в бревне, недалеко от его конца, вырубается полукруглое углубление, куда плотно входит конец поперечного бревна. На Севере большие срубные сооружения образуют *единый комплекс жилых и хозяйственных построек*. Такие дома возводились на высоком *подклете*, использовавшемся как подполье. Вход в него снаружи или через *голбец* — деревянный ларь, пристроенный сбоку печи. Большие северные дома перекрывались двускатной крышей («конем», «на коне»), четырехскатные кровли встречались реже — обычно в городах. Кровельным материалом преимущественно служил тес, дранка, изредка солома.

Наиболее характерен для Русского Севера трехраздельный, или трехкамерный, дом, состоящий из избы, сеней и клетки (жилого или хозяйственного помещения без печи). Здесь также получили распространение более сложные виды жилья (*пятистенок* и др.).

Планировка и элементы конструкции двухэтажной севернорусской избы.

Дер. Цивозеро, Архангельская обл. По Т. Кудрявцевой

В Московской, Вятской, на севере Рязанской и Калужской, а также в других центральных губерниях преобладал *среднерусский тип* жилища. Ему присущи меньшие размеры и относительно низкий подклет. Это тоже срубные постройки с двускатной или четырехскатной кровлей из теса или соломы. Планировка — трехраздельная. Двор, как и на Севере, плотно примыкал к дому, но не составлял с ним единого целого: он был значительно ниже и ставился под отдельной крышей. Хозяйственные постройки (хлева, амбары и пр.) возводили рядом с домом или позади него.

Южнорусское жилище (в Воронежской, Калужской, Орловской, Курской губерниях) имеет много черт, роднящих его с жилищем большинства украинцев и части белорусов. Наряду со срубными на юге были распространены *турлұчные* (турлұк — прочный плетень, обмазанный глиняным раствором), *саманные* (из глины, смешанной с соломой) и *кирпичные* постройки с обмазанными глиной белеными стенами. Подклет в таких домах отсутствует, полы — деревянные, а часто и глинобитные, кровля — четырехскатная, соломенная. Дома имели двух- или трехкамерную планировку. Дворы усадеб *открытые*, т.е. хозяйственные постройки не имели устойчивых мест расположения.

Исследователи отмечают разнообразие типов жилища у русских в разных районах России (в Сибири, на Алтае, в казачьих районах Дона, Терека, Кубани и других местах).

Богато и изящно подчас выглядел декор жилища. В сельской местности и небольших провинциальных городах дома украшались ажурными наличниками,

Наличники, выполненные в технике пропильной резьбы. 1920-е годы.
Село Гжель Московской обл.

Изба с мезонином, принадлежавшая богатому крестьянину.
Середина XIX в. Музей деревянного зодчества в Суздале

Красный угол в русской избе. Новгородский музей
народного деревянного зодчества Витославлицы

накладными узорами на фасадах и крыльцах, торцовыми досками с резным узором. Большое место во всех этих произведениях занимали геометрические мотивы *солярного типа*: круги с точкой, розетки, выполненные в плоском рельефе. В севернорусских и ряде центральных губерний России распространенным украшением жилища были *коньки* — объемные изображения головы коня из цельного куска дерева, венчавшие фронтоны фасада избы.

С конца XIX в. жилище русского населения претерпело значительные изменения. Они были заметнее в населенных пунктах, расположенных вблизи городов и путей сообщения. Улучшилась техника строительства, получили распространение новые строительные материалы (кирпич, черепица, кровельное железо, цемент и пр.), изменилась планировка, возникли новые типы жилищ. Зажиточная часть населения нанимала для строительства жилья профессиональных строителей (зачастую отходников из соседних областей России). Богатые дома нередко возводились на каменном фундаменте, имели подвалы. Крыши покрывались железом и черепицей. На селе новшества

состояли в некотором изменении планировки дома (в сторону ее упрощения), в обустройстве интерьеров, усилении влияния городских стандартов на меблировку, используемые бытовые предметы (посуду и пр.). В наши дни в домах сельских жителей часто можно встретить более или менее стандартные наборы мебели, ковры, посуду, радиоаппаратуру, телевизоры и т.п.

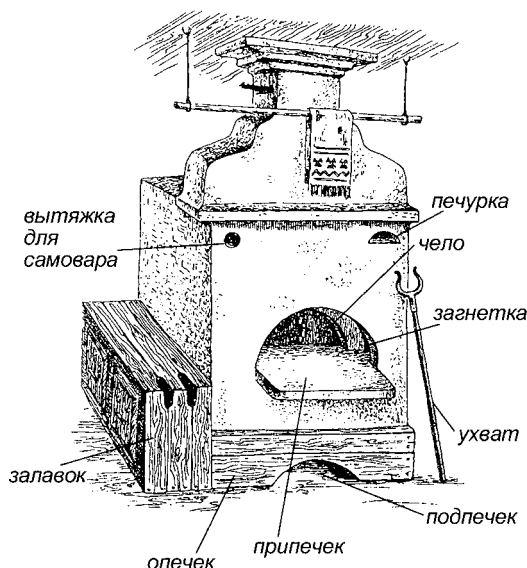
Этнологи собрали много сведений о старинных обрядах, связанных со строительством сельских домов на всей территории России. Среди этих обрядов представляет интерес *осевание* (осыпание) *матицы* (главного несущего бруса потолка) зерном и хмелем, имеющее общее назначение создать обитателям дома богатство и плодородие. С матицей связаны и другие обряды: ее обматывали платками или шубой, чтобы обеспечить тепло в доме; установка матицы считалась кульминационным моментом в строительстве дома, этот момент нередко отмечался всеобщим угощением строителей и катанием на лошадях.

Черты русской народной архитектуры в прошлом имели и городские дома, особенно в небольших городах (но их можно наблюдать и у старых построек Москвы).

Одежда. Русские типы одежды развивались по двум направлениям: с одной стороны, это был народный, крестьянский костюм, относительно устойчиво сохранявший традиционные черты, а с другой стороны, формы городского костюма, как имущих классов общества, так и городских трудящихся слоев.

Источники позволяют выделить три основных региональных комплекса русской народной одежды: севернорусский, южнорусский и среднерусский. Их распространение примерно совпадает с районами, выделяемыми по типам жилых построек и языковым (диалектным) признакам.

Основу русского и женского и мужского народного костюма составляла рубаха (у мужчин до колен, у женщин — длиннее) с рукавами. Рубаху шили из домотканого холста — льняного или конопляного. Покрой такой рубахи, называемый *туникообразным*, весьма прост. Кусок ткани сгибали пополам и на месте сгиба делали вырез для ворота. Нижнюю часть боковин сшивали, к верхней пришивались рукава. Разрез для надевания (*ворот, пазуха, пелька*) у всех русских рубах нередко находился не посреди груди, а сбоку, иногда у самого плеча. Часто его делали вертикальным, изредка косым — от плеча к середине груди. Рубаха имела полотняную подкладку на груди и на спине от плеча до пояса (*подоплёка* — подстанье, подспинье) — элемент, известный у всех восточных славян. Дополнительными деталями покроя служили: *ластовицы* — вставки в области

Русская (битая) печь

Вариант севернорусского женского
праздничного костюма

подмышки между станом рубахи и рукавами и (реже) косые клинья в боковинах рубахи, расширяющие ее к подолу. Русские любили рубахи с ластовицами, отличавшимися по цвету от самой рубахи.

Для всех восточных славян типична женская рубаха с так называемыми *поликами* — особыми вставками на плечах, обычно покрытыми вышивкой.

Девушкам рубаха в прошлом служила не только нижней и комнатной, но и выходной одеждой; замужние женщины дополняли рубаху той или иной верхней одеждой.

Для севернорусского женского комплекса одежды характерна рубаха с прямыми *поликами*, *душегрейка* и *сарафан* (есть сведения, что в XIV в.

сарафаном называли один из элементов мужской верхней одежды). Женские сарафаны шили разнообразными по покрою и расцветке ткани: например, круглый московский сборчатый, сарафан косоклиный, сарафан на лямках и др. К глубокой старине восходит разновидность сарафана — шерстяной *шушун*, или *сукман*, с цельным передним полотнищем. Многообразными и сложными были женские головные уборы на Севере: *кокошники*, *повойники* (небольшие шапочки с завязками), *платки* и пр. Замужняя женщина тщательно скрывала от постороннего взора волосы (чтобы не навлечь на себя беду). Появление в обществе замужней женщины с непокрытой головой считалось неприличным.

Девушкам, однако, позволялось ходить в легких головных уборах, оставлявших открытой макушку. По форме девичий головной убор представлял собой круг или полукруг различной высоты. Он изготавливался из разных материалов: металлической проволоки с подвесными украшениями, лент, а порой даже это был венок из живых или искусственных цветов. Девушки не прятали косу, предоставляя ей ниспадать на спину.

Южнорусский женский комплекс одежды состоял из длинной рубахи с косыми *поликами* и с вышивкой по долевым швам, тканого пояса и *понёвы* (*панёвы*) — несшитой юбки. Поневы бывали разных видов и расцветки, преобладающим рисунком ткани была крупная клетка. У южных великороссов имел широкое распространение обряд, связанный с первым надеванием поневы на невесту в один из моментов свадебного ритуала. В некоторых районах кроме поневы характерной принадлежностью костюма замужней женщины был

сарафан (или полосатая юбка). Спереди поверх рубахи и поневы надевали *передник* (*запѣн, запон, занавеску*).

Наиболее сложно в составе южнорусского традиционного женского костюма выглядел головной убор (*сорѡ́ка*). Он состоял из нескольких богато украшенных (вышивкой, бисером, блестками, птичьим пухом и т.п.) частей, нередко имевших форму рогов. В отдельных случаях концы рогов связывали лентами и шнурками. На этот головной убор сверху набрасывали покрывало или особым образом завязанное полотенце.

Среднерусский женский комплекс одежды сочетал в себе черты северного и южного типов.

Разнообразие традиционных комплексов женского костюма не сводилось только к трем описанным типам: во многих областях России существовали локальные варианты (западнорусский, сибирский, уральский, казачий и др.).

Мужской русский крестьянский костюм выглядел более единообразно. Он состоял из туникообразной рубахи-*косоворотки*, которую шили из льняной, конопляной или шерстяной ткани и носили с поясом навывпуск поверх штанов. Штаны (с узким шагом) шили из толстого холста или сукна. На теле их закрепляли с помощью шнура или тесемки.

Более разнообразными были в XIX в. мужские головные уборы. Головной убор часто служил признаком принадлежности к определенной социальной группе или сословию. Наибольшее распространение имели конусообразные войлочные шляпы со скругленным верхом. Из многочисленных шапок цилиндрической формы заслуживает упоминания севернорусский *гречушник*, или *грешневик*. Он принадлежит к числу валяных шляп и обычно имел небольшое сужение в середине высоты. Широкое распространение имел *малахай* (шапка на меху с наушниками). В XIX в. появились также *картузы*, вытеснившие многие ранее известные летние головные уборы.

Верхняя народная одежда женщин и мужчин похожа по конструкции. Это разнообразные *кафтаны* с клиньями по бокам и глубоким *запахом* (*сермяги, зипуны* и др.). Широкое распространение имел длинный, расширяющийся книзу суконный *армяк*. Зимой носили овчинные шубы и полушубки, длинные *тулупы*.

Русская крестьянская обувь тоже обладала рядом региональных особенностей. Чаще всего ею служили *лапти*, плетеные из липового древесного лыка, бересты, реже из веревки (*чуни*). Русские московские лыковые лапти изготовлялись способом косо́го плетения, имели тупые носы и высокие бока. К ноге они

Кичка и сорока (женский головной убор). XIX в. Тамбовская обл.

крепилась длинными шнурами — *оборами*, продеваемыми через петли. Лапти надевали на ноги, обмотанные *онучами* — четырехугольными продолговатыми кусками холста. Чулки в массовой одежде появились позднее. Русским были известны и *поршни* — вид обуви из сыромятной кожи с одним-единственным швом на носке или на пятке. К ноге их привязывали оборами, которыми обвивали голени почти до колена. В деревнях носили и *коты* — разновидность кожаной обуви с подметкой. В начале XIX в. у русских появились высокие валяные сапоги (*валенки, пимы*). Прежде валяная обувь была известна лишь в виде высоких войлочных галош. В конце XIX в. в русскую деревню проникла мода на обувь фабричного изготовления, а также на *резиновые галоши*.

Большое воздействие на эволюцию крестьянской одежды с самого своего появления оказали города и городская мода. Города становились местами сосредоточения людей разных сословий, разного имущественного положения. С XVIII в. в них стали появляться в поисках работы отходники из крестьян (первоначально — оброчных). Город влиял на деревню и через распространение новых товаров, новых вкусов. Городская мода меняла фасоны, вводила новые предметы туалета, способствуя постепенному вытеснению прежней народной одежды.

В одежде городского населения более отчетливо отразилось социальное деление общества. Оно проявлялось в составе костюма, характере отдельных видов одежды, качестве материалов, украшениях и степени сохранения традиционных форм в одежде. Примерами может служить бытование форменного платья у чиновников, особой профессиональной одежды приказчиков, торговцев и др.

Особенно выделялась дворянская одежда. Ее шили часто по западноевропейским образцам, строго следуя моде. Купечество, мещане тоже имели типичные комплексы одежды. Основная масса горожан — рабочие, разночинная интеллигенция и др. — носила так называемый городской костюм, представлявший собой упрощенную («простонародную») разновидность европейского городского костюма с некоторыми элементами крестьянской традиционной одежды.

Во второй половине XIX — начале XX в. большое влияние на русский костюм оказало распространение изделий промышленного изготовления, проникновение многих элементов городской моды (особенно в женской одежде). В конце XIX в. среди горожан и богатых жителей пригородных сел приобрели популярность *поддевки, жакеты, пиджаки и брюки* городского покроя.

В начале XX в. в моду вошли фабричной выделки *пальто, шинели* военного образца и пр. В качестве головного убора носили *меховые шапки, картузы* и т.п. Рубахи стали частью нательной женской одежды. Женщины стали носить нижние и верхние широкие юбки из покупных тканей, кофты, а также фартуки на завязках. В качестве зимней верхней женской одежды приобрели популярность *овчинные шубейки* и простые *кожухи с запахом*, покупные пальто и шубки на вате и ватине.

В настоящее время одежда русского городского и сельского населения мало различается. Более заметной стала тенденция к сближению повседневного и праздничного костюма. Старинную народную одежду теперь можно увидеть чаще всего на выступлениях фольклорных ансамблей и в музеях.

9. Народное творчество, фольклор

К числу традиционных жанров фольклора принадлежат обрядовые и лирические *песни*, *сказки*, *пословицы*, *поговорки*, *загадки*, эпическая поэзия — *былины*, *исторические песни* и др.

Наиболее архаичным видом народной поэзии считают *обрядовые песни*. Сопровождая календарные праздники, они в художественной форме отражали их содержание. К их числу относятся рождественские *колядки*, весенние песни — *веснянки* и пр. Многие обрядовые песни связаны с семейными обычаями. Так, среди свадебных песен выделялись величальные и шуточные. Широкое распространение имели *свадебные причитания* невесты, а также *похоронные причёты* (*заплачки*). Н.А. Некрасов при написании поэмы «Кому на Руси жить хорошо» использовал тексты причитания олонекской сказительницы и плакальщицы И.А. Федосовой (1831—1899). В настоящее время сфера бытования обрядовой поэзии русских сильно сократилась.

Русский героический эпос — *былины* (*ста́рины*) — относится к архаическим жанрам фольклора. В них воспевалось мужество русских богатырей: крестьянского героя Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Василия Буслаева и др. Они исполнялись речитативом профессиональными сказителями и талантливыми любителями.

Самостоятельный жанр фольклора представляют разнообразные исторические песни.

Интересны и популярны русские сказки и их персонажи: Иван-дурак, Василиса Премудрая, баба-яга, Кощей Бессмертный, жар-птица и др. Сказки принято делить на типы и жанры: сказки о животных, волшебные сказки, сказки-легенды, бытовые сказки и пр. Русские сказки вобрали в себя немало сказочных сюжетов других народов — как европейских, так и проживающих на территории России.

Большое распространение в России получили произведения несказочной фольклорной прозы — легенды и предания. Известны предания *исторические* (об Иване Грозном, Ермаке, Разине, Пугачеве) и *топонимические* (об истории отдельных населенных пунктов и происхождении их названий).

Мудрость русского народа нашла отражение в многочисленных пословицах и поговорках.

В XVII в. возникло одно из самых ярких явлений русского фольклора — цикл сатирических песен, содержавших критику существующих общественных порядков («Повесть о Горе-злосчасти», «О Ерше Ершовиче» и др.).

Распространителями некоторых форм фольклора (духовных стихов, исторических песен, сказок и т.п.) еще в XVIII и в XIX вв. выступали бродячие нищие (*калики перехожие*).

Русская народная лирика представлена народными песнями. В сюжетно-тематическом составе крестьянской лирической русской песни можно выделить четыре важнейшие группы: об одинокой смерти на чужбине (старые воинские, казацкие, чумацкие, рекрутские и др.), молодецкие «удалые» (разбойничьи), семейно-бытовые и любовные песни. Для русского фольклора характерны песни протяжные. Вокальная сторона в русской народной музыке,

как правило, преобладала над инструментальной. Ее типичная черта — многоголосие. С развитием литературы и распространением грамотности в России появились песни на слова русских поэтов: А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.А. Навроцкого, И.З. Сурикова и др. Русскую народную музыку использовали многие выдающиеся композиторы XIX в.: М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, П.И. Чайковский, А.Н. Серов, Н.А. Римский-Корсаков и др.

Русская культура, в том числе и музыка, оказала большое влияние на фольклор многих неславянских народов. Так, по мнению этнографов, она является основой фольклора этнической группы цыган — *русска рома*. Освоив русскую культуру, цыгане от исполнительства перешли к творчеству, к созданию сначала цыганских текстов на русские мелодии, а затем и собственных оригинальных мелодий. Аналогичные процессы имели место в танце и аккомпанементе.

Разнообразны русские народные музыкальные инструменты. Один из древнейших среди них — *гусли* (струнный щипковый инструмент), изображение которых сохранилось на одной из фресок киевского Софийского собора (XI в.). Позднее появляются смычковые инструменты: *гудок* и др. В качестве музыкальных инструментов широко использовались *трепотки*, *бубны*, *деревянные ложки*. Из духовых народных музыкальных инструментов известны *рожок*, *жалейка*, *волынка*. С XVIII в. многие из названных инструментов дополняются и вытесняются *балалайкой*. В XIX в. и на селе и в городе распространились семиструнная *гитара* и *гармоника* (*гармонь*).

К числу старейших видов танца принадлежат обрядовые пляски (святочные и масленичные пляски ряженых и др.). Устойчивой формой русского танцевального искусства были *хороводы*. У северных великороссов они отличались плавностью и величавостью, у южных и средних — большим разнообразием и более быстрыми ритмами. На танцевальное искусство русских оказало влияние искусство соседних народов. Так, с XVIII в. приобрели широкую известность такие пляски, как *наурская*, кавказская *лезгинка*, *казачок*, *гопак* и др. В XIX в. появились новые, «городские» танцы: *кадриль*, *барыня*, *камаринская*, *лансье* и пр.

Народной любовью в старой Руси (XV—XVII вв.) пользовались бродячие актеры — *скоморохи*, выступавшие на городских ярмарках, и типичные персонажи их представлений. Скоморохи подвергались гонениям церкви, усматривавшей в их творчестве антицерковные настроения. В 1648 г. царь Алексей Михайлович запретил представления скоморохов, но они еще встречались и в XVIII в.

Широкое распространение среди русских имели народные игры, народная драма и театр. Большой популярностью пользовался кукольный театр «Петрушка». Менее известен театр самодеятельных актеров, возникший, по всей вероятности, в XVIII в. Из народных драматических произведений наиболее популярными были сатирические представления «Царь Максимилиан», «Лодка» и «Голый барин».

Под воздействием урбанизации и сложных социальных процессов уже с середины XIX в. русская традиционная культура стала претерпевать значительные изменения. В эту эпоху появился новый жанр народной поэзии — *частушка* со злободневным содержанием, исполнявшаяся под различные мелодии.

В XX в. получил распространение *«рабочий фольклор»* (песни, прозаические сказы), в формировании которого известную роль сыграли представители профессиональной революционной поэзии.

С середины XX в. имело место бурное развитие сатирических и юмористических жанров, в числе которых — анекдоты (на грани литературы и фольклора). В это же время расширились формы исполнения народной музыки — появились многочисленные сельские, городские, профсоюзные и иные народные инструментальные ансамбли.

Активизация фольклорного творчества русских связана и с периодами Гражданской и Великой Отечественной войн. Примером могут служить многочисленные народные варианты военной лирической песни.

В наши дни народная лирическая песня смыкается с литературной и композиторской массовой песней. Выражением культурного стиля эпохи начиная с 1950—1970-х гг. становится авторская («бардовская») песня, сложившаяся под влиянием определенных элементов предшествующей песенно-поэтической народной культуры. Этот творческий жанр представлен творчеством В. Высоцкого, Б.Ш. Окуджавы, Ю. Визбора и их многочисленных последователей.

На основе народных традиций создана и живет новая культура танца. Мировую известность приобрели хореографические профессиональные ансамбли «Березка», Ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева, хор им. М.Е. Пятницкого с его танцевальной группой и др.

10. Прикладное искусство

Древнейший вид народного творчества — *декоративное шитье* (*вышивка*). Некогда связанные с древними культовыми представлениями, эти образы постепенно превращались в орнаменты. Для русского народного искусства характерно сочетание древней геометрической и растительной орнаментики с изобразительными мотивами и сюжетами. Наиболее распространенный цвет вышивки — красный. Вышивкой в народном быту украшались предметы одежды, полотенца, покрывала, скатерти. Вышиванием в XIX в. занимались не только крестьянки, но и горожанки — из дворян, мещан и других слоев населения.

Издавна у русских была развита вышивка золотой и серебряной нитью. *Золотым шитьем* в одежде украшались пояса, наплечники, головные платки и прочие женские головные уборы. Известный центр золотошвейного дела находился в г. Торжке в Тверской губернии. На Русском Севере праздничные головные уборы женщины украшали жемчугом.

В XVII в. в местностях, прилегающих к Вологде, Нижнему Новгороду и Москве, получило распространение *плетение кружев*.

Русские мастерицы умели изготавливать *узорное тканье*. В ряде мест рисунк на ткани наносили с помощью набоечных досок, покрытых краской.

С XVIII в. в России начало развиваться *ковроделие*. *Безворсные ковры* ткали на горизонтальных, а *ворсовые* — на вертикальных станках. В XIX в. на смену геометрическому орнаменту в ковроделии пришел растительный. Известными центрами выделки ковров стали Саратов, Пенза, Курск и ряд других городов.

Райская птица Алконост — популярный образ русского лубка. Начало XX в.

По рисунку В. Билибина

В лесной полосе России получило развитие искусство художественной обработки дерева: изготовление резной и точеной (на токарных станках) расписной посуды, игрушек, мебели, орудий труда и мн. др.

Интерьер крестьянского жилища и домов горожан дополняли *лубочные картинки*. В XIX в. они нередко составляли также принадлежность постоялых дворов и почтовых станций. Лубки, или лубочные картинки, — это изделия профессиональных — часто анонимных — писателей и издателей-капиталистов. Для них характерна стилизация под народные вкусы. Лубок представлял собой бумажный лист с картинкой и текстом либо небольшую книжку — обычно примитивного содержания. Среди них попадаются и интересные издания, отображавшие народный быт и вкусы. Лубочные картинки повсюду распространяли *офени* (коробейники), занимавшиеся разносной торговлей. Описывая обстановку почтовой станции, А.С. Пушкин не

обошел вниманием народные картинки, прибитые на стенах: «Погребение кота», «Спор Красного Носа с Сильным Морозом» и т.п. В лубке, который непременно сопровождался назидательным или шуточным текстом, проявились народная мудрость и смекалка, нравы и быт времени. Тематика народных лубочных картинок разнообразна: она охватывает религиозные, исторические и нравоучительные сюжеты, народный эпос и сказки. В лубочных картинках высмеиваются излишества моды, пьянство, брак по расчету и т.п. Широко известны лубки: «Мыши кота погребают» (сатира на императора Петра I), «Шемякин суд», «Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» и др.

Широкую известность получило производство расписной деревянной посуды с золоченым лаковым фоном и «травной» росписью в с. Хохлома Нижегородского Заволжья. Традиции хохломской живописи развиваются и в настоящее время. Яркой росписью ручных прялок (их донцев и гребней) и других изделий, пользовавшихся большим спросом в России, прославился город Городец в Нижегородской губернии. С XVII в. в Сергиевом Посаде и окрестных деревнях, в Поволжье и на Севере России было широко развито производство деревянных игрушек, изображающих героев русских сказок, птиц и зверей. Одним из видов русского народного мастерства была резьба и роспись по бересте.

Ансамбль Кижского погоста. XVIII—XIX вв. Онежское озеро, Карелия

Оригинальным видом русского декоративного прикладного искусства стала миниатюрная живопись на лаковых изделиях из папье-маше (шкатулки, табакерки и т.п.), выполнявшаяся яркими красками по черному фону в подмосковном с. Федоскино и в с. Палех Владимирской губернии. По технике изготовления и стилевым особенностям рисунка к этим изделиям близки расписные металлические подносы, производящиеся в с. Жостово.

Шире других на территории России был распространен *кузнечный промысел*. Кузнецы были в каждом городе и в очень многих деревнях. Они занимались и художественной обработкой металла: выделкой узорных решеток, дверных ручек, оград и т.п.

К XVII в. и позднее во многих городах — Москве, Великом Устюге, Ростове Ярославском и др. — достигло расцвета *ювелирное мастерство*. В каждом таком центре сложились свои традиции.

Одним из древнейших — со времен Киевской Руси — было *гончарное мастерство*. Особого развития оно достигло там, где имелись месторождения высококачественных глин (Гжель, Ярославль, Липецк, Скопин и др.). Деревенские мастера изготавливали горшки, кружки, бочонки, кувшины и пр. Часть гончарных изделий украшалась поливой с росписью из схематических узоров. Широкое распространение в России получил особый вид художественной керамики — глиняная игрушка. Главные центры этого промысла образовались в Вятской, Тульской, Архангельской и Пензенской губерниях. Наибольшей

известностью пользовалась вятская *дымковская* (по названию слободы — Дымково) игрушка-свистулька в форме фигурок людей, птиц, животных. В филимоновской (тульской) игрушке преобладали кони, а в гжельских (Московская губ.) изделиях — мелкие скульптуры крестьян, занятых различным трудом. В настоящее время керамическая игрушка используется как декоративный элемент жилого интерьера или сувенир.

На Русском Севере высокого художественного уровня достигла *резьба по кости*. На Урале и Алтае по сей день сохраняется и продолжает развиваться *каменное искусство*.

Жизненная сила многих промыслов связана с устойчивостью потребительского спроса горожан и крестьян на традиционные изделия. Кустарное производство выполняло важную функцию по сохранению, развитию и обогащению традиционной культуры трудовых взаимоотношений, формированию норм и принципов трудовой деятельности. О перспективах развития кустарного производства в России свидетельствовал значительный рост кустарных музеев и выставок в конце XIX — начале XX в. На основе местных крестьянских промыслов и ремесел возникли центры художественного промысла, широко известные теперь всему миру.

* * *

Русский народ — одна из крупнейших государствообразующих наций мира. Его этническая история свидетельствует о широте историко-культурных связей с народами Европы и Азии. Вклад русских в мировую культуру весьма значителен. В литературе и других сторонах культуры, в частности, выражено их национальное сознание и самосознание. Существенные черты русской культуры включают в себя как идею народного патриотизма, так и уважение к истории, достижениям и культурам всех народов планеты. Есть все основания говорить о существовании русской и российской региональной цивилизации.

В составе русской народной и профессиональной культуры заметны существенные черты процесса аккультурации — восприятия западной (европейской и североамериканской) культуры, — начавшегося на рубеже XVII—XVIII вв. и продолжающегося уже более трех столетий.

ЭТНОСЫ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

1. Природные условия. Этносы

Севером Европейской России называют обширное пространство — от Кольского п-ова и Карелии на западе, до Северного Урала — на востоке. Это область обширных лесов таежного типа или — на северо-востоке — тундры. Здесь много озер (крупнейшие — Ладожское, Онежское, Белое, а также Лаче, Воже, Кубенское и др.) и полноводных рек (Северная Двина, Печора, Онега и пр.), создающих благоприятные возможности для развития рыболовства. Почвы — подзолистые и дерново-подзолистые, небогатые, но все же пригодные для земледелия. Из полезных ископаемых наибольшее значение имеют апатиты и никелевые руды Кольского полуострова, железная руда Костомукши (Карелия), ухтинская нефть и воркутинский каменный уголь (Республика Коми); эти и другие богатства недр в полной мере стали использовать лишь во второй половине XX в.

Природные условия и ресурсы региона изначально предопределили слабую заселенность его территории, развитие лесных промыслов (охоты, углехозяйства, смолокурения и т.п.), незначительное и очень неустойчивое сельское хозяйство, а позднее — интенсивный рост добывающих и отчасти обрабатывающих отраслей промышленности. Еще на рубеже XIX и XX вв. этот регион нередко называли «краем непуганых птиц и нехоженных троп».

Север Европейской России был заселен людьми относительно поздно. Древнейшие обитатели проникли сюда в *мезолите*, свидетельством чего служит Оленеостровский могильник (юг Заонежского п-ова в Онежском оз.). Постоянное население появилось здесь в *позднем неолите* (III—II тыс. до н.э.). Местные жители умели изготавливать шлифованные каменные орудия, долбленые из древесных стволов лодки, луки и стрелы. Они выделяли глиняную посуду (керамику) без применения гончарного круга, покрывали ее ямочным, гребенчатым или зубчатым орнаментами. О древнейших обитателях этих мест напоминают рисунки-*петроглифы* (от греч. *petra* — скала, камень, *glyphe* — резьба), сохранившиеся кое-где на скалах побережий Белого моря и Онежского оз. На них изображены охотники в лодках, животные (лоси и др.), сцены охотничьего быта.

Пространства Европейского Севера с давних пор стали областью межрасового смешения. Это подтверждают данные изучения упомянутого мезолитического могильника на о-ве Оленьем. Похороненные в нем люди (около 200 погребений) принадлежали к разным расам — отчетливо европеоидной и ярко выраженной монголоидной. Их далекие потомки сохранили следы этого смешения — легкий налет монголоидности при общем европеоидном облике.

Древнейшие племена, заселившие наш Европейский Север, как полагают языковеды, говорили на языках самодийской группы (родственных языку современных ненцев). Позднее здесь расселились другие этнические группы — носители языков финно-угорской (уральской) семьи. Предки современных *саамов* (*лопарей*), живущих на Кольском п-ове (около 2 тыс. чел.), изначально, вероятно, говорили на самодийском языке, а потом восприняли язык финно-угров.

Современные ненцы (самоназвание *хасова*) — в Ненецком автономном округе (в северо-западном Приуралье), около 7 тыс. чел. — говорят на языке самодийской группы.

Исследование ряда археологических культур существенно проясняет пути этногенеза современных местных этносов. На рубеже I и II тыс. н.э. в юго-западном Приуралье возникла этническая общность древних *пермян*, создателей своеобразной художественной культуры, получившей в науке название *пермского звериного стиля*. Потомки древних пермян — современные *коми-зыряне* (более 300 тыс. чел., Республика Коми) и *коми-пермяки* (около 150 тыс., Коми-Пермяцкий национальный округ); их языки — вместе с удмуртским — принадлежат к пермской ветви финно-угорской (уральской) семьи.

С VI в. н.э. письменные источники упоминают в числе обитателей Российского Европейского Севера народность, потомков которой теперь называют *вепсами*. В Начальной русской летописи (XI в.) о них сказано так: «А на Белом озере сидит *весь*». Древние вепсы занимали территорию между Ладожским, Онежским и Белым озерами. В наше время вепсы расселены в местностях к югу от р. Свири, а также в южной Карелии. Их язык относится к прибалтийской ветви финно-угорской (уральской) семьи. Среди коми выделяются субэтнические группы: коми-ижемцы (оленоводы, проживают по р. Ижме) и удорские коми (на западе области расселения коми; они отличаются некоторыми чертами культуры и диалекта).

Уже в IX в. н.э. на Карельском перешейке обитала народность *корел* — предки современных *карелов* (около 80 тыс. чел., Республика Карелия). Древние корелы поддерживали тесные торговые и культурные связи с Великим Новгородом; в частности, корелы приняли христианство в форме православия из Новгорода. В XVI в. область расселения карелов вошла в Русское государство, но в 1617 г. Россия была вынуждена уступить Корельский уезд Швеции. Однако корелы не пожелали жить под властью шведского короля и в массовом порядке мигрировали на русские земли — территорию современной Карелии, в Ярославское и Тверское Поволжье. С тех пор в числе прочих сохранилась карельская община в Максатихинском районе Тверской области. Карельский язык также принадлежит к числу прибалтийско-финских.

В составе карелов три субэтнические группы: *собственно карелы* (северные и тверские), *ливвики* (расселенные близ Ладожского оз.) и *людики* (живущие возле Онежского оз.). Последние два субэтноса вобрали в себя значительный вепсский компонент.

В VIII—XI вв. на Европейском Севере России появилось и славянское население: сначала новгородские *словене*, затем выходцы из Владимиро-Суздальской земли, а позднее — и из Московских великокняжеских и царских владений. Славянская (а позднее русская) колонизация Севера обычно начиналась с переселения крестьян, уходивших от феодальной зависимости. Позднее появлялись монастыри, использовавшие пути, заимки и хозяйственные достижения крестьян. Завершали колонизацию светские феодалы. Ныне русские (северные великороссы) составляют здесь большинство населения.

Уже в XX в. в регионе, преимущественно в городах Карелии, появились небольшие группы *финнов*.

Все эти этнические общности интенсивно взаимодействовали. Исторически в крае сложилось сильное влияние русской культуры.

2. Хозяйственные занятия. Материальная культура

Самые северные обитатели края — саамы и ненцы — издавна занимались охотой и оленеводством, а отчасти также рыболовством. Но оленеводство у них было разное, как и породы оленей. Саамы запрягали оленей в однополосную, похожую на лодку, *кережку*, а ненцы — в двухполосные сани — *нарту*. Саамы весной выпускали своих оленей на вольный выпас в тундру (сами откочевывая на лето к местам рыбной ловли) и только осенью снова собирали их в стада. А вот ненцы пасли своих оленей круглый год, используя для этого пастушью собаку. В XIX — начале XX в. саамы заимствовали более совершенную ненецкую форму оленеводства.

Крестьянское хозяйство русских, карелов, вепсов и обеих народностей коми стало основой формирования в таежной зоне хозяйственно-культурного типа северных земледельцев. Первоначально земледелие осуществлялось здесь как *подсечное*: выбрав подходящий участок, крестьяне вырубали и выжигали на нем лес, распахивали почву *сохой* (легким пахотным орудием), получая благодаря уничтожению огнем сорняков и наличию зольного удобрения высокие урожаи в течение первых двух-трех лет. Удачно выбранные участки превращались в постоянные поля. Ячмень, рожь, лен, а из овощных растений репа — вот важнейшие сельскохозяйственные культуры на Севере; их набор начал расширяться лишь на рубеже XVIII—XIX вв., в частности, стали культивировать капусту, лук, морковь, картофель.

В северном крае животноводство не получило особенного развития. В крестьянском хозяйстве обычно имелись одна-две коровы, одна лошадь — в качестве тяглого животного, несколько овец, изредка — небольшое количество свиней, гусей, уток, кур.

Земледелие и животноводство не обеспечивали жителям Севера прожиточного минимума: урожаи и продуктивность скота оставались низкими. Поэтому большим подспорьем служило рыболовство. Рыбу ловили и ловят плетеными ловушками (*мордами*) и сетями. В озерах крупную рыбу добывали *острогой* (трезубцем или многозубцем на длинной рукоятке) в ночное время, привлекая ее огнем факелов. Рыбу солили, сушили, квасили. Бытовое рыболовство сохраняет свою роль и в наше время.

Промысловое значение имела охота на пушного зверя, боровую и иную дичь. Так, охотники-коми имели в лесах участки (*нүтики*), на которых устанавливали ловушки (силки и капканы).

Все эти хозяйственные занятия сохраняют свое значение и теперь. К ним добавилось промысловое звероводство — разведение в крупных хозяйствах норки, песца, чернухой лисицы.

Традиционные хозяйственные занятия в XX в. пополнились новыми. Особенно большие масштабы приобрели лесозаготовки, превратившиеся в специализированную отрасль промышленности. Рост добычи нефти и каменного угля в Республике Коми, железной руды в Карелии, развитие тракторостроения (Петрозаводск), бумажной промышленности, производства бумагоделательных машин — все это имело свои социально-этнические последствия. Одним из них была быстрая аккультурация. Развитие промышленности требовало рабочих, которые прибывали из регионов расселения русских, белорусов

Женщины коми, продающие кустарные изделия из меха

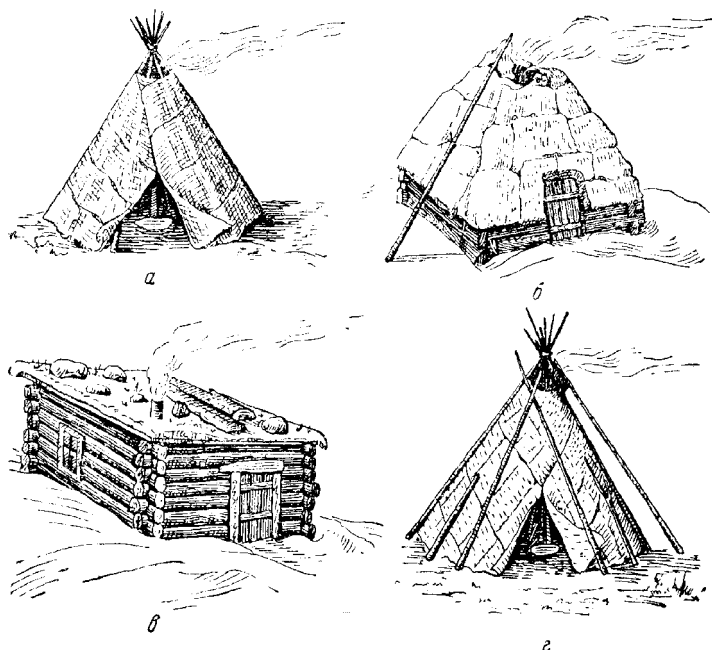
и украинцев. Попытки руководства Карельской Автономной республики в 1920—1930-е гг. привлечь на лесозаготовки карелов из Тверской и других областей успеха не имели. Этнический состав населения изменился — местные этносы оказались в меньшинстве. Сильно возросло количество национально-смешанных браков и семей.

Поселения саамов (лопарей) — *погобы*, — какими они были еще в XIX в., теперь исчезли. В месте своего постоянного проживания (в селе Ловозеро на Кольском п-ове) саамы живут в обычных стандартных домах; бригады саамских пастухов-оленьеводов также пользуются для жилья современными техническими приспособлениями.

У русских, карелов и вепсов издавна складывался разбросанный тип расселения — однодворные и малодворные деревни, которые, однако, объединялись вокруг церковных центров — *погостов* (не смешивать с саамскими поселениями, также называвшихся этим словом). Такие группы деревень образовывали сельскую общину. Постепенно мелкие деревни разрастались, давая начало селам. Одна из своеобразных черт общественной жизни на Севере состояла в отсутствии здесь помещичьего землевладения и соответственно крепостного права. Местные жители считались государственными крестьянами.

Поселения коми обычно бывали больше, многочисленнее. Тем не менее крупные поселения — города — сложились не на местной этнической почве, а были русскими или смешанными по этническому составу жителей. Города Российского Севера имели русское население. Лишь г. Олонец населяли карелы-ливвики. Все прочие этносы не образовали городов с этнически местным населением. Совместная жизнь в этих городах, а в XX в. — в лесных *рабочих поселках* способствовала языковому и культурному смешению местных этносов с русскими.

Традиционное жилище саамов (*вежа*, по-саамски — *кюйт*) представляет собой дерево-земляное сооружение довольно примитивной конструкции.

Виды саамских (лопарских) жилищ: а) кувас; б) вежа; в) тупа; г) чум

А вот сельские жилища северян-земледельцев в условиях холодного климата превратились в своеобразные единые комплексы *дом-двор* под общей крышей. Собственно *изба* отделялась *сенями* от *горницы*. В избе располагалась духовая («русская») печь, занимавшая около четверти пространства. Клеть обычно не отапливалась. Жилища северных народов (кроме саамов и ненцев) схожи и различаются только деталями. Почти в каждом хозяйстве имелась бревенчатая баня с печью-каменкой. С баней связаны различные семейные обряды, например свадьбы. Баня служила и лечебным средством — от простуды и пр. Сельские жилища и теперь сохраняют существенные черты традиционных жилых построек. В наше время дворы чаще располагаются отдельно от жилья. Впрочем, сегодня многие северяне живут в стандартных, а также многоэтажных домах.

К числу своеобразных хозяйственных построек северных земледельцев относится *рига* — крупное бревенчатое строение, соединявшее в себе сушильную для снопов хлебных растений (*овин*) и помещение для молотбы и провеивания зерна.

Одежда северных европейских народов издавна имела приспособления к местным климатическим условиям. Саамы носили глухую одежду из оленьих шкур (*печóк*), а также длинную рубаху из холста (*юпа*). Позднее, в XX в., они стали использовать ненецкий тип одежды (см. главу 24). У коми-зырян до нашего времени сохранилась охотничья промысловая одежда (*лаз*, *лузán*) в виде обшитой кожей безрукавки с несшитыми боками, подпоясываемой ремнем. Она удобна при обходе пúтиков и при ружейной охоте.

Мужской комплекс одежды включал рубаху с прямым или косым воротом, штаны, заправленные в сапоги. Лапти (из бересты) обычно носили лишь на работу. У северных карелов имели распространение невысокие сапоги с загнутыми носками (*кёнг*), удобные для ходьбы на лыжах. Верхней одеждой служили более или менее типичные для населения Европейской России прибалтийский *зипун*, *армяк*, шуба и т.п.

Женская одежда красочнее и наряднее. Основа ее — все та же льняная рубаха прямого покроя с рукавами. По подолу, вороту и концам рукавов она бывает покрыта вышивкой. Поверх нее женщины носили сарафаны разных покроев и передники. Вепские женщины вместо сарафанов нередко носили полосатые юбки. Среди вышивок (не только одежды, но и полотенец, а также других предметов) нередко встречается загадочная трехчастная композиция: фигура женщины, по бокам которой изображены всадники или олени. Украшение одежды (например, свадебной) вышивкой бывало приурочено к переломным событиям жизни (причем это касается не только женской, но и мужской одежды: например, вепсский мужской свадебный комплекс одежды включал в себя, помимо вышитой рубахи, белые обильно расшитые штаны).

Основу питания местных народов (кроме саамов и ненцев) составлял хлеб, который пекли из ячменной или (чаще) ржаной муки. Однако хлеба на весь год обычно не хватало, и в муку нередко подмешивали растолченную сушеную сосновую заболонь (подкорковый слой). При подъезде к карельским, вепским и другим деревням в XIX в. часто можно было видеть сосны с соскобленной корой.

Жители Севера ели кислый подовый хлеб, испеченный в духовой печи. Северные карелы пекли своеобразный кольцообразный хлеб (*рейкя лейпя*), который еще в горячем виде насаживали на палки и выносили на мороз: такой хлеб держали на холоде. Стоило его согреть, и хлеб приобретал вкус и вид только что испеченного.

Варили похлебку, уху. Мясо ели нечасто, главным образом по праздникам. Пекли пироги-рыбники (закрытые и открытые), *калитки* (у коми — *шаньги*) — небольшие открытые пирожки с кашей, горохом или мясом.

Народы, живущие в условиях холодного климата, создавали и кушанья, отвечающие условиям быта. Таковы известные всем *пельмени*, сохранившие источник своего происхождения в самом названии: *пель* на коми и удмуртском — ухо, *нянь* — хлеб. Замороженные пельмени, вероятно, первоначально использовали в качестве зимнего промыслового блюда, которое можно быстро приготовить, имея лишь воду, огонь и котелок.

Существенной добавкой в питании служили грибы и ягоды (брусника, клюква, морошка и др.). Ягоды местные жители замачивали в бочках под гнетом. Грибы — рыжики, грузди, волнушки — солили (в слегка проваренном или сыром виде; проваренные грибы требовали для консервации меньше соли, что имело значение, так как соль была покупным продуктом).

Из напитков у северян были распространены хлебный и репный квас; карелы, вепсы и народы коми также варили пиво.

В течение XX в. состав кушаний и характер исходных продуктов в этом северном крае, как и повсюду, сильно изменился. Однако использование грибов и ягод, любовь к рыбным блюдам (в том числе к пирогам с рыбой), приготовление калиток и шанег — все это сохраняется до настоящего времени.

3. Социальные формы и институты

Социальный строй, свойственный народам Российского Европейского Севера, исторически менялся. Лопари и ненцы долго оставались на весьма ранних ступенях общественного развития. Феодалная эксплуатация местных народов осуществлялась непосредственно государством. Помещичьих владений здесь почти не было. Поэтому местное крестьянство сохраняло обычаи избрания общинных старост и других должностных лиц крестьянской общины. Однако XVIII век и реформы Петра I внесли в жизнь карельских, русских и вепских крестьян большие изменения. В начале XVIII в. и позднее были построены Олонецкие петровские железоделательные, медеплавильные, пушечнолитейные и другие заводы, к которым *приписывались* (т.е. прикреплялись для исполнения трудовой повинности) многие окрестные крестьянские общины. Крестьяне добывали болотную и озерную руду и доставляли ее к заводам (в Петрозаводске и других местах), выжигали древесный уголь, а отчасти становились *работными людьми* на самом заводском производстве (литейном, кузнечном и т.п.). Все это сказалось на формах социальной жизни местных народов.

Важным элементом социальной жизни стала 25-летняя служба в постоянной армии. Участие жителей Северного края в Северной войне (1700—1721), служба в русском флоте способствовали — через возвратившихся солдат и матросов — созданию новых форм народного исторического сознания, связанного с пониманием патриотических задач народов России. В частности, в фольклоре получили распространение предания о Петре I и его участии в местных событиях, а также в общероссийских делах.

Еще одна форма межнационального общения была порождена чисто хозяйственной потребностью. Недостаток хлеба в неурожайные годы побуждал северян — русских, карелов, коми и вепсов — искать способы дополнительного заработка в виде *отхожих промыслов*. Иногда работу можно было найти поблизости — на повале, вывозке и сплаве леса, а иногда для этого приходилось идти на строительство в Петербург, на сельскохозяйственные работы в богатые хлебом южные губернии. В отходничестве участвовали почти исключительно молодые мужчины, восприимчивые к новым условиям и впечатлениям. Они приносили с собой знание другого языка, выученные в чужих краях песни, сказки, частушки.

Порой отходничество принимало иное направление. Так, в XIX в. и в начале XX в. северные карелы занимались *коробейничеством* (мелкой разносной торговлей) в Финляндии, откуда уже приносили культурные элементы другой этнической природы.

У народов Европейского Севера России семьи нередко бывали крупными; их главы — *большаки* — препятствовали разделам: у большой семьи было больше шансов сохранить относительно высокий уровень материального достатка. Тем не менее развитие капиталистических отношений способствовало массовому разделу семей-общин и распространению малых — простых семей (супруги, их дети и кто-нибудь из родителей супругов). Семейный быт карелов, вепсов и коми имеет много схожих черт с соответствующими формами северных великороссов — так называемый банный вариант свадебного обряда, свадебные и погребальные причитания и т.п.

Невеста гасит свечу в знак отказа сватам. Северная Карелия

Повсеместное формирование колхозов после 1929 г. отчасти продолжало привычку северных крестьян к общинным формам жизни. Даже свадьба у сельских жителей Российского Севера не могла быть просто частным делом, а становилась коллективным общедеревенским событием.

Верования этих народов тоже нередко приобретали характер общественных, коллективных действий. Карелы и вепсы приняли христианство в форме православия в XI—XIII вв., коми — в XIV в., лопари (саамы) — в XVI в. Попытки изменить религиозную ориентацию карелов (православие на лютеранство в начале XVII в.) подтолкнули их к переселению в Россию. Деятельность Стефана Пермского (XIV в.), крестившего коми-зырян, была одновременно попыткой создания их письменности, не получившей дальнейшего продолжения.

Однако христианство не вытеснило прежних верований, которые жили раньше в сознании и обрядах саамов, карелов, вепсов, коми. Наряду с верой в христианского бога и святых среди крестьян и других слоев общества сохранялась вера в *лесовика*, *банного хозяина* и других представителей *низшей демонологии*. Сохранялась вера в знахарей и колдунов, которые, согласно поверьям, якобы могли наслать порчу, болезнь и всякого рода несчастье. Так, у северных карелов колдун (*патьяшка*) выступал в качестве руководителя свадебного обряда.

Православные церкви нередко ставились на местах прежних, дохристианских (языческих) мольбищ. В жертву христианскому богу приносились домашние животные (бык, баран), и православные священники благословляли такие жертвы. Существует легенда, будто в давние времена каждый раз для жертвы появлялся дикий олень. Но однажды он почему-то задержался и, не дождавшись его, верующие принесли в жертву домашнее животное. С тех пор олень перестал появляться.

Так более поздняя религиозная система ассимилирует (включает в себя) предшествующие верования и ритуалы.

В конце XVIII в. (1785) поэт и государственный деятель Г.Р. Державин получил должность губернатора Олонецкой губернии (она охватывала территорию южной и средней Карелии — область расселения части карелов, вепсов и русских) с центром в г. Петрозаводске. В отличие от иных губернаторов Г.Р. Державин принял поручение всерьез, объехал и лично осмотрел вверенную ему губернию. В сохранившемся дневнике («Поденной записке») Державина отмечены особенности национального состава населения губернии, а также характерная черта его *конфессионального* (религиозного, вероисповедального) состава: во многих селах и погостах все или часть жителей были раскольниками, не подчинявшимися официальным церковным властям.

В наше время среди северных русских, саамов, карелов, вепсов и коми интерес к православию невелик, но пережитки верований, связанных с низшей демонологией, отчасти сохраняются.

4. Устное народное творчество

Среди обилия жанров и форм фольклора народов Европейского Севера России есть такие, о которых нельзя не сказать. Так, у саамов выделяется волшебная сказка, еще не полностью оторвавшаяся от своей мифологической основы, — сказка об олене-человеке. Неподалеку от жилища четы лопарей — старика и старухи — стал появляться олень необыкновенной красоты. Он никому не давался в руки, кроме их красавицы-дочери. Однажды олень превратился в человека — прекрасного юношу по имени Мяндаш. Девушка стала его женой. Конец сказки трагичен: либо до времени (пока он был в человеческом облике) уничтожают оленью шкуру Мяндаша, либо убивают олененка — одного из сыновей Мяндаша и дочери стариков-лопарей.

Из массы карельских сказок выделяются сюжеты, в которых участвует злая Сююятар — женский персонаж, подменяющий собой с помощью волшебства подлинную героиню (невесту, сестру, жену), но в конце концов побеждаемый силами добра. Другой пример своеобразия — сказочный образ по имени Тухкимус («Золушка», «Замарашка»), который у карелов может быть и мужского пола.

Помимо обычного фольклора — сказок, песен, пословиц — жители Российского Европейского Севера сохранили много преданий — интересных проявлений народной памяти. Одно из них — предание о Девичьем острове на Онежском озере. В давние времена на местных жителей — русских или вепсов — нападали грабители *паны-чудины*. Однажды после очередного налета на прибрежные деревни они отправились пировать на остров, оставив в лодке связанную девушку. Раскачав лодку, девушка спустила ее на воду и была спасена рыбаками, а грабители погибли.

Среди фольклорных произведений коми известно предание о колдуне-разбойнике Шипиче, который своей волшебной силой останавливал плывущие по реке суда и лишал способности защищаться их команды. Большой популярностью среди коми пользовались сказания о Пере-богатыре. Пера-богатырь был крестьянином и охотником (он ловил шелковыми сетями соболей), обладал очень большой силой. Ответив на вызов боярского сына, Пера борется с ним и побеждает.

К наиболее ярким проявлениям художественного гения карелов (а также, как это будет видно из дальнейшего, и финнов) относится эпос «Калевала». В 30-х гг. XIX в. финский врач Элиас Лёнрот увлекся собиранием среди финских и карельских крестьян своеобразных песен — *рун*. Исполнители пели их, сев верхом на лавку лицом друг к другу и взявшись за руки.

В самой Финляндии в силу ряда исторических причин калевальские руны встречались относительно редко. Но неожиданно для себя Э. Лёнрот обнаружил обилие калевальских рун в Северной Карелии, в деревне Вокнаволок, где жил особенно большой знаток и любитель народного поэтического эпоса крестьянин-карел Архип Перттунен, со слов которого и удалось записать основную часть эпических стихотворных историй. Позднее руны многократно записывались в исполнении и других певцов.

Руны поэтически рассказывали о роде Калева, к которому принадлежали старый мудрый Вьянямёйнен, имеющий черты вождя и жреца, мастер-кузнец Илмаринен, изготовивший (частью благодаря мастерству, а частью — колдовству) волшебную мельницу «Сампо», которая могла создавать все необходимые блага для счастливой жизни калевальцев.

И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.

Однако Лóухи, злая владычица северных холодных стран Похьёлы, похитила «Сампо». Дальнейшее развитие сюжета состоит в борьбе за возвращение волшебной мельницы.

Э. Лёнрот и современные ему фольклористы были романтиками. Им казалось, что песни-руны о калевальцах представляют собой отрывки некогда целостного эпоса (наподобие «Илиады» или «Одиссеи»), и Э. Лёнрот полагал своей задачей воссоздание его. Собиратель рун оказался хорошим поэтом. Он действительно скомпоновал из разрозненных рун целостную поэму, и «Калевалу» (она хорошо переведена на русский язык Л. Бельским) можно считать в равной мере произведением народного творчества и поэтического таланта Э. Лёнрота.

К бесценным поэтическим памятникам народного искусства Севера Европейской России относятся русские *былины* (*ста́рины*). Большая часть былин записана в областях Севера, заселенных северными великороссами (в селах по Северной Двине, Онеге, Печоре, вокруг Онежского озера, в Каргопольском крае, в Поморье и других местах). Почему былины сохранились именно в северном регионе расселения русского народа, мнения ученых расходятся. Большинство специалистов считают, что этому способствовали отсутствие крепостного права и относительная обособленность от основных областей хозяйственной и социально-политической жизни.

Первым о живом бытовании былин в крестьянской среде сообщил (в 50—60-х гг. XIX в.) П.Н. Рыбников. Он издал четыре тома былин, записанных им во время служебных поездок по Олонецкой губернии. (П.Н. Рыбников был административно высланным и служил чиновником в губернской администрации.) В 1870—1871 гг. две летние экспедиции в Заонежье и Каргопольский

край, давшие материал для двухтомного издания «Онежских былин», совершил профессор А.Ф. Гильфердинг. После того состоялось много новых поездок, принесших обильные записи и исследования былинного эпоса. Однако исследование А.М. Астаховой (в 40—50-е гг. XX в.) показало, что живая былинная традиция практически пресеклась.

Сохраняются и живут в народе сказки, лирические песни, частушки и другие фольклорные формы.

5. Городской быт. Этнические процессы нашего времени

Города Российского Европейского Севера по преимуществу сложились сравнительно поздно: одни — Архангельск, Сыктывкар (в прошлом Усть-Сысольск), Петрозаводск, Пудож — в XVI—XVIII вв., другие — Мурманск, Нарьян-Мар, Костомукша — совсем недавно, в XX в.. В населении этих городов большинство составляют русские. Поэтому русское влияние преобладает в регионе. Среди представителей местных этнических групп большую часть тоже составляют горожане (среди карелов, например, — свыше 60%).

Типичной чертой расселения в этом обширном крае могут считаться лесные *рабочие поселки*, импульс распространению которых дало развитие промышленных лесозаготовок. В каждом таком поселке обычно располагался цех лесозаготовительного предприятия — леспромхоза (состоявшего из 5—8 таких цехов, в которых также размещались бригады сборщиков сосновой живицы и еловой серки — ценного сырья для химической промышленности).

В лесных поселках обычно размещались магазины, школы, дома культуры (с библиотеками), столовые и другие учреждения обслуживания жителей. Население поселков обычно смешанное. Так, в поселке Верхний Олонец в 60-х гг. XX в. карелы составляли 47%, финны — около 2,5, русские — свыше 21, белорусы и украинцы вместе — около 28%. Культурная жизнь (пользование библиотеками, участие в художественной самодеятельности, просмотр кинофильмов) в таких поселках интенсивнее, чем в окрестных сельских поселениях.

Грамотность на русском языке в пределах Российского Севера издавна не была редкостью. Сотни письменных памятников, найденных археологами в Новгороде и написанных на бересте, говорят об относительно широком распространении грамотности. Найдены отдельные документы на карельском и вепском языках, записанные русскими буквами. В XIV в. имела место попытка создания письменности коми. Однако регулярная письменность на местных языках начала создаваться позднее. Общая грамотность в 1897 г. составляла лишь 10% или немногим больше.

В настоящее время все население Севера Европейской России получает образование на русском языке. Языки местных народов изучаются в качестве учебных предметов. На этих языках в ряде школ ведется преподавание местной литературы.

Успешнее других развитие школьного преподавания на местном этническом языке осуществляли коми-зыряне. Относительная близость диалектов коми позволила создать нормативную грамматику, другие учебники на коми-зырянском языке (И.А. Куратов, 1839—1875, и др.). Известная комедия Н.М. Дьяконова «Свадьба с приданым» обошла театры всей России. Драматический театр

в г. Сыктывкаре играет свои спектакли поочередно на коми и русском языках. В отличие от него Финский драматический театр в Петрозаводске играет свои спектакли на финском языке, сопровождая их синхронным переводом на русский, транслируемым с помощью наушников.

Труднее было решить вопрос об учебниках на карельском языке. Три диалекта этого языка — собственно карельский (или северный), ливвиковский (приладожский) и людиковский (прионежский) — существенно отличаются друг от друга, и создать из них нечто единое не удалось. Как частичное решение проблемы в 20—50-х гг. XX в. использовался финский язык в качестве языка обучения в карельских школах (финляндские лингвисты в то время считали карельские говоры диалектами финского языка). Вот почему карельская литература стала развиваться на финском языке; среди писателей им пользовались Л. Хело (псевдоним Тобиаса Гуттари), Я. Яккола, А. Тимонен и др.

В настоящее время делаются попытки издания отдельных поэтических и фольклорных сборников на диалектах карельского языка. Издается газета, начал работать карельский театр.

В конце 1930-х гг. велась подготовка к введению начального образования на вепском языке, но Великая Отечественная война помешала этому. Ведется работа по возрождению вепской народной культуры (действует народный музей в селе Шёлтозере — на берегу Онежского оз.), созданы буквари и учебники по некоторым предметам на вепском языке.

Создан букварь на ловозерском диалекте саамского языка.

Одно из самых серьезных препятствий на пути внедрения местных этнических языков в школьную практику — широкое и глубокое национально-русское двуязычие, сложившееся в регионе за последние сто лет. Саамы, карелы, вепсы, коми (зыряне и пермяки) хорошо говорят по-русски и очень часто предпочитают обучать своих детей на русском языке, порой высказывая желание, чтобы местные этнические языки их дети изучали в качестве учебных предметов.

Вместе с тем работа по сохранению местных этнических языков, культуры и культурных институтов, использующих эти языки, бесспорно, заслуживает общественной и государственной поддержки.

НАРОДЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Сравнительно небольшое по территории Урало-Поволжье занимает на этнической карте России особое место. У населяющих его народов, различающихся по своему происхождению, расовым, языковым и культурным признакам, но живущих в близких природно-географических условиях и имевших в прошлом много сходного в социально-экономическом развитии, в силу длительных этнокультурных контактов сложилось немало общих черт в хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, что позволяет рассматривать этот регион как целостную историко-этнографическую область.

1. Общие сведения о народах

В Урало-Поволжье проживают несколько этносов (в их составе имеются субэтнические образования), относящиеся к уральской и алтайской языковым семьям. В Республике Удмуртии живут *удмурты* — всего в России 637 тыс., в Удмуртии — 460 тыс. (здесь и далее данные Всероссийской переписи населения 2002 г.), — а также *бесермяне* (около 3 тыс.); в Республике Мордовии и соседних с ней республиках и областях РФ расселена *мордва* (в России 843 тыс., в Мордовии — 284 тыс.), состоящая, строго говоря, из двух субэтносов — *мокиши* и *эрзи* (есть исследователи, считающие их отдельными этносами); в Республике Марий Эл, а также на территории Башкортостана и других субъектов РФ проживают *марийцы* (всего в России 604 тыс., в Марий Эл — 312 тыс.), в составе которых различают *луговых*, *восточных* (в Башкирии) и *горных* (на правом берегу Волги). Все эти этносы и субэтносы говорят на финских языках финно-угорской ветви уральской языковой семьи.

На языке тюркской ветви алтайской семьи говорят *казанские татары*; в России их 5 млн 555 тыс., в Республике Татарстан — около 2 млн. Перепись 2002 г. выделила также *крещеных татар*, или *кряшен* (около 25 тыс.) и *нагайбаков* (в Челябинской обл. — более 9,5 тыс.). На языке, близком к татарскому, говорят *башкиры* (в России 1 млн 673 тыс., в Башкортостане — 1 млн 221 тыс.). Наконец, на тюркском, но существенно отличающемся от татарского и башкирского языков, говорят *чуваши* (в России 1 млн 637 тыс., в Республике Чувашии — 889 тыс.)¹.

В XVII в. на юго-западе Поволжья расселились *калмыки*, численность которых около 170 тыс. человек, а язык принадлежит к монгольской ветви алтайской семьи. В 1918—1941 гг. в рассматриваемом регионе имели свою автономную республику *немцы Поволжья*. Подвергшись в 1941 г. выселению, они в наше время частично возвращаются на прежние места жительства.

¹ Некоторые исследователи кроме того выделяют в качестве самостоятельного этнического образования *тептярей*. Тептяри сложились по преимуществу в районах расселения северо-западных башкир и северо-восточных татар из групп разного этнического происхождения (татар, башкир, марийцев, чувашей и др.), получивших в XVIII—XIX вв. статус свободных арендаторов земель (так называемых *припущенников*). Говорят по-татарски. Религия — ислам суннитского толка. Их численность ныне не превышает несколько тысяч человек.

По расовой принадлежности все названные народы, кроме калмыков, относятся к разным вариантам (антропологическим типам) большой европеоидной расы, среди которых преобладают типы, сочетающие в себе как европеоидные, так и — в той или иной степени — монголоидные признаки. Это объясняется тем, что Урало-Поволжский регион входил в ареал древнего смешения европеоидных и монголоидных расовых типов. Смешанные типы представлены среди финноязычного населения, кроме мордвы-эрзи, не имеющей признаков монголоидности. Среди тюркских народов этого региона, особенно среди башкир, встречаются типичные монголоиды, но их процент незначителен.

2. Этногенез и этническая история

В последние десятилетия большими успехами увенчались исследования археологов в Урало-Поволжье. Полученные материалы позволили более полно установить этногенез финноязычных народов, но до сих пор еще существует немало проблем, связанных с их происхождением. Остается спорным вопрос о месте формирования уральской языковой семьи. Большинство ученых считает, что данный процесс происходил по обе стороны Уральского хребта. В восточной части этой территории складывались самодийские языки, в западной — угро-финские. В конце III тыс. до н.э., как полагают лингвисты, произошло отделение финнов от угров. В эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) началось постепенное распространение финноязычных племен из района Прикамья на запад, вплоть до Балтийского моря. При этом они смешивались с местным населением и испытывали его культурное воздействие.

В раннежелезном веке в Волго-Камье сложилась *ананьинская* археологическая культура (VIII—III вв. до н.э.), носители которой явились далекими предками трех пермских народов (коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов) и отчасти марийцев. Начало формирования современных финноязычных народов Урало-Поволжья относится к первой половине I тыс. н.э.

Образование древнеудмуртской этноязыковой общности протекало преимущественно в южной части Камско-Вятского междуречья, а также в бассейне р. Вятки, включая ее правые притоки. В среднем и верхнем течении Вятки сложился древнеудмуртский племенной союз *ваткá*.

Бассейн р. Чепцы был освоен древними удмуртами сравнительно поздно. В конце I тыс. н.э. сюда пришли удмурты племени *калмэз* из районов по левому берегу среднего течения Вятки и смешались с местным населением. Позднее, в XIII в., в этот район начали переселяться удмурты племени *ваткá*. Своеобразие социально-экономического и этнического развития древних удмуртов в последующее время привело к образованию в их составе двух крупных этнографических (по мнению некоторых исследователей — субэтнических) группировок — северной и южной.

Особый компонент внутри удмуртского этноса составляли *бесермяне*, живущие в бассейне р. Чепцы. Как самостоятельный этнос они фигурировали в материалах переписи населения 1926 г. С 90-х гг. XX в. происходит возрождение этнического самосознания бесермян, которые стали воспринимать себя самостоятельным, отдельным от удмуртов, этносом. Происхождение бесермян до сих пор не выяснено. Одни исследователи, ссылаясь на некоторые элементы

традиционной культуры бесермян, отличающие их от удмуртов (в частности, на женскую одежду, напоминающую чувашскую), считают их потомками волжских булгар или какой-то другой группы тюрков, переселившихся на Чепцу из Нижнего Прикамья. Другие сближают их с южными удмуртами, так как язык бесермян относится к южным диалектам удмуртского языка.

Первоначальная территория формирования марийцев остается не вполне установленной. Их этногенез связывают либо с междуречьем Волги и Вятки, либо с частью правобережья Средней Волги (между устьями рек Суры и Цивилия) и примыкающей к ней областью левобережья (включая Нижнее Поветлужье). Этот процесс датируют первыми веками нашей эры. Основу современных марийцев составили позднегоородецкие племена, — являющиеся также предками мордвы (см. ниже), — и потомки ананьинцев (так называемые пьяноборские племена). Из указанного района древние марийцы расселялись в восточном и южном направлениях.

Ко времени включения Марийского края в состав России древнемарийский этнос состоял из ряда этнографических групп, различавшихся диалектами языка, некоторыми особенностями материальной и духовной культуры. Позднее, под воздействием упрочения социально-экономических связей между ними, особенно с развитием капитализма, эти группировки консолидировались в марийскую народность.

До сих пор сохраняется деление марийцев на горных, луговых и восточных. Горные марийцы, за небольшими исключениями, расселены на правом берегу Волги, луговые, составляющие большинство марийского народа, — в Волго-Вятском междуречье. Восточные марийцы сформировались из части луговых марийцев, переселившихся в XVI—XVIII вв. в Башкирию и Приуралье.

Мордва состоит из двух близкородственных этнических общностей — мокши и эрзи — со своими языками, особенностями традиционной материальной и духовной культуры и этническим самосознанием. В мордовских языках нет общего понятия «мордва». Так, выражение «мордовская литература» на этих языках звучит как «мокшень эрзянь литература».

О формировании мокши и эрзи высказаны различные суждения. Одни исследователи полагают, что некогда существовал единый *древнемордовский этнос*, позднее, в силу каких-то исторических условий, распавшийся на две обособленные этнические группы, которые, несмотря на существование контактов между ними, так и не слились в один народ. Другие считают, что мокша и эрзя с самого начала формировались обособленно друг от друга на основе упомянутых выше позднегоородецких племен, занимавших в первые века нашей эры большие пространства в Волго-Окско-Сурском междуречье. В начале второй половины I тыс. н.э. древняя мокша переселилась с верховьев Суры в междуречье Мокши и Цны, а древняя эрзя со среднего течения Суры мигрировала на запад, в область по течению рек Теши и Пьяны.

Процесс исторического развития мордвы происходил во взаимодействии с различными народами, обитавшими по соседству с ней: с ираноязычными и тюркоязычными племенами — на южных рубежах ареала ее расселения, с русскими — на севере и западе; часть мордвы при этом обрусела. В XVII—XVIII вв. имело место продвижение мордвы на восток — в Заволжье и Башкирию. К концу XIX в. мордва — эрзя и мокша — расселилась на обширных пространствах,

но не сплошными массивами, а чересполосно, преимущественно с русскими и татарами.

Формирование тюркоязычных народов Урало-Поволжья происходило на занимаемой ими в настоящее время территории в процессе этнокультурного взаимодействия между пришедшими сюда в разное время группами тюрков и местными (т.е. расселившимися здесь гораздо раньше) финно-угорскими этническими общностями. До сих пор не решен вопрос о времени появления первых тюрков в Среднем Поволжье. Многие исследователи считают, что проникновение тюрков в этот регион началось в середине I тыс. н.э. Наиболее крупным было переселение в VII—VIII вв. *булгар* из степей Северного Кавказа и Приазовья. Заняв территорию преимущественно на левом берегу Волги, ограниченную с севера Камой, а на юге простиравшуюся до Самарской Луки, кочевники-булгары пришли в соприкосновение с местным финно-угорским населением. На рубеже IX—X вв. булгары создали государство — Волжскую Булгарию, игравшую значительную роль в экономической и политической жизни Восточной Европы. В XIII в. это государство пало под ударами монголо-татар. Его города (Булгар, Биляр, Сувар и др.) подверглись разрушению. Значительная часть булгар погибла или была уведена в плен, многие ушли в леса к северу от Камы и в правобережные районы Поволжья. Население Волжской Булгарии приняло участие в формировании чувашей, поволжских татар и башкир.

Происхождение чувашей до сих пор остается во многом невыясненным. Установить его пытаются главным образом на основе изучения чувашского языка, который, будучи тюркским, занимает обособленное положение среди тюркских языков. Его объединяют в одну группу с ныне исчезнувшими *булгарским* и *хазарским* языками. Полагают, что непосредственными тюркоязычными предками чувашей были *сувазы* (*суары*, *сувары*), входившие в состав Булгарского государства. Расселившись (особенно после разгрома Волжской Булгарии) по правобережью Волги, булгары-сувазы смешивались с жившими там горными марийцами. Это смешение отразилось в лексике чувашского языка, а также в формировании этнографической группы чувашей-*вирьялов*, или *верховых* (по течению Волги), которые в традиционной культуре имеют много общего с горными марийцами и отличаются от юго-восточных чувашей-*анатри* (*низовых*), сложившихся позднее вирьялов и испытавших значительное влияние татар. Между вирьялами и анатри расселена небольшая этнографическая группа чувашей *анат-енчи* (*средне-низовых*), в традиционной культуре которых находят черты, сближающие их с булгарами.

Самоназвание чувашей, как полагают, происходит от сувазов. Этноним *чуваши* появился в письменных источниках сравнительно поздно (в начале XVI в.). До этого, по-видимому, чуваша выступали (вместе с горными марийцами) под именем *горной черемиси*.

По вопросу этногенеза поволжских татар в литературе преобладают две точки зрения. Долгое время больше сторонников имело суждение, что предками татар были волжские булгары. Оно основывалось главным образом на элементах культуры, унаследованных татарами от булгар. Сторонники этого мнения не отрицают участия тюрков-кыпчаков в формировании татар, однако не отводят им решающей роли в этом процессе.

На рубеже XX—XXI вв. возобладал существенно иной взгляд на формирование татар, согласно которому татарский этнос сложился в эпоху Золотой Орды (XIII—XV вв.), большинство населения которой составляли *кыпчаки* (*половцы, куманы*). Язык татар входит в кыпчакскую группу тюркских языков. Этноним *татары*, под которым еще в начале нашей эры выступали племена, жившие по соседству с Китаем, получил широкое распространение во времена монголо-татарских завоеваний и закрепился за населением Золотой Орды. Особую группу татар составляют *мишари*, этногенез которых имеет свои особенности.

После распада Золотой Орды на ее развалинах возникло несколько государственных образований, в которых складывались отдельные, самостоятельные татарские этносы — казанские, астраханские, крымские, сибирские татары.

После гибели Волжской Булгарии на ее территории возник один из улусов Золотой Орды. Во второй половине XIV в. он несколько раз подвергался набегам золотоордынских эмиров, особенно Тамерлана (в конце XIV в.). В результате улус пришел в полное запустение. Значительная часть населения покинула его пределы.

В первой половине XV в. в Казани обосновался золотоордынско-крымский хан Улуг-Мухаммед со своим войском и положил начало Казанскому ханству, в эпоху существования которого сложился этнос казанских татар. Сторонники данного взгляда на происхождение казанских татар не отрицают участия болгар в их формировании, но не отводят им главной роли в этом процессе.

Помимо казанских татар, в состав поволжско-приуральских татар входят татары приуральские и касимовские, а также уже упоминавшиеся *мишари* и *кряшены*.

Приуральские татары формировались в XV—XVI вв. на северо-западе Приуралья из разных этнических групп (татар, башкир, ногайцев и др.), входивших в состав населения Казанского ханства. С конца XVI в. они стали выступать под этнонимом *татары*.

Происхождение мишарей до сих пор остается невыясненным. Их связывают то с древними группами венгров (*мадьяр*), отколовшимися от соплеменников в ходе переселения через пространства Восточной Европы в Паннонию (IX—X вв.), то с отюреченной финно-угорской *мещёрой*, то с булгарами или другими средневековыми тюрками.

К началу XVII в. произошла консолидация различных тюркских компонентов в Касимовском ханстве, возникшем в XV в. на месте так называемого Мещерского юрта в связи с переселением туда сына казанского хана Улуг-Мухаммеда, султана Касима со своими людьми. Мещерский городок был переименован в г. Касимов. Этническая группа касимовских татар численно была небольшой. Пребывая в окружении русских, она испытала значительное влияние русской культуры.

Сложно протекал этногенез *башкир*, которые ведут свое начало от тюркских племен центральноазиатского происхождения, зафиксированных источниками VI—VIII вв. под названием баджгардов и бурджан в районе Приаралья и Сырдарьи. Оттуда эти племена в составе печенежского союза племен в VIII в. продвинулись в прикаспийские и северокавказские степи. Затем в конце VIII — начале IX в. предки башкир, вслед за булгарами, отошли на север в степные и лесостепные районы, расположенные между Волгой и Уралом. Сравнительно

небольшая территория Бугульминской возвышенности, ограниченная с севера и востока течением р. Белой, с запада — левыми притоками Волги и с юга — степями, примыкающими к реке Самаре, явилась местом, где в IX—X вв. происходил процесс формирования древнебашкирского этноса, ставшего известным под названием *башкорт*. В этот период в состав башкир влились близкие им по культуре булгаро-мадьярские племена, жившие по соседству в приуральских степях. Там же, в Приуралье, древние башкиры смешивались с ранее поселившимися в тех местах финно-угорскими, сармато-аланскими, угорско-самодийскими племенными образованиями.

В период монголо-татарского нашествия и господства Золотой Орды происходила дальнейшая *кыпчакизация* башкир, начавшаяся еще в домонгольский период. Кыпчаки оказали большое влияние на формирование башкирского языка, который относится к кыпчакской ветви тюркских языков.

После распада Золотой Орды в XV — начале XVI в. башкиры подпали под власть ногайских ханов. Лучшие кочевья башкир, особенно на юге, были заняты *ногайцами*. Под давлением последних башкиры продвинулись на север, где вошли в соприкосновение с финноязычными и угорскими (*манси*) народами и частично смешались с ними. Длительные контакты с кочевниками-ногайцами привели к вхождению части ногайцев в состав башкир. Последние значительные вкрапления иноэтничных элементов в башкирский этнос имели место в XVII—XVIII вв., когда на территории Северо-Западной Башкирии поселились выходцы из Поволжья — татары, марийцы, удмурты и мордва. Особенно интенсивное культурное взаимодействие имело место между башкирами и татарами, чему в значительной степени способствовало близкое родство их языков и принадлежность к исламу.

Ко времени присоединения Башкирии к России (XVI в.) башкирский этнос находился на пути консолидации в целостную народность, которая оформилась уже в рамках Российского феодального государства. У башкир сохранилось деление на племена, которых прежде насчитывалось свыше сорока (юрмат, бурзян, усерган и др.).

В дореволюционный период этническое развитие народов Урало-Поволжья не пошло дальше стадии народности, за исключением татар, развитие которых вступило в фазу консолидации в нацию. После Октябрьской революции все народы Урало-Поволжья получили свои национальные автономии, в пределах которых и протекало образование наций.

Отдельные группы выходцев из коренных народов, жившие за пределами своих национальных автономий, испытывали постоянное воздействие культуры и языка иноэтничного окружения. Если эти группы были крупными, как, например, живущие в Башкирии, среди татар и башкир, восточные марийцы (свыше 100 тыс.), то они продолжали сохранять свои этнические свойства. Если же группы выходцев были небольшими, то они постепенно ассимилировались окружающим населением, как, например, марийцы, проживавшие среди русских в Нижегородской и Кировской областях.

Этнокультурные взаимодействия в многонациональном регионе Урало-Поволжья получили большое развитие в значительной степени благодаря широкому распространению русского языка как средства межэтнического общения, а также росту урбанизации, что приводило к значительной унификации культуры, особенно материальной.

В постсоветское время в связи с углублением суверенизации в национальных автономиях, способствовавшей оживлению этнического самосознания, приданием национальным языкам значения государственных (наряду с русским), этнические процессы у коренного населения приобретают несколько иную по сравнению с предшествующим периодом окраску. При продолжающейся консолидации этносов в некоторых из них наблюдается стремление к обособлению отдельных относительно крупных этнографических и этнических групп внутри этноса. Например, в советское время при организации Марийской национальной автономии горные марийцы добились создания своего, горномарийского литературного языка. Все позднейшие попытки выработать единый (общемарийский) литературный язык успеха не имели. Немногочисленная горномарийская интеллигенция рассматривает горных марийцев как отдельную этническую группу, имеющую право на обособленное положение в республике.

В общественном сознании Мордовии в советский период преобладало суждение, что мокша и эрзя в перспективе сольются в единый этнос — мордву. Часть мордвы не придавала значения своей принадлежности к мокше или эрзе. В настоящее время наблюдается более отчетливое осознание деления мордвы на мокшу и эрзя.

3. Хозяйство

Характер хозяйственной деятельности местного населения определили природные условия Урало-Поволжья. С древнейших времен в лесах, покрывавших большие пространства региона, получили развитие охота, собирание грибов и ягод, бортничество; люди, жившие по берегам рек и озер, занимались рыболовством. В прошлом мордва, например, часть государственных податей платила медом. Эти промыслы сохраняли определенное значение и в более позднее время, однако с вырубкой лесов, особенно в период капитализма, они постепенно приходили в упадок. Бортничество было вытеснено пасечным пчеловодством.

Богатая башкирская семья в традиционной одежде. Фото начала XX в.

Главными занятиями народов Урало-Поволжья издавна стали земледелие и животноводство, заимствованные, как полагают, в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) у ираноязычных соседей.

В лесных районах долгое время господствовало подсечно-огневое земледелие, позволявшее два-три года собирать с расчищенного от леса участка хороший урожай. Скот жители лесных деревень первоначально пасли без пастухов, выгоняя его в лес, а вечером он возвращался в селение.

В XIX в. в земледелии преобладала трехпольная система. Пахотными орудиями служили различные виды сох и тяжелый деревянный плуг — *сабан*, применявшийся преимущественно для поднятия целины. Скотоводство имело подсобное значение и было тесно связано с земледелием. Исключение составляли башкиры, которые до XVII в. оставались скотоводами-кочевниками. По мере сокращения пастбищ — особенно на западе своего ареала расселения — они постепенно переходили к оседлому образу жизни и к занятию земледелием.

В период капитализма в Урало-Поволжском регионе получила развитие лесная промышленность, возникли мелкие предприятия по переработке местного сырья, были широко распространены кустарные (связанные главным образом с обработкой дерева) и отхожие промыслы. Последними больше других занимались татары и мордва. Немало татар, кроме того, было занято в мелкой разъездной и разносной торговле по деревням.

В советское время в регионе создана тяжелая промышленность (добыча и переработка нефти, других полезных ископаемых, машиностроение, металлообработка, целлюлозно-бумажное производство), а также различные отрасли легкой промышленности. Сложился национальный рабочий класс республик Урало-Поволжья.

4. Материальная культура

подавляющее большинство населения региона в докапиталистический период проживало в сельской местности. В лесных районах в прошлом селения были небольшими. Жилые и хозяйственные постройки в них часто располагались без определенного плана. Уличная планировка деревень стала преобладающей с XIX в.

Обилие леса позволяло возводить жилые и хозяйственные постройки из бревен, в срубной технике, известной в Урало-Поволжье еще до нашей эры. Срубное жилище было распространено у всех народов региона, за исключением части башкир. У последних, помимо срубных, бытовали и плетневые, пластовые (из дерна), а также каменные жилища (а у восточных и юго-восточных башкир — даже *кибитки* тюркского и монгольского типов).

Еще сравнительно недавно (в XIX в.) во дворах у финноязычных народов Поволжья можно было увидеть своеобразную, по-видимому, очень древнюю жилую постройку, известную у удмуртов под названием *куа*, *куала*, у марийцев — *кудо*. У мордвы она не сохранилась, но ее название — *куд* — перешло на избу. Сходными терминами обозначают различные примитивные сооружения у других финноязычных народов.

Эта постройка существовала вместе с избой и представляла собой летнее жилище, в котором справляли все семейные языческие обряды, там же хранились

приношения для духа — хранителя дома. У марийцев, например, кудю представляло собой срубную постройку без окон, потолка и пола. Посредине нее, обычно на земле, разводили костер, над которым подвешивали котел для приготовления пищи. Для освещения и выхода дыма служило отверстие в крыше, а также дверь. Кудю обеспечивало единственное место спасения от комаров и мошки при жизни в сыром густом лесу.

Предки чувашей-вирьялов, поселившись в марийских лесах, заимствовали у горных марийцев эту постройку (у них она получила название *лась*).

Жилое помещение имело различную планировку, в зависимости от численности и материального положения семьи: двухраздельную (изба + сени) и трехраздельную (изба + сени + изба, или изба + сени + клеть, как у русских).

По внутренней планировке и убранству жилища удмуртов, марийцев, чувашей и мордвы мало чем отличались от изб соседнего русского населения. В избе размещались «русская» (духовая) печь, *полати* (деревянный настил под потолком в избе, предназначенный для сна), неподвижные лавки вдоль стен и стол в *переднем углу*. В домах татар и башкир большое место у стены занимали *нары*, на которых работали, ели, спали, принимали гостей. В настоящее время сохраняется традиция строить срубные жилища, но они значительно изменили свой внешний вид и внутреннее убранство. Дома обычно состоят из нескольких комнат, часто с городским интерьером и мебелью.

Традиционные черты материальной культуры народов Урало-Поволжья прежде всего проявились в одежде. Это в первую очередь касается женской одежды, которая даже служила одним из бытовых этнических определителей. Так, марийские деревни считались окончательно обрусевшими, если в них не оставалось ни одной женщины, носившей хотя бы отдельные элементы традиционного марийского костюма.

До революции одежду почти целиком изготавливали из домотканых конопляных, льняных и шерстяных тканей. Только татары и отчасти башкиры еще в период капитализма стали покупать ткани фабричного производства.

Основу мужского и женского костюма составляли туникообразная (без шва на плечах) рубаха и штаны (кроме эрзянок, которые, как и русские женщины, в прошлом штанов не носили). Женские рубахи богато украшали вышивкой шерстяными и шелковыми нитями, преимущественно темно-красных тонов. В орнаменте преобладали геометрические и зооморфные узоры, а у мусульман — растительные. Искусством вышивания особенно отличались марийки, мордовки и чувашки.

Разнообразны были женские головные уборы, как мягкие (полотенчатые и платки), так и на твердой основе (высокие, в виде усеченного конуса у удмурток, маринок и башкирок, лопатообразные *сороки* — у маринок и эрзянок, рогатый *шымакш* — у маринок и др.). Праздничный наряд женщин дополняли обильные украшения, которые носили на голове, на руках, в ушах и на шее, на спине, на поясе. Их изготавливали из серебра, серебряных монет, бус, бисера, пуговиц, кораллов, раковин каури и др.

По мере развития товарных отношений мужская традиционная одежда стала постепенно исчезать, вытесняемая русской — деревенской, а затем и городской. Женский традиционный костюм продолжал бытовать, но в советское время в связи с широким распространением фабричных тканей, готовой одеж-

Чувашка в шейном ожерелье
из бисера

ды и городских мод многие его элементы исчезли совсем, другие вошли в состав комплексов городской одежды. В настоящее время отдельные его детали сохраняются кое-где только у пожилых женщин. В значительной степени модернизированный, без строгого сочетания входящих в него элементов, традиционный костюм используется ансамблями художественной самодеятельности. Узоры традиционной вышивки широко бытуют в изделиях прикладного искусства.

Питание поволжско-приуральских народов тесно связано с их хозяйственной деятельностью. Основу его составляют продукты земледелия и скотоводства, а в прошлом также охоты и собирательства.

Долгое время пищу готовили в котле, подвешенном над открытым очагом, поэтому в питании преобладали вареные и тушеные блюда. Самым популярным из них был суп-похлебка — постный или на мясном бульоне — с вареными кусочками теста. С распространением карто-

феля (середина XIX в.) его стали добавлять во все виды супов и похлебок. Марийцы, например, готовили в котле вареные, наподобие крупных пельменей, пироги. Татары приспособились поджаривать в котле на топленом масле различные мучные изделия. На открытом очаге готовили также жареные блюда, особенно блины.

Существенные изменения в приготовление пищи внесла духовая печь, которую обычно считают заимствованной у русских. Раньше всех «русскую» печь освоила мордва; в питании мордвы большое место занимают разнообразные мучные изделия, без которых не обходятся многие обряды и обычаи. У других народов «русская» печь не сразу вытеснила очаг с котлом. Котел стали подвешивать сбоку, на шестке «русской» печи или наглухо вмазывать в подтопок около нее.

В настоящее время питание народов Поволжья и Приуралья стало более разнообразным за счет употребления продуктов промышленного изготовления, но до сих пор сохраняются некоторые традиционные любимые блюда.

Наряду с сельскими в Урало-Поволжье существовали также городские поселения, которые начали появляться преимущественно во второй половине XVI в. после присоединения Казанского ханства к России. В этот период было построено около десятка городов, в том числе Свияжск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Царевококшайск (ныне Йошкар-Ола), Уржум, Уфа, Бирск и др. Они представляли собой опорные пункты на вновь присоединенных землях. В XVI в. самыми крупными городами были Казань и Свияжск, который в XVII в.

уступил место Чебоксарам. Население городов не было однородным по своему этническому составу. Помимо русских, составлявших абсолютное большинство, в них жили принявшие христианство и состоявшие на государственной службе немногие выходцы из чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы. Более многочисленными были «служилые татары». Этот состав населения городов был нестабильным и многие из приписанных к городам в них не проживали. В Казани стала складываться группа городских татар. К концу XVIII в. состав жителей городов стал относительно постоянным. Прослойка нерусского населения в городах (кроме Казани) продолжала оставаться незначительной. Приписанные к городским посадам марийские и чувашские крестьяне были частично ассимилированы русскими.

Казанская татарка

В XVIII в. города утратили свое оборонное значение. Бывшие городские центры постепенно сливались с торгово-ремесленными посадами. Размещение жилых и хозяйственных построек в городах было разнообразным (двусторонняя, односторонняя, беспорядочная и другие виды застройки дворов). В конце XVIII в. государство приступило к перепланировке городов.

В XIX — начале XX в. происходил рост городского населения, но по-прежнему среди горожан преобладали русские. В городах со значительным татарским населением татары-мусульмане жили обособленно, занимая отдельные части города.

С развитием промышленности в советское время начался приток в города коренного населения. Переселившись в город, бывшие сельские жители продолжали поддерживать тесную связь со своими родными деревнями. В городских условиях они, насколько это было возможно, довольно долго сохраняли многие черты деревенского быта — в семейной жизни, в соблюдении традиционных обрядов и обычаев.

Включившись в жизнь этнически неоднородной городской среды, они постепенно вращались в эту среду, в значительной степени (особенно молодежь) воспринимая городские ценностные ориентации.

В первые десятилетия советской власти города медленно меняли свой внешний вид. Повсюду продолжала преобладать деревянная застройка. В некоторых городах центральные улицы были вымощены деревянной брусчаткой, а тротуары покрыты досками.

В послевоенный период начался процесс обновления городов. Менялась их планировка, на месте старых, деревянных сооружений возводились много-

этажные дома. В новых постройках размещались административные, культурные и другие учреждения.

Помимо перестройки старых городов возникли новые города и поселки городского типа. Одновременно происходил численный рост горожан, преимущественно за счет оттока населения из сельской местности. В последние годы в некоторых республиках Урало-Поволжья городское население по численности сравнялось с сельским или превысило его.

Протекание межэтнических взаимодействий в городах региона имеет интенсивный, но в целом благоприятный характер. Так, по данным репрезентативного обследования (1990 г.), среди татар г. Казани 30% наиболее свободно владеют татарским языком, 24% — русским, а остальные 46% — обоими языками одинаково. Другое массовое обследование (2003 г.) показало, что более 93% татар — горожан Республики Татарстан имеют друзей среди лиц другой национальности.

5. Общественный и семейный быт

Народы Урало-Поволжья на протяжении веков жили сельскими соседскими общинами, состоявшими обычно из одного селения. Община была особым замкнутым миром, со своей социально-экономической структурой и своими неписаными законами. Она связывала всех крестьян круговой порукой в выполнении государственных повинностей. Община также осуществляла социальный контроль над всеми сторонами жизни входивших в ее состав крестьянских семей. В ведении общины находилось начало и окончание полевых работ, отправление аграрных и иных культов, связанных с сельскохозяйственной деятельностью, назначение опекунов сиротам, санкционирование семейных разделов, наблюдение за нравственностью общинников.

Внутри общины формировались группы семей, родственных по мужской линии — патронимии. Патронимические связи проявлялись в соседском размещении крестьянских дворов, в разных видах взаимопомощи, в обязательном участии входивших в патронимию семей во всех семейных обрядах и обычаях, в совместной организации праздников и т.п.

Наряду с малой семьей, которая была основным типом семьи, вплоть до XIX в. существовали большие, неразделенные семьи, обычно складывавшиеся путем разрастания малых семей. Эти семьи состояли из главы семьи и его женатых сыновей, а иногда и женатых внуков. В них могли входить и другие родственники — как по прямой, так и по боковым линиям родства. Такие семьи часто образовывали женатые братья, не разделившиеся после смерти отца — прежнего главы семьи. С развитием капиталистических отношений, по мере исчезновения натурального хозяйства — основного условия бытования крупных семейных коллективов, — неразделенные семьи постепенно распадались. Малая семья обычно включала супругов и их детей, а нередко также родителей и других родственников мужа, — особенно если последний был младшим сыном, который, согласно обычаю, оставался жить в доме родителей. В семейных отношениях не только большой, но и малой семьи долгое время сохранялись патриархальные порядки. При заключении браков вносили выкуп за жену, сохранялся обычай обеспечения невесты приданым.

Современная малая семья состоит из брачной пары с детьми, иногда в нее входит кто-либо из родственников мужа или жены. Узаконенное советской властью равноправное положение мужчины и женщины в обществе оказало существенное воздействие на семейный быт; семейные отношения стали чаще строиться на доверии и взаимопонимании членов семьи. В советское время в многонациональном Урало-Поволжье широкое распространение получили социально- и национально-смешанные браки.

В дореволюционный период у народов Урало-Поволжья были широко представлены многочисленные сложившиеся на протяжении веков семейные обряды и обычаи, направленные на обеспечение благополучия семьи. Свадебный обряд проводился с широким участием родственников и односельчан, так как он означал общественную санкцию брака. Существенную составляющую семейной обрядности представляли собой похоронные и поминальные обряды и обычаи, связанные с верой в загробную жизнь и с надеждой на помощь и заботу со стороны умерших родственников.

В первые десятилетия советской власти в процессе «борьбы с вредными пережитками прошлого» семейные обряды в известной степени потеряли свое значение, а некоторые исчезли (особенно родильные — в связи с развитием здравоохранения). Исключение составляют похоронные обряды, которые довольно устойчиво сохранялись. В послевоенное время стали возрождаться свадебные обряды, но они утратили многие элементы традиционной свадьбы и обрели новые. Свадьба превратилась в веселое торжество по случаю появления новой семьи.

6. Вера. Народное творчество

По религиозной принадлежности народы Урало-Поволжья делятся на христиан и мусульман. Ислам как государственная религия был принят в Волжской Булгарии в начале X в. Дальнейшее укрепление ислама происходило в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства. Мусульманами в Урало-Поволжье являются верующие среди татар и башкир.

Христианство стало распространяться в этом регионе во второй половине XVI в. после завоевания Казанского ханства. Подавляющее большинство язычников — удмуртов, чувашей, марийцев и мордвы — в течение XVIII в. подверглось принудительному обращению в православие (за исключением восточных марийцев, так и оставшихся язычниками). Православие наиболее укоренилось среди мордвы, так как та проживала чересполосно с русскими и на территории ее расселения основывались монастыри и строилось много церквей. Принявшие православие не отказались полностью от веры своих предков и, несмотря на преследования церкви, продолжали соблюдать свои дохристианские обряды. Так сложился религиозный синкретизм (смешение культов), весьма типичный для верований народов местного края. Из языческих верований наибольшее распространение имели аграрные культы и культ предков. Аграрные культы, кроме *праздника плуга*, проводившегося в начале или конце пахоты, были связаны у финноязычных народов с жертвоприношениями домашних животных языческим богам в благодарность за урожай.

Проявления культа предков ярче всего выступают в обряде поминок на сороковой день после смерти. У марийцев и мордвы, например, в этом обряде роль умершего нередко играл живой человек. Старики обычно договаривались между собой, кто будет их «заместителем» на сороковинах. За «покойником» ездили на кладбище, там же приглашали всех предков «прийти» на эти поминки, которые проводились весело, сопровождаясь игрой на волынке и плясками. Во время поминок «заместителя» покойного расспрашивали о жизни умерших родственников на том свете.

В советское время, несмотря на уничтожение монастырей и церквей в ходе борьбы с религией и активную атеистическую пропаганду, до конца не удалось преодолеть приверженность местного населения к религии. Марийцы, например, тайно, в лесу совершали небольшие жертвоприношения языческим богам (преимущественно по случаю болезни родственников). А некоторые мордовские женщины, не имея возможности окрестить ребенка в церкви, совершали этот обряд сами, без участия священника.

В постсоветское время религия начала возрождаться, ислам и православие получили значительное распространение, имеют место попытки возродить и язычество. Так, луговым и восточным марийцам удалось воскресить некоторые языческие обряды.

Традиционное народное искусство народов Урало-Поволжья носило, как правило, прикладной характер. Широкое распространение имела резьба по дереву, которой украшали домашнюю утварь (вырезанные из дерева ковши и черпаки в форме птиц или коней; изящные ручки ковшей для кумыса у башкир и т.п.). Декором в виде глухой, а позднее и пропиленной (сквозной) резьбы покрывали жилища, прежде всего карнизы, наличники окон и ворота.

Чуваши ставили на могилах антропоморфные памятники из дерева (бревно с вырезанной личиной наверху).

Древнейшими видами башкирского изобразительного искусства были тиснения на коже; чеканка серебром по железным пластинам, прикреплявшимся к конской сбруе, колчанам и налuchьям, что было связано с древнейшими традициями кочевых племен; аппликация, узоры которой вырезали из цветного сукна и нашивали на задники женской обуви и на верх мужских чулок.

У татар существовало искусство кожаной мозаики, которая применялась при изготовлении обуви из цветного сафьяна — ичигов и туфель. Татары занимались также узорным ткачеством с использованием различной техники — браной, закладной и др. Имелись среди них и ремесленники-ювелиры.

Служители языческих культов у чувашей изготавливали небольшие тряпичные куклы в традиционной одежде, изображавшие богинь — покровительниц домашнего очага, скота и др.

Всем народам Урало-Поволжья было известно искусство вышивки. Оно было больше распространено у финноязычных народов, меньше — у татар и башкир. Вышивкой покрывали различные вещи, особенно богато украшали ей традиционную женскую одежду. Использовались различные виды швов — косая гладь (преимущественно у финноязычных народов), стебельчатый, тамбурный швы (последний преобладал у татар и башкир). Вышивали холст по счету нитей. Сначала наносили контур узора черными нитями, затем его заполняли цветными нитями. Марийки и мокшанки владели техникой вышивания с изнанки.

Применяли различные виды орнамента: геометрический, растительный и зооморфный (последний татары и башкиры, будучи мусульманами, не употребляли). У финноязычных народов для каждого элемента одежды существовали определенные узоры вышивки.

Устное творчество народов Урало-Поволжья было представлено многочисленными жанрами, среди которых выделялись героический эпос, разнообразные сказки (богатырские, волшебные, сказки-легенды, бытовые, о животных), песни, пословицы, поговорки, загадки и др.

Героический эпос в большей степени был характерен для башкир, у которых существовали героические поэмы о *батырах* (богатырях), народных героях. Многие батыры уже забыты, но до сих пор в народной памяти живет последний батыр — Салават Юлаев. Воспевается его мужество, бесстрашие, героизм в борьбе за свободу народа против эксплуататоров.

В устном творчестве татар сложился особый лиро-эпический жанр — *баиты*, содержащие исторические и другие события, преимущественно трагического характера, например, о разрушении Булгара, о восстании Емельяна Пугачева, об Отечественной войне 1812 г. и др.

Разнообразны народные музыкальные инструменты: духовые, ударные, смычковые, струнные. У башкир, например, был широко распространен *курай* (духовой инструмент), у татар — *гармоника*, у марийцев (особенно горных) — *гусли*. В наше время во всех республиках созданы оркестры народных инструментов и ансамбли народных песен и танцев.

7. Города и профессиональная национальная культура

Организация в первой четверти XX в. национальных автономий в Урало-Поволжье создала благоприятные условия для развития местных культур народов данного региона. В республиках возникли высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, что способствовало быстрому росту национальной интеллигенции, занятой в различных отраслях хозяйства и культуры.

Существенную роль в усилении межэтнических взаимодействий сыграли и продолжают играть города, особенно современные столицы республик — Казань (Татарстан), Уфа (Башкортостан), Йошкар-Ола (Марий Эл), Чебоксары (Чувашия), Саранск (Мордовия), Ижевск (Удмуртия). Поначалу они формировались как русские поселения (кроме Казани); усложнение этнического состава их населения (как и увеличение доли городского населения республик Урало-Поволжья за счет представителей местных народов) — явление XX в. Особое место занимала Казань — в прошлом столица Казанского ханства, затем центр Казанской губернии, ныне — столица Республики Татарстан. До середины XVI в. она была преимущественно татарским городом. Доля татар в населении Казани оставалась заметной и позднее. Это способствовало большей устойчивости татарского этноса по сравнению с другими этносами Урало-Поволжья. В наши дни большая интенсивность межэтнических взаимодействий в городах региона (по сравнению с сельской местностью) выражается и в увеличении доли национально-смешанных семей, достигшей пика в 1960—1970-е гг. (до 20—25% общего числа семей).

Профессиональная культура в республиках Урало-Поволжья достигла высокого уровня. Выходцем из мордовской деревни был скульптор с мировым именем Степан Эрзя (1876—1959). Его настоящая фамилия — Нефёдов, а псевдоним, под которым он известен всему миру, — это этноним народа, к которому он принадлежал. Эрзя долго работал в Аргентине, где использовал в качестве материала для своих знаменитых скульптурных фигур редкие виды дерева. Художник любил создавать портреты представителей разных народов, среди которых есть и портреты его земляков.

Один из видов вклада в культуру — работа в области науки. Удмуртская исследовательница Л.С. Христоролюбова собрала сведения об удмуртах-ученых. Оказалось, что этот небольшой по численности народ выделил из своей среды свыше 400 научных работников, работавших или работающих в различных отраслях науки в самой Удмуртии или за ее пределами.

Марийский народ прославили такие деятели культуры, как композиторы Яков (отец) и Андрей (сын) Эшпаи. Я. Эшпай стал основоположником марийского профессионального музыкального искусства. На протяжении всей жизни он собирал и издавал марийские народные песни, которые благодаря ему получили известность в мире. А. Эшпай, продолжая дело отца, создал, опираясь на музыкальный фольклор, много ярких музыкальных произведений.

Заметный вклад в развитие российской науки внес уроженец Чувашии Н.Я. Бичурин (в монашестве Иакинф, 1777—1853) — выдающийся китаевед, знаток китайского языка, переводчик на русский язык классических памятников китайской письменности. К классикам чувашской поэзии причисляют К.В. Иванова (1890—1915).

Широкую известность получило имя Мусы Джалиля (1906—1944), татарского поэта, автора «Моабитской тетради», погибшего в фашистских застенках.

Далеко за пределами Башкирии известны имя и произведения современного уфимского писателя Мустая Карима.

7. Калмыки

Калмыки (самоназвание *хальмг*) населяют преимущественно Республику Калмыкию. Отдельные их группы живут в Ставропольском крае, Ростовской, Астраханской, Волгоградской, Оренбургской областях, Западной Сибири, а также в Казахстане и Средней Азии.

По расовой принадлежности они относятся к центральноазиатскому антропологическому типу большой монголоидной расы. Язык калмыков входит в монгольскую группу алтайской языковой семьи.

По происхождению калмыки принадлежат к западным монголам-*ойратам*. В XV в. они жили на северо-западе Монголии. Часть ойратов, в которую входили преимущественно племена *дербетов*, *торгутов* и *хошеутов*, в конце XVI в. в поисках новых пастбищ проникла в Сибирь, а к началу XVII в. продвинулась на запад вплоть до Дона. Эти ойраты стали известны русским под именем калмыков.

К середине XVII в. завершилось добровольное присоединение калмыков к Русскому государству. Завершение их формирования как обособленного этноса происходило уже в составе России. Помимо различных ойратских групп

Калмычка с детьми у летней печи. Фото начала XX в.

он вобрал в себя часть местного населения, например из числа тюркоязычных жителей Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Внутри калмыцкого этноса продолжали сохраняться этнические группы дербетов, торгутов и хошеутов. На Дону сложилась группа калмыков-казаков, известная под именем *бузава*.

Основным занятием калмыков в прошлом было кочевое скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и двугорбых верблюдов. Калмыки, имевшие мало скота или совсем его не имевшие, занимались рыбным промыслом (в низовьях Волги и на Каспийском море).

По мере сокращения пастбищ часть калмыков постепенно переходила к земледелию. Землю возделывали не только бедные, но и богатые, перенимая навыки этой отрасли хозяйства и орудия труда у соседей-русских.

В XX в. скотоводство получило дальнейшее развитие; в некоторых районах практиковали отгон овец на зимние пастбища. Новым явлением стало разведение каракулевых овец и отчасти свиней.

С развитием разных видов промышленности калмыки составили значительную часть рабочего класса и интеллигенции республики.

При кочевом образе жизни жилищем калмыкам служила покрытая войлоком *кибитка* — юрта монгольского типа с коническим верхом. Обычно несколько родственных семей ставили свои кибитки по кругу, образуя временное поселение — *хотон*. С 30-х гг. XIX в. кибитки были постепенно вытеснены саманными, а у богатых людей — деревянными жилищами.

Хозяйственные преобразования в советское время способствовали полному переходу калмыков к оседлости. Они стали строить добротные саманные или каркасно-камышевые дома на кирпичном или каменном фундаменте. Внутреннее убранство домов постепенно стало таким же, как и у русских.

Традиционной пищей у калмыков выступали разнообразные молочные продукты, включая кумыс (слабоалкогольный напиток из кобыльего молока),

мясные и в меньшей степени мучные изделия, а также калмыцкий чай (*джомба*), который приготавливали из прессованного чая с добавлением молока, сливочного масла, соли и мускатного ореха. Пищу — включая чай — готовили в чугунном котле. С переходом к оседлости и развитием земледелия питание калмыков стало более разнообразным. Оно пополнилось овощами и фруктами, многими блюдами, перенятыми у соседних народов.

Традиционный калмыцкий костюм изготавливался из покупных тканей и обработанных домашним способом овчин. Натальной женской одеждой служили хлопчатобумажные рубахи и штаны. Девушки поверх белья носили заимствованный у северокавказских народов сильно стягивавший талию и грудь лиф (камзол). На него надевали длинные платья из ярких хлопчатобумажных, шелковых или шерстяных тканей. До талии оно было узким, а к низу — расширялось, к нему надевался пояс с металлическими накладками. Праздничным нарядом женщин служила длинная распашная одежда и распашная безрукавка такой же длины.

Девушки заплетали волосы в одну косу, а женщины — в две и спускали их на грудь. На косы надевались чехлы из черной шерстяной или шелковой ткани.

Традиционный головной убор как мужчин, так и женщин имел пришитую к макушке красную кисть. Украшениями женщинам служили кольца из разных металлов и серьги-подвески. Мужчины нередко носили одну серьгу в левом ухе.

Зимней одеждой служили шубы из овчины. Богатые люди свои дорогие меховые шубы покрывали сверху шерстяной или шелковой (у женщин) материей.

В первые десятилетия XX в. у калмыков еще сохранялся традиционный костюм, но многие уже перешли на покупную одежду, как у русских. В советское время традиционную одежду вытеснил городской костюм.

Ко времени их включения в состав России преобладающей формой семьи у калмыков была малая моногамная семья. Браки между близкими родственниками по мужской линии не допускались, но по женской — не воспрещались. В семейном быту царили патриархальные порядки. Браки заключались только по воле родителей. За невесту получали выкуп, но семья должна была снабдить ее приданым. Положение женщины было бесправным. Она не могла садиться за стол в присутствии гостей, называть по имени мужчин — родственников мужа. Ей надлежало всегда носить полный традиционный костюм — обнаженными могли оставаться только лицо и кисти рук. Женщина не имела голоса в семейных делах, не могла присутствовать на сельских сходах. Ее роль в семье ограничивалась ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. При советской власти женщины были уравнены в правах с мужчинами. У них появилась возможность получать образование, профессию, участвовать в общественной жизни. Патриархальный уклад семейной жизни ушел в прошлое.

В XIX в. калмыцкие семьи были многодетными. В современных условиях стремление к многодетности встречается редко.

В жизни калмыков немалую роль играла религия — *буддизм (ламаизм)*. На территории их расселения было много ламаистских монастырей, владевших огромными стадами скота. По обычаю каждая калмыцкая семья должна была отдать в монастырь мальчика с семилетнего возраста, где его готовили

стать монахом. Ламаистские священники вмешивались во все стороны жизни семьи, занимались лечением заболевших.

В середине XVII в. калмыки получили письменность на родном языке. Ученый монах, просветитель ойратов Зая Пандита создал на основе старомонгольской письменности калмыцкий алфавит, который использовался до 1924 г., когда был заменен алфавитом, построенным на основе русской графики.

Как и другие народы, калмыки обладают богатым фольклором. Особенно известен калмыцкий героический эпос «Джангар», сложившийся, как полагают, в XV в. Многочисленные стихи из этого эпоса исполняли народные сказители.

У калмыков возник и до сих пор сохраняется своеобразный фольклор — стихотворные благопожелания. С пожеланиями добра и благополучия людям выступают на праздниках.

Народное изобразительное искусство калмыков носило преимущественно прикладной характер. Бытовые вещи украшали росписью, вышивкой, тиснением, резьбой, чеканкой, чернением.

В советское время у калмыков получили развитие национальное профессиональное искусство, поэзия, литература, музыка, театр.

СИБИРЬ: РЕГИОНЫ, ЭТНОСЫ, КУЛЬТУРЫ

1. Народы, расы и их размещение

Сибирь вместе с Дальним Востоком составляет около двух третей территории России и располагает огромными природными ресурсами (включая полезные ископаемые). Занимая до 40% площади Азии, Сибирь чрезвычайно разнообразна по своим природным условиям и до последнего времени, пока не была освоена индустриальной культурой, представлялась областью далекой и таинственной, населенной экзотическими по хозяйственному облику и образу жизни народами, рассеянными среди бескрайних и редко населенных людьми пространств. Плотность населения в Сибири и сейчас много ниже, чем в Европейской России. Здесь проживает немногим более пятой части населения страны. Большинство жителей — русские, с конца XVI в. осваивающие землю за Уралом, а также украинцы, белорусы и представители других народов европейской части.

На долю *автохтонных* народов Сибири и Дальнего Востока приходится вместе приблизительно 1,5 млн человек, или менее 5% населения края. Однако предкам этой части населения Сибири принадлежит заслуга первооткрытия ее необъятных пространств, освоения их человеком, создания ярких, оригинальных и самобытных культур, адаптированных к наиболее сложным для жизни районам ойкумены. Без их своеобразного и во многом уникального хозяйственного опыта и культурных достижений едва ли было бы возможно последующее освоение Сибири и Дальнего Востока торгово-промышленной цивилизацией. Важны и до сих пор не теряют актуальности культурные достижения сибиряков в области жизнеобеспечения. А значит, знание истории возникновения культур автохтонного населения сохраняет не только научный, но и практический интерес.

В Сибири и на Дальнем Востоке проживают свыше 30 автохтонных этносов. По лингвистической классификации большая их часть относится к алтайской семье языков, ко всем трем ее ветвям: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. В южных регионах Сибири (Прибайкалье и Забайкалье) обитает единственный здесь представитель ее монгольской ветви — *буряты*, самый крупный из коренных народов Сибири (445 тыс.). Второй по численности народ относится к тюркской ветви: это *якуты* (самоназвание — *саха*, 444 тыс.), живущие на средней Лене и по ее притокам и расселившиеся на большой территории Восточной Сибири. К тюркам относятся также *тувинцы* (243 тыс.), *хакасы* (76 тыс.), *алтайцы* (67 тыс.), *тофалары*, или *карагасы* (1 тыс.), *шорцы* (14 тыс.), *чулымцы* (около 0,7 тыс.). Все эти народы обитают на юге Сибири, в области Саяно-Алтайского нагорья. На севере Средней Сибири, на границе Таймырского автономного округа и Якутии, живут *долганы* (7,3 тыс.), язык которых мало отличается от якутского, а в средней полосе Западной Сибири обитают *сибирские татары* (тобольско-ишимские, барабинские, томские), тюркоязычный народ, численность которого около 190 тыс. человек. У истоков Оби и по притокам ее верхнего течения живут тюркоязычные *кумандинцы*

Буряты в национальных костюмах

и *телеуты*, которых раньше включали в состав алтайцев, ныне же эти небольшие народы (по 3 тыс. каждый), сохранившие собственное название и самосознание, считаются самостоятельными малочисленными этносами юга Сибири.

Из народов тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи на территории Сибири, в восточной ее части, обитают *эвенки* (35 тыс., старое название — *тунгусы*) и *эвены* (19 тыс., ранее именовавшиеся *тунгусами*, или *ламутами*). Другие родственные им народы проживают на территории Приамурья и Приморья Дальнего Востока России.

Шесть народов Сибири относятся к уральской семье языков. К ее угорской ветви принадлежат *ханты* (29 тыс., старое название — *остяки*) и *манси* (11,6 тыс., старое название — *вогулы*), ближайшие родственники по языку дунайских венгров. Самодийскую ветвь уральской семьи представляют *ненцы* (41,5 тыс., старое название — *самоеды*), из которых около трети живут в европейской части, на севере Архангельской обл., а остальные на севере Западной Сибири и на Таймыре, *энцы* (0,3 тыс.), *селькупы* (4,4 тыс.) и *нганасаны* (0,9 тыс.).

Один из малочисленных этносов Средней Сибири — *кеты* (1,9 тыс., часть из них живет в устье Подкаменной Тунгуски, другая в тайге левобережья Енисея). Кеты — последние представители некогда большой семьи языков — енисейской, позднее ассимилированной сибирскими тюрками и русскими.

Языки *юкагиров* (1,5 тыс.) и родственных им *чуванцев* (1,3 тыс.), живущих между Колымой и Чукоткой, традиционно относили к *палеоазиатским* (или *палеосибирским*), но лингвисты обнаруживают в языке юкагиров уральский субстрат очень древнего происхождения и некоторые из них относят юкагирский язык к уральской семье.

Антропологические характеристики коренного населения Сибири довольно разнообразны: это и различные варианты типов, переходных от европеоидов к монголоидам, и несколько типов монголоидов. При этом в составе одного народа, даже немногочисленного, нередко встречаются носители разных типов. Тюркоязычные народы Южной Сибири относятся в основном к южносибирским монголоидам, у которых монголоидные признаки (эпикантус, выступающие скулы, уплощенность лица, жесткость и жгуче-черный цвет волос) выражены не столь сильно, как у представителей других типов. Отчетливо выражены такие признаки у представителей североазиатской малой расы, часто встречающихся среди тувинцев, южноалтайских групп, а также бурят и якутов.

Ненцы — отец и сын

В таежной и тундровой полосе Западной Сибири, у хантов, манси, ненцев, селькупов и кетов, преобладает уральский антропологический тип (уральская малая раса), характерный смешением европеоидных и монголоидных черт. Уральские черты отмечаются и у северных алтайцев, шорцев, сибирских татар. Среди антропологов существует и другая точка зрения относительно происхождения уральских антропологических особенностей. Некоторые придерживаются мнения, что уральские черты — не результат давнего смешения европеоидов и монголоидов, но следствие сохранения древнего недифференцированного расового типа, сочетавшего морфологические европеоидные и монголоидные признаки как бы изначально.

К востоку от Енисея среди автохтонного населения монголоидные признаки полностью преобладают. У эвенков, эвенов, юкагиров, тунгусоязычных народов Приамурья и Приморья одним из распространенных расовых типов является бай-

кальский: лицо плоское и высокое, скулы широкие, переносье утоплено, волосы не очень жесткие и более светлых оттенков, чем у центральноазиатских монголоидов (хотя у некоторых из названных народов есть и носители центральноазиатских черт). К древнему амуро-сахалинскому типу, который сложился

Эвенки. Караван вьючных оленей переходит реку

в результате этногенетического взаимодействия североазиатских и тихоокеанских антропологических популяций, относятся нивхи. Особую арктическую монголоидную расу второго порядка (видимо, результат взаимодействия каких-то древних северных насельников материковой части с приморскими и берингоморскими группами) являет физический облик народов Камчатки и Чукотки — чукчей, коряков, ительменов, эскимосов и алеутов.

Если обратиться к хозяйственно-культурной группировке, то в истории местных народов Северной Азии обычно выделяют 8 традиционных хозяйственно-культурных типов (некоторые из них сохранились частично в измененном виде): а) пешие охотники и рыболовы таежной и лесотундровой зоны (часть хантов и манси, не имевших оленей, южные селькупы, кеты, юкагиры, удэгейцы); б) охотники на дикого оленя Субарктики (нганасаны, тундровые энцы, часть юкагиров); в) оседлые рыболовы в низовьях больших рек — Оби, Амура, в долине р. Камчатки (ханты, манси, часть ненцев, нивхи, нанайцы, ульчи, негидальцы, ительмены); г) охотники-оленьеводы тайги и лесотундры (эвенки, эвены, долганы и северные якуты, тофалары, тувинцы-тоджинцы); д) оленьеводы тундровых районов Сибири (ненцы, оленные чукчи и коряки); е) охотники за морским зверем на побережье Камчатки, Чукотки и островах Берингова и Чукотского морей (береговые чукчи и коряки, эскимосы, алеуты); ж) скотоводы и охотники Алтая и Саян (часть алтайцев, шорцы, часть хакасов, тувинцев, бурят); з) скотоводы и земледельцы Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья (сибирские татары, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты, якуты).

В рамках историко-этнографического районирования пространство Сибири и Дальнего Востока подразделяют на пять историко-этнографических областей

(ИЭО): 1) Западно-Сибирскую, состоящую из двух подобластей, таежной и тундровой (Ямало-Таймырской). В первой расселены ханты, манси, селькупы, сибирские татары, лесные (лесотундровые) группы ненцев и энцев, кеты. Во второй обитают ненцы, тундровые энцы, нганасаны, долганы и северо-западные группы эвенков; 2) Южно-Сибирскую, куда входят территории Алтае-Саянского нагорья, включая горные, степные, лесостепные и горно-гольцовые районы, Прибайкалье и Забайкалье. Здесь расселены алтайцы, телеуты, кумандинцы, шорцы, чулымцы, хакасы, тувинцы, тофалары и буряты; 3) Восточно-Сибирскую, занимающую огромные пространства с преобладанием тайги и лесотундры и составляющую ареал обитания эвенков, эвенов, якутов, юкагиров, части долган и кетов Подкаменной Тунгуски. Две ИЭО относятся к Дальнему Востоку России: 4) Чукотско-Камчатская и 5) Амуро-Сахалинская. В первой обитают чукчи, коряки, ительмены, часть эвенов, эскимосы и алеуты, во второй — нивхи, нанайцы, негидальцы, ульчи, ороки, орочи и удэгейцы.

2. Из этнической истории

Сложная картина переплетения языковых, хозяйственно-культурных и антропологических корней современных народов Сибири находит объяснение в их этногенезе и истории культуры.

Заселение Сибири человеком началось в палеолите. Здесь (на Алтае, в Приморье) сделаны единичные находки грубых каменных орудий, которые могли быть изготовлены архантропами. К верхнему палеолиту относятся уже сотни стоянок людей современного вида, занимавшихся охотой на крупных животных (мамонта, шерстистого носорога, копытных). В одной из них (Афонтова гора под Красноярском) найдены фрагменты черепа человека, свидетельствующие о том, что население имело монголоидный облик.

В Сибири обнаружены многочисленные стоянки мезолитического времени. В неолите по всей Сибири уже широко распространились лук и стрелы, шлифованные ножи и топоры. В эту же эпоху здесь была одомашнена собака. В неолите вместе с очевидным прогрессом в технике изготовления каменных орудий появляется выраженная хозяйственно-культурная специализация способов жизнеобеспечения. Возникают сразу несколько очагов расселения со своей спецификой быта, многие появились почти синхронно, но самостоятельно, под влиянием сходных природных условий, например культуры оседлых рыболовов на реках, богатых проходной нерестовой рыбой (на нижней Оби, в низовьях Амура, на р. Камчатке), где отмечены такие сходные черты, как относительно крупные поселения по берегам рек с жилищами земляночного и полуземляночного типа, широкое использование дерева для постройки лодок, изготовление из ремней и растительных волокон сетей и строительство изгородей на реках (так называемых запорных сооружений) для добычи рыбы, разные способы ее заготовки впрок, появление ездового собаководства.

Другим специализированным очагом неолитической культуры стали таежные районы Прибайкалья, включая течение Ангары, где с IV по II тыс. до н.э. жили племена, которые вели комплексное охотничье и рыболовецкое хозяйство. В стоянках III тыс. до н.э. обнаружен самый древний в мире сложный лук с накладными пластинами из рога лося, существенно увеличивающими

силу и дальность выстрела. Преемственность в основных элементах хозяйства и культуры сохранялась вплоть до эпохи раннего металла (энеолита). Типологически сходные черты культуры и быта распространялись из Прибайкалья на соседние территории среднего Енисея и бассейн Лены в Якутии. Возможно, все эти племена были близки друг другу не только в хозяйственном, но и в этноязыковом отношении. В таежной Якутии преобладало сочетание охоты и рыболовства, но в поселениях по берегам многочисленных богатых рыбой озер рыболовство выходило по значимости на первое место.

В неолитическую эпоху прибайкальские племена, вероятно, имели контакты также с населением верхнего и среднего Амура, где тоже преобладала охота в сочетании с рыболовством.

В среде охотников и рыболовов Западной Сибири в неолите наметилось некоторое размежевание. Часть обитателей таежного Зауралья была близка по культурному облику и происхождению племенам ямочно-гребенчатой керамики Востока Европы. Другая часть жителей лесостепей и тайги от Южного Урала до Енисея имела определенную культурную близость с населением приаральских степей кельтеминарской культуры, тоже охотниками и рыболовами.

Данные археологии и палеоэтнографии свидетельствуют о том, что специализированное хозяйство возникло в неолите даже в самых суровых субарктических широтах Сибири. В тундровых и лесотундровых районах обитало население, главным источником существования которого была охота на дикого северного оленя. Очень немногочисленное, это население занимало обширные пространства от Кольского п-ова до Чукотки.

Большинство специалистов считают, что Западная Сибирь и Южное Зауралье были территорией становления этносов, говоривших на языках уральской семьи. Возможно, именно неолитическая специализация культур дала начало разделению древнейших уральцев на протофиннов, протоугров и протосамодийцев. Регионом обособления финноязычной ветви стало европейское Приуралье и Поволжье, угроязычные этносы формировались, вероятно, в области Южного Урала и Зауралья, включая юг Западной Сибири (не исключено, что к их генезису были причастны упомянутые выше кельтеминарские племена). В позднем неолите предки самодийцев мигрировали далеко на восток, до Южной Сибири и Присаянья. Племена Прибайкалья и Восточной Сибири, напротив, скорее всего относились к неолитическим предкам народов, говоривших на палеоазиатских языках.

Крупные изменения в жизнь древних обитателей Сибири внесло начало эпохи металлов: в III тыс. до н.э. на юге Сибири появляются пастушеские племена *афанасьевской культуры* выраженного европеоидного облика, пришедшие с запада. Они жили здесь до начала II тыс. до н.э. Около XVI в. до н.э. Сибири достигла новая миграционная волна с запада — европеоидные *андроновские племена*, занявшие обширные территории степей и лесостепей от Урала до Енисея, включая долины среднего Иртыша и Оби с их притоками.

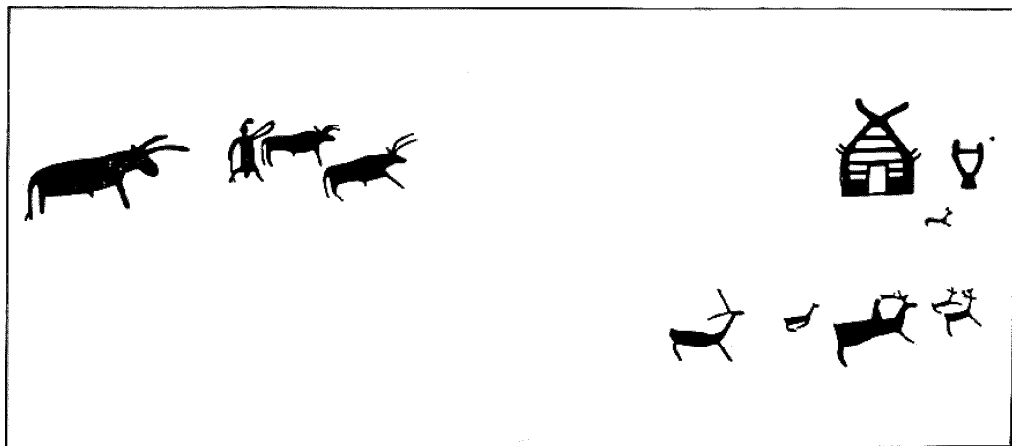
XIII—X вв. до н.э. — период расцвета бронзолитейной техники — связаны с приходом с запада и юга также европеоидных племен скотоводов и земледельцев *карасукской культуры*. В I тыс. до н.э. на Саяно-Алтайском нагорье и в сопредельных районах существовали яркие археологические культуры поздней бронзы, переходящие в ранний железный век, в основе хозяйства которых было пастушеское скотоводство.

В науке существует немало гипотез об этноязыковой принадлежности носителей этих самобытных и высокоразвитых культур, предположительно индоевропейских по языку, косвенными подтверждениями чего служат данные топонимии (в частности, гидронимии). В орбиту влияния носителей новых видов производящего хозяйства были втянуты местные (аборигенные) племена. Синхронно с афанасьевцами и в соседстве с ними жили племена *окуневской культуры*, хозяйство и быт которых были во многом сходны, но окуневцы имели монголоидный или смешанный монголоидно-европейский облик. Несомненно влияние на автохтонных обитателей Сибири также андроновцев и карасукцев.

Важные для дальнейшего этногенеза народов Сибири процессы наметились с переходом от эпохи бронзы к раннему железу. В этот период южными соседями скотоводов Алтая, Тувы и Минусинской котловины, причисляемых многими исследователями к кругу скифо-сарматских или скифо-сибирских культур, были близкие по типу хозяйства племена Центральной Азии, у которых железный век наступил несколько ранее. Часть их известна под именем *сюнну*, или *хунну*; по-видимому, это были ранние *тюрки*. В целом прародиной алтайской семьи служила, вероятно, территория Центральной Азии. Юг Сибири входил в ее северную периферию, в частности, Забайкалье, верховья Амура, Маньчжурия относились к ареалу первоначального обособления тунгусоязычных народов.

Рубеж новой эры — время усиления миграционной активности тюрок и распространения этих племен в Южную Сибирь, что сопровождалось как вытеснением ираноязычных скотоводов и их миграцией на запад, так и смешением и синтезом населения и культурных традиций. Наглядные примеры такого синтеза — памятники так называемой *шурмакской культуры* на верхнем Енисее (II в. до н.э. — V в. н.э.) и *таштыкской культуры* в бассейне среднего Енисея, Абакана и Чулыма (I в. до н.э. — V в. н.э.).

Таким образом, в Южной Сибири динамика межэтнических взаимодействий была особенно велика. Здесь в пределах верхнего и среднего течения

Древнейшее изображение домашнего оленя. II—I вв. до н.э.
Большая Боярская писаница (фрагмент прорисовки). Бассейн среднего Енисея

Иртыша, Оби и Енисея контактировали носители иранских, енисейских, угорских, самодийских и тюркских языков, в Прибайкалье и Забайкалье — тюркских, монгольских, палеоазиатских и тунгусских. В этом взаимодействии рождались очень важные культурные достижения. Это касается не только техники бронзовой и железной металлургии, но и многих других элементов жизнеобеспечения (например, domestikации оленя и возникновения домашнего оленеводства).

Наиболее древние вещественные свидетельства о домашнем оленеводстве относятся к области Саянского нагорья и датируются рубежом нашей эры (в Туве и Хакасии). По-видимому, одомашнивание оленя и использование его в качестве транспортного животного впервые осуществилось в кругу охотничьих племен, живших по соседству со степными скотоводами в районах присаянской горной тайги, где использование лошади было невозможно. Предполагают, что это произошло по примеру и под влиянием коневодства, а среди первых «изобретателей» оленеводства были предки самодийских народов и, возможно, предки тунгусов (эвенков и эвенов). Отсюда, с юга Сибири, первые из них (самодийцы) распространили оленеводство по всей Западной Сибири и на Европейский Север России, вторые (тунгусы) — на северо-восток вплоть до Чукотки и на восток до Приамурья и Сахалина.

Таким образом, основы для дальнейшей культурной динамики и культурного синтеза в области способов жизнеобеспечения, форм социальной жизни и духовной культуры населения Сибири, бесспорно, были заложены еще в глубокой древности. Однако колоссальные пространства Сибири и наличие на ее просторах множества специфических природно-климатических зон сообщили ходу этнической истории и протеканию этнокультурных процессов чрезвычайное разнообразие и локальное своеобразие на конкретных территориях.

3. Народы и культуры Западно-Сибирской историко-этнографической области

Западная Сибирь — территория к востоку от Уральских гор до долины Енисея — одна из самых больших низменных равнин мира с богатейшими природными ресурсами.

Сибирское Зауралье входило в древний ареал становления народов уральской семьи языков. Его обитатели создали хорошо приспособленные к здешним условиям высокоэффективные способы хозяйствования на базе охоты, рыболовства или их сочетания уже в неолите. В эпоху ранних металлов южно-сибирские степи и лесостепи стали областью становления скотоводческо-земледельческих культур и интенсивных миграционных перемещений, а также культурных влияний, достигавших и отдаленных северных районов бассейна Оби. Многие проблемы генезиса современных народов Западной Сибири остаются дискуссионными. Становится очевидным, что и обские угры, и самодийцы, и тюрки — народы сложного состава и происхождения, а культурно-хозяйственные характеристики как народов в целом, так и их отдельных частей и групп, весьма подвижны. Например, в формировании обских угров — манси и хантов — участвовали как группы древнего аборигенного происхождения, восходящие к племенам ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (рыболовов и охотников тайги), так и племена, пришедшие в лесные районы позднее из южных степей и лесостепей. Предполагают, что это были носители угорских языков,

знакомые со степным скотоводством (конеководством и разведением крупного рогатого скота), вступившие на юге Урала в контакт с ираноязычными кочевниками и подвергшиеся их влиянию.

В новых условиях пришельцы с юга вынуждены были перенять у аборигенного населения его способы жизнеобеспечения, передав ему, разумеется, и ряд своих традиций (особенно в верованиях и культах, военном искусстве и т.п.). В результате этого взаимодействия получил преобладание угорский языковой компонент и сформировалась основа современных культур хантов и манси.

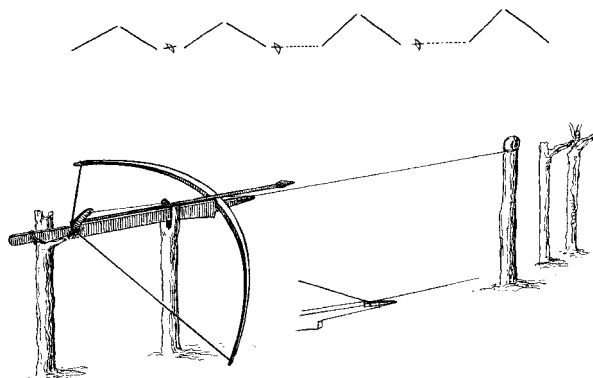
Однако субстратные компоненты — предшественники угров — тоже не были едины в языковом отношении. Так, в восточной части среднего Приобья кетский компонент был, вероятно, более ранним, за ним следовал самодийский, более поздним оказывается угорский. Носители разных языков проявляли близость друг с другом по хозяйственно-культурному типу. Например, по сведениям археологии, в так называемой *кулайской культурной общности* эпохи раннего железа в таежном междуречье Оби и Енисея (V в. до н.э. — V в. н.э.) в одних областях могли обитать предки угров, в других — самодийцев, в третьих — кетов.

Данными раскопок четко зафиксирована тюркская инфильтрация в среду местных охотничьих племен пограничья леса и степи (предположительно самодийских и кетских) в VI—VII и IX—X вв. н.э. Это не могло не вызвать в свою очередь усиления передвижения самодийцев и кетов в тайгу Приобья и далее на север.

Уже в течение I тыс. н.э. самодийцы достигли северных широт в нижнем Приобье и Приуралье. Русским источникам «самоядь», как и «югра», известна на Северном Урале с XI в. Первые самодийцы здесь оставались еще народом безоленным, пользовались собачьими упряжками. Но историческая память ненцев стойко сохраняет предание об их предшественниках-протоуральцах, именуемых «сиртя» (или «сихиртя»). Один из главных компонентов состава самодийских пришельцев носил этноним «сомату»: именно от него произошло наименование «самоядь», «самоеды» в русском языке (в настоящее время «сомату» сохранились как одно из подразделений тундровых энцев на Таймыре). Оленные же группы самодийцев — выходцев из Присаянья достигли севера позднее, к середине II тыс. Оленеводство имело тогда только транспортное направление. Пищу давала продукция охоты и рыболовства.

Так, постоянно видоизменяясь, складывалась система расселения и хозяйствования в тайге и тундре. Она зависела прежде всего от широтной зональности, с характерной для нее сменой особенностей флоры и фауны. Например, в припойменных районах среднего течения Оби и нижнего Иртыша у хантов и манси, у приобских селькупов преобладала рыболовецкая ориентация хозяйства. Но она дополнялась промыслом таежной дичи, копытных, мелкого зверя (в особенности зимой), собиранием кедрового ореха и ягод.

Самым важным периодом хозяйственного года был летний лов во время хода рыбы на нерест. Для этого еще до вскрытия рек ото льда промысловики переезжали из зимних селений в летние поселки на берегу (до 10 и более домов). Здесь сооружались запоры («вары») для добычи рыбы, большая часть улова заготавливалась впрок (вялилась, сушилась). Добывали рыбу также сетя-

Самострел, охотничье приспособление народов
таежной зоны Западной и Средней Сибири

ми и неводами. На средней Оби в таких поселках собиралось до 20 промысловиков с семьями, на нижней — до 40. Период лавинообразного хода рыбы в низовьях короткий — неделя или несколько дней. На средней же Оби период интенсивного лова (когда рыба «гуляет») растянут до 1—1,5 мес.

На зиму «летние» группы распадались, разъезжаясь семьями по мелким поселкам (от одного до пяти домов), где каждая семья самостоятельно вела подледный лов рыбы, охотилась на боровую дичь, лося, пушного зверя. Иногда несколько охотников собирались для охоты на лося (загоном) или на медведя.

Иной характер имело промысловое хозяйство хантов, манси и селькупов в глубинных районах тайги (среднее течение и верховья притоков Оби, Иртыша, Тобола). Здесь главными занятиями были: промысел крупного зверя, особенно лося (засеки, самострелы), добыча бобра, рыболовство (устройство ловушек-запоров на малых реках и добыча сетью или острогой). Поселки здесь были мелкими (одно-два хозяйства) и разрозненными, но для охоты на крупную дичь (загон лося или оленя по насту, охота на медведя в берлоге) или на пушного зверя в дальних угодьях их жители могли объединяться в *артели* до 7—10 охотников. Средством транспорта в зимней тайге раньше служили собаки, но позднее их сменили олени упряжки.

Жилища хантов, манси и селькупов устраивались двух типов — летние и зимние. В качестве зимних использовали и срубные дома без потолка, с крышей, покрытой вываренными полосами бересты, и землянки с бревенчатой обкладкой стен, и полуземлянки в виде усеченной пирамиды, стены которых сооружались из наклонно поставленных бревен, опирающихся на столбы и перекладины. Летние жилища представляли собой легкие шалаши, дощатый остов и крыша которых также покрывались берестой. Северные манси и ханты, заимствовав оленеводство у соседей-ненцев, переняли у них и переносной чум в качестве жилища.

Одежда обских угров у разных групп значительно различалась. Северные оленеводы носили глухую одежду ненецкого типа из меха оленя и ровдуги (замши). Но традиционная исконно угорская одежда была распашной, как зимняя (шубы шили из разнообразного меха: оленьего, беличьего, заячьего), так

Ненцы. Отлов оленя

и летняя. До прихода русских ханты и манси умели ткать холст из *крапивного волокна* и имели примитивные ткацкие станки. К концу XIX в. они вышли из употребления, ткани стали покупать. Тканая одежда расшивалась орнаментом из крашенных шерстяных ниток.

Традиционную пищу таежные жители готовили в основном из рыбы и мяса. Зимой рыбу и мясо ели в виде строганины. Существовало много способов заготовки рыбы и мяса впрок путем вяления, сушения, квашения в ямах. Широко употреблялся рыбий жир, который вытапливали из внутренностей рыб в период летнего лова. С ним часто смешивали ягоды (черемуху, чернику, бруснику, морошку), а зимой переваривали с различными добавками, пекли на нем лепешки.

Близкий к таежному угорскому типу характер хозяйства и промыслового быта существовал у ненцев притоков Оби в северно-таежных районах, а также у лесных ненцев и энцев, обитавших по р. Пур, верхнему течению Надыма и Таза. Главными занятиями были охота на дикого оленя (загоном), рыболовство

(запорное и неводное), промысел лося, а также мелкого зверя и дичи. Летом велась добыча гусей и уток в период их линьки.

Присоединение Сибири к России привело к существенным изменениям в хозяйстве и быту автохтонных народов: в пригодных для земледелия районах появилось постоянное русское население, быстро увеличивались доля и значение товарных отраслей хозяйства (пушной охоты, товарного рыболовства на Оби, *извоза*) в ущерб традиционным отраслям. Произошли изменения в расселении, в соотношении различных этнотерриториальных подразделений, разных форм хозяйства и укладов быта. В той или иной степени перемены коснулись всех разновидностей хозяйственного быта. В лесотундровой части Приобья возникло, например, такое явление, как неводная артель (у хантов и ненцев), которая нанималась русскими промышленниками, ставшими владельцами или арендаторами неводных «песков» (так назывались прибрежные места, наиболее удобные для лова рыбы ценных пород). У хантов, манси и селькупов южной тайги хотя и сохранилось многоотраслевое хозяйство, но основой его стала уже не добыча мясной дичи, а охота на пушного зверя.

Самым заметным явлением в хозяйственно-культурном развитии обского Севера стало формирование к XVIII—XIX вв. у ненцев тундровых районов особого типа хозяйства — крупнотабунного (или крупнотабунного) оленеводства мясо-шкурной направленности, превратившегося в главную основу устойчивого жизнеобеспечения. Возникновение этого самого позднего из известных здесь типов хозяйства, оказавшегося более жизнестойким и самодостаточным, наименее зависимым от влияния рынка и торговли, сопровождалось постепенным исчезновением архаичных укладов местного хозяйства и быта. Прежде всего это коснулось укладов, в которых преимущественное значение имела охота на дикого оленя (она резко сократилась).

Ненцы-олeneводы создали весьма специфический уклад жизни. Характерной его чертой была постоянная смена мест обитания в зависимости от сезона. Зимой ненцы со своими стадами проводили на стойбищах у границы леса, где олени могли добыть себе корм из-под снега. Такое стойбище составляли обычно одна-две семьи. Весной каждая семья со своими оленями начинала кочевать на север, в тундру, на летние пастбища, где сначала объединялись два-три хозяйства для совместного выпаса стад на период отела оленей (июнь), а в июле—августе ненцы жили крупными стойбищами, объединяясь для *окарауливания* (охраны) стад в «комариную пору» (от трех до 10—12 хозяйств, в зависимости от численности поголовья оленей). Осенью же, разбившись на группы по одной-две семьи, олeneводы начинали движение к местам зимовки. Основу для самостоятельного ведения такого хозяйства должно было составлять стадо размером не менее 400 голов на семью.

Как бы ни было велико стадо, хозяева прекрасно знали все особенности и качества каждого своего оленя и внимательно следили за поддержанием и воспроизводством правильных пропорций в поголовье: числом холощеных ездовых быков, маток-важенок, быков-производителей, «мясной» части, предназначенной для питания семьи. Они вели искусную селекционную работу, пользуясь для этого широким набором индивидуальных меток (*тамги*, или *надрезы особой формы на ушах оленей*). Ненцы пасли свои стада при помощи специальных пастушеских собак прекрасной выучки — оленигонных лаек.

Собственность на оленей имели отдельные семьи и их главы-мужчины. Олень служил главным эквивалентом во взаимоотношениях между людьми, оленей можно было дарить, менять, продавать, наследовать, брать в долг и т.д. При рождении ребенка родственники нередко дарили новорожденному оленей, которые, как и приплод от них, числились уже его собственными, хотя и содержались в родительском стаде. Олени обязательно входили и в состав выкупа за невесту (жену). Понятие о собственности на пастбища у ненцев отсутствовало, никаких запретов не существовало, хотя это не означало, что любой оленевод кочевал и пас стадо, где ему заблагорассудится: места кочевий оставались традиционными и повторявшимися из года в год для каждой семьи, стойбища или группы стойбищ, связанных родственно-соседскими отношениями. По поверьям ненцев, считалось, что территория находится под защитой духов предков, похороненных обычно на возвышенных местах в районах традиционного кочевания, и произвольное вторжение на нее чужаков для них небезопасно.

Быт ненцев хорошо приспособлен к кочевой жизни. Необходимость перевозить все имущество в течение круглого года вызвала появление способов передвижения по тундре на нартах, запряженных оленями. Предшественником упряжного оленеводства на сибирском Севере было упряжное собаководство местных племен. Но на собаках можно ездить только по снегу и льду. Для езды по летней тундре понадобилось изменение собачьей *нарты*: она стала шире, длиннее и выше.

Ненецкое жилище — *чум* — достаточно просторен и вмещает целую семью (у бедняков нередко в одном чуме жили по две семьи).

Традиционную ненецкую одежду глухого покроя шили из оленьего меха и кожи. Нательная одежда — *малица*, а также штаны шились мехом внутрь. На ноги надевались высокие меховые сапоги — *пимы*. В сильные морозы и буран поверх малицы надевалась такая же глухая шуба мехом наружу (*совик*, или *сокуй*). Женская же шуба (*ягушка*) была распашной и в отличие от мужской украшалась аппликациями из ткани, вышивкой бисером и оторочкой мехом разных оттенков. Капюшона ягушка не имела, так как женщины носили шапки из меха типа капора. В качестве летней одежды обычно использовалась вытертая, без меха, малица.

Хотя основу питания ненцев составляло мясо оленей (в вареном, вяленом и сыром виде, широко употреблялась и свежая кровь оленей, сохранявшая необходимые организму человека витамины, микроэлементы и соли), но важную долю в рационе составляла и рыбная пища: при возможности на стоянках ненцы никогда не пренебрегали рыболовством, в некоторых районах их расселения рыба была не менее, а даже более употребимой пищей, чем оленина.

Социальная организация и общественный быт обских угров и самодийцев имели интересные особенности. Одна из них — происхождение и сущность дуально-фратриальной организации. Как ханты, так и манси делились на две экзогамные половины-фратрии — Пор и Мось. Прародительницей людей Пор считалась медведица. Почитание медведя и проведение медвежьих праздников было особенно характерно для людей Пор, считавших зверя своим предком и покровителем. Представления о происхождении Мось менее четкие, по некоторым данным, Мось произошли от добрых духов Мис.

Для классической дуально-фратриальной экзогамной системы обычно присуще еще и деление фратрий на роды. Однако деление хантов и манси на роды не вполне подтверждено. А вот у значительной части ненцев хорошо сохранялось деление как на фратрии, так и на роды. У тундровых ненцев одна фратрия называется Харючи, другая — Вануйта.

Сообщения источников о существовании у остяков и вогулов «княжеств» (по терминологии документов XVI—XVII вв.) и «князей», между которыми велись кровопролитные войны, дали основания для версии о существовании у обских угров феодальных отношений. Однако это едва ли верно. Войны сопровождались захватом добычи и пленных (последних использовали лишь как домашних рабов, челядь), грабежом соседей, сбором дани с побежденных. Хозяйственная жизнь населения в целом строилась на основе натурального самообеспечения силами семьи в сочетании с широко варьировавшимися формами кооперации в составе временных «артелей» в рамках территориальных общин.

Социальной стратификации обско-угорского общества соответствовали особенности бытовавших здесь языческих верований и культов, отразившиеся также в ярких формах фольклора — «былинах» и преданиях о подвигах богатырей. У хантов и манси бытовало довольно отчетливое представление о верховных богах — творцах всего сущего и людей: небесном божестве Нуми-торуме, его жене Калташ-эква (дева земли), его брате и сопернике — хозяине подземного мира и духов зла Куль-отыре. В целом эта триада отвечает представлению о трехчастном строении вселенной. У Нуми-торума и Калташ-эквы родились семь сыновей. Из них наиболее почитаемым персонажем пантеона был Мир Суснэ-хум — главный покровитель людей, объезжающий небо всадник, следивший за правильностью происходящего на земле. Религиоведы видят в образе и культе Мир Суснэ-хума влияние такого божества древнеиранского пантеона, как Митра. Почитались и другие сыновья Нуми-торума, причем довольно явно просматривается роль того или иного из них прежде всего как племенного бога-покровителя, легендарного предка-прародителя. Святилища этих богов существовали в различных районах Приобья. У хантов и манси также повсеместно распространилось почитание святилищ локального значения, посвященных каким-либо духам-покровителям, легендарным прародителям, занимавшим часто в пантеоне место рангом ниже, чем сыновья Нуми-торума. Анимистические представления о связях между душами человека (а их у него было несколько) и духами верхнего, среднего и нижнего мира обуславливали и *шаманскую практику*, также широко распространенную у обских угров.

Верховное божество ненцев носило название Нум и олицетворялось с небом вообще. Этот образ имел смутное выражение. Из других высших персонажей ненцы почитали бога-покровителя диких оленей Илебям пэртя. Вероятно, культ этого божества достался ненцам-оленоводам от их предшественников на обском Севере, вся жизнь которых зависела от успеха в охоте на оленей. Мировоззрение ненцев характеризовалось одухотворением всего окружающего мира, наделением всех без исключения его творений и проявлений душой. На этих представлениях строилась и шаманская практика ненцев. У ненцев были также семейные духи-покровители — *сядеи*, деревянные изображения которых имелись в каждом чуме и перевозились с собой. В случае успешного промысла сядеев «кормили» — мазали рот идола жиром и кровью. Но в случае неуспеха могли и наказывать, бить.

Семья нганасанов возле жилища

Хозяйство тундровых *энцев* правобережья Енисея и *нганасан* отличалось от ненецкого тем, что они сохранили в качестве основы жизнеобеспечения охоту на дикого северного оленя. Основная часть мяса дикого оленя добывалась ими во время осенних миграций стад с северных пастбищ в лесотундру на зимовку способом «поколки»: стадо мигрирующих оленей загоняли в реку или озеро, где в лодках их подкарауливали охотники. Олени на плаву становились легкой добычей. Мяса оленей, добытых способом «поколки», при удачном промысле обычно хватало до весны.

Самый многочисленный этнос Западно-Сибирского региона — *сибирские татары*. Их этническая история связана с появлением и распространением в южных областях тюркоязычных племен. В истории последних чередовались несколько этапов, в ходе которых более ранние — дотюрк-

ские — пришельцы в степные области постепенно вытеснялись на их периферию следующими волнами мигрантов. В состав формирующегося в лесостепи и лесных районах Обь-Иртышья нового тюркского этноса включались, таким образом, разноразличные племена из числа прежних обитателей этих мест: угорские, кетские и самодийские. Но и сами тюрки не отличались однородностью. В формировании сибирских татар приняли участие племена и *телесского* (имевшие, в частности, отношение к формированию алтайских тюрков), и *кыргызского*, и (позднее, с XI—XII вв.) *кыпчакского* происхождения, а также *желтые уйгуры* и отдельные роды и племена *монголов*. Завершение формирования этнической основы сибирских татар, с победой в языке кыпчакского компонента, относится к периоду распада Золотой Орды, в которую эти территории входили, и к междоусобной борьбе среди ее наследников — ханов и мурз Белой и Ногайской Орды и государства Шейбанидов. К XV в. Сибирское ханство объединило под своей властью территории расселения сибирских татар, подчинив и обложив данью (*ясаком*) также соседей — угров и самодийцев. Сложились основные группы и диалекты сибирских татар: *тобольско-иртышская*, *барабинская* и *томская*.

В хозяйстве сибирских татар преобладали земледелие и скотоводство, причем земледелие в ряде районов сложилось еще до прихода русских. Культивировались пшеница, рожь, овес и просо. В животноводстве преобладало разведение крупного рогатого скота и лошадей. Большую роль играли охота и рыболовство.

Сибирские татары жили относительно крупными селами. Жилищем служили землянки, полуземлянки и низкие срубные дома с плоской земляной крышей, но к XIX в. стали преобладать уже избы русского типа. Появились смешанные татарско-русские селения. Кроме традиционных занятий, среди сибирских татар широко распространился извоз — перевозка купеческих грузов на сибирско-уральские ярмарки и в города.

По вероисповеданию сибирские татары — мусульмане-сунниты (с XVI в.). Несколько особую группу составляли *сибирские бухарцы* — выходцы из Средней Азии, консолидировавшиеся к середине XX в. с остальными сибирскими татарами. Однако в религиозной жизни присутствовало немало домусульманских пережитков: существовала шаманская практика (камлание с целью врачевания или предсказаний), почитание духов-хозяев местностей и т.п.

В пище сибирских татар представлены молочные и мясные блюда, широко употреблялись мучные кушанья, похлебки и каши из круп.

За годы индустриализации сибирские татары, перейдя в основном на русский язык обучения, свободно включились в современную профессиональную структуру как городов, так и сел Западной Сибири.

Один из самых небольших народов приенисейской тайги — *кеты* — оказались разделены Енисеем между Западной и Восточной Сибирью: одна их часть живет в устье Подкаменной Тунгуски, другая в левобережной тайге. Происхождение этого народа больше связано с территорией междуречья Оби и Енисея. Много топонимов кетского происхождения сохраняется в Кемеровской, Томской и Новосибирской областях. Считается, что в становлении кетов участвовали племена как европеоидного, так и монголоидного облика. Хозяйство этого народа связано с жизнью в тайге, с охотой и рыболовством, но до недавнего времени сохранялись некоторые очевидные элементы южного степного происхождения в одежде, в фольклорных сюжетах, в некоторых терминах. Полагают, что языки, близкие кетскому, в древности и Средневековье составляли целую семью, называемую енисейской. Уже после присоединения к России многие енисейскоязычные группы оказались ассимилированы соседями.

По образу жизни кеты близки к своим соседям — таежным хантам, селькупам. Они жили небольшими поселками, жилищем служили землянки и полуземлянки из засыпанных земель наклонно поставленных бревен. На промысле в тайге использовали также чум — конический шалаш, крытый берестой. В Сибири славились и ценились кетские луки. Охота была пешей, в отличие от соседей кеты никакого наземного транспорта не использовали, а отправлялись в тайгу с ручной нартой-волокушей, влекомой самими охотниками. Кроме того, кеты владели кузнечным искусством.

Сохранялось деление общества на роды и соблюдение родовой экзогамии. В жизни социума тем не менее главную роль играли общинные (соседские) связи.

4. Народы Восточно-Сибирской историко-этнографической области

Восточная Сибирь — территория между Енисеем и водораздельными хребтами, отделяющими реки Северного Ледовитого и Тихого океанов. Почти все пространство покрыто тайгой, северная часть — это лесотундра и тундра. До сих пор эти области остаются малонаселенными.

Потомки самых древних обитателей этих пространств — *юкагиры* — живут на крайнем северо-востоке области — в бассейне Колымы в Якутии и соседних районах тайги Магаданской области. Данные археологии говорят о том, что предки юкагиров заселили восток Сибири, по-видимому, еще в позднем неолите, а культурно-хозяйственный облик этих племен формировался в относительно южных районах Прибайкалья. Продвинувшись в северные широты, юкагирские племена смешивались здесь с носителями субарктического уклада охотников на дикого оленя, протоуральцами по языку, чем объясняется наличие в юкагирском языке уральского субстрата.

У юкагиров не было единого самоназвания, они пользовались несколькими племенными наименованиями (*оулы, омоки, чуванцы, яндыри* и др.) Название «юкагир» русские восприняли в XVII в. от их соседей — *эвенков*. Численность юкагиров колебалась от 5 тыс. до 8—9 тыс. человек, но стала резко падать в XVII—XVIII вв. из-за эпидемий оспы и других болезней. Кроме того, одна из главных причин — распространение на северо-востоке крупнотабунного оленеводства у оленных *чукчей* и *коряков*, а также появление оленеводческих групп среди северных *якутов*. Дикие олени, основной объект охоты юкагирских племен, стали вытесняться популяцией домашних. В результате юкагирское население перешло на иные способы жизнеобеспечения, характерные для их соседей: подвижную охоту на основе оленного транспорта, как у эвенков и эвенов, а также на смешанное охотничье-олeneводческое хозяйство, как у северных якутов; возникло и оленеводство чукотского типа. Происходила ассимиляция юкагиров якутами, русскими, эвенами, эвенками и чукчами.

У оставшихся групп пешая охота как основной тип хозяйства сохранилась, но многие элементы материальной культуры подверглись влиянию соседей. Например, традиционный костюм юкагиров стал больше напоминать распахнутую одежду эвенов. Нижнеколымские юкагиры заимствовали от соседей и оленный транспорт. Главным объектом охоты юкагиров оставался дикий олень, на которого охотились древним методом «поколки», подкарауливая стадо во время осенних миграций на переправах. Весной на лося и дикого оленя охотились загонem, долго (до двух-трех дней) преследуя зверя по снежному насту на лыжах, подбитых *камусом* (мехом с ног оленя). Охотились также на мелких животных — куропаток, зайцев, уток и гусей. Рыболовством занимались осенью при помощи сетей и запоров (изгородей).

Самый тяжелый сезон — конец зимы и весна, когда заготовленные припасы истощались. Жизнь семьи часто зависела от успеха весенней охоты, нередко были случаи голодной смерти. Иной раз в пищу употребляли даже старые кожаные ремни. Для таких случаев впрок заготавливали и сосновую или лиственничную заболонь (подкорковый слой ствола дерева, содержащий немного крахмала), но и такие заготовки вырубали не всегда. Юкагиры занимались

и пушной охотой: в тайге — на соболя, в лесотундре и тундре — на песца. Такая охота имела товарный характер.

Жилище юкагиров — *чум*, крытый берестой или *ровдугой* и обогревавшийся открытым огнем, или же *чум-ураса*, как у северных якутов и эвенов. Однако до прихода русских были известны полуземлянки (*чандал*). Позже появились и наземные срубные избы русского типа.

В жизни общества большую роль играли родовые связи, сохранялись родовая экзогамия и родовая взаимопомощь. Роды имели разную величину, некоторые из них состояли из более мелких подразделений. Соседско-общинные отношения также были тесными и действенными. Брак был моногамный, известны случаи поселения рядом с семьей невесты и разновидности «отработок» у тестя. Хотя счет родства вели по отцовской линии, поселение новой семьи нередко было матрилокальным.

В XVII—XVIII вв. юкагиров обратили в православие, однако на практике они остались язычниками. Шаманы занимались врачеванием, гаданием, предсказаниями. Есть сведения об элементах культа предков: почитание умерших шаманов и их костных останков. Бытовало также почитание огня, сил природы, духов-хозяев местности.

В бассейнах Енисея (на правом берегу) и Лены, на землях, занимаемых с неолита предками юкагиров, с переходом к железному веку стала формироваться иная культура, носители которой — предки *эвенков* и *эвенов* — довольно быстро освоили таежные пространства до самого Охотского побережья. Основа этих этнических изменений — особенности эвенкийского типа хозяйства («северная триада») — сочетание охоты, рыболовства и транспортного оленеводства. Олений транспорт позволил эвенкам создать уникальную по своей мобильности систему таежной охоты. Преимущество эвенкийского типа хозяйства — в возможностях быстро переходить от одних промысловых угодий к другим, переключаться с рыболовства на охоту, и наоборот (в зависимости от сезона или погоды), не задерживаясь на одном месте и эффективно используя разнообразные способы добывания пищи. Не случайно в старой литературе к названию «тунгус» обычно добавлялся эпитет «бродячий», а образ тунгуса рисовался вечным скитальцем, одержимым страстью к преодолению больших пространств.

Быт эвенков и эвенов складывался из постоянных перемещений, главным образом в поисках крупной мясной дичи. Охотились на оленя, лося, кабана, кабаргу, изюбря, медведя. Домашних оленей использовали только как транспортных животных, их чрезвычайно берегли и в пищу не употребляли (за исключением крайних случаев, когда семья оказывалась на грани голодной смерти). Остаться без ездовых оленей было трагедией, равнозначной невозможности вести нормальное хозяйство. Потерявший оленей охотник мог рассчитывать только на помощь сородичей, собиравших ему «пособку» по одной-две головы от хозяйства. Достаточное число оленей для ведения кочевой жизни в тайге — 40—60 голов на семью. Если стадо превышало эту величину, оно начинало сковывать подвижность охотников, требовало больше времени и сил в ущерб промыслу дичи и рыболовству. Транспортное оленеводство эвенков и эвенов первоначально оставалось исключительно вьючно-верховым (упряжные способы стали использоваться только с конца XIX — начала XX в.).

Эвенская женщина

находились и олени. Однако успешное ведение промыслового хозяйства требовало кооперировать рабочие руки среди достаточно большого круга лиц — родственников по отцу, свойственников, соседей. В разные сезоны и для разных видов промысла составлялись такие объединения на сезонных стойбищах: в местах традиционной рыбной ловли. В периоды коллективных промыслов у эвенков и эвенов широко бытовали обычаи равнообеспечивающего распределения продукции охоты и рыболовства. Классический пример — обычай *нимат*: добывший зверя охотник приносил его на стойбище и отдавал для дележки кому-либо из его обитателей, как правило не родственнику, преимуществ при таком разделе охотник не имел. Фиксированной собственности на охотничьи угодья эти народы не знали, правилом нимата чужеродцу показывали, что он имеет право на пользование угодьями.

Однако перемещения по тайге совершались не хаотически. Семьи эвенков и эвенов, меняя места обитания от сезона к сезону, промышляли в одних и тех же традиционно повторявшихся угодьях, смена их имела определенный ритм и порядок. На промысле встречались с родственниками и соседями, составлявшими в совокупности традиционную общину. Важную роль играли и родствен-

Все имущество охотника и его семьи укладывалось при перекочевках во вьючные сумки, сшитые из оленьего меха, и грузилось на оленей. Верхом на оленях передвигались по тайге все члены семьи, включая младенцев: их люльки также крепились к вьючным седлам. Сбор *аргиша* (каравана) в путь, как и устройство стойбища на новом месте, занимали не более 1 часа. Кочевой жизни соответствовали жилище и одежда. Жилищем служил переносный *чум*, который покрывали зимой шкурами, а летом ровдугой (в XX в. ее заменил брезент). Одежду носили распашную, зимой из меха, летом из ровдуги (с XIX в. — суконные халаты). Она удобна и для езды верхом на олене, и для ходьбы на лыжах. Грудь зимой закрывалась нагрудником из меха.

Главной хозяйственной ячейкой, относительно самостоятельной, служила малая семья. В собственности семьи

но-генеалогические связи: деление на роды и представление о родстве по отцовской линии было отчетливым. Структура генеалогического древа выполняла социально организующие функции и давала возможность апеллировать к родне, если возникала необходимость в безвозмездной помощи. Представление о родстве, закреплённое в генеалогиях, служило и необходимой связью в случаях, когда возникала потребность отстаивать свои территории от посягательств со стороны чужаков. Однако территориально-племенные группировки эвенков и эвенов не были строго замкнутыми образованиями, отличались лёгкостью включения в свой состав новых пришлых подразделений. Со временем в местную генеалогию добавлялись предки пришельцев и они начинали считаться тоже родственниками.

В брачных отношениях род соблюдал более или менее строгую экзогамию. Впрочем, лёгкость отпочкования от рода «дочерних» подразделений и возникновения новых родов тоже была характерным свойством родственных отношений. Но территориальная эндогамия соблюдалась не как обязательное правило, а лишь как обыденная практика.

Жизнь выработала у «скитальцев тайги» множество рациональных знаний, основанных на тончайших наблюдениях природы. Зависимость от условий и капризов природы, просто от непостоянства охотничьей удачи делала таежных обитателей довольно уязвимыми: этим отчасти обусловлена их вера во всевозможные приметы и действия магического характера в надежде обеспечить успех в промысле, не отпугнуть зверя, никаким образом не «обидеть» его и его покровителей в мире духов. С этим связано много предписаний и правил обращения с убитым зверем или какими-то частями его тела, а также различные запреты по отношению к охоте в те или иные сезоны, на тот или иной вид зверей или птиц. Хотя под некоторыми из них прослеживаются вполне рациональные опыты и наблюдения, но облекались они нередко в иррациональную форму. Из таких знаний складывалась своеобразная мудрая экологическая культура эвенков и эвенов, ибо у них, как и у других промысловых народов Севера, она основана на незыблемом принципе: из природы нельзя изымать ничего сверх необходимого человеку для жизни.

В основе их мировоззрения лежали анимистические понятия. Космогония строилась на представлении о делении мира на три сферы — *верхний*, *средний* (землю) и *нижний миры*. Верховным существом — хозяйкой природы, зверей и людей — у них считалась *Энэкэ бугады* («божественная бабушка»). Главным помощником ее считалась *Энэкэ того* («бабушка-огонь»). Культ огня, его почитание, гадание по огню имели распространение повсеместно по территории расселения эвенков и эвенов. Помощником Энэкэ бугады и главным покровителем людей считали доброго духа *Сэвэки*, а главным врагом людей, насылавшим все несчастья, представлялся обитавший в нижнем мире страшный злой дух *Харги*. Обязанность шамана состояла в том, чтобы предупреждать вредоносные действия злых духов и обеспечивать поддержку добрых, а также оберегать своих родичей и соседей от порчи со стороны чужих шаманов. Шаманская практика была широко распространена (само слово *шаман*, прочно вошедшее в науку, эвенкийское). Шаман проводил камлания в специальном костюме, к которому пришивались металлические подвески, изображавшие духов-помощников шамана, приводя себя в состояние транса танцем под аккомпанемент бубна с колотушкой.

Якут на лошади

Кроме шаманизма существовали различные формы магической практики: применялись *амулеты* и *обереги*, в том числе семейные (обычно деревянные изображения таких духов-покровителей хранились в особой коробке и перевозились с собой при смене стойбищ), проводились обряды очищения и т.п. Имели распространение культы духов-хозяев местности, промысловых животных, особенно почитание лося и медведя.

В XVII—XVIII вв. эвенки и эвены подверглись крещению, однако они продолжали оставаться язычниками. Между тем появление в соседстве с ними постоянного русского населения, развитие пушной торговли внесли в их жизнь серьезные перемены. Увеличение доли пушной охоты изменило соотношение традиционных отраслей хозяйства: сократилась доля охоты на крупную дичь и рыболовства, пушнину стали обменивать на муку и другие товары и припасы. Главная фигура в структуре общинных связей — наиболее умелый охотник, который мог возглавить «артель» в периоды коллективных промыслов (он же был бойцом-*сонингом*, возглавлявшим сородичей в моменты межплеменных столкновений), — уступила место торговцам-посредникам из среды самих промысловиков, скупавшим пушнину и завозившим товары в тайгу. Такие люди становились крупными оленеводами, что позволяло им вести меновую торговлю с соплеменниками и в охоте уже практически не участвовать. Они хищнически эксплуатировали рядовых охотников, спаивая их водкой и занимаясь неэквивалентным обменом; то же практиковали заезжие скупщики (русские и якуты), добравшиеся до таежных кочевий.

Резко отличались от эвенков по хозяйству и образу жизни *якуты* (самоназвание *сахы*). Область, которую они занимали, в XVII в. ограничивалась частью бассейна средней Лены — до низовьев Вилюя на севере, Алдана и его притока Амги — на юге. Хозяйство якутов и вся система их жизнеобеспечения строились на животноводстве — разведении крупного рогатого скота и лошадей. В районах со столь суровым климатом, длительной и очень холодной зимой (средние температуры января в южных районах Якутии -28° , в северных до -50°) заниматься животноводством крайне сложно, такой тип хозяйства для данных климатических условий уникален.

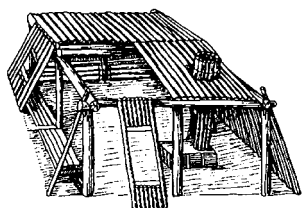
Это обстоятельство, так же как и принадлежность языка к тюркской группе, давно привели исследователей этногенеза якутов к выводу об их южных корнях и относительно позднем появлении на средней Лене.

Одним из реальных предков якутов до переселения на север было население прибайкальской *курумчинской культуры* VI—X вв. — *куруканы*, тюрки по языку. Первые переселения их на Лену могли, вероятно, происходить еще до возникновения империи Чингисхана, но завершилось это переселение после завоевания монголами Южной Сибири, ставшего толчком миграций. В составе древних якутов тюркские группы курыканского происхождения не были единственными. Судя по племенным названиям, часть переселенцев на Лену имела монгольские этнонимы, общие для якутов и бурят. В формировании якутов приняли участие и прежние обитатели бассейна Лены — юкагиры и тунгусы, от которых якуты заимствовали некоторые элементы культуры.

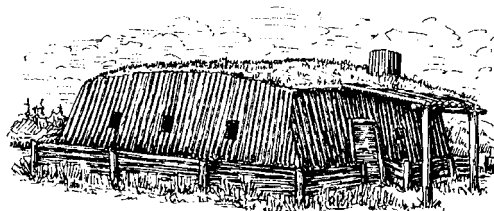
Хозяйственный быт якутов основывался прежде всего на разведении крупного рогатого скота, который содержали зимой в неотапливаемом хлеву (*хотоне*), под одной крышей с отапливавшейся жилой *юртой*. Зимой коров кормили сеном, поэтому сенокосные угодья были главным условием успешного ведения хозяйства. До присоединения к России сенокосы находились в собственности территориально-соседских общин и периодически перераспределялись между пользователями — отдельными хозяевами. Сложилась двойная система поселений, зимних и летних. Зимники (*кыстык*) располагались обычно поблизости от сенокосных лугов, а летники (*сайылык*) рядом с пастбищами. Поселения строились малодворными. На зимниках стояли обычно один-два дома, на летниках же чаще всего обитали от 5 до 10 семей.

Жизнь на летниках продолжалась три — три с половиной месяца. Лето — самое напряженное время в хозяйственной жизни. Нужно было заготовить сено на корм скоту, приготовить съестные припасы, основу которых составляло молоко. Часть молока заготавливали впрок в сквашенном виде и хранили в специальных берестяных чанах, добавляя в простоквашу различные съедобные корни, рыбы кости (которые постепенно растворялись молочной кислотой) и другие припасы. Глыбы простокваши замораживали (*тап*), а зимой на основе тара готовили похлебку с различными добавками (*бутугас*). Бедные и среднего достатка семьи по весне заготавливали пудами сосновую заболонь, высушивали и зимой добавляли в похлебку, что составляло существенную часть питания.

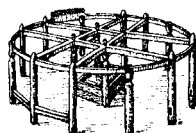
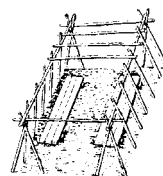
Самым голодным периодом был конец зимы и начало весны. Люди с нетерпением ожидали наступления лета, когда коровы снова начинали доиться. В июне из кобыльего молока приготавливали кумыс. Одним из самых любимых праздников был кумысный праздник (*ысыах*). Большими табунами лоша-

Балаган

Ураса

Старинная многоугольная
постройкаКаркас усеченно-пирамидообразной
наземной постройки

Типы традиционных жилищ якутов

дей владели только зажиточные хозяева и племенные вожди — *тойоны*. Поэтому праздник ысыах был обычно коллективным — родовым или общинным или устраивался богачами за свой счет.

Жилища якутов были деревянными и строились из наклонно поставленных бревен, опиравшихся на столбовой каркас. Снаружи стены обмазывались глиной, смешанной с навозом, очень пологая двускатная крыша засыпалась землей и дерном. Вход располагался, как во всех жилищах тюрков, — с востока.

Юрта отапливалась *камельком*, трубообразным камином, устроенным обычно в углу справа от входа, на глинобитной площадке; такая печь хорошо вентилировала юрту, но требовала много дров.

Старинные жилища на летниках назывались *ураса*, они напоминали круглое в плане жилище кочевников, хотя и не были переносными. Остов делали из 10—12 столбов и из жердей, покрывали его полосами вываренной бересты.

У якутов существовали и многоугольные бревенчатые срубы, сходные в плане с жилищами тюрков Южной Сибири. Со временем традиционные формы жилищ стали вытесняться рублеными избами русского типа.

Социальная структура якутского общества, строившаяся по принципу генеалогического древа, имела много общего с южносибирскими скотоводами. Сохранялось отчетливое деление на роды, счет родства вели по отцовской линии. Несколько близких по происхождению родов или их частей составляли территориальное подразделение *наслег*, несколько наслегов были объединены в территориально-племенную группу *дьон* (*джон*), все жители которой в генеалогических преданиях представлялись родственными друг другу. Дьоны насчитывали от нескольких сот до нескольких тысяч человек. После присоединения к России дьоны стали называть *улусами*. Раньше каждый дьон возглавлялся предводителем-князьком (по-якутски *тойон*). Тойоны воевали друг с другом, некоторые из них были весьма могущественными и влиятельными, особенно в крупных улусах. При межплеменных столкновениях им доставалась большая

часть добычи и рабов (до прихода русских у якутов существовало патриархальное рабство). При распределении сенокосов права тойонов считались равными правам рядовых общинников. Конечно, тойоны стремились силой захватить себе лучшие и большие участки, но общины этому сопротивлялись. Русская администрация разделила сенокосы на «классы» (категории) неравной величины и качества сообразно статусу претендентов и тем узаконила социальное неравенство.

В системе общинных связей действовали и экономические рычаги закабаления, например раздача богачами скота на выпас менее состоятельным соплеменникам на различных условиях. Принимавший скот бедняк ухаживал за скотом, кормил его, пользовался молоком в период пастбы, а хозяин скота получал нужные ему дополнительные рабочие руки.

В течение XVII—XVIII вв. якуты формально стали христианами, но сохранили немало дохристианских верований (бытовала шаманская практика). Целый ряд культов и магических процедур был связан с почитанием огня, охотничьими обрядами. Особенно интересно так называемое *белое шаманство*. Функции «белого» и «черного» шаманов были различны, один человек не мог их совмещать. «Белый» шаман был по существу жрецом культа высших небесных богов (*айы*), создателей Вселенной и покровителей людей и скота. В поклонении якутов высшим богам — *айы* — немало параллелей с культами высших богов у древних индоевропейцев, так же как в хорошо сохранившихся проявлениях фольклорной культуры якутов — героических стихотворных сказаниях (*олонхо*). Искусство исполнения олонхо особенно высоко ценилось в якутском обществе. Послушать хороших сказителей собиралось много людей, даже издалека, их выступление нередко затягивалось на несколько дней.

Существовали высокоразвитые традиционные виды ремесел и декоративно-прикладного искусства: кузнечное и ювелирное ремесла, кожевенное дело, резьба по дереву и кости и др.

После присоединения к России многое изменилось в хозяйстве и быту: появилось земледелие (культивировались ячмень, реже пшеница), развилась торговля, скупка пушнины и завоз товаров в тайгу для промысловых народов всей Восточной Сибири, выросла буржуазия, возникла интеллигенция. Прогрессивные перемены сопровождались усилением социальных контрастов. После революции 1917 г. социально-профессиональная структура якутского общества стала приобретать облик, характерный для индустриальной стадии развития, усилились урбанизационные процессы (к 1989 г. было 27,7% горожан и 72,3% сельских жителей).

Своеобразная группа в составе якутов — северные *якуты-оленьеводы*. Их быт и культура во многом напоминали эвенкийский хозяйственно-бытовой уклад. В районах, где заниматься животноводством невозможно, они, как и их соседи, стали охотниками, рыболовами и оленеводами.

То же можно сказать о хозяйственно-культурном облике *долган* — народа, обитающего на Таймыре и в соседних районах Якутии. Формирование этого этноса относится к XVIII — началу XX в. Название происходит от имени одного

из эвенкийских родов. В результате межэтнических браков эвенков из нескольких родов с переселившимися на север якутами, с русскими старожилами низовий Енисея (так называемыми *затундренными крестьянами*), с ненцами и энцами сложился новый народ, сохранивший имя рода долган в названии и в целом близкую эвенкийской культуру, но говорящий на северном диалекте якутского языка. В быту они сочетают разные элементы культуры своих исходных компонентов. Их главные занятия охота и рыболовство, но важную роль играет оленеводство. Летом они живут в тундре, зимой — в лесотундре. На оленях ездят в упряжи, заимствовав ненецкую нарту, хотя в способах упряжи есть отличия. Как и ненцы, пасут оленей с оленегонной лайкой. Широко пользуются верховым и व्यючным седлом, как эвенки. Эвенкийская черта — доение оленьих важенок и использование молока. В отличие от эвенков шире применяют на охоте капканы и ловушки, особенно в охоте на песца (главный объект пушного промысла). Таким образом, история долган и их культуры — яркий пример культурного синтеза и взаимодействия в среде автохтонного и пришлого населения, один из поздних образцов этнообразовательных процессов, протекавших во все эпохи схожими путями.

5. Народы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье, Прибайкалье и Забайкалье)

Юг Сибири по природно-климатическим особенностям существенно отличается от других ее регионов. Это одна из самых ее благоприятных для жизни областей. Не случайно в эпоху раннего металла здесь сложился один из узлов *этногонических* процессов, связанных с формированием народов, перешедших к производящему хозяйству, и с взаимодействием его носителей с окружающими охотничье-рыболовецкими племенами.

Горностепные и горнотаежные районы, где расселены современные автохтонные этносы Южной Сибири, — это две хозяйственно-климатические зоны и соответственно два хозяйственно-культурных типа населения. Первый тип ландшафта — южная часть Республики Алтай и примыкающие к ней регионы; второй — Северный Алтай (русские называли эту территорию «черною», или «черневыми горами») и прилегающие области. Таетежные ландшафты характерны и для Прибайкалья, где расселены западные группы бурят. В степных и горно-степных районах преобладало кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство, в горно-таежных — охота. Земледелие в обеих зонах играло меньшую роль.

Южно-Сибирский регион имел большое значение в генезисе как языковых семей, так и культур всего населения Сибири. Его современный этнический состав сформировался относительно поздно: первыми носителями скотоводческо-земледельческого уклада были в этих местах индоевропейские (по языку) пришельцы, с которыми взаимодействовали аборигенные группы, переходя к более прогрессивным типам хозяйства или усложняя традиционные. Подвижная грань сочетания скотоводства и земледелия с охотой и рыболовством установилась здесь еще с III—II тыс. до н.э. Скотоводческие народы алтайской семьи, тюрки и монголы, сменили на этих территориях скотоводов-индоевропейцев (предположительно, *саков*).

Смена этноязыкового состава населения происходила довольно долго: первые столкновения ираноязычных скотоводов с их центральноазиатскими соседями, имевшими очень похожий уклад хозяйства, отмечены многочисленными свидетельствами еще в I тыс. до н.э. Начиная с рубежа нашей эры, с так называемой *таштыкской эпохи*, с завоеванием юга Сибири державой хунну, преимущественное влияние начинает переходить к древним тюркам. Из состава хунну в IV в. выделились кочевые объединения *теле* и *тугю*. Они составили основное население Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов (с VI по XIII в.), когда тюрки преобладали в населении юга Сибири, вытеснив или ассимилировав предшественников. Такая радикальная смена языков произошла в степных районах. Однако в горно-таежных районах население, вероятно, продолжало говорить на местных языках — кетских, самодийских или тунгусских — вплоть до XVIII—XIX вв.: самодийскими были языки *койбалов* (одно из подразделений хакасов), *тофаларов*, *тувинцев-тоджинцев*. *Камасинцы* (народность, обитавшая в верховьях р. Кан, Восточные Саяны) продолжали говорить на самодийском языке еще в начале XX в., но затем часть их обрусела, а другая была тюркизирована. От кетов произошли некоторые *сёоки* (роды) хакасов бассейна Чулыма.

До рубежа I и II тыс. н.э. сохраняли тюркские языки предки бурят, этноним которых (*байерку*, или *байегу*) не монгольского, а тюркского происхождения. Приток в Забайкалье и Прибайкалье племен монгольского происхождения начался на рубеже I и II тыс. в связи с политическими событиями в Центральной Азии, а завершилась монголизация языка обитателей Прибайкалья и Забайкалья, вероятно, после походов Чингисхана.

Основа хозяйственного быта населения степных и горно-степных районов Сибири — скотоводство кочевого или полукочевого типа. Скот при этом круглый год содержался на подножном корму, сена на зиму не запасали (за исключением западных бурят). Разводили также овец, лошадей, крупный рогатый скот, в некоторых районах верблюдов (Забайкалье, Южный Алтай, юг Тувы). Частота перекочевков зависела от величины стада: чем больше стадо, тем перемещаться приходи-

Тувинка

лось чаще. Богатые скотоводы кочевали до 10—12 раз в году, семьи среднего достатка 4—5 раз.

Главной хозяйственной ячейкой служила индивидуальная (малая) семья. Встречались и неразделенные большие патриархальные семьи. Скот играл роль главного богатства, заменяя денежный эквивалент: им возмещали убытки и платили штрафы, платили *калым* за невесту.

Основу пищи составляло молоко коров, овец, коз, из которого готовили масло, сыр, простоквашу (*чегень*). Раньше чегень служил для дальнейшей переработки. Его перегоняли на молочную водку (*араку*, у бурят — *архи* или *та-расун*), в котле оставалась твердая масса, ее спрессовывали, коптили в дыму и сушили — получался *курут* — твердый сухарь кислого вкуса, который заменял хлеб, и его запасали на зиму как один из главных видов пищи. Из кобыльего молока приготавливали кумыс. Мясная пища употреблялась гораздо реже, особенно среди малоимущих.

Охотничьи приемы мало чем отличались от способов охоты у таежных народов. Здесь имел распространение один из лучших типов сложного клееного лука. Впрочем, по мере расширения торгово-обменных связей луки повсеместно вытеснились ружьями. Для охотничьего промысла использовали и разные типы ловушек и капканов (кроме тофаларов). В качестве верхового транспорта на охоте пользовались лошадьми, зимой охотились на лыжах. Лишь в северо-восточных районах, у тофаларов и тувинцев-тоджинцев, в качестве транспортного и вьючного животного использовался олень. Но есть основания считать, что транспортное оленеводство ранее имело более широкое распространение. Олени тофаларов и тоджинцев были самыми крупными и выносливыми в Сибири, использовавшийся здесь тип седла мало отличался от конского. Местные жители пользовались стремениами. Все это позволяет предполагать древнее коневодство.

Некоторым своеобразием отличался хозяйственный быт *шорцев*. При охотничьей ориентации хозяйства большое распространение имело кузнечное дело. Тюркские каганы даже брали дань с шорцев металлическими изделиями. Русские, придя в Сибирь, называли шорцев *кузнецкими людьми*. Металлические изделия шорские кузнецы обменивали у соседей на скот. Однако большое значение у шорцев сохраняла и охота. Высоко ценились олень-марал и кабарга. Панты марала и мускусная железа кабарги находили сбыт в Китае. Было распространено собирательство. Женщины заготавливали луковицы и листья *сараны*, *черемшу*, *кандык* и *бадан*, которые сушили на зиму. Собирали кедровые орехи.

Своеобразной хозяйственной областью было Прибайкалье, где жили западные племена бурят. Их быт выглядел более оседлым, чем в Забайкалье. Им было известно и земледелие. Кроме того, они запасали на зиму сено. Значительную роль играла и охота.

Много общего у народов Южной Сибири в характере поселений и типах жилищ. У восточных бурят, южных и западных тувинцев, южных алтайцев, части хакасов жилищем служила переносная юрта «монгольского» типа. Каркас ее делался из наклоненных внутрь деревянных решеток, купол со свето-дымовым отверстием посередине сооружался из прямых жердей. Юрта покрывалась войлоками. Дверь ориентировалась у бурят на юг (а у тюрков на восток).

Многоугольная бревенчатая постройка алтайцев — жилище переходного типа от юрты к срубному

В северных и горно-таежных районах преобладали иные типы жилища: либо землянки, либо наземные корьевые шалаши. Пользовались известностью и бревенчатые срубы, иногда прямоугольные в плане (в Горной Шории, на севере Алтая). У всех народов — от бурят на востоке до алтайцев на западе — сооружались также многоугольные бревенчатые избы (от шести- до двенадцатиугольных), обычно без пола и потолка — некая переходная форма между круглым жилищем скотоводов и стационарным домом. Отапливали жилище по-разному: очаг мог быть устроен в центре жилища, а дым выходил через отверстие в крыше, в других случаях сооружался пристенный *чувал* с дымоходом. Охотники и оленеводы тофалары и тувинцы-тоджинцы ставили чум из жердей, покрытых летом полосами бересты, а зимой шкурами.

Народы юга Сибири носили довольно однотипную одежду. В качестве верхней одежды — рубахи (как у мужчин, так и у женщин) и штаны из покупных тканей (китайская *даба*, *ситец*), лишь в некоторых районах еще умели ткать холсты из конопли или волокон крапивы. Верхняя одежда — *распашной халат* с прямоугольным вырезом, запахивавшийся направо (одинаково у женщин и у мужчин) и матерчатый пояс. Зимой носили овчинные шубы, длиннополые, с широким сверху и сужающимся книзу рукавом. Среди женщин имела хождение распашная безрукавка из ткани, которую носили постоянно (практически не снимая) — летом поверх халата, а зимой поверх шубы. Это был отличительный знак замужней женщины (*чегедек* или *сигидек* у тюрков, *уужа* — у бурят). Головные уборы отличались у разных народов большим разнообразием. По цвету и сорту тканей, по украшениям, употреблявшимся для отделки или оторочки костюма и головных уборов, можно было судить о социальном

статусе хозяина. У восточных бурят, например, для этой цели служили *жинчи* — украшения из драгоценных камней в оправе из серебра и золота, носившиеся зайсанами и членами родовой знати на шапках.

Социальная структура народов юга Сибири в том виде, в каком она существовала ко времени включения в состав России, характеризует уровень саморазвития этих обществ. У всех народов сохранилось довольно отчетливое родо-племенное деление. Свою принадлежность к тому или иному роду (у тюрков *сёок*, у бурят *ясу*) осознавал каждый человек. Некоторые буряты могли перечислить до двух десятков поколений своих предков, восходящих к легендарному прародителю народа Буха-нойон-бабаю. Род сохранял экзогамию (хотя не всегда и не везде она соблюдалась с неукоснительной строгостью). Родичей объединяли отношения взаимопомощи, сохранялось и некоторое культовое единство (*родовые моления*). Семьи одного рода занимали близко расположенные уголья и пастбища.

Параллельно родовому делению существовали объединения совместно живущих или кочующих семей. У забайкальских бурят 10—12 таких семей носили название *хотон*, а 4—6 хотонов составляли *холбон*, во главе которого стоял староста (*шуленга*). В управлении, в решении общественных дел, касающихся всей территориально-племенной группировки, учитывалось родовое деление. Все договоры и правовые документы (например, записи обычного права в XVIII—XIX вв.) составлялись от имени представителей *отоков*, из которых состояли бурятские племена (*хоринцы*, *табангуты*, *эхириты* и др.). Каждое племя возглавлял *тайша*, ниже тайши по званию был *зайсан* — родовой предводитель или надзиратель (оба звания китайского происхождения пришли к бурятам через монголов). Часть отока носила название *булук* и возглавлялась *дамалом* (пятидесятником). В обычно-правовой практике учитывались семейно-родовые отношения (нередко решение вопроса зависело от степени родства или старшинства по отношению друг к другу субъектов разбирательства), но одновременно с этим в правовое сознание начали уже внедряться и социально-имущественные параметры: действие нормы в отношении индивида зависело от его статуса.

В религиозной жизни народов юга Сибири были как общие черты, так и немалые различия. Формально после присоединения к России почти все они были обращены в православие. На Северном Алтае и в Иркутской губернии постоянно действовали духовные миссии православной церкви, и среди северных алтайцев и западных бурят миссионерская проповедь имела успехи, хотя во многих случаях крещение оставалось формальным, уживаясь с дохристианскими верованиями и культами. К приходу русских в Забайкалье довольно значительных масштабов достигло обращение бурят в буддизм в форме ламаизма (с 1741 г. буддистская религия была признана одной из официальных религий Российской империи). Ламаистами стала и часть тувинцев (до 1911 г. Тува входила в состав Китая). До революции 1917 г. в Бурятии действовало около 50, в Туве — свыше 20 ламаистских монастырей (*дацанов*), а число монахов достигало более 15 тыс. Некоторые из них в наше время восстановлены.

Одновременно с христианством и буддизмом большую роль продолжали играть шаманистские воззрения и шаманская практика, особенно лечебная, а также дошаманские верования и культы, из которых особенно широкое рас-

пространение имело поклонение духам-хозяевам местности (в виде священных гор, священных мест и т.п.). Кумирни, где совершались коллективные родовые и общинные моления с жертвоприношениями животных, располагались на территории Тувы, Хакасии, Алтая, Бурятии. Чаще всего они имели вид груды наваленных камней на какой-нибудь горе вблизи селения или традиционных мест кочевий (*обо*, или *оба*). Даже у бурят-ламаистов учение Будды не могло вытеснить поклонения священным местам, и ламы включили почитание духов-хозяев в ритуал буддистских молений.

В начале XX в. в религиозной жизни народов Алтая возникло новое явление, получившее в литературе название *бурханизм*. Название дано христианскими миссионерами по имени верховного бога новой веры — Бурхана (хотя так в Южной Сибири традиционно именовали Будду). Сами же приверженцы этого культа называли его *Ак янг* — белая вера, возможно, потому, что в культовой практике одежды жрецов-*ярлыкчи* должны были быть обязательно белого цвета и особую роль играло брызганье молоком, а также потому, что ярлыкчи противопоставляли новую религию старой, шаманской, «черной» вере. Бурханизм стал определенным шагом на пути от язычества к единобожию, позаимствовав некоторые черты у ламаизма, хотя и сохранив отдельные обряды из шаманского арсенала. В строгую религиозную систему он все же не сложился, не выработав четкой идеологии и организации. В истории этой веры большую роль играли личные качества тех или иных проповедников, в связи с чем в разные периоды число ее приверженцев довольно резко колебалось, значительно сократившись, например, в 1910—1920-е гг.

У народов юга Сибири получили известность промысловые культы, охотничья магия, почитание огня, культы семейных духов-охранителей и др. В шаманских воззрениях содержалось много общего, в частности, представление о трехчастном делении вселенной, о хозяине Верхнего мира Ульгене и Нижнего мира — Эрлике, о духах-покровителях шамана и его избранничестве. Наряду с обычной шаманской практикой существовало особое *белое шаманство* (более развитое у бурят), а белые шаманы считались его жрецами. Современные исследователи видят в белом шаманстве, так же как в ряде других элементов верований и фольклора, влияние культов верховных богов, свойственных древним индоевропейским насельникам юга Сибири.

Изображение «Белого старца» — защитника всех живых существ, покровителя домашнего скота, бога плодородия и долголетия. Бурятская резьба по дереву

В духовной культуре народов Южной Сибири большую роль играла фольклорная поэтическая традиция, особенно героические и эпические сказания. В них в причудливых формах переплетались отголоски действительных событий из бурной жизни кочевых племен, постоянно подвергавшихся попыткам завоевания и захвата врагами, с красочным фантастическим миром духов, верховных божеств и злых демонических персонажей, одни из которых помогают героям — борцам за счастье народа, другие, напротив, вредят.

Высокого совершенства достигли многие виды ремесел и прикладного искусства. Имелись искусные мастера кузнечного дела и ювелиры. Особенно славятся, например, изделия из серебра и драгоценных камней ювелиров Бурятии, камнерезное и косторезное ремесла Тувы и многие другие промыслы.

* * *

В течение XX в. на территории Сибири утвердилось индустриальное производство и сформировалось общество, функционирующее на иных принципах, чем традиционные системы жизнеобеспечения, о которых шла речь выше. Народам Сибири пришлось или коренным образом изменить способы существования и воспроизводства, или адаптировать их к изменившимся условиям бытия, создать некие симбиозные формы.

Контакт обществ, ориентированных на натуральное самообеспечение, с обществом, построенным на принципах специализированной деятельности и обмена, вызвал важные перемены в основах бытия и обнаружил деструктивные тенденции по отношению к традиционным культурам, проявившиеся еще до революции 1917 г.

Народы, занимавшиеся скотоводством и земледелием, более легко включались в новую систему отношений, связанных с ориентацией на рынок.

Для промысловых народов, хозяйство и социальные отношения которых строились на личностных связях в микросреде общения, внедрение рыночных (опосредованно-вещных) связей оборачивалось большими потерями, они становились жертвами беспощадной торговой эксплуатации. Советская власть попыталась изменить неблагоприятные тенденции в жизни коренных обитателей Сибири, организовать ее на иных началах, прежде всего устранить неравноправные эксплуататорские отношения, а в перспективе — ликвидировать причины вековой отсталости и почву для национального неравноправия. Многие меры по развитию справедливых эквивалентных связей обмена, кооперативных начал, культурному строительству, созданию системы школьного образования и здравоохранения оказались своевременными и необходимыми. Относительно благоприятно развивались процессы создания современной профессиональной структуры деятельности у крупных этносов (бурят, якутов, тувинцев, хакасов, алтайцев, сибирских татар). Образование на русском и национальных языках вызвало быстрый рост национальной интеллигенции массовых и творческих профессий и становление в течение XX в. национальных культур нового, профессионального, уровня, отвечающих потребностям индустриального этапа. Были созданы национально-государственные образования (ныне республики Бурятия, Саха — Якутия, Хакасия, Тува, Горный Алтай в составе Российской Федерации). Сложнее оказались проблемы адаптации

к современным условиям бытия малочисленных промысловых народов. Благом стали ограждение от торговой кабалы, становление кооперативных принципов в производстве и снабжении, приемлемых в комплексном хозяйстве, развитие школьного образования, медицинского обслуживания, появление своей интеллигенции массовых профессий, создание возможностей профессионально заниматься творческой деятельностью, тенденции профессионализации культурной сферы.

Но в деле переустройства основ жизни были допущены и серьезные ошибки, прежде всего перегибы в политике коллективизации, с 1950—1960-х гг. — укрупнение хозяйств и сселение из мелких поселков в крупные, внедрение школ-интернатов, где дети надолго оказывались оторванными от семей, ведущих промысловое хозяйство, из-за чего нарушалась преемственность в передаче основ этнической традиции, т.е. попытка применить к промысловым народам принципы организации жизни в индустриальном обществе. На Севере нормальное жизнеобеспечение даже в современных условиях не может быть эффективным без сохранения микроареального расселения и природопользования и без поддержания максимальной самодостаточности и индивида, и общин, разумеется, при развитии обменных отношений и коммуникаций с внешним миром. К сожалению, оптимальная модель сочетания таких принципов не была найдена, а начавшееся с 1990-х гг. внедрение рыночных отношений резко ухудшило положение и усугубило негативные тенденции, сделав перспективы воспроизводства ряда обществ весьма туманными и тревожными.

Культуры многих коренных народов Сибири, имеющие свои заслуги перед человечеством, ныне нуждаются в срочной защите. Сумев адаптироваться в самых трудных для жизни районах, они выработали ряд норм и ценностей, в которых остро нуждается современное цивилизованное общество. К ним можно отнести глубокую, воспитанную тысячелетиями, экологическую культуру — навыки чрезвычайно бережного и заботливого отношения к природе, особенно хрупкой и уязвимой на Севере, традиции доброжелательного отношения и уважения к человеческой личности, проникнутого интуитивно точным пониманием ее уникальности и самоценности. Вся история жизни народов Сибири в труднейших природно-экологических условиях утверждает простые, но глубокие истины: преодоление, казалось бы, непреодолимых трудностей возможно только на основе широкого взаимообмена лучшими культурными достижениями и их внедрения применительно к локальным особенностям среды и только на основе широкой взаимопомощи, касается ли это отношений между народами или между личностями.

1. Народы Чукотки и Камчатки

Общие сведения. Крайний северо-восток Сибири образован полуостровами Чукотка и Камчатка. Здесь размещаются Чукотский автономный округ и Камчатская область Российской Федерации. Камчатская область (исключая быв. Корякский округ) имеет в основном русское население, хотя его *старожильческая* часть образовалась в значительной мере от смешения русских и *ительменов*. Местное коренное население сосредоточено в автономных округах (Чукотском и быв. Корякском). В языковом отношении оно относится к двум языковым семьям — северо-восточной *палеоазиатской* (*чукчи, коряки, ительмены*) и *эскалеутской* (*эскимосы и алеуты*). Имеются предположения об отдаленном генетическом родстве между этими языковыми семьями и о принадлежности их обеих к ностратическому языковому стволу. Бесспорно близкородственными палеоазиатскими языками могут считаться только чукотский и корякский; иногда как отдельные языки в рамках этой же семьи рассматриваются уже почти вышедшие из обихода керекский диалект чукотского и алюторский диалект корякского языков.

Антропологически все эти народы принадлежат к арктической малой расе северной ветви монголоидов. Ей присуще: наличие американоидных черт, сравнительно слабое развитие эпикантуса, резко очерченный неширокий нос с относительно высоким переносьем и прямой и даже выпуклой спинкой, среднее развитие волосяного покрова на лице у мужчин (борода), смуглая кожа, тугие иссиня-черные волосы. Лицо высокое, но не уплощенное, губы умеренно толстые, рост невысокий (в среднем 161—162 см у мужчин), телосложение массивное. Этот тип наиболее характерен для эскимосов, а также береговых чукчей и коряков, в состав которых, несомненно, вошел древний эскимосский субстрат. Оленным чукчам и корякам присущи некоторые черты североазиатской малой расы, характерной для континентальных монголоидов внутренней Сибири: более сильное развитие эпикантуса и более слабое — бороды, светлее пигментированная кожа, менее жесткие волосы. У ительменов и алеутов несомненна русская, а отчасти, видимо, и *айнская* примесь — результат смешанных браков XVIII—XIX вв. По данным археологии, ительмены генетически связаны с верхнепалеолитическим и раннеолитическим (10—5 тыс. тому назад) населением Центральной и Южной Камчатки. В конце этого же периода (т.е. первой половины голоцена послеледниковой эпохи) север Камчатки и всю прибрежную Чукотку населяли древние *эскалеуты* — общие предки эскимосов и алеутов, у которых уже начинали складываться ранние формы приморского хозяйственно-культурного типа (ХКТ) охотников на морского зверя. Формирование современных чукчей и коряков, по-видимому, связано с продвижением (скорее всего, не ранее начала нашей эры) оленеводческих групп из внутренних районов Сибири. Современные алеуты Командорских

о-вов, бывших до середины XVIII в. необитаемыми, были переселены сюда с западных островов Алеутской гряды в качестве работников Российско-американской компании (торгового объединения для освоения Русской Америки, 1799—1868).

Хозяйство. Общим компонентом в хозяйстве всех народов Северо-Востока Азии является рыболовство и охота на морского зверя; последняя у алеутов ведется больше ради меха (на котиков и каланов), а у остальных народов — ради мяса и жира. Жители побережья везде добывают мелких ластоногих (более всего нерп), а эскимосы и чукчи также моржей и даже китов. Оленеводческие группы чукчей и коряков сами промысла морского зверя почти не ведут, но потребляют немало мяса и жира морских животных, получаемых — как и тюленьи шкуры, ремни из моржовой кожи и пр. — путем обмена у приморских жителей. Рыболовством же они, хотя и в малых масштабах, занимаются и сами. В общем, можно считать, что роль зверобойного промысла с севера на юг убывает, а рыболовства — возрастает. До конца XIX в. у всех народов, кроме ительменов, были в употреблении *кайки* — закрытые кожаные лодки на деревянном каркасе с одним или несколькими (двумя и даже тремя — у алеутов) люками для гребцов. Самыми стройными и мореходными среди них были алеутские каяки, а наименее совершенными — корякские. Использование каркасных, обтянутых моржовой или тюленьей шкурой, лодок продолжалось и в XX в., но это уже были только открытые *байдары* — от одноместных до поднимающих более 20 человек. Ительмены пользовались *батами* — долблеными однодеревками, иногда сдваиваемыми, наподобие катамарана, для большей грузоподъемности и устойчивости; их используют и коряки. Наиболее широкое распространение в наши дни имеют *катера* и *вельботы* с навесными руль-моторами.

Ловля наваги. Резьба по моржовой кости. Чукотка

Средством наземного транспорта до недавнего времени служили собачьи упряжки с линейной запряжкой — а у командорских алеутов в недавнем прошлом — и с веерной запряжкой (заимствование с материка); — сейчас их почти вытеснили моторные снегоходы. *Дугокопильные нарты* народов Северо-Востока существенно отличаются в конструктивном отношении от *прямокопильных нарт* восточносибирского типа, имеющихся здесь как недавнее заимствование. На оленьих дугокопильных нартах совершают перекочевки и поездки на небольшие расстояния, на прямокопильных ездят на дальние расстояния и на охоту. Сухопутная охота — как с ружьем, так и с помощью западней и ловушек — ведется в основном на пушного зверя, главным образом песца. Раньше охотились также на диких оленей, горных баранов, но к концу XIX в. их численность сильно сократилась, а сейчас они почти исчезли.

Орудиями рыбной ловли служили сети из тонких кожаных ремней, на юге региона — из волокон крапивы. Употреблялись лесы с крючками, а при массовом ходе рыбы на нерест — сачки на длинной рукоятке. Коряки и ительмены строили запоры на нерестовых реках и били рыбу острогой.

Охота на морского зверя велась с помощью поворотного гарпуна (соединенный длинным ремнем с поплавком из нерпичьей шкуры, такой гарпун не дает убитому животному утонуть). Распространение в XIX в. огнестрельного оружия упростило морскую охоту, но необходимость в гарпуне сохранилась.

Оседлые жители побережий, эскимосы и ительмены, не восприняли оленеводства: собака оставалась их единственным домашним животным. У кочевых же чукчей и коряков оленеводство было самым крупнотабунным в тундровой зоне Евразии, но и самым примитивным. Оленегонных собак при пастьбе они не использовали и на нартах стада не объезжали, а работали пешком; чтобы

вернуть отбившихся животных в стадо, им приходилось очень много бегать за ними с арканом и метательным посохом. Особенно часто приходилось этим заниматься зимой — при нападении волков — или же летом, когда олени забредали на участок, богатый грибами, и в поисках грибов разбегались в разные стороны. (Сами аборигены северо-востока Азии грибов не едят и относятся к ним с крайней неприязнью. Исключение составляет мухомор, который употребляется в сушеном виде как наркотик-галлюциноген.) Только во второй половине XX в. при пастьбе оленей начали использовать ненецких оленегонных лаек. Южные коряки, заимствовав у русских лошадей, иногда пасут оленей верхом на лошадях.

Коряк-олeneвод

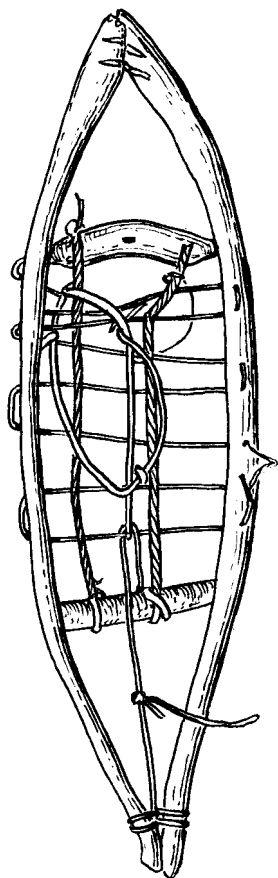

Ительмены за добытием огня традиционным способом. 1770-е годы.

Рис. из книги Г. Стеллера

Сочетание морского промысла с оленеводством давало корякам и чукчам определенные адаптационные преимущества по сравнению с эскимосами и ительменами. На протяжении XVIII—XX вв. численность эскимосов и ительменов неуклонно снижалась и составляет в настоящее время от 1,8 до 3,5 тыс. человек (для каждого из этих этносов). Численность же чукчей и коряков, напротив, возрастала, достигнув 16 тыс. человек у первых и 9 тыс. у вторых. Многие в прошлом «чисто» эскимосские поселки теперь стали чукотскими. Сочетание оленеводства и морской охоты позволяет в период зимнего похолодания, благоприятный для роста поголовья оленей, но малоподходящий для морской охоты, переходить от прибрежного образа жизни к кочевому тундровому, и наоборот. Оленевод, потерявший свое стадо, имеет шанс выжить, присоединившись к своим сородичам на побережье и перейдя к морскому промыслу. Разбогатевший прибрежный житель, напротив, приобретал все больше оленей, которых для него пасли его тундровые родственники, и, в конце концов, сам переходил к оленеводству. Как и в степях Центральной Евразии, у скотоводов кочевой образ жизни при стадах считался привольнее, желаннее и социально престижнее, чем оседлый образ жизни, и для девушки выйти замуж за оленевода было предпочтительней вступлению в брак с приморским зверобоем, тем более что и риск овдоветь во втором случае был выше.

У южных коряков, ительменов и алеутов хозяйство под русским влиянием приобрело многие черты русского крестьянского хозяйства. Более мягкий климат в районах их проживания позволяет заниматься коневодством, разведением дойного рогатого скота и даже огородничеством: возделыванием в немалых масштабах картофеля, репы, редьки, капусты. На севере Камчатки, особенно на Чукотке, эти занятия невозможны, однако повсюду распространено летнее собирание съедобных растений — шире всего, естественно, в силу более южного проживания, у ительменов (клубни лилии-сараны, стебли съедобных

Лыжа-ракетка чукчей

трав, ягоды, кедровые орехи), но также и у чукчей и эскимосов — даже в самой угнетенной тундре (листья трав, дикого лука, арктического щавеля, молодые листья карликовой ивы). Собирательство — дело женщин, которые заняты им в течение всего короткого арктического лета. Ягоды и листья запасают на зиму в кожаных мешках, заливая их жиром морского зверя. Листья также квасят. Сбору, кроме того, подлежат съедобные корни, которые толкут с жиром и ягодами. В наши дни, когда завоз в северные поселки фруктовых консервов резко сократился и эти консервы, как и мясные, сильно подорожали, население Арктики активно возрождает угасавшие было направления охоты и собирательства.

Пища. В питании жителей крайнего северо-востока Азии основными источниками калорий являются рыба, мясо и жир морских млекопитающих. Потребление жира доходит подчас до 600—700 г в день. Мясо, помимо употребления в свежем (а нередко и сыром) виде, заготавливают впрок: моржовое — зашивают в большие рулеты, мясом внутрь, шкурой — наружу и квасят в специальных обложенных камнем ямах; тюлень — вялят. Соли употребляют мало, жарить мясо тоже не принято, кроме разве китового. Подспорьем служит мясо водоплавающей птицы: уток-гаг, гусей, бакланов. Сейчас уже редкая трапеза обходится без покупного хлеба, в крайнем случае баранок или галет. Если нет и их, пекут мучные лепешки на тюленьем жире.

На юге региона, у ительменов и южных коряков, в питании главную роль играет рыба, особенно кета и горбуша — как в свежем, так и в вяленом виде (так называемая *юкола*). Лакомством считается *мантак* (эскимосское слово) — кожа кита с тонким слоем подкожного жира. Его едят как сырым, так и вареным. Травы и ягоды готовят как приправу к мясу. В течение всей зимы едят квашеное моржовое мясо (по-чукотски — *копальхен*). Коряки и ительмены квасят и рыбу, квашеные рыбы головы считаются лакомством.

Чукчи и коряки-оленьеводы питаются в основном олениной, но дополняют ее мясом и жиром морских зверей, получаемых от прибрежных жителей в обмен на олени шкуры. Помимо мяса оленя в пищу идут кишки, мозг, кровь и содержимое желудка оленей — *рилькэиль*, представляющее собой зеленоватую кашу из пережеванных трав и лишайников. Рилькэиль варят с добавлением крови и жира. При массовом забое оленей рилькэиль и кровь заготавливаются впрок в виде замороженных комков.

Одежда. В наши дни в быт жителей северных поселков прочно вошла одежда европейских фасонов — как покупная, так и та, которую местные мас-

терицы шьют сами по стандартным выкройкам. Но к журнальным моделям они нередко с немалой выдумкой добавляют и местные мотивы: расшивку бисером, отделку разноцветным мехом, декоративные детали из ярких частей птичьих шкур, т.е. всего того, что издавна шло на отделку традиционной нарядной одежды, домашних тапочек из тюленьей кожи, меховых ковриков, кожаных мячиков и других традиционных изделий, что продолжают изготавливаться и в наши дни. Женщины в качестве верхней летней одежды часто носят *камлейку* — мешкообразную глухую одежду с оторочкой и капюшоном, обычно из набивной ткани. Мужчины тоже носят камлейку, но покороче, чаще из водоотталкивающей ткани; ее надевают поверх прочей одежды в непогоду или выходя в море. Раньше такие непромокаемые камлейки шили из особым способом обработанных кишок морских зверей. Традиционные камлейки лучше «дышат», надежнее защищают от сырости, чем тканевые, но сложны в изготовлении и требуют особых ухищрений при хранении: их смазывают жиром, растягивают и т.п.

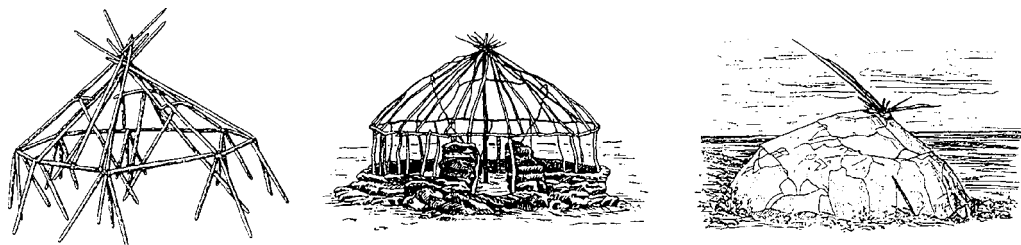
Более или менее полный комплект традиционной одежды носят во время кочевания в тундре, при пастьбе оленей, на рыбном или зверобойном промысле, при выходе в море.

Покрой традиционной одежды коренных народов Северо-Востока глухой, очень свободный. Ее шьют чаще всего из шкур молодых оленей и нерп, летнюю — из *ровдуги* (замши домашнего изготовления), белой или окрашенной корой ольхи в кирпично-красный цвет. Основу одежды составляет комплекс из меховой рубахи (*кухлянки*) и штанов. Зимой их — кухлянку и штаны — могут надевать в два слоя: нижний — мехом внутрь, а верхний — мехом наружу. Белья раньше не знали вовсе, теперь его носят обязательно. Подол, рукава, ворот часто обшивают пушистым мехом (песца, росомахи, собаки). Тюленьи шкуры используются только на одежду, носимую мехом наружу. Обувь (*торбаса*) делается с невысоким голенищем и носится с меховым чулком. На подошву идет кожа крупных тюленей или «щетки» (жесткошерстные подкопытные части шкуры) оленя. Рубаха-кухлянка подпоясывается, на поясе носят нож, кисет, точило и другие мелкие предметы. Головной убор шьется из меха разных цветов и имеет форму колпака или капора. Женская одежда чукчей состояла из мехового комбинезона (*керкер*). Комбинезоны шились и для детей, с санитарным клапаном в штанах, куда в качестве подгузника клали мох или оленью шерсть.

Корякская одежда отличается от чукотской наличием более широкой меховой оторочки на подоле (*упувана*), часто мозаичной, из меха разных цветов. Кроме того, у коряков имела особая погребальная одежда из белого оленьего меха, с удлиненной фалдой сзади, украшенная кистями, бахромой, орнаментальной опушкой. Белый цвет для погребальной одежды предпочитали и чукчи.

У ительменов и алеутов традиционная одежда вышла из употребления еще в начале XIX в.

Жилище. Народы северо-востока Азии имели очень разнообразные жилища. У береговых чукчей и эскимосов землянки и жилища на каркасе из китовых костей на протяжении XIX в. сменились *ярангами*, сходными с жилищами оленеводов. В середине XX в. модернизированные яранги в их поселках уступили место деревянным домам русского типа, уже давно ставшим основным видом жилища у алеутов и ительменов. Почти столь же давно, в середине XIX в.,

Чукотская яранга.

Слева направо: каркас переносной яранги (у оленеводов); каркас стационарной яранги (у морских зверобоев); внешний вид после покрытия оленьими шкурами

русские избы вытеснили восьмиугольные полуземлянки с входом через дымовое отверстие у береговых коряков. Но яранга и по сей день остается основным жилищем оленеводов, кочующих со своими стадами. По форме она — большой шатер, крытый моржовыми или оленьими шкурами, а в наши дни — плотной тканью или брезентом. Каркас состоит из шестов — почти вертикальных в нижней части и сильно наклоненных — в верхней. Прочность конструкции придают горизонтальные перекладки, а от срыва штормовыми ветрами ее защищают прислоненные нарты и оттяжки из ремней с привязанным к ним грузом, а иногда обкладка дерном.

Внутри к перекладинам яранги подвязывают 1—3 закрытых со всех сторон полога-балдахина из меха. Вверху полог имеет рукав для вентиляции, внизу — подстилку (тоже из меха). Даже небольшой источник света и тепла — жировая лампа с фитилем из мха — создает внутри такого полога столь высокую температуру, что в нем сидят, раздевшись до пояса и даже почти донага. Пологи, служащие для сна, ставятся в задней части яранги; передняя, расположенная ближе к входу, называется холодной. Здесь оставляют верхнюю одежду, выполняют хозяйственные работы, готовят пищу (раньше — на открытом очаге, а в наши дни — на примусе).

Черты социальной и духовной жизни. В духовной жизни и общественной организации между народами Северо-Востока больше различий, чем в материальной культуре. У чукчей не было родо-племенных делений. Приморские чукчи жили поселками, состоявшими как из родственников, так и из соседей. В крупных поселках имелось несколько *байдарных артелей*, в которые в основном объединялись родственники. Главой артели становился владелец байдары, он же, как правило, выступал как ее рулевой. Артель охотилась вместе и делила добычу по определенным правилам. В ней обычно было 8—10 охотников, представлявших пять-шесть семей.

Объединением оленных чукчей было стойбище, состоявшее тоже как из родственников, так и из примкнувших к ним соседей, также из пяти-шести семей, живших в трех-четырех ярангах и совместно выпасавших оленей, находившихся, однако, в собственности отдельных семей. Брак был индивидуальным, но мужья могли заключать союзы по временному обмену женами или на время уступали жен гостю в порядке гостеприимства.

Религиозные представления включали почитание духов, веру в перевоплощение душ предков во вновь родившихся детей. Сезонные праздники должны

были обеспечить удачу в морском промысле и сохранность стад. Имелись шаманы, которые могли наводить порчу или защищать от ее наведения, но сходные с шаманскими обряды мог проводить у себя дома и любой глава семейства.

Фольклор представлен мифами, сказками и легендами о военных столкновениях. Песни сочинялись или «находились» каждым для себя, они рассматривались как личная или семейная «интеллектуальная собственность». Имелись мужские и женские сольные и групповые танцы, своеобразные формы состязаний, например «соревнование в гримасах». В наши дни это наследие стало достоянием самодеятельных или полупрофессиональных ансамблей.

Художественная жизнь эскимосов во многом была и остается сходной с жизнью приморских чукчей. И у тех и у других высоко развита гравировка и объемная резьба по кости и моржовому клыку, другие виды орнаментально-прикладного искусства (вышивка, аппликация).

До начала XX в. эскимосы практиковали *татуировку* — мужчины накалывали на щеках кружки, имитировавшие носимые в прошлом костяные втулки (лабретки), из-за которых первые русские землепроходцы называли их «зубастыми чукчами». Женщины покрывали сложным узором все лицо, кисти и предплечья. Скучная татуировка была и у чукчей (у женщин) — несколько линий на лбу и вдоль носа. Более сложными, чем у чукчей, были у эскимосов обрядовые танцы, празднества, сопровождавшиеся драматическими представлениями в масках, имитацией охоты и поведения животных, с некоторыми элементами кукольного театра.

Эскимосы делились на племена, отчасти совпадавшие с крупными поселками. Внутри племен имелись родственные подразделения, обладавшие общей традицией, общими кладбищами, отдельными «кварталами» в рамках поселка и другими признаками рода, кроме главного — экзогамии, которая, возможно, существовала в старину, но утратила свою обязательность.

До примерно XIII—XIV вв. народы Северо-Востока практиковали грунтовые захоронения — многие могильники эпохи неолита ныне хорошо изучены археологически. С наступлением резкого похолодания и повышением уровня вечной мерзлоты в «эпоху малого ледникового периода» (XIV — начало XIX в.) произошел переход к простому труположению на поверхности тундры — у северных чукчей и эскимосов и к кремации на погребальном костре — у южных чукчей и коряков. Из-за этого период их жизни с XIV по XVIII в. изучен гораздо хуже. Контакты народов Северо-Востока с русскими промышленниками, казаками и купцами, а позднее — с европейско-американскими моряками и китобоями начались с середины XVII в. До того эти народы жили практически в каменном веке и технологически были наиболее архаичными среди народов Сибири.

Современные тенденции. В течение XX в. в быту, культуре и образе жизни коренного населения рассматриваемой области, как и в других районах Сибири, произошли, конечно, немалые изменения. Хозяйство и быт многих общин начали меняться еще до революции 1917 г. под воздействием торговых связей с «метрополией». Немало перемен принесло освоение Сибири уже в советское время. Появление значительного числа переселенцев стало само по себе одним из факторов перемен. Автохтоны постепенно втягивались в новые, до этого чуждые им виды деятельности, появлялись новые профессии, особенно по мере

развития образования. Конечно, все это не могло не сказаться и на состоянии традиционных отраслей, многие из которых деградировали. Такие процессы продолжаются и поныне, растет число национально-смешанных семей и поселков, где живут люди разной этнической принадлежности. Роль русского языка не только усилилась, но в ряде случаев начинает забываться и родной язык. Острый кризис не миновал и некоторые традиционные отрасли. Например, на Чукотке в 1990-е гг. поголовье оленей сократилось почти в пять раз. Все это ставит перед обществом и властями ряд сложно решаемых проблем, заставляет искать оптимальные пути сочетания новаций и этнических культур и их ценностей. В 90-е гг. XX в. появились и прочно вошли в жизнь и совершенно новые явления, ранее народам региона не свойственные.

Еще в 30-е гг. XX в. были созданы новые учебники на местных языках и заложена основа образования на них; в настоящее время преподавание родного языка ведется (в основном до 8 класса) в школах Чукотки, в поселках эскимосов, в корякских и ительменских селениях, у алеутов о. Беринга. Появились и свои формы профессионального искусства. Некоторые из них (например, косторезный промысел) продолжают старые традиции. То же можно сказать и о получившем широкую известность творчестве национальных танцевальных коллективов: корякского «Мэнго», чукотско-эскимосского «Эргырон», ительменского «Эль-вель» и др. Приобрели известность художники, поэты, прозаики, творчество которых популярно на Севере, давно и хорошо известно за его пределами. Среди них можно назвать чукчей В. Ятыргина, Ю. Рытхэу, А. Кымытваль, эскимоса Айвангу, коряка Коянто (В. Косыгина) и многих других. Сложилась система подготовки кадров местной интеллигенции: Анадырское педучилище народов Севера, Хабаровский пединститут. Книги на местных языках издаются в Магадане и Петропавловске; в Анадыре, Палане и других поселках существуют краеведческие музеи, школы искусств, ведутся теле- и радиопередачи на языках коренного населения, выходят приложения окружных газет. Конечно, в опыте контакта современной цивилизации с традиционными культурами остается еще немало нерешенных и труднорешаемых проблем, но важно то, что он происходит, а поиск решений постоянно ведется, и многие представители коренного населения не только понимают необходимость такого взаимодействия культур, но и активно в нем участвуют.

2. Народы нижнего Приамурья, Приморья и Сахалина

Эти области вошли в состав России только в 1850-х гг. За шесть веков до того полчища Чингисхана стерли с лица земли высокоразвитую культуру — богатые и цветущие города, земледельческие поселения, — созданную руками обитателей Приморья. Уцелели лишь те, кто жил в глубокой тайге и на берегах нижнего Амура и его притоков — племена рыболовов и охотников.

Истоки культуры и быта нескольких народов, сохранившихся в бассейне Амура и на Сахалине, восходят еще к неолиту, когда здесь сложился своеобразный ХКТ оседлого рыболовства, основу которого составляла массовая сезонная заготовка рыбы во время ее хода в реки на нерест. Однако уже тогда оседлое рыболовство не было единственным способом жизнеобеспечения в бассейне Амура и в Приморье. Данные археологии свидетельствуют о том,

что существовали три специфические неолитические провинции: среднеамурская, нижнеамурская и приморско-уссурийская. В первой и третьей из них, наряду с сохранением большой роли охоты и рыболовства, стали появляться очаги производящего — земледельческого хозяйства. Об этноязыковой принадлежности носителей перечисленных видов специализации хозяйства говорить крайне сложно. Можно лишь предполагать, что среди них были представлены предки современных нивхов: среди народов региона они единственные, у кого язык относится к палеоазиатской группе.

Приамурье и Приморье уже в древности попали в сферу внимания китайских летописцев, которые называли местных жителей *сушэнями*, *илоу* (*ироу*), *мохэ*. Относительно сушэней некоторые авторы, ссылаясь на данные топонимии, параллели в фольклоре и космогонических представлениях, в деталях орнамента, сохранившихся у современных этносов региона, делали предположения, что они относились к племенам аустронезийского происхождения, родственным *вьетам*, позднее вытесненным или ассимилированным тунгусскими пришельцами.

Внедрение тунгусоязычных пришельцев, бывших тогда охотниками, в местную среду оседлых земледельческих племен Приморья и оседлых рыболовов Приамурья заняло несколько веков на рубеже новой эры. Этот процесс завершился культурно-языковым синтезом: переходом местного населения на тунгусский язык пришельцев (кроме предков нивхов), при сохранении местных адаптированных к условиям среды способов жизнеобеспечения. В первые же века нашей эры Дальнего Востока достигли и миграционные потоки тюрок, близких уйгурам, которые, растворившись в местной тунгусоязычной среде, принесли сюда культуру коневодства. Так сложились культурно-хозяйственные и языковые основы двух замечательных по уровню развития ранних государственных образований древности — царства Бохай (начало VIII в. — 926 г.) и Алтун Гурунь (Цзинь) — «Золотой империи» тунгусоязычных *чжурчжэней* (1115—1234), с которыми считались и могущественные правители Китая. Южные районы Приморья входили в состав этих государств. Чжурчжэни, неоднократно наносившие чувствительные удары монголо-татарам, противостоявшие их экспансии на восток, долго и отчаянно сопротивлялись завоевателям. Вероятно, поэтому монголо-татары с такой жестокостью расправились с побежденными: стерли все поселения с лица земли и поголовно истребили население. Сохранившиеся обитатели нижнего Амура, Сахалина и Приморья, таким образом, родственны чжурчжэням лишь по языку; в культурно-хозяйственном отношении они наследники древней местной культуры оседлых рыболовов и охотников.

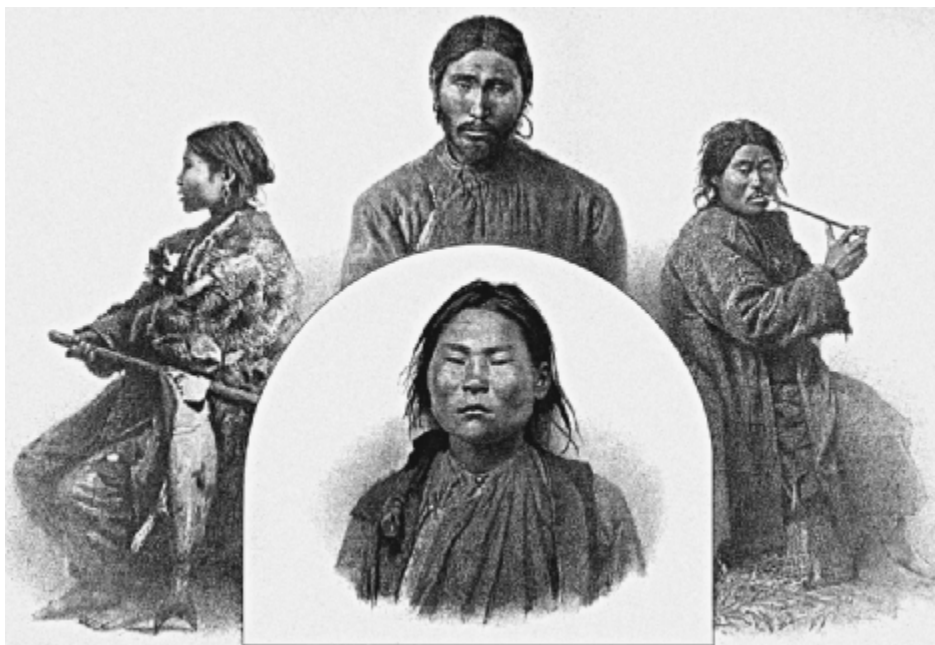
Народы. Самый крупный из этих этносов — живущие по Амуру ниже Хабаровска и по его притокам *нанайцы* (12 тыс., старое название — *гольды*, самоназвание — *нани*). Ниже нанайцев по Амуру живут *ульчи*, имеющие то же самоназвание *нани* (3,1 тыс.). В Хабаровском крае, на Амуре и по р. Тумнин, впадающей в Татарский пролив севернее г. Советская Гавань, живут *орочи* (самоназвание *орочисэл*, или *нани* — последнее заимствовано от соседей нанайцев, 0,9 тыс.). В Уссурийской тайге (в Хабаровском и Приморском краях) живут близкие орочам по языку *удэгейцы* (1,7 тыс.). В Хабаровском крае, по р. Амгуни (левому притоку Амура) живут *негидальцы* (0,8 тыс., самоназвание — *негида*),

Нанаец. Рис. 1870-х годов. По Л. Шренку

на севере Сахалина — *ороки* (самоназвание *ульта*, *уйльта*, численность, по разным оценкам, от 0,2 до 0,4 тыс.). Языки всех этих этносов относятся к тунгусской группе алтайской семьи, к ее южной подгруппе (кроме негидальского). Язык негидальцев близок к эвенкийскому и относится к северной подгруппе тунгусских языков. Численность же *нивхов* (старое название — *гилляки*), самого древнего из обитающих ныне этносов региона, — 5,3 тыс. человек.

Итак, сложившийся еще в глубокой древности хозяйственный уклад и быт оседлых рыболовов нижнего Приамурья и Сахалина до последнего времени сохранял значение ведущего способа жизнеобеспечения нескольких автохтонных этносов Дальнего Востока, почти не подвергшись влиянию соседних высокоразвитых цивилизаций Китая, Японии, Кореи и России.

Нивхи. Рис. 1870-х годов. По Л. Шренку

Хозяйство. Культура оседлых рыболовов строилась на основе сезонной добычи «проходной» рыбы (лососевых) в период нереста, когда рыба сплошным потоком устремляется для метания икры из моря в дельту Амура и других рек Охотского бассейна, поднимаясь вверх по течению. Именно в этот период путины, занимающий здесь, в зависимости от района, август или сентябрь («Великий рыбный месяц»), и заготавливалось основное количество рыбной пищи, которая составляла главное пропитание до следующего сезона.

Способы традиционной добычи и заготовки рыбы в период путины возникли в глубокой древности и в основе своей сохранялись до XX в. Практиковалось строительство запоров, перегораживающих (в основном частично) течение реки, в сочетании с сетевыми ловушками. Употреблялись сети и неводы (разнообразных форм и типов), при помощи которых можно ловить рыбу как с лодки, так и стационарными способами. Применялось множество крючковых снастей и удочек, а также острога. Одним из самых эффективных способов добычи лососевых было строительство так называемых заездков. Они представляли собой забор из вбитых в дно реки деревянных кольев, плотно пригнанных друг к другу и перегораживавших ход рыбы вверх. В одном или нескольких местах заездка оставлялось отверстие для сети. Натываясь на преграду, рыба устремлялась в это отверстие и очень быстро заполняла сеть. Задача рыбаков состояла в том, чтобы переправить заполненную сеть на берег и поставить новую.

Выловленную рыбу обрабатывали и консервировали. Древним способом консервации было приготовление *юколы*. Пластины рыбьего мяса отделялись от скелета и головы и развешивались на специальных вешалах для вяления на солнце. Голова и скелет рыбы с остатками мяса также высушивались и служили кормом для собак (собачья юкола). Из внутренностей рыбы вытапливался жир. Он также использовался для приготовления пищи и входил в состав многих традиционных блюд.

Такой способ ведения хозяйства определял относительно оседлый образ жизни. Поселки обитателей побережья Амура и нивхов Сахалина тяготели к берегам рек, местам, удобным для добычи проходной рыбы. Впрочем, представление о полной оседлости этих народов и сосредоточении всей их хозяйственной жизни вблизи приречных поселений было бы не вполне верным. Добыча лососевых служила не единственным источником пополнения запасов пищи. У групп, обитавших на Сахалине и на материке недалеко от Охотского побережья, немаловажным подспорьем оставалась охота на морского зверя и добыча рыбы других пород, отличавшаяся по способам лова от описанных выше. Среди морских животных главными объектами охоты были нерпа, у которой особенно ценились жир и шкура, тюлень и белуха. Промысел морского зверя приходился в основном на весну. Жители некоторых поселков, расположенных далеко от морского побережья (например, ульчи и негидальцы), в апреле, после вскрытия моря ото льда, приходили на берег для охоты на нерпу и строили здесь временные поселки. Морских зверей добывали чаще всего с берега, используя для этого гарпуны или острогу на длинном древке.

Не пренебрегали и охотой на лесную дичь. У обитателей приречных рыболовецких селений она играла вспомогательную роль. Но у жителей глубинных таежных районов (удэгейцев, орочей, нанайцев притоков Амура, негидальцев

верховьев Амгуни, ороков) охота имела столь же важное значение, сколь и рыболовство, или даже стояла по значению на первом месте. Охотились на крупного мясного зверя в течение всего года. Зимой вели загонную охоту на лося и оленя по глубокому снегу, весной — по насту, а летом подкарауливали добычу, сидя в лодках и приманивая животных при помощи манка, имеющего форму трубы. Объектами охоты были также кабарга, косуля, изюбрь, кабан и медведь. В прошлом охотились при помощи лука и стрел, копья (*гита*, или *гида*), самострелов. С конца XIX в. в охотничий быт прочно вошли ружья. Пушных зверей, мех которых находил и раньше сбыт в Китае и Маньчжурии, добывали при помощи разнообразных ловушек давящего типа, петель, сеточек-рукавчиков (на соболя) и др. В России пушнина стала одним из постоянных товаров, обменивавшихся на привозные товары и продовольствие. Отправлялись на пушную охоту обычно в октябре—ноябре, а возвращались в феврале—марте.

Рыбная ловля в течение года также требовала подвижности. Нанайцы, например, после вскрытия Амура отправлялись на осетровые угодья, затем переезжали в места лова частиковых рыб (мелких, добываемых частым неводом). Зимой занимались и подледной добычей рыбы острогой, удочками, подледными сетями.

Важную роль в традиционном быту имел сбор ягод, орехов, съедобных клубней и злаковых, а также волокнистых и лекарственных растений.

Смена мест обитания и промыслов делала необходимым применение транспортных средств. Ряд народов региона был известен как любители собак, которые здесь использовались и на охоте, и в упряжке с нартой. Многие семьи держали по два-три десятка собак. Собак нередко приносили в жертву при совершении различных обрядов. Кроме того, широко употребляли собачий мех для шитья зимней одежды, а мясо — в пищу.

Зимой постоянно пользовались и лыжами — как *голицами*, так и *подбитыми мехом*. Нередко охотник отправлялся на промысел на лыжах, перевоза поклажу на ручной нарте, иногда прибегая к помощи одной-двух собак. Ороки, а также верховые негидальцы, пользовались на зимнем промысле и оленным транспортом, передвигаясь по зимней тайге верхом на оленях. Впрочем, орокам была известна и езда на оленях в упряжи, причем они пользовались нартой особого типа, не известной другим оленеводческим народам Сибири, которую тянул один олень.

Летом как главное средство передвижения по рекам использовались лодки разных видов: большие многовесельные, сшитые из досок (чаще кедровых), употреблявшиеся на Амуре; малые дощатые плоскодонки, долбленки из ствола тополя, берестяные *оморочки*. На последних обычно передвигались по малым таежным рекам.

Поселения и жилища у народов нижнего Амура, Приморья и Сахалина зависели от ориентации хозяйства их обитателей. Поселки обитателей крупных рек, специализировавшихся на рыболовстве, были, как правило, более крупными, чем в тайге. Чаще всего поселение состояло из трех-пяти домов, занятых родственными семьями и соседями. Вблизи поселений находились места традиционных рыбных промыслов, хотя другие угодья для рыболовства и охоты могли располагаться и довольно далеко от зимних стационарных поселений, и там сооружались временные жилища. Традиционные места охоты и рыболовства

обычно сохранялись в пользовании семьи и передавались потомкам. Приоритет первичного пользователя в общественном сознании и нормативной практике охранялся обычаем. Но и запретов на пользование «чужими» угодьями не существовало.

Традиционные типы жилища на зимниках представляли собой или полу-землянки с врытым в землю срубом, четырехугольные в плане, или наземное четырехугольное жилище каркасной конструкции, стены которого сооружались из бревен, вставлявшихся в пазы, или из обмазанных глиной прутьев. Последний тип близок китайской *фанзе*. Крышу обычно делали двускатной, покрытой снопами травы. Специфической чертой местного жилища была система отопления. Раньше в доме типа фанзы сооружались две-три печи для обогрева и приготовления пищи. От них шел дымоход, который проходил под построенными вдоль стен глиняными полами внутри нарами, обогревавшимися дымом. Дымоход выходил за пределы дома, где поодаль от его стен ставили высокую трубу.

К началу XX в. большие фанзы, в которых обитали патриархальные семьи, стали уже редкостью, уступив место малым фанзам с одной печью и двумя нарами, а затем распространились бревенчатые избы русского типа, отапливавшиеся печами из листового железа. Но независимо от типа и конструкции жилища рядом всегда сооружались хозяйственные постройки — амбары на сваях, в которых хранились запасы пищи и инвентарь. Здесь же располагались вешала из жердей для сушки сетей и приготовления юколы.

Большим разнообразием отличались временные жилища на сезонных поселениях. Это были и полуземлянки с берестяной кровлей, и легкие каркасные дома, крытые берестой или снопами травы, и каркасные шалашы полусферической формы, и конические жилища типа чума, крытые берестой или сшитыми рыбьими кожами.

Одежда. Рыбья кожа, имевшаяся в изобилии, раньше широко употреблялась и для шитья одежды и обуви, но уже с XIX в. она стала быстро вытесняться покупными тканями. Неизменным, однако, сохранялся тип одежды. Это был

Пожилые супруги-удэгейцы
в национальных костюмах

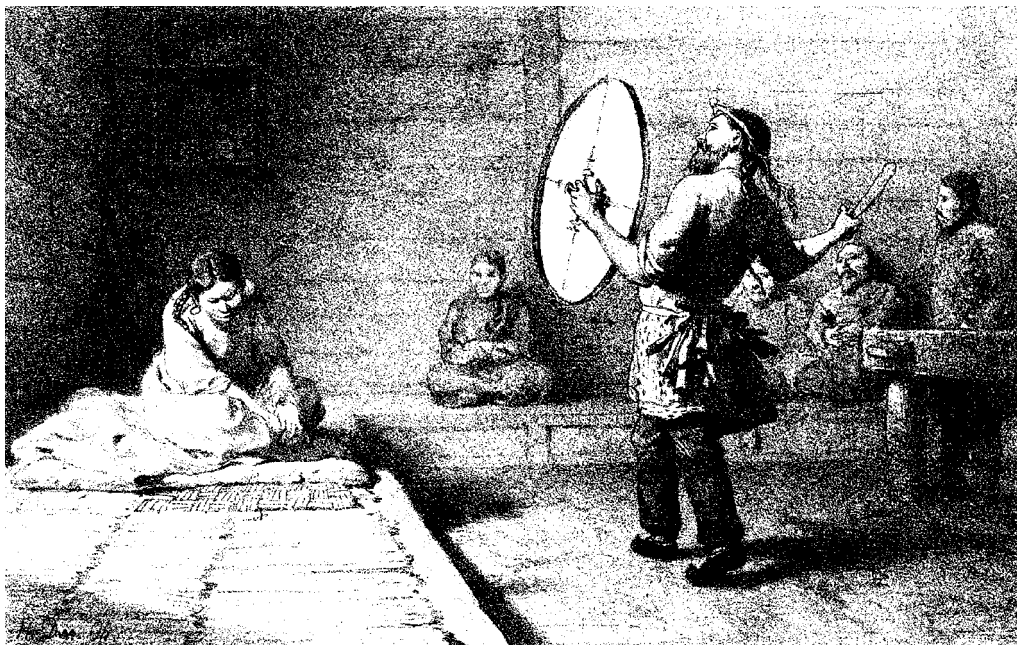
традиционный халат с запахом направо (иногда с застежкой на правом боку), по покрою похожий на кимоно. У женщин он довольно богато отделывался орнаментом по полам и на спине. Женский халат был длиннее, мужской короче. Под халатом носили штаны и *ноговицы*. Зимой носили меховые шубы. Мех использовался разнообразный: нерпичий, олений, собачий и т.п. Для отделки пользовались шкурками пушных зверей — лисы, соболя, белки. Бытовало довольно много видов промысловой одежды. Например, на промысле мужчины носили зимой короткие куртки из меха лося или оленя, на рыбном промысле — различные фартуки из рыбьих кож, нарукавники, наколенники, короткие юбки из нерпичьей шкуры. Стойко сохранялась такая деталь одежды, как нагрудник из меха (эвенкийского типа). Он надевался под халат. Женский нагрудник богато украшали бисером и металлическими подвесками.

Семья и пережитки рода. В хозяйственном быту промысловых народов Приамурья и Сахалина производственной ячейкой, относительно самостоятельной, была малая семья.

Вместе с тем многие виды промыслов требовали кооперации рабочих рук. В силу этого в жизни всех этносов региона большую роль сохраняли родовое деление и родовые отношения. Род был экзогамной единицей, браки допускались только вне его. Однако род не обладал территориальным единством: по всем данным, в пределах поселка обитали семьи разных родов и члены одного рода могли быть рассеяны между поселками, отстоявшими друг от друга иногда не только на десятки, но и на сотни километров. Однако родовая принадлежность накладывала на людей взаимные обязанности оказывать друг другу в случае необходимости обязательную и безвозмездную помощь. Вероятно, поэтому измельчавшие роды, насчитывавшие мало людей, иногда вступали между собой в отношения коллективного искусственного родства, считались как бы породненными. Этот союз родов назывался *даха*. Между членами союза *даха* действовали такие же экзогамные запреты, как и внутри кровного рода. Члены одного рода сохраняли и некоторое культовое единство, проявлявшееся при проведении совместных религиозных обрядов и праздников.

Верования. В религиозно-культовой практике народов региона сохранялось немало архаичных представлений и обрядов, хотя формально часть автохтонного населения еще в XIX в. была обращена в православие. На деле же преобладали анимистические шаманские представления. К шаману обращались в случае болезней, для гадания о предстоящем промысле и т.д. Одной из главных обязанностей шамана у народов региона было «сопровождение» души умершего в постоянное место ее обитания — нижний мир. Эту функцию могли выполнять только авторитетные, признанные, «сильные» шаманы.

Кроме шаманской практики большое место в религиозных представлениях и обрядах занимали культы стихий и хозяев природы — огня (этот дух представлялся женским персонажем), моря (образ хозяина моря был персонифицирован косаткой, которой делали жертвоприношения), тайги. У ульчей сохранялось поклонение близнецам, рождение которых воспринималось как большое событие. Одним из интересных явлений в жизни народов региона были остатки тотемистических верований. К ним относится главным образом почитание тигра и медведя. У некоторых удэгейских родов, например, бытовало представление об их особых отношениях с тигром, которого запрещалось убивать,

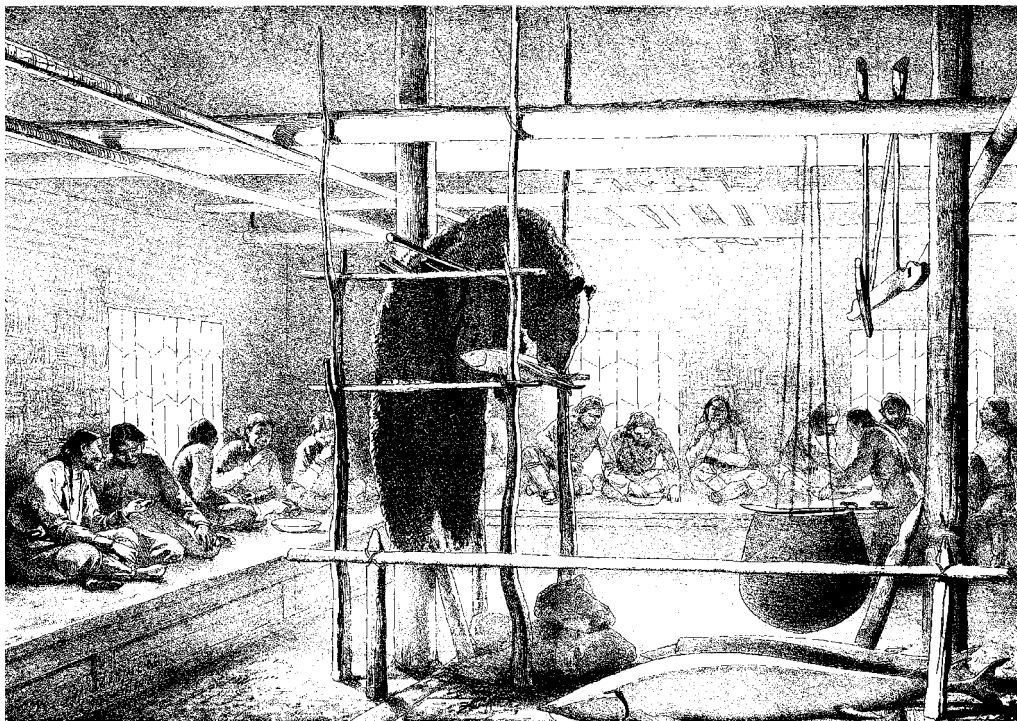
Нивхский шаман, занимающийся камланием у постели больной.

Рис. 1870-х годов. По Л. Шренку

а употреблять в пищу животных, убитых тигром, разрешено было только представителям этих родов.

Особенно известны обычаи почитания медведя, в той или иной мере присущие всем народам региона. Употребление в пищу добытого на охоте медведя сопровождалось всегда множеством табу, особенно касавшихся женщин, и специальными обрядами. У некоторых групп все черепа добытых медведей хранились в специальном родовом амбаре, куда их привозили сородичи даже из отдаленных поселков. Этнографами описаны специфические ритуалы проведения ежегодных родовых медвежьих праздников у нивхов, которые специально выращивали и откармливали для таких целей медвежат, иногда в течение нескольких лет, содержали их в специальных клетках, а во время медвежьего праздника водили по домам. В ритуальном убийстве и поедании медведя главную роль играли не представители рода — хозяина медведя, а род зятьев (у нивхов, в отличие от тунгусоязычных народов, не принято было отдавать женщин в род матери, их отдавали в третий род). Праздник сопровождался играми и спортивными состязаниями.

В духовной культуре и народном творчестве народов нижнего Амура, Приморья и Сахалина также сохранялось много своеобразных черт. Весьма разнообразны были формы фольклора — космогонические предания, сказки и легенды, мифология. Некоторые сюжеты местной космогонии имеют неожиданные параллели у народов Океании. В прикладном искусстве народов региона широко применялись аппликация, вышивка, резьба по дереву и др.; орнаменты имели весьма характерный криволинейный рисунок (при этом некоторые мотивы

Медвежий праздник у нивхов. Праздничный обед. Рис. 1870-х годов. По Л. Шренку

прослеживаются археологами еще с неолита), употреблялись различные растительные мотивы и др. В народной культуре автохтонных этносов содержится большое количество рациональных знаний и наблюдений над жизнью природы, существовали свои системы счета, метрология и т.д., в народной медицине употреблялось немало лекарственных растений и практиковались местные, вполне рациональные и эффективные, способы лечения.

Новые явления. В течение XX в., особенно в послереволюционный период, в жизни автохтонных этносов произошло очень много существенных перемен, изменивших традиционный уклад жизни. Большую роль сыграло распространение школьного образования, внедрение современного здравоохранения и разнообразной техники. Среди коренных обитателей региона появилось немало представителей интеллигенции, в частности учителей и врачей. Появились и собственные ученые — лингвисты, филологи, этнографы, свои писатели. Среди последних широкую известность получили нанайец Григорий Ходжер, удэгейец Джанси Кимонко, нивх Владимир Санги. Вместе с тем возникло и немало обстоятельств, представляющих угрозу сохранению этнических культур. Так, проведенное в свое время укрупнение поселков и хозяйств подорвало основы воспроизводства традиционных культур и дало толчок миграционным процессам, что способствует утрате навыков традиционного жизнеобеспечения и ведет к постепенной ассимиляции автохтонов в среде пришлого населения по мере освоения современных профессий и видов труда и распространения

национально-смешанных браков. Например, среди нивхов по переписи 1989 г. уже более половины являются городскими жителями. Подавляющее большинство молодежи уже не владеет местными языками. Внедрение в последние десятилетия рыночных отношений, губительных для традиционных культур, еще более усложняет перспективы воспроизводства автохтонных народов, ибо пути решения имеющихся и возникающих проблем еще не найдены. Впрочем, усилившийся интерес части молодежи к традиционным культурам, создание ассоциаций малочисленных народов с целью борьбы за сохранение культурного наследия и создание нормальных условий воспроизводства вселяют некоторые надежды на их решение в будущем.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ

1. Общие сведения

Северный Кавказ — часть Кавказа, входящая в состав Российской Федерации. В административном отношении он представлен семью республиками — субъектами Российской Федерации: Республикой Адыгеей, Республикой Дагестан, Республикой Кабардино-Балкарией, Республикой Карачаево-Черкесией, Республикой Ингушетией, Республикой Северной Осетией — Аланией, Чеченской Республикой. Его частью являются также Краснодарский и Ставропольский края, в населении которых преобладают русские.

В физико-географическом отношении это часть Кавказа, расположенная к северу от Главного Кавказского хребта. При разнообразии природных условий здесь заметно общее нарастание аридности (сухости климата) по оси северо-запад — юго-восток. Чем далее на восток, тем суше становится климат и скуднее увлажнение, уменьшается количество лесов, снижается плодородие почв и нарастает дефицит пахотной земли, что особенно проявляется в Дагестане.

Культура коренных народов Северного Кавказа носит ярко выраженный характер приспособления к условиям местной среды, в основном степным или горным. Хотя территория региона имеет широкий выход к морям (Черному, Азовскому и Каспийскому), техника мореплавания в прошлом практически отсутствовала и рыболовство занимало минимальное место в хозяйстве местного населения — как на западе, в равнинной части абхазо-адыгского ареала, так и на востоке, на прибрежных равнинах Дагестана.

Положение Северного Кавказа (как и Кавказа в целом) между двумя морскими бассейнами с давних пор сообщало ему роль «моста» для миграций разных народов. Конечно, горы осложняли такие перемещения, но не представляли для них непреодолимого препятствия. Сильная расчлененность поверхности, отсутствие обширных по площади труднодоступных массивов делали большую часть пригодного для обитания человека высокогорья сравнительно легкодостижимой со стороны равнин. Все это облегчало межэтнические контакты. В других случаях горы выступали убежищем для местного населения при возникновении опасности для его жизни от завоевателей.

Физический тип населения. В процессе исторического развития на Северном Кавказе сложилась исключительная этническая, языковая и культурная пестрота населения. Вместе с тем систематическое перемешивание населения привело к относительной расовой однородности его жителей. Горцы Кавказа принадлежат к южным европеоидам, к *кавказскому субварианту* балкано-кавказской малой расы. Среди населения районов, прилегающих к Каспийскому морю, а также на крайнем западе, в Черкесии и Адыгее, есть представители различных вариантов индо-средиземноморской малой расы. Ногайцам, обитающим в степях Дагестана, присуща заметная монголоидность. У ногайцев Карачаево-Черкесии она выражена слабее вследствие давних межэтнических браков с соседними горскими народами.

2. Языки

Коренное население Северного Кавказа говорит на языках кавказской (абхазо-адыгская и нахско-дагестанская подгруппы), алтайской (тюркская подгруппа) и индоевропейской (иранская подгруппа) языковых семей. Такая дробность — следствие сложной этнической истории народов региона. В древности нахско-дагестанские народы занимали более обширный ареал, охватывавший также Кавказскую Албанию (северная часть территории современного Азербайджана) и восточные области Армении и Грузии, где следы их пребывания сохранились в топонимике.

Нахско-дагестанская ветвь состоит из двух групп — *нахской* и *дагестанской*. Нахские языки — *чеченский* и *ингушский*.

Дагестанские языки делятся на три группы (около 30 родственных, но самостоятельных языков). Это, во-первых, северная, или *аваро-андо-цезская*, группа, к которой относят: *аварский* язык; языки андийской подгруппы (*андийский*, *ахвахский*, *ботлихский* и др.); языки цезской подгруппы (*цезский*, *хваршинский* и др.). Народы, говорящие на языках андийской и цезской подгрупп, официально считают этническими группами аварцев, однако они сохраняют свое самосознание, некоторые особенности культуры, а аварский язык считают своим вторым языком.

Вторую, *центральную*, группу дагестанских языков образуют *лакский* и *даргинский* языки; два диалекта последнего, *кайтагский* и *кубачинский*, следует считать самостоятельными языками, а их носителей — отдельными от даргинцев народами.

Третья — *южная*, или *лезгинская*, — группа представлена языками собственно *лезгин*, а также *табасаранцев*, *рутульцев*, *агулов*, *цахуров*. Кроме того, к ней относятся языки ряда малочисленных этносов, обитающих в Закавказье: *удин* (жителей нескольких селений на северо-западе Азербайджана), *крызов*, *джеков*, *будугов* и *хиналугцев*, населяющих район горы Шахдаг на севере Азербайджана.

Абхазо-адыгские языки родственны языку *хаттов* (*протохеттов*) — древних жителей Центральной Анатолии. На языках *абхазской* подгруппы абхазо-адыгских языков говорят живущие в Закавказье *абхазы*, а также *абазины*, ныне населяющие предгорья Северо-Западного Кавказа. Языки этих народов взаимопонимаемы, особенно абхазский и ашхарский диалект абазинского языка.

Адыгские языки объединяют языки *адыгейцев*, *кабардинцев*, *шапсугов* и *черкесов*. Ближким к ним был практически исчезнувший язык *убыхов*, переселившихся во второй половине XIX в. в Турцию и не сохранившихся как этнос на территории Кавказа.

Осетинский язык относится к *восточноиранской* ветви индоевропейских языков. Он восходит к сармато-аланским языкам раннего Средневековья. К *западноиранской* ветви индоевропейских языков относятся языки *татов*, проживающих в Дагестане и Азербайджане, и *горских евреев*.

Представлены на территории Северного Кавказа и *тюркские* языки; на них говорят *кумыки* Дагестана, *балкарцы*, *карачаевцы* и *ногайцы* (язык последних относится к кыпчакской ветви тюркских языков).

3. Этнические процессы

Несмотря на языковое разнообразие, народы Северного Кавказа отличает физическое и культурное единство. Заселение Северного Кавказа в древности связано с несколькими миграционными потоками из близких областей Западной Азии. Оно началось в эпоху палеолита и продолжилось в неолите, когда окраинными путями, по побережьям Черного и Каспийского морей, сюда проникли (из Малой Азии и с территории нынешнего Ирана) земледельческие народы, заселившие к рубежу III—II тыс. до н.э. почти всю территорию Северного Кавказа. Со II тыс. до н.э. население Северного Кавказа попало под сильное влияние степных племен Юго-Восточной Европы, в которых исследователи видят древнейших *ираноязычных индоевропейцев*. Но их воздействие на местные племена было неодинаковым. В одних случаях произошло этническое и культурное смешение с преобладанием степных элементов, в других — этого не случилось. Иранский компонент усилился в раннем железном веке в связи с образованием *скифского* государства в Юго-Восточной Европе. В конце I тыс. до н.э. скифов сменили иранские по языку племена *сарматов*. При этом ряд племен Прикубанья — предки современных *адыгов* — сохранили свой язык и культуру. Иной была ситуация в Приэльбрусье, куда проникли отдельные группы сарматов, расселившиеся среди аборигенов — предков *осетин*, *карачаевцев* и *балкарцев*. Наиболее активными среди них были племена *аорсов*, а позднее — *аланов*. Аланскую языковую традицию продолжили осетины. Однако осетинский язык представлен двумя диалектами — *иронским* и *дигорским*, которые существенно различаются. Это свидетельствует о том, что влияние аланов на предков современных иронцев и дигорцев было неодинаковым.

Процесс формирования северокавказских народов усложнили, усилив их этническое многообразие, политические события I тыс. н.э., связанные с появлением *гуннов*, чей язык принадлежал к тюркской ветви алтайской языковой семьи. Аланы, спасаясь, уходили в горы, усилив ираноязычный элемент в горных районах Центрального Кавказа. За гуннами последовали другие тюркоязычные кочевники более поздних эпох (*булгары*, *кыпчаки*). Тюркское влияние на Северном Кавказе особенно усилилось в половецкую (куманскую) эпоху (XI—XIII вв.). В Дагестане это проявилось в формировании кумыков. В Приэльбрусье, Балкарии и на Верхней Кубани завершилась тюркизация предков карачаевцев и балкарцев, сохранивших память о своих местных кавказских корнях и аланских предках.

Появление степняков не изменило картины этнического развития и языков местного населения на востоке Северного Кавказа — народов Дагестана, чеченцев и ингушей. Сохранили свои языки и малые народы горного Центрального и Южного Дагестана, куда почти не проникли степные народы.

С конца XIV по XVII в. на Северо-Западный Кавказ из Восточного Причерноморья происходила миграция группы абазин — в прошлом крупной этнической общности, известной в источниках под именем *абазов*, в состав которых, как считают некоторые исследователи, входят абхазы и убыхи.

Происхождение тюркоязычных ногайцев непосредственно с территорией Северного Кавказа не связано. Их этническая история ведет начало от времени распада Золотой Орды (конец XV в.). Этноним *ногайцы* восходит к имени хана

Ногай (вторая половина XIII в.). Это был крупный государственный деятель, имя которого не исчезло из народной памяти, несмотря на ликвидацию Ногайского улуса. В письменных источниках термин *ногайцы* в качестве этнонима появляется в конце XV в. Несмотря на проживание на территории Предкавказья, ногайцы сохранили свой тюркский язык, но вследствие контактов с горцами приобрели, особенно на Северо-Западном Кавказе, много новых черт в культуре. В настоящее время территория их расселения не монолитна. Это степные районы Дагестана и Карачаево-Черкесии.

Этническое многообразие населения Северного Кавказа усложнилось вследствие формирования русского казачества и создания крестьянских поселений, а также переселения на его территорию представителей армян, грузин, греков, эстонцев и других народов.

История Северного Кавказа полна войн, набегов, конфликтов, столкновений. Крупнейшие из них были связаны с нашествиями извне. На местном уровне они возникали из-за кровной мести, угона скота и т.д. Это были, как правило, конфликты между властителями, родами, общинами, семьями, но не самими народами. Случаев, чтобы народы в целом питали вражду друг к другу, не зафиксировано.

Вхождение Северного Кавказа в состав России имеет длительную и сложную историю, важной частью которой является Кавказская война (20-е — начало 60-х гг. XIX в.). Одним из ее последствий стало сокращение численности многих народов региона, в том числе за счет *мухаджирства* — несанкционированной эмиграции (по окончании войны) на территорию Турции. В настоящее время потомки этих переселенцев составляют многочисленные диаспоры в государствах, возникших на обломках Османской империи, — собственно в Турции, Сирии, Египте, Иордании, на Балканах и т.д. Некоторые народы (например, более 100 тыс. *убыхов*) переселились полностью и исчезли как этнос, растворившись в составе других народов Западной Азии.

С момента вхождения в состав России народы Северного Кавказа пережили вместе со всей страной происходившие в ней политические события (революции, Гражданская и Великая Отечественная войны и др.). Почти на исходе войны с фашистской Германией четыре народа (чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы) были насильственно депортированы с Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан и смогли возвратиться на прежние места проживания лишь в 50-е гг. XX в. Их законное возвращение создало, однако, напряженную обстановку, особенно в западных районах Дагестана и в Северной Осетии, так как здесь уже были расселены представители многих других народов. В условиях существования СССР эта проблема была некоторое время приглушена, но оставалась нерешенной и стала одной из причин напряженности в регионе и событий, происходящих здесь с конца 1980-х гг. по сей день.

После распада СССР, ослабления государственной власти и, как следствие, начала массового передела собственности и власти на Кавказе возникло множество «горячих точек» — районов, где отдельные лидеры и целые кланы, заинтересованные в захвате власти на местах и монопольном контроле над местными ресурсами, стали на путь разжигания межэтнических конфликтов, местами принимающих форму полномасштабных локальных войн.

Особое место среди них заняла война в Чечне (Ичкерии), в которой ведущей силой выступило вмешательство зарубежных центров лже-исламского фундаменталистского терроризма. С этими же силами связана деятельность так называемых ваххабитов, носящая открытый характер в Дагестане и Чечне и латентный — в других районах Северного Кавказа. Более локальные, но не менее тяжелые формы принял осетино-ингушский конфликт в Пригородном районе Республики Северная Осетия—Алания и абхазо-грузинский конфликт, в котором на абхазской стороне выступило значительное число абазинских, адыгских и чеченских добровольцев. Более скрытый, тлеющий характер долгое время носили противоречия между казачеством и горским населением, завершившиеся практически полным вытеснением русского населения и представителей других национальностей из Чечни. Тем не менее эти конфликты и сопровождающая их порой агрессивная пропаганда не могут уничтожить традиции дружеских и добрососедских отношений между большинством народов Кавказа, которые проявляются на межличностном и межгрупповом уровнях, в дружеской атмосфере многонациональных трудовых коллективов, в совместном участии в общественных мероприятиях, в смешанных браках и т.д.

4. Хозяйственные занятия

Кавказ — один из ареалов древнего интенсивного земледелия. На Северном Кавказе оно прослеживается с III тыс. до н.э. Интенсивность и характер развития сельского хозяйства различаются по зонам — высокогорной, горной и равнинной, — которые выделяются не только особенностями климата и почв, но и наличием определенных систем земледелия, набором культурных растений, орудий труда и т.д.

Почвы на значительной части равнинной области Северного Кавказа, особенно в Прикубанье, очень плодородны, но местные жители стали распахивать их лишь со второй половины XIX в.: прежде их освоению препятствовала нестабильность политической и военной обстановки. Обширные пространства использовались преимущественно как кочевые угодья ногайцами, а с XVII в. — калмыками, а также в качестве пастбищ для конных табунов состоятельных кабардинцев.

Адыги и абазины, населявшие по преимуществу лесистую часть равнин и предгорий, практиковали подсеčno-огневое земледелие; деревья, срубленные при расчистке полей, они использовали для создания оборонительных укреплений вокруг своих селений (система засек). Схожая система существовала в равнинной области Чечни и отчасти в Дагестане.

Жители высокогорий, нуждавшиеся в зерне, но не имевшие возможности его покупать, в буквальном смысле слова создавали свои поля, перенося для них землю из долин в заплечных корзинах. В нагорном Кавказе повсюду получили широкое распространение различные формы террасирования склонов, малые оросительные системы (например, у карачаевцев), удобрение полей и другие формы интенсификации земледелия. В XX в. такое земледелие потеряло экономическую целесообразность. Бывшие террасы либо заброшены, либо используются для садоводства.

Основными системами земледелия были: переложно-залежная, подсечная, паровая и плодосменная. Кабардинцы, например, еще в середине XIX в. широко практиковали переложно-залежное земледелие. Другие горцы равнинной зоны Северного Кавказа (а также осетины, чеченцы и ингуши) — вследствие малоземелья — использовали эту систему по более сокращенной схеме: срок залежи не превышал двух-трех лет (у кабардинцев во второй половине XIX в. он доходил до 9—10 лет).

Паровая система имела широкое распространение на всем нагорном Кавказе. Ее появление связывают с острым малоземельем и с быстрым ростом населения. Она практиковалась на пахотных участках, расположенных вдалеке от селений, и на крутых склонах, которые невозможно было ни удобрить, ни оросить.

Подсечная система — одна из самых древних (известна с эпохи мезолита и раннего энеолита) и распространенных (в прошлом) на Кавказе. Активно применяли подсечное земледелие западные адыги. У черноморских шапсугов оно до недавнего времени служило единственным видом земледелия. Система широко практиковалась в Северной Осетии, Кабарде, Балкарии и Карачае. Но в первой половине XIX в., в ходе Кавказской войны значительная часть лесов Восточного и Западного Кавказа подверглась истреблению, и это привело к упадку подсечной системы.

Плодосменная система представляла собой чередование выращиваемых сельскохозяйственных культур. Она возникла в горной части региона и отличалась многообразием культурных растений, участвовавших в севообороте. Она практиковалась лишь на полях, располагавшихся на солнечной стороне склонов и засевавшихся наиболее урожайными культурами — ячменем, пшеницей и рожью (а в более позднее время также картофелем). Поля на теневой стороне склонов, малопригодные для пахоты и потому не удобрявшиеся и не орошавшиеся, засевали исключительно овсом. Здесь использовали паровую систему.

В равнинной части Северного Кавказа распространение плодосменной системы зависело от степени развития земледелия у того или иного народа и от количества возделываемых ими культурных злаков. Так, кабардинцы вплоть до конца XIX в. этой системы не знали и сеяли в основном просо.

Важнейшими хлебными злаками в регионе служили ячмень, пшеница, рожь и др. В горах наибольшее распространение имел ячмень. В одном только Дагестане было известно до 30 его разновидностей. У карачаевцев появление ячменя связано с легендой о Боташе — родоначальнике одного из карачаевских племен, живших в верховьях Кубани. Боташ принес его из Баксанского ущелья и посеял у с. Хурзук, чтобы определить качество почвы. На равнинах ячмень никогда не был преобладающей культурой.

Вторым по значению хлебным злаком в горах была пшеница, позднее получившая распространение и в равнинной зоне. В равнинной части Осетии в результате многолетней практики удалось вывести высокоурожайные сорта пшеницы. В 80—90-х гг. XIX в. посевные площади под пшеницей сократились из-за резкого увеличения посевов кукурузы. У черноморских шапсугов кукуруза в конце XIX в. стала преобладающей культурой.

Наряду с полеводством в хозяйстве горцев значительное место занимали огородничество и садоводство. Из огородных культур наибольшим распространением пользовались лук, чеснок, красный перец, свекла и фасоль, выращивавшиеся на всей территории Северного Кавказа. В более позднее время к ним добавился картофель, заимствованный местными жителями у русских. Прежде других горцев его стали сажать карачаевцы и осетины. Картофель получил повсеместное признание в нагорной части Кавказа, но на равнине его культивирование не практиковалось. Из-за малоземелья под огороды отводились небольшие площади.

Теперь огородничество приобрело масштабы крупнотоварного производства. Во всех республиках Северного Кавказа есть селения, специализирующиеся на выращивании тех или иных видов ранних овощей (капусты, моркови, лука, помидоров, чеснока, пряных трав и др.), поставляемых в города, где их продажа приносит неплохой доход.

Садоводство у одних горцев имело давние традиции и выступало как важнейшее занятие, а у других носило подсобный характер. О традиционном садоводстве можно говорить только применительно к народам Северо-Западного Кавказа, отчасти оно прижилось у чеченцев и осетин.

К молодым отраслям в хозяйстве горцев относятся виноградарство и виноделие, возникшие в 60—70-е гг. XX в. на засушливых низменных территориях в бассейне Терека, где были созданы крупные совхозы с соответствующей специализацией. Однако первые исторические сведения о виноделии в области Терека относятся к концу первой половины XVII в. А в 1720 г. Петром I был издан указ, предписывавший терским и гребенским казакам делать вино из разводившегося ими винограда. Значительное развитие виноградарство получило после основания г. Кизляра (1736) и заселения его выходцами из Грузии и Армении. В Ставрополье и на Кубани, в отличие от Терской области, виноградники появились только в начале XIX в.

Характерной чертой хозяйственной системы местного населения Северного Кавказа было сочетание земледелия со скотоводством. Для большей части Кавказа присуще отгонное скотоводство. Летом в селениях остается лишь небольшая часть скота. Основную часть поголовья отгоняют в горы, на *коши* — сезонные загоны для овец с временными жилищами для пастухов при них. На *коши* традиционно переселяются мужчины-чабаны, а иногда и целые семьи. Зимой скот содержится в стойлах и загонах, а иногда перегоняется на равнины. До начала XX в. кочевое и полукочевое скотоводство практиковалось и там, где скот можно было круглый год содержать на подножном корму. Разводят главным образом курдючных овец. Из местных пород наиболее ценной считается черная карачаевская овца.

Местный крупный рогатый скот малопродуктивен, но вынослив. Основной источник молочных продуктов, он в прошлом был и единственной тягловой силой на пахоте (волы, буйволы).

Со второй половины XX в. в Карачае, Балкарии и некоторых районах Дагестана большое значение приобрело разведение пуховых коз, из пуха которых вяжут изделия, пользующиеся популярностью у туристов, что дает населению дополнительный доход.

В прошлом на Кавказе большую роль играло коневодство. Но коня использовали только в качестве вьючного и верхового животного и никогда не впрягали в плуг. На Северном Кавказе славились кабардинская и абазинская породы лошадей. С развитием техники в XX в. коневодство пришло в упадок. Однако в последние годы оно стало постепенно возрождаться.

Немалую роль в хозяйстве кавказских народов играет птицеводство. Разводят (в зависимости от климата) кур, индеек, гусей, уток. Давнюю историю имеет пчеловодство на альпийских лугах.

Сохраняя в целом аграрный характер экономики, Северный Кавказ с конца XIX в. постепенно превратился в регион с развивающейся горной и нефтедобывающей промышленностью, с развитой курортно-санаторной и туристической базой. Железнодорожным, автомобильным и воздушным транспортом он связан со всеми частями Российской Федерации.

Охота и собирательство имеют давние традиции на Кавказе. Охота в прошлом составляла значительное подспорье в хозяйстве. Сборы и выход на нее были почти священнодействием. Существовал даже особый язык, которым пользовались охотники, требовавший иносказательного упоминания о животных, о целях охоты и тому подобных важных материях. В прошлом охота, наряду с войной и грабительским набегом, была способом проявления мужской удали. Сказания об охотниках и охотничьих божествах занимают важное место в эпосе и мифологии. Мясу трудных для добычи животных — например, тура (горного козла) и улара (горной индейки) — приписываются лечебные свойства. Теперь охота — только развлечение. В последние годы животный мир Кавказа значительно оскудел, многие виды местной фауны оказались на грани исчезновения. Сохранившиеся лесные уголья объявлены заповедниками.

Собирательство играло в хозяйстве подсобную роль, хотя немало людей профессионально занималось им. В Дагестане, Чечне и других районах сбор дикорастущих трав каждую весну превращался в общесельский праздник, прежде всего для молодежи. Объектами собирательства служили дикорастущие ягоды, плоды, черемша, травы. К растущим в изобилии грибам местные жители и сейчас относятся с предубеждением.

Рыбная ловля совсем не развита, даже на морских побережьях. Промысел осетровых на Каспии с традиционной культурой не связан. Ловля форели в горных реках и высокогорных озерах служила скорее развлечением. Однако увеличение в конце XX в. спроса на форель на внешнем рынке способствовало появлению форелеводческих хозяйств.

Ремесла. Значение ремесел в хозяйстве народов Северного

Бронзовый светильник XIX в. Даргинцы.
Село Кубачи, Дагестан

Кавказа нарастает с запада на восток. Повсюду в той или иной мере развиты обработка кож и валяние войлока (в частности, бурок). Известностью пользуются балкарские и карачаевские войлочные ковры — *киизы*, андийские бурки. У адыгов развито плетение циновок с орнаментом, шитье и плетение золотой нитью. В Дагестане целые села специализируются на изготовлении определенной ремесленной продукции: в аварском селе Унцукуле — деревянных изделий с насечкой и инкрустацией, в лакском селе Балхаре — расписной керамики, в даргинско-кубачинском ауле Кубачи — парадного оружия и ювелирных изделий (а в прошлом — кольчужных панцирей); у лезгин более чем у других развито ковроткачество.

5. Материальная культура

Традиционно-бытовая культура народов Северного Кавказа тесно связана с природно-географической средой и хозяйственной деятельностью. Разнообразие ландшафтных зон от равнинных до высокогорных определило не меньшее разнообразие типов расселения, поселений и жилищ.

Поселения. Равнинные и предгорные селения (*аулы*) обычно вытягиваются вдоль рек, иногда на несколько километров. В высокогорье, если позволяет ширина долины, селения предпочтительно располагаются на солнечной стороне и на правом берегу, так как воду легче черпать правой рукой. В горном Дагестане селения располагаются в самых неожиданных и, казалось бы, недоступных для жилья местах. Дома строятся уступами — так, что крыша нижнего дома становится двором вышестоящего. Композиция жилищ напоминает пчелиный улей. В горах немало селений кучевой формы. Равнинные селения с конца XIX в. стали принимать улично-квартальную планировку.

Начиная со второй половины XIX в. происходило (по различным причинам) переселение жителей горных поселений на равнину. Так, некоторые абазинские селения были основаны горцами, выселенными из высокогорья после окончания Кавказской войны. Однако основной причиной стало малоземелье. До 1918 г. переселялись немногие. В 1920-е гг. после проведения земельно-водной реформы, предполагавшей устранение диспропорций в землепользовании между сельскими обществами, ослабление аграрного перенаселения в горах, главным образом, через освоение горцами земель на равнине, процесс активизировался. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в равнинные районы переселилась значительная часть населения аварских, лакских, даргинских и лезгинских высокогорных аулов.

Многие современные многодворные селения сформировались из небольших аулов, заселенных первоначально одной или несколькими родственными семьями. Часть переселенцев устраивалась в уже существовавших равнинных селениях. И в местах нового поселения люди, объединенные родственными связями, стремились селиться по соседству, создавая родственные кварталы.

К середине XX в. сформировался современный тип равнинных поселений с улично-квартальной планировкой, с центральной площадью, где сосредоточены общественные здания, в которых располагаются органы местного управления, магазины, школа (или несколько школ в больших селениях), аптека и другие учреждения социальной инфраструктуры. На улицах высажены деревья,

устроены цветники у отдельных усадеб, что не было характерно для горских селений прежде.

Города. Давние традиции на Северном Кавказе имеют и города. Древнейший из них — Дербент (V в. н.э.). Большая же часть городов возникла сравнительно недавно (в XVIII—XX вв.). Официальным годом основания Кизляра, выросшего из Кизлярского караула (начало XVII в.), считается 1735 г. В конце XVIII в. возникли Моздок, Ставрополь, Владикавказ и Краснодар (Екатеринодар), играющие существенную роль в экономике региона. Моздок развивался в основном за счет торговли, чему благоприятствовало его положение на Военно-Грузинской дороге. В XIX в. в самый крупный городской центр на Северном Кавказе превратился Владикавказ, получивший статус города в 1860 г. и вскоре ставший центром образованной в 1863 г. Терской области. В 70-х гг. XIX в. железная дорога соединила его с Ростовом-на-Дону и Центральной Россией. В число городов, основанных в XIX в., входят Грозный, Нальчик, Черкесск (возник из станицы Баталпашинской), Махачкала и другие. Росту г. Грозного способствовало главным образом развитие нефтедобычи в последней четверти XIX в. — начале XX в., по размерам которой он вышел на второе место в России (после Баку); благодаря этому население города (вместе с жителями промыслов) почти сравнялось с населением Владикавказа. Столица Дагестана Махачкала ведет свою историю с 1844 г., когда на ее месте возникло укрепление Петровское (названо в память размещения на этом месте в августе 1722 г., во время персидского похода лагеря войска Петра I). В 1857 г. поселение получило статус города (до переименования в 1921 г. — Порт-Петровск). Среди старых городов Дагестана — Буйнакск (бывший Темир-Хан-Шура), имеющий статус города с 1866 г.; его называют воротами в Нагорный Дагестан.

Железнодорожное строительство, связавшее города Северного Кавказа между собой и с другими частями России, способствовало развитию промышленности в регионе. Уже в конце XIX в. местные города стали проводниками европеизированных культурно-бытовых стандартов в горскую среду. Национальный состав населения городов Северного Кавказа менялся с течением времени. Сначала их жителями были преимущественно русские; на протяжении 20—80-х гг. XX в. в населении местных городов опережающими темпами росла доля представителей местных национальностей. По переписи 1979 г. горожанами стали 59,4% осетин, 38,2% кабардинцев, 24,8% ингушей и чеченцев. Столицы национальных республик Северного Кавказа (как и центры Краснодарского и Ставропольского краев) стали крупными промышленными центрами с развитой инфраструктурой, центрами науки и культуры. Все они имеют высшие учебные заведения — университеты, общеобразовательные и специальные учебные заведения. Современные села, особенно на равнине, в послевоенное время приблизились по благоустройству к городским поселениям; некоторые из них перешли в разряд городов (Беслан и Ардон — в Осетии, Каспийск, Избербаш и Кизилюрт — в Дагестане, Майский — в Кабардино-Балкарии и др.).

Жилища. Материал и конструкцию жилищ на Северном Кавказе в прошлом определяли условия природной среды. В безлесном горном Дагестане основным строительным материалом служил камень, в равнинных районах Осетии, Чечни, Ингушетии и Кабарды — саманный кирпич, в Черкесии — плетень, обмазанный глиной (*турлук*), в Балкарии и Карачае — дерево. Повсеместно практиковалось строительство каркасных домов.

Своеобразными архитектурными сооружениями в Чечне, Ингушетии, Осетии и отчасти Балкарии служили башни. Стройные боевые башни сохранились до сих пор. Они выполняли функции жилого дома, в котором жили большие семьи; на нижнем уровне содержался скот, на самом верху всегда держали сноп соломы, который поджигали в случае опасности для предупреждения других селений.

Строительство башен имело престижный характер. Даже при сватовстве интересовались, есть ли у семьи башня, а одним из лучших подарков невесте считался хорошо отесанный камень, предназначенный для использования для закладки фундамента башни.

Интерьер северокавказского жилища отличался скромностью, минимальным количеством мебели, месторасположение которой было строго регламентировано. Главными в доме были место отдыха хозяина и очаг.

Роль очага в северокавказском жилище не сводилась к утилитарным функциям. Конечно, главным его назначением было приготовление на нем пищи. Помещения он почти не обогревал. Особая значимость его состояла в другом. Его отождествляли с семьей, с хозяйством, с домом. У карачаевцев установка приочажного камня приравнивалась к укладке первого венца сруба и сопровождалась особым ритуалом и добрыми пожеланиями. У адыгов и абазин считалось позором просить огня в чужом доме. Все, что связано с очагом — надочажная цепь, котел, зола, уголь, — наделялось сакральным содержанием. Раздел семьи приравнивали к разделу огня, надочажной цепи. Последней приписывалась магическая сила. *Кровнику* (объекту кровной мести) достаточно было дотронуться до цепи, чтобы обеспечить себе прощение. Во время похорон бездетного осетина на кладбище выносили его надочажную цепь, а затем возвращали ее на место.

В современных домах очаг заменила сложная система отопления. Их интерьер мало отличается от городского. Однако ряд традиций, связанных с жилищем, сохраняется. Так, в каждой комнате есть несколько спальных мест — намного больше потребностей семьи. Это объясняется сохранением традиции отмечать важные события в жизни семьи приглашением большого числа гостей и устройством для них ночлега в доме.

По традиции в ночлеге и приюте нельзя отказывать даже врагу. В прошлом для этих целей строился отдельный дом (*кунацкая*) или выделялось место в доме (обычно у бедняков). У гостя никогда не спрашивали, как долго он намерен оставаться. Исключения не делали даже кровникам. Комната с самой лучшей в доме обстановкой, но в которой постоянно никто не живет, — обязательная принадлежность и современного сельского жилища. Она предназначена только для гостей.

С середины 30-х гг. XX в. жилища на Северном Кавказе строятся в соответствии со стандартами, разработанными архитекторами, которые учитывают особенности семейного и общественного быта горцев, однако предполагают устройство окна, выходящего на улицу. Но эти окна всегда остаются плотно занавешенными. В Дагестане дома располагаются глухой стеной к улице. При возведении домов теперь используют современные строительные материалы (белый и красный кирпич, пиленый камень и т.п.) и приемы (например, каркасные конструкции). Глухие заборы, особенно вдоль улицы, скрывают внутреннюю жизнь обитателей домов. В старинных дагестанских селениях можно пройти все кварталы через внутренние дворы, не выходя на улицу.

Особенность усадебного комплекса на Кавказе — стремление к возведению не одной, а нескольких жилых построек, особенно для женатых сыновей. Семьи родителей и детей должны жить раздельно.

Одежда. Сходство природных и хозяйственных условий, а также культурные связи определили появление общих черт в одежде народов Северного Кавказа. Вплоть до начала XIX в. мужская и женская одежда была близкой по покрою. Расхождения стали усиливаться со второй половины XIX в. Социальные различия выражались в одежде ярче, чем в жилище. Одежду белого и красного цветов могли носить только представители высших сословий. Привилегией представительниц высших сословий горских народов были: особый головной убор — высокая шапочка-колпак, ходули (высокие подставки под обувь, на которых можно было только стоять), корсеты, нарукавные подвески, красный цвет платья из бархата, украшенного золотым шитьем.

У всех народов Северного Кавказа основу женского костюма составляла *рубаша* туникообразного покроя с длинными, до кисти, рукавами и *штаны* с широким шагом. Обязательным считался платок, закрывавший голову и плечи. В праздники поверх рубахи надевали кафтанчик, украшенный шитьем, с серебряными нагрудными застежками и распашное платье, похожее на черкеску, с застежкой на талии и поясом с серебряными застежками. Костюм дополняла невысокая (у разных народов — разной высоты) шапочка с плоским дном, вышитая золотой или серебряной нитью с длинной кистью от середины дна. Поверх нее надевали шелковый платок, повязанный разными способами. У разных сословий женский костюм отличался характером ткани, украшениями. Но обязательными принадлежностями во всех случаях были нагрудные серебряные застежки и серебряная пряжка на поясе. Описанный комплекс девичьей одежды называют карачаево-балкарским, но существовали и адыгские варианты комплекса (кабардинский, абазинский, черкесский), а также ногайский. В осетинской одежде отсутствовал кафтанчик под платьем, а под вырез надевали только нагрудник с нашитыми на нем застежками традиционной формы. На талии укрепляли поясные подвески, украшенные вышивкой и галунами, имитировавшими полы кафтанчика.

У вайнахских женщин как повседневный, так и праздничный костюм ограничивался платьем-рубашой, штанами и большим головным платком. Отличия состояли в качестве ткани и количестве украшений. В особо торжественных случаях надевали верхнее платье распашного покроя с разрезными рукавами и нашитыми от ворота до талии серебряными застежками (застегивались только 4—5 нижних пар). Шапочек чеченские девушки не носили.

Головной убор замужней женщины отличался от девичьего. У карачаевок и балкарок он состоял из двух платков разной величины, нижний завязывался на темени особым узлом. Осетинки носили головной убор из трех платков. Третий повязывали в виде налобной повязки. Чеченские и ингушские женщины носили головной убор — *чухту* в виде несшитого мешка, в который полностью закладывали волосы, начиная от лба, а сверху повязывали шаль — так, что вокруг головы свисала бахрама.

Одежда пожилых женщин (пожилой считалась женщина в возрасте от сорока лет) шилась из ткани темного, часто черного цвета. Серебряные пояса можно было заменять кушаками или полосками ткани.

Осетинский танец.
Выступление ансамбля «Алан»

Нечто совершенно особенное представляет собой одежда и головной убор женщин Дагестана, территорию которого населяют около 40 народов и народностей, у каждого из которых комплекс женской одежды отличается своеобразием и не всегда похож на общесеверокавказский.

Мужская одежда у всех народов Северного Кавказа обнаруживает очень большое сходство — как в отдельных предметах, так и в целом; различия проявляются лишь в мелочах: длине черкески, количестве газырей и т.п.

Выходной костюм состоял из *черкески*, *бешмета* или рубахи, штанов с широким или узким шагом, ноговиц, дополнявшихся обувью из кожи или сафьяна с мягкой подошвой, пояса с кинжалом и *папах* того или иного фасона. Дорожная (пастушеская) одежда дополнялась *буркой* и *башильком*.

Особое внимание в мужском костюме уделяли головному убору и наборному поясу с серебряными подвесками и кинжалом. Они символизировали честь и достоинство горца. В источниках XIX в. отмечается, что одежда бедняка могла представлять собой лохмотья, но всегда включала в себя пояс с серебряным набором и кинжал с серебряными накладками на ножнах. Правда, во второй половине XIX в. ношение оружия было запрещено законом.

Современная одежда жителей Северного Кавказа европеизирована, и молодежь следует сложившейся в городе и стране моде. Однако некоторые традиции ношения одежды сохраняются. Особенно заметны возрастные различия. Традиционные в прошлом длинные штаны (шаровары) заменили чулки-колготки, обязательные для всех женщин даже в 40-градусную жару. Платье без рукавов у девушки допустимо, но после замужества и по достижении определенного возраста в одежде женщины появляется короткий рукав, который у женщин старше 40 лет удлиняется до запястья.

Для замужних женщин обязателен головной платок. Традиционная одежда устойчиво сохраняется в обыденной жизни лишь в Дагестане, особенно в высокогорной его части (например, в ауле Кубачи, в Ботлихском районе).

Для комплекса одежды мужчин старшего поколения обязательны современный европейский костюм в сочетании с *пап*ахой из каракуля. В последние годы в связи с усилением мусульманских традиций мужчины всех возрастов все чаще стали носить небольшие круглые шапочки.

Пища. Основу питания у народов Северного Кавказа составляет молочно-растительная пища. Первое место в рационе занимают различные виды пресного и кислого хлеба, испеченного на открытом огне или в печи. У адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев) и абазин вместо хлеба варили густую, без соли, просяную (кукурузную, в наши дни — зачастую из манной крупы) кашу-*абысту*. Она до сих пор нередко употребляется как ритуальная пища. Обязательные продукты питания — масло, творог, многочисленные виды рассольных сыров, кислое молоко, сметана. Особое место в рационе питания занимает мясо. В прошлом иметь много скота было престижно и резали его не слишком часто. Но благодаря обычаю делиться свежим мясом с соседями и родственниками, приготовленные из него блюда не были редкостью на кавказском столе. Мясо ели в отварном виде, запивая бульоном и добавляя различные приправы из чеснока, перца, трав. То, что сейчас принято называть *шашлыком*, прежде готовили из печени, сердца, легкого. В Дагестане к отварному мясу готовили различного типа (аварский, кумыкский, лакский и т.п.) *хинкал* — тесто разной формы, сваренное в бульоне. На основе бульона, в который добавляется мука, готовят также блюда из кур. С XIX в. прочное место среди овощей заняли картофель, помидоры, огурцы, капуста.

Любимым напитком на Северо-Западном Кавказе остается вариант «калымыцкого» чая (чай с молоком или сметаной, слегка заправленный солью).

Из сладких блюд особое место занимает *халва*, приготовляемая множеством способов. Это обязательное блюдо на праздничном столе. Гостям подают также мед, а теперь и другие сладости.

В XX в. в системе питания произошли значительные изменения. Традиционная кухня почти вытеснена из системы питания в связи с тем, что государственные хлебопекарни, магазины, система общественного питания предлагают стандартные продукты питания и способы приготовления пищи. В практику также широко вошло домашнее консервирование овощей.

6. Семья и социальные отношения

Создание семьи у кавказских народов считается важным этапом в жизни не только молодежи, но и всего общества. Почти до конца XIX в. у народов Северного Кавказа традиционно сохранялись большесемейные коллективы, состоявшие из нескольких поколений (до 30—40 человек). Тем не менее в жизни большесемейного коллектива наступал предел, когда он не мог дальше развиваться и распадался на малые семьи, сохранявшие тенденцию к количественному росту, а затем к новому распаду и т.д. Семья вела общее хозяйство, ее главой был отец, а после его смерти — старший сын, в редких случаях — вдова. Тенденция к распаду, как правило, проявлялась после смерти отца. В настоящее время на Северном Кавказе прочно утвердилось малая семья, но один из сыновей всегда остается с родителями, и в этом случае семья сохраняет относительно сложное строение.

У большинства народов региона не допускаются браки с родственниками до четвертого-седьмого колена. Исключение составляют некоторые народы Нагорного Дагестана, где предпочтение отдается бракам между троюродными братьями и сестрами. Среди обычаев, которые оказывали влияние на создание

семьи, — практика установления искусственного родства, которая влияет и на выбор брачного партнера. Наиболее распространено молочное родство. Но полнее исследована такая существовавшая в прошлом форма установления искусственного родства, как *аталычество* (тюрк. *аталык* — названный отец). Обычай заключался в передаче ребенка (мальчика) на воспитание в другую семью. Сохраняется традиция особенно выделять и почитать среди прочих родственников брата матери. В науке это довольно распространенное явление называется *авункулат* (лат. *avunculus* — дядя по матери).

Создание новой семьи — это важное событие и праздник для всех многочисленных родственников, принимающих участие в совершении сложного, длящегося несколько дней свадебного обряда. Традиционная свадьба, как и прежде, состоит из многих компонентов — сватовства, сговора или умыкания (в наше время символического) невесты, перевоза ее из родительского дома, скрывания молодых в домах родственников и т.п. Кавказскую свадьбу называют свадьбой без жениха и невесты, не присутствующих на пиршестве и находящихся в разных помещениях. При этом невеста нередко стоит в углу комнаты, накрытая покрывалом. Свадьба обычно сопряжена со значительными материальными затратами с обеих сторон (жениха и невесты).

На внутрисемейные отношения на Северном Кавказе продолжают оказывать большое влияние сложившиеся в прошлом традиции. Например, супруги не называют по имени друг друга, так же как и родителей супругов; отцу не принято прилюдно проявлять любовь к детям; на празднествах женщины не сидят за одним столом с мужчинами. В городах эти обычаи поддерживать труднее, но к этому тем не менее стремятся.

Общественные отношения. Уровень социального развития разных групп народов Северного Кавказа в XVIII—XIX вв. существенно различался. Отчетливые черты феодализма со свойственной ему социальной дифференциацией (ханы, князья, беки, дворяне, зависимые крестьяне, рабы) сложились у большинства народов Дагестана, в Осетии, Кабарде, в обществе карачаевцев, балкарцев, абазин, ногайцев, черкесов. Вместе с тем исследователи XIX в. отмечали, что у ряда этносов Дагестана, адыгов, живших на Черноморском побережье, сохранялись крестьянские «общества» с чертами и признаками общинно-племенного быта («вольные общества», «демократические племена»). Демократическим выглядело общественное устройство у чеченцев и ингушей. Сложившееся в XIX в. теократическое государство в форме имамата во главе с Шамилем не смогло изменить внутренний строй их жизни, основанный на обычном праве — *адате*. Навязывание шариатского (мусульманского) права в качестве основного закона в конце XX в. стало частью трагедии чеченцев.

Со второй половины XIX в. на Северном Кавказе была введена система управления, близкая к общероссийской, учитывавшая, однако, особенности местного быта и управления. Так, основываясь на традиции сословного представительства, царские власти стали созывать съезды доверенных Кабарды и пяти горских обществ, но ограничили их деятельность местными хозяйственно-распорядительными функциями. В годы советской власти в регионе были образованы автономные республики и области (для более малочисленных этносов). В постсоветский период автономии преобразованы в местные республики во главе с президентами и парламентами.

Местные особенности общественного быта. Основой общественного устройства в прошлом служили кровнородственные объединения, состоявшие из нескольких больших семей, связанных родством, свойством и обычаем (*тухум*, *тайп* — у чеченцев и ингушей).

Одним из стержневых законов общественной жизни народов Северного Кавказа называют обычай гостеприимства. Обязательным был обычай взаимопомощи — при строительстве дома, обработке земли, заготовке дров и т.д. Все важные события в жизни семьи — свадьба, похороны и др. — отмечались с приглашением многочисленной родни, соседей, всех желающих. Затраты на них были не под силу одной семье и требовали взаимопомощи. Каждый считал за честь оказать ее в меру своих возможностей, зная, что сам не останется в нужный момент без внимания. Взаимопомощь обязательна и в обычные дни. Свежеиспеченным хлебом, парным мясом (даже если это курица) обязательно одаривают соседей. У абазин бытует пословица: «Ближний сосед лучше дальней родни».

Нарушение норм адата вело к изгнанию человека из общины (*джамаата*). Частью общественного быта были общинные праздники и обряды, многие из которых носили синкретический характер, сочетавшие предписания язычества, отчетливо сохраняющего свои черты у многих народов, христианства (у части осетин) и ислама.

7. Духовная культура

Важные компоненты духовной культуры народов включены в календарную и семейную обрядность (свадебную, родильную, похоронную). Среди прочих календарных праздников особую значимость имеет *навруз*, известный с глубокой древности как символ цветения и плодородия. Однако не везде он почитался одинаково. В Южном Дагестане, например, он был долгожданным праздником первого дня весны; на территории же расселения аварцев, андо-дидойских народов, даргинцев единственным праздником, связанным с началом весны и нового хозяйственного года, считался праздник первой борозды. «Выход на пахоту» и «возвращение с пахоты» — самые главные праздники у кабардинцев. Большая часть жителей Северного Кавказа — мусульмане и одним из самых любимых праздников они почитают день окончания поста — *уразы*. В последнее время он отмечается торжественно и повсеместно на государственном уровне. С поздравлениями к народу (в Кабардино-Балкарии, например) обращаются президент республики, глава правительства, муфтий.

Осетины — один из немногочисленных народов Кавказа, которые имеют две официальные религии — христианство и ислам, оказавшие немалое влияние на их мировоззрение. Наряду с этим в духовной культуре осетин, как и других народов Северного Кавказа, сохранилось немало традиционных верований. Осетины, у которых это проявляется наиболее ярко, сохраняют святилища — *дзуары*, посвященные десяткам разных божеств. Дзуары ставились на труднодоступных перевалах, крутых склонах гор. Все они обычно носили имя св. Георгия (иронск. *Уастырджы*, дигорск. *Уац-Герг*).

Устное народное творчество отражает характерные черты труда, быта и самосознания жителей Северного Кавказа. Особое место в их фольклоре занимает

нартский эпос, распространенный у многих народов, но полнее всего представленный в поэтическом творчестве осетин. По мнению специалистов, нартский эпос содержит отголоски и мотивы, восходящие к культуре и социальной жизни скифо-сарматов и древних аланов. Зафиксировано более ста отдельных сюжетов. Есть данные, что от 40 до 70% жителей Северного Кавказа знают свои предания и легенды, сказки, народные песни и танцы. Наиболее высоки эти показатели у сельского населения.

Фольклор стал основой формирования профессиональной художественной культуры. Особенно это проявилось в литературе, в частности в поэзии. Самобытные писатели и поэты появились на Северном Кавказе уже в конце XIX — начале XX в. Среди них лезгинский поэт Сулейман Стальский (1859—1937). Основоположником осетинской литературы стал выдающийся просветитель осетинского народа, профессиональный писатель и художник К.Л. Хетагуров (1859—1906). Рано ушедший из жизни, он внес значительный вклад в такие гуманитарные науки, как этнография и филология, а также в изобразительное искусство. Дагестанскую литературу прославили аварцы Гамзат Цадаса (1877—1951) и его сын Расул Гамзатов (1923—2003), один из выдающихся советских поэтов второй половины XX в. Значительный вклад в развитие национальных литератур своих народов внесли поэты — балкарец Кайсын Кулиев и кабардинец Алим Кешоков. Возникновение ногайской литературы связано с просветительской деятельностью А.-Х.Ш. Джанибекова.

Ученым с мировым именем стал осетин В.И. Абаев — один из крупнейших исследователей нартского эпоса, создатель четырехтомного словаря осетинского языка.

Высокий уровень музыкальной и танцевальной традиционной культуры в настоящее время находит свое выражение в национальных творческих коллективах.

Выдающимися музыкантами современности стали представители Северной Осетии — дирижеры Вероника Дударова и Валерий Гергиев.

В традиционную систему физического воспитания детей у народов Северного Кавказа входит немало подвижных игр, соревнований на выносливость, традиционные виды борьбы, джигитовка и т.д. Это стало хорошей базой для подготовки спортсменов-борцов, одержавших немало побед на европейских и мировых первенствах.

НАРОДЫ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Глава 27

БЕЛОРУССИЯ, УКРАИНА И МОЛДАВИЯ: СТРАНЫ, НАРОДЫ, КУЛЬТУРЫ

1. Белоруссия и белорусы

Белоруссия расположена в бассейнах Верхнего Днепра, Сожа, Припяти, Березины, Западной Двины, Немана и частично Западного Буга, на западе Восточно-Европейской (Русской) равнины.

Основное население Белоруссии — белорусы (самоназвание *беларусы*) — 8159 тыс. человек по данным переписи 1999 г., или 81,2% населения республики. Здесь также расселены русские, поляки, литовцы, евреи, татары, армяне, цыгане.

Расселение белорусов выходит за границы республики. 808 тыс., или около 10% этнических белорусов проживают в Российской Федерации. Из них 36% считают родным белорусский язык, 63% — русский. Другие крупные группы белорусов имеются на Украине (440 тыс.), в Польше (250 тыс.), Казахстане (183 тыс.), странах Северной и Южной Америки (США, Канаде, Аргентине). Более малочисленные общины сложились в странах Юго-Восточной Прибалтики, Австралии, Великобритании, Франции. Общая численность белорусов в мире составляет 10,5 млн человек.

Белорусы вместе с русскими и украинцами относятся к восточным славянам, говорят на белорусском языке восточнославянской группы индоевропейской языковой семьи.

Важнейшие особенности белорусского языка сложились к XVI в. Это характерное *дзеканье* (*дзед* — дед, *дзети* — дети), *цеканье* (*маці* — мать, *вецер* — ветер), *аканье* (*вада* — вода, *галава* — голова), *твердое р* (*арол* — орел) и *мягкое л* (*баль* — бал, *пчаляр* — пчеловод).

Хотя белорусский язык в целом однороден, различают северо-восточные диалекты (в частности, полоцкая и витебско-могилевская группы говоров) и полесские говоры. Небольшая специфика наблюдаются и в юго-западных областях (гродненско-барановичская и слущко-мозырская группы говоров), где ощущается влияние украинского языка.

Сегодня все население Белоруссии свободно понимает два родственных языка — белорусский и русский. Несмотря на это, по данным переписи 1999 г.,

белорусский язык называли родным почти 74% всего населения страны, тогда как русский — около 22%. Среди части белорусов распространены также польский и литовский языки.

Антропологически белорусы относятся к сравнительно высокорослому и слабопигментированному варианту европеоидной расы. Среди них наиболее распространены представители атланта-балтийской и средневропейской малых рас.

Этногенез и этническая история. Существует несколько концепций происхождения предков белорусов — населения территории современной Белоруссии до формирования белорусского этноса. Среди этих концепций можно выделить так называемую *балтскую теорию* этногенеза белорусов, согласно которой на территории Белоруссии до появления славян жили балты (предки современных литовцев и латышей). Смещение славян с балтским субстратом (подосновой) привело к появлению белорусского этноса, отличного от украинского и русского. Попытка обосновать эту гипотезу была предпринята археологом В.В. Седовым. Согласно *польской концепции*, белорусы являются не одним из восточнославянских этносов, а частью польского этноса; белорусский язык не отдельный славянский язык, а диалект польского языка; следовательно, этническая территория белорусов относится к этнической территории поляков. Таких взглядов придерживались Л. Голембовский и А. Рыпинский. В соответствии с *великорусской концепцией*, белорусы — это часть великорусского этноса, белорусский язык — одна из форм великорусского языка, а ареал обитания белорусов — часть великорусской этнической территории. Такого взгляда придерживались А.И. Соболевский и И.И. Срезневский. В основе так называемой *кривичской концепции* лежит представление, что почти все особенности, отличающие белорусов от украинцев и русских, восприняты белорусами от одной из первоначальных восточнославянских этнических общностей — *кривичей*. Сторонниками этой теории были В. Ластовский и А. Шлюбский. Белорусовед Е.Ф. Карский и историк-славист В.И. Пичета полагали, что этническая территория белорусов сформировалась из этнических территорий *дреговичей*, *радимичей* и значительной части территории кривичей.

Этнограф С.А. Токарев, со своей стороны, обосновал в середине XX в. концепцию, — получившую признание в отечественной науке, — согласно которой кривичи, радимичи, дреговичи и другие первоначальные восточнославянские общности («племена») этнически изменились еще до формирования трех восточнославянских народов и непосредственной предшественницей белорусов, украинцев и русских стала формировавшаяся в составе Киевской Руси на основе первоначальных «племен» общевосточнославянская древнерусская этническая общность (*древнерусская народность*).

На будущей этнической территории белорусов в этноконсолидационные процессы были вовлечены и, следовательно, приняли участие в формировании белорусского этноса несколько восточнославянских «племен», в том числе: *дреговичи*, юго-западные *кривичи* (*полочане* и *смоленские кривичи*), *радимичи* и отчасти *древляне*, *северяне* и *волыняне*. Общие древнерусские корни прослеживаются в элементах материальной культуры белорусов. Из древнерусской культуры в культуру белорусскую пришла христианская православная религия.

И наконец, основой белорусского языка, его словарного фонда, грамматики и фонетики, базисом письменности стали существенные черты древнерусского языка.

В период феодальной раздробленности (с конца XI—XII вв.) предки белорусов составили население Полоцкого, Туровского и Смоленского княжеств. Объединение в 1240 г. ряда белорусских и литовских княжеств положило начало постепенному включению земель древних радимичей и дреговичей в состав Великого княжества Литовского. Этот процесс завершился к XIV в. Полагают, что к середине XIII в. сложились благоприятные условия для формирования белорусов как особого этноса, получившего более полное развитие в XIV—XVI вв.

Этноконсолидирующую роль выполнял старобелорусский язык (он назывался тогда *руським*), который до XVI в. выполнял в Великом княжестве Литовском функции официального языка. Объясняется это тем, что литовцы в то время еще не имели письменности. Поэтому белорусский язык, который тогда назывался «руским», стал языком делопроизводства, основой для создания летописей, хроник, литературных произведений, а в XVI в. на его базе возникло местное книгопечатание, основателем которого в крае был белорусский просветитель Франциск Скорина (до 1490 — не позднее 1551).

После объединения Литвы с Польшей (1386) началась полонизация края, усилившаяся с заключением Люблинской унии (1569), которая объединила православные и католические церкви (и приходы) под властью папы римского. С помощью униатской церкви — наряду с государственным влиянием Речи Посполитой — на белорусских землях укрепил свои позиции католицизм.

С 1696 г. официальным языком суда и управления на территории Белоруссии стал польский язык, что сузило область использования белорусского языка. Влияние польской культуры на белорусскую усилило переселение на территорию Белоруссии поляков, преимущественно мелкопоместного дворянства (шляхты). Часть белорусов, особенно помещики, перенимала католическую веру, польский язык, подражала шляхте в быту и культуре.

В результате трех разделов Польши (1772, 1793, 1795) белорусские земли были присоединены к России и польское влияние несколько ослабло. С конца 30-х гг. XIX в. в Восточной и Северной Белоруссии (с православным населением) усилилось русское влияние, однако оно не коснулось западной ее части, где белорусы-католики длительное время оставались под влиянием польской культуры. Лишь постепенно сложились общие черты общественного быта, духовной культуры. К концу XVIII — началу XIX в. сформировался современный белорусский язык.

Правда, самодержавная власть Российской империи существенно ограничивала функции белорусского языка. В 1840 г., по указу Николая I, официально запрещалось употребление терминов «Белоруссия», «белорусы»; белорусские земли были переименованы в губернии Северо-Западного края.

Несмотря на это, в 50—60-е гг. XIX в. среди местной интеллигенции укрепилось представление о белорусах как самостоятельном народе. С XVIII в. этноним *белорусы* получил распространение в качестве самоназвания среди большей части населения. Однако на уровне обыденного сознания он еще не имел

повсеместного распространения. Продолжали бытовать и другие обозначения: например, *полеиуки* (для белорусско-украинского населения Пинского Полесья и юго-западных районов Брестской области); *литвины* (для жителей Литовского государства — литовцев и белорусов); *русины* (для православных жителей Белоруссии и Литвы); *тутэйшыя* (т.е. «тутошные», «здешние») — для местных (коренных) жителей Белоруссии.

Становление профессиональной художественной и научной литературы на белорусском языке также содействовало развитию этнического самосознания белорусов. В этот процесс внесли свой вклад поэт Ф. Богушевич, историк М.В. Довнар-Запольский, филолог Е.Ф. Карский, фольклорист и этнограф П.В. Шейн и другие.

После Октябрьской революции белорусы впервые в истории обрели свою государственность: 1 января 1919 г. образовалась Белорусская ССР (БССР). Это обстоятельство способствовало собиранию этнической территории белорусского народа, консолидации этноса. Этноним *белорусы* получил широкое распространение как самоназвание народа. С образованием Союза ССР (1922) Белоруссия вошла в его состав. Присоединение к БССР в 1924—1926 гг. 18 уездов с преобладанием белорусского населения (ранее входивших в состав РСФСР) увеличило территорию республики в 2,5 раза, а ее население — в 3,5 раза (с 1,5 млн до 5 млн человек). В 1939 г. после освобождения от польской зависимости Западной Белоруссии и принятия ее в состав БССР, население Белоруссии увеличилось еще более чем на 4 млн человек. Все это способствовало дальнейшему экономическому и культурному развитию белорусского народа.

После распада СССР (1991) возникло суверенное государство Республика Беларусь (8 декабря 1991 г.). Его связи с Россией не ослабевают. В январе 2000 г. состоялось подписание Российско-Белорусского договора о создании единого союзного государства.

Этноним «белорусы» восходит к топониму Белая Русь. Некоторые исследователи полагают, что слово «белая» в этом названии имеет значение «независимая» (в противоположность покоренной Черной Руси). По другой версии, так называли земли, раньше других принявшие христианство (в отличие от «черной» — языческой — Руси).

Топоним Белая Русь не сразу распространился на всю этническую территорию белорусов: в XIV—XVI вв. он употреблялся лишь по отношению к Витебщине (кроме ее западной части) и северо-восточной Могилевщине, тогда как западная часть будущих Минской и Витебской губерний, Гродненщины назывались Черной Русью, а южная болотистая и лесистая равнина — Полесьем. С XVII в. к Белой Руси стали относить еще и области по рекам Стырь и Припять (юго-западную часть современной Белоруссии), Полоцкую землю, всю Витебщину и Могилевщину.

Традиционные формы хозяйства белорусов связаны с трехпольной, а позднее — с многопольной системами земледелия в сочетании с разведением домашних животных — крупного рогатого скота, свиней, лошадей, овец, птицы.

Для обработки земли использовалась соха двух типов: двуральная воловья соха с двумя *полицами* (полесская, или литовская) и соха с перекидной полицей (в северо-восточных районах). Она оставалась главным пахотным орудием белорусского земледельца вплоть до начала XX в. В XIX в. ее постепенно стал

Группа крестьян-белорусов на сенокосе. Поднепровье. Фото 1904 г.

вытеснять плуг с железным лемехом, который тянули за собой волы или лошади. После вспашки почву разрыхляли, очищали от травы, корней, выравнивали поверхность *бородами*. Зерновые жали *серпами*. Теперь землю обрабатывают современной техникой.

Важнейшими культурами на территории Белоруссии оставались зерновые — озимая рожь (*жито*), овес, ячмень. Просом, гречихой, горохом, кукурузой засевались небольшие площади, которые стали расширяться только в XX в.

Из технических культур в Белоруссии исстари культивируются лен и конопля, которые давали материал для производства одежды, мешков, веревок, а также для получения растительного масла. В XVIII—XIX вв. значительно увеличилось производство картофеля, подсолнечника, свеклы.

Рыболовство, охота, собирательство, пчеловодство, огородничество, садоводство служили хорошими подспорьями в хозяйстве. Как и домашние промыслы и ремесла: кузнечное, гончарное, столярное и плотницкое, бондарное, кожевенное и сапожное, прядильное, ткацкое, портняжное. Все они обеспечивали крестьян орудиями труда, предметами домашнего обихода, одеждой, обувью. А искусно вытканые белорусскими ткачихами вышитые полотенца (*ручніки*) и скатерти (*абрусы*) были и остаются важной частью интерьера белорусского жилья.

Поселения. Наиболее распространенным типом сельского поселения у белорусов до сегодняшнего дня остается *вёска*, или *село*, с преобладающим уличным типом застройки. Дома, окнами на улицы и входом со двора, строились вдоль дорог, а за ними размещались огороды и сады. Статус села получали сельские административные центры с волостным управлением, школой и церковью. Относительно мелкие поселения, территориально тяготеющие к селу,

назывались *деревнями*. Они имели широкое распространение в северных и северо-восточных районах. В начале XX в. в западных областях Белоруссии появились *хутора*.

Города на территории Белоруссии возникли еще в IX—X вв. К числу таких древнейших центров относятся Полоцк, Брест, Гродно, Витебск, Пинск, Орша, Минск. В облике белорусских городов соединились черты разных исторических эпох. Старые белорусские города имели узкие кривые улицы с булыжным (*брукаваным*) мощением. В их центрах располагались рыночная площадь, ратуша, церковь (или костел), кирпичные дома — *каменицы*, а окраины имели деревянную застройку, окруженную обширными палисадниками.

Предшественниками многих городов в Белоруссии были местечки — центры кустарного ремесла, домашних промыслов, торговли. Название это происходит от польского *място* и украинского *мисто*, что означает «маленький городок». В XX в. многие местечки стали крупными селами, районными центрами, городами.

В течение XX в. в Белоруссии выросли старые и появились новые города, поселки городского типа. В годы Великой Отечественной войны почти все белорусские города подверглись сильному разрушению. Заново отстроенные, они во многом изменили свой облик и планировку. После Второй мировой войны произошли заметные изменения в расселении белорусов, выразившиеся в перемещении их из сельских поселений в города. Ныне удельный вес горожан в населении республики составляет около 80%. Население крупных городов характеризуется пестрым этническим составом — при преобладании белорусов (70% в среднем по стране).

Свойственная для урбанистических процессов тенденция к унификации особенно заметна в материальной культуре, на изменение которой влияет научно-технический прогресс, распространение изделий фабричного производства. В городской среде в целом меньше, чем в сельской, сохраняются элементы традиционной культуры.

Материальная культура. Традиционное белорусское жилище — *хата* — возводилось из бревен, внутри ее обмазывали глиной, крышу, как правило, двускатную чаще всего покрывали соломой, камышом или дранкой. Фасады часто украшали богатым орнаментом. На юге Белоруссии по сей день распространены жилища, оштукатуренные и выбеленные снаружи.

Планировка хаты могла быть однокамерной (состоящей только из *избы*), двухкамерной (*изба* и небольшая пристройка для хранения предметов домашнего обихода — *сени*) или трехкамерной (*изба*, *сени* и *камора* — еще одно хозяйственное помещение).

В унифицированном городском жилище лишь некоторые элементы интерьера и художественного оформления содержат этнические черты. Индивидуальные дома отчасти сохраняют приверженность традиции — в конструкциях построек, декорации фасадов (украшении фронтонов, наличников).

Типичной *пищей* населения был *квасной* (кислый) хлеб из ржаной муки. Из зерна готовили *кашу*, *крупник* (суп из пшеничной или ячменной крупы), *затирку* (жидкое блюдо из пшеничной муки), *кулеш* (жидкую кашу-суп из крупы), *жур* (овсяный кисель). Из ячневой, овсяной, гречневой, ржаной, пшеничной муки пекли *блины*.

С рубежа XVIII—XIX вв. в состав основных продуктов питания белорусов вошел картофель, из которого они готовят, как утверждают, более двухсот блюд. Это и *салоники* (очищенный вареный картофель), и *драники* (блины из сырого тертого картофеля), и *бульен* (картофельный суп), и многое другое. К блюдам, приготовленным из зерновых или картофеля, обычно добавляли молоко.

Летом и осенью в пищу употребляли огурцы, лук, груши, яблоки, вишни, сливы, арбузы. Поздней осенью и зимой ко многим блюдам добавляли кусочки жареного сала с луком. Зимой по праздникам к столу подавали жареные *свинные колбасы, студень*.

В число любимых блюд белорусов входят *яешня* (яичница с салом или ветчиной), *холодник* — аналог русской окрошки, *мочанка* — густой жирный соус с салом и т.п. Для северо-запада и юга Белоруссии, где промысловое значение имело рыболовство, в качестве повседневной пищи характерны блюда из рыбы. Из продуктов собирательства наибольшее значение имели и имеют грибы, щавель, дикие груши.

Традиционными напитками белорусов считаются березовый сок, медовый, хлебный и свекольные квасы.

Приверженность традициям проявляется и в способах заготовки мяса и овощей впрок, к которым относятся засолка, квашение, сушка, копчение.

Традиция бортничества, использования растений-дикоросов для питания и в народной медицине особенно пригодилась белорусским партизанам в годы Великой Отечественной войны.

Комплекс национальной белорусской кухни сравнительно устойчив. Белорусы, как и прежде, предпочитают ржаной хлеб и традиционные блюда; потребление картофеля у них почти в два раза выше, чем у русских и украинцев. Лучшие образцы традиционных рецептов сохраняются и распространяются через предприятия общественного питания. Впрочем, урбанизационные процессы, в том числе за счет миграции населения из других регионов, расширили употребление белорусами блюд других национальностей. Грожане наряду с типично белорусскими блюдами употребляют украинский борщ, русские пельмени, грузинский суп-харчо, кавказский шашлык, узбекский плов и т.п. Общественное питание сглаживает различия в питании различных национальных групп.

Одежда. Белорусский национальный костюм (на основе комплекса крестьянской одежды) соединил в себе высокохудожественные элементы ткачества, вышивки, тканевого орнамента. Преобладающий цвет в нем — белый.

Традиционный мужской костюм состоял из домотканой полотняной туникообразной вышитой рубахи *кашули*, которая доходила до колен и подпоясывалась широким вышитым поясом, *безрукавки* из цветного сукна, белых полотняных штанов, черных сапог. По сей день сохраняют известность высокохудожественные украшенные золотом и серебром *слуцкие* пояса. Головным убором служила летом — соломенная шляпа с широкими полями (*брыль, капелюш*), зимой — меховая шапка (*кучма, аблавуха*).

Женский комплекс одежды состоял из туникообразной (с кокеткой или прямыми плечевыми вставками) *рубахи*; разнофасонных юбок (*андорак, саян, летник*); надеваемой поверх юбки *панёвы*, сшитой из суконных полотнищ; *фартуков*, украшенных кружевами и цветными поясами, и цветной *безрукавки*.

Белорусская женщина в свитке.
Восточное Полесье

Девушка-белоруска в праздничном
наряде. Наддвинье

Головной убор девушек состоял из узеньких орнаментированных ленточек (*скидочка, шлячок*) и *венков* с налобником, которые составляли единый комплекс со старинной девичьей прической — распущенными волосами. Замужние женщины убирали волосы под чепец (*каптур*), носили полотнячатый головной убор (*намитку*) и платки (*хустки*).

И мужскую, и женскую верхнюю одежду шили из валяного некрашеного сукна (*сярмяга, бурка, свита*) и овчины.

Обыденная обувь белорусов — *лапти* из липового лыка, кожаные *постолы*, зимой — *валенки*. Праздничной обувью служили сапоги (*боты*) и ботинки.

Еще и сегодня в некоторых районах Полесья можно встретить женщину в национальной одежде, однако чаще бытуют отдельные элементы традиционного костюма, вкрапленные в современную одежду (дубленые овчинные кожанки, не выходящая из моды мужская рубаша с вышитым орнаментом), а также традиции покроя, цветовой гаммы.

Тенденции к унификации материальной культуры в современном белорусском городе затронули и одежду белорусов. Однако, несмотря на повсеместное распространение фабрично-заводских изделий и европейского городского костюма, народные традиции и теперь живут в выборе тканей, комплектации составных частей одежды, приемах орнаментации.

Своеобразный тип жилища, одежды имеют *белорусы-полякуки*. Природно-географические условия Полесья способствуют сохранению в быту, материальной и духовной культуре ряда архаических черт.

Семья. До конца XIX в. белорусские крестьяне жили *большими* отцовскими и братскими *семьями*. До начала XX в. в деревнях сохранялись элементы *общинной организации*: односельчане помогали друг другу коллективным исполнением работы (*талока, сябрына*). Важнейшие дела решались на деревенских сходах, в которых принимали участие главы семей (*гаспадаре*). Здесь выбирали старосту, назначали опекунов, обсуждали семейные конфликты.

Обряды. Фольклор. *Календарный обрядовый цикл* белорусов отличается разнообразием. Накануне Рождества устраивали постный ужин с обязательной ячменной кашей. Девушки гадали о своей судьбе. Святки проходили с участием ряженных с колядованием и щедрованием (хождением от дома к дому с *величальными песнями*).

На Масленицу пекли блины, катались на лошадях. На Пасху (*вяликдзень*) дворы обходили *волоچهбники*, пели волочебные песни с пожеланиями урожая, богатства в доме и т.п. Особые — *купальские* — песни сопровождали архаический праздник в ночь на Ивана Купалу (*купалье*), когда парни и девушки жгли костры, прыгали через них, искали «цветок папоротника», купались, гадали.

Некоторые элементы семейных обрядов и сегодня являются частью ритуальной жизни белорусов. Среди них можно упомянуть сажание (*насад*) невесты (а иногда и жениха) на *дзяжу* (квашню), постригание и прижигание волос молодых, «раздел» каравая. Важным моментом родильной обрядности остается выбор крестных родителей, «раздел» «бабиной каши».

Продолжают также бытовать народные гулянья: *дажынки* (праздник окончания жатвы, когда плетут дажинковый венок, украшают последний сноп и устраивают праздничную трапезу), *дзяды* (день поминовения усопших), уже упоминавшееся *купалье*.

В городах и селах Белоруссии, а также в местах компактного расселения белорусов за пределами их этнической территории продолжают звучать народные песни, исполняться народные танцы («Бульба», «Ленок», «Янка», «Лявониха», «Крыжачок», «Юрачка» и др.). Помимо песенного наследия белорусами сохраняются навыки игры на музыкальных инструментах (*гуслях, дудках, бубнах*). Для белорусов типичен многострунный ударный музыкальный инструмент *цимбалы*.

В XX в. белорусскими композиторами (Н. Аладов, В. Войтик, Е. Тикоцкий, А. Туренков) создано много ярких произведений оперной, балетной, симфони-

Белорусский головной убор замужней женщины — хустка с намиткой. Поднепровье. Фото 1930-х годов

Коза — элемент колядочного реквизита. Брестская обл.

ческой, камерной музыки, популярных песен. В современной белорусской музыке слышны фольклорные мотивы. Широко известны вокально-инструментальные ансамбли «Песняры» и «Верасы».

Фольклор белорусов включает в себя также легенды, предания, волшебные сказки, былины, анекдоты. В народе бытуют яркие, характерные пословицы (*приказки*) и поговорки (*примолвки*).

В XIX—XX вв. сложилась национальная белорусская литература. Повсеместно стали известны имена белорусских писателей и поэтов: Франтишка Богушевича, Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, Кондрата Крапивы, Петруся Бровки, Максима Танка, Алеся Адамовича, Василя Быкова.

Другие этнические группы в Белоруссии. Как уже говорилось, Белоруссия — не моноэтническое государство. Кроме титульного этноса в республике наиболее многочисленны русские, поляки, украинцы и евреи (о последних рассказано особо в конце главы). Это характерно как для городов, так и для сельской местности.

Из небелорусов сегодня в республике больше всего *русских* (1142 тыс. человек). Русские стали селиться на территории Белоруссии со времен войны России с Речью Посполитой (1654—1667). Позднее стали возникать поселения *русских-старообрядцев*, искавших здесь убежище от религиозных преследований у себя на родине и живших обособленно. В годы советской власти численность русских постоянно возрастала за счет миграционного притока из различных районов РСФСР. Он особенно возрос после Великой Отечественной войны, так как восстановление народного хозяйства республики требовало значительного количества квалифицированных трудовых ресурсов.

Украинцы (237 тыс. человек) живут как в сельских местностях (прилегающих к украинской территории), так и в городах Белоруссии. Их поселения с давних пор существуют в южных районах — Полесской зоне. Сегодня большая часть украинского населения сосредоточена в юго-западных и юго-восточных районах Белоруссии.

Формирование *польской* общины в Белоруссии началось со времени вхождения белорусских земель в состав Польского государства. Массовое переселение поляков на белорусскую территорию имело место в 1921—1939 гг., когда западные районы Белоруссии находились под властью Польши. Сегодня поляки (396 тыс. человек) по преимуществу расселены в сельской местности на западе Белоруссии и в белорусско-литовском порубежье. Некоторые исследователи полагают, что большая часть жителей Белоруссии, ныне причисляющих себя к полякам, это в действительности ополяченные белорусы — те, чьи

предки во времена нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой перешли в католичество и восприняли польский язык.

Кроме перечисленных национальностей в Белоруссии проживает до 3 тыс. *татар*. Они стали селиться с конца XIV в. на западе белорусской территории, в таких городах, как Новогрудок, Лида, Ошмяны; места их компактного расселения получали соответствующие названия — Татарская улица, Татарский конец.

В Двинском, Люцинском, Режицком уездах Витебской губернии Российской империи проживали *латыши*, что явилось основанием при заключении в 1920 г. мирного договора между Советской Россией и Латвией для передачи их Латвии. Деревни с латышским населением до недавнего времени сохранялись на территории Витебской области Белоруссии.

К более малочисленным, по сравнению с перечисленными, национальным группам в составе населения Белоруссии относятся *армяне* (10 тыс. человек), *цыгане*, *литовцы*, *азербайджанцы*, *немцы*, *молдаване*, *грузины*.

2. Украина и украинцы

Основная область расселения украинского народа в настоящее время — Республика Украина, где численность *украинцев* (самоназвание) составляет более 38 млн человек. Кроме Украины, представители этого этноса проживают в России (4,4 млн человек) и ряде государств ближнего и дальнего зарубежья: Казахстане (свыше 900 тыс.), Молдавии (около 600 тыс.), Белоруссии (более 200 тыс.), Киргизии (свыше 100 тыс.), Канаде (550 тыс.), США (535 тыс.), Польше (350 тыс.), Аргентине (120 тыс.) и проч. Общая численность украинцев в мире — около 46 млн человек.

Украинцы вместе с русскими и белорусами составляют группу восточных славян. В антропологическом отношении они, как и другие восточнославянские народы, относятся к европеоидной расе, точнее средневропейской малой расе переходной ветви европеоидной расы.

Говорят украинцы на украинском языке славянской ветви индоевропейской семьи. Различают северное наречие (левобережные, правобережные, волынско-полесские говоры), юго-западное наречие (волынско-подольские, галицко-буковинские, карпатские, поднестровские говоры) и юго-восточное наречие (поднепровские и восточно-полтавские говоры). Последние в XVI в. стали основой староукраинского книжного языка, а среднеприднепровские говоры на рубеже XVIII—XIX вв. — современного украинского литературного языка. Письменность на украинском языке (на базе кириллицы) получила распространение с XIV в.

Сегодня на Украине распространены также русский и отчасти польский языки.

Верующие украинцы в основном православные. На Западной Украине значительная часть населения — униаты, в основном византийского обряда (грекокатолики).

Этногенез и этническая история. Существует несколько теорий происхождения украинцев. В отечественной науке наибольшее распространение получила

концепция общевосточнославянской древнерусской этнической общности. Внутри древнерусской народности формировались общие для восточных славян свойства культуры, но само это этнокультурное образование оставалось неоднородным, сочетало в себе локальные варианты социальной жизни, что создало предпосылки для возникновения русской, украинской и белорусской народностей. Исторической основой для складывания украинского этноса стала часть восточнославянского населения, проживавшая в IX—XII вв. на юго-западе Киевской Руси, на территории по обе стороны среднего Днепра. Более конкретно речь идет о Киевском правобережье, землях Переяславского, Чернигово-Северского, Волынского и Галицкого княжеств.

Формирование украинской народности и государства осложняли — особенно начиная со времени феодального дробления Древней Руси — непрекращавшиеся попытки Венгрии, Литвы, Польши и Турции захватить украинские земли и подчинить их население своей власти. К счастью, это не привело к ассимиляции этого населения.

В XV—XVI вв. этническая территория формирующейся украинской народности значительно расширилась за счет заселения ее юго-западных окраин беглыми крестьянами. В ту же эпоху сложилась Запорожская Сечь — организация казаков, которая, как полагают, сыграла немаловажную роль в формировании украинского этноса, его самосознания и культуры. Непрекращавшаяся в XVI—XVII вв. борьба с иноземными завоевателями существенно консолидировала украинскую народность.

В XVI—XVII вв. на Украине сложилось два разговорных литературных языка: славяно-русский и так называемая *проста мова*, или *руська мова* — украинская разговорная речь на основе древнерусского языка. В процессе формирования украинской народности украинский язык приобрел типические общеевропейские черты, соединив черты основных диалектов Украины.

С объединением Литвы и Польши в Речь Посполитую украинские земли (кроме Закарпатья, Буковины и Чернигово-Северской области) попали под власть польских магнатов. Брестская церковная уния 1596 г. объединила на территории Речи Посполитой украинскую и белорусскую православную церковь с католической в униатскую, что оказало влияние и на этнокультурное развитие украинцев.

В XVII в. произошло перемещение значительных групп украинцев с находившегося в составе Польши Правобережья, а также из Поднепровья на восток и юго-восток, освоение ими пустующих степных земель и образование Слободской Украины (территории современной Харьковской и частично Сумской областей Украины, а также южной части Курской, Белгородской и Воронежской областей России), которая заселялась одновременно как украинцами, так и русскими. В середине XVII в. здесь возникли слободские полки (как административные подразделения): Харьковский, Острогожский, Сумской, Изюмский.

В январе 1654 г. на Переяславской раде состоялось провозглашение политического воссоединения Украины с Россией. К концу века с Россией воссоединились Левобережная Украина, Киев с прилегающими территориями, Запорожье и Чернигово-Северская земля.

Победы России над Османской Турцией в войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. привели к включению в состав Российского государства Северного Причерноморья и присоединению к украинской этнической территории Новороссии и земель между Южным Бугом и Днестром. Привлекаемые льготами, сюда устремились потоки переселенцев. И хотя основную роль в заселении и хозяйственном освоении южноукраинских областей сыграли украинцы, изначально численно здесь преобладавшие, а также русские, значительным было и участие неславянских переселенцев — молдаван, греков, гагаузов, армян, немцев и отчасти южных и западных славян (преимущественно болгар).

В результате второго и третьего разделов Польши (1793 и 1795) к России присоединились вся Правобережная Украина и Левобережная Волынь. Это ускорило этнокультурную консолидацию украинцев, укрепление внутриукраинских экономических связей, включение Украины во всероссийский рынок, рост национального самосознания, развитие культуры, языка.

Название *Украина*, применявшееся еще в XII—XIII вв. для обозначения южных и юго-западных земель Древней Руси, к XVII—XVIII вв. закрепилось (в значении «краина», т.е. *страна*) в официальных документах, получило массовое распространение и послужило основой для этнонима *украинцы* (наряду с этнонимами, употреблявшимися первоначально по отношению к юго-восточной группе рассматриваемого населения: *козаки*, *козацкий народ*, *руськи*). В российских официальных документах XVI — начала XVIII в. украинцы Среднего Поднестровья и Слобожанщины часто именовались *черкасами*, а позже — *малороссиянами*, *малороссами* или *южнороссами*.

Судьба западных областей Украины складывалась по-разному. Восточная Галиция и Буковина после первого раздела Польши (1772) отошли к Австрийской империи. Земли Правобережной и Южной Украины с 90-х гг. XVIII в., а придунайские украинские земли — с первой половины XIX в. вошли в состав России.

Таким образом, складывание в современную нацию в XVIII—XIX вв. проходило для украинцев на фоне необходимости противостоять колонизации, в рамках сложной этносоциальной структуры, в которой слились их собственные господствующие социальные слои с высшими социальными слоями австрийцев, поляков, русских. На рубеже XVIII—XIX вв., на завершающем этапе формирования украинской нации, сложился современный новоукраинский литературный язык.

Аграрное перенаселение, политический и национальный гнет заставляли сотни тысяч украинцев покидать пределы своей этнической территории. Из украинских губерний в составе России переселение шло в восточные области империи — Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ и Дальний Восток, а из Западной Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии, — в страны американского континента. Тем не менее численность украинского населения в пределах этнической территории возростала.

Во всех этих районах в быту, культуре и иных сторонах жизни украинцев, проживавших в тесном взаимодействии с представителями других этносов (главным образом с русскими), происходили многообразные взаимодействия и взаимовлияния. В 20-х и 30-х гг. XX в. на Украине, как и в других регионах

СССР, интенсивно осуществлялась «коренизация» (в данном случае — украинизация) административных кадров, что конечно же способствовало укреплению позиций украинского языка. В ту же эпоху происходило интенсивное развитие украинской советской литературы, театра, кинематографии и проч. Тем не менее все эти процессы носили противоречивый характер. Так, имело место некоторое сокращение численности украинцев, считавших украинский язык родным. Впрочем, оно не было значительным: в 1959 г. называли родным языком украинский 87,7% украинцев, а в 1970 г. лишь немногим меньше, а именно 85,7%.

Завершение воссоединения украинских земель было связано с событиями Второй мировой войны: 1 ноября 1939 г. была включена в состав СССР и воссоединена с Советской Украиной Западная Украина. В июне 1940 г. Румыния возвратила Советскому Союзу Бессарабию и передала ему Северную Буковину, после чего 2 августа 1940 г. в состав Украины были включены Северная Буковина и Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды Бессарабии. И наконец, по Советско-Чехословацкому договору от 29 июня 1945 г. в состав Украины вошло Закарпатье.

В 1960—1980 гг. наблюдался быстрый рост украинской научно-технической и гуманитарной интеллигенции. В 1991 г. Украина стала независимым государством, начался процесс политического стимулирования расширения сферы употребления украинского языка в общественной жизни при сокращении преподавания русского языка и сферы его функционирования. Согласно принятой в июне 1996 г. конституции, украинский язык признан единственным государственным языком. Активизировались контакты с украинской диаспорой. Часть украинцев из России, Казахстана и других государств бывшего СССР переселилась на Украину. В последние годы после провозглашения независимости в культурной ориентации Украины определяющей становится западная составляющая. Проявились противоречия — главным образом по политическим причинам — между Украинской и Русской православными церквями, а также между украинцами западной и остальных частей Украины.

После получения Украиной государственной независимости (1991) при деятельном влиянии органов власти в широких массах стали распространяться националистические взгляды и идеи. Поставлены под сомнение общие истоки этногенеза белорусов, украинцев и русских; отрицается прогрессивное значение присоединения к России Украины под руководством Богдана Хмельницкого на Переяславской раде (1654); одобрительно трактуется измена гетмана И. Мазепы в период Северной войны (первая четверть XVIII в.); положительно оцениваются предательские действия против законных властей бандеровско-мельничковского подполья в годы Великой Отечественной войны и после нее.

По сохранившимся до наших дней локально-бытовым признакам Украину можно разделить на центральный, северный и западный этнографические районы. Им примерно соответствуют три основные группы диалектов в составе украинского языка. Население ряда регионов сохраняет более ощутимые отличия в культуре, быте, языке. Они обусловлены географическими и историческими условиями и этнокультурными контактами. Речь идет прежде всего

о карпатской (*гуцулы, лемки, бойки* западноукраинских областей) и полесской (*полищуки* Украинского Полесья) этнографических областях. Еще одну крупную культурно-этнографическую зону образуют украинцы левобережья Днестра. Членение украинского этноса на субэтноты (карпатские, правобережные, левобережные, полесские и др.) остается актуальным и теперь, в начале XXI в.

Хозяйство и материальная культура. Хотя на Украине в XIX—XX вв. очень интенсивно развивалась разнообразная промышленность, страна традиционно оставалась и аграрным краем. Население издавна занималось хлебопашеством, животноводством и садоводством. Преобладающими системами земледелия служили паровое трехполье и перелог, известные у восточных славян еще с древних времен.

Пахотные земли засеивались озимой и яровой рожью и пшеницей. Последняя занимала основное место среди зерновых в черноземных южных степных районах, в Закарпатье и в лесостепной зоне. Сеяли также ячмень, гречиху, просо, горох, лен, коноплю, хмель; относительно позднее стали культивировать картофель, подсолнечник и сахарную свеклу.

Из овощных культур наибольшее распространение получили свекла, морковь, капуста, огурцы, лук, чеснок, бахчевые. Одной из характерных черт украинского села было обилие садов.

Важную роль играло животноводство. Здесь выращивали крупный рогатый скот, породистых лошадей, овец, издавна разводили свиней, коз, домашнюю птицу, занимались пчеловодством.

Во многих районах Украины было развито рыболовство, преимущественно речное. Рыбу ловили плетеными из лозы вершами и другими рыболовецкими снастями (сетями, саками, переметами).

На Украине издавна использовались три вида тягловых пахотных орудий: плуг, рало и соха. Древнейшее из них, несомненно, рало. Его варианты сводятся к двум основным разновидностям — однозубые и многозубые. Однозубым ралом пахали, как правило, твердый грунт; тягловой силой служила пара волов (*волове рало*) либо лошадей (*кiньске рало*).

Другим пахотным орудием украинцев был деревянный плуг с железным лемехом. Все разнообразие вариантов традиционного плуга сводится к двум типам — с неподвижной и перекидной полицами. Плуги изготавливались разных размеров и в зависимости от этого в них запрягали разное количество пар волов.

Орудием уборки колосовых обычно служил *серп*. Им жали рожь, пшеницу, ячмень, режу — просо; остальные злаки срезались преимущественно *косой*. Повсеместно в сельском хозяйстве применяли разнообразные по конструкции грабли и вилы.

Скошенный хлеб, а также гречиху, просо, овес вязали в снопы, используя для этого соломенное же *свясло*.

Орудием молотбы служил *цеп* (*цiн*) с ременной связью. При веянии зерно обычно подбрасывали лопатой на ветер. Зимой веяли на лед, чтобы зерно было чистым. Мололи хлеб на ручных жерновах или на мельницах: стержневых ветряных — с четырьмя, шестью или восемью крыльями — и водяных; в конце XIX в. появились еще и паровые мельницы (с паровым двигателем).

Украинская хата. Фото 1930-х годов

Обработка льна, конопли и шерсти для производства тканей была неотъемлемой частью домашних промыслов украинской крестьянской семьи. Получили также развитие ковроткачество, кожевенное дело. Деревообрабатывающие промыслы развивались в лесных и лесостепных районах; они давали приработок, хотя кое-где становились основным занятием крестьян. Из древесных материалов делали телеги, сани, лодки, ткацкие станки, сундуки, ведра, бочки, миски, коромысла, ложки.

Поселения и жилище. Сельские поселения украинцев — села, слободы, хутора с уличной, радиальной, разбросанной и другими видами планировки. Села отличались относительной благоустроенностью, чистотой, обилием зелени, фруктовых деревьев, ягодных кустов, цветов.

Жилище дореволюционного крестьянства (*хата*) возводилось в глинобитной или срубной технике, белилось изнутри и снаружи. Хата имела от одного до трех помещений с глинобитным полом и четырехскатной крышей, крытой соломой, камышом или drankой.

Интерьер был довольно однотипен. Двухкамерный дом состоял из *хаты* и неотапливаемых *сеней*; в трехкамерном доме сенями соединялись две хаты либо хата и холодная *комора*. Многокомнатные дома с усложненной планировкой стали характерны для поселений городского типа или для *слобод* с развитой промысловой деятельностью, а также для казачьих *станец*.

Типичный для Украины план дома назывался «украинско-белорусским», или «западнорусским», так как он имел распространение и в Белоруссии, в западных русских губерниях, Молдавии, Прибалтике и отчасти в Польше.

В таком доме справа или слева от входа, в углу располагалась печь, повернутая устьем к длинной стороне дома. В противоположном (по диагонали) парадном углу — *покуте* — висели иконы, стоял стол с хлебом и солью, накрытый скатертью. Вдоль стен от стола располагались *лавы* — лавки для сидения, а к печи примыкал настил (на уровне лавок) для спанья — *пiл*. Напротив устья печи ближе к двери располагалась кухонная половина. Печь, покут и переднюю стену расписывали разноцветной глиной, синькой, красками, передний угол украшали *рушниками* (полотенцами), искусственными и живыми цветами, колосьями ржи и пшеницы.

Большая часть окон была ориентирована на солнечную сторону. Между домом и изгородью разбивали палисадник. Преобладал открытый тип двора со свободным расположением хозяйственных построек. Ближе к дому и к улице группировались более «чистые» постройки — *амбар* или *комора*, *сарай* для сельскохозяйственного инвентаря, *летняя кухня*, *погреб*, *кладовые*. В глубине двора размещались *хлева* для коров, конюшни, *кошары* для овец, навесы и открытые загоны для скота и, наконец, сад-огород с посадками вербы и акации. За огородом устраивали *гумно* — *ток* для молотбы хлеба и сарай (*клуню*) для хранения хлеба в снопах.

Пища. Основу питания украинцев издавна составляли растительная и мучная пища. Кое-где заметное место в пище занимала рыба. Мясная пища крестьянству и городскому трудовому населению была доступна лишь по праздникам. Говядине предпочиталась свинина. Мясо и сало использовали для заправки разных блюд; к праздникам готовили колбасы, голубцы, холодец. Для длительного хранения мясо солили, замораживали.

Предпочтением пользовались блюда из теста: *галушки*, *вареники* (с творогом, картошкой, вишней), *лапша*. Популярным был украинский *борщ* из свеклы, капусты (с добавлением других овощей и круп), заправленный салом или растительным маслом. В повседневном рационе употребляли свежее, топленое, замороженное и кислое молоко (*варенец*), заготовленный в бочках подсоленный творог (*сир*).

Хлеб пекли ржаной и пшеничный из кислого (заквашенного) теста в форме больших круглых или продолговатых изделий. Он назывался *паляница*, *хлибина*, *бохан*. Из дрожжевого и пресного теста выпекали пироги с начинкой, лепешки (*пампушки*, *коржи* и др.), блины и оладьи.

Хлебные изделия играли важную роль в семейных и календарных обрядах. *Коровай* (большой круглый хлеб, украшенный фигурками из теста, ветками, цветами), *лежень* (продолговатый хлеб), *шишки* (булочки, напоминающие по форме сосновые шишки) — готовились на свадьбу; *крачун*, *калач* — на Рождество и Новый год; *хрести* — на Великий пост, а также на встречу весны. Хлеб символизировал доброту, гостеприимство, благополучие.

Любимыми напитками украинцев были *квас* из ржаных сухарей, солода, ягод, свеклы, а также компот из сушеных фруктов и ягод — *узвар*. Многие изготавливали домашние настойки и наливки, хмельную брагу, медовуху, самогон. Из алкогольных напитков имели распространение также водка и популярная *горилка* с перцем. В XIX в. на Украине распространяется традиция чаепития, правда, с региональной спецификой — вместо чая нередко заваривали мяту, липовый цвет, зверобой, шиповник, смородину, другие местные растения.

В общественном питании и в домашнем приготовлении и теперь популярны украинские блюда (*борщи, кулеши, гречаники* и проч.). В последнее время при сохранении пищевой традиции, рацион украинцев обогатился новыми блюдами, заимствованными из кулинарии других народов, — пельменями, беляшами, пловом, бешбармаком, шурпой, шашлыком.

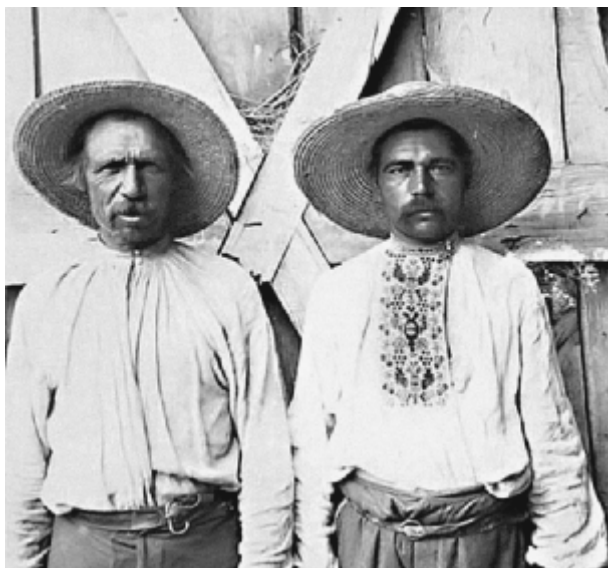
Одежда. Разнообразен и красочен традиционный народный костюм. Женская одежда состояла из вышитой туникообразной *сорочки*, служившей еще и в начале XX в. нательной и одновременно выходной одеждой, а также несшитой одежды (*дерга, запаска, плахта*), которую с конца XIX в. стала заменять сшитая юбка (*спидниця*); в прохладную погоду носили безрукавки (*керсетки, кинтари*). Праздничной одеждой повсюду была *плахта* (несшитая юбка), состоявшая из двух длинных полотнищ домотканой яркой клетчатой шерстяной ткани с богато орнаментированными геометрическими узорами из розеток, ромбов, звезд, стилизованных цветов. Девушки заплетали волосы в косы, укладывая их вокруг головы, украшали лентами, цветами. Женщины носили различные чепцы (*очипки*), полотенецобразные головные уборы (*намитки, обрусы*), платки (*хустки*), разнообразные по цвету, фактуре, способу повязывания. Эффектными элементами женского костюма служили съемные украшения (браслеты, серьги, кольца, шейные и нагрудные ожерелья) из полудрагоценных камней, сплавов, стекла и особенно бусы или подвески с монетами — *монисто*.

Мужской костюм состоял из сорочки с узким стоячим, вышитым воротом со шнурком, заправленной в широкие или узкие штаны, безрукавки и пояса. Головными уборами служили летом соломенные *брыли*, в остальное время — войлочные или каракулевые цилиндроподобные шапки. Во многих украинских селах до недавнего времени носили традиционную высокую барашковую шапку (*кучму*), зимние шапки с удлиненными наушниками (*треух, малахай*). С конца

XIX в. распространился картуз, позднее — кепка.

Наиболее обычной обувью были *постолы*, сшитые из куса сыромятной кожи, *чоревик* (туфли или ботинки), в Полесье — *лычаки* (лапти), среди зажиточных крестьян — *чоботы* (сапоги). С конца XIX в. на Украине распространилась кожаная обувь фабричного производства.

В осенне-зимний период мужчины и женщины носили однотипную с русским кафтаном длиннополую одежду из домотканого белого, серого или черного сукна (*свиту*). Женская свита была приталенной. В дождливую погоду надевали свиту с капюшоном

Украинские крестьяне в традиционной одежде.
Левобережная Украина. Фото начала XX в.

(*кобеняк*), зимой — длинные тулупы (*кожухи*) из овчины. Костюмы украшались богатой вышивкой, аппликацией, причем линейно-геометрические узоры постепенно сменялись цветочно-растительными.

В последнее время заметно стремление к возрождению украинской народной одежды, в том числе и при промышленном моделировании фасонов, как к способу проявления этнической самоидентификации украинцев.

Общественная жизнь. В украинском селе до конца XIX в. сохранялись пережитки патриархальных отношений, значительную роль играла соседская община (*громада*). Бытовали и традиционные коллективные формы труда — *толока* (*помочь*), *супруга*, отдыха — *парубочи громады* — объединения неженатых парней. Практиковались молодежные посиделки (*вечорниці* и *досвітки*), новогодние *колядки* и *щедривки*.

В XIX — начале XX в. у украинцев господствовала малая двухпоколенная и расширенная трехпоколенная семья с выраженной властью ее главы (мужа и отца), хотя в Полесье и в Карпатах сохранялись пережитки большой патриархальной семьи. Имущество считалось общей собственностью всех членов. Существовало традиционное половозрастное разделение труда. Более демократичные взаимоотношения складывались в малых семьях.

Современная городская семья украинцев преимущественно двухпоколенная, в сельской местности распространены и трехпоколенные семьи: родители мужа (жены) — муж и жена — дети. В последнее время наблюдаются положительные тенденции, связанные с демократизацией внутрисемейных отношений.

Календарные праздники и обряды играли важную роль в общественной жизни украинцев. Многие обряды и обычаи приурочиваются к датам христианского календаря. Святки сопровождались вечерними ритуальными кушаньями, магическими действиями с хлебом и зерном, гаданиями, карнавальным весельем с ряжеными, пением колядок под Рождество, щедровок под Новый год. На Пасху устраивались гулянья, хороводы, качели, игры молодежи. Большое значение придавалось обрядовой еде. В церкви освящали *паску* (кулич), крашеные яйца, колбасы, жареного поросенка, мед. На Троицу хату, ворота, хлева украшали зелеными ветками и цветами. Девушки иногда «завивали березу». На Ивана Купалу на высоком берегу реки устанавливали срубленное обрядовое дерево (*купалу*), украшенное венками, цветами, жгли костры. Девушки гадали с помощью венков, бросая их в воду.

В духовной жизни украинцев в селах и городах православие уживалось со сложным комплексом остатков верований в мифические существа — домового, ведьм, упырей (вурдалаков), русалок. Такой синкретизм проявился во многих явлениях семейного и общественного быта (в обрядах, праздниках, обычаях).

Фольклорные ресурсы украинцев проявляются как в деятельности профессиональных ансамблей, так и в быту. В народной лечебной практике отчасти сохраняются архаические приемы врачевания (*заговоры*). Среди народных танцев сохраняет известность знаменитый «Гопак».

В последнее время возрождаются некоторые традиционные элементы праздников старого календарного цикла: колядование, щедрование, ряжение — на Новый год; катание на лошадях, запряженных в сани, угощение блинами, варениками — на Масленицу. Многие стали активнее отмечать главные христианские праздники — Рождество, Троицу и особенно Пасху.

Деревянная церковь (1787 г.) из села Кривки
Львовской обл. Музей народного зодчества
во Львове

Города и профессиональная культура. Интенсивный рост промышленности (добывающей, металлургии, машиностроения, энергетики, а также легкой и пищевой) — выразительная черта экономической жизни Украины на протяжении XIX и XX вв. Уже в 1861 г. 74% наемных рабочих края были заняты в индустриальном производстве. В промышленности трудились представители разных этносов, но во второй половине 1930-х гг. национальные кадры индустрии составляли около 2/3 (62%).

С развитием индустриализации тесно коррелировал рост городов и городского населения. Численность горожан уже давно превысила численность сельского населения. Города росли за счет миграции из сел. Тип семьи в городах приобрел резкие отличия от сельского. Так, средний размер

семьи в Киеве в 1897 г. составлял 5,7 человека, в 1924 г. — 3,8, в 1939 г. — 3,4, а в период с 1959 по 1979 г. стабилизировался на уровне 3,3 человека.

Та же эпоха (XIX—XX вв.) стала временем формирования новых городских социальных стратов — интеллигенции, рабочего класса, так называемых средних слоев, складывания национальной профессиональной духовной и индустриальной культуры. В создании последней важную роль играли местные университеты: Львовский (основан в 1661 г.), Харьковский (1805), Киевский (1834), Новороссийский (в г. Одессе, 1865 г.) и ряд других.

Появление и широкое распространение таких произведений украинской художественной литературы, как «Москаль-чарівник» и «Наталка Полтавка» И. Котляревского (1769—1838), «Кобзарь» Т. Шевченко (1814—1861), «Борислав смеється» И. Франко (1856—1916) и многих других авторов способствовали развитию социального и национального самосознания украинской нации. Эта тенденция сохранилась и в XX в.

В XX в. культура украинского народа связана с именами таких деятелей, как поэты П.Г. Тычина, М.Ф. Рыльский и В.Н. Сосюра, кинодраматург и режиссер А.П. Довженко, художник Н.С. Самокиш, композиторы В.С. Косенко и Ф.Е. Козицкий. Имена многих ученых Украины значимы в мировой науке. Это физиолог А.А. Богомолец, геохимик В.И. Вернадский, микробиолог Д.К. За-

болотный, создатель первых советских космических кораблей С.П. Королев. В числе первых советских космонавтов — украинцы П.Р. Попович и Г.Т. Береговой.

Другие этнические группы в населении Украины. Население современной Украины состоит не только из украинцев. *Русские* — выходцы из центральных и западных губерний России — на юге (в прежней Новороссии) и в бывшей Слободской Украине образовывали целые села и группы сел. Среди них было много беглецов, спасавшихся от религиозных преследований и помещичьего гнета у себя на родине.

Приток русского населения на Украину усилился в период бурного развития капитализма в России, особенно в годы подъема горнодобывающей промышленности в Донбассе и Кривом Роге и капиталистического развития сельского хозяйства в степной полосе Украины. К началу XX в. русские составили значительную часть населения Донбасса, Приднепровья, многих городов. Особенно много их среди горняков и металлургов.

Сегодня русские составляют около 17% населения Украины. Наиболее значительна их прослойка (30—45%) в составе жителей городов Луганской, Донецкой, Харьковской, Одесской областей и несколько меньше (20—25%) — в Николаевской и Херсонской областях. Они численно преобладают в Крыму.

Белорусы расселены главным образом в городах Донбасса и Приднепровья, в Харьковской, Одесской и Черниговской областях, а также в Крыму. Белорусские поселения на Украине возникли в первой половине XIX в. Много белорусов издавна живет попеременно с украинцами в Украинском Полесье.

Поляки расселены преимущественно в сельской местности Правобережной Украины — в Житомирской, Винницкой, Хмельницкой областях и на территории Западной Украины. В Одесской области большими селами живут *болгары*; немало их также в Запорожской и Николаевской областях. Они оказались здесь, спасаясь от турецкого гнета, в периоды русско-турецких войн конца XVIII — середины XIX в.

Среди этнических образований Западной Украины следует упомянуть *русинов* (ок. 50 тыс. человек на Украине и в сопредельных странах), относительно этнической принадлежности которых среди специалистов нет единства: одни считают их группой украинцев, другие — обособленной частью великороссов, наконец, третьи видят в них отдельный восточнославянский этнос.

Молдаване довольно компактно расселены в Черновицкой области, по течению Прута, а также в ряде районов на востоке Одесской области. Они по преимуществу говорят на молдавском языке, но отчасти и на украинском. *Венгры* почти полностью сосредоточены на юго-западе Украинского Закарпатья. На юге Донецкой области и некоторых сопредельных территориях живут *греки*; половина их — горожане. В ряде районов Одесской области расселено некоторое число *гагаузов* (о которых подробнее рассказано в очерке о Молдавии). В городах Украины проживают также *евреи* (о них см. в конце главы).

Крымские татары. Особое место в населении современной Украины занимают крымские татары (около 270 тыс. человек). Строго говоря, они связаны в основном не столько с Украиной, сколько с Крымским п-овом, вошедшим в состав территории Украины сравнительно недавно (1954). Часть крымских татар расселена на территории Херсонской области. В Крыму они образуют

третий по численности — после русских и украинцев — компонент населения. Говорят на крымско-татарском языке тюркской ветви алтайской языковой семьи и воспринимают себя частью тюркского мира. Их этногенез связан с Крымским п-овом.

Крымские татары сформировались путем смешения переселившихся в разное время в Крым из Причерноморья тюркоязычных кочевников — *хазар* (VII в.), *половцев* (XI—XII вв.), *монголо-татар* (XIII в.) — с оседлыми жителями горных и прибрежных районов полуострова: *таврами*, *киммерийцами*, *аланами*. Наиболее крупной тюркоязычной кочевой группой были *ногаи* (конец XIII в.), подвластные хану Ногаю (отсюда и самоназвание степных татар). Некоторые селения по сей день носят названия древних племен: Аргын, Мангыт, Кытай, Кунград и др. Южный берег Крыма был тюркизирован с юга — из Малой Азии — в период сельджукских завоеваний XI—XII вв. Участие различных этнических компонентов в формировании крымских татар северной и южной частей полуострова сказалось и на их антропологическом облике: прибрежные и горные татары антропологически близки к южным европеоидам, а у степных отчетливо выражена монголоидная примесь.

Начало образования народности крымских татар связано с вхождением восточной и степной частей полуострова в качестве улуса в Золотую Орду. Тогда же здесь распространился ислам суннитского толка. В 1443 г. возникло Крымское ханство, с 1475 г. попавшее в вассальную зависимость от Османской империи и испытывавшее сильное культурное влияние турок-османов. До присоединения к России (1783) татары Крыма постоянно создавали напряженную обстановку на ее южных границах. К этому моменту произошло объединение различных по происхождению субэтнических групп: степных (*ногайских*) татар, предгорных татар (*там*, или *тамлар*), южнобережных татар (*ялыбойлю*). До 1783 г. преобладавшие в Крыму крымские татары в результате двух волн эмиграции стали там меньшинством. Когда по окончании русско-турецкой войны 1787—1789 гг. стало ясно, что исламское государство в Крыму уже сохраниться не может, произошла первая волна эмиграции из Крыма (в Турцию) численностью до 30 тыс. человек. Вторая волна связана с окончанием Крымской войны (1853—1856), когда из Крыма в Турцию выехали свыше 140 тыс. татар. К началу XX в. лишь в горной и южнобережной части полуострова сохранился компактный ареал крымско-татарского населения.

Созданная в 1870-е гг. система земств положила конец закрытости татарского общества и способствовала формированию национальной татарской интеллигенции. Ее яркий представитель — Исмаил Гаспринский (1851—1914), получивший образование в Петербурге, Париже и Стамбуле. Еще при жизни его называли «дедушкой тюркской нации». Он — автор самого популярного учебника для крымско-татарских детей. Крымские *мектебе* (начальные школы) приобрели характер народных училищ с преподаванием на родном языке. В них впервые на равных основаниях обучались мужчины и женщины. И. Гаспринский основал в Бахчисарае газету «Терджиман-Переводчик», издававшуюся на татарском и русском языках (1883—1918). В то время она была единственным периодическим изданием тюркоязычных народов России.

В 1921 г. была образована Крымская АССР в составе РСФСР, упраздненная в 1945 г. Годом ранее крымские татары подверглись насильственной депортации в Среднюю Азию, Сибирь, Среднее Поволжье. Это событие коренным образом изменило жизнь этноса. В частности, произошло смешение диалектов крымско-татарского языка (до переселения существовало три диалекта этого языка: северный — кыпчакский, южный — огузский и степной).

Репатриация крымских татар началась в конце 1960-х гг. В 1967 г. было объявлено о восстановлении крымских татар в конституционных правах, однако ограничена их прописка в Крыму. Так возникли поселения татар поблизости от Крымского п-ова — на Херсонщине, в Краснодарском и Ставропольском краях. С конца 1980-х гг. началась массовая миграция крымских татар в Крым, сначала в степные, а затем и в горные районы, а также на южный берег полуострова. К 1993 г. численность крымских татар в Крыму достигла 270 тыс. человек, 75% из которых — горожане.

Крымскими татарами активно заселяются территории вокруг Симферополя и Бахчисарая, Сак и Евпатории. Эти районы далеко не всегда совпадают с местами жительства предков современных переселенцев, что обостряет межэтническую ситуацию в Крыму.

Уже в начале 1990-х гг. крымские татары создали свою управленческую структуру — «меджлис крымско-татарского народа», который решает вопросы переселения, трудоустройства, правовой защиты, культурной деятельности, перевода крымско-татарской письменности на латиницу, влияет на украинский парламент. Выдвигается и требование признания «титულности» крымских татар в Крыму и создания крымско-татарской автономии.

Традиционными занятиями крымских татар были скотоводство и земледелие. Приобщение татар к земледелию имело важное значение для утверждения самостоятельности Крымского ханства. Однако в степной части полуострова оно затруднялось скудостью водных источников. Здесь вплоть до XVIII в. сохранялось подвижное скотоводство. Для степняков важный источник доходов составляла торговля рабами, захваченными во время набегов на земли соседей. К концу XIX в. татары степной части Крыма уже активно занимались земледелием, сеяли яровую пшеницу, просо, ячмень.

Татары, жившие в предгорьях и на южном берегу Крыма, занимались садоводством и виноградарством. Садоводство они переняли от греков и геноуэцев. Для садов, ореховых и табачных плантаций, виноградников они расчищали поляны (*чаиры*) в лесных зарослях по южным склонам Таврических гор. Искусственно орошали насаждения водой горных ручьев.

Крупнейшим ремесленным центром стал Бахчисарай, славившийся своими оружейниками, мастерами по дереву (сундуки — *сандык* — и столики — *курсю* — богато украшались резьбой и инкрустацией), портными и башмачниками. Крымские татары активно занимались торговлей; важнейшими товарами служили соль и масло, которые вывозились в Турцию и Россию. О доходности этой деятельности свидетельствует тот факт, что соляные озера принадлежали крымскому хану.

Современные крымские татары сильно урбанизированы и обладают главным образом городскими профессиями. Татары — сельские жители в основном занимаются садоводством и виноградарством.

3. Молдавия и этносы, ее населяющие

Территория Республики Молдавии (Молдовы) почти целиком лежит в междуречье Днестра и Прута, лишь небольшая часть ее — так называемое Приднестровье — расположена на левом берегу Днестра. В правобережной части различают три области (с севера на юг): населенную в основном украинцами Белецкую степь, Кодры (по-молдавски — *дремучий лес*) — лесистую возвышенность (с молдавским населением) и Буджак (по-турецки — *угол*), где расселены болгары и гагаузы. Территория Приднестровья заселена молдаванами, украинцами, русскими, белорусами, евреями и представителями других народов.

Молдаване (самоназвание *молдовень*) — титульное население Республики Молдавии (2,8 млн человек). Живут также на территории Украины (325 тыс. человек) и России (173 тыс.). Общая численность — около 3,4 млн человек. Язык молдаван, сложившийся на основе народной латыни, относится к романской группе индоевропейской языковой семьи. Многие молдаване двуязычны; большинство (почти 2/3 в 1989 г.), кроме национального, владеют русским языком.

В *этнической истории* молдаван выделяются два этапа: формирование этнической общности волохов — общих предков восточнороманских народов — и складывание собственно молдавской народности. Волохи сформировались в ареале, охватывающем север Балканского п-ова и Карпаты, на основе группы земледельческих фракийских племен. В эпоху Страбона (I в. н.э.) здесь жили родственные племена гетов и даков. В первых веках нашей эры римляне романизировали культуру и язык этих племен.

В V в. в этом регионе расселились славяне. Благодаря славянам здесь получили распространение *тяжелый плуг* и *коса* (в ту пору самое совершенное орудие уборки зерновых). Влияние славян проявилось в топонимии: Бистрица, Суховерх, Лозова, Садова. О давнем культурном взаимодействии говорят и совпадения в дохристианских религиозных представлениях: подобно славянам, молдаване до принятия христианства верили в Перуна, Волоса (святой Василий), Сварога; имя последнего сохранилось в выражении *ускат ка сварогу* («сухой как Сварог»), где бог солнца Сварог выступает как символ засухи.

В результате фракийско-романо-славянских взаимодействий сформировалась этническая общность, получившая наименование *влахов*, *волохов*. Волохи были пастушескими племенами, принявшими православие. В XIII—XV вв. они продвинулись из северных предгорий Карпат в верховья Прута и Днестра и осели на землях, освоенных земледельцами — восточными славянами. Здесь продолжилось формирование молдавской народности в процессе этнической консолидации пришельцев-волохов и местного восточнославянского населения (с XIV в. в составе Молдавского княжества, занимавшего земли от Карпат до Днестра). В Молдавском княжестве государственным языком служил древнеславянский, который с XVI—XVII вв. был заменен молдавским литературным языком.

В XVI в. Молдавия попала под власть Османской империи. Лишь в конце XVIII в. левобережье Днестра, а позднее (1812) земли между реками Прутом и Днестром (Бессарабия) были отвоеваны у Турции и присоединены к России.

В 1918 г. Бессарабия подверглась аннексии Румынией. На левобережье Днестра из районов, населенных молдаванами, в 1924 г. была образована Молдавская АССР (в составе Украины). В 1940 г. после возвращения Бессарабии Советскому Союзу из большей части территории Молдавской АССР и Бессарабии была образована Молдавская ССР, с 1991 г. — Республика Молдавия.

С этого времени руководящими кругами Молдавии насаждаются тесно переплетенные между собой идеи европейской интеграции и регионального национализма. В августе 1989 г. принят закон «О функционировании языков», ущемляющий права почти половины населения республики. Молдавский язык, объявленный единственным государственным языком, переведен на латинскую графику.

Проблема самоидентификации в Молдавии отчасти сыграла свою роль в возникновении кровавого противостояния в Приднестровье (1992 г. и позднее). Эта область населена представителями ряда этносов (среди которых около 28% украинцев, 25% русских, до 10 тыс. белорусов), и молдаване (около 45%) не составляют в ней абсолютного большинства. 2 сентября 1990 г. была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) с центром в Тирасполе. В ответ на прорумынские заявления в Кишиневе население Приднестровья (как, впрочем, и большинство молдаван Правобережной части Молдавии) выступило против присоединения к Румынии. В ПМР государственными были провозглашены три языка: русский, молдавский и украинский. При этом руководство ПМР прилагало усилия по решению вопроса федерализации Молдавии. Однако руководство Правобережья сделало ставку на силовое решение вопроса о территориальной целостности Молдавии, что привело к гражданской войне. Вопрос о статусе Приднестровья остается нерешенным до сих пор.

Традиционные занятия молдаван — животноводство, земледелие (озимая пшеница, яровой ячмень, кукуруза), виноградарство и садоводство. Есть мононациональные села, специализирующиеся только на одной сельскохозяйственной культуре или одном виде сельскохозяйственной деятельности: молдаване выращивают виноград, болгары и украинцы — овощи, русские — картофель, немцы занимаются пчеловодством.

Введение культуры кукурузы приписывают валашскому господарю Шербану Кантакузину (конец XVII в.). Кукуруза настолько пришлась молдаванам по вкусу, что *мамалыгу* — своеобразную очень густую кашу, заменяющую хлеб, из кукурузной муки — называют молдавским национальным блюдом. Ее обычно едят с *брынзой* (овечьим сыром). О питании бедняков образно говорится в народной поговорке: «Беднота, что ты ешь?» — «Мамалыгу да крапиву». Другими характерными блюдами являются овощной суп (*чорбэ*), слоеный пирог с брынзой (*илэчинте*), голубцы, завернутые в виноградные листья (*сармале*), протертая фасоль с толченым чесноком (*фасоле фэклэуите*) и др.

С давних пор здесь занимаются виноградарством. Изображение виноградных гроздей можно увидеть на монетах города Тиры (современный Белгород-Днестровский), отчеканенных в III—II вв. до н.э. Местную лозу скрестили с греческими и итальянскими, завезенными из причерноморских генуэзских и греческих колоний. В средневековых документах упоминаются известные сорта вин: «Фетяска», «Франкуша», «Бусуек», «Граса». Вино иногда пили вместо воды, употребляли в различных обрядах. В нем видели материализацию сакральной связи подземного мира (корни лозы) с наземным (гроздь винограда).

Типичным жилищем у молдаван в прошлом была плетеная *мазанка* из *ча-мура* (кирпича, изготовленного из смеси глины с кизяком и соломой); крыша покрывалась соломой или камышом. Другим традиционным материалом для возведения жилищ служило дерево. Наружные и внутренние стены хаты белились. На смену мазанке пришли глинобитные и саманные жилища; последние в наши дни имеют наибольшее распространение. Для традиционного сельского жилища характерна трехкамерная планировка: прихожая (*тиндэ*) отделяет жилое помещение (*камарэ*) от гостиной или горницы (*каса маре*). Во внутреннем убранстве сохраняется традиция украшения комнат настенными коврами (*скоарцэ, рэзбой, ковор*), ковровыми дорожками (*пэретар, лэичер, кадрел*), покрывалами (*чергэ, полог*), полотенцами.

Требовавшее много времени строительство домов в молдавских селах часто велось силами всех соседей и родственников, выходивших на работу, как на праздник. (Подобные же формы коллективного труда — *клака* — применялись и в других видах деятельности, например, при очистке кукурузы.)

Традиционный костюм молдаван сложился в Средние века. Он имел много локальных различий. Особенно красочной, с богатой вышивкой, была женская одежда, состоявшая из полотняной орнаментированной рубахи, шерстяной несшитой юбки (местами сарафана), шерстяного или полотняного фартука, безрукавки и платка. Традиционная мужская одежда состояла из белой рубахи, белых штанов, темного жилета или меховой безрукавки. Женщины носили на голове полотенцеобразный убор, платок; мужчины — барашковую шапку зимой и соломенную шляпу летом. Обувью и у женщин и у мужчин служили так называемые *опинчэ* (типа постолов) из кожи.

Устное народное творчество представлено календарной и семейной обрядовой поэзией, сказками, героическим эпосом («Богатырь Груя», «Кодряну» и др.), историческими, лирическими и другими песнями, пословицами, поговорками. Крупнейший памятник лиро-эпической народной поэзии — баллада «Миорица». Народные песни — *дойны* — преимущественно одноголосные, в некоторых районах (в основном на границе с Украиной) — двухголосные. Дмитрий Кантемир называл дойны «песнями, воспевающими храбрость». Первоначально дойна была пастушеской песней; первая часть ее представляла собой жалобу пастуха на тяготы жизни, а вторая, танцевального характера, выражала его радость по поводу возвращения стада домой. Наиболее распространенные музыкальные инструменты — *кобза* (струнный), *най* (духовой инструмент типа флейты Пана), *чимпой* (волынка), скрипка. Национальный танец молдаван — *хора*, или *жок* (от лат. *jocus* — игра) — напоминает хоровод: его танцуют под звуки пастушьей флейты (*флуэра*) мужчины и женщины, образовав круг и взявшись за руки.

В новейшей истории Молдавии выделяются поэт-романтик М. Эминеску, историк Л.С. Берг, врач Н.В. Склифосовский, архитектор А.В. Шусев, композитор Е. Дога, певица М. Биешу, писатели И. Друце и В. Васиlake, кинорежиссер Э. Лотяну.

Другие этносы на территории Молдавии. Русские. Этнические русские в 1999 г. составляли 13% населения Молдавии. Многие проживающие на территории Молдавии русские являются потомками крестьян, бежавших сюда (с конца XVII в.) из разных губерний Российской империи от гнета помещиков

и — позднее — от рекрутчины. Среди русских-горожан основную массу составляют переселенцы более позднего времени (XX в.) или их потомков. Значительную долю русских, поселившихся в Молдавии много поколений назад, составляют старообрядцы — поповцы и беспоповцы. Проживают здесь и представители разных сект (молокане и др.), которые начали переселяться сюда в XIX в.

С образованием в 1991 г. суверенной Республики Молдавии изменилась политика в отношении русского языка. Всплеск национал-радикализма повлек за собой массовое сокращение образования на русском языке, ограничение применения русского языка в различных областях жизни. Таким образом, для русских встал проблема местной языковой компетентности.

У к р а и н ц ы (*руснаки, руськие*) составляют 14% населения Молдавии. Наиболее компактно они расселены на севере, в Белецкой степи, и в Приднестровье.

Соседство с молдаванами придавало быту местных украинцев особый колорит. По праздникам девушки любят носить на голове венки (*карабули*) из стекляруса, лент, искусственных цветов и т.д. Во время свадьбы во дворе дома невесты танцуют *волоский* (т.е. волошский, молдавский) танец. В отличие от Украины новобрачных здесь встречают не караваем, а чаркой водки. Во время похорон, как и у молдаван, покойнику-мужчине принято класть под голову шапку. В язык украинцев Молдавии вошли многие молдавские слова: *моша* (повивальная бабка), *нанаиш* (крестный отец), *фин* (крестник) и т.д.

В последние десятилетия в среде украинцев распространяется идея возрождения украинской культуры (в первую очередь в Приднестровье, исторически входившем в состав Украины). В 1991 г. создан Союз украинцев Приднестровья.

Б о л г а р ы. Проживают на юге Молдавии, в Тараклийском районе. По данным переписи 1989 г., в Молдавии проживало 88,4 тыс. болгар. Они говорят на болгарском языке, относящемся к южнославянской подгруппе славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Письменность — на основе кириллицы. Верующие — в основном православные, есть мусульмане.

Болгары переселились в Молдавию с Балканского п-ова после русско-турецких войн. К этому их побуждали земельный голод и национальный гнет, которому они подвергались у себя на родине со стороны османских властей. Российское правительство предоставляло колонистам крестьянские земельные наделы, освобождение на длительный срок от налогов и воинской повинности.

В процессе адаптации к местной среде и культурных взаимовлияний у болгарских переселенцев к концу XIX в. сформировался новый этнографический облик, не имеющий аналогов в Болгарии. В Молдавии представлена бессарабская, или буджакская, ареальная группа болгар. Ими утрачены прежняя народная одежда, бытовая утварь, особенности жилища и его украшения, многие обычаи и обряды. Отчасти сохраняется народная кухня — блюда для праздничного стола (если в доме есть пожилая женщина или если сохраняются те или иные связи с родиной).

Со второй половины 1980-х гг. началось возрождение национальной культуры. Национальный язык в диаспоре сохранился лучше, чем бытовая культура и фольклор. По данным переписи 1989 г., его продолжали считать родным почти 79% болгар Молдавии.

Гагаузы. Народ (более 150 тыс. человек), переселившийся в период русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. с Балканского п-ова на территорию Южной Бессарабии (в Буджакскую степь) и прилегающие земли Украины. Говорят на гагаузском языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. Письменность основана на латинской графике.

По одной гипотезе, гагаузы — отуреченные христиане или христианизированные турки, возможно, болгары, воспринявшие тюркский язык и т.п. В Турции популярна сельджукская теория, согласно которой гагаузы — потомки малоазийских турок, переселившихся в XIII в. под руководством султана Изеддина Кейнауса в Добруджу и вместе с тюркоязычными куманами (половцами) южнорусских степей основавшими здесь Огузскую державу (*узиялет*). До переселения гагаузов в Бессарабию они состояли из двух групп: *хасыл гагауз* (настоящих гагаузов) и *болгарских гагаузов*. Вероятнее всего, основу гагаузов составили тюркоязычные кочевники (*огузы, печенеги, половцы*). Европейские исследователи в качестве вероятных предков гагаузов рассматривали тюркоязычных *протобулгар*, пришедших в 670-е гг. на Балканы с берегов южной Волги. В XIII в. их потомки приняли христианство.

В русско-турецких войнах конца XVIII — начала XIX в. гагаузы выступали на стороне России. Они переселялись в опустевшие степи Южной Бессарабии. С 1990 г. Гагаузия существует как самостоятельная административная единица — автономия Гагауз Ери со столицей в Комрате (во главе с *башканом* и Народным собранием).

Основу традиционных занятий гагаузов составляли животноводство (с преобладанием овцеводства) и земледелие, сочетавшее хлебопашество и огородничество с виноградарством. В наши дни гагаузы занимаются в основном земледелием и виноградарством, но существенную роль в их хозяйственной деятельности продолжает играть скотоводство. Скот гагаузы всегда считали главной ценностью. Это отразилось и на их духовной культуре. Одна из лучших гагаузских песен, «Оглан», рассказывает об очень хорошем пастухе и его матери — женщине степей. Одну из ярких звезд в западной части небосклона гагаузы называют *кыр керван йылдызы* (*звездой степного каравана*). Млечный Путь у них известен как *саман йолу* (*дорога соломы*); на ней якобы когда-то паслись отары овец.

Традиционное жилище состоит из трехкамерного дома, с завалинкой и верандой вдоль стены, поддерживаемой столбиками; стены комнат украшены коврами преимущественно с растительным орнаментом, полотенцами, на полу — ковровые дорожки.

В конце XIX в. женщины носили полотняную рубаху, безрукавное платье с фартуком. Женский костюм дополнял большой черный платок. В зимнее время надевали платье с рукавами, суконную кофту и меховую безрукавку. Обязательными атрибутами женского костюма были украшения — серьги, браслеты, бусы, ожерелье из золотых монет. Мужская одежда состояла из рубахи, широких суконных штанов, широкого красного пояса, шляпы — летом, каракулевой меховой шапки (*колтак*) — зимой. У чабанов обычная рубаха сочеталась со штанами из овчины (*мешин*) мехом внутрь, меховой безрукавки и короткой куртки из овчины (*кюрк*), иногда декорированной красной или зеленой строчкой.

В народной кухне оседлых гагаузов прослеживаются многие пережитки прошлого кочевого быта (в особой обработке молока, хранении мяса, творога, брынзы в шкуре и т.п.). Важное место в питании занимал хлеб. С выпечкой хлеба, калачей, пресных лепешек связан ряд семейных праздников и обрядов. Излюбленное блюдо — слоеные пироги (*кырма*), начиненные брынзой, залитые перед выпечкой сметаной. Лакомствами считались пироги с измельченной тыквой и сладкие пироги на первом молоке недавно отелившейся коровы. Особое место в национальной кухне занимают круто наперченные соусы (*манжа*), приготовленные из жидкой кашицы, обжаренной вместе с луком, а также мясо, приправленное соусом из помидоров и перца. К обеду и ужину подается красное домашнее вино. Непременный компонент праздничной пищи — холодцы, приготовленные из голов и ножек животных.

Традиционный гагаузский обряд *курбан* (известный по описаниям середины XIX в.), сочетававший приготовление пшеничной каши (*булгур*) с жертвенным бараном, а также сохранившийся *культ волка* позволяют просматривать этнокультурные связи гагаузов с Балканским миром, с одной стороны, и с кочевыми степными культурами — с другой.

4. Цыгане и евреи

Наиболее значительные национальные меньшинства в составе населения Белоруссии, Украины и Молдавии описаны в разделах, посвященных конкретным странам их проживания. Но среди них есть и такие, которые исторически, политически или в культурном отношении связаны с частью Европы, являющейся предметом рассмотрения в настоящей главе, но которые трудно или невозможно связать с какой-либо одной из упомянутых трех стран.

Цыгане, уже в XV в. кочевавшие по Южной Европе, к XVI в. достигли территории нынешней Румынии, Молдавии и Украины. Этнокультурное взаимодействие с местным населением привело к формированию различных групп цыган, которых отличают самоназвание, языковая и иная специфика.

К числу таких групп относятся *кырымытика рома* — цыгане Херсонской, Запорожской, Одесской областей Украины, северных районов Крымского п-ова. До конца XIX в. они в свою очередь делились на более мелкие группы, «привязанные» к ремесленной специализации (например, *аюджи* — вожаки медведей, *демирджи* — кузнецы, серебряных дел мастера, *даулджи* — музыканты, *курбетты* — торговцы лошадьми и т.п.). К этнокультурным группам цыган относятся и *ловари* Молдавии, *сэвры*, издавна жившие на украиноязычных территориях Российской империи.

Повсюду в местах их проживания источником средств существования для цыган служили ремесло, торговля лошадьми, музыкальные выступления (часто с хоровым пением), профессиональное нищенство, гадание.

У цыган нет единой конфессиональной принадлежности. Так, у цыган Молдавии традиционные языческие верования в быту тесно переплетены с православием, у группы крымских цыган — с исламом суннитского толка, у части цыган Белоруссии — с католицизмом. Тем не менее все они относят себя к *рома* (цыганам) и говорят на цыганском языке, принадлежащем к североиндийской группе индоевропейских языков.

Цыгане делятся на преимущественно отцовские роды, состоящие из нескольких многопоколенных патриархальных семей. В XIX — начале XX в. в цыганских семьях мужчины пользовались беспрекословной властью, однако почитались и старые женщины. Тем не менее молодые девушки пользовались относительной свободой, тогда как замужние женщины вынуждены были соблюдать ряд запретов при общении с окружающими, так как считались «нечистыми»; женщина не имела, например, права подходить к тому месту в *шатре* или *палатке* (в которых цыгане жили во время кочевания), где находились «чистые» вещи: икона, сбура, кнут, посуда, самовар, зеркало.

У членов рода нет жесткой привязанности к конкретной территории, к совместному кочеванию. Из соображений экономической целесообразности и безопасности цыгане с весны до глубокой осени объединялись в табор; однако от табора в любой момент могла отделиться любая семья. В таборе господствовали коллективный труд, уравнилельное распределение, абсолютный авторитет вожака, отстаивающего интересы таборного сообщества.

У цыган, перешедших с середины XX в. к оседлости, сохранились пережитки кочевого быта в элементах убранства жилища (пристрастие к большому количеству подушек, перин и проч.), хотя в целом их быт мало чем отличается от быта окружающего населения.

Для цыган характерна приверженность традиционному типу одежды. Женский костюм состоит из юбки — несшитого куска присборенной ткани с оборкой внизу и кофты особого покроя — с широкими рукавами и глубоким вырезом, удобным для кормления ребенка грудью. Обязательный атрибут наряда замужней женщины — своеобразно повязанный платок и многочисленные украшения. Мужской костюм обычно составляли шаровары, рубаха навыпуск, сапоги, пиджак.

Один из пережитков своеобразного быта цыган — система их судопроизводства, которая автономна от государственных судов. До настоящего времени споры, конфликты любой степени сложности в качестве единственной инстанции разбирает цыганский *сэндо* (*крис*), состоящий из уважаемых пожилых цыган, выбирающих из своей среды главного. Его решение в цыганской среде считается приоритетным по отношению к возможному решению государственных судов; оно даже не подвергается обсуждению.

В XIX в. и позднее возникло много цыганских хоров, выступавших на коммерческой основе. В наше время в Москве существует с успехом работающий цыганский театр «Ромэн», возникший в 1931 г. Спектакли идут на русском и цыганском языках.

Евреи (*йегудим* — самоназвание на языке *иврит*; *йид*, *айид* — самоназвание на языке *идиш*), живущие на территории Украины, Белоруссии и Молдавии, — это потомки восточноевропейских евреев, говоривших на идише (сложился на основе одного из верхненемецких диалектов), которые относятся к субэтнической группе *ашкеназов* (от древнееврейского Ашкиназ — Германия). До середины XX в. сохранялось подразделение евреев на этнографические группы белорусских *лытваков*, *украинских евреев* (живущих на Украине и в Бессарабии) и западноукраинских *галицианер*.

Иврит — язык Ветхого Завета — в современной модифицированной форме является общееврейским языком. В Белоруссии, Молдавии и на Украине иврит

использовали как язык богослужения, религиозного и светского образования. Создателем современного литературного иврита считается Элиезер Бен-Иегуда (Лазарь Перельман, 1858—1922).

Идиш возник в X—XII вв. в Германии и стал в Средние века и в Новое время разговорным языком для большей части евреев. Среди евреев Белоруссии был распространен северо-восточный, а в Молдавии и на Украине — юго-восточный диалекты идиша. Во второй половине XIX в. на идише писали Менделей Мойхер Сфорим (Ш.Я. Бройде-Абрамович), Шолом Алейхем (Ш. Рабинович), И.Л. Перец.

Сегодня большинство евреев России, Украины, Белоруссии и Молдавии использует в качестве разговорного и родного русский язык.

Традиционные жилище и пища евреев в значительной мере складывались под влиянием местных традиций. Но при этом особенностью жилища были роспись, аппликации на восточной стене (*мизрах*) и неоштукатуренный участок стены — как напоминание о разрушении Иерусалимского храма, а типичной чертой питания — религиозные табу (*кашрут*, *кошерная пища*), в соответствии с которыми запрещается смешивать молочные и мясные продукты («не вари козленка в молоке его матери»), разрешается к потреблению только рыба, покрытая чешуей, мясо жвачных парнокопытных, домашней птицы, заколотых специальным резником (*шойхетом*).

Типичными элементами традиционного мужского костюма можно считать шерстяные черно-белые или бело-голубые молитвенные шали с кистями (*цинциты*), длинные халаты, плащи, длиннополые кафтаны (*лапсердаки*), обязательное покрытие головы специальной шапочкой — *ермолкой* (или *кипой*) как на улице, так и в помещении. При этом мужчины отпускали бороды и пряди волос на висках (*пейсы*), а замужние женщины голову брили и при выходе из дома покрывали париком.

Национальная религия евреев — иудаизм. Знатоком, хранителем, толкователем религиозных и общинных традиций является *раввин* — служитель *синагоги* (дом собраний). Последняя выполняет не только духовные, но и светские — социальные, культурные функции, о чем говорит и само ее название.

В ряде пунктов — Воложине (Минская область), Вильнюсе и Каунасе — возникли наиболее известные *иешивы* — высшие религиозные училища по подготовке раввинов. На Западной Украине среди евреев Волыни, Подолии и Галиции в середине XVIII в. зародилось мистическое учение иудаизма — *хасидизм*, который проповедует служение Всевышнему в материальном мире, почитание *цади́ков* (праведников). Изначально он формировался как оппозиция официальному раввинату и лишь постепенно сблизился с последним. Распространившись среди украинских евреев, хасидизм проник на территорию Белоруссии и Литвы.

В Российской империи евреи пользовались «суженными» правами. Особенно наглядным ограничением выступала введенная в 1796 г. «черта оседлости». Согласно последней ее редакции (1835), евреям запрещалось селиться за пределами 15 западных и южных регионов России (Польша, Литва, Белоруссии, Бессарабии, Курляндии, большей части Украины, Кавказа, Средней Азии, городов Николаева, Ялты, Севастополя). А закон 1882 г. вообще запрещал евреям

селиться за пределами городов и *местечек* (городков) с преимущественно еврейским населением, обязательными синагогой, ритуальной баней-*миквой*, а также еврейским кладбищем. Евреи были отрезаны от земледелия. Большинство из них жило ремеслом, мелкой торговлей, ростовщицеством в особых кварталах — *гетто*. Местная община (*кегила*) функционировала в рамках местного самоуправления (*кагала*).

Ухудшение социально-экономического и политического положения евреев вызвало с середины 1870-х гг. их массовую эмиграцию из Польши, Финляндии, Литвы, Западной Белоруссии, Правобережной Украины в США, Канаду, Аргентину, Палестину (в последней стали возникать еврейские земледельческие общины). Только в США в течение XIX — начала XX в. въехало (по разным источникам) от 1,4 до 1,7 млн евреев. Сокращение численности евреев в рассматриваемых в настоящей главе странах продолжается. Если в начале XX в. в Белоруссии проживало более 1 млн евреев (18% ее тогдашнего населения), то к 1999 г. осталось 28 тыс. В границах Украины их численность также сократилась.

ЛИТВА, ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ

1. Заселение Юго-Восточной Прибалтики. Размещение летто-литовских и финских племен

В Юго-Восточной Прибалтике еще с глубокой древности сосуществовали два этнических массива. В III тыс. до н.э. с востока сюда проникли протофинские племена — предки современных *эстонцев* и *ливов*. В конце III — начале II тыс. до н.э. на территории Юго-Восточной Прибалтики появились пришедшие с юга балтийские (летто-литовские) племена — предки *латышей* и *литовцев*. Длительное время финские и балтийские племена жили чересполосно. Постепенно на юге и в средней части региона получили преимущественное распространение балтийские языки, в северной — финские. На рубеже I и II тыс. между Вислой и Неманом жили древние *прусские* племена. К югу от них, между Западным Бугом и Неманом, обитали *ятвяги*. Их южными соседями были восточнолитовские племена — *аукштайты*. По нижнему течению Немана расселились западнолитовские племена — *жемайты*. По соседству с ними, на северо-западе современной Литвы и западе современной Латвии, обитали *куриши*. На территории Центральной и Восточной Латвии размещались племена *земгалов*, *селов* и *латгалов*. Севернее всех этих летто-литовских племен обитали финноязычные *ливы*, а еще севернее ливов — *древнеэстонские* племена.

В IX—XII вв. началось постепенное формирование литовской, латышской и эстонской народностей.

2. Из этнической истории населения Юго-Восточной Прибалтики XII—XX веков

В начале XIII в. в Юго-Восточную Прибалтику вторглись немецкие рыцари, а в ее северную часть — датские феодалы; кроме того, в северную часть области расселения эстов проникли шведы. К концу XIII в. немцы овладели уже всей территорией современной Латвии и большей частью территории Эстонии. На завоеванных землях немецкие рыцари создали несколько государственных образований, крупнейшим из которых стал основанный в 1237 г. при поддержке Римско-католической церкви Ливонский орден (отделение ранее созданного на территории Южной Прибалтики Тевтонского ордена). Земли в Ливонии (от этнонима *ливы*), как стала именоваться страна, вместе с жившими на них крестьянами перешли в феодальную собственность немецким феодалам. В городах поселились значительные группы немцев. Со временем — преимущественно из местных (так называемых *остзейских*) немцев — сформировались привилегированные слои населения Ливонии: помещики, духовенство, цеховые ремесленники. Коренные жители оставались в основном крестьянами.

Со времени подчинения летто-литовских и эстских племен немцами среди них стало распространяться христианство в форме католицизма; введение новой

религии носило насильственный характер. С 20-х гг. XVI в. в Ливонию начали проникать зародившиеся в Центральной Европе идеи Реформации, и к середине XVI в. подавляющее большинство ливонских помещиков перешло в лютеранство. Лютеранами стали и местные крестьяне — латыши и эстонцы.

Из трех наиболее крупных прибалтийских народов только литовцы смогли противостоять иноземной экспансии и создать свое независимое государство. Оно было образовано в 1240 г. князем Миндаугасом (Миндовгом). Однако часть западных литовских земель все же была завоевана в XIII в. рыцарями немецкого Тевтонского ордена.

Общность целей в борьбе с немецкими рыцарями сблизила Литву с Польшей. В 1385 г. между этими государствами была заключена Кревская уния, в соответствии с которой великий князь литовский Ягайло стал одновременно польским королем. В 1410 г. в битве под Грюнвальдом (по-литовски Жальгирис) польско-литовские войска, включавшие и белорусские воинские формирования, нанесли Тевтонскому ордену тяжелое поражение. В результате Литва с Польшей отстаивали свою независимость. Правда, часть Жемайтии (территория нынешнего Клайпедского края) осталась в руках немецких рыцарей.

Уния с Польшей и официальное принятие Литвой в 1387 г. христианства в форме католицизма привели к тому, что начался процесс постепенного ополячивания части литовцев, в первую очередь феодалов. *Полонизация* литовской феодальной верхушки особенно усилилась после заключения в 1569 г. Люблинской унии, в соответствии с которой Польша и Литва объединились в единое государство — Речь Посполитую (просуществовавшее до 1795 г.). Люблинская уния закрепила привилегированное положение польских феодалов (*шляхты*) в новом государстве. Что же касается литовских феодалов, то многие из них к середине XVII в. были полонизированы. Литовского крестьянства полонизация на первых порах не коснулась.

С установлением в XVI в. крепостного права переселение литовских крестьян и сельских ремесленников в города было сильно затруднено. В связи с этим городское население формировалось в основном за счет представителей иноэтничных групп — поляков, белорусов, евреев, татар и др.

Политическую карту Юго-Восточной Прибалтики сильно изменила Ливонская война (1558—1583), которая повлияла и на этническое развитие края. В ней участвовали, с одной стороны, Россия, с другой — Ливонский орден, Швеция, Дания, а также Польша и Великое княжество Литовское, объединившиеся в 1569 г. в Речь Посполитую. В ходе Ливонской войны созданные на территории Латвии и Эстонии немецкими рыцарями государственные образования распались и прибалтийские земли оказались поделенными между Речью Посполитой, Швецией и Данией, причем большая их часть оказалась под властью Речи Посполитой. Ливонская война вызвала опустошение латышских и эстонских земель. За время войны несколько изменился и этнический состав населения городов, в которых прежде резко преобладали иноземцы. Благодаря некоторому ослаблению крепостного гнета большое число эстонских и латышских крестьян переселилось из сельской местности в города.

Мир, положивший конец Ливонской войне, оказался непрочным и вскоре был прерван (из-за территориального спора по поводу Лифляндии) войной между Швецией и Речью Посполитой (1600—1629). В результате этой войны

Швеция получила всю территорию Эстонии (кроме о-вов Сааремаа и Муху, которые до 1645 г. принадлежали Дании), а также область Видземе — часть Лифляндии, находящуюся в границах современной Латвии. Речь Посполитая сохранила за собой лишь восточную область Латвии — Латгалию (Латгале). Западная Латвия (Курляндия, или Курземе) осталась в вассальной зависимости от Речи Посполитой. В этих районах постепенно сформировалась довольно значительная группа поляков. Под властью Польши на территорию Латгале распространилась контрреформация, и большинство ее населения вернулось к католицизму. Католицизм вновь утвердился и в отдельных приходах Курляндского герцогства. На территории, отошедшей к Швеции, господствующее положение сохранили немецкие помещики, так как получившие там земли шведские дворяне предпочитали жить на родине. Немцами оставались также лютеранские пасторы и большинство городских цеховых ремесленников. Те же эстонцы и латыши, которым все-таки удавалось стать ремесленниками, со временем переходили на немецкий язык и постепенно ассимилировались немцами.

В пограничных районах Юго-Восточной Прибалтики (таких, как западное побережье Чудского озера) еще с X—XI вв. жили немногочисленные группы древнерусского населения. Со временем они растворились среди местного населения. Небольшое число русских переселилось в Прибалтику в XIV—XVI вв. и более значительные группы — в XVII—XVIII вв. В основном это были старообрядцы-беспоповцы, подвергавшиеся преследованиям в России за свою веру. Они расселились на северо-востоке Литвы, в Латгалии, Курляндии, Риге, в западном Причудье. Во второй половине XVIII в. в некоторых восточных районах края осело немало беглых крепостных крестьян из России, которых охотно принимали местные помещики, нуждавшиеся в рабочей силе. Потребность в дешевых работниках испытывало и зарождавшееся капиталистическое производство, которое особенно быстро развивалось на территории Латвии.

В XVIII — начале XIX в. почти вся Юго-Восточная Прибалтика (кроме Мемельской области — нынешний Клайпедский край) была постепенно присоединена к России. В 1721 г. после победы России над Швецией в Северной войне Россия получила Эстляндию и Лифляндию (т.е. всю территорию Эстонии и северную часть Латвии). В результате первого раздела Речи Посполитой (1772) к России отошла Латгалия, а в результате третьего раздела (1795) — Курляндия. Таким образом, вся территория Латвии оказалась в составе Российской империи. После присоединения латышских и эстонских земель русское правительство признало все прежние права и привилегии немецкого дворянства и горожан. В 1795 г. Россия также получила большую часть литовских земель. В 1815 г. территория Занеманья (юго-западная часть современной Литвы), прежде принадлежавшая Пруссии, была включена в состав так называемого Королевства (Царства) Польского, вошедшего в том же году в Российскую империю.

С присоединением Юго-Восточной Прибалтики к России усилилось переселение русских в этот регион. Отношение к коренному населению русских властей на первых порах было относительно лояльным. Однако после подавления в Литве восстания 1863—1864 гг. власти начали проводить политику русификации. С 1865 г. было запрещено использовать латинский алфавит при печатании литовских книг и обучать детей в школах литовскому языку (запрет

Историческая часть столицы Латвии — Риги

был отменен лишь в 1904 г.). В более умеренных формах русификаторская политика коснулась также Латвии и Эстонии.

С середины XIX в. в Латвии и Эстонии стала бурно развиваться промышленность. Из-за нехватки местной рабочей силы в крупные индустриальные и портовые города направлялся массовый приток населения из соседних регионов. Приезжали прежде всего русские, а также белорусы, украинцы и представители других национальностей Российской империи. В результате городское население края становилось все более пестрым (исключая Литву). Одновременно часть эстонцев, латышей и особенно литовцев покидала родину и уезжала за границу в поисках работы и лучшей доли.

Памятник латышскому национальному поэту
Яну Райнису в Риге

Большое влияние на изменение численности и этнической структуры населения Юго-Восточной Прибалтики оказали Первая мировая, а затем и Гражданская войны. Значительная часть промышленных рабочих из Латвии и Эстонии подверглась эвакуации в глубь России вместе с перебазированными туда предприятиями. Это, в частности, привело к заметному сокращению численности русских в этом регионе. В годы Первой мировой войны уменьшилась также и численность немцев в Юго-Восточной Прибалтике.

В 1918 г. Литва, Эстония и Латвия провозгласили себя независимыми государствами. В 1920 г. их независимость была признана Россией. Литва уже вскоре после провозглашения независимости потеряла значительную часть территории — так называемый Вильнюсский край, аннексированный Польшей. В 1920—1930-е гг. в прибалтийских государствах несколько увеличилась доля лиц коренных национальностей. Это произошло прежде всего за счет эмиграции части иноэтничных групп. Так, в 1939 г. подавляющее большинство немцев выехало из Прибалтики в Германию. В Вильнюсском крае происходила языковая и этническая ассимиляция местного населения поляками.

В августе 1940 г. Литва, Латвия и Эстония были присоединены к СССР. За время пребывания в составе Советского Союза этнический состав их населения (особенно в Латвии и Эстонии) претерпел значительные изменения. Прежде всего это было связано с прибытием в регион для работы на новых промышленных предприятиях большого числа переселенцев из России и других республик СССР. В результате в Латвии и Эстонии сложились значительные группы так называемого *русскоязычного населения* (в основном русские, а также белорусы, украинцы и др.). В Литве этническая ситуация складывалась несколько иначе, чем в Латвии и Эстонии. Хотя доля миграционного прироста в общем приросте населения постепенно увеличивалась и здесь, население Литвы росло в первую очередь за счет естественного прироста. Дело в том, что для литовцев в отличие от латышей и эстонцев вплоть до недавнего времени была характерна довольно высокая рождаемость, и Литва могла в значительной мере обходиться в процессе индустриализации собственными трудовыми ресурсами. Свою роль сыграло и то, что сама индустриализация на первых порах осуществлялась в Литве более медленными, чем в Латвии и Эстонии, темпами, и поэтому именно последние были главными объектами притяжения мигрантов.

В 1991 г. Литва, Латвия и Эстония снова стали независимыми государствами. Современные межэтнические отношения в этих странах определяются прежде всего позицией властей к русскоязычному населению (составляющему в Латвии и Эстонии почти половину населения). Эта позиция в трех прибалтийских государствах существенно различается. Более лояльно относится к местным русским руководство Литвы. Когда после достижения независимости этой страной в ней встал вопрос о получении литовского гражданства, руководство Литвы выбрало так называемый нулевой вариант, согласно которому местное гражданство могли получить все лица, имевшие на момент принятия закона постоянную прописку в Литве. И большинство населения Литвы воспользовалось этим правом.

Правительства Латвии и Эстонии отказались от принятия «нулевого» варианта. Гражданство в этих странах автоматически предоставлялось лишь людям, жившим в них до 1940 г., и их потомкам (среди русских, живущих в прибалтийских странах, эта категория населения составляет меньшинство). Для всех остальных жителей Латвии и Эстонии возможность получения гражданства была обусловлена жесткими требованиями (в том числе сдачи экзаменов по государственному языку, истории страны и основам ее конституции и др.). В результате значительная часть населения Латвии и Эстонии оказалась лицами

без гражданства, что повлекло за собой ограничение их политических, экономических и социальных прав. Большинство же самих русскоязычных жителей, пустивших в Латвии и Эстонии достаточно глубокие корни и насчитывающих не одно поколение, безусловно хотели бы стать полноправными гражданами стран своего нынешнего проживания. Имеет место дискриминация русскоязычного населения в языковой области.

3. Современный антропологический, этнический, языковой и религиозный состав населения Юго-Восточной Прибалтики

По антропологическим признакам литовцы, латыши и эстонцы принадлежат к большой европеоидной расе, в основном к ее северной ветви. Среди них различают несколько антропологических типов. Так, западные и южные латыши, северо-западные литовцы, западные эстонцы и ливы относятся к западнобалтийскому типу атлантико-балтийской малой расы. Для него характерны очень светлая кожа, светлые волосы, голубые или серые глаза, высокий рост, крупные размеры головы и лица. Наряду с этим в составе коренных народов Юго-Восточной Прибалтики есть представители и других антропологических типов северных европеоидов.

Хотя Юго-Восточная Прибалтика представляет собой целостную историко-культурную область, ее коренные (местные) народы говорят на языках, принадлежащих к разным семьям. Литовцы (3 млн) и латыши (1,4 млн) образуют балтийскую (летто-литовскую) группу индоевропейской языковой семьи.

Литовские женщины в национальной одежде. Фото начала XX в.

Эстонцы (около 1 млн) и ливы относятся к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Ливы на протяжении веков ассимилировались близкими им по культуре латышами, по соседству с которыми они жили. К настоящему времени ливов осталось немногим более 100 человек, причем лишь менее половины их считают своим родным ливский язык. Они живут в Латвии на побережье Балтийского моря (в Талсинском и Вентспилсском районах).

Несмотря на довольно высокую степень консолидированности прибалтийских народов, в их составе сохранился ряд субэтнических групп, что было обусловлено спецификой их этнической эволюции. Два наиболее обособленных субэтнуса — *сету* среди эстонцев (живут на юго-востоке Эстонии и в пограничных с ней районах Псковской области) и *латгальцы* среди латышей (обитают на востоке Латвии — в Латгале). Сету и латгальцы выделяются среди своих народов рядом особенностей как материальной, так и духовной культуры, включая религию. Сету исповедуют православие. В других областях культуры они также испытали сильное влияние русских. Латгальцы в отличие от основной массы верующих латышей — католики. Резко выделяются латгальцы и по своему диалекту.

По особенностям латышской материальной и духовной культуры в Латвии обычно выделяют четыре основные области: Видземе (районы к северу от нижнего течения Даугавы), Курземе (запад и юго-запад), Латгале (восток) и Земгале (центр и юг). Литовцы делятся на *аукштайтов* и *жемайтов*. Соответственно восточную часть Литвы называют Аукштайтией, а западную — Жемайтией. Жемайты и аукштайты различаются по диалектам, а также по материальной и духовной культуре. Среди аукштайтов по особенностям происхождения и диалектной специфике выделяются еще *дзуки*. Некоторой спецификой обладают и *занеманцы*, расселенные к юго-западу от нижнего течения Немана. Среди занеманцев различают восточных — *капсай* (капсы) и западных — *занавикай* (зановики).

Помимо перечисленных народов и этнических групп в Юго-Восточной Прибалтике живут русские. В Латвии и Эстонии они в настоящее время занимают второе по численности место после титульного народа страны (соответственно 33 и 29% населения). В Литве русских меньше и на их долю приходится чуть больше 6% населения; они уступают по численности представителям титульного этноса, а также полякам (около 7%). Из других национальных групп в прибалтийских государствах наиболее многочисленны белорусы и украинцы.

Население края неоднородно и по конфессиональной принадлежности. Верующие литовцы в подавляющем большинстве придерживаются католицизма. Большая часть верующих латышей исповедует лютеранство; католицизм распространен в Латгале и кое-где в Курземе. Эстонцы — традиционно лютеране и частично православные. Если в Литве роль религии всегда была велика, то латыши и эстонцы в целом никогда ревностно не относились к своей вере, в прошлом ее считали «господской», навязанной завоевателями — немцами. Среди русских верующих Восточной Прибалтики большинство составляют православные, русские старожилы — потомки переселенцев XVII—XVIII вв. — в основном старообрядцы. В настоящее время в населении Латвии и Эстонии довольно высока доля неверующих.

4. Традиционные хозяйственные занятия эстонцев, латышей и литовцев

Основу традиционного хозяйства эстонцев, латышей и литовцев составляли пахотное земледелие и стойловое животноводство. Главными зерновыми культурами были и остаются на севере рожь и ячмень, а в более южных районах — пшеница. Выращивают также овес. Из технических культур на севере преобладал картофель, на юго-западе — лен. В Литве было довольно хорошо развито огородничество. Основные огородные культуры — капуста, морковь, свекла, огурцы, лук, чеснок.

Пахали издавна с помощью *двузубой сохи* нескольких видов. У латышей, большей части эстонцев и северных литовцев имела распространение соха с одной перекладной полицей — аналогичная русской сохе. В южных районах Литвы применяли соху с двумя неподвижными полицами — *литовскую соху*. На севере Эстонии использовали особый тип сохи с высоко поднятыми рукоятками (*журавлями*), пригодный для местной тощей почвы. Старое однолемешное *рало* дольше всего сохранялось на крайнем западе Эстонии и на прилегающих

островах. Для измельчения почвы после пахоты использовали деревянные бороны различных видов. Один из архаичных типов бороны — *борода-суковатка*. Позже ей на смену пришли *плетеная борода* и *рамная борода*. В Северной Эстонии применялась *коленчатая борода*. Убирали урожай с помощью зубчатого *серпа* и *косы*.

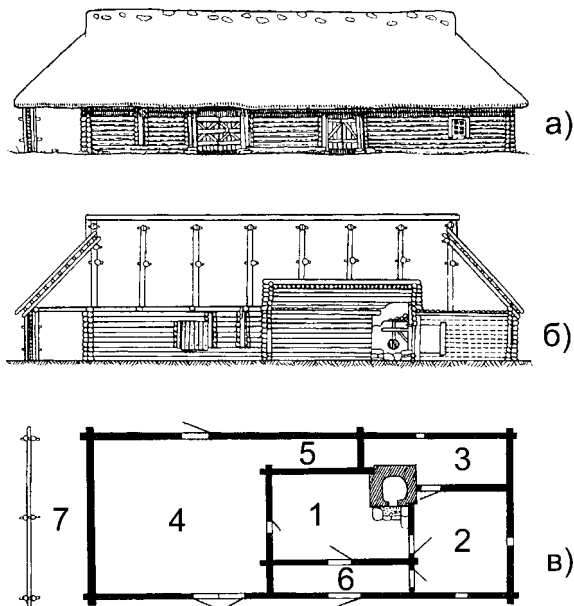
Животноводство в Восточной Прибалтике хотя и уступало земледелию, но всегда играло очень большую роль. Особенно были развиты разведение крупного рогатого скота, ориентированное на молочное и молочно-мясное производство, и свиноводство.

В прибрежных районах Латвии и Эстонии основным занятием жителей служит рыболовство. В прошлом рыбачки обычно составляли самую бедную группу населения. Им приходилось постоянно заниматься отхожими промыслами.

Жемайтская деревня. Западная Литва.
Реконструкция в Музее народного быта
в Румшишкесе

До произошедшей в начале XIX в. отмены крепостного права в большинстве районов Юго-Восточной Прибалтики преобладала барщинная система землепользования, оброк почти не практиковался. Это препятствовало развитию ремесленных промыслов и превращению их в товарное производство. В сельской местности ремесленные изделия изготавливались для домашнего потребления или ближайшей округи. Сельское ремесло сильно отличалось от городского (по уровню развития производственной техники, украшению изделий и т.п.). В городах ремесленное производство находилось в руках некоренного населения: в Латвии и Эстонии — немцев, в Литве — преимущественно евреев и поляков.

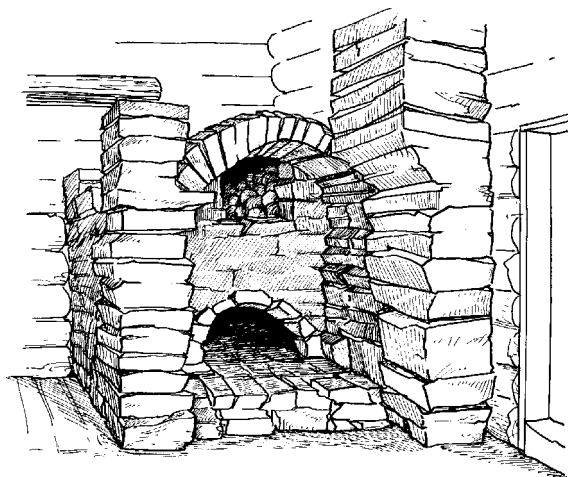
Жилая рига. Северный вариант планировки:
а) общий вид; б) продольный разрез; в) план;
1 — жилое помещение; 2 — передняя комора;
3 — задняя комора; 4 — гумно; 5 — мякинник;
6 — передняя; 7 — навес-сарай

5. Материальная культура эстонцев, латышей и литовцев

Многие города Юго-Восточной Прибалтики имеют многовековую историю, но на протяжении долгого времени значительную часть их жителей составляли иноземцы. Коренное население в прошлом в основном проживало в сельской местности. Там имели распространение как однодворные поселения (*хутора*), так и многодворные (*деревни*). Деревни обычно бывали небольшими.

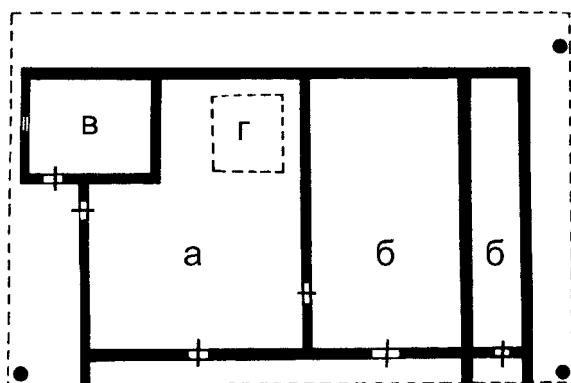
Крестьянские жилища были в основном срубными. Встречались дома нескольких типов.

В Эстонии и на севере Латвии основной традиционной жилой постройкой была *жилая рига*. Она состояла из собственно *риги*, к которой по одну сторону пристраивалось *гумно* для обмолота снопов, по другую — *коморы*. Рига служила основным жилым помещением, а осенью в ней сушили снопы. В заднем углу риги сооружалась печь, которая топилась по-черному (т.е. не имела дымохода). С середины XIX в. печь стали делать с дымоходом. Холодные коморы стали отапливаться и использоваться для жилья не только летом, но и в холодное время года. В число надворных построек обязательно входили хлев, клеть, баня. Баня нередко использовалась как жилье для батраков.

Печь с каменкой в жилой риге.

Слой камней над сводом служит для сохранения тепла, второй свод — для защиты потолка от искр

План старинного литовского жилища — нумаса:
а) жилое помещение; б) хлева; в) угловая камора; г) очаг

традиционной архитектуры. Для интерьера домов прибалтийских народов очень характерны декоративные ткани и другие предметы прикладного искусства.

В рационе питания народов Юго-Восточной Прибалтики в прошлом преобладали растительные и молочные продукты. Широко, особенно в прибрежных районах, в пищу использовалась рыба.

У эстонцев основу питания в прошлом составлял хлеб (преимущественно ржаной). Поэтому слово *лейб* (хлеб) в эстонском языке — как и в русском — означает и пищу (еду) вообще. Всю остальную еду (мясо, рыбу, молоко и т.д.) раньше называли *лейвакырване* — добавка к хлебу. Молоко чаще употребляют в кислом виде. Традиционные эстонские блюда — ячменная каша, похлебки (из капусты, картофеля, крупы), гороховый суп со свиными ножками, соленая салака, сельдь. На юге Эстонии довольно популярно было толокно, у сету — кислый овсяный кисель. Еду принято было запивать квасом (сету готовят

У сету ригу почти повсеместно вытеснила изба восточнославянского типа. Дома, сходные с избами восточных славян, были также распространены на востоке Латвии и Литвы. В Литве они получили название *пиркя*, или *истаба*.

В Юго-Западной Латвии и на большей части территории Литвы крестьянские жилища во многом сходны. Литовцы называли такое традиционное жилище *намас* (*нумас*), латыши — *намс*. Оно представляло собой однокамерный сруб с открытым очагом посередине. В западных районах Литвы эти дома преобладали до XVI в. Затем *намас* стал постепенно обрывать дополнительные помещения и из однокамерной постройки превратился в многокамерную. Очаг стали огораживать и устанавливать над ним вытяжку — трубу. Помещение с очагом получило название *каминас*. Латышский *намс* в XVIII—XIX вв. также превратился в многокомнатный дом с каминной кухней в центре.

В настоящее время большинство литовцев, латышей и эстонцев живут в домах современного типа, хотя в них нередко сохраняются отдельные черты

можжевеловый квас). Мясо, преимущественно свинина, служило праздничной едой. Очень характерно для эстонцев приготовление кровяных колбас (возможно, немецкое заимствование). Кровяные колбасы — обязательное блюдо на Рождество.

Основу традиционной кухни латышей составляют блюда из муки, круп, гороха, картофеля, а также различные молочные продукты (простокваша, творог, домашний сыр и др.). Из мясных продуктов предпочитают свинину. Латыши едят также много рыбы — сельди, кильки, салаки. В качестве первых блюд особенно популярен кислый молочный суп. Распространенным кушаньем является *путра* — густая крупяная похлебка (обычно из перловой крупы), заправленная молоком или мясом с салом. Часто готовят отварной горох с жареным шпиком. Среди праздничных блюд можно отметить свиную голову с кислой капустой на Новый год, *янов сыр* из творога на Иванов день (праздник Лиго). Традиционные напитки латышей — сбитень из ржаной муки, ячменное пиво, березовый и кленовый соки.

У литовцев в обычные продукты из ржаной, реже пшеничной муки, ячменной и овсяной крупы, гороха, блюда из овощей (прежде всего свеклы и капусты), молочные продукты (творог, простокваша, сметана, сыр с тмином). С конца XVIII — начала XIX в. стали очень распространенными блюда из картофеля. В качестве первого блюда литовцы обычно подают щи или борщ, летом — холодный борщ со сметаной. На второе часто предлагаются блюда из тертого картофеля: оладьи, блины, зразы. Во многих районах Литвы готовят *ведерай* — толстые свиные кишки, начиненные тертым сырым картофелем или крупой с жиром. Из мясных продуктов особенно распространена свинина. Традиционными напитками были *хлебный квас* и домашнее *пиво* из ячменного солода.

У народов Юго-Восточной Прибалтики популярны и разные блюда других европейских народов, особенно много заимствований из русской, немецкой и польской кухонь.

Одежда народов края хорошо приспособлена к местному влажному прохладному климату. В традиционный комплекс одежды входят полотняная туникообразная рубаша, длинная шерстяная юбка, шерстяные кофты или лифы, шерстяные или льняные наплечные покрывала (кстати сказать, в прошлом наплечные покрывала могли использоваться и как юбки — их обвертывали вокруг пояса). При наличии местных вариантов традиционная одежда народов Юго-Восточной Прибалтики во многом сходна. Праздничная женская и девичья одежда состояла из льняной рубашки, шерстяной юбки, безрукавки или кофты, пояса, передника, наплечного покрывала, головного убора, чулок или онуч. В костюме девушек и замужних женщин различались прежде всего головные уборы. Девушки носили (летом) головные уборы с открытым верхом: венки, обручи, повязки из лент. Женщины должны были полностью закрывать волосы, и их головные уборы были глухими (полотенчатые уборы, чепцы, шапочки). Дома девушки обычно ходили с непокрытой головой, а замужние женщины и дома должны были носить платки или чепцы. Кроме того, праздничный костюм замужней женщины обязательно дополнял красивый передник.

Костюмы каждого из трех основных народов Юго-Восточной Прибалтики имели свои особенности. В эстонский женский комплекс одежды на севере входили туникообразная рубашка без рукавов, поверх которой надевали короткую богато вышитую блузку (*кяйсед*) и юбку, обычно в продольную полосу.

На западе Эстонии поверх рубахи с рукавами носили продольно-полосатые или клетчатые юбки, на плечах — шелковые платки. На юге Эстонии носили рубахи, юбки, шерстяные кофты или безрукавки. Своеобразием отличался костюм сету. Женщины сету носили глухие темные сарафаны (типа старинной русской *ферязи*) и рубахи русского типа с орнаментированными рукавами. Костюм сету дополняли очень крупные круглые конусообразные нагрудные пряжки и многочисленные серебряные цепочки. Устойчиво сохранялся полотенчатый головной убор.

Латышки носили преимущественно туникообразные рубахи, клетчатые или полосатые юбки (встречались юбки как в продольную, так и в поперечную полоску), шерстяные безрукавки или кофты. В некоторых районах (прежде всего на северо-западе) лиф пришивался к юбке. Поверх надевали шерстяные или льняные наплечные покрывала, обычно белые, но в Западной Латвии они изготавливались из темной шерсти. Здесь в женский костюм входили также металлические пояса.

Латгальские женщины носили туникообразные рубахи с красным узором и клетчатые или белые юбки. Из наплечных покрывал преобладали льняные — клетчатые или белые. Существовали региональные различия и в способах ношения одежды. Например, в Видземе шерстяные наплечные покрывала носили на обоих плечах и застегивали серебряной пряжкой (*сактой*) на груди; в Курземе покрывало носили на правом плече, туда же прикалывалась и пряжка.

Литовский женский костюм также включал туникообразную рубаху, безрукавку, продольно-полосатую юбку и наплечное покрывало. Для западных районов Литвы более характерны контрастные, хотя и довольно темные цвета юбок и обилие платков (их накидывали на плечи, повязывали на шею, надевали на голову). В одежде Восточной Литвы преобладали светлые тона и особенно белый цвет.

Мужская традиционная одежда была менее разнообразна, чем женская. Основу мужского костюма всюду составляли полотняная рубаха, короткие или длинные штаны, куртка. Верхнюю одежду подвязывали шерстяным или кожаным поясом.

Традиционной повседневной обувью служили кожаные постолы и лапти, у западных литовцев — также деревянные башмаки (*клумняй*). В праздники женщины надевали туфли, мужчины — сапоги.

С середины XIX в. в Юго-Восточной Прибалтике у женщин постепенно распространился так называемый городской костюм, и к концу XIX — началу XX в. городская одежда стала преобладающим типом женской одежды во всем регионе. У мужчин традиционная одежда была вытеснена городским костюмом еще раньше — к середине XIX в.

6. Семейный и общественный быт

У народов Юго-Восточной Прибалтики относительно давно большая патриархальная семья сменилась малой, состоящей из супружеской пары с детьми. В прошлом главой семьи был отец, впрочем он оставался им только до тех пор, пока сохранял трудоспособность и мог управлять хозяйством. Когда же он старел и ему становилось не под силу возглавлять хозяйство, вся власть

переходила к старшему сыну, который обычно наследовал дом и земельный участок. Сам же отец с женой по возможности селился отдельно, хотя и в пределах той же усадьбы. Младшим сыновьям доставалась лишь небольшая доля имущества (нередко они оставались батраками в хозяйстве старшего брата), дочери получали приданое. В связи с принятым единонаследием широко распространилось *примачество*. В Латгале, напротив, было принято делить хозяйство отца на равные части между всеми сыновьями.

В обрядах жизненного цикла у народов Юго-Восточной Прибалтики также наблюдалось много общего. В традиционной свадьбе особую роль играл сват. Свадьба состояла из трех циклов: сватовства, собственно свадьбы и послесвадебного посещения дочерью своих родителей. Свадебная обрядность включала песни, шутки, игры.

Рожали обычно в бане, так как считалось, что там обитали духи, помогавшие при родах.

Похоронный обряд включал поминки в доме умершего. Существовал также обычай хоронить вместе с покойником различные ранее принадлежавшие ему вещи.

Из традиционных календарных праздников особенно популярны Рождество, Масленица (на Масленицу устраивались карнавалы, с участием персонажей, изображавших зиму и весну), Пасха, Иванов день (в ночь на Иванов день принято разжигать костры на берегу водоема, пускать по воде венки), Мартинов день (в этот день ряженые обходили дома и выпрашивали подарки).

7. Духовная культура народов Юго-Восточной Прибалтики

В народном творчестве эстонцев, латышей и литовцев много общего. Это касается песен, народной музыки, танцев и т.п. Во второй половине XIX в., ознаменовавшейся подъемом национальных движений народов Юго-Восточной Прибалтики, началась работа по массовому сбору и записи народных песен, сказаний, пословиц и других форм фольклора. Эстонский поэт Ф. Крейцвальд на основе народных песен и сказаний создал поэму «Калевипоэг» («Сын Калева» — намек на связь с карело-финской «Калевалой», созданной Э. Лёнротом). Латышский поэт А. Пумпур по мотивам народных сказаний и преданий написал поэму «Лачплесис» («Разрывающий медведя»), в которой рассказывается о борьбе латышей с немецкими рыцарями. У литовцев народный эпос менее сохранился. Зато в их народном творчестве видное место занимали лирические песни (*дайны*), обычно исполнявшиеся девушками. Похожие народные песни имели распространение и у латышей (трудовые, сатирические, бытовые, календарные, лирические песни). Большое развитие получило у народов Юго-Восточной Прибалтики хоровое пение. Со второй половины XIX в. стали проводиться певческие праздники (у эстонцев с 1869 г., у латышей с 1873 г., у литовцев — с 1924 г.). Основные традиционные музыкальные инструменты (типа гуслей) — *канклес* у литовцев, *кокле* у латышей и *каннель* у эстонцев (следует вспомнить о *кантеле* карелов и финнов). Распространены также различные духовые инструменты: волынка, пастушеские трубы и свирели.

Праздник песни на Певческом поле в Таллине

Многообразно народное прикладное искусство эстонцев, латышей и литовцев. Наиболее развиты художественное узорное ткачество, вышивка, вязание, производство керамических изделий, резьба по дереву, изготовление художественных изделий из металла, обработка янтаря, тиснение по коже.

Формирование городской профессиональной культуры долгое время наталкивалось на противодействие инонациональных элит (немецкой и польской). Так, в Вильнюсском (Виленском) университете (1579) преподавание велось на латинском и немецком языках, в Дерптском (Юрьевском, или Тартуском) (1802) — на немецком, латинском и русском. Лишь позднее складывается начальное и среднее образование на местных языках. В XIX—XX вв. сформировались национальные литературы, началось массовое строительство и использование библиотек, сложились национальные театр и кинематограф.

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ

1. Общие сведения

Южный Кавказ в основном охватывает территории, расположенные на южных склонах Большого Кавказского хребта, а также горную страну Малого Кавказа — северную часть Армянского нагорья, лежащую в междуречье Аракса и Куры. В общих чертах эти территории (их центр и восток) совпадают с Куро-Аракским бассейном, а их запад — с бассейном Риони и более мелких рек Западной Грузии. В этой части региона климат влажный, местами приближающийся к субтропическому, в центре и на востоке региона гораздо более сухой, скорее континентальный.

Рельеф Закавказья сильно расчленен большими и малыми хребтами, но большая часть населения сосредоточена в долинах и низменностях — Прикаспийской и Муганской низменности в Азербайджане, Колхидской низменности в Западной Грузии, в долине р. Куры в Центральной Грузии, в Араратской долине в Армении. В этих низменностях и долинах сосредоточена основная часть государствообразующих наций Грузии, Армении и Азербайджана. Напротив, различные своеобразные этнографические группы этих народов, такие, как *сваны, рачинцы, мохевцы, мтиульцы, пшавы, тушины* — в составе грузин, *джавахетцы, карабахцы и лорийцы* — в составе армян, а также национальные меньшинства — *осетины, греки, кистины* Грузии, *курды* Армении, *удины, лезгины, хиналугцы* и малые *шахдагские* народности Азербайджана (*джеки, крызы, будугцы*) — расселены большей частью в горной и предгорной холмистой зоне. В хозяйстве горского населения традиционно доминирует скотоводство и обработка его продуктов. Сельское население равнинных территорий занимается высокоинтенсивным земледелием при относительно слабом развитии скотоводства (однако у христианского населения значительную роль играет свиноводство). В сельском хозяйстве садоводство, виноградарство, овощеводство, возделывание технических культур заметно преобладают над зерновым земледелием. Эти занятия имеют здесь подчас трех-, четырехтысячелетнюю древность, хотя, конечно, еще в XVIII — начале XIX в. полеводство было ведущей отраслью хозяйства и предопределило многие этнографические особенности народов Закавказья.

2. Этногенез народов Закавказья

Современная Грузия занимает от силы половину, Азербайджан — не более трети, а Армения — всего 1/10 часть той территории, которую эти страны прежде занимали, а соответствующие народы заселяли в Средние века или даже вплоть до оформления современных границ Закавказья в XVIII—XIX вв. До геноцида армян в Турции (1915) там жило в три раза больше армян, чем в Эриванской губернии, примерно соответствующей территории нынешней Республики Армения; азербайджанцев в Иранском Азербайджане и сейчас вдвое больше, чем в Республике Азербайджан, а грузин в Турции, которые хоть

и записаны там как турки, но сохраняют свое самосознание и родной язык, по меньшей мере, сотни тысяч.

И грузины, и армяне сложились как этносы в тех частях своих стран, которые ныне находятся в пределах Турции. Их генезис происходил в условиях непосредственного соседства и взаимного влияния не позднее начала или первой половины I тыс. до н.э. Отсюда они расселились в районы своего нынешнего обитания, в Закавказье, ассимилировав здесь разноплеменный собственно кавказский субстрат (в Восточной Грузии и Армении нахско-дагестанский, а в Западной Грузии — абхазо-адыгский). И так как *урарты*, создатели древнейшего государства (с XI по VI в. до н.э.) в Армении и Южной Грузии, по языку тоже относятся к нахско-дагестанской семье, их следует рассматривать просто как наиболее цивилизованно развитую и ранее всего ассимилированную часть этого субстрата. Его не ассимилированным до сих пор остатком являются *абхазы*, *удины*, *шахдагские народы*, которые уже в последние полтора-два тысячелетия подверглись чрезвычайно сильному культурному воздействию собственно грузин, армян и азербайджанцев, но сохранили свои языки и самобытность.

Этногенез азербайджанцев сложнее, но несколько моложе. Имя страны происходит от арабизированного названия северной сатрапии империи Ахеменидов (древнегреч. *Атропатена*, от древнеперс. *Атропатакан* — «страна владыки огня» — видимо, из-за «вечно горящих» выходов природного газа на Каспийском побережье). Географически это в основном была территория нынешнего Иранского Азербайджана, население там говорило преимущественно на иранских диалектах. На территории же нынешней Республики Азербайджан, за вычетом ее юго-восточной и восточной приморской части, вплоть до VII в. н.э. располагалось царство Кавказская Албания, которое населяли 26 разных племен, видимо, все дагестаноязычные; их потомками ныне являются *удины*, *лезгины* и другие народы Северного Азербайджана и Южного Дагестана. На всей территории Азербайджана это население подвергалось отчасти арменизации, но более всего — иранизации, особенно усилившейся с началом распространения ислама после арабского нашествия VII—VIII вв. На смену арабскому влиянию в IX—XI вв. пришло, а после татаро-монгольского нашествия XIII в. окончательно возобладало воздействие тюркских кочевых племен, появившихся из закаспийских степей. Перешедшее на тюркский язык местное население само себя называло *тюрками*, а у соседей было известно под именем *татар*, и этноним *азербайджанцы* закрепился за ними лишь в начале XX в. И по сей день можно выделить отдельные группы азербайджанцев с преобладающим «албанским», «иранским» или собственно тюркским происхождением, а во многих селениях Апшеронского п-ова и Северного Азербайджана люди старшего поколения продолжают говорить на *татском* языке, близком к персидскому и происходящем от средневековых иранских диалектов *азери*. Частично азербайджанцами ассимилированы *тальши* (язык которых относится к индоевропейской семье), продолжающие обитать с ними в тесном соседстве.

Этническая история народов Закавказья протекала на сложном политическом фоне. Периоды самостоятельного существования в форме объединенных или раздробленных царств и феодальных владений сменялись периодами римского, византийского, арабского, персидского, турецкого владычества. На ру-

беже XII—XIII вв. практически все Закавказье и значительная часть Северного Кавказа либо непосредственно принадлежали, либо были вассально подчинены Грузинскому царству под управлением царицы Тамар. Это был пик политического и экономического развития народов Кавказа, но вскоре началось разрушительное монголо-татарское нашествие, после которого Кавказ уже не вышел из состояния многосторонней зависимости и феодальной раздробленности вплоть до его вхождения в конце XVIII — начале XIX в. в состав Российской империи. В ее рамках завершился процесс окончательной консолидации азербайджанцев, армян и грузин во вполне оформленные нации, создавшие свои национальные государства на короткий период (1918—1920) и воссоздавшие свою государственную независимость после почти 70-летнего пребывания в составе СССР.

3. Религии и верования

В Закавказье представлены две мировые религии — христианство и ислам. Христианами являются армяне и большинство грузин. В Армении эта религия была принята как государственная в 301 г. Среди армян преобладают последователи Армянской апостольской церкви (иначе — *армяно-григорианской* — по имени Григория Просветителя, сыгравшего большую роль во введении христианства); небольшая доля армян — католики. Армяно-григорианская церковь придерживается монофизитского вероучения, т.е. признает только божественную природу Христа. Центром ее является Эчмиадзинский монастырь, в котором находится резиденция Католикоса всех армян.

После принятия христианства по всей Армении началось строительство многочисленных церквей и монастырей. Последние служили своеобразными культурными центрами, в которых, помимо вероучения, развивались литература и науки. Армяне бережно относились к своему культурному достоянию. Так, спасаясь от резни, инспирированной в 1915 г. турецким правительством, беженцы уносили с собой книги и даже резные церковные двери. Примечателен построенный в XIII в. и действующий поныне Гехардский монастырь, в котором находится церковь, высеченная в скале.

До распространения христианства у армян существовал развитый пантеон язы-

Хачкар (каменный крест) XIII в. Гехард, Армения

ческих богов, во многом схожий с древними пантеонами народов Малой и отчасти Передней Азии. Главную роль в армянском язычестве играл культ умирающего и воскресающего бога Арамазда-Ормузда (название заимствовано у иранцев), одновременно существовало армянское имя этого бога — Ара Гехецик (Ара Прекрасный). Из богинь одной из наиболее почитаемых была Анаит — богиня плодородия.

Христианство, став государственной религией, не смогло до конца вытеснить язычество у армян. Многие языческие праздники и обряды слились с христианскими. Например, языческий праздник Вардавар, связанный с культом бога воды Варда, был объединен с христианским праздником Преображения. Пержитками язычества являются совершаемые до сих пор у церквей кровавые жертвоприношения животных (овец). Повсюду сохраняется почитание священных родников, деревьев, горных вершин и т.п.

Столь же рано христианство начало проникать и в Грузию, где оно утвердилось в качестве официальной религии в 337 г. Среди грузин-христиан ныне преобладают последователи Грузинской православной церкви, небольшая доля — католики. Большую роль в укреплении христианства здесь, как и в Армении, сыграли многочисленные монастыри, являвшиеся, кроме того, и крупными феодалами. В них была сосредоточена литературная жизнь, совершенствовался грузинский литературный язык, создавались и переводились художественные произведения. В одном из таких монастырей учился и творил великий грузинский поэт Шота Руставели (XII в.).

Для дохристианских религиозных верований древних грузин типичен астральный пантеон, в котором главным был бог неба — Гмерти; высоко почиталась мать богов — Нана, а также богини Солнца и Луны. В отдельных общинах

Храм Свети Цховели в Тбилиси. XII в.

поклонялись различным божествам звезд. С принятием христианства некоторые божества слились с христианскими святыми. Например, культ Луны связан с почитанием святого Георгия. Продолжали широко бытовать различные земледельческие и скотоводческие культы, почитались священные деревья, камни, вершины гор и т.п.

Часть грузин, живущих на территориях, захваченных в XVII—XVIII вв. Турцией, была насильственно обращена в ислам суннитского толка. К их числу принадлежат, например, *аджарцы*. Мусульманами-суннитами стали также грузины-*ингилойцы*, проживающие в пограничных с Грузией районах Азербайджана. Сейчас эти группы в значительной мере отходят от ислама.

Азербайджанцы исповедуют ислам преимущественно шиитского толка (на севере страны имеются немногочисленные сунниты). Ислам впервые проник в Азербайджан в VII в. в эпоху арабского завоевания. Более глубоко он утвердился в XIII—XIV вв. (после монголо-татарского нашествия).

Бытовавшие в Азербайджане домусульманские верования — *зороастризм* (в южной части страны) и христианство (в северной, т.е. в Албании) — не были до конца вытеснены исламом; особенно большое влияние на ислам оказал культ огня, игравший главную роль в зороастризме. Огонь — в виде зажженных ламп, свечей, костров — зажигают во время мусульманских праздников и при исполнении обрядов (в частности, связанных с празднованием Навруз-байрама — Нового года). Из древних языческих верований сохранялись почитание камней, воды, священных рощ и деревьев, а также вера в добрых и злых духов.

У небольших этносов Закавказья (абхазов, осетин, горских этнографических групп) восходящие к дохристианскому и доисламскому языческому наследию народные верования имеют даже более важное значение, чем их декларируемые религии.

4. Культурное наследие

Народы Закавказья обладают богатой и древней культурой. Армянская самобытная письменность в ее современном виде существует без изменений с начала V в. Грузинская, возможно, еще древнее, хотя проделала значительный путь эволюции. Памятники албанской письменности почти не сохранились, ибо с VII в. в Азербайджане используется арабское письмо, но литературное наследие народов Азербайджана на персидском, а с позднего Средневековья — и на тюркском языке весьма обширно. К этому наследию относятся поэтические произведения мирового значения — поэмы «Хамсэ» азербайджанского классика Низами Гянджеви, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (играющая в Грузии роль национального эпоса), обширная древнеармянская поэтическая и историческая литература. Рукописные и старопечатные книги хранились и хранятся как священные реликвии не только в домах знати и интеллигенции, но и во многих крестьянских жилищах. Многими традициями и сохранившимся древним наследием обладают народы Закавказья и в области архитектуры, настенной живописи, резьбы по камню, металлообработки. Чрезвычайно разнообразны и народные танцевальные, песенные и музыкальные навыки. У азербайджанцев они носят ярко выраженный ближневосточный характер и близки иранским и среднеазиатским мотивам.

В Грузии сохраняются народное песенное многоголосие, музыкальные инструменты, напоминающие, как и танцы, близкие северокавказские. В Армении можно наблюдать сочетание тех и других черт наряду с местным своеобразием.

Характерным для стран Закавказья явлением можно назвать сочетание двух существующих как бы параллельно, мало соприкасающихся, но целостных художественных профессиональных культур: «высокой», стремящейся продолжать многовековые традиции, и «низкой», как бы «китчевой», отражающейся в современном декоре и росписи частных жилых домов, сооружении новых надмогильных памятников, в музыке, исполняющейся на свадьбах и прочих парадных частных мероприятиях, и т.д.

5. Межэтнические отношения

Три основные нации Закавказья — грузины, армяне и азербайджанцы — во многих отношениях очень разные. У них совершенно разные языки, относящиеся к разным семьям (соответственно *картвельской*, *индоевропейской* и *тюркской*), разные системы письменности (у азербайджанцев — в советское время на русской основе, до того — на арабской, а сейчас идет переход на латиницу, аналогично турецкой), армяне и грузины имеют свои особые алфавиты, разные религии. У всех трех народов, даже вне зависимости от религии, во многом разные обычаи, разные праздники (даже христианские праздники не совпадают по времени и по-разному отмечаются у грузин и армян). Различаются также взаимные стереотипы и автостереотипы, рисующие отраженные в бытовом фольклоре различия национальных темпераментов.

В то же время все три народа жили многие века не только по соседству, но и смешанно и чересполосно. В XIX в. в Тифлисе (Тбилиси) азербайджанцев было ненамного меньше, а армян — намного больше, чем грузин. В Ереване почти половину населения составляли мусульмане (азербайджанцы, турки, персы, курды). На редкость многонациональным городом был Баку. Смешанным было население многих сельскохозяйственных районов и отдельных сел. Не только двуязычие было широко распространено (причем до распространения русского языка на рубеже XIX—XX вв. в качестве языка межэтнического общения служил азербайджанский тюркский), но во всех языках имеется множество общих слов арабо-персидско-тюркского происхождения. Не одни лишь армяно-грузинские браки были очень часты, но и выход армянок замуж за азербайджанцев не был редкостью. Специальные механизмы побратимства связывали дружбой и взаимопомощью многие христианские семьи с мусульманскими. Бытовые различия проявлялись в одежде и манере поведения женщин, в жизни мужчин — гораздо меньше. Жилища и интерьер были и остаются сходными у всех народов, различия больше зависят от климатической зоны. Питание, бытовые поведенческие навыки, этикет общения различались не настолько, чтобы затруднять межэтническое общение на повседневном уровне. Поэтому этнографическое описание этих народов характеризует общие для всего Закавказья черты, в отдельных случаях отмечая локальное своеобразие.

Многочисленные войны и конфликты Средневековья велись, как правило, во имя феодальных династических интересов. Лишь к концу XIX в. в результате развития в Закавказье капиталистических черт экономики проявились

тенденции буржуазного национализма и первые межэтнические столкновения и противоречия, прежде всего армян, как наиболее буржуазно продвинутой нации, с азербайджанцами и отчасти — с грузинами, а затем и грузин с абхазами и осетинами. Эти противоречия приняли особенно острый характер в годы Гражданской войны в России (1918—1922).

При советском режиме, сделавшем ставку на опору на кадровую номенклатуру из числа представителей титульных наций, в каждой республике номенклатурная верхушка приняла отчетливо титульный характер к неудовольствию оттертых от привилегий и возможностей карьеры нетитульных этносов. В результате имел место частичный перелив населения, и в каждой республике (в столицах прежде всего) процент титульного населения, стал расти за счет снижения доли нетитульного.

За несколько лет трагических межэтнических конфликтов 1988—1993 гг. в Карабахе, Сумгаите, Баку, Абхазии, Южной Осетии общее число беженцев в Закавказье достигло почти 2 млн человек. Около 200 тыс. грузин бежали из Абхазии в Грузию; из Азербайджана в Армению и далее в Россию и страны дальнего зарубежья бежали до полумиллиона армян; в Азербайджан бежали до 200 тыс. азербайджанцев — только из Армении, не говоря уже о беженцах из Карабаха и соседних с ним районов; до 100 тыс. осетин бежали в Россию из Грузии. Немало армян покинуло Грузию и значительная часть русских из всех стран Закавказья переехала в Россию. Азербайджанцев в Армении и армян в Азербайджане практически не осталось, а число лиц всех нетитульных национальностей везде резко сократилось, а главное, между народами Закавказья возник серьезный барьер взаимного недоверия, претензий и обид, на преодоление которого уйдут, вероятно, многие десятилетия.

6. Черты общественного и семейного быта

Основную массу населения в дореволюционный период в Закавказье составляло крестьянство, которое жило, организованное в соседские общины. Большинство общинников в XIX в. были государственными крестьянами, остальные — частновладельческими. Исследования соседских общин у разных народов Закавказья показали, что наряду с типичными чертами, характерными для этих социальных институтов, наблюдались и особенности в их структуре, связанные преимущественно с историческим развитием разных этносов. Например, своеобразны были соседские общины у восточных грузин — горцев, у которых отдельные самоуправляющиеся общины-селения входили в сложные общины, образовывавшие в свою очередь еще более крупные общины. В каждой крупной общине имелось святилище, посвященное определенному божеству. Среди общинников наблюдалось значительное имущественное расслоение. Резко выделялся слой, эксплуатировавший рядовых общинников. Общиной управляла теократическая верхушка, в которую входили главные жрецы святилища.

Наряду с общинными у населения Закавказья прослеживались также патронимические связи. Родственные семьи, составлявшие патронимии, обычно селились рядом, часто образуя отдельный квартал в селении. Родственные отношения были, как правило, крепкими. Они выражались во взаимопомощи

во время сельскохозяйственных работ, в строительстве дома, проведении свадеб, похорон и т.п.

Семейный быт народов Закавказья в досоветский период характеризовался сохранением патриархальных устоев, особенно в больших неразделенных семьях, включавших родственников разных степеней родства. Такие семьи еще существовали в глухих районах этого региона в первые десятилетия XX в. Все же преобладающим типом семьи в Закавказье в XIX—XX вв. повсюду была малая семья, состоявшая из родителей и детей; в нее могли входить также родственники главы семьи.

При заключении браков армяне и особенно грузины строго следили, чтобы в брак не вступали родственники до седьмого колена родства. У последних обычно запрещались браки в пределах одного селения, а иногда и целого ущелья. У азербайджанцев, наоборот, предпочитались браки между родственниками — обычно между двоюродными и троюродными братьями и сестрами. Кроме того, у них широко бытовали обычаи *левирата* (женильба на вдове брата) и *сорората* (обязательная женильба на сестре умершей жены). Среди азербайджанцев (зажиточных) встречалось многоженство, позволявшееся им как мусульманам правилами шариата. Браки в Закавказье заключались, как правило, без согласия самих брачующихся. Выбор невесты был всецело делом ближайших родственников жениха. У азербайджанцев существовала плата за жену как обязательное условие вступления в брак. У всех местных народов девушка при выходе замуж получала приданое.

В дореволюционное время взаимосвязи в семье были строго регламентированы вековыми обычаями, среди которых продолжал сохраняться в той или иной степени *обычай избегания*. Например, в больших армянских семьях, живших в одном общем помещении, невестка не могла непосредственно обратиться к свекру, мужчина никогда при посторонних не проявлял внимания к своим детям и т.п. В азербайджанских семьях молодая женщина должна была закрывать лицо от всех мужчин. До рождения первого ребенка она не имела права разговаривать со старшими членами семьи и т.п. Семейные работы в больших и малых семьях строго подразделялись на мужские и женские. Каждый член семьи знал свои обязанности, правами пользовались только мужчины, особенно глава семьи; женская половина семьи была фактически бесправной.

В советское время в семейном быте закавказских народов произошли существенные перемены. Декрет советской власти о равноправии мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни способствовал радикальным изменениям в семейных устоях. Понадобилось сравнительно немного времени, чтобы женщина смогла участвовать наравне с мужчинами в производственной и общественной деятельности; в семейном же быту этот процесс протекал медленно, но все же по мере изменения общественного мнения относительно положения женщины в семье и обществе патриархальные порядки постепенно изживались.

В связи с развитием промышленности и ростом городов в республиках Закавказья складывалась городская семья. Первоначально ее основу составляли переселившиеся в город крестьяне, поддерживавшие тесную связь со своими селениями и в значительной степени сохранявшие в городе устои жизни крестьянской семьи. Позднее, с развитием городских условий жизни, ростом профессиональной занятости женщин формировалась структура городской семьи,

значительно отличавшаяся от сельской, однако тесные родственные связи городского и сельского населения, характерные для народов Закавказья, придали городской семье свой особый этнический колорит.

Наряду со структурой семьи значительные изменения претерпели в советский период семейные обряды и обычаи. В выработанных веками сложных свадебных обрядах, выражавших общественное оформление брака, в которых главную роль играли родственники со стороны жениха и невесты, были постепенно утрачены многие элементы, ставшие несовместимыми с новыми жизненными потребностями. Исчезли принудительные браки, запрещен *калым*, перестало быть обязательным приготовление приданого, потеряли свое значение многие магические обряды и т.д. Однако полностью свадебный обряд не исчез, он сократился по времени, но сохранил свое основное содержание. В него привнесены новые элементы, главная роль перешла к игровой стороне обряда, выражающей веселье и торжество по случаю образования новой семьи.

Меньше всего подверглись изменениям похоронные и поминальные обряды. Продолжают сохраняться христианские и мусульманские обычаи погребения умерших.

Городская армянская семья. Фото 1909 г.

7. Сельскохозяйственный быт

Исторической основой традиционного хозяйства с глубокой древности стало полеводство, в основном возделывание пшеницы, отчасти ячменя и полбы, которое сочеталось с разведением крупного рогатого скота; скот был крайне нужен как тяговая сила, как дойный скот, как источник мяса (не в повседневном питании, но по праздничным и сакральным поводам) и как поставщик навоза, необходимого и как удобрение, а в безлесных местностях — как основной вид топлива (в форме высушенных брикетов из рубленой соломы, смешанной с навозом).

Мелкий рогатый скот был нужен для получения шерсти, шедшей на изготовление тканей, войлоков, ковров и — из самых грубых сортов шерсти — веревок. Однако овцеводство и разведение коз более тяготели к горным и холмисто-предгорным окраинам долин.

Крупный рогатый скот в районах с суровой зимой содержится в зимние месяцы в стойле, а летом пасется поблизости от села или отгоняется на горные летовки неподалеку. Мелкий рогатый скот, в основном овцы, совершает более дальние маятниковые миграции между горными летними и равнинными зимними пастбищами. Есть ряд специализированных пород овец, в основном курдючных, мясошерстных. Свиньи беспородны и близки по экстерьеру к диким.

Поздней осенью происходит массовый забой всех видов скота и заготовка мяса на зиму. Весной и летом скот если и забивают, то в основном для свадеб, поминок, жертвоприношений.

В XX в. масштабы полеводства и скотоводства в равнинных частях Закавказья резко снизились, а кое-где эти отрасли даже сошли на нет в результате перехода к производству плодоовощной продукции и технических культур: чая, табака, хлопчатника, эфирноносных растений, субтропических культур и т.д. Но начиная с 1990-х гг. в условиях кризиса рынка сбыта, разрыва прежних межрегиональных экономических связей, возникшей нехватки продовольствия и острой потребности в самообеспечении зерном, молоком и мясом, площади под всеми техническими культурами резко сократились, и полеводство и скотоводство вновь вышли на ведущее место в сельском хозяйстве.

В условиях мозаичного распределения участков пахотной земли, различающихся по типу почв, каменистости, увлажненности, уклону местности и другим свойствам, приемы обработки земли и пахотные орудия были чрезвычайно разнообразны. В общем они варьировали с запада на восток, от самых архаичных у абхазов и сванов, до наиболее изощренных, включающих персидскую технологию водоподъемных механизмов и *кяризов* (подземных тоннелей-коллекторов грунтовых вод) на юге Азербайджана, от чиркающих сох и слегка бороздящих землю легких рал у горцев, до огромных плугов с глубоким оборотом пласта на равнинах (в частности плантажных плугов, используемых для подготовки почвы под закладку виноградников). Тяжелые плуги требовали запряжки из шести-семи пар волов и обслуживались целой командой из плугаря, помощника и нескольких погонщиков. Для укомплектования такой запряжки требовалась кооперация нескольких семей. В горах участки полей могли быть настолько малы и круты, что не позволяли применять даже легкую соху и обрабатывались вручную, лопатой и мотыгой.

Молотба повсеместно производилась на токах с помощью молотильных досок из массивных деревянных плах, нижняя сторона которых была усажена острыми кремнями. В них запрягали волов или лошадей и гоняли их по кругу по разостланным снопам. Заодно измельчалась и солома; она потом шла на корм скоту, а еще более на изготовление кизяка для топлива.

Средства транспорта, можно сказать, находятся в некотором параллелизме с земледельческими орудиями: на равнине и в предгорьях это прежде всего *арба*, запряженная парой волов, с двумя очень большими колесами. Колеса бывают со спицами, а бывают и цельные, сколоченные из трех досок. В горных

Баку. Арба, запряженная быками. Фото начала XX в.

условиях употреблялись арбы с колесами меньшего диаметра, иногда с колесами из цельных чурок, очень малого диаметра, но толстых. Есть типы арбы с малыми колесами, которая крепится к оглоблям, волочащимся по земле впереди колес, или наоборот, с колесами, сдвинутыми вперед, и кузовом-волокушей, концы рамы которой ползут по земле. Аналогичные принципы сочетания тяги и опоры используются и в некоторых пахотных орудиях. Наконец, там, где характер дорог вообще не позволяет применять колесный транспорт, круглый год пользуются *санями-волокушами*. Под вьюк повсюду широко используют ослов. Водный транспорт совсем не развит, но для переправы через реки и для праздничных развлечений использовались плоты — из бревен и из надутых воздухом бурдюков.

Узкие улицы старинных городских кварталов, крутые тропинки горных сел заставляли прибегать к переноске грузов на спине, для чего существовали разнообразные приспособления. Профессия носильщика грузов давала начальный заработок многим безземельным крестьянам, искавшим пропитания в городах.

Зимой в горах выпадает глубокий снег и для ходьбы по нему использовались плетеные из прутьев круглые и овальные *снегоступы*. Для ходьбы по скользким горным склонам делали специальную обувь с плетеной из ремней подошвой.

Объектом транспортировки в сельской местности были прежде всего сено и другой фураж, топливо (дрова и хворост), строительные материалы и т.п. В винодельческих районах в период сбора урожая весь транспорт был занят перевозкой винограда из виноградников к *давилям*. Виноград перевозили в огромных цилиндрических корзинах. Урожай хлеба с полей на тока перевозили или переносили в снопах. Целиком всю арбу занимал при перевозке из гончарной мастерской к винодельне огромный кувшин для брожения и хранения

вина (груз. *квеври*, арм. *карас*). В помещении давяльни ряды таких кувшинов закапывались в землю по самое горлышко.

Специализированное овощеводство и садоводство хотя и не совсем новое явление на Кавказе, но ранее существовало только близ крупных городов. Типичный крестьянский традиционный кавказский сад — живописное, но малоупорядоченное насаждение самых разных фруктовых и ореховых деревьев, между которыми там и сям растет кукуруза, увитая фасолью, или стелются плети тыквы и кабачков и пасутся разномастные куры. Летом, особенно при нехватке других продуктов, фрукты могут играть весьма важную роль в питании, но место, вполне сопоставимое с полеводством, занимает только виноградарство. Его практикуют везде, где оно возможно, т.е. до высоты около 1 тыс. м над уровнем моря.

В одной только Грузии известно до 500 сортов винограда, хотя массово возделываются лишь немногие из них. Самое архаичное виноградарство — в Абхазии и Мингрелии, где и по сей день лозы часто просто запускают на высокие деревья. Особенно для этой цели предпочитается ольха (возможно, потому что ее корни обогащают почву азотом, что повышает урожайность лоз). Лозы запускают также на горизонтальные решетчатые навесы (*трелли*), шесты, треноги и шпалеры. В Армении, кроме крайнего юга, зимы настолько суровы, что на зиму лозы снимают с поддержек и закрывают землей. В Азербайджане, где ислам не поощряет виноделие, преобладают столовые сорта винограда, а промышленно выпускаемые вина в основном крепленые. Чем дальше на запад, тем большая доля винограда перерабатывается на вино, а содержание алкоголя в вине снижается: от 13% в Кахетии до 6—7% на Черноморском побережье.

Такого вина по разным социально-ритуальным поводам и без них может быть выпито за год довольно много. Но определенная часть винограда в любом случае сохраняется на всю зиму в вяленом, напоминающем изюм виде и в форме разного рода пастообразных изделий. Это не просто лакомство, а заметная часть питания, и в малоурожайные годы, когда производство и потребление вина сводится к минимуму, а большая часть винограда перерабатывается на пищевые запасы, она может существенно восполнить недостаток иной пищи.

Сжечь или вытоптать нивы — значит нанести ущерб всего на один год, а уничтожить виноградники — подорвать основы хозяйства на много лет, и не случайно именно так в первую очередь поступали все завоеватели. Антиалкогольная программа М.С. Горбачева, приведшая к массовой вырубке виноградников, открыто приравнивалась в народном сознании населения стран Закавказья к нашествиям орд Батыя и Тамерлана и немало способствовала ускорению выхода этих стран из СССР.

Рельеф и климат Закавказья часто требуют особых агротехнических приемов, в частности орошения, для которого разработаны простые и эффективные конструкции водозабора, распределения и перекрытия, а на склонах — террасирования. Террасы для фруктовых садов создаются путем сооружения плетневых подпорок под деревьями, способствующих накоплению почвы, возведением подпорных стенок, а для пашен, на более пологих склонах — путем регулярной пахоты поперек склона в одном направлении с отвалом вниз и сбором выпавших камней на грядках между распаханными полосами.

8. Охота и собирательство

Охота, в прошлом имевшая большое практическое значение (особенно на кабанов), сейчас сведена к спорту и развлечению. Наиболее обычна охота на пролетных перепелов, кое-где на зайцев. В Южной Армении добывают (и едят) дикобразов, наносящих немалый ущерб огородам. Охота на волков в местах выпаса скота часто просто необходима для защиты стад.

Собирательство, напротив, и по сей день имеет немалое практическое значение, и его «продукцию» в сезон можно в изобилии видеть на рынках. Весной и ранним летом собирают десятки видов съедобных трав и побегов, которые идут на салаты, паштеты, начинки для пирогов. Многие травы солят, квасят, сушат на зиму. Наиболее важные из них — черемша, портулак, про-сви́рняк, конский щавель, конский фенхель (арм. *бохи*), побеги сарсапарели (груз. *экала*), соцветия клеячки (груз. *джонджоли*), пряные травы — чабер, тимьян, мята и др. Собирают дикие плоды и ягоды — дикие яблоки, груши, ежевику, малину, мушмулу, кизил, сумах и алычу (для приготовления кислых приправ); лесные орехи и буковые орешки и мн. др. В отличие от народов Северного Кавказа, народы Закавказья высоко ценят пищевые достоинства грибов и собирают многие их виды.

Лов рыбы в Черном и Каспийском морях вряд ли может рассматриваться как одно из традиционных занятий азербайджанцев, грузин и абхазов. Однако речное и озерное рыболовство подпадает под это определение. Более всего ловят сомов, а также усачей, лососей, разные виды форели, акклиматизированного в оз. Севан сига и другую пресноводную рыбу.

9. Сельские поселения и жилища

Традиционные сельские поселения как в горах, так и на равнинных участках не имели строгой планировки. Расположение построек в них зависело от рельефа и хозяйственных занятий населения. Так, в равнинных местностях Азербайджана, где выращивали преимущественно хлопчатник и рис, крестьянские дворы вместе с приусадебными участками располагались на значительном расстоянии друг от друга или же выстраивались в линию вдоль реки или дороги. В горах Грузии, где население занималось отгонным скотоводством и горным земледелием, располагавшиеся на склонах селения отличались плотной застройкой и небольшими размерами (по числу дворов).

На равнинах запада и востока Грузии селения имели свои особенности. На западе они состояли из отдельно расположенных обширных усадеб и тянулись на несколько километров вдоль главной и боковых улиц. На востоке селения были большими — до тысячи и более домов — и отличались теснотой застройки, в которой выделялись крупные кварталы с узкими улочками между домами.

Армянские селения располагались преимущественно по склонам гор и отличались большой теснотой застройки. Чем круче склон, тем плотнее прижимались друг к другу дома, причем крыши нижних, обычно неправильно расположенных ярусов, служили дворами и улицами для верхних. В местностях,

где климат позволял заниматься садоводством и огородничеством, крестьянские дворы, включавшие жилые и хозяйственные постройки, а также сад и огород, отгораживались друг от друга каменными заборами с воротами.

В советский период облик селений Закавказья резко изменился. В поселениях на равнинах тесная застройка уступила место прямым широким улицам. Особенно это заметно в восточной части Грузии, где центральные улицы селений вытянулись вдоль шоссеиных дорог.

Свободнее стали располагаться новые дома и в горных селениях. Аулы, некогда построенные в неудобных местах, переносились в более удобные. Многие селения постепенно перестраивались по определенному плану, с улицами и площадями.

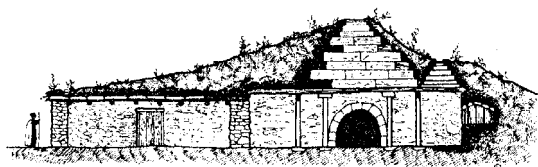
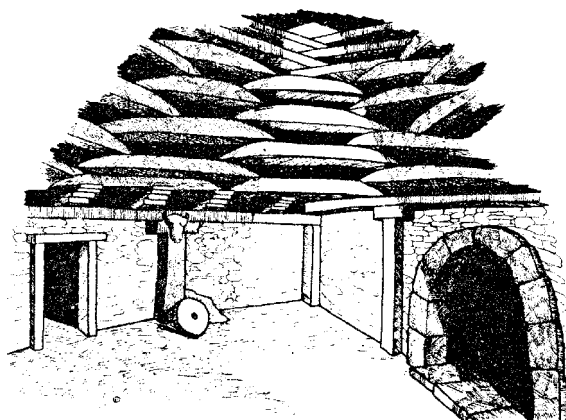
На протяжении веков в Закавказье сохранялись несколько типов жилищ, большинство из которых продолжали существовать в малоизмененном виде еще и в первые десятилетия XX в.

К числу самых древних и примитивных относились *пещерные жилища*. Глубокие естественные пещеры использовали под жилье азербайджанцы и курды на юге Азербайджана. В них преимущественно укрывались во время персидско-турецких войн, но некоторые из этих пещер еще служили жилищами в начале XX в. В древние времена пещерные жилища существовали и у грузин. Жители Зангезура (восточная часть Армении) вырубали искусственные пещеры в стенах глубоких речных каньонов. Внешние стороны таких жилищ закрывали камнями или древесиной, оставляя проемы для дверей и окон. Рядом вырубали хлева для скота и другие хозяйственные помещения.

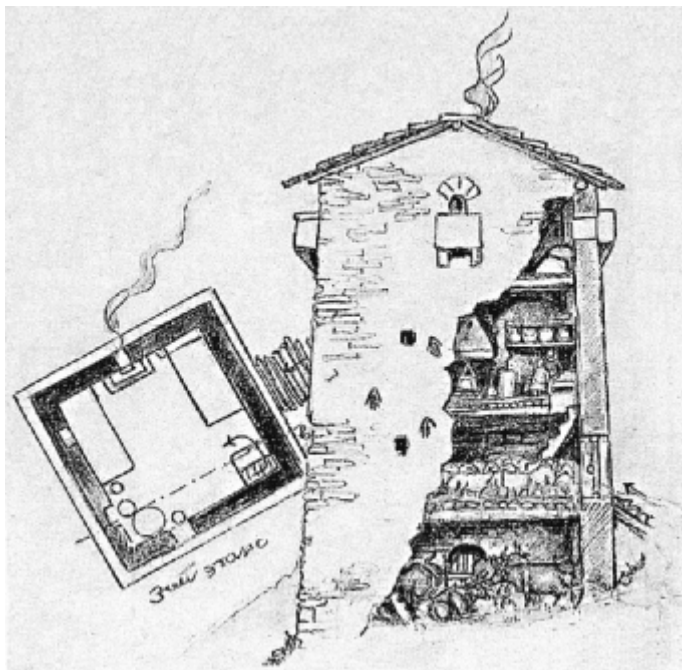
У кочевников и полукочевников Азербайджана существовали *переносные*

жилища, основу которых образовывали поставленные по кругу и соединенные сверху жерди. Нижняя часть такого жилища закрывалась камышовыми циновками, а верхняя — войлоком. Для освещения и выхода дыма от открытого очага оставлялось отверстие в центре покрытия.

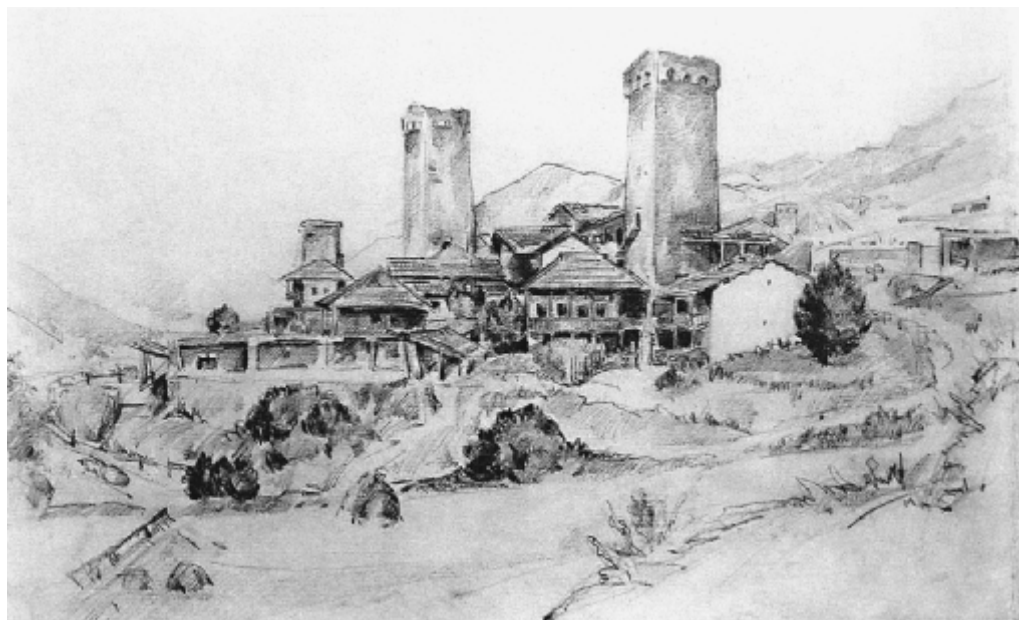
Широко бытовало в Закавказье своеобразное жилище, связанное происхождением с древнейшими жилыми постройками Средней Азии. У азербайджанцев оно известно как *гарадам* (*карадам*), у грузин — *дарбази*, у армян — *гяхатун*, *хацатун*, или *хазарашэнк*. Стены таких жилищ частично или полностью заглублялись в землю. Но более всего их отличало устройство перекрытия, состоявшего из сужающихся

Грузинское жилище — дарбази:
конструкция свода и фасада

Дом-башня (разрез и план 3-го этажа). Горная Рача, Грузия

Сванское селение Чолаши. Грузия.
Рис. 1950-х годов

кверху бревенчатых граней, сложенных так, что углы каждого верхнего ряда как бы срезали углы нижележащего, образуя куполообразную конструкцию. Самая верхняя небольшая квадратная грань не закрывалась, через нее в жилище проникал свет и выходил дым от очага. Снаружи перекрытие закладывали бревнами или ветками, засыпали землей и плотно утрамбовывали. На поверхности земли такие кровли выглядели как небольшие холмики. Отапливалось жилище открытым очагом или характерной для Закавказья земляной печью — она представляла собой обмазанную изнутри глиной яму в форме усеченного конуса, на дне которой разводили огонь. Вплотную к жилищу пристраивали хлев и другие хозяйственные сооружения. Наибольшее распространение такие жилища имели у армян. Армянский хазарашэнк с высоким, сложно устроенным перекрытием отапливался камином и содержался в большой чистоте. В помещении для скота часто отгораживалась комната для гостей, в которой проводили время мужчины.

Отличались своеобразием и *наземные жилища* в Закавказье. Горцы Северной Грузии жили в сложенных из камня двух или четырехэтажных домах, которые наряду с жилыми помещениями заключали в себе хлева для скота и помещения для различных хозяйственных нужд. Эти дома, с бойницами в стенах, выглядели как настоящие крепости, способные уберечь жизнь своих хозяев в военное время. Среди тесной застройки горных селений высились боевые башни.

Горцы Северного Азербайджана в Средневековье обитали в высоких *каменных башнях* с бойницами. Внутри башни делились на несколько ярусов, сообщавшихся между собой через люки посредством приставных лестниц. Позднее основным жилищем здесь стала двухэтажная каменная постройка, расположенная в усадьбе, обнесенной высоким каменным забором.

До начала XX в. вид закавказских жилищ во многом определялся такими факторами, как рельеф местности, климатические условия, строительный материал, занятия жителей. Типичными были одно-двухэтажные дома, построенные из камня, кирпича (обожженного или сырцового), а в некоторых районах также и из дерева, с плоскими (горизонтальными), двускатными или четырехскатными крышами. В селениях со скученной застройкой все хозяйственные сооружения, включая и хлева для скота, вплотную пристраивались к дому или располагались очень близко от него. В местностях с развитым садоводством и огородничеством хозяйственные сооружения были отделены от дома.

В прошлом в домах народов Закавказья устраивалось одно общее жилое помещение, в домах зажиточных хозяев выделялась особая комната для гостя. В общем помещении определенное место было закреплено за женщинами, которые занимались домашним хозяйством; свои места выделялись также для мужчин и детей. Для обогрева жилища и приготовления пищи в Закавказье повсюду служили открытые очаги, углубленные в землю хлебные печи (*тониры*), а также пристенные каминные с дымоходом, появившиеся в связи с благоустройством внутреннего помещения.

Дореволюционное закавказское жилище отличалось почти полным отсутствием мебели. Ее в значительной степени заменяли различные по размеру и глубине ниши в стенах. Там держали постельные принадлежности, разные

предметы домашнего обихода. Характерны были полки, тянувшиеся под потолком вдоль стен, на них выставлялась самая ценная посуда, имевшаяся в доме. Эти полки с посудой служили своеобразным украшением жилища. Ту же функцию выполняли настенные и напольные ковры — особенно в домах армян и азербайджанцев.

В советское время в Закавказье повсеместно получили распространение двухэтажные многоквартирные дома с большими окнами, террасами, балконами, выходящими обычно на улицу. Первые этажи в некоторых домах по традиции используются для хозяйственных нужд. Во влажных районах Западной Грузии одноэтажные деревянные дома предпочитали строить на невысоких сваях. Хозяйственные постройки повсюду стали отделять от жилого помещения. В жилых комнатах появилась городская мебель.

10. Города и черты городского быта

Наряду с традиционным, сельским укладом жизни на Кавказе истари существовала и городская жизнь, всегда имевшая свои особые формы и традиции. В отличие от Северного Кавказа, где до его присоединения к Российскому государству больших городов почти не было, в Закавказье поселения городского типа возникли по крайней мере за тысячу лет до нашей эры. Особенно много городов было на Армянском нагорье. Первые упоминания о них относятся к урартскому времени. Оживленное городское строительство у армян велось в эллинистический период и в Средневековье. Впоследствии большинство армянских городов подверглось разрушению из-за нашествия различных завоевателей.

В Западной Грузии города — морские и речные гавани: Сухуми (Диоскурия), Поти (Фазис), Кутаиси (и его ближайший сосед — Вани) — развивались преимущественно под греческим влиянием, позже — под османско-турецким. Все же грузинское население в них преобладало. Этнически более мозаичными складывались города в восточной части Закавказья: Тбилиси (Тифлис), Гори, Ереван, Шуша, Шеки, Баку. Грузин в городах за пределами Грузии было немного, но азербайджанцы, курды (езиды и мусульмане), армяне, персы, евреи (грузинские, горские, персидские, курдистанские, а после вхождения Кавказа в состав России и ашкеназские), существенно обособленные друг от друга, — селились везде. После присоединения к России к уже обитавшим в Закавказье этническим группам повсеместно добавились русские, поляки, немцы и представители других народов. В течение всего XIX в. этническая мозаичность в городах Закавказья непрерывно возрастала, а с начала XX в. участились этнически смешанные браки. Только со второй половины XX в. (в послевоенные годы) в связи с изменениями в национальной политике СССР (и особенно в результате распада последнего) в городах Грузии, Армении и Азербайджана этническая мозаичность резко уменьшилась, возрасла этническая гомогенность, что произошло в значительной мере за счет интенсивного притока выходцев из сельской местности, а в 1990-е гг. также беженцев. Уровень межэтнической брачности резко снизился, более того, возрастает психологическая предубежденность против межэтнических браков, тогда как в первой половине XX в. это явление, казалось, почти сошло на нет.

Тбилисский кинто — разносчик, острослов.
Фото конца XIX в.

бенно в работах по металлу (ковка, чеканка, паяние, лужение). Греки поставляли основные кадры металлургов там, где имелся этот вид производства (кузнецы, слесари и т.п.).

Ко времени включения в состав России почти все города Закавказья оставались небольшими по площади, а иные по внешнему виду и людности напоминали крупные села. Их жители по своим занятиям почти не отличались от обитателей сельских поселений. Таким был, например, город Эривань (Ереван). К концу XIX — началу XX в. многонациональный, многоликий характер приобрело население Баку и Тифлиса, в меньшей степени прочих городов — Еревана, Шуши, Гянджи (Елизаветполя), Гюмри (Александрополя), Сигнахи, Телави, Гори, Цхинвали, Кутаиси, Поти, Сухуми, Батуми и других.

Имела место интенсивная миграция рабочей силы в города, источниками ее подчас служили очень отдаленные местности. Переселенцы в момент их прихода в город оставались, как правило, очень бедными людьми и первой их заботой становилось обеспечение себе какого-нибудь, хоть самого убогого жилья; но со временем они строили для себя уже более солидные дома, используя обычно строительные навыки и схемы, сложившиеся в традиционном сельском

Вплоть до конца XIX в. этнические параметры городского населения Закавказья отчетливо коррелировали с социальными и профессиональными. В рабочем классе более всего были представлены армяне; азербайджанцы часто бывали связаны с малоквалифицированным трудом. Среди дворников, грузчиков, носильщиков встречалось много курдов. Армяне доминировали и в составе купечества, а среди творческой интеллигенции, чиновников, офицеров был высок процент грузин. Евреи, как и везде в Российской империи, были чаще всего заняты в ремесле и мелкой торговле. Городовые, сторожа, стражники в большой мере вербовались из осетин. Русские были широко представлены в «свободных профессиях» (врачи, адвокаты, нотариусы) и в чиновничестве. Сектанты-молokane — наряду с грузинским и армянским крестьянством соседних деревень — поставляли городскому населению молочные и овощные продукты. Дагестанцы чаще всего были ремесленниками, осо-

строительстве, в которые вносились изменения с учетом потребностей жизни в городе. Центральный очаг обычно заменяли пристенным камином. Городской дом на Кавказе либо сохранял основные черты сельского дома, либо — в более позднюю эпоху — приобрел форму постройки с плоской, хорошо утрамбованной земляной крышей. В отличие от большинства регионов Передней Азии, дома не обязательно выходили на улицу глухими стенами, но могли иметь небольшие окна по переднему фасаду; во внутренний дворик часто выходили широкие, слегка приподнятые веранды — *айваны*. В жаркое время года плоские крыши ночью служили местом для сна, а днем на них протекала значительная часть жизни горожан — и домашние работы, и игры детей, и застолья с песнями и танцами. Узкие улицы создавали благоприятные условия для общения соседей «от крыши к крыше».

Уже в XVII—XVIII вв. наиболее богатые и знатные городские семьи могли позволить себе строить двухэтажные дома с внешней галереей-балконом по второму этажу, а в XIX в. этот тип строений (в сочетании с двускатной черепичной крышей) стал преобладающим. К концу XIX в. богатые кварталы закавказских городов стали застраиваться солидными жилыми домами и общественными зданиями, в архитектуре которых сочетались традиционные и заимствованные формы. В усадьбах знати порой сохранялись (обычно в декоративной форме) элементы фортификации — башенки, глухие стены, узкие окна-бойницы.

Богатый бакинец.
Фото начала XX в.

Грузинские женщины в национальной
одежде. Фото конца XIX в.

Армянская девушка-студентка.
Фото 1940-х годов

В крупных городах (Ереване, Тифлисе, Гори, Баку, Шеки) над застройкой господствовали цитадели или дворцово-замковые сооружения, культовые здания — христианские храмы с коническими куполами, мечети с изящными минаретами; сохранялись остатки оборонительных стен. Торговые ряды, открытые базары, караван-сарай служили местом общения мужчин; общение женщин, при их отчасти затворническом образе жизни, проходило в общественных банях, где матери могли обменяться новостями, присмотреть невесту для сына и даже вступить в предвещающие сватовство переговоры.

Городская специфика проявлялась также в пище и в одежде. В застольях, в ритуальных трапезах немалое место занимали такие продукты питания (речная рыба, осетрина, икра), о которых на селе зачастую и понятия не имели. Разные типы городского мужского и женского традиционного костюма позволяли как различить по внеш-

ности социальные группы городского населения, так и отличать горожан от посещавших город крестьян. Еще в середине XX в. сохранялись своеобразие костюма (особенно женского) у курдов, цыган, евреев, различия в мужских головных уборах у разных этнографических групп грузин.

Особый колорит улицам кавказских городов придавали традиционные транспортные средства: выючные и упряжные лошади, ослы, мулы, верблюды, буйволы. Городская жизнь в XVIII—XIX вв. изобиловала колоритными типажам водоносов с мехами с водой за спиной¹, торговцев-разносчиков с лотками на перевязи или подносами на голове, нагруженными зеленью, фруктами, сладостями, выпечкой и другим товаром.

В советский период города Закавказья претерпели существенные изменения в связи с развитием в них промышленности и других видов городской деятельности. Большая их часть построена фактически заново. Так, не осталось никаких следов от старого Еревана (как и многих других городов Закавказья). Возникли новые города. Но возведенные в соответствии с принципами современного градостроительства, они сохраняют местные самобытные черты в архитектуре зданий, украшении улиц и площадей.

11. Одежда

Традиционная одежда народов Закавказья сохранила многие самобытные черты, характерные как для отдельных этносов в целом, так и входящих в них субэтнических групп. Некоторые элементы костюма — как, например,

¹ Водопровод в городах Кавказа — относительно позднее явление; воду брали из реки или из горных источников в окрестностях.

у грузин-горцев — имеют общие черты с одеждой древнего населения Передней Азии.

Мужской и женский костюмы различались у разных слоев закавказского общества. Зажиточные люди носили одежду из дорогих тканей с богатыми украшениями. Особой роскошью выделялись мужской и женский костюмы у высших сословий грузин.

У всех закавказских народов бóльшим этническим своеобразием отличалась женская одежда, нежели мужская. Одежда азербайджанок состояла из нижней туникообразной рубахи, длинных узких или широких (у пожилых женщин) штанов, длинной широкой юбки, а также короткого, на подкладке, сшитого в талию, с большим вырезом на груди верхнего платья, на которое зимой надевали стеганую безрукавку — другой зимней одежды женщины не имели. Головными уборами служили невысокие шапочки и платки, у пожилых женщин — также *чалма*. Горожанки вне дома обязательно закутывались в *чадру*, закрывавшую голову и лицо. Сельские жительницы чадрой пользовались очень редко.

Национальной женской одеждой у грузин считался костюм, который носили в Картлии, Кахетии и Имеретии. Основу его составляли длинная красная рубаха с длинными рукавами и широкие длинные штаны (чаще всего малинового цвета). На рубаху надевали платье с грудным вырезом, узким лифом и широким длинным подолом. Рукава платья имели разрез сверху донизу, скреплявшийся у запястья, через который были видны надевавшиеся вниз нарукавники. Верхней одеждой служил распашной *архалух*, доходивший до колен, с длинными разрезами на рукавах. Сложный головной убор украшала вуаль (*лечаки*) из тонкой ткани, обшитая кружевом. На улице поверх нее носили платок.

Армянская традиционная одежда имела региональные различия: у восточных армян — своя, у западных — своя. (В Закавказье наряду с восточными армянами живут и западные, предки которых в разное время переселились из западных областей исторической Армении.)

Для женского костюма восточных армян была характерна длинная рубаха красного цвета и длинные красные штаны. На рубаху надевали *архалух* с вырезом на груди и разрезами — от локтя до кисти — на рукавах, а также на боках.

Армянские женщины — жительницы горного села

В торжественные дни зимой поверх архалуха надевали платье, похожее по покрою на архалух, но без разрезов на боках. У западных армянок одежда имела тот же покрой, но отличалась расцветкой: рубаша была белой, а штаны — красными. Архалух отсутствовал, но носили платье с разрезами по бокам. Как западные, так и восточные армянки носили вместо пояса длинный шарф, сложенный вдоль в несколько слоев. Обязательной принадлежностью костюма западных армянок был *фартук*.

Главным убором женщин в восточных областях служила невысокая твердая шапочка («башенка»), закрывавшая половину лба. На нее надевали несколько платков, которыми закрывали рот и нижнюю часть носа. У западных армянок головной убор был проще по конструкции, и нижнюю часть лица они не закрывали.

Обувью женщинам Закавказья служили разнообразные вязаные шерстяные носки, к которым часто пришивали подошвы из кожи. Повсеместно была распространена своеобразная обувь из сыромятной кожи, охватывавшая ступню и удерживавшаяся на ногах с помощью шнурков. Кроме того, азербайджанки и грузинки носили туфли без задника, на небольшом каблучке и с загнутым вверх узким носом.

Женщины Закавказья обычно украшали одежду — прежде всего праздничную — вышивками золотыми, серебряными, шелковыми нитями, золотой и серебряной тесьмой, реже — бисером. Украшать свою одежду вышивкой особенно любили грузинки, армянки — значительно меньше, азербайджанки — редко. Закавказские женщины носили много разнообразных украшений, по большей части этим отличались азербайджанки и грузинки.

В традиционном мужском костюме народов Закавказья наряду с особенностями, характерными для каждого этноса, имелось много общих черт. Общими были такие виды одежды, как нательная рубаша (у грузин на нее спереди часто нашивали четырехугольный кусок кумача), нижние и верхние широкие штаны (у грузин встречались и узкие). На рубашу надевали архалух, обтягивавший фигуру до талии. Поверх архалуха носили одежду, напоминавшую черкеску (*чоха*, *чуха*). Ее шили в талию из шерстяных тканей на подкладке. Она имела грудной вырез, по бокам которого нашивались *газыри*. Старинные чухи у азербайджанцев имели ложные, с разрезами, рукава, которые обычно закидывали за спину. Грузины подпоясывали чоку составным серебряным поясом, на котором носили кинжал. В горах зимой одевались в овчинные шубы. У западных армян архалуха не было — его заменял жилет, на который надевали короткую куртку без застежек спереди.

Основными головными уборами мужчинам (кроме западных армян) в зимнее время служили шапки (*папах*) из овчины (мехом наружу). Летом носили войлочные шапки, западные грузины — *башлык*. Западные армяне пользовались вязаной шапкой, которую обвязывали в несколько слоев платком, скрученным в виде жгута. У грузин существовал определенный комплект одежды: с чохой обычно носили папаху, башлык и *бурку*.

Мужской обувью в Закавказье служили носки, ноговицы, постолы из сыромятной кожи, вязаная обувь с кожаной подошвой. В городах носили кожаные сапоги, туфли с загнутым вверх острым носом.

Эволюция одежды народов Закавказья в советское время состояла в замене ее городским костюмом. В первую очередь эти изменения коснулись мужского костюма, особенно в городе. В сельской местности продолжали сохраняться элементы традиционной одежды, приспособленные к жизни в горах. Женский костюм изменялся медленнее. Скорее осваивали городской костюм женщины, занятые производственной и общественной деятельностью. В настоящее время элементы традиционной одежды сохраняются в костюмах участников художественной самодеятельности и т.п. В распространенном повсеместно городском костюме можно заметить отдельные детали, бытование которых обусловлено в значительной степени еще не утраченными особенностями национального этикета.

Старый грузин в традиционной одежде.
Имеретия, Грузия

12. Пища

Пищевая модель народов Закавказья может быть однозначно определена как зерново-молочная. Чтобы нормально поесть, нужно иметь что-то приготовленное из муки, на худой конец — из крупы, а также нечто молочное. Все остальное — дополнения, желательные, но не обязательные. Чтобы принять гостя, нужно подать хлеб и сыр, ну и, конечно, что-нибудь спиртное — вино или водку. Это и необходимо, и достаточно. Но если этих компонентов нет на столе, то, что бы там ни было, стол — не стол. В Западной Грузии хлеб едят редко, гораздо чаще и охотнее — кукурузные лепешки или кукурузную или овсяную кашу, но пшеничный хлеб всегда подают на стол и обычно его убирают нетронутым.

Зерна, обжаренные на сковороде, или просто из обожженных на костре колосьев едят как импровизированную пищу, они входят и во многие виды ритуальной пищи. У любого чабана в его нехитром скарбе имеется *садж* — круглый, слегка вогнутый лист железа. Поставив его донцем вниз на треногу над костром, в нем можно поджарить муку или крупу, а поставив выпуклым донцем вверх, — печь на нем небольшие пресные лепешки. Их можно есть с сыром, молоком, простоквашей, а если некогда их печь — просто замешать на молоке катышки из заранее поджаренной на вогнутой стороне саджа муки

(пшеничного или ячменного толокна) и есть их, запивая чем-нибудь. Можно сварить куски теста в виде галушек — у разных народов приняты разные их формы и размер. Конечно, лучше всего их варить в бульоне с кусочками мяса, и получится *хинкал* — любимое блюдо дагестанцев, но можно сварить галушки в воде и есть их с кислым молоком и толченым чесноком. Но у грузин, армян и азербайджанцев под этим именем чаще фигурируют крупные пельмени с мясной начинкой — галушки более приняты у горцев.

Толокно и галушки — это виды пищи, типичные для мест, где существует дефицит топлива, т.е. для высокогорья. Везде, где топлива достаточно, пекут настоящий хлеб — обычно кислый, но в экстремальных и сакрально-ритуальных ситуациях — пресный. Чаще всего его пекут в *тонире*¹ — врытом в землю цилиндре из обожженной глины с сужающимися кверху стенками. Налепленный на раскаленные стенки хлеб пропекается за считанные секунды, особенно если это тонко раскатанный *лаваш*, но тесто должно быть вязким, чтобы не сорваться и не упасть на уголья. В тонире можно готовить любые блюда — от супа до шашлыка. Но более всего он нужен для выпечки хлеба. Топить его можно и бросовым топливом — кизяком, колючкой, хворостом. Самые тонкие лаваш и наибольшее число форм хлеба и хлебных изделий выпекали в Южной Армении, Южном и Центральном Азербайджане, а чем дальше на север и на запад, тем ассортимент меньше, а сами лепешки и караваи грубее и толще. В Западной Грузии, как уже говорилось, потребление хлеба сходит почти на нет, уступая место кукурузным лепешкам и *мамалыге* (в прошлом просяной, позже кукурузной, а ныне часто из рисовой сечки). Почти полный отказ от хлеба характерен также для *талышей* окрестностей Ленкорани, на юго-востоке Азербайджана, у которых хлеб замещается вареным рисом. Предполагают, что в местном климате зерно пшеницы часто сильно засорено ядовитыми грибами и семенами сорняков. Однако в Центральной Грузии примесь семян сорной чернушки (груз. *махобела*) считается даже желательной, так как придает тесту вязкость, а хлебу — лиловатый оттенок мякоти, особый вкус и аромат.

В районах, богатых дровяным топливом, тонир уступает место подовым печам (арм. *пур*, груз. *пурне*), где от теста особой вязкости не требуется и хлеб получается высоким и пышным.

Из зерна делают крупы, а из круп и из поджаренной муки варят разные каши — на воде, на молоке, на масле и на сладком паточном сиропе, патоку для которого получают из солода (т.е. того же зерна, только пророщенного). Праздничное и обрядовое печенье (*гата*, *када*) делают из теста с начинкой все из той же обжаренной муки, растертой с маслом и сахаром (или медом). Из зерна делают и кисловатый холодный напиток-похлебку — *махох*. Все это (как в технологическом, так и в терминологическом аспекте) во многом является общим для всех народов Закавказья, особенно его центральной части, где разные этносы тесно контактируют друг с другом.

В отличие от молочной пищи, которая в виде сыра, кислого молока (арм. *мацун*, тюрк. *айран*), сливочного и топленого масла, пахты, творога и др. является необходимой частью повседневного питания, мясная пища в прошлом

¹ Слово армянское, от древнееврейск. *таннур*; азерб. вариант — *тандыр*.

готовилась либо по праздникам, либо по сакрально-ритуальным поводам (поминки, жертвоприношения при молениях за избавление от напастей). Сакральная пища должна быть исключительно вареной, праздничная может быть и жареной. Рецепты изощренных мясных и мясо-овощных блюд имеют старинное происхождение, но восходят в основном к придворной «высокой» кухне и в народный быт вошли недавно. Терминология их чаще всего тюркская, хотя сами рецепты могут быть гораздо древнее, чем тюркское влияние: *долма* (голубцы в виноградных или иных съедобных листьях), *чихиртма* (взбитый суп-соус с яйцом и уксусом), *каурма* (обжаренное залитое жиром мясо), *бастурма* (прессованное вяленое мясо)¹. Вновь можно наблюдать, что изощренность кухни убывает с юго-востока, зоны наибольшего ближневосточного влияния, к северо-западу, где и в питании сохраняется много архаики и своеобразия.

Технология приготовления овощных блюд во многом дублирует технологию мясных — поджаривание на вертеле, на сковороде ломтиками, тушение в закрытом горшке со специями и т.д. Однако в то время как отношение к хлебу, молоку и молочным продуктам и в особенности к мясу включает в себя много престижных, сакральных, ритуальных, церемониальных, этикетных моментов, нормативов, табу, то в отношении к овощам и фруктам (кроме винограда) таких моментов практически нет. В прошлом фрукты (как и вино), будучи продуктом, привозимым с равнин, играли престижную роль у горцев при угощении гостей; сейчас эта роль несущественна.

Птицеводство распространено повсюду, кроме высокогорья. Петухов и голубей могут убивать как индивидуальную малую жертву у местных святынь, а мясо птицы используется для угощений малого масштаба (для более крупного угощения режут козленка, ягненка, а то и барана). Яйца используются и как повседневная пища, и как ритуальная (например, у христиан — на Пасху), и в магических целях (например, для изготовления амулетов).

Рыба и икра более привычны в городской традиционной культуре, нежели в сельской. Они престижны в угощении, а также имеют некоторое ритуальное значение (у христиан могут входить в состав постных и поминальных трапез).

В прошлом, когда сахар был очень дорог и малодоступен трудовому люду, источниками сладкого служили патока, *дошабы* — сиропы, получаемые путем уваривания сока винограда и ягод шелковицы (тутового дерева) и, разумеется, мед. Мед имеет празднично-ритуальное значение, он используется для праздничных печений, сладостей из орехов в уваренном меду (*козинак*), кутьи и блюд с обрядовым значением. Особенно богата разнообразными сладостями и сладкими печениями азербайджанская кухня.

В Азербайджане, где потребление алкоголя не одобряется исламом, распространенным напитком служат *шербет* из ароматизированных разведенных водой сиропов. Среди христиан пользуется предпочтением вино, а в горных районах — водка. Ее гонят из зерна, из диких ягод — кизила, черной бузины, из ягод тутовника (шелковицы), но более всего — из виноградных выжимок (*чача*). В древности повсюду варили ячменное пиво, сейчас оно сохранилось

¹ -ма — формант тюркских отглагольных существительных.

только у части горцев, в основном у осетин. Судя по эпосу, осетины в прошлом делали хмельной медовый напиток *ронг*. Сейчас под именем *ранги* его изредка можно встретить у сванов. Но из ополосков сот, после отгонки меда, сбраживая их, гонят водку наивысшего качества (груз. *сантлис араки* — «восковая водка»).

Кавказское застолье подчинено строгому этикету. Пьют много, но человек, напившийся до потери контроля над собой, вызывает всеобщее осуждение, и такие случаи редки. Пьют не кто когда хочет, а следуя тостам, провозглашаемым и поддерживаемым в четко определенном порядке. Этой процедурой руководит распорядитель — *тамада*, который должен быть не только красноречивым, но и оставаться трезвее всех, зорко следить за порядком, вовремя приглашать пирующих к танцу или хоровому пению и т.д. Азербайджанский и восточноармянский застольный этикет наиболее свободен и демократичен, строгость его возрастает по мере продвижения на запад и достигает максимума жесткости и формализованности у абхазов.

В прошлом любое застолье носило в определенной мере ритуальный характер, рассматривалось как коллективная жертва богам и общение с ними. В наибольшей мере такое восприятие застолья сохраняется у осетин, отчасти у абхазов. В наши дни застолье носит синкретический характер: это и благодарственное или просительное жертвоприношение, и своего рода мини-парламент, где в тостах могут быть высказаны пожелания, предложения и даже претензии, и светское общение; оно также во многом — инструмент самоутверждения и завоевания престижа, а нередко — и памятный акт, наподобие воздвижения памятника: присутствующие расписываются на бычьей лопатке или выпарывают свой знак на деревянной круговой чаше, которые хранятся в семье как память о значительном пиршестве.

На территории Средней Азии расположены пять государств — Казахстан, Киргизия, Таджикистан с Горно-Бадахшанской автономной областью, Туркменистан и Узбекистан с автономным Каракалпакстаном¹.

Большую часть поверхности Средней Азии занимают сухие степи и пустыни с сухим климатом, переходящие на юге и юго-востоке в горные массивы Тянь-Шаня, Памира и Копетдага. Климат горных долин, которые издавна были заселены людьми, относительно мягкий. В некоторых из них выращиваются даже субтропические культуры. Средняя Азия не имеет выхода к мировому океану. Каспийское и Аральское моря являются по существу лишь большими озерами. Рек мало. Достаточно обводнены лишь северо-восточные области современного Казахстана. Многие реки Средней Азии, даже из числа крупнейших (например, Сырдарья и Зеравшан), не имеют стока, разбираются на орошение и теряются в песках.

Вдоль рек и в предгорных районах расположены наиболее освоенные человеком земли — оазисы. Границы оазисов непостоянны, они изменялись в различные исторические эпохи в зависимости от природных и социально-экономических факторов.

1. Этногенез и этническая история

Рассматриваемая часть Азии была одной из территорий, где происходило становление мировой цивилизации. Наиболее ранние свидетельства пребывания здесь человека относятся к среднему палеолиту. В неолитическое время она уже была освоена человеком. С V тыс. до н.э. в южных районах региона складывается одна из древнейших в мире земледельческих культур. При раскопках археологических памятников найдены остатки земледельческих орудий и кости домашних животных, относящиеся к тому времени. Языковая принадлежность этого древнейшего населения не установлена. В неолитическое время намечается деление края по хозяйственному признаку на две части — степную северную, где население продолжало заниматься охотой, рыболовством и собирательством, и южную, где на основе орошаемого земледелия и скотоводства в последующий период — эпоху бронзы — уже складывались крупные поселения городского типа. В степной части страны широко распространилось подвижное скотоводство, а в оазисах ведущим стало земледелие. Существует гипотеза, что местные языки той эпохи принадлежали к индоевропейской языковой семье. Последние исследования показали, что земледельческое население Средней Азии эпохи бронзы имело тесные связи и с населением Двуречья (Месопотамии).

¹ Зачастую Среднюю Азию ограничивают территорией четырех государств (без Казахстана). Этот же регион нередко включают в состав более широкого понятия — Центральная Азия, к которой, кроме среднеазиатских государств, относят Тибет, Синьцзян, Монголию (Внешнюю Монголию) и Внутреннюю Монголию Китая.

Следующий известный науке этап этнической истории края начинается с первой половины I тыс. до н.э., когда наиболее развитые в хозяйственном отношении земледельческие районы страны входили в древнеперсидскую державу Ахеменидов. Персидские, а вслед за ними греческие источники называли жителей оазисов *хорезмийцами*, *согдийцами* и *бактрийцами*, а население степей — *скифами* и несколько позднее — *саками* и *масагетами*. Согласно этим свидетельствам, население края в античную эпоху говорило на индоевропейских (иранских) языках. К этому времени на территории Средней Азии оформляется одна из первых монотеистических надэтнических религий — *зороастризм*, который нашел особенно много последователей на территории Ирана, где и стал государственной религией. Немногочисленные группы зороастрийцев (*парсы*) сохранились в Иране и в Индии до наших дней.

Во второй половине I тыс. до н.э. южные районы были завоеваны греко-македонскими войсками и включены в державу Александра Македонского. Греческое завоевание оказало заметное влияние на культуру части народов Средней Азии. После распада державы Александра Македонского здесь образовалось несколько государств, жителей которых античные источники называли *парфянами*, *бактрийцами* и т.д. (по названиям государств). Большинство известных нам языков населения края того времени относилось к восточноиранской группе, и лишь парфянский язык занимал как бы промежуточное положение между восточноиранскими и западноиранскими языками. Бактрийцы и парфяне оставили очень заметный след в истории местной культуры.

На рубеже нашей эры большая часть страны была завоевана народом *юэчжи*, пришедшим из пограничных со Средней Азией восточных областей. Юэчжи создали могущественное Кушанское государство, население которого говорило преимущественно на языках иранской группы индоевропейской семьи языков, а в антропологическом отношении относилось к европеоидной расе.

Очень заметный след *кушаны* оставили в истории религиозных представлений населения Средней Азии. Государственной религией кушанов был буддизм, который исповедовало население юго-востока Средней Азии вплоть до завоевания страны арабами.

Немного позднее на восточных границах появился кочевой народ *усуней*, о котором мало что известно, и не менее загадочные *эфталиты*, создавшие в южных районах региона обширное государство. Скорее всего, именно в период эфталитского государства в Средней Азии стал распространяться один из западноиранских языков, явившийся впоследствии основой для формирования таджикского языка.

Приблизительно с V в. с севера и северо-востока на территорию Средней Азии стали проникать тюркоязычные этнические группы. Согласно китайским источникам, первоначальным местом формирования тюркской языковой общности послужило Прибайкалье. Легенда о происхождении тюрков поразительно схожа с легендой о происхождении основателей Рима. По преданию, прародителей тюрков — близнецов-братьев Шина и Ашина — выкормила волчица в пещере на берегу Байкала. Этот сюжет нашел свое художественное воплощение в росписи дворца одного из правителей средневекового государства Уструшаны, располагавшегося на севере современного Таджикистана.

Приток тюркоязычного населения особенно усилился в эпоху Тюркского каганата (VI—VII вв.) — государства, охватившего почти все пространства степей и полупустынь Средней Азии. Проникновение тюркоязычного населения в ираноязычную среду продолжалось и после падения Тюркского каганата. В первую очередь тюркизации подверглось ираноязычное кочевое население степей. Тюркизированные кочевники, оседая в оазисах, приносили с собой и тюркскую речь.

С юга шло наступление западноиранских языков и этнических групп. Эти процессы постепенно привели к исчезновению восточноиранских языков древнего населения; в Новое время эти языки сохранились лишь у немногочисленных групп, расселенных в труднодоступных горах Памира и в верховьях Зеравшана.

Начало следующему периоду в этнической истории Средней Азии положило арабское завоевание (VIII в.), последствия которого еще недостаточно исследованы. Арабские завоеватели принесли с собой новую религию — *ислам*, воспринятый подавляющим большинством народов края. Не исключено, что вместе с арабами сюда пришли и большие массы ираноязычных скотоводов, также ставшие распространителями ислама. Наряду с отрицательными последствиями в экономике — разрушением производительных сил — завоеватели нанесли тяжелейший урон культурной традиции. В борьбе с традиционной религией (зороастризмом) вместе со жречеством подверглись уничтожению многочисленные письменные документы. Однако арабское завоевание не уничтожило полностью зороастризм в регионе. В ряде горных долин Средней Азии (например, в Северном Таджикистане) крупные зороастрийские общины сохранялись вплоть до XIII в. (т.е. до монгольского завоевания). В современных религиозных представлениях местных народов влияние зороастризма ощущается по сей день, особенно в горных районах.

На рубеже I и II тыс. н.э. произошло еще большее сближение двух органически взаимосвязанных крупных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) — *кочевнических степей* и *оседлоземледельческих оазисов*. На основе устойчивой хозяйственной деятельности в них сложились свои культурные традиции. Языкового барьера между этими двумя группами населения, по всей видимости, не было: жители оазисов и степной зоны говорили как на тюркских, так и на иранских языках. (Впрочем, на языке *дары* говорили преимущественно жители городов.)

Монголы, завоевавшие эту часть Азии в XIII в. и разорившие ее культурные центры, внесли радикальные изменения в этнический состав населения региона. Под натиском завоевателей произошли перегруппировки больших масс населения степных территорий, а значительная часть жителей оазисов укрылась в горах. Многие тысячи оседлых земледельцев подверглись физическому уничтожению. Высказано мнение, что вместе с монгольским нашествием в страну в больших масштабах стал проникать новый антропологический тип — *монголоидный*, хотя в северных районах Казахстана и Киргизии монголоидные группы населения появились гораздо раньше — в первой половине I тыс. Регион стал областью контакта двух больших рас — европеоидной и монголоидной.

Девушка-узбечка

Более древний европеоидный компонент ослабевает в направлении с запада на восток и характерен для туркмен, таджиков и подавляющей части узбеков. Монголоидные черты присущи каракалпакам, казахам и особенно киргизам; они преобладают также у небольших групп узбеков. Впрочем, это деление относительно, так как есть много смешанных и промежуточных в антропологическом отношении групп.

После монгольского нашествия проникновение тюркских языков в оазисы продолжалось и уже к XVII в. тюркские языки преобладали во всех районах, за исключением Таджикистана и больших городов (Бухары, Самарканда, Андижана и др.), где население говорило преимущественно на таджикском (иранском) языке. В это же время постепенно оформились в отдельные этносы

местные народы — *таджики, узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы и уйгуры*.

Формирование *таджикского* народа проходило на основе древнего оседло-земледельческого населения оазисов среднеазиатского междуречья — *согдийцев, бактрийцев и ферганцев*. Таджикоязычное население послемонгольского периода группировалось вокруг крупных экономических центров — Бухары, Самарканда, Ходжента, Куляба и др., отделенных друг от друга труднопроходимыми горами или безводными степями и пустынями. Это отразилось в существовании среди таджиков нескольких этнографических (субэтнических) групп. Различия в традиционной материальной культуре заметны и сейчас. Одновременно с консолидацией происходило расселение таджиков и освоение ими новых земель, что способствовало тюркизации их групп, оторвавшихся от основных массивов таджикского населения. В свою очередь, расселяясь в горных местностях, таджики передавали свой язык и элементы культуры численно небольшим группам восточноиранского (по языку) населения — *ягнобцам* и другим народам, которых сейчас называют припамирскими таджиками — *ваханцам, язгулемцам* и др.

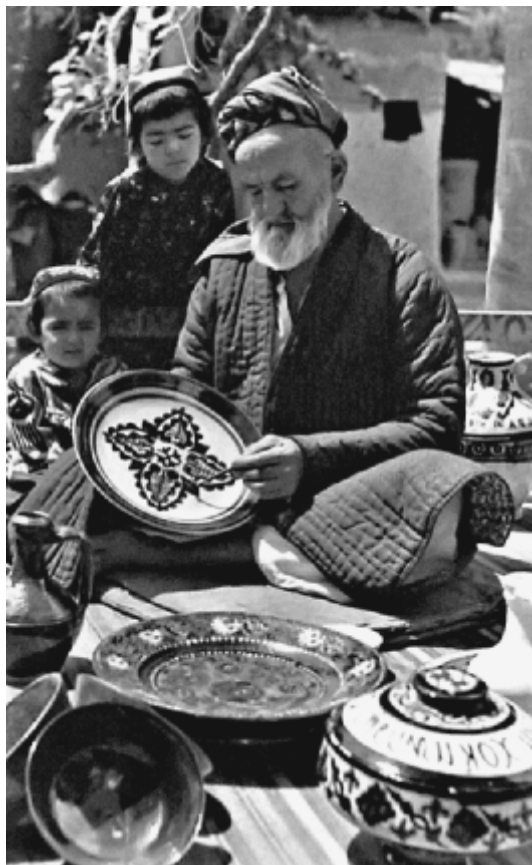
В формировании узбекского народа принимали участие два главных компонента — сложившиеся еще в древности оседлоземледельческие ирано- и тюркоязычные обитатели оазисов современного Узбекистана и более позднее скотоводческое степное тюркоязычное население. Оседание скотоводов в оазисах в различные исторические периоды происходило с неодинаковой интенсивностью. Поселяясь в оазисах и переходя к земледелию, они смешивались с местными жителями и воспринимали их культуру. Последняя большая

группа подвижных скотоводов, осевшая в оазисах Узбекистана и принесшая с собой этноним *узбек*, кочевала в степях между Аральским и Каспийским морями. Существует гипотеза, что свое название эти племена получили от имени золотоордынского хана Узбека (XIV в.), хотя слово *узбек* встречается в письменных источниках более раннего времени.

В начале XVI в. кочевые узбекские племена под предводительством Шибани-хана продвинулись в Хорезм, в оазисы по р. Зеравшан, в Ферганскую долину, в Ташкентский и многие другие оазисы южной части региона. Переселение массы скотоводческого населения в оазисы существенно изменило языковую ситуацию, так как к тому времени еще далеко не все население оазисов подверглось тюркизации (большинство городского населения оставалось таджикоязычным). Вторжение крупных масс скотоводов отрицательно сказалось на хозяйстве земледельческих областей. Однако затяжной упадок экономической и культурной жизни, который наступил после шибанидского завоевания, не следует целиком относить на счет прихода скотоводов в оазисы.

На территории оазисов современного Узбекистана образовалось три ханства — Хивинское, Бухарское и позднее Кокандское, — где важной политической и военной силой выступали кочевые племена. Скотоводы лишь постепенно стали переходить к земледелию. Этот процесс растянулся на несколько столетий и завершился преимущественно в XIX в. Вместе с переходом кочевников к оседлой жизни продолжался и процесс тюркизации части сельского таджикоязычного населения. Но не все узбеки-скотоводы перешли к земледелию. Часть узбеков по сей день занимаются в основном животноводством.

Формирование узбекского народа происходило одновременно и в значительной мере на той же территории, в тех же оазисах, что и складывание таджиков. Например, в Ферганской долине в соседних селениях и теперь живут таджикоязычные и тюркоязычные ферганцы, различаясь, кроме языка, некоторыми элементами материальной культуры. В хозяйственных занятиях — ремесле и земледелии — различия, по сути дела, отсутствуют. В складывании узбекского народа наблюдается формирование крупных территориально-хозяйственных

Гончар. Северный Таджикистан

комплексов (например, Хорезм, Фергана, оазисы бассейна Сурхандарьи и т.п.). По существу, в каждом оазисе создается свой субэтнос с особенностями материальной и духовной культуры.

Этнические процессы в западных районах Средней Азии, приведшие к относительной консолидации *туркменского* народа, имели некоторые особенности. И тюркский язык, и монголоидный антропологический тип проникли на территорию Туркмении опосредствованно — через тюркизированных по языку и монголизованных по антропологическому облику в прошлом ираноязычных и европеоидных подвижных скотоводов. Еще в XIV в. источниками упоминаются ираноязычные скотоводческие группы в прикаспийских степях. Находясь с географической точки зрения в относительной изоляции от многих событий, происходивших на востоке региона, предки туркмен сохранили в своей духовной и материальной культуре больше черт от дотюркского периода.

В то же время в послемонгольский период скотоводческие группы на территории современной Туркмении мало чем отличались от других подвижных скотоводов этой части Азии. Оседание кочевников в оазисах современной Туркмении происходило в тех же условиях, что и в оазисах Узбекистана. Оно особенно усилилось с XVI в., когда большая группа скотоводов осела по берегам Амударьи, в Хорезме, в предгорной полосе Копетдага, в Тедженском и других оазисах. Здесь также происходило смешение кочевников с оседлоземледельческим населением. Туркменские группы, жившие в предгорной полосе Копетдага, имели в своей основе еще древнепарфянский субстрат, а пришлые из прикаспийских районов — наследие хорезмской культуры. Процесс складывания этнических групп туркменского народа, так же как в Узбекистане и Таджикистане, осуществлялся вокруг главных торгово-экономических центров, в оазисах.

Формирование *казахов* происходило на огромных степных пространствах между северной частью Каспийского моря и Китайским Туркестаном. Население этой зоны в силу ее географического положения первым встречало пришельцев с востока, несших с собой как тюркскую речь, так и монголоидный антропологический тип, что обусловило и более выраженную монголоидность казахов по сравнению, например, с туркменами. В то же время население районов, где происходило формирование казахов, почти не испытало влияния западноиранского (по языку) населения.

В XV — начале XVI в. в различных районах (по берегам Сырдарьи, в Семиречье и т.д.) современного Казахстана складываются небольшие политико-территориальные союзы различных племен (*ханства*), которые позднее перерастают в более крупные объединения — *жузы* — Большой, Средний и Малый. Основой формирования каждого жуза служил тот или иной оазис, к которому тяготели скотоводческие племена и с населением которого у кочевников устанавливались регулярные и достаточно прочные экономические связи. По сравнению с другими областями Средней Азии процесс перехода кочевников к оседлой жизни протекал в Казахстане не столь интенсивно.

На границах больших этнических массивов — на примере казахов это особенно хорошо видно — складывались контактные группы, у которых — как в языке, так и в культуре — отмечаются многие туркменские (на границе с туркменами) или узбекские (на границе с узбеками) черты.

Менее детально разработана этническая история *киргизов*. Скорее всего, их надо рассматривать как часть большого кочевого массива, сложившегося в этой части Азии на рубеже I и II тыс. н.э. К этому времени на территории Киргизии тюркизированные племена уже в большой мере испытали на себе влияние монголоязычных групп, кочевавших в южных районах Казахстана и долго сохранявших свою обособленность (вплоть до XVI в. эти районы назывались Могилистаном). На территории Киргизии не было крупных оазисов, способных сыграть роль объединительных экономических центров. Это обстоятельство в значительной мере определило замедленный переход киргизов к оседлости и более стойкое сохранение у них племенной организации. Складывание больших территориально-хозяйственных групп у киргизов шло медленно. Примером тому могут служить группы, расселенные в Ферганской долине. Расселяясь по краям оазиса, они очень медленно формировались в субэтнические образования киргизского народа и переходили к оседлости и земледелию. Старые племенные связи далеко не всегда способствовали сглаживанию племенных особенностей. Это хорошо было видно на примере выбора брачных партнеров — предпочиталась племенная эндогамия.

Формирование *каракалпаков* происходило в послемонгольское время на основе части тех же скотоводческих племен, из которых складывались казахский, узбекский и туркменский народы. К XVI в. возникло довольно устойчивое объединение кочевников, тяготевшее к оазисам низовьев Сырдарьи. Здесь предки каракалпаков вели полuosедлое хозяйство, в котором земледелие сочеталось со скотоводством. К XVIII в. эта группа племен настолько сплотилась, что вопреки постоянным притеснениям со стороны (в частности, Хивинского ханства) к XIX в. объединилась в отдельную — каракалпакскую — народность.

На территории Семиречья и прилегающих восточных районов проходил этногенез уйгурского народа. Этноним *уйгуры* применительно к оседлоземледельческому тюркоязычному населению семиреченских оазисов и сопредельных районов Китая стал употребляться только после установления здесь советской власти. До этого времени местных жителей называли по месту обитания (*кашгарцы*, *джаркендцы* или *таранчи*).

2. Современный этнический состав населения

В результате сложных и длительных процессов в Средней Азии к началу XX в. сложились крупные народы: *узбеки* (16,5 млн человек¹), *туркмены* (2,7 млн), *казахи* (7,5 млн), *киргизы* (2,5 млн), *каракалпаки* (416 тыс.), *уйгуры* (260 тыс.). Все они говорят на тюркских языках, входящих в алтайскую языковую семью. *Таджики* (4,2 млн человек) — единственный из крупных народов Средней Азии, чей язык входит в иранскую группу индоевропейской языковой семьи.

Кроме этих народов, к началу XIX в. здесь жили небольшие по численности группы *курдов*, *белуджей*, *среднеазиатских (бухарских) евреев*, *персов* (языки всех их относятся к иранской языковой группе), а также *арабов* (язык семитский) и *цыган* (чей язык относится к индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи).

¹ Здесь и далее численность дана в границах региона (по состоянию на 1989 г.).

Значительные изменения претерпел этнический состав Средней Азии после присоединения края к России и особенно за годы советской власти. На территории Средней Азии, кроме вышеперечисленных народов, к 1990 г. жили: *русские* (9,5 млн человек), *украинцы* (1,2 млн), *немцы* (1,1 млн), *татары* (977 тыс.), *корейцы* (321 тыс.), *белорусы* (238 тыс.), *дунгане* (68 тыс.) и меньшие по численности группы других народов. В настоящее время в связи с дестабилизацией обстановки в ряде государств региона и активизацией миграционных процессов численность этих народов здесь уменьшилась. Очень заметно сокращение переселенческого населения в Туркмении, Таджикистане, а также в отдельных районах Узбекистана и Киргизии. Этот процесс отрицательно повлиял на экономику государств Средней Азии, особенно на ее промышленность, так как регион покинули наиболее квалифицированные кадры. После распада СССР республиканские промышленные комплексы в значительной мере утратили свой потенциал.

В XX в. в Средней Азии изменилась и языковая ситуация. Наряду с развитием местных национальных языков широкое распространение получил русский язык как средство межнационального общения. Для районов со смешанным населением типично знание не только местного и русского языков, но и языка соседнего народа.

С образованием новых — постсоветских — государств в Средней Азии наметился, в частности в официальной сфере, процесс расширения частоты употребления национальных языков и сужения сферы применения русского языка, который служит каналом для получения разнообразной, в том числе внешней, информации. Пока альтернатива русскому языку не найдена. Английским языком владеет мизерная часть населения; информация извне поступает в заметно сокращенном объеме.

3. Сельское хозяйство и хозяйственно-культурные типы

В Средней Азии применительно к XIX — началу XX в. выделяют три хозяйственно-культурных типа, границы которых не совпадают с этническими. Это: *оседлые земледельцы* — таджики, большинство узбеков и туркмен, уйгуры, группы каракалпаков и киргизов; *подвижные скотоводы (кочевники) степей и полупустынь* — казахи, киргизы, часть узбеков и туркмен; и наконец, *полуседлые земледельцы-скотоводы, жившие на окраинах оазисов*, — каракалпаки, часть узбеков и туркмен, группы казахов и киргизов. Современные исследования заставляют по-иному оценить хозяйственную ситуацию в Средней Азии — по крайней мере, в течение последних пяти столетий. Установлено, что различные формы хозяйственных занятий жителей Средней Азии — это части единого целого, каждая из которых не может существовать обособленно от других. Скотоводческая составляющая населения не может прокормить себя без хлеба, выращенного земледельцами. Последние в свою очередь нуждаются в рабочем скоте и продуктах животноводства, которые не могут быть произведены в оазисах. Что же касается так называемого комплексного хозяйства, то оно занимает очень небольшое место в общем балансе хозяйственной деятельности населения этого региона ойкумены и обычно определяется спецификой политической ситуации.

Ведущим, определяющим хозяйственным занятием, обеспечивающим выживание подавляющего большинства населения Средней Азии, является земледелие. Главной составляющей пищевого рациона как земледельцев, так и скотоводов служит хлеб. Скотоводческое население не может обеспечить свое существование только мясной и молочной пищей. Для этого необходимо слишком большое количество скота.

Земледелие в Средней Азии известно давно. На юге Туркмении оно прослеживается уже с V тыс. до н.э. К началу II тыс. до н.э. ареал земледельческих культур значительно расширился, были освоены дельты таких рек, как Мургаб и Теджен. В начале I тыс. до н.э. земледелие как основа хозяйства распространилось почти на все южные районы этой части Евразии. Оросительные сооружения позволили освоить большие участки земли. К середине I тыс. н.э. здесь были освоены почти все пригодные для земледелия площади. Во второй половине I тыс. н.э. они стали даже сокращаться за счет интенсификации земледелия — совершенствования оросительных систем и улучшения обработки почвы. С меньших площадей стали получать больше продукции, увеличилось население оазисов. Широкое использование водоподъемного устройства *чигирь* позволило дополнительно обрабатывать участки земли вблизи поселений, расположенные выше уровней водоводных каналов.

Тем не менее, пусть и в ослабленном виде, в Средней Азии продолжался земельный и особенно водный кризис.

Очень тяжелый удар по среднеазиатскому земледелию, от которого оно долго не могло оправиться, нанесло монгольское нашествие. Разрушение завоевателями ирригационных систем, истребление и угон в рабство населения повлекли за собой обезлюдение целых областей. В позднем Средневековье только часть земель, заброшенных во время монгольского нашествия, удалось заново освоить.

Основа местного земледелия — *оросительная система* — требовала приложения большого труда не только во время ее сооружения, но и при эксплуатации. Большие массы населения ежегодно занимались очисткой каналов и арыков, ремонтом и сооружением головных заборных устройств воды из рек. В сельских поселениях поневоле оставалось большое количество людей, занятых в сельском хозяйстве только часть времени, но лишенных возможности заниматься на стороне каким-либо другим производительным несельскохозяйственным трудом с необходимым уровнем специализации. Это отрицательно сказалось на развитии других направлений хозяйственной деятельности.

Прогрессирующее нарастание засушливости климата Средней Азии существенно ухудшило ситуацию в скотоводческих регионах, в которых прирост населения не сопровождался адекватным увеличением поголовья скота. Избыточное население вынуждено было переходить к занятию земледелием и переселяться в оазисы, где и без того ощущался земельный голод. Увеличение пашни и выпаса скота осуществлялось за счет освоения угодий в горах, где варварски истреблялись леса, что в свою очередь вело к разрушению гидросистемы страны и общему усугублению экологического кризиса. В горных местностях оросительные системы были значительно меньше, чем в равнинных, и могли орошать только небольшие участки пригодной для земледелия земли.

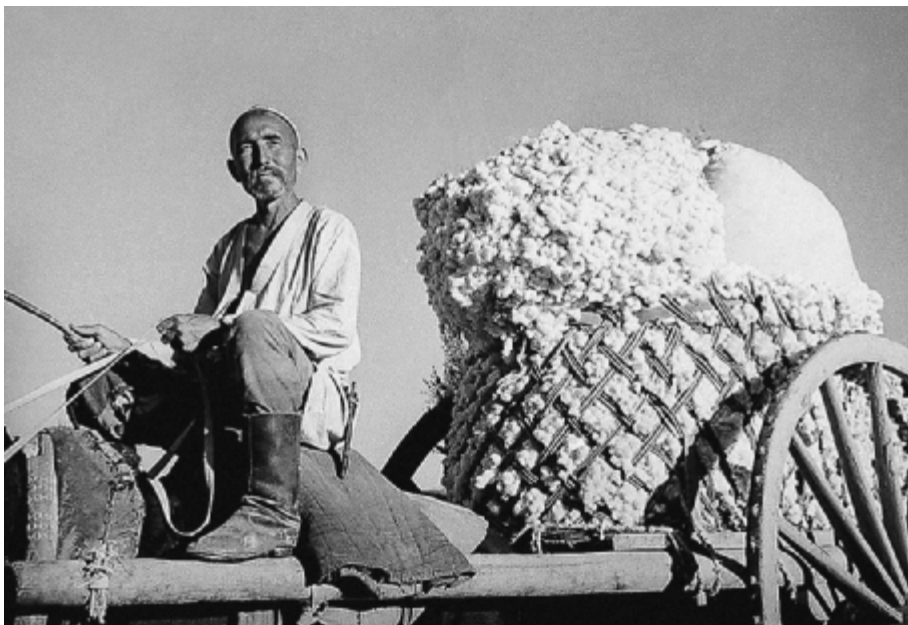
До формирования колхозного строя сельскохозяйственные орудия оставались примитивными и малопродуктивными. Основным пахотным орудием служила деревянная соха с железным или чугунным наконечником. Вспашку производили несколько раз — вдоль и поперек поля. Землю боронили деревянной доской с закрепленными в ней каменными, а позднее железными зубьями. Тягловыми животными были быки, лошади, а в отдельных районах — верблюды. Сеяли вручную. Урожай убирали серпами. В арсенал важнейших сельскохозяйственных орудий входили своеобразная мотыга (*кетмень*) и лопата: за исключением вспашки и боронования, ими производили все земляные работы. Сеяли пшеницу, ячмень, *джугару* (местное злаковое растение) и просо. Из технических культур первое место занимал *хлопчатник*. После присоединения края к России значение хлопководства резко возросло. (Впрочем, ведущей культурой хлопчатник стал лишь в 1930-е гг.) Кроме полеводства, во всех оазисах широкое распространение получили садоводство, бахчеводство и виноградарство.

Следует подчеркнуть большую трудоемкость орошаемого земледелия. Трудовые затраты при орошаемом земледелии — сооружение и чистка магистральных каналов и арыков, полив и промывка почвы от соли, двух- и трехразовая вспашка — примерно в шесть раз превышали затраты на единицу продукции при богарном (неполивном) земледелии в благоприятных природных условиях. По существу, орошаемое земледелие в Средней Азии было экстенсивным и не давало сколько-нибудь значительного прибавочного продукта.

Казахи, киргизы, часть туркмен и узбеков, обитавшие на обширных пространствах степей, полупустынь и гор, занимались *подвижным скотоводством*. Под подвижным скотоводством (*кочевничеством*) понимается вид скотоводческого хозяйства, при котором основу существования того или иного народа (или части народа) составляет экстенсивное скотоводство в условиях *сезонных* перекочевок. На рассматриваемой территории выделяются три способа кочевания: *меридиональное*, *вертикальное* и *стационарное*. Последний способ перемещения скота часто называют *пустынным скотоводством*.

Вид кочевания в скотоводческих обществах определяется экономическим фактором (количеством скота в хозяйстве скотовода) и географическими условиями, в которых жила та или иная группа населения. Среда обитания порой имела решающее значение и определяла способ кочевания. В этой связи выделение типов кочевания оказывается весьма условным. Часто сочетание природных факторов (интенсивность дождей, уровень подпочвенных вод, температура воздуха) заставляли скотоводов вносить весьма заметные коррективы в системы выпаса скота.

Суть *меридионального кочевания* состоит в том, что зимние кочевья скотоводов располагались в самых южных районах области обитания. С наступлением весны скотоводы двигались на север, вслед за теплом. Лето стада проводили на северных пастбищах, а с приближением осени скотоводы начинали обратное перемещение на юг — на зимовки. Больше всего скотоводами ценились зимние пастбища, на которых скот проводил самое трудное время года. Именно из-за них чаще всего возникали конфликты как между отдельными хозяйствами, так и между племенными подразделениями. Маршруты перекочевок регулировались в первую очередь расположением водных источников.

Узбек, перевозящий хлопок на арбе. Фото 1930-х годов

Меридиональное кочевание широко применялось в центральных и северных частях Казахстана и на юго-западе Туркмении; оно в большей мере характерно для богатых скотоводов.

Вертикальное кочевание практиковалось скотоводами в горных местностях — в Киргизии и на северо-востоке Казахстана. Зиму скотоводы проводили в горных долинах, защищенных от холодных ветров, там, где выпадало не слишком много снега и скот на пастбищах мог доставать корм. Весной стада пасли на южных склонах, где снег таял быстрее и раньше появлялась молодая трава. Постепенно поднимаясь в горы, скотоводы приводили свои стада на альпийские луга, где скот пасли все лето. Осенью стада спускались на зимовки.

Стационарное кочевание имело распространение преимущественно в наиболее засушливых районах — в Туркмении, на юге Узбекистана, на Мангышлакском п-ове. Этот способ кочевания отличает наименьшая подвижность стад. Зиму скотоводы проводили на пастбищных угодьях песчаных полупустынь или в горных долинах, где почти не бывает снежного покрова и скот обеспечен кормом, а люди — топливом; на лето собирались около водных источников, где устанавливали свои жилища, а стада пасли на расстоянии дневного перегона от поселений, куда животных через день-другой пригоняли на водопой.

Для разных систем перемещения скота специфичен и видовой состав стад. При меридиональном в составе стада было больше лошадей, овец и верблюдов, а при вертикальном значительное место занимал крупный рогатый скот, который не переносит длительных и дальних перекочевков. Климатические условия, при которых применялись стационарные перекочевки, еще больше ограничивали состав стад. У туркмен и узбеков основу стада составляли овцы и верблюды. Лошадей, в отличие от казахов и киргизов, они держали

только для верховой езды, так как лошади, как и крупный рогатый скот, нуждаются в большом количестве сочных кормов. Говоря о различных способах подвижного скотоводства, не следует думать, что стадо и люди находятся в постоянном движении. При всех видах кочевания существуют четыре вида пастбищ — зимние, весенние, летние и осенние, — на которых и обустраиваются кочевые аулы подвижных скотоводов. По существу, расстояния между пастбищами и определяли способ выпаса.

В предгорных районах Средней Азии широкое распространение имело *отгонное скотоводство*, которое всегда сочеталось с земледелием. При этом виде скотоводства стада на лето перегонялись на горные пастбища, куда с ними отправлялась часть населения — пастухи и женщины, которые летом занимались переработкой молочной продукции. Другая часть жителей оставалась в долинах, где трудилась в орошаемом земледелии. На зиму скот пригоняли к селениям, где он пасся на прилегающих к селению пастбищах и *по стерне* (на полях, с которых убраны зерновые). При этом виде скотоводства на зиму запасалось значительное количество кормов (сена). Население, занимавшееся отгонным скотоводством (во всяком случае, с XIX в.), поставляло на рынки основную массу товарного скота. Главное товарное значение имели овцы, которые в прилегающих к оазисам степных и горных районах вытеснили из стад другие виды скота — верблюдов, лошадей и коров. Особенно высокие темпы этот процесс приобрел в XX в., так как овечья шерсть представляла собой сырье, в котором остро нуждалась развивавшаяся текстильная промышленность России. Вместе с тем в специфических условиях Средней Азии рост товарности скотоводческого хозяйства имел и негативные последствия. Увеличение поголовья овец во многом обусловило потраву горных и степных пастбищ, что сильно ухудшило экологическую обстановку в регионе.

Комплексное (полуоседлое) хозяйство вели жители на окраинах больших оазисов и по берегам озер и морей. Здесь подвижное скотоводство сочеталось с земледелием или рыболовством. В казахских степях скотоводы занимались также орошаемым земледелием. Орошение осуществлялось при помощи чигирей, которые забирали воду из небольших ручьев, озер и колодцев. Во время созревания урожая казахи пасли скот в непосредственной близости от посевов. После сбора урожая они закапывали в землю до следующего года сельскохозяйственные орудия и чигири и уходили со скотом на осенние пастбища. Выращивание хлеба в степи имело не только хозяйственное, но и большое социально-политическое значение. Между русскими земледельцами, поселившимися в северо-восточной части степи, и казахами-скотоводами устанавливались тесные экономические связи, на базе которых формировались относительно устойчивые историко-культурные ареалы.

Полуоседлый тип хозяйства, по сравнению с земледелием и подвижным скотоводством, был менее специализирован и давал меньше прибавочного продукта, что практически лишало его товарности. В засушливые годы или в холодные снежные зимы скотоводческие хозяйства теряли большое количество животных, и наиболее бедная часть скотоводов после потери скота вынуждалась жизнью переходить к земледелию.

В системе производственной деятельности населения Средней Азии — наряду с земледелием и скотоводством — существенную роль играли *домашние*

промыслы и ремесло. К концу XIX в. у народов региона получили развитие все три ступени становления и функционирования ремесленного производства: изготовление необходимых вещей внутри и силами каждой отдельной семьи; выработка различных изделий мастерами-профессионалами для членов общины, к которой они принадлежали; и наконец, собственно ремесло, когда мастера заняты изготовлением вещей на рынок и полностью оторваны от сельскохозяйственного производства. Отделение ремесла от земледелия произошло здесь уже в эпоху бронзы и сохранялось на протяжении всей последующей истории.

Ремесленник — изготовитель традиционных ножей.
Бухара

Ремесленное производство сосредоточивалось в оазисах — в городских и крупных сельских поселениях. Мастера различных профессий работали на рынок, поставляя земледельцам и скотоводам различные виды тканей, керамическую, металлическую и деревянную посуду, орудия труда из металла и другие вещи. Специализация труда достигла очень высокого уровня. Например, выделка тканей распадалась на несколько операций, каждую из которых выполнял отдельный мастер — прядильщик, ткач, красильщик и т.д.

Развитие ремесленного производства тормозилось отсутствием сырьевой базы, прежде всего металлических руд. Их богатые запасы были обнаружены только в годы советской власти. До первой трети XX в. в регионе постоянно ощущался дефицит металла. Даже в археологических раскопках находки металлических изделий чрезвычайно редки. В Новое время — после присоединения Средней Азии к России — старые металлические вещи не выбрасывались. Их переплавляли, и металл опять пускали в обработку. Дефицит железа был настолько велик, что железную руду в Ферганскую долину возили на ишаках (ослах) с Памира, где ее добывали высоко в горах.

Серьезный урон экологии края, от которого она не оправилась до сих пор, нанесло массовое производство обожженного кирпича в Средние века. Для обжига вырубались многие сотни гектаров леса. Лесовосстановительные мероприятия, как, например, в Китае или в Центральной Европе, в Средней Азии не проводились.

Дефицит металла отразился и на количестве производимой керамической посуды. Особенно крупные ее формы, которые в других, богатых лесом и железной рудой регионах, делались из дерева и металла и служили продолжи-

Туркменские ковровщицы

тельное время, в Средней Азии заменялись недолговечной керамической посудой, требовавшей для своего изготовления много древесного топлива.

Дефицит сырья и энергоносителей сдерживал развитие ремесленного производства. Оно не вышло за рамки средневекового цехового производства и не смогло подняться до уровня мануфактуры.

В обществе подвижных скотоводов собственно ремесленного производства не было. В каждой семье вырабатывали необходимые вещи — *кошмы* (войлоки), шерстяные ткани, шили одежду и изготавливали *сбруи*, *арканы* и другие нужные предметы. В XIX в. только *ковроделие* у туркменских племен стало приобретать товарный характер; ковры больших размеров стали специально изготавливать на рынок. Продукцию ремесленного производства

скотоводы получали в обмен на скот и продукты скотоводства на базарах, расположенных в земледельческих оазисах или на их окраинах. Помимо ремесленной продукции кочевники получали из оазисов хлеб, который наряду с молочными продуктами составлял основу их пищевого рациона. В нормальных торговых отношениях в одинаковой мере были заинтересованы как скотоводы, так и жители оазисов.

К середине XIX в. (а применительно к Казахстану — к XVIII в.) относятся достоверные сведения о специализации отдельных областей края на преимущественном производстве какой-либо сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Например, в Ферганской долине селение Риштан и соседние населенные пункты славились своими гончарными изделиями, а район Исфары — местными абрикосами.

4. Социальные структуры

Разные способы добывания материальных благ, существовавшие у народов Средней Азии, определили и неодинаковый уровень развития социальных отношений. В обществе земледельцев классовые отношения зародились уже в эпоху бронзы (середина III тыс. до н.э.). Однако характер отношений между социальными стратами у этих народов до сих пор остается не совсем ясным. Многоукладность хозяйственной деятельности породила и многообразие форм общественной организации, что в большой мере определялось и постоян-

ным притоком в оазисы кочевого скотоводческого населения. Оседая в оазисах, скотоводы приносили с собой и иные формы общественной организации, которые причудливо переплетались с формами социальной организации земледельцев.

Социальные отношения у населения оазисов трактуются многими исследователями как патриархально-феодальные. Однако такое определение не соответствует действительности, так как в Средней Азии формы собственности на землю радикально отличались от форм собственности в феодальных государствах Западной Европы и заметно рознились с формами собственности на землю в большинстве районов России.

Сложность общественных отношений у народов Средней Азии в большой мере обусловлена природными условиями. В отличие от стран Центральной, Восточной и Западной Европы, где общественные отношения определяются формами собственности на землю, в Средней Азии земля сама по себе не представляет безусловной ценности. Она приобретает ее только при наличии воды, используемой для орошения. В конечном итоге определяющим становится количество воды, которое имеет право и возможность использовать земледelec. «Родит вода, а не земля» — эта пословица известна всем народам Средней Азии. Вода здесь — при наличии частного, общинного и государственного землевладения — в большинстве случаев была собственностью государства. Это обстоятельство усложняет, а порой делает невозможным однозначное определение общественных отношений в земледельческих оазисах даже при наличии там государственных образований — Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, где власть главы государства мало отличалась от власти правителей восточных деспотий в более ранние эпохи. В местных ханствах не сложились замкнутые сословия, имевшие те или иные социальные преимущества, в том числе и монопольное право на владение землей. Не возникло и прикрепления крестьян к земле, а зависимость крестьян от богатеев выражалась в форме долговой кабалы. В то же время способы эксплуатации были жесткими. Основным приемом получения земельной ренты служила аренда, виды которой отличались большим разнообразием. В аренду землю сдавали не только крупные земельные собственники, но и мелкие крестьяне, которые в большинстве случаев не имели ни сельскохозяйственного инвентаря, ни тягловой силы и не могли обрабатывать свой участок земли. Сдав землю в аренду, крестьянин нанимался в работники к богатым землевладельцам за ничтожную плату. С разной степенью интенсивности в различных оазисах происходила концентрация земли в руках зажиточных слоев и обезземеливание рядовых крестьян.

Формы сельской общины у земледельцев складывались и функционировали неодинаково даже в пределах одного оазиса. Больше всего демократических форм сохранялось в общинах относительно недавно осевших кочевников. Здесь более или менее регулярно проводились переделы земли, ограничивались размеры земельных наделов. В таких обществах в частном владении находилась доля воды, а не земля, которая считалась общественной собственностью. В обществах, где земледелие имело более древние традиции, переделы земли проводились нерегулярно или вообще не проводились, и земельные участки уже находились в собственности семей. Здесь отчуждение наделов (их продажа)

стало правилом, что не везде способствовало разложению общинных порядков. И все-таки община сдерживала концентрацию земли в руках местных богатеев. В большинстве земледельческих районов община сохранялась вплоть до установления колхозного строя.

До начала XX в. в отдаленных горных поселениях сохранялись весьма архаичные формы семейной организации. Наряду с малой моногамной семьей у земледельцев бытовали и большесемейные коллективы. В одном доме могла жить большая семья, состоявшая из главы семьи, его жены и женатых сыновей с их женами и детьми. Власть отца была по существу безграничной. Он считался владельцем всего имущества. Несколько таких семей, имевших общего предка, составляли социально-хозяйственное объединение (именовавшееся у таджиков *авлод*). Семьи, входившие в авлод, обычно селились рядом и создавали квартал — *махалля*. Земля, занятая строениями махалля, считалась собственностью авлода. В XX в. в махалля часто селились и неродственные семьи. Постепенно, путем заключения браков внутри махалля, «пришельцы» становились своими.

Родство по линии авлода сохраняет свое значение до наших дней — и не только в сельской местности, но и в городе. Постоянный приток в оазисы скотоводов способствовал регенерации общинных отношений у оседлого земледельческого населения. Главная причина оседания подвижных скотоводов в оазисах — слабые энергетические (кормовые) возможности среднеазиатских степей. Ограниченный объем воспроизводимой биомассы — растительного корма для скота — не позволяет сколько-нибудь заметно увеличивать численность степного населения. В этой связи весь естественный прирост степного населения «выбрасывался» в оазисы и становился основной силой освоения свободных земель. К середине XX в. все пригодные для земледелия земли и доступные для орошения запасы воды оказались практически исчерпаны.

Кочевая община была главной ячейкой общества скотоводов. В ней также объединялись несколько родственных семей, которые совместно выпасали скот, находившийся в личной собственности каждой семьи. Из таких общин составлялись небольшие внутриплеменные подразделения, из которых формировались скотоводческие племена. Племена в скотоводческом обществе выполняли все необходимые общественные функции — защиту племенных пастбищ, регулирование их использования, в необходимых случаях племенные советы решали внутриплеменные дела. Все пастбища, как и водные источники, считались собственностью племени. Это установление обычного права подкреплялось мусульманским правом — шариатом. Только к середине XIX в. источники фиксируют появление частных колодцев, принадлежавших богатым скотоводам.

Внутри скотоводческого общества было сильно развито имущественное неравенство. Наряду с многотысячными стадами, принадлежавшими *баям*, в степи паслись объединенные стада бедняков, где на долю каждого хозяйства приходилось по 20—30 голов. Основной формой эксплуатации служил наем пастухов и сдача скота на выпас бедным родственникам за право использовать некоторое количество молочных продуктов и часть приплода. По сути дела, байы получали даровых батраков. Помимо деления на бедных и богатых, в скотоводческих обществах выделялись социальные группы, имевшие точные

названия. Казахи подразделялись на *белую* и *черную кость*. К белой кости принадлежали ханы и султаны, возглавлявшие племена, к черной кости — весь остальной народ. Сходство с ней имела и социальная стратификация у туркмен, подразделявшихся на благородных *игов* и занимавших подчиненное положение *кулов* (иран. *рабов*). Однако замкнутые социальные группы, аналогичные казахским, у туркмен не сложились. У киргизов господствующей верхушкой была племенная знать — *манапы*. Манапы подразделялись на *главных* и *младших*. Такое деление (как и само манапство) в большей мере отражало имущественное положение скотоводов: разбогатевший бедняк становился манапом, и наоборот, обедневший манап переходил в разряд простых скотоводов. Имущественное расслоение в скотоводческом обществе сказалось и на процессе оседания (переходе к оседлости) скотоводов. В первую очередь на землю садились небольшие по численности и не богатые скотом группы, которых более сильные и многочисленные соседи вытесняли с пастбищ.

Большое влияние на общественную жизнь скотоводов оказывало обычное право, которое регулировало внутреннюю жизнь скотоводческого общества. С разложением общинных порядков — а этот процесс особенно активизировался в скотоводческом обществе после присоединения края к России — общинное право стало использоваться зажиточной верхушкой для прикрытия эксплуатации соплеменников *традициями взаимопомощи*. В целом же в скотоводческих обществах к моменту присоединения Средней Азии к России классовые отношения были развиты слабо.

Неравномерность социальной эволюции отдельных областей Средней Азии усилилась в конце XIX в., когда страна оказалась разделенной царским правительством на «русские владения» и владения *хивинского хана* и *бухарского эмира* — вассалов России. В областях, включенных непосредственно в состав России, капиталистические отношения развивались несравненно быстрее, нежели в Хиве и Бухаре, где продолжали сохраняться старые порядки. В русских владениях ведущей культурой стал хлопчатник, появилась обрабатывающая промышленность, более совершенные сельскохозяйственные орудия промышленного изготовления, прокладывались железные дороги. На местный рынок хлынул поток фабричных товаров, что в большой мере подорвало местное ремесленное производство. Необходимо также отметить, что местное общество могло выделить

В цирюльне. Бухара. Фото конца XIX в.

лишь очень небольшой объем жизненных благ для обеспечения жизнедеятельности людей интеллектуального труда, что и определило невысокий уровень научных знаний и светского образования в тот период.

Царское правительство не стремилось, однако, изменить образ жизни аборигенных народов и не вмешивалось в эту сферу. В повседневной жизни изменения происходили медленно и далеко не везде. Несмотря на все сдвиги в экономике и социальной организации общества (например, в организации управления по российскому образцу), общинные порядки в регионе не подверглись разрушению вплоть до установления советской власти.

5. Материальная культура

Материальная культура народов, населяющих степи, оазисы и горы, в большей мере отражала характер хозяйственных занятий и региональные природные особенности, нежели этническую специфику. Это хорошо видно на примере поселений и жилищ. Поселения в Средней Азии разделились на городские и сельские уже в конце эпохи бронзы, а наиболее ранние городские цивилизации возникли в предгорной полосе Копетдага. В других частях региона городские цивилизации появились несколько позднее. Многие ныне существующие города (Самарканд, Ходжент, Ош и др.) имеют двух-трех- и более тысячелетнюю историю. Города служили политическими, торговыми и ремесленными центрами. В отличие от Европы, где ремесленное производство стало занятием горожан, в Средней Азии наибольшая доля ремесленной продукции приходилась на крупные сельские поселения равнинных оазисов и широких горных долин. Такие селения могли насчитывать многие сотни домов. Главное, что отличало города от крупных сельских поселений, — это их реальные функции. Город в Средней Азии имел градообразующий центр, включавший резиденцию правителя, которая размещалась в крепости (*арк*), *пятничную* (соборную) *мечеть* и *базар*. Последний играл очень заметную роль. Здесь жители не только продавали и делали покупки, но и обменивались новостями; здесь же объявлялись правительственные указы, возникали социальные движения. В эпоху Средневековья и в Новое время во многих городах размещались *мед-ресе* — религиозные учебные заведения. В крепости по большей части располагались и военные гарнизоны.

Несмотря на то что город давно выделился в самостоятельную поселенческую категорию, горожане не порывали целиком с сельским хозяйством. Так, в упомянутых древнейших городах — Бухаре и Ходженте — в пределах территории, огороженной крепостными стенами, располагались поля, огороды и сады.

Оседлые земледельцы жили главным образом в средних и мелких населенных пунктах, число хозяйств и жителей в которых определялось размерами пригодных для орошения земельных участков. Существовал и хуторской тип расселения, наиболее представленный в Хорезме, где отдельные усадьбы (*хав-ли* — хозяйства) располагались вдоль водоводов на значительном расстоянии друг от друга. К XIX в. в оазисах сложился специфический «предгородской» тип крупных поселений, где наряду с развитым и специализированным ремесленным производством часть жителей сохраняла занятие сельским хозяйством. Города, как и сельские поселения, делились на кварталы — *махалля*.

В каждом городском махалля, как правило, жили ремесленники одной профессии. Большинство соседских семей было связано между собой родственными узами. Махалля представлял особый микромир со своими нормами поведения и соподчинения семей. От внешнего мира махалля был отгорожен наружными глухими стенами дворов. Выход на улицу осуществлялся через единственные ворота, которые запирались на ночь. Внутри махалля все дворы были связаны между собой узкими переулками, а соседи могли общаться между собой через калитки; жители такого квартала могли пройти его насквозь, не выходя за его пределы. Центром махалля был *хауз* — небольшой пруд, откуда жители брали воду. Здесь же, как правило, находилась и квартальная мечеть. Во всех общественных событиях и перед администрацией города жителей квартала представлял выбранный *аксакал* (старейшина), обладавший в махалля реальным авторитетом и властью.

В сельской местности махалля заселялись родственниками, которые обычно вели свое происхождение от одного предка. В горных селениях еще в XIX в. сохранялись *хавли* — огороженные участки земли с жилыми и хозяйственными постройками, принадлежавшие большесемейной общине — *авлоду*. Махалля в сельских селениях часто выполняли функции земельно-водных общин.

В оседлоземледельческих оазисах жилище выглядело как прямоугольный дом с плоской крышей, огороженный со всех сторон глинобитной стеной двора. Региональные различия заключались в приемах кладки стен, во внутренней планировке и в оформлении интерьера. В горных районах жилище сохраняло много архаических черт: дома подчас не имели даже окон. Их заменяли отверстия для дыма, оставленные над дверью или в потолке.

Установка казахской юрты

Поселения кочевников-скотоводов не имели четкой структуры. Как правило, около водных источников — колодцев или ручьев — без видимого порядка располагались жилища родственников, составлявших кочевую общину (туркм. *оба*). У скотоводческих групп (например, у туркменов предгорной полосы Копетдага) в целях безопасности в военное время строились крепости — участки земли, огороженные глинобитными стенами. В таких крепостях скотоводы укрывались вместе со скотом от неприятеля.

Основным жилищем у подвижных скотоводов служила *юрта*. Остов юрты сооружался из деревянных решеток и жердей, которые покрывались войлоком. Существуют два типа юрты — монгольский и тюркский. Различие между ними состоит лишь в форме крыши. Первая имеет конусообразную крышу, вторая — куполообразную. Исследователи высказывают мнение, что прототипом юрты было переносное жилище древних ираноязычных скотоводов евразийских степей. Региональные различия в кочевом жилище состояли в незначительных конструктивных особенностях и в убранстве. Как и в земледельческих оазисах, в кочевой степи резко различались жилища богатых скотоводов и бедняков.

Еще меньше различий имела традиционная *одежда* народов Средней Азии. Основные элементы как мужского, так и женского костюма в большинстве случаев выглядят очень сходно, почти одинаково. Основу мужского костюма составляла рубашка туникообразного покроя и штаны с широким шагом. Верхней одеждой повсеместно был *распашиной халат* с длинными рукавами. Покрой и цвет халатов больше различались по областям, чем по национальной принадлежности. В земледельческих районах преобладали ватные стеганные халаты, а у скотоводческого населения — халаты из шерстяных тканей. Традиционная

женская одежда к XIX в. сохраняла больше архаических черт. В одежде городского населения, жившего в «русских владениях», в конце XIX — начале XX в. произошли большие изменения. Мужчины в повседневном общественном быту стали носить элементы европейского костюма — пиджаки, жилетки, фабричную обувь. Заметно изменился покррой женского платья и набор обязательных составных частей костюма. В сельской местности эти изменения стали входить в быт позднее, а в горных районах — лишь в середине XX в. Наиболее стойкими оказались половец-растные и обрядовые комплексы одежды — свадебные, траурные и т.п.

Большое место в праздничных комплексах женской одежды у народов Средней Азии занимают *украшения*, которые различались по национальному и по территориальному признакам. Порой у двух

Киргизка в традиционном
головном уборе

групп разных народов, живущих по соседству, сходства в украшениях больше, чем у разделенных значительными расстояниями групп одного народа. Наибольшим своеобразием отличаются украшения туркмен.

Меньше всего национальная специфика проступала в изделиях ремесленников. Например, керамической и металлической посудой, сделанной хорезмскими ремесленниками, с одинаковым успехом пользовались как оседлоземледельческие, так и скотоводческие группы узбеков, туркменов, каракалпаков и казахов. Одежду из тканей, выработанных в Самарканде, носили таджики, кочевые и оседлые узбеки. В большей мере национальная специфика прослеживается в изделиях домашних промыслов, но и здесь преобладают областные или племенные традиции, что хорошо видно на примере орнаментального искусства и особенно в ковровых изделиях.

Традиционный киргизский мужской костюм

6. Духовная культура

В области духовной культуры этнические свойства народов Средней Азии прослеживаются в большей мере. Одновременно в ней отчетливо проступают общие, свойственные всем местным народам, культурные традиции. В частности, много общего в эпических сказаниях разных народов этого региона, где совпадают не только сюжеты, но и имена героев, названия отдельных поэм. Героический эпос узбеков «Алпамыш» хорошо известен казахам и каракалпакам, «Героглы» («Кероглы») — таджикам и туркменам. До наших дней почти у всех среднеазиатских народов в эпических песнях и сказаниях сохранились сюжеты из древнесакского эпоса и Авесты («Ширин и Шакар»). Среди жителей Средней Азии разных национальностей распространены похожие на короткие шуточные и сатирические сказки-анекдоты о Ходже Насреддине, сюжеты которых, вероятно, восходят к позднему Средневековью. В Средние века Средняя Азия дала миру выдающихся ученых — медика Ибн Сину (Авиценну) (конец X — первая треть XI в.), математика аль-Хорезми (787 — ок. 850), поэта

и философа Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123), созвездие поэтов — Рудаки (ок. 860—941), Фирдоуси (ок. 940 — ок. 1030), Навои (1441—1501), Махтумкули (1730—1780-е гг.) и многих других.

Настоящими произведениями искусства являются изделия местных ремесленников. Туркменские ковры, бухарские и самаркандские ювелирные украшения и вышивки, казахские и киргизские узорчатые войлоки, таджикская керамика, роспись и резьба по дереву, книжная миниатюра — все это ценности не только региональной, но и мировой культуры.

Далеко за пределами края известны архитектурные шедевры Бухары, Самарканда, Хивы, Куня-Ургенча, Мерва и других мест. Художественное творчество народов Средней Азии оказало существенное влияние на культуру соседних народов. Особенно это заметно в культовой архитектуре — в строительстве и оформлении внутренних интерьеров мавзолеев, мечетей, но также и в гражданском строительстве. До нашего времени сохранились великолепные керамические панно, резные деревянные колонны и расписные потолки в общественных зданиях и жилых домах.

Новое время отмечено деятельностью многих выдающихся писателей, поэтов, просветителей и ученых — казахского этнографа Ч. Валиханова (1835—1865), таджикского просветителя А. Дониша (1827—1897), узбекских писателей и мыслителей З. Фурката (1858—1909), М. Муками (1850—1862) и Х. Хамзы (1889—1929), основоположника современной таджикской литературы С. Айни (1878—1954). В XVIII — начале XX в. создавали свои произведения туркменские поэты Кемине (1770—1840) и Молланепес (ок. 1810—1862), каракалпакский поэт Бердах-Шаир. В киргизских горах сочинял свои песни Токтогул Сатылганов (1864—1933), в Казахстане работали выдающийся просветитель И. Алтынсарин (1841—1889) и основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев (1845—1904). Очень существенную помощь в становлении современной науки в среднеазиатских государствах оказали ученые других регионов СССР, Москвы и Ленинграда.

Глубокое воздействие на жизнь местных народов оказал ислам, повсеместно распространившийся после арабского завоевания Средней Азии (VIII в.). В оазисах среди оседлых земледельцев ислам испытал значительное влияние зороастризма и более ранних «языческих» представлений, связанных с культом природы. Часто мусульманские мечети сооружались на местах зороастрийских храмов и древних святилищ. Широко внедрился в ислам культ *мазаров* — этим термином объединяются являющиеся предметом почитания могилы «святых», священные деревья, водные источники, необычной формы камни и т.п.

В скотоводческой среде собственно исламские традиции привились заметно слабее. Зато именно здесь широко распространился культ мазаров. Особым почитанием пользовались «святые могилы» (захоронения реальных, реже, мифических предков), обладающие, по мнению верующих, сверхъестественной магической силой. Вообще исламские нормы соблюдались в различных местах Средней Азии неодинаково. В своих коранических (*Коран* — священная книга мусульман) формах ислам получил распространение больше в городах, чем в сельской местности и тем более в степи. В скотоводческом обществе доисламские религиозные представления устойчиво сохранялись, а нормы коранического ислама в повседневной культовой практике часто нарушались.

Влиятельную роль играло «неофициальное» духовенство — *ишаны*, *ахуны*, *суфии*, смотрители «святых могил» (мазаров) — *шейхи*. Ортодоксальные же служители культа — *муллы* — в прошлом особым влиянием, за исключением городов, не пользовались. Однако их участие в общественной жизни существенно возросло после присоединения края к Российской империи, так как царскому правительству была нужна контролируемая государством религия. Для достижения этой цели Петербург организовал подготовку священнослужителей для Средней Азии. Проводниками правительственной политики в Средней Азии стали выпускники духовных учебных заведений Казани, Оренбурга, Уфы. Муллы — а именно так стали называть подготовленных священнослужителей — были совершенно новым институтом для этого региона. В исламе в принципе нет «штатного» духовенства, как нет и понятия церкви как иерархизированной организации. По кораническим нормам главой исламской общины является *халиф*, в руках которого находится как светская, так и духовная власть. Что же касается «духовных» учебных заведений (*медресе*), то они готовили и готовят грамотных богословов и образованных людей, но не церковнослужителей, как, например, в христианских духовных академиях. В исламе нет обряда рукоположения, т.е. возведения в сан священника.

7. Современные тенденции этнокультурной жизни

После 1917 г. новыми властями было проведено национальное размежевание и районирование в крае (1924—1926). Установление межреспубликанских границ затруднялось исторически сложившимся чересполосным расселением, например узбеков и таджиков в Ферганской долине и на юге современного Таджикистана, узбеков, каракалпаков и туркмен — в Хорезме, казахов и узбеков — на юге Казахстана и в других местах. В результате национального размежевания преимущественно таджикоязычное население Самарканда, Бухары и других крупных городов оказалось в пределах Узбекистана. В Средней Азии до образования союзных республик понятие национальной принадлежности на бытовом уровне нередко заменялось территориальными наименованиями. Таджики и узбеки того же Коканда объединялись понятием *кокандцы*, что видно по документам XVIII—XIX вв. Одновременно существовало представление о принадлежности той или иной части населения к крупному племенному образованию, расселенному на территории той же Ферганы (таковы, например, *кыпчаки*). Наряду с этим оседлое тюркоязычное население Ферганы объединялось понятием *сарты*, которое в большей мере обозначало просто оседлоземледельческое население, даже если какие-то сартские группы говорили не на узбекском (тюркском), а на таджикском (иранском) языке. Практически выделение моноэтнических территорий в оазисах Средней Азии во многих случаях затруднено, а то и невозможно.

В своем современном виде межнациональные границы сформировались не сразу. Так, значительная часть Северного Таджикистана вместе с Ходжендом первоначально вошла в состав Узбекистана и только через несколько лет была передана Таджикистану. Современная Сырдарьинская область Узбекистана некоторое время входила в состав Казахстана. Пестрота этнического состава в густонаселенных оазисах определила и сложность этнических процессов в наши дни.

Продавец восточных сладостей на ходжентском рынке. Таджикистан

Огромное значение имели культурные преобразования. До установления советской власти в крае не существовало ни одного светского высшего учебного заведения. Все образование находилось в руках мусульманского духовенства. Не хватало школ, учителя со светским образованием исчислялись единицами. Количество грамотных не достигало и трех человек на сто жителей. С установлением советской власти образование было поставлено на совершенно новую основу. Для каждого народа создана своя письменность — вначале латинизированная, а с 1938—1940 гг. переведенная на русский алфавит. В школах введено преподавание на язы-

ках местных народов. Ликвидирована неграмотность. Открылись высшие и средние учебные заведения, где наряду с мужчинами стали учиться и женщины. Во всех республиках были созданы академии наук, где работали не только русские специалисты, но и ученые местных национальностей, представители национальной интеллигенции.

Всестороннее развитие получили литература и искусство. Во всех государствах открыты национальные театры, созданы кино- и телестудии, консерватории и т.д.

Широкое распространение русского языка как языка межнационального общения и средств массовой информации сделало доступными для народов края достижения мировой культуры, помогло распространению богатого культурного наследия народов Средней Азии.

От прошлых эпох государства Средней Азии получили не только богатейшее культурное наследие, но и множество острейших социально-экономических проблем. Многовековая нерациональная хозяйственная деятельность существенно ухудшила экологическую обстановку в крае. Уничтожение лесов разрушило гидросистему, зеленые пастбища во многих местах превратились в пустыни. Ни в одном государстве Средней Азии население не производит необходимого ему количества продовольствия.

Современное расселение населения по территории Средней Азии далеко не адекватно экономике различных ее районов, что сильно осложняет изменение социальной структуры общества в целом и в частности протекание этнических процессов. Пестрота этнического состава делает эту задачу еще более трудной. Постоянный приток в недавнем прошлом населения из других регионов Советского Союза на индустриальные стройки усложнял взаимную адаптацию

населения и способствовал изменению этнической ситуации в том или ином месте за короткий промежуток времени. Переселенцы, в подавляющем большинстве русскоязычные, селились в городах или в поселках при крупных индустриальных стройках или промышленных предприятиях. Здесь создавалась своя, отличная от местной традиционной, языковая и культурная среда. Более высокая квалификация приезжих обеспечивала и более высокие заработки, что создавало имущественное неравенство, совпадающее с национальной принадлежностью. Очень сильно изменился и внешний вид среднеазиатского города. С конца XIX в. и вплоть до 50-х гг. XX в. сколько-нибудь крупные старые (т.е. возникшие до присоединения Средней Азии к России) города делились на две части: «старую», т.е. дорусскую и «новую» — образованную переселенцами из России. Эти части среднеазиатских городов различались не только архитектурой построек, но и образом жизни их насельников. В новых частях города складывалась современная инфраструктура, соответствовавшая потребностям времени. В старых частях господствовали традиции. Примечательно, что и местное среднеазиатское население, переселившееся в новостройки, значительно быстрее своих сородичей, оставшихся в старой части города, изменяло традиционный образ жизни. Эти изменения касались многих сторон — от одежды и внутреннего убранства жилищ до отправления обрядов.

На первых порах переселение местных жителей в «русские» части городов протекало со сложностями, но теперь положение изменилось. Современные дома со всеми бытовыми удобствами приобрели привлекательность, хотя достаточно высоко ценятся и индивидуальные дома с отдельным двором. Что же касается столичных городов, таких как Ташкент, Ашхабад и др., то они за последние десятилетия сильно изменили свой облик и внешне мало чем отличаются от «европейских» образцов. В городах — особенно крупных — обострилась жилищная проблема. Она связана с высоким и нерегулируемым приростом населения. Эта и другие трудности (например, проблема занятости) способствуют развитию негативных процессов, в том числе и проявлениям национальной ограниченности.

Негативным явлениям в большой мере благоприятствует и регенерация — как в сельской местности, так и у части городского населения — старых общинных традиций и усиление мелкотоварного производства в сельскохозяйственных и скотоводческих районах. Негативные явления проявились в организации быта и общественного мнения в махалля, что незамедлительно оживило традиционалистские тенденции в семейной жизни. Особенно это заметно в положении женщин в семье, которое изменилось в худшую сторону. Не в последнюю очередь это связано с тем, что замужние женщины коренных национальностей практически полностью исключены (в частности, из-за многодетности семей) из участия в несемейном секторе производства.

За последние десятилетия возросло число семей, где право решающего голоса принадлежит старшему мужчине вне зависимости от того, работает он или находится на пенсии.

Отмеченные явления в значительно меньшей мере проявляются в районах с развитым индустриальным производством.

Ознакомление с предшествующими главами учебника позволяет сделать ряд существенных наблюдений. Прежде всего следует обратить внимание на антропологическое (расовое) разнообразие населения Земли. Длительное проживание людей в очень несхожих природно-климатических условиях, существующих в разных местностях земного шара, привело к формированию у них более или менее заметных биологических различий. На основании этих различий ученые подразделяют человечество на большие расы, а также множество малых рас и антропологических типов. Однако все антропологические группы людей принадлежат к одному и тому же биологическому виду — *человек разумный* (*Homo sapiens*). Это подтверждает, например, тот факт, что дети, родившиеся от браков между представителями разных рас, становятся полноценными людьми, — способными в свою очередь вступать в браки и иметь здоровое потомство.

Кроме того, установлено, что любая антропологическая группа (большая или малая раса, группы антропологических типов и т.п.) есть результат того или иного межрасового смешения (*метисации*). «Чистых» рас нет; утверждать противное — значит становиться на сторону *расизма*. Умственные способности, психические задатки, строение мозга у представителей всех рас и расовых типов — принципиально одинаковы.

Исторические процессы на Земле — начиная с эпохи первобытно-общинного строя — развивались таким образом, что выживание и прогресс обеспечивались только в условиях совместной жизни, труда и быта человеческих групп. Постепенно формировались древнейшие этносы — вначале это были племена, а позднее, с усложнением общества, возникли более крупные и совершенные формы этнических объединений: народности, нации и др. При этом в состав народов-этносов нередко входили разные расовые компоненты, а в рамках одной расы складывались многие и разные по культуре народы. Смешивать понятия «народ» и «раса» неправомерно: это принципиально различные явления, имеющие неодинаковую природу и происхождение. Если *расы* — результат биологического приспособления людей к природно-экологическим условиям, то *этносы* (народы) — это социальные, исторические общности и их развитие определяется не биологическими законами, а законами истории и общественной жизни.

Кроме того, становится яснее и понятнее общая этническая картина мира, основанная на данных науки. *Этнология* (*этнография*) в состоянии фиксировать и воспроизводить эту картину не только в виде, так сказать, сиюминутной фотографии, но и в форме исторического процесса ее становления. Именно поэтому этническая картина современного мира делается нам ближе, доступнее и отчетливее. Она раскрывается перед нами не как беспричинное скопление масс разнородного населения, но как закономерный результат сложного и трудного этноисторического развития социальной жизни на нашей планете.

Должно принять во внимание, что, опираясь на знания этнологии, легче представить себе реальное многообразие этнических культур и региональных цивилизаций на Земле. Их изучение дает возможность ощутить и постигнуть несводимость каждой культуры или региональной цивилизации к другой или другим, их высокую общечеловеческую значимость. Из этого следует, что их наличие представляет собой объективную основу разнообразных культурных связей, взаимодействий и обмена, но принадлежность к ним людей не может рассматриваться в качестве права на какие-либо преимущества, какую-либо исключительность. Этнология (этнография) как наука подкрепляет своими материалами и выводами самую высокую ценность принципов равноправия народов, важность и историческую ценность всех этнических культур, значимость интерэтнической солидарности народов в борьбе за социальную справедливость и культурный прогресс.

Все народы с помощью своей хозяйственной деятельности приспосабливались к жизни в тех или иных природных (климатических, ландшафтных и др.) условиях. Поэтому региональные и этнические коллективы приобрели не вполне одинаковые, а часто и очень различные навыки хозяйственной деятельности, разный опыт производства материальных благ и культурных ценностей. Это разнообразие стало основой для экономического, культурного и иного обмена между народами. Каждый народ-этнос занимает собственное место в международном разделении труда, взаимодействии и сотрудничестве. Все народы создают свои культуры и вносят свой вклад в мировую культуру.

У каждого народа Земли — своя собственная история; она создается каждым этносом не обособленно, а во взаимодействии с народами-соседями. В ходе исторического развития этносы постепенно обретали (во многом — на опыте) навыки совместного проживания и сотрудничества с другими народами, взаимного уважения и терпимости; этот процесс продолжается и в наши дни.

Взаимодействие между этносами в ходе их формирования (*этногенеза*) и развития часто приводило и приводит к включению их — целиком или частично — в состав других этносов, к смешению, интеграции, слиянию друг с другом в новых комбинациях. Эти процессы имеют характер закона — одного из общих законов этнической истории: за время своего существования ни один этнос не избежал такого включения в себя разных компонентов. «Чистых» этносов (народов) — как и «чистых» рас — не существует, все народы-этносы являются смешанными.

Более того: культурное, экономическое взаимодействие и другие формы сотрудничества — это одно из важнейших условий успешного развития, прогресса и совершенствования этносов. И напротив, экономическая и иная изоляция тех или иных обществ (этносов) ведет к застою экономики, узости мышления, социальной отсталости.

Каждый народ (этнос) накапливает свой жизненный опыт и имеет право выражать свою точку зрения по любому поводу и вопросу; каждый народ может иметь свои национальные (этнические) интересы и обладает правом отстаивать и защищать их. Все это верно и справедливо. Нужно только, чтобы это не наносило ущерба другим народам; чтобы естественный патриотизм в оценках себя и других ни при каких условиях не перерастал в этнонационализм, в концепцию превосходства своего этноса и пренебрежительное отношение к другим

народам. Нет народов, которые имели бы право презирать другие народы или тем более угнетать их. Все этносы имеют право на уважение и на свою культурную и иную самобытность, на жизнь и развитие.

Опыт изучения эмпирических данных нашей науки отчетливо выявляет существенную роль этнического (национального) фактора в мировой и отечественной истории, а также в современной жизни общества. Накопленный опыт свидетельствует о том, что широко распространенное утверждение, будто лишь в XX в. этот фактор приобрел важное значение, скорее всего, ошибочно. Этнический фактор, несомненно, оказывал свое воздействие в течение всей истории человечества и продолжает действовать теперь; однако способы, формы и характер его проявления могли и могут быть разными: они имеют эпохальные и региональные особенности. Так как население Земли состоит из многих этносов, то и отношения между социальными группами, институтами и отдельными людьми часто приобретают этническую окраску.

Изучение этнологии (этнографии), наконец, помогает обществу выработать соответствующие понятия и термины, т.е. адекватный язык, при помощи которого можно обсуждать этнические проблемы. Без такого специального языка этническое познание, понимание и объяснение того, что относится к этносам или связано с ними, оказались бы неэффективны.

В самом деле, чтобы иметь возможность достигать все более полного знания, все более ясного понимания возникновения, эволюции и функционирования этносов; чтобы установить «природу» их внутреннего строения и формы внешнего проявления; чтобы представить себе пути и характер их развития в будущем, — для всего этого требуется совершенствование знаний об этносах и межэтнических отношениях. Оно осуществимо, очевидно, при условии более глубокого познания сущности, глубинных свойств тех объектов, которые изучает этнология (этнография), при условии, следовательно, постижения законов, определяющих их бытие. Только на основе знания объективных законов строения, функционирования и эволюции этносов возможно научное объяснение того, что с ними происходило в прошлом и происходит в наше время.

Понятно, что все это удастся осуществить лишь путем усиления работы по сбору и накоплению информации, представляющей этнологический (этнографический) интерес. Этнологов ожидает интенсивная работа в экспедициях, архивохранилищах, библиотеках, фондах музеев и т.п. Вместе с тем международный и отечественный опыт говорит о том, что предстоящая деятельность в этой области должна отличаться — по сравнению с прошлым — качественно новыми особенностями. Требования, предъявляемые к этнологической информации многими современными исследователями, состоят в том, чтобы такая информация была собрана и содержалась бы в более организованном виде — в виде банков данных по разнообразным аспектам нашей науки, снабженных автоматизированными информационно-поисковыми системами. Предстоит продолжать работу по компьютеризации переработки этнографической информации.

Решение встающих перед этнологией (этнографией) задач предполагает расширение, обогащение арсенала ее методов, технических приемов и средств научной работы. К уже освоенным философским и общенаучным способам исследования и подходам должны присоединиться структурно-функциональный,

системный, экспериментальный и др. Методы сбора, переработки и интерпретации эмпирических данных следует организовать таким образом, чтобы обеспечить изучение зарождения этносов, их исторической эволюции, современного функционирования, а также прогнозирование тенденций их развития в обозримой перспективе.

Что касается современных технических устройств, то этнология нуждается в компьютерах, видеокамерах, магнитофонах и прочем ничуть не менее, чем другие отрасли науки.

Этнология существует и действует в системе наук, но ее связи и взаимодействие с другими науками складывались и складываются неодинаково. На этапе, когда, например, отечественная этнология видела свои приоритетные задачи в изучении этногенеза, истории культур и институтов, возникло ее тесное взаимодействие с физической антропологией (расоведением), историей, археологией, географией и исторической лингвистикой. Актуализация изучаемых этнологией проблем побудила этнологов к уже имевшимся добавить связи с эмпирической и теоретической социологией, социальной статистикой, психологией и кибернетикой. В наше время необходимость осуществлять прогнозирование этнических процессов, несомненно, побудит этнологов освоить также методы экстраполяции, экспертных оценок и имитационного моделирования этнической динамики. Этнографию (этнологию) справедливо относят к числу гуманитарных — исторических — наук. Это верно не только потому, что наша наука исследует определенные (этнические) аспекты бытия человека и социальные человеческие общности (этноты), но еще вследствие того, что она ставит перед собой гуманные цели. Одна из главнейших целей, вытекающая из предмета науки и смысла ее социальных функций, состоит в том, чтобы способствовать позитивному взаимопониманию между народами, культурному сближению и взаимообогащению, всем формам мирных контактов, связей, обменов и взаимодействий. Исследование этносов может успешно и продуктивно сопрягаться с современными движениями за возрождение национальных (этнических) культур, с инициативами по созданию этнографических музеев, с ростом интереса к фольклору, национальному народному искусству и т.п.

В ответ на возникающий общественный запрос, очевидно, будет возрождаться и усиливаться тот раздел нашей науки, который называют прикладной этнологией. Прикладная этнология может сыграть позитивную роль при изучении тенденций развития этносов, межэтнических отношений (в том числе путем исследования межэтнических противоречий и конфликтов), при планировании и осуществлении разнообразных экономических, культурных и иных программ; выступая в качестве научных экспертов, специалисты-этнологи смогут содействовать оптимизации протекания этнических процессов.

Важна роль этнологических знаний в изучении *межэтнических конфликтов и работе по их преодолению*. Этнологи видят и изучают не только взаимное сотрудничество между народами, но и нередкие еще, к сожалению, случаи межэтнических противоречий и конфликтов. Ослабить остроту, снять напряженность, а если можно, преодолеть враждебность и установить отношения сотрудничества и взаимодействия, — таковы задачи, в разрешении которых этнологи могут играть существенную роль. Международный и отечественный опыт говорит, что, хотя межэтнические конфликты и частое явление социальной

жизни, но они не являются фатально неизбежными. При наличии доброй воли, глубоких научных знаний и специальных органов управления такие конфликты могут быть существенно ослаблены и преодолены. Именно это подразумевает испытанный временем Устав Организации Объединенных Наций.

Нерешенной проблемой продолжает оставаться вопрос о так называемых *национальных меньшинствах* — этнических группах, включенных по тем или иным причинам в состав государств с населением, принадлежащим по преимуществу к крупным этносам (лопари в Финляндии, аборигены в Австралии, майя в Мексике и т.п.). Еще в 1911 г. на Мировом женском конгрессе в Стокгольме шведская писательница Сельма Лагерлёф бросила в лицо сильным мира сего прямой вопрос: «Где то государство, которое не поработает малые народности, не будучи в состоянии сделать их счастливыми?» Этот вопрос и сейчас актуален. Конструктивный ответ на него может дать лишь коллективная добрая воля всех государств и народов, объединенных под эгидой ООН.

Заключая сказанное выше, следует также отметить, что осуществление всех намечающихся тенденций будет в очень большой степени зависеть от уровня квалификации и достаточного количества кадров профессиональных этнологов (этнографов), от тех, кому предстоит работать в будущем.

Рекомендуемая литература

Глава 1

- Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2001.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983.

Глава 2

- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.
- Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Малькова В.К.* Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М., 2004.
- Свод этнографических понятий и терминов / Под общ. ред. Ю.В. Бромлея, С.И. Вайнштейна. Вып. 6. Этнические и этносоциальные категории / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1985.
- Статистика в этнографии / Отв. ред. В.В. Пименов. М., 1985.
- Широкогоров С.М.* Этнографические исследования (избранные работы и материалы). Владивосток, 2001.

Глава 3

- Витов М.В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.
- Громов Г.Г.* Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища // СЭ. 1955. № 1.
- Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства / Сост., вступит. ст. и коммент. А.А. Никишенкова. М., 2003.
- Куфтин Б.А.* Материальная культура Русской Мещеры. М., 1926.
- Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

Глава 4

- Марков Г.Е.* Немецкая этнология: Учеб. пособие. М., 2004.
- Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.
- Токарев С.А.* Истоки этнографической науки (до середины XIX века). М., 1978.

- Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
- Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.

Глава 5

- Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.
- Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998.
- Токарев С.А.* История русской этнографии (до октябрьский период). М., 1966.

Глава 6

- Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984.
- Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. (Очерки о Г.Ф. Дебеле, М.М. Герасимове, М.Г. Левине, В.П. Алексееве.)
- Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. М., 1999.

Глава 7

- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М., 1984.

Глава 8

- Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Основы этнодемографии. М., 1994.
- Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / Отв. ред. А.А. Прусаускас. М., 1991.
- Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2005.

Глава 9

- Берндт Р.М., Берндт Л.Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981.
- Кабо В.Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Локвуд Д. Я* — абориген. М., 1969.
- Миддлтон У.* Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983.
- Пучков П.И.* Этническое развитие Австралии. М., 1987.
- Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.

Глава 10

- Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.

- Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968.
 Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. 1985.
 Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004.
 Пучков П.И. Этническая ситуация в Океании. 1988.
 Уорсли П. Когда вострубит труба. Исследование «карго-культов» в Меланезии. М., 1963.

Глава 11

- Бондаренко Д.М. Бенин. Человек. Община. Общество. М., 1998.
 Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975.
 Калиновская К.П. Очерки этнографии Восточной Африки. М., 1999.
 Львова Э.С. Культура народов Тропической и Южной Африки: история взаимодействия и тенденции развития. М., 1996.
 Львова Э.С. Этнография Африки. М., 1984.
 Мир африканской деревни. М., 1999.
 Миранов В.Б. Искусство Тропической Африки. М., 1986.
 Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XII—XIX веках. М., 1990.
 Традиционные и синкретические религии Тропической и Южной Африки. М., 1986.
 Традиционные культуры африканских народов — прошлое и настоящее. М., 2000.

Глава 12

- Бальзем Ф. Пешком по Северному Сомали. М., 1972.
 Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха. М., 1998.
 Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 2000.
 Гаудио А. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М., 1974.
 Ланда Р.Г. У арабов Африки. М., 1967.
 Лот А. Туареги Ахаггара. М., 1989.
 Львова Э.С. Этнография народов Северной Африки. М., 2003.
 Райт М.В. Народы Эфиопии. М., 1965.
 Шпажников Г.А. Религии стран Африки. М., 1981.
 Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.
 Этнические процессы в современном мире. М., 1987 [главы, посвященные Северной Африке].

Глава 13

- Аристова Т.Ф. Материальная культура курдов XIX — первой половины XX века. М., 1990.
 Бен Зеев Авив. Эти страннные израильтяне. М., 2002.

- Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971.
 Календарные обычаи и обряды народов Передней Азии. М., 1998.
 Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. М., 2001.
 Штайн Л.В. В черных шатрах бедуинов. М., 1981.

Глава 14

- Аширафян К.З. Дели. История и культура. М., 1987.
 Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977.
 Малые народы Южной Азии: Сб. статей. М., 1978.
 Успенская Е.Н. Раджпуты — традиционное общество, государственность, культура. СПб., 2003.
 Этногенез и этническая история народов Южной Азии. М., 1994.

Глава 15

- Марков Г.Е. Народы Индонезии. М., 1963.
 Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980.
 Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
 Этикет у народов Юго-Восточной Азии. СПб., 1999.
 Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.
 Яванская культура: к характеристике крупнейшего этноса Юго-Восточной Азии. М., 1988.

Глава 16

- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
 Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
 Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX века. М., 1993.
 Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М., 1990.
 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алмата, 2000.

Глава 17

- Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971.
 Богина Ш.А. Иммигрантское население США. 1865—1900. М., 1976.
 Богина Ш.А. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX века. М., 1986.
 Исторические судьбы американских индейцев // Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1985.
 Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990.

- Лопуленко Н.А.* Эскимосы США и Канады // *Очерки социально-культурного развития. 60—80-е годы XIX века.* М., 1998.
- Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития: Сб. статей. М., 1999.
- Нитобург Э.Л.* Церковь афро-американцев в США. М., 1995.
- Тропою слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады / Отв. ред. В.А. Тишков и др. М., 1990.

Глава 18

- Америка после Колумба. М., 1992.
- Гариласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974.
- Кинжалов Р.В.* Культура древних майя. Л., 1971.
- Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Ланда Д. де.* Сообщения о делах в Юкатане. М.; Л., 1955.
- Лас Касас Б. де.* История Индий. Л., 1988.
- Леви-Строс К.* Печальные тропики. М., 1984.
- Пополь-Вух.* Родословная владык Тотоникапана. М.; Л., 1959.
- Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы). М., 1952.
- Файнберг Л.А.* Обманчивый рай: человек в тропиках Южной Америки. М., 1986.
- Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982.
- Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981.

Глава 19

- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978.
- Рождение ребенка в обычаях и обрядах: страны зарубежной Европы. М., 1977.
- Семья в современном европейском обществе. М., 1996.
- Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. М., 1988.
- Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970.

Глава 20

- Европа на рубеже третьего тысячелетия. Народы и государства. М., 2000.
- Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косово

- и Метохии, Союзная Республика Югославия) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* № 124. М., 1999.
- Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис. Народы и политика. М., 1998.

Глава 21

- Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.
- Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь. М., 2002.
- Мирончиков М.Т.* Словарь славянской мифологии: происхождение славянской мифологии и этноса. М., 2004.
- Рожнова П.К.* Русский народный календарь. М., 2001.
- Русские. М., 1999. (Сер. Народы и культуры.)
- Русский Север. Этническая история и народная культура XII—XX веков. М., 2001.

Глава 22

- Верхний Олонец — поселок лесорубов: Опыт этнографического описания. М.; Л., 1964.
- Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972.
- Пименов В.В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- Строгальщикова Э.И.* Традиционное жилище Межозерья. 1900—1960. М., 1986.
- Сурхаско Ю.Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.
- Тароева Р.Ф.* Материальная культура карел. Л., 1965.
- Харузин Н.Н.* Русские лопари. М., 1890.

Глава 23

- Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
- Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992.
- Марийцы. Йошкар-Ола, 2005.
- Мордва. Саранск, 1995.
- Татары. М., 2001.
- Удмурты. Ижевск, 1993.
- Этническая история и культура чувашей. Чебоксары, 1993.
- Ягафова Е.А.* Этническая история и культура народов Урало-Поволжья: Учеб. пособие. Самара, 2002.

Главы 24, 25

- Богораз В.Г.* Чукчи. Т. 1—2. Л., 1935—1939.
- Буряты / Под ред. Н.Л. Жуковской. М., 2004 (Сер. Народы и культуры).

Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

История Дальнего Востока СССР. С древнейших времен до XVII века / Под ред. А.И. Крушанова. М., 1989.

Карлов В.В. Эвенки в XVII — начале XX в. Хозяйство и социальная структура. М., 1982.

Кацуба Д.В., Николаев Р.В. Этнография народов Сибири. Кемерово, 1994.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.

Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Под ред. И.Н. Гемуева, В.И. Молодина, З.П. Соколовой. М., 2005 (Сер. Народы и культуры).

Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Глава 26

Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999.

Народы Дагестана. М., 2002.

Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

Глава 27

Белорусы. М., 1998 (Сер. Народы и культуры).

Волков Ф.К. Этнографические особенности украинского народа: Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916.

Декор в народной архитектуре Молдавии. Кишинев, 1971.

Довнар-Запольский М.В. Белорусы. Этнографический очерк. СПб., 1905.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кантемир Д. Описание Молдавии. М., 1879.

Легенды Крыма. Симферополь, 1990.

Молдавия: современные тенденции развития. М., 2005.

Молдавские музыкальные народные инструменты. Кишинев, 1964.

Молдавские народные сказки. М., 1973.

Наулко В.И. Украинцы. Киев, 1980.

Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция. Минск, 1991.

Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск, 1981.

Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М., 2003.

Украинцы. М., 2000 (Сер. Народы и культуры).

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Глава 28

Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

Историко-этнографический атлас Прибалтики. [Вып. 1] Земледелие. Вильнюс, 1985; [Вып. 2] Одежда. Рига, 1986.

Итс Р.Ф. У Янтарного моря. М., 1983.

Куускема Ю. Estica. История и культура. Таллин, 1998.

Рыжакова С.И. Язык орнамента в латышской культуре. М., 2002.

Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975.

Глава 29

Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси: город и горожане. XIX век. М., 1990.

Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX вв. Традиции и новации. М., 1982.

Гадло А.В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: Учеб. пособие. СПб., 1998.

Инал-Ипа И.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

Кулиева-кызы Н.М. Современная сельская семья азербайджанцев. Баку, 1992.

Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., 2001.

Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.

Глава 30

Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.

Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004.

Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

Сарианиди В.И. Маргианская археологическая экспедиция. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество. М., 2001.

Приложение I

Народы мира численностью более 500 тыс. чел.

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Аварцы	746	Россия — 684	Англичане	49 935	Великобритания — 44 612
Австралийцы (англоавстралийцы)	14 618	Австралия, а также Великобритания, США и др.			Австралия — 1 194
Австрийцы	8 839	Австрия — 6 916			США — 1 079
		США — 1 349			Канада — 922
		Италия — 289			ЮАР — 211
		Германия — 190			Ирландия — 189
Азербайджанцы	24 187	Иран — 14 441			Замбия — 109
		Азербайджан — 6 634	Англоканадцы	14 585	Нигерия — 106
		Ирак — 1 688	Аньи	1 132	Испания — 100
		Турция — 544			Канада — 14 585
		Россия — 336	Арабы Йемена	19 593	Кот-д'Ивуар — 879
		Грузия — 253			Гана — 254
		Боливия — 2 066			Йемен — 18 537
Аймара	2 804	Перу — 674			Сауд. Аравия — 507
Акан	7 784	Гана — 7 618			Египет — 119
		Кот-д'Ивуар — 166	Арабы ОАЭ	1 910	Эфиопия — 102
Аквапим	500	Гана — 100%	Арабы саиди	20 265	ОАЭ — 1 082
Албанцы	5 516	Албания — 2 302	Арабы Сауд. Аравии	9 712	Египет — 20 265
		Сербия, Черногория — 1 709			Сауд. Аравия — 9 472
		Италия — 494	Арабы-шоа	1 610	ОАЭ — 158
		Македония — 392			Чад — 1 015
		Греция — 243	Арауканы	1 338	Нигерия — ок. 100
		США — 119			Чили — 1 237
Алжирцы (алжир. арабы)	21 427	Алжир — 19 851	Аргентинцы	27 169	Аргентина — 101
		Франция — 805	Армяне	6 785	Аргентина — ок. 100%
		Марокко — 230			Армения — 2 951
		Тунис — 224			США — 1 116
		Нигер — 194			Россия — 574
Алур	1 483	ДР Конго — 892			Грузия — 358
		Уганда — 591			Франция — 270
Американцы США	193 210	США — 190 901			Иран — 172
		Гватемала — 357			Сирия — 171
		Мексика — 219	Асахан	507	Азербайджан — 151
		Ирак — 149	Ассамцы	5 309	Индонезия — 100%
		Великобритания — 118	Афар(ы)	1 764	Индия — 5 198
		Италия — 115			Эфиопия — 1 262
		Германия — 113	Афганцы (пуштуны)	38 014	Эритрея — 340
		Панама — 109			Джибути — 162
Амхара	24 586	Эфиопия — 24 326			Афганистан — 12 745
					Пакистан — 12 340
					Индия — 11 732
					Иран — 114

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Африканеры (буры)	2 641	ЮАР — 2 318 Намибия — 148	Бисайя (висайя)	19 933	Филиппины — 100%
Аптеки	2 140	Мексика — 100%	Болгары	7 485	Болгария — 6 252
Ачех	3 546	Индонезия — 100%			Молдавия — 353
Ачоли	1 281	Уганда — 1 227			Турция — 277
Ашанти	2 935	Гана — 100%			Украина — 234
			Боливийцы	4 031	США — 131
Бай	2 209	КНР — 100%			Боливия — 3 896
Баланте(а)	613	Гвинея-Бисау — 361 Сенегал — 173	Бонгу (бонгу-анцы)	600	США — 135
Балийцы	3 753	Индонезия — 3 749	Брагуи	2 936	Папуа — Новая Гвинея — 100%
Бамбара	3 831	Мали — 3 365 Кот-д'Ивуар — 294	Бразильцы	152 529	Пакистан — 2 674
Бамилеке	1 795	Камерун — 100%	Бретонцы	2 117	Афганистан — 250
Банджары	3 559	Индонезия — 3 040 Малайзия — 519	Буги (бугисы)	4 505	Бразилия — 152 387
Бари	623	Судан — 465 Уганда — 139	Буи	3 665	Франция — 100%
Баски	2 381	Испания — 2 098 Франция — 125	Букусу	619	Индонезия — 3 850
Батаки	6 488	Гл. обр. Индонезия	Булу фанг	847	Малайзия — 654
Бауле	3 072	Кот-д'Ивуар — 100%	Буряты	520	КНР — 3 614
Бахтиары	996	Иран — 100%			Кения — 100%
Башкиры	1 379	Россия — 1 300 Узбекистан — 41	Бхилы	14 778	Камерун — 844
Беджа	2 263	Судан — 2 056 Эритрея — 128	Бхумидж	1 056	Россия — 422
Белорусы	9 600	Белоруссия — 7 564 Россия — 950			КНР — 114
		Украина — 441 Польша — 230			Индия — почти 100%
		Казахстан — 111			Индия — 1 043
Белуджи	8 356	Афганистан — 3 800 Пакистан — 3 692	Валлоны	3 299	Бельгия — 3 282
		Иран — 864	Венгры (мадьяры)	12 944	Венгрия — 8 689
Бемба	3 032	Замбия — 2 428 ДР Конго — 360			Румыния — 2 430
		Малави — 175	Венда	1 222	Словакия — 578
Бена	705	Танзания — 100%	Венесуэльцы	25 293	США — 434
Бенгалыцы	214 999	Бангладеш — 129 304 Индия — 80 042	Волоф	4 693	Сербия и Черногория — 349
		Мьянма — 1 203			Украина — 179
		Непал — 1 151	Вьеты (кинъ)	73 448	Канада — 100
		Великобритания — 403			ЮАР — 1 091
		Пакистан — 232			Зимбабве — 131
		ОАЭ — 134			Венесуэла — 100%
		Малайзия — 104			Сенегал — 4 408
		Оман — 104			Гамбия — 186
Бикол	4 017	Филиппины — 100%			Вьетнам — 70 679
Бирманцы (бама, мьянма)	28 612	Мьянма — 28 153 Бангладеш — 284	Га (амина)	912	США — 1 129
			Гаитийцы (гаитяне)	8 717	Камбоджа — 597
			Галисийцы	4 088	Франция — 302
			Ганда	3 723	Австралия — 176
					Канада — 130
					Таиланд — 103
					Гана — 872
					Гаити — 8 491
					Испания — 3 328
					Аргентина — 656
					Уганда — 3 682

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Гаро	1 051	Индия — 1 009	Джамбийцы	811	Индонезия — 100%
Гватемальцы	7 391	Гватемала — 7 389	Динка	2 361	Судан — 100%
Германо-швейцарцы	5 521	Швейцария — 4 477	Догры	873	Пакистан — 100%
Гилянцы	3 224	Иран — 100%	Доминиканцы	6 799	Доминиканская Республика — 6 194
Гирьяма	720	Кения — 100%			США — 574
Гишу	1 250	Уганда — 100%	Дун	3 165	КНР — 100%
Гого	1 760	Танзания — 100%			
Голландцы	13 759	Нидерланды — 12 229	Евреи	14 841	США — 5 530
		США — 418			Израиль — 4 877
		Канада — 344			Аргентина — 674
		ЮАР — 208			Италия — 551
		Бельгия — 101			Украина — 489
		Германия — 101			Великобритания — 437
Гондурасцы	5 917	Гондурас — 100%			Франция — 432
Гонды	15 853	Индия — 15 840			Канада — 389
Горонтало	912	Индонезия — 100%			Россия — 375
Греки (эллинес)	12 302	Греция — 9 736			Бразилия — 134
		Кипр — 567			ЮАР — 120
		США — 465			Белоруссия — 107
		Германия — 360			Египет — 41 673
		Австралия — 267	Египтяне (египетские арабы)	45 261	Сауд. Аравия — 1 218
		Великобритания — 201			Ирак — 584
		Канада — 157			Ливия — 453
		Италия — 121			ОАЭ — 240
		Россия — 90			США — 217
Грузины	2 969	Грузия — 2 706			
		Россия — 141	Занде (азанде)	2 109	ДР Конго — 1 440
Гуарани	6 363	Парагвай — 5 166			Судан — 593
		Аргентина — 976	Зарамо	653	Танзания — 100%
		Бразилия — 65	Зулу (зулусы)	11 807	ЮАР — 11 173
Гуджар	5 983	Индия — 5 982			Лесото — 269
Гуджаратцы	32 745	Индия — 30 876			Зимбабве — 135
		Пакистан — 873			Малави — 119
		Танзания — 259			Свазиленд — 105
		ЮАР — 145			
		Великобритания — 141	Ибаны	898	Малайзия — 459
Гураге	3 419	Эфиопия — 100%	Ибибио	2 408	Индонезия — 420
Гурма	1 142	Буркина-Фасо — 686	Игала	1 071	Нигерия — 2 333
		Того — 200	Игбирра	1 432	Нигерия — 100%
		Кот-д'Ивуар — 137	Игбо (ибо)	21 172	Нигерия — 100%
Гурунг	590	Непал — 437	Идома	740	Нигерия — 21 045
		Индия — 110	Илоки	9 421	Нигерия — 100%
Гусии (кисии)	2 296	Кения — 2 249			Филиппины — 9 136
					США — 262
			Индомаврикийцы	514	Маврикий — 100%
Дагомба	777	Гана — 769			
Дан	1 363	Кот-д'Ивуар — 1 113	Иорданцы (иордан. арабы)	2 518	Иордания — 1 714
		Либерия — 150			Кувейт — 362
Датчане	7 125	Дания — 5 084	Ираку	529	Сауд. Аравия — 244
		США — 1 855			Танзания — 100%

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Иракцы (ирак. арабы)	20 101	Ирак — 17 648 Иордания — 834 Кувейт — 140	Качин	989	Аргентина — 172 Мьянма — 956
Ирамба	632	Танзания — 100%	Кашкайцы	1 513	Иран — 100%
Ирландцы	7 674	Ирландия — 3 434 США — 2 699	Кашмирцы	8 346	Индия — 6 196 Пакистан — 1 767 Афганистан — 266
		Великобритания — 1 411 Австралия — 96	Кела (лемба)	556	ДР Конго — 100%
Испанцы	27 517	Испания — 24 312 Франция — 702 Аргентина — 512 Мексика — 355 США — 270 Бразилия — 227 Германия — 134 Парагвай — 120	Кенья	536	Уганда — 100%
		Италия — 38 542 Аргентина — 1 815 Франция — 1 006 США — 919 Канада — 791 Германия — 612 Бразилия — 522 Австралия — 358 Венесуэла — 334 Бельгия — 203 Великобритания — 201 Швейцария — 198	Кечуа	11 978	Перу — 5 967 Боливия — 2 501 Эквадор — 2 075 Аргентина — 1 413 Кения — 6 533 Кения — 100%
Итальянцы	46 387		Кикуйю	6 642	Киргизия — 3 618 Узбекистан — 224 КНР — 182
			Кипсигис	1 063	Гвинея — 444 Сьерра-Леоне — 145 Либерия — 138
			Киргизы	4 168	КНР — 1 195 861 Тайвань — 22 161 Малайзия — 7 392 Таиланд — 7 308 Сингапур — 3 019 США — 2 325 Индонезия — 2 149 Вьетнам — 1 212 Филиппины — 1 045 Мьянма — 972 Камбоджа — 574 Макао — 416 Австралия — 380 Колумбия — 44 177 Венесуэла — 180 ДР Конго — 7 710 Ангола — 2 091 Респ. Конго — 1 031 Уганда — 558 ДР Конго — 171 Респ. Корея — 46 747 КНДР — 22 325 КНР — 2 189 США — 1 084 Япония — 692 Узбекистан — 234 Россия — 112 Сауд. Аравия — 112 Индия — 786 ЮАР — 9 038 Коста-Рика — 100% Либерия — 692
Йоруба	24 733	Нигерия — 23 971 Гана — 335 Бенин — 169	Киси	728	
			Китайцы (хань)	1 232 941	
Кабилы	3 793	Алжир — 3 099 Франция — 644	Колумбийцы	44 357	
Кабье	931	Того — 876	Конго	10 838	
Казахи	11 753	Казахстан — 8 340 КНР — 1 459 Узбекистан — 1 019 Россия — 560 Монголия — 145 Туркмения — 124 Гватемала — 100%	Конзо	729	
		Кения — 100%	Корейцы	74 115	
Какчикели	608	Кения — 3 641			
Календжин	1 412	Индия — 35 854 Мьянма — 3 354 Таиланд — 601	Корку	788	
Камба	3 724	Испания — 6 789 Франция — 297	Коса	9 088	
Каннара	35 939		Костариканцы	3 678	
Карены	3 955		Кпелле	1 197	
Каталонцы	7 422				

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Кубинцы	12 310	Гвинея — 505 Куба — 11 105 США — 1 079	Ломве	2 483	Мозамбик — 1 472 Малави — 1 011
Куму	518	ДР Конго — 100%	Луба	6 478	ДР Конго — 100%
Курды	28 518	Турция — 12 212 Иран — 7 882 Ирак — 5 396 Сирия — 401 Германия — 375 Кувейт — 213 Индия — 1 272	Луо	4 751	Кения — 4 498 Уганда — 253
Кхаси	1 276	Камбоджа — 12 232 Таиланд — 1 349 Вьетнам — 926	Луры	2 681	Иран — 2 589
Кхмеры	14 786	США — 173 Лаос — 658 Мьянма — 102 Вьетнам — 55	Лухья	4 418	Кения — 3 898 Уганда — 506
Кхму	849	ДР Конго — 696 Замбия — 209 Уганда — 1 562	Луэна	1 688	Ангола — 1 287 Замбия — 264 ДР Конго — 136
Лала-биса	912	Лаос — 2 670 США — 174 Таиланд — 151 Камбоджа — 88 Франция — 50	Мавры (маври- танцы)	3 137	Мавритания — 1 772 Марокко — 650 Мали — 385 Нигер — 199 Шри-Ланка — 100%
Ланго	1 592	Латвия — 1 330 Россия — 50	Мавры (ларакалла)	1 523	Непал — 520 Индия — 207
Лао	3 191	КНР — 490 Мьянма — 148	Магары	729	Филиппины — 100%
Латыши	1 493	ДР Конго — 100%	Магинданао (минданао)	1 651	Индонезия — ок. 100%
Лаху	638	ДР Конго — 1 047 КНР — 100%	Мадурцы	13 679	Иран — 100%
Лега	932	Ливан — 2 376 Мексика — 406 Сауд. Аравия — 105 Канада — 102	Мазендеранцы	3 293	Мексика — 724
Ленду	1 058	Ливия — 1 761 Египет — 361	Майя (собств. майя, майя Юкатана)	728	Индонезия — 100%
Ли	982	ДР Конго — 2 399 Респ. Конго — 407 Бурунди — 113	Макасар	2 270	Македония — 1 249
Ливанцы (ли- ван, арабы)	3 551	КНР — 735 Мьянма — 161 Литва — 2 740 США — 523 Россия — 76	Македонцы	1 866	Болгария — 205 Греция — 192
Ливийцы (ли- вийск. арабы)	2 139	Буркина-Фасо — 412 Кот-д'Ивуар — 343 Замбия — 637 Зимбабве — 141	Маконде	1 489	Танзания — 1 140 Мозамбик — 346
Лингала	3 150		Макуа	8 347	Мозамбик — 7 564 Танзания — 539 Мадагаскар — 207 Мадагаскар — св. 99%
Лису	912		Малагасийцы (мальгаши)	16 646	Малайзия — 7 929 Индонезия — 4 354 Таиланд — 3 868 Сингапур — 470 ЮАР — 253
Литовцы	3 496		Малайцы	17 249	Индия — 34 549 Шри-Ланка — 670 ОАЭ — 420 Кувейт — 155 Оман — 113
Лоби	761		Малаяли	36 063	Гвинея — 2 482 Сьерра-Леоне — 118 Буркина-Фасо — 106 ДР Конго — 1 284
Лози	830		Малинке	2 889	
			Мангбету	1 339	

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Мандинка	1 342	Сенегал — 596 Гамбия — 576 Гвинея-Бисау — 154	Мунда	3 543	Индия — 3 446
Манинка	2 070	Мали — 811 Кот-д'Ивуар — 762 Сенегал — 329 Гана — 109	Мыонг	1 176	Вьетнам — 100%
Маньика	993	Зимбабве — 888 Мозамбик — 346	Мяо	9 785	КНР — 8 002 Вьетнам — 739 Лаос — 237 Таиланд — 211
Маньчжурь	13 015	КНР — 100%	Нанде	1 704	ДР Конго — 1 690
Маранао	1 142	Филиппины — 100%	Нгала	1 064	ДР Конго — 984
Маратхи	58 330	Индия — почти 100%	Нгони	1 928	Малави — 1 043 Замбия — 599
Марийцы в т.ч.:	573	Россия — 554	Ндан	584	Танзания — 249 Зимбабве — 469 Мозамбик — 114
Горные	65	Россия — 64	Невары	816	Непал — 690
Луговые	508	Россия — 490	Немцы	74 181	Индия — 124 Германия — 62 644 США — 6 746 Канада — 637 Россия — 580 Бразилия — 576 Польша — 349 Казахстан — 336 Австрия — 263 Венгрия — 256 Италия — 228 Парагвай — 194 Боливия — 188 Франция — 117 Швейцария — 116
Марокканцы (мароккан. арабы)	15 978	Марокко — 14 742 Франция — 528 Бельгия — 156 Судан — 150 Алжир — 136			Непал — 8 484 Индия — 3 274 Мьянма — 276 Малайзия — 208 Никарагуа — 100% Уганда — 100% Нов. Зеландия — 2 964 Австралия — 419
Мартиникцы	ок. 570	Мартиника — 373 Франция — ок. 200			Норвегия — 4 277 США — 785 Замбия — 432 Мозамбик — 148 Вьетнам — 797 КНР — 141 Нигерия — 100% Судан — 1 402 Танзания — 985 Малави — 447 Танзания — 100% Малави — 6 486 Замбия — 918
Масаба	1 289	Уганда — 1 250			
Масаи	981	Кения — 535 Танзания — 446 Зимбабве — 1 615 ЮАР — 1 237			
Матабеле (ндебеле)	2 915	ДР Конго — 100% Танзания — 100%			
Мбала	622	Мексика — 86 589 США — 7 961			
Мвера	560	Сьерра-Леоне — 1 556			
Мексиканцы	94 551	Кения — 100% Индонезия — 8 207 Малайзия — 488 Молдавия — 2 312 Украина — 305 Россия — 170	Непали	12 268	
Менде	1 583	ДР Конго — 100%			
Меру	1 874	Монголия — 1 681			
Минангкабау	8 695	КНР — 6 037 Мьянма — 749 Таиланд — 92 Россия — 840	Никарагуанцы	4 460	
Молдаване	2 866	Буркина-Фасо — 6 217 Кот-д'Ивуар — 2 112 Гана — 338 ДР Конго — 100%	Нколе	2 483	
Монго	1 178		Новозеландцы (англоново- зеландцы)	3 417	
Монголы (халха)	1 748		Норвежцы	5 212	
Монголы Китая	6 115		Нсенга	596	
Моны	841		Нунг	987	
Мордва в т.ч.:	904		Нупе	1 126	
Мокша	410		Нуэр	1 481	
Эрзя	494		Ньякьюса	1 432	
Моси	8 896		Ньямвези	1 407	
Мпуон	513		Ньянджа	8 496	

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Ньянека	585	Зимбабве — 606 Мозамбик — 444 Ангола — 100%			Литва — 249 Франция — 210 Бразилия — 186 Аргентина — 172 Великобритания — 134
Овамбо	1 513	Ангола — 831 Намибия — 682 Ангола — 3 650	Португальцы	13 019	Португалия — 9 612 Франция — 754 Бразилия — 750 ЮАР — 527 США — 370 Канада — 275 Венесуэла — 100 Пуэрто-Рико — 2 879 США — 2 159
Овимбунду (лунда, мбунду)	3 668				
Ольстерцы	1 058	гл. обр. Сев. Ирландия	Пуэрториканцы	5 042	
Оманцы (оман. арабы)	1 525	Оман — 1 096 ОАЭ — 158 Йемен — 126			
Ораоны	4 182	Индия — 4 019 Бангладеш — 130	Раджастханцы	48 457	Индия — 47 419 Пакистан — 618 Непал — 228 Индонезия — 100%
Ория	16 188	Индия — 15 955 Мьянма — 112	Риау	2 026	Марокко — 1 905 Алжир — 641 Франция — 118
Оромо (галла)	25 178	Эфиопия — 24 714 Кения — 391	Рифы	2 663	Мозамбик — 445 Уганда — 1 517 ДР Конго — 273 Румыния — 18 021 США — 415 Украина — 239 Германия — 123 Венгрия — 102
Палестинцы (палест. арабы)	8 466	Палестина — 3 018 Иордания — 1 828 Израиль — 990 Сирия — 588 Кувейт — 384 Ливан — 356 Сауд. Аравия — 304 Мексика — 203 Ирак — 137 ОАЭ — 123 Египет — 120	Ронга	529	Россия — 116 442 Украина — 10 858 Казахстан — 4 035 Белоруссия — 1 288 Латвия — 682 Узбекистан — 622 Молдавия — 529 Киргизия — 491 Эстония — 398 Германия — 361 США — 339 Литва — 279 Азербайджан — 163 Таджикистан — 142 Туркмени — 139 Грузия — 127 Бразилия — 126 Франция — 115
Пампанган	2 492	Филиппины — 100%	Руанда	1 827	
Панамцы	2 101	Панама — 100%	Румыны	19 264	
Пангасинаны	1 838	Филиппины — 100%			
Панджабцы (пенджабцы)	102 170	Пакистан — 82 980 Индия — 17 178	Русские	137 970	
Парагвайцы	5 391	Парагвай — 100%			
Паре	610	Танзания — 601			
Педи (сев. суто)	4 185	ЮАР — 4 045 Зимбабве — 126 ДР Конго — 100%			
Пенде	846	Иран — 23 534 США — 913 Турция — 821 Ирак — 343			
Персы	27 230	Перу — 10 200 Польша — 37 073 США — 2 473 Украина — 1 193 Белоруссия — 413 Германия — 319 Канада — 284	Сальвадорцы	6 221	Сальвадор — 100%
Перуанцы	10 400		Санталы	8 119	Индия — 7 604 Бангладеш — 435
Поляки	43 158				

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Сара	1 657	Чад — 1 541	Сонгай	2 202	Мали — 1 007
Сардинцы	1 273	гл. обр. Италия (Сардиния)			Нигер — 711
Сасаки	2 837	Индонезия — 100%			Нигерия — 270
Свази	2 192	ЮАР — 1 281	Сонинке	1 593	Буркина-Фасо — 143
		Свазиленд — 853			Мали — 1 003
Сен(г)а	2 123	Мозамбик — 1 647			Сенегал — 210
		Малави — 373			Гамбия — 106
		Зимбабве — 103			Франция — 101
Сенуфо	3 478	Кот-д'Ивуар — 1 761	Суахили	925	Мавритания — 88
		Мали — 1 527			Сауд. Аравия — 325
		Буркина-Фасо — 154			Танзания — 324
Сербы	9 405	Сербия — 6 585	Суданцы (судан. арабы)	9 982	Кения — 104
		Босния и Герцеговина — 977			Судан — 5 175
		Германия — 492			Египет — 3 911
		Албания — 296			Йемен — 314
		Хорватия — 207			Ливия — 211
		США — 169	Сукума	3 846	Эфиопия — 145
		Словения — 115	Сунды	30 675	Танзания — 100%
Серер	1 366	Сенегал — 1 324	Сусу	1 307	Индонезия — 100%
Сиамцы	48 994	Таиланд — 48 523	Суто (басуто)	4 743	Гвинея — 1 109
		США — 113			Сьерра-Леоне — 133
		Тайвань — 101			ЮАР — 3 269
Сидамо	2 382	Эфиопия — 100%	Табва	850	Лесото — 1460
Сингалы	14 478	Шри-Ланка — 14 268	Тагалы	19 644	ДР Конго — 774
Синдхи	19 238	Пакистан — 18 764			Филиппины — 15 876
Сирийцы (сир. арабы)	15 295	Сирия — 12 758			США — 1 857
		Аргентина — 1 008			Сауд. Аравия — 710
		Мексика — 409			Канада — 265
		Иордания — 313			ОАЭ — 125
		Израиль — 167			Австралия — 117
		США — 147	Таджики	12 617	Афганистан — 6 868
		Сауд. Аравия — 105			Таджикистан — 4 293
Сицилийцы	4 736	гл. обр. Италия (Сицилия)			Узбекистан — 1 274
		Босния и Герцеговина — 1 887	Таи (тай, тхо)	1 337	Россия — 37
Славяне-мусульмане (боснийцы)	2 729	Сербия и Черногория — 299	Тамазигхт	3 829	Вьетнам — 100%
		Германия — 163			Марокко — 2 472
Словаки	5 134	Словакия — 4 203			Алжир — 1 240
		США — 518	Таманги	2 557	Франция — 115
		Чехия — 193	Тамилы	55 127	Непал — 2 303
Словенцы	2 024	Словения — 1 728			Индия — 48 658
		Италия — 101			Шри-Ланка — 3 463
Сога	2 156	Уганда — 2 153			Малайзия — 1 712
Сомали (сомалийцы)	12 573	Сомали — 6 406			ЮАР — 263
		Эфиопия — 4 087			Сингапур — 153
		Йемен — 734			Мьянма — 139
		Джибути — 485	Татары	7 223	Таиланд — 133
		Кения — 460			Великобритания — 128
					Реюньон — 125
					Россия — 5 998
					Узбекистан — 612
					Казахстан — 250

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Таусог	1 079	Гл. обр. Филиппины	Турки	56 346	Турция — 103
Теке	651	Респ. Конго — 482			Турция — 52 329
Текна	597	ДР Конго — 117			Германия — 1 536
Телугу	53 449	Мавритания — 525			Болгария — 643
		Зап. Сахара — 72			Нидерланды — 252
		Индия — 52 660			Франция — 215
		Шри-Ланка — 340			Узбекистан — 201
		ОАЭ — 180			Греция — 152
		Мьянма — 129			Румыния — 146
Темне	1 381	Сьерра-Леоне — 1 378	Туркмены	6 275	Туркмения — 3 883
Тесо	1 571	Уганда — 1 339			Иран — 1 009
		Кения — 232			Афганистан — 625
Тетела	1 502	ДР Конго — 100%			Ирак — 320
Тетумы	724	Индонезия			Узбекистан — 232
		(о. Тимор) — 100%			Сирия — 126
Тибетцы	2 070	КНР — 1 766	Туру	736	Россия — 41
		Индия — 156	Тутси	3 106	Танзания — 100%
		Непал — 116			Бурунди — 1 028
Тенггеры	507	Индонезия — 100%			Руанда — 1 010
Тив	3 501	Нигерия — 3 500			Уганда — 722
Тиграи	6 482	Эфиопия — 4 246			Танзания — 187
		Эритрея — 2 126			ДР Конго — 158
Тигре	2 011	Эритрея — 961	Туцзя (ту)	7 555	КНР — 100%
		Эфиопия — 604	Тхару	1 274	Непал — 957
		Судан — 431			Индия — 312
		Индия — 600			
Типпера	676		Удмурты	724	Россия — 700
(трипура)			Узбеки	26 310	Узбекистан — 20 587
Тонга	1 626	Замбия — 897			Афганистан — 2 447
		Мозамбик — 235			Таджикистан — 1 532
		Зимбабве — 153			Киргизия — 686
Тооро	759	Уганда — 100%			Туркмения — 437
Тораджи	1 328	Индонезия — 100%			Россия — 123
Торо	759	Уганда — 100%	Уйгуры	9 632	КНР — 9 290
Тринидадцы-креолы	769	Тринидад			Казахстан — 214
Тсва	907	и Тобаго — 694	Украинцы	36 535	Украина — 30 174
		Мозамбик — 729			Россия — 3 349
		Зимбабве — 156			Молдавия — 586
Тсвана	3 505	ЮАР — 2 227			Казахстан — 519
(бечуаны)		Ботсвана — 1 214			Канада — 355
Тсонга	3 804	Мозамбик — 1 784			Польша — 300
		ЮАР — 1 992			Белоруссия — 283
Туареги	2 164	Нигер — 1 297			США — 262
		Мали — 603	Умбунду	4 064	Ангола — 100%
Тукулер	1 083	Сенегал — 764	Уругвайцы	3 682	Уругвай — 2 992
		Мали — 188			Аргентина — 691
		Гамбия — 96			США — 2 308
Тумбука	2 547	Танзания — 1 182	Уэльсцы (валлийцы)	2 971	Великобритания — 579
		Малави — 915			
		Замбия — 438			
Тунисцы (тунис. арабы)	7 428	Тунис — 6 812	Фанг	952	Габон — 509
		Франция — 251			Экв. Гвинея — 302
		Ливия — 168			

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
Фанти	3 422	Камерун — 119	Хехе	995	Гана — 201
Финны	5 544	Гана — 3 402	Хилигайнон	7 786	Чад — 147
		Финляндия — 4 818	Хиндустанцы	414 142	Танзания — 100%
		Швеция — 293			Филиппины — 100%
		США — 217			Индия — 397 309
		Канада — 125			Непал — 7 560
		Россия — 46			Бангладеш — 4 384
Фламандцы	6 131	Бельгия — 5 740			ЮАР — 938
		Франция — 151			Канада — 610
		Нидерланды — 101			Тринидад
Фон	1 778	Бенин — 1 634			и Тобаго — 526
Франкоканадцы	8 675	Канада — 7 593			Гайана — 314
		США — 1 079			Пакистан — 291
Франкошвейцарцы	1 504	Швейцария — 1 475			Йемен — 241
Французы	41 643	Франция — 37 536			Австралия — 208
		США — 2 429			Уганда — 164
		ДР Конго — 139			США — 155
		Бельгия — 115			Нидерланды — 138
		Сенегал — 115			ДР Конго — 136
		Италия — 101			Мьянма — 123
Фриулы	662	Италия — 636			Суринам — 122
Фульбе	27 641	Нигерия — 12 707	Хо	972	Панама — 110
		Гвинея — 3 507	Хорваты	5 748	Индия — 970
		Мали — 2 370			Хорватия — 4 093
		Сенегал — 2 329			Босния и Герцеговина — 602
		Буркина-Фасо — 1 712			США — 253
		Камерун — 1 533			Германия — 232
		Нигер — 991			Сербия и Черногория — 114
		Кот-д'Ивуар — 393			Румыния — 78
		Бенин — 381			Австралия — 71
		Гвинея-Бисау — 330			Руанда — 7 866
		Гамбия — 285	Хуту	15 007	Бурунди — 6 286
		Чад — 269			Уганда — 491
		ЦАР — 196			Танзания — 363
		Мавритания — 161			КНР — 10 970
		Сьерра-Леоне — 149	Ху(э)й	11 046	
		Судан — 140			Индия — 6 539
		Судан — 884	Цыгане	20 083	Египет — 2 538
Фур	888				США — 1 974
Ха	1 178	Танзания — 100%			Иран — 1 317
Хаву	774	ДР Конго — 100%			Украина — 936
Хазарейцы	3 203	Афганистан — 2 472			Бразилия — 869
		Иран — 609			Испания — 757
		Пакистан — 113			Словакия — 500
Хайя	1897	Танзания — 1 724			Румыния — 417
		Уганда — 173			Венгрия — 403
Хани	663	КНР — 631			Босния и Герцеговина — 356
Хауса	30 632	Нигерия — 25 066			Болгария — 356
		Нигер — 4 207			Россия — 295
		Судан — 593			
		Камерун — 234			

Продолжение приложения I

Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)	Народы	Численность, тыс. чел. (рубеж XXI в.)	Основные страны расселения (тыс. чел. или % от общей численности народа)
		Чехия — 294 Франция — 251 Великобритания — 159 Сербия и Черногория — 152 Ирак — 143 Германия — 138 Македония — 124 Молдавия — 103	Шилх южные	3 193	Марокко — 2 956 Алжир — 238
			Шона	9 253	Зимбабве — 7 489 ЮАР — 949 Мозамбик — 674
			Шотландцы	5 617	Великобритания — 5 586
			Шэ	836	КНР — 100%
			Эве	4 407	Гана — 2 543 Того — 1 289 Нигерия — 406 Бенин — 108
Чагга	645	Танзания — 632	Эвондо	1 258	Камерун — 1 257
Чагга (моши)	622	Танзания — 100%	Экваторцы	6 900	Экватор — 6 837
Чараймаки	1 726	Афганистан — 1 489 Иран — 230	Эконда	1 910	ДР Конго — 100%
Чвампо	1 133	Мозамбик — 100%	Эльзасцы	1 547	гл. обр. Франция
Чева	519	Замбия — 335 ЮАР — 184	Эстонцы	1 076	Эстония — 853 Германия — 77 Россия — 45
Черногорцы	561	Сербия и Черногория — 529			
Чехи	11 280	Чехия — 9 524 США — 1 474 Россия — 870	Южноафриканцы (англо-южноафриканцы)	1 346	ЮАР — 1 264
Чеченцы	920	КНР — 16 521			
Чжуан	17 433	Вьетнам — 863 Уганда — 100%	Яванцы	72 971	Индонезия — 72 082
Чига	2 176	Чили — 14 647	Ямайцы	3 357	Ямайка — 2 443 США — 494
Чилийцы	14 758	Мьянма — 845			Великобритания — 171
Чин (чины)	1 098	Индия — 230			Панама — 138
Чокве	1 871	ДР Конго — 1 003 Ангола — 796	Яо	6 331	КНР — 4 414 Вьетнам — 1 828
Чуваши	1 759	Россия — 1 700	Яо	2 039	Малави — 1 171 Танзания — 559 Мозамбик — 283
Шавийя (шауйя)	2 112	Алжир — 1756 Франция — 181	Японцы	125 549	Япония — 122 351 США — 1 340 Юж. Корея — 952 Бразилия — 403 Перу — 129
Шамбала	746	Танзания — 100%			
Шан	4 459	Мьянма — 4 340			
Шведы	7 461	Швеция — 6 417 США — 635			
		Финляндия — 298			
Ши	1309	ДР Конго — 100%			

Примечания. 1. Расселение указано только по странам, где число представителей перечисленных общностей составляет не менее 100 тыс. чел. (в отдельных случаях сделано исключение для России). 2. Большинство общностей арабов в перечне именуется с использованием формы прилагательного: «египетские арабы», «сирийские арабы» и т.п. (а не «арабы Египта», «арабы Сирии») — во избежание двусмысленности, ибо во многих арабских странах представлено несколько (иногда — большое число) групп арабов.

Приложение II

ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ И ЯЗЫКИ

I. НОСТРАТИЧЕСКАЯ ФИЛА

1. Индоевропейская семья

Славянская группа

Белорусский, болгарский, македонский, польский, русский, сербскохорватский, сорбский, словацкий, словенский, украинский, чешский¹.

Балтийская группа

Латышский, литовский.

Германская группа

Английский, африкаанс, голландский (нидерландский), датский, идиш, исландский, люксембургский, немецкий, норвежский, фарерский, фризский, шведский.

Кельтская группа

Бретонский, валлийский, гэльский, ирландский.

Романская группа

Галисийский, испанский, итальянский, каталанский, молдавский, окситанский (провансальский), португальский, ретороманские, румынский, сардский (сардинский), французский.

Албанская группа

Албанский.

Греческая группа

Греческий.

Армянская группа

Армянский.

Иранская группа

- а) восточноиранские: афганский (пуштунский), белуджский, осетинский.
- б) западноиранские: гилянский, дари, курдский, мазандеранский, персидский (фарси), таджикский, талышский, хазара.

Нуристанская группа

Нуристанские (кати, ашкун и др.).

Индоарийская группа

Ассами, бенгали, гуджарати, мальдивский (дивехи), маратхи, непали, ория, панджаби, раджастхани, сингальский, синдхи, урду, хинди, цыганский.

2. Картвельская семья

Грузинский, лазский, мегрельский, сванский.

3. Дравидийская семья

Брагуи, гонди, каннада, малаялам (малаяльский), тамильский, телугу и другие.

4. Уральско-юкагирская семья

Финно-угорская группа

Венгерский, вепсский, карельский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, мансийский, марийский, мордовские (эрзянский и мокшанский), саамский, удмуртский, финский, хантыйский, эстонский.

Самодийская группа

Нганасанский, ненецкий, селькупский.

Юкагирская группа

Юкагирский.

5. Алтайская семья

Тюркская группа

Азербайджанский, алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, карачаево-балкарский, киргизский, крымско-татарский, кумыкский, татарский, тувинский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, чувашский, якутский и другие.

Монгольская группа

Бурятский, монгольский, калмыкский.

Тунгусо-маньчжурская группа

Маньчжурский, нанайский, удэгейский, эвенкийский, эвенский и другие.

Корейская группа

Корейский.

Японская группа

Японский.

6. Эскимосско-алеутская семья

Эскимосский, алеутский.

¹ Перечни языков в составе семей (или групп) не являются исчерпывающими.

II. АФРАЗИЙСКАЯ ФИЛА

7. Семитская семья

Амхарский, арабский, ассирийский (новосирийский), гураге, иврит, мальтийский, мехри, сокотри, тигранья (тиграй), тигре.

8. Берберская семья

Кабийские, риф, тамазигхт и другие.

9. Кушитская семья

Афар, бедауйе (беджа), бурджи-сидамо, оромо, сомали и другие.

10. Чадская семья

Ангас, котоко, хауса и другие.

III. АФРИКАНСКИЕ (НЕГРСКИЕ) ЯЗЫКИ

11. Семья нигер-конго

Западноатлантическая группа
Волоф, серер, темне, фула и другие.

Группа центральных нигер-конго
Акан, бамилеке, бауле, бемба, бете, бини, ганда, гбайя, гуси, гурма, занде, игбо, иджо, йоруба, кикуйю-камба, конго, кру, лухья, луба, макуа, мбум, монго, море (моси), нупе, ньям-вези, руанда-рунди, сенуфо, сото-тсвана, суахили, тив, умбунду, фанг, фон (фонгбе), чамба, шона, эве и другие.

Группа манде
Бамбара, малинке (манинка), менде, сонинке, сусу и другие.

Кордофанская группа
Кадугли, хейбан и другие.

12. Нило-сахарская семья

Восточносуданская группа
Динка (тонгжент), луо, нубийские (нуба), шил-лук и другие.

Центральносуданская группа
Багирми, бонго, мангбету, мору, сара и другие.

Группа берта
Берта.

Группа кунама
Кунама.

Сахарская группа
Канури, тубу и другие.

Группа сонгаи
Сонгаи и другие.

Группа фур
Фур.

Группа мабанг
Маба и другие.

Группа комуз
Кома и другие.

IV. СИНО-КАВКАЗСКАЯ ФИЛА

13. Северокавказская семья

Абхазско-адыгская группа
Абазинский, абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский.

Нахско-дагестанская группа
Аварский, андо-цезские, арчинский, даргинский, ингушский, лакский, лезгинский, удинский, хиналугский, цахурский, цова-тушинский, чеченский и другие.

14. Баски

Баскский.

15. Буриши

Бурушаски (буришский).

16. Енисейская семья

Кетский.

17. Сино-тибетская семья

Бай (миньцзя), бирманский, бодо, гаро, гурунг, дунганский, каренские, качин, китайский, лису, манипури, неварский, таманг, тибетский, хани и другие.

18. Семья на-дене

Северно-атапаскские (танайна, хан, гвичин); южно-атапаскские (киова-апаче, навахо и другие), тлингит, хайда.

V. АМЕРИНДСКИЕ ЯЗЫКИ

19. Североамериканская семья

Алгонкинские, какчикель, киче, майя, сиу и другие.

20. Центральноамериканская семья

Ацтекский (науатль), миштекский, отоми, сапотек, шошони и другие.

21. Семья чибча-паэс

Мискито, паэс и другие.

22. Андская семья

Аймара, арауканский (-ие), кечуа и другие.

23. Экваториально-туканоанская семья

Аравакский, гуарани, тукано, тупи и другие.

24. Же-пано-карибская семья

Же, карибские, пано и другие.

25. Хоби

Хоби.

VI. АУСТРИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ**26. Австронезийская семья**

Западноавстронезийская группа

Белау (палау), бисайский, илоканский, мадурский, малагасийский, малайский, сунданский, тагальский, чаморро, яванский, яп и другие.

Центральноавстронезийская группа

Даван, тетум, энде и другие.

Восточноавстронезийская группа

Биак-нумфоор, варопен и другие.

Толаи (куануа), фиджи (вити) и другие.

Кирибати, науру, трук и другие.

Полинезийские (гавайский, маорийский, ниуэ, самоа, тонга, тувалу и другие).

Тайваньские группы

Атайял, пайван, цоу и другие гаошаньские языки.

27. Паратайская семья

Буи, дун, лаосский (лаотянский), ли, сиамский (кхонтай), чжуанский, шанский и другие.

28. Австроазиатская семья

Мон-кхмерская группа

Вьетнамский, кхмерский, мыонг.

Аслийская группа

Семанг и другие.

Никобарская группа

Никобарский.

Группа кхаси

Кхаси.

Группа мунда

Мундари, сантали и другие.

29. Семья мяо-яо

Мяо, яо.

VII. ИЗОЛИРОВАННЫЕ СЕМЬИ И ЯЗЫКИ**30. Чукотско-камчатская семья**

Ительменский, корякский, чукотский.

31. Койсанская семья

Бушменские, готтентотские, сандаве, хадза.

32. Австралийская семья

Австралийские.

33. Айны

Айнский.

34. Семья восточноновогвинейского нагорья**35. Семья западноновогвинейского нагорья****36. Мадангская семья****37. Семья сепик****38. Северо-хальмахерская семья**

Тернатский, тобело, галело и другие.

39. Другие папуасские семьи

Абелам, дани, камано, хаген, хули, чимбу, энга и другие папуасские языки.

40. Андаманская семья

Андаманские.

41. Кусунда

Кусунда.

42. Нивхи

Нивхский.

Содержание

Предисловие. <i>В.В. Пименов</i>	3
--	---

Раздел I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ

Глава 1. Предмет этнологии и ее социальные функции. <i>В.В. Пименов</i>	7
Глава 2. Теории и методы этнологии. Язык науки. <i>В.В. Пименов</i>	19
Глава 3. Источники этнологических знаний. <i>В.В. Пименов</i>	31
Глава 4. Важнейшие этапы истории зарубежной этнологии. <i>Г.Е. Марков, А.А. Никишенков</i>	38
Глава 5. Из истории отечественной этнологии в XIX — начале XXI века. <i>Т.Д. Соловей</i>	74
Глава 6. Расы и этносы. <i>Т.И. Алексеева</i>	91
Глава 7. Классификации народов мира. <i>Г.Е. Марков</i>	107
Глава 8. Этнология и социальная реальность. <i>В.В. Пименов</i>	118

Раздел II

НАРОДЫ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Глава 9. Австралийские аборигены и англоавстралийцы. <i>А.А. Никишенков</i>	137
Глава 10. Народы и культуры Океании. <i>А.А. Никишенков</i>	155
Глава 11. Народы Африки южнее Сахары. <i>Э.С. Львова</i>	177
Глава 12. Народы Северной Африки и Африканского Рога. <i>Э.С. Львова</i>	212
Глава 13. Этносы Западной Азии. <i>Г.Е. Марков</i>	236
Глава 14. Народы и культуры Южной Азии. <i>Г.Е. Марков</i>	257
Глава 15. Юго-Восточная Азия: народы и культуры. <i>Г.Е. Марков</i>	280
Глава 16. Страны и народы Восточной Азии. <i>С.А. Арутюнов, Р.Ш. Джарылгасинова, П.М. Кожин</i>	302
Глава 17. Аборигенные и новые этносы Северной Америки. <i>Т.Д. Соловей</i>	332
Глава 18. Народы и культуры Латинской Америки и Вест-Индии. <i>Э.Г. Александренков, В.В. Пименов</i>	356
Глава 19. Народы Западной Европы. <i>О.Е. Казьмина</i>	377
Глава 20. Западные и южные славяне. <i>Л.Б. Заседателяева</i>	403

Раздел III

НАРОДЫ РОССИИ

Глава 21. Русский народ. <i>Л.Б. Заседателяева</i>	429
Глава 22. Этносы Севера Европейской России. <i>В.В. Пименов</i>	469
Глава 23. Народы Урало-Поволжья. <i>К.И. Козлова</i>	481
Глава 24. Сибирь: регионы, этносы, культуры. <i>В.В. Карлов</i>	500
Глава 25. Этносы Дальнего Востока России. <i>С.А. Арутюнов, В.В. Карлов</i>	532
Глава 26. Северный Кавказ: этносы и культуры. <i>С.А. Арутюнов, Ю.И. Зверева</i>	550

Раздел IV**НАРОДЫ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Глава 27. Белоруссия, Украина и Молдавия: страны, народы, культуры. <i>Л.Б. Заседателева, Е.И. Ларина, О.В. Солопова</i>	567
Глава 28. Литва, Латвия, Эстония: историко-культурная область. <i>О.Е. Казьмина</i>	599
Глава 29. Страны и народы Закавказья. <i>С.А. Арутюнов, К.И. Козлова</i>	613
Глава 30. Государства и этносы Средней Азии. <i>С.П. Поляков</i>	639
Заключение. <i>В.В. Пименов</i>	664
Рекомендуемая литература. <i>Сост. Ю.И. Зверева</i>	669
Приложения	
I. Народы мира численностью более 500 тыс. человек	673
II. Основные языковые семьи и изолированные языки	684

*Учебное издание***ОСНОВЫ ЭТНОЛОГИИ**Под редакцией профессора *В.В. Пименова*

Редакторы *Т.М. Ильенко, Г.В. Кошелева, Л.В. Кутукова*. Художник *А.А. Умуркулов*.
 Художественный редактор *Г.Д. Колоскова*. Технический редактор *З.С. Кондрашова*.
 Корректоры *В.А. Ветров, И.В. Бабаева, В.В. Конкина, Н.И. Коновалова*. Компьютерная
 верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 17.09.2007. Формат 70×100 1/16. Бумага офс. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
 Физ. печ. л. 43 + цв. вкл. (1,0 п.л.). Усл.-печ. л. 57,2. Уч.-изд. л. 51,25. Тираж 5000 экз.
 Заказ № Изд. № 8492.

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета. 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: 629-50-91. Факс: 203-66-71. 939-33-23 (отдел реализации). E-mail: kd_mgu@rambler.ru.

В Издательстве Московского университета работает служба «КНИГА — ПОЧТОЙ». *Тел. 629-75-41*

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. Email: www.sarpk.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ МИРА

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- 1 Славянские
- 2 Балтийские
- 3 Германские
- 4 Кельтские
- 5 Романские
- 6 Греческий
- 7 Албанский
- 8 Иранские
- 9 Индоарийские
- 10 Армянский

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

- 11 Финно-угорские
- 12 Самодийские
- 13 Юкагирский язык

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- 14 Тюркские
- 15 Монгольские
- 16 Тунгусо-маньчжурские
- 17 Корейский
- 18 Японский

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- 19 ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 20 КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- 21 Семитские
- 22 Кушитские
- 23 Берберские
- 24 Чадские

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ

- 25 ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ
- 26 ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ ЯЗЫКИ

СИНО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

- 27 БАСКСКИЙ ЯЗЫК
- 28 СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ
- 29 КЕТСКИЙ ЯЗЫК
- 30 ЯЗЫК БУРУШАСКИ
- 31 СИНО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ
- 32 ЯЗЫКИ НА-ДЕНЕ

- 33 НИВХСКИЙ ЯЗЫК
- 34 АЙНСКИЙ ЯЗЫК

(Аустрические языки)

- 35 АВСТРОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ
- 36 ТАИ-КАДАЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 37 АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
- 38 ЯЗЫКИ МЯО-ЯО

(Австро-тайские языки)

- 39 АНДАМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
- 40 (Америндские языки)
- 41 (Койсанские языки)
- (Нило-сахарские языки)
 - 42 ЯЗЫКИ СОНГАЙ
 - 43 САХАРСКИЕ ЯЗЫКИ
 - 44 НИЛОТСКИЕ И ДРУГИЕ ШАРИ-НИЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ
- (Конго-кордофанские языки)
 - 45 КОРДОФАНСКИЕ ЯЗЫКИ
- (Нигеро-конголезские языки)
 - 46 ЗАПАДНОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ
 - 47 ЯЗЫКИ МАНДЕ
 - 48 ЯЗЫКИ ГУР
 - 49 ЯЗЫКИ КВА (включая кру и иджо)
 - 50 АДАМАУА-ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ
 - 51 БАНТУ И ДРУГИЕ БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИЕ ЯЗЫКИ
- 52 (Австралийские языки)
- 53 Папуасские макросемей языков
- 54 Территории, не имеющие постоянного населения

Названия надежно обоснованных макросемей выделены полужирным шрифтом, а составляющие их группы заключены в жирную рамку. Макросемей заключены в тонкую рамку (пути или точки указывают на невысокую обоснованность языков в макросемей). Названия недостоверных макросемей даны в скобках.

НАРОДЫ РОССИИ

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

- Славянская группа**
- 1 • Русские
 - 2 ▲ Украинцы
 - 3 ▲ Белорусы
 - 4 ▼ Поляки
- Германская группа**
- 5 + Немцы
- Армянская группа**
- 6 □ Армяне
- Иранская группа**
- 7 ■ Осетины
- Романская группа**
- 8 • Молдаване
- Индоевропейская группа**
- 9 • Цыгане
- Греческая группа**
- 10 • Греки
- Балтийская группа**
- 11 ▲ Литовцы
 - 12 ● Латыши

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

- Тюркская группа**
- 13 < Татары
 - 14 - Чуваши
 - 15 x Башкиры
 - 16 ● Казахи
 - 17 ▲ Якуты (саха)
 - 18 ▲ Азербайджанцы
 - 19 ▲ Кумыки
 - 20 □ Тувинцы
 - 21 ■ Карачаевцы
 - 22 T Узбеки
 - 23 ○ Хакасы
 - 24 ■ Балкарцы
 - 25 ● Ногайцы
 - 26 ▲ Алтайцы
 - 27 ▲ Шорцы
 - 28 ● Долганы
 - 29 ▲ Телеуты
- Монгольская группа**
- 30 > Буряты
 - 31 > Калмыки
- Тунгусо-маньчжурская группа**
- 32 ○ Эвенки
 - 33 ● Эвены
 - 34 Амурские народы: а) нанайцы, б) ульчи, в) удэгейцы, г) ороки, д) ороки

УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

- Финно-угорская группа**
- 35 ● Мордва
 - 36 > Удмурты
 - 37 ▼ Марийцы
 - 38 ▼ Коми
 - 39 ▼ Коми-пермяки
 - 40 < Карелы
 - 41 T Финны (в т.ч. интернационалы и ижоры)
 - 42 ▲ Эстонцы
 - 43 ▼ Ханты
 - 44 ▲ Манси
 - 45 ▲ Вепсы
 - 46 ▲ Саамы
- Самодийская группа**
- 47 ▼ Ненцы (в т.ч. энцы)
 - 48 ▼ Селькупы
 - 49 ○ Нганасаны

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ

- Нахско-дагестанская группа**
- 50 ● Чеченцы
 - 51 ■ Аварцы (в т.ч. андо-цезские народы)
 - 52 □ Даргинцы
 - 53 ■ Лезгины
 - 54 ■ Ингуши
 - 55 Другие народы Дагестана: а) лары, б) табасараны, в) рутульцы, г) агулы

Абхазо-адыгская группа

- 56 ■ Кабардинцы
 - 57 ■ Адыгейцы
 - 58 ■ Черкесы
 - 59 | Абазины
- КАРТВЕЛЬСКАЯ ГРУППА**
- 61 ○ Грузины
 - 62 = КОРЕЙЦЫ

ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКАЯ СЕМЬЯ

- 63 = Чукчи
 - 64 ■ Коряки (в т.ч. алыторцы)
 - 65 ■ Ительмены
 - 66 ▲ НИВХИ
- ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКАЯ СЕМЬЯ**
- 67 ▲ Эскимосы
 - 68 ▲ Алеуты
 - 69 ● Юкагиры

ЕНИСЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

- 70 ▲ Кеты (в т.ч. юги)
- СИНО-ТИБЕТСКАЯ СЕМЬЯ**
- 71 = Китайцы
- Территории с редким населением

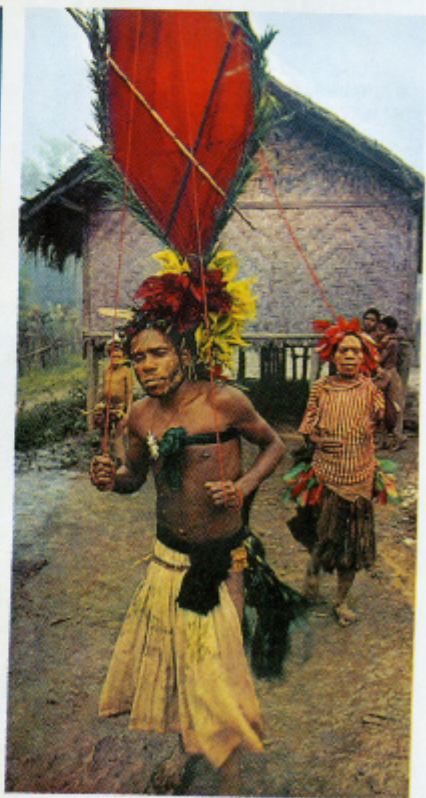
Полинезийцы —
жители острова Таити
в творчестве Поля Гогена
(«Мы приветствуем
тебя, Мария!»)

Бумеранг австралийских аборигенов

Микронезия, о. Волеаи.
Небольшое традиционное каное
(для плавания внутри лагуны)

Новая Гвинея. «Мужской дом»

Новая Гвинея. Обряд инициации

Намибия.
Женщины гереро

Кения.
Масайская девушка
в традиционном
праздничном уборе

Мечеть
(XIII в. – 20-е гг. XX в.)
в древнем экономическом
и культурном центре
Западного Судана —
Дженне

Южно-Африканская
республика.
На улице Кейптауна

Культура Бенина.
Портрет правителя.
Бронза. Начало XIX в.

Эфиопия. Церковь Бетэ Гиоргис (Св. Георгия) XII в.
в древнем культурном центре Лалибэла

Персидский ковер. Конец XIX в.

Ливия. Арабская девушка
в праздничной одежде

Иерусалим.
Стена плача.
Купол мечети
Куббат ас-Сахра

Индия. Мужчина и женщина нага

Мавзолей Тадж-Махал в г. Агра. XVI в.

Индия. Бронзовая статуэтка танцующего бога Шивы

Индия, г. Варанаси. Невеста опускает цветы в воды Ганга

Северная Индия. Молодая женщина народности тхару

Жительницы Малпаса

Восточная Мьянма. Представительницы народа падаунг

Вьетнам. Терракотовая парковая скульптура (мифологический зверь). XVII в.

Индонезия, о. Сулавеси. Традиционное жилище в деревне тор...

Вьетнам. Продавщица цветов на улице Ханоя

Кампучия. Храмовый комплекс XII в. Ангкор Ват

Китай. Праздничный
семейный обед маньчжуров

Вышивальщица
на улице Пекина

Индейцы пассамокудди.
Тиррога с обшивкой из древесной коры

США, штат Нью-Мексико.
Традиционные сосуды
индейцев

Доспехи самурая
в музее г. Мацуэ

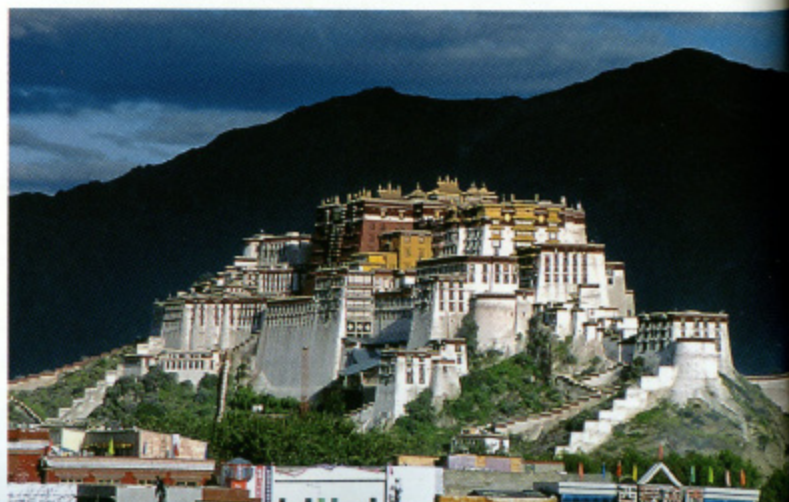
Япония. Синтоистский храм в г. Мацуэ

Сан-Франциско. Чайнатаун (китайский квартал)

Ежегодный парад в Вашингтоне во время фестиваля
цветения вишневых деревьев, проводимого с 1912 г.

Тибет, г. Лхаса. Дворец

США, штат Колорадо.
Остатки поселения
индейцев пуэбло

Бразилия.
Рио-де-Жанейро

Участница
бразильского
карнавала

Боливия.
Перевозка груза
на волах

Мексиканский
фольклорный
ансамбль

Чили. Арауканка

Дания, Копенгаген.
Канал Ниборг

Париж.
На набережной Сены
близ собора
Парижской Богоматери

Лондон. Служители
подрезают крылья
одному из «штатных»
воронов Тауэра.
По легенде, если
вороны покинут Тауэр,
он обрушится, а вместе
с ним падет и английс-
кая монархия

Мадрид.
Исполнительница
фламенко

Испания.
Афиша корриды 1927 г.

Италия, Флоренция.
Мост Понте-Веккьо, 1345 г.

Южная Чехия. Фронтон над воротами усадьбы Иржетице. 1843 г.

Болгарская девушка
в праздничном костюме
Черногорцы. С фотографии 1912 г.
Польша. Ягеллонский университет

Германия, Мюнхен. Во время
ежегодного праздника пива Октоберфест

Чехия. Невеста из Моравии

Вариант северно-русского
женского праздничного костюма

Празднование масленицы. 2005 г.

Иллюстрация к русской сказке.
Худ. И.Я. Билибин. Начало XX в.

Федоскино (Московская обл.).
Шкатулка «На покосе»

Суздаль. Вид кремля

Мордовия.
Обучение вышиванию

Чуваши.
Женский традиционный
праздничный костюм.
Казанская губ. Конец XIX в.

Костюм казанской татарки
(горожанки). Конец XIX в.

Головной убор
казанского татарина

Головной убор
казанской татарки

Мордовия. Парь

Калмыкия, г. Элиста.
Золотые вполота.

Ингушетия. Оборонительные башни-убежища.
XVII-XVIII вв.

Дагестан, лакцы.
Кинжал с ножнами
Вид чеченского аула
в горах

Кабардинцы.
Комплекс мужской
одежды (дорожный)

Ингуши. Комплекс
мужской одежды
(выходной, праздничный)

Эстонский традиционный мужской и женский костюм

Молдавия.
В ожидании
новобрачных

Украина.
Писанки (дерево)
Вышитый рушник
Глиняный сосуд
в виде бычка

Украина. Женщина в традиционном
праздничном костюме
(Ивано-Франковская обл.)

Армянское селение
в Араратской долине

Армения, Гехард.
Продавщица хлебных
изделий

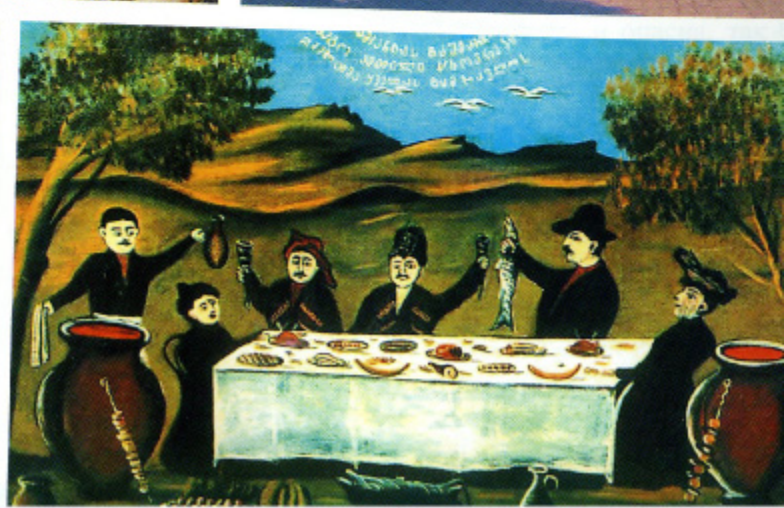
Школьница-
азербайджанка из Ба
на празднике

Азербайджан, Баку.
Девичья башня

Грузинский сосуд для вина

Нико Пиросмани
«Грузинское застолье».
Начало XX в.

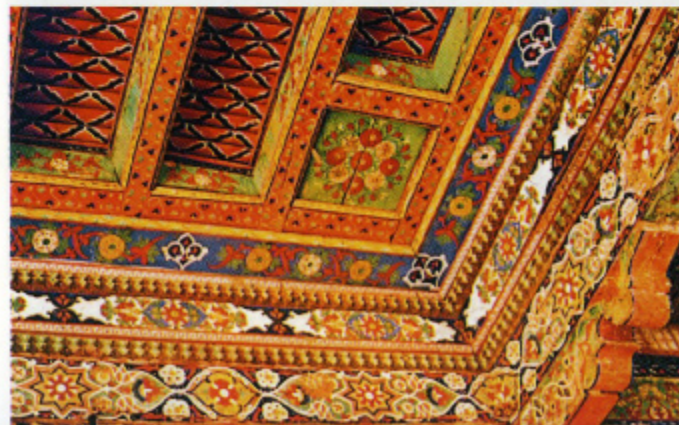

Казашка
в традиционном
костюме

Традиционная
казахская колыбель

Узбекистан.
Керамическое блюдо

Узбекистан,
Самарканд.
Мавзолей Гур Эмир.
XVI в.

Распись потолка («накош»)
в северо-таджикском жилище. XX в.

Девушка таджичка
из Липчанба